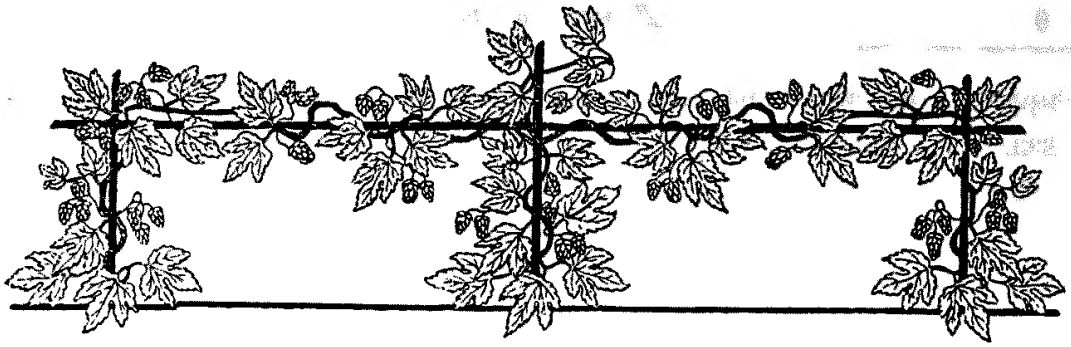
ЖИТІЯ СВЯТЫХЪ

МѢСЯЦЪ ЯНВАРЬ



День первый

СЛОВО
на
ОБРѢЗАНІЕ ХРИСТОВО

Господь нашъ Іисусъ Христосъ по истеченіи восьми дней отъ рожденія соизволилъ принять обрѣзаніе. Съ одной стороны, Онъ принялъ его для того, чтобы исполнить Законъ: **не пріидохъ**,— сказалъ Онъ,—**разорити законъ, но исполнити**[1]); ибо Онъ повиновался Закону, дабы освободить отъ него тѣхъ, кто пребывалъ въ рабскомъ подчиненіи ему, какъ говоритъ Апостолъ: **послалъ бгъ сна своего, бываема подъ закономъ, да подзаконныя искупитъ**[2]). Съ другой стороны, Онъ воспріялъ обрѣзаніе для того, чтобы показать, что Онъ принялъ дѣйствительно плоть человѣческую, и чтобы заградились еретическія уста, говорящія, что Христосъ не принялъ на Себя истинной плоти человѣческой, но родился только призрачно[3]). Итакъ, Онъ былъ обрѣзанъ, чтобы явно было Его человѣчество. Ибо, если бы Онъ не облекся въ нашу плоть, то какъ могъ быть обрѣзанъ призракъ, а не плоть? Святый Ефремъ

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 17.

2) Т. е. Сынъ Божій подчинился Самъ требованіямъ Закона Моисеева, чтобы избавить отъ тяжелаго ига Закона тѣхъ, которые по самому рожденію своему были обязаны исполнять его, но не имѣли силъ для этого (Посл. къ Галат., гл. 4, ст. 4—5).

3) Еретики, называвшіеся *докетами*, учили, что Богъ не могъ воспринять на Себя немощной плоти человѣческой и что людямъ только *казалось*, будто Христосъ страдалъ и умеръ.

Сиринъ говоритъ: «Если Христосъ не былъ плотію, то кого обрѣзалъ Іосифъ? Но какъ Онъ былъ воистину плотію, то и обрѣзанъ былъ, какъ человѣкъ, и младенецъ обагрялся дѣйствительно Своею кровію, какъ сынъ человѣческій; Онъ болѣлъ и плакалъ отъ боли, какъ подобаетъ имѣющему человѣческую природу». Но, кромѣ того, Онъ принялъ плотское обрѣ́заніе и для того, чтобы установить для насъ духовное обрѣзаніе[1]); ибо, закончивши Ветхій, касавшійся плоти[2]), Законъ, Онъ положилъ начало Новому, духовному. И какъ ветхозавѣтный плотской человѣкъ обрѣзывалъ чувственную свою плоть, такъ новый духовный человѣкъ долженъ обрѣзывать душевныя страсти: ярость, гнѣвъ, зависть, гордость, нечистыя желанія и другіе грѣхи и грѣховныя вожделѣнія. Обрѣзанъ же былъ Онъ въ осьмой день потому, что предъизображалъ намъ кровію Своею грядущую жизнь, которая обыкновенно учителями Церкви называется осьмымъ днемъ, или вѣкомъ. Такъ, писатель Канона на обрѣзаніе Господне святый Стефанъ говоритъ: **бꙋ́дꙋщагѡ непреста́ннꙋю ѻ҆сьма́гѡ вѣ́ка жи́знь и҆зѡбража́етъ, въ ню́же вл҃ка ѡ҆брѣ́засѧ пло́тїю**[3]). И святый Григорій Нисскій такъ говоритъ: «Обрѣзаніе по Закону должно было совершаться въ осьмой день, причемъ осьмое число предуказывало на осьмой будущій вѣкъ»[4]).

Подобаетъ также знать, что обрѣзаніе въ Ветхомъ Завѣтѣ было установлено во образъ Крещенія и очищенія прародительскаго грѣха, хотя тотъ грѣхъ и не очищался совершенно обрѣзаніемъ, чего и не могло быть до тѣхъ поръ, пока Христосъ добровольно не пролилъ за насъ въ страданіяхъ Своей пречистой крови. Обрѣзаніе было только прообразомъ истиннаго очищенія, а не самимъ истиннымъ очищеніемъ, которое совершилъ Господь нашъ, взявъ грѣхъ отъ среды и пригвоздивъ его на крестѣ[5]), а вмѣсто

---

1) Т. е. *Крещеніе*, которое, какъ ниже сказано, удаляетъ изъ человѣка грѣховныя страсти.

2) Ветхій Завѣтъ по преимуществу содержалъ въ себѣ постановленія, касавшіяся *внѣшняго* благоповеденія человѣка.

3) Служба Обрѣзанію Господню, Канонъ, на 4-й пѣсни.— *Святый Стефанъ Саввaитъ* — пѣснописецъ VIII вѣка. Память его—28-го октября.

4) Число *семь* въ Священномъ писаніи означаетъ полноту. Посему, чтобы обозначить всю долговременность жизни этого міра, святые Отцы употребляли выраженіе *семь вѣковъ*, или *дней*, а *осьмой* вѣкъ, или день, естественно, уже долженъ былъ обозначать жизнь *будущую*.

5) Посл. къ Колос., гл. 2, ст. 14. Грѣхъ *отъ среды*, т. е. грѣхъ стоялъ какъ препятствіе, перегородка, отгораживая человѣка отъ Бога. Но потомъ грѣхъ былъ *пригвожденъ ко кресту*, т. е. лишился всякой силы и не могъ уже препятствовать человѣку войти въ общеніе съ Богомъ.

ветхозавѣтнаго обрѣзанія установивъ новое-благодатное Крещеніе водою и Духомъ. Обрѣзаніе было въ тѣ времена какъ бы казнію за прародительскій грѣхъ и знакомъ того, что обрѣзываемый младенецъ зачатъ былъ **въ беззаконіихъ**, какъ говоритъ Давидъ, и **во грѣсѣхъ родѝ** его **мати** его[1]), отчего и язва оставалась на отроческомъ тѣлѣ. Господь же нашъ былъ безгрѣшенъ; ибо хотя Онъ и по всему уподобился намъ, но не имѣлъ на Себѣ грѣха. Подобно тому, какъ мѣдный змій, сооруженный въ пустынѣ Моисеемъ, былъ по виду подобенъ змію, но не имѣлъ въ себѣ змѣинаго яда[2]), такъ и Христосъ былъ истинный человѣкъ, но непричастный человѣческому грѣху, и родился сверхъестественнымъ образомъ отъ чистой и безмужной Матери. Ему, какъ безгрѣшному и Самому́ бывшему Законодателемъ, не нужно бы и претерпѣвать того болѣзненнаго законнаго обрѣзанія; но такъ какъ Онъ пришелъ взять на Себя грѣхи всего міра и Богъ, какъ говоритъ Апостолъ, **не вѣдѣвшаго грѣхà по нáсъ грѣхъ сотворѝ**[3]), то Онъ, будучи безъ грѣха, претерпѣваетъ обрѣзаніе какъ бы грѣшникъ. И въ обрѣзаніи Владыка намъ явилъ бóльшее смиреніе, нежели въ рожденіи Своемъ. Ибо въ рожденіи Онъ принялъ на Себя образъ человѣка, по слову Апостола: **въ подóбіи человѣчестѣмъ бы́въ и ѿбразомъ ѿбрѣтеся ꙗ҆́коже чл҃вѣкъ**[4]); въ обрѣзаніи же Онъ принялъ на Себя образъ грѣшника, какъ грѣшникъ претерпѣвая боль, положенную за грѣхъ. И въ чемъ не былъ виновенъ, за то Онъ страдалъ какъ невинный, какъ бы повторяя съ Давидомъ: **ꙗ҆́же не восхищáхъ, тогдà воздаѧ́хъ**[5]), т. е. за тотъ грѣхъ, коему я непричастенъ, принимаю болѣзнь обрѣзанія. Обрѣзаніемъ, имъ принятымъ, Онъ предначалъ Свои страданія за насъ и вкушеніе той чаши, которую Онъ имѣлъ испить до конца, когда, вися на крестѣ, произнесъ: **совершѝшася**[6])! Онъ изливаетъ теперь капли крови отъ крайней плоти, а затѣмъ она потоками будетъ истекать впослѣдствіи изъ всего Его тѣла. Онъ начинаетъ терпѣть въ младенчествѣ и пріучается къ страданію, чтобы, ставъ мужемъ совершеннымъ, быть въ состояніи вынести болѣе лютыя

---

1) Псаломъ **50**, ст. 7.

2) 1 кн. Числъ, гл. **21**, ст. 9.

3) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. **5**, ст. 21. Христосъ, будучи Самъ безгрѣшенъ, принялъ на Себя наши грѣхи и отвѣтственность за нихъ.

4) Посл. къ Филип., гл. **2**, ст. 7.

5) Псаломъ **68**, ст. 5. Въ русск. перев.: «Чего я не отнималъ, то долженъ отдать».

6) Еваиг. отъ Іоан., гл. **19**, ст. 30.

страданія, ибо къ подвигамъ мужества слѣдуетъ пріучаться съ юности. Жизнь человѣческая, полная трудовъ, подобна дню, для котораго утро составляетъ—рожденіе, а вечеръ—кончину. Итакъ, съ утра, изъ пеленъ, Христосъ, обо́женный человѣкъ, выходитъ **на дѣло своѐ**, на труды—Онъ въ трудахъ съ самой юности Своей—**и҆ на дѣланіе своѐ до ве́чера**[1]), того вечера, когда солнце померкнетъ и по всей землѣ будетъ тьма, **до часа̀ девѧ́таго**. И возглаголетъ Онъ іудеямъ: **ѻ҆ц҃ъ мо́й досе́лѣ дѣ́лаетъ, и҆ а҆́зъ дѣ́лаю**[2]). Что же содѣлываетъ намъ Господь?—Наше спасеніе: **спасе́ніе содѣ́ла посредѣ̀ земли̇̀**[3]). А чтобы сдѣлать это дѣло вполнѣ совершенно, Онъ принимается за него съ утра, отъ юности, начиная претерпѣвать тѣлесную болѣзнь, а вмѣстѣ и сердечно болѣзнуя о насъ, какъ о Своихъ чадахъ, **до́ндеже воѡбразѝтсѧ** въ насъ Самъ Онъ—Христосъ[4]). Съ утра Онъ начинаетъ сѣять Своею кровію, чтобы къ вечеру собрать прекрасный плодъ нашего искупленія.

Обо́женному Младенцу было наречено при обрѣзаніи имя Іисусъ, которое было принесено съ неба Архангеломъ Гавріиломъ въ то время, когда онъ благовѣстилъ о зачатіи Его Пречистой Дѣвѣ Маріи, прежде чѣмъ Онъ зачатъ былъ во чревѣ, т. е. прежде, чѣмъ Пресвятая Дѣва приняла слова благовѣстника, прежде чѣмъ сказала: **се̑ раба̀ гдⷭ҇нѧ, бꙋ́ди мнѣ̀ по глаго́лꙋ твоемꙋ̀**[5])! Ибо, при этихъ словахъ Ея Слово Божіе тотчасъ стало плотію, вселившись въ пречистую и пресвятѣйшую Ея утробу. Итакъ, пресвятѣйшее имя Іисусъ, нареченное Ангеломъ прежде зачатія, дано было при обрѣзаніи Христу Господу, что и служило извѣщеніемъ о нашемъ спасеніи; ибо имя Іисусъ значитъ—спасеніе, какъ объяснилъ тотъ же Ангелъ, явившись во снѣ Іосифу и говоря: **наречѐши и҆́мѧ є҆мꙋ̀ і҆и҃съ, то́й бо сп҃се́тъ лю́ди своѧ̑ ѿ грѣ́хъ и҆́хъ**[6]). И святый Апостолъ Петръ свидѣтельствуетъ объ имени Іисусовомъ такими словами: **нѣ́сть ни ѡ҆̀ є҆ди́номъ же и҆но́мъ спасе́нїѧ: нѣ́сть бо и҆но́гѡ и҆́мене под̾ небесе́мъ да́ннагѡ въ человѣ́цѣхъ, ѡ҆ не́мже подоба́етъ спасти́сѧ на́мъ**[7]). Сіе спасительное имя **і҆и҃съ** прежде всѣхъ вѣковъ,

---

1) Псаломъ 103, ст. 23.

2) Еванг. отъ Іоан., гл. 5, ст. 17.

3) Псаломъ 73, ст. 12.

4) Посл. къ Галат., гл. 4, ст. 19. *Вообразится*—въ насъ ясно отпечатлѣется образъ Христа, такъ что мы вполнѣ будемъ достойны названія *христіанъ*.

5) Еванг. отъ Лук., гл. 1, ст. 38.

6) Еванг. отъ Матѳ., гл. 1, ст. 21.

7) Кн. Дѣян. Ап., гл. 4, ст. 11—12.

ѡ҆брѣ́занїе хр҃то́во

въ Тройческомъ Совѣтѣ, было предуготовано, написано и до сего времени было хранимо для нашего избавленія, теперь же, какъ безцѣнный жемчугъ, принесено было изъ небесной сокровищницы для искупленія человѣческаго рода и открыто всѣмъ Іосифомъ. Въ этомъ имени открыты **безвѣ́стнаѧ и҆ та̑йнаѧ премꙋ́дрости** Божіей[1]). Это имя, какъ солнце, озаряло своимъ сіяніемъ міръ, по слову Пророка: **возсїѧ́етъ ва́мъ боѧ́щымсѧ и҆́мене моегѡ̀ со́лнце пра́вды**[2]). Какъ благовонное мѵро, оно напоило своимъ ароматомъ вселенную: **мѵ́ро**—сказано въ Писаніи—**и҆злїѧ́ное и҆́мѧ твоѐ**[3]), не въ сосудѣ оставшееся мѵро—имя Его, но вылитое. Ибо пока мѵро хранится въ сосудѣ, до тѣхъ поръ и благовоніе его удерживается внутри; когда же оно прольется, то тотчасъ наполняетъ воздухъ благоуханіемъ. Неизвѣстна была сила имени Іисусова, пока скрывалась въ Предвѣчномъ Совѣтѣ, какъ бы въ сосудѣ. Но какъ скоро то имя излилось съ Небесъ на землю, то тотчасъ же, какъ ароматное мѵро при изліяніи во время обрѣзанія младенческой крови, наполнило вселенную благоуханіемъ благодати, и всѣ народы нынѣ исповѣдуютъ, **ꙗ҆́кѡ гдⷭ҇ь і҆и҃съ хрⷭ҇то́съ въ сла́вꙋ бг҃а ѻ҆ц҃а̀**[4]). Сила имени Іисусова теперь открылась, ибо то дивное имя Іисусъ привело въ удивленіе Ангеловъ, обрадовало людей, устрашило бѣсовъ, ибо и **бѣ́си вѣ́рꙋютъ и҆ трепе́щꙋтъ**[5]); отъ того самаго имени сотрясается адъ, колеблется преисподняя, исчезаетъ князь тьмы, падаютъ истуканы, разгоняется мракъ идолопоклонства и, вмѣсто него, возсіяваетъ свѣтъ благочестія и **просвѣща́етъ всѧ́каго человѣ́ка, грѧдꙋ́щаго въ мі́ръ**[6]). **Ѡ҆ се́мъ и҆́мени** превеликомъ **і҆и҃совѣ всѧ́ко колѣ́но** поклоняется **небе́сныхъ, и҆ земны́хъ, и҆ преиспо́днихъ**[7]). Это имя Іисусово есть сильное оружіе противъ враговъ, какъ говоритъ святый Іоаннъ Лѣствичникъ: «Именемъ Іисуса всегда поражай ратниковъ, ибо крѣпче этого оружія ты не найдешь ни на Небѣ, ни на землѣ. Какъ сладко сердцу, любящему Христа Іисуса, это драгоцѣннѣйшее имя Іисусъ! Какъ пріятно оно тому, кто имѣетъ его! Ибо Іисусъ—весь любовь, весь сладость. Какъ любезно это пре-

---

1) Псаломъ **50**, ст. 8.

2) Кн. Прор. Малах., гл. **4**, ст. 2.

3) Кн. Пѣснь Пѣсн., гл. **1**, ст. 2.

4) Посл. къ Филип., гл. **2**, ст. 11. Т. е. Господь Іисусъ прославилъ Своимъ, принятымъ Имъ на Себя, подвигомъ Бога Отца.

5) Посл. Іак., гл. **2**, ст. 10.

6) Еванг. отъ Іоан., гл. **1**, ст. 9.

7) Посл. къ Филип., гл. **2**, ст. 10.

святое имя Іисусъ рабу и узнику Іисусову, взятому въ плѣнъ Его любовію! Іисусъ—въ умѣ, Іисусъ—на устахъ, Іисусъ—**вѣ́рꙋетсѧ се́рдцемъ въ пра́вдꙋ**, Іисусъ—**и҆сповѣ́дꙋетсѧ ᲂу҆сты̀ во сп҃се́нїе**[1]). Ходишь ли ты, сидишь ли на мѣстѣ, или что работаешь—Іисусъ всегда находится предъ очами. **Не сꙋди́хъ**,—сказалъ Апостолъ,—**ви́дѣти что̀ въ ва́съ, то́чїю і҆и҃са**[2]). Ибо Іисусъ для того, кто прилѣпляется къ Нему, есть просвѣщеніе ума, красота душевная, здравіе для тѣла, веселіе сердцу, помощникъ въ скорбяхъ, радость въ печаляхъ, врачевство въ болѣзни, отрада во всѣхъ бѣдахъ и надежда на спасеніе; и для того, кто Его любитъ, Самъ есть награда и воздаяніе».

Нѣкогда, по сказанію Іеронима, неисповѣдимое Имя Божіе начертывалось на золотой дощечкѣ, которую носилъ на челѣ своемъ великій первосвященникъ[3]); нынѣ же божественное имя Іисусъ начертывается истинною Его кровію, изліянною при Его обрѣзаніи. Начертывается же оно уже не на золотѣ вещественномъ, а на духовномъ, т. е. на сердцѣ и на устахъ рабовъ Іисусовыхъ, какъ оно начертано было въ томъ, о которомъ Христосъ сказалъ: **сосꙋ́дъ и҆збра́нъ мѝ є҆́сть се́й пронестѝ и҆́мѧ моѐ**[4]). Сладчайшій Іисусъ хочетъ, чтобы имя Его какъ самое сладкое питіе было носимо въ сосудѣ, ибо Онъ воистину сладокъ всѣмъ, вкушающимъ Его съ любовію, къ которымъ и обращается Псалмопѣвецъ съ такими словами: **вкꙋси́те и҆ ви́дите, ꙗ҆́кѡ бл҃гъ гдⷭ҇ь**[5]). Вкусивъ Его, пророкъ вопіетъ: **возлюблю̀ тѧ̀, гдⷭ҇и, крѣ́посте моѧ̀**[6]). Вкусивъ Его, и святый Апостолъ Петръ говоритъ: **сѐ мы̀ ѡ҆ста́вихомъ всѧ̀ и҆ въ слѣ́дъ тебѐ и҆до́хомъ: къ комꙋ (бо) и҆но́мꙋ и҆́демъ; глаго́лы живота̀ вѣ́чнагѡ и҆́маши**[7]). Сею сладостію для святыхъ страдальцевъ настолько были услаждены ихъ тяжкія мученія, что они не боялись даже и самой ужасной смерти. **Кто́ ны**,—вопіяли они,—**разлꙋчи́тъ ѿ любвѐ бж҃їѧ; ско́рбь лѝ, и҆лѝ бѣда̀, и҆лѝ ме́чь; ни сме́рть, ни живо́тъ, зане́же крѣпка̀ ꙗ҆́кѡ сме́рть любы̀**[8]). Въ какомъ же сосудѣ неизреченная сладость—имя

---

1) Посл. къ Римл., гл. 10, ст. 10.

2) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 2, ст. 2.

3) Дощечка золотая, прикрѣпленная къ головной повязкѣ первосвященника, имѣла на себѣ начертаніе имени Божія (Іегова).

4) Сіе сказано было объ Апостолѣ Павлѣ (Кн. Дѣян. Ап., гл. 9, ст. 15).

5) Псаломъ 33, ст. 9.

6) Псаломъ 17, ст. 2.

7) Еванг. отъ Матѳ., гл. 19, ст. 27; отъ Іоан., гл. 6, ст. 68.

8) Посл. къ Римл., гл. 8, ст. 35, 38; Кн. Пѣсн. Пѣсн., гл. 8, ст. 6.

Іисусово—любитъ быть носимой? Конечно, въ золотомъ, который испытанъ въ горнилѣ бѣдъ и несчастій, который украшенъ, какъ бы драгоцѣнными камнями, ранами, принятыми за Іисуса, и говоритъ: **а҆зъ ꙗ҆звы гдⷭ҇а і҆и҃са на тѣлѣ моемъ ношꙋ**[1]). Такого сосуда требуетъ та сладость, въ такомъ имя Іисусово желаетъ быть носимымъ. Не напрасно Іисусъ, принимая имя во время обрѣзанія, проливаетъ кровь; этимъ Онъ какъ бы говоритъ, что сосудъ, имѣющій носить въ себѣ Его имя, долженъ обагриться кровію. Ибо когда Господь взялъ Себѣ избранный сосудъ для прославленія Своего имени—Апостола Павла, то тотчасъ же прибавилъ: **а҆зъ скажꙋ є҆мꙋ, є҆лика подобаетъ є҆мꙋ ѡ҆ и҆мени моемъ пострадати**[2]). «Смотри на Мой сосудъ окровавленный, изъязвленный»—такъ начертывается имя Іисусово краснотою крови, болѣзнями, страданіями тѣхъ, кто стоитъ до крови, подвизаясь **противꙋ грѣха**[3]).

Итакъ, облобызаемъ тебя съ любовію, о сладчайшее Іисусово имя! Мы поклоняемся съ усердіемъ Пресвятому Твоему имени, о Пресладкій и Всещедрый Іисусе! Мы хвалимъ Твое высочайшее имя, Іисусе Спасе, припадаемъ къ пролитой при обрѣзаніи крови Твоей, незлобивый Младенецъ и совершенный Господь! Мы умоляемъ при семъ Твою преизобильную благость ради того Твоего Пресвятаго имени и ради Твоей драгоцѣннѣйшей изливаемой за насъ крови, и еще ради Пренепорочной Твоей Матери, нетлѣнно Тебя родившей,—излей на насъ богатую Твою милость! Услади, Іисусе, сердце наше Самимъ Тобою! Защити и огради насъ, Іисусе, всюду Твоимъ именемъ! Означай и запечатлѣвай насъ, рабовъ Твоихъ, Іисусе, тѣмъ именемъ, дабы мы могли быть приняты въ Твое будущее Царствіе и тамъ вмѣстѣ съ Ангелами славить и воспѣвать, Іисусе, пречестное и великолѣпое Имя Твое во вѣки. Аминь.

---

1) Посл. къ Галат., гл. 6, ст. 17.
2) Кн. Дѣян. Ап., гл. 9, ст. 16.
3) Посл. къ Евр., гл. 12, ст. 4.

Тропа́рь пра́здника, гла́съ а҃:

На прѣто́лѣ ѻ҆гнезра́чномъ въ вы́шнихъ сѣдѧ́й со ѻ҆ц҃е́мъ безнача́льнымъ, и҆ бж҃е́ственнымъ твои́мъ дх҃омъ, бл҃говоли́лъ є҆сѝ роди́тисѧ на земли̑, ѿ ѻ҆троковицы, неискꙋсомꙋ́жныѧ твоеѧ̀ мт҃ре і҆и҃се: сегѡ̀ ра́ди и҆ ѡ҆брѣ́занъ бы́лъ є҆сѝ ꙗ҆́кѡ чл҃вѣ́къ ѻ҆смодие́вный. сла́ва всебл҃го́мꙋ твоемꙋ̀ совѣ́тꙋ: сла́ва смотре́нїю твоемꙋ̀: сла́ва снизхожде́нїю твоемꙋ̀, є҆ди́не чл҃вѣколю́бче.

Конда́къ, гла́съ г҃:

Всѣ́хъ гдⷭ҇ь ѡ҆брѣ́занїе терпи́тъ и҆ человѣ́ческаѧ прегрѣше́нїѧ ꙗ҆́кѡ бл҃гъ ѡ҆брѣ́зꙋетъ: да́етъ сп҃се́нїе дне́сь мі́рꙋ. ра́дꙋетсѧ же въ вы́шнихъ и҆ созда́телевъ і҆ера́рхъ, и҆ свѣтоно́сный бж҃е́ственный таи́нникъ хр҃то́въ васі́лїй.

ЖИТІЕ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО,

архіепископа Кесарійскаго

Великій угодникъ Божій и Богомудрый учитель Церкви Василій родился отъ благородныхъ и благочестивыхъ родителей въ Каппадокійскомъ городѣ Кесаріи[1]), около 330 года, въ царствованіе императора Константина Великаго[2]). Отца его звали также Василіемъ[3]), а мать—Еммеліей. Первыя сѣмена благочестія были посѣяны въ его душѣ благочестивой его бабкою, Макриною, ко-

---

[1]) *Каппадокія* —провинція Римской имперіи, находилась на востокѣ Малой Азіи и извѣстна была во времена Василія Великаго образованностію своихъ жителей. Въ концѣ XI вѣка Каппадокія подпала подъ власть Турокъ и доселѣ принадлежитъ имъ. *Кесарія*—главный городъ Каппадокіи; Церковь Кесарійская издавна славилась образованностію своихъ архипастырей. Св. Григорій Богословъ, здѣсь положившій начало своему образованію, называетъ Кесарію столицей просвѣщенія.

[2]) Императоръ *Константинъ Великій* царствовалъ отъ 324 до 337 года.

[3]) Отецъ Василія, по имени также *Василій,* извѣстный своею благотворительностію, былъ женатъ на знатной и богатой дѣвушкѣ *Еммеліи.* Отъ этого брака родились пять дочерей и пять сыновей. Старшая дочь—*Макрина* послѣ безвременной смерти своего жениха осталась вѣрной этому предполагавшемуся союзу, посвятивъ себя цѣломудрію (память ея — 19 іюля); другія сестры Василія вышли замужъ. Изъ пяти братьевъ одинъ умеръ въ раннемъ дѣтствѣ; три — были епископами и причислены къ лику святыхъ; пятый—погибъ на охотѣ. Изъ оставшихся въ живыхъ старшимъ сыномъ былъ *Василій,* за нимъ слѣдовалъ *Григорій,* впослѣдствіи еп. Нисскій (память его — 10 января), и *Петръ,* сначала простой подвижникъ, потомъ епископъ Севастійскій (память его — 9 января).— Отецъ Василія, вѣроятно, незадолго предъ кончиною принялъ санъ священника, какъ объ этомъ можно заключать изъ того, что Григорій Богословъ называетъ мать Василія Великаго *супругою іерея.*

торая въ юности своей удостоилась слышать наставленія изъ устъ святаго Григорія Чудотворца[1]), и матерью, благочестивой Еммеліей. Отецъ же Василія наставлялъ его не только въ христіанской вѣрѣ, но училъ и свѣтскимъ наукамъ, которыя ему были хорошо извѣстны, такъ какъ онъ самъ преподавалъ риторику, т. е. ораторское искусство, и философію. Когда Василію было около 14-ти лѣтъ, отецъ его скончался, и осиротѣвшій Василій два или три года провелъ съ своею бабкою Макриною невдалекѣ отъ Неокесаріи, близъ рѣки Ириса[2]), въ загородномъ домѣ, которымъ владѣла его бабка и который впослѣдствіи былъ обращенъ въ монастырь. Отсюда Василій часто ходилъ и въ Кесарію, чтобы навѣщать свою мать, которая съ прочими своими дѣтьми жила въ этомъ городѣ, откуда она была родомъ.

По смерти Макрины Василій на 17-мъ году жизни снова поселился въ Кесаріи, чтобы заниматься въ тамошнихъ школахъ разными науками. Благодаря особой остротѣ ума Василій скоро сравнялся въ познаніяхъ съ своими учителями и, ища новыхъ знаній, отправился въ Константинополь, гдѣ въ то время славился своимъ краснорѣчіемъ молодой софистъ Ливаній[3]). Но и здѣсь Василій пробылъ недолго и ушелъ въ Аѳины—городъ, бывшій матерью всей еллинской премудрости[4]). Въ Аѳинахъ онъ сталъ слушать уроки одного славнаго языческаго учителя, по имени Еввула, посѣщая вмѣстѣ съ тѣмъ школы двоихъ другихъ славныхъ аѳинскихъ учителей — Имерія и Проэресія[5]). Василію въ это время пошелъ уже двадцать шестой годъ, и онъ обнаруживалъ чрезвычайное усердіе въ занятіяхъ науками, но въ то же время заслу-

---

1) *Григорій Чудотворецъ*, епископъ Неокесаріи (къ сѣверу отъ Кесаріи Каппадокійской); составилъ Символъ вѣры и каноническое посланіе, а кромѣ того, написалъ еще нѣсколько сочиненій. Умеръ въ 270 г., память его—17 ноября.

2) *Неокесарія*—нынѣшній Никсаръ—знаменитая по своей красотѣ столица Понта Полемоніака, на сѣверѣ Малой Азіи; особенно извѣстна по происходившему тамъ (въ 315 г.) церковному Собору. *Ирисъ*—рѣка въ Понтѣ, беретъ начало на Антитаврѣ.

3) *Софисты*—ученые, посвятившіе себя преимущественно изученію и преподаванію краснорѣчія.—Ливаній и впослѣдствіи, когда уже Василій былъ епископомъ, поддерживалъ съ нимъ письменныя сношенія.

4) *Аѳины*—главный городъ Греціи, издавна привлекавшій къ себѣ цвѣтъ греческаго ума и таланта. Здѣсь нѣкогда жили извѣстные философы—Сократъ и Платонъ, а также поэты: Эсхилъ, Софоклъ, Еврипидъ и др.—Подъ еллинскою премудростію разумѣется языческая ученость, языческое образованіе.

5) *Проэресій*, знаменитѣйшій въ то время учитель философіи, былъ христіанинъ, какъ это видно изъ того, что онъ закрылъ свою школу, когда императоръ Юліанъ запретилъ христіанамъ заниматься преподаваніемъ философіи. О томъ, какой религіи держался Имерій, ничего не извѣстно.

жилъ и всеобщее одобреніе чистотою своей жизни. Ему извѣстны были только двѣ дороги въ Аѳинахъ: одна—ведшая въ церковь, а другая —въ школу. Въ Аѳинахъ Василій подружился съ другимъ славнымъ святителемъ — Григоріемъ Богословомъ, также обучавшимся въ то время въ аѳинскихъ школахъ [1]). Василій и Григорій, будучи похожи другъ на друга по своему благонравію, кротости и цѣломудрію, такъ любили другъ друга, какъ будто у нихъ была одна душа. И эту взаимную любовь они сохранили впослѣдствіи навсегда. Василій настолько увлеченъ былъ науками, что часто даже забывалъ, сидя за книгами, о необходимости принимать пищу. Онъ изучилъ грамматику, риторику, астрономію, философію, физику, медицину и естественныя науки. Но всѣ эти свѣтскія, земныя науки не могли насытить его умъ, искавшій высшаго, небеснаго озаренія; и, пробывъ въ Аѳинахъ около пяти лѣтъ, Василій почувствовалъ, что мірская наука не можетъ дать ему твердой опоры въ дѣлѣ христіанскаго усовершенствованія. Поэтому онъ рѣшился отправиться въ тѣ страны, гдѣ жили христіанскіе подвижники и гдѣ бы онъ могъ вполнѣ ознакомиться съ истинно-христіанскою наукою.

Ст҃и́тель
Васі́лій

Итакъ, въ то время какъ Григорій Богословъ оставался въ Аѳинахъ, уже самъ сдѣлавшись учителемъ риторики, Василій пошелъ въ Египетъ, гдѣ процвѣтала иноческая жизнь [2]). Здѣсь у

---

[1]) *Григорій* (Назіанзинъ) былъ впослѣдствіи нѣкоторое время Патріархомъ Константинопольскимъ и извѣстенъ своими высокими твореніями, за которыя получилъ прозваніе *Богослова*. Онъ былъ знакомъ съ Василіемъ еще въ Кесаріи, но близко подружился съ нимъ только въ Аѳинахъ. Память его—25 января.

[2]) Египетъ давно уже служилъ мѣстомъ, гдѣ особенно развита была христіанская подвижническая жизнь. Точно такъ же тамъ было великое множество христіанскихъ ученыхъ, изъ которыхъ самыми знаменитыми были Оригенъ и Климентъ Александрійскій.

нѣкоего архимандрита Порфирія онъ нашелъ большое собраніе богословскихъ твореній, въ изученіи которыхъ провелъ цѣлый годъ, упражняясь въ то же время въ постническихъ подвигахъ. Въ Египтѣ Василій наблюдалъ за жизнію знаменитыхъ, современныхъ ему, подвижниковъ—Пахомія, жившаго въ Ѳиваидѣ, Макарія старшаго и Макарія Александрійскаго, Пафнутія, Павла и другихъ. Изъ Египта Василій отправился въ Палестину, Сирію и Месопотамію, чтобы обозрѣть Святыя мѣста и ознакомиться съ жизнію тамошнихъ подвижниковъ. Но на пути въ Палестину онъ заходилъ въ Аѳины и здѣсь имѣлъ собесѣдованіе съ своимъ прежнимъ наставникомъ, Еввуломъ, а также препирался объ истинной вѣрѣ съ другими греческими философами.

Желая обратить своего учителя въ истинную вѣру и этимъ заплатить ему за то добро, которое онъ самъ получилъ отъ него, Василій сталъ искать его по всему городу. Долго онъ не находилъ его, но, наконецъ, за городскими стѣнами встрѣтился съ нимъ въ то время, какъ Еввулъ бесѣдовалъ съ другими философами о какомъ-то важномъ предметѣ. Прислушавшись къ спору и не открывая еще своего имени, Василій вступилъ въ разговоръ, тотчасъ же разрѣшивъ затруднительный вопросъ, и потомъ съ своей стороны задалъ новый вопросъ своему учителю. Когда слушатели недоумѣвали, кто бы это могъ такъ отвѣчать и возражать знаменитому Еввулу, послѣдній сказалъ:

— Это—или какой-либо богъ, или же Василій[1]).

Узнавъ Василія, Еввулъ отпустилъ своихъ друзей и учениковъ, а самъ привелъ Василія къ себѣ, и они цѣлыхъ три дня провели въ бесѣдѣ, почти не вкушая пищи. Между прочимъ, Еввулъ спросилъ Василія о томъ, въ чемъ, по его мнѣнію, состоитъ существенное достоинство философіи.

— Сущность философіи,—отвѣчалъ Василій,—заключается въ томъ, что она даетъ человѣку памятованіе о смерти[2]).

При этомъ онъ указывалъ Еввулу на непрочность міра и всѣхъ утѣхъ его, которыя сначала кажутся дѣйствительно сладкими, но зато потомъ становятся крайне горькими для того, кто слишкомъ сильно успѣлъ къ нимъ привязаться.

---

1) Т. е., по мнѣнію Еввула, Василій имѣлъ разумъ, превосходившій обычную человѣку мѣру ума, и въ этомъ отношеніи приближался къ богамъ.

2) Т. е., тотъ только заслуживаетъ почетнаго имени «философъ», кто смотритъ на смерть какъ на переходъ въ новую жизнь и потому безъ страха покидаетъ этотъ міръ.

— Есть наряду съ этими утѣхами,—говорилъ Василій,—утѣшенія другаго рода, небеснаго происхожденія. Нельзя въ одно и то же время пользоваться тѣми и другими—**никто́же бо мо́жетъ двѣма̀ господи́нома рабо́тати**[1]),—но мы все-таки, насколько возможно людямъ, привязаннымъ къ житейскому, раздробляемъ хлѣбъ истиннаго познанія и того, кто, даже по собственной винѣ, лишился одѣянія добродѣтели, вводимъ подъ кровъ добрыхъ дѣлъ, жалѣя его, какъ жалѣемъ на улицѣ человѣка нагаго.

Вслѣдъ за этимъ Василій сталъ говорить Еввулу о силѣ покаянія, описывая однажды видѣнныя имъ изображенія добродѣтели и порока, которые поочередно привлекаютъ къ себѣ человѣка, и изображеніе покаянія, около котораго, какъ его дочери, стоятъ различныя добродѣтели[2]).

— Но намъ нечего, Еввулъ,—прибавилъ Василій,—прибѣгать къ такимъ искусственнымъ средствамъ убѣжденія. Мы владѣемъ самою истиною, которую можетъ постичь всякій, искренно къ ней стремящійся. Именно, мы вѣруемъ, что всѣ нѣкогда воскреснемъ, одни—въ жизнь вѣчную, а другіе—для вѣчнаго мученія и посрамленія. Намъ ясно объ этомъ говорятъ Пророки: Исаія, Іеремія, Даніилъ и Давидъ и божественный Апостолъ Павелъ, а также Самъ призывающій насъ къ покаянію Господь, Который отыскалъ погибшее овча и Который возвращающагося съ раскаяніемъ блуднаго сына, обнявъ съ любовію, лобызаетъ, украшаетъ его свѣтлою одеждою и перстнемъ и дѣлаетъ для него пиръ[3]). Онъ даетъ равное воздаяніе пришедшимъ въ одиннадцатый часъ, равно какъ и тѣмъ, которые терпѣли **тѧготꙋ днѐ и҆ ва́ръ**[4]). Онъ подаетъ намъ, кающимся и родящимся водою и Духомъ, то, **и҆́же о҆́ко не ви́дѣ, и҆ ᲂу҆́хо не слы́ша, и҆ на се́рдце человѣ́кꙋ не взыдо́ша, ꙗ҆̀же ᲂу҆гото́ва бг҃ъ лю́бѧщымъ є҆го̀**[5]).

Когда Василій передалъ Еввулу вкратцѣ исторію домостроительства нашего спасенія, начавъ съ грѣхопаденія Адамова и закончивъ ученіемъ о Христѣ-Искупителѣ, Еввулъ воскликнулъ:

— О, явленный небомъ Василій! Чрезъ тебя я вѣрую въ Единаго Бога Отца Вседержителя, Творца всяческихъ, и чаю воскре-

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 6, ст. 24.

[2]) Такія картины въ древности нерѣдко употреблялись нравоучителями для того, чтобы произвести большее впечатлѣніе на слушателей.

[3]) Еванг. отъ Луки, гл. 15.

[4]) Ва́ръ, т. е. жара, зной, который очень тяжелъ на Востокѣ (Еванг. отъ Матѳ., гл. 20, ст. 12).

[5]) Т. е., чего мы теперь никакими средствами и представить себѣ не можемъ (1 Посл. къ Коринѳ., гл. 2, ст. 9).

сенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка, аминь. А вотъ тебѣ и доказательство моей вѣры въ Бога: остальное время моей жизни я проведу съ тобою, а теперь желаю рожденія отъ воды и Духа.

Тогда Василій сказалъ:

— Благословенъ Богъ нашъ отнынѣ и до вѣка, Который озарилъ свѣтомъ истины умъ твой, Еввулъ, и привелъ тебя изъ крайняго заблужденія въ познаніе Своей любви. Если же ты хочешь,—какъ ты сказалъ,—жить со мною, то я объясню тебѣ, какимъ образомъ намъ заботиться о нашемъ спасеніи, избавляясь отъ сѣтей здѣшней жизни. Продадимъ все наше имѣніе и раздадимъ деньги нищимъ, а сами пойдемъ въ Святый Градъ видѣть тамошнія чудеса[1]); тамъ мы еще болѣе укрѣпимся въ вѣрѣ.

Раздавъ, такимъ образомъ, нуждающимся все имѣніе свое и купивъ себѣ бѣлыя одежды, какія требовалось имѣть принимающимъ Крещеніе[2]), они пошли въ Іерусалимъ и по дорогѣ обращали многихъ къ истинной вѣрѣ.

Пришедши въ Антіохію[3]), они взошли въ одну гостинницу. Сынъ содержателя гостинницы Филоксенъ въ это время сидѣлъ у дверей въ большомъ огорченіи. Будучи ученикомъ софиста Ливанія, онъ взялъ у него нѣкоторыя стихотворенія Гомера[4]), чтобы переложить ихъ на ораторскую рѣчь, но не могъ этого сдѣлать и, находясь въ такомъ затрудненіи, весьма скорбѣлъ. Василій, увидя его грустнымъ, спросилъ:

— О чемъ ты грустишь, юноша?

Филоксенъ же сказалъ:

— Если я и скажу тебѣ о причинѣ моей скорби, какая мнѣ будетъ отъ тебя польза?

Когда же Василій настаивалъ на своемъ и обѣщалъ, что не напрасно юноша скажетъ ему о причинѣ своей скорби, то отрокъ сказалъ ему и о софистѣ, и о стихахъ, прибавивъ, что причина скорби его та, что онъ не умѣетъ ясно передать смыслъ тѣхъ стиховъ. Василій, взявъ стихи, началъ толковать ихъ, перелагая ихъ на рѣчь простую; отрокъ же, удивляясь и радуясь, просилъ

---

1) Т. е. различныя достопримѣчательности, какъ напр., Гробъ Христовъ, Голгоѳа и такъ далѣе.

2) Какъ нынѣ, такъ и въ древности новокрещенные, въ знакъ полученнаго ими очищенія отъ грѣховъ, облекались въ бѣлыя одежды.

3) Здѣсь разумѣется Антіохія Сирійская, при рѣкѣ Оронтѣ, называвшаяся Великою.

4) *Гомеръ*—величайшій греческій поэтъ, жившій въ IX в. до Р. Хр.; написалъ знаменитыя поэмы: «Иліада» и «Одиссея».

его написать ему тотъ переводъ. Тогда Василій написалъ переводъ тѣхъ Гомеровыхъ стиховъ тремя разными способами, и отрокъ, взявъ переводъ съ радостью, пошелъ съ ними утромъ къ учителю своему, Ливанію. Ливаній, прочитавъ, удивился и сказалъ:

— Клянусь Божественнымъ Промысломъ, что нѣтъ среди нынѣшнихъ философовъ никого, кто могъ бы дать такое толкованіе! Кто же написалъ это тебѣ, Филоксенъ?

Отрокъ сказалъ:

— Въ моемъ домѣ находится одинъ странникъ, который написалъ это толкованіе очень скоро и безъ всякаго затрудненія.

Ливаній тотчасъ поспѣшилъ въ гостинницу, чтобы увидѣть этого странника; увидѣвъ здѣсь Василія и Еввула, онъ удивился ихъ неожиданному прибытію и обрадовался имъ. Онъ просилъ ихъ остановиться въ его домѣ и, когда они пришли къ нему, предложилъ имъ роскошную трапезу. Но Василій и Еввулъ, по обычаю своему, вкусивъ хлѣба и воды, вознесли благодареніе подателю всякихъ благъ — Богу. Послѣ сего Ливаній началъ задавать имъ разные софистическіе вопросы, а они предложили ему слово о вѣрѣ христіанской. Ливаній, внимательно выслушавъ ихъ, сказалъ, что еще не пришло время для принятія этого слова, но что, если такова будетъ воля Божественнаго Промысла, никто не сможетъ сопротивляться ученію христіанства[1]).

— Много ты одолжилъ бы меня, Василій,—заключилъ онъ,— если бы не отказался изложить свое ученіе на пользу ученикамъ, у меня находящимся.

Вскорѣ собрались ученики Ливанія, и Василій началъ учить ихъ, чтобы они стяжали душевную чистоту, тѣлесное безстрастіе, скромную поступь, тихую рѣчь, скромное слово, умѣренность въ пищѣ и питіи, молчаніе при старѣйшихъ, внимательность къ словамъ мудрыхъ, повиновеніе начальникамъ, нелицемѣрную любовь къ равнымъ себѣ и къ низшимъ, чтобы они отдалялись отъ злыхъ, страстныхъ и привязанныхъ къ плотскимъ удовольствіямъ, чтобы меньше говорили и болѣе слушали и вникали, не были безразсудными въ словѣ, не были многоглаголивы, не смѣялись бы дерзко надъ другими, украшались стыдливостью, не вступали въ бесѣду съ безнравственными женщинами, опускали очи долу, а душу обращали бы горѣ, избѣгали споровъ, не искали бы учительскаго сана

[1]) Т. е. не пришло еще время замѣнить философію и языческую религію вѣрою христіанской. Ливаній такъ и умеръ язычникомъ (около 391 года, въ Антіохіи).

и почести этого міра вмѣняли бы ни во что. Если же кто сдѣлаетъ что-либо на пользу ближнимъ, то пусть ожидаетъ награды отъ Бога и вѣчнаго воздаянія отъ Іисуса Христа, Господа нашего. Такъ говорилъ Василій ученикамъ Ливанія, и тѣ съ великимъ удивленіемъ слушали его, а послѣ сего онъ вмѣстѣ съ Еввуломъ снова отправился въ дорогу.

Когда они пришли въ Іерусалимъ и обошли съ вѣрою и любовію всѣ Святыя мѣста, помолившись тамъ Единому Создателю всего Богу, они явились къ епископу того города Максиму[1]) и просили его окрестить ихъ въ Іорданѣ[2]). Епископъ, видя ихъ великую вѣру, исполнилъ ихъ просьбу: взявъ клириковъ своихъ, онъ отправился съ Василіемъ и Еввуломъ къ Іордану. Когда они остановились на берегу, Василій палъ на землю и со слезами молилъ Бога, чтобы Онъ явилъ ему какое-либо знаменіе для укрѣпленія его вѣры. Потомъ, съ трепетомъ вставши, онъ снялъ съ себя свои одежды, а вмѣстѣ съ ними ѿложи́лъ и҆ ве́тхаго человѣ́ка[3]), и, войдя въ воду, молился. Когда святитель подошелъ, чтобы окрестить его, внезапно спала на нихъ огненная молнія, и вышедшій изъ той молніи голубь погрузился въ Іорданъ и, всколыхнувъ воду, улетѣлъ на небо[4]). Стоявшіе же на берегу, увидя это, вострепетали и прославили Бога. Принявъ Крещеніе, Василій вышелъ изъ воды, и епископъ, дивясь любви его къ Богу, облекъ его въ одежду Христова воскресенія[5]), совершая при семъ молитву. Крестилъ онъ и Еввула и потомъ помазалъ обоихъ мѵромъ и причастилъ Божественныхъ Даровъ.

Возвратившись въ Святый Градъ, Василій и Еввулъ пробыли тамъ одинъ годъ. Потомъ они отправились въ Антіохію, гдѣ Василій былъ поставленъ архіепископомъ Мелетіемъ во діакона и потомъ занимался изъясненіемъ Писанія[6]). Немного времени

---

1) *Максимъ III* — Патріархъ Іерусалимскій съ 333 по 350 годъ.

2) Древніе христіане очень поздно принимали Св. Крещеніе—отчасти по смиренію, отчасти въ томъ соображеніи, что, окрестившись незадолго передъ кончиною, получатъ въ Крещеніи прощеніе всѣхъ грѣховъ своихъ.

3) Т. е. освободился отъ наслѣдственнаго прародительскаго грѣха (Посл. къ Ефес., гл. 4, ст. 22).

4) Это чудо напоминало собою сошествіе Св. Духа въ видѣ голубя на крестившагося въ Іорданѣ Христа Спасителя.

5) Господь Іисусъ Христосъ, находясь во гробѣ, былъ обернутъ въ бѣлыя пелены.

6) Василію Великому принадлежитъ много сочиненій. Какъ всѣ дѣйствія св. Василія отличались необыкновеннымъ величіемъ и важностію, такъ и всѣ сочиненія его запечатлѣны тѣмъ же характеромъ высоты и величія христіанскаго. Въ своихъ твореніяхъ онъ является и проповѣдникомъ, и догматистомъ-полемикомъ, и толкователемъ Св. Писанія и

спустя онъ ушелъ съ Еввуломъ въ свое отечество, Каппадокію. Когда они приближались къ городу Кесаріи, архіепископу Кесаріи Леонтію было возвѣщено въ сновидѣніи объ ихъ прибытіи

учителемъ нравственности и благочестія, и, наконецъ, устроителемъ церковнаго Богослуженія. Изъ бесѣдъ его, по силѣ и одушевленію, считаются лучшими: Противъ ростовщиковъ, Противъ пьянства и роскоши, О славѣ, О голодѣ. Въ своихъ письмахъ св. Василій живо изображаетъ событія своего времени; многія изъ писемъ содержатъ превосходныя наставленія о любви, кротости, прощеніи обидъ, о воспитаніи дѣтей, противъ скупости и гордости богатыхъ, противъ напрасной клятвы или же съ духовными совѣтами для иноковъ. Какъ догматистъ и полемикъ онъ является предъ нами въ своихъ трехъ книгахъ, написанныхъ противъ аріанскаго лжеучителя Евиомія, въ сочиненіи противъ Савеллія и Аномеевъ о божествѣ Св. Духа. Сверхъ того, Василій Великій писалъ особую книгу о Святомъ Духѣ противъ Аэтія, поборникомъ котораго былъ и Евномій. Къ догматическимъ сочиненіямъ относятся также нѣкоторыя бесѣды и письма св. Василія. Какъ толкователь Св. Писанія особую извѣстность стяжалъ себѣ св. Василій девятью бесѣдами на «Шестодневъ», гдѣ онъ показалъ себя знатокомъ не только Слова Божія, но и философіи, и естествознанія. Извѣстны также его бесѣды на Псалмы и на 16 главъ Книги Прор. Исаіи. Бесѣды какъ на Шестодневъ, такъ и на Псалмы говорены были въ храмѣ и потому наряду съ изъясненіемъ заключаютъ въ себѣ увѣщанія, утѣшенія и поученія. Ученія благочестія касался онъ въ своемъ знаменитомъ «Наставленіи юношамъ, какъ пользоваться языческими писателями» и въ двухъ книгахъ о подвижничествѣ. Къ каноническимъ сочиненіямъ относятся посланія Василія Великаго къ нѣкоторымъ епископамъ.—Григорій Богословъ такъ отзывается о достоинствѣ твореній Василія Великаго: «Вездѣ одно и величайшее услажденіе—это писанія и творенія Василіевы. Послѣ него не нужно писателямъ иного богатства, кромѣ его писаній. Вмѣсто всѣхъ—одинъ онъ сталъ достаточенъ учащимся для образованія». «Кто хочетъ быть отличнымъ гражданскимъ ораторомъ,—говоритъ ученый патріархъ Фотій,—тому не нуженъ ни Демосѳенъ, ни Платонъ, если только онъ принялъ себѣ за образецъ и изучаетъ слова Василія. Во всѣхъ словахъ своихъ св. Василій превосходенъ. Онъ особенно владѣетъ языкомъ чистымъ, изящнымъ, величественнымъ; въ порядкѣ мыслей за нимъ первое мѣсто. Убѣдительность соединяетъ онъ съ пріятностію и ясностію». Святый Григорій Богословъ такъ говоритъ о позианіяхъ и писаніяхъ святаго Василія: «Кто больше Василія просвѣтился свѣтомъ вѣдѣнія, прозрѣлъ въ глубины Духа и съ Богомъ изслѣдовалъ все, что вѣдомо о Богѣ? Въ Василіи красотою была добродѣтель, величіемъ—Богословіе, шествіемъ—непрестанное стремленіе и восхожденіе къ Богу, силою—сѣяніе и раздаяніе слова. И потому мнѣ не коснѣя можно сказать: *во всю землю изыдѣ вѣщаніе его, и въ концы вселенныя глаголы его,* что св. Павелъ сказалъ объ апостолахъ (Римл. 10, 18)....—Когда имѣю въ рукахъ его *Шестодневъ* и произношу устно,—тогда бесѣдую съ Творцомъ, постигаю законы творенія и дивлюсь Творцу болѣе, нежели прежде—имѣвъ своимъ наставникомъ одно зрѣніе. Когда имѣю предъ собою его *обличительныя слова* на лжеучителей; тогда вижу содомскій огнь, которымъ испепеляются лукавые и беззаконные языки. Когда читаю *слова* о *Духѣ,*—тогда Бога, Котораго имѣю, обрѣтаю вновь и чувствую въ себѣ дерзновеніе вѣщать истину, восходя по степенямъ его Богословія и созерцанія. Когда читаю прочія его *толкованія,* которыя онъ уясняетъ и для людей малозрящихъ,—тогда убѣждаюсь не останавливаться на одной буквѣ и смотрѣть не на поверхность только, но простираться далѣе, изъ одной глубины поступать въ новую, призывая бездною бездну и пріобрѣтая свѣтомъ свѣтъ, пока не достигну высшаго смысла. Когда займусь его *похвалами подвижникамъ,*—тогда забываю тѣло, бесѣдую съ похваляемыми, возбуждаюсь къ подвигу. Когда читаю *нравственныя* и *дѣятельныя* его *слова,*—тогда очищаюсь въ душѣ и тѣлѣ, дѣлаюсь благоугоднымъ для Бога храмомъ, органомъ, въ который ударяетъ Духъ, пѣснословцемъ Божіей славы и Божія могущества, и чрезъ то преобразуюсь, прихожу въ благоустройство, изъ одного человѣка дѣлаюсь другимъ, измѣняюсь Божественнымъ измѣненіемъ» (Надгробное слово Григорія Богослова св. Василію).

и сказано, что Василій со временемъ будетъ архіепископомъ этого города. Посему архіепископъ, призвавъ своего архидіакона[1]) и нѣсколькихъ почетныхъ клириковъ, послалъ ихъ къ Восточнымъ воротамъ города, повелѣвъ имъ привести къ нему съ почетомъ двоихъ странниковъ, которыхъ они тамъ встрѣтятъ. Они пошли и, встрѣтивъ Василія съ Еввуломъ, когда тѣ входили въ городъ, отвели ихъ къ архіепископу; тотъ, увидѣвъ ихъ, удивился, ибо именно ихъ онъ видѣлъ въ сновидѣніи,—и прославилъ Бога. Спросивъ ихъ о томъ, откуда они идутъ и какъ называются, и узнавъ имена ихъ, онъ повелѣлъ отвести ихъ въ трапезу и угостить, самъ же, созвавъ клиръ свой и почетныхъ горожанъ, разсказалъ имъ все, что повѣдано ему было въ видѣніи отъ Бога о Василіи. Тогда клиръ единогласно сказалъ:

— Такъ какъ за добродѣтельную жизнь твою Богъ указалъ тебѣ наслѣдника твоего престола, то поступи съ нимъ какъ тебѣ угодно; ибо поистинѣ достоинъ всякаго уваженія тотъ человѣкъ, котораго прямо указываетъ воля Божія.

Архіепископъ призвалъ послѣ сего къ себѣ Василія и Еввула и началъ разсуждать съ ними о Писаніи, желая узнать, насколько они понимаютъ его. Слыша ихъ рѣчи, онъ дивился глубинѣ ихъ премудрости и, оставивъ ихъ у себя, относился къ нимъ съ особымъ почтеніемъ. Василій же, пребывая въ Кесаріи, велъ такую же жизнь, какой онъ научился у многихъ подвижниковъ, когда путешествовалъ по Египту, Палестинѣ, Сиріи и Месопотаміи и присматривался къ жившимъ въ тѣхъ странахъ отцамъ-подвижникамъ. Такъ, подражая ихъ жизни, онъ былъ добрымъ инокомъ, и архіепископъ Кесаріи Евсевій[2]) поставилъ его пресвитеромъ и руководителемъ иноковъ въ Кесаріи. Принявъ санъ пресвитера, святый Василій все время свое посвящалъ трудамъ сего служенія, такъ что отказывался даже отъ переписки съ своими прежними друзьями[3]). Попеченіе объ инокахъ, имъ собранныхъ, проповѣданіе

---

[1]) *Архидіаконы* имѣли въ древней Церкви большое значеніе какъ ближайшіе помощники епископовъ.

[2]) *Евсевій* былъ взятъ на каѳедру епископа, по требованію народа, прямо съ гражданской службы и потому не могъ имѣть особаго авторитета какъ богословъ и учитель вѣры.

[3]) Однимъ изъ важнѣйшихъ его занятій въ это время было проповѣданіе Слова Божія. Часто онъ проповѣдывалъ не только каждодневно, но и по два раза въ день—утромъ и вечеромъ. Иногда послѣ проповѣди въ одной церкви онъ приходилъ проповѣдывать въ другой. Въ своихъ поученіяхъ Василій живо и убѣдительно для ума и сердца раскрывалъ красоту добродѣтелей христіанскихъ и обличалъ гнусность пороковъ; предла-

Слова Божія и другія пастырскія заботы не позволяли ему отвлекаться къ постороннимъ занятіямъ. При этомъ на новомъ поприщѣ онъ скоро пріобрѣлъ себѣ такое уваженіе, какимъ не пользовался и самъ архіепископъ, еще не довольно опытный въ дѣлахъ церковныхъ, такъ какъ онъ избранъ былъ на престолъ Кесарійскій изъ оглашенныхъ. Но едва прошелъ годъ его пресвитерства, какъ епископъ Евсевій началъ, по немощи человѣческой, завидовать и недоброжелательствовать Василію. Святый Василій узналъ о семъ и, не желая быть предметомъ зависти, ушелъ въ Понтійскую пустыню[1]). Въ Понтійской пустынѣ Василій удалился къ рѣкѣ Ирису — въ мѣстность, въ которой прежде его уединились его мать Еммелія и сестра его Макрина и которая имъ и принадлежала. Макрина устроила тутъ монастырь. Вблизи него, при подошвѣ высокой горы, покрытой частымъ лѣсомъ, и орошаемой холодными и прозрачными водами, поселился Василій. Пустыня такъ была пріятна Василію своимъ невозмутимымъ безмолвіемъ, что онъ предполагалъ окончить здѣсь дни свои. Здѣсь онъ подражалъ подвигамъ тѣхъ великихъ мужей, которыхъ видѣлъ въ Сиріи и Египтѣ. Онъ подвизался въ крайнемъ лишеніи, имѣя для покрытія себя одну одежду—срачицу и мантію; носилъ и власяницу, но только ночью, чтобы ея не было видно; питался

галъ побужденія стремиться къ первымъ, удаляться послѣднихъ, и всѣмъ указывалъ пути къ достиженію совершенства, такъ какъ самъ былъ опытный подвижникъ. Самыя толкованія его направлены прежде всего къ духовному назиданію его слушателей. Объясняетъ ли онъ исторію міротворенія,—онъ поставляетъ себѣ цѣлью, во первыхъ, показать, что «міръ есть училище Боговѣдѣнія» (бесѣда 1-я на Шестодневъ), и чрезъ то возбудить въ своихъ слушателяхъ благоговѣніе къ премудрости и благости Творца, раскрывающимся въ Его твореніяхъ, малыхъ и великихъ, прекрасныхъ, разнообразныхъ, безчисленныхъ. Во-вторыхъ, онъ хочетъ показать, какъ природа всегда учитъ человѣка доброму нравственному житію. Образъ жизни, свойства, привычки четвероногихъ животныхъ, птицъ, рыбъ, пресмыкающихся — все, даже быліе однодневное, подаетъ ему случай къ извлеченію назидательныхъ уроковъ для господина земли—человѣка. Объясняетъ ли онъ книгу Псалмовъ, которая, по его выраженію, совмѣщаетъ въ себѣ все, что есть полезнаго въ другихъ: и пророчества, и исторію, и назиданіе,—онъ преимущественно прилагаетъ изреченія Псалмопѣвца къ жизни, къ дѣятельности христіанина.

[1]) *Понтъ*—область въ Малой Азіи, по южному берегу Чернаго моря, невдалекѣ отъ Неокесаріи. Пустыня Понтійская была безплодна, и климатъ ея былъ далеко не благопріятенъ для здоровья. Хижина, въ которой здѣсь жилъ Василій, не имѣла ни крѣпкихъ дверей, ни настоящаго очага, ни кровли. За трапезой подавалось, правда, какое-то горячее кушанье, но, по словамъ Григорія Богослова, съ такимъ хлѣбомъ, по кускамъ котораго, отъ крайней его черствости, зубы сначала скользили, а потомъ вязли въ нихъ. Кромѣ общихъ молитвъ, чтенія св. Писанія, ученыхъ трудовъ, Василій Великій и Григорій Богословъ и другіе тамошніе иноки занимались здѣсь сами носкою дровъ, тесаніемъ камней, уходомъ за огородными овощами и сами на себѣ возили огромную телѣгу съ навозомъ.

хлѣбомъ и водою, приправляя эту скудную пищу солью и кореньями. Отъ строгаго воздержанія онъ сдѣлался весьма блѣденъ и тощъ и пришелъ въ крайнее изнеможеніе. Никогда не ходилъ онъ въ баню и не зажигалъ огня. Но Василій жилъ не для одного себя: онъ собралъ въ общежитіе иноковъ, своими письмами привлекъ къ себѣ въ пустыню и друга своего Григорія.

Въ своемъ уединеніи Василій и Григорій все дѣлали вмѣстѣ; вмѣстѣ молились; оба оставили чтеніе мірскихъ книгъ, за которыми прежде много тратили времени, и стали единственно заниматься Священнымъ Писаніемъ. Желая лучше изучить его, они читали сочиненія предшествовавшихъ имъ по времени Отцовъ и писателей церковныхъ, особенно Оригена. Здѣсь же Василій и Григорій, руководимые Святымъ Духомъ, написали уставы иноческаго общежитія, которыми иноки Восточной Церкви большею частію руководствуются и нынѣ[1]).

Въ отношеніи къ жизни тѣлесной Василій и Григорій находили удовольствіе въ терпѣніи; работали своими руками, нося дрова, обтесывая камни, сажая и поливая деревья, таская навозъ, возя тяжести, такъ что мозоли на рукахъ ихъ оставались долго. Жилище ихъ не имѣло ни кровли, ни воротъ; никогда не было тамъ ни огня, ни дыма. Хлѣбъ, который они ѣли, былъ такъ сухъ и худо пропеченъ, что его едва можно было жевать.

Наступило, однако, время, когда оба, Василій и Григорій, должны были покинуть пустыню, такъ какъ ихъ услуги были потребны для Церкви, которая въ то время была возмущаема еретиками. Григорія на помощь православнымъ взялъ къ себѣ въ Назіанзъ отецъ его, Григорій, человѣкъ уже старый и потому не имѣвшій силы съ твердостію бороться съ еретиками; Василія же уговорилъ возвратиться къ себѣ Евсевій, архіепископъ Кесарійскій, примирившійся съ нимъ въ письмѣ и просившій его помочь Церкви,

---

1) Правила эти служили и служатъ руководствомъ для жизни иноковъ всего Востока и, въ частности, для нашихъ иноковъ. Въ своихъ правилахъ Василій отдаетъ преимущество общежительной жизни предъ отшельнической и уединенной, такъ какъ, живя вмѣстѣ съ другими, инокъ имѣетъ болѣе возможности служить дѣлу христіанской любви. Василій устанавливаетъ для иноковъ обязанность безпрекословнаго послушанія настоятелю, предписываетъ быть гостепріимными по отношенію къ странникамъ, хотя запрещаетъ подавать имъ особыя кушанья. Постъ, молитва и постоянный трудъ— вотъ чѣмъ должны заниматься иноки, по правиламъ Василія, причемъ, однако, они не должны забывать и о нуждахъ окружающихъ ихъ несчастныхъ и больныхъ, нуждающихся въ уходѣ.

на которую ополчились аріане[1]). Блаженный Василій, видя такую нужду Церкви и предпочитая ее пользѣ пустынническаго житія, оставилъ уединеніе и пришелъ въ Кесарію, гдѣ много потрудился, словами и сочиненіями ограждая православную вѣру отъ ереси. Когда же преставился архіепископъ Евсевій, на рукахъ Василія предавъ духъ свой Богу, то на престолъ архіепископскій былъ возведенъ и посвященъ соборомъ епископовъ Василій. Среди тѣхъ епископовъ былъ и престарѣлый Григорій, отецъ Григорія Назіанзина. Будучи слабъ и утружденъ старостію, онъ повелѣлъ препроводить себя въ Кесарію, чтобы убѣдить Василія принять архіепископство и воспрепятствовать возведенію на престолъ кого-либо изъ аріанъ.

Василій успѣшно правилъ Церковью Христовой, брата же своего, Петра, онъ посвятилъ въ пресвитера, чтобы онъ помогалъ ему въ трудахъ по дѣламъ Церкви, а впослѣдствіи поставилъ его епископомъ города Севастіи[2]). Въ это время матерь ихъ, блаженная Еммелія, отошла ко Господу, проживши болѣе 90 лѣтъ.

Спустя нѣсколько времени блаженный Василій просилъ у Бога просвѣтить его разумъ для того, чтобы онъ могъ совершать приношеніе безкровной жертвы Богу собственными своими словами и чтобы ему для сего была ниспослана благодать Святаго Духа[3]). Чрезъ шесть дней въ седьмой, когда Василій, стоя предъ Престоломъ во храмѣ, началъ совершать предложеніе хлѣба и чаши, ему въ видѣніи явился Самъ Господь съ Апостолами и сказалъ:

— По просьбѣ твоей, уста твои пусть наполнятся хвалою, чтобы ты могъ совершать безкровное служеніе, произнося свои молитвословія.

Послѣ сего Василій началъ говорить и записывать такія слова: «**Да и҆спо́лнѧтсѧ ᲂу҆ста̀ моѧ̀ хвале́нїѧ, ꙗ҆́кѡ да воспою̀ сла́вꙋ твою̀**», «**Гдⷭ҇и бж҃е на́шъ, созда́вый на́съ и҆ введы́й въ жи́знь сїю̀**», и другія мо-

---

[1]) Еретики—*аріане* учили, что Христосъ былъ существо сотворенное, не вѣчно сущее и не одной и той же природы съ Богомъ Отцемъ. Имя свое эта ересь получила отъ пресвитера Александрійской церкви Арія, который началъ проповѣдывать эти мысли въ 319-мъ году.

[2]) *Севастія*—городъ въ Каппадокіи.

[3]) Проклъ, архіепископъ Константинопольскій (въ половинѣ V вѣка), говоритъ, что св. Василій составилъ Литургію болѣе краткую ввиду того, что многіе христіане его времени стали выражать недовольство свое долготою службы церковной. Для сего онъ сократилъ обычныя общественныя молитвы, расширивъ въ то же время молитвы священнослужителей.—Кромѣ Литургіи, Василій Великій составилъ: а) молитву предъ пріобщеніемъ: *вѣмъ гдⷭ҇и, ꙗ҆́кѡ недостойнѣ причаща́юсѧ*... б) молитвы въ навечеріе Пятидесятницы и в) молитву и заклинаніе надъ бѣсноватымъ.

литвы святой Литургіи. По окончаніи молитвы онъ воздвигъ хлѣбъ, усердно молясь такими словами: «**Вонми̑, гдⷭ҇н і҆и҃се хрⷭ҇тѐ бж҃е на́шъ, ѿ ст҃а́гѡ жили́ща твоегѡ̀, и҆ ѿ престо́ла сла́вы црⷭ҇твїѧ твоегѡ̀, и҆ прїиди̑ во є҆́же ѡ҆свѧти́ти на́съ, и҆́же горѣ̀ ѻ҆ц҃ꙋ̀ сосѣдѧ́й и҆ здѣ̀ на́мъ неви́димѡ спребыва́ѧй: и҆ сподо́би держа́вною твое́ю рꙋко́ю препода́ти на́мъ пречⷭ҇тое тѣ́ло твоѐ, и҆ чⷭ҇тнꙋ́ю кро́вь, и҆ на́ми всѣ́мъ лю́демъ**»[1]). Когда святитель совершалъ сіе, Еввулъ съ высшими клириками увидѣли свѣтъ небесный, озарявшій алтарь и святителя, и нѣкіихъ свѣтлыхъ мужей въ бѣлыхъ ризахъ, которые окружали святаго Василія. Увидѣвъ сіе, они пришли въ большой ужасъ и пали ницъ, проливая слезы и прославляя Бога.

Въ то время Василій, призвавъ золотыхъ дѣлъ мастера, приказалъ ему изготовить изъ чистаго золота голубя—во образъ того голубя, который явился надъ Іорданомъ,—и помѣстилъ его надъ святымъ Престоломъ, дабы онъ какъ бы охранялъ Божественныя Тайны.

Господь Богъ нѣкоторыми чудесными знаменіями засвидѣтельствовалъ еще при жизни Василія объ его святости. Однажды, когда онъ совершалъ Божественную службу, нѣкій еврей, желая узнать, въ чемъ состоятъ святыя тайны, присоединился къ прочимъ вѣрующимъ, какъ бы христіанинъ, и, войдя въ церковь, увидѣлъ, что святый Василій держитъ въ своихъ рукахъ младенца и раздробляетъ его на части. Когда вѣрующіе стали причащаться изъ рукъ святаго, подошелъ и еврей, и святитель подалъ ему, какъ и прочимъ христіанамъ, часть святыхъ даровъ. Принявъ ихъ въ руки, еврей увидѣлъ, что это была дѣйствительно плоть, а когда приступилъ къ чашѣ, то увидѣлъ, что въ ней была дѣйствительно кровь. Онъ спряталъ остатокъ отъ Святаго Причащенія и, придя домой, показалъ его женѣ своей и разсказалъ ей обо всемъ, что видѣлъ своими глазами. Увѣровавъ, что христіанское Таинство есть дѣйствительно страшное и славное, онъ пошелъ наутро къ блаженному Василію и умолялъ удостоить его Святаго Крещенія. Василій же, воздавъ благодареніе Богу, немедленно окрестилъ еврея со всѣмъ его семействомъ.

Когда святый однажды шелъ по дорогѣ, нѣкая бѣдная женщина, обиженная однимъ начальникомъ, припала къ ногамъ Василія, умоляя его о томъ, чтобы онъ написалъ о ней начальнику какъ человѣкъ, котораго тотъ весьма уважалъ. Святый, взявъ

[1]) Молитва на Литургіи св. Василія Великаго.

хартію[1]), написалъ къ начальнику слѣдующее: «Сія убогая женщина явилась ко мнѣ, говоря, что письмо мое имѣетъ для тебя большое значеніе. Если это такъ, то докажи мнѣ то на дѣлѣ и окажи милость этой женщинѣ». Написавъ сіи слова, святый отдалъ хартію той бѣдной женщинѣ, и она, взявши, снесла ее начальнику. Прочитавъ письмо, тотъ написалъ въ отвѣтъ святому такъ: «Согласно письму твоему, святый отче, я хотѣлъ бы оказать милость этой женщинѣ, но не могу сего сдѣлать, потому что она подлежитъ общенародной подати». Святый снова написалъ ему слѣдующее: «Хорошо, если ты хотѣлъ, но не могъ сдѣлать; а если ты и могъ, но не захотѣлъ, то Богъ поставитъ тебя самого въ число нуждающихся, такъ что ты не сможешь сдѣлать того, что захочешь». Эти слова святителя вскорѣ исполнились: немного времени спустя послѣ сего царь разгнѣвался на того начальника, ибо узналъ, что онъ учиняетъ большія притѣсненія народу, и заключилъ его въ узы, дабы онъ заплатилъ всѣмъ, кого обидѣлъ. Начальникъ же изъ заключенія послалъ къ святому Василію прошеніе, чтобы онъ сжалился надъ нимъ и своимъ ходатайствомъ умилостивилъ царя. Василій поспѣшилъ попросить за него царя, и чрезъ шесть дней пришелъ указъ, освобождавшій начальника отъ осужденія. Начальникъ, увидѣвъ, какъ милостивъ къ нему святый, поспѣшилъ къ нему, чтобы принести ему благодарность, а вышеупомянутой бѣдной женщинѣ отдалъ изъ своего имѣнія вдвое противъ того, что взялъ съ нея.

Въ то время, какъ сей угодникъ Божій — Великій Василій мужественно боролся въ Кесаріи Каппадокійской за святую вѣру Христову[2]), царь Юліанъ Отступникъ, богохульникъ и великій гонитель христіанъ[3]), похвалявшійся тѣмъ, что онъ погубитъ христіанъ, шелъ войною на персовъ. Святый Василій тогда молился въ церкви предъ иконою Пресвятой Богородицы, у ногъ Которой было изображеніе и святаго великомученика Меркурія въ видѣ воина съ копьемъ[4]). Молился же онъ о томъ, чтобы Богъ не

---

1) *Хартія*—папирусная бумага или пергаментъ, на которомъ писали въ древности; рукопись, свитокъ (3 Мак. 4, 15; 2 Іоан. 1, 12).

2) «Если бы не Василій,—говоритъ церковный историкъ Созоменъ,—то ересь Евномія распространилась бы до Тавра и ересь Аполлинарія—отъ Тавра до Египта».

3) *Юліанъ Отступникъ* царствовалъ съ 361 по 363 г. Сдѣлавшись императоромъ, онъ отступилъ отъ христіанской вѣры и поставилъ задачею своей жизни возстановленіе язычества; посему онъ и называется Отступникомъ.

4) *Святый Меркурій* воинъ пострадалъ мученическою смертію въ Кесаріи Каппадокійской. Память его — 24-го ноября.

попустилъ гонителю и губителю христіанъ Юліану возвратиться живымъ съ Персидской войны. И вотъ онъ увидѣлъ, что образъ святаго Меркурія, стоявшаго близъ Пресвятой Богородицы, измѣнился и изображеніе мученика на нѣкоторое время стало невидимо. Спустя немного времени мученикъ снова показался, но съ окровавленнымъ копіемъ. Въ это самое время Юліанъ былъ пронзенъ на Персидской войнѣ святымъ мученикомъ Меркуріемъ, посланнымъ Пречистою Дѣвою Богородицей погубить врага Божія.

Имѣлъ святый Василій Великій и такой благодатный даръ. Когда онъ во время Литургіи возносилъ Святые Дары, то золотой голубь съ божественными дарами, висѣвшій надъ святымъ Престоломъ, движимый силою Божіею, сотрясался три раза. Однажды, когда Василій служилъ и возносилъ Святые Дары, обычнаго знаменія съ голубемъ, который своимъ сотрясеніемъ указывалъ сошествіе Святаго Духа, не было. Когда Василій размышлялъ о причинѣ сего, то увидѣлъ, что одинъ изъ діаконовъ, державшихъ рипиды[1]), смотрѣлъ на женщину, стоявшую въ церкви. Василій повелѣлъ тому діакону отступить отъ святаго жертвенника и назначилъ ему епитимію—семь дней поститься и молиться, проводить цѣлыя ночи безъ сна въ молитвѣ и изъ имѣнія своего раздавать милостыню нищимъ. Съ того времени святый Василій повелѣлъ устроить въ церкви предъ алтаремъ завѣсу и перегородку, для того чтобы ни одна женщина не могла смотрѣть въ алтарь во время совершенія Божественной службы; непослушныхъ же повелѣлъ выводить изъ церкви и отлучать отъ Святаго Причащенія[2]).

Въ то время, какъ святый Василій былъ епископомъ, Церковь Христову смущалъ царь Валентъ[3]), ослѣпленный аріанскою ересью. Онъ, свергнувъ много православныхъ епископовъ съ ихъ престоловъ, возвелъ на ихъ мѣста аріанъ, а иныхъ, малодушныхъ и

---

1) *Рипида*—(греч. ριπίς, ριπίδιον)—опахало, орудіе для отгнанія мухъ. Это металлическіе, на довольно длинныхъ рукояткахъ круги съ изображеніемъ на нихъ шестокрылатыхъ Серафимовъ. Ими діаконы при архіерейскомъ служеніи вѣютъ, колеблютъ надъ Св. Дарами, чтобы въ нихъ не упало какое-либо насѣкомое; вмѣстѣ съ тѣмъ рипиды напоминаютъ намъ, что при священнодѣйствіи Литургіи присутствуютъ и сослужатъ намъ св. Ангелы, изображенія которыхъ имѣются на рипидахъ. Рипиды употребляются при архіерейскомъ служеніи; при служеніи священника ихъ замѣняетъ покровецъ.

2) Завѣсы были, собственно, устроены предъ тѣмъ отдѣленіемъ храма, гдѣ стояли женщины; эти завѣсы опускались во время совершенія Таинства Евхаристіи, и женщинамъ, подъ угрозою удаленія изъ храма, запрещено было въ это время приподымать ихъ. Алтарь же отъ остальнаго пространства церкви отдѣляла сквозная рѣшетка, которая и превратилась впослѣдствіи въ нынѣшній иконостасъ.

3) *Императоръ Валентъ* царствовалъ съ 364 по 378 годъ.

боязливыхъ, заставилъ присоединиться къ его ереси. Онъ гнѣвался и мучился внутренно, видя, что Василій безбоязненно пребываетъ на своемъ престолѣ, какъ непоколебимый столпъ своей вѣры, и подкрѣпляетъ и увѣщаваетъ другихъ гнушаться аріанствомъ какъ ненавистнымъ для Бога лжеученіемъ. Обходя свои владѣнія и чрезвычайно притѣсняя повсюду православныхъ, царь, по дорогѣ въ Антіохію, прибылъ въ Кесарію Каппадокійскую и здѣсь сталъ употреблять всѣ мѣры къ тому, чтобы склонить Василія на сторону аріанства. Онъ внушилъ своимъ воеводамъ, вельможамъ и совѣтникамъ, чтобы они то моленіями и обѣщаніями, то угрозами побудили Василія исполнить желаніе царя. И царскіе единомышленники настойчиво убѣждали святаго къ этому; кромѣ того, нѣкоторыя благородныя женщины, пользовавшіяся расположеніемъ царя, стали посылать своихъ евнуховъ къ святому, настойчиво совѣтуя ему, чтобы онъ мыслилъ заодно съ царемъ. Но никто не могъ заставить этого непоколебимаго въ своей вѣрѣ іерарха отпасть отъ Православія. Наконецъ, епархъ Модестъ [1]) призвалъ Василія къ себѣ и, послѣ того какъ оказался не въ состояніи склонить его льстивыми обѣщаніями къ отпаденію отъ Православія, началъ съ яростію грозить ему отнятіемъ имущества, изгнаніемъ и смертію. Святый же на угрозы его дерзновенно отвѣчалъ:

— Если ты отнимешь у меня имѣніе, то и себя этимъ не обогатишь, и меня не сдѣлаешь нищимъ. Полагаю, что тебѣ не нужны эти ветхія мои одежды и нѣсколько книгъ, въ которыхъ заключается все мое богатство. Ссылки нѣтъ для меня, потому что я не связанъ мѣстомъ, и то мѣсто, на которомъ живу теперь, не мое, и всякое, куда меня ни сошлютъ, будетъ мое. Лучше же сказать: вездѣ мѣсто Божіе, гдѣ ни буду **пресѣльникомъ и пришѣльцемъ** [2]). А мученія что̀ могутъ сдѣлать мнѣ?—я такъ слабъ, что развѣ только первый ударъ будетъ для меня чувствителенъ. Смерть же для меня—благодѣяніе: она скорѣе приведетъ меня къ Богу, для Котораго живу и тружусь и къ Которому давно я стремлюсь.

Изумленный сими словами, правитель сказалъ Василію:

— Никто такъ дерзновенно не говорилъ со мною до сихъ поръ!

— Да,—отвѣчалъ святитель,—потому что тебѣ не случалось ранѣе говорить съ епископомъ. Во всемъ иномъ мы показываемъ

---

[1]) Епархъ этотъ былъ правителемъ всего Востока и въ то же время начальникомъ преторіанцевъ, или царской гвардіи.

[2]) Псаломъ 38, ст. 13.

кротость и смиреніе, но когда рѣчь идетъ о Богѣ и противъ Него дерзаютъ возставать,—тогда мы, все прочее вмѣняя за ничто, взираемъ только на Него Единаго; тогда огонь, мечъ, звѣри и желѣзо, терзающіе тѣло, скорѣе будутъ радовать насъ, нежели устрашать.

Донося Валенту о непреклонности и неустрашимости святаго Василія, Модестъ сказалъ:

— Побѣждены мы, царь, настоятелемъ Церкви. Этотъ мужъ выше угрозъ, тверже доводовъ, сильнѣе убѣжденій.

Послѣ сего царь запретилъ тревожить Василія и хотя не принялъ общенія съ нимъ, стыдясь показать себя перемѣнившимся, но сталъ искать оправданія болѣе благоприличнаго.

Наступилъ праздникъ Богоявленія Господня. Царь со свитою своею вошелъ въ церковь, гдѣ служилъ Василій, и, вступивъ въ среду народа, симъ самымъ хотѣлъ показать видъ единенія съ Церковію. Взирая на благолѣпіе и порядокъ церковный и внимая пѣнію и молитвамъ вѣрныхъ, царь дивился, говоря, что въ своихъ аріанскихъ церквахъ онъ никогда не видалъ такого порядка и благолѣпія. Святый Василій, подойдя къ царю, началъ бесѣдовать съ нимъ, поучая его отъ Священнаго Писанія; слушателемъ этой бесѣды былъ и Григорій Назіанзинъ, случайно бывшій тамъ въ то время, который и написалъ объ этомъ. Съ того времени царь сталъ лучше относиться къ Василію. Но, удалившись въ Антіохію, онъ снова раздражился противъ Василія, будучи возбужденъ къ этому злыми людьми, повѣривъ доносамъ которыхъ онъ и осудилъ Василія на изгнаніе. Но когда царь хотѣлъ подписать этотъ приговоръ, престолъ, на которомъ онъ сидѣлъ, закачался и сломалась трость[1]), которою онъ долженъ былъ сдѣлать подпись. Взялъ царь другую трость, но и съ тою было то же; то же случилось и съ третьею. Потомъ у него задрожала рука, и страхъ напалъ на него; увидѣвъ въ этомъ силу Божію, царь разорвалъ хартію. Но враги Православія опять стали настойчиво докучать царю относительно Василія, чтобы онъ не оставлялъ его въ покоѣ, и отъ царя былъ посланъ одинъ сановникъ, по имени Анастасій, чтобы привести Василія въ Антіохію. Когда сей сановникъ пришелъ въ Кесарію и возвѣстилъ Василію о повелѣніи царя, святый отвѣчалъ:

---

1) Орудіе, коимъ древніе писали,—нѣчто въ родѣ пера, карандаша или грифеля (см.: Псал: 44, ст. 1—3).

— Я, сынъ мой, нѣсколько времени назадъ узналъ, что царь, послушавшись совѣта неразумныхъ людей, сломалъ три трости, желая подписать указъ о моемъ заточеніи и помрачить чрезъ это истину. Безчувственныя трости удержали его неудержимую стремительность, согласившись лучше переломиться, чѣмъ послужить орудіемъ для его неправеднаго приговора.

Будучи приведенъ въ Антіохію, Василій предсталъ на судъ епарха и на вопросъ: «Почему онъ не держится той вѣры, какую исповѣдуетъ царь?»—отвѣчалъ:

— Никогда не будетъ того, чтобы я, уклонившись отъ истинной христіанской вѣры, сталъ послѣдователемъ нечестиваго аріанскаго ученія; ибо я отъ отцовъ наслѣдовалъ вѣру въ единосущіе[1]), которую исповѣдую и прославляю.

Судія грозилъ ему смертію, но Василій отвѣчалъ:

— Что же? Пусть я пострадаю за истину и освобожусь отъ тѣлесныхъ узъ; я давно желаю этого,—только вы не измѣните своему обѣщанію.

Епархъ донесъ царю, что Василій не боится угрозъ, что убѣжденія его нельзя измѣнить, что сердце его непреклонно и твердо. Царь, воспылавъ гнѣвомъ, сталъ думать о томъ, какъ бы погубить Василія. Но въ это самое время сынъ царя, Галатъ, внезапно заболѣлъ, и врачи уже обрекли его на смерть. Его мать, придя къ царю, съ раздраженіемъ говорила ему:

— Такъ какъ ты неправильно вѣруешь и гонишь архіерея Божія, то за это отрокъ и умираетъ.

Услышавъ сіе, Валентъ призвалъ Василія и сказалъ ему:

— Если Богу угодно ученіе твоей вѣры, то исцѣли своими молитвами сына моего!

Святый отвѣчалъ:

— О царь! Если ты обратишься въ Православную вѣру и даруешь покой церквамъ, то сынъ твой останется живъ.

Когда царь обѣщался это исполнить, святый Василій тотчасъ же обратился къ Богу съ молитвою, и Господь послалъ царскому сыну облегченіе въ болѣзни. Послѣ сего Василій отпущенъ былъ съ почестями на свой престолъ. Аріане, слыша и видя сіе, воспламенились завистью и злобою и говорили царю:

— И мы могли бы это сдѣлать!

---

[1]) Т. е., что Сынъ Божій единосущенъ Богу Отцу и равенъ Ему.

Они снова прельстили царя, такъ что онъ не воспрепятствовалъ имъ совершить крещеніе надъ своимъ сыномъ. Но когда аріане взяли царскаго сына, чтобы окрестить его, онъ тотчасъ же умеръ на рукахъ у нихъ. Это видѣлъ своими очами вышеупомянутый Анастасій и разсказалъ о семъ царю Валентиніану [1]), царствовавшему на Западѣ, брату восточнаго царя Валента. Валентиніанъ же, удивившись такому чуду, прославилъ Бога, а святому Василію черезъ Анастасія послалъ большіе дары, принявъ которые Василій въ городахъ своей епархіи устроилъ больницы и далъ тамъ пріютъ многимъ немощнымъ и убогимъ.

Блаженный Григорій Назіанзинъ сообщаетъ еще, что святый Василій и того епарха Модеста, который былъ такъ суровъ къ святому, исцѣлилъ молитвою отъ тяжкой болѣзни, когда тотъ въ болѣзни своей со смиреніемъ искалъ помощи отъ его святыхъ молитвъ.

По прошествіи нѣкотораго времени на мѣсто Модеста былъ поставленъ епархомъ родственникъ царя, по имени Евсевій. Въ Кесаріи въ его время жила одна вдова —юная, богатая и очень красивая, по имени Вестіана, дочь Аракса, который былъ членомъ сената. Эту вдову епархъ Евсевій хотѣлъ силою выдать замужъ за одного сановника, она же, будучи цѣломудренна и желая сохранить чистоту вдовства своего незапятнанною, во славу Божію, не хотѣла выходить замужъ. Когда она узнала, что ее хотятъ похитить силою и принудить ко вступленію въ бракъ, то убѣжала въ церковь и припала къ стопамъ архіерея Божія, святаго Василія [2]). Онъ же, принявъ ее подъ свою защиту, не хотѣлъ выдать ее изъ церкви пришедшимъ за нею людямъ, а потомъ тайно отослалъ ее въ дѣвичій монастырь къ сестрѣ своей, преподобной Макринѣ. Разгнѣвавшись на блаженнаго Василія, епархъ послалъ воиновъ взять ту вдову изъ церкви силою, а когда тамъ она не была найдена, повелѣлъ искать ее въ опочивальнѣ святаго. Епархъ, какъ человѣкъ безнравственный, думалъ, что Василій съ грѣховнымъ намѣреніемъ удержалъ ее у себя и скрылъ въ своей опочивальнѣ. Не найдя, однако, ее нигдѣ, онъ призвалъ Василія къ себѣ и съ великою яростью бранилъ его, угрожалъ отдать его на мученіе,

---

1) *Валентиніанъ* царствовалъ съ 364 до 376 г.

2) Церквамъ въ древности, со времени Константина Великаго, было предоставлено такъ называемое право убѣжища: невинно преслѣдуемые скрывались въ нихъ, и начальство имѣло, такимъ образомъ, время убѣдиться въ ихъ невинности.

если тотъ не выдастъ ему вдову. Но святый Василій показалъ себя готовымъ на муки.

— Если ты повелишь строгать желѣзомъ мое тѣло,—сказалъ онъ,—то этимъ уврачуешь мою печень, которая, какъ видишь, сильно безпокоитъ меня[1]).

Въ это время граждане, узнавъ о происшествіи, устремились всѣ—не только мужчины, но и женщины—ко дворцу епарха съ оружіемъ и дреколіемъ, намѣреваясь умертвить его за святаго отца и пастыря своего. И если бы святый Василій не успокоилъ народъ, то епархъ былъ бы убитъ. Послѣдній же, увидѣвъ такое возмущеніе народное, весьма испугался и отпустилъ святаго невредимымъ и свободнымъ.

Елладій, очевидецъ чудесъ Василія и преемникъ его на епископскомъ престолѣ, мужъ добродѣтельный и святый, разсказывалъ слѣдующее. Одинъ православный сенаторъ, по имени Протерій, посѣщая Святыя мѣста, вознамѣрился отдать дочь свою на служеніе Богу въ одинъ изъ монастырей; діаволъ же, исконный ненавистникъ добра, возбудилъ въ одномъ рабѣ Протерія страсть къ дочери господина своего. Видя несбыточность своего желанія и не смѣя ничего сказать о своей страсти дѣвицѣ, рабъ пошелъ къ одному волшебнику, жившему въ томъ городѣ, и разсказалъ ему о своемъ затрудненіи. Онъ обѣщалъ волшебнику много золота, если тотъ своимъ волшебствомъ поможетъ ему жениться на дочери господина своего. Волшебникъ сначала отказывался, но, наконецъ, сказалъ:

— Если хочешь, то я пошлю тебя къ господину моему, діаволу; онъ тебѣ въ этомъ поможетъ, если только и ты исполнишь его волю.

Несчастный же рабъ тотъ сказалъ:

— Все, что онъ ни повелитъ мнѣ, обѣщаюсь исполнить.

Волшебникъ сказалъ тогда:

— Отречешься ли ты отъ Христа своего и дашь ли въ томъ расписку?

Рабъ же сказалъ:

— Готовъ и на это, лишь бы только получить желаемое.

---

[1]) Василій Великій былъ человѣкъ крайне болѣзненный и часто совсѣмъ лишался тѣлесныхъ силъ. «Непрерывныя и сильныя лихорадки,—писалъ онъ самъ,—такъ изнурили мое тѣло, что я не отличаюсь отъ паутины. Всякій путь для меня непроходимъ, всякое дуновеніе вѣтра опаснѣе, чѣмъ треволненіе для пловцовъ... У меня болѣзнь слѣдуетъ за болѣзнію».

— Если ты даешь такое обѣщаніе,—сказалъ волшебникъ,— то и я буду тебѣ помощникомъ.

Потомъ, взявъ хартію, онъ написалъ діаволу слѣдующее:

«Такъ какъ я долженъ, владыка мой, стараться о томъ, чтобы отторгать людей отъ христіанской вѣры и приводить ихъ подъ твою власть для умноженія твоихъ подданныхъ, то я посылаю тебѣ нынѣ подателя сего письма—юношу, разжженнаго страстію къ дѣвицѣ, и прошу за него, чтобы ты оказалъ ему помощь въ исполненіи его желанія. Чрезъ это и я прославлюсь, и къ тебѣ привлеку больше почитателей».

Написавъ такое посланіе къ діаволу, волшебникъ отдалъ его тому юношѣ и послалъ его съ такими словами:

— Иди въ этотъ ночной часъ и стань на еллинскомъ кладбищѣ[1]), поднявъ кверху хартію; тогда сейчасъ же тебѣ явятся тѣ, кои проведутъ тебя къ діаволу.

Несчастный рабъ быстро пошелъ и, остановившись на кладбищѣ, началъ призывать бѣсовъ. И тотчасъ предстали предъ нимъ лукавые духи и съ радостью повели обольщеннаго къ своему князю. Увидѣвъ его, сидѣвшаго на высокомъ престолѣ, и тьмы окружавшихъ его злыхъ духовъ, рабъ отдалъ ему письмо отъ волшебника. Діаволъ, взявъ письмо, сказалъ рабу:

— Вѣруешь ли въ меня?

Тотъ же отвѣтилъ: «вѣрую».

Діаволъ снова спросилъ:

— Отрекаешься ли отъ Христа своего?

— Отрекаюсь,—отвѣтилъ рабъ.

Тогда сатана сказалъ ему:

— Часто вы обманываете меня, христіане: когда просите у меня помощи, то приходите ко мнѣ, а когда достигнете своего, то опять отрекаетесь отъ меня и обращаетесь къ вашему Христу, Который, какъ добрый и человѣколюбивый, принимаетъ васъ. Дай же мнѣ расписку въ томъ, что ты добровольно отрекаешься отъ Христа и Крещенія и обѣщаешь быть моимъ навѣки и со дня суднаго будешь терпѣть со мною вѣчную муку: въ такомъ случаѣ я исполню твое желаніе.

Рабъ, взявъ хартію, написалъ то, чего хотѣлъ отъ него діаволъ. Тогда погубитель душъ, змій древній (т. е. діаволъ), послалъ

---

[1]) Могилы язычниковъ какъ нечистыя считались у древнихъ христіанъ любимымъ мѣстопребываніемъ демоновъ.

бѣсовъ прелюбодѣянія, и они возбудили въ дѣвицѣ такую сильную любовь къ отроку, что она, отъ плотской страсти, упала на землю и стала кричать отцу своему:

— Пожалѣй меня, пожалѣй дочь твою и выдай меня замужъ за нашего раба, котораго я со всею силою полюбила. Если же ты этого для меня, единственной твоей дочери, не сдѣлаешь, то увидишь меня скоро умершею отъ тяжкихъ мученій и отдашь за меня отвѣтъ въ день судный.

Услышавъ это, отецъ пришелъ въ ужасъ и съ плачемъ говорилъ:

— Горе мнѣ, грѣшному! Что такое случилось съ моей дочерью? Кто укралъ у меня мое сокровище? Кто прельстилъ мое дитя? Кто помрачилъ свѣтъ очей моихъ? Я хотѣлъ, дочь моя, обручить тебя Небесному Жениху, чтобы ты была подобна Ангеламъ и въ Псалмахъ и пѣснопѣніяхъ духовныхъ [1]) прославляла Бога, и самъ я ради тебя надѣялся получить спасеніе, а ты безстыдно твердишь о замужествѣ! Не своди меня съ печалію въ преисподнюю, чадо мое, не срами своего благороднаго званія, выходя за раба.

Она же, не обращая вниманія на слова родителя, говорила одно:

— Если не сдѣлаешь по моему желанію, то я убью себя.

Отецъ, не зная, что дѣлать, по совѣту своихъ родственниковъ и друзей согласился лучше исполнить ея волю, чѣмъ видѣть ее умирающею лютою смертью. Призвавъ раба своего, онъ отдалъ ему въ жены дочь свою и большое имѣніе и сказалъ дочери:

— Иди же, несчастная, замужъ! Но я думаю, что ты станешь послѣ сильно раскаяваться въ своемъ поступкѣ и что тебѣ не будетъ отъ этого пользы!

Спустя нѣкоторое время послѣ того, какъ этотъ бракъ совершился и діавольское дѣло исполнилось, было замѣчено, что новобрачный не ходитъ въ церковь и не причащается Святыхъ Таинъ. Объ этомъ было заявлено и несчастной женѣ его:

— Развѣ ты не знаешь,—сказали ей,—что мужъ твой, котораго ты выбрала, не христіанинъ, но чуждъ вѣрѣ Христовой?

Она же, услышавъ это, чрезвычайно опечалилась и, упавъ на землю, начала терзать ногтями лицо свое, безъ устали бить себя руками въ грудь и вопила такъ:

— Никто, ослушавшійся своихъ родителей, не могъ когда-либо спастись! Кто разскажетъ о позорѣ моемъ отцу моему? Горе мнѣ,

[1]) Посл. къ Ефес., гл. 5, ст. 19.

несчастной! Въ какую погибель я попала! Зачѣмъ я родилась и для чего не погибла по рожденіи?

Когда она такъ рыдала, ее услышалъ мужъ ея и поспѣшилъ къ ней спросить о причинѣ ея рыданій. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ сталъ утѣшать ее, говоря, что ей сказали о немъ неправду, и убѣждалъ ее, что онъ—христіанинъ. Она же, немного успокоившись отъ рѣчей его, сказала ему:

— Если ты хочешь увѣрить меня вполнѣ и снять печаль съ несчастной души моей, то утромъ иди со мной въ церковь и причастись предо мною Пречистыхъ Таинъ: тогда я повѣрю тебѣ.

Несчастный мужъ ея, видя, что ему нельзя сокрыть правду, долженъ былъ, противъ желанія своего, разсказать ей о себѣ все — какъ онъ предалъ себя діаволу. Она же, забывъ женскую немощь, поспѣшно отправилась къ святому Василію и возопила къ нему:

— Сжалься надо мною, ученикъ Христовъ, сжалься надъ ослушницей воли отца своего, поддавшейся бѣсовскому обольщенію! — и разсказала ему все въ подробностяхъ о своемъ мужѣ.

Святый, призвавъ мужа ея, спросилъ его, правда ли то, что о немъ говоритъ его жена. Онъ со слезами отвѣтилъ:

— Да, святитель Божій, все это правда! И если я стану молчать, то будутъ вопить объ этомъ дѣла мои, — и разсказалъ все по порядку, какъ онъ предался бѣсамъ.

Святый же сказалъ:

— Хочешь ли снова обратиться къ Господу нашему, Іисусу Христу?

— Да, хочу, но не могу,—отвѣтилъ тотъ.

— Отчего же?—спросилъ Василій.

— Оттого,—отвѣчалъ мужъ,—что я далъ расписку въ томъ, что отрекаюсь отъ Христа и предаю себя діаволу.

Но Василій сказалъ:

— Не скорби о семъ, ибо Богъ—человѣколюбивъ и принимаетъ кающихся.

Жена же, повергшись къ ногамъ святаго, умоляла его, говоря:

— Ученикъ Христовъ! Помоги намъ, въ чемъ можешь.

Тогда святый сказалъ рабу:

— Вѣришь ли въ то, что ты можешь еще спастись?

Онъ же сказалъ въ отвѣтъ:

— Вѣрую, господинъ, помоги моему невѣрію.

Святый послѣ этого, взявъ его за руку, осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ и заперъ его въ комнатѣ, находившейся внутри церковной ограды, заповѣдавъ ему непрестанно молиться Богу. Пробылъ онъ и самъ три дня въ молитвѣ, а потомъ посѣтилъ кающагося и спросилъ его:

— Какъ ты чувствуешь себя, чадо?

— Я нахожусь въ крайне бѣдственномъ состояніи, владыка,— отвѣчалъ юноша,—не могу я выносить криковъ бѣсовскихъ и страховъ, и стрѣлянія, и ударовъ кольями. Ибо демоны, держа въ рукахъ мою расписку, поносятъ меня, говоря: «Ты пришелъ къ намъ, а не мы къ тебѣ!»

Святый же сказалъ:

— Не бойся, чадо, а только вѣруй.

И, давши ему немного пищи, осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ, и опять заперъ его. Чрезъ нѣсколько дней онъ снова посѣтилъ его и сказалъ:

— Какъ живешь ты, чадо?

Тотъ отвѣтилъ:

— Издали я слышу еще угрозы и крикъ ихъ, но самихъ не вижу.

Василій, давъ ему немного пищи и помолившись за него, опять заперъ его и ушелъ. Потомъ онъ пришелъ къ нему на сороковой день и спросилъ его:

— Какъ живешь ты, чадо?

Онъ же сказалъ:

— Хорошо, отецъ святый, ибо я видѣлъ тебя во снѣ, какъ ты боролся за меня и одолѣлъ діавола.

Сотворивъ молитву, святый вывелъ его изъ затвора и привелъ въ келлію. Наутро онъ созвалъ весь причтъ церковный, иноковъ и всѣхъ людей христолюбивыхъ и сказалъ:

— Прославимъ, братіе, человѣколюбца Бога, ибо вотъ теперь Добрый Пастырь хочетъ принять на рамо погибшее овча[1]) и принести его въ Церковь: въ эту ночь мы должны умолять Его благость, чтобы Онъ побѣдилъ и посрамилъ врага душъ нашихъ.

Вѣрующіе собрались въ церковь и молились всю ночь о кающемся, взывая: «Господи, помилуй!»

---

[1]) Взять на плечи, какъ пастухъ восточный беретъ на плечи къ себѣ уставшую овечку.

Когда наступило утро, Василій, взявъ кающагося за руку, повелъ его со всѣмъ народомъ въ церковь, воспѣвая Псалмы и пѣснопѣнія. И вотъ, діаволъ безстыдно пришелъ туда невидимо со всею своею пагубною силою, желая вырвать юношу изъ рукъ святаго. Юноша же началъ вопить:

— Святитель Божій, помоги мнѣ!

Но діаволъ съ такою дерзостію и безстыдствомъ вооружился противъ юноши, что причинялъ боль и святому Василію, увлекая съ собою юношу. Тогда блаженный обратился къ діаволу съ такими словами:

— Безстыднѣйшій душегубецъ, князь тьмы и погибели! Развѣ не довольно для тебя твоей погибели, какую ты причинилъ себѣ и находящимся съ тобою? Ужели ты не перестанешь преслѣдовать созданія Бога моего?

Діаволъ же возопилъ къ нему:

— Обижаешь ты меня, Василій! — и этотъ голосъ діавольскій слышали многіе. Тогда святитель сказалъ:

— Да запретитъ тебѣ Господь, о діаволъ!

Діаволъ же опять сказалъ ему:

— Василій, ты обижаешь меня! Вѣдь не я пришелъ къ нему, а онъ ко мнѣ: онъ отрекся отъ Христа своего, давъ мнѣ расписку, которую я имѣю въ рукѣ своей и которую я въ день судный покажу всеобщему Судіи.

Василій же сказалъ:

— Благословенъ Господь Богъ мой! Эти люди до тѣхъ поръ не опустятъ поднятыхъ къ Небу рукъ своихъ [1]), пока ты не отдашь ту расписку.

Затѣмъ, обратившись къ народу, святый сказалъ:

— Поднимите руки ваши горѣ и взывайте: «Господи, помилуй!»

И вотъ, послѣ того какъ народъ, поднявши руки къ Небу, долгое время вопіялъ со слезами: «Господи, помилуй», расписка того юноши, на глазахъ у всѣхъ, принеслась по воздуху прямо въ руки святителю Василію. Взявъ эту расписку, святый возрадовался и воздавалъ благодареніе Богу, а потомъ, въ слухъ всѣхъ, сказалъ юношѣ:

— Знаешь ли, братъ, эту расписку?

---

[1]) Древніе христіане имѣли обычай, во время молитвы, воздѣвать руки свои къ Небу. Оттуда въ нашей церковной пѣсни говорится: воздѣ́мніе рꙋ́кꙋ моеѥ̀ жертва вечерняѧ. (Стихира на Вечернѣ).

Юноша отвѣчалъ:

— Да, святитель Божій, это моя расписка; я написалъ ее своею собственною рукою.

Василій же Великій тотчасъ разорвалъ ее предъ всѣми на части, и, введя юношу въ церковь, причастилъ его Божественныхъ Таинъ, и предложилъ обильную трапезу всѣмъ присутствовавшимъ. Послѣ того, давъ поученіе юношѣ и указавъ подобающія правила жизни, возвратилъ женѣ его, а тотъ, не умолкая, славословилъ и благодарилъ Бога.

Тотъ же Елладій разсказывалъ о святомъ Василіи еще слѣдующее. Однажды великій отецъ нашъ Василій, будучи озаренъ Божественною благодатію, сказалъ своему клиру:

— Идите, чада, за мною, и мы увидимъ славу Божію, а вмѣстѣ и прославимъ Владыку нашего.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ города, но никто не зналъ, куда онъ хотѣлъ идти. Въ то время въ одномъ селеніи жилъ пресвитеръ Анастасій съ женою Ѳеогніей. Сорокъ лѣтъ они прожили другъ съ другомъ въ дѣвствѣ, и многіе думали, что Ѳеогнія—неплодна, ибо никто не зналъ хранимаго ими въ тайнѣ, чистаго дѣвства. Анастасій же за свою святую жизнь удостоился получить благодать Духа Божія и былъ прозорливцемъ. Провидя духомъ, что Василій хочетъ посѣтить его, онъ сказалъ Ѳеогніи:

— Я иду воздѣлывать поле, а ты, сестра моя, убери домъ и въ девятомъ часу дня, зажегши свѣчи, выйди навстрѣчу святому архіепископу Василію, ибо онъ идетъ посѣтить насъ, грѣшныхъ.

Она удивилась словамъ господина своего, но исполнила его приказаніе. Когда святый Василій былъ невдалекѣ отъ дома Анастасія, Ѳеогнія вышла къ нему навстрѣчу и поклонилась ему.

— Здорова ли ты, госпожа Ѳеогнія?—спросилъ Василій.

Она же, услышавъ, что онъ называетъ ее по имени, пришла въ ужасъ и сказала:

— Я здорова, владыка святый!

Святитель же сказалъ:

— Гдѣ господинъ Анастасій, братъ твой?

Она отвѣчала:

— Это не братъ, а мужъ мой; онъ ушелъ въ поле.

Василій же сказалъ:

— Онъ дома—не безпокойся!

Услышавъ это, она еще больше испугалась, ибо поняла, что святый проникъ въ ихъ тайну, и съ трепетомъ припала къ ногамъ святаго, и сказала:

— Моли за меня, грѣшную, святитель Божій, ибо я вижу, что ты можешь творить великое и дивное.

Святитель же помолился за нее и пошелъ дальше. Когда онъ входилъ въ домъ пресвитера, встрѣтилъ его и самъ Анастасій и, поцѣловавъ ноги святаго, сказалъ:

— Откуда мнѣ это, что ко мнѣ пришелъ святитель Господа моего?

Святитель же, давъ ему лобзаніе о Господѣ, сказалъ:

— Хорошо, что я нашелъ тебя, ученикъ Христовъ; пойдемъ въ церковь и совершимъ службу Божію.

Пресвитеръ же тотъ имѣлъ обычай поститься всѣ дни недѣли, кромѣ субботы и воскресенья, и не вкушалъ ничего, кромѣ хлѣба и воды. Когда они пришли въ церковь, святый Василій повелѣлъ Анастасію служить Литургію, а тотъ отказывался, говоря:

— Ты знаешь, владыка, что сказано въ Писаніи: **ме́ньшїй ѿ бо́льшагѡ бл҃гословля́етсѧ**[1]).

Василій же сказалъ ему:

— При всѣхъ другихъ добрыхъ дѣлахъ своихъ имѣй также и послушаніе.

Когда Анастасій совершалъ Литургію, то, во время возношенія Святыхъ Таинъ, святый Василій и прочіе, кто былъ достоинъ, увидѣли Пресвятаго Духа, сошедшаго въ видѣ огня и окружившаго Анастасія и святый жертвенникъ. По окончаніи Божественной службы всѣ вошли въ домъ Анастасія, и онъ предложилъ трапезу святому Василію и клиру его.

Во время трапезы святый спросилъ пресвитера:

— Откуда ты имѣешь сокровище и каково житіе твое? Разскажи мнѣ.

Пресвитеръ отвѣчалъ:

— Святитель Божій! Я человѣкъ грѣшный и подлежу общенароднымъ податямъ; у меня есть двѣ пары воловъ, изъ которыхъ съ одной я работаю самъ, а съ другой—мой наемникъ; то, что̀ получаю при помощи одной пары воловъ, истрачиваю на успокоеніе странниковъ, а получаемое при помощи другой пары

---

1) Посл. къ Евр., гл. 7, ст. 7.

идетъ на уплату подати: жена моя также трудится со мною, услуживая странникамъ и мнѣ.

Василій же сказалъ ему:

— Зови ее сестрою своею, какъ это и есть на самомъ дѣлѣ, и скажи мнѣ о добродѣтеляхъ твоихъ.

Анастасій отвѣчалъ:

— Я ничего добраго не сдѣлалъ на землѣ.

Тогда Василій сказалъ:

— Встанемъ и пойдемъ вмѣстѣ. — И, возставъ, они пришли къ одной изъ комнатъ его дома.

— Открой мнѣ двери эти,—сказалъ Василій.

— Нѣтъ, святитель Божій,—сказалъ Анастасій,—не входи туда, потому что тамъ нѣтъ ничего, кромѣ хозяйственныхъ вещей.

Василій же сказалъ:

— Но я и пришелъ ради этихъ вещей.

Такъ какъ пресвитеръ все-таки не хотѣлъ открыть дверей, то святый открылъ ихъ своимъ словомъ и, вошедши, нашелъ тамъ одного человѣка, пораженнаго сильнѣйшею проказою[1]), у котораго уже отпали, изгнивши, многія части тѣла. О немъ не зналъ никто, кромѣ самого пресвитера и жены его.

Василій сказалъ пресвитеру:

— Зачѣмъ ты хотѣлъ утаить отъ меня это твое сокровище?

— Это человѣкъ сердитый и бранчливый,—отвѣчалъ пресвитеръ,—и потому я боялся показать его, чтобы онъ не оскорбилъ какимъ-либо словомъ твою святость.

Тогда Василій сказалъ:

— Добрый подвигъ совершаешь ты, но дай и мнѣ въ эту ночь послужить ему, дабы и мнѣ быть соучастникомъ въ той наградѣ, какую ты получишь.

И такъ святый Василій остался съ прокаженнымъ наединѣ и, запершись, всю ночь провелъ въ молитвѣ, а наутро вывелъ его совершенно невредимымъ и здоровымъ. Пресвитеръ же съ женою своею и всѣ, бывшіе тамъ, увидѣвъ такое чудо, прославляли Бога, а святый Василій, послѣ дружеской бесѣды съ пресвитеромъ и поученія, даннаго имъ присутствовавшимъ, возвратился въ домъ свой.

---

[1]) *Проказа*—болѣзнь, разрушающая все тѣло человѣка и притомъ заразная.

Когда о святомъ Василіи услышалъ преподобный Ефремъ Сиринъ[1]), жившій въ пустынѣ, то сталъ молить Бога о томъ, чтобы Онъ показалъ ему, каковъ есть Василій. И вотъ однажды, находясь въ состояніи духовнаго восторга, онъ увидѣлъ огненный столпъ, котораго глава доходила до Неба, и услышалъ голосъ, говорившій:

— Ефремъ, Ефремъ! Какимъ ты видишь этотъ огненный столпъ, таковъ и есть Василій.

Преподобный Ефремъ тотчасъ же, взявъ съ собою переводчика,—ибо не умѣлъ говорить по-гречески,—пошелъ въ Кесарію и прибылъ туда въ праздникъ Богоявленія Господня. Ставъ вдали и не замѣченный никѣмъ, онъ увидѣлъ святаго Василія, шедшаго въ церковь съ великою торжественностью, одѣтаго въ свѣтлую одежду, и клиръ его, также облаченный въ свѣтлыя одежды. Обратившись къ сопровождавшему его переводчику, Ефремъ сказалъ:

— Кажется, братъ, мы напрасно трудились, ибо это человѣкъ столь высокаго чина, что я не видѣлъ такого.

Войдя въ церковь, Ефремъ сталъ въ углу, невидимый никѣмъ, и говорилъ самъ съ собою такъ:

— Мы, **понéсше тѧготꙋ̀ днѐ и҆ вáръ**[2]), ничего не добились, а сей, пользующійся такою славою и честію у людей, есть въ то же время столпъ огненный. Это меня удивляетъ.

Когда святый Ефремъ такъ разсуждалъ, о немъ отъ Духа Святаго узналъ Василій Великій и послалъ къ нему своего архидіакона, сказавъ:

— Иди къ западнымъ вратамъ церковнымъ; тамъ найдешь ты въ углу церкви инока, стоящаго съ другимъ человѣкомъ, почти безбородаго и малаго роста. Скажи ему: пойди и взойди въ алтарь, ибо тебя зоветъ архіепископъ.

Архидіаконъ же, съ большимъ трудомъ протѣснившись чрезъ толпу, подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ преподобный Ефремъ, и сказалъ:

— Отче! Пойди,— прошу тебя,— и взойди въ алтарь: тебя зоветъ архіепископъ.

---

[1]) *Св. Ефремъ Сиринъ*—знаменитый христіанскій подвижникъ и писатель. Память его — 28 января. Названъ онъ *Сириномъ*, т. е. сирійцемъ, потому, что Месопотамія, въ которой онъ родился, въ древности причислялась къ Сиріи.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 20, ст. 12.

Ефремъ же, чрезъ переводчика узнавъ то, что сказалъ архидіаконъ, отвѣчалъ сему послѣднему:

— Ты ошибся, братъ! Мы — люди пришлые и незнакомы архіепископу.

Архидіаконъ пошелъ сказать о семъ Василію, который въ то время изъяснялъ народу Священное Писаніе. И вотъ преподобный Ефремъ увидѣлъ, что изъ устъ говорившаго Василія исходитъ огонь.

Потомъ Василій опять сказалъ архидіакону:

— Иди и скажи пришлому монаху тому: господинъ Ефремъ! Прошу тебя—взойди во святый алтарь: тебя зоветъ архіепископъ.

Архидіаконъ пошелъ и сказалъ, какъ ему было приказано. Ефремъ же удивился этому и прославилъ Бога. Сотворивъ затѣмъ земной поклонъ, онъ сказалъ:

— Воистину великъ Василій, воистину онъ есть столпъ огненный, воистину Духъ Святый говоритъ его устами!

Потомъ упросилъ архидіакона, чтобы тотъ сообщилъ архіепископу, что, по окончаніи святой службы, онъ хочетъ въ уединенномъ мѣстѣ поклониться ему и привѣтствовать его.

Когда Божественная служба окончилась, святый Василій взошелъ въ сосудохранительницу и, призвавъ преподобнаго Ефрема, далъ ему цѣлованіе о Господѣ и сказалъ:

— Привѣтствую тебя, отче, умножившаго учениковъ Христовыхъ въ пустынѣ и силою Христовою изгнавшаго изъ нея бѣсовъ! Для чего, отче, ты принялъ на себя такой трудъ, явившись увидѣть грѣшнаго человѣка? Да воздастъ тебѣ Господь за трудъ твой!

Ефремъ же, отвѣчая Василію чрезъ переводчика, сказалъ ему все, что было у него на сердцѣ, и причастился съ своимъ спутникомъ Пречистыхъ Таинъ изъ святыхъ рукъ Василія. Когда они послѣ въ домѣ Василія сѣли за трапезу, преподобный Ефремъ сказалъ святому Василію:

— Отче святѣйшій! Одной милости прошу я у тебя—соблаговоли мнѣ дать ее.

Василій Великій сказалъ ему:

— Скажи, что тебѣ нужно: я въ большомъ долгу у тебя за трудъ твой, ибо ты для меня предпринялъ столь далекое путешествіе.

— Я знаю, отче,—сказалъ достопочтенный Ефремъ,—что Богъ даетъ тебѣ все, что ты просишь у него; а я хочу, чтобы ты умолилъ Его благость о томъ, чтобы Онъ подалъ мнѣ способность говорить по-гречески.

Василій отвѣчалъ:

— Прошеніе твое выше силъ моихъ, но такъ какъ ты просишь съ твердою надеждою, то пойдемъ, достопочтенный отецъ и пустынный наставникъ, въ храмъ Господень и помолимся ко Господу, Который можетъ исполнить твою молитву, ибо сказано: **во́лю бо́ѧщихсѧ є҆гѡ̀ сотвори́тъ и҆ моли́твꙋ и҆̀хъ ᲂу҆слы́шитъ и҆ сп҃се́тъ ѧ҆̀**[1]).

Избравъ удобное время, они начали молиться въ церкви и молились долго. Потомъ Василій Великій сказалъ:

— Почему, честный отче, ты не принимаешь посвященія въ санъ пресвитера, будучи достоинъ его?

— Потому, что я грѣшенъ, владыка! — отвѣчалъ ему Ефремъ чрезъ переводчика.

— О, если бы и я имѣлъ твои грѣхи! — сказалъ Василій и прибавилъ:—Сотворимъ земной поклонъ.

Когда же они повергнись на землю, святый Василій возложилъ руку свою на главу преподобнаго Ефрема и произнесъ молитву, положенную при посвященіи во діакона. Потомъ онъ сказалъ преподобному:

— Повели теперь подняться намъ съ земли.

Для Ефрема же внезапно стала ясна греческая рѣчь, и онъ сказалъ самъ по-гречески: «**Заступѝ, сп҃сѝ, поми́лꙋй, возста́ви и҆ сохранѝ на́съ, бж҃е, твое́ю бл҃года́тїю**»[2]).

Всѣ прославили Бога, давшаго Ефрему способность понимать и говорить по-гречески. Преподобный же Ефремъ пробылъ со святымъ Василіемъ три дня, въ духовной радости. Василій поставилъ его во діакона, а переводчика его — въ пресвитера и потомъ съ миромъ отпустилъ ихъ.

Въ городѣ Никеѣ[3]) однажды остановился нечестивый царь Валентъ, и представители аріанской ереси обратились къ нему съ

---

[1]) Псаломъ 144, ст. 19.

[2]) Возгласъ изъ малой ектеніи, произносимой діакономъ на Вечернѣ въ день Пятидесятницы.

[3]) *Никея*—городъ въ Малоазійской провинціи Виѳиніи. Здѣсь былъ Первый Вселенскій Соборъ—въ 325 году.

просьбою о томъ, чтобы онъ изгналъ изъ соборной церкви того города православныхъ, а церковь отдалъ ихъ аріанскому сборищу. Царь, самъ будучи еретикомъ, такъ и сдѣлалъ: силою отнялъ церковь у православныхъ и отдалъ ее аріанамъ, а самъ отправился въ Царьградъ. Когда все многочисленное общество православныхъ было погружено въ великую печаль, въ Никею пришелъ общій предстатель и заступникъ всѣхъ церквей святый Василій Великій; тогда вся православная паства пришла къ нему съ воплями и рыданіями и повѣдала ему о причиненной имъ отъ царя обидѣ. Святый же, утѣшивъ ихъ своими словами, тотчасъ пошелъ къ царю въ Константинополь и, представъ предъ нимъ, сказалъ:

— **Че́сть царе́ва сꙋ́дъ лю́битъ**[1]). Зачѣмъ же ты, царь, произнесъ несправедливый приговоръ, изгнавъ православныхъ изъ святой церкви и отдавъ управленіе ею неправомыслящимъ?

Царь же сказалъ ему:

— Ты снова сталъ оскорблять меня, Василій! Не подобаетъ тебѣ такъ поступать.

Василій отвѣтилъ:

— За правду мнѣ и умереть хорошо.

Когда они состязались и препирались другъ съ другомъ, ихъ слушалъ находившійся тамъ главный царскій поваръ, по имени Демосѳенъ. Онъ, желая помочь аріанамъ, сказалъ нѣчто грубое, въ укоръ святому.

Святый же сказалъ:

— Вотъ, мы видимъ предъ собою и неученаго Демосѳена[2]).

Пристыженный поваръ снова проговорилъ что-то въ отвѣтъ, но святый сказалъ:

— Твое дѣло размышлять о кушаньяхъ, а не заниматься варкою догматовъ церковныхъ.

И Демосѳенъ, будучи посрамленъ, замолчалъ. Царь, то возбуждаясь гнѣвомъ, то чувствуя стыдъ, сказалъ Василію:

— Поди и разбери дѣло ихъ; впрочемъ, суди такъ, чтобы не оказаться помощникомъ своихъ единовѣрцевъ.

— Если я разсужу несправедливо,—отвѣчалъ святый,—то пошли и меня въ заточеніе, единовѣрцевъ же моихъ изгони, а церковь отдай аріанамъ.

---

[1]) Псаломъ 98, ст. 4.

[2]) *Демосѳенъ* былъ знаменитѣйшій ораторъ древней Греціи; жилъ въ 384—322 годахъ до Рождества Христова.

Взявъ царскій указъ, святый возвратился въ Никею и, призвавъ аріанъ, сказалъ имъ:

— Вотъ, царь далъ мнѣ власть учинить судъ между вами и православными относительно церкви, которую вы захватили силою.

Они же отвѣчали ему:

— Суди, но по суду царскому[1]).

Святый сказалъ тогда:

— Ступайте и вы, аріане, и вы, православные, и затворите церковь; заперевъ ее, запечатайте печатями: вы—своими, а вы—своими, и поставьте съ той и другой стороны надежную стражу. Потомъ сначала вы, аріане, помолитесь въ теченіе трехъ дней и трехъ ночей, а потомъ подойдите къ церкви. И если, по молитвѣ вашей, двери церковныя откроются сами собою, то пусть церковь будетъ навѣки вашею: если же этого не случится, то мы тогда помолимся одну ночь и пойдемъ съ литіею[2]), при пѣніи священныхъ пѣснопѣній, къ церкви; если она откроется для насъ, то мы будемъ владѣть ею навѣки; если же и намъ не откроется, то церковь будетъ опять ваша.

Это предложеніе аріанамъ понравилось, православные же огорчались на святаго, говоря, что онъ судилъ не по правдѣ, а по страху предъ царемъ. Затѣмъ, когда обѣ стороны крѣпко-накрѣпко заперли святую церковь, къ ней, по запечатаніи ея, была поставлена бдительная стража. Когда аріане, помолившись три дня и три ночи, пришли къ церкви, ничего чудеснаго не случилось: они молились и здѣсь съ утра до шестаго часа, стоя и взывая: **гдⷭ҇и, помилꙋй.** Но двери церковныя предъ ними не открылись, и они ушли со стыдомъ. Тогда Василій Великій, собравъ всѣхъ православныхъ съ женами и дѣтьми, вышелъ изъ города въ церковь святаго мученика Діомида[3]) и, совершивъ тамъ Всенощное бдѣніе, утромъ пошелъ со всѣми къ запечатанной соборной церкви, воспѣвая: «**Ѳⷭ҇тый бж҃е, стⷭ҇тый крѣпкій, стⷭ҇тый безсмертный, помилꙋй насъ!**»

Остановившись предъ дверями церковными, онъ сказалъ народу:

— Поднимите руки свои къ Небесамъ и съ усердіемъ взывайте: **гдⷭ҇и, помилꙋй!**

---

1) Т. е. такъ, какъ судилъ бы самъ царь.

2) *Литія*—съ греч. значитъ усердное моленіе. Она совершалась обычно внѣ храма, а теперь совершается въ притворѣ.

3) Память Діомида, врача безсребренника и мученика, празднуется 16 августа.

Потомъ святый повелѣлъ всѣмъ умолкнуть и, подойдя къ дверямъ, осѣнилъ ихъ трижды крестнымъ знаменіемъ и сказалъ:

— Благословенъ Богъ христіанскій всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ.

Когда народъ воскликнулъ: «а҆ми́нь», тотчасъ сотряслась земля и начали сокрушаться запоры, выпали затворы, разсѣлись печати, и врата открылись, какъ бы отъ сильнаго вѣтра и бури, такъ что двери ударились о стѣны. Святый же Василій началъ воспѣвать:

— **Возми́те врата̀ кнѧ́зи ва́шѧ, и҆ возми́тесѧ врата̀ вѣ́чнаѧ, и҆ вни́детъ цр҃ь сла́вы!**[1])

Затѣмъ онъ вошелъ въ церковь со множествомъ православныхъ и, совершивъ Божественную службу, отпустилъ народъ съ радостію. Безчисленное же множество аріанъ, увидѣвъ то чудо, отстали отъ своего заблужденія и присоединились къ православнымъ. Когда о такомъ правосудномъ рѣшеніи Василія и о томъ славномъ чудѣ узналъ царь, то чрезвычайно удивился и сталъ хулить аріанство; однако, будучи ослѣпленъ нечестіемъ, онъ не обратился въ Православіе и впослѣдствіи погибъ жалкимъ образомъ. Именно, когда онъ былъ пораженъ и получилъ рану на войнѣ въ странѣ Ѳракійской, то убѣжалъ и скрылся въ сараѣ, гдѣ лежала солома. Преслѣдователи же его окружили сарай и подожгли его, и царь, сгорѣвши тамъ, пошелъ въ огонь неугасимый[2]). Смерть царя послѣдовала уже по преставленіи святаго отца нашего Василія, но въ тотъ же годъ, въ который преставился и святый.

Однажды передъ святымъ Василіемъ оклеветанъ былъ братъ его, епископъ Севастійскій Петръ. Про него сказали, что онъ, будто бы, продолжаетъ сожительство съ женою своею, которую оставилъ предъ посвященіемъ въ епископы—епископу же не подобаетъ быть женатымъ. Услышавъ о семъ, Василій сказалъ:

— Хорошо, что вы мнѣ объ этомъ сказали; я пойду съ вами вмѣстѣ и обличу его.

Когда же святый подходилъ къ городу Севастіи, Петръ духомъ узналъ о пришествіи брата, ибо и Петръ былъ исполненъ Духа Божія и жилъ съ мнимою женою своею не какъ съ женою, а какъ съ сестрою, цѣломудренно. И такъ онъ вышелъ изъ города

---

1) Псаломъ 23, ст. 7.

2) Это происходило въ городѣ Адріанополѣ, въ нынѣшней Болгаріи.

навстрѣчу святому Василію на восемь поприщъ[1]) и, увидѣвъ брата съ большимъ числомъ спутниковъ, улыбнулся и сказалъ:

— Братъ, какъ бы на разбойника ты выступилъ противъ меня?

Давши другъ другу цѣлованіе о Господѣ, они вошли въ городъ и, помолившись въ церкви Святыхъ Сорока Мучениковъ, пришли въ епископскій домъ. Василій, увидѣвъ невѣстку свою, сказалъ:

— Здравствуй, сестра моя, лучше же сказать—невѣста Господня; я пришелъ сюда ради тебя.

Она отвѣчала:

— Здравствуй и ты, пречестнѣйшій отче; и я давно уже желала облобызать твои честныя ноги.

И сказалъ Василій Петру:

— Прошу тебя, братъ, ночуй въ эту ночь съ женой твоей въ церкви.

— Я сдѣлаю все, что ты мнѣ повелишь,— отвѣчалъ Петръ.

Когда наступила ночь и Петръ ночивалъ въ церкви съ женой своей, тамъ находился и святый Василій съ пятью добродѣтельными мужами. Около полуночи онъ разбудилъ этихъ мужей и сказалъ имъ:

— Что вы видите надъ братомъ моимъ и надъ невѣсткою моею?

Они же сказали:

— Видимъ Ангеловъ Божіихъ, обвѣвающихъ ихъ и намащающихъ ароматами ихъ непорочное ложе.

Василій сказалъ тогда имъ:

— Молчите же и никому не разсказывайте того, что видѣли.

Наутро Василій повелѣлъ народу собраться въ церковь и принести сюда жаровню съ горящими угольями. Послѣ сего онъ сказалъ:

— Простри, честная невѣстка моя, свою одежду.

И когда она сдѣлала это, святый сказалъ держащимъ жаровню:

— Положите ей въ одежду горящихъ углей.

Они исполнили это повелѣніе. Тогда святый сказалъ ей:

— Держи эти уголья въ своей одеждѣ до тѣхъ поръ, пока я тебѣ скажу.

---

1) *Поприще*—мѣра разстояній; она равнялась нашимъ 690 саженямъ.

Потомъ онъ снова повелѣлъ принести новыхъ горящихъ углей и сказалъ брату своему:

— Простри, братъ, фелонь твою[1]).

Когда тотъ исполнилъ это повелѣніе, Василій сказалъ слугамъ:

— Высыпьте уголья изъ жаровни въ фелонь, — и тѣ высыпали.

Когда Петръ и жена его долгое время держали горящіе уголья въ одеждахъ своихъ и не терпѣли отъ этого никакого вреда, народъ, видѣвшій это, дивился и говорилъ:

— Господь хранитъ преподобныхъ Своихъ и даруетъ имъ блага еще на землѣ.

Когда же Петръ съ женою своею бросили уголья на землю, отъ нихъ не чувствовалось никакого дымнаго запаху, и одежды ихъ остались необожженными. Затѣмъ Василій повелѣлъ вышеупомянутымъ пяти добродѣтельнымъ мужамъ, чтобы они всѣмъ разсказали о томъ, что видѣли, и тѣ повѣдали народу, какъ они видѣли въ церкви Ангеловъ Божіихъ, витавшихъ надъ одромъ блаженнаго Петра и супруги его и намащавшихъ ароматами непорочное ихъ ложе. Послѣ сего всѣ прославили Бога, очищающаго угодниковъ Своихъ отъ лживой клеветы человѣческой.

Во дни преподобнаго отца нашего Василія въ Кесаріи была одна вдова знатнаго происхожденія, чрезвычайно богатая; живя сластолюбиво, угождая плоти своей, она совершенно поработила себя грѣху и много лѣтъ пребывала въ блудной нечистотѣ. Богъ же, Который хочетъ, чтобы всѣ покаялись[2]), коснулся Своею благодатію и ея сердца, и женщина стала раскаяваться въ своей грѣховной жизни. Оставшись однажды наединѣ сама съ собою, она размышляла о безмѣрномъ множествѣ своихъ грѣховъ и стала такъ оплакивать свое положеніе:

— Горе мнѣ, грѣшной и блудной! Какъ стану я отвѣчать праведному Судіи за содѣланные мною грѣхи? Я растлила храмъ тѣла моего, осквернила свою душу. Горе мнѣ, самой тягчайшей

---

[1]) *Фелонь*—такъ называлась въ древности вообще верхняя, длинная и широкая, одежда безъ рукавовъ, обнимавшая со всѣхъ сторонъ тѣло. Христіанская древность, изъ благоговѣнія къ Спасителю и Его Апостоламъ, употреблявшимъ, если не такую, то подобную верхнюю одежду, приняла фелонь въ число свящ. облаченій и съ древнѣйшихъ временъ усвоила ее какъ епископамъ, такъ и священникамъ.

[2]) 2 Посл. Петра, гл. 3, ст. 8.

изъ грѣшницъ! Съ кѣмъ я могу сравнить себя по своимъ грѣхамъ? Съ блудницей ли, или съ мытаремъ? Но никто не согрѣшилъ такъ, какъ я. И—что особенно страшно—я совершила столько зла уже по принятіи Крещенія. И кто возвѣститъ мнѣ, приметъ ли Богъ мое покаяніе?

Такъ рыдая, она припомнила все, что сдѣлала съ юности до старости, и, сѣвши, написала это на хартіи. Послѣ же всего записала одинъ грѣхъ самый тяжкій и запечатала эту хартію свинцовою печатью. Затѣмъ, выбравъ время, когда святый Василій пошелъ въ церковь, она устремилась къ нему и, бросившись къ его ногамъ съ хартіей, восклицала:

— Помилуй меня, святитель Божій,—я согрѣшила больше всѣхъ!

Святый, остановившись, спросилъ ее, чего она отъ него хочетъ; она же, подавая ему въ руки запечатанную хартію, сказала:

— Вотъ, владыка, всѣ грѣхи и беззаконія мои я написала на этой хартіи и запечатала ее; ты же, угодникъ Божій, не читай ее и не снимай печати, но только очисти ихъ своею молитвою, ибо я вѣрю, что Тотъ, Кто подалъ мнѣ эту мысль, услышитъ тебя, когда ты будешь молиться обо мнѣ.

Василій же, взявъ хартію, поднялъ очи на Небо и сказалъ:

— Господи! Тебѣ единому возможно сіе. Ибо, если Ты взялъ на Себя грѣхи всего міра, то тѣмъ болѣе Ты можешь очистить прегрѣшенія сей единой души, такъ какъ всѣ грѣхи наши хотя сосчитаны у Тебя, но милосердіе Твое безмѣрно и неизслѣдимо!

Сказавъ сіе, святый Василій вошелъ въ церковь, держа въ рукахъ хартію, и, повергшись предъ жертвенникомъ, всю ночь провелъ въ молитвѣ о той женщинѣ.

Наутро, совершивъ Божественную службу, святитель призвалъ женщину и отдалъ ей запечатанную хартію въ томъ видѣ, въ какомъ получилъ ее, и при этомъ сказалъ ей:

— Ты слышала, женщина, что **никто́ же мо́жетъ ѡ҆ставля́ти грѣхѝ, то́кмѡ є҆ди́нъ бг҃ъ?**[1])

Она же сказала:

— Слышала, честны́й отче, и поэтому-то я обезпокоила тебя просьбою умолить Его благость.

Сказавъ это, женщина развязала хартію свою и увидѣла, что всѣ грѣхи ея были здѣсь изглажены; не изглаженъ былъ только

[1]) Еванг. отъ Марка, гл. 2, ст. 7.

тотъ тяжкій грѣхъ, который былъ записанъ ею послѣ. При видѣ этого женщина ужаснулась и, ударяя себя въ грудь, упала къ ногамъ святаго, взывая:

— Помилуй меня, рабъ Бога Вышняго, и какъ ты смилостивился надъ всѣми беззаконіями моими и умолилъ за нихъ Бога, такъ умоли и о семъ, чтобы оно было вполнѣ очищено.

Архіепископъ же, прослезившись отъ жалости къ ней, сказалъ:

— Встань, женщина: я и самъ человѣкъ грѣшный и нуждаюсь въ помилованіи и прощеніи; Тотъ же, Кто очистилъ прочіе твои грѣхи, можетъ очистить и еще не изглаженный твой грѣхъ; если же ты на будущее время будешь беречь себя отъ грѣха и начнешь ходить путемъ Господнимъ, то будешь не только прощена, но и сподобишься небеснаго прославленія. Вотъ что я тебѣ совѣтую: ступай въ пустыню; тамъ найдешь ты мужа святаго по имени Ефремъ; отдай ему эту хартію и проси его, чтобы онъ испросилъ тебѣ помилованіе у Человѣколюбца Бога.

Женщина, по слову святаго, пошла въ пустыню и, пройдя большое разстояніе, нашла келлію блаженнаго Ефрема. Постучавшись въ дверь, она сказала:

— Помилуй меня грѣшную, преподобный отче!

Святый Ефремъ, узнавъ духомъ своимъ о цѣли, съ какою она пришла къ нему, отвѣчалъ ей:

— Отойди отъ меня, женщина, ибо я—человѣкъ грѣшный и самъ нуждаюсь въ помощи другихъ людей.

Она бросила тогда предъ нимъ хартію и сказала:

— Меня послалъ къ тебѣ архіепископъ Василій, чтобы ты, помолившись Богу, очистилъ грѣхъ мой, который написанъ въ этой хартіи; остальные грѣхи очистилъ онъ, а ты объ одномъ грѣхѣ не откажи помолиться, ибо я къ тебѣ послана.

Преподобный же Ефремъ сказалъ:

— Нѣтъ, чадо, тотъ, кто могъ умолить Бога о многихъ твоихъ грѣхахъ, тѣмъ болѣе можетъ умолить объ одномъ. Итакъ ступай, ступай немедля, чтобы застать его въ живыхъ, прежде чѣмъ онъ отойдетъ ко Господу.

Тогда женщина, поклонившись преподобному, возвратилась въ Кесарію.

Но пришла она сюда какъ разъ къ погребенію святаго Василія, ибо онъ уже преставился, и святое тѣло его несли къ мѣсту погребенія. Встрѣтивъ погребальное шествіе, женщина громко

зарыдала, бросилась на землю и говорила святому, какъ бы живому:

— Горе мнѣ, святитель Божій! Горе мнѣ, несчастной! Для того ли ты отослалъ меня въ пустыню, чтобы, не тревожимый мною, ты могъ выйти изъ тѣла? И вотъ я воротилась съ пустыми руками, напрасно совершивъ трудное путешествіе въ пустыню. Пусть увидитъ это Богъ и пусть разсудитъ Онъ между мною и тобою въ томъ, что ты, имѣя возможность самъ подать мнѣ помощь, отослалъ меня къ другому.

Такъ вопія, она бросила хартію поверхъ одра святаго, разсказывая всѣмъ людямъ о своемъ горѣ. Одинъ же изъ клириковъ, желая посмотрѣть, что было написано въ хартіи, взялъ ее и, развязавъ, не нашелъ на ней никакихъ словъ: вся хартія стала чиста.

— Здѣсь ничего не написано,—сказалъ онъ женщинѣ,—и напрасно ты печалишься, не зная проявившагося на тебѣ неизреченнаго человѣколюбія Божія.

Весь же народъ, увидѣвъ это чудо, прославилъ Бога, давшаго такую власть рабамъ Своимъ и по ихъ преставленіи.

Въ Кесаріи жилъ одинъ еврей, по имени Іосифъ. Онъ былъ такъ искусенъ въ наукѣ врачеванія, что опредѣлялъ, по наблюденію надъ движеніемъ крови въ жилахъ, день наступленія смерти больнаго за три или за пять дней и указывалъ даже на самый часъ кончины. Богоносный же отецъ нашъ Василій, предвидя будущее его обращеніе ко Христу, очень любилъ его и, часто приглашая его къ бесѣдѣ съ собой, уговаривалъ его оставить еврейскую вѣру и принять Святое Крещеніе. Но Іосифъ отказывался, говоря:

— Въ какой вѣрѣ родился я, въ той хочу и умереть.

Святый же сказалъ ему:

— Повѣрь мнѣ, что ни я, ни ты не умремъ, пока ты **не родишися водою и дх҃омъ**[1]): ибо безъ такой благодати нельзя войти въ Царство Божіе. Развѣ отцы твои не крестились **во ѻ҆блацѣ и въ мори**[2])? Развѣ не пили они изъ камня, который былъ прообразомъ духовнаго камня—Христа, родившагося отъ Дѣвы ради нашего спасенія? Сего Христа твои отцы распяли, но Онъ, будучи погре-

---

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. 3, ст. 5.

[2]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 10, ст. 1.

бенъ, на третій день воскресъ, и, взойдя на Небеса, сѣлъ одесную Отца, и оттуда придетъ судить живыхъ и мертвыхъ.

Много и другаго, полезнаго для души, говорилъ ему святый, но еврей все пребывалъ въ своемъ невѣріи. Когда же наступило время преставленія святаго, онъ заболѣлъ и призвалъ къ себѣ еврея, какъ бы нуждаясь въ его врачебной помощи, и спросилъ его:

— Что скажешь ты обо мнѣ, Іосифъ?

Тотъ же, осмотрѣвъ святаго, сказалъ домашнимъ его:

— Приготовьте все къ погребенію, ибо съ минуты на минуту нужно ожидать его смерти.

Но Василій сказалъ:

— Ты не знаешь, что̀ говоришь!

Еврей отвѣчалъ:

— Повѣрь мнѣ, владыка, что смерть твоя наступитъ еще до захода солнца.

Тогда Василій сказалъ ему:

— А если я останусь живъ до утра, до шестаго часа, что ты тогда сдѣлаешь?

Іосифъ отвѣтилъ:

— Пусть я умру тогда!

— Да,—сказалъ на это святый,—умри, но умри грѣху, чтобы жить для Бога!

— Знаю, о чемъ ты говоришь, владыка!—отвѣчалъ еврей.— И вотъ я клянусь тебѣ, что если ты проживешь до утра, я исполню твое желаніе!

Тогда святый Василій сталъ молиться Богу о томъ, чтобы Онъ продолжилъ жизнь его до утра для спасенія души еврея,— и получилъ просимое. Наутро онъ послалъ за нимъ; но тотъ не повѣрилъ слугѣ, сказавшему ему, что Василій живъ; однако пошелъ, чтобы увидѣть его, какъ онъ думалъ, уже умершимъ. Когда же онъ увидѣлъ его дѣйствительно живымъ, то пришелъ какъ бы въ изступленіе, а потомъ, упавъ въ ноги святому, сказалъ въ порывѣ сердечномъ:

— Великъ Богъ христіанскій, и нѣтъ другаго Бога, кромѣ Него! Я отрекаюсь отъ богопротивнаго жидовства и обращаюсь въ истинную, христіанскую вѣру. Повели же, святый отецъ, немедленно преподать мнѣ Святое Крещеніе, а также и всему дому моему.

Святый Василій сказалъ ему:

— Я крещу тебя самъ, своими руками!

Еврей, подойдя къ нему, дотронулся до правой руки святаго и сказалъ:

— Силы твои, владыка, ослабѣли, и все естество твое въ конецъ изнемогло; ты не сможешь окрестить меня самъ.

— Мы имѣемъ Создателя, укрѣпляющаго насъ, — отвѣчалъ Василій.

И, возставъ, вошелъ въ церковь и предъ лицомъ всего народа окрестилъ еврея и всю семью его; онъ нарекъ ему имя Іоаннъ и причастилъ его Божественныхъ Таинъ, самъ совершивъ въ тотъ день Литургію. Преподавъ наставленіе новокрещенному о вѣчной жизни и обратившись съ словомъ назиданія ко всѣмъ своимъ словеснымъ овцамъ, святитель оставался въ церкви до девятаго часа. Потомъ, давъ всѣмъ послѣднее цѣлованіе и прощеніе, онъ сталъ благодарить Бога за всѣ Его неизреченныя благодѣянія и, когда еще слово благодаренія было на устахъ его, предалъ душу свою въ руки Божіи и какъ архіерей присоединился къ почившимъ архіереямъ, а какъ великій словесный громъ[1]—къ проповѣдникамъ, въ первый день января 379 года, въ правленіе Граціана[2]), воцарившагося послѣ отца своего, Валентиніана.

Святый Василій Великій пасъ церковь Божію восемь лѣтъ шесть мѣсяцевъ и шестнадцать дней, а всѣхъ лѣтъ житія его было сорокъ девять.

Новокрещенный же еврей, увидѣвъ святаго умершимъ, палъ на лице его и со слезами сказалъ:

— Воистину, рабъ Божій Василій, ты и теперь не умеръ бы, если бы не захотѣлъ самъ.

Погребеніе святаго Василія представляло знаменательное событіе и показывало, какимъ высокимъ уваженіемъ пользовался онъ. Не только христіане, но и іудеи, и язычники толпами стремились на улицу въ великомъ множествѣ и настойчиво тѣснились ко гробу почившаго святителя. На погребеніе Василія прибылъ и святый Григорій Назіанзинъ и плакалъ много по святомъ. Собравшіеся сюда архіереи воспѣли надгробныя пѣснопѣнія и погребли честныя мощи великаго угодника Божія Василія въ церкви святаго

---

[1]) Т. е. имѣвшій особенный даръ краснорѣчія, убѣдительности и силы рѣчи.

[2]) *Граціанъ* правилъ имперіей (сначала вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Валентиніаномъ I) съ 375 по 383 годъ.

мученика Евпсихія[1]), восхваляя Бога, Единаго въ Троицѣ, Ему же слава во вѣки. Аминь[2]).

Тропа́рь ст҃и́телѧ, гла́съ а҃:

Во всю̀ зе́млю и҆зы́де вѣща́нїе твоѐ, ꙗ҆́кѡ прїе́мшꙋю сло́во твоѐ, и҆́мже бг҃олѣ́пнѡ наꙋчи́лъ є҆сѝ, є҆стество̀ сꙋ́щихъ ᲂу҆ѧсни́лъ є҆сѝ, человѣ́ческїѧ ѻ҆бы́чаи ᲂу҆краси́лъ є҆сѝ, ца́рское свѧще́нїе ѻ҆́тче преподо́бне: молѝ хрⷭ҇та̀ бг҃а спасти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ[3]).

Конда́къ, гла́съ д҃:

И҆ви́лсѧ є҆сѝ ѡ҆снова́нїе непоколеби́мое це́ркве, подаѧ̀ всѣ́мъ некра́домое госпо́дство человѣ́кѡмъ, запечатлѣ́ѧ твои́ми велѣ́ньми, небоѧвле́нне васі́лїе преподо́бне.

Ст҃ы́й мч҃нкъ Васі́лїй

---

[1]) Гдѣ находятся въ настоящее время мощи св. Василія—неизвѣстно: на Аѳонѣ (въ лаврѣ св. Аѳанасія) показываютъ только главу его; тѣло же его святое, по сказаніямъ западныхъ писателей, во время Крестовыхъ походовъ было взято изъ Кесаріи и перенесено крестоносцами на Западъ—во Фландрію.—За свои заслуги Церкви и необыкновенную высоконравственную и подвижническую жизнь св. Василій названъ *Великимъ* и прославляется какъ «слава и красота Церкви», «свѣтило и око вселенной», «учитель догматовъ», «палата учености», «вождь жизни».

[2]) На Всенощномъ бдѣніи на память св. Василія Великаго Церковь произноситъ въ честь Обрѣзанія Господня двѣ пареміи и одну — въ честь вселенскаго учителя и святителя Василія: о высокомъ совершенствѣ праведныхъ и благѣ отъ нихъ для ближнихъ (Притч. **10**, 31—32; **11**, 1—12). *Евангеліе* утреннее въ честь святителя (Іоан. **10**, 1—9) благовѣствуетъ о достоинствѣ истиннаго пастыря, полагающаго душу свою за овцы. На Литургіи, которая въ 1-й день января бываетъ св. Василія Великаго, чтеніемъ *Апостола* въ честь его Церковь возвѣщаетъ о совершеннѣйшемъ архіереѣ—Сынѣ Божіемъ, Которому святый Василій Великій подражалъ въ своей жизни (Евр. **7**, 26—**8**, 2). *Евангеліе на Литургіи* (одно—Обрѣзанію, другое—св. Василію) въ честь святителя благовѣствуетъ ученіе Іисуса Христа о блаженствѣ нищихъ духомъ, алчущихъ и жаждущихъ правды и гонимыхъ за вѣру Христову (Луки **6**, 17—23), какимъ былъ и св. Василій Великій.

[3]) Слова: и҆́мже бг҃олѣ́пнѡ наꙋчи́лъ є҆сѝ—указываютъ на сообщеніе чрезъ творенія св. Василія истиннаго ученія о Богѣ.—Слова: є҆стество̀ сꙋ́щихъ ᲂу҆ѧсни́лъ є҆сѝ—указываютъ на великую ученость св. Василія, на глубокое знаніе имъ законовъ природы. Св. Василій оставилъ послѣ себя много сочиненій, въ которыхъ объяснилъ, между прочимъ, премудрое устройство Богомъ всего существующаго.—Слова: человѣ́ческїѧ ѻ҆бы́чаи ᲂу҆краси́лъ є҆сѝ—указываютъ на то, что св. Василій написалъ многія правила и уставы, которыми ввелъ въ употребленіе многіе благочестивые обычаи.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ВАСИЛІЯ АНКИРСКАГО

Святый мученикъ Василій принадлежалъ къ знатнымъ гражданамъ Анкиры[1]). Въ царствованіе императора Юліана Отступника[2]) за исповѣданіе и проповѣдь христіанской вѣры онъ былъ схваченъ и приведенъ къ игемону Сатурнину. На вопросъ игемона, вѣруетъ ли онъ во Христа, Василій громкимъ голосомъ воскликнулъ:

— Нѣтъ инаго Бога, кромѣ Него.

Такъ святый безъ малѣйшаго страха засвидѣтельствовалъ о своей вѣрѣ во Христа, за что и былъ подвергнутъ жестокой пыткѣ: онъ былъ повѣшенъ на деревѣ, и тѣло его немилосердно строгали желѣзными орудіями.

Затѣмъ дерзновенный исповѣдникъ Христовъ отосланъ былъ въ Константинополь и тамъ снова подвергся тому же тяжкому испытанію. Послѣ того мучители стали вытягивать тѣло страстотерпца съ такой силой, что кости его вышли изъ своихъ суставовъ; при этомъ съ воина Христова срѣзали кожу въ видѣ ремней и кололи тѣло его раскаленными желѣзными спицами.

Святый Василій мужественно претерпѣлъ всѣ эти мученія, будучи подкрѣпляемъ Божественною силой. Наконецъ мучители ввергли его въ раскаленную печь. Сохраненный силою Божіею невредимымъ отъ огня, Василій въ узахъ отведенъ былъ изъ Константинополя въ Кесарію[3]) и здѣсь осужденъ на растерзаніе звѣрямъ. Съ горячею молитвою ожидалъ святый Василій мученическаго вѣнца и стяжалъ его, послѣ того какъ былъ растерзанъ львицей[4]).

Нѣкоторые изъ сродниковъ и друзей святаго страстотерпца тщательно собрали священные его останки, умастили ихъ благовоніями и, обвивъ пеленами, предали честнóму погребенію. Впослѣдствіи при гробницѣ святаго мученика Василія сооруженъ былъ храмъ.

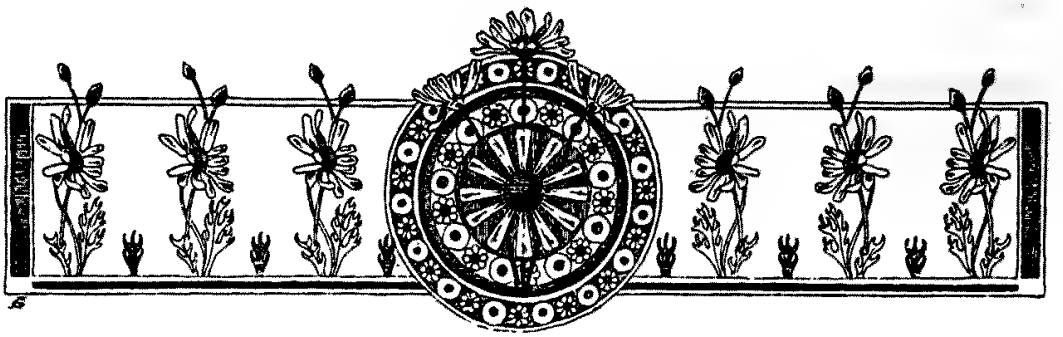
---

1) *Анкира,* главный городъ малоазійской провинціи—Галатіи (нынѣ *Ангора*).

2) *Юліанъ* царствовалъ съ 361-го по 363-й годъ.

3) Здѣсь разумѣется *Кесарія Каппадокійская.*

4) *Святый мученикъ Василій* скончался около 362 года.



День второй

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

СЕРАФИМА САРОВСКАГО

Преподобный Серафимъ, старецъ Саровскій, родомъ былъ изъ Курска и происходилъ отъ благочестивыхъ и состоятельныхъ родителей по фамиліи Мошниныхъ, принадлежавшихъ къ именитому купеческому сословію города; онъ родился 19-го іюля 1759 года и во Святомъ Крещеніи нареченъ былъ Прохоромъ. Отецъ его, Исидоръ, имѣлъ великое усердіе къ храмамъ Божіимъ, а мать его, Агаѳія, еще болѣе мужа своего почитаема была за свое благочестіе и благотворительность. На третьемъ году отъ рожденія Прохоръ лишился своего отца, и единственною воспитательницею его осталась благочестивая мать его Агаѳія, подъ руководствомъ которой онъ возросъ въ благочестіи христіанскомъ и въ любви къ молитвѣ и храму Божію. Съ ранняго дѣтства надъ блаженнымъ проявлялся дивный покровъ Божій, явно предуказывая въ немъ благодатнаго избранника Божія. Однажды мать его, осматривая постройку церкви, начатую еще ея мужемъ, взяла семилѣтняго Прохора вмѣстѣ съ собою на самый верхъ строившейся колокольни. По неосторожности отрокъ упалъ съ колокольни на землю. Агаѳія въ ужасѣ сбѣжала съ колокольни, думая, что сынъ ея разбился до смерти, но съ удивленіемъ и радостію увидѣла его

стоящимъ на ногахъ, цѣлымъ и невредимымъ. Такъ надъ благодатнымъ отрокомъ исполнились слова Писанія: **не прїи́детъ къ тебѣ̀ ѕло̀, и҆ ра́на не прибли́житсѧ тѣлеси̇̀ твоемꙋ̀, ꙗ҆́кѡ а҆́гг҃лѡмъ свои̑мъ заповѣ́сть ѡ҆ тебѣ̀, сохрани́ти тѧ̀ во всѣ́хъ пꙋте́хъ твои́хъ. На рꙋка́хъ во́змꙋтъ тѧ̀, да не когда̀ преткне́ши ѡ҆ ка́мень но́гꙋ твою̀** [1]).

На десятомъ году Прохора начали обучать грамотѣ, и отрокъ быстро сталъ постигать церковную грамоту, обнаруживая свѣтлый умъ и память и въ то же время украшая себя кротостью и смиреніемъ. Но вдругъ онъ впалъ въ тяжкій недугъ, такъ что домашніе не надѣялись на его выздоровленіе. Въ это тяжелое для него время Прохоръ видитъ въ сонномъ видѣніи Пресвятую Богородицу, Которая обѣщала посѣтить его и исцѣлить отъ болѣзни. Въ скоромъ же времени слова Богоматери сбылись. Въ это время случился въ Курскѣ Крестный ходъ во главѣ съ чудотворной иконой Знаменія Пресвятыя Богородицы[2]). По причинѣ дождя и грязи Крестный ходъ, для сокращенія пути, направился черезъ дворъ Мошниной. Благочестивая Агаѳія поспѣшила вынести больного сына, приложила его къ чудотворной иконѣ Богоматери, послѣ чего отрокъ совершенно выздоровѣлъ.

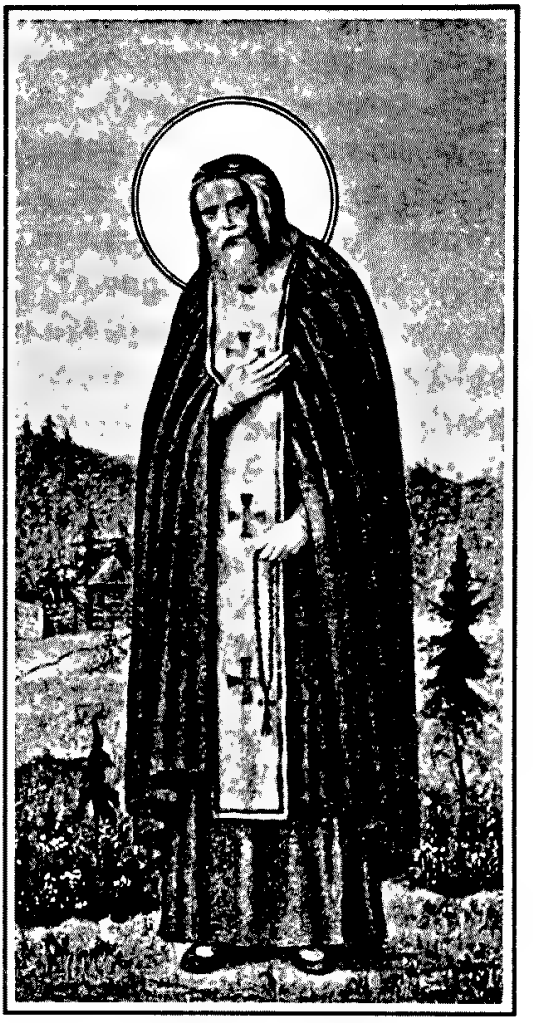
Съ любовію прилежалъ благочестивый отрокъ къ книжному ученію, изучая Священное Писаніе и другія божественныя и душеполезныя книги, весь умъ свой вперивъ къ Богу, любовію къ Которому пламенѣла его чистая душа. Между тѣмъ, старшій его братъ, занимавшійся торговлей, понемногу сталъ пріучать къ ней Прохора, но сердце отрока не лежало къ этому дѣлу: душа его стремилась стяжать себѣ духовное сокровище, нетлѣнное и неоскудѣваемое. Не имѣя возможности посѣщать въ будничные дни Божественную Литургію, Прохоръ, несмотря на то, не пропускалъ почти ни одного дня безъ посѣщенія храма Божія и съ разсвѣта поднимался, чтобы прослушать Утреню; въ воскресные же и праздничные дни онъ особенно любилъ заниматься на свободѣ чтеніемъ духовно-назидательныхъ книгъ, причемъ иногда читалъ вслухъ и

---

[1]) Псаломъ **90**, ст. 10—12.

[2]) Знаменская икона Богоматери находится въ Курскомъ Знаменскомъ монастырѣ, иначе называется *Коренною*, потому что была чудесно обрѣтена при корнѣ дерева, гдѣ послѣ была основана, въ 1597 г., Рождество-Богородицкая (нынѣ общежительная) пустынь, въ 27 верстахъ отъ Курска. Торжественныя празднества въ честь чудотворной Коренной иконы Знаменія Божіей Матери совершаются 27-го ноября и 13-го сентября, въ день возвращенія въ Знаменскій монастырь изъ Коренной пустыни, куда она ежегодно препровождается къ 9-й пятницѣ по Пасхѣ, оставаясь тамъ до 12-го сентября.

своимъ сверстникамъ, но болѣе предпочиталъ уединеніе и безмолвіе. Отъ матери Прохора не утаилось направленіе ея сына, но она не противорѣчила его желанію. И вотъ, когда благочестивому юношѣ исполнилось семнадцать лѣтъ, онъ твердо рѣшилъ оставить міръ и, съ благословенія матери, напутствовавшей его мѣднымъ крестомъ, съ которымъ съ тѣхъ поръ никогда не разставался, посвятилъ себя иноческой жизни.



Прѣбный
СЕРАФІМЪ

Оставивъ міръ, блаженный отправился сначала на богомолье въ Кіево-Печерскую Лавру, гдѣ одинъ прозорливый затворникъ, по имени Досиѳей, провидя въ юношѣ добраго подвижника Христова, благословилъ его идти спасаться въ Саровскую пустынь[1]).

— Гряди, чадо Божіе,—говорилъ прозорливый старецъ юному подвижнику,—и пребудь въ Са-

[1]) *Саровская мужская пустынь*, Тамбовской губ., Темниковскаго уѣзда, находится въ 37 верстахъ отъ г. Темникова; основана въ 1770 году іеросхимонахомъ Іоанномъ, при впаденіи р. Саровки въ р. Сатисъ, на мѣстѣ татарскаго города Сараклычъ. Мѣсто это было освящено еще ранѣе подвигами добродѣтельныхъ подвижниковъ: первоначально—инока Ѳеодосія и потомъ Герасима, которые оба были свидѣтелями разныхъ благодатныхъ знаменій, явно предуказывавшихъ будущее значеніе этой мѣстности (напр., въ видѣ исходящаго свыше огненнаго луча, громкаго благовѣста многихъ колоколовъ и т. д.). Спустя шесть лѣтъ по основаніи обители, подъ день, назначенный для воздвиженія креста на главѣ перваго воздвигавшагося въ Саровѣ храма, на горѣ, гдѣ расположена обитель, раздался ночью громкій колокольный звонъ, между тѣмъ какъ ни одного колокола не было; то же повторилось передъ полуднемъ, причемъ работавшихъ освѣтилъ необыкновенный свѣтъ. Изъ преемниковъ іеросхимонаха Іоанна особенно замѣчателенъ своею подвижническою жизнію и благоустройствомъ монастыря строитель Ефремъ. Саровская пустынь издавна славилась строгимъ соблюденіемъ иноческихъ уставовъ и подвижническою жизнію своихъ пустынниковъ. Въ настоящее время Саровская пустынь принадлежитъ къ числу благоустроеннѣйшихъ и обезпеченнѣйшихъ русскихъ обителей. Въ ней находится до 7 храмовъ; ризница ея замѣчательна по выдающейся цѣнности, красотѣ и изяществу хранимыхъ въ ней богослужебныхъ принадлежностей. Обитель обладаетъ большими угодьями.

ровской обители; мѣсто сіе будетъ тебѣ во спасеніе; съ помощію Божіею, тамъ окончишь ты и свое земное странствованіе. Святый Духъ, Сокровище благихъ, управитъ жизнь твою во святынѣ.

Повинуясь завѣту прозорливаго старца, Прохоръ пришелъ въ Саровскую пустынь, гдѣ съ любовію былъ принятъ настоятелемъ пустыни старцемъ Пахоміемъ, инокомъ кроткимъ и смиренномудрымъ, много подвизавшимся въ постѣ и молитвѣ и бывшимъ образцомъ иноковъ. Провидя благое произволеніе Прохора, Пахомій опредѣлилъ его въ число послушниковъ и отдалъ въ наученіе старцу, іеромонаху Іосифу, бывшему казначеемъ обители. Находясь въ келейномъ послушаніи у старца, Прохоръ съ ревностію исполнялъ всѣ монастырскія правила и уставы и различныя братскія послушанія: въ хлѣбнѣ, въ просфорнѣ, въ столярнѣ; кромѣ того, онъ исполнялъ въ храмѣ обязанности пономаря. Никогда не бывалъ онъ празднымъ, но постоянною работою старался предохранить себя отъ скуки, которую считалъ однимъ изъ опаснѣйшихъ для инока искушеній.

— Болѣзнь сія врачуется,—говорилъ онъ впослѣдствіи по собственному опыту,—молитвою, воздержаніемъ отъ празднословія, посильнымъ рукодѣліемъ, чтеніемъ слова Божія и терпѣніемъ, потому что и раждается она отъ малодушія, безпечности и празднословія.

На церковныя службы Прохоръ являлся прежде всѣхъ, выстаивая неподвижно все Богослуженіе, какъ бы оно ни было продолжительно. Внѣ церкви любилъ онъ уединяться въ своей келліи. Занимаясь рукодѣліемъ или какимъ-либо инымъ послушаніемъ, онъ безпрестанно имѣлъ въ памяти и сердцѣ молитву Іисусову, силою ея препобѣждая различныя вражескія искушенія. Не довольствуясь тишиною и безмолвіемъ Саровской обители, юный подвижникъ, соревнуя нѣкоторымъ старцамъ, которые, съ благословенія настоятеля, удалились на полное уединеніе изъ монастырской ограды въ глубь монастырскаго лѣса[1]),—по благословенію своего старца Іосифа также удалялся въ свободные часы въ лѣсную чащу для молитвеннаго безмолвія. Съ молитвою онъ соединялъ воздержаніе и постъ, въ среду и пятницу не вкушая никакой пищи, а въ другіе дни принимая ее только одинъ разъ. Всѣ питали уваженіе и

[1]) Таковы, напр., были знаменитый игуменъ и возобновитель Валаамскаго монастыря Назарій, начавшій свое иноческое житіе въ Саровѣ и проведшій тамъ же послѣдніе годы своей жизни, іеромонахъ Досиѳей и, особенно, прославившійся своими подвигами схимонахъ Маркъ, долгое время бывшій молчальникомъ.

любовь къ необыкновенному подвижнику, постоянные и разительные подвиги котораго трудно было укрыть несмотря на глубокое его смиреніе. Особенно любовь и довѣріе являли къ нему, какъ бы къ своему родному чаду, старцы Пахомій и Іосифъ. Эта любовь и всеобщее уваженіе Саровскихъ иноковъ къ юному подвижнику Христову особенно ясно выразились по слѣдующему случаю.

Въ 1780 году Прохоръ тяжко заболѣлъ. Все тѣло его распухло, и онъ, претерпѣвая жестокія страданія, неподвижно лежалъ на своемъ жесткомъ ложѣ. Врача не было, и болѣзнь не поддавалась никакимъ средствамъ; по-видимому, это была водянка. Недугъ длился въ теченіе трехъ лѣтъ, половину коихъ страдалецъ провелъ въ постели. Но слово ропота никогда не сходило съ устъ Прохора; всего себя — и тѣло и душу — онъ предалъ Господу и непрестанно молился, слезами своими омывая ложе свое[1]). Духовный отецъ и наставникъ Прохора старецъ Іосифъ служилъ ему во время болѣзни, какъ простой послушникъ; настоятель обители, старецъ Пахомій неотлучно находился при немъ; старецъ Исаія и другіе старцы и братія также много пеклись о немъ. Наконецъ, опасаясь за самую жизнь страдальца, Пахомій съ рѣшительностью предлагалъ ему позвать врача. Но блаженный съ еще большею рѣшительностью отказался отъ врачебной помощи.

— Я предалъ себя, отче святый,—сказалъ онъ старцу,—истинному Врачу душъ и тѣлесъ—Господу нашему Іисусу Христу и Пречистой Его Матери; если же любовь ваша разсудитъ, снабдите меня, убогаго, Господа ради, небеснымъ врачевствомъ» (т. е. причастіемъ Св. Таинъ).

Тогда старецъ Іосифъ, по просьбѣ больного и по своему собственному усердію, отслужилъ о здравіи Прохора Всенощное бдѣніе и Литургію; на Богослуженіе собрались братія изъ усердія помолиться о страждущемъ. Послѣ Литургіи Прохоръ былъ исповѣданъ и причастился на болѣзненномъ одрѣ своемъ Святыхъ Христовыхъ Таинъ.

И вотъ, по причащеніи ему явилась въ несказанномъ свѣтѣ Пресвятая Дѣва Марія, сопровождаемая Апостолами Іоанномъ Богословомъ и Петромъ. Обратившись Божественнымъ ликомъ Своимъ къ Богослову, Она сказала, указывая перстомъ на Прохора:

---

[1]) По примѣру св. Псалмопѣвца, который, среди скорбей и болѣзней, взывалъ: слеза́ми мои́ми посте́лю мою̀ ѡ҆мочꙋ̀ (Псаломъ 6, ст. 7).

— Сей—нашего рода![1])

Потомъ Она возложила правую руку на его голову,—и тотчасъ же матерія, наполнявшая тѣло больного, начала вытекать чрезъ образовавшееся въ правомъ боку отверстіе. Въ скоромъ времени Прохоръ совсѣмъ исцѣлѣлъ, и лишь признаки раны, бывшей истокомъ болѣзни, всегда оставались на его тѣлѣ—какъ бы во свидѣтельство его дивнаго исцѣленія. На мѣстѣ явленія Богоматери вскорѣ затѣмъ, особымъ промышленіемъ Божіимъ, была сооружена двухъэтажная церковь съ двумя Престолами и при ней больница, на мѣстѣ сломанной келліи Прохора. Послѣдній, по порученію настоятеля, собиралъ пожертвованія на это построеніе и собственными руками соорудилъ въ нижней больничной церкви Престолъ изъ кипарисоваго дерева. Когда Престолъ этотъ былъ освященъ, преподобный Серафимъ до конца своей жизни причащался Св. Таинъ преимущественно въ этомъ храмѣ—для непрестаннаго памятованія о явленномъ ему на семъ мѣстѣ великомъ благодѣяніи Божіемъ[2]).

Пробывъ въ Саровской пустынѣ восемь лѣтъ въ званіи послушника, Прохоръ 18-го августа 1786 года, 27-ти лѣтъ отъ роду, удостоился постриженія въ иноческій образъ, при чемъ ему дано было новое имя—Серафимъ. Съ принятіемъ иноческаго сана самое значеніе новаго имени[3]), напоминая Серафиму о чистотѣ и пламенномъ служеніи Богу Ангеловъ, возвышало въ немъ еще сильнѣйшее желаніе и святую ревность служить Господу. Сера-

---

1) Выраженіе: *нашего рода,* очевидно, указываетъ на то, что преп. Серафимъ былъ особенно усерднымъ молитвенникомъ предъ Божіею Матерью и потому самъ находился подъ особеннымъ Ея покровомъ и заступленіемъ, что ясно и подтверждается многочисленными примѣрами изъ самаго житія преподобнаго.

2) О семъ впослѣдствіи старецъ весьма часто и весьма многимъ самъ говаривалъ. Престолъ, сооруженный преп. Серафимомъ, былъ освященъ 17-го августа 1786-го года въ честь преподобныхъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ и донынѣ стоитъ на своемъ мѣстѣ. Верхній Престолъ былъ освященъ во имя Преображенія Господня.—Во время трудиаго подвига сборщика на это построеніе Серафимъ былъ и иа своей родинѣ въ Курскѣ, но уже не засталъ благочестивую мать свою въ живыхъ; братъ его, оставшійся послѣ матери полнымъ хозяиномъ родительскаго достоянія, оказалъ Прохору, съ своей стороиы, щедрое пособіе для строенія монастырской церкви.

3) Еврейское слово «Серафимъ» значитъ: пламень, горѣніе; дальнѣйшее значеніе, по нѣкоторымъ толкованіямъ—возвышенный, благородный. Это собственно ангельское имя, коимъ именовались и именуются свѣтлые духи, принадлежащіе къ одному изъ ближайшихъ Богу чиновъ небесной іерархіи, занимающіе предъ Престоломъ Всевышняго первое мѣсто въ первомъ ликѣ.—Имя сіе было дано Прохору при постриженіи его въ иноческій образъ безъ его вѣдома и изволенія, и иа это можно смотрѣть какъ иа выраженіе понятій о немъ монастырскаго иачальства, видѣвшаго ревность Прохора къ богоугодной жизни и прозорливо предусматривавшаго въ немъ еще большій пламень по Богѣ.

фимъ усугубилъ свои труды и подвиги и сталъ держать себя еще уединеннѣе, погружаясь во внутреннее Богомысленное созерцаніе. Съ небольшимъ черезъ годъ послѣ того преподобный былъ посвященъ въ санъ іеродіакона[1]). Съ того времени онъ около шести лѣтъ почти безпрерывно служилъ въ этомъ санѣ и къ трудамъ прилагалъ труды, къ подвигамъ еще новые, горя духомъ и пламенѣя Божественною любовью. Ночи на воскресные и праздничные дни проводилъ онъ въ бодрствованіи и усердной молитвѣ, безъ отдыха, стоя на молитвенномъ правилѣ до самой Литургіи; по окончаніи же Божественной службы оставался еще долгое время въ храмѣ, приводя въ порядокъ священную утварь и заботясь о чистотѣ алтаря Господня. И при всемъ томъ блаженный Серафимъ почти не чувствовалъ трудовъ, не утомлялся, не нуждался послѣ нихъ въ продолжительномъ отдыхѣ, часто совсѣмъ забывая о пищѣ и питьѣ, и, отходя для отдыха, жалѣлъ, зачѣмъ человѣкъ не можетъ, подобно Ангеламъ, безпрерывно служить Богу.

Все выше и выше восходила душа Серафима по лѣствицѣ добродѣтелей и Богомысленныхъ созерцаній. И, какъ бы въ отвѣтъ на его пламенную святую ревность, Господь утѣшалъ и укрѣплялъ его въ подвигахъ благодатными небесными видѣніями, созерцать кои онъ содѣлался способнымъ вслѣдствіе чистоты сердца, непрестаннаго воздержанія и постояннаго возвышенія души къ Богу. Такъ, иногда при церковныхъ служеніяхъ онъ созерцалъ святыхъ Ангеловъ, сослужащихъ и воспѣвающихъ съ братіею въ образѣ молніеносныхъ юношей, облеченныхъ въ бѣлыя златотканныя одежды; пѣнія ихъ нельзя было ни выразить словомъ, ни уподобить никакой земной мелодіи. «И҆ бы́сть се́рдце моѐ ꙗ҆́кѡ во́скъ та́ѧй»[2]),—говорилъ онъ впослѣдствіи словами Псалмопѣвца, вспоминая ту неизреченную радость, которую испытывалъ при сихъ небесныхъ явленіяхъ. И не помнилъ онъ тогда отъ той радости ничего; помнилъ только, какъ входилъ въ церковь да выходилъ изъ нея.

Но особенно благодатнаго, знаменательнаго видѣнія сподобился преподобный однажды во время Божественной Литургіи на страстной седмицѣ. Это было въ Великій Четвергъ, Литургію совершали

---

1) Это было въ декабрѣ 1787-го года.

2) Псаломъ 21, ст. 15.

благоговѣйные старцы Пахомій и Іосифъ вмѣстѣ съ блаженнымъ Серафимомъ, ибо Пахомій глубоко привязался къ юному, но благоискусному иноку и божественную службу почти всегда совершалъ съ нимъ. Когда Серафимъ, послѣ Малаго входа и паремій, возгласилъ: **гд҃и, сп҃сѝ бл҃гочестѝвыѧ** и, вышедши въ Царскія Врата со словами: **и҆ во вѣ́ки вѣкѡ́въ**, навелъ на предстоящихъ ораремъ, его внезапно озарилъ сверху необыкновенный свѣтъ, какъ бы отъ лучей солнечныхъ. Поднявъ взоры на сіяніе, блаженный Серафимъ узрѣлъ Господа нашего Іисуса Христа во образѣ Сына Человѣческаго во славѣ, сіяющаго, свѣтлѣе солнца, неизреченнымъ свѣтомъ и окруженнаго, какъ бы роемъ пчелъ, Небесными Силами: Ангелами, Архангелами, Херувимами и Серафимами. Отъ западныхъ церковныхъ вратъ шелъ Онъ по воздуху, остановился противъ амвона и, воздвигши руки Свои, благословилъ служащихъ и молящихся. Затѣмъ Онъ вступилъ въ мѣстный образъ близъ Царскихъ Вратъ [1]). Сердце блаженнаго преисполнилось неизреченною радостію въ сладости пламенной любви ко Господу и озарилось Божественнымъ свѣтомъ небесной благодати. И самъ онъ отъ сего таинственнаго видѣнія мгновенно измѣнился видомъ — и не могъ ни сойти съ мѣста, ни проговорить ни слова. Многіе замѣтили это, но никто не понималъ настоящей причины происходящаго. Тотчасъ же два іеродіакона подошли къ Серафиму и ввели его въ алтарь; но и послѣ того онъ около двухъ часовъ стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ,—только лицо его поминутно мѣнялось: то покрывала его бѣлизна, подобная снѣгу, то переливался въ немъ живой румянецъ. Служившимъ Литургію старцамъ Пахомію и Іосифу показалось, что Серафимъ почувствовалъ неожиданную слабость силъ, которая столь естественно могла случиться съ нимъ въ Великій Четвергъ послѣ продолжительнаго поста, особенно при томъ уваженіи, какое питалъ къ нему издавна блаженный Серафимъ; но потомъ поняли, что ему было видѣніе. Когда Серафимъ

---

[1]) Примѣчательно при семъ то обстоятельство, что благодатное видѣніе преп. Серафима послѣдовало въ такое время Литургіи, когда входъ священнослужителей въ алтарь изображаетъ шествіе ихъ какъ бы въ самое Небо и священникъ въ тайной молитвѣ проситъ Господа: **вл҃ко гд҃и бж҃е на́шъ, оу҆ста́вивый на нб҃сѣ́хъ чи́ны и҆ вѡ́инства а҆́гг҃лъ и҆ а҆рха́гг҃лъ, въ слꙋ́женїе твоеѧ̀ сла́вы, сотворѝ со вхо́домъ на́шимъ вхо́дꙋ ст҃ы́хъ а҆́гг҃лѡвъ бы́ти сослꙋжа́щихъ на́мъ и҆ славосло́вѧщихъ твою̀ бл҃гость**, когда поется и Ангельская Трисвятая пѣснь: **ст҃ы́й бж҃е, ст҃ы́й крѣ́пкїй, ст҃ы́й безсме́ртный поми́лꙋй на́съ**. Такимъ образомъ, видѣніе это воочію показало, что не всуе мы вѣруемъ, что во время Божественной Литургіи Силы Небесныя съ нами невидимо служатъ и что съ нами въ это время соприсутствуетъ Самъ Царь Славы—Христосъ.

пришелъ въ себя, старцы спросили его, что такое случилось съ нимъ. Серафимъ кротко, съ дѣтскою довѣрчивостью повѣдалъ имъ о своемъ видѣніи. Опытные въ духовной жизни старцы сложили въ сердцѣ разсказъ его; блаженному же Серафиму внушили, чтобы онъ не возгордился и не далъ бы въ душѣ мѣста пагубной мысли о какомъ-либо своемъ достоинствѣ предъ Богомъ. Но никто, кромѣ упомянутыхъ старцевъ, не узналъ тогда, какого дивнаго посѣщенія Божія сподобился блаженный Серафимъ.

И святый послѣ сего благодатнаго небеснаго видѣнія не возмечталъ о себѣ и о своихъ духовныхъ дарованіяхъ, но еще болѣе утвердился въ смиренномудріи. Ограждаемый глубокимъ смиреніемъ, онъ восходилъ отъ силы въ силу и, непрестанно подвизаясь въ духовномъ самоуничиженіи, вѣрно и неуклонно шелъ царскимъ путемъ Креста Господня. Съ сего времени Серафимъ сталъ еще болѣе искать безмолвія и чаще прежняго удалялся для молитвы въ Саровскій лѣсъ, гдѣ для него была устроена пустынная келлія. Проводя съ утра до вечера дни въ монастырѣ, совершая службы, исполняя монастырскія правила и послушанія, вечеромъ онъ удалялся въ пустынную келлію для ночной молитвы, а рано утромъ опять возвращался въ монастырь для исполненія своихъ обязанностей.

Въ 1793-мъ году Серафимъ на тридцать пятомъ году отъ рожденія былъ рукоположенъ въ санъ іеромонаха[1]). И въ этомъ санѣ онъ, какъ и прежде, но съ еще большею любовію продолжалъ въ теченіе долгаго времени непрерывное священнослуженіе, причащаясь ежедневно съ вѣрою и благоговѣніемъ Св. Христовыхъ Таинъ.

Вскорѣ послѣ этого преподобный Серафимъ подъялъ на себя еще высшій подвигъ и добровольно удалился въ пустыню. Это было по кончинѣ любимаго начальника и наставника его блаженнаго старца Пахомія, который и благословилъ его предъ своею кончиною на сей подвигъ. Съ горькимъ плачемъ проводивъ тѣло своего наставника въ землю, Серафимъ, принявъ на то благословеніе новаго настоятеля, старца Исаіи, своего отца духовнаго, оставилъ обитель для безмолвныхъ подвиговъ въ пустынѣ[2]).

---

[1]) Тамбовскимъ епископомъ Ѳеофиломъ 2-го сентября 1793-го года, по представленію монастырскаго начальства, ясно видѣвшаго, что о. Серафимъ по своимъ подвигамъ неизмѣримо выше другихъ братій и потому заслуживаетъ преимущества предъ ними при возведеніи въ высшія степени церковнаго служенія.

[2]) Это было 20-го ноября (день прихода преподобнаго въ Саровскую пустынь) 1794-го года. Доселѣ хранится въ Саровской обители одинъ экземпляръ билета, выдан-

Келлія преподобнаго Серафима находилась въ дремучемъ сосновомъ лѣсу, на берегу рѣки Саровки, на высокомъ холмѣ, верстъ за 5—6 отъ монастыря, и состояла изъ одной деревянной комнатки съ печкой. Подлѣ келліи преподобный устроилъ небольшой огородъ, а потомъ и пчельникъ, которые обнесъ заборомъ. Невдалекѣ отъ Серафима жили въ уединеніи другіе отшельники Саровскіе, и вся окрестная мѣстность, состоявшая изъ разныхъ возвышенностей, усѣянная лѣсомъ, кустарникомъ и келліями пустынножителей, какъ бы напоминала собою Святую Гору Аѳонскую. Посему преподобный наименовалъ пустынный холмъ свой Горою Аѳонскою, давъ и другимъ, самымъ уединеннымъ мѣстамъ въ лѣсу имена разныхъ святыхъ мѣстъ: Іерусалима, Виѳлеема, Іордана, потока Кедрскаго, Голгоѳы, горы Елеонской, Ѳавора—какъ бы для живѣйшаго представленія священныхъ событій земной жизни Спасителя, Которому онъ окончательно предалъ свою волю и всю жизнь. Непрестанно упражняясь въ чтеніи святаго Евангелія, онъ особенно любилъ читать въ этихъ мѣстахъ о соотвѣтствующихъ ихъ именамъ евангельскихъ событіяхъ. Въ Виѳлеемскомъ своемъ вертоградѣ воспѣвалъ онъ евангельское славословіе: **сла́ва въ вы́шнихъ бг҃у, и҆ на землѝ ми́ръ, во человѣ́цѣхъ бл҃говоле́нїе**[1]). На берегу Саровки, какъ бы на берегахъ Іордана, вспоминалъ онъ о проповѣди святаго Іоанна Крестителя и крещеніи Спасителя. Нагорную бесѣду Господа о девяти заповѣдяхъ блаженства онъ слушалъ на одной горѣ, лежавшей у Саровки, а на другой возвышенности, названной горою Преображенія, созерцалъ въ мысленномъ сопри-

---

наго преп. Серафиму для безпрепятственнаго проживанія въ пустынной келліи, за подписомъ строителя, старца Исаіи. Вотъ текстъ этого билета: «Объявитель сего, Саровскій пустыни іеромонахъ Серафимъ, уволенъ для пребыванія въ пустынѣ, въ своей (т. е. монастырской) дачѣ, по неспособности его въ обществѣ, за болѣзнію (отъ непрестаннаго келейнаго бдѣнія, постояннаго пребыванія на служеніяхъ въ церкви и стоянія въ теченіе многихъ лѣтъ на ногахъ, съ небольшимъ лишь отдыхомъ во время ночи, Серафимъ предъ своимъ отшествіемъ въ пустынножительство впалъ въ недугъ: ноги его опухли, и на нихъ открылись язвы, такъ что онъ лишился на нѣкоторое время способности священнодѣйствовать. Болѣзнь сія была немалымъ побужденіемъ къ избранію имъ себѣ пустыннической жизни) и по усердію (разумѣются его особливые, исключительные иноческіе подвиги, требовавшіе безмолвія и уединенія), и послѣ многолѣтняго искушенія (искуса, иноческаго испытанія) въ той обители и въ пустынѣ, уволенъ единственно для спокойствія духа Бога ради, и съ даннымъ ему правиломъ, согласно святыхъ отецъ положеніямъ, и впредь ему никому не препятствовать пребываніе имѣть въ одномъ мѣстѣ и оное утверждаю—строитель іеромонахъ Исаія, 1797, ноября 20 дня. Для вѣрности печать прилагаю при семъ».

[1]) Рождественское славословіе Ангеловъ пастырямъ Виѳлеемскимъ. Еванг. отъ Луки, гл. 2, ст. 14.

сутствіи съ Апостолами славу Преобразившагося Господа. Забравшись въ густоту дремучаго лѣса, онъ вспоминалъ по Евангелію моленіе Господа о чашѣ [1]) и, тронутый до глубины души внутренними Его страданіями, проливалъ слезныя молитвы о своемъ спасеніи. На, такъ названной имъ, горѣ Елеонской онъ созерцалъ славу Вознесенія Христа на Небо и Его сидѣніе одесную Бога.

Одежду преподобный Серафимъ носилъ всегда одну и ту же — простую, даже убогую: на головѣ — поношенную камилавку, на плечахъ—полукафтанье какъ бы въ видѣ балахона изъ бѣлаго полотна, на рукахъ—кожаныя рукавицы, на ногахъ—кожаные чулки и лапти; на балахонѣ его висѣлъ неизмѣнно тотъ самый крестъ, которымъ благословила его нѣкогда мать, отпуская изъ дома во святую обитель, а за плечами лежала сумка, въ которой подвижникъ неразлучно носилъ при себѣ св. Евангеліе, которое всегда напоминало ему о спасительномъ ношеніи благаго ига и легкаго бремени Христова. Все время проходило для ревностнаго подвижника Христова въ непрестанныхъ молитвахъ и псалмопѣніяхъ, чтеніи священныхъ книгъ и тѣлесныхъ трудахъ.

Въ холодную пору преподобный собиралъ сучья и хворостъ и рубилъ своимъ топорикомъ дрова для отопленія своей убогой келліи. Лѣтомъ онъ работалъ на своемъ маленькомъ огородѣ, который онъ самъ воздѣлывалъ и удобрялъ и овощами котораго онъ преимущественно питался. Для удобренія земли онъ ходилъ въ жаркіе лѣтніе дни на болотистыя мѣста за мохомъ,—и такъ какъ онъ входилъ туда, обнажившись и лишь препоясавъ чресла свои, то комары и другія насѣкомыя, кишѣвшія надъ болотомъ, жестоко уязвляли тѣло его, такъ что оно часто не только опухало, но даже синѣло и запекалось кровью. Но подвижникъ Божій добровольно терпѣлъ эти мучительныя язвы Господа ради и даже радовался имъ, потому что, какъ говорилъ онъ впослѣдствіи, «страсти истребляются страданіемъ и скорбію—или произвольною, или посылаемою Промысломъ», и потому, для совершеннѣйшаго и надежнѣйшаго очищенія души, принималъ на себя произвольныя страданія. Собравъ, такимъ образомъ, мохъ, угодникъ Божій удобрялъ гряды, сажалъ сѣмена, поливалъ ихъ, пололъ и собиралъ овощи, непрестанно славословя Бога и изливая тихую, свя-

[1]) Въ саду Гесиманскомъ предъ крестными страданіями.

тую радость свою въ пѣніи священныхъ пѣснопѣній, которыми освѣжалъ и назидалъ духъ свой среди однообразія тѣлесныхъ занятій. Обладая свѣтлою памятью, съ дѣтства благоговѣйно внимательный къ церковнымъ службамъ, Серафимъ зналъ наизусть множество церковныхъ пѣснопѣній, кои и любилъ воспѣвать среди трудовъ въ своей безмолвной, уединенной пустыни, причемъ нѣкоторые, наиболѣе близкіе къ преподобному, люди замѣчали, что многія изъ этихъ пѣснопѣній имѣли наибольшее приложеніе къ мѣстности и къ его уединенному иноческому добродѣланію. Такъ, святый Серафимъ особенно любилъ часто воспѣвать: «Всемірную славу»[1])—въ честь Богородицы, Которую считалъ покровительницей своей пустыни,—Пустынным непрестанное божественное желаніе бываетъ, міра сущымъ свѣтнагѡ кромѣ[2])—антифонъ, изображающій пустынную жизнь и воскрыляющій душу пустынника къ предметамъ Божественнымъ, а также пѣснопѣнія, возносящія душу человѣка къ великому дѣлу любви Божіей, къ творенію міра и человѣка, какъ то: «Иже ѿ несущихъ всѧ приведый, словомъ созидаемаѧ, совершаемаѧ дхомъ»[3]), «Водрузивый на ничесоже землю повелѣніемъ твоимъ»[4]) и т. д.

И вотъ, среди этой трудовой молитвы, занимаясь гдѣ-либо работой въ огородѣ, на пасѣкѣ или въ лѣсу, преподобный погружался въ столь глубокое созерцаніе духовныхъ таинъ, что, незамѣтно для себя, прерывалъ работу, орудія падали изъ рукъ его, руки опускались, глаза придавали лицу особенный, благодатный характеръ самоуглубленія. Старецъ всею душою погружался въ самого себя, умомъ восходилъ на Небо и виталъ въ Богосозерцаніи. И если кому-нибудь въ такія минуты случалось быть подлѣ или проходить мимо, то никто не смѣлъ нарушить благодатной тишины и покоя преподобнаго и каждый тихо скрывался отъ него. Въ каждомъ предметѣ, въ каждомъ дѣланіи Серафимъ видѣлъ сокровенное отношеніе ихъ къ духовной жизни и отсюда поучался и возводилъ умныя очи свои горѣ. Такъ, при рубкѣ дровъ, сдѣлавъ одинъ или три обрубка, онъ углублялся въ созерцаніе великаго таинства Единаго Бога, въ Троицѣ славимаго.

---

1) Богородиченъ воскресный на Вечернѣ (Догматикъ)—1-го гласа.
2) Воскресный антифонъ 2-й, 1-го гласа, на Утрени.
3) Ирмосъ 3-й пѣсни Канона воскреснаго, 3-го гласа.
4) Ирмосъ 3-й пѣсни Канона воскреснаго, 8-го гласа.

Сверхъ тѣлесныхъ трудовъ преподобный Серафимъ, дабы простираться все выше и выше въ духовномъ совершенствованіи, предавался возвышеннѣйшимъ занятіямъ ума и сердца и читалъ много книгъ, особенно—Священнаго Писанія, а также святоотеческихъ [1]) и богослужебныхъ. Самою первою книгою для него было св. Евангеліе, съ которымъ онъ никогда не разставался, нося его съ собою. Подвижническая жизнь, чистота сердца, молитвенныя собесѣдованія съ Богомъ, духовная самоуглубленность и огромная начитанность въ Священномъ Писаніи и душеполезныхъ книгахъ озарили умъ его такимъ свѣтомъ, что онъ ясно понималъ и всею душею проникалъ смыслъ Слова Божія. Онъ поставилъ себѣ въ пустынѣ постояннымъ правиломъ ежедневно прочитывать съ изъясненіемъ для себя по нѣскольку зачалъ изъ Евангелія и Апостола. «Душу снабдѣвать,—говорилъ онъ впослѣдствіи,—надобно Словомъ Божіимъ: ибо Слово Божіе есть хлѣбъ ангельскій, имъ же питаются души, Бога алчущіе. Всего же болѣе дòлжно упражняться въ чтеніи Новаго Завѣта и Псалтири. Отъ чтенія Св. Писанія бываетъ просвѣщеніе въ разумѣ, который отъ того измѣняется измѣненіемъ Божественнымъ. Надобно такъ обучить себя, чтобы умъ какъ бы плавалъ въ Законѣ Господнемъ, по руководству котораго дòлжно устроять и жизнь свою. Очень полезно заниматься чтеніемъ Слова Божія въ уединеніи и прочитать всю Библію разумно. За одно такое упражненіе, кромѣ другихъ добрыхъ дѣлъ, Господь не оставитъ человѣка Своею милостію, но исполнитъ дара разумѣнія». И святый старецъ отъ непрестанныхъ упражненій въ чтеніи Слова Божія стяжалъ себѣ этотъ благодатный даръ разумѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ миръ душевный и высшій даръ сердечнаго умиленія. Въ Священномъ Писаніи онъ искалъ уже не одной истины, но и теплоты духа, и нерѣдко, за священнымъ чтеніемъ, изъ его глазъ текли слезы умиленія, отъ которыхъ человѣкъ, по собственному признанію старца, согрѣвается весь и исполняется духовныхъ дарованій, услаждающихъ умъ и сердце паче всякаго слова.

Ежедневно преподобный совершалъ по Слѣдованной Псалтири иноческое молитвенное правило—по чину древнѣйшихъ христіанскихъ пустынножителей; въ свое время пѣлъ и читалъ 1-й, 3-й,

---

[1]) Таковыми были въ особенности аскетическія святоотеческія творенія, какъ то: преподобныхъ Іоанна Лѣствичника и аввы Варсонофія, Ефрема и Исаака Сириныхъ, Маргаритъ (составленный главнымъ образомъ изъ твореній св. Іоанна Златоустаго) и другія.

6-й и 9-й часы, Вечерню, Малое повечеріе, молитвы на сонъ грядущимъ, при чемъ часто также, вмѣсто вечерняго правила, полагалъ по тысячѣ поклоновъ за одинъ разъ, полунощницу и другія службы церковныя. Извѣдавъ всѣ образы и степени молитвы, онъ восходилъ не только до подвига такъ называемой умной молитвы, но и до самой высокой на землѣ высоты молитвеннаго созерцанія, когда умъ и сердце бываютъ соединены въ молитвѣ, помыслы не разсѣяны и сердце согрѣвается теплотою духовною, въ которой возсіяваетъ свѣтъ Христовъ, исполняя мира и радости всего внутренняго человѣка.

Такъ спасаясь въ пустынѣ въ теченіе недѣли, святый Серафимъ наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней приходилъ въ Саровскую обитель, слушалъ Вечерню, Всенощное бдѣніе или Утреню и за ранней Литургіей причащался Св. Таинъ, послѣ чего до Вечерни принималъ приходившихъ къ нему по своимъ нуждамъ братій и потомъ, взявъ съ собою хлѣба на недѣлю, возвращался въ свою пустынную келлію. Всю первую недѣлю Великаго Поста онъ проводилъ въ монастырѣ и въ эти дни говѣлъ, исповѣдывался и причащался Св. Таинъ.

Съ молитвенными подвигами блаженный старецъ соединялъ подвиги великаго воздержанія и поста. Въ началѣ своей пустынной отшельнической жизни онъ питался черствымъ и сухимъ хлѣбомъ, который бралъ съ собою изъ обители по воскресеньямъ на цѣлую недѣлю, но и изъ этого количества хлѣба онъ удѣлялъ добрую долю пустыннымъ животнымъ и птицамъ, которыя очень любили его и часто посѣщали мѣсто его молитвенныхъ подвиговъ. Даже дикимъ звѣрямъ старецъ внушалъ благоговѣніе. Такъ, къ нему часто приходилъ громадный медвѣдь, котораго онъ кормилъ: по его слову медвѣдь уходилъ въ лѣсъ и потомъ приходилъ снова, и старецъ кормилъ его и давалъ иногда кормить его своимъ посѣтителямъ. Впослѣдствіи преподобный Серафимъ еще болѣе усугубилъ свой постъ, отказавшись даже отъ хлѣба, и пріучилъ тѣло къ такому воздержанію, что питался, по слову Апостола, **дѣлающе своими руками**[1]) — одними овощами своего огорода. Въ теченіе же первой недѣли Великаго Поста онъ вовсе не принималъ пищи до причащенія Св. Таинъ въ субботу. Совсѣмъ переставъ брать хлѣбъ изъ обители, онъ въ теченіе болѣе двухъ

---

1) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 4, ст. 12.

съ половиною лѣтъ жилъ безъ всякаго содержанія отъ нея, и братія недоумѣвали, чѣмъ могъ питаться старецъ все это время, не только лѣтомъ, но и зимою; только незадолго до смерти старецъ повѣдалъ нѣкоторымъ близкимъ ему лицамъ, что онъ около трехъ лѣтъ питался лишь отваромъ изъ травы снити[1]), которую лѣтомъ собиралъ и сушилъ на зиму.

Между тѣмъ многіе стали нарушать безмолвіе блаженнаго пустынника, часто посѣщая его ради духовнаго наставленія и утѣшенія. Многіе изъ Саровской братіи приходили къ нему за совѣтами и наставленіями или для того, чтобы только повидать его. Умѣя узнавать и различать людей, старецъ отъ нѣкоторыхъ уклонялся, сохраняя молчаніе. Но тѣхъ, кто имѣлъ до него дѣйствительную духовную нужду, онъ охотно принималъ и съ любовію руководилъ ихъ своими совѣтами, наставленіями и духовными бесѣдами. Таковыми были, напримѣръ, его постоянные посѣтители схимонахъ Маркъ и іеродіаконъ Александръ[2]); но и они, находя иногда старца совершенно погруженнымъ въ Богомысліе, не осмѣливаясь нарушить его покой или дожидались конца его молитвенныхъ подвиговъ, или, прождавъ нѣкоторое время, тихо удалялись отъ старца. Бывали у преподобнаго и посторонніе посѣтители. Если же, внѣ своей пустынной келліи, старецъ неожиданно встрѣчалъ кого-либо въ лѣсу, то, обыкновенно, не вступая въ бесѣду, со смиреніемъ кланялся ему и уходилъ прочь, ибо отъ молчанія, какъ говорилъ онъ впослѣдствіи въ своихъ наставленіяхъ, никто никогда не раскаивался. Но вообще Серафимъ тяготился посѣтителями, нарушавшими его безмолвіе. Особенно было для него тяжело, когда приходили къ нему женщины; но уклоняться отъ наставленій имъ онъ не могъ, считая это дѣломъ, неугоднымъ Богу. Тогда святый старецъ, на томъ случайномъ основаніи, что женскому полу возбраненъ входъ на Св. гору Аѳонскую, рѣшился распространить это запрещеніе и на свой холмъ, названный имъ тѣмъ же именемъ. Придя однажды въ монастырь во время совершенія Божественной Литургіи,

---

[1]) Распространенное въ Россіи травянистое растеніе, обильно размножающееся подземными корнями, большею частію—сорное и плохопитательное, но употребляется въ народной медицинѣ отъ нѣкоторыхъ болѣзней, а молодые листья иногда употребляются въ качествѣ овощей во щахъ.

[2]) Первый изъ нихъ бывалъ у него раза два въ мѣсяцъ, а послѣдній—однажды. Преподобный Серафимъ охотно бесѣдовалъ съ ними о разныхъ душеспасительныхъ предметахъ.

Серафимъ просилъ на то благословенія у строителя Саровскаго, старца Исаіи, который, послѣ нѣкотораго недоумѣнія[1]), благословилъ его на то иконой Богоматери, именуемой «Блаженное Чрево»[2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ старецъ Серафимъ обратился съ горячею мольбою къ Богу и Пресвятой Богородицѣ, дабы желаніе его исполнилось и женщинамъ былъ бы возбраненъ входъ на его пустынный холмъ — такъ, чтобы это не было камнемъ претыканія и соблазна какъ нѣкоторымъ изъ братій, такъ еще болѣе и мірянамъ; въ удостовѣреніе изволенія Божія на сіе прошеніе онъ просилъ знаменія въ видѣ преклоненія вѣтвей дерева, мимо котораго онъ проходилъ, возвращаясь съ праздника Рождества Христова изъ Сарова въ свою пустынную келлію. И вотъ, когда онъ, на 26-е декабря ночью, пошелъ въ Саровъ къ Божественной Литургіи, то, дошедши до мѣста, гдѣ грунтъ земли круто спускается внизъ, увидѣлъ, что съ обѣихъ сторонъ тропинки огромные сучья съ вѣковыхъ сосновыхъ деревьевъ завалили дорожку и преградили проходъ къ его келліи, тогда какъ съ вечера ничего подобнаго не было. Тогда святый старецъ, въ чувствѣ живѣйшей благодарности Богу, палъ на колѣни, уразумѣвъ изъ происшедшаго, что желаніе его угодно Господу. И самъ онъ поспѣшилъ завалить колодами тропинку къ себѣ, и не только женщинамъ, но и вообще постороннимъ лицамъ съ этихъ поръ входъ къ нему былъ совершенно закрытъ.

При видѣ такихъ подвиговъ великаго старца исконный врагъ рода человѣческаго вооружился противъ него всевозможными искушеніями и кознями. Такъ, онъ наводилъ на подвижника различныя страхованія, то испуская за дверями какъ-будто вой дикаго звѣря, то представляя, что какъ-будто скопище народа ломитъ дверь его келліи, выбиваетъ косяки, бросаетъ въ старца обрубокъ дерева и т. п.; по временамъ и днемъ, но особенно ночью, во время молитвеннаго предстоянія преподобнаго старца Серафима ему видимо вдругъ представлялось, что келлія его раз-

---

[1]) Благословляя преподобнаго Серафима, Исаія замѣтилъ съ недоумѣніемъ: «Да какъ же я могу за пять верстъ смотрѣть, чтобъ женамъ не было входа?» Но Серафимъ на это съ вѣрою и убѣжденіемъ замѣтилъ: «Вы только благословите, и уже никто изъ нихъ не взойдетъ на мою гору».

[2]) Празднуется сей иконѣ, наименованной согласно Евангельскому выраженію (Еванг. отъ Луки, гл. II, ст. 27): «Блаженно чрево носившее Тя, и сосцы, яже еси ссалъ», въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ и 26-го декабря, когда именно старецъ Серафимъ испрашивалъ у строителя обители Исаія благословенія, чтобы женщинамъ не было входу на его пустынную гору.

валивается и со всѣхъ сторонъ врываются съ яростнымъ ревомъ страшные звѣри; иногда вдругъ предъ нимъ появлялись отверстые гробы съ возстающими изъ нихъ мертвецами. И когда впослѣдствіи одинъ міранинъ, въ простотѣ сердца своего, спросилъ его: «Батюшка, видали ли вы злыхъ духовъ? — онъ отвѣчалъ съ улыбкою: «Они гнусны,—какъ на свѣтъ Ангела взглянуть грѣшному невозможно, такъ и бѣсовъ видѣть ужасно, потому что они—гнусны». Но всѣ эти страшныя видѣнія, ужасы и искушенія, сопровождаемыя иногда и тѣлесными страданіями, благодатный старецъ превозмогалъ теплою молитвою и препобѣждалъ силою Честнáго и Животворящаго Креста Господня.

Неоднократно старецъ Серафимъ былъ искушаемъ духомъ честолюбія, избираемый въ игумены и архимандриты разныхъ монастырей[1]); но онъ всегда въ такихъ случаяхъ съ непоколебимою твердостію, растворенною глубокимъ смиреніемъ, отклонялъ отъ себя эти назначенія, стремясь къ истинному подвижничеству и въ иноческомъ житіи ища лишь спасенія души своей и ближнихъ.

Видя смиренномудріе святаго старца, діаволъ воздвигъ на него сильную мысленную брань[2]), поддерживая ее съ такою силою, отъ которой падали нѣкоторые и изъ великихъ подвижниковъ. Тогда старецъ Серафимъ, въ тяжкомъ душевномъ обстояніи, обратился съ сердечною молитвою къ Подвигоположнику нашего спасенія Господу Іисусу Христу и Его Пречистой Дѣвѣ-Матери и въ то же время, для устраненія и истребленія діавольскихъ козней, рѣшился подъять на себя новый высшій молитвенный подвигъ — по примѣру древнихъ христіанскихъ столпниковъ. Въ глубинѣ дремучаго лѣса въ ночное время, никѣмъ не видимый, всходилъ онъ на высокій гранитный камень для усиленія своего молитвеннаго подвига и долговременно молился на немъ, стоя

---

[1]) Такъ, преп. Серафима предназначили было настоятелемъ въ г. Алатырѣ (уѣздный городъ Симбирской губерніи) съ возведеніемъ въ санъ архимандрита, ибо, съ одной стороны, Саровская пустынь неоднократно давала изъ своей братіи хорошихъ настоятелей въ другія обители, съ другой—духовное начальство знало старца Серафима и понимало, какъ полезно было бы для многихъ сдѣлать такого старца *аввою*—настоятелемъ какой-либо обители. Въ другой разъ Серафима предназначали строителемъ въ Краснослободскій Спасскій монастырь. Но въ обоихъ случаяхъ по усердной просьбѣ старца и по взаимной любви и согласію братіи его замѣнили другими иноками саровскими.

[2]) *Брань*—монашеское аскетическое выраженіе, означающее упорное и продолжительное искушеніе, которому діаволъ подвергаетъ сопротивляющихся ему иноковъ. По причинѣ сей борьбы съ діаволомъ иноки на языкѣ аскетовъ часто зовутся духовными воинами.

на ногахъ или колѣнопреклоненный, взывая отъ глубины души мытареву молитву:

— «Бж҃е, мл҃тивъ бꙋди мнѣ грѣшномꙋ!»

Въ келліи своей сей новый столпникъ поставилъ также небольшой камень, на которомъ молился съ утра до вечера, оставляя тотъ камень лишь для отдохновенія отъ крайняго изнуренія силъ или для небольшого укрѣпленія себя скудною пищею. Въ этомъ великомъ подвигѣ преподобный Серафимъ провелъ тысячу дней и тысячу ночей. Врагъ окончательно былъ побѣжденъ, и мысленная брань прекратилась. Но отъ такого необычайнаго молитвеннаго подвига и почти трехлѣтняго стоянія на ногахъ старецъ пришелъ въ крайнее тѣлесное изнуреніе и получилъ тяжкія, болѣзненныя язвы на ногахъ, кои не оставляли его до самой смерти. И только тогда, наконецъ, прекратилъ онъ свой невыносимо тяжкій подвигъ столпничества, на который и въ древности рѣшались лишь весьма немногіе подвижники. Но при жизни старца никто не зналъ о семъ необычайномъ молитвенномъ его подвигѣ, который онъ съумѣлъ скрыть отъ любопытствующаго взора человѣческаго. Къ бывшему послѣ старца Исаіи игумену Нифонту былъ о Серафимѣ отъ преосвященнаго епископа Тамбовскаго тайный запросъ, на который настоятель Саровскій отвѣчалъ: «о подвигахъ и жизни о. Серафима мы знаемъ; о тайныхъ же дѣйствіяхъ какихъ, также и о стояніи 1000 дней и ночей на камнѣ, никому не было извѣстно» [1]). И лишь незадолго до блаженной кончины своей преподобный Серафимъ по примѣру многихъ другихъ подвижниковъ въ числѣ другихъ обстоятельствъ своей жизни повѣдалъ нѣкоторымъ изъ саровской братіи и о семъ своемъ дивномъ подвигѣ. Одинъ изъ слушателей замѣтилъ тогда, что подвигъ этотъ выше силъ человѣческихъ. На сіе святый старецъ замѣтилъ со смиреніемъ вѣры:

— Святый Симеонъ Столпникъ сорокъ семь лѣтъ стоялъ на столпѣ: а мои труды похожи ли на его подвигъ?

Когда же собесѣдникъ замѣтилъ, что, вѣроятно, старецъ ощущалъ въ это время помощь благодати укрѣпляющей, преподобный отвѣчалъ:

— Да, иначе силъ человѣческихъ не хватило бы... Внутренно подкрѣплялся и утѣшался я этимъ небеснымъ даромъ, свыше нисходящимъ отъ Отца свѣтовъ.

---

[1]) Въ бумагахъ обители сохранился сей отзывъ игумена Нифонта въ черновикѣ.

Потомъ, немного помолчавъ, прибавилъ:

— Когда въ сердцѣ бываетъ умиленіе, то и Богъ бываетъ съ нами[1]).

Посрамленный діаволъ началъ строить новыя козни святому старцу для удаленія его изъ пустыни. Онъ послалъ на него злыхъ людей, которые, встрѣтивъ преподобнаго въ лѣсу, стали требовать отъ него денегъ, будто бы получаемыхъ имъ отъ приходящихъ къ нему мірянъ. Старецъ отвѣчалъ, что онъ ни отъ кого не получаетъ денегъ. Но они не повѣрили, и одинъ изъ злодѣевъ бросился на него, но самъ упалъ. Серафимъ обладалъ тѣлесной силой и, съ топоромъ въ рукахъ, могъ бы защищаться противъ трехъ разбойниковъ. Но онъ вспомнилъ слова Спасителя: **всѝ прїе́мшїи но́жъ, ноже́мъ поги́бнꙋтъ**[2]) и, опустивъ топоръ, сложилъ крестообразно на груди руки и кротко сказалъ:

— Дѣлайте, что вамъ надобно.

Одинъ злодѣй, поднявъ топоръ, такъ сильно ударилъ старца обухомъ топора по головѣ, что у него изо рта и ушей хлынула кровь. Преподобный Серафимъ въ безпамятствѣ упалъ. Злодѣи продолжали яростно бить его обухомъ топора, полѣньями, руками и ногами. Наконецъ, замѣтивъ, что онъ не дышитъ, и считая его мертвымъ, они связали ему веревками руки и ноги, намѣреваясь бросить тѣло его для сокрытія своего преступленія въ рѣку; сами же бросились въ келлію старца за предполагаемой добычей, но, тщательно пересмотрѣвъ, перебравъ и переломавъ все въ келліи, ничего не нашли, кромѣ святой иконы и нѣсколькихъ картофелинъ. Тогда они пришли въ страхъ и раскаяніе, что убили, безъ всякой пользы для себя, святаго, нестяжательнаго человѣка Божія, и бросились бѣжать. Между тѣмъ Серафимъ, очнувшись и кое-какъ развязавъ себѣ руки, вознесъ къ Богу молитву о прощеніи своихъ убійцъ и съ трудомъ доползъ до своей келліи, гдѣ провелъ всю ночь въ жестокихъ страданіяхъ. На другой день съ величайшимъ

---

[1]) Камни, на которыхъ подвизался преп. Серафимъ, досслѣ сохраняются и нѣкоторое время послѣ кончины его оставались на своихъ мѣстахъ, гдѣ лежали. Братія обители и богомольцы ходили смотрѣть на нихъ, такъ что въ пустынь Серафимову, вмѣсто прежней тропинки, впослѣдствіи открылась просторная дорога, по которой ѣздили экипажи. Многіе отбивали и брали себѣ частицы камня съ изображеніемъ на нихъ старца Серафима, стоящаго на колѣняхъ въ молитвенномъ положеніи, такъ что отъ того большаго камня, на которомъ преподобный молился въ глубинѣ лѣса, остался одинъ обломокъ, сохраняющійся въ Дивѣевской обители, тамъ же хранится и тотъ камень, на которомъ старецъ молился въ своей келліи.

[2]) Еванг. отъ Мате., гл. **26**, ст. 52.

трудомъ добрелъ онъ въ обитель во время Литургіи. Видъ его былъ ужасенъ: волосы были омочены кровью, спутаны и покрыты пылью и соромъ, лицо и руки избиты, уши и уста запеклись кровью, нѣсколько зубовъ было вышиблено. На вопросы ужаснувшейся при семъ зрѣлищѣ братіи старецъ молчалъ, но, попросивъ къ себѣ настоятеля, старца Исаію, и монастырскаго духовника, повѣдалъ имъ о случившемся. И вотъ, къ злорадству діавола Серафимъ принужденъ былъ остаться въ монастырѣ. Нестерпимо страдалъ онъ и лежалъ еле живой, не принимая никакой пищи. Такъ прошло восемь сутокъ. Тогда, отчаявшись за его жизнь, послали за врачами, которые, освидѣтельствовавъ Серафима, нашли, что голова у него проломлена, ребра перебиты, грудь оттоптана, все тѣло по разнымъ мѣстамъ покрыто смертельными ранами, и удивлялись, какъ старецъ могъ остаться въ живыхъ послѣ такихъ побоевъ. Для совѣщанія о томъ, что лучше предпринять къ облегченію старца, братія собрались въ его келліи. Въ то же время послали за настоятелемъ. И вотъ, въ ту минуту, когда оповѣстили, что настоятель идетъ, преподобный Серафимъ забылся и уснулъ тонкимъ, легкимъ, спокойнымъ сномъ. Во снѣ увидѣлъ онъ дивное видѣніе, подобное тому, какое видѣлъ нѣкогда ранѣе, когда, еще въ бытность свою послушникомъ, лежалъ въ смертельной болѣзни. Къ нему подошла Пресвятая Богородица въ царской порфирѣ, окруженная небесною славою; за Ней шли Апостолы Петръ и Іоаннъ Богословъ. Остановясь у одра, Пресвятая Дѣва перстомъ правой руки показала на больнаго и, обратясь Пречистымъ Ликомъ Своимъ въ ту сторону, гдѣ стояли врачи, произнесла:

— Что вы трудитесь?

Потомъ, обратясь опять лицемъ къ старцу Серафиму, произнесла:

— Сей—отъ рода Моего!

Послѣ этого видѣніе, котораго присутствовавшіе и не подозрѣвали, кончилось,—а когда настоятель вошелъ въ келлію, больной уже снова пришелъ въ себя. Отецъ Исаія сталъ настоятельно и съ любовію уговаривать его воспользоваться совѣтами и помощью врачей. Но больной, несмотря на отчаянное свое положеніе, послѣ столькихъ заботъ о немъ, къ удивленію всѣхъ, твердо отвѣчалъ, что теперь онъ не желаетъ никакого пособія отъ людей, умоляя настоятеля позволить ему предоставить свою жизнь Богу и Пресвятой Богородицѣ. Настоятель принужденъ былъ исполнить желаніе старца, который отъ дивнаго Божественнаго посѣщенія въ

продолженіе нѣсколькихъ часовъ находился въ несказанной, неземной радости. Потомъ старецъ успокоился и почувствовалъ облегченіе отъ болѣзни и постепенное возвращеніе силъ. Немного времени спустя онъ уже всталъ съ постели, началъ немного ходить по келліи и вечеромъ подкрѣпился пищею. Съ того же самаго дня онъ опять сталъ понемногу предаваться духовнымъ подвигамъ.

Со дня болѣзни старецъ пробылъ въ монастырѣ около пяти мѣсяцевъ. Болѣзнь сдѣлала его согбеннымъ, что еще и ранѣе замѣчалось въ немъ, послѣ того какъ однажды при рубкѣ онъ былъ придавленъ деревомъ. Но, почувствовавъ въ себѣ опять силы къ провожденію пустынной жизни, Серафимъ обратился къ настоятелю съ просьбою отпустить его въ пустыню. Старецъ Исаія и братія упрашивали его остаться навсегда въ монастырѣ. Но преподобный твердо отвѣчалъ, что ни во что вмѣняетъ подобныя нападенія, какъ случившееся съ нимъ, и готовъ перенести до смерти всѣ оскорбленія, какія бы ни случились. Тогда отецъ Исаія благословилъ его желаніе, и Серафимъ возвратился въ свою пустынную келлію.

Вскорѣ послѣ этого разбойники, избившіе старца, были найдены: то были крѣпостные люди нѣкоего мѣстнаго помѣщика Татищева. Тогда преподобный Серафимъ, съ любовію простивъ ихъ, просилъ настоятеля и помѣщика не наказывать ихъ, объявляя, что въ противномъ случаѣ онъ оставитъ Саровскую обитель и тайно удалится въ другія отдаленныя святыя мѣста. По мольбѣ старца злодѣевъ простили, но Богъ покаралъ ихъ за Своего угодника: вскорѣ сильный пожаръ совершенно истребилъ ихъ жилища. Тогда разбойники пришли въ раскаяніе и со слезами просили у преподобнаго Серафима прощенія и святыхъ молитвъ, возвратившись, его благословеніемъ, на путь добродѣтельной жизни.

За свои высокіе подвиги и богоугодную жизнь святый старецъ сподобился отъ Бога благодатнаго дара прозорливости. Но тѣмъ болѣе онъ избѣгалъ славы человѣческой и стремился къ безмолвію.

Въ 1806 году настоятель Саровской обители, старецъ Исаія, по своему болѣзненному положенію и преклонности лѣтъ удалился отъ дѣлъ, и братія единодушно избрали на его мѣсто преподобнаго Серафима. Но Серафимъ уклонился отъ этого — какъ по своему глубокому смиренію, такъ и по крайней любви къ пустынѣ и безмолвію. Тогда настоятелемъ былъ избранъ отецъ Нифонтъ, съ дѣтства извѣстный Серафиму. Между тѣмъ старецъ Исаія, вслѣдствіе недуговъ своихъ и слабости силъ, не имѣя возможности

ходить за шесть верстъ въ пустынь къ преподобному Серафиму и вмѣстѣ съ тѣмъ не желая лишиться утѣшенія бесѣдовать съ нимъ, сильно скорбѣлъ о томъ. Тогда братія, по усердію, стали возить престарѣлаго Исаію въ пустынь къ преподобному Серафиму, за тѣлесною немощію обоихъ. Но вскорѣ и этотъ послѣдній изъ самыхъ дорогихъ друзей преподобнаго Серафима по жизни духовной отошелъ ко Господу. Эта потеря поразила Серафима глубокою скорбію, и съ того времени онъ еще болѣе и чаще сталъ размышлять о тлѣнности привременной сей жизни, о жизни будущей и Страшномъ Судѣ Христовомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ съ особеннымъ усердіемъ сталъ молиться о упокоеніи душъ дорогихъ сердцу его блаженнаго Пахомія, Іосифа и Исаіи и, проходя мимо монастырскаго кладбища, всегда на ихъ могилкахъ возносилъ пламенныя моленія ко Всевышнему о нихъ и о другихъ Саровскихъ старцахъ и подвижникахъ, называя ихъ, по пламенности и высотѣ молитвъ, «огненными отъ земли до небесъ». И другимъ старецъ завѣщевалъ чаще поминать ихъ въ молитвахъ. Такъ, одной знакомой инокинѣ, нерѣдко бывавшей въ Саровѣ и посѣщавшей Серафима, послѣдній далъ такую заповѣдь:

— Когда идешь ко мнѣ, зайди на могилки, положи три поклона, прося у Бога, чтобы Онъ упокоилъ души рабовъ Своихъ: Исаіи, Пахомія, Іосифа, Марка, и проч., и потомъ говори про себя: простите, отцы святіи, и помолитесь обо мнѣ.

По смерти старца Исаіи преподобный Серафимъ не измѣнилъ своего образа пустынической жизни, но придалъ новый характеръ своему подвижничеству, возложивъ на себя тяжкій подвигъ молчальничества. Приходили ли къ нему въ пустыню посѣтители,—онъ не выходилъ къ нимъ. Случалось ли ему самому встрѣтить кого въ лѣсу,—онъ падалъ ницъ на землю и до тѣхъ поръ не поднималъ очей, пока встрѣтившійся не проходилъ мимо. Въ такомъ безмолвіи прожилъ онъ около трехъ лѣтъ. Незадолго до сего срока онъ пересталъ посѣщать даже Саровскую обитель по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Одинъ братъ носилъ ему и пищу въ пустынную его келлію, особенно зимою, когда у старца не было своихъ овощей. Пища приносилась разъ въ недѣлю, въ воскресный день. Когда братъ входилъ въ сѣни, старецъ, сказавши про себя: «аминь», отворялъ двери, потупивъ лицо въ землю, и лишь когда братъ уходилъ, старецъ клалъ на лотокъ, лежавшій на столѣ, небольшую частицу хлѣба или немного капусты—въ знакъ того, что̀ принести ему въ слѣдующее воскресенье.

Но это все были только наружные знаки молчальничества. Сущность же многотруднаго подвига старца заключалась собственно не въ наружномъ удаленіи отъ общительности, но въ безмолвіи ума, въ отреченіи отъ всякихъ житейскихъ помысловъ для чистѣйшаго, совершеннѣйшаго посвященія себя Богу.

Многіе изъ братіи весьма сожалѣли о такомъ удаленіи благодатнаго старца отъ общенія съ ними и о подъятомъ имъ на себя подвигѣ молчальничества, а нѣкоторые даже какъ бы укоряли его за то, что онъ уединяется, тогда какъ, пребывая въ близкомъ общеніи съ братіею, онъ могъ бы назидать ихъ и словомъ, и примѣромъ, не терпя ущерба и въ благоустроеніи своей души. Но на всѣ сіи упреки старецъ отвѣчалъ словами преподобнаго Исаака Сирина: «Возлюби праздность безмолвія предпочтительно насыщенію алчущихъ въ мірѣ» и—святаго Григорія Богослова: «Прекрасно богословствовать для Бога, но лучше сего, если человѣкъ себя очищаетъ для Бога».

И подъятый преподобнымъ Серафимомъ на себя многотрудный подвигъ молчальничества совершеннѣйшимъ образомъ очищалъ и просвѣщалъ праведную душу его и еще болѣе и выше возводилъ въ тайны Богосозерцанія, совершенно обезоруживая діавола для борьбы съ пустынножителемъ. Какіе плоды духа приносилъ для Серафима этотъ подвигъ,—о семъ ясно можно судить по наставленіямъ святаго старца касательно безмолвія, несомнѣнно основаннымъ и на собственномъ опытѣ. «Когда мы въ молчаніи пребываемъ,—говорилъ впослѣдствіи преподобный Серафимъ,—тогда врагъ, діаволъ, ничего не успѣетъ относительно къ потаенному сердца человѣку: сіе же должно разумѣть о молчаніи въ разумѣ. Оно рождаетъ въ душѣ молчальника разные плоды духа. Отъ уединенія и молчанія рождаются умиленіе и кротость. Въ соединеніи съ другими занятіями духа молчальничество возводитъ человѣка къ благочестію. Молчаніе приближаетъ человѣка къ Богу и дѣлаетъ его какъ бы земнымъ Ангеломъ. Ты только сиди въ келліи своей во вниманіи и молчаніи и всѣми мѣрами старайся приблизить себя къ Господу: а Господь готовъ сдѣлать тебя изъ человѣка Ангеломъ: **и҆ на кого̀ воззрю̀, то́кмѡ на кро́ткаго и҆ молчали́ваго, и҆ трепе́щꙋщаго слове́съ мои́хъ**[1]). Плодомъ молчанія, кромѣ другихъ духовныхъ пріобрѣтеній, бываетъ миръ души. Молчаніе учитъ

[1]) Кн. Прор. Исаіи, гл. 66, ст. 2.

безмолвію и постоянной молитвѣ, а воздержаніе дѣлаетъ помыслъ неразвлекаемымъ. Наконецъ, пріобрѣвшаго сіе ожидаетъ мирное состояніе». Такъ проходилъ преподобный Серафимъ подвигъ молчальничества и, достигая высшихъ дарованій духовныхъ, получалъ и новыя благодатныя утѣшенія, ощущая въ сердцѣ неизреченную ра́дость ѿ дх҃а ст҃аго[1]).

Переходя далѣе по лѣствицѣ добродѣтелей и иноческаго подвижничества, преподобный Серафимъ возложилъ на себя еще высшій подвигъ затворничества. Это произошло слѣдующимъ образомъ. Въ это время послѣ Исаіи настоятелемъ Саровскимъ былъ отецъ Нифонтъ, мужъ богобоязненный и добродѣтельный и въ то же время великій ревнитель Устава и порядковъ церковныхъ. Между тѣмъ Серафимъ, со времени смерти Исаіи, положивъ на себя обѣтъ молчанія, жилъ въ пустынѣ своей безысходно, какъ въ затворѣ. Прежде онъ хаживалъ по воскреснымъ днямъ въ Саровскую обитель для причащенія Св. Таинъ. Но теперь онъ отъ болѣзни ногъ, развившейся отъ долговременнаго стоянія на камняхъ, и ходить не могъ. Многіе изъ иноковъ соблазнялись этимъ обстоятельствомъ, недоумѣвая, кто же причащаетъ его Св. Таинъ, и потому строитель созвалъ, наконецъ, монастырскій соборъ изъ старшихъ іеромонаховъ, представивъ имъ на разрѣшеніе вопросъ относительно причащенія старца Серафима. Послѣ совѣщанія старцы рѣшили предложить Серафиму, чтобы онъ или ходилъ, если здоровъ и крѣпокъ ногами, по-прежнему въ обитель въ воскресные и праздничные дни для причащенія Св. Таинъ; или же, если ноги не служатъ ему, то навсегда бы перешелъ на жительство въ монастырскую келлію. Общимъ совѣтомъ было положено спросить чрезъ брата, носившаго по воскресеньямъ пищу старцу Серафиму, что онъ изберетъ. Братъ такъ и сдѣлалъ, но на первый разъ старецъ не отвѣчалъ ему ни слова. Брату поручили вторично передать Серафиму въ слѣдующій воскресный день предложеніе монастырскаго собора. Тогда старецъ Серафимъ, благословивъ брата, отправился вмѣстѣ съ нимъ пѣшкомъ въ обитель, знакомъ давъ при этомъ понять, что онъ не въ силахъ былъ, по болѣзни, ходить, какъ прежде, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ въ обитель. Это было 8-го мая 1810-го года, когда преподобному Серафиму было пятьдесятъ лѣтъ отъ роду.

---

1) По выраженію Апостола. Посл. къ Римл., гл. 14, ст. 12.

Возвратившись въ обитель послѣ пятнадцатилѣтняго пребыванія въ пустынѣ, Серафимъ, не заходя въ свою келлію, отправился въ больничный корпусъ. Это было днемъ, предъ наступленіемъ Всенощнаго бдѣнія. По удару въ колоколъ старецъ явился на Всенощное бдѣніе въ Успенскій храмъ. Всѣ братія пришли въ сильное удивленіе, когда между ними мгновенно разнесся слухъ, что старецъ Серафимъ рѣшился поселиться въ обители. На другое же утро, 9-го мая, въ день перенесенія мощей святителя и чудотворца Николая, Серафимъ пришелъ, по обычаю, въ больничную церковь къ ранней Литургіи и причастился Св. Христовыхъ Таинъ. Изъ храма онъ направился въ келлію строителя Нифонта и, принявъ отъ него благословеніе, поселился въ прежней своей монастырской келліи. Но при этомъ старецъ никого, однако, не принималъ къ себѣ, самъ никуда не выходилъ и не говорилъ ни съ кѣмъ ни слова, подъявъ на себя, такимъ образомъ, новый, труднѣйшій подвигъ затворничества.

О подвигахъ преподобнаго Серафима въ затворѣ извѣстно лишь очень немного, ибо онъ никого къ себѣ не допускалъ и ни съ кѣмъ не промолвилъ ни слова. Въ келліи своей онъ не имѣлъ ничего, даже самыхъ необходимыхъ вещей: икона Богоматери, предъ которой всегда горѣла лампада, и обрубокъ пня, замѣнявшій стулъ, составляли все. Для себя самого онъ не употреблялъ даже огня. На плечахъ своихъ подъ рубашкой онъ носилъ на веревкахъ большой пятивершковый желѣзный крестъ—для умерщвленія плоти, да дꙋхъ спсе́тсѧ[1]). Но веригъ и власяницы онъ не носилъ никогда. «Кто насъ оскорбитъ словомъ или дѣломъ,—говорилъ онъ,—и если мы переносимъ обиды по-евангельски,—вотъ вериги намъ, вотъ и власяница. Эти духовныя вериги и власяницы выше желѣзныхъ». Одежду преподобный Серафимъ продолжалъ носить ту же, что и въ пустынѣ. Пилъ онъ одну только воду, въ пищу же употреблялъ лишь толокно да бѣлую квашеную капусту. Воду и пищу приносилъ ему жившій съ нимъ по сосѣдству инокъ, по имени Павелъ. Сотворивъ молитву у келліи старца, братъ ставилъ пищу у дверей. А затворникъ, чтобы никто его не видалъ, накрывалъ себя большимъ полотнищемъ и, принявъ блюдо, стоя на колѣняхъ, уносилъ его въ свою келлію, какъ бы принимая ее изъ рукъ Божіихъ. Затѣмъ, подкрѣпившись, ставилъ посуду на

---

[1]) По выраженію Апостола. 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 5, ст. 5.

прежнее мѣсто, скрывая опять лицо свое полотномъ по примѣру пустынножителей, которые подъ куколемъ[1]) скрывали лицо свое.

Молитвенные подвиги старца въ затворѣ были никому недовѣдомы; извѣстно лишь, что они были весьма тяжелы, велики и многообразны. И здѣсь онъ, по-прежнему, совершалъ свое пустынное правило и всѣ ежедневныя службы, кромѣ Божественной Литургіи. Кромѣ того, онъ часто совершалъ *умную* молитву[2]) Іисусову или Богородичную. На молитвѣ святый старецъ погружался иногда въ глубокое созерцательное, молитвенное настроеніе, стоя предъ иконой, но не читая никакой молитвы и не кладя поклоновъ, а только умомъ созерцая въ сердцѣ Господа. Въ теченіе недѣли онъ прочитывалъ по порядку весь Новый Завѣтъ: съ понедѣльника по четвергъ четыре Евангелія—по одному каждодневно и въ остальные дни недѣли—книгу Дѣяній Апостольскихъ и Посланія. Въ сѣняхъ, сквозь дверь, иногда слышно было, какъ онъ, читая, толковалъ про себя новозавѣтныя священныя книги, и многіе приходили и слушали слово его въ свое наслажденіе, утѣшеніе и назиданіе. Въ теченіе всѣхъ лѣтъ затвора старецъ во всѣ воскресные и праздничные дни причащался Св. Таинъ Христовыхъ. Чтобы никогда не забывать о часѣ смертномъ, яснѣе представлять и ближе видѣть его передъ собою, святый Серафимъ попросилъ сдѣлать для него гробъ и поставить его въ сѣняхъ затворнической его келліи. Желаніе святаго старца было исполнено: ему выдолбили изъ цѣльнаго дуба гробъ съ крышкой, и онъ, некрашеный, всегда стоялъ въ сѣняхъ. Здѣсь старецъ часто молился, готовясь къ исходу отъ настоящей жизни. Въ бесѣдахъ съ Саровскими братіями блаженный Серафимъ часто говорилъ относительно сего гроба:

— Когда я умру, умоляю васъ, братія, положите меня въ моемъ гробѣ.

Вмѣстѣ съ духовными подвигами старецъ-подвижникъ сталъ соединять и тѣлесный трудъ, освѣжая иногда усталую старческую грудь свѣжимъ воздухомъ. По предразсвѣтнымъ утрамъ, когда все еще спало, святый старецъ часто, читая молитву Іисусову, быстро двигался по кладбищу, среди могильныхъ памятниковъ, или еще

---

[1]) *Куколь*—монашескій головной уборъ въ видѣ клобука съ спускающимся на плечи крепомъ; въ древней Церкви обычная принадлежность монашескаго облаченія.

[2]) *Умной молитвой* на языкѣ аскетовъ называется созерцательная богомысленная молитва, когда подвижникъ всей душою погружается въ нее въ безмолвіи.

гдѣ-либо, взадъ и впередъ, перенося тихонько небольшую поленницу дровъ съ одного на другое, ближайшее къ келліи, мѣсто. Когда, однажды, послушникъ—будильщикъ, обрадованный такимъ видѣніемъ, бросился къ старцу, цѣлуя его ноги и прося у него благословенія, Серафимъ, благословивъ его, сказалъ:

— Оградись молчаніемъ и внимай себѣ.

Пробывъ въ затворѣ пять лѣтъ, святый старецъ потомъ нѣсколько ослабилъ его, сначала болѣе лишь внѣшнимъ образомъ: и келейная дверь у него была открыта, и всякій могъ приходить къ нему, но на вопросы имѣвшихъ нужду въ его наставленіяхъ онъ, принявъ на себя обѣтъ молчанія предъ Богомъ, не отвѣчалъ, безмолвно продолжая свое духовное дѣланіе. Бывшій тогда Тамбовскій епископъ Іона, часто посѣщавшій Саровскую обитель, однажды пожелалъ лично видѣть отца Серафима и съ этою цѣлію подошелъ было къ его келліи; но преподобный, твердо исполняя свои обѣты предъ Богомъ и опасаясь человѣкоугодія, и на сей разъ не нарушилъ своего молчанія и затвора[1]). Видно, преподобному Серафиму не наступило еще тогда время оставить затворъ. Такъ понялъ это и преосвященный, который, на предложеніе игумена Нифонта снять двери келліи старца съ крючковъ, отвѣчалъ отказомъ, говоря: «Какъ бы не погрѣшить намъ». И оставилъ старца въ покоѣ.

Но вскорѣ послѣ этого для преподобнаго Серафима дѣйствительно приспѣлъ часъ—совершенно оставить подвигъ своего затворничества и молчальничества. Съ полнымъ самоотреченіемъ, терпѣніемъ, смиреніемъ и непостыдною вѣрою пройдя путь общежительнаго инока, пустынника, столпника, молчальника и затворника, онъ стяжалъ себѣ великую чистоту душевную и сподобился отъ Бога высшихъ благодатныхъ дарованій духовныхъ. И тогда, по Вышней волѣ, ему надлежало оставить безмолвіе и, продолжая жизнь всю въ Богѣ и для Бога, исполненную высшаго отреченія отъ міра, выступить на служеніе тому же міру—своею любовію, ниспосланными отъ Бога благодатными дарованіями учительства, прозорливства, чудесъ и исцѣленій, своимъ духовнымъ руководствомъ, молитвою, утѣшеніемъ и совѣтами. Такимъ образомъ,

---

[1]) Преп. Серафимъ въ настоящемъ обстоятельствѣ могъ руководствоваться еще примѣромъ преп. Арсенія Великаго, которому подражалъ въ подвигахъ затвора и молчанія. Архіепископъ Александрійскій, Ѳеофилъ, желая придти къ Арсенію, послалъ напередъ узнать, отворитъ ли онъ ему двери. Арсеній отвѣчалъ: «Если для тебя отворю, то и для всѣхъ отворю». Тогда Ѳеофилъ сказалъ: «Лучше мнѣ не ходить къ нему».

преподобный Серафимъ подъялъ на себя высочайшій подвигъ такъ называемаго старчества[1]), въ которомъ и окончилъ свое многотрудное и праведное житіе.

Сей подвигъ великаго старца начался съ того, что онъ, еще черезъ пять лѣтъ, уже началъ вступать въ бесѣды съ приходившими къ нему посѣтителями, и прежде всего—иноками. Въ своихъ бесѣдахъ съ ними преподобный Серафимъ главнымъ образомъ направлялъ ихъ къ утвержденію въ соблюденіи всѣхъ иноческихъ правилъ, внушая неопустительно совершать и слушать церковное Богослуженіе по церковному уставу, непрестанно заниматься *умною* молитвою, неукоснительно и усердно проходить со смиреніемъ свое послушаніе, за трапезою сидѣть со страхомъ Божіимъ, безъ уважительной причины не выходить за монастырь, удерживаться отъ своеволія и самочинія, хранить взаимный миръ и т. д. Послѣ сего святаго старца стали навѣщать и посторонніе, мірскіе посѣтители. Двери его келліи стали открыты для всѣхъ—отъ ранней Литургіи до восьми часовъ вечера. И старецъ всѣхъ принималъ, преподавая каждому благословеніе и соотвѣтствующія краткія наставленія. Посѣтителей благодатный старецъ принималъ одѣтый, обыкновенно, въ длинную бѣлую одежду въ видѣ балахона и въ полумантію, съ епитрахилью и въ поручахъ; впрочемъ, послѣднія онъ носилъ лишь въ воскресные и праздничные дни, когда причащался Св. Христовыхъ Таинъ.

Съ особенною любовію святый старецъ принималъ къ себѣ искренно и смиренно кающихся и тѣхъ, кто проявлялъ въ себѣ горячее усердіе къ духовной жизни христіанской. Послѣ бесѣды съ ними преподобный Серафимъ имѣлъ обыкновеніе возлагать на ихъ преклоненныя головы конецъ епитрахили и правую свою руку. При семъ онъ предлагалъ имъ произносить за собою краткую покаянную молитву, послѣ чего самъ произносилъ разрѣшительную молитву[2]), отчего приходившіе получали облегченіе совѣсти и какое-

---

[1]) *Старчество* представляетъ собою одинъ изъ самыхъ высшихъ подвиговъ иночества, на который способны только немногіе избранные люди. Это—духовное руководительство и врачеваніе *старцами* иноковъ и всѣхъ приходящихъ, имѣющихъ нужду въ духовномъ утѣшеніи и совѣтѣ. Добровольные ученики, приходя къ старцу, раскрываютъ предъ нимъ всю свою душу и отдаются въ полное его послушаніе, а старецъ беретъ на себя труднѣйшій подвигъ любви христіанской и великую отвѣтственность предъ Богомъ за ихъ души.

[2]) Старецъ дѣлалъ это по обычаю, доселѣ существующему на Востокѣ между *освященными*, т. е. имѣющими степень священства аввами.

то особое духовное наслажденіе; затѣмъ старецъ крестообразно помазывалъ чело посѣтителя елеемъ изъ лампады, горѣвшей предъ находившимся въ его келліи образомъ Божіей Матери Умиленія, которую онъ называлъ иконою Божіей Матери—*Радости всѣхъ радостей*, а въ томъ случаѣ, когда это было до полудня (т. е. до надлежащаго времени вкушенія пищи), давалъ вкушать *великой агіасмы* (Богоявленской воды) и благословлялъ частицею антидора или освященнаго на Всенощномъ бдѣніи благословеннаго хлѣба; потомъ—съ каждымъ христосовался, въ какое бы время то ни случилось, напоминая тѣмъ о спасительной силѣ Воскресенія Христова, и давалъ прикладываться къ образу Божіей Матери или къ висѣвшему на груди его кресту. Однихъ, открывавшихъ ему какіе-либо особые свои недуги и скорби сердечныя, онъ утѣшалъ и облегчалъ особыми, соотвѣтственными, добрыми отеческими совѣтами и врачеваніями духовными; въ другихъ случаяхъ старецъ предлагалъ общехристіанское назиданіе, особенно о непрестанной памяти о Богѣ, молитвѣ и цѣломудріи. Во всѣхъ такихъ случаяхъ онъ особенно завѣщавалъ всегда хранить на устахъ и въ сердцѣ молитву Господню—«Отче нашъ», архангельскую молитву—«Богородице Дѣво, радуйся», Символъ вѣры и молитву Іисусову—«Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя, грѣшнаго», которыя онъ считалъ особенно дѣйственными и спасительными. Среди другихъ посѣтителей иногда являлись къ святому Серафиму и знатныя лица, и государственные дѣятели, коимъ онъ дѣлалъ соотвѣтствующія наставленія, относясь къ нимъ съ должною честію и христіанскою любовію, обращая вниманіе на важность ихъ сана и отсюда поучая ихъ вѣрности святой Православной Церкви и отечеству. Посѣщали старца и лица царской фамиліи: такъ, въ 1825-мъ году у него принялъ благословеніе великій князь Михаилъ Павловичъ. Но особенно много являлось къ святому старцу простолюдиновъ, требовавшихъ отъ него не только наставленій, но иногда и житейской помощи, съ вѣрою на его святость и прозорливость,—и онъ не только утѣшалъ таковыхъ нравственно, но и помогалъ имъ въ ихъ горѣ и нуждахъ силою своей прозорливости, съ которою онъ указывалъ, напр., бѣднымъ крестьянамъ, гдѣ найти потерянное или украденное у нихъ добро, заповѣдуя имъ при этомъ ограждаться молчаніемъ. Нерѣдко онъ также исцѣлялъ недужныхъ, помазуя ихъ въ такихъ случаяхъ елеемъ изъ лампады, висѣвшей предъ упомянутымъ келейнымъ его образомъ Божіей

Матери Умиленія. Но при всемъ томъ преподобный Серафимъ вполнѣ не оставлялъ еще своего затвора; снявъ съ устъ печать молчанія и принимая посѣтителей, онъ самъ никуда, однако же, не выходилъ изъ своей келліи.

Вскорѣ наступило для преподобнаго Серафима время совсѣмъ оставить свой затворъ. Но прежде, чѣмъ рѣшиться на это, онъ обратился къ Богу съ молитвою о высшемъ изволеніи на открытое окончаніе затвора. И вотъ, въ ночь на 25-е ноября 1825-го года, старцу явилась въ сонномъ видѣніи Божія Матерь вмѣстѣ съ празднуемыми въ этотъ день святителями Климентомъ Римскимъ и Петромъ Александрійскимъ и разрѣшила ему выйти изъ затвора и посѣщать пустынь. На другой день, возставъ отъ сна и сотворивъ свое обычное молитвенное правило, онъ сообщилъ о своемъ желаніи игумену Нифонту, отъ котораго и получилъ на то благословеніе. Съ этого времени преподобный Серафимъ сталъ посѣщать свою пустынную келлію и молиться въ ней.

Особенно часто старецъ ходилъ на такъ называемый Богословскій родникъ. Этотъ родникъ находился верстахъ въ двухъ отъ монастыря и существовалъ съ давнихъ поръ, еще до поступленія Серафима въ Саровъ; но онъ находился въ запустѣніи: бассейнъ былъ покрытъ накатомъ изъ бревенъ и засыпанъ землею, вода вытекала изъ него только одною трубою. Вблизи родника, на столбикѣ, стояла икона св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, отчего родникъ и получилъ свое наименованіе. Мѣсто это очень полюбилось преподобному Серафиму. Согласно его желанію родникъ былъ расчищенъ и возобновленъ; накатъ, закрывавшій бассейнъ, снятъ и, вмѣсто того, сдѣланъ новый срубъ съ трубою. Здѣсь старецъ и сталъ проводить подолгу время, занимаясь Богомысліемъ и тѣлесными трудами; ибо въ прежнюю келлію, по болѣзни, онъ ходить уже не могъ. Старецъ собиралъ въ рѣкѣ Саровкѣ камешки и унизывалъ ими бассейнъ родника; устроилъ подлѣ для себя гряды, сажалъ овощи. На горкѣ, около родника, для старца былъ устроенъ маленькій срубъ безъ оконъ и даже безъ дверей, съ землянымъ входомъ, со стороны подъ стѣнкой. Подлѣзши подъ стѣнку, преподобный Серафимъ отдыхалъ въ этомъ убогомъ убѣжищѣ послѣ трудовъ, скрываясь отъ полуденнаго зноя; впослѣдствіи была поставлена ему новая келлія съ дверями и печью, но безъ оконъ. Здѣсь, въ своей пустыни, онъ проводилъ всѣ будничные дни, къ вечеру возвращаясь въ монастырь.

Мѣсто это стали называть ближней пустынькой отца Серафима, а родникъ—колодцемъ отца Серафима.

Умилительно было видѣть этого смиреннаго согбеннаго старца, подпиравшагося мотыкою[1]) или топоромъ, въ пустынѣ за рубкою дровъ или за воздѣлываніемъ грядъ въ убогой камилавкѣ безъ крепа, въ холщевомъ бѣломъ балахонѣ съ сумою на плечахъ, гдѣ лежало Евангеліе и грузъ изъ камней и песка для умерщвленія своей плоти. На вопросы нѣкоторыхъ, для чего онъ это дѣлаетъ,—старецъ отвѣчалъ:

— Я томлю томящаго мя.

Число посѣтителей благодатнаго старца значительно увеличилось. Одни дожидались его въ монастырѣ, другіе посѣщали его въ пустынѣ, жаждая увидѣть его и принять отъ него благословеніе и наставленіе. Умилительно было видѣть, когда преподобный Серафимъ возвращался въ свою пустыньку послѣ принятія Св. Таинъ—въ мантіи, епитрахили и поручахъ. Шествіе его замедлялось отъ множества толпившагося около него народа. Но онъ въ это время ни съ кѣмъ не говорилъ, никого не благословлялъ и какъ бы никого не видалъ, погруженный весь въ размышленія о благодатной силѣ Св. Таинства. Глубоко уважавшій и любившій благодатнаго старца игуменъ Нифонтъ по поводу множества посѣтителей святаго Серафима говаривалъ:

— Когда о. Серафимъ жилъ въ пустынѣ (первой и дальней), то закрылъ всѣ входы къ себѣ деревьями, чтобы народъ не ходилъ; а теперь сталъ принимать къ себѣ всѣхъ, такъ что мнѣ до полуночи нѣтъ возможности закрыть воротъ монастырскихъ.

Съ этихъ поръ въ преподобномъ Серафимѣ Богъ открылъ вѣрующимъ поистинѣ великое и драгоцѣнное сокровище. Особенно усладительна была душеполезная бесѣда благодатнаго старца, проникнутая какою-то особенною любовію и въ то же время дышащая тихою, живительною властію. И все обхожденіе его съ посѣтителями отличалось, прежде всего, глубокимъ смиреніемъ и всепрощающею, дѣйственною любовію христіанскою. Рѣчи его согрѣвали сердца, даже черствыя и холодныя, озаряли души духовнымъ разумѣніемъ, растворяли ихъ къ слезному и сокрушенному покаянію, возбуждали отрадную надежду на возможность исправленія и спасенія даже въ закоренѣлыхъ и отчаявшихся грѣшни-

---

[1]) *Мотыка*—кирка, заступъ, желѣзная лопатка.

кахъ, наполняли душу благодатнымъ миромъ. Никого не поражалъ угодникъ Божій жестокими укоризнами или строгими выговорами, ни на кого не возлагалъ тяжкаго бремени. Высказывалъ онъ нерѣдко и обличенія, но кротко растворяя слово свое смиреніемъ и любовію. Стараясь возбудить голосъ совѣсти совѣтами, онъ указывалъ пути спасенія, и часто такъ, что слушатель на первый разъ и не понималъ, что рѣчь идетъ о его душѣ; но потомъ сила слова, осоленнаго благодатію, непремѣнно производила свое дѣйствіе. Слово свое, какъ и всю свою жизнь и всѣ свои дѣйствія, преподобный Серафимъ всегда основывалъ на Словѣ Божіемъ, на святоотеческихъ твореніяхъ и на поучительныхъ примѣрахъ изъ жизни святыхъ, благоугодившихъ Богу. При этомъ старецъ особенно чтилъ тѣхъ святыхъ, которые явились наиболѣе доблестными ревнителями и поборниками Православной вѣры, какъ то: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, Климента, папу Римскаго, Аѳанасія Александрійскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Амвросія Медіоланскаго и т. д., и при этомъ постоянно убѣждалъ стоять за непоколебимость вѣры и любилъ объяснять, въ чемъ состоитъ чистота Православія. Любилъ онъ также говорить объ угодникахъ отечественной Церкви, напр., о святителяхъ Московскихъ Петрѣ, Алексіи, Іонѣ и Филиппѣ, о Димитріи Ростовскомъ, преподобномъ Сергіи, Стефанѣ Пермскомъ и т. д., поставляя жизнь ихъ правиломъ на пути ко спасенію. Всѣ эти рѣчи благодатнаго старца, помимо вышеуказанныхъ ихъ свойствъ, имѣли особенную силу еще и потому, что прямо прилагались къ потребностямъ слушателей и имѣли ближайшее отношеніе къ ихъ жизни и тѣмъ частнымъ нуждамъ и случаямъ, ради коихъ они приходили въ Саровъ къ преподобному Серафиму.

Особенно соблюдалъ и охранялъ святый Серафимъ чистоту Православія. Такъ, на вопросъ одного раскольника, какая вѣра лучше: нынѣшняя церковная или старая, старецъ со властію замѣтилъ:

— Оставь свои бредни. Жизнь наша есть море, святая Православная Церковь наша—корабль, а кормчій—Самъ Спаситель. Если съ такимъ Кормчимъ люди, по своей грѣховной слабости, съ трудомъ переплываютъ море житейское и не всѣ спасаются отъ потопленія, то куда же стремишься ты съ своимъ ботикомъ и на чемъ утверждаешь свою надежду—спастись безъ кормчаго?

Въ другой разъ въ Саровскую обитель привезли больную женщину, скорченную до такой степени, что колѣни ея сведены были къ груди. Когда ее внесли въ келлію преподобнаго Серафима, онъ сталъ разспрашивать ее, откуда она и отчего приключилась съ нею такая болѣзнь. Больная чистосердечно, ничего не утаивая, раскрыла предъ старцемъ, какъ на духу, свою душу: что она родилась въ Православной Церкви, но замужъ вышла за раскольника, весьма закоснѣлаго въ своемъ лжеученіи; вслѣдствіе долговременнаго вліянія мужа и его семьи она оттолкнулась отъ Православія, и за то Богъ внезапно покаралъ ее—ее какъ бы опалило, послѣ чего начались сильныя корчи. Страшная ломота терзала несчастную женщину четыре года, въ продолженіе коихъ она не могла двинуть ни ногой, ни рукой. Благодатный старецъ спросилъ больную, вѣруетъ ли она нынѣ въ Матерь нашу—Святую Православную Церковь, и, на утвердительный отвѣтъ, приказалъ больной перекреститься троеперстнымъ сложеніемъ. Та отозвалась немощію, по которой не можетъ даже руки поднять. Когда же преподобный съ молитвою помазалъ ей елеемъ изъ висѣвшей у него лампады грудь и руки, недугъ мгновенно оставилъ ее, и она возблагодарила старца, даровавшаго ей исцѣленіе. Народъ дивился при видѣ сего чуда, вѣсть о коемъ быстро распространилась по монастырю и его окрестностямъ.

По чистотѣ своего духа стяжавъ даръ прозорливости, преподобный Серафимъ нерѣдко давалъ инымъ наставленія, относившіяся прямо къ ихъ внутреннимъ чувствамъ и мыслямъ сердечнымъ, прежде, чѣмъ они раскрывали предъ нимъ тѣ обстоятельства, ради которыхъ они обращались къ нему,—и тѣмъ неотразимѣе въ такихъ случаяхъ дѣйствовало слово его. Вотъ особенно поразительный примѣръ сего.

Однажды пріѣхалъ въ Саровъ, изъ-за любопытства, заслуженный генералъ-лейтенантъ Л. Осмотрѣвъ монастырскія зданія и ничего не получивъ для души своей, онъ хотѣлъ уже уѣзжать; но его остановилъ одинъ помѣщикъ, по фамиліи Прокудинъ, убѣждая генерала зайти къ затворнику—старцу Серафиму. Надменный собою, генералъ сначала отказывался, но потомъ, уступая усиленнымъ убѣжденіямъ Прокудина, согласился видѣть старца. Какъ только вошли они въ келлію, преподобный, идя къ нимъ навстрѣчу, поклонился генералу въ ноги. Такое смиреніе поразило гордаго генерала. Прокудинъ же, замѣтивъ, что ему не слѣ-

дуетъ оставаться съ ними въ келліи, вышелъ въ сѣни, и украшенный орденами генералъ около получаса бесѣдовалъ со старцемъ. Чрезъ нѣсколько минутъ послышался изъ келліи Серафима плачъ: то плакалъ, какъ малое дитя, генералъ. Чрезъ полчаса дверь отворилась, и святый Серафимъ вывелъ генерала подъ руки; тотъ продолжалъ плакать, закрывъ лицо руками. Ордена и фуражка были забыты имъ въ келліи старца. Преподобный вынесъ ихъ и надѣлъ ордена на фуражку. Впослѣдствіи генералъ этотъ говорилъ, что онъ прошелъ всю Европу, знаетъ множество людей разнаго рода, но въ первый разъ въ жизни увидѣлъ такое смиреніе, съ какимъ встрѣтилъ его Саровскій затворникъ, и еще никогда не зналъ о возможности такой прозорливости, по которой старецъ раскрылъ предъ нимъ всю его жизнь до самыхъ тайныхъ подробностей. Между прочимъ, ордена генерала во время бесѣды его съ Серафимомъ свалились, причемъ старецъ замѣтилъ:

— Это потому, что ты получилъ ихъ незаслуженно.

Любовь благодатнаго старца была, казалось, всеобъемлюща и безгранична; казалось, что онъ любилъ всѣхъ и каждаго больше, чѣмъ мать любитъ единственнаго сына своего возлюбленнаго. Не было такого страданія, такой скорби у ближняго, которыхъ бы онъ не раздѣлилъ, не принялъ бы въ душу свою и для врачеванія которыхъ не нашелъ бы соотвѣтствующихъ цѣльбоносныхъ средствъ. И вотъ онъ сталъ въ глазахъ православнаго русскаго народа прибѣжищемъ, духовною опорою и утѣшеніемъ всѣхъ страждущихъ и обремененныхъ, скорбящихъ и озлобленныхъ, милости Божіей и благодатной помощи требующихъ. Лица всѣхъ возрастовъ, званій и состояній и обоихъ половъ съ полною, какъ бы дѣтскою довѣрчивостію, искренно и чистосердечно раскрывали предъ нимъ свой умъ и сердце, свои сомнѣнія и недоумѣнія, свои духовныя нужды и печали, свои прегрѣшенія и грѣховные помыслы, для смиреннаго исповѣданія коихъ, безъ всякаго ложнаго стыда и утайки, нерѣдко на помощь приходилъ самъ облагодатствованный старецъ, прозорливо читая въ душѣ посѣтителя и вслухъ предъ нимъ раскрывая его грѣхи и помыслы. И любвеобильный святый старецъ всѣхъ удовлетворялъ и успокаивалъ, никто не уходилъ отъ него безъ облегченія и душевнаго умиротворенія, безъ дѣйствительнаго наставленія и благодатнаго утѣшенія—ни богатые, ни бѣдные, ни простые, ни ученые, ни униженные, ни знатные. Народа, особенно за послѣдніе десять лѣтъ его жизни, къ нему

стекалось ежедневно до тысячи человѣкъ, а иногда до двухъ и болѣе. Но святый старецъ не тяготился этимъ и со всякимъ находилъ время побесѣдовать на пользу души, въ краткихъ словахъ объясняя каждому то, что ему именно было благопотребно. И всѣ ощущали его великую любовь и ея благодатную силу, и потоки слезъ нерѣдко вырывались и у такихъ людей, кои имѣли твердыя и окаменѣлыя сердца.

Нерѣдко преподобный Серафимъ возбуждалъ во многихъ зависть, нареканія или же недоумѣнія, что онъ всѣхъ принималъ къ себѣ безъ разбора, всѣмъ одинаково дѣлалъ добро, всѣхъ равно выслушивалъ, утѣшалъ и наставлялъ, не различая ни пола, ни званія, ни состоянія и нравственныхъ достоинствъ приходившихъ къ нему посѣтителей. По поводу этого преподобный Серафимъ говорилъ не разъ:

— Положимъ, что я затворю двери моей келліи. Приходящіе къ ней, нуждаясь въ словѣ утѣшенія, будутъ заклинать меня Богомъ отворить двери и, не получивъ отъ меня отвѣта, съ печалію пойдутъ домой... Какое оправданіе я могу принести Богу на Страшномъ Судѣ Его?

Въ другой разъ, когда одинъ инокъ спросилъ Старца: «Что ты всѣхъ учишь?»—тотъ отвѣчалъ:

— Я слѣдую ученію Церкви, которая поетъ: «**не скрыва́й словесѐ бж҃їѧ, но возвѣща́й чꙋдеса̀ є҆гѡ̀**»[1]).

Такимъ образомъ, святый старецъ пріемъ къ себѣ всѣхъ приходящихъ считалъ дѣломъ совѣсти, обязательствомъ своей жизни, въ которомъ Богъ потребуетъ отъ него отчета на Страшномъ Судѣ. Но при всемъ этомъ, когда старецъ видѣлъ, что приходившіе къ нему внимали его совѣтамъ, слѣдовали его наставленіямъ и съ пути грѣха и погибели становились на путь добродѣтели и спасенія, то не восхищался этимъ, какъ плодомъ своего дѣла, ничего не относя къ себѣ, но за все благословлял Благодателя—Бога, говоря въ такихъ случаяхъ:

— **Не на́мъ гдⷭ҇и, не на́мъ, но и҆́мени твоемꙋ̀ да́ждь сла́вꙋ ѡ҆ ми́лости твое́й**[2]).

И еще говорилъ онъ о томъ же:

— Мы должны всякую радость земную отъ себя удалять, слѣдуя ученію Іисуса Христа, Который сказалъ: «**Ѡ҆ се́мъ не ра́дꙋй-**

---

[1]) На Вечернѣ вторника Страстной седмицы, изъ стихиры на «Господи, воззвахъ». 4-го гласа.

[2]) Псаломъ 113, ст. 9.

тесѧ, ꙗ҆́кѡ дꙋ́си ва́мъ повинꙋ́ютсѧ: ра́дꙋйтесѧ же, ꙗ҆́кѡ и҆́мена̀ ва̑ша напи́сана сꙋ́ть на нб҃есѣ́хъ» [1]).

Однажды къ преподобному Серафиму пришли одновременно въ келлію некій купецъ Владимірской губерніи и строитель Высокогорской пустыни о. Антоній [2]). Преподобный съ любовію сталъ кротко и ласково обличать купца въ его порокахъ и предлагать ему соотвѣтствующія наставленія. Рѣчь благодатнаго старца была настолько растворена теплотою сердца, что и купецъ, къ которому она относилась, и случайно присутствовавшій при семъ о. Антоній были тронуты до слезъ. Послѣдній, когда купецъ вышелъ изъ келліи, обратился къ святому старцу съ такими словами:

— Батюшка! Душа человѣческая предъ вами открыта, какъ лицо въ зеркалѣ: еще совсѣмъ не выслушавши сего богомольца, вы сами ему все уже высказали. Вижу я теперь, что умъ вашъ такъ чистъ, что отъ него ничто не скрыто въ сердцѣ ближняго.

Но преподобный Серафимъ, какъ бы заграждая уста своего собесѣдника, возложилъ на нихъ свою руку и промолвилъ:

— Не такъ ты говоришь, радость моя: сердце человѣческое открыто единому Господу и одинъ лишь Богъ—сердцевѣдецъ, а **приступитъ человѣкъ и̇ се́рдце глꙋбоко̀** [3]).

— Да какъ же вы, батюшка,—снова вопросилъ о. Антоній,—не спросили ни одного слова отъ купца и все сказали, что ему потребно?

Тогда преподобный Серафимъ со смиреніемъ отвѣтилъ:

— Онъ шелъ ко мнѣ, какъ и другіе, какъ и ты, шелъ, яко къ рабу Божію: я, грѣшный Серафимъ, такъ и думаю, что я—грѣшный рабъ Божій, что мнѣ повелѣваетъ Господь, какъ рабу Своему, то я и передаю требующему полезнаго. Первое помышленіе, являющееся въ душѣ моей, я считаю указаніемъ Божіимъ и говорю, не зная, что у моего собесѣдника на душѣ, а только вѣруя, что такъ мнѣ указываетъ воля Божія для его пользы. Какъ желѣзо—ковачу, такъ я передаю себя и свою волю Господу Богу: какъ Ему угодно, такъ и дѣйствую; своей воли не имѣю; а что Богу угодно, то и передаю.

Между тѣмъ эта благодатная прозорливость преподобнаго Серафима была поистинѣ необычайна. Получая письма, онъ часто,

---

1) Еванг. отъ Луки, гл. 10, ст. 20.

2) Впослѣдствіи извѣстный намѣстникъ Троице-Сергіевой Лавры.

3) Псаломъ 63, ст. 7.

не распечатывая ихъ, зналъ ихъ содержаніе и давалъ отвѣты: «Вотъ что скажи отъ убогаго Серафима» и т. д. Послѣ блаженной кончины его нашли много такихъ нераспечатанныхъ писемъ, на которыя въ свое время даны были отвѣты. Духомъ святый старецъ былъ въ единеніи со многими подвижниками, которыхъ никогда не видѣлъ и которые жили отъ него за тысячи верстъ. Когда въ затворникѣ Задонскаго Богородицкаго монастыря Георгіи возникъ помыслъ,—не перемѣнить ли ему своего мѣста на болѣе уединенное, и никто, кромѣ него самого, не зналъ объ этомъ его тайномъ смущеніи, вдругъ приходитъ къ нему какой-то странникъ изъ Саровской пустыни отъ отца Серафима и говоритъ ему:

— Отецъ Серафимъ приказалъ тебѣ сказать: стыдно-де, столько лѣтъ сидѣвши въ затворѣ, побѣждаться такими вражескими помыслами, чтобы оставить свое мѣсто. Никуда не ходи. Пресвятая Богородица велитъ тебѣ здѣсь оставаться.

Съ этими словами странникъ поклонился и ушелъ. Когда же его стали искать, то не могли уже найти его ни въ монастырѣ, ни за монастыремъ.

Еще ничего не было слышно объ угодникѣ Божіемъ Митрофанѣ, первомъ епископѣ Воронежскомъ, и о предстоящемъ его прославленіи: не было еще никакихъ ни откровеній, ни явленій, а между тѣмъ преподобный Серафимъ въ нѣсколькихъ словахъ, собственноручно написанныхъ, поздравлялъ преосвященнаго архіепископа Воронежскаго Антонія съ открытіемъ святыхъ мощей угодника Божія Митрофана.

Одному мірянину, нѣкоему А. Г. Воротилову, старецъ не разъ говорилъ, что на Россію возстанутъ три державы и много изнурятъ ее; но за Православіе Господь помилуетъ и сохранитъ ее. Тогда рѣчь эта была непонятна; но впослѣдствіи событія объяснили, что старецъ говорилъ это о Крымской кампаніи.

Съ 1831 года Серафимъ многимъ предвозвѣщалъ о предстоящемъ голодѣ, и, по его совѣту, въ Саровской обители сдѣлали запасъ хлѣба на шесть годовыхъ потребъ, и, вслѣдствіе этого, въ обители не было голода. Когда явилась первая холера въ Россіи, преподобный открыто предвозвѣщалъ, что ея не будетъ ни въ Саровѣ, ни въ Дивѣевѣ [1]),—и предсказанія эти исполнились во всей точности, такъ что отъ первой холеры ни въ Саровѣ, ни въ Дивѣевѣ не умерло ни одного человѣка.

[1]) О Дивѣевѣ см. ниже, на стр. 101—140.

Старецъ равно видѣлъ прошедшее и будущее, въ нѣсколькихъ словахъ очерчивалъ предстоящую жизнь человѣка и говорилъ рѣчи и давалъ совѣты, казавшіеся странными, но впослѣдствіи обстоятельства оправдывали ихъ, и они оказывались полными духа прозрѣнія.

Кромѣ дара прозорливости, Господь продолжалъ являть въ преподобномъ Серафимѣ благодать исцѣленія недуговъ и болѣзней тѣлесныхъ. Еще ранѣе, въ 1823 году, до окончательнаго оставленія старцемъ своего затвора, однимъ изъ первыхъ и разительнѣйшихъ явленій этой Богодарованной ему чудодѣйственной благодати были исцѣленіе имъ отъ неподдававшейся никакому лѣченію болѣзни одного сосѣдняго помѣщика Ардатовскаго уѣзда М. В. Манторова. Когда недугъ принялъ угрожающіе размѣры, такъ что у болящаго выпадали даже кусочки кости изъ ногъ, и всякая надежда на медицинскую помощь была потеряна, Манторовъ, по совѣту своихъ ближнихъ и знакомыхъ, рѣшился ѣхать въ Саровъ, за сорокъ верстъ отъ своего имѣнія Нучъ, къ отцу Серафиму, молва о святой жизни котораго въ то время распространилась уже по всей Россіи. Съ большимъ трудомъ Манторовъ внесенъ былъ въ сѣни келліи благодатнаго затворника, котораго слезно сталъ просить объ исцѣленіи его отъ ужаснаго недуга. Тогда старецъ съ сердечнымъ участіемъ и отеческою любовію спросилъ его, вѣруетъ ли онъ въ Бога. Получивъ отъ болящаго троекратное твердое и искреннее увѣреніе въ безусловной вѣрѣ въ Бога, преподобный ласково сказалъ ему:

— Радость моя! Если ты такъ вѣруешь, то вѣрь и въ то, что вѣрующему все возможно отъ Бога, а посему вѣруй, что и тебя исцѣлитъ Господь, а я, убогій Серафимъ, помолюсь.

Послѣ того онъ удалился въ свою келлію и, немного времени спустя, вышелъ оттуда со святымъ елеемъ изъ лампады, висѣвшей предъ образомъ Божіей Матери *Умиленія,* велѣлъ Манторову обнажить ноги и помазалъ больныя мѣста. И тотчасъ же струпья, покрывавшія тѣло, мгновенно отпали, и Манторовъ получилъ исцѣленіе и безъ посторонней помощи вышелъ изъ келліи Саровскаго чудотворца. Когда же Манторовъ, почувствовавъ исцѣленіе, въ радости бросился въ ноги преподобному, лобызая ихъ и благодаря за исцѣленіе, старецъ, приподнявъ его, строго сказалъ:

— Развѣ Серафимово дѣло мертвить и живить, низводить во адъ и возводить,—что ты, батюшка? Это—дѣло Единаго Господа, Который творитъ волю боящихся Его и молитву ихъ слушаетъ.

Господу Всемогущему да Пречистой Его Матери даждь благодареніе.

Съ этими словами смиренномудрый угодникъ Божій отпустилъ Манторова.

Не менѣе поразительно было совершенное святымъ старцемъ въ 1827 году исцѣленіе нѣкоей женщины Александры, жены двороваго человѣка Лебедева. Она болѣе года страдала по-видимому безпричинно овладѣвшими ею страшными припадками, сопровождавшимися рвотой, скрежетомъ зубовъ, судорогами всего тѣла, послѣ чего болящая впадала въ полное безпамятство; такіе припадки повторялись съ нею ежедневно. Принимаемыя лѣкарями къ прекращенію недуга страдалицы средства не имѣли никакого успѣха, а одинъ опытный, вѣрующій и честный врачъ, принявшій въ больной особенно сердечное участіе и истощившій надъ ней все свое вниманіе, познанія и искусство, наконецъ далъ ей совѣтъ положиться на волю Всевышняго и просить у Него помощи и защиты, ибо изъ людей никто ее вылѣчить не можетъ. Это привело въ глубокую скорбь всѣхъ присныхъ больной и повергло ее въ отчаяніе. И вотъ въ одну ночь явилась къ ней незнакомая, весьма старая женщина и, когда болящая въ испугѣ стала читать молитву Св. Кресту, сказала ей:

— Не убойся меня: я—такой же человѣкъ, только теперь не сего свѣта, а изъ царства мертвыхъ. Встань съ одра своего и поспѣши скорѣе въ Саровскую обитель къ о. Серафиму: онъ тебя ожидаетъ къ себѣ завтра и исцѣлитъ тебя.

Больная осмѣлилась спросить ее:

— Кто ты такая и откуда?

Явившаяся отвѣчала:

— Я изъ Дивѣевской общины, первая настоятельница—Агаѳія[1]).

На другой день родные повезли больную въ Саровъ, причемъ по дорогѣ съ ней дѣлались страшные обмороки и судороги. Сарова больная достигла послѣ поздней Литургіи во время трапезы братіи, когда преподобный затворился и никого не принималъ. Но не успѣла еще больная, приблизившись къ его келліи, сотворить обычной молитвы, какъ старецъ вышелъ къ ней, взялъ ее за руки и ввелъ въ свою келлію. Здѣсь онъ накрылъ ее епитрахилью и тихо произнесъ молитвы ко Господу и Пресвятой Богородицѣ,

[1]) См. о ней ниже, на стр. 101.

потомъ напоилъ больную Богоявленскою водою, далъ ей частицу антидора и три сухарика и сказалъ:

— Каждыя сутки принимай по сухарю со святою водою, да сходи въ Дивѣево на могилу рабы Божіей Агаѳіи, возьми себѣ земли и сотвори, сколько можешь, поклоновъ: она (Агаѳія) о тебѣ сожалѣетъ и желаетъ тебѣ исцѣленія.

Преподавъ еще нѣсколько краткихъ наставленій о молитвѣ, преподобный съ миромъ отпустилъ больную, причемъ недугъ тогда же отошелъ отъ нея весьма ощутительно и какъ бы съ нѣкіимъ шумомъ. Впослѣдствіи болѣзнь къ ней не возвращалась, и она имѣла многихъ сыновей и дочерей.

Много различныхъ исцѣленій совершилъ надъ тяжко болящими преподобный Серафимъ, многія изъ нихъ записаны, другія остались записанными лишь на скрижаляхъ сердецъ облагодѣтельствованныхъ имъ; въ краткомъ сказаніи о жизни угодника Божія недостало бы имъ мѣста. Во всѣхъ этихъ случаяхъ старецъ, какъ мы о томъ упоминали, имѣлъ обычай мазать больныхъ масломъ изъ лампады, горѣвшей предъ его келейною иконою Богоматери—*Умиленія,* и когда его вопрошали, почему онъ это дѣлаетъ, отвѣчалъ:

— Мы читаемъ въ Писаніи, что Апостолы мазали масломъ, и многіе больные отъ сего исцѣлялись. Кому же слѣдовать намъ, какъ не Апостоламъ?

И помазанные преподобнымъ больные получали исцѣленія.

Въ келліи у Серафима горѣло много лампадъ и теплилось множество восковыхъ свѣчей, большихъ и малыхъ, на разныхъ круглыхъ подносахъ. И на тайный помыслъ одного изъ посѣтителей, къ чему это, прозорливый старецъ отвѣчалъ:

— Какъ вамъ извѣстно, у меня много особъ, усердствующихъ ко мнѣ и благотворящихъ «мельничнымъ сиротамъ» моимъ (сестрамъ Серафимо-Дивѣевскаго монастыря). Они приносятъ мнѣ елей и свѣчи и просятъ помолиться о нихъ. Вотъ, когда я читаю правило свое, то и поминаю ихъ сначала одинажды. А какъ я не смогу повторять ихъ на каждомъ мѣстѣ правила, то и ставлю эти свѣчи за нихъ въ жертву Богу—за каждаго по свѣчѣ; за иныхъ—за нѣсколько человѣкъ одну большую—и, гдѣ слѣдуетъ, не называя именъ, говорю: Господи, помяни всѣхъ тѣхъ людей, рабовъ Твоихъ, за ихъ же души возжегъ Тебѣ азъ, убогій, сіи свѣщи и кандила. А что это не моя, убогаго Серафима, человѣческая

выдумка или такъ, простое мое усердіе, ни на чемъ Божественномъ не основанное, то и приведу вамъ въ подкрѣпленіе слова Божественнаго Писанія. Въ Библіи говорится, что Моисей слышалъ гласъ Господа, глаголавшаго къ нему: «**мѡѷсе́е, мѡѷсе́е! рцы̀ бра́тꙋ твоемꙋ̀ а҃арѡ́нꙋ, да возжига́етъ предо мно́ю кандѝлы во дни̑ и҆ въ но́щи: сі́е во ᲂу҆го́дно є҆́сть предо мно́ю и҆ же́ртва бл҃гопрїѧ́тна мѝ є҆́сть**» [1]). Вотъ почему Святая Церковь Божія пріяла въ обычай возжигать во святыхъ храмахъ и въ домахъ вѣрныхъ христіанъ кандилы или лампады предъ святыми иконами Господа, Божіей Матери, святыхъ Ангеловъ и святыхъ человѣковъ, Богу благоугодившихъ.

А о Богословскомъ родникѣ, получившемъ наименованіе колодца «Серафимова», старецъ впослѣдствіи повѣдалъ:

— Я молился, чтобы вода сія въ колодцѣ была цѣлительною отъ болѣзней.

И тогда вода этого родника получила особыя, необыкновенныя и цѣлебныя свойства, сохраняющіяся доселѣ. Вода эта не портится, хотя бы много лѣтъ стояла въ незакупоренныхъ сосудахъ. Ею во всякое время года обливаются и омываются больные и здоровые, даже въ сильные холода, и получаютъ пользу. Многимъ, тяжко страдавшимъ отъ болѣзненныхъ язвъ, преподобный Серафимъ приказывалъ омыться водою изъ его источника—и всѣ получали отъ этого исцѣленія. Нѣкоторые отъ омытія сею водою получали прозрѣніе; другіе, вкушая ее, получали скорое исцѣленіе отъ внутреннихъ недуговъ и съ одра тяжкой болѣзни возставали здоровыми и бодрыми. Нѣкая женщина, М. В. Сипягина, была тяжко больна, чувствовала ужасную тоску, и отъ болѣзни, несмотря на свое усердіе, не могла въ постные дни ѣсть пищи, положенной Уставомъ. Преподобный Серафимъ приказалъ ей напиться воды изъ его источника. Послѣ этого у нея безъ всякаго принужденія вышло горломъ много желчи, и она исцѣлѣла. Во время холеры въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія немало вѣрующихъ стекалось на колодецъ «Серафимовъ» изъ отдаленныхъ даже странъ и, по вѣрѣ своей, получали отъ его цѣлебныхъ водъ облегченіе и исцѣленія. Такъ, ротмистръ Тепловъ, у котораго было имѣніе въ Екатеринославской губерніи, гдѣ холера начала производить большую смертность, при видѣ повальныхъ заболѣваній своихъ людей

---

[1]) Ср. Кн. Лев., гл. 24, ст. 3.

вспомнилъ, что преподобный Серафимъ ранѣе, какъ-бы невзначай, говаривалъ ему:

— Когда ты будешь въ скорби, то зайди къ убогому Серафиму въ келлію: онъ о тебѣ помолится.

Воспоминаніе это побудило его съ женою обратиться заочно къ старцу Серафиму, чтобы онъ избавилъ ихъ отъ пагубной болѣзни. И вотъ въ ту же ночь, въ сонномъ видѣніи, старецъ является женѣ Теплова и приказываетъ ей отправиться на Богословскій родникъ, взять оттуда воды, напиться и омыться ею, какъ имъ, Тепловымъ, такъ и ихъ людямъ. Съ полною вѣрою въ силу ходатайства угодника Божія Серафима Тепловы отправились на родникъ, напились и умылись изъ него и наполнили водою изъ него цѣлую бочку, которую отвезли въ свое имѣніе. И дѣйствительно, больные люди Теплова, изъ коихъ многіе были уже при смерти, получали дивное исцѣленіе, пользуясь исключительно присланною имъ водою, и никто съ тѣхъ поръ не умиралъ отъ холеры въ имѣніи Теплова.

Но преподобный Серафимъ видѣлъ не только земное: неоднократно открывались ему и небесныя тайны. Однажды, послѣ продолжительной бесѣды съ инокомъ Іоанномъ, съ младенческою довѣрчивостью относившимся къ святому старцу, о житіи святыхъ Божіихъ, ихъ дарованіяхъ и небесныхъ обѣтованіяхъ, послѣдній нѣсколько разъ повторилъ ему:

— Радость моя, молю тебя, стяжи духъ миренъ, и тогда тысяча душъ спасется около тебя.

Потомъ преподобный повѣдалъ и о себѣ:

— Усладился я словомъ Господа моего Іисуса Христа: «**въ домꙋ̀ ѻ҆ц҃а̀ моегѡ̀ ѻ҆би́тели мнѡ́ги сꙋ́ть**»[1]). И остановился я, убогій, на сихъ словахъ, и возжелалъ видѣть оныя небесныя обители, и молилъ Господа Іисуса Христа, чтобы Онъ показалъ мнѣ ихъ, и Господь не лишилъ меня, убогаго, Своей милости. Вотъ я и былъ восхищенъ въ эти небесныя обители,—только не знаю, съ тѣломъ, или кромѣ тѣла, Богъ вѣсть, это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я тамъ вкушалъ—сказать тебѣ невозможно.

Съ сими словами преподобный замолчалъ, склонился нѣсколько впредь, голова его поникла, глаза закрылись, и старецъ протя-

---

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. 14, ст. 2.

нутою кистью правой руки мѣрно и тихо водилъ противъ сердца. Лицо его дивнымъ образомъ измѣнилось и издавало такой необычайный свѣтъ, что невозможно было даже смотрѣть на него; на устахъ же и во всемъ выраженіи его просвѣтленнаго лица сіяла такая духовная радость, что онъ казался какъ бы земнымъ Ангеломъ, какъ будто что-то умиленно созерцая и слушая.

Такъ прошло съ полчаса, послѣ чего преподобный заговорилъ:

— Ахъ, если бы ты зналъ, возлюбленный, какая радость, какая сладость ожидаетъ праведнаго на Небѣ, то ты рѣшился бы во временной жизни переносить скорби съ благодареніемъ. Если бы самая эта келья была полна червей, и они бы всю жизнь нашу ѣли нашу плоть, то и тогда надо бы на это со всякимъ желаніемъ согласиться, чтобы только не лишиться той небесной радости.

Вліяніе благодатнаго старца не ограничивалось лишь Саровскою пустынью. Исключительное значеніе онъ имѣлъ для развитія мѣстнаго женскаго иночества. Особенно трогательны были отношенія преподобнаго Серафима къ Дивѣевской общинѣ, основанной около 1780 года помѣщицей Владимірской губерніи, вдовой полковника Агаѳьей Семеновной Мельгуновой. Въ молодыхъ лѣтахъ лишившись мужа, она возъимѣла намѣреніе посвятить жизнь свою Богу и съ этою цѣлію обошла многія святыя мѣста. И вотъ, отдыхая верстахъ въ двѣнадцати отъ Саровской обители, въ селѣ Дивѣевѣ, она въ полуснѣ увидала Божію Матерь, поручавшую ей остаться на семъ мѣстѣ и воздвигнуть храмъ въ честь Казанской чудотворной иконы Ея. Впослѣдствіи къ Мельгуновой, принявшей монашество съ именемъ Александры, присоединились еще и другія подвижницы, и такимъ образомъ было положено начало Дивѣевской обители, съ которою неразрывно связано имя преподобнаго Серафима Саровскаго. Еще сама первоначальница Дивѣевской обители, умирая, поручила будущую участь сестеръ преподобному Серафиму, бывшему въ то время іеродіакономъ, и блаженный старецъ Пахомій, игуменъ Саровскій, оставляя міръ сей, на него же возлагалъ попеченіе о Дивѣевской общинѣ. Преподобный Серафимъ заботился о ней съ истинно отеческою любовью и попечительностью. Дивѣевскія сестры ходили къ нему за благословеніемъ и разрѣшеніемъ различныхъ недоумѣній, передавали о своихъ нуждахъ. Старецъ же попечительно преподавалъ имъ добрые и душеполезные совѣты, со всею заботливостью вникая въ жизнь и порядки общины.

По молитвамъ преподобнаго, на средства благотворителей, питавшихъ особенную вѣру къ нему и получившихъ по его молитвамъ исцѣленія, Дивѣевская община значительно расширилась, чего требовала и самая населенность ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ, святый Серафимъ раздѣлилъ обитель, подъ общимъ начальствомъ и руководствомъ, на двѣ половины, такъ что въ нѣкоторомъ разстояніи за особой оградой воздвиглись новыя келліи съ отдѣльнымъ храмомъ и явился какъ бы новый монастырекъ. «На это,—говорилъ онъ,—есть изволеніе Господа и Божіей Матери». Такъ сдѣлалъ угодникъ Божій потому, что считалъ неудобнымъ и неполезнымъ, чтобы чистыя дѣвы жили вмѣстѣ со вдовами, проведшими нѣкоторое время въ брачной жизни. По указанію Пресвятой Богородицы, старецъ выбралъ для этого мѣсто саженяхъ въ ста отъ Казанской Дивѣевской церкви на пожертвованномъ для сего участкѣ, причемъ на вновь пріобрѣтенной землѣ устроилъ для Дивѣевскихъ сестеръ собственную мельницу. Такимъ образомъ, преподобный Серафимъ образовалъ особую, такъ называвшуюся Серафимо-Дивѣевскую общину, отдѣльную отъ прежней, созданной вышеупомянутою Агаѳьею Семеновной Мельгуновой[1]).

Заботясь о сестрахъ Дивѣевскихъ, въ особенности о «своихъ мельничныхъ сиротахъ», какъ обыкновенно называлъ преподобный Серафимъ сестеръ вновь отдѣленной общины, онъ неустанно утѣшалъ ихъ въ скорбяхъ ихъ многотрудной, исполненной тяжкихъ лишеній, иноческой жизни, удерживалъ малодушныхъ, изъ коихъ нѣкоторыя хотѣли возвратиться даже къ мірской жизни, ибо многія стѣснялись крайними лишеніями, такъ какъ обитель тогда ничѣмъ не была обезпечена. Но, благодаря благодатному вліянію преподобнаго Серафима, Дивѣевская обитель стала привлекать къ себѣ все болѣе и болѣе сестеръ, искавшихъ, подъ отеческимъ руководствомъ святаго старца, богоугодной иноческой жизни. Нѣкоторыя посвящали жизнь свою Богу въ Дивѣевской обители изъ благодарности за исцѣленія, полученныя по молитвамъ святаго старца. Иныхъ онъ, по своей прозорливости, съ малолѣтства какъ бы предназначалъ къ сему, и заранѣе, въ духѣ сего предназначенія,

---

[1]) 27 іюля 1842 года былъ полученъ указъ Св. Синода объ утвержденіи общежительной Дивѣевской обители въ составѣ обоихъ отдѣленій. Въ 1861 году Дивѣевская община возведена въ третьеклассный женскій монастырь, и въ настоящее время представляетъ собою одну изъ самыхъ многолюднѣйшихъ и благоустроеннѣйшихъ женскихъ обителей на Руси, вмѣщающую въ себѣ до 1000 и даже свыше сестеръ.

руководствовалъ къ поступленію въ обитель. А когда сестры общины, боясь за будущность ея, ввиду ея матеріальной необезпеченности и неопредѣленности положенія, скорбѣли о томъ, старецъ, утѣшая ихъ, говорилъ, что сіе мѣсто избрала для нихъ Сама Царица Небесная, Которая во всемъ имъ поможетъ, такъ что у нихъ и хлѣба свои будутъ, и церкви, и уставъ церковный будетъ, какъ въ Саровѣ, и что онъ, «убогій Серафимъ», всегда за нихъ колѣни преклоняетъ. Сестры Дивѣевской обители находились въ полномъ послушаніи преподобнаго Серафима. Безъ благословенія старца ничего не начинали. Когда какая-либо сестра хотѣла на время отлучиться изъ обители, то, какъ предъ выходомъ, такъ и по возвращеніи въ обитель, являлась къ преподобному на благословеніе.

Для сестеръ Дивѣевской обители Серафимъ оставилъ особое молитвенное правило, равно какъ преподалъ имъ наставленія относительно храненія ризницы и церковнаго имущества и т. д. Сначала сестры «мельничной общины» не имѣли отдѣльнаго, особаго храма, что представляло для нихъ довольно значительныя неудобства. Но послѣ того, какъ угодникъ Божій дивнымъ образомъ исцѣлилъ вышеупомянутаго Манторова, тотъ, изъ благодарности къ старцу, согласно его убѣжденіямъ, продалъ свое имѣніе и отдалъ все свое достояніе на построеніе большаго каменнаго храма для «мельничныхъ» сестеръ. Храмъ былъ воздвигнутъ двухпрестольный: во имя Рождества Христова и Рождества Богородицы и освященъ въ 1829 году.

Что касается до трудовъ и подвиговъ рукодѣлія, то преподобный Серафимъ постановилъ для Дивѣевскихъ сестеръ заниматься исключительно трудомъ, свойственнымъ простому классу людей. Но рисованія, шитья шелками и золотомъ и другихъ подобныхъ работъ, требующихъ нѣкотораго углубленія ума и болѣе относящихся къ искусству и предметамъ роскоши, старецъ, не хотѣлъ допускать.

Всѣ эти завѣщанія старца строго исполнялись въ Дивѣевской общинѣ. Уклоненія же отъ нихъ влекли обычно за собою непріятныя для обители послѣдствія; но Серафимъ своими молитвами охранялъ ее отъ нужды и бѣдствій. Такъ преподобный завѣщалъ, чтобы въ созданномъ имъ Христорождественскомъ храмѣ, гдѣ всегда должна быть читаема Псалтирь, горѣли предъ иконой Спасителя неугасимая свѣча и предъ иконой Божіей Матери—неугасимая лампада, и присовокупилъ, что если это завѣщаніе его

будетъ въ точности исполняться, Дивѣевская община не будетъ терпѣть нужды и бѣдствій, и масло на эту потребность никогда не оскудѣетъ. Но однажды церковница, когда всѣ вышли изъ храма, увидѣла, что масло все выгорѣло, и лампада потухла, а между тѣмъ это было послѣднее масло. Тогда, вспомнивъ о завѣщаніи старца Серафима, она подумала, что, вотъ, слова его не исполнились, и что, слѣдовательно, и другимъ предсказаніямъ его довѣрять нельзя. Вѣра въ прозорливость благодатнаго старца начала оставлять ее. Но вдругъ она услыхала трескъ и, восклонивъ голову, увидѣла, что лампада зажглась и полна масла, и въ ней плаваютъ двѣ мелкихъ ассигнаціи. Въ смятеніи духа поспѣшила она къ старицѣ Еленѣ Васильевнѣ Манторовой, у которой была въ послушаніи, повѣдать о дивномъ видѣніи. На пути ее встрѣтилъ крестьянинъ, вручившій ей для передачи 300 рублей ассигнаціями на масло для неугасимой лампады за упокой его родителей.

Не ограничиваясь данными Дивѣевскимъ инокинямъ завѣщаніями и простирая виды гораздо далѣе, преподобный Серафимъ еще при жизни своей приготовилъ мѣсто для построенія собора, тогда какъ ранѣе сестры пользовались для молитвы приходскимъ храмомъ.

— У насъ, матушка,—говорилъ онъ одной Дивѣевской старицѣ, утѣшая ее,—и свой соборъ будетъ. На нашей землѣ и свои стада будутъ, и овечки, и волы. Что намъ, матушка, унывать? Все у насъ будетъ свое. Сестры будутъ и пахать, и хлѣбъ сѣять.

Помышляя о построеніи собора, преподобный выбралъ и мѣсто для него недалеко отъ Казанской церкви, на половинѣ разстоянія между старою и новою обителью, и пріобрѣлъ денегъ на покупку земли; но, по обстоятельствамъ, постройка храма была остановлена на неопредѣленное время.

Такимъ образомъ Серафимъ образовалъ особую, такъ называвшуюся Серафимо-Дивѣевскую общину, отдѣльную отъ прежней, созданной вышеупомянутою Агаѳьею Семеновною Мельгуновой. Но по духу онъ не отдѣлялъ мельничной общины отъ Дивѣевской и первоначальницей обѣихъ считалъ инокиню Александру (Мельгунову), память которой глубоко чтилъ. Покровительницей же новоустроенной общины старецъ признавалъ Божію Матерь.

— Вотъ, матушка, знайте,—говорилъ онъ одной старицѣ,— что мѣсто это Сама Царица Небесная избрала для прославленія Своего имени: Она вамъ будетъ стѣна и защита.

Съ такою же попечительностью и любовію преподобный Серафимъ заботился также еще объ Ардатовской обители[1]) и Зеленогорской женской общинѣ[2]), во исполненіе благодатнаго завѣта Богоматери, поручившей ему въ дивномъ видѣніи для руководства и устроенія эти три женскія обители.

Къ концу своей жизни преподобный сподобился отъ Богъ необыкновенно дивныхъ даровъ благодати. Дверей своей келліи онъ болѣе уже никогда не запиралъ. Въ обхожденіи съ ближними въ немъ всегда явно проявлялся духъ христіанской кротости и смиренномудрія. Бесѣды его, какъ съ монашествующими, такъ и съ мірянами, поражая своей дивной простотой, производили глубочайшее, неотразимое впечатлѣніе даже на невѣрующихъ и маловѣрныхъ, обращая ихъ на путь спасительнаго покаянія. И простецы, и ученые, и раскольники—получали отъ бесѣдъ съ нимъ великое духовное назиданіе и утѣшеніе. Даръ прозорливости и чудотвореній возрасталъ въ благодатномъ старцѣ все болѣе и болѣе. По свидѣтельству многихъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ, участвовавшихъ въ Севастопольской кампаніи, получившіе отъ преподобнаго въ напутствіе благословеніе и освященной воды и съ вѣрою повторявшіе на полѣ битвы: «Господи, помилуй молитвами старца Серафима!»—оставались цѣлы и невредимы даже въ виду крайней опасности и неизбѣжной смерти. Весьма часто преподобный Серафимъ давалъ душеполезныя наставленія для будущаго, котораго обыкновенному смертному никакъ не предусмотрѣть, и прозорливо читалъ въ душѣ вопросы ищущихъ наставленія прежде, чѣмъ ихъ успѣвали высказать. Однажды къ нему пришли двѣ дѣвицы—одна уже пожилая, отъ юности пламенѣвшая любовію къ Богу и желавшая иночества, другая—молодая, о монашествѣ совсѣмъ и не думавшая. Но святый старецъ первой изъ нихъ сказалъ, что къ монашеству ей дороги нѣтъ, а въ бракѣ она будетъ счастлива, а второй сказалъ, что она будетъ инокинею, назвавъ даже монастырь, въ которомъ она будетъ подвизаться. Обѣ дѣвицы вышли отъ старца съ недоумѣніемъ и неудовольствіемъ, но послѣдствія оправдали его и предсказанія святаго старца сбылись въ точности. Душа человѣческая была открыта предъ преподобнымъ, какъ бы лицо въ зеркалѣ. Нѣкоторыхъ, изъ ложнаго стыда боявшихся

---

[1]) Въ 1861 г. Покровская Ардатовская община, основанная около 1800 года мѣщанкой Василиссой Дмитріевой Пахомовой, возведена на степень третьеклассного монастыря.

[2]) Нынѣ Спасо-Зеленогорскій третьеклассный общежительный женскій монастырь.

обличенія старца, онъ исповѣдывалъ, самъ сказывая ихъ грѣхи, какъ-будто они при немъ были совершены. Часто угодникъ Божій однимъ своимъ видомъ и простымъ словомъ приводилъ грѣшниковъ къ сознанію, и они рѣшались исправиться отъ своихъ пороковъ. Такъ, однажды къ нему силился пройти сквозь толпу одинъ крестьянинъ, но всякій разъ какъ бы кѣмъ-то былъ отталкиваемъ. Наконецъ, самъ старецъ обратился къ нему и строго спросилъ: «А ты куда лѣзешь?» Крупный потъ выступилъ на лицѣ крестьянина, и онъ, съ чувствомъ глубочайшаго смиренія, въ присутствіи всѣхъ бывшихъ, началъ вслухъ раскаяваться въ своихъ порокахъ и особенно въ совершенной имъ передъ тѣмъ кражѣ, сознаваясь, что онъ недостоинъ явиться предъ лицо такого свѣтильника.

Неоскудныя исцѣленія истекали отъ святаго подвижника, но онъ, когда то замѣчали, со смиреніемъ возражалъ, что это творится не имъ, «убогимъ», а молитвеннымъ предстательствомъ Богоматери и Апостоловъ Христовыхъ. Всѣ пившіе и умывавшіеся изъ источника Серафимова, по его благословенію, получали дивныя исцѣленія отъ своихъ недуговъ; такую цѣлебную силу вода эта получила по молитвѣ преподобнаго Серафима. Одному иноку, страдавшему полнымъ разслабленіемъ рукъ, старецъ, взявъ сосудъ со святою водою, сказалъ: «бери и пей», и тотъ выпилъ воды и исцѣлѣлъ.

Другихъ исцѣлялъ онъ елеемъ изъ лампады, горѣвшей всегда у него въ келліи предъ иконой Божіей Матери. Одного крестьянина, умиравшаго отъ холеры, угодникъ Божій исцѣлилъ, приложивъ къ иконѣ Богоматери, напоивъ его святой водой и велѣвъ обойти кругомъ обители и, зайдя въ соборъ, помолиться въ немъ, гдѣ, согласно предсказанію старца, «милосердіе Божіе» исцѣлило умиравшаго. Многимъ преподобный Серафимъ являлся еще при жизни своей и въ сонныхъ видѣніяхъ и исцѣлялъ отъ пагубныхъ болѣзней, особенно въ холерное время, когда отъ освященной изъ Серафимова источника воды исцѣлялись, по милости Божіей, не только отдѣльныя личности, но и жители цѣлыхъ селеній. Бѣсноватыхъ угодникъ Божій исцѣлялъ иногда однимъ своимъ присутствіемъ, крестомъ и молитвою. Молитвы Серафима были такъ сильны предъ Богомъ, что бывали примѣры возстановленія болящихъ отъ смертнаго одра. Такъ, жена нѣкоего Воротилова была при смерти; мужъ ея, питая большую вѣру къ преподобному,

обратился къ нему со слезной просьбой помочь болящей женѣ его; но старецъ объявилъ, что жена его должна умереть. Тогда Воротиловъ, обливаясь слезами, припалъ къ ногамъ его, умоляя его помолиться о возвращеніи ей жизни и здоровья. Преподобный погрузился минутъ на десять въ «умную» молитву, потомъ, раскрылъ глаза, поднялъ Воротилова на ноги и радостно сказалъ ему: «Ну, радость моя, Господь даруетъ супружницѣ твоей жизнь. Гряди съ миромъ въ домъ свой». Воротиловъ съ радостію поспѣшилъ домой, гдѣ узналъ, что жена его почувствовала облегченіе, и именно въ тѣ минуты, когда преподобный Серафимъ пребывалъ въ молитвенномъ подвигѣ. Вскорѣ же она и совсѣмъ выздоровѣла.

Инымъ старецъ предсказывалъ близкую смерть, желая, чтобы они не перешли въ вѣчность безъ христіанскаго погребенія; другимъ предсказывалъ, для исправленія, о наказаніи Божіемъ, имѣющемъ постигнуть ихъ въ случаѣ нераскаянности. Въ Бозѣ почившему намѣстнику Троице-Сергіевой Лавры, архимандриту Антонію[1]), бывшему въ то время строителемъ Высокогорской обители, онъ предсказалъ скорое и неожиданное перемѣщеніе въ «великую Лавру, которую ввѣряетъ ему Промыслъ Божій».

Приближаясь къ концу своего многотруднаго житія, преподобный не только не смягчалъ скорбей его, но къ прежнимъ подвигамъ присоединялъ новые труды и подвиги. Спалъ старецъ въ послѣдніе годы своей жизни, сидя на полу, спиной прислонившись къ стѣнѣ и протянувши ноги; иногда же преклонялъ голову на камень, или на деревянный обрубокъ, или ложился на мѣшкахъ, кирпичахъ и полѣньяхъ, находившихся въ его келліи; приближаясь же къ минутѣ своего отшествія изъ сего міра, становился на колѣни и спалъ ницъ къ полу на локтяхъ, поддерживая руками голову. Пищу онъ вкушалъ однажды въ день, вечеромъ; одежду носилъ убогую и бѣдную. А на вопросъ одного богатаго человѣка, зачѣмъ онъ носитъ такое рубище, старецъ отвѣчалъ:

— Іоасафъ царевичъ данную ему пустынникомъ Варлаамомъ мантію счелъ выше и дороже царской багряницы[2]).

---

[1]) Антоній, въ мірѣ А. Г. Медвѣдевъ, извѣстный сотрудникъ и сподвижникъ Филарета, митрополита Московскаго, намѣстникъ Троице-Сергіевой Лавры въ 1831—1877 г., былъ избранъ на этотъ постъ по личному желанію святителя и за продолжительное время своего намѣстничества привелъ Лавру въ цвѣтущее во всѣхъ отношеніяхъ состояніе.

[2]) См. Минен-Четьи, подъ 19 ноября.

Преподобный Серафимъ совсѣмъ уже умеръ для міра, не переставая въ то же время съ безпредѣльною любовію молитвенно предстательствовать предъ Богомъ за живущихъ въ немъ. Небо стало для него совсѣмъ роднымъ. Когда Курскіе посѣтители спрашивали Серафима, не имѣетъ ли онъ передать чего своимъ родственникамъ, онъ, указывая на лики Спасителя и Божіей Матери, съ улыбкой промолвилъ:

— Вотъ мои родные, а для живыхъ родныхъ я уже живой мертвецъ.

Вся Россія въ это время знала и чтила преподобнаго Серафима какъ великаго подвижника и чудотворца[1]). Однажды замѣчено было, что во время молитвы старецъ стоялъ на воздухѣ, и когда видѣвшій это въ ужасѣ вскрикнулъ, старецъ строго запретилъ ему разсказывать о томъ до его кончины, подъ угрозою возвращенія болѣзни, отъ которой исцѣлилъ его[2]).

За годъ и десять мѣсяцевъ до своей кончины преподобный Серафимъ сподобился благодатнаго посѣщенія Богоматери. Это было въ праздникъ Благовѣщенія, 25-го марта. За два дня онъ извѣстилъ о томъ одну благочестивую Дивѣевскую старицу, которая сподобилась сего дивнаго видѣнія, ради утѣшенія ея и другихъ Дивѣевскихъ сестеръ въ ихъ многоскорбномъ иноческомъ житіи. Угодникъ Божій предупредилъ старицу, чтобы она ничего не боялась, а самъ сталъ на колѣни, воздѣвъ руки къ Небу. Послышался шумъ, какъ бы отъ большаго вѣтра, потомъ раздалось церковное пѣніе.

— Вотъ Преславная, Пречистая Владычица наша Пресвятая Богородица грядетъ къ намъ! — произнесъ преподобный.

Келлію озарилъ яркій свѣтъ, распространилось дивное благоуханіе.

---

[1]) Благоговѣйные іереи и архіереи Православной Церкви, отличавшіеся подвигами и духовною жизнію, питали къ преподобному Серафиму глубокое уваженіе и вѣру. Многіе изъ нихъ писали къ нему письма, спрашивая его совѣтовъ. Особенно уваженіе питалъ къ нему Антоній, архіепископъ Воронежскій, извѣстный своею святою жизнію и иноческими подвигами. Вскорѣ послѣ блаженной кончины угодника Божія онъ говорилъ про него: «Мы—какъ копѣечныя свѣчи, а онъ, какъ пудовая свѣча, всегда горитъ предъ Господомъ какъ прошедшею своею жизнью, такъ и настоящимъ дерзновеніемъ предъ Пресвятою Троицею».

[2]) Случай этотъ былъ засвидѣтельствованъ княгинею Е. С. Ш. со словъ исцѣленнаго преподобнымъ ея разслабленнаго сына. При семъ старецъ, замѣтивъ, что болящій видѣлъ это, строго повелѣлъ ему «оградиться молчаніемъ» и не говорить о томъ до его смерти, что тотъ и исполнилъ.

Впереди шли два Ангела, держа вѣтви съ только что распустившимися цвѣтами. За ними шли въ бѣлыхъ, блестящихъ одеждахъ святый Іоаннъ Предтеча и Евангелистъ Іоаннъ Богословъ, далѣе Богоматерь, сопровождаемая двѣнадцатью святыми дѣвами-мученицами и преподобными. Царица Небесная была облечена въ мантію, какая пишется на образѣ Скорбящей Божіей Матери, и сіяла необыкновеннымъ свѣтомъ и несказанной красотой; сверхъ мантіи была какъ бы епитрахиль, а на рукахъ поручи: на головѣ была возвышенная прекрасная корона, разнообразно украшенная крестами и сіявшая такимъ свѣтомъ, что невозможно было смотрѣть на нее, равно какъ и на Божественный ликъ Самой Богоматери. Дѣвы шли за Богоматерью попарно, въ вѣнцахъ, въ несказанной небесной славѣ и красотѣ. Келлія вдругъ сдѣлалась просторной и вся наполнилась огнями особеннаго свѣта, свѣтлѣе и бѣлѣе солнечнаго. Пресвятая Дѣва милостиво бесѣдовала съ преподобнымъ старцемъ, какъ бы съ роднымъ человѣкомъ. Старица же въ страхѣ пала ницъ; но Богоматерь успокоила ее и велѣла встать. А святыя дѣвы, утѣшая старицу въ многоскорбной жизни, повѣдали ей, указывая на свои свѣтлые вѣнцы, что онѣ получили ихъ за земныя страданія и поношенія. Пресвятая Богородица много бесѣдовала съ преподобнымъ Серафимомъ, но старица не разслышала ихъ бесѣды; слышала она только, что Пречистая просила его не оставлять Ея дѣвъ Дивѣевскихъ, обѣщая ему Свою помощь и заступленіе. Видѣніе кончились тѣмъ, что, указывая на вѣнцы святыхъ дѣвъ, Богоматерь обѣщала таковые же и другимъ дѣвамъ и подвижницамъ. Затѣмъ, обращаясь къ святому старцу, прибавила:

— Скоро, любимиче мой, будешь съ нами.

Потомъ благословила его, послѣ чего простились съ нимъ и всѣ бывшіе здѣсь святые.

Восходя все выше и выше по лѣствицѣ добродѣтелей и подвиговъ иноческихъ, преподобный Серафимъ приблизился, наконецъ, къ отшествію своему изъ сего міра. Еще за годъ до смерти онъ почувствовалъ крайнее изнеможеніе. Въ это время онъ достигъ 72 лѣтъ. Въ пустыньку свою онъ сталъ ходить уже не часто, тяготился даже въ Саровѣ принимать многочисленныхъ посѣтителей. Тяжкія страданія ногъ, которыя мучительно болѣли отъ непрестанныхъ бдѣній, отъ раннѣйшаго молитвеннаго стоянія на камнѣ въ продолженіе тысячи дней и ночей и отъ жестокихъ

истязаній разбойниковъ, не давали ему покоя до конца его жизни, и изъ язвъ на ногахъ непрестанно истекала матерія, но видомъ преподобный оставался свѣтлымъ и радостнымъ, духомъ чувствуя ту небесную радость и славу, которую уготовалъ Богъ любящимъ Его.

По-прежнему подавая многимъ вѣрующимъ благодатныя исцѣленія и содѣйствуя благоустройству и спасенію многихъ чуднымъ даромъ своей прозорливости, преподобный Серафимъ началъ теперь предрекать и о своей близкой кончинѣ. Преподавая инымъ послѣднія наставленія, онъ упорно твердилъ: «Мы съ тобою болѣе не увидимся»; инымъ монашествующимъ лицамъ, а также мірянамъ рекомендовалъ впредь входить во всѣ распоряженія и заботы о своемъ спасеніи самимъ, замѣчая, что они никогда болѣе не увидятся и прощаются навсегда, и прося ихъ молитвъ о себѣ. Часто видали святаго старца за это время въ сѣнцахъ около келліи на пріуготовленномъ для него по его просьбѣ гробѣ, гдѣ онъ предавался размышленіямъ о загробной жизни, нерѣдко сопровождавшимся горькимъ плачемъ. О томъ же онъ полунамеками, а иногда и прямо говорилъ нѣкоторымъ изъ Дивѣевскихъ сестеръ, повторяя:

— Ослабѣваю я силами, живите теперь однѣ, оставляю васъ... Господу и Пречистой Его Матери.

Нѣкоторые просили у угодника Божія благословенія навѣстить его еще предстоящимъ Великимъ Постомъ въ Саровѣ, но онъ отвѣчалъ:

— Тогда двери мои затворятся, вы меня не увидите.

И по тѣлесному виду стало очень замѣтно, что жизнь преподобнаго Серафима быстро угасаетъ, но духомъ онъ еще болѣе прежняго бодроствовалъ. Намекалъ онъ о своей близкой кончинѣ и ближайшимъ друзьямъ и сподвижникамъ своимъ, напр., блаженному іеромонаху Тимону, вѣрному ученику своему, подвизавшемуся въ Надѣевской пустыни, причемъ преподалъ ему послѣднія душеполезныя наставленія.

— Сѣй,—повторялъ онъ ему,—сѣй, о. Тимонъ, данную тебѣ пшеницу. Сѣй на благой землѣ, сѣй и на пескѣ, сѣй и на камени, сѣй при пути, сѣй и въ терніи, все гдѣ-нибудь да прозябнетъ и возрастетъ и плодъ принесетъ, хотя и не скоро. И данный тебѣ талантъ не скрывай въ землѣ, да не истязанъ будеши отъ Господина своего; но отдавай его торжникамъ,—пусть куплю дѣютъ.

За четыре мѣсяца до блаженнаго преставленія преподобнаго Серафима, въ августѣ 1832 года, его навѣстилъ въ его пустыни преосвященный Арсеній, епископъ Тамбовскій (впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій). Осмотрѣвъ Саровъ, владыка подробно осмотрѣлъ и пустыню Серафимову, его убогую келлію, причемъ побывалъ и въ томъ небольшомъ, между стѣною келліи и печкою, помѣщеніи, гдѣ угодникъ Божій часто подвизался въ молитвенныхъ трудахъ и куда едва могъ войти одинъ человѣкъ, оставаясь тамъ въ стоячемъ или колѣнопреклоненномъ положеніи, ибо присѣсть или облокотиться нельзя было тамъ никакъ. При этомъ святый старецъ поднесъ преосвященному въ подарокъ «отъ убогаго, грѣшнаго Серафима» четки, пукъ восковыхъ свѣчей, обернутыхъ холстиной, сосудъ съ краснымъ виномъ и бутылку съ деревяннымъ масломъ. Преосвященный, радушно принявъ приношеніе, не понялъ его значенія; но послѣдствія показали ему, что подвижникъ Божій прикровенно предвозвѣщалъ ему о своей близкой кончинѣ и предназначалъ вино, масло и свѣчи для своего поминовенія, о каковомъ онъ просилъ преосвященнаго и словесно. Впослѣдствіи преосвященный Арсеній въ точности исполнилъ желаніе святаго старца, холстину и четки оставивъ у себя, а прочее употребивъ на поминовеніе на заупокойной Литургіи о преподобномъ Серафимѣ.

Своему келейнику преподобный неоднократно говорилъ, намекая на свою близкую кончину:

— Скоро будетъ кончина!

Одному изъ Саровскихъ старцевъ, преподавъ наставленія, онъ приказалъ дунуть на свѣчку и, когда та погасла, сказалъ:

— Вотъ такъ и я погасну.

Незадолго до кончины преподобный поручилъ послать нѣкоторымъ близкимъ ему лицамъ письма, призывая ихъ къ себѣ въ обитель, а другимъ, кои не могли поспѣть къ нему, просилъ послѣ смерти своей передать отъ него душеполезные совѣты, прибавляя въ объясненіе сего порученія:

— Сами-то они меня не увидятъ!

Предъ наступленіемъ 1833 года преподобный отмѣрилъ себѣ могилу сбоку алтаря Успенскаго собора. За недѣлю до своего преставленія, въ праздникъ Рождества Христова, онъ былъ на Божественной Литургіи, причащался Св. Христовыхъ Таинъ и послѣ Литургіи бесѣдовалъ съ строителемъ обители, игуменомъ

Нифонтомъ, причемъ просилъ его заботиться о братіяхъ, особенно изъ младшихъ, и завѣщалъ похоронить его по смерти въ приготовленномъ имъ для себя гробѣ. Въ воскресенье 1-го января 1833-го года святый старецъ въ послѣдній разъ пришелъ въ больничную Зосимо-Савватіевскую церковь, приложился ко всѣмъ иконамъ, самъ поставилъ свѣчи и потомъ причастился по обычаю Святыхъ Христовыхъ Таинъ. По окончаніи Литургіи онъ простился со всѣми молившимися братіями, всѣхъ благословилъ, цѣловалъ и, утѣшая, говорилъ:

— Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте, днесь вамъ вѣнцы готовятся.

Потомъ святый старецъ приложился ко Святому Кресту и иконѣ Божіей Матери и затѣмъ, обошедши кругомъ Престола и сдѣлавъ ему обычное поклоненіе, вышелъ изъ алтаря сѣверными дверями, какъ бы знаменуя этимъ, что одними вратами—путемъ рожденія—человѣкъ входитъ въ жизнь, а другими—вратами смерти—исходитъ изъ нея.

Въ тотъ же день сосѣдній со старцемъ по келліи братъ Павелъ, часто исполнявшій обязанности его келейника и приносившій къ нему пищу, замѣтилъ, что преподобный раза три выходилъ на пріуготовленное имъ для себя мѣсто погребенія, гдѣ довольно долго оставался и смотрѣлъ на землю. Вечеромъ тотъ же инокъ слышалъ, какъ старецъ пѣлъ въ своей келліи пасхальныя пѣсни, прославляя Воскресеніе Христово.

На другой день, 2-го января, о. Павелъ въ шестомъ часу утра вышелъ изъ своей келліи къ ранней обѣднѣ и почувствовалъ въ сѣняхъ запахъ дыма и гари. Въ келліи Серафима всегда горѣли не гасимыя никогда старцемъ свѣчи, который на всѣ предостереженія относительно этого обыкновенно отвѣчалъ:

— Пока я живъ, пожара не будетъ; а когда я умру, кончина моя откроется пожаромъ.

Такъ и было.

Сотворивъ обычную молитву, инокъ Павелъ постучался въ двери старца, но онѣ оказались запертыми. Тогда онъ сообщилъ объ этомъ другимъ, предполагая, что старецъ ушелъ въ свою пустынь и въ келліи горитъ.

Когда дверь была сорвана съ внутренняго крючка, то увидали, что огня нѣтъ, но въ безпорядкѣ лежавшія книги, а также различныя холщевыя вещи, которыя многіе, по усердію, приносили

преподобному, тлѣли, самаго же старца не было ни слышно, ни видно. Тлѣвшія вещи погасили, а обо всемъ происшедшемъ сообщили и другимъ инокамъ, присутствовавшимъ за ранней Литургіей. Многіе изъ братіи поспѣшили къ келліи старца. Зажегши свѣчу, они увидѣли Серафима въ обычномъ его бѣломъ балахончикѣ на всегдашнемъ мѣстѣ его молитвенныхъ подвиговъ, на колѣняхъ предъ малымъ аналоемъ, съ мѣднымъ распятіемъ на шеѣ. Руки его, крестообразно сложенныя на груди, лежали на аналоѣ на книгѣ, по которой онъ совершалъ свое молитвенное правило предъ иконой Богоматери. Думая, что старецъ уснулъ, иноки стали будить его; но душа его уже оставила земную свою храмину и возвратилась къ Создателю своему. Глаза Серафима были закрыты, но лицо оживлено и одушевлено богомысліемъ и молитвою; тѣло же его было еще тепло.

Съ благословенія настоятеля, игумена Нифонта, братія омыли почившему подвижнику тѣло, одѣли его по иноческому чину, положили въ пріуготовленный имъ при жизни дубовый гробъ, согласно завѣщанію его, съ финифтянымъ изображеніемъ преподобнаго Сергія, присланнымъ ему его возлюбленнымъ ученикомъ, намѣстникомъ Троице-Сергіевой Лавры архимандритомъ Антоніемъ.

Вѣсть о кончинѣ святаго старца быстро распространилась повсюду, и вся окрестность Саровская быстро стеклась въ обитель. Особенно тяжка была скорбь Дивѣевскихъ сестеръ, потерявшихъ въ немъ своего любимаго духовнаго отца и попечителя, и скорбь ихъ была тѣмъ безутѣшнѣе, что не было человѣка, который бы въ состояніи былъ замѣнить его въ качествѣ духовнаго руководителя.

Въ ночь блаженной кончины преподобнаго Серафима подвизавшійся въ Глинской пустыни Курской губерніи іеромонахъ Филаретъ, выходя изъ храма отъ Утрени, указалъ братіи на необыкновенный свѣтъ на Небѣ и произнесъ:

— Вотъ такъ-то души праведныхъ отходятъ на Небо! Нынѣ душа о. Серафима возносится на Небо.

Въ продолженіе восьми дней тѣло преподобнаго Серафима стояло открытымъ въ Успенскомъ соборѣ. Могилу блаженному старцу приготовили на томъ самомъ мѣстѣ, которое давно было намѣчено имъ самимъ. Саровская обитель еще до дня погребенія была наполнена тысячами народа, собравшагося изъ окрест-

ныхъ странъ и губерній. Всѣ единодушно оплакивали кончину благодатнаго старца. Въ день погребенія его за Литургіей было такъ много народа, что мѣстныя свѣчи около гроба отъ духоты гасли. Погребеніе тѣла преподобнаго Серафима было совершено игуменомъ Саровскимъ Нифонтомъ съ многочисленною братіею; тѣло было предано землѣ по правую сторону соборнаго алтаря. Надъ могилою воздвигнутъ былъ впослѣдствіи чугунный памятникъ въ видѣ гробницы, съ надписью: «Жилъ во славу Божію 72 года, 6 мѣсяцевъ и 12 дней».

И по блаженномъ преставленіи своемъ преподобный Серафимъ всѣмъ обращающимся съ вѣрою къ нему подавалъ различныя исцѣленія и чудотворенія. И тогда, когда кончилось для него земное странствованіе, онъ продолжалъ являть людямъ ту же любовь и помощь, вкладывая во всѣ отношенія къ нимъ неизъяснимыя сокровища сочувствія, именуя ихъ съ неизъяснимой добротой: «радость моя», какъ звалъ всѣхъ при жизни. Особенно часто являлся онъ Саровскимъ инокамъ и Дивѣевскимъ сестрамъ— для ихъ исцѣленія и утѣшенія.

Такъ, спустя не болѣе полгода послѣ блаженной жизни старца Серафима, одна сестра Дивѣевской обители подверглась припадкамъ бѣснованія. Но вотъ въ одну ночь она видитъ, будто находится въ Дивѣевской церкви, гдѣ былъ и преподобный Серафимъ. Старецъ, взявъ больную еще съ другою находившеюся здѣсь сестрою за руки, какъ-будто бы ввелъ больную въ алтарь, обошелъ съ нею кругомъ Престола, и она вдругъ почувствовала себя легко и хорошо. Проснувшись, она сотворила крестное знаменіе и вполнѣ пришла въ себя; проснулась она совершенно здоровою, и съ тѣхъ поръ не подвергалась прежнимъ припадкамъ, и пользовалась полнымъ здоровьемъ.

Другая сестра Дивѣевской обители сильно заболѣла глазами. Наканунѣ новаго 1835 года видитъ она сонъ, что находится въ церкви Тихвинской Божіей Матери и что изъ Царскихъ Вратъ выходитъ въ бѣлой ризѣ преподобный Серафимъ, подаетъ воздухъ и велитъ отереть имъ глаза.

Она спросила его:

— Ты ли это, батюшка?

Серафимъ отвѣчалъ:

— Какая ты, радость моя, невѣрующая! Сама же просила меня, а не вѣришь, вѣдь я у васъ Обѣдню совершаю.

Послѣ сего старецъ сдѣлался невидимъ. Съ того времени болѣзнь глазъ прошла у инокини.

Извѣстный и всѣми уважаемый подъ именемъ Святогорца русскій подвижникъ Аѳонской горы, іеромонахъ Серафимъ, въ схимѣ Сергій, въ своихъ келейныхъ запискахъ передаетъ слѣдующее:

«Въ 1849 году я заболѣлъ. Болѣзнь моя была убійственная: я не думалъ, что останусь живымъ. Никакія средства не могли возставить меня. Я отчаялся. Только въ поздній вечеръ 1850 года вдругъ кто-то тихо говоритъ мнѣ: «Завтра день кончины о. Серафима, саровскаго старца; отслужи по немъ заупокойную Литургію и паннихиду, и онъ тебя исцѣлитъ». Это меня сильно утѣшило. Я хотя лично не зналъ о. Серафима, но въ 1838 году, бывши въ Саровѣ, возъимѣлъ къ нему вѣру и любовь. Эти чувства еще болѣе утвердились во мнѣ, когда въ 1839 году мнѣ снилось, что служу молебенъ о. Серафиму отъ всей души и громко воспѣваю: «Преподобне отче Серафиме, моли Бога о насъ!» Только когда нужно было читать Евангеліе, я не зналъ какое читать — преподобнаго или другое. Вдругъ кто-то говоритъ мнѣ: читай отъ Матѳея 36-е зачало. При этихъ словахъ таинственнаго голоса я пробудился. Съ той поры и понынѣ я искренно вѣрую, что о. Серафимъ—великій угодникъ Божій. Но обращусь къ начатому (т. е. къ разсказу о своей болѣзни въ 1849 году). По тайному внушенію, убѣждавшему меня къ поминовенію о. Серафима, я попросилъ, самъ будучи не въ силахъ, отслужить по немъ Литургію и паннихиду, и лишь только это сдѣлалъ—болѣзнь моя миновалась: я почувствовалъ чрезвычайное спокойствіе, избавился отъ насилія непріязненнаго. И съ той поры понынѣ благодатію Божіею здоровъ».

Въ 1858 году Дивѣевская инокиня Евдокія, въ среду на пятой недѣлѣ Великаго Поста, вмѣстѣ съ другими сестрами набивала льдомъ огромный общій ледникъ и, нечаянно поскользнувшись, упала на дно съ высоты трехъ саженъ. Ее подняли замертво, причемъ она жаловалась на смертельную боль въ боку и въ головѣ, и малѣйшее прикосновеніе повергало ее въ продолжительный обморокъ. Пріѣхавшій лѣкарь нашелъ положеніе ея очень опаснымъ. Спустя двѣ недѣли, въ теченіе которыхъ она почти не спала отъ боли, въ полночь на Великій Четвергъ забылась она тонкимъ сномъ, въ которомъ увидала, что преподобный Серафимъ вошелъ къ ней

въ келлію и сказалъ: «Я пришелъ навѣстить своихъ нищихъ (такъ и при жизни называлъ онъ ввѣренныхъ его попеченію Дивѣевскихъ сестеръ); давно здѣсь не былъ». Больная съ горькими слезами воскликнула: «Батюшка, какъ у меня бокъ-то болитъ!» Старецъ же, сложивъ три перста правой руки, три раза перекрестилъ расшибленное мѣсто, говоря: «Прикладываю тебѣ пластырь и обвязанія»,—послѣ чего сталъ невидимъ. Евдокія проснулась, но въ келліи было совершенно пусто и тихо, и она снова заснула. Въ пять часовъ утра она проснулась лежащею на больномъ боку, не чувствуя никакой боли. Припомнивъ явленіе къ ней старца Серафима, она говорила, что «долго чувствовала, какъ будто пластырь лежитъ на ушибленномъ мѣстѣ». Въ тотъ же день она одна безъ всякой помощи встала съ кровати и повѣдала всѣмъ о чудесномъ своемъ исцѣленіи.

Многимъ преподобный подавалъ исцѣленія, совѣтуя пить воду изъ своего источника и омываться ею. Такъ, два года спустя послѣ кончины старца одна сестра Дивѣевской обители была больна горячкой и находилась при смерти, причемъ совершенно потеряла способность владѣть рукою. И вотъ видитъ она во снѣ преподобнаго, который спрашивалъ, почему она не придетъ къ нему на источникъ, и, взявъ за больную руку, поднялъ, приказывая непремѣнно исполнить это. Проснувшись, инокиня почувствовала, что рука ея исцѣлена; когда же сестры отвезли ее въ Саровъ на источникъ Серафимовъ и облили водою изъ него, то она получила полное выздоровленіе.

Ротмистръ Тепловъ, питавшій особое уваженіе къ преподобному Серафиму, въ 1834 году пріѣхалъ въ Саровъ съ трехлѣтней дочерью, болѣвшей ногами. Отслуживъ паннихиду на могилѣ старца, понесли дитя къ Серафимову источнику, твердо вѣруя, что Господь за молитвы старца помилуетъ больную. Напоивъ ребенка водою изъ сего источника и омывъ ему ноги, взяли воды въ монастырь съ намѣреніемъ отслужить надъ нею молебенъ съ водоосвященіемъ. Но, при входѣ въ монастырь, дѣвочка вырвалась изъ рукъ няньки и побѣжала впередъ, какъ здоровая, и получила совершенное исцѣленіе.

Въ 1856 году единственный сынъ вице-губернатора Костромской губерніи А. А. Борз—ко, осьми лѣтъ, началъ страдать спазмами въ желудкѣ, превратившимися въ сильную болѣзнь съ страшными, изнурительными припадками, такъ что родители стали

отчаяваться за его жизнь. Въ это время рясофорная монахиня Костромскаго женскаго монастыря С. Д. Давыдова подарила матери больнаго ребенка описаніе жизни и подвиговъ Серафима Саровскаго, которое и стали читать оба родители ребенка, дивясь дѣйствіямъ благодати Божіей, явившимся въ преподобномъ. Въ одну ночь ребенокъ увидѣлъ во снѣ Спасителя, окруженнаго Ангелами, Который обѣщалъ больному выздоровленіе, если онъ исполнитъ то, что прикажетъ ему старецъ, который придетъ къ нему. Потомъ явился ему старецъ и, называя себя Серафимомъ, сказалъ:

— Если хочешь быть здоровымъ, возьми воды изъ источника, находящагося въ Саровскомъ лѣсу и называемаго Серафимовымъ, и три дня утромъ и вечеромъ омывай голову, грудь, руки и ноги и пей.

Утромъ ребенокъ разсказалъ свой сонъ родителямъ, которые недоумѣвали, какъ достать воды, и скорбѣли о томъ. На другое утро ребенокъ разсказалъ другой сонъ: къ нему являлась окруженная Ангелами Божія Матерь и съ любовію приказывала исполнить слова старца. Въ этотъ самый день вернулась путешествовавшая въ Саровъ г-жа Давыдова, и родители просили помочь имъ достать воды изъ источника Серафимова. Та тотчасъ же прислала имъ бутылку этой воды. И когда поступили по наставленію старца, дитя, постепенно оправляясь, совершенно выздоровѣло.

Иныхъ преподобный Серафимъ спасалъ отъ разбойниковъ и воровъ, чудесно являясь имъ съ угрозами. Такъ, однажды Муромскими лѣсами шла богомолка. Услыхавъ въ глухомъ мѣстѣ страшные крики и стоны, она вынула находившееся при ней изображеніе Серафима и перекрестила имъ себя и то мѣсто, откуда раздавались крики. Вскорѣ неподалеку были найдены два изувѣченныхъ человѣка, которые разсказали, что разбойники хотѣли ихъ убить, но вдругъ разбѣжались. Пойманные впослѣдствіи разбойники, каясь о разбоѣ въ Муромскомъ лѣсу, разсказали, что, когда они готовились нанести своимъ жертвамъ послѣдній ударъ, вдругъ изъ лѣсу выбѣжалъ сѣдой, согбенный, въ измятой камилавкѣ монахъ съ грозящимъ пальцемъ, въ бѣломъ балахонѣ, съ крикомъ: «Вотъ я васъ!» А за нимъ бѣжала съ кольями толпа народа. Имъ показали изображеніе Серафима, отобранное отъ странницы, и они признали его.

Шацкой купчихѣ Петаковской, знавшей старца при жизни и глубоко чтившей его, однажды явился во снѣ преподобный Серафимъ и сказалъ:

— Въ ночь воры взломали лавку твоего сына, но я взялъ метелку и сталъ мести около лавки, и они ушли.

Дѣйствительно, поутру всѣ запоры были найдены вырванными, но лавка—цѣлой и нетронутой.

Въ 1865 году, въ домѣ нѣкоей г-жи Бар., передъ Рождествомъ, когда тамъ раздавали, по обычаю, пособія нуждающимся, преподобный явился въ видѣ согбеннаго, сѣдаго старца. Раздатчицѣ подаяній онъ объяснилъ, что пришелъ не за подаяніемъ, а ему нужно самому видѣть хозяйку. Когда одна прислуга шепнула другой, что это, вѣроятно, бродяга, старецъ, обѣщая вскорѣ зайти, когда будетъ хозяйка, ушелъ. На раздатчицу напало раскаяніе, и она бросилась за нимъ на крыльцо. Но онъ исчезъ, а отъ хозяйки все скрыли.

Подозрительной же слугѣ кто-то сказалъ во снѣ:

— Ты напрасно говорила: у васъ былъ не бродяга, а великій старецъ Божій.

На слѣдующее же утро г-жѣ Бар. была прислана по почтѣ посылка съ изображеніемъ преподобнаго Серафима кормящимъ медвѣдя, въ каковомъ изображеніи бесѣдовавшіе наканунѣ со святымъ старцемъ узнали его.

Много и иныхъ чудесныхъ знаменій и исцѣленій являлъ преподобный Серафимъ по блаженномъ своемъ преставленіи. Въ продолженіе семидесяти лѣтъ со дня кончины преподобнаго Серафима совершались непрерывно исцѣленія по вѣрѣ прибѣгающихъ къ нему съ молитвою и съ вѣрою въ предстательство его предъ Господомъ. Въ 1891-мъ году надъ гробницей преподобнаго Серафима выстроена была часовня. Память о высокомъ подвижническомъ житіи святаго старца и вѣра въ силу его молитвеннаго предстательства съ теченіемъ времени не только не ослабѣвала, но все болѣе и болѣе возрастала и утверждалась среди православнаго народа во всѣхъ его сословіяхъ. Вполнѣ раздѣляя народную вѣру въ святость старца Серафима, Святѣйшій Синодъ неоднократно признавалъ необходимымъ приступить къ надлежащимъ распоряженіямъ о прославленіи угодника Божія. Въ 1895-мъ году Преосвященнымъ Тамбовскимъ было представлено въ Святѣйшій Синодъ произведенное особою комиссіею разслѣдованіе о чудесныхъ

знаменіяхъ и исцѣленіяхъ, явленныхъ по молитвамъ старца Серафима, коихъ обслѣдовано было до 94 случаевъ. Послѣ того Преосвященнымъ Тамбовскимъ дважды, въ началѣ и въ концѣ 1897 года, представлялись въ Святѣйшій Синодъ собранія копій письменныхъ заявленій разныхъ лицъ о чудесныхъ знаменіяхъ и исцѣленіяхъ, совершавшихся по молитвамъ святаго Серафима. Наконецъ въ 1902-мъ году 19-го іюля, въ день рожденія старца Серафима, Его Императорскому Величеству, Государю Императору Николаю Александровичу благоугодно было воспомянуть и молитвенные подвиги почившаго, и всенародное къ памяти его усердіе и выразить желаніе, дабы доведено было до конца начатое уже въ Святѣйшемъ Синодѣ дѣло о прославленіи благоговѣйнаго старца. Въ началѣ слѣдующаго, 1903 г. Святѣйшій Синодъ, въ полномъ убѣжденіи въ истинности и достовѣрности чудесъ, совершающихся по молитвамъ старца Серафима, опредѣлилъ признать его въ ликѣ святыхъ, благодатію Божіею прославленныхъ, а всечестные останки его—святыми мощами[1]. Иждивеніемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ для нихъ была изготовлена богатая сребропозлащенная рака. Торжественное прославленіе новоявленнаго угодника Божія было совершено въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государынь Императрицъ и другихъ членовъ Августѣйшей фамиліи и многотысячныхъ массъ народа 19-го іюля 1903 года и сопровождалось многочисленными исцѣленіями, истекавшими по молитвенному предстательству преподобнаго Серафима, Саровскаго чудотворца.

Молитвами его да сохранитъ Господь Богъ и насъ всѣхъ отъ всякой скорби и болѣзни! Богу же, дивному во святыхъ Своихъ, да будетъ всякая честь, слава и поклоненіе—всегда, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тропа́рь прп҃бнагѡ, гла́съ д҃:

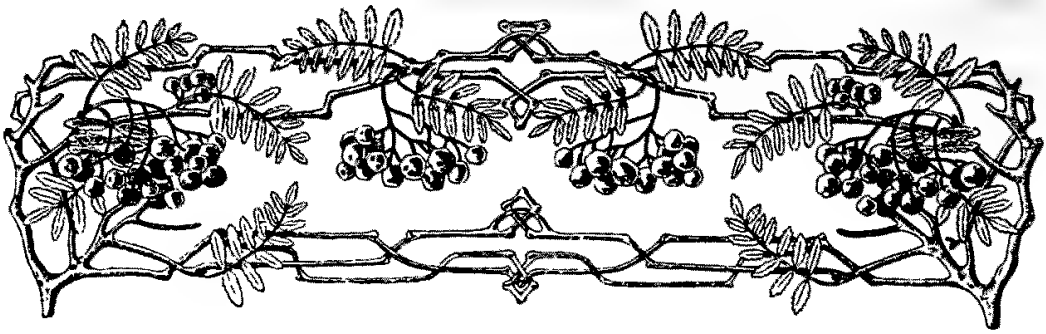
Ю҆ности хр҃та̀ возлюбѝлъ є҆сѝ, блже́нне, и҆ томꙋ̀ є҆ди́номꙋ рабо́тати пла́менне вожделѣ́въ, непреста́нною моли́твою и҆ трꙋдо́мъ въ пꙋсты́ни подвиза́лсѧ є҆сѝ, ᲂу҆мнле́ннымъ же се́рдцемъ любо́вь хр҃то́вꙋ стѧжа́въ, и҆збра́нникъ возлю́бленъ бж҃їѧ мт҃ре ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ. Сегѡ̀ ра́ди вопїе́мъ тѝ: спаса́й на́съ моли́твами твои́ми, серафі́ме, прп҃бне ѻ҆́тче на́шъ.

---

[1]) О втором обретеніи мощей преподобнаго Серафима Саровскаго см. стр. 937—945.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Мі́ра красоту̀ и҆ ꙗ҆̀же въ не́мъ тлѣ́ннаѧ ѡ҆ста́вивъ, прп҃бне, въ саро́вскꙋю ѻ҆би́тель всели́лсѧ є҆сѝ: и҆ та́мѡ а҆́гг҃льски пожи́въ, мнѡ́гимъ пꙋ́ть бы́лъ є҆сѝ ко сп҃се́нїю: сегѡ̀ ра́ди и҆ хр҃то́съ тебѐ, ѻ҆́тче серафі́ме, просла́ви, и҆ да́ромъ и҆сцѣле́нїй и҆ чꙋде́съ ѡ҆богатѝ. Тѣ́мже вопїе́мъ тѝ: ра́дꙋйсѧ, серафі́ме, прп҃бне ѻ҆́тче на́шъ.



ЖИТІЕ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

СИЛЬВЕСТРА,

папы Римскаго

Святый Сильвестръ родился въ Римѣ. Онъ былъ воспитанъ во святой вѣрѣ и учился у пресвитера Квирина—какъ наукамъ, такъ и доброй нравственности. Достигши совершеннолѣтія, онъ сталъ великимъ страннолюбцемъ и, изъ любви къ Богу и ближнимъ, вводилъ въ свой домъ странниковъ и, омывъ имъ ноги, угощалъ ихъ, доставляя имъ полное успокоеніе. Когда изъ Антіохіи пришелъ въ Римъ святый мужъ и исповѣдникъ Христовъ [1]) епископъ Тимоѳей, чтобы проповѣдать здѣсь Евангеліе Царствія Христова, то Сильвестръ принялъ его въ свой домъ и, видя его святое житіе и слушая его ученіе, еще болѣе преуспѣлъ въ добродѣтеляхъ и вѣрѣ. Пробывъ въ домѣ Сильвестра годъ и нѣсколько мѣсяцевъ, Тимоѳей обратилъ изъ идолопоклонства къ истинному Богу многихъ Римлянъ, за что и взятъ былъ городскимъ префектомъ [2]) Тарквиніемъ въ темницу. Послѣ долговременнаго пребыванія въ узахъ и темницѣ онъ былъ подвергнутъ біенію, но и послѣ того отказался принести жертву идоламъ, за что былъ усѣ-

---

1) *Исповѣдниками* назывались въ древней Церкви тѣ христіане, которые во время гоненій открыто объявляли себя христіанами и претерпѣвали мученія, но оставались въ живыхъ. Такія лица пользовались особеннымъ уваженіемъ въ христіанскомъ обществѣ.

2) *Префектъ*—градоначальникъ.

ченъ мечомъ и пріялъ мученическую кончину. Блаженный Сильвестръ, взявъ ночью его святыя мощи, похоронилъ ихъ съ подобающими погребальными пѣснопѣніями въ своемъ домѣ. Впослѣдствіи одна благочестивая женщина, по имени Ѳеонисія, на свои средства построила храмъ въ честь святаго Тимоѳея—съ благословенія римскаго епископа Мелхіада[1]), который и перенесъ въ этотъ храмъ мощи святаго мученика. Городской же префектъ Тарквиній, призвавъ Сильвестра, требовалъ у него имущества, оставшагося послѣ Тимоѳея, и принуждалъ его принести жертву идоламъ, угрожая за неповиновеніе страшными муками. Сильвестръ же, предвидя неожиданную скорую смерть префекта, сказалъ ему евангельскими словами:

— **Въ сїю нощь дꙋшꙋ твою ѝстѧжꙋтъ ѿ тебѐ**[2]), а что ты угрожаешь сдѣлать со мною, то не сбудется.

Разгнѣвавшись на эти слова, префектъ повелѣлъ заключить святаго въ желѣзныя оковы и бросить въ темницу; самъ же сѣлъ обѣдать. Во время обѣда въ горлѣ у него остановилась рыбья кость, которую не могли извлечь никакими средствами, даже при помощи врачей; промучившись съ обѣда до полночи, Тарквиній умеръ, согласно предсказанію святаго, и наутро родные отнесли тѣло его съ плачемъ на мѣсто погребенія. Сильвестра же вѣрующіе съ радостію вывели изъ темницы, и онъ сталъ почитаемъ съ этого времени не только вѣрующими, но и невѣрующими, ибо многіе изъ служителей со двора префекта видя, какъ исполнилось предсказаніе Сильвестра, убоялись и припадали къ ногамъ его, опасаясь, чтобы и съ ними не случилось какого-либо несчастія, какъ съ ихъ господиномъ; другіе же, будучи убѣждены тѣмъ чудомъ, прямо обратились ко Христу. Вскорѣ послѣ того святый Сильвестръ былъ принятъ въ клиръ Римской Церкви и принялъ санъ пресвитера отъ папы Марцеллина[3]). Послѣ кончины папы Римскаго Мелхіада онъ былъ избранъ единодушно всѣми папою[4]) и восшелъ на епископскій престолъ. Онъ поставленъ былъ на видъ всѣхъ, какъ ярко горящая свѣча на свѣщникѣ, и пасъ стадо Христово, какъ новый апостолъ, словами и дѣлами своими направляя его на спасительную пажить.

---

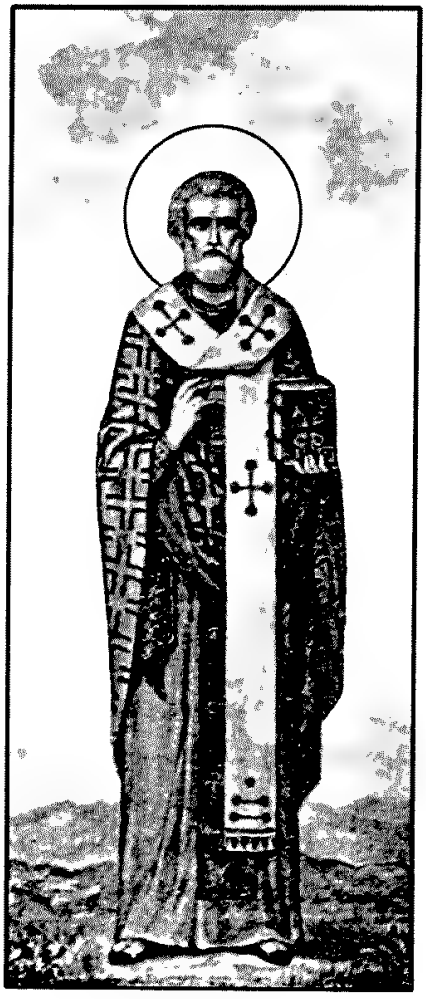
1) *Св. Мелхіадъ*— папа Римскій съ 311 по 314-й годъ.

2) Еванг. отъ Луки, гл. 12, ст. 20.

3) *Св. Марцеллинъ*— папа Римскій съ 296 по 304-й годъ.

4) Въ древности въ избраніи епископа участвовалъ народъ.

Замѣтивъ, что нѣкоторые члены клира забыли объ обязанностяхъ своего служенія и занялись свѣтскими житейскими дѣлами, онъ снова заставилъ ихъ возвратиться на служеніе Церкви и при этомъ издалъ постановленіе, чтобы никто изъ посвященныхъ не занимался торговыми дѣлами. Онъ же установилъ для римскихъ христіанъ новыя названія дней седмицы. Римляне въ то время первый день, который мы называемъ недѣлей, называли днемъ солнца, а остальные дни именовались у нихъ днями Луны, Марса, Меркурія, Зевса, Венеры, Сатурна[1]). Гнушаясь нечестивыми именами языческихъ боговъ, Сильвестръ повелѣлъ называть первый день днемъ Господнимъ[2]), потому что въ этотъ день совершилось преславное Воскресеніе Господа нашего изъ мертвыхъ, прочіе же дни такъ, какъ и нынѣ именуютъ ихъ римскіе христіане[3]). Сдѣлалъ также онъ постановленіе о томъ, чтобы христіане держали постъ только въ одну субботу, въ которую Христосъ умеръ и сошелъ во адъ, чтобы разорить его и извести оттуда прародителя нашего Адама вмѣстѣ съ другими праотцами; въ прочія же субботы поститься запретилъ[4]).



Стый
Сїльвестръ

---

[1]) Все это были боги, которыхъ чтили Римляне и которые считались покровителями того или другаго дня.

[2]) Такъ называется воскресный день уже въ Апокалипсисѣ Іоанна Богослова (гл. 1, ст. 10).

[3]) Въ Римской Церкви съ давняго времени дни недѣли называются *феріями*, т. е. богослужебными днями, что, по словопроизводству съ латинскаго, указываетъ на обязанность христіанина ежедневно совершать служеніе Богу. Понедѣльникъ—ферія первая, вторникъ—ферія вторая и т. д. Суббота удержала у римскихъ христіанъ свое еврейское названіе, а воскресенье называется древнимъ именемъ—*день Господенъ* (Доминика).

[4]) То же самое о субботѣ сказано еще въ правилахъ св. Апостоловъ (64-е правило). Вальсамонъ въ толкованіи на это правило замѣчаетъ, что въ субботу мы не постимся, чтобы не показаться іудействующими, но если постъ запрещается въ субботу, то это значитъ только, что въ субботу не слѣдуетъ хранить *полное* воздержаніе отъ пищи до

Въ то время въ Римѣ въ глубокой пещерѣ подъ Тарпейскою скалой [1]) гнѣздился огромный змѣй, которому язычники всякій мѣсяцъ приносили жертвы, какъ богу; когда же этотъ змѣй выходилъ изъ пещеры, онъ отравлялъ своимъ ядовитымъ дыханіемъ воздухъ, и многіе изъ живыхъ вблизи того мѣста умирали, чаще всего дѣти. Святый Сильвестръ, желая избавить людей отъ пагубнаго змѣя и обратить ихъ отъ безбожія [2]) къ Истинному Богу, созвалъ жившихъ въ городѣ христіанъ и заповѣдалъ имъ три дня поститься и молиться, причемъ самъ постился и молился больше всѣхъ. Въ одну ночь явился ему въ видѣніи святый Апостолъ Петръ и повелѣлъ, чтобы онъ взялъ съ собою нѣсколько священниковъ и діаконовъ и пошелъ безъ страха къ пещерѣ, гдѣ жилъ змѣй. При входѣ въ пещеру Сильвестръ долженъ былъ совершить Божественную службу, потомъ войти внутрь пещеры и, призвавъ Имя Господа Іисуса Христа, заключить тамъ змѣя, чтобы онъ уже никогда не выходилъ оттуда. Святый, по повелѣнію Апостола, пошелъ къ пещерѣ и, по совершеніи Божественной службы, вошелъ туда и, найдя въ ней какія-то двери, затворилъ ихъ, говоря:

— Да не открываются сіи двери до дня Втораго Пришествія Христова!

Такъ, заключивъ въ пещерѣ змѣя, онъ лишилъ его выхода навѣки. Язычники же думали, что Сильвестръ со своимъ клиромъ будетъ пожранъ змѣемъ. Но когда они увидѣли его вышедшимъ безъ всякаго вреда для него, то удивились; видя, что змѣй уже больше не выходитъ съ тѣхъ поръ, многіе познали силу Истиннаго Бога и присоединились къ вѣрующимъ.

Въ то время царствомъ Римскимъ правилъ Константинъ Великій, который еще не принялъ Святаго Крещенія, хотя и увѣровалъ всѣмъ сердцемъ во Христа. Онъ издалъ указъ о томъ, чтобы никто не дерзалъ хулить Христа и преслѣдовать христіанъ, приказалъ запереть идольскіе храмы и прекратить языческія жертвопри-

---

вечера, какъ полагается въ Великую Субботу, но не указываетъ на то, что во всѣ субботы, кромѣ Великой, нужно ѣсть скоромную пищу. По Церковному Уставу въ субботу, прямо послѣ Литургіи, можно вкушать вино, елей и ту пищу, которая полагается по церковнымъ правиламъ, т. е. въ мясоѣдѣ—скоромную, въ посты—постную.

[1]) *Тарпейская скала*—южная, крутая скала Капитолійскаго холма. Тарпейской она названа потому, что съ нея сабиняне сбросили Тарпею, дочь коменданта Капитолія, когда ими была взята эта крѣпость. Высота ея—150 футовъ надъ уровнемъ моря.

[2]) У язычниковъ было много божествъ, но Истиннаго Бога они не вѣдали, почему св. Ап. Павелъ называетъ ихъ *безбожными* (Посл. къ Ефес., гл. 2, ст. 12).

ношенія, а христіанъ, находящихся въ изгнаніи, выпустилъ на свободу и освободилъ заключенныхъ въ темницѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ царь былъ внимателенъ къ просителямъ и исполнялъ всякую справедливую просьбу; изъ имѣнія своего онъ раздавалъ щедрую милостыню нищимъ. Въ Римѣ и за предѣлами его, по имперіи, Константинъ велѣлъ воздвигать христіанскіе храмы. Церковь Христова день ото дня возрастала и умножалась въ числѣ своихъ чадъ, а идолопоклонство умалялось. Это привело въ радость вѣрующихъ, которыхъ въ Римѣ было уже такъ много, что они хотѣли изгнать изъ города всѣхъ, не желавшихъ стать христіанами. Царь, однако, запретилъ это народу, сказавъ:

— Богъ нашъ не хочетъ, чтобы кто-нибудь обращался къ Нему, будучи принужденъ къ этому; а кто по своему расположенію и съ добрымъ намѣреніемъ приступаетъ къ Нему, къ тому Онъ благоволитъ и милостиво его принимаетъ. Итакъ, кто какъ хочетъ, такъ пусть и вѣруетъ, съ полною свободою, и пусть одинъ не преслѣдуетъ другаго.

Отъ этого царскаго слова народъ еще больше возрадовался, видя, что царь представляетъ каждому жить по своей вѣрѣ, какъ кому желательно.

Радовались вѣрующіе не только въ Римѣ, но и по всей имперіи, ибо повсюду вѣрные, мучимые за Христа, были выпускаемы изъ узъ и темницъ, возвращались изъ заточенія исповѣдники Христовы, безбоязненно возвратились домой христіане, скрывавшіеся въ пустыняхъ изъ страха предъ мучителями, и гоненіе повсюду прекратилось.

Но исконный врагъ христіанства—діаволъ, не вынося такого зрѣлища церковнаго мира и распространяющагося свѣта благочестія, внушилъ евреямъ мысль обратиться къ достохвальной Еленѣ, матери царя, жившей тогда въ своемъ отечествѣ, Виѳиніи[1]).

— Хорошо поступилъ царь, сынъ твой,—сказали они Еленѣ,— что оставилъ нечестіе и ниспровергъ идольскіе храмы; но нехорошо, что онъ увѣровалъ въ Іисуса и чтитъ Его какъ Сына Божія и Истиннаго Бога, тогда какъ Онъ былъ еврей и волшебникъ, прельщавшій людей разными привидѣніями, которыя Онъ вызывалъ Своею волшебною силой; Его, какъ преступника, Пилатъ послѣ мученій повѣсилъ на крестѣ. Итакъ, ты, царица, должна вывести

---

[1]) Сѣверо-западная провинція Малой Азіи.

царя изъ такого заблужденія, чтобы Богъ не прогнѣвался на него и чтобы съ нимъ не приключилось какого-нибудь несчастья.

Выслушавъ это, Елена увѣдомила о томъ письменно сына своего, Константина. Прочитавъ письмо, онъ отвѣтилъ своей матери также чрезъ письмо, чтобы іудеи, сообщившіе ей это, явились съ нею въ Римъ и чтобы здѣсь вступили въ состязаніе о вѣрѣ съ христіанскими епископами; какая сторона одолѣетъ, той, значитъ, и вѣра правильнѣе. Когда царица объявила объ этомъ повелѣніи царя іудеямъ, тотчасъ собралось множество ученыхъ евреевъ, изучившихъ свой Законъ, знавшихъ и ученіе Пророковъ, и греческую философію и готовыхъ къ состязанію, и всѣ они съ царицею Еленою отправились въ Римъ. Между ними былъ одинъ мудрѣйшій раввинъ[1]), по имени Замврій, который не только изучилъ въ совершенствѣ еллинскую философію и еврейскія книги, но въ то же время былъ и великимъ волшебникомъ. На него-то евреи возлагали всю свою надежду, думая, что если онъ не одолѣетъ христіанъ въ словесномъ спорѣ, то поразитъ ихъ своими волшебными знаменіями.

Когда насталъ день препирательства евреевъ съ христіанами, царь сѣлъ на престолѣ, окруженный всѣмъ своимъ синклитомъ[2]), и предъ нимъ предсталъ святый Сильвестръ съ небольшою дружиною сопровождавшихъ его, въ числѣ которыхъ было и нѣсколько пріѣхавшихъ въ то время въ Римъ епископовъ. Вошли затѣмъ и евреи, въ количествѣ ста двадцати человѣкъ, и тотчасъ началась бесѣда, которую царица Елена слушала, сидя за занавѣсомъ, а царь съ синклитомъ обсуждалъ то, что говорилось съ той и другой стороны. Сначала евреи потребовали, чтобы со стороны христіанъ на преніе съ ними выступили двѣнадцать мудрѣйшихъ христіанъ, но святый Сильвестръ воспротивился имъ, говоря:

— Мы полагаемъ надежду не на множество людей, но на Бога, всѣхъ укрѣпляющаго, призывая Котораго на помощь, говоримъ: **востáни, бж҃е, разсꙋди̇ дѣ́ло твоѐ!**[3]).

— Это — слова изъ нашего писанія, — возразили іудеи, — ибо нашъ Пророкъ написалъ ихъ; тебѣ слѣдуетъ говорить словами своихъ книгъ, а не нашихъ!

---

[1]) *Раввинъ* — почетный титулъ въ Палестинѣ, даваемый выдающимся учителямъ и толкователямъ Закона ветхозавѣтнаго.

[2]) *Синклитъ* — правительство воинское и гражданское изъ самыхъ важныхъ царскихъ совѣтниковъ и сановниковъ.

[3]) Нѣсколько измѣненное выраженіе Псал. 34, ст. 23.

Сильвестръ отвѣчалъ на это:

— Правда, сначала вамъ сообщено было писаніе Ветхаго Завѣта и проповѣди Пророковъ, но они въ то же время и наши, потому что въ нихъ говорится много о Христѣ, Господѣ нашемъ. Итакъ, нашъ споръ долженъ основываться на вашихъ книгахъ, ибо, тогда какъ ваши книги стали и нашими, наши вамъ чужды, и вы скорѣе повѣрите книгамъ своимъ, чѣмъ нашимъ. Поэтому мы на основаніи вашихъ книгъ покажемъ вамъ истину, коей вы противитесь; такая побѣда будетъ славнѣе и очевиднѣе, когда мы, взявъ оружіе изъ рукъ врага, этимъ оружіемъ и побѣдимъ его!

— Сіи слова епископа,—замѣтилъ царь,—справедливы, и въ этомъ ему нельзя прекословить; ибо если изъ вашихъ книгъ, іудеи, христіане приведутъ вамъ свидѣтельство о своемъ Христѣ Богѣ, то, конечно, за ними останется верхъ, и вы будете поражены своими же собственными книгами.

Весь синклитъ выразилъ похвалу этому царскому рѣшенію.

Тогда евреи начали говорить христіанамъ слѣдующее:

— Вседержитель нашъ Богъ въ книгѣ Второзаконія говоритъ: **ви́дите, ви́дите, ꙗ҆́кѡ а҆́зъ є҆́смь, и҆ нѣ́сть бг҃ъ ра́звѣ мене̑**[1]). Какъ же вы называете Богомъ Іисуса, Который былъ простымъ человѣкомъ и Котораго отцы наши распяли? Какъ вы вводите трехъ боговъ: Отца, въ Котораго и мы вѣруемъ, и Іисуса, называя Его Сыномъ Божіимъ, а третьяго Бога называете Духомъ? Вѣруя такъ, развѣ вы не идете противъ Создателя всего — Бога, учащаго, что другихъ боговъ, кромѣ Него, нѣтъ?

На это богодухновенный Сильвестръ отвѣчалъ:

— Если вы безъ всякаго предубѣжденія и раздраженія вникнете умомъ своимъ въ Писанія, то убѣдитесь, что мы не вводимъ ничего новаго, когда исповѣдуемъ Сына Божія и Святаго Духа, ибо это—не наши слова, но откровеніе Божіе, содержащееся въ книгахъ Пророковъ Божіихъ. Прежде всего, Пророкъ и царь Давидъ, предвозвѣщая возстаніе отцовъ вашихъ на нашего Спасителя, сказалъ: **вскꙋ́ю шата́шасѧ ꙗ҆зы́цы и҆ лю́дїе поꙋчи́шасѧ тщє́тнымъ; собра́шасѧ вкꙋ́пѣ на гдⷭ҇а и҆ на хрⷭ҇та̀ є҆гѡ̀**[2])? Итакъ, здѣсь, называя Его Христомъ и Господомъ, онъ указываетъ не одно лицо, а два. А что Христосъ есть Сынъ Божій, объ этомъ возвѣщаетъ тотъ

---

[1]) Кн. Второзак., гл. 32, ст. 39.

[2]) Псаломъ 2, ст. 1—2.

же Пророкъ такими словами: **гдь речѐ ко мнѣ, сн҃ъ мо́й е҆сѝ ты̀, а҆́зъ дне́сь роди́хъ тѧ̀**[1]). Иной родившій и иной—рожденный!

На это іудеи сказали:

— Говоря, что Богъ родилъ, ты безстрастнаго дѣлаешь страстнымъ. Какимъ образомъ и Сынъ, рожденный въ извѣстное время и имѣвшій временное бытіе, можетъ быть Богомъ? Ибо то слово: **дне́сь** указываетъ на извѣстное время и не позволяетъ признавать Сына вѣчнымъ Богомъ.

Сильвестръ отвѣчалъ:

— Мы не говоримъ, что въ отношеніи къ Богу имѣло мѣсто рожденіе страстное; мы исповѣдуемъ, что Божество—безстрастно и что рожденіе Сына было такимъ, каково бываетъ рожденіе слова изъ мысли. Мы не вводимъ ученія о временномъ рожденіи Сына отъ Отца, но вѣруемъ въ вѣчное рожденіе Его, не подлежащее условію времени, ибо знаемъ, что Творецъ времени есть Сынъ вмѣстѣ съ Отцомъ и Духомъ, а Творецъ времени Самъ не находится подъ временемъ. Выраженіе же: **а҆́зъ дне́сь роди́хъ тѧ̀** обозначаетъ не го̀рнее и предвѣчное Божественное рожденіе, но до̀льнее, которое имѣло мѣсто въ извѣстное время и совершилось во плоти, принятой ради нашего спасенія[2]). Пророкъ зналъ, что Христосъ—Богъ предвѣчный, почему и говоритъ: **прѣто́лъ тво́й, бж҃е, во вѣ́къ вѣ́ка**[3]). Предвозвѣщая же имѣвшее совершиться въ послѣдующее время воплощеніе, онъ сказалъ: **сн҃ъ мо́й е҆сѝ ты̀, а҆́зъ дне́сь роди́хъ тѧ̀**. Итакъ, этими словами: **сн҃ъ мо́й е҆сѝ ты̀** онъ указываетъ не на временное, но на предвѣчное Его рожденіе; а словами: **а҆́зъ дне́сь роди́хъ тѧ̀** обозначаетъ Его рожденіе, совершившееся въ извѣстное время. Сказавъ: **а҆́зъ роди́хъ тѧ̀**, Пророкъ показалъ, что и то рожденіе Сына, которое должно было совершиться въ извѣстное опредѣленное время, Отецъ приписываетъ Себѣ Самому, потому что оно должно быть по Его волѣ. Но уже и то даже выраженіе: **дне́сь роди́хъ тѧ̀** указываетъ на вѣчность рожденія Божія, въ которой нѣтъ дѣйствія прошедшаго и будущаго, а всегда только одно настоящее. О Духѣ же Святомъ тотъ же Давидъ свидѣтельствуетъ такими словами: **сло́вомъ гдⷭ҇нимъ нбⷭ҇а̀ оу҆твердѝшасѧ, и҆ дх҃омъ оу҆́стъ е҆гѡ̀ всѧ̀ си́ла и҆́хъ**[4]). Итакъ, здѣсь

1) Псаломъ 2, ст. 7.

2) Почти всѣ св. Отцы относятъ это выраженіе къ временному рожденію Сына Божія во плоти человѣческой.

3) Псаломъ 44, ст. 7.

4) Псаломъ 32, ст. 6.

упоминаетъ онъ о Трехъ лицахъ: Богѣ—Отцѣ и Сынѣ, Котораго называетъ Словомъ ради Его вышняго и безстрастнаго рожденія, и о Святомъ Духѣ. И въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: дх҃а твоегѡ̀ ст҃аго не ѿими̑ ѿ мене̑[1]). И опять: ка́мѡ пойдꙋ̀ ѿ дх҃а твоегѡ̀[2])? Сими словами Пророкъ ясно показываетъ, что существуетъ Духъ Святый, Который наполняетъ Собою все. И еще говоритъ: по́слеши дх҃а твоего̀, и̑ созі́ждꙋтсѧ[3]). Не Давидомъ ли все это сказано? Но и Боговидецъ Моисей въ книгѣ Бытія приводитъ такія слова Божіи: сотвори́мъ человѣ́ка по ѡ҆́бразꙋ на́шемꙋ и̑ по подо́бію[4]). Съ кѣмъ же тогда говорилъ Богъ, если съ Нимъ не было какого-то другаго Лица? Никто не скажетъ, чтобы это сказалъ Богъ Небеснымъ Силамъ, ибо тѣ самыя слова: по ѡ҆́бразꙋ на́шемꙋ не даютъ никакой возможности такъ думать; не одинъ и тотъ же образъ и подобіе у Бога и Ангеловъ, какъ не одинаково существо и сила ихъ съ Богомъ, но иное—существо Божіе и иное—ангельское. Итакъ, нужно предположить, что былъ Кто-то Иной въ бесѣдѣ, съ Кѣмъ Богъ сказалъ тѣ слова: по ѡ҆́бразꙋ на́шемꙋ. Этотъ Иной долженъ былъ быть такимъ, Который бы имѣлъ одинаковое существо съ говорящимъ Богомъ, совершенно тождественный съ Богомъ по образу и подобію. Кто же это могъ быть, какъ не Сынъ, Который единосущенъ Отцу, равенъ съ Нимъ по славѣ и власти, будучи неизмѣннымъ образомъ Божіимъ? Что же мы вводимъ новаго, когда вѣруемъ и утверждаемъ, что существуютъ Отецъ, и Сынъ, и Святый Духъ? И если язычникамъ это представляется невѣроятнымъ и неосновательнымъ, то это неудивительно, ибо они не знаютъ Священнаго Писанія. Но почему не вѣруете этому вы, которые изучаете слова святыхъ Пророковъ, изъ коихъ нѣтъ ни одного, который бы не пророчествовалъ о Спасителѣ нашемъ?

Послѣ того святый Сильвестръ хотѣлъ подробнѣе говорить о Пресвятой Троицѣ, но царь, прервавъ его рѣчь, сказалъ іудеямъ:

— Тѣ слова, которыя предложилъ намъ изъ Писанія епископъ, такъ ли читаются, іудеи, и въ вашихъ книгахъ?

Они отвѣчали:

— Такъ.

---

1) Псаломъ **50**, ст. 13.
2) Псаломъ **138**, ст. 7.
3) Псаломъ **103**, ст. 30.
4) Кн. Быт., гл. **1**, ст. 26.

Тогда царь сказалъ:

— Итакъ, въ томъ спорѣ о Пресвятой Троицѣ, мнѣ кажется, вы побѣждены.

— Нѣтъ, добрый царь,—возразили іудеи,—Сильвестръ ни за что не побѣдитъ насъ, если и мы выскажемъ противъ него что имѣемъ; а мы могли бы сказать многое, но видимъ, что напрасно намъ препираться съ такимъ усердіемъ о Троицѣ. Не о томъ мы пришли говорить—одинъ ли Богъ или три, а о томъ, что Назарянинъ—не Богъ. Ибо если и согласиться съ тѣмъ, что существуютъ три Бога, все-таки изъ этого еще не слѣдуетъ, что нужно вѣровать въ то, что Іисусъ есть Богъ. Онъ былъ не Богъ, а человѣкъ, рожденный отъ людей и жившій съ грѣшными людьми, ѣвшій и пившій съ мытарями и, какъ пишется о немъ въ Евангеліи, онъ былъ искушаемъ отъ діавола, потомъ преданъ ученикомъ, взятъ, осмѣянъ, избитъ, напоенъ желчію и оцтомъ, лишенъ одеждъ, раздѣленныхъ между воинами по жребію, пригвожденъ ко кресту, умеръ и погребенъ. Какъ такой можетъ назваться Богомъ? Объ этомъ-то, царь, говоримъ мы теперь противъ христіанъ, что они вводятъ сего новаго Бога. Итакъ, если они могутъ что сказать о Немъ и если у нихъ есть какія-либо свидѣтельства, то пусть скажутъ намъ!

Послѣ этого началъ говорить святый Сильвестръ:

— Не трехъ Боговъ мы признаемъ, іудеи, какъ вамъ кажется, но исповѣдуемъ Единаго Бога, Котораго почитаемъ и Которому поклоняемся какъ Сущему въ Трехъ лицахъ, или Ипостасяхъ. Вамъ бы слѣдовало разсудить о справедливости тѣхъ словъ, какія я привелъ изъ вашихъ же книгъ въ отвѣтъ на первый предложенный вами вопросъ, и по поводу ихъ вступить въ преніе, но такъ какъ вы отказываетесь теперь говорить о семъ, то побесѣдуемъ о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, чего вы и сами хотите. Начнемъ съ слѣдующаго. Богъ, приведшій все въ бытіе, когда создалъ человѣка и увидѣлъ его склонившимся ко всякому злу, не презрѣлъ погибающаго дѣла рукъ Своихъ, но соблаговолилъ, чтобы Сынъ Его, пребывая нераздѣльно съ Нимъ (ибо Богъ находится вездѣ), сошелъ къ намъ на землю. Итакъ, Онъ сошелъ и, родившись отъ Дѣвы, сталъ подъ Закономъ, да подзакѡ́ниыѧ и҆скꙋ́питъ [1]). А о томъ, что Онъ имѣлъ родиться отъ Дѣвы, предсказалъ боже-

[1]) Посл. къ Галат., гл. 4, ст. 4 и 5.

ственный Пророкъ Исаія въ такихъ словахъ: **сѐ дв҃а во чре́вѣ зачне́тъ, и҆ роди́тъ сн҃а, и҆ нарече́ши и҆́мѧ є҆мꙋ̀ є҆мманꙋ́илъ**[1]). Имя же это, какъ и вы знаете, указываетъ на пришествіе Божіе къ людямъ и въ переводѣ на греческій языкъ значитъ: съ нами Богъ. Итакъ, Пророкъ задолго предсказалъ, что Богъ родится отъ Дѣвы.

Іудеи возразили:

— Въ нашемъ еврейскомъ текстѣ книга Пророка Исаіи не имѣетъ въ себѣ выраженія: **дѣ́ва**, но упоминаетъ объ **ѻ҆трокови́цѣ**— молодой женщинѣ; вы исказили писаніе, написавъ въ своихъ книгахъ вмѣсто: **ѻ҆трокови́ца** слово—**дѣ́ва**.

Святый епископъ Сильвестръ отвѣчалъ:

— Если въ вашихъ книгахъ написано не **дѣви́ца**, а **ѻ҆трокови́ца**, то не все ли одно и то же, что отроковица, что дѣвица? Когда Пророкъ Исаія отъ лица Божія сказалъ Ахазу: проси себѣ знаменія у Господа Бога твоего въ глубину или въ высоту[2]), то Ахазъ сказалъ: не буду просить и не стану искушать Господа[3]). Тогда Пророкъ сказалъ: **сегѡ̀ ра́ди да́стъ гдⷭ҇ь са́мъ ва́мъ зна́менїе.** Какое же? **сѐ дв҃а во чре́вѣ зачне́тъ.** Если же вы говорите, что Пророкъ говорилъ не о дѣвѣ, а объ отроковицѣ и что отроковица—не дѣва[4]), то и обѣщанное Пророкомъ знаменіе не можетъ называться знаменіемъ, ибо если отроковица, вышедшая замужъ, родитъ, то тутъ нѣтъ никакого чуда, но дѣло обычное. Родить же, не входя въ общеніе съ мужемъ, есть дѣйствительно чудо; это дѣло необыкновенное, превышающее **є҆стества̀ ᲂу҆ста́вы.** Итакъ, Та Отроковица, о Которой у васъ написано, была Дѣвою, потому что Господь обѣщалъ чрезъ Нее дать знаменіе и именно такое знаменіе, что Она, не познавши мужа, родитъ сверхъестественно Сына. И мы не исказили Писанія, написавъ вмѣсто отроковицы дѣву, но, скорѣе, точно выразили его мысль, чтобы яснѣе можно было увидѣть въ семъ оное пречудное Божественное знаменіе, превосходящее естество человѣческое. Кто же изъ людей родился безъ сѣмени муже-

---

1) Кн. Прор. Исаіи, гл. 7, ст. 14.

2) *Въ глубину,* т. е. на землѣ или изъ-подъ земли; *въ высоту,* т. е. съ Неба.

3) Ахазъ не вѣрилъ Пророку, но прямо сказать объ этомъ ему не рѣшался и потому лицемѣрно привелъ въ свое оправданіе слова Закона Моисеева, запрещавшаго евреямъ искушать Господа требованіемъ чудесъ (Кн. Исх., гл. 17).

4) *Отроковица,* т. е. молодая женщина вообще,—можетъ быть замужняя, можетъ быть еще дѣвица, толковали іудеи. Это толкованіе неправильно. Слово, употребленное здѣсь въ еврейской библіи (алма), можетъ означать, по словопроизводству, только дѣвицу очень молодую, еще подрастающую. Притомъ во всемъ Ветхомъ Завѣтѣ это слово никогда не употребляется въ приложеніи къ замужней женщинѣ.

скаго, кромѣ Адама, созданнаго изъ земли, и Евы, сотворенной изъ ребра его? И гдѣ женщина родила, не входя въ общеніе съ мужемъ? Итакъ, не было бы никакого знаменія, которое обѣщалъ дать Богъ—именно если бы та отроковица зачала во чревѣ не сверхъ естества, а по естеству соединившись съ мужемъ,—но было бы обычное для природы человѣческой дѣло. А такъ какъ Дѣва чистая зачала безъ мужа отъ Святаго Духа, то это и должно считаться Божіимъ новымъ и преславнымъ знаменіемъ, и съ нами теперь Богъ, согласно обѣщанію, сверхъ естества рожденный отъ чистой Дѣвы.

— Но такъ какъ рожденный отъ Маріи названъ не Еммануиломъ, а Іисусомъ,—возразили іудеи,—то, значитъ, онъ не тотъ, котораго обѣщалъ Богъ чрезъ Пророка, а другой?

Святый Сильвестръ отвѣчалъ:

— Въ Священномъ Писаніи иногда вмѣсто имени указывается на дѣятельность того или другаго лица, какъ напримѣръ: **нарцы̀ и҆́мѧ є҆мꙋ̀: ско́рѡ плѣни̇̀, на́глѡ расхи́ти**[1]). Если въ самомъ дѣлѣ никогда не было того, кто назывался бы такимъ именемъ, то все-таки, такъ какъ Христосъ долженъ былъ побѣдить враговъ и взять у нихъ добычу, вмѣсто имени Его Пророкомъ указаны тѣ дѣла Его, которыя Онъ долженъ былъ совершить. Въ какомъ смыслѣ тотъ же Пророкъ говоритъ и объ Іерусалимѣ: **нарече́шисѧ гра́дъ пра́вды**[2])! Хотя никто никогда не звалъ тотъ городъ городомъ правды, а всѣ зовутъ его обычнымъ ему именемъ—Іерусалимъ, но такъ какъ въ то время Іерусалимъ исправился предъ Богомъ, то, поэтому, отъ событія, въ немъ совершившагося, ему дано въ пророчествѣ имя—городъ правды[3]). И еще въ Писаніи могутъ встрѣтиться мѣста, гдѣ указывается вмѣсто имени на какое-либо событіе. А что Богъ имѣлъ пребывать съ людьми, послушай о томъ пророчествующаго Варуха: **се́й бг҃ъ на́шъ, не вмѣни́тсѧ и҆́нъ къ немꙋ̀, И҆зѡбрѣ́те всѧ́къ пꙋ́ть хи́трости, и҆ дадѐ ю҆̀ і҆а́кѡвꙋ ѻ҆́трокꙋ своемꙋ̀, и҆ і҆и҃лю возлю́бленномꙋ ѿ негѡ̀. Посе́мъ же на земли̇̀ ꙗ҆ви́сѧ, и҆ съ человѣ́ки поживѐ**[4]). И о томъ, что Онъ долженъ былъ быть искушаемъ діаволомъ,

---

[1]) Кн. Прор. Исаіи, гл. 8, ст. 3.

[2]) Кн. Прор. Исаіи, гл. 1, ст. 26.

[3]) Т. е. потому, что тамъ родился Спаситель міра, Котораго св. Ап. Павелъ именуетъ Царемъ правды (Посл. къ Евр., гл. 7, ст. 2).

[4]) Кн. Прор. Варух., гл. 3, ст. 36—38. Ѡ҆брѣ́те всѧ́къ пꙋ́ть хи́трости, т. е. дѣйствуетъ всегда съ высшею мудростью и знаетъ лучшіе пути, ведущіе къ цѣли.

предсказалъ Захарія: **и҆ показа́ ми гдⷭ҇ь і҆исꙋ́са, і҆ере́а вели́каго, стоѧ́ща пред̾ лице́мъ а҆́гг҃ла гдⷭ҇нѧ, и҆ дїа́волъ стоѧ́ше ѡ҆деснꙋ́ю є҆гѡ̀, є҆́же проти́витисѧ є҆мꙋ̀. И҆ речѐ гдⷭ҇ь къ дїа́волꙋ: да запрети́тъ гдⷭ҇ь тебѣ̀, дїа́воле**[1]). О взятіи же Его предсказано въ книгѣ Соломоновой: **реко́ша въ себѣ̀ помышлѧ́ющїи непра́вѡ. Оу҆лови́мъ же (ле́стїю) пра́веднаго, ꙗ҆́кѡ непотре́бенъ на́мъ є҆́сть, и҆ проти́витсѧ дѣлѡ́мъ на́шымъ**[2]). А то, что Онъ имѣлъ быть преданъ Своимъ ученикомъ, предсказалъ Псалмопѣвецъ: **ꙗ҆ды́й хлѣ́бы моѧ̑, возвели́чи на мѧ̀ запина́нїе**[3]). И о лжесвидѣтеляхъ сказалъ: **воста́ша на мѧ̀ свидѣ́телє непра́веднїи**[4]). О распятіи же Его сказалъ: **и҆скопа́ша рꙋ́цѣ мои̑ и҆ но́зѣ мои̑, и҆счето́ша всѧ̑ кѡ́сти моѧ̑**[5]). Тотъ же Пророкъ предсказалъ и о раздѣленіи ризъ Христовыхъ: **раздѣли́ша ри̑зы моѧ̑ себѣ̀, и҆ ѡ҆ ѻ҆де́жди мое́й мета́ша жре́бїй**[6]). И о напоеніи оцтомъ съ желчію онъ же сказалъ: **да́ша въ снѣ́дь мою̀ же́лчь, и҆ въ жа́ждꙋ мою̀ напои́ша мѧ̀ ѻ҆́цта**[7]). И далѣе о погребеніи Его онъ предвозвѣстилъ: **положи́ша мѧ̀ въ ро́вѣ преиспо́днемъ**[8]). И Іаковъ, вашъ праотецъ, провидя сіе духомъ, сказалъ: **возле́гъ оу҆снꙋ́лъ є҆сѝ ꙗ҆́кѡ ле́въ, и҆ ꙗ҆́кѡ скꙋ́менъ**[9]).

Приводя эти и многія другія свидѣтельства святыхъ Пророковъ о Христѣ Господѣ, святый Сильвестръ побѣдилъ евреевъ, ибо, такъ какъ Самъ Духъ Святый говорилъ его устами, онъ ясно доказалъ, что Христосъ есть Истинный Богъ, рожденный отъ Дѣвы.

Тогда евреи сказали:

— Какая нужда была Богу родиться во плоти человѣческой? Развѣ Онъ не могъ иначе спасти человѣческій родъ?

---

1) Кн. Прор. Захар., гл. **3**, ст. 1—2. Первосвященникъ іудейскій Іисусъ, на котораго клеветалъ предъ Господомъ діаволъ, признается у многихъ Отцовъ Церкви прообразомъ Іисуса Христа, Который такъ же терпѣлъ разныя нападенія отъ діавола и слугъ его.

2) Кн. Прем. Солом., гл. **2**, ст. 1 и 12.

3) Псаломъ **40**, ст. 10.

4) Псаломъ **26**, ст. 12.

5) Псаломъ **21**, ст. 17 и 18. И҆скопа́ша—пронзили. И҆счето́ша кѡ́сти моѧ̑—т. е. въ тѣлѣ Христовомъ, когда оно висѣло на крестѣ, кости такъ выдались, что ихъ можно было пересчитать.

6) Псаломъ **21**, ст. 19.

7) Псаломъ **68**, ст. 22. *Желчь*—горечь; *оцетъ*—уксусъ. Эти вещества, по толкованію блаж. Ѳеодорита, были прибавлены къ питью, чтобы сдѣлать его горькимъ и непріятнымъ.

8) Псаломъ **87**, ст. 7.

9) Кн. Быт., гл. **49**, ст. 9. Іаковъ здѣсь собственно говорилъ о сынѣ своемъ Іудѣ, но все сказанное объ Іудѣ, по изъясненію Отцовъ Церкви, до́лжно относить въ лучшемъ смыслѣ и къ Господу Іисусу Христу, Котораго Іуда былъ прообразомъ.

Святый отвѣчалъ:

— Для Бога нѣтъ ничего невозможнаго, но діавола долженъ былъ побѣдить тотъ, кто былъ имъ прежде побѣжденъ. Имъ побѣжденъ былъ человѣкъ,—человѣкъ рожденный не обычнымъ порядкомъ естества, не отъ сѣмени мужескаго, но созданный изъ земли и притомъ изъ земли чистой и непорочной, какъ дѣва—ибо она еще не была тогда проклята Богомъ и ее еще не осквернила ни кровь убитаго брата, ни умерщвленіе животныхъ, такъ что она еще не заражена была тлѣющими тѣлами, не осквернена какими-либо нечистыми и непотребными дѣлами. Изъ такой земли была создана для нашего прародителя плоть, которую оживотворило божественное дуновеніе. Но если всезлобный діаволъ побѣдилъ такого человѣка, то нужно было, чтобы и самъ онъ былъ побѣжденъ такимъ же человѣкомъ. А таковъ и есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ, рожденный не по обычаю и закону естества, но изъ чистой и святой дѣвической утробы, подобно тому, какъ Адамъ произошелъ изъ не зараженной грѣхомъ земли. И какъ Адамъ былъ оживленъ дуновеніемъ божественнымъ, такъ и Сей воплотился подъ дѣйствіемъ Духа Святаго, сошедшаго на Пресвятую Дѣву, и сталъ совершеннымъ Богомъ и совершеннымъ человѣкомъ—во всемъ, кромѣ грѣха, имѣющимъ два естества—Божеское и человѣческое, но въ одномъ лицѣ; и поэтому человѣческая природа страдала за насъ, а Божество оставалось безстрастнымъ.

При этомъ святый привелъ такой примѣръ:

— Когда дерево, озаренное лучами солнца, посѣкается топоромъ, то съ посѣкаемымъ деревомъ лучъ солнечный не посѣкается. Такъ и человѣчество Христово, соединенное съ Божествомъ, если и претерпѣло страданія, то эти страданія не коснулись Божества.

Эти доказательства, приведенныя святымъ Сильвестромъ, царь и весь синклитъ одобрили и признали его побѣдителемъ въ спорѣ, потому что евреи не могли уже болѣе сказать что-нибудь противъ Сильвестра. Тогда волхвъ Замврій сказалъ царю:

— Хотя Сильвестръ и одолѣваетъ насъ своими словами, будучи многорѣчивъ и искусенъ въ бесѣдѣ, но все-таки мы изъ-за этого не отступимъ отъ нашего отеческаго Закона и не послѣдуемъ за человѣкомъ, котораго наши отцы, по общему соглашенію, предали на смерть. А что одинъ только есть тотъ Богъ, Котораго мы почитаемъ, и нѣтъ иного, то я готовъ доказать это не словомъ, какъ дѣлаетъ Сильвестръ, а самимъ дѣломъ: прикажи лишь,

царь, привести сюда большаго и свирѣпаго быка, и тотчасъ же твое державство и всѣ присутствующіе убѣдятся, что нѣтъ Бога, кромѣ Бога нашего.

Одинъ же изъ присутствовавшихъ сказалъ:

— Такой быкъ есть въ моемъ стадѣ, недалеко отъ городскихъ воротъ. На него никто не можетъ возложить ярма, никто не можетъ даже погладить его рукой или дотронуться до него.

Царь тотчасъ же приказалъ привести того быка. Между тѣмъ, продолжая бесѣду, святый Сильвестръ спросилъ Замврія:

— Зачѣмъ тебѣ быкъ, и, когда его приведутъ, что ты съ нимъ будешь дѣлать?

Замврій отвѣчалъ:

— Хочу доказать силу нашего Бога, ибо если я пошепчу быку на ухо, то онъ тотчасъ издохнетъ. Ибо смертное существо не можетъ стерпѣть Имени Божія и не можетъ остаться въ живыхъ тотъ, кто услышитъ сіе Имя. И наши отцы, когда быки были приводимы для жертвоприношенія, говорили то Имя въ уши быковъ, и тѣ тотчасъ же падали съ громкимъ ревомъ и издыхали, будучи, такимъ образомъ, готовыми для жертвоприношенія[1]).

Сильвестръ возразилъ:

— Но если это Имя, по твоимъ словамъ, убиваетъ всякаго, кто его слышитъ, какъ же ты узналъ его?

Замврій отвѣчалъ:

— Тебѣ нельзя знать эту тайну, потому что ты—врагъ намъ.

Когда Замврій далъ такой отвѣтъ, царь сказалъ ему:

— Если ты не хочешь открыть этой тайны епископу, то открой ее намъ, ибо поистинѣ это дѣло сомнительное, если только не предположить, что то Имя можно узнать, прочитавъ, какъ оно написано, гдѣ-нибудь.

Замврій отвѣчалъ:

— Ни кожа, ни хартія, ни дерево, ни камень и ничто иное не можетъ содержать въ себѣ начертанія онаго Имени, ибо тотчасъ же и самъ пишущій и то, на чемъ пишется, погибаютъ.

— Скажи же,—замѣтилъ царь,—какъ самъ ты узналъ его? Ибо нельзя узнать его, если оно не передается въ словахъ, не начертывается въ письмени?

---

[1]) Это было ложной выдумкой Замврія. Быки, какъ сказано въ Законѣ (Кн. Лев., 1, и слѣд. главы), были закалаемы священниками.

— Я, царь, —отвѣчалъ Замврій,—семь дней постился, потомъ въ новую серебряную умывальницу налилъ чистой проточной воды и сталъ молиться; тогда невидимымъ перстомъ на водѣ написаны были слова, которыя и сдѣлали мнѣ извѣстнымъ Имя Божіе.

Премудрый же Сильвестръ сказалъ:

— Если ты дѣйствительно узналъ то Имя такимъ способомъ, какъ ты говоришь, то все-таки, когда ты говоришь его кому-нибудь на ухо, развѣ ты не слышишь самъ того Имени такъ же, какъ слышитъ его тотъ, кому ты его говоришь? Какъ и самъ ты, слыша его, не умираешь?

Волхвъ отвѣчалъ:

— Я уже сказалъ, что тебѣ не слѣдуетъ знать этой тайны, такъ какъ ты намъ врагъ. Да и какая нужда въ словахъ, когда лучше всего на дѣлѣ доказать то, что говоришь? Выбери одно изъ двухъ: или ты, призвавъ Имя своего Назарянина, умертви быка, чтобы и мы могли увѣровать въ того Назарянина, или я скажу на ухо быку Имя нашего Бога и умерщвлю быка, такъ что ты тогда долженъ будешь увѣровать въ нашего Бога.

Всѣ присутствовавшіе, услышавъ это, одобрили рѣшеніе Замврія; христіане же пришли въ колебаніе, хотя святый епископъ успокаивалъ ихъ.

Царь же сказалъ Замврію:

— Тебѣ слѣдуетъ сначала исполнить обѣщаніе, ибо ты обѣщалъ однимъ словомъ убить быка.

Волхвъ отвѣчалъ:

— Если ты приказываешь это мнѣ сдѣлать, царь, то смотри на силу моего Бога!

Сказавъ это, онъ подошелъ къ быку, котораго едва могли вести сильные люди, зацѣпивъ крѣпкія веревки за его рога. Подойдя къ быку, Замврій пошепталъ ему что-то на ухо, и быкъ тотчасъ же, испустивъ сильный ревъ, затрясся и палъ мертвымъ[1]). Всѣ, видѣвшіе это, весьма изумились, а іудеи возопили громкимъ голосомъ, хлопая въ ладоши:

— Побѣдили мы, побѣдили!

Тогда Сильвестръ просилъ царя приказать, чтобы всѣ замолчали, и когда воцарилось молчаніе, епископъ сказалъ іудеямъ:

---

[1]) Св. Сильвестръ относитъ это дѣло къ помощи бѣсовъ, которые, по ученію древнихъ Отцовъ и учителей Церкви, употребляли въ тѣ времена всѣ средства къ тому, чтобы полагать препятствія усиленію религіи христіанской.

— Не въ вашихъ ли книгахъ написано, что сказалъ всемогущій Богъ: **А҆зъ оу҆бїю̀, и҆ жи́ти сотворю̀: поражꙋ̀, и҆ а҆зъ и҆сцѣлю̀** [1])?

Они же отвѣчали:

— Да, это такъ написано.

Тогда Сильвестръ сказалъ:

— Если Замврій Именемъ Божіимъ убилъ быка, то пусть онъ и воскреситъ его тѣмъ же Именемъ. Ибо Богъ есть Богъ, творящій добро, а не зло, и, по существу Его, Ему свойственно дѣлать добро, а творить зло—противно Его существу; воля Его, всегда благая, хочетъ творить всегда доброе. Случается иногда, что Онъ какимъ-либо зломъ накажетъ кого-нибудь для пользы другихъ, но это бываетъ не потому, чтобы Онъ хотѣлъ этого, но потому, что къ сему побуждается Онъ нашими злодѣяніями. Итакъ, если Замврій легко сдѣлалъ то, къ чему Богъ не благоволитъ по самому Существу Своему, то тѣмъ легче онъ можетъ сдѣлать то, что Богу естественно. Пусть онъ оживитъ быка тѣмъ же Божіимъ Именемъ, которымъ умертвилъ его, и я обращусь въ его вѣру.

— Царь! —возразилъ Замврій.—Сильвестръ опять хочетъ вести словесный споръ, но какая надобность въ словахъ, когда совершилось явное дѣло?

Обращаясь потомъ къ Сильвестру, онъ продолжалъ:

— Если и ты, епископъ, владѣешь какой-нибудь силою, то сотвори и ты чудо Именемъ твоего Іисуса!

— Если хочешь,—отвѣчалъ святый Сильвестръ,—я покажу тебѣ силу моего Христа въ томъ, что чрезъ призываніе Его святаго имени я воскрешу того быка, котораго ты убилъ.

— Напрасно ты, Сильвестръ, хвалишься,—возразилъ Замврій,—не можетъ того быть, чтобы быкъ ожилъ!

Тогда царь сказалъ Замврію:

— Итакъ, если то, что, по твоимъ словамъ, невозможно, епископъ все-таки сдѣлаетъ, увѣруешь ли ты въ его Бога?

Замврій отвѣчалъ:

— Клянусь тебѣ, царь, что если увижу быка ожившимъ, то исповѣдую, что Христосъ есть Богъ, и пріиму Сильвестрову вѣру.

То же сказали и всѣ іудеи. Тогда епископъ, преклонивъ колѣна, помолился усердно и со слезами Богу, а потомъ, вставши и поднявъ руки къ Небу, произнесъ вслухъ всѣхъ:

[1]) Кн. Второзак., гл. 32, ст. 39.

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій и Боже, Ты, Который можешь умерщвлять и оживлять, поражать и исцѣлять, благоволи чрезъ призваніе Пресвятаго и Животворящаго Имени Твоего оживить того быка, котораго Замврій умертвилъ чрезъ призваніе бѣсовъ, ибо наступило время совершиться чудесамъ Твоимъ для спасенія многихъ; услышь меня, раба Твоего, въ сей часъ, чтобы прославилось Пресвятое Имя Твое!

Послѣ молитвы онъ подошелъ къ быку и громко произнесъ:

— Если проповѣдуемый мною Іисусъ Христосъ, рожденный отъ Дѣвы Маріи, есть Истинный Богъ, то поднимись и стань на ногахъ своихъ, и, оставивъ прежнюю свою свирѣпость, будь кротокъ!

Лишь только святый произнесъ это, какъ быкъ тотчасъ ожилъ, всталъ и стоялъ тихо и спокойно. Святый приказалъ снять веревки съ роговъ его и сказалъ:

— Ступай туда, откуда пришелъ, и никому не причиняй вреда, но будь тихъ; такъ повелѣваетъ тебѣ Іисусъ Христосъ, Богъ нашъ!

И быкъ ушелъ тихо, хотя прежде былъ крайне свирѣпъ. Увидѣвъ это, всѣ воскликнули какъ бы въ одинъ голосъ:

— Великъ Богъ, Котораго проповѣдуетъ Сильвестръ!

Іудеи же вмѣстѣ съ Замвріемъ, подбѣжавъ ко святому и обнявъ его честныя ноги, просили его помолиться за нихъ Богу и принять ихъ въ христіанскую вѣру. Также и блаженная Елена, поднявъ завѣсу, за которой сидѣла, слушая пренія и взирая на бывшее при этомъ, вышла оттуда и припала къ ногамъ святаго, исповѣдуя Христа Истиннымъ Богомъ. Всѣ бывшіе здѣсь іудеи во главѣ съ Замвріемъ и безчисленное множество народа обратились къ Истинному Богу и присоединились къ Христовой Церкви.

Послѣ сего торжества святой вѣры христіанской святый Сильвестръ провелъ остатокъ дней своей жизни въ непрестанныхъ трудахъ и заботахъ о Церкви Христовой, послѣ чего, добрѣ управивъ ввѣренное ему словесное стадо и достигнувъ глубокой старости[1]), отошелъ ко Господу. На епископскомъ престолѣ онъ пробылъ двадцать одинъ годъ и одиннадцать мѣсяцевъ. Нынѣ же въ безконечной жизни онъ вмѣстѣ съ Ангелами прославляетъ

---

[1]) Св. Сильвестръ, папа Римскій, скончался въ 335 году. Мощи его были погребены на Салорійской дорогѣ, въ катакомбахъ св. Прискиллы, въ одной милѣ отъ Рима.

Отца, и Сына, и Святаго Духа—Единаго въ Троицѣ Бога, Ему же и отъ насъ да будетъ слава во вѣки, аминь.

Конда́къ ст҃а́гѡ, гла́съ д҃:

Во сщ҃е́нницѣхъ сщ҃е́нникъ ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ, цр҃ѧ̀ и҆ бг҃а бг҃оно́се, по́стникѡмъ собесѣ́дникъ бы́въ: ѿонꙋ́дꙋже сра́дꙋешисѧ ны́нѣ ликѡ́мъ а҆́гг҃льскимъ, ѻ҆́тче, веселѧ́сѧ въ нб҃ныхъ, сїльве́стре сла́вне па́стырю, сп҃са́й любо́вїю соверша́ющыѧ па́мѧть твою̀.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

ΘЕОГЕНА,

епископа Парійскаго

Святый священномученикъ Θеогенъ былъ епископомъ въ городѣ Паріи[1]). Взятый при Ликиніи[2]) во Фригіи[3]) воинами, онъ былъ принуждаемъ трибуномъ[4]) Заликинтіемъ къ военной службѣ; но, по причинѣ сопротивленія, повѣшенъ на четырехъ столбахъ и подвергнутъ жестокому біенію палками. Святый мужественно переносилъ мученія и при этомъ предсказалъ опціону[5]) и трибуну сокрушеніе голеней, а Ликинію пораженіе. Послѣ того Θеогена заключили въ темницу, находясь въ которой святый отвергалъ всякую пищу. Когда донесли о немъ Ликинію, послѣдній приказалъ бросить его въ море. Тогда святый, испросивъ у исполнителей казни времени на молитву, сталъ, обратившись къ востоку и поднявъ руки горѣ́, молился въ продолженіе трехъ часовъ.

---

1) *Парій*—городъ при Геллеспонтѣ (Дарданеллахъ), въ Мизіи, сѣверо-западной провинціи Малой Азіи, между Лампсакомъ и Кизикомъ.

2) *Ликиній*—Римскій императоръ, соцарствовавшій Константину Великому, управлялъ восточною половиною имперіи съ 307 по 324 г.

3) *Фригія*—большая область Малой Азіи, обнимала первоначально всю среднюю часть западной половины полуострова, кромѣ того—позднѣе причислявшійся къ Мизіи южный берегъ Пропонтиды (Мраморнаго моря) до Геллеспонта; такимъ образомъ г. Парій причислялся въ IV в. также къ Фригіи.

4) *Трибунъ*—главнокомандующій войсками провинціи.

5) *Опціонъ*—помощникъ центуріона; *центуріонъ*—начальникъ центуріи, военнаго отряда въ 100 человѣкъ.

Во время молитвы онъ былъ озаренъ необычайнымъ свѣтомъ, такъ что исполнители казни—корабельщики и нѣкоторые воины—обратились къ христіанской вѣрѣ. Такъ священномученикъ Ѳеогенъ предалъ святую душу свою Господу, потопленный въ глубинѣ морской[1]). Впослѣдствіи христіане достали тѣло его изъ воды и погребли близъ городскихъ стѣнъ. При мощахъ святаго Ѳеогена совершалось много чудесъ и истекали исцѣленія отъ различныхъ болѣзней.

Въ тотъ же день память преподобнаго **Сильвестра Печерскаго,** продолжателя лѣтописи послѣ Нестора (перваго русскаго лѣтописца), жившаго въ XII вѣкѣ и почивающаго нетлѣнно въ Ближней—Антоніевой пещерѣ.

[1]) Св. священномученикъ Ѳеогенъ пріялъ мученическую кончину около 320 года.

День третій

СТРАДАНІЕ
СВЯТАГО МУЧЕНИКА
ГОРДІЯ

Мученикъ Христовъ Гордій родился въ Кесаріи Каппадокійской [1]) отъ христіанскихъ родителей и былъ воспитанъ въ православной христіанской вѣрѣ. По достиженіи возмужалости онъ взятъ былъ въ военную службу и поставленъ на должность сотника, потому что превосходилъ многихъ и крѣпостію тѣла и силою духа.

Въ то время Римскій императоръ Ликиній [2]) излилъ на христіанъ всю свою злобу и воздвигъ богоборческую руку свою на Христову Церковь. По всѣмъ торговымъ площадямъ и по всѣмъ наиболѣе людным мѣстамъ были разосланы царскія повелѣнія и указы о томъ, чтобы не поклоняться Христу и чтобы всякій нарушитель этого царскаго запрещенія былъ подвергаемъ смертной казни. Всѣ были приводимы къ каменнымъ и деревяннымъ идольскимъ изображеніямъ, чтобы поклоняться дѣлу рукъ человѣческихъ, а неповиновавшіеся были принуждаемы къ сему мученіями. По всему городу началось смятеніе; имѣнія христіанъ предавались разграбленію, дома опустошались, люди избивались; благочестивыя женщины были влачимы по городу —не было пощады ни юности,

---

1) О *Кесаріи Каппадокійской* см. на стр. 15, прим. 1.

2) *Ликиній*—Римскій императоръ, управлявшій восточною половиною ея въ 307—324 годъ.

ни почтенія къ старости; тѣ, кто были ни въ чемъ неповинны, страдали, какъ злодѣи; въ темницахъ было тѣсно; и хорошіе, и богатые дома лишились своихъ обитателей; пустыня наполнялась людьми, изгнанными только за то, что они вѣровали во Христа; отецъ выдавалъ на смерть сына своего, сынъ влекъ на судъ своего отца, братъ неистовствовалъ противъ брата и рабъ возставалъ противъ своего господина; діаволъ навелъ на души людей какъ бы нѣкую ужасную ночь безумія, такъ что одинъ другаго не узнавалъ, какъ бы въ темнотѣ. Молитвенные дома разорялись руками нечестивыхъ, святые алтари ниспровергались и не было никакого приношенія, ни кажденія, ни мѣста, гдѣ бы можно было совершить Божественную службу: все было объято уныніемъ какъ бы какимъ-то темнымъ облакомъ. Служители Божіи были изгоняемы, всякое благочестивое собраніе проходило въ ужасѣ, а демоны ликовали, оскверняя вселенную чадомъ и кровію жертвъ.

Видя таковыя бѣдствія, Гордій рѣшился добровольно удалиться изъ города; свергнувъ съ себя воинское препоясаніе[1]) и оставивъ богатство, родственниковъ, друзей, рабовъ и житейскія удобства и все, что̀ вожделѣнно для людей, любящихъ міръ и его наслажденія, онъ ушелъ въ глубокія и непроходимыя для людей пустыни, жизнь со звѣрями почитая для себя болѣе пріятною, нежели общеніе съ идолопоклонниками; онъ подражалъ святому Пророку Иліи, который, увидѣвъ служеніе сидонскимъ кумирамъ, удалился на гору Хоривъ, вошелъ въ пещеру, взыскуя Бога, Котораго и увидѣлъ, поскольку Его могло узрѣть человѣческое око[2]). Таковъ былъ и сей Гордій, бѣжавшій отъ городскихъ волненій, отъ торжищныхъ кликовъ, отъ высокомѣрія чиновниковъ, отъ судилищъ, клеветниковъ, продающихъ, покупающихъ, клянущихся, лгущихъ, сквернословящихъ, бѣжавшій отъ игръ и глумленія и отъ неприличной веселости городской, такъ какъ онъ имѣлъ чистый слухъ, чистыя очи и прежде всего чистое сердце, которое могло зрѣть Бога. Онъ сподобился божественныхъ откровеній и позналъ великія тайны **ни ѿ человѣкъ, ни человѣкомъ**[3]), но имѣя великаго Учителя—Духа Истины[4]). Отсюда перешедши къ размышленію о

---

1) Отличіемъ лицъ, занимавшихъ почетныя должности въ войскѣ, служилъ особый поясъ, на которомъ вѣшался мечъ.

2) 4 кн. Царствъ, гл. 19.

3) Посл. къ Гал., гл. 1, ст. 1.

4) Еваиг. отъ Іоан., гл. 15, ст. 26.

жизни, какъ она безполезна и коротка, подобно сновидѣнію и тѣни, онъ со всею силою души возжелалъ вѣчнаго пребыванія на Небесахъ и, какъ сильный борецъ, сталъ готовиться къ борьбѣ постомъ, бдѣніемъ, молитвою и поученіемъ въ Словѣ Божіемъ. Съ особеннымъ же нетерпѣніемъ онъ ожидалъ того дня, въ который весь городъ долженъ былъ совершать праздникъ сквернаго бога Марса или, правильнѣе, демона, любящаго брани[1]). Когда этотъ день наступилъ, весь народъ пришелъ въ циркъ смотрѣть на конскіе бѣга и всѣ расположились на высокихъ мѣстахъ. Въ городѣ тогда не осталось никого; въ числѣ зрителей, смотрѣвшихъ на быстрый бѣгъ коней и на искусство возничихъ, было и множество христіанъ, не радѣвшихъ о своей жизни и не уклонявшихся отъ празднаго сборища. Въ тотъ день рабы освобождаемы были отъ работъ и собирались тамъ же, дѣти изъ школъ спѣшили сюда и здѣсь же присутствовали блудныя и безстыдныя женщины.

Ст҃ы́й мч҃нкъ
Горді́й

Такъ циркъ наполнился безчисленнымъ множествомъ людей, внимательно смотрѣвшихъ на конскіе бѣга. Тогда доблестный и великій духомъ Гордій, сойдя съ высокой горы въ циркъ, не устрашился народа, не сталъ раздумывать, какому множеству вооруженныхъ рукъ онъ предаетъ себя, но съ безтрепетнымъ сердцемъ и безстрашною душою, протѣснившись сквозь сидѣвшихъ въ циркѣ людей, сталъ посрединѣ, подтверждая слово Писанія: **прв҃ный ꙗ҆́кѡ ле́въ оу҆пова́ѧ** [2]). Но мало сего: съ такимъ дерзновеніемъ ставъ на открытомъ мѣстѣ въ циркѣ, онъ громогласно, подобно Апостоламъ, провозгласилъ слова Пророка Исаіи: **ѡ҆брѣто́хсѧ не вопро-**

[1]) Римскій богъ войны Марсъ почитался однимъ изъ важнѣйшихъ божествъ римской государственной религіи.

[2]) Кн. Притчъ, гл. 28, ст. 1. Т. е. праведникъ ничего не боится, какъ левъ.

шáющымъ ѿ мнѣ[1]), показывая тѣмъ ясно, что онъ не былъ приведенъ сюда необходимостью, но добровольно отдаетъ себя на мученическій подвигъ въ подражаніе Владыкѣ Христу, Который Самъ предалъ Себя въ руки искавшихъ Его во тьмѣ ночной іудеевъ.

Когда присутствовавшіе въ циркѣ узнали, кто стоитъ предъ ними, то тотчасъ поднялся крикъ: вѣрующіе рукоплескали отъ радости, а невѣрующіе кричали судьѣ, чтобы тотъ отдалъ приказъ казнить Гордія. Все наполнилось крикомъ и смятеніемъ, перестали смотрѣть на коней, перестали смотрѣть на возницъ; напрасно шумъ отъ колесницъ наполнялъ воздухъ: никто не хотѣлъ видѣть ничего, кромѣ Гордія, никто не хотѣлъ ничего слышать, какъ только слова Гордія. Весь циркъ наполнился крикомъ, который, разносясь въ воздухѣ подобно вѣтру, покрывалъ собою шумъ отъ бѣга коней. Когда же глашатай подалъ знакъ къ молчанію,— умолкли трубы, утихли свирѣли, замолчали музыкальные инструменты: всѣ смотрѣли только на Гордія, всѣ слушали его одного. Сидѣлъ тамъ, въ циркѣ, и градоначальникъ, который наблюдалъ за порядкомъ на бѣгахъ и назначалъ награды участникамъ бѣга. Къ нему тотчасъ подвели святаго, и сему послѣднему былъ данъ вопросъ, кто онъ и откуда? Изъ какого онъ семейства и рода?

Тогда Гордій разсказалъ о себѣ все: какой онъ имѣлъ санъ, и почему, оставивъ службу, удалился въ пустыню, и зачѣмъ вернулся.

— Вернулся я,—сказалъ Гордій,—чтобы самимъ дѣломъ показать, что пренебрегаю твоими повелѣніями и исповѣдую Іисуса Христа, мою надежду и защиту. Узнавъ же, что ты многихъ превосходишь своею свирѣпостію, я нарочно выбралъ этотъ день какъ удобное время для исполненія моего намѣренія и обѣта.

Отъ этихъ словъ гнѣвъ градоначальника возгорѣлся, какъ огонь, и онъ обратилъ всю свою лютость на святаго Гордія.

— Позовите ко мнѣ палачей!—воскликнулъ онъ.—Гдѣ бичи? Гдѣ свинцовые шары? Гдѣ колеса? Пусть растянутъ его на колесахъ и растерзаютъ ему тѣло[2]); пусть повѣсятъ его на деревѣ, принесутъ орудіи казни; пусть онъ отданъ будетъ звѣрямъ, усѣченъ мечомъ и брошенъ въ пропасть. Впрочемъ, всего этого еще

---

1) Кн. Пр. Исаіи, гл. 65, ст. 1.

2) Орудія мученія первыхъ христіанъ.

мало для этого нечестиваго человѣка, который достоинъ погибнуть не одной смертью, а многими.

Тогда святый Гордій сказалъ:

— Поистинѣ большой вредъ я причинилъ бы себѣ, если бы не захотѣлъ умереть за Христа!

Эти слова привели градоначальника въ еще большую ярость, усиливъ его природную лютость. Но чѣмъ болѣе дѣлался онъ жестокимъ, тѣмъ болѣе являлся мужественнымъ въ мукахъ святый Гордій. Никакія муки, никакія смертоносныя орудія не могли отвратить его отъ принятаго намѣренія. Возводя очи къ Небу, онъ пѣлъ стихи изъ Псалма: **гдⷭ҇ь мнѣ̀ помо́щникъ, и҆ не оу҆боу́сѧ, что̀ сотвори́тъ мнѣ̀ человѣ́къ?** [1]) и еще: **не оу҆боу́сѧ сла̀, ꙗ҆́кѡ ты̀ со мно́ю є҆сѝ** [2]); и иныя, симъ подобныя изреченія, которымъ онъ научился изъ божественныхъ книгъ, воспѣвалъ Гордій, возбуждая себя къ мужеству и терпѣнію. Онъ такъ далекъ былъ отъ страха, что самъ призывалъ на себя мученія.

— Чего, —говорилъ онъ,—вы медлите? Зачѣмъ стоите? Строгайте мое тѣло и раздробляйте его на части, мучьте меня, какъ вамъ угодно. Не лишайте меня надежды на полученіе тѣхъ благъ, кои мнѣ обѣщаны: чѣмъ болѣе вы усиливаете мои мученія, тѣмъ бо́льшую награду я получу отъ Владыки моего. Скорбь этой жизни доставляетъ вѣчное веселіе, и мы, вмѣсто ранъ, какія вы возлагаете на тѣло наше, получимъ въ день всеобщаго воскресенія свѣтлыя одежды; за безчестіе—намъ будутъ даны небесные вѣнцы. Вмѣсто осужденія со злодѣями, намъ будетъ дано пребывать съ Ангелами.

Не имѣя возможности отвратить святаго Гордія отъ святой вѣры своею яростью и пытками, лукавый градоначальникъ началъ прельщать его ласками: ибо таковый обычай у діавола—боязливыхъ онъ устрашаетъ, а твердыхъ умягчаетъ лестью и разслабляетъ. Итакъ, мучитель сталъ предлагать святому различные подарки и еще большія награды обѣщалъ отъ лица царя.

— Царь, —говорилъ онъ,—дастъ тебѣ высокую должность въ войскѣ, большое имѣніе, богатство и славу и все, что ты пожелаешь.

Святый же, услышавъ его обѣщанія, посмѣялся его безумію и сказалъ:

— Ужели ты можешь дать мнѣ что-нибудь такое, что могло бы быть лучше Царства Небеснаго?

---

[1]) Псаломъ 117, ст. 6.

[2]) Псаломъ 22, ст. 4.

Тогда нечестивый градоначальникъ, съ гнѣвомъ обнаживъ мечъ и повелѣвъ позвать палача, осудилъ святаго Гордія на отсѣченіе головы. Предъ совершеніемъ казни въ присутствіи множества народа Гордія окружили знавшіе его люди, обнимали его и давали ему послѣднее цѣлованіе. Со слезами они умоляли его, чтобы онъ не предавалъ самъ себя на смерть, не губилъ бы своей жизни во цвѣтѣ лѣтъ и не оставлялъ бы этого пріятнаго всѣмъ солнца. Они совѣтовали ему, чтобы онъ хотя бы только на словахъ отрекся отъ Христа, и говорили:

— Однимъ словомъ ты можешь избавить себя отъ смерти, отрекись отъ Христа устами; сердцемъ же вѣруй въ Него, какъ хочешь, ибо Богъ внемлетъ не языку, но мысли говорящаго. Если ты поступишь такъ, то и гнѣвъ судьи смягчишь, и Бога умилостивишь.

Онъ же, какъ утесъ, стоящій посреди моря, который остается несокрушимымъ несмотря на то, что на него съ силою бьютъ волны морскія, оставался непоколебимъ въ своемъ добромъ рѣшеніи. И какъ домъ, стоящій на камнѣ, не разрушается ни отъ какихъ сильныхъ вѣтровъ, ни отъ проливныхъ дождей и разливающихся рѣкъ, такъ и крѣпкій тотъ мужъ незыблемъ былъ въ своей вѣрѣ.

Увидѣвъ же своими духовными очами, что діаволъ ходитъ вокругъ его знакомыхъ и одного побуждаетъ къ слезамъ, другаго же къ моленіямъ и недоброму совѣту, мученикъ сказалъ плачущимъ словами Господа: «Не **пла́читесѧ ѡ҆ мнѣ**[1]), но плачьте о врагахъ Божіихъ, которые преслѣдуютъ христіанъ; о тѣхъ, говорю, плачьте, которые, готовя для насъ огонь, возжигаютъ и для себя геенну и собираютъ себѣ гнѣвъ на День гнѣва[2]). Перестаньте сокрушать мое сердце; ибо я не однажды, а много разъ готовъ умереть за Имя Господа нашего Іисуса Христа».

А тѣмъ, которые совѣтовали Гордію отречься отъ Христа только на словахъ, онъ отвѣчалъ такъ:

— Языкъ, который данъ мнѣ милостію Христа, я не могу заставить отречься отъ своего Творца: **сердце́мъ бо вѣ́рꙋетсѧ въ пра́вдꙋ, ᲂу҆сты́ же и҆сповѣ́дꙋетсѧ во сп҃се́нїе**[3]). Какъ же отрекусь отъ Господа, Которому поклоняюсь съ самаго дѣтства? Я воспитанъ

---

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 23, ст. 28.

[2]) Посл. къ Римл., гл. 2, ст. 5.

[3]) Посл. къ Римл., гл. 10, ст. 10.

во святой вѣрѣ. Не ужаснется ли Небо, если я отрекусь отъ Бога? Не скроютъ ли свѣтила небесныя свѣта своего предо мною? Стерпитъ ли меня земля и не пожретъ ли меня живымъ? Не обманывайте себя: Богъ поругаемъ не бываетъ [1]), и отъ устъ нашихъ Онъ судитъ насъ, и отъ словесъ нашихъ оправдываетъ насъ, и отъ словесъ осуждаетъ [2]). Ужели вы не слышали страшной угрозы Господней: **и҆́же ѿве́ржетсѧ менѐ пред̾ человѣ́ки, ѿве́ргꙋсѧ є҆го̀ и҆ а҆́зъ пред̾ ѻ҆ц҃е́мъ мои́мъ, и҆́же на небесѣ́хъ** [3])? Зачѣмъ же вы совѣтуете мнѣ устами отречься отъ Бога моего? Ужели для того, чтобы продлить свою жизнь? Ужели для того, чтобы на время избавиться отъ смерти и выгадать нѣсколько дней жизни? Но вѣдь чрезъ это я лишусь жизни вѣчной. Ужели для того, чтобы избѣжать тѣлесныхъ мученій? Но при этомъ я не увижу благъ, уготованныхъ праведнымъ тамъ, гдѣ нѣтъ болѣзней. Это будетъ явнымъ безуміемъ, если я буду покупать себѣ недолговременною жизнію вѣчную муку и погибель вмѣстѣ съ душою. Нѣтъ, я и вамъ совѣтую: если вы такъ худо мыслите, то поучитесь благоразумію и истинѣ и, **ѿло́жше лжꙋ̀, глаго́лите пра̑ваѧ** [4]), скажите, что **гдⷭ҇ь і҆и҃съ хрⷭ҇то́съ во сла́вꙋ бг҃а ѻ҆ц҃а̀** [5]), ибо такія слова изречетъ каждый языкъ, когда **ѡ҆ и҆́мени і҆и҃совѣ всѧ́ко колѣ́но поклони́тсѧ, небе́сныхъ и҆ земны́хъ и҆ преиспо́днихъ** [6]).

Сказавъ сіе и сотворивъ на себѣ крестное знаменіе, святый Гордій безъ боязни пошелъ на казнь, не измѣнивъ свѣтлости лица своего, и остановился на мѣстѣ казни въ такомъ расположеніи духа, какъ будто позади его не было палача и какъ будто онъ предъ собою видѣлъ Ангеловъ, которымъ хотѣлъ отдать въ руки свою душу. Будучи усѣченъ мечомъ, онъ стяжалъ блаженную жизнь: подобно Лазарю, онъ при радостныхъ кликахъ былъ перенесенъ на мѣсто вѣчнаго упокоенія, гдѣ, пріемля воздаяніе, онъ вмѣстѣ съ Ангелами во вѣки прославляетъ Подвигоположника — Христа, за Коего пострадалъ.

---

1) Посл. къ Галат., гл. 6, ст. 7. Т. е. Бога нельзя обмануть.
2) Еванг. отъ Луки, гл. 19, ст. 22. Еванг. отъ Матѳ., гл. 12, ст. 37.
3) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 33.
4) Посл. къ Ефес., гл. 4, ст. 25.
5) Посл. къ Филип., гл. 2, ст. 11.
6) Посл. къ Филип., гл. 2, ст. 10.

Кондакъ мчника, гласъ й:

Твоя поты преславне, всю землю напойша, и чтными кровьми, гордіе, міръ весь возвеселилъ еси, мятвами твоими богомудре, спсай вся вѣрою тя воспѣвающыя, и оублажающыя, вопіющыя пѣснь достойную, всехвальне, якѡ многострадалецъ.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО ПРОРОКА

МАЛАХІИ

Святый Пророкъ Малахія происходилъ изъ колѣна Завулонова[1]). Онъ жилъ и пророчествовалъ во времена Нееміи[2]) по возвращеніи Іудеевъ изъ плѣна Вавилонскаго[3]), когда храмъ Іерусалимскій былъ снова построенъ и въ немъ совершалось Богослуженіе и приносились священниками жертвы. Благочестивою своею жизнію онъ приводилъ въ удивленіе народъ, который, видя, что онъ по чистотѣ своей жизни подобенъ Ангелу Божію, назвалъ его Малахіею, что значитъ—Ангелъ Господень. Призванный къ пророческому служенію, Малахія явился ревностнымъ поборникомъ вѣры, закона и благочестія. По возвращеніи Іудеевъ изъ плѣна среди нихъ было много неустройствъ въ нравственно-религіозномъ ихъ состояніи, которыя отъ нерадѣнія и безпечности священниковъ еще болѣе умножались и возрастали и не могли не возмущать и не огорчать Пророка. Онъ выступилъ съ сильнымъ и грознымъ обличеніемъ народа и священниковъ. Пророкъ обличалъ народъ и священниковъ за то, что они не имѣютъ должнаго благоговѣнія къ Богу, приносятъ ему худыя жертвы[4]), обличалъ свя-

---

1) *Завулонъ*—шестой сынъ патріарха Іакова отъ Ліи.—Колѣно его занимало лучшую часть земли на сѣверѣ Палестины, отъ Средиземнаго моря до озера Геннисаретскаго, граничившую на сѣверѣ съ колѣнами Асировымъ и Нефѳалимовымъ и на югѣ—съ Иссахаровымъ, занимавшимъ великую равнину Изреельскую.

2) *Неемія*—еврей, виночерпій персидскаго царя Артаксеркса Лонгимана; впослѣдствіи онъ обвелъ полуразрушенный Іерусалимъ стѣнами и устроилъ вмѣстѣ съ ученымъ священникомъ Ездрою, приведшимъ многихъ іудеевъ изъ Вавилона въ Іерусалимъ, церковный и гражданскій бытъ евреевъ въ Іерусалимѣ послѣ плѣна. Свои дѣянія изложилъ въ книгѣ, извѣстной подъ его именемъ и вошедшей въ составъ Библіи.

3) Т. е. приблизительно за 400 лѣтъ до Р. Хр.

4) Кн. Прор. Малах., гл. 1.

щенниковъ, что они своими неправдами, уклоненіемъ отъ праваго пути, несоблюденіемъ заповѣдей и лицемѣріемъ въ дѣлахъ Закона безславятъ Бога, производя соблазнъ въ народѣ[1]). Грозно обличая народъ за его вѣроломство и нарушеніе завѣта отцовъ своихъ, что беззаконно поступаютъ съ женами своими и, несправедливо отвергая законныхъ женъ, берутъ женъ иноплеменныхъ[2]), святый Пророкъ Малахія угрожалъ имъ судомъ Божіимъ и за разные другіе ихъ пороки: за ихъ чародѣйства и прелюбодѣянія, за ихъ ложныя клятвы, за удерживаніе платы у наемниковъ, за притѣсненіе вдовъ и сиротъ, за отверженіе пришельцевъ и за неисполненіе Закона касательно десятинъ и приношеній въ храмъ Божій[3]). Наконецъ Пророкъ обличалъ евреевъ за ихъ богохульство, за ихъ дерзкія и хульныя слова, что напрасно будто бы служить Богу, безполезно соблюдать Его постановленія и ходить предъ лицемъ Его въ печальной одеждѣ, что нечестивые и дѣлающіе беззаконія счастливѣе живутъ, лучше устраиваютъ свои дѣла и остаются цѣлы[4]). Обличая эти пороки, святый Пророкъ Малахія, вмѣстѣ съ тѣмъ, провидѣлъ славу Втораго храма и яснѣйшимъ образомъ предсказалъ пришествіе Мессіи, явленіе Предтечи предъ Его пришествіемъ, грядущій Судъ Божій на нечестивыхъ, прославленіе праведныхъ и распространеніе славы Божіей предъ всѣми народами[5]).

Сѵ҃тый Прѻ́рокъ Малахі́а

---

[1]) Кн. Прор. Малах., гл. 2, ст. 1—9.
[2]) Кн. Прор. Малах., гл. 2, ст. 10—16.
[3]) Кн. Прор. Малах., гл. 3, ст. 5—12.
[4]) Кн. Прор. Малах., гл. 3, ст. 13—15. Сн. гл. 2, ст. 17.
[5]) Кн. Прор. Малах., гл. 1, ст. 5. 11; гл. 2, ст. 1—5; гл. 3, ст. 16—18 и гл. 4.

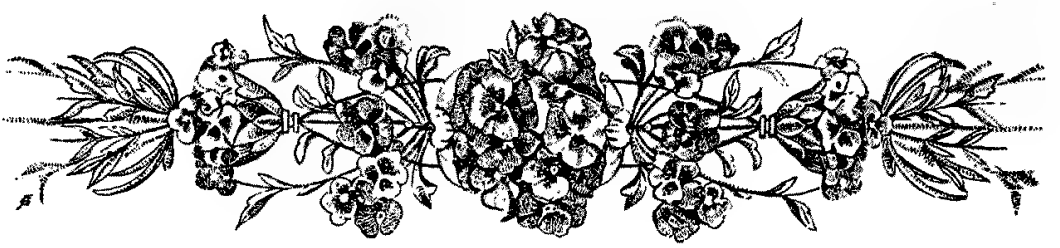
Святый Пророкъ Малахія скончался въ молодыхъ лѣтахъ и былъ погребенъ съ своими предками въ своемъ отечественномъ селеніи Суфа. Онъ былъ послѣднимъ ветхозавѣтнымъ пророкомъ, почему у св. Отцовъ онъ называется печатью пророковъ[1]).

Конда́къ прⷪ҇ро́ка, гла́съ д҃:

Прⷪ҇ро́чества дарова́нїемъ богатѣ́ѧ прⷪ҇ро́че, хрⷭ҇то́во предвозвѣсти́лъ є҆сѝ прише́ствїе ꙗ҆́вѣ, и҆ мі́рови сп҃се́нїе, є҆гѡ́же сїѧ́нїемъ мі́ръ просвѣти́сѧ.

---

[1]) Съ именемъ Пророка Малахіи осталась книга, послѣдняя въ числѣ книгъ «малыхъ» пророковъ. Она состоитъ изъ четырехъ главъ и излагаетъ одну его пророческую рѣчь, выражающую, по всей вѣроятности, сущность многихъ устно произнесенныхъ имъ рѣчей. Содержаніемъ этой рѣчи служитъ обличеніе нравственныхъ недостатковъ современнаго Пророку еврейскаго народа, угроза наказаніемъ Божіимъ и обѣтованіе о Спасителѣ. Книга Пророка Малахіи изобилуетъ мессіанскими пророчествами; въ соотвѣтствіи съ мессіанскимъ характеромъ содержанія книги, гл. 3, ст. 1—3, 6—7, 12, 17—18 и гл. 4, ст. 4—6, гдѣ содержатся пророчества о пришествіи Предтечи Господня, читаются какъ паремія, во всѣ праздники въ честь св. Предтечи и Крестителя Господня Іоанна.



День четвертый

СОБОРЪ

СВЯТЫХЪ

СЕМИДЕСЯТИ АПОСТОЛОВЪ

Кромѣ двѣнадцати Апостоловъ, Господь Іисусъ Христосъ избралъ еще семьдесятъ другихъ. Святый Евангелистъ Лука объ этомъ говоритъ такъ: **по си́хъ ꙗ҆ви̑ гдⷭ҇ь и҆ и҆нѣ́хъ се́дмьдесѧтъ и҆ посла̀ и҆́хъ по двѣма̀ пред̾ лице́мъ свои́мъ** [1]). Двѣнадцать находились при Немъ, какъ свидѣтели Его жизни, а семьдесятъ подготовляли людей къ принятію Христа Спасителя, проповѣдуя раньше въ тѣхъ городахъ, какіе намѣревался посѣтить Христосъ Господь. Впослѣдствіи многіе изъ учениковъ Господнихъ и, конечно, въ томъ числѣ многіе изъ семидесяти отпали отъ Христа и перестали служить Ему. «**Мно́зи ѿ оу҆чⷭ҇нкъ є҆гѡ̀ и҆до́ша вспѧ́ть**,—пишетъ святый Евангелистъ Іоаннъ,—**и҆ ктомꙋ̀ не хожда́хꙋ съ ни́мъ. Рече́ же і҆нⷭ҇съ ѻ҆бѣмана́десѧте: є҆да̀ и҆ вы̀ хо́щете и҆ти̑?**» [2]) Когда же наступили дни страданій Христовыхъ, число учениковъ Христа умалилось еще болѣе, и едва ли кто изъ числа семидесяти остался при Немъ, когда и одинъ изъ двѣнадцати отпалъ отъ Него. По воскресеніи Христовомъ ликъ святыхъ двѣнадцати Апостоловъ былъ восполненъ Матѳіемъ, ликъ же семидесяти наполнился не сразу,

---

[1]) Еванг. отъ Луки, гл. 10, ст. 1.

[2]) Еванг. отъ Іоан., гл. 6, ст. 66—67.

а мало-помалу — изъ числа тѣхъ, кто былъ обращаемъ ко Христу двѣнадцатью Апостолами и проповѣдью святаго Апостола Павла, свыше призваннаго въ тотъ же первенствующій ликъ и ставшаго, вмѣстѣ съ Петромъ, первоверховнымъ въ томъ ликѣ.

На основаніи Божественнаго Писанія, преданія святыхъ Отцовъ, древнихъ историковъ и достовѣрныхъ церковныхъ повѣствователей можно представить ликъ святыхъ семидесяти апостоловъ въ слѣдующемъ видѣ.

Первымъ изъ семидесяти апостоловъ былъ святый Іаковъ, братъ Господень, о которомъ упоминаетъ святый Апостолъ Павелъ въ Посланіи къ Галатамъ, говоря: **взыдо́хъ во і҆ер҃ли́мъ соглѧ́дати петра̀: и҆но́гѡ же ѿ а҆п҃лъ не ви́дѣхъ, то́кмѡ і҆а́кѡва, бра́та гд҃нѧ**[1]). Онъ былъ поставленъ первымъ епископомъ Іерусалимскимъ, по свидѣтельству преданія, избранный къ этому и посвященный Самимъ Христомъ во время Его земной жизни. Проповѣдуя Христа въ Іерусалимѣ, апостолъ Іаковъ былъ сброшенъ іудеями съ крыши храма на землю, потомъ былъ побитъ камнями и скончался отъ удара палицею по головѣ[2]).

Святый Евангелистъ Маркъ, написавшій Святое Евангеліе подъ руководствомъ святаго Апостола Петра, который упоминаетъ о немъ въ первомъ своемъ соборномъ Посланіи въ такихъ словахъ: **цѣлꙋ́етъ вы̀ ꙗ҆́же въ вавѵ̈лѡ́нѣ соизбра́ннаѧ цр҃ковь и҆ ма́рко сы́нъ мо́й**[3]). Тотъ же святый Апостолъ Петръ поставилъ Марка епископомъ въ городъ Александрію[4]), гдѣ за проповѣдь о Христѣ идолопоклонники, связавши его, влачили по камнямъ и били. Въ это время ему явился Господь Іисусъ Христосъ, призывая его къ небесной славѣ, и апостолъ предалъ Ему свой духъ[5]).

Святый Евангелистъ Лука, написавшій Святое Евангеліе подъ руководствомъ святаго Апостола Павла, который и упоминаетъ о немъ въ Посланіи къ Колоссянамъ: **цѣлꙋ́етъ вы̀ лꙋка̀ вра́чь возлю́бленный**[6]). Онъ же написалъ и книгу Дѣяній Апостольскихъ и

---

1) Глава 1, ст. 18—19.

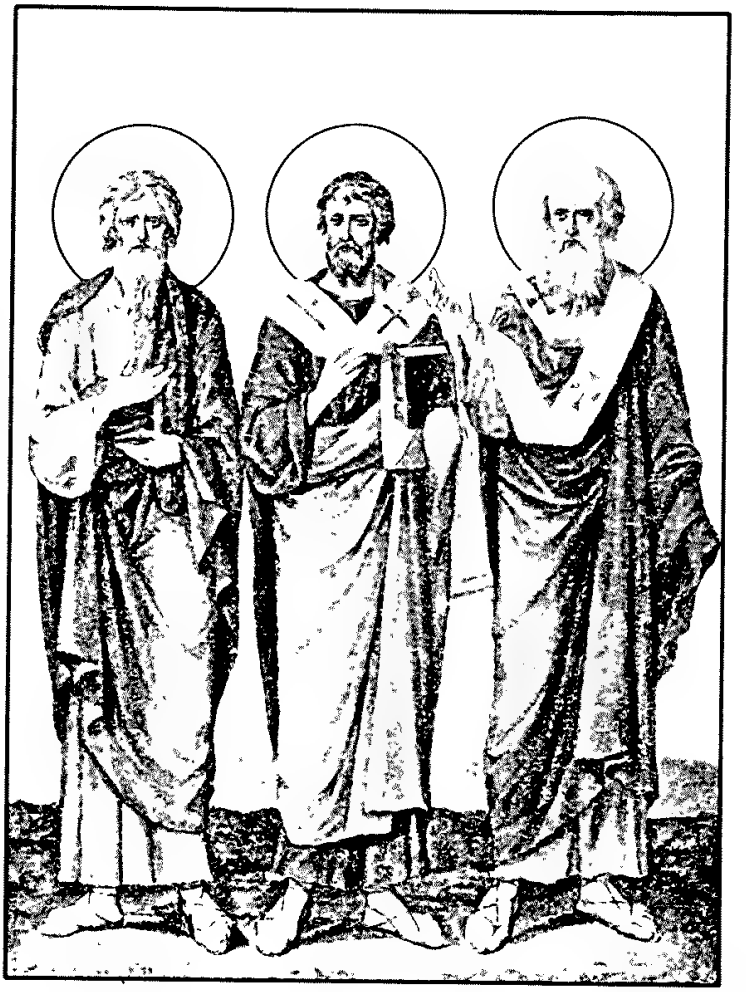
2) Память его совершается Церковію 23 октября.

3) Глава 5, ст. 13.

4) *Александрія* — знаменитый городъ, основанный Александромъ Македонскимъ въ 331 г. до Р. Хр. на берегу Средиземнаго моря въ Нижнемъ (Сѣверномъ) Египтѣ, при устьѣ Нила. Въ древности былъ богатѣйшій торговый и промышленный городъ. Въ настоящее время Александрія принадлежитъ къ числу укрѣпленнѣйшихъ портовыхъ городовъ и важнѣйшихъ торговыхъ пунктовъ при Средиземномъ морѣ, съ населеніемъ до 230000 человѣкъ.

5) Память его совершается 25 апрѣля, въ день его мученической кончины.

6) Глава 4, ст. 14.



Ст҃іи а҆п҃ли
Касо́на, Є҆пафра́съ и҆ Кри́спъ

много проповѣдывалъ о Христѣ [1]), преимущественно въ Беотіи [2]). Скончался мученически въ Ахаіи [3]).

Святый Клеопа, младшій братъ святаго Іосифа Обрученника. Онъ на дорогѣ въ Еммаусъ вмѣстѣ со святымъ Лукою видѣлъ Господа по воскресеніи Его и потомъ узналъ воскресшаго Христа, когда Онъ явился собравшимся ученикамъ въ одномъ домѣ, гдѣ совершилъ преломленіе хлѣба [4]). За проповѣдь о Христѣ святый Клеопа былъ умерщвленъ іудеями [5]).

Святый Симеонъ, сродникъ Господень по плоти, былъ вторымъ епископомъ послѣ апостола Іакова въ Іерусалимѣ, гдѣ и окончилъ свою жизнь, будучи распятъ за распятаго Христа [6]).

Святый Варнава, названный такъ Апостолами, а прежде называвшійся Іосія [7]). О немъ упоминается въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ [8]) и въ Посланіи святаго Апостола Павла къ Галатамъ: **взыдо́хъ**,—говоритъ Апостолъ Павелъ,—**во і҆ерⷭ҇ли́мъ съ варна́вою** [9]). Сей апостолъ Варнава вмѣстѣ со святымъ Апостоломъ Павломъ послужилъ благовѣстію и сначала проповѣдывалъ о Христѣ въ Римѣ, а потомъ былъ поставленъ епископомъ въ Медіоланѣ [10]). Скончался онъ на своей родинѣ, на островѣ Кипрѣ, гдѣ былъ побитъ камнями гонителями вѣры Христовой. Христіане съ честію погребли его и положили съ нимъ въ гробъ, согласно его завѣщанію, Святое Евангеліе отъ Матѳея, которое Варнава нѣкогда самъ переписалъ и съ которымъ никогда не разлучался [11]).

Святый Іосія, или Іосифъ, называвшійся также Варсава и Іустъ. О немъ упоминается въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, гдѣ повѣствуется, что онъ былъ вмѣстѣ съ Матѳіемъ избранъ на мѣсто отпадшаго апостола Іуды Искаріотскаго [12]), и въ Посланіи святаго Апостола

---

1) Память святаго Апостола и Евангелиста Луки празднуется Православною Церковію 18 октября, а день перенесенія святыхъ мощей его 22 апрѣля.

2) *Беотія*—область средней Греціи.

3) Какъ свидѣтельствуетъ о семъ святый Григорій Богословъ въ первомъ словѣ на императора Юліана.

4) Еванг. отъ Луки, гл. 24, ст. 13—35.

5) По преданію, въ томъ самомъ домѣ, въ которомъ онъ со святымъ Лукою узналъ воскресшаго Христа чрезъ преломленіе Имъ хлѣба.

6) Празднованіе памяти его установлено Церковію 27 апрѣля и 18 сентября.

7) Кн. Дѣяній Апостольскихъ, гл. 4, ст. 36.

8) Кн. Дѣяній Апостольскихъ гл. 11, ст. 24.

9) Глава 2, ст. 1.

10) *Медіоланъ*—нынѣ *Миланъ*—значительнѣйшій городъ Сѣверной Италіи, въ области Ломбардіи; основанъ въ глубочайшей древности и всегда имѣлъ большое значеніе.

11) Память святаго апостола Варнавы празднуется особо 11 іюня.

12) Кн. Дѣяній Апостольскихъ, гл. 1, ст. 23.

Павла къ Колоссянамъ, въ которомъ Апостолъ, перечисляя привѣтствія вѣрныхъ Колосской Церкви, говоритъ: **и҆ і҆исꙋсъ, нарече́нный і҆ꙋстъ**[1]). Учители Церкви говорятъ, что сей Іосія былъ сынъ Іосифа Обрученника, какъ и Іаковъ, и Симонъ, и Іуда не Искаріотъ, и занималъ епископскую каѳедру въ Елевѳерополѣ[2]), гдѣ и скончался мученическою смертію[3]).

Святый Ѳаддей былъ сначала ученикомъ святаго Іоанна Предтечи, а потомъ ученикомъ Христовымъ. Его нужно отличать отъ святаго апостола Іуды Ѳаддея, или Левія, одного изъ двѣнадцати. Онъ крестилъ Едесскаго князя Авгаря и исцѣлилъ его отъ проказы. Послѣ долговременныхъ трудовъ въ дѣлѣ благовѣстія о Христѣ онъ почилъ о Господѣ[4]) въ Финикійскомъ городѣ Беритѣ[5]).

Святый Ананія, крестившій Апостола Павла[6]), былъ сначала епископомъ въ городѣ Дамаскѣ[7]). Окончилъ же свою жизнь святый Ананія въ Елевѳерополѣ, гдѣ былъ побитъ камнями по приказанію игемона Лукіана[8]).

Святый первомученикъ Стефанъ архидіаконъ первый принялъ мученическій вѣнецъ за Христа, будучи побитъ камнями, почему и названъ *первомученикомъ*[9]). Незадолго до смерти онъ удостоился видѣть отверстыя Небеса и Господа Іисуса, во образѣ Сына Человѣческаго, стоящаго одесную Бога[10]).

---

1) Глава 4, ст. 11.

2) *Елевѳерополь*—городъ въ южной Палестинѣ, на дорогѣ между Іерусалимомъ и Газою. Въ настоящее время здѣсь расположено селеніе, лежащее при выходѣ изъ равнины Сефельской въ нагорную землю Іудину. Недалеко отъ него лежатъ развалины древняго Елевѳерополя.

3) Празднованіе памяти его 30 октября.

4) Память святаго апостола Ѳаддея совершается Церковію 21 августа.

5) *Беритъ*—нынѣшній *Бейрутъ*—древній городъ Финикіи, на берегу Средиземнаго моря; въ V вѣкѣ процвѣталъ и славился своей высшей школой риторики, поэзіи и права; нынѣ—главный административный городъ Азіатско-Турецкой Сиріи и важнѣйшій торговый пунктъ Сирійскаго побережья, съ населеніемъ до 180000 жителей.

6) Кн. Дѣяній Апостольскихъ, гл. 9, ст. 10—18.

7) *Дамаскъ*—главный, богатѣйшій торговый городъ Сиріи, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ во всемъ мірѣ; лежитъ къ сѣверо-востоку отъ Палестины, при рѣкѣ Барадѣ, протекающей чрезъ него, въ прекрасной и плодоносной равнинѣ при восточной подошвѣ Анти-Ливана. И въ настоящее время г. Дамаскъ, входящій въ составъ Турецкой имперіи,—одинъ изъ богатѣйшихъ городовъ Азіи и имѣетъ до 150 тысячъ жителей.

8) Память ап. Ананіи совершается 1-го октября.

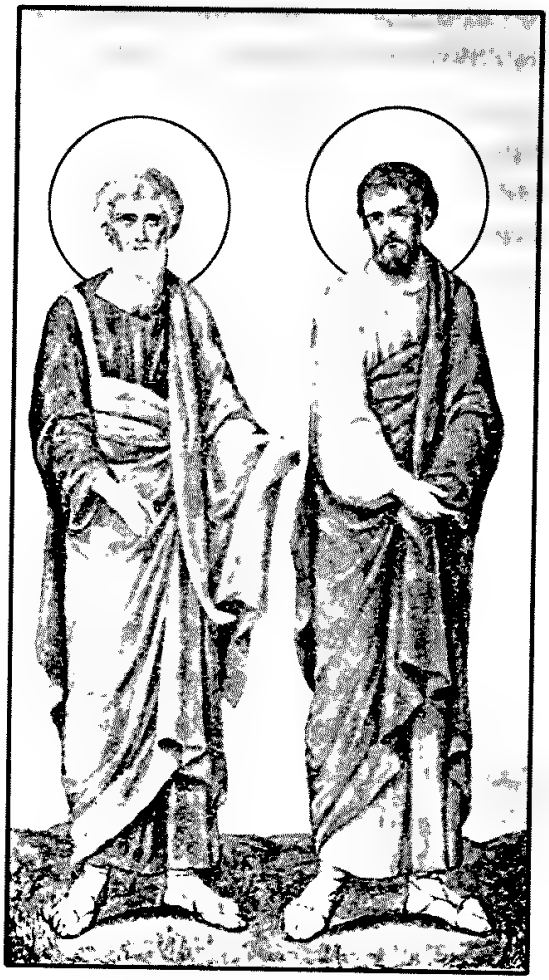
9) Память святаго первомученика Стефана совершается Церковію три раза въ годъ: 27-го декабри, въ день мученической кончины святаго; 15-го сентября, когда празднуется обрѣтеніе мощей его; и 2-го августа, въ день перенесенія мощей святаго Стефана изъ Іерусалима въ Константинополь.

10) Кн. Дѣяній Апостольскихъ, гл. 7, ст. 55.

Святый Филиппъ, одинъ изъ семи діаконовъ, крестившій Симона волхва въ Самаріи [1]) и евнуха Кандакіи царицы [2]), былъ епископомъ въ городѣ Тралліи [3]) и тамъ, просвѣтивъ многихъ Христовою вѣрою, въ глубокой старости отошелъ ко Господу [4]).

Святый Прохоръ, одинъ изъ семи діаконовъ [5]), спутникъ святаго Апостола Іоанна Богослова и участникъ его трудовъ. Онъ былъ первымъ епископомъ въ Виѳинскомъ городѣ Никомидіи [6]), а потомъ проповѣдывалъ о Христѣ въ Антіохіи [7]), гдѣ и скончался мученически.

Святый Никаноръ, одинъ изъ семи діаконовъ, былъ умерщвленъ вмѣстѣ съ двумя тысячами увѣровавшихъ во Христа въ тотъ же день, въ который былъ побитъ камнями святый Стефанъ первомученикъ; случилось это, какъ написано



Ст҃іи а҆п҃ли
ФОРТУНА́ТЪ и҆ А҆ХА́ІКЪ

---

[1]) *Самарія*, какъ страна или область Палестины, занимала средину Палестины, на западъ отъ Іордана. Границы ея къ сѣверу—Галилея, къ югу—Іудея, къ востоку—Іорданъ, къ западу—Средиземное море. Самарія, главный городъ страны Самарійской и нѣкогда столица царства Израильскаго, находилась въ разстояніи почти трехъ верстъ на сѣверъ отъ Іерусалима. Въ настоящее время отъ древняго славнаго города не осталось камня на камнѣ,—на мѣстѣ его стоитъ одна бѣдная деревенька Сабустіе (прежде городъ Севастія).

[2]) Кн. Дѣяній Апостольскихъ, гл. **8**, ст. 26—39.

[3]) *Траллія*—лидійскій городъ на сѣверо-западѣ Малой Азіи.

[4]) Память апостола Филиппа совершается Церковію 11-го октября.

[5]) Кн. Дѣяній Апостольскихъ, гл. **6**, ст. 5.

[6]) *Никомидія*—богатый и цвѣтущій городъ въ области Виѳиніи, въ сѣверо-западной части Малой Азіи. Отъ древней цвѣтущей Никомидіи и доселѣ сохраняется много развалинъ, свидѣтельствующихъ о ея славномъ прошломъ.

[7]) *Антіохія*—столица Сиріи, древнѣйшій и богатѣйшій городъ; Антіохія лежитъ при рѣкѣ Ороитѣ, верстахъ въ 10 отъ впаденія ея въ Средиземное море, между горными хребтами Ливана и Тавра. Въ настоящее время Антіохія находится подъ турецкимъ владычествомъ и представляетъ собою небольшой и бѣдный городокъ, въ которомъ насчитывается до 10 тысячъ жителей.

въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, во время великаго гоненія, воздвигнутаго на Церковь Іерусалимскую [1]).

Святый Тимонъ, одинъ изъ семи діаконовъ, былъ епископомъ города Бостры въ Аравіи [2]) и въ то время, какъ проповѣдывалъ Имя Христово, много потерпѣлъ страданій отъ евреевъ и грековъ. Затѣмъ, будучи брошенъ въ разжженную печь, онъ вышелъ оттуда невредимымъ и потомъ отошелъ ко Господу.

Святый Парменъ, одинъ изъ семи діаконовъ, совершая порученное ему Апостолами дѣло благовѣстія, умеръ мученически предъ очами Апостоловъ [3]).

Святый Тимоѳей, трудившійся въ дѣлѣ благовѣстія Христова вмѣстѣ со святымъ Апостоломъ Павломъ, который написалъ къ нему два Посланія, былъ епископомъ въ Ефесѣ [4]), гдѣ и скончался мученическою смертію [5]).

Святый Титъ также трудился вмѣстѣ со святымъ Апостоломъ Павломъ въ дѣлѣ благовѣстія. Святый Апостолъ Павелъ упоминаетъ о немъ въ своихъ Посланіяхъ [6]), а также написалъ и къ нему Посланіе. Святый Титъ былъ епископомъ Гортины, на островѣ Критѣ. Скончался въ глубокой старости въ мирѣ [7]).

Святый Филимонъ, къ которому святый Апостолъ Павелъ написалъ особое Посланіе, былъ епископомъ въ Газѣ [8]). Скончался мученически въ царствованіе Нерона [9]).

---

1) Кн. Дѣяній Апостольскихъ, гл. 8, ст. 1.

2) *Бостра*—городъ въ Аравіи. Въ древности былъ богатый торговый городъ. Теперь въ развалинахъ. Сохранившіеся длинные ряды каменныхъ магазиновъ свидѣтельствуютъ о его быломъ могуществѣ и богатствѣ.

3) Память святыхъ апостоловъ: Прохора, Никанора, Тимона и Пармена празднуется всѣхъ вмѣстѣ 28-го іюля; кромѣ того, память св. Никанора празднуется 28-го декабря и память св. Тимона—30-го декабря.

4) *Ефесъ*—главный городъ Мало-Азіатской провинціи Асіи; расположенъ на рѣкѣ Каистрѣ. Въ настоящее время на мѣстѣ древняго города Ефеса находится бѣдная турецкая деревушка, называемая *Айся—Солюкъ*.

5) Память святаго апостола Тимоѳея совершается Церковію 22-го января.

6) 2 Послан. къ Коринѳян., гл. 2, ст. 12—13; гл. 12, ст. 18; 2 Послан. къ Тимоѳ., гл. 4, ст. 10.

7) Память св. апостола Тита совершается 25-го августа.

8) *Газа*—одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ Филистимскихъ городовъ, служившій предѣломъ Хананеевъ на югѣ Палестины. Впослѣдствіи этотъ цвѣтущій городъ потерялъ все свое значеніе, и теперь только песчаные холмы и жалкія развалины служатъ свидѣтельствомъ, что здѣсь существовалъ нѣкогда великій городъ. Недалеко отсюда расположенъ новый городъ позднѣйшаго происхожденія, того же имени.

9) Память святаго апостола Филимона Православная Церковь празднуетъ 19-го февраля и 22-го ноября.

Святый Онисимъ, о которомъ пишетъ святый Апостолъ Павелъ въ своемъ Посланіи къ Филимону [1]), проповѣдывалъ христіанство въ Испаніи, Греціи и Малой Азіи. Скончался мученически вскорѣ послѣ кончины святаго Игнатія Богоносца, будучи побитъ камнями въ Римѣ [2]).

Святый Епафрасъ, о которомъ также святый Апостолъ Павелъ упоминаетъ въ томъ же Посланіи къ Филимону, говоря: **цѣлꙋ́етъ тѧ̀ є҆пафра́съ сплѣ́нникъ мо́й ѡ҆ хр҃тѣ̀ і҆и҃сѣ** [3]), былъ епископомъ города Колоссъ и церквей Лаодикіи и Іераполя [4]). Вмѣстѣ съ святымъ Апостоломъ Павломъ онъ содержался въ узахъ въ Римѣ, откуда Павелъ писалъ Колоссянамъ: **цѣлꙋ́етъ вы̀ є҆пафра́съ, и҆́же ѿ ва́съ, ра́бъ і҆и҃са хр҃та̀, всегда̀ подвиза́ѧйсѧ ѡ҆ ва́съ въ мл҃твахъ, да бꙋ́дете соверше́ни и҆ и҆спо́лнени во всѧ́кой во́ли бж҃їей: свидѣ́тельствꙋю бо ѡ҆ ни́емъ, ꙗ҆́кѡ и҆́мать ре́вность мно́гꙋ, и҆ болѣ́знь ѡ҆ ва́съ, и҆ ѡ҆ сꙋ́щихъ въ лаодїкі́и и҆ во і҆ерапо́ли** [5]).

Святый Архиппъ, упоминаемый въ томъ же Посланіи къ Филимону, былъ послѣ святаго Епафраса (заключеннаго въ узы въ Римѣ) епископомъ въ городѣ Колоссахъ [6]), о чемъ святый Апостолъ Павелъ пишетъ Колоссянамъ: **и҆ рцы́те а҆рхі́ппꙋ: блюди̑ слꙋже́нїе, є҆́же прїѧ́лъ є҆сѝ ѡ҆ гдⷭ҇ѣ, да соверши́ши є҆** [7]). Тамъ святый Архиппъ и скончался мученическою смертію [8]).

Святый Сила былъ ученикомъ и ближайшимъ сотрудникомъ святаго Апостола Павла, вмѣстѣ съ которымъ проповѣдывалъ Слово Божіе и претерпѣлъ многія страданія, раны и тюремное заключеніе [9]). О немъ упоминается въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ: **па́велъ же и҆збра́въ сі́лꙋ, и҆зы́де ᲂу҆твержда́ѧ це́ркви** [10]). Впослѣдствіи онъ былъ епископомъ въ Коринѳѣ [11]) и, немало потрудившись въ дѣлѣ

---

1) Глава 1, ст. 10—19.

2) Въ царствованіе Римскаго императора Траяна около 109 года. Память св. апостола Онисима празднуется 15-го февраля.

3) Глава 1, ст. 23.

4) Города въ Малой Азіи.

5) Посл. къ Колоссян., гл. 4, ст. 12—13.

6) *Колоссы* —городъ въ юго-западной части Фригіи, при рѣкѣ Ликусѣ, близъ Лаодикіи и Іераполя. Въ древности былъ большой, населенный, богатый городъ. Въ настоящее время это небольшая деревенька на одномъ изъ скатовъ горы Хокасъ, при которой сохранились еще развалины древняго города Колоссы.

7) Глава 4, ст. 17.

8) Память святаго апостола Архиппа совершается Церковію 19 февраля и 22 ноября.

9) Кн. Дѣяній Апостольскихъ гл. 16, ст. 13—24.

10) Глава 15, ст. 40—41.

11) *Коринѳъ* —древнѣйшій, знаменитый и богатый торговый городъ Ахаіи; лежалъ въ прекрасной и плодоносной равнинѣ на юго-восточномъ углу Коринѳскаго залива, между

проповѣданія Слова Божія и сотворивши знаменія и чудеса, отошелъ ко Господу [1]).

Святый Силуанъ проповѣдывалъ Слово Божіе вмѣстѣ со святыми Апостолами Петромъ и Павломъ. О немъ упоминаетъ святый Апостолъ Петръ въ своемъ соборномъ Посланіи въ такихъ словахъ: **сїлуа́номъ ва́мъ вѣ́рнымъ бра́томъ, ꙗ҆́кѡ непщу́ю, вма́лѣ написа́хъ** [2]). Также и святый Апостолъ Павелъ во второмъ Посланіи къ Коринѳянамъ: **бж҃їй сн҃ъ і҆и҃съ хр҃то́съ, и҆́же ᲂу҆ ва́съ на́ми проповѣ́данный, мно́ю и҆ сїлуа́номъ** [3]). Апостолъ Силуанъ былъ епископомъ въ Солуни [4]), гдѣ, претерпѣвъ немало бѣдствій во время своихъ подвиговъ для утвержденія святой вѣры Христовой, отошелъ къ Подвигоположнику Христу [5]).

Святый Крискентъ [6]), о которомъ святый Апостолъ Павелъ упоминаетъ въ своемъ второмъ Посланіи къ Тимоѳею [7]), былъ епископомъ въ Галатіи [8]), а потомъ проповѣдывалъ Христа въ Галліи. Тамъ, въ городѣ Вьеннѣ [9]), Крискентъ поставилъ епископомъ ученика своего, Захарію, и снова возвратился въ Галатію, гдѣ и скончался мученически въ царствованіе Траяна [10]).

Святый Криспъ, о которомъ упоминаютъ Дѣянія Апостольскія въ слѣдующихъ словахъ: **кріспъ же нача́льникъ собо́ра вѣ́рова гдⷭ҇ви со всѣ́мъ до́момъ свои́мъ** [11]) и о которомъ святый Апостолъ Павелъ въ Посланіи къ Коринѳянамъ говоритъ, что онъ **крⷭ҇ти́лъ кріспа** [12]),

---

Іоническимъ и Эгейскимъ морями. Въ настоящее время развалины древняго Коринеа находятся близъ нынѣшняго Коринеа, называемаго Куронто, который имѣетъ около 5000 жителей.

1) Память его празднуется 30-го іюля.

2) 1 Послан. Ап. Петра, гл. 5, ст. 12.

3) 2 Послан. къ Коринѳ, гл. 1, ст. 19.

4) *Солунь*, или *Ѳесалоника*,—весьма значительный, древній городъ Македоніи, лежалъ въ глубинѣ большого Солунскаго, или Ѳермейскаго, залива при Эгейскомъ морѣ (Архипелагѣ). Въ настоящее время городъ этотъ, подъ именемъ *Салоники*, послѣ Константинополя первый торговый и мануфактурный городъ въ Европейской Турціи, съ весьма многочисленнымъ населеніемъ.

5) Память его совершается 30-го іюня.

6) Память св. ап. Крискента совершается 30-го іюля.

7) Глава 4, ст. 10.

8) *Галатія*—небольшая гористая, но плодородная провинція Малой Азіи, лежащая между Фригіей, Виѳиніей, Понтомъ и Каппадокіей. Названіе получила отъ галатовъ—воинственныхъ племенъ галльскаго, или кельтическаго, происхожденія.

9) *Віенна*—нынѣ *Віеннь*—древняя римская колонія и потомъ столица различныхъ государствъ, основанныхъ германскими племенами, расположена на лѣвомъ берегу р. Роны. Въ настоящее время городъ богатъ остатками римскихъ древностей.

10) *Траянъ*—римскій императоръ, царствовалъ въ 98—117 гг.

11) Глава 18, ст. 8.

12) 1 Послан. къ Коринѳ., гл. 1, ст. 19.

былъ епископомъ на островѣ Эгинѣ, близъ Пелопоннеса[1]), между Егейскимъ и Іоническимъ морями. Скончался въ мирѣ.

Святый Епенетъ[2]), о которомъ упоминаетъ святый Апостолъ Павелъ въ Посланіи къ Римлянамъ, говоря: **цѣлꙋ́йте є҆пенє́та возлю́бленнаго мѝ, и҆́же є҆́сть нача́токъ а҆хаі́и во хр҃та̀**[3]), былъ епископомъ въ Карѳагенѣ[4]).

Святый Андроникъ, о которомъ святый Апостолъ Павелъ упоминаетъ въ томъ же Посланіи къ Римлянамъ, говоря: «**цѣлꙋ́йте а҆ндроні́ка**», и называетъ его своимъ сродникомъ и соплѣнникомъ, однимъ изъ важнѣйшихъ апостоловъ, ранѣе его увѣровавшихъ во Христа[5]), былъ епископомъ въ Панноніи[6]). Скончался въ мирѣ[7]).

Святый Стахій[8]), о которомъ упоминаетъ святый Апостолъ Павелъ въ томъ же Посланіи, говоря: **цѣлꙋ́йте и҆ ста́хꙋа возлю́бленнаго мѝ**[9]), былъ святымъ Апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ поставленъ первымъ епископомъ Византійскимъ. Вмѣстѣ съ нимъ святый Стахій воздвигъ въ Аргирополѣ[10]) церковь, куда собиралось много вѣрующихъ, и онъ поучалъ ихъ заповѣдямъ Христовымъ.

Святый Амплій, о которомъ святый Апостолъ Павелъ упоминаетъ въ томъ же Посланіи, говоря: **цѣлꙋ́йте а҆мпліа̀ возлю́бленнаго мѝ ѡ҆ гдⷭ҇ѣ**[11]), былъ епископомъ въ городѣ Діосполѣ[12]), гдѣ проповѣдывалъ Христа. Скончался въ городѣ Одиссѣ[13]), будучи умерщвленъ еллинами за свою проповѣдь о Христѣ[14]).

---

1) *Пелопоннесъ*—южная часть Греціи.

2) Память его Церковь празднуетъ 30-го іюля.

3) Глава 16, ст. 5.

4) *Карѳагенъ*—древнѣйшая, знаменитая колонія финикіянъ на сѣверѣ Африки, достигшая въ древней исторіи высшей степени могущества и разрушенная въ 146 г. до Р. Хр. На развалинахъ древняго Карѳагена при первыхъ Римскихъ императорахъ возникъ новый Карѳагенъ, который существовалъ съ большимъ блескомъ въ продолженіе весьма долгаго времени.

5) Глава 16, ст. 7.

6) *Паннонія*—одна изъ значительныхъ придунайскихъ областей Римской имперіи; нынѣ Паинонія составляетъ часть Венгріи.

7) Память святаго апостола Андроника св. Церковь празднуетъ три раза въ году: 17-го мая, 30-го іюля и 22-го февраля.

8) Память его—31-го октября.

9) Посл. къ Римл., гл. 16, ст. 9.

10) *Аргирополь*, нынѣ *Фундукли*, предмѣстье Константинополя, близъ Перы и Галаты.

11) Посл. къ Римл., гл. 16, ст. 8.

12) *Діосполь* находился въ Палестинѣ, къ сѣверу-западу отъ Іерусалима.

13) *Одисса*—городъ въ Мизіи, въ сѣверо-западной части Малой Азіи, нынѣ *Варна*—пристань у сѣверо-восточной покатности Балканъ, на берегу Чернаго моря, имѣетъ болѣе 25000 жителей.

14) Память его празднуется Церковію 31-го октября.

Святый Урванъ, о которомъ святый Апостолъ Павелъ вспоминаетъ въ томъ же Посланіи, говоря: **цѣлꙋйте оу҆рва́на споспѣ́шника на́шего ѡ҆ хр҃тѣ**[1]), былъ епископомъ въ Македоніи[2]) и скончался мученически[3]).

Святый Наркиссъ[4]), о которомъ святый Апостолъ Павелъ упоминаетъ въ томъ же Посланіи, говоря: **цѣлꙋйте и҆́же ѿ наркі́сса сꙋщыѧ ѡ҆ гд҃ѣ**[5]), былъ епископомъ въ Аѳинахъ[6]).

Святый Апеллій[7]), о которомъ упоминаетъ въ томъ же Посланіи святый Апостолъ Павелъ, говоря: **цѣлꙋйте а҆пе́ллїа и҆скꙋсна ѡ҆ хр҃тѣ**[8]), былъ епископомъ города Смирны[9]).

Святый Аристовулъ, о которомъ упоминаетъ святый Апостолъ Павелъ въ томъ же Посланіи, говоря: **цѣлꙋйте сꙋщыѧ ѿ а҆рїстовꙋла**[10]), былъ епископомъ въ Британіи[11]) и тамъ послѣ долгихъ трудовъ и страданій скончался[12]).

Святый Иродіонъ, или Родіонъ, о которомъ упоминаетъ святый Апостолъ Павелъ въ томъ же Посланіи, говоря: **цѣлꙋйте и҆родїѡ́на сро́дника моего̀**[13]), былъ епископомъ въ Патрахъ[14]). Скончался мученически въ Римѣ[15]).

---

1) Посл. къ Римл., гл. 16, ст. 9.

2) *Македонія* находилась къ сѣверу отъ Греціи, между Иллиріею, Ѳракіею, Эгейскимъ моремъ и Гетомъ, или Балканомъ. Нѣкоторое время она составляла независимое государство, которое особенно возвысилось и прославилось при царѣ Александрѣ Великомъ. Во времена Апостоловъ Македонія входила въ составъ Римской имперіи. Теперь она во власти турокъ.

3) Память св. апостола Урвана — 31 октября.

4) Память его — 31 октября.

5) Посл. къ Римл., гл. 16, ст. 11.

6) *Аѳины* — столица древнегреческаго государства; славилась своими постройками, статуями, развитіемъ торговли и промышленности и особенно школами. Здѣсь до позднѣйшихъ временъ (VI в. до Р. Хр.) находились знаменитыя философскія училища, въ которыхъ получали образованіе жители древнихъ странъ.

7) Память его — 31 октября.

8) Посл. къ Римл., гл. 16, ст. 10.

9) *Смирна* — знаменитый торговый городъ Іоніи, на восточномъ берегу Эгейскаго моря (или Архипелага), одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Малой Азіи. Христіанствомъ была Смирна просвѣщена святымъ Апостоломъ Іоанномъ Богословомъ. Въ настоящее время Смирна принадлежитъ Туркамъ, но и донынѣ сохраняется тамъ православная вѣра христіанская. Городъ остается и до сихъ поръ однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ и очень населенныхъ городовъ Турецкой имперіи.

10) Посл. къ Римл., гл. 16, ст. 10.

11) *Британія* — древнее названіе Англіи.

12) Память св. апостола Аристовула празднуется Церковію дважды въ году: 16 марта и 31 октября.

13) Посл. къ Римл., гл. 16, ст. 11.

14) *Патры*, или *Патара*, приморскій торговый городъ въ малоазійской провинціи Ликіи (нынѣ Анатолія). Основанъ финикіянами; нынѣ въ развалинахъ.

15) Память святаго апостола Иродіона совершается Церковію 8 апрѣля и 10 ноября.

Святый Агавъ имѣлъ даръ пророчества. О немъ упоминается въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ въ такихъ словахъ: **сни́де нѣ́кто ѿ і҆ꙋде́и прⷪ҇ро́къ и҆́менемъ а҆га́въ, и҆ взе́мъ по́ѧсъ па́ꙋловъ, свѧза́въ же свои̑ рꙋ́цѣ и҆ но́зѣ, речѐ: та́кѡ глаго́летъ дх҇ъ ст҇ы́й: мꙋ́жа, є҆гѡ́же є҆́сть по́ѧсъ се́й, та́кѡ свѧ́жꙋтъ є҆го̀ во і҆ер҇ли́мѣ і҆ꙋде́и, и҆ предадѧ́тъ въ рꙋ́цѣ ꙗ҆зы́кѡвъ** [1]. Апостолъ Агавъ проповѣдывалъ во многихъ странахъ и многихъ обратилъ ко Христу [2].

Святый Руфъ [3], о которомъ упоминаетъ святый Апостолъ Павелъ въ Посланіи къ Римлянамъ, говоря: **цѣлꙋ́йте рꙋ́фа и҆збра́ннаго ѿ гдⷭ҇ѣ** [4], былъ епископомъ въ Ѳивахъ, городѣ Греціи [5].

Святый Асинкритъ, который упоминается въ томъ же Посланіи [6], былъ епископомъ въ Гирканіи, малоазійской области, гдѣ много пострадалъ за Имя Христово [7].

Святый Флегонтъ [8], упоминаемый въ томъ же Посланіи [9], былъ епископомъ въ Мараѳонѣ, городѣ Ѳракіи [10].

Святый Ермъ, который упоминается въ томъ же Посланіи [11], былъ епископомъ въ Филиппополѣ [12], гдѣ и скончался мученически [13].

Святый Патровъ, упоминаемый въ томъ же Посланіи [14], былъ епископомъ въ Неаполѣ [15] и Путеолахъ [16], гдѣ многихъ обратилъ ко Христу [17].

---

1) Кн. Дѣяній Апостольскихъ, гл. 21, ст. 10—11; ср. гл. 11, ст. 28.

2) Память его—8 апрѣля.

3) Память его празднуется 8 апрѣля.

4) Глава 16, ст. 13.

5) *Ѳивы*—главный городъ Беотіи, области Греціи.

6) Посл. къ Римл., гл. 16, ст. 14.

7) Память его—8 апрѣля.

8) Память его празднуется 8 апрѣля.

9) Посл. къ Римл., гл. 16, ст. 14.

10) *Маравонъ*—древній городъ во Ѳракіи, лежавшей къ сѣверо-востоку отъ Македоніи.

11) Посл. къ Римл., гл. 16, ст. 14.

12) *Филиппополь*—древній укрѣпленный городъ во Ѳракіи, нынѣ въ Восточной Румелін, на рѣкѣ Марицѣ; доселѣ весьма значителенъ по своей промышленности и численности населенія.

13) Память его совершается Церковію 8 марта и 5 ноября.

14) Посл. къ Римл., гл. 16, ст. 14.

15) *Неаполь*—главный городъ провинціи Италіанскаго королевства съ тѣмъ же названіемъ, расположенъ по сѣверному берегу Неаполитанскаго залива.

16) *Путеолы*—приморскій городъ Италіи на берегу Тирренскаго моря, близъ Неаполя, въ области Кампанія.

17) Память св. Ап. Патрова—9 ноября.

Святый Ермій[1]), о которомъ упоминается въ томъ же Посланіи, былъ епископомъ въ Далмаціи[2]).

О сихъ пяти апостолахъ упоминаетъ святый Апостолъ Павелъ въ Посланіи къ Римлянамъ въ такихъ словахъ: **цѣлꙋ́йте а҆сѵ́нкрі́та, фле́гонта, є҆́рма, патро́ва, є҆рмі́а**[3]).

Святый Линъ, о которомъ упоминаетъ святый Апостолъ Павелъ во второмъ Посланіи къ Тимоѳею[4]), былъ епископомъ въ Римѣ, послѣ святаго Апостола Петра[5]).

Святый Гаій[6]), о которомъ упоминаетъ святый Апостолъ Павелъ въ Посланіи къ Римлянамъ, говоря: **цѣлꙋ́етъ вы̀ га́їе страннопрїи́мецъ мо́й, и҆ цр҃кве всеѧ̀**[7]), былъ епископомъ въ Ефесѣ[8]), послѣ святаго Тимоѳея.

Святый Филологъ, о которомъ упоминаетъ святый Апостолъ Павелъ въ томъ же Посланіи, говоря: **цѣлꙋ́йте фїлоло́га**[9]), святымъ Апостоломъ Андреемъ былъ поставленъ во епископа въ Синопѣ[10]), гдѣ и скончался въ мирѣ[11]).

Святый Лукій, или Лука[12]), о которомъ святый Апостолъ Павелъ упоминаетъ въ томъ же Посланіи[13]), былъ епископомъ въ Лаодикіи Сирской[14]).

Святый Іасонъ, который упоминается въ томъ же Посланіи[15]), былъ епископомъ въ Тарсѣ[16]), гдѣ много постра-

---

1) Память святаго апостола Ермія празднуется Православною Церковію дважды въ годъ: 8 апрѣля и 31 мая.

2) *Далмація*—южная часть иллирійской провинціи, которая граничила на сѣверѣ съ Панноніей, на западѣ — съ Италіей и Адріатическимъ моремъ.

3) Глава 16, ст. 14.

4) 2 Посл. къ Тимоѳ., гл. 4, ст. 21.

5) Память его — 5 ноября.

6) Память его празднуется 5 ноября.

7) Глава 16, ст. 23.

8) Объ *Ефесѣ* см. на стр. 158, пр. 4.

9) Посл. къ Римл., гл. 16, ст. 15.

10) *Синопъ*—городъ на южномъ берегу Чернаго моря.

11) Память его — 5 ноября.

12) Память его празднуется 10 сентября.

13) Посл. къ Римл., гл. 16, ст. 21.

14) *Лаодикія Сирская*—нѣкогда главный городъ Фригіи, на юго-западѣ ея, въ Малой Азіи при рѣкѣ Ликусъ; славился широкой торговлей. Въ настоящее время только однѣ развалины на одномъ невысокомъ холмѣ при опустошенномъ селеніи Эски-Гассара служатъ памятникомъ этого древняго города.

15) Послан. къ Римл., гл. 16, ст. 21.

16) *Тарсъ*—большой и населенный городъ Киликіи (юго-восточная провинція Малой Азіи), въ южной части ея, въ плодоносной равнинѣ при рѣкѣ Киднѣ, недалеко отъ него впадающей въ Средиземное море. И въ настоящее время Тарсъ—еще довольно значительный торговый городъ.

далъ за Имя Христово. Скончался въ глубокой старости въ мирѣ [1]).

Святый Сосипатръ, также упоминаемый въ Посланіи къ Римлянамъ [2]), былъ епископомъ въ Иконіи [3]). Скончался Сосипатръ въ мирѣ [4]).

О послѣднихъ трехъ апостолахъ святый Апостолъ Павелъ въ Посланіи къ Римлянамъ пишетъ такъ: **цѣлꙋ́етъ ва́съ и҆ лꙋкі́й и҆ і҆а́сѡнъ и҆ сѡсі́па́тръ сро́дницы мои̑** [5]).

Святый Олимпанъ, или Олимпъ, о которомъ упоминаетъ святый Апостолъ Павелъ въ томъ же Посланіи [6]), присутствовалъ при страдальческой кончинѣ святаго Апостола Петра въ Римѣ и потомъ самъ вмѣстѣ со святымъ апостоломъ Иродіономъ былъ обезглавленъ по повелѣнію Нерона, какъ пишетъ Метафрастъ въ сказаніи на день святыхъ Апостоловъ Петра и Павла [7]).

Святый Тертій писалъ Посланіе святаго Апостола Павла къ Римлянамъ, о чемъ онъ самъ говоритъ въ этомъ посланіи: **цѣлꙋ́ю вы̀ и҆ а҆́зъ те́ртїй написа́вый посла́нїе сїе̑ ѡ҆ гдⷭ҇ѣ** [8]). Онъ былъ вторымъ епископомъ въ Иконіи, послѣ святаго Сосипатра, и тамъ стяжалъ себѣ мученическій вѣнецъ [9]).

Святый Ерастъ [10]), о которомъ упоминаетъ святый Апостолъ Павелъ въ томъ же Посланіи [11]), былъ діакономъ и казнохранителемъ Іерусалимской Церкви, а потомъ епископомъ въ Панеадѣ [12]).

Святый Куартъ или Квартъ [13]), о которомъ упоминается въ томъ же Посланіи, былъ епископомъ въ Беритѣ [14]).

Объ этихъ двухъ апостолахъ святый Апостолъ Павелъ пишетъ такъ: **цѣлꙋ́етъ вы̀ е҆ра́стъ строи́тель гра́дскїй, и҆ кꙋа́ртъ бра́тъ** [15]).

---

1) Память апостола Іасона празднуется 28 апрѣля.

2) Глава 16, ст. 21.

3) *Иконія*—городъ на высокой плодоносной равнинѣ внутри Малой Азіи, при подошвѣ горы Тавра; былъ нѣкогда главнымъ городомъ Ликаоніи; нынѣ Конія, главный городъ малоазійской турецкой области Караманіи.

4) Память его—28 апрѣля.

5) Глава 16, ст. 21.

6) Посл. къ Римл., гл. 16, ст. 15.

7) Память св. ап. Олимпа празднуется 10 ноября.

8) Глава 16, ст. 22.

9) Память святаго апостола Тертія празднуется Церковію 10 октября и 10 ноября.

10) Память его—30 ноября.

11) Посл. къ Римл., гл. 16, ст. 23.

12) *Панеада*—городъ на сѣверѣ Палестины; иначе называется—*Кесарія Филиппова*.

13) Память его 10 ноября.

14) О городѣ *Беритѣ* см. на стр. 156, прим. 5.

15) Посл. къ Римл., гл. 16, ст. 23.

Святый Еводъ былъ епископомъ Антіохійскимъ послѣ святаго Петра. О немъ упоминаетъ святый Игнатій Богоносецъ въ своемъ Посланіи къ Антіохійцамъ, говоря: **помина́йте бл҃же́ннаго є҆во́да ѻ҆тца̀ ва́шего, и҆́же пе́рвый ва́мъ ѡ҆ а҆пⷭ҇лъ па́стырь поста́вленъ бы́сть.** Скончался мученически [1]).

Святый Онисифоръ, о которомъ упоминаетъ святый Апостолъ Павелъ во второмъ Посланіи къ Тимоѳею, говоря: **да да́стъ же млⷭ҇ть гдⷭ҇ь ѻ҆нисі́форовꙋ до́мꙋ, ꙗ҆́кѡ мно́гажды мѧ̀ ᲂу҆поко́н, и҆ вери́гъ мои́хъ не постыдѣ́сѧ** [2]), былъ епископомъ въ Колофонѣ [3]) и Киринеѣ [4]). Скончался мученически [5]).

Святый Климентъ [6]), о которомъ упоминаетъ святый Апостолъ Павелъ въ Посланіи къ Филиппійцамъ, говоря: **сподвиза́шасѧ со мно́ю, и҆ съ кли́ментомъ** [7]), былъ епископомъ въ Сардикѣ [8]).

Святый Сосоенъ, который послѣ святаго Криспа былъ начальникомъ іудейской синагоги въ Коринѳѣ [9]), обращенъ былъ въ христіанство святымъ Апостоломъ Павломъ. О немъ въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ говорится: **є҆́мше же всѝ є҆́ллини сѡсѳе́на нача́льника собо́ра, бїѧ́хꙋ пред̾ сꙋди́лищемъ** [10]). Его имя упоминаетъ и самъ святый Апостолъ Павелъ наряду со своимъ въ Посланіи къ Коринѳянамъ, которое начинается такъ: **па́велъ зва́нъ а҆пⷭ҇лъ і҆и҃съ хрⷭ҇то́въ, во́лею бж҃їею, и҆ сѡсѳе́нъ бра́тъ** [11]). Впослѣдствіи святый апостолъ Сосѳенъ былъ епископомъ въ Колофонѣ [12]).

---

1) Кончина святаго Евода послѣдовала въ 66 году по Рождествѣ Христовѣ, въ гоненіе Римскаго императора Нерона. Память Евода празднуется 7 сентября.

2) Глава 1, ст. 16.

3) *Колофонъ* —древній городъ Лидіи, въ сѣверо-западной части Малой Азіи. Въ недавнее время открыты развалины этого города.

4) *Киринея*—главный городъ области того же названія, находился въ Ливіи, на сѣверномъ берегу Африки на западъ отъ Египта. Это былъ великолѣпнѣйшій и богатѣйшій городъ въ сѣверной Африкѣ. Въ настоящее время отъ него остались однѣ развалины.

5) Память святаго апостола Онисифора празднуется Церковію дважды: 7 сентября и 8 декабря.

6) Память его—10 сентября и 22 апрѣля.

7) Глава 4, ст. 3.

8) *Сардика*—древній *Сардисъ*, или *Сарды*, богатый городъ Лидіи, въ сѣверо-западной части Малой Азіи, бывшій нѣкогда столицею и резиденціею извѣстнаго своимъ богатствомъ царя Креза. Во времена апостольскія былъ еще значительнымъ городомъ; рано возникла тамъ и христіанская Церковь. Въ настоящее время здѣсь лишь ничтожная деревенька, и только развалины свидѣтельствуютъ о прошломъ величіи этого города.

9) О городѣ *Коринѳѣ* см. на стр. 159, прим. 11.

10) Глава 18, ст. 17.

11) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 1, ст. 1.

12) Празднованіе памяти святаго апостола Сосѳена совершается Церковію дважды въ годъ: 30 марта и 8 декабря.

Святый Аполлосъ упоминается въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ: **ї҆ꙋде́анинъ же нѣ́кто а҆поллѡ́съ и҆́менемъ, а҆леѯа́ндрѧнинъ ро́домъ, мꙋ́жъ слове́сенъ, прїи́де во є҆фе́съ, си́ленъ сы́й въ кни́гахъ. Се́й бѣ̀ ѡ҆глаше́нъ пꙋти̑ гдⷭ҇ню: и҆ горѧ̀ дх҃омъ, глаго́лаше и҆ ᲂу҆ча́ше и҆звѣ́стнѡ, ꙗ҆̀же ѡ҆ гдⷭ҇ѣ**[1]). Упоминаетъ о немъ и святый Апостолъ Павелъ въ первомъ Посланіи къ Коринѳянамъ, говоря: **а҆́зъ насади́хъ, а҆поллѡ́съ напои̑, бг҃ъ же возрасти̑**[2]). Впослѣдствіи Аполлосъ былъ въ Критѣ[3]) и еще позднѣе былъ епископомъ Кесаріи[4]).

Святый Тихикъ упоминается въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ[5]) и въ Посланіяхъ святаго Апостола Павла къ Колоссянамъ[6]) и къ Ефесянамъ, гдѣ говорится: **ꙗ҆̀же ѡ҆ мнѣ̀, что̀ дѣ́лаю, всѧ̑ ска́жетъ ва́мъ тѵ҆хі́къ возлю́бленный бра́тъ и҆ вѣ́ренъ слꙋжи́тель ѡ҆ гдⷭ҇ѣ: є҆го́же посла́хъ къ ва́мъ на сїѐ и҆́стое, да ᲂу҆вѣ́сте, ꙗ҆̀же ѡ҆ на́съ, и҆ да ᲂу҆тѣ́шитъ сердца̀ ва̑ша**[7]). И снова, во второмъ Посланіи къ Тимоѳею, Апостолъ Павелъ говоритъ: **тѵ҆хі́ка же посла́хъ во є҆фе́съ**[8]). Тихикъ былъ епископомъ Колофонскимъ послѣ святаго Сосѳена[9]).

Святый Епафродитъ[10]) упоминается въ Посланіи святаго Апостола Павла къ Филиппійцамъ: **потре́бнѣе же**,—говоритъ Апостолъ Павелъ—**возмнѣ́хъ є҆пафроді́та бра́та и҆ споспѣ́шника и҆ сво́инника моего̀, ва́шего же посла́нника, и҆ слꙋжи́телѧ потре́бѣ мое́й, посла́ти къ ва́мъ**[11]). Епафродитъ былъ епископомъ въ Адріакѣ[12]).

Святый Карпъ, о которомъ святый Апостолъ Павелъ упоминаетъ во второмъ Посланіи къ Тимоѳею въ такихъ словахъ: **фелѡ́нь**,

---

1) Глава 18, ст. 24—25.

2) Глава 3, ст. 6.

3) Островъ *Критъ* (называемый иначе *Кандія*—отъ главнаго города того же имени) находится въ восточной части Средиземнаго моря, къ югу отъ Эгейскаго моря. По своей обширности и плодородію назывался прежде царицею острововъ Средиземнаго моря. Христіанство здѣсь началось еще во времена апостольскія; первыя начала его положены были очевидцами событія Сошествія Св. Духа на Апостоловъ, ибо при семъ были и критяне (Кн. Дѣяній Апостольскихъ, гл. 2, ст. 11). Въ настоящее время Критомъ владѣютъ Турки.

4) Память святаго апостола Аполлоса празднуется Церковію дважды въ годъ: 30 марта и 8 декабря.

5) Глава 20, ст. 4.

6) Глава 4, ст. 7.

7) Глава 6, ст. 21—22.

8) 2 Посл. къ Тимоѳ., гл. 4, ст. 12; ср. посл. къ Титу, гл. 3, ст. 12.

9) Память его празднуется 8 декабря.

10) Память его празднуется 30 марта и 8 декабря.

11) Глава 2, ст. 25.

12) *Адрія*, или *Адріака*,—городъ во Ѳракіи при Черномъ морѣ, недалеко отъ Филиппъ, города македонскаго, лежавшаго на границѣ съ Ѳракіею.

є҆го́же ѡ҆ста́внхъ въ трѡа́дѣ оу҆ ка́рпа, грѧды́й принеси̑, и҆ кни́ги[1]), былъ епископомъ въ Беріи Ѳракійской[2]). Окончилъ жизнь въ мирѣ[3]).

Святый Кодратъ былъ епископомъ въ Аѳинахъ и Магнезіи[4]), гдѣ, проповѣдуя Слово Господне, принялъ отъ руки аѳинянъ мученическую кончину[5]) при царѣ Адріанѣ[6]).

Святый Маркъ, онъ же и Іоаннъ, о которомъ какъ спутникѣ Павла и Варнавы много разъ упоминаютъ Дѣянія Апостольскія, какъ, напримѣръ, въ слѣдующемъ мѣстѣ: **варна́ва же и҆ са́влъ возврати́стасѧ и҆з̾ і҆ер҃ли́ма во а҆нтїохі́ю, и҆спо́лнивше слꙋ́жбꙋ, пое́мше съ собо́ю и҆ і҆ѡа́нна нарица́емаго ма́рка**[7]), былъ епископомъ въ городѣ Библосѣ, въ Финикіи[8]). Святый Маркъ творилъ многія чудеса и имѣлъ такую благодатную силу, что отъ одной его тѣни исцѣлялись болящіе[9]).

Святый Зина, по прозванію Законникъ, т. е. учитель Закона Моисеева, о которомъ святый Апостолъ Павелъ упоминаетъ въ посланіи къ Титу, говоря: **зи́нꙋ зако́нника ско́рѡ предпосли̑ ко мнѣ̀**[10]), былъ епископомъ въ Діосполѣ[11]).

Святый Аристархъ, о которомъ упоминается въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ[12]) и въ Посланіяхъ святаго Апостола Павла къ Колоссянамъ[13]) и къ Филимону[14]), былъ епископомъ въ городѣ Апамеи[15]).

---

1) Глава 4, ст. 13.

2) *Берія*—городъ въ восточной части Македоніи. Въ немъ проповѣдывалъ христіанство Апостолъ Павелъ между 40—65 гг. по Р. Хр. Въ настоящее время онъ называется *Веррія*, или *Кара Веррія* (Черная Верія); въ немъ около 10000 жителей.

3) Память апостола Карпа празднуется 26 мая.

4) *Магнезія*—восточный полуостровъ и область Ѳессаліи.

5) Память его 21 сентября.

6) *Адріанъ*—Римскій императоръ, царствовалъ съ 117 по 138 г.

7) Глава 12, ст. 25 и мног. друг.

8) *Библосъ*—древній городъ въ Финикіи, недалеко отъ моря, между Триполисомъ и Беритомъ, былъ знаменитъ какъ центръ культа Адониса, которому здѣсь былъ построенъ великолѣпный храмъ. Въ настоящее время на мѣстѣ Библоса небольшое мѣстечко, называемое Джебель, въ которомъ всего 600 человѣкъ жителей. Оно окружено развалинами римскихъ временъ и времени Крестовыхъ походовъ, а также обширными кладбищами, въ которыхъ находятся египетскія и финикійскія древности.

9) Память его Церковь празднуетъ 27 сентября.

10) Посл. къ Титу, гл. 3, ст. 13.

11) О городѣ *Діосполѣ* см. на стр. 161, прим. 12.

12) Глава 19, ст. 29.

13) Глава 4, ст. 10.

14) Глава 1, ст. 23.

15) *Апамея*—одинъ изъ городовъ Сиріи.

Святый Пудъ, о которомъ упоминаетъ святый Апостолъ Павелъ во второмъ Посланіи къ Тимоѳею, говоря: цѣлꙋ́етъ тѧ̀ и҆ пꙋ́дъ [1]), былъ членомъ римскаго Сената. Онъ былъ человѣкъ благочестивый, принималъ въ своемъ домѣ святыхъ Апостоловъ Петра и Павла и многихъ вѣрующихъ. Впослѣдствіи домъ его былъ обращенъ въ церковь, которая называлась *Пастырскою* и въ которой, по преданію, священнодѣйствовалъ святый Апостолъ Петръ.

Святый Трофимъ, о которомъ дважды упоминаютъ Дѣянія Апостольскія [2]) и святый Апостолъ Павелъ въ томъ же Посланіи къ Тимоѳею, говоря: трофі́ма же ѡ҆ста́вихъ въ мі́лѝтѣ болѧ́ща [3]), вмѣстѣ съ апостолами Пудомъ и Аристархомъ сопутствовалъ во всѣхъ гоненіяхъ Апостолу Павлу и, наконецъ, когда святый Апостолъ Павелъ въ Римѣ при Неронѣ былъ усѣченъ мечомъ, вмѣстѣ съ своими двумя сотоварищами также былъ обезглавленъ [4]).

Святый Маркъ [5]), племянникъ апостола Варнавы, былъ епископомъ въ Аполлоніадѣ Виѳинской [6]). О немъ упоминаетъ святый Апостолъ Павелъ въ посланіи къ Колоссянамъ вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ апостоломъ Аристархомъ: цѣлꙋ́етъ вы̀ а҆рїста́рхъ сплѣ́нникъ мо́й, и҆ ма́рко а҆не҆ѱі́й (племянникъ) варна́винъ [7]).

Святый Артема [8]), о которомъ говоритъ святый Апостолъ Павелъ въ Посланіи къ Титу: є҆гда̀ послю̀ а҆ртє́мꙋ къ тебѣ̀ [9]), былъ епископомъ въ Листрахъ [10]).

Святый Акила, о которомъ упоминается въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ [11]) и въ Посланіяхъ Апостола Павла [12]), былъ епископомъ въ

---

1) 2 Посл. къ Тимоѳ., гл. 4, ст. 21.

2) Кн. Дѣяній Апостольскихъ, гл. 20, ст. 4; гл. 21, ст. 29.

3) 2 Посл. къ Тимоѳ., гл. 4, ст. 20.

4) Память апостоловъ Аристарха, Пуда и Трофима празднуется святою Церковію 15 апрѣля.

5) Память его совершается 30 октября.

6) *Аполлоніада*—городъ въ Виѳиніи, сѣверной области Малой Азіи, впослѣдствіи причисленной къ Лидіи.

7) Глава 4, ст. 10.

8) Память его—30 октября.

9) Глава 3, ст. 12.

10) *Листры*—одинъ изъ городовъ Ликаоніи, серединной области Малой Азіи, граничащей съ Фригіею. Здѣсь Апостолъ Павелъ исцѣлилъ хромого, и язычники, при видѣ сего чуда, признали его и Варнаву за боговъ (Кн. Дѣяній Апостольскихъ, гл. 14, ст. 6—18).

11) Кн. Дѣяній Апостольскихъ, гл. 18, ст. 1—3.

12) Посл. къ Римл., гл. 16, ст. 3—4 и друг.

Гераклеѣ, Слово же Божіе проповѣдывалъ въ Азіи и Ахаіи и за проповѣдь свою пріялъ мученическій вѣнецъ [1]).

Святый Фортунатъ, о которомъ упоминаетъ святый Апостолъ Павелъ въ первомъ Посланіи къ Коринѳянамъ [2]), неустанно трудился, проповѣдуя Имя Христово, и послѣ многихъ трудовъ воспріялъ блаженную кончину.

Святый Ахаикъ, о которомъ вмѣстѣ съ Фортунатомъ упоминаетъ, въ томъ же Посланіи къ Коринѳянамъ, святый Апостолъ Павелъ, говоря: **возра́довахсѧ же ѡ҆ прише́ствїи фортꙋна́товѣ и҆ а҆ха́їковѣ, ꙗ҆́кѡ ва́ше лише́нїе сі́и и҆спо́лниша: ᲂу҆поко́иша бо мо́й дꙋ́хъ и҆ ва́шъ** [3]).

Святый Діонисій Ареопагитъ, о которомъ упоминаютъ Дѣянія Апостольскія [4]), сначала былъ епископомъ въ Аѳинахъ, а потомъ проповѣдывалъ Христа въ Галліи [5]) и здѣсь былъ обезглавленъ. О томъ, что и онъ принадлежалъ къ апостольскому лику, свидѣтельствуетъ Евсевій, епископъ Кесаріи Палестинской [6]), который, перечисляя 70 апостоловъ, говоритъ: «Прибавь къ нимъ того Ареопагита, по имени Діонисія, о которомъ Лука въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ пишетъ, что онъ былъ обращенъ къ вѣрѣ проповѣдію Павла въ Аѳинахъ».

Святый Симеонъ, по прозванію Нигеръ; о немъ упоминаетъ въ Дѣяніяхъ святый Апостолъ Лука, говоря: **бѧ́хꙋ же нѣ́цыи въ цр҃кви сꙋщей во а҆нтїохі́и прⷪ҇ро́цы и҆ ᲂу҆чи́телїе, варна́ва же и҆ сѵ҆меѡ́нъ нарица́емый ні́геръ** [7]). О томъ же, что и онъ принадлежалъ къ лику апостольскому, свидѣтельствуетъ святый Епифаній, поставляя его между апостолами, ибо онъ такъ перечисляетъ ихъ имена: «Марка, Луку, Іуста, Варнаву, Апеллія, Руфа, Нигра (т. е. Симеона Нигра)

---

1) Память его празднуется 14-го іюля.

2) Глава 16, ст. 17—18.

3) Глава 16, ст. 17—18.

4) Глава 17, ст. 34.

5) *Галлія* — нынѣшняя Франція.

6) *Евсевій* — долгое время занимавшій епископскую каѳедру въ Кесаріи Палестинской и близко стоявшій ко многимъ великимъ событіямъ своего времени, извѣстенъ какъ отецъ церковной исторіи и вообще богословъ, сочиненія коего высоко цѣнились въ христіанской Церкви; отличался обширною ученостью; жилъ съ 268 по 340 г. Евсевій собралъ воедино всѣ записи и повѣствованія о мученикахъ въ сборникѣ, носящемъ названіе: «Собраніе древнихъ мученичествъ». Сборникъ сей содержалъ въ себѣ сказанія о мученикахъ, епископахъ, исповѣдникахъ, святыхъ женахъ и дѣвахъ по всѣмъ епархіямъ. Онъ состоялъ, по мнѣнію однихъ, изъ 20-ти, а по свидѣтельству другихъ—изъ 16-ти книгъ.

7) Кн. Дѣяній Апостольскихъ, гл. 13, ст. 1.

и прочихъ семьдесятъ два»[1]). Такимъ образомъ, святый Епифаній удостовѣряетъ насъ, что ликъ сихъ меньшихъ апостоловъ состоитъ изъ семидесяти двухъ лицъ и что святый Симеонъ Нигеръ—былъ одинъ изъ этого числа апостоловъ. Кромѣ того, святый Іоаннъ Дамаскинъ[2]) въ Октоихѣ пятаго гласа въ среду на Вечернѣ послѣ двѣнадцати апостоловъ упоминаетъ и соборъ семидесяти двухъ апостоловъ, говоря: **всехва́льнаѧ десѧ́тица со дво́ицею показа́сѧ соверше́ннѣ, видѧ́ща є҆диноревни́тельный собо́ръ, седми́десѧти и҆ двꙋ̀.**

Благодатными молитвами всѣхъ сихъ апостоловъ да сподобимся и мы быть причастниками небеснаго блаженства и лицезрѣть Высшаго Апостола и Архіерея исповѣданія нашего Іисуса Христа, восхваляя Его съ Богомъ Отцомъ и Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ, аминь.

Евсевій, епископъ Кесаріи Палестинской, въ первой книгѣ своей исторіи въ двѣнадцатой главѣ пишетъ слѣдующее: «Имя каждаго (изъ двѣнадцати) апостола Христова довольно извѣстно всякому изъ свидѣтельствъ евангельскихъ, а перечня семидесяти апостоловъ, вполнѣ точнаго, нѣтъ нигдѣ. Если же внимательнѣе всмотрѣться въ дѣло, то можно найти ихъ болѣе семидесяти, придерживаясь только одного свидѣтельства святаго Апостола Павла, который въ первомъ Посланіи къ Коринѳянамъ говоритъ: «**ꙗ҆ви́сѧ** (Христосъ, по воскресеніи Своемъ) **ки́фѣ, та́же є҆динона́десѧтимъ. Пото́мъ же ꙗ҆ви́сѧ бо́лѣ пѧтѝ сѡ́тъ бра́тїѧмъ є҆ди́ною, ѿ ни́хже мно́жайшїи пребыва́ютъ досе́лѣ, нѣ́цыи же и҆ почи́ша**»[3]). Изъ таковыхъ многихъ, трудившихся въ дѣлѣ благовѣствованія о Христѣ въ первенствующей Церкви, просвѣтившихъ вѣрою разныя страны подобно святымъ апостоламъ и достойныхъ поэтому имени апостольскаго, о нѣкоторыхъ упомянемъ здѣсь особливо.

Святый Лазарь, бывшій мертвымъ въ теченіи четырехъ дней и воскрешенный Господомъ. Во время гоненія на Церковь Іерусалимскую, послѣ убіенія святаго первомученика Стефана, онъ былъ

---

1) *Св. Епифаній* — современникъ святаго Іоанна Златоуста; былъ епископомъ на островѣ Кипрѣ въ теченіе 36 лѣтъ. Извѣстный отецъ Церкви, оставившій послѣ себя много твореній, направленныхъ противъ ересей его времени. Скончался въ 403 году. Память его празднуется 12-го мая.

2) *Св. Іоаннъ Дамаскинъ* — замѣчательнѣйшій христіанскій пѣснописецъ и богословъ, скончавшійся въ 776 году. За его ревностную защиту св. иконъ противъ иконоборцевъ ему была отсѣчена рука, но, по изволенію Божію, вновь приросла къ тѣлу. Память его празднуется Церковію 4-го декабря.

3) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 15, ст. 5—6.

изгнанъ изъ предѣловъ Іудеи [1]) и пущенъ въ море на лодкѣ, безъ веселъ, вмѣстѣ со святымъ ученикомъ Господнимъ Максиминомъ и со святымъ Келидоніемъ, который родился слѣпымъ, но былъ исцѣленъ Господомъ. По Божественному произволенію, лодка приплыла къ острову Кипру, и святый Лазарь началъ проповѣдывать въ городѣ Кидоніи о Христѣ. Впослѣдствіи онъ былъ въ этомъ городѣ рукоположенъ апостоломъ Варнавой въ санъ епископа, и тамъ же на островѣ Кипрѣ онъ почилъ въ мирѣ. Святое тѣло его спустя много лѣтъ было обрѣтено на томъ островѣ въ мраморномъ ковчегѣ, на которомъ была надпись: «Четверодневный Лазарь, другъ Христовъ» [2]).

Святый Іосифъ, происходившій изъ Аримаѳеи [3]) и бывшій тайнымъ ученикомъ Іисуса Христа, а потомъ испросившій пречистое Его тѣло у Пилата [4]), также былъ изгнанъ завистливыми іудеями изъ предѣловъ іудейскихъ и проповѣдывалъ Христа въ Англіи, гдѣ и преставился. Жителями Англіи онъ почитается какъ апостолъ ихъ страны [5]).

Святый Никодимъ, приходившій къ Іисусу ночью послушать Его ученія [6]) и давшій благой совѣтъ іудеямъ не осуждать Его прежде, чѣмъ услышатъ Его Самого и разсмотрятъ Его дѣло [7]), а потомъ предавшій вмѣстѣ съ Іосифомъ тѣло Іисусово погребенію и намастившій его ароматами [8]),—также пострадалъ отъ іудеевъ за вѣру во Христа и Апостольскую проповѣдь и былъ изгнанъ изъ Іудеи [9]).

Святый Гамаліилъ былъ учителемъ святаго Апостола Павла. Онъ подалъ благоразумный совѣтъ Синедріону относительно про-

---

1) Кн. Дѣяній Апостольскихъ, гл. 8, ст. 1.

2) Память святаго Лазаря четверодневнаго празднуется Церковію 17-го октября, когда воспоминается перенесеніе мощей его съ о. Кипра въ Царьградъ.

3) По Евсевію и Іерониму, Аримаѳея то же, что *Рама*, или *Рамаѳа*,—городъ на горѣ Ефремовой, на два часа пути къ сѣверу отъ Іерусалима, недалеко отъ Лидды; иначе называется *Рамаѳаимъ-Цофимъ*. Онъ былъ отечествомъ Іосифа Аримаѳейскаго, одного изъ учениковъ Христовыхъ (Іоан., гл. 19, ст. 38), члена верховнаго совѣта іудейскаго, который въ своемъ гробѣ, высѣченномъ въ скалѣ, похоронилъ Іисуса Христа.

4) Еванг. отъ Луки, гл. 23, ст. 50—52; ср. Еванг. отъ Матѳ., гл. 27, ст. 57; отъ Марк., гл. 15, ст. 42; отъ Іоан., гл. 19, ст. 38.

5) Празднества святому Іосифу не положено, но онъ воспоминается въ Недѣлю Женъ мvроносицъ.

6) Еванг. отъ Іоанна, гл. 3, ст. 1—2.

7) Еванг. отъ Іоанна, гл. 7, ст. 50—51.

8) Еванг. отъ Іоанна, гл. 19, ст. 39.

9) Память святаго Никодима празднуется Церковію 2-го августа и въ Недѣлю Женъ мvроносицъ.

повѣди святыхъ Апостоловъ, сказавъ: «Если это дѣло отъ человѣковъ, то оно разрушится; а если отъ Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вамъ не оказаться и богопротивниками» [1]). Послѣ мученической кончины архидіакона Стефана онъ взялъ его тѣло и похоронилъ у себя въ селѣ недалеко отъ Іерусалима. Также онъ скрывалъ изгнаннаго за проповѣдь Христову святаго Никодима, котораго и похоронилъ, послѣ кончины его, близъ гроба святаго первомученика Стефана, гдѣ потомъ былъ погребенъ и самъ [2]).

Евнухъ царицы Еѳіопіи Кандакіи, крещенный святымъ апостоломъ Филиппомъ на дорогѣ [3]) и обратившій эту царицу ко Христу, былъ первымъ проповѣдникомъ о Христѣ въ Еѳіопіи [4]), гдѣ и скончался мученическою смертію.

Святый Закхей, который принялъ съ радостью въ домѣ своемъ Господа и услышалъ отъ Него: дне́сь спасе́ніе до́му сему́ бы́сть [5]). По вознесеніи Господнемъ Закхей послѣдовалъ за святымъ Апостоломъ Петромъ, имъ былъ поставленъ епископомъ Кесаріи Палестинской [6]), гдѣ и проповѣдывалъ о Христѣ [7]).

Святый Корнилій сотникъ, крещенный святымъ Апостоломъ Петромъ [8]), которымъ былъ потомъ поставленъ епископомъ, проповѣдывалъ Христа въ городѣ Скепсіи [9]), гдѣ и скончался съ миромъ [10]).

Святый Логгинъ Сотникъ, который стоялъ на стражѣ при крестѣ Господнемъ и исповѣдалъ, что Іисусъ есть воистину Божій

---

1) Кн. Дѣяній Апостольскихъ, гл. 5, ст. 34—40.

2) Вмѣстѣ съ св. Гамаліиломъ скончался и благочестивый сынъ его Авивъ, который также вѣровалъ во Христа; память святыхъ Гамаліила и Авива празднуется Церковію 2-го августа, въ день перенесенія мощей ихъ.

3) Кн. Дѣяній Апостольскихъ, гл. 8, ст. 26—39.

4) *Еѳіопія*—въ Африкѣ, соотвѣтствуетъ нынѣшней Абиссиніи. Она находилась въ верховьяхъ рѣки Нила и граничила съ Ѳиваидскою областію Египта на сѣверѣ, съ Ливіею на западѣ, съ южною Еѳіопіею на югѣ и съ Аравійскимъ заливомъ и Чернымъ моремъ на востокѣ.

5) Еванг. отъ Луки, гл. 19, ст. 1—10.

6) *Кесарія Палестинская*—городъ на восточномъ берегу Средиземнаго моря, построенный царемъ Іудейскимъ Иродомъ на мѣстѣ древняго города Стратонъ и названный такъ въ честь Кесаря Августа (Римскаго императора Октавія Августа). Городъ сей подвергался неоднократнымъ разрушеніямъ, и въ настоящее время на его мѣстѣ—только развалины, покрытыя дикими растеніями.

7) Воспоминаніе о святомъ Закхеѣ Церковь совершаетъ въ 32 недѣлю, предъ началомъ Постной Тріоди.

8) Кн. Дѣяній Апостольскихъ, гл. 10.

9) *Скепсія*—городъ въ западной малоазійской провинціи Мизіи.

10) Память святаго Корнилія совершается 13-го сентября.

Сынъ [1]). Послѣ погребенія Господа Логгинъ опять стоялъ на стражѣ у Гроба Господня и былъ очевидцемъ Воскресенія Христова, о чемъ и свидѣтельствовалъ предъ всѣми. Впослѣдствіи онъ проповѣдывалъ о Христѣ въ Каппадокіи, гдѣ и пострадалъ мученически [2]).

Святый Игнатій Богоносецъ, по преданію, то самое дитя, которое Господь взялъ на руки къ Себѣ и на которое указалъ Апостоламъ, сказавъ: «Если не будете, какъ дѣти, не войдете въ Царство Небесное» [3]). Святымъ апостоломъ Петромъ онъ былъ рукоположенъ во епископа Антіохійскаго, гдѣ проповѣдывалъ о Христѣ. Окончилъ жизнь мученическою смертію въ Римѣ, будучи отданъ на растерзаніе львамъ [4]).

Святый Поликарпъ былъ епископомъ города Смирны [5]). Онъ, подобно Апостоламъ, неустанно проповѣдывалъ Слово Божіе, писалъ посланія ко вновь обращеннымъ христіанамъ и неусыпно заботился о благѣ и душевной пользѣ своей паствы. Блаженный Симеонъ Метафрастъ [6]) въ житіи святаго Игнатія Богоносца прямо называетъ Поликарпа божественнымъ апостоломъ, говоря: «Прибыли они въ Смирну, и тамъ святый Игнатій цѣловалъ святаго Поликарпа, божественнаго апостола, своего соученика». Скончался мученическою смертію въ Римѣ [7]).

Святый Іероѳей — одинъ изъ членовъ Аѳинскаго ареопага [8]); святой вѣрѣ христіанской былъ наученъ святымъ Апостоломъ Пав-

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 27, ст. 54.

2) Память святаго Логгина Сотника празднуется Церковію 16-го октября.

3) Еванг. отъ Матѳ., гл. 18, ст. 2—5; ср. Еванг. отъ Марк., гл. 9, ст. 37.

4) Память святаго Игнатія Богоносца празднуется Церковію два раза въ годъ: 29-го января, когда воспоминается перенесеніе мощей его учениками изъ Рима въ Антіохію, и 20-го декабря, въ день кончины святаго.

5) *Смирна* — знаменитый торговый городъ Іоніи, на восточномъ берегу Эгейскаго моря (или Архипелага), при устьѣ рѣки Мелесъ, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Малой Азіи. Христіанская вѣра была насаждена въ Смирнѣ святымъ апостоломъ Іоанномъ Богословомъ. Смирна въ настоящее время принадлежитъ Туркамъ, но и доселѣ тамъ сохраняется и процвѣтаетъ православная христіанская вѣра. Городъ остается и теперь однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ и очень населенныхъ городовъ имперіи.

6) *Симеонъ Метафрастъ* — извѣстный церковный писатель X в. († 940 г.), составитель и собиратель Житій Святыхъ, что онъ дѣлалъ по порученію Константинопольскаго императора Константина VII (912—954 г.). Движимый великою ревностію къ славѣ святыхъ подвижниковъ, Симеонъ не только собралъ повѣствованія о нихъ, но многія изъ нихъ переработалъ, отчасти сократилъ и, что важнѣе всего, старинную, тяжелую и во многомъ неудобопонятную рѣчь замѣнилъ современнымъ ему чистымъ и лучшимъ слогомъ. За это Симеонъ и получилъ наименованіе Метафраста, что значитъ: пересказчикъ, перелагатель. Его труды въ этой области послужили впослѣдствіи главнымъ источникомъ для Четіихъ-Миней св. Димитрія Ростовскаго.

7) Память св. Поликарпа празднуется 23-го февраля.

8) *Ареопагъ* — верховный Аѳинскій государственный совѣтъ и судилище.

ломъ, которымъ и былъ поставленъ епископомъ въ Аѳинахъ. Вмѣстѣ съ другими святыми Апостолами и святый Іероѳей былъ перенесенъ по воздуху ко гробу Богородицы по Успеніи Пречистой Богоматери въ Іерусалимѣ. Скончался мученически [1]).

Святый Антипа, епископъ Пергамскій [2]), также пострадалъ за апостольскую проповѣдь о Христѣ [3]). О немъ Самъ Господь Іисусъ Христосъ въ Откровеніи святаго Іоанна Богослова сказалъ такъ: «а҆нтѵпа́съ свидѣ́тель мо́й вѣ́рный, ѹ҆бїе́нъ бы́сть» [4]).

Святый Димитрій, о которомъ упоминаетъ святый апостолъ Іоаннъ Богословъ въ своемъ третьемъ посланіи: димі́трїеви свидѣ́тельствовасѧ ѿ всѣ́хъ, и҆ ѿ са́мыѧ и҆́стины: и҆ мы́ же свидѣ́тельствѹемъ, и҆ вѣ́сте, ꙗ҆́кѡ свидѣ́тельство на́ше и҆́стинно є҆́сть [5]). Святый Димитрій былъ епископомъ въ Асійскомъ городѣ Филадельфіи [6]).

Конда́къ а҆пⷭ҇лѡвъ, гла́съ в҃:

Хрⷭ҇то́выхъ ѹ҆чнкѡ́въ ли́къ се́дмьдесѧтъ, бж҃е́ственнѡ вѣ́рнїи, въ пѣ́снехъ восхва́лимъ: тѣ́ми бо всѝ навыко́хомъ тр҃цѹ почита́ти нераздѣ́льнѹю, и҆ пребыва́ютъ свѣти́льницы бж҃е́ственныѧ вѣ́ры *).

---

1) Память священномученика Іероѳея празднуется 4-го октября.

2) *Пергамъ*—городъ въ великой Мизіи (въ сѣверо-западной части Малой Азіи), былъ столицею Пергамскаго царства. Въ древности онъ славился богатствомъ, роскошью и обширной библіотекой, также изобрѣтеніемъ, или, вѣрнѣе, усовершенствованіемъ, обработки *пергамента* (что замѣняло теперешнюю писчую бумагу). Впослѣдствіи этотъ городъ былъ присоединенъ къ Римской имперіи. О немъ упоминается въ Апокалипсисѣ (гл. 2, ст. 12).

3) Память его празднуется св. Церковію 11-го апрѣля.

4) Апокалипс., гл. 2, ст. 13.

5) Глава 1, ст. 12.

6) *Филадельфія*—городъ Лидійскій въ Малой Азіи, недалеко отъ Сардъ, при подошвѣ горы Тмолуса. Названіе получилъ отъ своего основателя Аттала II Филадельфа, царя Пергамскаго. Въ древности онъ былъ богатымъ, цвѣтущимъ городомъ, съ большимъ числомъ жителей. Въ настоящее время это небольшой христіанскій городокъ, подъ властью Турокъ.

*) При этой статьѣ даны изображенія тѣхъ пяти апостоловъ, память коихъ совершается только 4-го января; изображенія другихъ апостоловъ помѣщаются подъ тѣми числами, въ кои память ихъ празднуется отдѣльно отъ собора.

ЖИТІЕ СВЯТАГО

ЕВСТАѲІЯ,

архіепископа Сербскаго[1])

Святый Евстаѳій жилъ и подвизался во второй половинѣ тринадцатаго столѣтія, во дни благочестиваго сербскаго краля Стефана Уроша II Милутина, правившаго Сербіей съ 1262 года по 1320. Родился онъ въ области Будимльской[2]) отъ благочестивыхъ родителей. Горячо любя своихъ родителей, онъ съ ранняго дѣтства укрѣплялся въ любви къ Богу: избѣгая суетныхъ забавъ, онъ старался усваивать добрые нравы, постоянно ходилъ въ церковь и съ наслажденіемъ внималъ божественному пѣнію и чтенію, запоминалъ слышанное и старался уразумѣть смыслъ онаго. Разъ онъ приходитъ къ своимъ родителямъ и говоритъ:

— У меня возгорѣлось сильное желаніе учиться, отдайте меня на изученіе словесъ книжныхъ.

Родители, слыша такія слова, возрадовались, возблагодарили Бога, внушившаго такое благое желаніе ихъ дѣтищу, подыскали учителя и отдали ему своего сына на обученіе книжной мудрости. Споспѣшествуемый благодатію Святаго Духа, онъ вскорѣ выучился такъ, что, будучи молодымъ ученикомъ, являлся свѣдущѣе многомудрыхъ учителей. Юноша нисколько не думалъ и не заботился объ ѣдѣ, питьѣ, одеждѣ, мало думалъ даже о родителяхъ, но, всецѣло направивъ умъ свой на божественное ученіе, всю свою сердечную любовь и упованіе возложилъ на Господа. Достигнувъ же большей зрѣлости и строго размысливъ о своемъ призваніи, онъ рѣшилъ оставить родительскій домъ и идти въ путь Господень.

---

[1]) Житіе святаго Евстаѳія написано его младшимъ современникомъ, святымъ Даніиломъ II, архіепископомъ Сербскимъ, и вошло въ составъ его «Родослова», или «Царостав-ника». Лучшее изданіе въ книгѣ: «Животи кральева и архіепископа српскихъ», изданной въ Загребѣ *Даничичемъ* въ 1866 г., стр. 292—319. Житіе св. Данінла см. подъ 20 декабря въ сихъ Минеяхъ-Четьихъ.

[2]) Будимльская область, или жупа, находилась тамъ, гдѣ теперь въ сѣверо-восточной Черногоріи живетъ сербское племя Васоевичи. Нынѣ существуетъ тамъ село Будимль. Въ древности Будимльская епархія имѣла каѳедру въ монастырѣ св. Георгія, который и теперь существуетъ въ полуразвалинахъ къ сѣверу отъ городка Гусинье въ селѣ Беране.

Онъ отправился въ область Зетскую[1]), въ монастырь Архангела Михаила, гдѣ находилась Зетская епископская каѳедра. Здѣсь отъ епископа Неофита онъ принялъ постриженіе въ иноческій чинъ и началъ жизнь подвижническую, строго выполняя монашескіе обѣты. Отличаясь воздержаніемъ, чистотою жизни, изнуряя себя постомъ и бдѣніемъ, онъ неукоснительно спѣшилъ въ церковь на дневныя и ночныя службы, строго соблюдалъ келейное молитвенное правило, а въ остальное время предавался богомыслію и *умной* молитвѣ. Не имѣя никакой собственности, онъ старался сберегать отъ урочной своей монастырской доли въ пищѣ и одеждѣ для раздачи нищимъ. Подвизаясь въ монастырской тишинѣ съ полнымъ смиреніемъ, онъ скоро, однако, сдѣлался извѣстнымъ по всей той странѣ какъ великій подвижникъ, подражавшій древнимъ отцамъ.

Не довольствуясь иноческимъ подвижничествомъ въ своемъ монастырѣ, Евстаѳій горѣлъ желаніемъ посѣтить Святый Градъ Іерусалимъ, чтобы поклониться Гробу Господню и прочимъ святынямъ на мѣстѣ страстей Господнихъ. Не открывая никому своего намѣренія, онъ обратился съ горячею молитвою къ Господу Іисусу Христу, чтобы Онъ сподобилъ его благополучно совершить путь во Святый Градъ и видѣть то мѣсто, гдѣ Онъ пролилъ Свою кровь за спасеніе рода человѣческаго и гдѣ сотворилъ великія чудеса.

Молитва угодника была услышана. Когда онъ размышлялъ о томъ, гдѣ бы обрѣсти ему богобоязненныхъ спутниковъ, являются къ нему какъ бы посланные Самимъ Господомъ два инока и сообщаютъ въ бесѣдѣ, что они идутъ въ Іерусалимъ поклониться Гробу Господню и честнымъ страстямъ Христовымъ. Возблагодаривъ Господа Бога и поклонившись пречистому Его образу и образу Архистратига Михаила, съ радостью и веселіемъ въ сердцѣ онъ пустился въ давно желанный путь.

При помощи Божіей онъ легко и благополучно совершилъ путь и достигъ Іерусалима. Здѣсь онъ съ благоговѣніемъ поклонился Гробу Господню и всѣмъ святынямъ на мѣстѣ страстей Господнихъ; не спѣша обходилъ онъ всѣ святыя мѣста и насладился ихъ созерцаніемъ. Посѣтилъ онъ и всѣ окрестности Іерусалима, гдѣ жительствовали преподобные и богобоязненные мужи—подвижники, наблюдалъ и усваивалъ ихъ правила жизни и подвиговъ.

---

[1]) Область Зетская, Зета, или въ древности Діоклея, нынѣ Черногорія. Монастырь св. Михаила находился на восточномъ берегу Которскаго залива, недалеко на югъ отъ города Котора.

Пробывъ долгое время въ Святой Землѣ, онъ отправился въ обратный путь, но не прямо на родину, а на Святую Гору Аѳонскую, желая видѣть тамошнюю иноческую жизнь и насладиться душеполезными бесѣдами относительно подвижничества и чистоты душевной и тѣлесной.

Придя на Святую Гору, преподобный Евстаѳій поселился въ Сербскомъ монастырѣ Пресвятой Богородицы Хиландарскомъ, построенномъ святымъ Симеономъ, въ мірѣ—великимъ Сербскимъ жупаномъ Стефаномъ Неманей, и сыномъ его Саввой, первымъ архіепископомъ Сербскимъ. Здѣсь онъ съ великимъ усердіемъ предался подвигамъ монашескимъ, со смиреніемъ и покорностію исполняя всякую работу, которая ему назначалась въ послушаніе, неопустительно посѣщая всѣ церковныя службы и предаваясь наединѣ ночной молитвѣ и богомыслію. Такъ провелъ онъ много лѣтъ и сдѣлался извѣстнымъ среди всѣхъ аѳонскихъ подвижниковъ. Многіе древніе старцы, а не только болѣе молодые иноки, почасту приходили къ Евстаѳію и вели съ любовію и духовнымъ утѣшеніемъ душеспасительныя бесѣды.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ такой подвижнической жизни общимъ совѣтомъ и убѣжденіемъ собора всей Святой Горы Евстаѳій возведенъ былъ въ санъ игумена Хиландарскаго монастыря. Ставъ правителемъ монастыря, Евстаѳій еще усерднѣе сталъ подвизаться, подавая примѣръ во всякомъ трудѣ и добродѣтели, уча словомъ и дѣломъ. Занявъ такое видное мѣсто и ведя добродѣтельную жизнь, преподобный Евстаѳій пріобрѣлъ большую извѣстность и всеобщую любовь не только у аѳонскихъ подвижниковъ, но и у мірянъ, не только у простыхъ людей, но и у вельможъ и царей. Всѣ спѣшили оказать Евстаѳію честь и давали щедрые дары. Но эти дары онъ не для себя собиралъ, а щедрою рукою раздавалъ бѣднымъ, вдовамъ, сиротамъ, неимущимъ пропитанія и крова.

Неудивительно, что при такихъ достоинствахъ и добродѣтеляхъ преподобный Евстаѳій былъ избранъ и рукоположенъ въ епископа Зетской епархіи, въ которой онъ принялъ постриженіе.

Ставъ владыкой, опытный въ духовной жизни и въ дѣлахъ церковныхъ Евстаѳій съ великимъ успѣхомъ отправлялъ свои пастырскія обязанности, сталъ самымъ выдающимся сербскимъ епископомъ, и когда скончался сербскій архіепископъ Іоанникій, благочестивый краль сербскій Стефанъ Урошъ Милутинъ созвалъ Соборъ епископовъ, игуменовъ и бояръ, и этотъ Соборъ едино-

гласно избралъ на сербскій архіепископскій престолъ св. Саввы сего благочестиваго Зетскаго епископа Евстаѳія. Преподобный Евстаѳій по своему смиренію пытался было отказываться отъ столь высокаго сана, соединеннаго и съ великою отвѣтственностью, но его словъ не послушали, и онъ вскорѣ торжественно при всемъ Соборѣ возведенъ былъ на архіепископскій престолъ. Св. Евстаѳій покорился Промыслу Божію и возблагодарилъ Господа Бога въ горячей молитвѣ за Его великія милости, которыхъ онъ считалъ себя недостойнымъ.

Неослабно трудясь на спасеніе своей души, святый Евстаѳій приложилъ горячія заботы о благѣ ввѣренной ему Сербской Церкви. Архіепископская сербская каѳедра тогда уже обладала большими богатствами, и святый Евстаѳій приложилъ всѣ старанія къ тому, чтобы ни одна церковь его области не испытывала недостатка въ насущныхъ потребностяхъ, щедро удѣляя изъ сбереженій своей каѳедры на нужды церквей бѣдныхъ.

Немного лѣтъ правилъ святый Евстаѳій Сербскою Церковью: чрезъ семь лѣтъ послѣ своего вступленія на высокую каѳедру онъ впалъ въ болѣзнь и увидѣлъ приближеніе своей кончины. Находясь въ предсмертной болѣзни, онъ не роптал, но съ радостію ждалъ исхода изъ сего земнаго міра въ Обители Небесныя. Находясь тогда въ своей архіепископіи, въ Жичѣ[1]), онъ усердно готовился и молилъ Господа о дарованіи ему мирной кончины. Вокругъ постели больнаго собрался весь церковный сербскій Соборъ: окрестные епископы, игумены монастырей и чернецы, и весь причтъ церковный; всѣ плакали, видя приближеніе кончины своего учителя и архипастыря. Но больной, привставъ съ постели, обратился къ плачущимъ:

— Оставьте таковую жалость, **возвели́чите гдⷭ҇а со мно́ю: и҆ вознесе́мъ и҆́мѧ є҆гѡ̀ вкꙋ́пѣ**[2]).

Всѣ присутствовавшіе отъ плача обратились къ молитвѣ и пѣснопѣніямъ на исходъ души. Затѣмъ святый Евстаѳій пріобщился Святыхъ Таинъ и послѣ нѣкотораго отдохновенія обратился къ окружающимъ:

— Идите, возлюбленные, воздадимъ взаимно послѣднее цѣлованіе, ибо я уже разлучаюсь съ вами.

---

[1]) Монастырь Жича (Житьча, Жидьча), существующій до настоящаго времени, находится на правомъ берегу рѣки Ибра, недалеко отъ впаденія ея въ Сербскую Мораву, въ предѣлахъ теперешняго Сербскаго королевства.

[2]) Псаломъ 33, ст. 4.

Много рыданій вызвало это прощаніе у духовныхъ чадъ святаго Евстаѳія. Наконецъ, воздѣвъ руки къ Небу, онъ произнесъ:

— Вѣдающій кончину жизни каждаго, Боже боговъ и Господь господей, въ руцѣ Твои предаю духъ мой!

Такъ благолѣпно и славно преставился святый Евстаѳій, радуясь о Господѣ.

Собравшіяся при гробѣ духовныя лица, совокупно съ мірянами, совершили торжественное погребеніе въ Жичѣ, въ храмѣ Спасителя, положивъ тѣло въ мраморной ракѣ, которую ранѣе приготовилъ себѣ самъ Евстаѳій.

Вскорѣ послѣ погребенія внутри помянутаго храма Спасителя стали совершаться при ракѣ почившаго знаменія и чудеса. Иногда видѣли у раки какъ будто горящія свѣчи, иногда ночью ясно слышали у гроба какія-то рѣчи, говоръ, какъ будто тутъ собралось много тысячъ людей. Одинъ человѣкъ, служившій при храмѣ Спасителя, страдалъ болѣзнью носа. Много испробовалъ онъ средствъ и много истратилъ денегъ на излѣченіе, но пользы не было. Потерявъ надежду на земныя средства, больной обратился съ горячей молитвой къ Господу Богу и Пречистой Его Матери въ храмѣ Спаса, стоя неустанно за всякимъ Богослуженіемъ у раки преподобнаго Евстаѳія. Въ одну ночь больной видитъ во снѣ, что онъ стоитъ, какъ по обычаю и наяву, подлѣ раки Евстаѳія; къ нему является благолѣпный мужъ въ святительской одеждѣ и спрашиваетъ, въ чемъ онъ нуждается. Больной разсказалъ все по-ряду. Тогда пришедшій мужъ говоритъ:

— Меня Господь послалъ исцѣлить тебя, только не согрѣшай болѣе, чтобы не пострадать хуже.

Съ этими словами онъ перекрестилъ больнаго и коснулся его раны. Больной спросилъ:

— Кто ты такой, владыка святый?

Пришедшій отвѣчалъ:

— Я — рабъ Христовъ, инокъ, по имени Евстаѳій, лежащій въ семъ мѣстѣ.

Больной проснулся и ужаснулся; съ трепетомъ онъ поспѣшилъ къ тогдашнему архіепископу Іакову и сообщилъ ему и всему Собору объ этомъ чудесномъ видѣніи. Больной тогда же совершенно исцѣлился, и всѣ прославили Господа и Его святаго — Евстаѳія. Чудеса при гробѣ Евстаѳія стали умножаться. Однажды нашли три цвѣтка дивной красоты, выросшіе на его мраморной ракѣ, хотя

она представляла совершенно сухой камень,—ни земли, ни даже никакой влаги не было на ней. Это чудесное знаменіе навело всѣхъ на мысль, что Богъ прославляетъ Своего угодника и обновляетъ тѣло его нетлѣніемъ. Тогда же одному изъ иноковъ того монастыря, экклисіарху, въ нощномъ видѣніи является нѣкій страшный юноша съ пламеннымъ оружіемъ въ рукахъ и съ гнѣвомъ говоритъ:

— Почему вы нерадите, видя таковыя знаменія? Или не разумѣете, что тѣлу усопшаго не предназначено видѣть истлѣнія, но оно должно быть изъято изъ земли?

О всѣхъ сихъ чудесахъ возвѣщено было благочестивому кралю Урошу Милутину, который, по совѣщаніи съ архіепископомъ, повелѣлъ торжественно открыть раку, въ которой и обрѣтено было тѣло святителя Евстаѳія нетлѣннымъ и положено открыто въ новой ракѣ. Спустя нѣкоторое время, ввиду опасности отъ непріятельскихъ нашествій, мощи святаго Евстаѳія, стараніемъ архіепископа Іакова, перенесены были изъ Жичи въ Ипекъ (или Печь)[1]) и поставлены въ тамошнемъ архіепископскомъ каѳедральномъ храмѣ святыхъ Апостоловъ Петра и Павла.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ

преподобномученика ЗОСИМЫ и мученика АѲАНАСІЯ

Преподобномученикъ Зосима былъ родомъ изъ Киликіи[2]) и подвизался въ пустынѣ. По приказанію нечестиваго Діоклетіана[3]), онъ былъ взятъ и преданъ мученіямъ за вѣру Христову. Раскаленнымъ желѣзомъ ему сожгли уши, бросили его въ котелъ, наполненный нечистотами, повѣсили его за ноги внизъ головою и предавали различнымъ пыткамъ. Но чудеснымъ образомъ святый былъ избавленъ отъ смерти. Во время мученій его пришелъ изъ

---

1) *Ипекъ, Пештъ, Печь* — второе мѣсто пребыванія Сербскихъ архіепископовъ; этотъ городъ съ монастыремъ существуетъ и теперь и находится въ Старой Сербіи (принадлежащей Турціи) на рѣчкѣ Быстрицѣ, впадающей въ Бѣлый Дринъ въ его верховьяхъ.

2) *Киликія*—юго-восточная область Малой Азіи при Средиземномъ морѣ.

3) *Діоклетіанъ*—Римскій императоръ, царствовавшій съ 284 по 305 годъ.

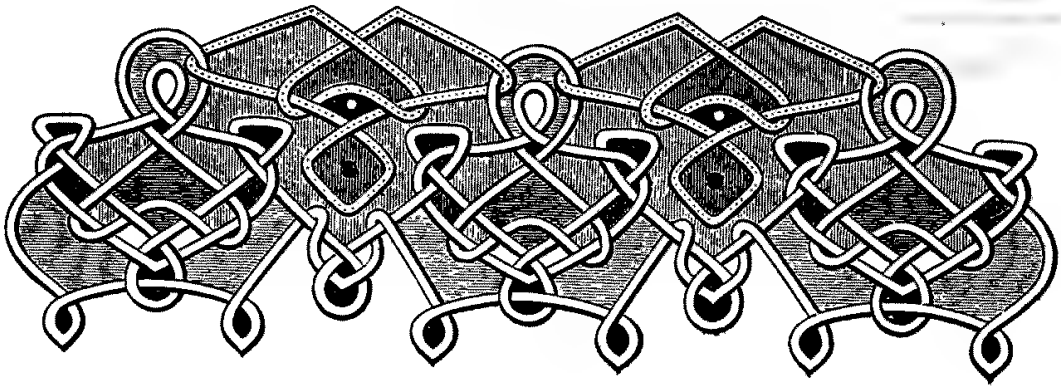
пустыни левъ и заговорилъ человѣческимъ голосомъ. При видѣ этого чуда всѣхъ объялъ ужасъ, и Зосима былъ отпущенъ. Комментарисій[1]) Аѳанасій, увидѣвъ его невредимымъ послѣ жестокихъ мученій, увѣровалъ во Христа и крестился. Зосима удалился вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ въ пустыню, и тамъ, среди молитвенныхъ подвиговъ, въ разсѣлинѣ одной горы оба они мирно предали души свои Господу.

Въ тотъ же день память преподобнаго **Ѳеоктиста**, игумена въ Кукумѣ Сикелійскомъ[2]).

---

[1]) *Комментарисій*—смотритель за узниками, ведшій имъ счетъ.

[2]) *Кукумъ* (древній Финикійскій Каккабъ) отстоялъ отъ Панормы (нынѣ Палермо) въ западной части сѣвернаго прибрежья острова Сициліи на 24 мили и стоялъ при подошвѣ горы; на окраинѣ его былъ монастырь, основанный преподобнымъ Ѳеоктистомъ, гдѣ жили греческіе монахи, бѣжавшіе отъ иконоборства. Преподобный Ѳеоктистъ скончался въ 800 году.



День пятый

СТРАДАНІЕ

СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ѲЕОПЕМПТА и ѲЕОНЫ

Царь Діоклетіанъ въ первый годъ воздвигнутаго имъ на христіанъ гоненія однажды во время своего путешествія прибылъ въ городъ Никомидію и здѣсь, поставивъ множество идольскихъ изображеній, поклонялся имъ.

Чрезъ нѣсколько дней въ городскихъ окрестностяхъ былъ захваченъ епископъ Никомидійскій Ѳеопемптъ (онъ первый пострадалъ въ гоненіе христіанъ Діоклетіаномъ), который, будучи представленъ на судъ царю, сказалъ:

— Эти боги, серебряные и золотые, деревянные и каменные, которымъ ты поклоняешься,—вовсе не боги, ибо они не могутъ ни дышать, ни говорить, ни содѣлать что-либо доброе или злое; Всемогущій же Небесный Богъ сотворилъ небо, землю и море и все, что въ нихъ находится.

Когда святый говорилъ это и многое другое о вѣрѣ христіанской, царь во гнѣвѣ сказалъ ему:

— Я призвалъ тебя не для того, чтобы разсуждать, а для того, чтобы ты безъ разговоровъ принесъ жертву богу Аполлону.

Святый Θеопемптъ отвѣчалъ на это такими словами:

— Такимъ богамъ я никогда не принесу жертву и никогда не испугаюсь мученій, какія ты можешь мнѣ назначить, ибо написано: **не оу҆бо́йтеся ѿ оу҆бива́ющихъ тѣ́ло, дꙋши́ же не могꙋ́щихъ оу҆би́ти**[1]). А ты, имѣя власть надъ моимъ тѣломъ, дѣлай, что тебѣ угодно!

Тогда царь повелѣлъ растопить печь, чтобы потомъ бросить въ нее святаго епископа, и воины растопляли печь какъ можно жарче, съ утра до полудня. Въ это время святый епископъ сказалъ имъ:

— Подождите немного, и я покажу вамъ силу Господа Бога моего, за святое Имя Котораго эта печь растопляется для меня.

Сказавъ это, святый бросился въ разгорѣвшуюся печь и сѣлъ въ ней посрединѣ, а воины, полагая, что онъ тотчасъ же сгорѣлъ, ушли. Но въ полночь святый мужъ, выйдя изъ печи, вошелъ въ царскую опочивальню, двери коей предъ нимъ отворились сами собою, и, разбудивъ царя, сказалъ ему:

— Я — Θеопемптъ епископъ, служитель Іисуса Христа: я не умеръ, но живъ, хотя ты и повелѣлъ меня умертвить.

Сказавъ это, онъ снова вошелъ въ печь. Царь, увидѣвъ святаго и услышавъ его слова, пришелъ въ ужасъ и какъ бы онѣмѣлъ отъ сильнаго страха. Наутро, призвавъ своихъ воиновъ, онъ сказалъ имъ:

— Бросили ли вы въ разжженную печь того христіанина, котораго я повелѣлъ вамъ бросить?

Воины отвѣчали:

— Мы сдѣлали, государь, какъ ты повелѣлъ,—бросили его, и онъ вчера погибъ въ огнѣ.

Тогда Діоклетіанъ всталъ, пошелъ съ воинами къ печи и тамъ услышалъ, какъ святый епископъ посреди разжженной печи пѣлъ и славословилъ Бога. Это привело царя въ чрезвычайное удивленіе и, когда святый вышелъ изъ печи невредимымъ, царь сказалъ окружавшимъ его:

— Смотрите, какъ сильно волшебство христіанское; я слышалъ, что христіане совершаютъ свои волшебныя дѣла во Имя какого-то Іисуса.

Послѣ этого царь тотчасъ повелѣлъ взять пса и бросить въ печь, чтобы видѣть, не останется ли цѣлымъ песъ, какъ чудесно

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 28.

остался цѣлымъ епископъ; но песъ тотчасъ же сгорѣлъ. Увидѣвъ это, царь сказалъ человѣку Божію:

— Я предамъ тебя жесточайшимъ мученіямъ, какъ нечестивца, потому что я убѣдился, что ты—обольститель и волшебникъ.

Онъ повелѣлъ заключить его въ тѣсную темницу и не давать ему ни хлѣба, ни воды до того дня, въ который царь захочетъ судить его, и человѣкъ Божій пробылъ въ той темницѣ двадцать два дня безъ пищи и питія, будучи укрѣпляемъ Богомъ. По окончаніи этого времени царь сказалъ своимъ воинамъ:

— Пойдемъ посмотримъ, живъ ли тотъ христіанинъ или уже умеръ?

Ст҃іи мч҃нцы
Ѳеопе́мптъ и Ѳеѡ́на

Найдя его живымъ и радостнымъ, какъ бы послѣ царскаго обѣда, Діоклетіанъ разгнѣвался и, выведши блаженнаго епископа изъ темницы, разодралъ на себѣ одежды, всплеснулъ руками и сказалъ:

— Смотрите же, какъ сильно христіанское волшебство!

Но блаженный епископъ на это сказалъ:

— Доколѣ, несчастный, ты будешь оставаться ослѣпленнымъ и до какихъ поръ не будешь признавать Истиннаго Бога, въ Котораго я вѣрую? Ибо Онъ далъ мнѣ силу и крѣпость, чтобы я побѣдилъ тебя и чтобы я возвысился надъ всѣми мученіями, какія ты для меня изобрѣтешь, и презрѣлъ ихъ.

Царь же, при сихъ словахъ, повелѣлъ вырвать у святаго правый глазъ и положить его въ правую руку мученика, а потомъ отвести его въ темницу. Когда святый здѣсь сталъ молиться, великій свѣтъ возсіялъ предъ нимъ въ темницѣ, и тотчасъ же

зѣница ока его открылась и стала цѣла и здорова, какъ и другая. Узнавъ объ этомъ и увидѣвъ святаго, царь разгнѣвался еще больше и сказалъ:

— Клянусь римскимъ Аполлономъ[1]), что не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не найду болѣе сильнаго волшебника, который могъ бы разрушить всѣ твои хитрости и волшебныя дѣйствія!

Сказавъ это, царь снова повелѣлъ увести его въ темницу, а самъ послалъ указы по всѣмъ странамъ, ему подвластнымъ, такого содержанія:

«Если какой-либо волшебникъ,—писалъ царь,—можетъ разрушить христіанскія волхвованія, тотъ пусть какъ можно скорѣе явится; онъ получитъ большіе подарки и великія почести».

И вотъ пришелъ одинъ волшебникъ, по имени Ѳеона, который, представъ предъ лицо Діоклетіана, сказалъ:

— По вашему повелѣнію я пришелъ, чтобы какъ можно скорѣе разрушить христіанское волшебство, и я непремѣнно исполню то, что обѣщаю тебѣ.

Услышавъ это, царь обрадовался и сказалъ:

— Есть у меня въ темницѣ одинъ христіанскій князь. Когда ты разрушишь его волшебную силу, то получишь отъ насъ великія почести.

Ѳеона на это сказалъ ему:

— Пусть этотъ христіанинъ сотворитъ предо мною какое-нибудь чудо, и я въ твоемъ присутствіи разрушу всѣ его дѣла.

Царь обрадовался этому и сказалъ Ѳеонѣ:

— Однако мнѣ хотѣлось бы сначала видѣть какое-либо знаменіе, совершенное тобою.

Ѳеона испросилъ тогда привести къ нему самаго свирѣпаго быка. Когда быкъ былъ приведенъ, Ѳеона пошепталъ ему въ уши какія-то слова, и быкъ въ то же мгновеніе распался на двѣ части, и каждая часть лежала особо.

Тогда изумленный царь сказалъ:

— Дѣйствительно, ты можешь разрушить христіанское волшебство!

— Подожди еще царь,—отвѣчалъ ему Ѳеона—и ты поймешь все величіе происшедшаго чуда!

---

[1]) Греко-римскій богъ, почитавшійся покровителемъ умственнаго просвѣщенія и божествомъ Солнца.

Сказавъ это, онъ повелѣлъ принести себѣ вѣсы и положилъ на нихъ обѣ части вола, которыя оказались обѣ равными по вѣсу. Немедленно послѣ этого Діоклетіанъ повелѣлъ привести къ себѣ святаго епископа Θеопемпта и, поставивъ его противъ волхва, сказалъ ему:

— Знаю, что ты—обманщикъ и волшебникъ! Вотъ сей волхвъ пришелъ изъ Египта, и я теперь хочу узнать, кто изъ васъ обоихъ сильнѣе въ волшебствѣ.

Тогда Θеона сказалъ епископу:

— Я покажу надъ тобою два дѣйствія моей волшебной силы, и если они не повредятъ тебѣ, то и я увѣрую въ твоего Бога.

Приготовивъ изъ муки двѣ круглыя лепешки, онъ предложилъ епископу съѣсть ихъ. Епископъ взялъ и съѣлъ ихъ, и они показались ему на вкусъ сладкими, какъ медъ, и не причинили ему никакого вреда.

Увидѣвъ это, Θеона удивился и сказалъ:

— Я испытаю на тебѣ еще одно чудесное дѣйствіе моего искусства, и если оно тебѣ не повредитъ, то увѣрую въ твоего Бога.

Взявъ чашу съ водою, онъ положилъ въ нее одну ядовитую траву и призвалъ на помощь себѣ могущественнѣйшихъ бѣсовъ, чтобы ядъ подѣйствовалъ сильнѣе, а потомъ далъ выпить воду святому.

Когда святый выпилъ ее безъ всякаго вреда для себя, Θеона тотчасъ же упалъ къ ногамъ святаго епископа и сказалъ:

— Нѣтъ другаго Бога, на Котораго можно было бы уповать, кромѣ Единаго Іисуса!

А потомъ сказалъ царю:

— Я — христіанинъ и поклоняюсь Распятому!

Услышавъ это, царь пришелъ въ большое смущеніе и воскликнулъ:

— Велики чудеса христіанскихъ волшебниковъ!

И повелѣлъ обоихъ отвести въ темницу. Тамъ святый епископъ, научивъ Θеону вѣрѣ, переименовалъ его въ Синезія (что значитъ: исполненный разума, такъ какъ онъ чистымъ сердцемъ уразумѣлъ и позналъ Христа Бога и Господа) и окрестилъ его:

Наутро царь повелѣлъ привести къ себѣ святаго епископа и, преклонивъ предъ нимъ голову, сказалъ ему:

— Здравствуй, учитель волшебниковъ.

И потомъ сталъ убѣждать его обратиться къ нечестивой эллинской вѣрѣ. Когда же святый отказался принести жертву богамъ, царь повелѣлъ растянуть его на землѣ, лицомъ кверху и привязать къ четыремъ деревьямъ за руки и за ноги, а потомъ принести довольно большой обломокъ каменнаго столба, который восемь человѣкъ едва могли снести, и положить его на чрево святаго. Но святый епископъ обратился съ молитвою къ Богу—и тотчасъ же тотъ камень, который былъ положенъ ему на чрево, поднялся самъ собою и былъ отброшенъ отъ него далеко, почти на пятнадцать локтей разстоянія. Тогда Діоклетіанъ повелѣлъ повѣсить святаго за ноги, внизъ головою, а къ шеѣ привязать тяжелый камень и оставилъ его висящимъ въ такомъ положеніи съ утра до третьяго часа дня. Потомъ онъ приказалъ обрѣзать внезапно веревку, на которой святый былъ повѣшенъ за ноги; онъ думалъ, что, при паденіи, онъ будетъ раздавленъ тяжелымъ камнемъ, расшибется и, такимъ образомъ, позорно погибнетъ. Но когда это было сдѣлано, святый епископъ, силою Божіею, сталъ прямо на ноги свои. Послѣ этого мучитель произнесъ надъ нимъ смертный приговоръ.

Святый, съ радостію услышавъ его, громко воскликнулъ:

— Благословенъ Богъ, Отецъ Господа моего Іисуса Христа, что Онъ сподобилъ меня достигнуть того дня, наступленія котораго я всегда желалъ. Итакъ, молю Тебя, Господи, поминай меня во вѣки и въ настоящій часъ!

Сказавъ это, онъ преклонилъ колѣна и, подвергшись усѣченію главы, преставился въ мирѣ, исповѣдуя Пресвятую Троицу.

Потомъ царь повелѣлъ привести къ себѣ волхва Ѳеону, увѣровавшаго во Христа, и когда ни ласкательствомъ, ни угрозами не смогъ склонить его къ идольскому жертвоприношенію, то повелѣлъ бросить его въ глубокій ровъ и засыпать землей. Приведены были сюда и свирѣпые кони, которые топтали ногами землю, насыпанную на святаго, брошеннаго въ ровъ. Такъ святый Ѳеона, посыпаемый землею и долгое время попираемый конскими ногами, отошелъ ко Господу [1]).

Свой страдальческій подвигъ святые мученики — епископъ Ѳеопемптъ и Ѳеона, онъ же и Синезій, — совершили въ Никомидіи, при царѣ Діоклетіанѣ, пребывая подъ властію верховнаго Царя — Господа нашего Іисуса Христа, Ему же со Отцемъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ слава во вѣки, аминь.

[1]) Кончина его послѣдовала въ 303 году.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОЙ

СИНКЛИТИКІИ

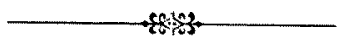
Преподобная Синклитикія родилась въ Египтѣ въ городѣ Александріи [1]), куда изъ Македоніи [2]) переселились ея родители—люди знатнаго рода, извѣстные своимъ благочестіемъ и очень богатые. Когда она достигла дѣвическаго возраста, то многіе благородные и богатые юноши, очарованные необычайною красотою ея лица и всѣми признаннымъ ея добронравіемъ, искали вступить съ нею въ бракъ. Но она не хотѣла выходить замужъ, еще съ юности пламенѣя любовію къ Небесному Жениху Христу Богу. Вотъ почему она заботилась не о внѣшнемъ украшеніи себя, а о внутреннемъ, очищая душу свою постомъ, цѣломудріемъ и чистотою ума, дабы явиться угодною очамъ Христовымъ. Устремивъ къ Богу весь свой умъ, она одержала побѣду надъ невидимымъ врагомъ, діаволомъ, возбуждающимъ людей ко грѣхамъ. По смерти своихъ родителей она раздала все имѣніе свое нищимъ и убогимъ, а сама отреклась отъ міра, дошедши Бога ради до крайняго обнищанія, взяла съ собою сестру, лишенную зрѣнія, и поселилась въ могильномъ памятникѣ своего род-

Прпбнаѧ
СѴНКЛИТЇКІА

[1]) Объ *Александріи* см. на стр. 152, прим. 4.

[2]) *Македонія*—провинція Римской имперіи на югѣ Балканскаго полуострова, на сѣверѣ отъ Греціи.

ственника. Иноческій санъ она считала столь великимъ, что не знала, какъ возблагодарить за него Бога, ущедрившаго ее. Въ первые годы подвижнической жизни она превзошла многихъ, но скрывала свои подвиги. Она не только вкушала мало хлѣба и скудную мѣру воды, но и хлѣбъ у нея былъ изъ отрубей. Постъ свой она увеличивала, если воздвигалась противъ нея брань врага. Слава о ея подвигахъ привлекла къ ней многихъ женъ, которыя просили у нея назиданія. Долго она однимъ молчаніемъ отвѣчала на ихъ просьбы, но неотступныя мольбы заставили ее давать наставленія уже многимъ подвижницамъ, которыя собрались вокругъ нея и составили общежитіе. Въ концѣ своей жизни она потерпѣла отъ искусителя то же, что потерпѣлъ нѣкогда праведный Іовъ, ибо лютые недуги постигли ее, и все ея тѣло было покрыто струпьями, истощено и изъѣдено язвами и червями. Такъ страдала она три года и шесть мѣсяцевъ, не дозволяя, чтобы врачъ оказывалъ ей помощь, и только возлагая на Бога одного свою надежду. Когда же наступило время ея отшествія изъ этой жизни, она узрѣла въ видѣніи святыхъ Ангеловъ и ликъ пресвѣтлыхъ дѣвъ, призывавшихъ ее къ себѣ, и увидѣла райскія селенія. Послѣ сего видѣнія, обратившись со словомъ къ дѣвицамъ-инокинямъ, она предсказала день и часъ своего разлученія съ тѣломъ. Оно должно было совершиться чрезъ три дня послѣ сего. Какъ сказала она, такъ и было: ибо спустя три дня, въ назначенный ею часъ, она разлучилась съ своимъ многоболѣзненнымъ тѣломъ и лютыми язвами и перешла, какъ мученица, къ Господу въ жизнь безболѣзненную, какою наслаждаются на Небесахъ святые[1]). Она прожила на землѣ около восьмидесяти лѣтъ во многихъ трудахъ и подвигахъ; нынѣ же пребываетъ въ вѣчныхъ Небесныхъ Обителяхъ.



[1]) Преподобная Синклитикія скончалась около 350 года.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНОЙ

АПОЛЛИНАРІИ

По смерти Греческаго царя Аркадія[1]) сынъ его Ѳеодосій[2]) остался малымъ, осмилѣтнимъ отрокомъ и не могъ управлять царствомъ; поэтому братъ Аркадія, Римскій императоръ Гонорій[3]), вручилъ попечительство надъ юнымъ царемъ и управленіе всѣмъ Греческимъ царствомъ одному изъ важнѣйшихъ сановниковъ—анѳипату[4]) по имени Анѳемію[5]), мужу мудрому и весьма благочестивому. Этотъ анѳипатъ до тѣхъ поръ, пока Ѳеодосій выросъ, всѣми въ то время почитался какъ царь, почему и святый Симеонъ Метафрастъ[6]), начиная писать сіе житіе, говоритъ: «Въ царствованіе благочестиваго царя Анѳемія» и во всей этой исторіи называетъ его царемъ. У сего Анѳемія было двѣ дочери, изъ коихъ одна, младшая, съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ имѣла въ себѣ нечистаго духа, а старшая отъ юности проводила время во святыхъ церквахъ и молитвахъ. Имя сей послѣдней было Аполлинарія. Когда она достигла совершеннолѣтія, родители ея стали помышлять о томъ, какъ бы выдать ее замужъ, но она отказывалась отъ этого и говорила имъ:

— Я хочу уйти въ монастырь, слушать тамъ Божественное писаніе и видѣть чинъ монастырской жизни.

Родители говорили ей:

— Мы хотимъ выдать тебя замужъ.

---

1) *Аркадій*, по раздѣлѣ Римской имперіи отцомъ его Ѳеодосіемъ I Великимъ, царствовалъ въ Восточной Римской имперіи, или въ Византіи, съ 395 по 408 г.

2) *Ѳеодосій II-й* — сынъ Аркадія, названный Младшимъ, въ отличіе отъ дѣда своего Ѳеодосія I Великаго; царствовалъ въ Византіи съ 408 по 450 г.

3) *Гонорій*—другой сынъ Ѳеодосія Великаго—получилъ, при раздѣлѣ Имперіи, Западъ и царствовалъ съ 395 по 423 г.

4) *Анѳипатъ* (греч. Ἀνθύπατος), или *проконсулъ*,—сановникъ въ Византійской имперіи, занимавшій государственную должность правителя отдѣльной области, или провинціи.

5) *Анѳемій*—отецъ Аполлинаріи—былъ проконсуломъ, или анѳипатомъ, съ 405 г. и пользовался вліяніемъ при дворѣ, такъ что по смерти императора Аркадія въ 408 г. братъ его Гонорій, императоръ Западной имперіи, назначилъ сего Анѳемія опекуномъ къ 8-ми лѣтнему сыну Аркадія Ѳеодосію и довѣрилъ ему временное правленіе всей Восточной имперіей. Поэтому Анѳемій въ житіи называется царемъ. О немъ упоминаетъ блаженный Ѳеодоритъ, и сохранилось письмо къ нему св. Іоанна Златоуста.

6) О св. *Симеонѣ Метафрастѣ* см. на стр. 174, прим. 6.

Она же отвѣчала имъ:

— Не хочу идти замужъ, но надѣюсь, что Богъ и меня сохранитъ въ страхѣ предъ Нимъ чистою, какъ Онъ соблюдаетъ въ непорочности Своихъ святыхъ дѣвъ!

Родителямъ ея казалось весьма удивительнымъ, что она говорила такъ, будучи еще столь юною, и что до такой степени она была объята любовію къ Божественному. Но Аполлинарія снова стала умолять своихъ родителей, чтобы они привели къ ней какую-нибудь инокиню, которая бы научила ее Псалтири и чтенію Святыхъ Писаній. Анѳемій же немало скорбѣлъ о ея намѣреніи, потому что ему хотѣлось выдать ее замужъ. Когда же дѣвица не измѣнила своего желанія и отказалась отъ всякихъ подарковъ, которые предлагались ей искавшими ея руки знатными юношами, родители сказали ей:

— Чего же ты хочешь, дочь?

Она отвѣчала имъ:

— Прошу васъ, отдайте меня Богу—и вы получите награду за мое дѣвство!

Видя, что намѣреніе ея непоколебимо, крѣпко и благочестиво, они сказали:

— Да будетъ воля Господня!

И привели къ ней опытную инокиню, которая научила ее читать божественныя книги. Послѣ сего она сказала родителямъ:

— Прошу васъ, отпустите меня въ путешествіе, чтобы я могла увидѣть Святыя мѣста въ Іерусалимѣ. Тамъ я помолюсь и поклонюсь Честно́му Кресту и Святому Воскресенію Христову!

Они не хотѣли отпустить ее, потому что она была для нихъ въ домѣ единственной утѣхою и они сильно любили ее, такъ какъ другая ея сестра была одержима бѣсомъ. Аполлинарія же въ теченіе долгаго времени умоляла родителей своими просьбами, и вотъ они, противъ желанія своего, согласились, наконецъ, отпустить ее. Они дали ей многихъ рабовъ и рабынь, немало золота и серебра и сказали:

— Возьми это, дочь, и ступай, исполни обѣтъ свой, ибо Богъ хочетъ, чтобы ты была Его рабою!

Посадивъ ее на корабль, они простились съ нею и сказали:

— Помяни и насъ, дочь, въ молитвахъ на Святыхъ мѣстахъ!

Она же сказала имъ:

— Какъ вы исполняете желаніе моего сердца, такъ пусть и Богъ исполнитъ ваши прошенія и избавитъ васъ въ день скорби!

Прп҃бнаѧ
а҆поллина́рїа

Итакъ, разлучившись съ родителями, она отправилась въ плаваніе. Достигнувъ Аскалона[1]), она пробыла тутъ нѣсколько дней изъ-за волненія морскаго и обошла тамъ всѣ церкви и монастыри, молясь и подавая милостыню нуждающимся. Здѣсь же нашла она себѣ спутниковъ для путешествія во Іерусалимъ и, придя во Святый Градъ, поклонилась Воскресенію Господню и Честно́му Кресту, совершая усердную молитву за родителей своихъ. Въ эти дни своего богомолья Аполлинарія посѣщала и женскіе монастыри, жертвуя большія суммы на нужды ихъ. Въ то же время она стала отпускать на свободу излишнихъ рабовъ и рабынь, причемъ давала имъ щедрою рукою награду за ихъ службу и поручала себя ихъ молитвамъ. Чрезъ нѣсколько дней, по окончаніи своихъ молитвъ на Святыхъ мѣстахъ, Аполлинарія, посѣтивъ Іорданъ, сказала оставшимся съ нею:

— Братія мои, я хочу освободить и васъ, но сначала отправимся въ Александрію и поклонимся святому Минѣ[2]).

Они же сказали:

— Пусть будетъ такъ, какъ ты, госпожа, повелѣваешь!

Когда они приближались къ Александріи, о ея прибытіи узналъ александрійскій проконсулъ[3]) и послалъ почетныхъ людей встрѣ-

---

[1]) *Аскалонъ* — одинъ изъ пяти главныхъ филистимскихъ городовъ въ Палестинѣ, на берегу Средиземнаго моря, между Газою и Азотомъ. Назначенный въ удѣлъ колѣну Іудину и завоеванный имъ, онъ, однако, послѣ былъ независимъ и, подобно другимъ филистимлянскимъ городамъ, былъ во враждѣ съ Израилемъ.

[2]) Здѣсь разумѣется св. великомученикъ Мина, память коего празднуется 11-го ноября. Мученическая кончина св. Мины послѣдовала въ 304 г., и останки его вѣрующими были перенесены въ Александрію, гдѣ на мѣстѣ погребенія ихъ былъ воздвигнутъ храмъ; сюда-то и стекались многочисленные паломники, такъ какъ по молитвамъ святаго совершалось здѣсь множество чудесъ.

[3]) *Проконсулъ* — правитель области.

тить ее и привѣтствовать какъ дочь царскую. Она же, не желая приготовленныхъ ей почестей, ночью вошла въ городъ и сама, явившись въ домъ проконсула, привѣтствовала его и его супругу. Проконсулъ же съ супругой упали ей въ ноги, говоря:

— Зачѣмъ ты такъ поступила, госпожа? Мы послали привѣтствовать тебя, а ты, наша госпожа, пришла къ намъ сама съ поклономъ.

Блаженная Аполлинарія сказала имъ:

— Хотите ли вы сдѣлать мнѣ пріятное?

Они же отвѣчали:

— Конечно, госпожа!

Тогда святая сказала имъ:

— Отпустите же меня немедленно, не докучайте мнѣ почестями, ибо я хочу идти и помолиться святому мученику Минѣ.

И они, почтивъ ее драгоцѣнными дарами, отпустили. Блаженная же раздала тѣ дары нищимъ. Послѣ того она въ теченіе нѣсколькихъ дней оставалась въ Александріи, обходя церкви и монастыри. При этомъ она нашла въ томъ домѣ, гдѣ имѣла пребываніе, одну старицу, которой Аполлинарія подала щедрую милостыню и упросила тайно купить ей мантію, парамандъ[1]), клобукъ и кожаный поясъ и всѣ мужскія одежды иноческаго чина. Старица же, согласившись, купила все это и, принеся къ блаженной, сказала:

— Да поможетъ тебѣ Богъ, мать моя!

Получивъ монашескія одежды, Аполлинарія сокрыла ихъ у себя, чтобы про то не узнали ея спутники. Потомъ она отпустила оставшихся при ней рабовъ и рабынь, кромѣ двоихъ—одного стараго раба и другаго евнуха, и, сѣвши на корабль, отплыла въ Лимнъ. Оттуда наняла она четырехъ животныхъ и отправилась ко гробу святаго мученика Мины. Поклонившись мощамъ святаго и совершивъ свои молитвы, Аполлинарія въ закрытой колесницѣ

---

1) *Парамандъ*, иначе называемый *аналавъ*,—это принадлежность монашескаго одѣянія. Въ древности парамандъ состоялъ изъ двухъ ремней, надѣваемыхъ поверхъ хитона или рубахи крестообразно на плечи, въ знаменіе подъятія на рамена крестнаго ига Христова. Иначе парамандъ устроялся изъ двойныхъ шерстяныхъ перевязей, спускавшихся съ шеи и обнимавшихъ крестообразно плечи подъ мышками и затѣмъ препоясывавшихъ нижнюю одежду. Впослѣдствіи къ этимъ ремнямъ и перевязямъ стали прикрѣплять небольшой льняной платъ на груди съ изображеніемъ страданій Христовыхъ, опоясываясь концами ремней или перевязей его крестообразно, наподобіе діаконскаго ораря. Нѣкоторые изъ иноковъ надѣвали парамандъ поверхъ одежды монашеской, иные же только сверхъ хитона, или рубахи, какъ носятъ и теперь. Въ настоящее же время поверхъ одежды носятъ удлиненный парамандъ, или аналавъ, только схимники.

поѣхала въ скитъ поклониться жившимъ тамъ святымъ отцамъ. Былъ вечеръ, когда она отправилась въ путь, и она велѣла евнуху находиться позади колесницы, а рабъ, находившійся впереди, правилъ животными. Блаженная же, сидя въ закрытой колесницѣ и имѣя съ собою иноческія одежды, совершала тайную молитву, испрашивая у Господа помощи въ предпринятомъ ею дѣлѣ. Наступила темнота, и приближалась полночь; приблизилась и колесница къ одному болоту, находившемуся при источникѣ, который послѣ сталъ называться источникомъ Аполлинаріи. Откинувъ покрывало колесницы, блаженная Аполлинарія увидала, что оба ея служителя, евнухъ и возница, задремали. Тогда она сняла съ себя мірскія одежды и облеклась въ иноческое мужское одѣяніе, обращаясь при семъ къ Богу съ такими словами:

— Ты, Господи, далъ мнѣ начатокъ сего образа, сподоби же меня до конца понести его, по Твоей Святой волѣ!

Потомъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, она тихо сошла съ колесницы, между тѣмъ какъ слуги ея спали, и, войдя въ болото, скрывалась здѣсь до тѣхъ поръ, пока колесница не уѣхала дальше. Святая поселилась въ той пустынѣ при болотѣ и жила одна предъ лицомъ Единаго Бога, Котораго она возлюбила. Богъ же, видя ея сердечное къ Нему влеченіе, покрывалъ ее Своею десницею, помогая ей въ борьбѣ съ невидимыми врагами и подавая ей тѣлесное пропитаніе въ видѣ плодовъ съ финиковаго дерева.

Когда же колесница, съ коей тайно сошла святая, двинулась дальше, слуги—евнухъ и старецъ—проснулись и, при свѣтѣ наступавшаго дня замѣтивъ, что колесница пуста, очень испугались; они видѣли только одежды своей госпожи, а ея самой не находили. Они удивлялись, не зная, когда она сошла, куда отправилась и съ какою цѣлію, снявъ притомъ съ себя всѣ одежды. Долго они искали ее, звали ее громкимъ голосомъ, но, не найдя, рѣшили возвратиться назадъ, не зная что другое имъ сдѣлать. Итакъ, вернувшись въ Александрію, они объявили обо всемъ проконсулу Александрійскому, а тотъ, чрезвычайно удивленный сдѣланнымъ ему донесеніемъ, тотчасъ обо всемъ съ подробностями написалъ анѳипату Анѳемію, отцу Аполлинаріи и отослалъ ему съ евнухомъ и старцемъ оставшіяся въ колесницѣ ея одежды. Анѳемій, прочитавъ письмо проконсула, вмѣстѣ съ супругою своею, матерью Аполлинаріи, долго и неутѣшно рыдали вмѣстѣ, разсматривая одежды

любимой своей дочери, а съ ними плакали и всѣ вельможи. Потомъ Анѳемій молитвенно воскликнулъ:

— Боже! Ты избралъ ее, Ты и утверди ее въ страхѣ Твоемъ!

Когда вслѣдъ за этимъ всѣ снова зарыдали, то нѣкоторые изъ вельможъ стали утѣшать царя такими словами:

— Вотъ истинная дочь добродѣтельнаго отца, вотъ истинная отрасль благочестиваго царя! Въ этомъ, государь, получила свидѣтельство предъ всѣми твоя добродѣтель, за которую Богъ благословилъ тебя такою дочерью!

Говоря это и многое другое, они нѣсколько успокаивали горькую скорбь царя. И всѣ молились Богу за Аполлинарію, чтобы Онъ укрѣпилъ ее въ такомъ житіи, ибо поняли, что она ушла на трудное пустынническое житіе, какъ это и случилось на самомъ дѣлѣ.

Святая же дѣва нѣсколько лѣтъ прожила на томъ мѣстѣ, гдѣ она сошла съ колесницы, пребывая въ пустынѣ около болота, изъ котораго поднимались цѣлыя облака язвительныхъ комаровъ. Тамъ вела она борьбу съ діаволомъ и съ тѣломъ своимъ, которое было прежде нѣжно, какъ тѣло дѣвицы, выросшей въ царской роскоши, а потомъ стало похожимъ какъ бы на броню черепахи, ибо она изсушала его трудами, постомъ и бдѣніемъ и отдавала на съѣденіе комарамъ, а кромѣ того, ее опалялъ и зной солнца. Когда же Господь восхотѣлъ, чтобы она нашла себѣ пріютъ среди святыхъ отцовъ пустынниковъ и чтобы о ней увѣдали люди, для своей пользы, то вывелъ ее изъ того болота. Ей явился во снѣ Ангелъ и повелѣлъ идти въ скитъ и именоваться Дороѳеемъ. И она вышла изъ своего мѣстопребыванія, имѣя такую наружность, что никто не могъ бы сказать навѣрное, мужчина ли предъ нимъ, или женщина. Когда она однажды рано утромъ шла по пустынѣ, ее встрѣтилъ святый пустынникъ Макарій и сказалъ ей:

— Благослови, отче!

Она же испрашивала у него благословенія, и потомъ благословивъ другъ друга, они пошли вмѣстѣ къ скиту. На вопросъ святой:

— Кто ты, отче?

Онъ отвѣчалъ:

— Я—Макарій.

Тогда она сказала ему:

— Будь добръ, отче, позволь мнѣ остаться съ братіей твоею!

Старецъ, приведя ее въ скитъ, отвелъ ей келлію, не зная о томъ, что она женщина, и считая ее скопцомъ. Богъ не открылъ ему этой тайны, для того чтобы впослѣдствіи всѣ получили отъ того большую пользу и для славы Своего святаго Имени. На вопросъ же Макарія: какъ ее зовутъ? она отвѣчала:

— Имя мое —Дороѳей. Слыша о пребывающихъ здѣсь святыхъ отцахъ, я пришелъ сюда пожить съ ними, если только окажусь этого достойнымъ.

Старецъ спросилъ ее тогда:

— Что ты можешь дѣлать, братъ?

И Дороѳей отвѣчалъ, что онъ согласенъ дѣлать то, что ему будетъ повелѣно. Тогда старецъ указалъ ей дѣлать циновки изъ тростника. И святая дѣва стала жить, какъ мужъ, въ особой келліи, посреди мужей, какъ живутъ пустынные отцы: Богъ не давалъ никому проникнуть въ тайну ея. Дни и ночи проводила она въ непрестанной молитвѣ и занятіи рукодѣліемъ. Съ теченіемъ времени она стала выдѣляться среди отцовъ строгостію своей жизни; сверхъ того, ей дана была отъ Бога благодать исцѣленія недуговъ, и имя Дороѳея было у всѣхъ на устахъ, ибо всѣ любили сего мнимаго Дороѳея и почитали его великимъ отцомъ.

Прошло довольно времени, и злой духъ, которымъ была одержима младшая дочь царя Аноемія, сестра Аполлинаріи, сталъ сильнѣе мучить ее и кричалъ:

— Если вы не отведете меня въ пустыню, то я не оставлю ее.

Къ этой хитрости діаволъ прибѣгъ для того, чтобы обнаружилось, что Аполлинарія живетъ среди мужчинъ, и чтобы изгнать ее изъ скита. А такъ какъ Богъ не допускалъ діаволу говорить что-нибудь объ Аполлинаріи, то онъ мучилъ ея сестру, чтобы ее отправили въ пустыню. Вельможи совѣтовали царю послать ее къ святымъ отцамъ въ скитъ, чтобы тѣ помолились о ней. Царь такъ и сдѣлалъ, пославъ къ пустыннымъ отцамъ свою бѣсноватую дочь со множествомъ слугъ.

Когда всѣ прибыли въ скитъ, навстрѣчу имъ вышелъ святый Макарій и спросилъ ихъ:

— Зачѣмъ, чада, вы пришли сюда?

Они же сказали:

— Благочестивый государь нашъ Анѳемій прислалъ свою дочь, чтобы вы, помолившись Богу, исцѣлили ее отъ болѣзни.

Старецъ, принявъ ее изъ рукъ царскаго сановника, отвелъ ее къ аввѣ Дороѳею, или иначе къ Аполлинаріи, и сказалъ:

— Вотъ это царская дочь, которая нуждается въ молитвахъ здѣсь живущихъ отцовъ и въ твоей молитвѣ. Помолись о ней и исцѣли ее, такъ какъ тебѣ отъ Господа дарована сія способность исцѣленія.

Аполлинарія же, услышавъ это, стала плакать и говорила:

— Кто такое я, грѣшный, что вы приписываете мнѣ власть изгонять бѣсовъ?

И, склонившись на колѣна, умоляла старца такими словами:

— Оставь меня, отецъ, плакать о многочисленныхъ грѣхахъ моихъ; я немощенъ и не въ силахъ сдѣлать что-либо въ такомъ дѣлѣ.

Но Макарій сказалъ ей:

— Развѣ другіе отцы не творятъ знаменій силою Божіею? И тебѣ также предоставлено это дѣло.

Тогда Аполлинарія сказала:

— Да будетъ воля Господня!

И, умилосердившись надъ бѣсноватой, взяла ее въ свою келлію. Узнавъ въ ней свою сестру, преподобная со слезами радости обняла ее и сказала:

— Хорошо, что ты пришла сюда, сестра!

Богъ же запретилъ бѣсу объявлять объ Аполлинаріи, которая продолжала скрывать свой полъ подъ видомъ и именемъ мужчины, и святая боролась съ діаволомъ молитвою. Однажды, когда діаволъ сталъ особенно сильно мучить дѣвицу, блаженная Аполлинарія, воздѣвъ руки къ Богу, со слезами молилась о сестрѣ своей. Тогда діаволъ, не будучи въ состояніи противиться силѣ молитвы, громко закричалъ:

— Бѣда мнѣ! Меня гонятъ отсюда, и я удаляюсь!

И, повергши дѣвицу на землю, вышелъ изъ нея. Святая же Аполлинарія, взявши съ собою выздоровѣвшую сестру свою, привела ее въ церковь и, припадая къ ногамъ святыхъ отцовъ, говорила:

— Простите мнѣ, грѣшному! Я много грѣшу, живя посреди васъ.

Они же, призвавъ посланныхъ отъ царя, отдали имъ исцѣленную царскую дочь и отпустили ее съ молитвами и благословеніемъ къ царю. Родители весьма обрадовались, когда увидѣли свою дочь здоровою, и всѣ вельможи сорадовались счастію царя своего и прославляли Бога за столь великую Его милость, ибо видѣли, что

дѣвица стала здорова, прекрасна лицомъ и тиха. Святая же Аполлинарія еще болѣе смиряла себя среди отцовъ, принимая на себя все новые и новые подвиги.

Потомъ діаволъ снова прибѣгъ къ хитрости, чтобы огорчить царя и обезчестить его домъ, а также обезславить и причинить зло мнимому Дороѳею. Онъ снова вошелъ въ царскую дочь, но не мучилъ ее какъ прежде, а далъ ей видъ зачавшей женщины. Увидѣвъ ее въ такомъ положеніи, родители ея чрезвычайно смутились и стали допрашивать ее, съ кѣмъ она согрѣшила. Дѣвица же, будучи чиста тѣломъ и душою, отвѣчала, что она сама не знаетъ, какъ это съ нею случилось. Когда родители побоями стали принуждать ее къ тому, чтобы она сказала, съ кѣмъ пала, діаволъ сказалъ ея устами:

— Тотъ черноризецъ, въ келліи котораго я жила въ скиту, виновенъ въ моемъ паденіи.

Царь пришелъ въ сильное раздраженіе и повелѣлъ разрушить тотъ скитъ. Царскіе воеводы пришли съ воинами въ скитъ и съ гнѣвомъ требовали выдать имъ черноризца, оскорбившаго такъ жестоко царскую дочь, а въ случаѣ противленія угрожали истребить всѣхъ скитниковъ. Услышавъ это, всѣ отцы пришли въ чрезвычайное смятеніе, но блаженный Дороѳей, выйдя къ слугамъ царскимъ, сказалъ:

— Я тотъ, кого вы ищете; возьмите меня одного, какъ виновнаго, а прочихъ отцовъ, какъ невинныхъ, оставьте въ покоѣ.

Отцы, услышавъ это, огорчились и говорили Дороѳею: «И мы пойдемъ съ тобою!»—потому что они не считали его виновнымъ въ томъ грѣхѣ. Но блаженный Дороѳей говорилъ имъ:

— Господа мои! Вы только молитесь обо мнѣ, я же надѣюсь на Бога и на ваши молитвы и думаю, что скоро благополучно вернусь къ вамъ.

Тогда они повели его всѣмъ соборомъ въ церковь и, сотворивъ о немъ молитву и поручивъ его Богу, отдали его посланнымъ отъ Анѳемія; авва Макарій и другіе отцы были однакоже увѣрены въ томъ, что Дороѳей ни въ чемъ неповиненъ. Когда Дороѳея привели къ Анѳемію, онъ упалъ къ его ногамъ и сказалъ:

— Умоляю тебя, благочестивый государь, терпѣливо и въ молчаніи выслушать то, что я скажу о твоей дочери; но я скажу вамъ все только наединѣ. Дѣвица же чиста и не потерпѣла никакого насилія.

Царь съ царицею остались тогда съ Дороѳеемъ одни, и онъ сказалъ имъ:

— Умоляю васъ именемъ Божіимъ,—обѣщайте мнѣ, что вы, узнавъ истину, отпустите меня на мое мѣсто жительства.

Когда они дали ему въ этомъ свое царское обѣщаніе, то блаженная Аполлинарія сказала имъ:

— Это я, смиренный, исцѣлилъ вашу дочь, съ помощію Божіей и по молитвамъ святыхъ отцовъ.

Царь и царица какъ бы онѣмѣли отъ удивленія и со вниманіемъ слушали блаженную.

— Я открою вамъ,—продолжала та,—великую тайну, доселѣ тщательно сохранявшуюся мною, для того чтобы посрамить діавола, клевещущаго на невинныхъ.

Сказавъ это, она сняла покровъ съ груди своей, и царь съ царицею увидѣли, что предъ ними—не мужчина, а женщина.

— Отецъ, —сказала тогда блаженная,—я дочь твоя—Аполлинарія!

Услышавъ это, родители сначала какъ бы омертвѣли отъ ужаса и удивленія, но потомъ, узнавъ въ ней свою дочь, чрезвычайно обрадовались и пролили въ тотъ день немало радостныхъ слезъ. Затѣмъ они привели къ блаженной Аполлинаріи и сестру ея, которую считали беременной, и сказали ей:

— Знаешь ли ты этого черноризца?

Она отвѣчала:

— Да, это дѣйствительно тотъ самый человѣкъ, который исцѣлилъ меня силою Божіею.

И, упавъ святой въ ноги, дѣвица умоляла ее, чтобы она исцѣлила ея чрево. Аполлинарія же, поднявъ съ земли сестру свою, положила ей на чрево руку свою, и бѣсъ тотчасъ же бѣжалъ, а дѣвица стала здорова, какъ прежде. Увидѣвъ это, родители прославляли Бога и говорили:

— Дѣйствительно, это наша дочь, Аполлинарія!

И поднялся въ царскомъ дому радостный плачъ и о томъ, что нашлась неожиданно старшая дочь, Аполлинарія, о коей дотолѣ не было вѣсти, и о томъ, что другая дочь освободилась отъ незаслуженнаго позора. Святая же Аполлинарія пробыла у родителей своихъ нѣсколько дней и подробно разсказала имъ все о себѣ, а слушавшіе ее родители прославляли Бога за Его чудесное промышленіе.

Когда же святая вознамѣрилась уйти въ свое мѣстопребываніе, родители стали молить ее о томъ, чтобы она осталась у нихъ. Но они не могли упросить ее, а притомъ и не хотѣли нарушить царское свое слово, данное ей ранѣе открытія тайны ея, что отпустятъ ее на мѣсто ея жительства. Итакъ, они противъ собственнаго желанія отпускали свою любимую дочь, плача и рыдая, но въ то же время радуясь въ душѣ такой добродѣтельной дочери, которая предала себя на служеніе Богу. Блаженная же Аполлинарія просила своихъ родителей молиться о ней, и они сказали ей:

— Богъ, Которому ты уневѣстила себя, да усовершитъ тебя въ страхѣ и любви къ Нему и да покроетъ тебя Своею милостію; а ты, возлюбленная дщерь, поминай насъ въ своихъ святыхъ молитвахъ.

Ей хотѣли дать много золота, чтобы она отнесла его въ скитъ на нужды святыхъ отцовъ, но она не захотѣла взять его.

— Отцы мои,—говорила она,—не имѣютъ нужды въ богатствахъ сего міра: мы заботимся только о томъ, чтобы не лишиться благъ небесныхъ.

Итакъ, сотворивъ молитву и долго проплакавъ, обнимая и лобзая свою любимую дщерь, царь и царица отпустили ее на мѣсто ея жительства. Блаженная же радовалась и веселилась о Господѣ.

Когда же она пришла въ скитъ, отцы и братія возрадовались тому, что братъ ихъ, Дороѳей, вернулся къ нимъ невредимъ и здравъ, и устроили въ тотъ день празднество въ благодареніе Господу. Никто такъ и не узналъ, что приключилось съ нею у царя, а равно осталось въ безвѣстности и то, что Дороѳей женщина. И жила святая Аполлинарія, этотъ мнимый Дороѳей, среди братіи какъ и прежде, пребывая въ своей келліи. Чрезъ нѣкоторое время, провидя свое отшествіе къ Богу, она сказала аввѣ Макарію:

— Сдѣлай мнѣ милость, отче: когда мнѣ наступитъ время отойти въ иную жизнь, то пусть братія не омываютъ и не опрятываютъ моего тѣла.

Старецъ же сказалъ:

— Какъ же это возможно?

Когда она преставилась ко Господу[1]), братія пришли омыть ея тѣло и, увидѣвъ, что предъ ними женщина, громогласно восклицали:

— Слава Тебѣ, Христе Боже, имѣющій много сокровенныхъ святыхъ у Себя!

[1]) Около 470 года.

Святый же Макарій удивлялся тому, что ему не была открыта эта тайна. Но въ сонномъ видѣніи онъ увидѣлъ одного человѣка, который говорилъ ему:

— Не скорби о томъ, что отъ тебя была сокрыта эта тайна; и тебѣ подобаетъ быть увѣнчаннымъ со святыми отцами, жившими въ древнія времена.

Явившійся сказалъ при семъ о происхожденіи и жизни блаженной Аполлинаріи и назвалъ ея имя. Воспрянувъ отъ сна, старецъ созвалъ братію и разсказалъ имъ о томъ, что видѣлъ, и всѣ дивились и славили Бога, дивнаго во святыхъ Своихъ. Украсивъ тѣло святой, братія съ почетомъ погребли его на восточной сторонѣ храма, въ гробницѣ святаго Макарія. Отъ святыхъ мощей ея совершались многія исцѣленія, по благодати Господа нашего Іисуса Христа, Ему же слава во вѣки, аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО ПРОРОКА

МИХЕЯ

Святый Пророкъ Михей, сынъ Іемвлая[1]), былъ современникомъ Пророка Божія Иліи и жилъ во времена Ахава, царя Израильскаго[2]), и Іосафата, царя Іудейскаго[3]). Михей пророчествовалъ изустно и предвозвѣстилъ несчастный конецъ войны Ахава противъ Сиріи. Однажды Іосафатъ прибылъ въ Самарію[4]), чтобы посѣтить Ахава. Вспомнивъ, что Рамоѳъ, городъ Галаадскій[5]), которымъ владѣли Сирійцы, прежде принадлежалъ царству Израильскому,

---

1) Сей Пророкъ Михей не принадлежалъ къ числу 12-ти такъ называемыхъ «меньшихъ пророковъ» и жилъ въ IX вѣкѣ. Святый же пророкъ Михей изъ числа «меньшихъ пророковъ» жилъ и пророчествовалъ лѣтъ на 130 позже.

2) *Ахавъ*, сынъ Амврія,—царь Израильскій; онъ сочетался бракомъ съ нечестивою Іезавелью, дочерью царя Сидонскаго, и вмѣстѣ съ нею ввелъ новое идолослуженіе въ царствѣ Израильскомъ—служеніе Ваалу и Астартѣ, божествамъ Сидонскимъ. При немъ жилъ и грозно обличалъ его нечестіе Пророкъ Божій Илія Ѳесвитянинъ.

3) *Іосафатъ*, сынъ Асы, благочестивый царь Іудейскій, царствовалъ съ 914 по 889 г. до Р. Хр.

4) *Самарія*—главный городъ царства Израильскаго. Городъ сей построенъ Амвріемъ, царемъ Израильскимъ, отцомъ Ахава, за 925 лѣтъ до Р. Хр. и до самаго разрушенія царства Салманассаромъ, царемъ Ассирійскимъ, оставался главнымъ городомъ и резиденціею царей Израильскихъ.

5) *Рамоѳъ*—городъ Галаадскій, нынѣ—Сальтъ, лежащій при подошвѣ горы Галаадской.—*Галаадъ*—страна Заіорданская.

Ахавъ просилъ Іосафата идти общими силами войною противъ Сиріи[1]). Благочестивый царь Іудейскій соглашался на это, но прежде выступленія въ походъ хотѣлъ узнать волю Божію изъ устъ пророковъ. Тогда Ахавъ призвалъ къ себѣ пророковъ Ваала[2]). Сіи ложные пророки, представъ предъ обоими царями, сидѣвшими на великолѣпныхъ престолахъ во вратахъ Самарійскихъ, предвозвѣщали Ахаву побѣду надъ Сирійцами. Но Іосафатъ спросилъ, нѣтъ ли здѣсь еще пророка Господня, чтобы чрезъ него вопросить Господа.

— Есть еще одинъ человѣкъ, чрезъ котораго можно вопросить Господа,—отвѣчалъ Ахавъ,—но я не люблю его, потому что онъ не пророчествуетъ обо мнѣ добраго, а постоянно пророчествуетъ худое; это—Михей, сынъ Іемвлая.

— Не говори такъ, царь,—возразилъ Іосафатъ.

Тотчасъ же Ахавъ велѣлъ позвать Михея.

Царь спросилъ его:

— Михей, идти ли намъ на Рамоѳъ Галаадскій, или удержаться?

Михей отвѣчалъ:

— Я видѣлъ всѣхъ сыновъ Израиля, разсѣянныхъ по горамъ, какъ овецъ, у которыхъ нѣтъ пастыря, и сказалъ Господь: нѣтъ у нихъ начальника, пусть возвратятся каждый въ домъ свой съ миромъ.

Тогда Ахавъ далъ приказаніе отвести Пророка Михея въ темницу и давать ему тамъ лишь понемногу хлѣба и воды, доколѣ онъ (Ахавъ) не возвратится съ миромъ.

На это Михей замѣтилъ:

— Если возвратишься въ мирѣ, то не Господь говорилъ чрезъ меня.

---

[1]) *Сирія*—въ обширномъ смыслѣ означаетъ обширную землю между Средиземнымъ моремъ и Евфратомъ. Во время своей самостоятельности она раздѣлялась на многія царства, изъ которыхъ самымъ могущественнымъ было царство Дамасское, которое въ настоящемъ случаѣ здѣсь и разумѣется. Въ царствованіе Ваассы и Амврія, царей Израильскихъ, Венададъ, царь Сирійскій, овладѣлъ нѣсколькими городами израильскими. При сынѣ Амврія, Ахавѣ, Венададъ 2-й, сынъ предъидущаго, осадилъ самую Самарію, но попалъ въ плѣнъ и принужденъ былъ заключить миръ, возвративъ Ахаву завоеванные отцомъ его города; однако Рамоѳъ Галаадскій остался въ рукахъ Сирійцевъ.

[2]) *Ваалъ*—главное божество Финикіянъ, подъ именемъ котораго они обоготворяли главнымъ образомъ Солнце. Введши съ Іезавелью въ царствѣ Израильскомъ служеніе Ваалу и Астартѣ, Ахавъ особенно покровительствовалъ ложнымъ пророкамъ Вааловымъ и содержалъ ихъ, въ числѣ около тысячи человѣкъ, на своемъ царскомъ иждивеніи.

Ахавъ не послушался пророческихъ словъ святаго Михея и открылъ войну съ Сирійцами, но въ первомъ же сраженіи получилъ смертельную рану[1]), а Іосафатъ съ своимъ войскомъ возвратился въ Іудею.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ГРИГОРІЯ КРИТСКАГО

Преподобный отецъ нашъ Григорій родился въ 760 году на островѣ Критѣ[2]) отъ благочестивыхъ супруговъ Ѳеофана и Іуліаніи. При добромъ домашнемъ воспитаніи онъ получилъ и книжное образованіе. Въ то время исповѣдники православной вѣры терпѣли великія притѣсненія отъ еретиковъ—иконоборцевъ. Съ дѣтства преданный Православію и горячо желая соблюсти правую вѣру во всей ея чистотѣ, юноша однажды взялъ изъ дома запасъ пищи и удалился въ Селевкію[3]). Немалое время прожилъ онъ здѣсь, питаясь хлѣбомъ и водою и проводя въ подвигахъ благочестія богоугодную жизнь.

По смерти императора Льва IV Иконоборца[4]) преподобный Григорій на двадцатомъ году своей жизни отправился во Святый Градъ Іерусалимъ поклониться его святынямъ. Здѣсь онъ пробылъ двѣнадцать лѣтъ, съ терпѣніемъ и радостію перенося жестокія притѣсненія отъ арабовъ[5]) и евреевъ. Оттуда св. Григорій переселился въ Римъ, гдѣ принялъ постриженіе въ ангельскій образъ, въ коемъ и подвизался, умерщвляя свою плоть воздержаніемъ.

Въ 811 году св. Никифоръ, Патріархъ Константинопольскій[6]), отправилъ къ Римскому папѣ св. Льву III-му[7]) св. Михаила испо-

---

1) Это было около 878 года до Р. Хр.

2) *Островъ Критъ*, называемый иначе *Кандія*—отъ главнаго города того же имени, находился въ восточной части Средиземнаго моря, къ югу отъ Эгейскаго моря. По своей обширности и плодородію назывался прежде царицею острововъ Средиземнаго моря.

3) Въ древности извѣстно нѣсколько городовъ съ именемъ *Селевкіи:* и въ Малой Азіи, и въ Месопотаміи, и въ Сиріи, и въ Палестинѣ. По близости расположенія отъ острова Крита здѣсь слѣдуетъ разумѣть малоазійскій приморскій городъ въ Киликіи, въ юго-восточной части Малой Азіи.

4) *Левъ*—императоръ Византійскій, царствовалъ съ 775 по 780 г.

5) Арабы взяли Іерусалимъ въ 636 г. при халифѣ Омарѣ.

6) Съ 806 по 816 г., память его — 13 марта и 2 іюня.

7) Съ 795 по 816 годъ.

вѣдника, епископа Синадскаго[1]), съ соборною грамотой о вѣнчаніи на царство императора Михаила Куропалата[2]). Въ Римѣ св. Михаилъ духовно сблизился съ преп. Григоріемъ и, возвращаясь въ Константинополь, взялъ его съ собою, а потомъ помѣстилъ въ обители на мысѣ Акритѣ[3]). Здѣсь преподобный ради Христа подвергалъ себя великимъ лишеніямъ: ходилъ босой, имѣлъ только одну одежду, пищу, состоявшую изъ небольшаго количества хлѣба и воды вкушалъ только по одному разу черезъ два или три дня; спалъ на рогожѣ, жилищемъ избралъ себѣ глубокую яму и здѣсь горько оплакивалъ смуты, которыя волновали тогда христіанскія Церкви[4]). Впослѣдствіи святый подвижникъ затворился въ тѣсной келліи; отсюда выходилъ онъ, одѣтый въ одну только кожаную одежду, чтобы наносить воды въ чанъ, стоявшій у монастырской ограды. Исполнивъ эту тяжелую работу, преподобный уединялся въ своей келліи и здѣсь совершалъ келейное правило. Такъ подвизаясь добрымъ подвигомъ, онъ предалъ въ руцѣ Божіи святую душу свою[5]).

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ФОСТИРІЯ

Преподобный Фостирій, подобно солнцу возсіявъ на востокѣ, просвѣтилъ пребывающихъ во тьмѣ. Уединившись на высокой пустынной горѣ, онъ пребывалъ въ непрестанной молитвѣ къ Богу, умерщвляя свою плоть постомъ, ночными бдѣніями, суровой, полной лишеній, жизнью. Великимъ подвижничествомъ сіялъ онъ, какъ свѣтило во вселенной, оправдывая тѣмъ имя, которое носилъ[6]). Очистивъ свое тѣло и освятивъ свою душу чрезъ исполненіе заповѣди Господней: **а҆́ще кто̀ хо́щетъ по мнѣ̀ и҆тѝ, да ѿве́ржетсѧ себѐ и҆ во́зметъ кр҃тъ свои́ и҆ по мнѣ̀ гра́детъ**[7]), преподобный содѣлался обиталищемъ Святаго Духа. По

---

1) Память его — 23 мая.

2) *Михаилъ Куропалатъ*, иначе называемый Раигавъ, царствовалъ съ 811 по 813 г.

3) На малоазіатскомъ берегу Мраморнаго моря.

4) Разумѣются волненія, вызывавшіяся иконоборцами на Востокѣ и новымъ ученіемъ объ исхожденіи Святаго Духа отъ Отца и Сына—на Западѣ.

5) Св. Григорій скончался около 820 года.

6) *Фостирій*—имя греческое (отъ φωστήρ, свѣтило), значитъ *осветитель*.

7) Еванг. отъ Матѳ., гл. 16, ст. 24.

дарованной отъ Бога благодати, онъ исцѣлялъ недуги и всевозможныя раны у притекавшихъ къ нему съ вѣрою.

Подобно славному Пророку Иліи преподобный отецъ нашъ Фостирій получалъ пищу съ Небесъ. Но не вороны носили ему пищу, какъ повѣствуетъ писаніе о Пророкѣ[1]), а Ангелъ Господень. Сей небесный посланникъ ежедневно полагалъ хлѣбъ для преподобнаго на извѣстномъ мѣстѣ; когда же къ святому мужу приходили посѣтители, то на томъ мѣстѣ преподобный находилъ хлѣбы и на ихъ долю. Сіе преславное чудо благоволенія Божія совершалось не въ теченіе немногихъ дней, какъ во времена святаго Пророка Иліи на горѣ Кармилѣ, а во всѣ тѣ многіе годы, когда преподобный Фостирій пребывалъ въ уединеніи и безмолвіи.

Когда впослѣдствіи, съ Божіею помощію, преподобный Фостирій основалъ монастырь, въ которомъ собралась многочисленная братія, то онъ не получалъ уже съ Неба хлѣбовъ, какъ прежде, но подавалъ имъ пищу отъ трудовъ рукъ своихъ. Это произошло не потому, чтобы Богъ изнемогъ во Своей благодатной помощи, и не потому, чтобы онъ отвращался отъ молитвы святаго, тѣмъ болѣе, что и самъ святый отецъ никогда не молился о пищѣ, памятуя заповѣдь Христову: **ѝщи́те же пре́жде цр҃твїѧ бж҃їѧ и҆ пра́вды є҆гѡ̀ и҆ сїѧ̑ всѧ̑ приложа́тсѧ ва́мъ**[2]). Но такъ восхотѣлъ Господь подавать имъ пищу за труды и посему повелѣлъ угоднику Своему Фостирію ничего не принимать ни отъ кого, а все потребное получать отъ трудовъ рукъ своихъ. Не принимая самъ никакихъ приношеній, преподобный и братію свою поучалъ прилежно упражняться въ молитвѣ, душеполезномъ чтеніи и въ рукодѣліяхъ и самъ служилъ для нихъ въ семъ постояннымъ примѣромъ.

При жизни святаго Фостирія въ Церкви возникли нѣкоторыя ереси; для прекращенія сего соблазна составился Соборъ изъ многихъ отцовъ, на который былъ приглашенъ и преподобный Фостирій. Не уклонился блаженный отъ сего новаго подвига и, прибывъ на Соборъ, мужественно и убѣдительно исповѣдалъ правую вѣру, такъ что многіе изъ еретиковъ возвратились въ общеніе церковное. Другіе же поступали въ иноки, движимые къ тому святою жизнію великаго подвижника, по молитвамъ котораго совершались многія чудотворенія — и во время земнаго его житія, и по блаженномъ его къ Богу преставленіи, послѣдовавшемъ вечеромъ наканунѣ праздника Богоявленія Господня.

---

1) 3 кн. Царствъ, гл. 17, ст. 6.

2) Еванг. отъ Матѳ., гл. 6, ст. 31.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

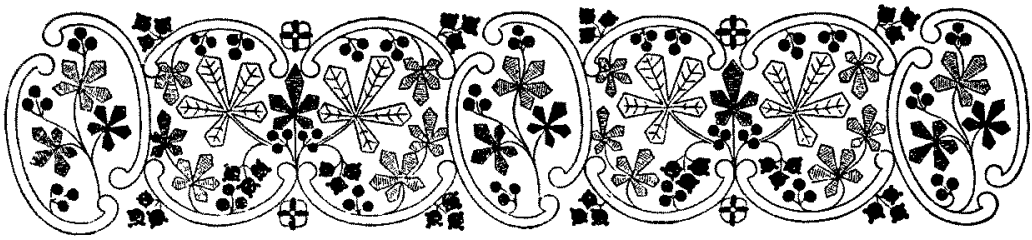
МИНЫ

Преподобный отецъ нашъ Мина подвизался въ одной изъ общежительныхъ обителей Синайской горы[1]) въ шестомъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ. Пятьдесятъ лѣтъ исполнялъ онъ здѣсь различныя иноческія послушанія. Въ третій день послѣ блаженной кончины сего подвижника вся братія собралась въ храмъ, чтобы, по уставу церковному, совершить отпѣваніе усопшаго. Во время сего Богослуженія храмъ внезапно исполнился благовонія, исходившаго отъ того мѣста, гдѣ лежалъ усопшій. Когда, по приказанію настоятеля, гробъ съ останками почившаго преподобнаго Мины былъ открытъ, всѣ присутствовавшіе увидѣли, что по обѣимъ его ногамъ двумя ручьями протекало благовонное мѵро. Тогда настоятель сказалъ братіи:

— Смотрите, это выступилъ какъ бы потъ отъ трудовъ, подъятыхъ ногами почившаго при жизни; онъ исполненъ благоуханія во свидѣтельство того, что труды эти приняты Богомъ. Несите же и вы по чистой совѣсти и съ полнымъ прилежаніемъ возлагаемыя на васъ послушанія, чтобы получить воздаяніе за труды отъ Господа Бога и Спаса нашего.

---

[1]) *Синай*—гора, съ которой Господь далъ Законъ народу еврейскому чрезъ Моисея. Она представляетъ одну изъ вершинъ горной цѣпи Хоривъ на полуостровѣ Краснаго (Чермнаго) моря. Эта горная цѣпь, прорѣзанная узкими скалистыми ущельями и имѣющая много пещеръ, съ первыхъ временъ христіанства стала излюбленнымъ мѣстомъ подвижниковъ, которые образовали тамъ нѣсколько скитовъ и монастырей. Изъ подвижниковъ синайскихъ особенно извѣстны: св. Іоаннъ Постникъ, впослѣдствіи патріархъ Константинопольскій, преп. Іоаннъ Лѣствичникъ (списатель «Лѣствицы»), бывшій въ концѣ жизни игуменомъ Синайской горы, т. е. находящихся тамъ обителей, и многіе другіе.



День шестой

КРЕЩЕНІЕ ГОСПОДНЕ

Господь нашъ Іисусъ Христосъ по возвращеніи Своемъ изъ Египта пребывалъ въ Галилеѣ, въ городѣ своемъ Назаретѣ, гдѣ былъ воспитанъ, сокрывая отъ людей силу Своего Божества и премудрость до тридцатилѣтняго возраста, ибо не возможно было у іудеевъ никому ранѣе тридцатилѣтняго возраста принять санъ учителя или священника. Посему и Христосъ не начиналъ Своей проповѣди и не являлъ Себя Сыномъ Божіимъ и **а̂рхїере́емъ вели́кимъ, проше́дшимъ нб҃са̀**[1]) до тѣхъ поръ, пока не достигъ означеннаго возраста. Въ Назаретѣ Онъ пребывалъ съ Пречистою Своею Матерію: сначала при мнимомъ отцѣ Своемъ, Іосифѣ древодѣлѣ, пока тотъ былъ живъ, и занимался вмѣстѣ съ нимъ плотническою работою; а потомъ, когда Іосифъ умеръ, Самъ продолжалъ то же дѣло, добывая трудами рукъ Своихъ пропитаніе для Себя и для Пречистой Богоматери, дабы и насъ научить трудолюбію[2]). Когда же исполнялся тридцатый годъ Его земной жизни и наступало время Его Божественнаго явленія народу Израильскому, то, какъ говоритъ Евангеліе, **бы́сть глаго́лъ бж҃їй ко і̂ѡа́ннꙋ заха́рїннꙋ сы́нꙋ, въ пꙋсты́ни**[3]),—глаголъ, посылавшій его крестить водою и возвѣстившій ему знаменіе, по коему Іоаннъ долженъ былъ узнать пришедшаго въ міръ Мессію. Объ этомъ говоритъ въ своей проповѣди самъ Креститель такими словами: **посла́вый мѧ̀ крести́ти водо́ю, то́й мнѣ̀ речѐ: над̾ него́же оу̑зриши дх҃ъ сходѧ́щъ и̂ пребыва́ющъ на не́мъ, то́й є̑сть кр҃тѧ́й дх҃омъ ст҃ы́мъ**[4]).

---

1) Посл. къ Евр., гл. 4, ст. 14.
2) Еванг. отъ Луки, гл. 3, ст. 23.
3) Еванг. отъ Луки, гл. 3, ст. 2.
4) Еванг. отъ Іоан., гл. 1, ст. 33.

И такъ Іоаннъ, внимая глаголу Божію, ходилъ по всей странѣ іорданской, проповѣдуя **крещéнїе покаѧ́нїѧ во ѡ҆ставлéнїе грѣхѡ́въ**[1]), ибо Онъ былъ Тотъ, о Которомъ предрекъ Исаія: **глáсъ вопїю́щагѡ въ пꙋсты́ни: ᲂу҆готóвайте пꙋ́ть гдⷭ҇ень, прáвы сотвори́те стезѝ бг҃а нáшегѡ**[2]). И выходила къ нему вся іудейская страна, и іерусалимляне, и крестились всѣ у него въ рѣкѣ Іорданѣ, исповѣдуя свои грѣхи[3]). Тогда пришелъ и Іисусъ изъ Галилеи на Іорданъ къ Іоанну, чтобы креститься отъ него[4]). Онъ пришелъ въ то время, когда Іоаннъ возвѣстилъ о Немъ народу, говоря: **грѧдéтъ крѣ́плїй менѐ во слѣ́дъ менѐ, є҆мꙋ́же нѣ́смь достóинъ преклóньсѧ разрѣши́ти ремéнь сапѡ́гъ є҆гѡ̀. А҆́зъ ᲂу҆́бѡ крести́хъ вы̀ водóю: тóй же крести́тъ вы̀ дх҃омъ ст҃ы́мъ**[5]). Послѣ сего возвѣщенія пришелъ Іисусъ креститься. Хотя Онъ и не имѣлъ нужды въ этомъ, какъ безгрѣшный и непорочный, рожденный отъ Пречистой и Пресвятой Дѣвы Маріи и Самъ бывшій источникомъ всякой чистоты и святыни, но, такъ какъ Онъ взялъ на Себя грѣхи всего міра, то и пришелъ къ рѣкѣ, чтобы очистить ихъ посредствомъ Крещенія. Пришелъ Онъ креститься и для того, дабы освятить естество воды, пришелъ креститься, чтобы и для насъ устроить купель Святаго Крещенія. Онъ пришелъ къ Іоанну еще для того, дабы тотъ, узрѣвъ сходившаго на крещаемаго Святаго Духа и услышавъ свыше Гласъ Бога Отца, былъ неложнымъ свидѣтелемъ о Христѣ.

І҆ѡáннъ же возбранѧ́ше є҆мꙋ̀, глагóлѧ: а҆́зъ трéбꙋю тобóю крести́тисѧ, и҆ ты́ ли грѧдéши ко мнѣ̀[6])? Онъ духомъ узналъ Того, о Комъ за тридцать лѣтъ **взыгрáсѧ рáдощами** во чревѣ матери своей[7]), потому и самъ требовалъ отъ Него Крещенія какъ находящійся подъ грѣхомъ ослушанія, перешедшимъ съ Адама на весь родъ человѣческій. Но Господь сказалъ Іоанну: **ѡ҆стáви ны́нѣ, тáкѡ бо подобáетъ нáмъ и҆спóлнити всѧ́кꙋ прáвдꙋ**[8]).

Подъ правдою святый Златоустъ разумѣетъ здѣсь Заповѣди Божіи, какъ будто бы Іисусъ говорилъ такъ: «Поелику я совершилъ всѣ Заповѣди, какія даны въ Законѣ, и осталась только одна—относительно Крещенія, то Мнѣ подобаетъ исполнить и

1) Еванг. отъ Луки, гл. 3, ст. 3.
2) Кн. Пр. Исаіи, гл. 40, ст. 3. См. Еванг. отъ Луки, гл. 3, ст. 4.
3) Еванг. отъ Марк., гл. 1, ст. 5.
4) Еванг. отъ Матѳ., гл. 3, ст. 13.
5) Еванг. отъ Марк., гл. 1, ст. 7 и 8.
6) Еванг. отъ Матѳ., гл. 3, ст. 14.
7) Еванг. отъ Луки, гл. 1, ст. 44.
8) Еванг. отъ Матѳ., гл. 3, ст. 15.

эту». Крещеніе же Іанново также было Божественною Заповѣдью, какъ это видно изъ словъ Іоанна: **посла́вый мѧ̀ крести́ти водо́ю, то́й мнѣ̀ речѐ**[1]). Кто же посылалъ? Очевидно, Самъ Богъ: **бы́сть**,— сказано въ Евангеліи,—**глаго́лъ бж҃їй ко і҆ѡа́ннꙋ**[2]). И еще потому крестился Іисусъ будучи тридцати лѣтъ отъ роду, что возрастъ тридцатилѣтняго, по словамъ Златоуста и Ѳеофилакта, удобопреклоненъ ко всякому грѣху. Ибо возрастъ юношескій подверженъ огню плотскихъ страстей, при тридцатилѣтнемъ же возрастѣ—времени полнаго раскрытія силъ мужскихъ—человѣкъ подчиняется златолюбію, тщеславію, ярости, гнѣву и всякимъ грѣхамъ. Посему-то Христосъ Господь медлилъ принятіемъ Крещенія до этого возраста, дабы во всѣхъ возрастахъ человѣческой жизни исполнить Законъ и освятить все естество наше, и подать намъ силу побѣждать страсти и остерегаться смертныхъ грѣховъ.

Послѣ принятія Крещенія Господь тотчасъ же, безъ всякаго замедленія, вышелъ изъ воды. Есть сказаніе, что святый Іоаннъ Креститель каждаго крестившагося у него человѣка погружалъ до шеи и такъ держалъ его, доколѣ тотъ не исповѣдывалъ всѣ грѣхи свои; послѣ сего крещаемому дозволялось выйти изъ воды. Христосъ же, не имѣвшій грѣховъ, не былъ задержанъ въ водѣ, и потому Евангеліе прибавило, что Онъ вышелъ изъ воды **а҆́бїе**[3]).

Когда же Господь выходилъ изъ воды, надъ Нимъ отверзлись Небеса, блеснулъ свыше свѣтъ въ видѣ молніи и Духъ Божій въ видѣ голубя сошелъ на Крестившагося Господа. Подобно тому какъ во дни Ноя голубица возвѣстила объ умаленіи воды потопа, такъ и здѣсь подобіе голубя предуказало на окончаніе потопа грѣховнаго. А въ видѣ голубя Святый Духъ явился потому, что эта птица чиста, любитъ людей, кротка, незлобива и не терпитъ ничего смраднаго: такъ и Святый Духъ есть источникъ чистоты, пучина человѣколюбія, учитель кротости и устроитель мира; притомъ же Онъ всегда удаляется отъ человѣка, пресмыкающагося въ смрадной тинѣ грѣховъ. Когда же Духъ Святый сходилъ, какъ голубь, на Христа Іисуса съ Неба, то слышался Гласъ, говорившій: **се́й є҆́сть сн҃ъ мо́й возлю́бленный, ѡ҆ не́мже бл҃говоли́хъ**[4]). И Ему подобаетъ слава и держава во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

1) Еванг. отъ Іоан., гл. 1, ст. 33.
2) Еванг. отъ Лук., гл. 3, ст. 2.
3) Еванг. отъ Матѳ., гл. 3, ст. 16.
4) Еванг. отъ Матѳ., гл. 3, ст. 17.

крещéнїе гд҃не

СЛОВО

СВЯТАГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

на

БОГОЯВЛЕНІЕ ГОСПОДНЕ

Хочу, возлюбленные, праздновать и торжествовать, ибо святый день просвѣщенія есть печать праздника и день торжества. Онъ запечатлѣваетъ виѳлеемскій вертепъ, гдѣ Ветхій деньми какъ младенецъ у груди матери лежалъ въ ясляхъ; онъ же отверзаетъ іорданскіе источники, гдѣ Тотъ же Ветхій деньми крещается нынѣ съ грѣшниками, даруя міру Своимъ Пречистымъ Тѣломъ оставленіе грѣховъ. Въ первомъ случаѣ, происшедшій изъ утробы Пречистой Дѣвы явился для младенцевъ какъ младенецъ, для матери—сыномъ, волхвамъ—какъ царь, пастырямъ—какъ добрый пастырь, полагающій, по слову Божественнаго Писанія, душу Свою за овецъ[1]). Во второмъ случаѣ, именно при Крещеніи Своемъ, Онъ приходитъ на іорданскія воды съ тѣмъ, чтобы омыть грѣхи мытарей и грѣшниковъ. Говоря о необычайной чудесности такого событія, премудрый Павелъ восклицаетъ: **ꙗ҆ви́сѧ бл҃года́ть бж҃їѧ сп҃си́тельнаѧ всѣ́мъ человѣ́кѡмъ**[2]). Ибо нынѣ міръ просвѣтляется во всѣхъ частяхъ своихъ: радуется прежде всего Небо, передавая людямъ сходящій съ небесныхъ высотъ Гласъ Божій, освящается полетомъ Духа Святаго воздухъ, освящается естество воды, какъ бы пріучаясь омывать вмѣстѣ съ тѣлами и души, и вся тварь земная ликуетъ. Одинъ только діаволъ плачетъ, видя святую купель, приготовленную для потопленія его могущества.

Что же еще сообщаетъ Евангеліе? **Прихо́дитъ і҆и҃съ ѿ галїле́и на і҆орда́нъ ко і҆ѡа́нноу крести́тисѧ ѿ негѡ̀. І҆ѡа́ннъ же возбраня́ше є҆мꙋ̀, глаго́лѧ: а҆́зъ тре́бꙋю тобо́ю крести́тисѧ, и҆ ты́ ли гра́деши ко мнѣ̀**[3])? Кто видѣлъ Владыку, стоящаго предъ рабомъ? Кто

---

1) Еванг. отъ Іоан., гл. 10, ст. 11.

2) Посл. къ Тит., гл. 2, ст. 11.

3) Еванг. отъ Матѳ., гл. 3, ст. 13, 14.

видѣлъ царя, преклонившаго голову передъ своимъ воиномъ? Кто видѣлъ пастыря, которому бы овца указывала путь? Кто видѣлъ начальника ристаній, который бы получалъ награду отъ упражняющагося въ бѣгахъ[1])? **А҆́зъ тре́бꙋю тобо́ю крести́тисѧ**,—т. е. преподай, Владыка, Ты Самъ мнѣ то Крещеніе, какое Ты хочешь преподать міру. Я нуждаюсь въ томъ, чтобы Ты окрестилъ меня, такъ какъ я нахожусь подъ бременемъ прародительскаго грѣха и ношу въ себѣ зміиный ядъ. Я нуждаюсь въ омытіи скверны древняго преступленія, а Ты ради какихъ грѣховъ пришелъ креститися? О Тебѣ и Пророкъ свидѣтельствовалъ, говоря: **беззако́нїѧ не сотвори̑, нижѐ ѡ҆брѣ́тесѧ ле́сть во ᲂу҆стѣ́хъ є҆гѡ̀**[2]). Какъ же, Самъ подавая избавленіе, Ты ищешь очищенія? Крещаемые, по обычаю, исповѣдуютъ грѣхи свои; Ты же что̀ имѣешь исповѣдать, когда Ты вовсе бегрѣшенъ? Зачѣмъ Ты требуешь отъ меня того, чему я не наученъ? Не отваживаюсь сдѣлать то, что превышаетъ мои силы; не знаю я, какъ омывать свѣтъ, не умѣю освѣтить солнце правды. Ночь не освѣщаетъ дня, золото не можетъ быть чище олова, глина не можетъ исправить горшечника, море не заимствуетъ струи у источника, рѣка не нуждается въ каплѣ воды, чистота не освящается скверною и осужденный не отпускаетъ на свободу судію. **А҆́зъ тре́бꙋю тобо́ю крести́тисѧ**. Мертвецъ не можетъ поднять живого, больной не исцѣляетъ врача, и я знаю немощь моего естества! **Нѣ́сть ᲂу҆чени́къ над̾ ᲂу҆чи́телѧ своего̀, нижѐ ра́бъ над̾ господи́на своего̀**[3]). Ко мнѣ не приступаютъ Херувимы со страхомъ, мнѣ Серафимы не поклоняются и не возглашаютъ Трисвятое[4]). Я не имѣю престоломъ Небо, меня не предуказывала волхвамъ звѣзда, Моисей, угодникъ Твой, едва сподобился видѣть **за̑днѧѧ твоѧ̑**[5]), какъ же я дерзну прикоснуться ко пресвятой главѣ Твоей? Зачѣмъ повелѣваешь Ты мнѣ совершать то, что превосходитъ мои силы? Не имѣю я длани, которою бы могъ окрестить Бога: **а҆́зъ тре́бꙋю ѿ тебѐ крести́тисѧ**. Я родился отъ престарѣлой, ибо Твоему повелѣнію

---

1) *Ристанія*—это состязанія въ бѣгахъ, которыя публично совершались въ Греціи на какихъ-либо празднествахъ во время общественныхъ игръ. Побѣдившему въ этомъ состязаніи давалась награда отъ особыхъ старшинъ, которые присуждали награды.

2) Кн. Пр. Исаіи, гл. 53, ст. 9.

3) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 24.

4) Указаніе на видѣніе Пророка Исаіи, который удостоился лицезрѣть Бога, Сѣдящаго на Престолѣ, при чемъ окружающіе Престолъ Херувимы и Серафимы воспѣвали: **ст҃ъ, ст҃ъ, ст҃ъ гдⷭ҇ь саваѡ́ѳъ: и҆спо́лнь всѧ̀ землѧ̀ сла́вы є҆гѡ̀** (гл. 6, ст. 3).

5) Кн. Исх., гл. 33, ст. 23.

не могла противорѣчить природа. Находясь во утробѣ моей матери и не имѣя возможности говорить самъ, я воспользовался тогда ея устами, а теперь самъ, своими устами, прославлю Тебя Невмѣстимаго, Котораго вмѣстилъ дѣвическій ковчегъ[1]). Я не слѣпъ, какъ іудеи, ибо знаю, что Ты—Владыка, Который только на время принялъ видъ раба, чтобы уврачевать человѣка; знаю, что Ты явился для того, чтобы спасти насъ; знаю, что Ты—камень, отсѣченный отъ горы безъ посредства рукъ,—камень, вѣрующій въ который не будетъ обманутъ. Меня не приведутъ въ заблужденіе видимые знаки Твоего смиренія, и я духомъ разумѣваю величіе Твоего Божества. Я—смертенъ, ты же—безсмертенъ; я—отъ безплодной, а Ты—отъ Дѣвы. Я родился раньше Тебя, но не выше Тебя. Я могъ только раньше Тебя выступить на проповѣдь, но не смѣю крестить Тебя: я знаю, что Ты—сѣкира, лежащая у дерева[2]), та сѣкира, которая посѣкаетъ безплодныя деревья іудейскаго сада. Я видѣлъ серпъ, готовый отсѣкать страсти, и возвѣщалъ, что скоро повсюду откроются источники исцѣленій; ибо какое мѣсто останется недоступнымъ для Твоихъ іудеевъ? Ты будешь очищать однимъ словомъ прокаженныхъ, теченіе крови прекратится чрезъ одно прикосновеніе къ краю ризъ Твоихъ, отъ одного Твоего повелѣнія разслабленный снова укрѣпится силами. Ты напитываешь дочь хананеянки крупинками Твоихъ чудесъ, бреніемъ отверзаешь очи слѣпому. Какъ же Ты просишь, чтобы я возложилъ на Тебя руки? **А҆́зъ тре́бꙋю тобо́ю крести́тисѧ, и҆ ты́ ли грѧде́ши ко мнѣ̀; призира́ѧй на зе́млю, и҆ творѧ́й ю҆̀ трѧсти́сѧ**[3]), по водамъ какъ по землѣ ходяй,—Ты, о Комъ я много разъ восклицалъ во время проповѣди: **грѧде́тъ крѣ́плїй менѐ во слѣ́дъ менѐ, є҆мꙋ́же нѣ́смь досто́инъ прекло́ньсѧ разрѣши́ти реме́нь сапѡ́гъ є҆гѡ̀**[4])! Только на Твою неизреченную благость полагаюсь и надѣюсь на Твое безмѣрное человѣколюбіе, по которому Ты и блудницу допускаешь отереть пречистыя Твои ноги и прикоснуться къ Твоей пресвятой главѣ.

Что же говоритъ ему Господь? **Ѡ҆ста́ви ны́нѣ, та́кѡ бо подоба́етъ на́мъ и҆спо́лнити всѧ́кꙋ пра́вдꙋ**[5]). Послужи Слову, какъ гласъ

---

1) Разумѣется дѣвическая утроба Пречистой Богоматери.

2) Еванг. отъ Матѳ., гл. 3, ст. 10.

3) Еванг. отъ Матѳ., гл. 3, ст. 14; Псал. 103, ст. 32.

4) Еванг. отъ Марк., гл. 1, ст. 7.

5) Еванг. отъ Матѳ., гл. 3, ст. 15.

человѣческій, поработай, какъ рабъ—Владыкѣ, какъ воинъ—царю, какъ глина—горшечнику. Не бойся, но смѣло крести Меня, потому что Я спасу міръ; Я отдаю Себя на смерть, дабы оживить умерщвленное естество человѣческое. Ты, несмотря на Мое повелѣніе, все-таки медлишь простереть руку свою, іудеи же скоро не постыдятся простереть на Меня свои нечистыя руки для того, чтобы предать Меня на смерть. **Ѿстáви нынѣ, тáкѡ бо подобáетъ.** По Своему человѣколюбію Я прежде всѣхъ вѣковъ рѣшилъ спасти родъ человѣческій. Ради людей Я сталъ человѣкомъ. Что можетъ быть удивительнѣе того, что Я какъ простой человѣкъ прихожу креститься? Это дѣлаю Я потому, что не презираю созданіе моихъ рукъ, не стыжусь земнаго естества. Я остался такимъ же, какимъ былъ отъ вѣка, и принялъ новое естество, причемъ однако Мое существо осталось неизмѣннымъ: **ѿстáви ѹ҆бѡ нынѣ!** Ибо врагъ человѣческаго рода, будучи сверженъ съ Неба и изгнанъ съ земли, гнѣздится въ естествѣ водномъ, а Я и оттуда пришелъ изгнать Его, какъ возвѣщалъ о Мнѣ Пророкъ: **ты̀ стéрлъ є҆сѝ главы̀ змїѥ̑въ въ водѣ̑** [1]). **Ѿстáви нынѣ!** Ибо сей врагъ хочетъ искусить Меня какъ человѣка, и Я претерпѣваю это для того, чтобы доказать его безсиліе, ибо скажу ему: **не и҆скꙋ́сиши гдⷭ҇а бг҃а твоегѡ̀** [2])!

О новое чудо! О неизреченная благодать! Христосъ совершаетъ подвигъ, а я получаю почесть; Онъ воюетъ съ діаволомъ, а я оказываюсь побѣдителемъ; Онъ змѣиную голову сокрушаетъ въ водѣ, а я какъ бы настоящій борецъ увѣнчиваюсь [3]): Онъ крестится, а съ меня снимается скверна; на Него сходитъ Святый Духъ, а мнѣ подается оставленіе грѣховъ; о Немъ Отецъ свидѣтельствуетъ какъ о Своемъ возлюбленномъ Сынѣ, а я становлюсь сыномъ Божіимъ ради Него; Ему отверзлись Небеса, а я вхожу въ нихъ; предъ Нимъ, Крещаемымъ, является горнее царство, а я его получаю въ наслѣдственное владѣніе: къ Нему обращается голосъ Отца, и вмѣстѣ съ Нимъ я призываюсь; Отецъ благоволитъ къ Нему, и меня также не отвергаетъ. Съ своей же стороны я прославляю Отца, съ Небеси давшаго Гласъ Свой; Сына, крещающагося на землѣ; и Духа, сшедшаго какъ голубя,—Бога Единаго въ Троицѣ, Которому я и буду всегда поклоняться. Аминь.

---

1) Псал. 73, ст. 13.

2) Еванг. отъ Матѳ., гл. 4, ст. 7. Второзак., гл. 6, ст. 16.

3) Выраженіе взято отъ древняго обычая—на общественныхъ состязаніяхъ борцовъ увѣнчивать побѣдителей лавровыми вѣнками.

СЛОВО

на

БОГОЯВЛЕНІЕ ГОСПОДНЕ

Празднуя Богоявленіе Господне на водахъ Іорданскихъ, припомнимъ, что Господь Богъ нашъ и прежде являлся надъ водами для того, чтобы содѣлать различныя дивныя дѣла. Такъ, когда Онъ явился надъ водами Чермнаго моря, то **глꙋбины ѿкры́лъ є҆́сть дно̀**[1]) и провелъ Своихъ людей посуху; когда въ ковчегѣ переходилъ черезъ Іорданъ, то возвратилъ вспять воды этой рѣки: **ї҆орда́нъ,**—сказано,—**возврати́сѧ вспѧ́ть**[2]). Наконецъ, вначалѣ, когда Духъ Божій носился **верхꙋ̀ воды̀**, Богъ создалъ небо, землю, птицъ, звѣрей, человѣка и вообще весь видимый міръ.

И нынѣ надъ водами Іорданскими является Богъ, Единый въ Троицѣ: Отецъ—во гласѣ, Сынъ—во плоти, Духъ Святый—въ видѣ голубя. Что же Онъ производитъ въ этомъ Своемъ явленіи? Онъ созидаетъ новый міръ и все обновляетъ, какъ и въ предпраздничномъ тропарѣ читается: **ꙗ҆ви́сѧ, всю̀ тва́рь хотѧ̀ ѡ҆бнови́ти,** т. е. содѣлать новый міръ, отличный отъ перваго. **Дре́вниѧ мимоидо́ша,**—говоритъ Писаніе,—**сѐ бы́ша всѧ̑ нѡва̀**[3]). Міръ первый по природѣ своей былъ тяжелъ, не могъ вознестись къ Небу и нуждался въ сушѣ, на коей могъ бы стоять, какъ бы водруженный. А міръ новый, изведенный изъ водъ Іорданскихъ, такъ легокъ, что не нуждается въ сушѣ, не созидается на землѣ, не имѣетъ **здѣ̀ пребыва́ющагѡ гра́да,** но ищетъ **вы́шнихъ,** устремляется быстро изъ воды къ отверстымъ надъ Іорданомъ небеснымъ дверямъ: **взы́де а҆́бїе ѿ воды̀: и҆ сѐ ѿверзо́шасѧ є҆́мꙋ нѣса̀**[4]). Для міра перваго, обремененнаго житейскими тяготами, въ томъ случаѣ, когда бы онъ возжелалъ достигнуть Неба, потребна была бы лѣстница, утвержденная на землѣ, вершина которой доходила бы до Неба,—но и та была Іаковомъ только созерцаема, самъ же онъ не восходилъ по ней,—для міра же новаго возможенъ восходъ на Небо и

---

1) 1-й ирмосъ на Крещеніе Господне.
2) Псал. 113, ст. 3.
3) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 5, ст. 17.
4) Еванг. отъ Матѳ., гл. 3, ст. 16.

безъ лѣстницы. Какимъ же образомъ? Се, вмѣсто лѣстницы, Духъ Божій, въ видѣ голубя, летаетъ надъ водами. И это означаетъ слѣдующее. Человѣческій родъ уже не какъ пресмыкающійся по землѣ гадъ, или ползающее животное, но какъ птица пернатая выходитъ изъ воды Крещенія; поэтому и Духъ Святый явился надъ водами Крещенія какъ птица, дабы возвести безъ лѣстницы на Небо Своихъ птенцовъ, коихъ породилъ Онъ банею Крещенія. И исполняются здѣсь слова пѣсни Моисеевой: **на птенцы̀ своѧ̑ возжелѣ̑**[1]) или, какъ читается въ переводѣ Іеронима, вызываетъ птенцовъ своихъ летать. Такой именно новый міръ созидаетъ Богъ Своимъ явленіемъ на водахъ Іорданскихъ, который не прилѣпляется къ землѣ, но, какъ птица пернатая, стремится на крыльяхъ къ отверстому Небу: **взы́де а҆́бїе ѿ воды̀: и҆ сѐ ѿверзо́шасѧ є҆мꙋ̀ нб҃сà.**

Припомнимъ здѣсь выраженіе Писанія: **речѐ бг҃ъ: да и҆зведꙋ́тъ во́ды пти́цы лета́ющыѧ по тве́рди нб҃нѣй**[2]) и посмотримъ, какъ одно изъ Лицъ Святой Троицы, явившееся нынѣ надъ водами Іорданскими при обновленіи міра, выводитъ изъ воды Крещенія своихъ духовныхъ птенцовъ и призываетъ ихъ летать, дабы они на своихъ крыльяхъ добродѣтели вознеслись къ открывшимся надъ Іорданомъ Небесамъ. Но прежде, чѣмъ разсматривать это, убѣдимся, на основаніи учителей Церкви, что всякій человѣкъ, родящійся отъ воды и духа, бываетъ небеснымъ птенцомъ. Святый Іоаннъ Златоустъ говоритъ: «Раньше было сказано: да **и҆зведꙋ́тъ во́ды га́ды дꙋ́шъ живы́хъ**, а съ тѣхъ поръ какъ вошелъ въ Іорданскія струи Христосъ, вода производитъ уже не **га́дъ дꙋ́шъ живы́хъ**, но разумныя и духовныя существа—души, которыя не ползаютъ по землѣ, но какъ птицы парятъ къ Небу. Посему и Давидъ сказалъ: **дꙋша̀ на́ша ꙗ҆́кѡ пти́ца**[3]). Эта птица не земная, а небесная, ибо жительство наше, которое намъ уготовляется начиная съ Крещенія, находится, по слову Писанія, на Небесѣхъ». Святый же Григорій Нисскій, укоряя тѣхъ, которые послѣ принятія Крещенія обращаются къ прежнимъ злымъ дѣламъ, говоритъ: «Люди безстыдные, принявшіе Крещеніе, приведенные, неизвѣстно чѣмъ, какъ бы въ неистовство, теряютъ спасеніе, полученное водами Крещенія, хотя, будучи спогребены Христову тѣлу, они

---

1) Кн. Втор., гл. 32, ст. 11.
2) Кн. Быт., гл. 1, ст. 20.
3) Псал. 123, ст. 7.

облеклись крыльями орла и чрезъ это имѣютъ возможность возлетать къ тѣмъ небеснымъ птицамъ, каковыми являются безстрашные духи». Обратимъ вниманіе на эти слова: «Будучи спогребены Христову Тѣлу (чрезъ Крещеніе), они облеклись крыльями орла, такъ что могутъ возлетать». Этимъ сей святый учитель убѣдительно доказываетъ, что люди, выходящіе изъ водъ Крещенія, бываютъ птицами, парящими къ Небу. Но это мы увидимъ также изъ исторіи.

Преподобный Ноннъ, епископъ Иліопольскій, когда долженъ былъ въ Антіохіи обратить къ Богу явную грѣшницу Пелагію, увидѣлъ ночью во снѣ такое видѣніе[1]): ему представилось, что онъ стоитъ въ церкви за Литургіей,—и вотъ около него стала летать какая-то черная голубица, запачканная грязію; онъ взялъ ее, омылъ въ купели, и голубица послѣ того тотчасъ же стала чиста какъ снѣгъ и красива, и прямо отсюда полетѣла къ небу. Это видѣніе указывало на то, что этотъ блаженный отецъ обратитъ ко Господу грѣшницу и просвѣтитъ ее Святымъ Крещеніемъ. Итакъ, воды Святаго Крещенія столь могущественны, что могутъ человѣка содѣлать небесною птицею. Сіе совершаютъ и Іорданскіе воды, придавая человѣку крылья, на коихъ онъ могъ бы летѣть въ **разводѧ̑щаѧсѧ є҆мꙋ̀ нб҃са̀.**

Но не только обновленіе человѣческой природы въ водахъ Іорданскихъ изображается въ явленіи, но и явившіяся Три достопоклоняемыя Лица Божества принимаютъ на себя подобія различныхъ птицъ. Такъ, мы знаемъ, что Священное Писаніе уподобляетъ Бога Отца орлу: **ꙗ҆́кѡ ѻ҆ре́лъ покры̀ гнѣздо̀ своѐ**[2]). Читаемъ также, что и Богъ-Сынъ подобенъ кокошу: **і҆ерⷭ҇ли́ме, і҆ерⷭ҇ли́ме,**—говоритъ Онъ,—**колькра́ты восхотѣ́хъ собра́ти ча̑да твоѧ̑, ꙗ҆́коже собира́етъ ко́кошъ птенцы̀ своѧ̑ под̾ крилѣ̑**[3]). Знаемъ, наконецъ, что и Богъ Духъ Святый явился надъ Іорданомъ въ **подо́бїи голꙋби́нѣ.** Итакъ, почему Лица Пресвятой Троицы уподобляются означеннымъ тремъ породамъ птицъ? Воистину потому, что Они стаи такихъ же птенцовъ духовно изводятъ изъ воды Крещенія, т. е. дѣлаютъ людей духовными птенцами, кого—наподобіе орла, кого—наподобіе кокоша и кого—какъ бы голубемъ.

Церковь Торжествующая на Небѣ раздѣляетъ вѣрныхъ служителей Божіихъ, происходящихъ изъ Церкви Воинствующей, въ

---

1) Ср. жит. св. Пелагіи подъ 8-мъ октября.

2) Кн. Втор., гл. 32, ст. 11.

3) Еванг. отъ Матѳ., гл. 23, ст. 37.

небесномъ селеніи на три особыхъ лика: на ликъ учителей, на ликъ мучениковъ и на ликъ дѣвственниковъ. Мы не ошибемся, если скажемъ, что эти три лика суть три стаи птенцовъ, рожденныхъ и изведенныхъ изъ воды Крещенія. *Ликъ учителей*—это стая орловъ, которые парятъ въ небѣ и, не смежая очей своихъ, смотрятъ на солнечное сіяніе; ибо святые учители, проуразумѣвая Бога, возлетаютъ высоко, какъ бы имѣющіе крылья, а свѣтлымъ умомъ, какъ бы окомъ, созерцая свѣтъ Трисіятельнаго Божества, просвѣщаютъ себя и другихъ премудростію. *Ликъ мучениковъ* есть стая многочадныхъ кокошей, ибо они черезъ пролитіе за Христа своей крови породили много другихъ чадъ Христу: кровь мучениковъ, дѣйствительно, породила многихъ чадъ для первенствующей Церкви, которыхъ стало болѣе, чѣмъ звѣздъ на небѣ, и песка, находящагося на берегу моря. *Ликъ дѣвственниковъ*—это стая чистыхъ голубей, ибо они всецѣло приносятъ себя въ живую жертву Богу и заботятся о томъ, чтобы угождать не плоти, а единому Господу. Сіи три стаи духовныхъ птицъ, говорили мы, родились въ водѣ крещенія. Разсмотримъ, какимъ образомъ это происходитъ.

Въ книгѣ Пѣснь Пѣсней говорится: Ѿвратѝ ѻ҆чи твои҆ ѿ менѐ, ꙗ҆́кѡ тіи воскрилиша мѧ҆[1]). Это значитъ: призри на меня, Господи, милостивыми очами твоими и не отвращай ихъ отъ меня, ибо, по твоей милости, я дѣлаюсь птицей, возлетающей къ небесамъ. И въ явленіи Своемъ на Іорданѣ Богъ призрѣлъ на природу человѣческую: призрѣлъ Богъ Отецъ, отверзши надъ Сыномъ Небеса; призрѣлъ Богъ Сынъ, пришедши изъ Назарета Галилейскаго креститься у Іоанна на Іорданѣ,—призрѣлъ, говорю, ибо всю грязь грѣха Адамова, всѣ немощи нашего естества Онъ собралъ и принесъ сюда для того, чтобы омыть ихъ и очистить насъ отъ грѣховъ нашихъ; презрѣлъ и Богъ Духъ, сходя на божественнаго человѣка, принимавшаго Крещеніе. Призрѣвши на насъ, Единый въ Троицѣ Богъ ужели не воскрилилъ естества человѣческаго? Воистину воскрилилъ, ибо чрезъ это божественное призрѣніе тотчасъ появились стаи орловъ, кокошей и голубей, т. е. лики учителей, мучениковъ и дѣвственниковъ. Разъяснимъ это на основаніи Священнаго Писанія.

Богословъ видѣлъ въ Откровеніи, ему бывшемъ, предъ Престоломъ Божіимъ стеклянное море, какъ бы изъ хрусталя[2]): это море

---

[1]) Кн. Пѣснь Пѣсн., гл. 6, ст. 4.

[2]) Апокал., гл. 4, ст. 6.

обозначало собою тайну Святаго Крещенія, ибо между Божіимъ Престоломъ и человѣкомъ, намѣревающимся приблизиться къ Престолу Божію, находится вода Крещенія, и не иначе кто-нибудь можетъ приблизиться къ сидящему на Небесномъ Престолѣ Богу, какъ перешедши сначала море Крещенія, по словамъ Писанія: **а҆́ще кто̀ не родѝтсѧ водо́ю и҆ дх҃омъ, не мо́жетъ внѝти во цр҃твїе бж҃їе**[1]). Но почему это море, означающее собою тайну Крещенія, стеклянное и хрустальное? Знаемъ, что толкователи Божественнаго Писанія скажутъ, что оно—стеклянное потому, что имѣетъ въ себѣ чистоту, очищающую душу человѣка, принимающаго Крещеніе, а хрустальное потому, что даетъ твердость сердцу человѣка. Еще и потому оно является стеклянным и хрустальнымъ, что, подобно тому, какъ сквозь стекло и хрусталь проходитъ солнечный лучъ, такъ и благодать Божія проникаетъ чрезъ тайну Крещенія и ею приходитъ къ человѣку и просвѣщаетъ храмъ души его. Наконецъ, и для того море, находящееся предъ Престоломъ Божіимъ и означающее тайну Крещенія,—стеклянное и хрустальное, чтобы возсѣдающая на Престолѣ Пресвятая Троица отразилась и была видима въ немъ, какъ въ стеклянномъ и хрустальномъ зеркалѣ, ибо во Святомъ Крещеніи явился образъ Троицы. **Ше́дше**,—сказалъ Іисусъ Христосъ,—**наѹчѝте всѧ̑ ꙗ҆зы́ки, крестѧ́ще и҆̑хъ во и҆́мѧ ѻ҆ц҃а̀, и҆ сн҃а, и҆ ст҃а́гѡ дх҃а**[2]). По человѣчески разсуждая, если Богъ Отецъ возсѣлъ на Престолѣ Своемъ какъ орелъ, то въ морѣ, находящемся предъ Престоломъ, какъ бы въ стеклянномъ и хрустальномъ зеркалѣ долженъ былъ отразиться образъ орла. Если Богъ Сынъ возсѣлъ на Престолѣ какъ кокошъ—ибо Онъ такъ называетъ Себя въ Евангеліи,—то въ томъ, находившемся предъ Престоломъ морѣ долженъ былъ, какъ бы въ зеркалѣ, явиться образъ кокоша. Если Духъ Святый возсѣлъ на томъ Престолѣ какъ голубь, то и въ томъ морѣ долженъ былъ показаться образъ голубя. Но разъяснимъ духовный смыслъ сихъ образовъ.

Мы сказали, что море, видѣнное предъ Престоломъ Божіимъ, означаетъ собою тайну Святаго Крещенія, въ которомъ наше естество крещающееся очищается, какъ стекло, **ѿ всѧ́кїѧ скве́рны пло́ти и҆ дх҃а**[3]), душа же наша укрѣпляется и просвѣтляется какъ бы хрусталь. И когда Богъ въ Троицѣ взираетъ во время Креще-

---

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. 3, ст. 5.
[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 28, ст. 19.
[3]) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 7, ст. 1.

нія нашего на это таинственное стекло и хрусталь, тогда воистину въ немъ является образъ Троицы. Взираетъ ли Богъ Отецъ, какъ духовный орелъ, или Богъ Сынъ, какъ духовный кокошъ, или Богъ Духъ Святый, какъ духовный голубь, всегда таинственное стекло и хрусталь, т. е. наше крещающееся естество, являетъ въ Себѣ отображеніе оныхъ духовныхъ птицъ и становится птенцомъ орла, или кокоша, или голубя — т. е. чадомъ Бога, Единаго въ Троицѣ—Отца и Сына и Святаго Духа, какъ сказано: **дадѐ** намъ **ѻ҆бласть ча́дѡмъ бж҃їимъ бы́ти, вѣ́рꙋющымъ во и҆́мѧ є҆гѡ̀**[1]). Пресвятая Троица воззрѣла на человѣческое естество, принимавшее Крещеніе въ водахъ Іорданскихъ, и отобразилась въ немъ, снабдивъ его, какъ птенца, духовными крыльями орла, кокоша и голубя т. е. умножила въ Церкви Воинствующей учителей, мучениковъ, дѣвственниковъ. Итакъ, ясно, что каждое Лицо Пресвятой Троицы извело изъ водъ Іорданскихъ своихъ особыхъ духовныхъ птенцовъ.

Богъ Отецъ, какъ орелъ, извелъ изъ Іордана орловъ духовныхъ, т. е. учителей церковныхъ. Святый Кириллъ Іерусалимскій говоритъ: «начало міра—вода, начало Евангелія—Іорданъ. Отъ воды возсіялъ свѣтъ дневной, ибо Духъ Божій, носившійся сперва **вѣрхꙋ̀ воды̀**, повелѣлъ изъ тьмы возсіять свѣту. Отъ Іордана возсіялъ свѣтъ Святаго Евангелія. Первый Учитель всего міра Христосъ—Божія Сила и Божія Премудрость—откуда началъ Свое ученіе? Не отъ водъ ли Іорданскихъ? **Ѿто́лѣ**,—сказано въ Евангеліи,—**нача́тъ і҆и҃съ проповѣ́дати, и҆ глаго́лати: пока́йтеѧ**[2]). И тотчасъ за Нимъ явилось много учителей—это святые Апостолы, коихъ Онъ посылалъ на проповѣдь. Такимъ образомъ воды дали жизнь и птицамъ естественнымъ[3]), и птицамъ духовнымъ. Ибо откуда были призваны къ апостольскому и учительскому служенію Петръ и Андрей, Іаковъ и Іоаннъ[4])? Развѣ не отъ водъ? Изъ рыбарей Господь избралъ Себѣ Апостоловъ. Откуда жена самарянка явилась какъ проповѣдница объ истинномъ Мессіи въ своемъ городѣ? Не отъ воды ли источника Іаковлева?[5]). Откуда и прозрѣвшій слѣпецъ выступилъ какъ свидѣтель чудесной силы Христовой? Не отъ воды ли Силоамской купели[6])? Все это было предуказаніемъ на Святое Крещеніе, въ которомъ и

1) Еванг. отъ Іоан., гл. 1, ст. 12.
2) Еванг. отъ Матѳ., гл. 4, ст. 17.
3) Кн. Быт., гл. 1, ст. 21.
4) Еванг. отъ Матѳ., гл. 4, ст. 18 и 21.
5) Еванг. отъ Іоан., гл. 4, ст. 6 и 7.
6) Еванг. отъ Іоан., гл. 9, ст. 7.

исцѣляется слѣпота душевная, и омываются грѣховныя скверны, и церковные учители получаютъ божественную премудрость. Ибо Крещеніемъ подается человѣку та благодать, при помощи коей онъ можетъ пріобрѣсти великое разумѣніе, оттуда же у наставниковъ вѣры вырастаютъ духовныя крылья, по слову Писанія: **ѡ҆крыла́тѣютъ а҆́ки ѻ҆рли̑, потекꙋ́тъ и҆ не ᲂу҆трꙋдѧ́тсѧ**[1]).

Богъ Сынъ, какъ кокошъ, собирающій подъ Свои крылья расточенныхъ чадъ, изводитъ изъ воды Крещенія Своихъ птенцовъ— святыхъ мучениковъ, Самъ первѣе всѣхъ отдавая на раны Свою плоть, крещенную въ водѣ, Самъ прежде всего полагая за насъ на крестѣ Свою жизнь, дабы и мы были готовы умереть за Него. Припомнимъ здѣсь слова Апостола: **є҆ли́цы во хрⷭ҇та̀ і҆и҃са крести́хомсѧ, въ сме́рть є҆гѡ̀ крести́хомсѧ**[2]). Это значитъ почти то же, какъ если бы Апостолъ сказалъ: всякій, крестившійся во Христа, долженъ за Него умереть, долженъ **бы́ти соѡбра́зенъ подо́бїю сме́рти є҆гѡ̀**[3]). А кто такъ крестился въ смерть Его, какъ не святые мученики, говорящіе: **тебѐ ра́ди ᲂу҆мерщвлѧ́емсѧ ве́сь де́нь**[4])? Кто другой былъ такъ **соѡбра́зенъ подо́бїю сме́рти є҆гѡ̀**[5]), на которую Онъ **ꙗ҆́кѡ ѻ҆вча̀ на заколе́нїе веде́сѧ**[6]), какъ не святые мученики, говорящіе: **вмѣни́хомсѧ ꙗ҆́кѡ ѻ҆́вцы заколе́нїѧ**[7]). Оттого-то имъ поется: **а҆́гнца бж҃їѧ проповѣ́давше, и҆ закла́ни бы́сте, ꙗ҆́коже а҆́гнцы**[8]). Въ смерть его крестились святые сорокъ девять мучениковъ, которые, будучи ввергнуты со святымъ Каллистратомъ въ озеро, **соѡбра́зни бы́ша подо́бїю сме́рти є҆гѡ̀**[9]), а также десять тысячъ мучениковъ, которые со святымъ Ромиломъ въ одинъ день были распяты въ Армянской пустынѣ[10]). Да и всѣ святые страстотерпцы, пролившіе за Христа кровь свою, приближались **къ подо́бїю сме́рти є҆гѡ̀**, какъ крестившіеся въ смерть Его. Еще въ водѣ Крещенія своего они были уже предопредѣлены къ вѣнцу мученическому. Обыкновенный кокошъ имѣетъ обычай выбирать въ пищу лучшія зерна и, находя таковыя, созывать къ себѣ своихъ птенцовъ. Принявъ за вѣрное, что всѣ

---

1) Кн. Исаіи, гл. 40, ст. 31.
2) Посл. къ Римл., гл. 6, ст. 3.
3) Посл. къ Римл., гл. 6, ст. 5.
4) Псал. 43, ст. 23.
5) Посл. къ Римл., гл. 6, ст. 5.
6) Кн. Прор. Исаіи, гл. 53, ст. 7.
7) Псал. 43, ст. 23.
8) Изъ службы заупокойной.
9) Память ихъ—сентября 27-го.
10) Память ихъ—сентября 6-го.

добродѣтели суть пища духовная, всякій долженъ сознаться, что нѣтъ лучшаго зерна или нѣтъ высшей добродѣтели, чѣмъ любовь: **бо́льшиже всѣ́хъ любы̀** [1]),—и именно такая любовь, которая полагаетъ за любимаго душу свою: **бо́льши сеѧ̀ любве̑ никто́же и҆́мать, да кто̀ дꙋ́шꙋ свою̀ положи́тъ за дрꙋ́ги своѧ̑** [2]). Это зерно любви нашелъ и указалъ птенцамъ Своимъ духовный кокошъ—Христосъ Господь, положивъ душу Свою за друзей: **вы̀**,—сказалъ Онъ Апостоламъ,—**дрꙋ́зи мои̇̀ е҆́стѐ** [3]). Къ этому зерну стекались призванные птенцы—святые мученики и начали, побуждаемые любовію, полагать души свои за Господа, какъ вѣщаетъ ко Господу одна мученица: **тебѐ, женнѝше мо́й, люблю̀, и҆ тебѐ и҆́щꙋще страда́льчествꙋю** [4]). Откуда же были призваны эти духовные птенцы къ зерну любви? Не отъ воды ли Крещенія, въ которой они въ смерть Его крестились? Послушаемъ святаго Анастасія Синаита [5]), который о благоразумномъ разбойникѣ, для коего вода истекшая изъ ребръ Христовыхъ стала водою Крещенія, говоритъ: «Къ онымъ птицамъ (т. е. къ небеснымъ духамъ) отлетѣлъ изъ животворной воды, истекшей изъ всѣхъ птицъ, святый разбойникъ, воспаряя по воздуху въ роѣ птицъ вмѣстѣ съ царемъ—Христомъ.

Богъ Духъ Святый, какъ голубь, изводитъ изъ воды Крещенія своихъ птенцовъ—чистыхъ тѣломъ и душою голубей, т. е. дѣвственниковъ. Ибо до тѣхъ поръ, пока естество человѣческое въ Лицѣ Господа Іисуса Христа чрезъ снисхожденіе и дѣйствіе Святаго Духа не было соединено съ Божествомъ и омыто Іорданскими водами, до тѣхъ поръ супружество было выше дѣвства, до тѣхъ поръ о дѣвственной чистотѣ, соблюдаемой во славу Божію, мало гдѣ было извѣстно. **Рожде́нное ѿ пло́ти, пло́ть е҆́сть** [6]). Тогда плоть одна рождала, духъ же оставался безплоднымъ, почему Богъ нѣкогда говорилъ: **не и҆́мать дꙋ́хъ мо́й пребыва́ти въ человѣ́цѣхъ си́хъ во вѣ́къ, занѐ сꙋ́ть пло́ть** [7]). Когда же человѣческое естество сошло на Іорданъ и на него сошелъ Духъ Святый, тогда внезапно отъ Духа родилось въ жизнь высшее супружества дѣвство, стре-

---

1) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 13, ст. 13.

2) Еванг отъ Іоан., гл. 15, ст. 13.

3) Еванг. отъ Іоан., гл. 15, ст. 14.

4) Изъ тропаря мученицамъ.

5) *Святый Анастасій Синаитъ*—одинъ изъ выдающихся богослововъ Греко-восточной церкви VII столѣтія. Память его—23-го апрѣля.

6) Еванг. отъ Іоан., гл. 3, ст. 6.

7) Кн. Быт., гл. 6, ст. 3.

мящееся не къ плотскому, а къ духовному, по словамъ Іоанна Богослова: рожде́нное ѿ дх҃а, дꙋ́хъ є҆́сть[1]). А такъ какъ духъ имѣетъ честь бо̀льшую, чѣмъ плоть, то и дѣвство, соединяющееся въ одинъ духъ съ Господомъ, стало почетнѣе, чѣмъ плотской супружескій союзъ. Наше естество, восшедшее въ духовный супружескій союзъ со Христомъ во Іорданѣ, стало плодоноснымъ и произвело изъ себя цѣлые дѣвственные лики. И такое духовное супружество не можетъ производить что-либо иное, кромѣ дѣвства, на что указалъ еще Пророкъ Захарія, сказавши: вїно̀ бл҃гоꙋха́нно дѣ́вамъ[2]). Подъ дѣвами Пророкъ разумѣетъ дѣвственные лики. Духъ Святый, по слову Пророка, какъ вино изливается и производитъ дѣвъ, ибо гдѣ Духъ Святый изливаетъ Свою благодать, тамъ не можетъ не родиться дѣвство. Блаженный Іеронимъ въ своемъ переводѣ Священнаго Писанія удачно передаетъ смыслъ означеннаго мѣста словами: «вино, производящее дѣвъ». Въ самомъ дѣлѣ, то вино благодати Святаго Духа излилось нѣкогда на Апостоловъ и упоило ихъ такъ, что нѣкоторымъ они представлялись опьяненными виномъ, и содѣлало ихъ такими дѣвами, что въ нихъ не оставалось никакого порока и они стали чисты и цѣлы какъ голуби. Въ праздникъ Сошествія Духа Святаго и Церковь поетъ: дх҃ъ сп҃се́нїѧ а҆пⷭ҇льскаѧ сердца̀ созида́етъ чи̑ста[3]). Итакъ, нынѣ изливается оное вино на воды Іордана. И кто сомнѣвается въ томъ, что воды Крещенія, смѣшанныя съ виномъ Духа Святаго, производятъ дѣвство, согласно съ словами пророчества: «вино родящее дѣвъ»,— и при томъ такихъ дѣвъ, къ которымъ Апостолъ говоритъ: ѡ҆брꙋчи́хъ бо ва́съ є҆ди́номꙋ мꙋ́жꙋ, дѣ́вꙋ чи́стꙋ предста́вити хрⷭ҇то́ви[4])? Отъ духовнаго супружества естества нашего съ Богомъ рождается отъ Духа дѣвство, которое Духъ Святый, изведя изъ воды Крещенія, вводитъ въ Небесныя Обители.

Такъ каждое Лице Пресвятой Троицы, явившееся на Іорданѣ, вывело изъ водъ Крещенія своихъ особенныхъ духовныхъ птенцовъ и, изведши ихъ, призываетъ летѣть на данныхъ имъ крыльяхъ добродѣтелей въ отверстыя Небеса.

Во-первыхъ, Богъ Отецъ, какъ духовный орелъ, призываетъ къ полету птенцовъ Своихъ—духовныхъ орловъ, т. е. учителей, какъ

---

1) Еванг. отъ Іоан., гл. 3, ст. 6.
2) Кн. Прор. Захар., гл. 9, ст. 17.
3) Изъ Канона на Пятидесятницу, пѣснь 5.
4) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 11, ст. 2.

имѣющихъ особенныя крылья, о которыхъ Церковь поетъ: **бг҃оразꙋмїѧ крилѣ, прелетѣвшыѧ птенцы̑, и҆ къ нб҃сѝ вознéсшыѧсѧ**[1]). Какія же крылья у тѣхъ птенцовъ? Несомнѣнно, что ихъ, кромѣ другихъ общихъ всѣмъ добродѣтелей,—два: дѣло и слово. Тотъ есть учитель церковный, тотъ—высокопарящій орелъ, кто и самъ на дѣлѣ исполняетъ то, чему учитъ другихъ на словахъ. А что крылья духовныхъ орловъ дѣйствительно есть слово и дѣло, это ясно показано въ книгѣ Іезекіиля Пророка, который однажды видѣлъ четырехъ животныхъ, съ четырьмя крыльями каждое, везущихъ колесницу Божію. Тѣ животныя издавали шумъ своими крыльями: **слы́шахъ**,—говоритъ Пророкъ,—**гла́съ кри́лъ и҆́хъ, внегда̀ парѧ́хꙋ, ꙗ҆́кѡ гла́съ во́дъ мно́гихъ, ꙗ҆́кѡ гла́съ бг҃а саддаі̀** (т. е. всемогущаго или, по переводу Симмаха, какъ громъ могущественнаго Бога) **и҆ внегда̀ ходи́ти и҆̀мъ, гла́съ сло́ва ꙗ҆́кѡ гла́съ полка̀**[2]). Поистинѣ великій то былъ голосъ, необычайная пѣснь! Впрочемъ, удивителенъ не столько самый голосъ, сколько то, откуда исходилъ этотъ голосъ. Голосъ этотъ исходилъ не изъ гортани, слово выходило не съ языка, пѣснь не изъ устъ, а изъ крыльевъ оныхъ животныхъ. Пророкъ говоритъ: **слы́шахъ гла́съ кри́лъ и҆́хъ**. Пѣли они, но не гортанью, славословили Бога,—но не краснорѣчивыми и многорѣчивыми устами и языкомъ, а тѣми же крыльями, на которыхъ летали: **слы́шахъ гла́съ кри́лъ и҆́хъ**.

Какая же здѣсь скрывается тайна? Эта тайна такая: животныя, везущія Божію колесницу, означали собою учителей церковныхъ, которые представляютъ собою сосуды, избранные для того, чтобы распространить Имя Божіе по всей вселенной, и своимъ ученіемъ увлекаютъ на прямую дорогу, ведущую къ Небу Церковь Христову, какъ бы Божію колесницу, въ которой находятся многія десятки тысячъ вѣрующихъ душъ. Крылья же оныхъ животныхъ, издающія голосъ и поющія, означаютъ собою дѣло и слово учителя. Крылья, которыя даютъ возможность летать, указываютъ на то, что учитель церковный самъ прежде долженъ явить собою образецъ добродѣтели, самъ прежде долженъ предъ лицомъ всѣхъ своею богоугодною жизнію, какъ бы пернатый, возноситься къ Небу. Голосъ же, выходившій изъ крыльевъ оныхъ животныхъ, означаетъ собою учительное слово; учитель

---

1) Изъ церк. службы.

2) Кн. Прор. Іезек., гл. 1, ст. 24.

долженъ издавать такой голосъ, который былъ бы сообразенъ съ силою его полета, т. е. долженъ учить стадо и въ то же время самъ обязанъ жить такъ, какъ учитъ. Ибо такой пользы не приноситъ голосъ учителя, когда у него не видно крыльевъ богоугодной жизни. Только тотъ учитель возносится прямо къ отверстому надъ Іорданомъ Небу, который летаетъ не на одномъ крылѣ слова, но и на другомъ крылѣ—добродѣтельной жизни, который въ одно и то же время учитъ словомъ и дѣломъ. Не такъ легко возносятъ къ Небу и учителя, и ученика замысловато составленное слово, или сладкогласныя уста, или громкая гортань, какъ крылья добрыхъ дѣлъ.

Богъ Сынъ, какъ духовный кокошъ, призываетъ летать Своихъ птенцовъ—святыхъ мучениковъ. А крылья добродѣтели, принадлежащія имъ однимъ, кромѣ другихъ общихъ добродѣтелей, суть слѣдующія два: вѣра и исповѣданіе. Объ этихъ мученическихъ крыльяхъ Апостолъ говоритъ: **се́рдцемъ вѣ́рꙋетсѧ въ пра́вдꙋ, оу҆сты̑ же и҆сповѣ́дꙋетсѧ во сп҃се́нїе**[1]). Непоколебимая вѣра въ сердцѣ—одно крыло; дерзновенное исповѣданіе устами Имени Христова предъ царями и мучителями—крыло другое. Первая духовная птица, влетѣвшая въ рай,—благоразумный разбойникъ, пострадавшій со Христомъ на крестѣ, возлетѣлъ именно на таковыхъ крыльяхъ вѣры и исповѣданія. Ибо въ то время, когда Господь нашъ, добровольно за насъ пострадавшій, былъ всѣми покинутъ и когда отъ Него отрекся даже Петръ, обѣщавшій умереть съ Нимъ, одинъ разбойникъ увѣровалъ въ Него сердцемъ и исповѣдалъ устами, нарекши Его царемъ и Господомъ: **помѧни́ мѧ, гдⷭ҇и**,—сказалъ онъ,—**є҆гда̀ прїи́деши во црⷭ҇твїи свое́мъ**. Какъ велика была эта вѣра разбойника, когда во всѣхъ ученикахъ Христовыхъ оскудѣла[2])! Когда всѣ вѣровавшіе соблазнились о Христѣ, Онъ одинъ не соблазнился, но помолился Ему съ вѣрою, почему и услышалъ отъ Него такія слова: **а҆ми́нь глаго́лю тебѣ̀: дне́сь со мно́ю бꙋ́деши въ раи̑**[3]). Святый Амвросій такъ говоритъ объ этомъ: «Въ тотъ часъ, когда Рай принялъ Христа, онъ принялъ и разбойника, но эту славу разбойнику даровала одна вѣра». Итакъ, ясно, что сія птица, т. е. распятый со Христомъ на крестѣ мученикъ, возлетѣла въ рай не на какихъ-либо иныхъ крыльяхъ, какъ

---

1) Посл. къ Римл., гл. 10, ст. 10.

2) Еванг. отъ Матѳ., гл. 26, ст. 56.

3) Еванг. отъ Луки, гл. 23, ст. 42—48.

только вѣрою, исповѣданною устами. «Эту славу,—говоритъ святый Амвросій,—даровала разбойнику одна вѣра.»

Наконецъ, Богъ Духъ Святый, явившійся въ видѣ голубя, призываетъ летать и Своихъ птенцовъ—дѣвственниковъ, ибо Ему свойственно дѣлать человѣка крылатою птицею, которая бы могла проникать въ самыя высокія области. Святый Дамаскинъ поетъ: **ст҃о́мꙋ дх҃ꙋ, всѧ́каѧ всеспс҃и́тельнаѧ вина̀, а҆́ще ко́емꙋ се́й по достоѧ́нїю дхне́тъ, ско́рѡ взе́млетъ ѿ земны́хъ, восперѧ́етъ, возраща́етъ, ᲂу҆строѧ́етъ горѣ̀**[1]). Онъ и духовныхъ голубей, святыхъ дѣвственниковъ, **горѣ̀ ᲂу҆строѧ́етъ**, призывая ихъ летать. Особыя же крылья добродѣтелей у тѣхъ голубей суть: умерщвленіе плоти и духа. А что умерщвленіе плоти есть одно изъ крылъ, возносящее человѣка къ Небу, о семъ святый Амвросій (Медіоланскій), толкуя слова Евангелія: **мно́зѣхъ пти́цъ ᲂу҆́нши є҆сте́ вы**[2]), говоритъ такъ: «Плоть, расположенная къ исполненію Закона Божія и совлекшаяся грѣха, по чистотѣ чувствъ уподобляется естеству души и возносится къ Небу на духовныхъ крыльяхъ». Здѣсь святый учитель Церкви говоритъ объ уподобленіи естеству души, имѣя ввиду умерщвленіе, которыхъ дѣйствительное естество плоти какъ бы переходитъ въ естество души, когда худшее подчиняется лучшему и плоть порабощается духу, когда человѣкъ освобождается отъ грѣха и очищаетъ свои чувства, что не возможно безъ умерщвленія. Умертвивши же свою плоть, человѣкъ становится легкимъ и пернатымъ, какъ птица, и возносится къ Небу на духовныхъ крыльяхъ. Итакъ, умерщвленіе тѣла для дѣвства, воспаряющаго къ Небу, есть первое крыло, ибо желающему соблюдать чистоту прежде всего подобаетъ умертвить свою плоть, на что указываетъ словами пророка Давида Святый Духъ, когда обращается ко Христу съ такими словами: **смѵ́рна, и҆ ста́кти, и҆ кассі́а ѿ ри́зъ твои́хъ**[3]). Здѣсь толкователи Божественнаго Писанія разумѣютъ подъ смирною—умерщвленіе страстей, подъ стактями—смиреніе, подъ кассіею—вѣру[4]). Эти благоуханія исходятъ отъ

---

1) Воскр. антифонъ 6-го гласа.

2) Еванг. отъ Матѳ., гл. 12, ст. 7.

3) Псал. 44, ст. 9.

4) *Смирна*—благовонная смола бальзамнаго дерева мирры, растущаго въ Аравіи и Эѳіопіи. Смола эта употреблялась для священнаго помазанія, для благоуханія и окуриванія, для натиранія и намащенія тѣла, особенно же для бальзамированія и помазанія тѣлъ умершихъ. *Стакти*—тоже ароматическая мазь, употребляемая для лѣченія болѣзней. *Кассія*—тонкая и благовонная кора, облекающая собою древесныя вѣтви. Она употреблялась для составленія благовонныхъ мазей и ароматовъ, а также для врачевства.

одеждъ Христа, т. е. отъ Его Святой Церкви, отъ вѣрующихъ, въ которыхъ Онъ облекся какъ въ одежду, принявъ на Себя плоть и вселяясь въ тѣхъ, кто живетъ чисто и свято. Итакъ, Духъ Святый какъ бы такъ говоритъ: умерщвленіе страстей, смиреніе и вѣра, какъ драгоцѣнные ароматы, благоухаютъ предъ Отцомъ Твоимъ отъ Твоей Церкви, отъ чистыхъ и дѣвственныхъ людей, которые сохраняютъ указанныя добродѣтели въ своихъ сердцахъ, какъ бы въ сосудахъ для сохраненія ароматовъ. Но спросимъ: для чего Духъ Святый, за разныя добродѣтели прославляя Церковь Христову, прежде всего хвалитъ Ее за умерщвленіе страстей вѣрующихъ, поставляя именно на первомъ мѣстѣ смирну? Поистинѣ для того, чтобы показать, что вслѣдъ за подавленіемъ беззаконныхъ вожделѣній, за прекращеніемъ плотскаго сластолюбія, за умерщвленіемъ тѣла идутъ всѣ другія добродѣтели, какъ бы за вождемъ своимъ. Итакъ, духовнымъ птенцамъ Духа Святаго, т. е. дѣвственникамъ, желающимъ имѣть гнѣздомъ своимъ Небо, прежде всего нужно имѣть это крыло, т. е. умерщвленіе плоти.

Второе ихъ крыло—умерщвленіе духа, которое состоитъ въ томъ, чтобы не только дѣломъ не совершать грѣха, но и не желать его въ духѣ, не помышлять о немъ въ умѣ. Можно быть чистымъ по тѣлу, но въ то же время имѣть различныя неподобныя желанія, услаждаясь помыслами о нечистомъ. Не напрасно Апостолъ увѣщаваетъ: **ѡ҆чи́стимъ себѐ ѿ всѧ́кїѧ скве́рны пло́ти и҆ дꙋ́ха**[1]). Эти слова ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что существуетъ сугубая скверна—нечистота плоти и нечистота духа. Ибо плоть привыкла проявлять себя—въ дѣлахъ, а духъ—въ помыслахъ и расположеніяхъ сердца. Напрасно хвалится своею чистотою и уповаетъ достигнуть небеснаго прославленія то дѣвство, которое хранитъ нерастлѣннымъ только тѣло, душу же, оскверняющуюся помыслами и хотѣніями, не старается очистить. Ибо какъ птица не можетъ летать на одномъ крылѣ, такъ и дѣвственникъ съ одною чистотою тѣлесной, безъ чистоты духовной, не войдетъ въ чертогъ небесный. Тотъ же, кто бережно хранитъ ту и другую чистоту, какъ голубь, полетитъ вслѣдъ Явившагося **въ ви́дѣ голꙋби́нѣ.**

Итакъ, мы слышали, что содѣлалъ Богъ Единый въ Трехъ Лицахъ, явившійся на водахъ Іорданскихъ, при обновленіи міра,—

---

[1]) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 7, ст. 1.

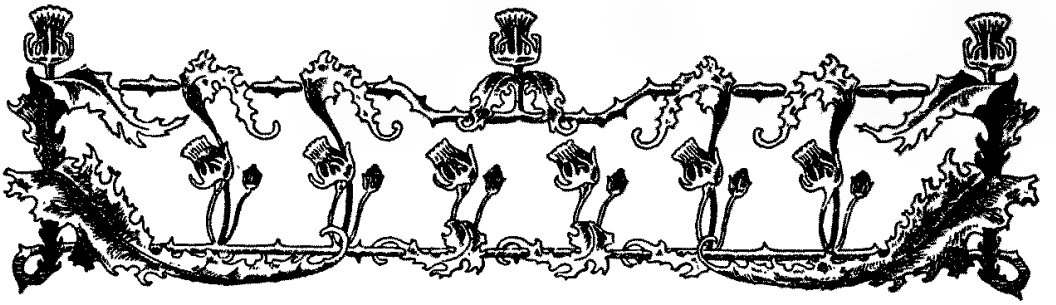
какъ Онъ извелъ изъ водъ Крещенія духовныхъ птенцовъ церковныхъ—учителей, мучениковъ, дѣвственниковъ и призвалъ ихъ въ разводѧ́щаѧсѧ нб҃са̀. Да будетъ же какъ отъ учителей, мучениковъ и дѣвственниковъ, тако и отъ насъ, грѣшныхъ,—Отцу, и Сыну, и Святому Духу,—Явившемуся на Іорданѣ Богу, честь, слава, поклоненіе и благодареніе нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тропа́рь бг҃оѧвле́нїю, гла́съ а҃:

Во і҆орда́нѣ крещáющꙋсѧ тебѣ̀ гдⷭ҇и, трⷪ҇ческое ꙗ҆ви́сѧ поклоне́нїе: роди́телевъ бо гла́съ свидѣ́тельствоваше тебѣ̀, возлю́бленнаго тѧ̀ сн҃а и҆менꙋ́ѧ: и҆ дх҃ъ въ ви́дѣ голꙋби́нѣ, и҆звѣ́ствоваше словесѐ ᲂу҆твержде́нїе. ꙗ҆вле́йсѧ хрⷭ҇тѐ бж҃е, и҆ мі́ръ просвѣще́й, сла́ва тебѣ̀.

Конда́къ, гла́съ д҃:

А҆ви́лсѧ є҆сѝ дне́сь вселе́ннѣй, и҆ свѣ́тъ тво́й гдⷭ҇и зна́менасѧ на на́съ, въ ра́зꙋмѣ пою́щихъ тѧ̀: прише́лъ є҆сѝ, и҆ ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ свѣ́тъ непристꙋ́пный.



День седьмой

СОБОРЪ
СВЯТАГО ІОАННА,
Предтечи и Крестителя Господня

На другой день праздника св. Богоявленія Церковь съ самыхъ первыхъ временъ совершаетъ празднованіе Собора честнáго и славнаго Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Іоанна. И вполнѣ прилично было почтить особымъ празднованіемъ того, кто послужилъ Таинству Божественнаго Крещенія, возложивши руку свою на главу Владыки. Итакъ, тотчасъ послѣ праздника Крещенія Господня соборно почитается и прославляется пѣснопѣніями Креститель. Самое же слово—соборъ означаетъ, что народъ собирается въ церковь для совершенія Богослуженія въ честь и похвалу прославляемаго нынѣ великаго Предтечи и Крестителя Іоанна. Таковый соборъ, хотя совершался и совершается во всѣхъ храмахъ Вселенной, но съ особенною торжественностью совершается въ храмахъ, посвященныхъ имени Крестителя, какъ это было прежде въ храмѣ его при Іорданѣ, гдѣ онъ крестилъ Христа; и въ Севастіи[1]), гдѣ онъ былъ погребенъ по умерщвленіи Иродомъ[2]); и

[1]) *Севастія*—главный городъ Самаріи. Такое названіе этотъ городъ получилъ послѣ того, какъ былъ подаренъ Августомъ Ироду Великому, который совершенно возстановилъ его и украсилъ и, въ благодарность Августу, назвалъ его Севаста, или Севастія, что значитъ городъ Августа.

[2]) Разумѣется *Ирод Антипа*, сынъ Ирода Великаго, правившій Галилеею и Переею съ титуломъ *тетрарха*, т. е. четвертовластника, властителя надъ четвертою частію Палестины. Онъ имѣлъ законную жену, дочь Аравійскаго царя Ареевы, но отвергъ ее и

въ Антіохіи[1]), куда была первоначально принесена правая его рука святымъ Евангелистомъ Лукою[2]); и въ Царьградѣ, куда впослѣдствіи та же святая рука была перенесена изъ Антіохіи и гдѣ въ особенности торжественно справляемъ былъ Соборъ Крестителя, такъ какъ рука его была перенесена въ самое Навечеріе Святаго Богоявленія, когда бываетъ освященіе воды: казалось,что тогда самъ Креститель прибылъ невидимо на освященіе воды, и великая радость была царямъ и всему народу. Потому-то тогда съ великимъ торжествомъ совершенъ былъ Соборъ Крестителя на другой день Богоявленія Господня и продолжалъ праздноваться также и въ послѣдующее время. И мы съ радостію духовною совершаемъ Соборъ сего великаго Предтечи и Крестителя Іоанна, моля его о томъ, чтобы онъ просилъ за насъ Владыку Христа собрать насъ въ Церкви Торжествующихъ—въ вѣчномъ нерукотворенномъ храмѣ на Небѣ, и гдѣ бы мы могли слышать голосъ празднующихъ и совершить празднество въ честь вѣчнаго явленія Бога. Тамъ мы можемъ насыщаться со Христомъ видѣніемъ Лица Бога, явственно показывающаго Себя святымъ Своимъ, и славить со всѣми небесными ликами Отца, и Сына, и Святаго Духа во вѣки, аминь!

СКАЗАНІЕ

О ДЕСНОЙ РУКѢ СВЯТАГО ІОАННА ПРЕДТЕЧИ,

крестившей Господа

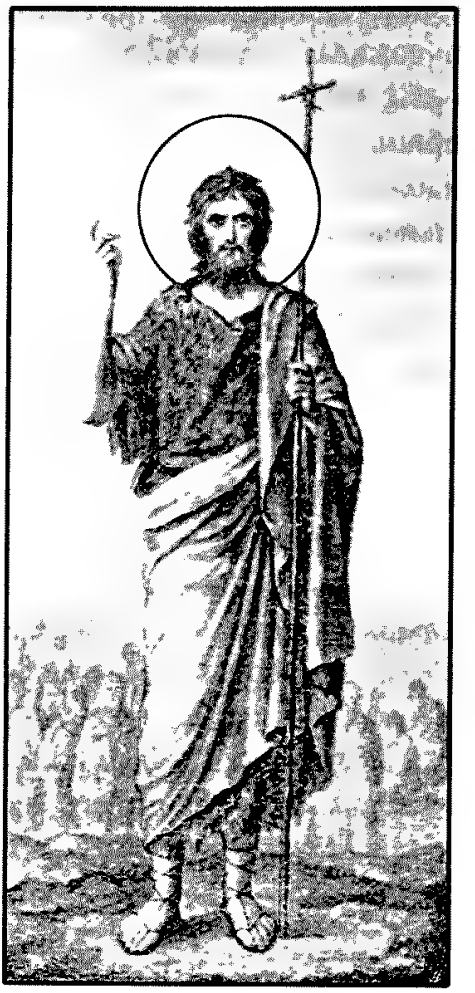
После усѣкновенія беззаконнымъ царемъ Иродомъ главы святаго Іоанна Предтечи, Крестителя Господня, его честно́е тѣло погребено было его учениками близъ могилы пророка Елисея

отнялъ жену у Филиппа, брата своего, Иродіаду. Св. Предтеча Господень Іоаннъ обличалъ Ирода за сей беззаконный бракъ. За это Иродъ заключилъ его въ крѣпость Махерунтъ, находившуюся близъ Мертваго моря на границѣ съ Аравіей. Здѣсь злобная Иродіада, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, представившимся во время пира, испросила у Ирода чрезъ дочь свою Саломію главу Іоанна Крестителя, и беззаконный царь посреди пира повелѣлъ отсѣчь главу Предтечи, что и было исполнено. Сія глава была отнесена Иродіадѣ, которая въ злобной радости исколола Предтечевъ языкъ, а тѣло было выброшено за стѣны крѣпости и найдено здѣсь учениками Крестителя, которые съ честію отнесли его въ Севастію и здѣсь похоронили.

[1]) Объ *Антіохіи* см. на стр. 157, прим. 7.

[2]) *Апостолъ и Евангелистъ* Лука былъ родомъ изъ Антіохіи; потому-то онъ и озаботился перенести честну́ю руку Предтечи въ свой родной городъ. Память святаго Луки совершается въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ 18-ый день.

въ знаменитомъ самарійскомъ городѣ Севастіи. Когда же святый Евангелистъ Лука, проповѣдуя Христа и обходя многія страны и города, пришелъ въ Севастію, имѣя въ виду отправиться отсюда въ свой отечественный городъ—Антіохію, то сему Апостолу пришло на мысль взять съ собою и отнести въ Антіохію тѣло святаго Предтечи, Іоанна Крестителя. Оно было нетлѣнно и цѣло, но взять его было нельзя, потому что жители Севастіи очень чтили мощи Крестителя и бережно ихъ хранили. Посему святый Евангелистъ Лука могъ отдѣлить отъ святаго тѣла Предтечи только правую руку, крестившую Владыку нашего Господа Іисуса Христа; ее-то онъ и принесъ съ собою въ свой городъ Антіохію—какъ нѣкое драгоцѣнное сокровище, которымъ онъ хотѣлъ возблагодарить Антіохію за воспитаніе свое, полученное имъ въ этомъ городѣ. Съ того времени святая рука Крестителя съ великимъ благоговѣніемъ была хранима антіохійскими христіанами, ибо отъ нея совершалось немало чудесъ. По прошествіи долгаго времени на царскомъ престолѣ возсѣлъ Юліанъ Отступникъ[1]), который явно отрекся отъ Христа и кланялся идоламъ. Онъ сталъ преслѣдовать Церковь Божію такъ же, какъ и языческія императоры, преслѣдовавшіе христіанъ раньше его, и не только гналъ и умерщвлялъ живыхъ христіанъ, но возсталъ съ яростію и противъ умершихъ: останки



Ст҃ы́й
І҆ѡа́ннъ пр҃те́ча

[1]) *Юліанъ Отступникъ*—племянникъ Константина Великаго. При жизни сына послѣдняго, императора Констанція, онъ былъ соправителемъ его, управляя западными провинціями Римской имперіи. Сдѣлавшись въ 361 г. императоромъ, онъ отступилъ отъ христіанской вѣры и поставилъ задачею своей жизни возстановленіе язычества. Посему онъ и названъ *Отступникомъ*. Царствовалъ до 363 года, когда погибъ въ войнѣ съ Персами.

святыхъ, пострадавшихъ за святую вѣру, онъ вынималъ изъ гробовъ и сожигалъ, а храмы Божіи и всякія святыни обращалъ въ пепелъ. Однажды онъ явился и въ Антіохію—частію для того, чтобы принести тамъ гнусныя жертвы своему мерзкому богу Аполлону[1]), идолъ котораго находился близъ города, въ мѣстности, именовавшейся Дафне, частію для того, чтобы преслѣдовать христіанъ и сожечь тѣ святыни ихъ, какія ему удалось бы найти. Христіане антіохійскіе, услышавъ о его прибытіи, поспѣшили сокрыть святую руку Крестителя въ одной городской башнѣ, называвшейся Гонія, чтобы гонитель не причинилъ ей безчестія и не сжегъ бы ее. Юліанъ, явившись въ Антіохію и причинивъ здѣсь много зла христіанамъ, сталъ отыскивать руку Крестителя, а когда его поиски оказались напрасными, то послалъ приказъ въ палестинскій городъ Севастію о томъ, чтобы все тѣло Крестителя,—находившееся тамъ, за исключеніемъ головы и руки,—а равно и гробница съ храмомъ Крестителя были преданы разрушенію и огню, что и было исполнено, какъ сообщаютъ историки Никифоръ и Кедринъ[2]). Впрочемъ, блаженный Симеонъ Метафрастъ[3]) сообщаетъ, что сожжено было не Крестителево тѣло, а чье-то другое, ибо патріархъ Іерусалимскій, узнавъ заблаговременно о приказѣ Юліана, тайно взялъ изъ гроба мощи Крестителя и послалъ ихъ на сохраненіе въ Александрію[4]); вмѣсто нихъ же онъ положилъ кости одного мертвеца, и эти послѣднія были сожжены, по словамъ Метафраста, вмѣсто мощей Крестителя, съ гробомъ его и храмомъ.

Когда беззаконный тотъ царь погибъ и истинная вѣра снова возсіяла въ мірѣ, то и рука святаго Предтечи была вынута изъ башни, въ коей сокрыта была, какъ бы свѣтильникъ изъ-подъ спуда. Снова христіане стали воздавать ей почитаніе и снова стали совершаться отъ нея чудеса, какъ и прежде. Изъ этихъ чудесъ сообщимъ о слѣдующемъ.

---

1) *Аполлонъ*—одинъ изъ наиболѣе почитаемыхъ греко-римскихъ языческихъ боговъ. Почитался богомъ Солнца, умственнаго просвѣщенія, поэзіи и музыки, а также общественнаго благополучія и порядка. Сверхъ того, онъ былъ божествомъ врачебнаго искусства и предсказаній будущаго.

2) *Никифоръ Каллистъ*—церковный историкъ, монахъ Софійскаго монастыря въ Константинополѣ; скончался около 1350 года. *Кедринъ*—тоже извѣстный церковный историкъ, жившій въ концѣ XI или началѣ XII в.

3) *Симеонъ Метафрастъ*—извѣстный составитель житій святыхъ, жившій въ Константинополѣ въ X в. (Скончался около 940 г.)

4) Объ *Александріи* см. на стр. 152, прим. 4.

Въ предѣлахъ Антіохійскихъ гнѣздился великій и страшный змѣй, котораго язычники обоготворяли и которому какъ богу ежегодно приносили жертвы. Въ эту жертву обыкновенно назначаема была особо избиравшаяся непорочная дѣвица, которая и отдавалась на съѣденіе змѣю въ присутствіи всего народа, смотрѣвшаго на это зрѣлище съ особыхъ мѣстъ, построенныхъ невдалекѣ отъ пещеры, гдѣ жилъ змѣй. Змѣй же выползалъ изъ пещеры и производилъ всеобщій ужасъ своимъ страшнымъ видомъ, шипѣніемъ и широко отверстою пастью, а потомъ хваталъ представленную ему жертву и, терзая ее своими губами, пожиралъ. Для такой жертвы дочери антіохійскихъ гражданъ были назначаемы по жребію. Въ одинъ годъ жребій этотъ палъ на дочь одного антіохійскаго христіанина. Христіанинъ этотъ молилъ со слезами Христа Бога и Его святаго Крестителя объ избавленіи его дочери отъ лютой смерти. Когда наступалъ уже самый день того гнуснаго праздника, отецъ съ воплями и рыданіями вопіялъ къ Богу и призывалъ на помощь святаго Іоанна Крестителя. Въ это время онъ пришелъ ко храму Іоанна Крестителя, гдѣ хранилась рука Крестителя, и усердно просилъ ключаря, чтобы тотъ отперъ ему храмъ и пустилъ его поклониться той честнóй и святой рукѣ. Сіе же дѣлалъ онъ съ тайною цѣлію, для достиженія которой онъ положилъ за пазуху нѣсколько золотыхъ монетъ. Когда онъ сталъ совершать поклоны предъ ковчегомъ, въ которомъ была хранима та святая рука, то какъ бы нечаянно просыпалъ изъ-за пазухи золотыя монеты. Ключарь, который любилъ деньги, бросился подбирать монеты, а въ это самое время христіанинъ тотъ, лобызая святую руку Крестителя, тайно откусивъ зубами одинъ суставъ малаго перста, спряталъ его и, помолившись, вышелъ, неся съ собою суставъ пальца. Когда насталъ тотъ день, въ который дѣвица должна была неповинно подвергнуться смерти и когда народъ собрался къ полночному часу на позорище, туда явился и отецъ, ведя дочь на съѣдѣніе змѣю и въ душѣ вознося къ Богу молитвы о спасеніи. И вотъ выползъ изъ своей пещеры страшный змѣй, шипящій, съ разинутою пастью, и сталъ подползать къ приготовленной для него жертвѣ—дѣвицѣ, чтобы пожрать ее. Но отецъ не отступалъ отъ дочери, призывая на помощь Всевидящаго Спасителя Христа Бога и Его Крестителя. Когда змѣй подползъ совсѣмъ близко и еще шире раскрылъ свою пасть, отецъ дѣвицы бросилъ суставъ священнаго перста Крестителя прямо въ

середину гортани змѣя, и змѣй тотчасъ же издохъ. Дѣвица спасена была, такимъ образомъ, отъ лютой смерти, отецъ же ея со слезами радости громкимъ голосомъ возсылалъ благодареніе Спасителю Богу и Его святому Крестителю, разъясняя всему народу, какое великое чудо совершилъ Господь Богъ. Народъ, присутствовавшій на позорищѣ, видя змѣя мертвымъ, а дѣвицу—живою и восхваляющею вмѣстѣ съ отцомъ Бога, сначала весьма удивился и ужасался при видѣ столь славнаго чуда, а потомъ, обрадовавшись, сталъ прославлять едиными устами Единаго Истиннаго, Живущаго на Небѣ и Призирающаго на смиренныхъ Бога. И началось празднованіе и торжество великое въ Антіохіи, ибо множество язычниковъ присоединилось къ христіанамъ, увѣровавъ во Христа Бога. На томъ же мѣстѣ, гдѣ совершилось то великое чудо, создана была церковь, великая и прекрасная, во имя святаго Іоанна Крестителя. Разсказываютъ, что въ этой церкви въ день праздника Воздвиженія Честнáго Креста Господня архіерей воздвигалъ и честну́ю руку Крестителя, причемъ она иногда держалась прямо, иногда же сгибалась: первое предъуказывало на большой урожай хлѣба и всякихъ плодовъ и овощей, а послѣднее служило предзнаменованіемъ неурожая и голода.

Когда по Божію попущенію арабы завладѣли Антіохіей и всѣми ея предѣлами, то и великое сокровище—честнѣйшая рука св. великаго Іоанна Крестителя оказалась какъ бы въ плѣну. Благочестивые цари христіанскіе немало стараній приложили къ тому, чтобы взять изъ-подъ власти арабовъ пречестну́ю руку Предтечи и имѣть ее въ своемъ царствующемъ городѣ, но имъ долго не удавалось достигнуть этой цѣли, и они не могли ничего сдѣлать ни золотомъ, ни иными какими-либо способами. Но въ правленіе багрянородныхъ братьевъ Константина и Романа[1]) этотъ даръ, болѣе цѣнный, чѣмъ всѣ сокровища земныя, полученъ былъ слѣдующимъ образомъ.

Одному антіохійскому діакону, по имени Іову, внушено было Самимъ Богомъ вынести святую руку Крестителя изъ-подъ державы арабской въ страну, гдѣ сіяла благочестная вѣра Христова. Такъ какъ святая рука та лежала въ прекраснѣйшемъ храмѣ Антіохіи, посвященномъ имени св. Апостола Петра, то Іовъ сталъ служить

---

[1]) Византійскій императоръ *Константинъ VIII Порфиродный* царствовалъ съ 912 по 959 г.; братъ же его *Романъ*—съ 919 по 944 г. Такимъ образомъ отъ 919 до 944 г. братья управляли совмѣстно.

при этой церкви и вошелъ въ дружбу съ церковнымъ сосудохранителемъ, чтобы ему было удобнѣе исполнить то, что онъ замыслилъ. Онъ много разъ покушался склонить сосудохранителя на задуманное имъ дѣло, но тотъ никакъ не хотѣлъ согласиться на это. Тогда Іовъ однажды устроилъ большой пиръ, на который позвалъ сосудохранителя. Онъ усердно угощалъ послѣдняго, и когда тотъ, выпивъ много вина, тутъ же заснулъ, Іовъ пошелъ тайно въ церковь и, открывъ ковчегъ, взялъ руку Крестителя и спряталъ ее у себя. Сосудохранитель, проснувшись поутру, не замѣтилъ пропажи. Между тѣмъ Іовъ, нимало не медля, ушелъ съ честно́ю рукою изъ Антіохіи и поспѣшилъ къ предѣламъ христіанскаго царства, боясь, какъ бы антіохійскимъ христіанамъ и варварскому правительству не сдѣлалось извѣстнымъ похищеніе святой руки и какъ бы за нимъ не послана была погоня. Однако подъ охраною Божіей, будучи защищенъ молитвами св. Крестителя, онъ вскорѣ достигъ до христіанскихъ владѣній. Прибывъ въ Халкидонъ[1]), онъ открылъ, что̀ хранилось у него, и показывалъ это сокровище, принесенное имъ изъ Антіохіи, христіанамъ. Тотчасъ было донесено объ этомъ благочестивымъ царямъ, и они, услышавъ таковую вѣсть, превышавшую ихъ надежды, исполнились неизреченной радости и немедленно послали въ Халкидонъ свой царскій корабль. На этомъ кораблѣ находились Святѣйшій Патріархъ и нѣкоторые наиболѣе почтенные сенаторы, которые должны были встрѣтить принесенную руку Крестителя и съ почетомъ отнести ее въ столичный городъ.

Когда изъ Халкидона возвращался корабль со святою рукою, которую держалъ самъ Патріархъ, то цари и весь народъ вышли на берегъ, встрѣчая какъ бы самого святаго Крестителя, невидимо приходившаго съ Неба, и воздавали ему почтеніе поклоненіемъ, Псалмами и пѣснопѣніями, возжженіемъ свѣчей и кажденіемъ. Съ благоговѣніемъ приложившись къ честно́й рукѣ, цари положили ее въ своей дворцовой церкви[2]). Это перенесеніе св. руки Крестителя совершалось въ Навечеріе св. Богоявленія, предъ освященіемъ

---

[1]) *Халкидонъ* —городъ въ сѣверо-западной части Виѳиніи, на берегу Босфора, противъ Константинополя.

[2]) Сію честну́ю руку Предтечи въ XIV и въ началѣ XV вѣка видѣли въ Константинополѣ русскіе паломники. Здѣсь она находилась до 1484 года, когда была передана Родосскимъ рыцарямъ, которые, утвердившись на островѣ Средиземнаго моря—Мальтѣ, перенесли туда полученное ими сокровище. Въ 1799 году эта святыня принесена была мальтійскими рыцарями въ Гатчину въ даръ Императору Павлу I, откуда она была перенесена въ С.-Петербургъ въ церковь Нерукотвореннаго Образа Спаса въ Зимнемъ дворцѣ. Въ память этого событія установлено празднество—12-го октября.

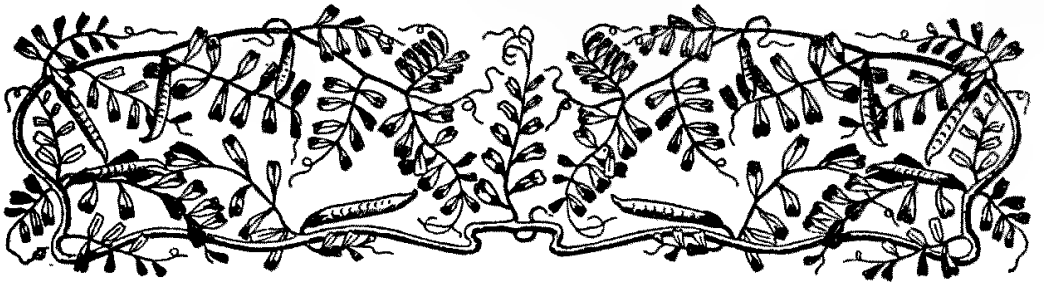
воды. И отпразднованъ былъ этотъ праздникъ, а вслѣдъ за нимъ— соборъ Крестителя съ великимъ веселіемъ, въ честь высшаго между пророками святаго Іоанна Крестителя и во славу Самого въ Троицѣ Бога, отъ всѣхъ славимаго и покланяемаго во вѣки. Аминь.

Тропа́рь ст҃а́гѡ, гла́съ в҃:

Па́мѧть пра́веднагѡ съ похвала́ми, тебѣ́ же довлѣ́етъ свидѣ́тельство гдⷭ҇не, прⷣте́че: показа́лъ бо сѧ є҆сѝ воистиннꙋ и҆ прⷪ҇ро́кѡвъ чⷭ҇тнѣ́йшїй, ꙗ҆́кѡ и҆ въ стрꙋѧ́хъ крести́ти сподо́бился є҆сѝ проповѣ́даннаго. тѣ́мже за и҆́стинꙋ пострада́въ ра́дꙋѧсѧ, бл҃говѣсти́лъ є҆сѝ и҆ сꙋ́щымъ во а҆́дѣ бг҃а ꙗ҆́вльшагосѧ пло́тїю, взе́млющаго грѣ́хъ мі́ра, и҆ подаю́щаго на́мъ ве́лїю млⷭ҇ть.

Конда́къ, гла́съ ѕ҃:

Плотска́гѡ твоегѡ̀ прише́ствїѧ ᲂу҆боѧ́всѧ і҆ѻрда́нъ, стра́хомъ возвраща́шесѧ: прⷪ҇ро́ческое же слꙋже́нїе и҆сполнѧ́ѧ і҆ѡа́ннъ, тре́петомъ спрѧ́ташесѧ: а҆́гг҃льскїѧ чи́ны ᲂу҆жаса́хꙋсѧ, зрѧ́ще тѧ̀ во стрꙋѧ́хъ пло́тїю кр҃ща́ема, и҆ всѝ сꙋ́щїи во тьмѣ̀ ѡ҆зарѧ́хꙋсѧ, воспѣва́юще тѧ̀, ꙗ҆́вльшагосѧ и҆ просвѣти́вшаго всѧ̑.



День восьмой

ЖИТІЕ и СТРАДАНІЕ
СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ
ІУЛІАНА и ВАСИЛИССЫ
и другихъ съ ними

Святый Іуліанъ родился въ египетскомъ городѣ Антиноѣ[1]) отъ знатныхъ и богатыхъ родителей. Отъ юности возлюбивъ чистоту дѣвства, онъ желалъ сохранить ее до самаго конца своей жизни. Положивъ сію чистоту въ основаніе всѣхъ другихъ добродѣтелей, онъ пребывалъ въ страхѣ Божіемъ, прилежно читая и изучая Божественныя книги. Іуліанъ учился и еллинской мудрости, и христіанскому ученію, прошелъ и свѣтскую философію, и въ то же время хорошо изучилъ все Божественное Писаніе. Когда ему исполнилось восемнадцать лѣтъ, родители стали понуждать его ко вступленію въ бракъ, такъ какъ онъ былъ у нихъ единственный сынъ, а они хотѣли, чтобы ихъ родъ продолжился. Іуліанъ же всячески отказывался отъ брака. Когда родители и родственники стали крайне докучать ему своими совѣтами и просьбами, принуждая

---

1) *Антиноя*—довольно значительный городъ на границахъ Средняго и Верхняго Египта. Въ настоящее время отъ этого города остались одиѣ развалины. Вокругъ этихъ развалинъ находится множество пещеръ, высѣченныхъ въ скалахъ. Въ нихъ начертано на многихъ стѣнахъ знаменіе креста, свидѣтельствующее о существованіи вдѣсь церквей и обителей иноковъ; подземныя галлереи, гдѣ устроены были келліи, идутъ на далекое пространство.

его къ женитьбѣ, то цѣломудренный юноша попросилъ себѣ на размышленіе одну недѣлю. Всю эту недѣлю онъ провелъ въ постѣ, молитвѣ и слезахъ, днемъ и ночью умоляя Бога, чтобы Онъ сохранилъ, **и҆́миже вѣ́сть сꙋдьба́ми**[1]), въ непорочности дѣвство, которое онъ, Іуліанъ, Ему обѣщалъ. Въ седьмой день, когда настала ночь, Іуліанъ, изнемогши тѣломъ отъ поста и молитвы, легъ и заснулъ; и вотъ во снѣ ему явился Господь, Который утѣшалъ его, ободрялъ и говорилъ:

— Не бойся исполнить волю и совѣтъ твоихъ родителей, ибо ты возьмешь себѣ такую жену, которая не нарушитъ твоего дѣвства и не отлучитъ тебя отъ Меня. Мало того,—ради тебя она и свое дѣвство сохранитъ, и послѣ этого и тебя и ее, какъ дѣвственниковъ, Я приму въ Мои Небесныя Обители, ибо, по вашему примѣру, немало юношей и дѣвицъ сдѣлаются дѣвственниками и наслѣдниками Небеснаго Царства. Я буду съ тобою всегда, обитая въ тебѣ и побѣждая всѣ тѣлесныя вожделѣнія твои и плотскую брань. Дѣвицу же, которая будетъ сопряжена съ тобою бракомъ, Я сдѣлаю такою, какою захочу. Я сдѣлаю то, что и она захочетъ послѣдовать твоему доброму намѣренію, и вы оба увидите Меня въ уготованномъ вамъ чертогѣ, съ Ангельскими ликами и безчисленными дѣвственниками обоего пола, которыхъ природа раздѣлила, а вѣра въ Меня—соединила и которымъ ты явишься подражателемъ.

Сказавъ это, Господь прикоснулся къ Іуліану и произнесъ:

— Мужайся, и да крѣпится сердце твое!

Будучи такъ укрѣпленъ и утѣшенъ симъ божественнымъ видѣніемъ, благородный юноша воспрянулъ отъ сна и сказалъ:

— Благодарю тебя, Господи Боже, испытующій наши сердца, за то, что Ты далеко оттоняешь отъ меня сладости и утѣшенія міра сего и обѣщаешь быть хранителемъ моей чистоты и помощникомъ моимъ. Твердо надѣюсь я, что Ты дашь мнѣ то, **и҆́хже о҆́ко не ви́дѣ, и҆ ᲂу҆́хо не слы́ша, и҆ на се́рдце человѣ́кꙋ не взыдо́ша**[2]), то, что уготовалъ Ты любящимъ Тебя. А такъ какъ Ты сподобляешь меня идти путемъ Твоимъ, то я молю Тебя, чтобы Ты Самъ былъ для меня добрымъ путемъ, а также путемъ для всѣхъ, любящихъ чистоту. Ты знаешь, Господи, что съ самаго дня моего рожденія и до этого часа, въ который Ты соблаговолилъ призвать

---

1) Выраженіе взято отъ заключительной молитвы третьяго часа: **ꙗ҆́ко бж҃е о҆́ч҃е вседержи́телю.**

2) 1 Посл. Коринѳ., гл. 2, ст. 9.

меня, я не любилъ и не желалъ ничего инаго, кромѣ одного Тебя. Посему утверди обѣщанія, вышедшія изъ моихъ устъ, и приведи ихъ въ осуществленіе.

Ст҃іи мч҃нцы
Іꙋліа́нъ и Васі́лісса

Вышедши изъ спальни своей, юноша заявилъ родителямъ, что онъ согласенъ исполнить ихъ желаніе и не отказывается отъ брака. Они же, исполнившись радости, тотчасъ стали выбирать дѣвицу, которая бы соотвѣтствовала ихъ сыну по знатности происхожденія и богатству. Наконецъ, они нашли таковую въ лицѣ Василиссы, которая была единственною дочерью у своихъ родителей и отличалась красотою и добродѣтелями. И была повѣнчана она съ Іуліаномъ. Когда, послѣ брачнаго пира, жениха съ невѣстою ввели въ опочивальню и затворилась за ними дверь, невѣста почувствовала необыкновенное благоуханіе, какое бываетъ въ саду отъ лилій и розъ и другихъ благовонныхъ цвѣтовъ. Съ удивленіемъ она сказала жениху:

— Что это значитъ, господинъ мой? Теперь—зима, а между тѣмъ я обоняю благоуханіе благовонныхъ цвѣтовъ, какъ бы весною, и такъ наслаждаюсь этимъ благоуханіемъ, что ни о чемъ другомъ не хочу и думать.

Тогда женихъ ея, блаженный Іуліанъ, сказалъ:

— Благоуханіе, какое ты ощущаешь,—не обыкновенное, а происходитъ отъ Христа, Который любитъ чистоту и даруетъ жизнь вѣчную тѣмъ, кто сохраняетъ свое дѣвство непорочнымъ. Итакъ, если хочешь сохранить со мною Заповѣди Христовы и угодить Христу, то возлюбимъ Его всею душою своею и будемъ соблю-

дать для Него въ непорочности свое дѣвство. Мы сдѣлаемся Его избранными сосудами въ настоящемъ вѣкѣ, чтобы воцариться съ Нимъ въ будущемъ, и никогда не разлучимся другъ съ другомъ.

На эти слова блаженная невѣста Василисса отвѣчала:

— А что другое болѣе нужно, какъ не спасеніе, которое, соблюдши дѣвство, мы получимъ вмѣстѣ съ жизнію вѣчною? Вѣрю твоимъ словамъ и вмѣстѣ съ тобою желаю пребывать въ дѣвствѣ до самой кончины, чтобы получить воздаяніе отъ Христа, моего Господа.

Когда она сказала это, блаженный Іуліанъ повергся на землю, поклоняясь Богу, и лежалъ, простершись дòлу и вопія къ Нему:

— Утверди, Господи, то, что Ты началъ совершать въ насъ!

Дѣвица же Василисса, видя своего жениха молящимся, и сама стала молиться. И вотъ внезапно потряслись основанія брачной опочивальни, и въ ней возсіялъ такой необыкновенный свѣтъ, что и самыя свѣчи, горѣвшія въ опочивальнѣ, потускнѣли предъ лучами небесными. И явилось великое божественое видѣніе: на одной сторонѣ видѣнъ былъ Царь Славы, Христосъ, съ безчисленнымъ множествомъ дѣвственниковъ, а на другой сторонѣ—Пречистая Владычица наша Богородица съ ликами дѣвъ; и съ обѣихъ сторонъ слышались исполненныя неизреченной сладости небесныя пѣснопѣнія, которыхъ еще не слыхало ухо человѣческое.

Въ это время два сіяющихъ мужа въ золотыхъ поясахъ подошли къ Іуліану и Василиссѣ, подняли ихъ и показали имъ положенную на одрѣ ихъ большую и прекрасную на видъ книгу; около же одра стояли четыре почтенныхъ и благообразныхъ старца съ золотыми чашами въ рукахъ, и изъ этихъ чашъ, полныхъ ароматовъ, исходило чудное благоуханіе, которое наполняло комнату. И сказалъ одинъ изъ старцевъ:

— Эти чаши изображаютъ ваше совершенство, ибо вы блаженны тѣмъ, что, побѣдивъ временныя утѣхи сей жизни, устремились къ жизни вѣчной, которая не можетъ быть еще постигнута человѣческимъ умомъ. Прочти же, Іуліанъ, что написано въ сей книгѣ жизни!

Тогда Іуліанъ посмотрѣлъ въ книгу и увидалъ тамъ написанныя имена свои и своей супруги. Золотыми буквами тамъ было написано слѣдующее:

«Іуліанъ, отвергшійся отъ міра ради любви ко Мнѣ, будетъ причисленъ къ тѣмъ, **и҆же съ жена́ми не ѡ҆скверни́шасѧ**[1]); Васи-

[1]) Апокал., гл. 14, ст. 4.

лисса же за свою чистоту и дѣвственность непорочную причтется къ лику дѣвъ, сопровождающихъ истинную Дѣву Марію, Мою Пречистую Матерь!»

Когда Іуліанъ прочелъ это, книга закрылась, и стоявшіе по обѣимъ сторонамъ свѣтозарные мужи и дѣвы единогласно воскликнули:

— Аминь!

Тогда старецъ опять обратился къ Іуліану и Василиссѣ и сказалъ:

— Въ этой книгѣ, которую вы видите, перечислены люди чистые, трезвенные, правдивые въ словѣ, милосердные, смиренные, кроткіе, любящіе нелицемѣрно, претерпѣвшіе всевозможныя тяжкія испытанія, скорби и бѣдствія,—люди, которые такъ возлюбили Христа, что, ради любви къ Нему, оставляли и отца, и мать, и жену, и чада, и помѣстья, и богатство, и кромѣ того, не побоялись и самую жизнь свою отдать за Христа; къ ихъ лику и вы присоединены теперь.

Послѣ сихъ словъ почтеннаго старца божественное видѣніе прекратилось, и блаженные супруги, исполнившись необыкновенной радости, провели остальное время ночи въ Псалмопѣніи. Когда наступилъ день, родители ихъ и родственники, а равно и прочіе приглашенные на бракъ гости все еще пировали, празднуя плотское соединеніе жениха и невѣсты, не подозрѣвая о чудномъ ихъ соединеніи духовномъ. И жили такимъ образомъ Іуліанъ и Василисса другъ съ другомъ въ совершенной чистотѣ и цѣломудріи, сохраняя неповрежденный цвѣтъ своего непорочнаго дѣвства. При этомъ они, однако, скрывали эту тайну отъ людей, такъ что о дѣвственной ихъ жизни не зналъ никто изъ людей, даже родители и родственники,—до тѣхъ поръ, пока Самъ Господь не открылъ ее на пользу многихъ.

Спустя немного времени послѣ бракосочетанія Іуліана и Василиссы родители ихъ скончались, оставивъ имъ богатое наслѣдство; они же, получивъ свободу для своей духовной жизни, задумали послужить спасенію и другихъ людей, а не только заботиться о своемъ собственномъ. Для сего они построили два монастыря—мужской и женскій и, разошедшись, постриглись: онъ въ мужскомъ, а она—въ женскомъ монастырѣ. Собравъ тамъ около себя лики иночествующихъ, они приняли начальство надъ ними.

Въ обители святаго Іуліана жило до десяти тысячъ братій, усердно служившихъ Богу; ибо Господь далъ ему такую благодать, что къ нему со всѣхъ сторонъ стекались хотѣвшіе спасти свои души. Оставляя свои дома̀, женъ, родителей, родственниковъ, имѣніе и всѣ утѣхи міра, они вручали ему свои души, чтобы онъ привелъ ихъ въ Царство Небесное. Также и святая Василисса собрала въ своемъ монастырѣ и сдѣлала невѣстами Христовыми до тысячи чистыхъ дѣвъ и, кромѣ того, множество женъ. И въ обоихъ монастыряхъ какъ бы въ двухъ садахъ райскихъ процвѣтала Ангельская чистота и торжествовало дѣвство надъ сладострастнымъ бѣсомъ нечистоты.

Но время уже сказать о кончинѣ святыхъ, о томъ, какъ они съ чадами своими, собранными о Богѣ, перешли въ Небесныя Обители, взывая ко Христу Богу: сѐ мы и҆ дѣ́ти, ꙗ҆̀же намъ да́лъ є҆сѝ [1]).

Въ то время царствовали два нечестивыхъ царя—Діоклетіанъ и Максиміанъ [2]), и противъ христіанъ было воздвигнуто сильное гоненіе [3]), которое, переходя изъ одной страны въ другую и возмущая Церковь Христову, приближалось и къ границамъ той страны, гдѣ жили св. Іуліанъ и Василисса. Многіе изъ вѣрующихъ впали въ смущеніе и страхъ, а блаженный Іуліанъ и Василисса, пребывая въ постѣ и молитвахъ, со слезами молили Бога, чтобы Онъ укрѣпилъ вѣрующіе въ Него и собранные ими лики иночествующихъ и всѣхъ до единаго сохранилъ бы отъ паденія и погибели, дабы всѣ они могли войти въ Небесное Отечество. Господь услышалъ эту молитву, и въ особомъ видѣніи явился святой Василиссѣ, и сказалъ, что ей предстоитъ скоро отойти изъ этой жизни въ вѣчный покой, но что еще ранѣе отойдутъ изъ этой жизни всѣ бывшія подъ ея попеченіемъ святыя дѣвы, чтобы ни одна изъ этихъ дѣвъ, оставшись послѣ нея, не отпала, изъ

---

1) Выраженіе взято изъ кн. Пророка Исаіи, гл. 8, ст. 18. Мессія, на котораго должны уповать сыны израильскіе, по увѣренію Пророка, спасетъ ихъ отъ враговъ временныхъ и вѣчныхъ и, приведя къ Богу, небесному Владыкѣ ихъ, скажетъ: сѐ а҆́зъ, и҆ дѣ́ти, ꙗ҆̀же мѝ дадѐ бг҃ъ.

2) *Римский императоръ Діоклетіанъ* царствовалъ съ 284 по 305 г. по Рожд. Хр. Подъ *Максиміаномъ* здѣсь разумѣется зять Діоклетіана—*Максиміанъ Галерій*, соправитель его на Востокѣ и послѣ него преемникъ его (съ 306 по 311 годъ).

3) Гоненіе на христіанъ при Діоклетіанѣ началось въ 303 г. Причиною гоненія былъ Максиміанъ Галерій, убѣдившій Діоклетіана издать общій законъ противъ христіанъ. Законъ предписывалъ: христіанскіе храмы разрушать, сожигать книги Священнаго Писанія и лишать христіанъ всѣхъ гражданскихъ правъ и должностей. Гоненія при Діоклетіанѣ отличались, во-первыхъ, жестокостію мученій, во-вторыхъ, обиліемъ числа мучениковъ, умерщвляемыхъ заразъ, отъ 10 до 100 и болѣе въ одинъ день.

боязни мученія, отъ вѣры и не была исключена изъ святаго лика; для сего Василисса проживетъ на землѣ еще полгода, пока всѣ святыя дѣвы, жившія подъ ея попеченіемъ, не перейдутъ къ Богу; послѣ же смерти Василиссы духовный братъ ея, Іуліанъ, со многими братіями совершитъ подвигъ мученичества и, побѣдивъ своимъ мужествомъ врага, отойдетъ изъ сей жизни для того, чтобы получить двойной вѣнецъ—дѣвства и мученичества **въ радости гда своегѡ**[1]). Такъ и случилось. Въ теченіе полугода весь ликъ дѣвъ, собранный святою Василиссою, обычною смертію перешелъ въ Небесный чертогъ своего безсмертнаго Жениха, и изъ нихъ осталась въ живыхъ одна Василисса. По прошествіи непродолжительнаго времени всѣ тѣ святыя дѣвы явились ей во снѣ, одѣтыя въ царскія свѣтлыя одежды, и говорили ей:

— Ждемъ тебя, мать наша, чтобы вмѣстѣ съ тобою поклониться Господу и Царю нашему. Иди же и передай насъ Христу, Котораго невѣстами ты насъ сдѣлала!

Возставъ отъ сна, преподобная Василисса весьма обрадовалась: частію потому, что весь ликъ собранныхъ ею дѣвъ вошелъ **въ радость гда своегѡ**, частію потому, что ей тамъ, какъ оказалось, приготовлена была Небесная Обитель. Она разсказала все это своему духовному брату, святому Іуліану, а потомъ чрезъ нѣсколько дней, во время усердной молитвы, она предала духъ свой въ руки безсмертнаго Жениха своего—Бога, и святое тѣло ея преподобный Іуліанъ похоронилъ съ подобавшими ему почестями.

Вскорѣ послѣ этого явился въ тѣхъ мѣстахъ правитель Маркіанъ съ своею женою и сыномъ и сталъ съ яростію преслѣдовать христіанъ, отдавая ихъ на истязаніе и смерть. Узнавъ объ Іуліанѣ, что онъ человѣкъ знатнаго происхожденія и вѣруетъ во Христа, а также услышавъ о множествѣ жившихъ съ нимъ и исповѣдывавшихъ одну съ нимъ вѣру братіяхъ, онъ послалъ къ нему видныхъ гражданъ, чтобы они убѣдили Іуліана принести жертвы идоламъ, какъ того требовалъ императоръ. Въ то время въ обители преподобнаго Іуліана изъ окрестныхъ городовъ собралось множество священниковъ, діаконовъ и другихъ клириковъ, вмѣстѣ съ епископами, и всѣ они, пламенѣя любовію къ Господу своему, готовы были охотно принять за Него мученическую смерть. Когда явились къ нимъ посланные отъ правителя, то всѣ собравшіеся отвѣчали

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 25, ст. 21.

имъ, что у нихъ одинъ Царь—пребывающій на Небѣ Господь Іисусъ Христосъ, и Онъ повелѣлъ имъ не поклоняться идоламъ и скрывающимся въ нихъ бѣсамъ, но поклоняться только Единому Истинному Богу; и вотъ они повинуются Христу и готовы тотчасъ умереть за Него. Посланные возвратились къ правителю и донесли ему о томъ, что услышали, и правитель, разгнѣвавшись, послалъ отрядъ войска взять одного Іуліана, а монастырь, со всѣми находившимися въ немъ, сжечь. Итакъ, блаженный Іуліанъ былъ взятъ и, связанный, отведенъ въ темницу, а находившаяся въ монастырѣ братія его, числомъ до 10-ти тысячъ, вмѣстѣ съ бывшими тамъ епископами и клириками, были сожжены вмѣстѣ съ монастыремъ—какъ благовонная жертва Богу. И долгое время послѣ этого на томъ мѣстѣ слышалось сладкогласное пѣніе большого хора поющихъ, именно въ тѣ часы, когда обычно совершаема была Божественная служба—въ первый, третій, шестой и девятый. На томъ же мѣстѣ совершалось множество исцѣленій отъ разныхъ болѣзней—надъ тѣми именно больными, которые удостаивались услышать упомянутое пѣніе.

Наутро святый Іуліанъ былъ представленъ на судъ правителя. Святаго долго то убѣждали хитрыми словами и ласками, то устрашали страхомъ наказанія, но онъ не послушался ни угрозъ, ни убѣжденій. Тогда его стали бить безъ жалости суковатыми палками. Во время этого истязанія одна палка, отъ силы удара, переломилась, и кусокъ ея попалъ въ глаза одного родственника правителя и повредилъ ихъ, отчего правитель пришелъ въ еще бо́льшую ярость. Святый страдалецъ сказалъ правителю:

— Послушай, Маркіанъ! Вели собраться всѣмъ своимъ самымъ искуснымъ жрецамъ, и пусть они призовутъ имена боговъ и богинь своихъ, умоляя ихъ подать исцѣленіе твоему родственнику. Если же они не смогутъ этого сдѣлать, то я, призвавъ Имя Господа моего Іисуса Христа, не только возвращу ему выпавшее око тѣлесное, но и очи ума его сдѣлаю такими, что они увидятъ Истину.

Правитель принялъ предложеніе и, собравъ всѣхъ жрецовъ, повелѣлъ имъ идти въ ближайшій идольскій храмъ, принести тамъ жертвы и умолить боговъ и богинь, чтобы они исцѣлили око раненаго. Жрецы пошли и исполнили то, что имъ было приказано, но послѣ принесенія множества жертвъ услышали отъ боговъ своихъ такія слова:

— Уходите отъ насъ, ибо мы преданы вѣчному огню и пребываемъ во тьмѣ. Какъ можемъ мы дать зрѣніе слѣпому, когда и сами ничего не видимъ? А молитва Іуліана къ Вышнему Богу настолько сильна, что съ того времени, какъ его стали мучить, наше мученіе въ гееннѣ стало во сто разъ тяжелѣе.

Когда въ храмѣ послышались эти бѣсовскія слова, всѣ идолы, которыхъ тамъ было до пятидесяти, тотчасъ упали и сокрушились въ прахъ.

Правитель же закричалъ на святаго Іуліана:

— Волшебникъ! Твои чарованія такъ сильны, что ты сокрушилъ даже боговъ нашихъ! Но мы посмотримъ, даруешь ли ты ослѣпленному прежнее зрѣніе, какъ ты обѣщалъ.

И повелѣлъ правитель облить нагаго мученика нечистотами, чтобы отъ него отступила, какъ говорилъ правитель, его волшебная чудодѣйственная сила. Но смрадъ тѣхъ нечистотъ внезапно превратился въ удивительное благоуханіе, которое наполняло весь воздухъ, такъ что всѣ были поражены изумленіемъ. Святый же Іуліанъ, сотворивъ крестное знаменіе надъ окомъ раненаго, призвалъ Имя Господне; и тотчасъ больной исцѣлился, и око его стало видѣть по-прежнему. Ослѣпленный злобою правитель приписывалъ это исцѣленіе волшебству, а не Христовой силѣ, а исцѣленный громко взывалъ:

— Дѣйствительно Іисусъ Христосъ есть Истинный Богъ, и Его одного должно почитать, и Ему поклоняться!

Тогда правитель повелѣлъ отсѣчь исцѣленному голову, и, такимъ образомъ, прозрѣвшій тѣлесно и духовно, получивъ Крещеніе въ своей собственной крови, отошелъ къ духовному созерцанію невидимаго Бога.

Святаго же Іуліана нечестивый Маркіанъ повелѣлъ оковать тяжелыми оковами по рукамъ и ногамъ и въ такомъ видѣ повелѣлъ водить его по городу на всеобщее поруганіе, и во время остановокъ на улицахъ мучить его различными пытками. Во время этого истязанія и поруганія глашатай восклицалъ:

— Вотъ чему подвергаются тѣ, кто не кланяется богамъ и презираетъ царскія повелѣнія!

Когда же пришли мучители вмѣстѣ со святымъ къ тому дому, гдѣ обучался наукамъ единственный сынъ правителя, по имени Кельсій, то отрокъ, который также смотрѣлъ на святаго, сказалъ своимъ товарищамъ, что онъ видитъ нѣчто удивительное. Тѣ стали спрашивать его, что онъ видитъ, и Кельсій сказалъ:

— Я вижу, что того осужденнаго христіанина, котораго водятъ воины скованнымъ, окружаютъ множество лучезарныхъ юношей, изъ коихъ одни ему оказываютъ услуги и помощь, а другіе возлагаютъ на главу его столь блестящій вѣнецъ, что сіяніе его превосходитъ свѣтъ солнечный. Думается мнѣ, что хорошо вѣровать въ такого Бога и служить Ему, Который такъ охраняетъ Своихъ служителей и украшаетъ такою славою; повѣрьте мнѣ, друзья мои, что я также хочу стать таковымъ служителемъ, если Богъ этого христіанина соблаговолитъ быть моимъ Богомъ!

Съ этими словами Кельсій бросилъ книги и красивую одежду, оставляя міру то, что ему принадлежитъ, и поспѣшилъ вслѣдъ за святымъ. Припавъ къ ногамъ мученика, онъ воскликнулъ:

— Тебя хочу имѣть вторымъ отцомъ своимъ; отъ нечестиваго же Маркіана, родителя своего по плоти, врага праведниковъ и истязателя, я отрекаюсь совершенно. Я присоединяюсь къ тебѣ и желаю такъ же, какъ и ты, страдать за Христа Господа и Спасителя моего, Коего я доселѣ не зналъ!

Воины, истязавшіе Іуліана, были удивлены, и весь городъ сбѣжался на необычное зрѣлище и дивился, видя, какъ сынъ правителя обнималъ мученика и лобызалъ его раны.

И сказалъ отрокъ народу:

— Знайте, что я—сынъ правителя; вмѣстѣ съ моимъ нечестивымъ отцомъ я доселѣ преслѣдовалъ неповинныхъ святыхъ. Но такъ поступалъ я по невѣдѣнію, нынѣ же, познавъ Бога и будучи самъ познанъ Имъ, отвергаюсь отъ ложныхъ боговъ, отрекаюсь отъ отца и матери и презираю свое богатство; я исповѣдую Христа, и вѣрую въ Него, и заявляю, что я—послѣдователь блаженнаго Іуліана. Зачѣмъ вамъ медлить, слуги и воины? Идите и объявите моимъ родителямъ, что я позналъ Истиннаго Бога и хочу пребывать вмѣстѣ съ Его вѣрнымъ служителемъ.

Когда объ этомъ было донесено отцу и матери Кельсія, то они, услышавъ эту неожиданную вѣсть, были глубоко опечалены и тотчасъ послали за отрокомъ, чтобы взять его отъ Іуліана и привести домой. Но Богъ, охраняющій младенцевъ, сдѣлалъ такъ, что никто не могъ прикоснуться къ нему, ибо всякій, кто прикасался къ нему, тотчасъ чувствовалъ сильную боль въ рукѣ и плечѣ; и потому никто не осмѣливался взять его и отлучить отъ мученика. Узнавъ о семъ, правитель велѣлъ привести къ себѣ обоихъ вмѣстѣ, и сказалъ блаженному Іуліану:

— Ты своею хитростью стараешься отнять отъ меня всю мою надежду и юное сердце прельщаешь дурными рѣчами, искореняя въ немъ любовь къ родителямъ!

Въ то время, когда правитель говорилъ, прибѣжала мать Кельсіева съ толпою родственниковъ обоего пола. Она рвала на себѣ волосы, раздирала себѣ на груди одежду, и крики ея такъ были ужасны, что правитель самъ разодралъ на себѣ одежды и сказалъ мученику:

— Жестокій Іуліанъ! Посмотри на мученія отца и матери и на рыданія всѣхъ родныхъ и освободи невиннаго отрока отъ дѣйствія твоей волшебной силы! Отдай намъ единственнаго сына, и нашему дому вороти наслѣдника и господина. Тогда и я попрошу за тебя царей, чтобы была прощена тебѣ вина твоя, и ты будешь отпущенъ на свободу невредимымъ.

Святый Іуліанъ на это отвѣчалъ:

— Я не нуждаюсь въ твоей помощи и не ищу прощенія отъ царей твоихъ, но о томъ только умоляю Господа моего Іисуса Христа, чтобы меня вмѣстѣ съ агнцемъ, который родился изъ волчьей утробы[1]), и со всѣми вѣрующими причелъ Онъ къ лику сожженныхъ, когда я довершу свой мученическій подвигъ. Предъ тобою же находится тотъ, кто родился отъ тебя по плоти, а нынѣ возродился духомъ, вѣруя вмѣстѣ со мною во Христа. Онъ самъ уже на возрастѣ,—пусть онъ самъ тебѣ и отвѣчаетъ, пусть самъ сжалится надъ материнскими слезами и пожалѣетъ вскормившую его грудь.

На это благородный и благоразумный отрокъ сказалъ:

— Отъ тернія вырастаетъ шипокъ, но ни онъ не утрачиваетъ своего благоуханія оттого, что произошелъ отъ тернія, ни терніе, производящее шипокъ, не теряетъ чрезъ то своихъ острыхъ колючекъ. Итакъ, родители мои, вы, по своему обычаю, продолжайте, какъ тернія, терзать невинныхъ, а меня оставьте, какъ шипокъ, издавать благоуханіе для вѣрующихъ; пусть вамъ повинуются тѣ, кто стоитъ на пути погибели, а за мною пусть слѣдуютъ тѣ, кто стремится перейти изъ царства тьмы въ Царство Свѣта. Ради Господа моего Іисуса Христа я отрекаюсь отъ васъ, родителей, вы же, изъ почтенія къ богамъ своимъ, мучьте сына вашего, ибо я чрезъ смерть временную хочу достигнуть вѣчной жизни. Не могу

---

[1]) Разумѣется Кельсій, сынъ правителя-Маркіана, жестокаго гонителя христіанъ.

быть для васъ добрымъ, а для себя злымъ и любовь къ вамъ не поставлю выше радостей вѣчныхъ. Зачѣмъ медлить, отецъ? Поступи со мною, какъ поступилъ со своимъ сыномъ Авраамъ! Возьми мечъ и принеси меня, сына своего, въ жертву Христу. Если тебѣ мѣшаетъ это сдѣлать естественная любовь родительская, то отошли меня къ самымъ жестокимъ мучителямъ, чтобы я могъ пострадать за Господа моего, Іисуса Христа. Напрасны ваши рыданія и слезы, ибо они не могутъ меня заставить измѣнить моему исповѣданію.

Услышавъ это, правитель повелѣлъ отвести Іуліана и Кельсія въ смрадную и мрачную темницу, но, когда они вошли туда, тьма въ темницѣ превратилась въ свѣтъ и смрадъ—въ благоуханіе. Двадцать воиновъ, бывшіе при этомъ, увѣровали во Христа, но такъ какъ блаженный Іуліанъ не былъ пресвитеромъ и не могъ крестить увѣровавшихъ, то это повергло его въ печаль. Однако Богъ, исполняющій желанія боящихся Его, послалъ имъ пресвитера.

Въ томъ городѣ былъ одинъ человѣкъ, весьма знатнаго происхожденія, котораго цари Діоклетіанъ и Максиміанъ очень уважали—какъ родственника одного изъ бывшихъ императоровъ, Карина[1]). Этотъ человѣкъ со всѣмъ своимъ семействомъ исповѣдывалъ христіанскую вѣру. Онъ и супруга его скончались въ вѣрѣ и благочестіи, оставивъ послѣ себя семерыхъ сыновей, которые хотя и были юны годами, но зрѣлы разумомъ. Изъ уваженія къ ихъ родителямъ цари позволили имъ исповѣдывать отцовскую вѣру и безбоязненно прославлять Христа своего. Поэтому у нихъ былъ свой пресвитеръ, по имени Антоній, изъ рукъ котораго они принимали Св. Таинства. Имъ-то Богъ въ особомъ откровеніи и повелѣлъ идти вмѣстѣ съ своимъ пресвитеромъ въ темницу и посѣтить находившихся тамъ Іуліана и Кельсія. Когда они пошли туда ночью, предъ ними шелъ Ангелъ, при одномъ прикосновеніи котораго отверзлись темничныя двери, и они, войдя въ темницу, облобызали святыхъ узниковъ и стали вмѣстѣ съ ними молиться Богу. Пресвитеръ окрестилъ блаженнаго отрока Кельсія, сына правителя, и двадцать воиновъ, а семеро тѣхъ братьевъ возгорѣлись ревностію къ общему съ ними страданію за Христа и не хотѣли уходить изъ

---

1) *Каринъ*—сынъ римскаго императора Кара. Вмѣстѣ съ братомъ Нумеріаномъ онъ, при вступленіи на престолъ Кара, былъ провозглашенъ Цезаремъ и во время похода, предпринятаго Каромъ противъ Пареянъ, управлялъ Западными провинціями на правахъ императора (283—284 гг.). Когда Каръ погибъ и воины провозгласили императоромъ Діоклетіана, Каринъ выступилъ противъ него, но былъ разбитъ и палъ отъ руки убійцъ въ 285 г.

темницы. Узнавъ о семъ, игемонъ дивился, что тѣ, которымъ царями было разрѣшено свободно исповѣдывать христіанскую вѣру, сами идутъ въ узы и на мученія, и, призвавъ братьевъ къ себѣ, онъ долго увѣщавалъ ихъ идти домой и славить своего Христа, какъ имъ угодно, разъ имъ дано такое позволеніе отъ царей. Но они стремились въ узы и темницу и не желали свободы.

— Не годится для царскаго вѣнца,—говорили они,—то золото, которое не было раньше переплавлено и очищено въ горнилѣ. Такъ и мы не будемъ достойны нашего Христа, если наша вѣра въ Него не будетъ испытана, какъ золото. Немного цѣны въ деревѣ, украшенномъ только листвою, но не приносящемъ плодовъ. Такъ и мы не будемъ благоугодны нашему Христу, если не принесемъ Ему прекрасныхъ плодовъ нашей вѣры.

Тогда правитель повелѣлъ исполнить ихъ желаніе, а самъ обѣщалъ донести о нихъ царю.

И такъ блаженные отроки возвратились отъ правителя не домой, а въ темницу, къ святымъ Іуліану и Кельсію и двадцати воинамъ, а съ ними пошелъ и пресвитеръ Антоній. Правитель же послалъ къ царямъ донесеніе о Іуліанѣ, о сынѣ своемъ Кельсіи, о воинахъ и о тѣхъ семи братьяхъ. По прошествіи немногаго времени пришло отъ царей повелѣніе сжечь всѣхъ, кто окажетъ непобѣдимое упорство; если же они благодаря своимъ чарамъ сохранятъ себя отъ дѣйствія огня, то правитель самъ пусть умертвитъ ихъ, какъ найдетъ удобнымъ. Получивъ такое повелѣніе отъ царей, правитель повелѣлъ устроить посреди города судилище и, сѣвъ предъ народомъ, велѣлъ поставить предъ собою святаго Іуліана со всею его дружиною: съ Кельсіемъ, семью братьями, пресвитеромъ Антоніемъ и двадцатью воинами. Онъ сталъ увѣщавать ихъ къ поклоненію идоламъ, указывая имъ на царское повелѣніе, требовавшее ихъ казни, если они не покаются. Но они дерзновенно стояли въ правой вѣрѣ, утверждая, что идолопоклонникамъ Царь Небесный опредѣлилъ вѣчную погибель, если они не покаются; и такъ долгое время прошло во взаимныхъ препирательствахъ.

Въ это время мимо судилища проносили одного мертвеца на погребеніе, и правитель, увидѣвъ этого мертвеца, повелѣлъ принести его къ себѣ и положить предъ нимъ. Народъ былъ въ недоумѣніи, не зная, что намѣренъ сдѣлать съ тѣмъ мертвецомъ правитель.

И сказалъ правитель святому Іуліану:

— О вашемъ учителѣ, Христѣ, сказываютъ, что Онъ, прежде чѣмъ былъ распятъ, воскрешалъ мертвыхъ. Воскресите и вы мертвеца этого, какъ дѣлалъ вашъ Учитель, и тогда будетъ ясно, дѣйствительно ли Онъ Богъ.

Святый Іуліанъ произнесъ въ отвѣтъ:

— Какая польза слѣпому, когда ему говорятъ, что восходитъ солнце?

— Оставь свои присловья,—сказалъ правитель,—и если ты и Богъ твой имѣете силу, то воскреси этого мертвеца, какъ я сказалъ тебѣ.

И сказалъ святый Іуліанъ въ отвѣтъ:

— Хотя ваше невѣріе и недостойно видѣть такое чудо отъ Господа, однако вы сейчасъ же увидите его, такъ какъ уже настало время для того, чтобы явилась Божественная сила Его и чтобы вы знали, что Богъ можетъ это сдѣлать. Я надѣюсь, что Господь пошлетъ мнѣ все, чего я съ вѣрою буду просить у Него, и не посрамитъ меня предъ вами.

Сказавъ это, святый Іуліанъ возвелъ къ Небу очи и сердце свое и молился во всеуслышаніе, между тѣмъ какъ лицо его все сіяло свѣтомъ.

И говорилъ онъ такую молитву:

— Господи Іисусе Христе, Истинный Сыне Божій,—Ты, Который рожденъ отъ Отца прежде вѣкъ, а по исполненіи положеннаго времени принялъ человѣческую плоть безсѣменно, отъ Пречистой дѣвы Маріи! Призри нынѣ съ небесной высоты, чтобы постыдились враги Твои и укрѣпились вѣрующіе въ Тебя! Услышь меня нынѣ съ Небеснаго Твоего Престола и воскреси этого мертвеца, дабы живые не умерли духомъ, а мертвые духомъ ожили, видя Твое всемогущество.

Такъ молился онъ нѣкоторое время, а потомъ, обратившись къ умершему, сказалъ:

— Тебѣ говорю, сухая земля, Именемъ Того, Кто воскресилъ четверодневнаго Лазаря: воскресни и стань на ноги твои.

Какъ только святый сказалъ это, мертвецъ тотчасъ же ожилъ и всталъ, и весь народъ пришелъ въ ужасъ. Воскресшій же громко провозгласилъ:

— О, какъ всемогущи молитвы раба Божія и его непорочное дѣвство! Ибо куда несли меня и откуда я возвращенъ?

Правитель Маркіанъ со вниманіемъ смотрѣлъ на происходившее и удивлялся, но такъ какъ его ослѣплялъ бѣсъ, то онъ не видѣлъ здѣсь дѣйствія силы Христовой, а приписывалъ все волшебству. Потомъ, желая посмѣяться надъ воскресшимъ, онъ спросилъ его:

— Откуда ты вернулся?

Но тотъ подробно сталъ отвѣчать ему такими словами:

— Веденъ я былъ невѣдомыми мнѣ эѳіопами исполинскаго роста, страшными на видъ и съ огненными очами, съ зубами—какъ у льва, съ когтями—какъ у орла, отъ которыхъ, видимо, нельзя было ожидать помилованія. Радуясь, они влекли меня въ адъ, но, когда я очутился уже при самомъ входѣ въ пропасть, тѣ эѳіопы стали ожидать преданія землѣ моего тѣла, которое было взято отъ земли. Но вдругъ весь адъ пришелъ въ смятеніе, и съ Престола Божія послышался Голосъ:

— Ради возлюбленнаго Моего Іуліана пусть эта душа возвратится въ свое тѣло!

И тотчасъ пришли двое въ бѣлыхъ ризахъ и, взявши меня изъ рукъ нечистыхъ, возвратили въ этотъ міръ, чтобы я могъ чрезъ того, кто воскресилъ меня, познать послѣ смерти Истиннаго Бога, Коего я отрицался при жизни.

Услышавъ это, правитель смутился и не зналъ, что ему дѣлать; но потомъ, опасаясь смятенія въ толпѣ народной, онъ повелѣлъ воскресшаго вмѣстѣ со святымъ Іуліаномъ и прочими святыми отвести въ темницу и запечатать двери темницы своимъ именнымъ перстнемъ. Тамъ, въ темницѣ, св. Іуліанъ повелѣлъ блаженному Антонію пресвитеру окрестить воскресшаго, и во Святомъ Крещеніи сей послѣдній получилъ имя Анастасій, что значитъ въ переводѣ съ греческаго—воскресшій.

Наутро правитель Маркіанъ повелѣлъ приготовить тридцать одну смоляную бочку, по числу святыхъ мучениковъ, и до половины наполнить ихъ смолою и сѣрою, приготовивъ при этомъ большой запасъ дровъ и хвороста для сожженія святыхъ. Когда все было приготовлено, вывели изъ темницы связанныхъ страстотерпцевъ Христовыхъ, причемъ Іуліана съ Кельсіемъ связали вмѣстѣ. Многіе изъ народа не могли удержаться отъ слезъ, жалѣя о томъ, что столь юные и прекрасные отроки идутъ на смерть, будучи ни въ чемъ неповинны. Святый же Іуліанъ говорилъ имъ:

— Не мѣшайте золоту пройти сквозь огонь для того, чтобы оно было еще чище!

Правитель не хотѣлъ смотрѣть на сожженіе своего сына, о которомъ онъ мучился въ сердцѣ своемъ, и, оставивъ своего намѣстника для приведенія въ исполненіе царскаго приказа, удалился въ печали. Тогда каждаго святаго посадили въ приготовленную для него бочку со смолою и потомъ, обложивши всѣ бочки дровами, соромъ и хворостомъ, зажгли ихъ. Пламень отъ этихъ бочекъ поднимался до тридцати локтей въ вышину, но святые стояли посреди огня, пѣли и хвалили Бога. Когда же сгорѣли бочки и весь костеръ, то оказалось, что святые остались живы, цѣлы и невредимы и что лица ихъ сіяли радостью. Весь народъ, видя это, былъ пораженъ удивленіемъ, и когда о семъ было доиесено правителю, то онъ поспѣшилъ убѣдиться въ томъ собственными глазами и, убѣдившись, пришелъ въ совершенное недоумѣніе. Однако онъ снова повелѣлъ отвести святыхъ въ темницу, куда поспѣшила придти и жена его, мать Кельсія, узнавшая, что сынъ ея остался живъ и невредимъ. Увидѣвъ сына, она увѣровала во Христа и окрещена была въ темницѣ пресвитеромъ Антоніемъ. Имя ей было Маріонилла. Правитель же, узнавъ скоро о томъ, что жена его приняла христіанское Крещеніе, заключилъ въ темницу и ее. Потомъ, сѣвъ на судилищѣ, онъ повелѣлъ казнить мечомъ святыхъ двадцать воиновъ и семерыхъ братьевъ-отроковъ, Іуліана же съ Кельсіемъ, а также пресвитера Антонія, Анастасія и жену свою Маріониллу рѣшилъ снова судить, и потому оставилъ ихъ въ узахъ.

Когда насталъ день суда, святые сдѣлали видъ, что они какъ бы повинуются волѣ царя и совѣту правителя и хотятъ поклониться идоламъ. По этой причинѣ ихъ съ радостью повели къ идольскому храму, но когда шествіе приблизилось къ храму, святый Іуліанъ обратился съ молитвою къ Богу,—тотчасъ храмъ упалъ и задавилъ всѣхъ бывшихъ въ немъ жрецовъ и до тысячи другихъ людей. Самая земля, на которой стоялъ храмъ, разсѣлась, и огонь, выходившій изъ разсѣлинъ, пожиралъ язычниковъ, приближавшихся къ нимъ. Послѣ этого святые были снова отведены въ темницу, гдѣ имъ, во время молитвы, явилось въ сіяніи великое множество прежде нихъ пострадавшихъ мучениковъ, которые были одѣты въ бѣлыя одежды и пѣли небесныя пѣснопѣнія. Посреди нихъ было двадцать воиновъ и семеро братьевъ, недавно усѣченные мечомъ. Явилась также и святая Василисса со всѣмъ своимъ ликомъ святыхъ дѣвъ и возвѣстила святому Іуліану, что онъ скоро

съ своею дружиною совершитъ подвигъ, окончитъ жизнь и съ торжествомъ войдетъ въ небесныя селенія.

— Тебѣ открыто,—сказала она,—Царство Небесное, и Господь нашъ Іисусъ Христосъ возьметъ тебя къ Себѣ, а равно и находящихся съ тобою; навстрѣчу вамъ съ торжествомъ выйдутъ лики патріарховъ, пророковъ, апостоловъ и мучениковъ, и вы навѣки пребудете съ ними.

Сказавши это, она стала невидима, а съ нею удалились и всѣ явившіеся святые, оставивъ узниковъ въ неизреченной радости и веселіи душевномъ.

Послѣ сего мучитель снова возсѣлъ на судилищѣ и, выведя святыхъ, предалъ ихъ разнымъ мученіямъ. Сначала онъ повелѣлъ обвить ихъ пальцы на рукахъ и ногахъ пряжею, смоченною въ маслѣ, и зажечь эту пряжу; но пряжа на рукахъ и ногахъ святыхъ сгорѣла, не причинивши имъ никакого вреда. Потомъ онъ повелѣлъ содрать съ головы святаго Іуліана и Кельсія кожу, блаженному же пресвитеру Антонію и Анастасію выколоть глаза. Когда же хотѣли мучить святую Маріониллу, то у палачей омертвѣли руки, и они ея не коснулись. Послѣ сего святые были отданы на съѣденіе звѣрямъ, но и отъ звѣрей они были сохранены силою Божіею, которая заградила уста звѣрямъ. Наконецъ правитель повелѣлъ собрать изъ всѣхъ темницъ преступниковъ, осужденныхъ на смерть, чтобы вмѣстѣ съ ними казнить и святыхъ мучениковъ. И когда это повелѣніе было исполнено, онъ приказалъ всѣхъ отвести на казнь, а вмѣстѣ и мучениковъ, не пощадивъ при этомъ своего сына и супруги. Такимъ образомъ святые скончались, будучи усѣчены мечомъ вмѣстѣ съ преступниками[1]). Тотчасъ послѣ казни, совершенной надъ ними, началось землетрясеніе, которое разрушило цѣлую треть городскихъ зданій, причемъ не уцѣлѣло ни одно мѣсто, гдѣ стоялъ какой-нибудь идолъ. Въ то же время блистала молнія, гремѣлъ громъ и шелъ градъ, и отъ грозы погибло немало язычниковъ. Правитель Маркіанъ сначала едва не умеръ отъ страха, а потомъ вскорѣ заболѣлъ и дѣйствительно умеръ: его заѣли черви, образовавшіеся въ его тѣлѣ.

На слѣдующую ночь, послѣ совершенія казни надъ святыми, пришли священники съ благочестивыми мужами собрать тѣла

[1]) Это было въ 313 году, когда Египтомъ и Африкою управлялъ Максиминъ Дака (311—313 гг.), бывшій раньше соправителемъ Максиміана Галерія (съ 305 г.). На Западѣ въ это время уже царствовалъ Константинъ Великій.

мучениковъ. Но такъ какъ эти святыя тѣла находились посреди многихъ труповъ, то они не могли ихъ признать и, преклонивъ колѣна, стали молиться. И вотъ явились имъ души святыхъ въ образѣ дѣвъ, причемъ каждая душа находилась при своемъ тѣлѣ. Узнавши чрезъ это святыя тѣла мучениковъ, пришедшіе собрали ихъ и похоронили во храмѣ, подъ алтаремъ. Богъ же, Который прославляетъ святыхъ Своихъ, повелѣлъ источнику живой и цѣлебной воды открыться на томъ мѣстѣ, на которомъ были погребены тѣла святыхъ мучениковъ, и всякія болѣзни исцѣлялись тою водою и молитвами святыхъ, по благодати Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ГРИГОРІЯ ПЕЧЕРСКАГО

Какъ Неокесарія гордится святымъ Григоріемъ Чудотворцемъ[1]), такъ и святая великая Лавра Кіево-Печерская величается соименнымъ этому святому преподобнымъ. Когда Богъ показалъ Свое величіе во святыхъ Своихъ Антоніи и Ѳеодосіи[2]), прославившихся разными чудесами, въ то же самое время Онъ избралъ на дѣло чудотвореній и преподобнаго Григорія, котораго и призвалъ въ Свою святую Лавру. И такъ сей блаженный въ то время, когда преподобный Антоній проводилъ уединенную жизнь въ пещерѣ, пришелъ къ преподобному Ѳеодосію, завѣдывавшему монастыремъ, и, принявъ отъ него иноческій образъ, былъ утвержденъ въ нестяжательности, чистотѣ, смиреніи, послушаніи и прочихъ добродѣтеляхъ, преимущественно же упражнялся въ молитвѣ. Совершивъ въ недолгое время много подвиговъ, онъ сподобился дара чудотвореній и, прежде всего, получилъ отъ Бога власть надъ бѣсами, которые, еще издали завидя святаго, восклицали:

— О Григорій! Ты выгонишь насъ своею молитвою.

---

1) *О Неокесаріи* см. на стр. 16, прим. 2. *Св. Григорій Чудотворецъ* былъ епископомъ Неокесаріи во второй половинѣ IV-го вѣка. Память его совершается 17-го ноября.

2) *Преподобный Антоній* былъ основателемъ Кіево-Печерской Лавры; *преподобный же Ѳеодосій*—первымъ игуменомъ ея, установившимъ въ ней общежительное иноческое житіе и обстроившимъ ее церквами и другими зданіями. Память преп. Антонія—10-го іюля, а преп. Ѳеодосія—3-го мая и 14-го августа.

Григорій же дѣйствительно имѣлъ обычай послѣ всякаго Богослуженія читать заклинательныя молитвы. Побѣжденный врагъ, будучи отовсюду изгоняемъ, сталъ, однако, злоумышлять противъ святаго, желая положить преграду его подвигамъ въ добродѣтели. Не имѣя силы сдѣлать этого самъ, онъ допустилъ злыхъ людей обокрасть святаго, который, впрочемъ, не имѣлъ никакого имущества, кромѣ книгъ, содержавшихъ въ себѣ молитвы и пѣснопѣнія. Итакъ, однажды ночью къ келліи Григорія пришли воры и, спрятавшись, ожидали того времени, когда старецъ уйдетъ къ Утренѣ въ церковь, чтобы взять все его имущество. Блаженный же узналъ объ ихъ приходѣ, потому что онъ цѣлыя ночи не спалъ, молясь посреди келліи Богу. Онъ сталъ молиться и за нихъ такими словами:

Прп҃бный
ГРИГО́РІЙ

— Боже! Ниспошли сонъ рабамъ Твоимъ, которые понапрасну истомились, угождая врагу.

Богъ услышалъ молитву старца, и воры проспали пять дней и пять ночей, доколѣ блаженный, въ присутствіи многихъ братій, не разбудилъ ихъ, обратившись къ нимъ съ такими словами:

— До какихъ поръ вы будете сторожить напрасно, желая обокрасть меня? Ступайте скорѣе по домамъ!

Они же, проснувшись, не могли двинуться съ мѣста, потому что лишились силъ, не ѣвши ничего столь продолжительное время. Тогда блаженный предложилъ имъ поѣсть и, покормивъ, отпустилъ ихъ. Узнавъ объ этомъ, правитель города приказалъ наказать этихъ людей, но Григорій, опечаленный тѣмъ, что изъ-за него они были отданы на мученіе, пошелъ къ правителю, подарилъ ему нѣсколько своихъ книгъ и освободилъ воровъ. Другія же книги онъ продалъ и полученныя деньги роздалъ убогимъ, говоря:

— Какъ бы еще кто-нибудь не подвергся бѣдѣ, соблазнившись желаніемъ обокрасть меня! Итакъ, пусть исполнено будетъ повелѣніе Господа, сказавшаго: **продади́те и҆мѣ́нїѧ ва̑ша, и҆ дади́те ми́лостыню, сотвори́те себѣ̀ влага̑лища неветша̑юща, сокро́вище неѡскꙋдѣ́емо на небесѣ́хъ, и҆дѣ́же та́ть не приближа́етсѧ, ни мо́ль растлѣва́етъ**[1]).

Воры же тѣ, по причинѣ совершившагося надъ ними чуда, не вернулись на свои прежнія дѣла, но раскаялись и, явившись въ тотъ же Печерскій монастырь, стали работать на братію. Но врагъ не оставилъ своихъ злыхъ умысловъ. Такъ какъ у преподобнаго Григорія былъ свой небольшой садъ, гдѣ онъ сѣялъ овощи и сажалъ плодовыя деревья, то врагъ однажды подъучилъ другихъ воровъ влѣзть въ этотъ садъ и набрать въ свои мѣшки овощей. Но когда они взвалили на себя мѣшки и хотѣли уйти, то не могли этого сдѣлать и цѣлыхъ два дня и двѣ ночи стояли на одномъ мѣстѣ подъ гнетомъ тяжести мѣшковъ. Тогда они начали вопить:

— Святый отецъ Григорій! Отпусти насъ; мы покаемся во грѣхѣ своемъ и больше не станемъ этого дѣлать.

Услышавъ ихъ крики, явились иноки и схватили ихъ, но съ того мѣста свести ихъ не могли. Тогда они спросили воровъ:

— Когда вы пришли сюда?

Воры отвѣчали:

— Уже два дня и двѣ ночи мы стоимъ здѣсь.

Черноризцы сказали имъ:

— Но мы сколько разъ проходили здѣсь и, однако, не замѣчали васъ.

Воры же въ отвѣтъ заявили:

— И мы, если бы видѣли, какъ вы ходите мимо насъ, стали бы со слезами просить у васъ ходатайства предъ старцемъ; только уже когда окончательно изнемогли, мы стали кричать. Умолите за насъ святаго чудотворца, чтобы онъ отпустилъ насъ.

Григорій пришелъ въ это время и сказалъ имъ:

— Такъ какъ вы цѣлую жизнь провели въ праздности, воруя чужое достояніе, а сами не хотѣли трудиться, то отнынѣ вы будете стоять остальные дни вашей жизни на этомъ самомъ мѣстѣ.

Они же со слезами умоляли старца отпустить ихъ и обѣщались больше не воровать.

---

1) Еванг. отъ Луки, гл. 12, ст. 33.

Старецъ сжалился надъ ними и сказалъ:

— Отпущу васъ, если вы обѣщаете трудиться и трудомъ рукъ своихъ питать другихъ.

Когда воры поклялись въ томъ, что не ослушаются его, то Григорій сказалъ имъ:

— Благословенъ Богъ, подкрѣпляющій насъ! Съ этихъ поръ вы будете работать на святую братію и отъ вашихъ трудовъ доставлять имъ то, въ чемъ они нуждаются.

Послѣ этихъ словъ онъ отпустилъ ихъ. Воры же въ заглажденіе зла, которое они совершили въ томъ небольшомъ саду, стали усердно работать на огородахъ Печерскаго монастыря и скончали за этою работою дни свои.

Хитрый искуситель, однако, въ третій разъ попытался повредить святому такою хитрою уловкою. Однажды къ Григорію явились трое просителей, которые приняли видъ нуждающихся въ помощи, желая испытать преподобнаго. Двое изъ нихъ, указывая на третьяго, говорили такую ложь:

— Отче! Этотъ другъ нашъ осужденъ на смерть. Мы просимъ тебя дать ему что-нибудь, для того чтобы онъ могъ внести за себя выкупъ и избавиться отъ смерти.

Блаженный же, провидя, что эта выдумка окажется истиною, отъ горя прослезился и сказалъ:

— Горе этому человѣку, потому что пришелъ день его погибели!

Они же сказали:

— Если ты, отче, что-нибудь дашь, то онъ не умретъ.

Это говорили они, желая у него что-нибудь выманить и подѣлить между собою. Чудотворецъ же, будучи прозорливъ, сказалъ:

— Если я и дамъ, то онъ все равно умретъ! Впрочемъ, скажите мнѣ: какою смертію онъ долженъ умереть?

— Его повѣсятъ на деревѣ,—отвѣтили обманщики.

— Правду вы сказали,—замѣтилъ на это прозорливецъ,—завтра это и случится.

Съ этими словами онъ сошелъ въ пещеру, куда онъ скрывался отъ любопытныхъ взоровъ и мірской суеты и гдѣ онъ обыкновенно совершалъ свои молитвы. Вынесши оттуда оставшіяся у него книги, онъ отдалъ ихъ пришедшимъ и сказалъ:

— Возьмите это, а если вамъ будетъ не нужно, воротите мнѣ.

Они же, взявъ книги, ушли и стали смѣяться, говоря:

— Продадимъ это и раздѣлимъ то, что получимъ.

Увидѣвъ плодовыя деревья, принадлежавшія святому, они сказали:

— Въ эту ночь мы еще придемъ сюда и сорвемъ эти плоды.

Когда наступила ночь, три вора пришли снова; въ это время Григорій молился въ своей пещерѣ, и они загородили снаружи дверь въ пещеру, гдѣ молился старецъ. Одинъ изъ нихъ, о которомъ было сказано какъ объ осужденномъ на повѣшеніе, влѣзъ на дерево и сталъ рвать яблоки. Въ это время сукъ, за который онъ держался, отломился, и онъ упалъ, а сторожившіе его двое другихъ воровъ въ страхѣ убѣжали. Упавшій же повисъ въ это время на другомъ суку и притомъ такъ, что скоро задохся, такъ какъ его некому было освободить.

Григорій, будучи запертъ, не могъ быть съ братіей въ церкви за Утреней; потому братія, выйдя изъ церкви, пошли посмотрѣть, почему святый, противъ своего обыкновенія, не пришелъ къ Утренѣ. Тутъ они увидѣли висѣвшаго на деревѣ мертваго человѣка и пришли въ ужасъ. Тотчасъ они нашли и Григорія, запертаго въ пещерѣ, который, выйдя изъ пещеры, повелѣлъ снять висѣвшаго. Потомъ, увидѣвъ его соучастниковъ, которые пришли, вмѣстѣ съ другими, и смотрѣли на мертвеца, онъ сказалъ имъ:

— Смотрите, какъ ваша гнусная ложь стала правдой, ибо **бг҃ъ порꙋга́емь не быва́етъ**[1]). Если бы вы меня не заперли, то я пришелъ бы и помогъ ему, но такъ какъ врагъ научилъ васъ хранить **сꙋ́етнаѧ и҆ лѡ́жнаѧ**, то поэтому вы и **ми́лость свою̀ ѡ҆ста́вили є҆стѐ**[2]).

Дерзкіе насмѣшники, видя, что слова блаженнаго сбылись, пали къ его ногамъ, умоляя о прощеніи. Григорій присудилъ ихъ къ работѣ на Печерскій монастырь, чтобы они съ этого времени ѣли хлѣбъ свой, трудясь въ потѣ лица, и имѣли возможность питать трудами рукъ своихъ и другихъ людей. Такъ они и скончали жизнь свою, работая съ дѣтьми своими въ Печерскомъ монастырѣ на рабовъ Пресвятой Богородицы и учениковъ преподобныхъ отцовъ нашихъ, Антонія и Ѳеодосія.

Но уже время сказать о страдальческой кончинѣ преподобнаго.

Однажды въ монастырскій сосудъ попало нечистое животное, и преподобный, для очищенія его отъ оскверненія, сошелъ къ Днѣпру почерпнуть воды. Въ это время туда же пріѣхалъ князь

---

1) Посл. Галат., гл. 6, ст. 7.

2) Ирмосы на Вел. Субботу, пѣснь 6-я, ср.: Кн. Прор. Іоны, гл. 2, ст. 9.

Ростиславъ Всеволодовичъ [1]), чтобы помолиться въ монастырѣ и принять благословеніе на брань противъ половцевъ [2]), куда онъ отправлялся вмѣстѣ съ братомъ своимъ Владиміромъ Мономахомъ [3]). Слуги Ростислава, подущаемые древнимъ врагомъ, стали смѣяться надъ старцемъ и досаждать ему неприличными рѣчами. Старецъ же, провидя своимъ пророческимъ духомъ, что имъ угрожаетъ смерть, сказалъ:

— О дѣти! Вамъ нужно бы съ умиленіемъ въ душѣ просить у всѣхъ молитвъ о себѣ, а вы дѣлаете зло, которое противно Богу. Плачьте же о своей погибели и кайтесь во грѣхахъ своихъ, чтобы вамъ имѣть нѣкоторую отраду въ страшный день послѣдняго суда. Ибо о васъ уже въ судѣ Божіемъ рѣшено, что вы утонете вмѣстѣ съ вашимъ княземъ.

Князь же Ростиславъ, услышавъ эти слова преподобнаго, не повѣрилъ имъ и, полагая, что онъ только грозится, а не пророчествуетъ, съ гнѣвомъ сказалъ ему:

— Мнѣ ли ты предвѣщаешь смерть отъ воды, когда я хорошо умѣю плавать? Нѣтъ,—ты самъ умрешь такою смертію!

И тотчасъ же, забывъ страхъ Божій, онъ повелѣлъ связать старцу руки и ноги, надѣть ему на шею камень и бросить въ воду.

Такъ былъ утопленъ святый старецъ!

Братія два дня искали его, но не могли найти. Когда же потомъ, на третій день, они пришли въ его келлію, желая взять кое-какія вещи, оставшіяся послѣ святаго, то неожиданно нашли его въ келліи мертвымъ, съ связанными руками и ногами и съ

---

[1]) *Ростиславъ Всеволодовичъ*, сынъ Всеволода Ярославича и внукъ Ярослава Мудраго, княжилъ въ Переяславѣ—городѣ, находившемся на югъ отъ Кіева, на рѣкахъ Альтѣ и Трубежѣ. Въ настоящее время Переяславъ — уѣздный городъ Полтавской губерніи.

[2]) *Половцы* — кочевой народъ монгольскаго происхожденія, обитавшій со 2-ой половины IX в. въ южно-русскихъ степяхъ и до татарскаго нашествія производившій постоянныя опустошительныя нападенія на Кіевскую Русь. Нападенія свои они производили быстро и внезапно. Русскія князья для борьбы съ половцами устраивали пограничныя укрѣпленія и предпринимали походы вглубь Половецкой земли. Одинъ изъ такихъ походовъ, о которомъ здѣсь и упоминается, былъ предпринятъ великимъ княземъ Кіевскимъ Святополкомъ Изяславичемъ (съ 1093 по 1113 г.) въ первый годъ его великаго княженія.

[3]) *Владиміръ Мономахъ* былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ князей въ домонгольскій періодъ. Когда умеръ отецъ его, Всеволодъ, онъ, несмотря на любовь къ нему кіевлянъ, не занялъ великокняжескаго Кіевскаго престола, а призвалъ двоюроднаго брата своего Святополка Изяславича, которому и уступилъ великое княженіе — какъ старшему въ родѣ. Въ это время онъ княжилъ въ Черниговѣ, и, сверхъ того, владѣлъ Смоленскимъ княжествомъ. По смерти Святополка онъ занялъ Кіевскій великокняжескій престолъ, гдѣ княжилъ до своей смерти (1113—1125 гг.).

камнемъ на шеѣ. Одежды его были еще мокры, лицо—свѣтло, а все тѣло—какъ бы живое. Подивились братія, кѣмъ и какъ могъ быть принесенъ сюда старецъ, потому что келлія была заперта, но потомъ, воздавъ хвалу Богу, съ почестями вынесли тѣ чудотворныя мощи святаго и положили ихъ въ пещерѣ, гдѣ онѣ и доселѣ пребываютъ нетлѣнными.

Ростиславъ же, не считая совершенное имъ грѣхомъ, распаленный яростію, не захотѣлъ даже войти въ монастырь вопреки своему обѣщанію, чтобы получить благословеніе,—и Божіе благословеніе удалилось отъ него. Только Владиміръ Мономахъ побывалъ въ монастырѣ для испрошенія себѣ молитвъ и благословенія. Когда же русскіе князья были у Триполья[1]) и перешли рѣку Стугну[2]), то направили полки свои на половцевъ. Полки ихъ не устояли и побѣжали; бѣжалъ и князь Владиміръ и переправился снова благополучно чрезъ рѣку Стугну, по молитвамъ и благословенію Печерскихъ святыхъ, а Ростиславъ со всѣмъ своимъ войскомъ потонулъ въ рѣкѣ, и такъ исполнилось пророчество святаго: **въ нюже мѣрꙋ** мѣрилъ злой убійца, **возмѣрися** и ему[3]). Незлобивый же Григорій чудотворецъ обрѣлъ источникъ жизни и, вкушая изъ потока вѣчной сладости при водахъ, **ꙗже превыше небесъ**[4]), хвалитъ имя Господа, Которому подобаетъ слава и честь нынѣ и присно и въ безконечные вѣки. Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОЙ

ДОМНИКИ

Святая Домника съ четырьмя другими дѣвицами прибыла въ Царьградъ изъ Карѳагена въ царствованіе императора Ѳеодосія Великаго, будучи еще язычницею[5]). Она пламенѣла сильнымъ желаніемъ принять христіанство и жить по правиламъ чистой небесной вѣры. Архіепископъ Царьграда святый Некта-

---

1) Въ настоящее время мѣстечко Кіевской губерніи.

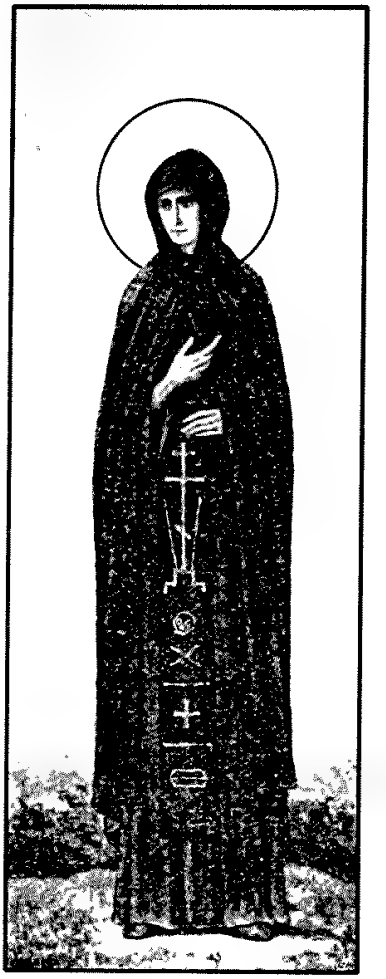
2) *Стугна*—правый притокъ Днѣпра, протекающій чрезъ Васильковскій уѣздъ, Кіевской губерніи. Въ прежнее время притокъ этотъ былъ довольно значительной рѣкой.

3) Еванг. отъ Мате., гл. 7, ст. 2; тамъ это мѣсто читается такъ: **ꙗмже бо сꙋдомъ сꙋдите, сꙋдятъ вамъ: и въ нюже мѣрꙋ мѣрите, возмѣрится и вамъ.**

4) Псал. 148, ст. 4.

5) *Ѳеодосій Великій*—Римскій императоръ съ 379 по 395 г. Въ его царствованіе христіанская вѣра была окончательно утверждена въ Римской имперіи.

рій[1]) получилъ о ней особое откровеніе. Поэтому, принявъ ее, онъ не только сподобилъ ее Св. Крещенія, но и поставилъ въ діакониссы[2]). Императоръ Левъ подарилъ ей землю за чертою города. На этой землѣ святая Домника основала монастырь въ честь святаго Захаріи, собрала вокругъ себя дѣвственницъ и стала жить съ ними, подвизаясь въ постѣ. Она сотворила немало чудесъ: напримѣръ, она спасла мореплавателей, погибавшихъ отъ бури на морѣ, тѣмъ, что съ благословеніемъ пустила въ море масло, отчего морское волненіе прекратилось. Она имѣла также даръ пророчества, ибо предузнала и предсказала кончину царя. Видѣла она однажды, какъ сошелъ съ Неба Ангелъ и освятилъ естество воды, а также получала и другія откровенія Божественныхъ тайнъ. Святая мирно почила въ глубокой старости, доживъ до царствованія Льва и Зенона[3]), причемъ предсказала время своего отшествія къ Господу.



Прп҃бная
Домника

---

[1]) Св. Патріархъ Нектарій управлялъ Константинопольскою Церковію съ 381 по 397 г. Память его совершается въ Субботу Сырную.

[2]) *Діаконисса*—съ греческаго языка: *служительница*. Такъ назывался особый родъ служебныхъ лицъ въ Церкви, учрежденіе которыхъ восходитъ къ временамъ апостольскимъ (Посл. къ Римл., гл. 16, ст. 1; ср. 1 Посл. Тим., гл. 5, ст. 3—10). На должность діакониссъ большею частію избирались пожилыя (не моложе 40 лѣтъ) дѣвственницы или вдовы. Обязанностью ихъ было наставлять обращающихся женъ и дѣвицъ—какъ онѣ должны держать себя во время Крещенія, прислуживать епископу при ихъ Крещеніи и вмѣсто него совершать помазаніе другихъ частей тѣла, кромѣ чела, наблюдать за порядкомъ и благочиніемъ среди женщинъ во время Богослуженія, посѣщать больныхъ, бѣдствующихъ и заключенныхъ въ темницахъ, служить исповѣдникамъ и мученикамъ, содержимымъ подъ стражей, помогать неимущимъ и т. под. Относительно діакониссъ есть нѣсколько каноническихъ правилъ, а именно IV-го Вселенскаго Собора правило 15-е, VI-го—правило 14-е и св. Василія Великаго правило 44-е.

[3]) Здѣсь разумѣется *императоръ Левъ II*, царствовавшій меньше одного года (въ 474 г.); *императоръ Зенонъ* царствовалъ съ 474 по 491 г. Св. Домника скончалась въ первые годы царствованія Зенона, около 474 г. Такъ какъ въ Константинополь она пришла, во всякомъ случаѣ, раньше 385 года, и такъ какъ ей въ это время было, несомнѣнно, не меньше 40 лѣтъ (ибо Патріархъ Нектарій нашелъ возможнымъ вскорѣ поставить ее въ діакониссы), то св. Домника скончалась, имѣя болѣе 100 лѣтъ отъ роду.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ГЕОРГІЯ ХОЗЕВИТА

Преподобный Георгій Хозевитъ [1]) родился на островѣ Кипрѣ [2]) въ семьѣ, отличавшейся благочестіемъ. Старшій братъ его, Ираклидъ, еще при жизни родителей ушелъ во Святый Градъ Іерусалимъ. Поклонившись здѣсь мѣстамъ, освященнымъ стопами и кровію Господа Іисуса, онъ удалился затѣмъ въ Іорданскую долину [3]) и поселился въ Лаврѣ, называемой Коломановой [4]), принявъ иночество. Святый же Георгій одинъ оставался у родителей, воспитываясь въ благочестіи и страхѣ Божіемъ.

Когда умерли родители Георгія, осиротѣлый отрокъ со всѣмъ имѣніемъ, оставшимся отъ родителей его, принятъ былъ на попеченіе однимъ своимъ родственникомъ. Послѣдній такъ полюбилъ его, что хотѣлъ выдать за него замужъ свою единородную дочь. Но святый, тяготясь мірскою суетою и не желая сожительства съ женою, скрылся у другаго родственника своего, который былъ игуменомъ монастыря. О мѣстонахожденіи Георгія стало извѣстно покинутому имъ родственнику, желавшему имѣть кроткаго юношу своимъ духовнымъ сыномъ; онъ пришелъ къ игумену, у котораго скрывался Георгій, и сталъ требовать, чтобы тотъ возвратилъ ему отрока. Узнавъ объ этомъ, Георгій тайно покинулъ тотъ монастырь и, сѣвъ на отплывавшій корабль, отправился съ Кипра во Святый Градъ Іерусалимъ. Поклонившись Святымъ мѣстамъ, онъ спустился въ Іорданскую долину и пришелъ къ брату своему въ Лавру Коломана. Тотъ же, видя его еще молодымъ и безбородымъ, по заповѣдямъ святыхъ Отецъ, не захотѣлъ держать его въ Лаврѣ, пока онъ не обрастетъ бородою, но привелъ въ обитель Пресвятой Владычицы нашей, иазываемую Хузива [5]), и передалъ тамошнему

---

1) *Хозевитами* назывались иноки Хозевитской, или Хузивской, обители.

2) *Островъ Кипръ* находится въ сѣверо-восточномъ углу Средиземнаго моря, недалеко отъ Сирійскаго побережья.

3) *Іорданская долина* находится по теченію рѣки Іорданъ; представляя собою мѣста мало населенныя, она съ древнихъ временъ была излюбленнымъ мѣстомъ отшельниковъ. Такъ сюда удалился св. Пророкъ Іоаннъ Предтеча и выступилъ здѣсь съ проповѣдію о покаяніи. Во времена христіанскія на этой долинѣ находилось немало всевозможныхъ монастырей.

4) *Лавра Коломанова* находилась близъ Мертваго моря и Іордана.

5) *Хузивскій монастырь* находился въ пустынѣ Хузивъ, или Хозева, между Іерусалимомъ и Іерихономъ, вправо отъ большой дороги, чрезъ которую обыкновенно проходятъ

игумену. Здѣсь святый Георгій облеченъ былъ въ иноческій образъ и вступилъ на путь подвижничества. Трудясь во славу Божію и для спасенія своей души, онъ особенно упражнялся въ смиреніи и послушаніи. Богъ прославилъ Своего угодника и наградилъ его даромъ чудотворенія. И вся братія немало удивлялись, видя такое совершенство и такое дерзновеніе къ Богу въ юномъ отрокѣ и къ тому же новоначальномъ. Святый же, опасаясь обольщеній пустой славы міра сего, тайно вышелъ изъ обители и снова прибылъ къ своему брату въ Лавру.

Поселившись здѣсь, онъ занялъ, вмѣстѣ съ братомъ, такъ называемую старую церковь, и здѣсь они пребывали въ молитвѣ, богомысліи и трудахъ пустынническихъ. Братья не приготовляли себѣ горячей пищи, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда къ нимъ приходилъ кто-либо.

Однажды авва Ираклидъ сказалъ своему брату:

— Возьми топоръ, и пойдемъ рубить дрова!

И когда тотъ взялся за топоръ, то старшій братъ приказалъ ему срубить безплодную пальму, которая росла около ихъ келліи. Поклонившись брату, Георгій сталъ просить:

— Нѣтъ, отче, не будемъ рубить ее, можетъ быть, она дастъ намъ ваіи.

Но тотъ съ угрозою сказалъ:

— Сруби ее; вотъ уже нѣсколько лѣтъ она не приноситъ плодовъ,—зачѣмъ же она занимаетъ мѣсто?

Тогда Георгій, снова со смиреніемъ поклонившись, произнесъ:

— Я ручаюсь, что скоро она принесетъ плодъ.

Послѣ такихъ словъ Ираклидъ уступилъ, и съ тѣхъ поръ пальма стала приносить многочисленные и прекрасные плоды.

Въ то время въ Іерихонѣ жилъ одинъ землевладѣлецъ, любимый святыми братьями-подвижниками. У него скончался малолѣтній единородный сынъ. Положивъ мертваго въ корзинку и прикрывъ его начатками своихъ плодовъ, отецъ поспѣшно принесъ

паломники изъ Святаго Града къ Іордану, и недалеко отъ спуска въ низменную долину Іорданскую. Монастырь этотъ былъ расположенъ въ дикой мѣстности. Церкви и келліи монаховъ, вися надъ оврагомъ на высотѣ 50 саженъ, были какъ бы прилѣплены къ каменистымъ утесамъ. Монастырь Хузива возникъ въ V вѣкѣ. Ими перваго его основателя неизвѣстно. Впослѣдствіи монастырь именовался Лаврою и въ VI, VII и VIII вѣкахъ, когда онъ особенно славился строгостію жизни своихъ подвижниковъ, достигъ особеннаго процвѣтанія. Въ XII вѣкѣ монастырь этотъ еще существовалъ, но о дальнѣйшей судьбѣ его ничего неизвѣстно. Въ самое недавнее время сія обитель была возобновлена.

его въ Лавру. Войдя въ келлію къ Ираклиду и Георгію, онъ поставилъ предъ старшимъ братомъ корзинку, прося его благословить плоды его земледѣлія, а самъ немедленно вышелъ. Вынувъ плоды изъ корзинки и нашедши въ ней мертваго младенца, Ираклидъ сказалъ меньшому брату:

— Призови этого человѣка, ибо онъ хочетъ искусить насъ, грѣшныхъ.

Но Георгій возразилъ ему:

— Не печалься и не гнѣвайся, отче, но съ вѣрою призовемъ благоутробнаго и милостиваго Бога, и если Онъ услышитъ насъ, грѣшныхъ, и воскреситъ младенца, то отецъ возьметъ его отъ насъ живымъ, въ награду за свою вѣру; а если Богъ не восхощетъ сотворить сего, то скажемъ отцу, что мы, будучи грѣшниками, не достигли такого дерзновенія къ Богу, чтобы помочь его бѣдѣ.

Старецъ послушался брата, и оба они стали на молитву со слезами и съ сокрушеніемъ сердечнымъ. И всемилостивый Господь, творящій волю боящихся Его, услышалъ ихъ и воскресилъ младенца. Тогда, призвавъ его отца, братья отдали ему младенца живымъ, повелѣвъ ему, чтобы онъ никому не разсказывалъ о семъ чудѣ.

Такъ святые Ираклидъ и Георгій мирно и богоугодно жили вмѣстѣ, со всякимъ смиреніемъ и скромностію, и никто не слышалъ спора и разнорѣчія между ними, не видѣлъ и тѣни презрѣнія ихъ другъ къ другу или къ кому-нибудь иному.

По прошествіи нѣкотораго времени Ираклидъ скончался, достигнувъ семидесятилѣтняго возраста отъ рожденія. Авва Георгій, оставшись въ келліи одинъ, рыдалъ и скорбѣлъ о кончинѣ брата своего, въ то же время доблестно подражая его жизни и трудамъ. И кто можетъ повѣдать объ его пустынническихъ подвигахъ, неустанной молитвѣ и Богомысліи? Кто можетъ разсказать о его воздержаніи и постѣ? За свою подвижническую жизнь старецъ былъ удостоенъ діаконскаго сана и по должности діакона часто прислуживалъ священнымъ отцамъ за Богослуженіемъ. Между тѣмъ, въ Лаврѣ скончался игуменъ, и произошло великое раздѣленіе и несогласіе по поводу избранія новаго настоятеля. Тогда святый Георгій, не терпя смутъ, со скорбію удалился изъ Коломана и снова поселился въ Хузевитской обители въ отдѣльной келліи, которую далъ ему игуменъ монастыря.

Подвизаясь на прежнемъ мѣстѣ своей отшельнической жизни, преподобный Георгій не пріобрѣталъ ни вина, ни елея, ни хлѣба, ни одежды, но, обходя кучи мусора, собиралъ тряпки и, сшивая ихъ, дѣлалъ себѣ одежду; изъ этихъ же тряпокъ была устроена и постель его. Обитавшихъ въ обители иноковъ онъ просилъ сберегать ему за недѣлю остатки отъ стола отцовъ и пришельцевъ, будутъ ли то овощи, или плоды, или даже кости. Потомъ онъ толокъ все это въ каменной ступѣ, дѣлалъ шарики и сушилъ на солнцѣ; эти шарики онъ и употреблялъ въ пищу, вмѣстѣ съ водою,—черезъ два или три дня. Кромѣ того, старецъ просилъ, чтобы братія не пекли безъ него хлѣбовъ, ибо онъ вѣровалъ, что занимающимся этимъ дѣломъ въ тѣхъ Святыхъ мѣстахъ будетъ великая награда на Небѣ, такъ какъ въ Палестинѣ было въ обычаѣ издерживать излишекъ хлѣба на странниковъ, приходившихъ поклониться тамошнимъ великимъ святынямъ. Въ хлѣбницѣ, предпочтительно предъ другими работами, преподобный Георгій топилъ печь. Занятіе это особенно тягостно въ тѣхъ мѣстахъ въ лѣтнее время, когда отъ сильнаго зноя таютъ даже свѣчи на церковныхъ подсвѣчникахъ. Но преподобный Георгій, несмотря ни на какой зной, неустанно работалъ въ хлѣбницѣ по дважды и по трижды въ день, растопляя печь и приготовляя хлѣбы. Другіе изъ братіи не могли переносить такой работы и постоянно чередовались. Поэтому неустаннымъ трудамъ Георгія всѣ удивлялись и называли его желѣзнымъ.

Такъ подвизался сей земной Ангелъ и небесный человѣкъ, назидая своими подвигами и другихъ.

Когда же случилось нашествіе Персовъ на Святую Землю[1]), онъ на время оставилъ Хузевитскую Лавру и скрылся въ Коломанѣ; по минованіи же опасности старецъ снова возвратился въ Хузиву. Здѣсь онъ снова предался подвижническимъ трудамъ и въ то же время поучалъ всѣхъ, приходящихъ послушать его Богомудрыхъ рѣчей. Никого онъ не оставлялъ безъ поучительныхъ бесѣдъ, но всѣхъ наставлялъ въ Словѣ Божіемъ и въ благочестіи. Благочестиво поживъ и угодивъ Богу, преподобный Георгій былъ отозванъ въ Небесныя Обители, достигнувъ глубокой старости. О блаженной кончинѣ старца ученикъ его, преподобный Антоній, разсказываетъ слѣдующее.

---

[1]) Нашествіе Персовъ было сдѣлано въ 614 г., подъ предводительствомъ Хозроя, царя Персидскаго (царствовалъ съ 580 по 628 г.).

«Послѣ многихъ трудовъ заболѣлъ святый отецъ нашъ Георгій недугомъ, отъ коего и скончался. Въ вечеръ же, въ который онъ скончался, по устроенію Божію, случилось множество пришельцевъ, и я былъ весьма занятъ послушаніемъ. И нѣкоторые изъ братіи, сидѣвшіе у старца, часто приходили, говоря мнѣ:

— Спрашиваетъ тебя старецъ, говоря: «Гдѣ Антоній? Призовите мнѣ его, ибо я уже умираю».

Я уже колебался надвое, желая и исполнить послушаніе, и пойти къ старцу. И старецъ, узнавъ это духомъ, объявилъ мнѣ чрезъ посланныхъ:

— Не скорби и не смущайся, чадо, но исполни послушаніе твое, а я подожду до тѣхъ поръ, пока ты придешь.

И пока пришельцы встали изъ-за трапезы и пришли другіе, время протянулось почти до полуночи, и старецъ былъ еще живъ. Исполнивъ свое послушаніе и отпустивъ пришельцевъ, я пришелъ къ нему. Когда онъ меня увидѣлъ, то обнялъ и облобызалъ, и, благословивъ, обернулся къ востоку и сказалъ:

— Изыди, душе моя, нынѣ о Господѣ, изыди.

И сказавъ это трижды, онъ предалъ духъ Господу; такъ онъ преставился, мирно и тихо, явно предавъ духъ въ руцѣ Божіи, какъ пишется: **пра́ведныхъ дꙋ́ши въ рꙋцѣ̀ бж҃їей и҆ не прико́снетсѧ и҆́хъ мꙋ́ка**[1]), и паки: **честна̀ пред̾ гдⷭ҇емъ сме́рть прпⷣбныхъ є҆гѡ̀**[2]). Я же, узнавъ, что онъ предалъ духъ Господу, припалъ къ груди его, и плакалъ, и рыдалъ о лишеніи преподобнаго отца. И опрятавъ тѣло его со Псалмами и пѣніями и пѣснями духовными, мы положили его въ гробницѣ преподобныхъ отцовъ; и нынѣ онъ находится съ ликами святыхъ, сомолитствуя за насъ и за весь міръ». Аминь.

Конда́къ прпⷣбнагѡ, гла́съ д҃:

И҆ви́лсѧ є҆сѝ свѣти́ло пресвѣ́тлое геѡ́ргїе, ѡ҆зарѧ́ѧ бж҃е́ственными зарѧ́ми вѣ́риѡ зовꙋ́щыѧ тѝ: молѝ ѡ҆ на́съ влⷣкꙋ хрⷭ҇та̀, ꙗ҆́вльшагосѧ во стрꙋѧ́хъ и҆ просвѣ́щшаго земнорѡ́дныѧ.

---

[1]) Кн. Прем. Соломон., гл. 3, ст. 1.

[2]) Псаломъ 115, ст. 6.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

КАРТЕРІЯ

Святый Картерій жилъ въ царствованіе императора Діоклетіана[1]) и былъ священникомъ и учителемъ Христовой вѣры въ Кесаріи Каппадокійской[2]) при прокураторѣ[3]) Урванѣ. Онъ построилъ храмъ Божій, собралъ около себя многочисленную паству, которую поучалъ почитать Христа съ Отцемъ и Святымъ Духомъ какъ Единаго Истиннаго Бога. На ревностнаго служителя Христова поступилъ навѣтъ къ прокуратору; тогда блаженный іерей скрылся отъ преслѣдованія. Но ему явился Господь и сказалъ:

— Иди, Картерій, и предстань предъ прокураторомъ. Я буду съ тобою; тебѣ надлежитъ много пострадать ради Моего Имени, и многіе чрезъ тебя увѣруютъ и спасутся.

Святый, исполнившись великой радости, возблагодарилъ Господа и извѣстилъ прокуратора о своемъ мѣстопребываніи, послѣ чего былъ заключенъ въ темницу. Когда же святый Картерій приведенъ былъ къ прокуратору, тотъ приказалъ ему принести жертву Серапису[4]). По молитвѣ святаго, истуканъ сего ложнаго бога повергся на землю; тогда, по повелѣнію прокуратора, шестнадцать воиновъ стали бить палками исповѣдника Христова, котораго четверо слугъ распростерли на землѣ. Потомъ мучители повѣсили святаго Картерія на дерево, бритвою отрѣзали у него ногти на рукахъ и ногахъ и терзали его тѣло желѣзными крючьями.

Тогда святому страстотерпцу явился Ангелъ Господень и облегчалъ его страданія, и воинъ Христовъ остался невредимымъ при столь тяжкихъ истязаніяхъ.

---

1) *Діоклетіанъ* царствовалъ съ 284 по 305 г.

2) О *Кесаріи Каппадокійской* см. на стр. 15, прим. 1.

3) *Прокураторъ* собственно завѣдывалъ въ провинціяхъ Римской имперіи судебными процессами. Впослѣдствіи прокураторы посылались въ императорскія провинціи для собиранія доходовъ въ казну императора. Незначительныя провинціи управлялись прокураторами.

4) *Серапись*—египетское божество, въ послѣдніе годы язычества почитавшееся и въ Римской имперіи. Почитался богомъ умершихъ душъ и призывался какъ спаситель отъ болѣзни и смерти.

По повелѣнію мучителя, его сняли съ дерева, прокололи ступни ногъ желѣзными прутьями, возложили на грудь раскаленный сошникъ, посадили на раскаленный желѣзный стулъ и раскаленными желѣзными прутьями тянули его ноги. Послѣ того блаженный страдалецъ снова былъ ввергнутъ въ темницу.

Вечеромъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ явился доблестному Своему страстотерпцу, разрѣшилъ его отъ оковъ и извелъ изъ темницы. Тогда многіе, видя святаго мученика исцѣленнымъ отъ ранъ, нанесенныхъ гонителями, стали принимать Святое Крещеніе, получая въ то же время исцѣленіе отъ болѣзней, которыми страдали.

Снова схваченный мучителями, святый Картерій преданъ былъ новымъ истязаніямъ: къ его рукамъ и ногамъ подвѣшены были тяжелые камни, причемъ палачи били его палками по животу, жгли огнемъ, поливая сѣру и смолу на зіяющія раны, вливали въ уста расплавленное олово, на голову надѣли добѣла раскаленный шлемъ, наконецъ бросили святаго страстотерпца въ огонь. Воспѣвая Господу благодарственныя пѣсни, святый Картерій вышелъ изъ пламени невредимымъ.

Тогда одинъ еврей, присутствовавшій при истязаніи, придя въ ярость, схватилъ копье и нанесъ смертельный ударъ въ ребра святаго мученика; изъ раны истекло такое количество воды, что она залила костеръ; потомъ потекла кровь, и страстотерпецъ Христовъ предалъ Богу свою святую душу[1]).

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ИЛІИ ПУСТЫННИКА

Преподобный Илія вступилъ съ ранней юности въ иноческое житіе и семьдесятъ пять лѣтъ провелъ въ полномъ уединеніи въ отдаленной суровой пустынѣ близъ Антиноя Ѳиваидскаго[2]). Невозможно передать словомъ тѣ великіе подвиги, которымъ онъ предавался на вершинѣ дикой пустынной горы, откуда ни разу не

1) Въ 304 году.

2) Ѳиваидская область называлась такъ отъ *Ѳивъ*—главнаго города верхняго Египта. Близъ города *Антиноя* находилось немало отшельническихъ келлій и киновій.

выходилъ въ населенныя мѣста, и куда вела къ нему проложенная среди острыхъ камней узкая тропинка, на которую едва можно было ступить ногою.

Усердствующіе посѣтители находили старца сидящимъ подъ каменнымъ навѣсомъ пещеры, темнота которой едва позволяла разсмотрѣть пустынника; отъ дряхлости онъ весь трясся, ибо житія его было болѣе ста десяти лѣтъ. Другіе отцы пустынники говорили о преподобномъ Иліи, что никто не помнитъ, когда онъ поселился на горѣ.

Подъ старость онъ вкушалъ только по три малыхъ куска хлѣба утромъ и столько же вечеромъ и по три соленыхъ маслины; въ юности же онъ принималъ пищу лишь одинъ разъ въ недѣлю. Приходившихъ къ нему для назиданія онъ поучалъ такъ: «Не предавайте себя во власть сатаны. Есть три проявленія діавольской силы, которыми вызываются грѣхопаденія иноковъ. Первое—забвеніе, второе—лѣность, третье—похоть. Когда на инока нападетъ забвеніе, рождается лѣность, а отъ нея проистекаютъ похоти, а отъ похоти падаетъ человѣкъ. Если же инокъ внимателенъ и имѣетъ страхъ Божій, не бываетъ у него ни лѣности, ни дурнаго пожеланія,—потому и безсиленъ противъ такого сатана, не силенъ онъ ввергнуть такого человѣка въ грѣхъ, и спасется такой человѣкъ Божіею благодатію».

Являя благій примѣръ истинно иноческой жизни, преподобный Илія отошелъ ко Господу въ глубокой старости.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ΘЕОФИЛА и ЕЛЛАДІЯ

Святые мученики діаконъ Θеофилъ и Елладій мірянинъ пострадали въ Ливіи[1]). Безбоязненно Исповѣдуя Господа нашего Іисуса Христа истиннымъ Богомъ, они поносили языческихъ ложныхъ боговъ и укоряли идолопоклонниковъ, за что и схвачены были прокураторомъ и преданы мученіямъ. Святыхъ исповѣдни-

[1]) *Ливія*—область на сѣверѣ Африки, къ западу отъ Египта.

ковъ Христовыхъ сначала жестоко бичевали, потомъ строгали имъ тѣло острыми черепками; связавъ имъ руки и ноги, палачи опаляли чресла ихъ огнемъ. Послѣ каждаго такого истязанія мучители принуждали страстотерпцевъ отречься отъ Христа и принести жертву идоламъ; но святые Ѳеофилъ и Елладій остались непоколебимы въ любви ко Христу. Какъ непокорныхъ, мучители съ поруганіемъ влачили ихъ по землѣ и разбивали камнями ихъ кости; послѣ того доблестные мученики пріяли вѣнецъ отъ Христа, за Котораго пострадали [1]).

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ЕМИЛІАНА ИСПОВѢДНИКА

Емиліанъ, епископъ Кизическій [2]), пострадалъ за почитаніе иконъ въ 815 году, при императорѣ Львѣ Армянинѣ [3]). Вторично память его 8 августа.

1) Это было въ началѣ IV вѣка.

2) *Кизикъ*—городъ въ сѣверо-западной части Малой Азіи, на южномъ берегу Мраморнаго моря.

3) *Левъ V Армянинъ*—Византійскій императоръ, царствовалъ отъ 813 до 820 г.

День девятый

СТРАДАНІЕ
СВЯТАГО МУЧЕНИКА
ПОЛІЕВКТА

Во времена Декія и Валеріана[1]), царей римскихъ, въ городѣ Мелитинѣ, въ землѣ Армянской[2]), жили два уважаемые воина — Неархъ и Поліевктъ, которые питали такую взаимную любовь другъ къ другу, какая рѣдко бываетъ даже между единоутробными братьями: каждый изъ нихъ любилъ своего друга, какъ свою жизнь и дыханіе. Неархъ былъ христіанинъ, твердый въ вѣрѣ и вѣрный исполнитель Закона Господня, а Поліевктъ былъ язычникъ, непросвѣщенный еще свѣтомъ истинной вѣры. Однако, сей послѣдній жилъ по христіанскимъ обычаямъ и подвизался въ разныхъ добродѣтеляхъ, такъ что его можно было назвать плодовитой маслиной, и ему недоставало только пріобщиться къ Церкви Божіей. Неархъ старался обратить его въ христіанскую вѣру, часто читалъ ему Божественныя Писанія и говорилъ о Единомъ Истинномъ Богѣ, показывая въ то же время суету и мерзость идолопоклонства. Но не наступилъ еще для Поліевкта часъ обращенія и спасенія его, назначенный ему отъ Бога. Въ скоромъ

---

1) *Римскій императоръ Декій* царствовалъ съ 249 по 251 г.; *Валеріанъ* царствовалъ съ 253 по 259 г.

2) *Городъ Мелитина* построенъ Римскимъ императоромъ Траяномъ (98—117). Это — главный городъ страны того же имени, находившейся въ малоазійской области Каппадокіи, составлявшей нѣкогда сѣверную часть Малой Арменіи.

времени на базарахъ и улицахъ стали читать безбожное повелѣніе нечестивыхъ царей, которое призывало всѣхъ къ поклоненію ихъ мерзкимъ богамъ и угрожало различными муками и казнями тѣмъ, кто оказался бы непослушнымъ этому повелѣнію. Неархъ, какъ вѣрный рабъ Христовъ, сталъ приготовляться къ смерти; но въ то же время онъ началъ скорбѣть о своемъ другѣ, Поліевктѣ, полагая, что тотъ, котораго онъ разсчитывалъ видѣть христіаниномъ, изъ страха предъ угрозами царя останется невѣрующимъ и чрезъ это лишится вѣчнаго спасенія. Постоянно скорбя объ этомъ и плача о погибели, ожидавшей его друга, Неархъ измѣнился даже въ лицѣ и всѣмъ видомъ своимъ выдавалъ свое душевное смущеніе. Поліевктъ, видя своего друга столь смущеннымъ, спрашивалъ его о причинѣ его печали и, такъ какъ тотъ ничего не говорилъ, то опечалился и Поліевктъ, сочувствуя тяжкому горю своего друга. Наконецъ, Поліевктъ сталъ особенно настоятельно спрашивать Неарха:

— Не оскорбилъ ли я тебя чѣмъ-нибудь? Въ чемъ вина моя? Что̀ я сдѣлалъ ужаснаго, что ты не хочешь простить своему другу?

Тогда Неархъ, заплакавъ и воздохнувъ изъ глубины сердца, сказалъ:

— Когда я, другъ, думаю о томъ, что наша любовь и пріязнь должны кончиться, то уныва̀ю и скорблю душою.

Услышавъ это, Поліевктъ весьма огорчился и сказалъ:

— Какъ это можетъ случиться, другъ? Зачѣмъ ты говоришь о такихъ невозможныхъ вещахъ? Отчего наша любовь должна прекратиться, когда и сама смерть не въ силахъ ее расторгнуть?

— Любезнѣйшій другъ,—отвѣчалъ Неархъ,—то меня такъ и угнетаетъ до глубины души, что наше разлученіе будетъ хуже, чѣмъ естественная смерть.

Поліевктъ, не понявъ, что говоритъ Неархъ, крѣпко обнялъ своего друга и еще настоятельнѣе сталъ просить его:

— Скажи, Неархъ, и разъясни, въ чемъ будетъ состоять это разлученіе наше? Я не могу болѣе выносить твоего молчанія, и если ты будешь продолжать молчать и ничего не скажешь мнѣ, то тотчасъ же увидишь меня предъ собою мертвымъ.

Тогда Неархъ сказалъ ему:

— Любезнѣйшій Поліевктъ! Насъ разлучитъ съ тобою тотъ царскій указъ, который читается повсюду; ибо я принадлежу къ

христіанской вѣрѣ, а ты—къ языческой. И вотъ, когда меня возьмутъ на смерть, ты откажешься отъ меня и покинешь меня.

Ст҃ый мч҃икъ
Поаѵе́ѵктъ

Услышавъ это, благоразумный Поліевктъ тотчасъ понялъ, чего хочетъ Неархъ, и, будучи просвѣщенъ благодатію Божіей, сталъ помышлять о Божественномъ. Онъ припомнилъ бывшее ему за нѣсколько дней предъ симъ видѣніе и сказалъ:

— Не бойся, возлюбленный другъ мой Неархъ! Мы не разстанемся съ тобою, ибо я видѣлъ во снѣ Христа, Которому ты служишь и Который, приблизившись ко мнѣ, снялъ бывшую на мнѣ одежду и облекъ меня въ другую, новую, прекрасную и драгоцѣнную, съ золотыми петлями, и, кромѣ того, далъ мнѣ еще крылатаго коня.

Неархъ, услышавъ это, обрадовался и объяснилъ видѣніе въ томъ смыслѣ, что снятіе прежней одежды и облеченіе въ новую указываетъ на перемѣну жизни къ лучшему:

— Предстоитъ тебѣ,—сказалъ онъ,—оставить языческое нечестіе и облечься во Христа истинною вѣрою; крылатый же конь означаетъ скорый переходъ къ Небу.

Затѣмъ онъ промолвилъ:

— Вотъ, ты уже позналъ Христа, Бога Истиннаго!

Поліевктъ отвѣчалъ:

— Когда же я не зналъ Его? Не горѣлъ ли я сердцемъ, когда ты разсказывалъ мнѣ о Немъ? Не дивился ли я Его словамъ, когда ты читалъ мнѣ Святое Евангеліе? Мнѣ недоставало только христіанскаго имени, а по расположенію своему я уже былъ христіаниномъ, ибо я всегда только и думалъ о томъ, какъ бы мнѣ, оставивъ суетныхъ идоловъ, стать рабомъ Христа Господа. Итакъ, что же медлить, Неархъ? Докажемъ самымъ дѣломъ нашу преданность Христу!

Неархъ услаждался его рѣчью и возрадовался; но, боясь того, чтобы другъ его не сталъ жалѣть объ имуществѣ своемъ, о женѣ и дѣтяхъ, а также о своей жизни, онъ началъ бесѣдовать съ нимъ о суетности сего міра и изображать невидимыя блага и славу Небесную.

— Для меня, Поліевктъ,—говорилъ онъ,—ни богатство, ни слава, ни воинская честь,—ничто мірское такъ не дорого и такъ не вожделѣнно, какъ жизнь во Христѣ Іисусѣ: только ея я желаю, а все прочее кажется мнѣ ничтожнымъ.

Поліевктъ же, какъ бы искушая его, сказалъ:

— А развѣ ты не дорожишь почестями своего воинскаго званія?

Неархъ отвѣтилъ:

— Мнѣ кажется, Поліевктъ, что ты еще не представляешь себѣ истинной чести, и славы, и непрестаннаго блаженства, которое Господь Христосъ уготовалъ рабамъ Своимъ.

Поліевктъ на это сказалъ:

— Ты думаешь, что я не имѣю понятія о славѣ, чести и блаженствѣ, которыя приготовлены для насъ у Христа на Небѣ? А я думаю, что я пошелъ далѣе тебя въ этомъ случаѣ, потому что уже получилъ, какъ говорилъ тебѣ, въ видѣніи царскую хламиду. Но вотъ о чемъ я спрошу тебя: можно ли, не принявъ христіанскихъ Таинствъ, приступить ко Христу и быть Его воиномъ?

— Не сомнѣвайся въ этомъ, вѣрный другъ,—отвѣчалъ Неархъ,— мо́жетъ бг҃ъ ѿ ка́менїѧ воздви́гнꙋти ча̑да а̑враа́мꙋ[1]), ибо Онъ не затворяетъ дверей Своего милосердія ни передъ кѣмъ, кто обращается къ Нему, и приходящимъ въ виноградникъ Его позже платитъ то же, что получаютъ и тѣ, кто работалъ цѣлый день[2]). Такъ Онъ отверзъ Рай разбойнику, распятому на крестѣ, и за краткое исповѣданіе вѣры даровалъ такое возмездіе, ради котораго другіе положили много труда.

Услышавъ это, Поліевктъ сказалъ:

— Да будетъ слава Христу, Истинному Богу! Съ этого часа я оставляю міру всю его суету и исповѣдую себя рабомъ Христа, Которому послужу, какъ Онъ мнѣ повелитъ. А теперь пойду и прочитаю царскій указъ, изданный противъ христіанъ и противъ Господа и Бога моего, Іисуса Христа.

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 3, ст. 9.

[2]) Ср. притчу Господню о дѣлателяхъ въ виноградникѣ (Еванг. отъ Матѳ., гл. 20, ст. 1—16).

Съ такими словами Поліевктъ пошелъ на площадь и, прочитавъ царскій указъ, плюнулъ на него и разорвалъ его на части при народѣ. Послѣ этого, увидѣвъ, что въ капище несутъ идоловъ, предъ которыми люди преклонялись, онъ сначала разсмѣялся на это языческое неразуміе, а потомъ, дѣлая видъ, что хочетъ поклониться имъ, началъ хватать этихъ идоловъ одного за другимъ и разбивать ихъ о землю, какъ глиняные сосуды; всего онъ сокрушилъ такимъ образомъ двѣнадцать языческихъ боговъ. Въ это самое время пришелъ сюда тесть Поліевкта, Феликсъ, которому было поручено царями преслѣдовать христіанъ. Увидѣвъ произведенное Поліевктомъ разрушеніе боговъ своихъ, онъ весьма опечалился и со стономъ сказалъ:

— Горе мнѣ! Нынѣ я неожиданно лишился чадъ своихъ, ибо ни боги, ни люди не помилуютъ Поліевкта, который сдѣлалъ такое дѣло.

Поліевктъ же, радуясь разрушенію бездушныхъ идоловъ, сказалъ своему тестю:

— Что смущаешься, отецъ? Нынѣ я ясно показалъ, какъ безсильны ваши боги; если у тебя есть еще такіе, пусть ихъ принесутъ сюда, и ты увидишь, какъ рабы Христовы надругаются надъ ними.

— Всемогущіе цари наши,—отвѣчалъ Феликсъ,—повелѣли немедленно казнить такихъ людей, и ты уже близокъ къ смерти, тебѣ предстоитъ казнь,—иначе и быть не можетъ, потому что царскаго повелѣнія отмѣнить нельзя. Но я даю тебѣ нѣкоторое снисхожденіе: ты можешь пойти домой и проститься съ своею женою и дѣтьми.

— Могу ли я печалиться о женѣ и дѣтяхъ,—возразилъ святый,—когда я пренебрегъ земнымъ и ищу Небеснаго, помышляю о вѣчности? Если дочь твоя захочетъ идти за мною, то она будетъ блаженна; если же—нѣтъ, то погибнетъ съ вашими богами.

Услышавъ это, Феликсъ сталъ плакать о своемъ зятѣ и говорилъ ему:

— Горе мнѣ, любезный сынъ мой Поліевктъ! И тебя прельстила волшебная сила Христова.

Святый Поліевктъ отвѣчалъ на это:

— Не скрываю, что Христосъ призвалъ меня къ познанію Истины. Своею Божественною всесильной десницею Онъ вывелъ

меня изъ тѣни на свѣтъ, отъ смерти въ жизнь, направилъ меня отъ заблужденія на путь правый и удостоилъ меня причисленія къ Своему воинству.

Когда святый сказалъ это, его схватили мучители и стали бить по устамъ, но онъ не обращалъ на это вниманія. Пришла тогда и жена его и стала плакать о немъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ, Феликсомъ. Святый же такъ говорилъ тестю своему:

— О беззаконнѣйшій служитель скверныхъ идоловъ! Зачѣмъ ты своими слезами и слезами дочери своей хочешь прельстить меня къ отпаденію отъ вѣры Христовой? Зачѣмъ ты плачешь о Поліевктѣ, когда тебѣ слѣдуетъ гораздо болѣе плакать о себѣ, именно о томъ, что ты, служа земнымъ царямъ, обрекаешь себя на огонь вѣчный?

Жена же святаго, которой имя было Павлина, съ рыданіями говорила ему:

— Что сдѣлалось съ тобою, возлюбленный мужъ мой Поліевктъ? Что соблазнило тебя сокрушить двѣнадцать боговъ нашихъ?

Святый же сказалъ ей съ улыбкою:

— Если я одинъ побѣдилъ и разбилъ твоихъ двѣнадцать боговъ, то тебѣ не къ кому уже прибѣгнуть за помощью: у тебя не осталось боговъ. Послушай меня, Павлина, и познай Единаго Истиннаго, живущаго на Небесахъ, Бога; поклонись Ему и промѣняй эту жизнь на вѣчную.

Слушая эту бесѣду святаго съ женою, многіе изъ язычниковъ, стоявшіе около нихъ, наслаждались его словами и, познавая истину, умилялись душою и обращались ко Христу. Судьи же городскіе и всѣ совѣтники, собравшись, потребовали къ себѣ на судъ святаго Поліевкта и, то ласками, то угрозами, старались снова обратить его къ служенію идоламъ. Когда же ихъ попытки окончились неудачно, они произнесли святому смертный приговоръ, обрекши его на усѣченіе мечомъ.

Святый шелъ на смерть съ несказанною радостью и говорилъ сопровождавшему его народу, что онъ бесѣдуетъ съ однимъ лучезарнымъ юношей, который его укрѣпляетъ и велитъ забыть все мірское; но юношу того никто, кромѣ мученика, не видѣлъ. Увидѣвъ также среди толпы блаженнаго Неарха, своего друга и отца по вѣрѣ въ Истиннаго Бога, онъ закричалъ ему:

— Прощай, возлюбленный другъ мой, и помни скрѣпленный между нами союзъ любви!

Изрекши эти слова, онъ преклонилъ подъ мечъ свою святую главу и крестился въ своей собственной крови, будучи казненъ за Христа Іисуса [1]).

Святый Поліевктъ былъ первымъ мученикомъ въ Армянскомъ городѣ Мелитинѣ, и его смерть содѣйствовала умноженію Церкви Воинствующей и пополненію Торжествующей въ честь и славу Христа Бога, Который есть Глава той и другой, Коему со Отцемъ и Святымъ Духомъ подобаетъ всякая честь и слава въ безконечные вѣки. Аминь.

Конда́къ мч҃нка, гла́съ д҃.

Сп҃сꙋ прикло́ншꙋ во і҆орда́нѣ главꙋ̀, сокрꙋши́шасѧ ѕмїе́въ главы̀: полѵ̈е́ѵктова же глава̀ ѿсѣ́кшаѧсѧ льсти́ваго посрами̇̀.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО

ФИЛИППА,

митрополита Московскаго

Святый митрополитъ Филиппъ родился [2]) въ царствующемъ городѣ Москвѣ отъ благочестивыхъ и благородныхъ родителей изъ славнаго рода бояръ Колычевыхъ. Отецъ его, по имени Стефанъ, принадлежалъ къ числу ближнихъ бояръ Великаго князя Василія Іоанновича; набожная мать его, по имени Варвара, окончила дни свои инокинею съ именемъ Варсонофіи. За благочестивую жизнь ихъ, во свидѣтельство ихъ добродѣтелей, Богъ благословилъ ихъ добрымъ плодомъ: отъ нихъ родился блаженный Филиппъ, который во Святомъ Крещеніи нареченъ былъ Ѳеодоромъ. Родители воспитывали его во всякомъ благочестіи. Когда онъ немного подросъ, его отдали въ обученіе книжное, въ которомъ онъ преуспѣвалъ съ особеннымъ усердіемъ, чуждаясь въ то же время свойственныхъ дѣтскому возрасту игръ и забавъ. Такимъ образомъ Ѳеодоръ въ скоромъ времени постигъ всю книжную премудрость и навыкъ въ душеполезномъ чтеніи. Родители, видя такое доброе его поведе-

---

1) Это было въ 295 году.

2) 11-го февраля 1507 года.

ніе, радовались о томъ. Спустя нѣкоторое время къ Ѳеодору приставили отроковъ[1]) для обученія его верховой ѣздѣ; но онъ нисколько не прилежалъ тому, предпочитая конской ѣздѣ чтеніе книгъ, въ которыхъ онъ находилъ житія святыхъ и досточудныхъ мужей и чрезъ то поучался совершенствоваться въ добродѣтеляхъ. Потомъ его стали обучать и воинскому искусству; но и это не перемѣнило благочестиваго настроенія его души; онъ избѣгалъ своихъ сверстниковъ и ихъ разсѣянной жизни, такъ что многіе дивились такому его благочестію.

По смерти Великаго князя Василія Іоанновича[2]) скипетръ царства принялъ сынъ его—Великій князь всея Россіи Іоаннъ Васильевичъ[3]). Въ это время Ѳеодоръ, пришедшій уже въ совершенный возрастъ, былъ взятъ ко двору на служеніе царское и успѣлъ заслужить любовь и благоволеніе малолѣтняго князя Іоанна Васильевича. Но Ѳеодоръ недолго служилъ при дворѣ. Когда онъ достигъ тридцатилѣтняго возраста, случилось ему, по особому Божію Промышленію, призрѣвшему на него, войти въ церковь во время совершенія Божественной Литургіи. Здѣсь онъ услышалъ слова Евангелія: никто́же мо́жетъ двѣма̀ господи́нома рабо́тати[4]). Пораженный этими словами, онъ размышлялъ въ себѣ, что эти слова относятся и къ нему, и рѣшился оставить мірскую жизнь. Вспомнивъ о Соловецкомъ монастырѣ[5]), что тамъ добрѣ подвизаются иноки, онъ вознамѣрился удалиться туда. Сотворивъ молитву предъ святынями, со слезами припадая къ чудотворнымъ ра́камъ святыхъ и приложившись къ святымъ мощамъ, Ѳеодоръ пошелъ съ молитвою въ путь, тайно ото всѣхъ, оставивъ царскій дворъ, отечество и родныхъ, взявъ съ собою лишь самую необходимую одежду[6]). Сначала онъ пришелъ въ предѣлы Великаго Новгорода, къ озеру

---

1) *Отроками* назывались въ Древней Руси младшіе члены княжеской дружины, потомъ вообще довѣренные служители при князѣ, опытные, большей частію, и въ военномъ искусствѣ и исполнявшіе разныя порученія своего господина. Были свои отроки и у бояръ.

2) *Василій IV Іоанновичъ*—великій князь Московскій съ 1505 по 1533 годъ.

3) *Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный*—съ 1533 г. Великій князь Московскій, въ 1547 году принялъ титулъ царскій и царствовалъ по 1584 годъ.

4) Еванг. отъ Матѳ., гл. 6, ст. 24.

5) *Соловецкій первоклассный ставропигіальный монастырь* находится на Крайнемъ Сѣверѣ, на Соловецкомъ островѣ Бѣлаго моря, въ 306 верстахъ отъ Архангельска; существуетъ съ XV вѣка и съ самаго перваго времени своего существованія прославился строгою подвижническою жизнію своихъ иноковъ.

6) Это было въ половинѣ 1537 года.

Онегѣ [1]), и тамъ поселился въ селеніи Хижахъ у одного крестьянина. Хозяинъ, видя его добрый нравъ и смиреніе, поручилъ ему пасти своихъ овецъ: такъ Богъ предназначилъ о немъ, чтобы прежде овецъ словесныхъ онъ добрѣ упасъ безсловесныхъ. Между тѣмъ родители повсюду разыскивали его по городамъ и, нигдѣ не нашедши, много плакали о немъ. Благочестивый же юноша, проживъ немало дней въ вышеупомянутомъ селеніи, удалился оттуда на Соловецкій островъ и былъ принятъ игуменомъ Соловецкой обители, который повелѣлъ ему трудиться на монастырскихъ службахъ. Онъ же, оградившись страхомъ Божіимъ, съ усердіемъ и смиреніемъ, въ простотѣ сердца, исполнялъ все, что ему повелѣвали дѣлать. Онъ рубилъ дрова, копалъ въ огородѣ землю, переносилъ камни, иногда на плечахъ своихъ выносилъ помои и исполнялъ другія, еще болѣе тяжелыя работы. Много разъ отъ нѣкоторыхъ изъ иноковъ ему приходилось принимать оскорбленія и даже побои, но онъ никогда не гнѣвался и съ радостію и смиренномудріемъ переносилъ все, и никто не зналъ, кто онъ и откуда. Такъ искусившись въ терпѣніи, Ѳеодоръ просилъ игумена постричь его въ иночество. Онъ былъ постриженъ въ иночество съ именемъ Филиппа. Его отдали въ послушаніе одному опытному иноку, по имени Іонѣ, коимъ онъ и былъ наставленъ на всякую добродѣтель. Потомъ игуменъ послалъ его на поварню, и тамъ онъ смиренно работалъ на братію, разжигая огонь и рубя дрова. Пробывъ довольное время въ той службѣ, Филиппъ перешелъ оттуда въ монастырскую кузницу, гдѣ нелѣностно трудился, нося дрова и воду. И всѣми работавшими на кузницѣ онъ былъ похваляемъ за свои труды. Тогда, избѣгая славы, онъ удалился изъ монастыря въ пустыню и тамъ, вперивъ умъ свой къ Богу, непрестанно упражнялся въ однѣхъ только молитвахъ. Такъ долго подвизался святый Филиппъ въ пустынѣ, въ лѣсахъ Соловецкихъ, и потомъ снова возвратился въ обитель къ прежнимъ своимъ трудамъ. Игуменъ Алексій, видя его столь усовершившимся въ иноческихъ подвигахъ и украшеннымъ глубокимъ смиреніемъ, весьма утѣшался имъ и держалъ его при себѣ своимъ помощникомъ, поручивъ ему надзоръ за начальными послушниками. Филиппъ все это исполнялъ съ ревностію и въ этихъ трудахъ провелъ девять лѣтъ, вспомоществуемый молитвами и благословеніемъ своего игумена. Потомъ

[1]) Онежское озеро находится на сѣверѣ Россіи, въ Олонецкой губерніи; послѣ Ладожскаго первое по величинѣ озеро въ Европѣ.

игуменъ Алексій, отказавшись по старческой немощи отъ управленія обителью, совѣтомъ братіи поставилъ святаго Филиппа на игуменство[1]). Но хотя святый и принялъ начальствованіе, однако нисколько не измѣнилъ своего прежняго житія. Напротивъ, онъ еще болѣе усилилъ свои подвиги и предался еще большимъ трудамъ тѣлеснымъ, а когда видѣлъ себя хвалимымъ и почитаемымъ за это, считалъ то тщетнымъ, ибо отъ юности былъ украшенъ смиреніемъ. Посему онъ оставилъ игуменство и снова удалился въ пустыню, приходя въ монастырь только для причащенія честнáго Тѣла и Крови Христа Бога нашего. Управлять монастыремъ сталъ прежній игуменъ Алексій, который черезъ полтора года послѣ того скончался. Тогда, по просьбѣ братіи, святый Филиппъ снова принялъ игуменство. Онъ предался еще бóльшимъ подвигамъ и достигъ еще высшаго совершенства въ добродѣтеляхъ. Обитель же Соловецкая во время его управленія процвѣтала и благоукрашалась[2]).

Между тѣмъ слава о святомъ Филиппѣ дошла до благовѣрнаго царя и князя Іоанна Васильевича. Въ то время Митрополитъ всея Россіи Аѳанасій оставилъ престолъ[3]). Царь пожелалъ, чтобы на престолъ Россійской митрополіи возведенъ былъ святый Филиппъ,— и вотъ онъ вызываетъ святаго въ Москву для «духовнаго совѣта»[4]). Православный народъ тогда пребывалъ сначала въ мирѣ и любви; врагъ же (діаволъ), видя это и искони ненавидя Истину, воздвигъ многомятежную бурю, возбудивъ вмѣсто любви въ православныхъ христіанахъ ненависть другъ къ другу. При дворѣ среди бояръ

---

[1]) Это было въ 1548 году.

[2]) Въ продолженіе своего осьмнадцатилѣтняго управленія Соловецкой обителью святый Филиппъ совершенно обновилъ ее: соорудилъ въ ней двѣ каменныя церкви— Успенія Пресвятой Богородицы и Преображенія Господня, завелъ колокола вмѣсто билъ и клепалъ (металлическихъ досокъ, употреблявшихся для созыванія братіи на Богослуженія), воздвигъ для братіи двухъ- и трехъэтажныя келліи и больницу; умножилъ и улучшилъ соляныя варницы — главный источникъ содержанія обители; устроилъ водяныя мельницы; завелъ скотный дворъ и оленей; соединилъ озера каналами и осушилъ болота; сдѣлалъ просѣки въ лѣсахъ и проложилъ дороги. Въ санѣ игумена Филиппъ сдѣлался снова извѣстнымъ Великому князю Іоанну Васильевичу и заслужилъ его расположеніе. Царь пожаловалъ ему грамоты на разныя волости, села и другія владѣнія, подарилъ ему богатыя ризы, шитыя жемчугомъ, и два покрова на раки угодниковъ Соловецкихъ— Зосимы и Савватія, а впослѣдствіи прислалъ тысячу рублей на построеніе Преображенскаго храма, два колокола, два золотыхъ креста съ драгоцѣнными камнями и жемчугомъ и новыя жалованныя грамоты для подтвержденія разныхъ льготъ обители.

[3]) *Аѳанасій*—митрополитъ Московскій и всея Россіи, занималъ митрополичью каѳедру съ 1564 по 1566 г.

[4]) Это значило, что Филиппъ будетъ облеченъ саномъ первосвятительскимъ, что таковы желаніе и воля царя.

Ст҃и́тель
Фі̏лі́ппъ

начались свары, ожесточенная вражда и всякаго рода злоумышленія другъ на друга. Своимъ коварствомъ и междоусобіями они въ самомъ царѣ возбудили сильнѣйшій гнѣвъ и ярость. Отъ тѣхъ злыхъ навѣтовъ боярскихъ онъ началъ бояться даже своихъ вѣрныхъ слугъ, ближнихъ родственниковъ и друзей и былъ въ неукротимомъ гнѣвѣ на бояръ, видя въ нихъ своихъ враговъ и крамольниковъ. И вотъ, онъ раздѣлилъ государство на двѣ части, устроивъ себѣ особыхъ тѣлохранителей, подъ именемъ опричниковъ, которые состояли при особѣ царя и составили особое управленіе [1]). Опричники злоупотребляли данною имъ властью, угнетали народъ, отнимали имущества, сопровождая свои разбои убійствами и пытками. Царь же вѣрилъ въ ихъ вѣрность и преданность, и потому управы на нихъ нельзя было найти. Въ это время царь и вызвалъ изъ Соловецкой обители Филиппа. Съ честію принявъ его, царь объявилъ ему о своемъ желаніи видѣть его на митрополичьемъ престолѣ. Филиппъ, по своему смиренію, отказывался отъ этого высокаго сана, но потомъ долженъ былъ уступить непреклонному желанію царя и былъ возведенъ на митрополичью каѳедру [2]). Въ первое время все

[1]) *Опричники* были избраны изъ князей, дворянъ и дѣтей боярскихъ; они имѣли свои помѣстья въ отведенныхъ подъ опричнину особыхъ волостяхъ; на содержаніе ихъ были назначены даже особые города; опричники имѣли свои права и преимущества. Другая часть Россіи получила наименованіе *земщины* и отдана въ завѣдываніе земскихъ бояръ для управленія общими дѣлами государства и народа.

[2]) Отказываясь принять высокій святительскій санъ, Филиппъ говорилъ: «Не могу принять на себя дѣло, превышающее силы мои, отпусти меня, Господа ради, зачѣмъ малой ладьѣ поручать тяжесть великую?» Когда же царь продолжалъ настаивать, Филиппъ объявилъ, что исполнитъ волю царя, но съ тѣмъ, чтобы уничтожена была опричнина, отъ которой страдаетъ Русская земля. Іоаннъ отвѣчалъ, что опричнина нужна для царя и царства, такъ какъ противъ него злоумышляютъ. Святаго Филиппа уговорили не вступаться въ дѣла двора и опричнины и не удаляться съ митрополіи за то, что царь не уничтожилъ опричнины, но совѣтываться съ царемъ, какъ совѣтывались прежніе митро-

было покойно; царь уважалъ святителя и благоволилъ къ нему. Но потомъ, когда звѣрства опричниковъ достигли крайняго предѣла, то блаженный Филиппъ сталъ умолять царя прекратить неистовства опричниковъ и обличалъ самого царя за его казни. Тогда царь пришелъ въ сильный гнѣвъ на святаго, угрожая ему муками и ссылкою. Онъ же, оставаясь непоколебимъ, какъ адамантъ, пренебрегалъ царскими угрозами и не переставалъ высказывать истину[1]). Къ прискорбію, нашлись и между духовными лицами предатели, старавшіеся только объ угожденіи царю. Пименъ, архіепископъ Новгородскій, и нѣкоторые другіе съ нимъ[2]) вмѣстѣ съ царскими совѣтниками Малютою Скуратовымъ[3]) и Василіемъ Грязнымъ[4]) съ ихъ единомышленниками, измышляя противъ святаго различныя козни, старались низвергнуть его съ престола и уговаривали царя своего намѣренія не оставлять. Царь же не хотѣлъ просто низвергнуть Филиппа съ митрополичьяго престола. Въ непродолжительномъ послѣ того времени по доносу лживыхъ свидѣтелей онъ послалъ въ Соловки Суздальскаго епископа Пафнутія и князя Василія Темкина разслѣдовать, какова была прежняя жизнь Филиппа. Достигнувъ Соловецкаго монастыря, посланные стали стараться дѣйствовать такъ, чтобы угодить царю. Однихъ изъ иноковъ ласками и мздоимствомъ, другихъ—обѣщаніемъ высшихъ духовныхъ почестей, третьихъ—угрозами убѣдили они сдѣлать нареканіе на святаго. Честнымъ же старцамъ, которые говорили о Филиппѣ правду, нанесли тяжкіе побои, повелѣвая имъ говорить о святителѣ непристойное. Они же, исполненные благочестія, всѣ сіи

политы. Такимъ образомъ, святый Филиппъ оставилъ за своею совѣстію свободу и долгъ печаловаться за невинно гонимыхъ и говорить о правдѣ евангельской, что издавна было преимуществомъ русскихъ святителей.

[1]) Вражду противъ святаго Филиппа съ особенною ревностію возбуждали въ царѣ опричники, клеветавшіе на святителя и поддерживавшіе царя въ увѣренности, что митрополитъ держитъ сторону ненавистныхъ ему бояръ и служитъ ихъ орудіемъ. Когда же неистовства опричниковъ стали усиливаться и царь нимало не исправлялся и совершалъ злодѣйства и жестокія казни, святитель, испытавъ недостаточность тайныхъ вразумленій царю, выступилъ съ открытыми, всенародными обличеніями противъ него и опричниковъ.

[2]) Таковыми были *Пафнутій*, епископъ Суздальскій, *Филоѳей*, епископъ Рязанскій, и, особенно, протоіерей Благовѣщенскаго собора *Евстаѳій*, царскій духовникъ, котораго Филиппъ подвергъ запрещенію за какіе-то проступки и который непрестанно доносилъ царю, тайно и явно, хульныя рѣчи на митрополита.

[3]) *Малюта Скуратовъ-Бѣльскій*—думный дворянинъ, любимый опричникъ царя Іоанна IV Грознаго, отличавшійся своею жестокостью и участвовавшій почти во всѣхъ злодѣяніяхъ Грознаго. Память о Малютѣ Скуратовѣ и его злодѣяніяхъ сохранилась въ народныхъ пѣсняхъ, и даже самое имя его стало нарицательнымъ названіемъ злодѣя.

[4]) *Василій Грязной*—любимый и довѣренный опричникъ царя Іоанна IV Грознаго.

оскорбленія принимали съ радостью и едиными устами продолжали говорить истину о Филиппѣ — что житіе его въ обители было непорочно, по Богѣ. Но царскіе посланцы не хотѣли о томъ и слушать и, сдѣлавъ, что имъ было нужно, возвратились въ Москву. При этомъ они взяли съ собою игумена Соловецкаго Паисія, которому обѣщали епископскій санъ, и другихъ клеветниковъ, лжесвидѣтельствовавшихъ на святаго Филиппа. Немедленно былъ созванъ Соборъ для суда надъ святителемъ. Прибывшіе изъ Соловокъ клеветники представили царю свитки, въ которыхъ были написаны ихъ лжесвидѣтельства. Царь, услышавъ о письменныхъ свидѣтельствахъ противъ Филиппа, угодныхъ ему, повелѣлъ во всеуслышаніе прочесть ихъ, послѣ чего лжесвидѣтели начали словесно клеветать на святителя. Святитель не оправдывался и сталъ снимать всѣ знаки своего сана[1]), но царь велѣлъ ждать судебнаго приговора. На другой день, когда святый митрополитъ Филиппъ священнодѣйствовалъ въ Успенскомъ соборѣ[2]), царь послалъ туда боярина своего Алексѣя Басманова съ большимъ числомъ опричниковъ. Вошедши въ соборъ, Басмановъ приказалъ въ слухъ всего народа прочитать судебный приговоръ о низложеніи митрополита. Потомъ опричники бросились на святаго, какъ дикіе звѣри, совлекли съ него святительское облаченіе, одѣли его въ простую, разодранную монашескую одежду, съ позоромъ выгнали изъ церкви и, посадивъ на дровни, повезли въ Богоявленскій монастырь, осыпая бранью и побоями[3]). Потомъ, по волѣ царя, Филиппъ былъ сосланъ въ Тверской Отрочь монастырь[4]), причемъ святый много

---

[1]) На наглыя клеветы Паисія первосвятитель только кротко замѣтилъ ему: «Чадо, что сѣешь, то и пожнешь». Затѣмъ, обратившись къ царю и всему Собору, онъ объявилъ, что вовсе не боится смерти и предпочитаетъ умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія настоящаго времени, послѣ чего сталъ снимать съ себя бѣлый клобукъ и мантію.

[2]) Это было 8-го ноября 1568-го года.

[3]) Здѣсь св. митрополитъ Филиппъ цѣлую недѣлю просидѣлъ въ смрадной темницѣ, отягченный тяжелыми оковами и томимый голодомъ. Потомъ онъ былъ перевезенъ въ монастырь св. чудотворца Николая, такъ называемый Старый. Не довольствуясь тѣмъ, что терпѣлъ святый Филиппъ, царь подвергъ пыткамъ и казнямъ служившихъ ему дѣтей боярскихъ; изъ родственниковъ его Колычевыхъ умерщвлены одинъ за другимъ десять человѣкъ. Голову одного изъ нихъ, Ивана Колычева, особенно любимаго святителемъ, царь прислалъ послѣднему въ темницу. Святитель поклонился предъ нею до земли, благословилъ ее, съ любовію облобызалъ и отдалъ принесшему.

[4]) *Отрочь Успенскій второклассный монастырь* находится въ Твери, основанъ до XIII вѣка. Мѣсто заключенія и мученической кончины святителя представляетъ собою сырой мрачный подвалъ, гдѣ всегда господствуетъ сырость, мракъ и затхлость. Когда въ XVII вѣкѣ хотѣли устроить въ память страстотерпца-святителя престолъ, то устроили

зла претерпѣлъ отъ приставниковъ. Прошло около года, какъ святый находился въ заточеніи, удручаемый отъ приставниковъ различнаго рода скорбями. Въ это время царь, путешествуя въ Новгородъ [1]) и приближаясь къ Твери, вспомнилъ о святомъ Филиппѣ и послалъ къ нему вышеупомянутаго Малюту Скуратова. Послѣдній внезапно вошелъ въ келлію святаго. Между тѣмъ святитель еще за три дня до этого говорилъ бывшимъ при немъ: «Вотъ, приблизился конецъ моего подвига»,—и причастился Честныхъ и Животворящихъ Таинъ Христа Бога нашего. Вошедши въ келлію святаго Филиппа, Малюта Скуратовъ съ притворнымъ благоговѣніемъ припалъ къ ногамъ святаго и сказалъ:

— Владыко святый, дай благословеніе царю идти въ великій Новгородъ.

Но святый отвѣчалъ Малютѣ:

— Дѣлай, что хочешь, но дара Божія не получаютъ обманомъ.

Тогда безсердечный злодѣй задушилъ праведника подушкою [2]). Между тѣмъ враговъ святаго Филиппа, возставшихъ на него, въ скоромъ времени постигло наказаніе Божіе. Царь, сознавъ свою несправедливость противъ святаго мужа и лукавство его враговъ, повелѣлъ разослать ихъ въ заточеніе по различнымъ монастырямъ, а иныхъ предалъ смерти [3]).

По смерти царя Іоанна Васильевича престолъ русскаго царства занялъ сынъ его, благочестивый царь и великій князь Ѳео-

---

его во второмъ этажѣ, и только въ 1833—34 гг. нашли возможнымъ устроить и внизу придѣльный храмъ во имя св. великомученицы Варвары; алтарь этого придѣльнаго храма находится тамъ, гдѣ подъ поломъ было мѣсто заключенія святителя. Близъ соборнаго храма въ сѣверо-западномъ углу на мѣстѣ могилы святаго Филиппа устроена часовня. Въ соборномъ храмѣ находится рака святителя Филиппа съ изображеніемъ его и частицею св. мощей.

[1]) Это былъ скорѣе опустошительный набѣгъ Грознаго на Новгородъ, о жителяхъ котораго было донесено царю, что они готовы передаться польскому королю. Въ продолженіе шести недѣль царь совершалъ въ Новгородѣ страшныя казни, отъ которыхъ погибло нѣсколько тысячъ новгородцевъ и окрестныхъ поселянъ; ограблены были не только жилища гражданъ, особенно богатыхъ, но и всѣ монастыри и церкви.

[2]) Это было 23-го декабря 1569-го года.

[3]) Архіепископъ Новгородскій Пименъ сведенъ былъ съ каѳедры спустя только двѣ недѣли послѣ кончины святаго Филиппа и подвергся крайнему надруганію, послѣ чего заточенъ былъ въ Веневскій монастырь, гдѣ вскорѣ и скончался. Любимецъ царскій Малюта Скуратовъ вскорѣ послѣ своего злодѣйства былъ убитъ при городѣ Торжкѣ плѣнными крымцами, причемъ самъ царь едва избѣжалъ смерти. Игуменъ Пансій заточенъ былъ на островъ Валаамскій и тамъ скончался; монахъ Зосима и еще десять иноковъ, тоже клеветавшихъ на святаго Филиппа, были разосланы по разнымъ монастырямъ. Такая же кара Божія постигла нѣкоторыхъ другихъ враговъ святителя.

доръ Іоанновичъ[1]). Въ седьмой годъ его царствованія, въ 21-мъ году по преставленіи святаго Филиппа, игуменъ Соловецкаго монастыря Іаковъ и братія обратились съ моленіемъ къ благочестивому царю, чтобы онъ повелѣлъ перенести тѣло святаго изъ Отроча монастыря въ Соловецкій. Царь далъ имъ на сіе разрѣшеніе, и они нашли тѣло святаго цѣлымъ и неповрежденнымъ, такъ что тлѣніе не коснулось даже его одеждъ, а отъ мощей святаго истекло мѵро и наполнило воздухъ благовоніемъ. Съ честію перенесли иноки тѣло святаго Филиппа въ свой монастырь и погребли на томъ самомъ мѣстѣ, которое самъ онъ для сего приготовилъ[2]). Въ царствованіе благочестивѣйшаго царя Алексія Михайловича[3]) нетлѣнныя мощи святаго митрополита Филиппа съ честію были перевезены митрополитомъ Новгородскимъ Никономъ[4]) изъ Соловецкаго монастыря въ первопрестольную Москву и положены въ новой ракѣ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ и почиваютъ открыто донынѣ[5]).

Богу нашему слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Тропа́рь ст҃а́гѡ, гла́съ и҃:

Первопресто́льникѡвъ прее́мниче, сто́лпе правосла́вїѧ, и҆́стины побо́рниче, но́вый и҆сповѣ́дниче, ст҃и́телю фїлі́ппе, положи́вый дꙋ́шꙋ за па́ствꙋ твою̀: тѣ́мже, ꙗ҆́кѡ и҆мѣ́ѧ дерзнове́нїе ко хрⷭ҇тꙋ̀, молѝ за гра́дъ же и҆ лю́ди, чтꙋ́щыѧ досто́йнѡ ст҃ꙋ́ю па́мѧть твою̀.

Конда́къ, гла́съ г҃:

Правосла́вїѧ наста́вника, и҆ и҆́стины провозвѣ́стника, златоꙋ́стагѡ ревни́телѧ, рѡссі́йскаго свѣти́льника, фїлі́ппа премꙋ́драго восхва́лимъ, пи́щею слове́съ свои́хъ разꙋ́мнѡ ча̑да своѧ̑ пита́юща. то́й бо ѧ҆зы́комъ хвале́нїѧ поѧ́ше, оу҆стиа́ма же пѣ́нїе вѣща́ше, ꙗ҆́кѡ таи́нникъ бж҃їѧ бл҃года́ти.

---

[1]) *Θеодоръ Іоанновичъ* царствовалъ съ 1584 по 1598 г.

[2]) Это было въ 1591-мъ году. Тѣло святаго Филиппа сначала было поставлено подъ папертью созданнаго имъ храма, гдѣ, въ бытность свою игуменомъ Соловецкимъ, онъ самъ выкопалъ себѣ могилу рядомъ съ могилою наставника своего старца Іоны, а въ 1646-мъ году оно было перенесено въ самый храмъ.

[3]) *Царь Алексій Михайловичъ* царствовалъ въ 1645—1676 гг.

[4]) Впослѣдствіи знаменитый Патріархъ Всероссійскій, исправитель богослужебныхъ книгъ и обрядовъ.

[5]) Перенесеніе мощей св. митрополита Филиппа было совершено въ 1652-мъ году. Память перенесенія установлено праздновать 3-го іюля. Кромѣ того, память святаго Филиппа празднуется еще 5-го октября совмѣстно съ памятью святителей Московскихъ: Петра, Алексія и Іоны.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ЕВСТРАТІЯ

Преподобный Евстратій родился въ Тарсійской области [1]) отъ богатыхъ и благочестивыхъ родителей, Георгія и Мегеѳы. Будучи воспитанъ ими въ добрыхъ нравахъ, онъ, по достиженіи двадцатаго года отъ рожденія, распалился желаніемъ послужить Богу и, оставивъ родителей, бѣжалъ къ горѣ Олимпъ [2]), въ Авгаровскую обитель, гдѣ уже прославились своею добродѣтельною жизнію въ иноческомъ образѣ два дяди матери его — Григорій и Василій, изъ которыхъ первый былъ игуменомъ той обители. Будучи принятъ ими и остригши свои волосы, Евстратій сталъ проходить трудное иноческое житіе и былъ любимъ всѣми за свое смиреніе и кротость. Онъ вовсе не заботился о мірскомъ— ничего не имѣлъ, кромѣ одной власяницы и овчины, на которой спалъ. Онъ даже не имѣлъ своей келліи и особаго мѣста, которое бы могъ назвать своимъ, почему обыкновенно спалъ тамъ, гдѣ приходилось, да и то понемногу. Отцы говорили о немъ, что во время сна онъ съ самаго дня своего постриженія не протягивался во всю длину тѣла, а также никогда, въ теченіе цѣлыхъ семидесяти пяти лѣтъ своей подвижнической жизни, онъ не ложился на лѣвую сторону тѣла. Когда онъ подвизался такъ въ обители, вышеупомянутые преподобные отцы—Григорій и Василій—скончались, и блаженному Евстратію по особымъ настоятельнымъ просьбамъ братіи пришлось взять на себя управленіе монастыремъ. Но вотъ, царскимъ скипетромъ беззаконно завладѣлъ человѣкъ, носившій имя звѣря, Левъ Армянинъ [3]), возставшій противъ царя Михаила и изгнавшій его изъ царства. Такъ какъ онъ старался снова возстановить угасшее было иконоборчество, то всѣ право-

1) Подъ *Тарсійскою областію* здѣсь разумѣется *Киликія*—юго-восточная провинція Малой Азіи. Названіе Тарсійской дано ей отъ главнаго города области—Тарса, находившагося въ южной части ея, въ плодоносной равнинѣ, при р. Киднѣ, недалеко отъ города впадающей въ Средиземное море. Это былъ большой и населенный торговый городъ, сохранившій свое торговое значеніе и до настоящаго времени.

2) *Олимпъ* находился въ Виѳиніи, сѣверо-западной провинціи Малой Азіи. На этой горѣ находилось немало различныхъ обителей.

3) Византійскій императоръ *Левъ V Армянинъ*, иконоборецъ, царствовалъ съ 813 по 820 годъ.

Прп҃бный
є҆встра́тїй

славные оставляли свои дома и обители, скрываясь отъ преслѣдованія царя; по совѣту преподобнаго Іоанникія Великаго[1]) оставилъ свою обитель и блаженный Евстратій и скитался въ горахъ и пустыняхъ, пока нечестивый царь не былъ убитъ. Когда же, послѣ его погибели, святая Церковь снова украсилась иконами и стала совершать имъ поклоненіе, тогда вмѣстѣ съ другими отцами, возвратившимися въ свои обители, возвратился въ Авгаровскій монастырь и блаженный Евстратій и сталъ по-прежнему нелѣностно подвизаться и трудиться въ монастырскихъ работахъ вмѣстѣ съ братіей. Молитва не сходила съ устъ его, и даже во время Богослуженія, находясь во святомъ алтарѣ, онъ непрестанно повторялъ про себя: «Господи, помилуй!»

Совершилъ онъ также и много чудесъ, которыя несомнѣнно свидѣтельствовали о богоугодности его жизни. А когда ему пришло время отойти отъ этого міра, то онъ, созвавши братію, сказалъ ей:

— Время моего отшествія наступило; поэтому умоляю васъ, чада мои любимыя, сохранять тѣ преданія, какія вы приняли, зная, что всѣ блага этой жизни скоропреходящи; они—временны, тогда какъ блага жизни будущей—вѣчны. Старайтесь и вы войти въ число спасающихся.

Сказавъ это, онъ помолился и, осѣнивъ ихъ крестнымъ знаменіемъ и возведя очи къ Небу, произнесъ:

— Въ руцѣ Твои, Господи, предаю духъ мой!

Съ этими словами онъ почилъ сномъ покоя о Господѣ. Проживъ всего девяносто пять лѣтъ, онъ перешелъ въ вѣчную жизнь и причтенъ былъ къ лику преподобныхъ.

---

[1]) *Іоанникій Великій*, знаменитый подвижникъ Олимпа Виѳинскаго, былъ ученикомъ преподобнаго Евстратія. Память его совершается 4-го ноября.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО ПРОРОКА

САМЕЯ

Святый пророкъ Божій Самей родился въ Силомѣ[1]) въ царствованіе Соломона[2]). При сынѣ и преемникѣ послѣдняго Ровоамѣ[3]) царство Еврейское раздѣлилось, причемъ колѣна Іудино и Веніаминово остались вѣрными Ровоаму, а прочія десять колѣнъ признали царемъ Іеровоама, сына Наватова. Тогда Ровоамъ собралъ многочисленное войско, намѣреваясь силой возвратить подъ свою власть отторгнутыя Іеровоамомъ колѣна Израилевы. И было откровеніе отъ Господа Самею, человѣку Божію:

— Скажи Ровоаму, сыну Соломонову, царю Іудейскому, и всему дому Іудину и Веніаминову, и прочему народу. Такъ говоритъ Господь: не ходите и не начинайте войны съ братьями вашими, сынами Израилевыми; возвратитесь каждый въ домъ свой, ибо отъ Меня это было.

Царь и народъ повиновались повелѣнію Господню, и братоубійственная война была предотвращена[4]).

На пятомъ году царствованія Ровоама за то, что онъ отступилъ отъ Господа, царство Іудейское подверглось нашествію Сусакима[5]), царя египетскаго; многочисленное войско фараона взяло всѣ іудейскія крѣпости и подступило къ Іерусалиму. Тогда пророкъ Самей пришелъ къ Ровоаму и князьямъ Іудеи, спасавшимся отъ непріятеля въ стѣнахъ столицы, и объявилъ имъ:

— Такъ говоритъ Господь: вы оставили Меня, за то и Я оставляю васъ въ руки Сусакима.

Услышавъ это, царь и вожди Іудейскаго народа смирились и сказали:

— Праведенъ Господь!

Послѣ того Самею, человѣку Божію, было новое откровеніе, ибо Господь сказалъ ему:

— Они смирились; не истреблю ихъ и вскорѣ дамъ имъ избавленіе, и не прольется гнѣвъ Мой на Іерусалимъ рукою Суса-

1) *Силомъ*—городъ въ землѣ колѣна Ефремова, въ Палестинѣ; здѣсь стояла скинія свидѣнія, устроенная Моисеемъ.

2) Съ 1020 по 980 г. до Рожд. Христова.

3) Съ 980 по 963 г. до Р. Хр.

4) 3 Кн. Царствъ, гл. 12, ст. 21—24. 2 Кн. Паралип. гл. 11, ст. 1—4.

5) *Сусакимъ*, по египетскимъ лѣтописямъ—*Шешонкъ*, былъ первымъ фараономъ XXII династіи Бубастидовъ.

кима; однако же они будутъ слугами его, чтобы знали, каково служить Мнѣ и служить царствамъ земнымъ.

Пророческое слово исполнилось. Сусакимъ разорилъ Іерусалимъ и ушелъ въ Египетъ, а Ровоамъ царствовалъ еще двѣнадцать лѣтъ, и отвратился отъ него гнѣвъ Господень [1]). Святымъ пророкомъ Самеемъ ведены были и записи о царствованіи Ровоама.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО

ПЕТРА,

епископа Севастійскаго

Святый Петръ былъ братомъ Василія Великаго, десятымъ и послѣднимъ сыномъ родителей его. Въ воспитаніи святаго Петра большое участіе приняла старшая сестра его, Макрина [2]). Она дала ему самое возвышенное образованіе, съ младенчества упражняя его умъ изученіемъ Слова Божія. Благодаря заботамъ Макрины юноша достигъ такой высоты добродѣтели, что, по выраженію брата его, Григорія Нисскаго, «въ послѣдующей жизни своей былъ, кажется, не меньше Василія Великаго по превосходству добродѣтелей». Когда Петръ пришелъ въ возрастъ, то Василій, сдѣлавшись епископомъ Кесаріи Каппадокійской [3]), посвятилъ его въ пресвитера. Впослѣдствіи святый Петръ былъ поставленъ въ епископа Севастіи Армянской [4]). Въ санѣ епископа онъ присутствовалъ на II-омъ Вселенскомъ Соборѣ противъ Македонія [5]), бывшемъ въ Константинополѣ въ 381 году. Скончался въ концѣ IV-го вѣка.

---

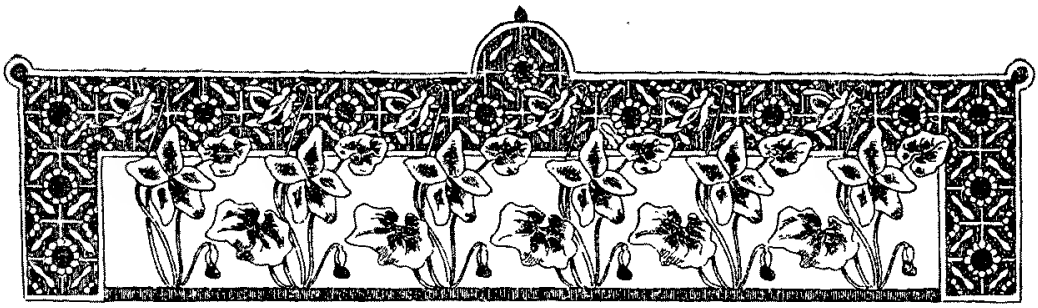
1) 2 Кн. Паралип., гл. 12.

2) О *св. Макринѣ* см. на стр. 15, прим. 3.

3) О *Кесаріи Каппадокійской* см. на стр. 15, прим. 1.

4) *Севастія Армянская* находилась на сѣверо-востокѣ Малой Азіи.

5) *Македоній* былъ Патріархомъ Константинопольскимъ съ 341 по 360 г. съ перерывами. Онъ былъ основателемъ ереси, неправильно учившей о Святомъ Духѣ. Духа Святаго онъ не признавалъ Богомъ, а считалъ Его тварнымъ существомъ, не имѣющимъ участія въ Божествѣ и славѣ Отца и Сына. II-й Вселенскій Соборъ, въ 381 г., осудилъ эту ересь и утвердилъ православное ученіе о Святомъ Духѣ какъ Истинномъ Богѣ. Сверхъ того, на этомъ Соборѣ былъ пересмотрѣнъ Никейскій Символъ вѣры. Прибавивъ къ нему пять новыхъ членовъ (8—12), гдѣ предложено ученіе о Святомъ Духѣ, о Церкви и Таинствахъ, о вѣрѣ въ воскресеніе мертвыхъ и жизнь будущаго вѣка,—Соборъ придалъ ему тотъ видъ, въ какомъ онъ сохранился до настоящаго времени.



День десятый

ЖИТІЕ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ГРИГОРІЯ,

епископа Нисскаго

Святый Григорій Нисскій былъ братомъ по плоти святаго Василія Великаго, котораго онъ былъ значительно моложе[1]). Дѣтскимъ воспитаніемъ его занималась та же благочестивая бабка его Макрина, которая учила и святаго Василія[2]), а первоначальныя наставленія въ грамматикѣ и риторикѣ получилъ онъ отъ своего отца. Дальнѣйшіе уроки, съ 12-го года своей жизни, когда умеръ отецъ его, онъ слушалъ у кесарійскихъ наставниковъ краснорѣчія. Знанія, пріобрѣтенныя Григоріемъ въ языческой школѣ Кесаріи[3]), были потомъ восполнены самостоятельными научными занятіями и уроками святаго Василія Великаго, которымъ Григорій, по его словамъ, былъ очень многимъ обязанъ. При своихъ природныхъ дарованіяхъ и прилежаніи въ изученіи наукъ святый Григорій

---

1) Это видно уже изъ того, что святый Григорій Нисскій называетъ Василія Великаго своимъ учителемъ и отцомъ. Что касается года рожденія святаго Григорія, то онъ неизвѣстенъ.

2) См. о семъ, равно какъ о родителяхъ святаго Григорія Нисскаго, въ житіи св. Василія Великаго подъ 1-мъ января.

3) О *Кесаріи Каппадокійской* см. на стр. 15, прим. 1.

съ успѣхомъ изучилъ риторику[1]) и философію[2]) и готовилъ себя къ званію свѣтскаго оратора. Но Богъ судилъ иначе, и въ самой душѣ Григорія, болѣе склоннаго въ то время къ свѣтскимъ занятіямъ и къ изученію свѣтскихъ наукъ, вскорѣ произошла перемѣна. Однажды въ имѣніи его матери предположено было совершить празднество въ честь перенесенія мощей сорока мучениковъ. Позванъ былъ на это семейное торжество и Григорій, обучавшійся тогда въ Кесаріи. Недовольный тѣмъ, что онъ оторванъ отъ своихъ занятій и что празднество не было отложено до другаго, болѣе благопріятнаго, времени, Григорій равнодушно, безъ вниманія, слушалъ пѣснопѣнія Богослуженія, происходившаго въ саду и длившагося всю ночь, и, наконецъ, удалившись въ одну изъ бесѣдокъ, легъ спать. И вотъ во снѣ онъ видитъ, что хочетъ войти въ садъ, но какіе-то свѣтоносные воины не пропускаютъ его, и только благодаря заступничеству одного изъ нихъ ему удается избѣжать наказанія. Это устрашающее сновидѣніе произвело на Григорія сильное впечатлѣніе, и онъ, оставивъ мірскія занятія и науки, обратился къ чтенію священныхъ и душеспасительныхъ книгъ, а потомъ вскорѣ принялъ на себя обязанности анагноста, состоявшія въ чтеніи Священнаго Писанія въ богослужебныхъ собраніяхъ. Однако такая настроенность сначала ненадолго укоренилась въ душѣ Григорія. По смерти Юліана Отступника[3]), воспретившаго христіанамъ быть

Ст҃ый
ГРИГО́РІЙ

---

[1]) *Риторика*—наука, содержащая въ себѣ правила краснорѣчія.

[2]) *Философія* (въ переводѣ съ греч.—любомудріе) наука мудрости, занимается, на основаніи изысканій человѣческаго разума, высшими, отвлеченными вопросами бытія: о сущности бытія, о Богѣ, о началѣ и законахъ міра и человѣка, о предназначеніи человѣка и конечныхъ цѣляхъ существованія міра и т. д.

[3]) *Юліанъ Отступникъ*—Римскій императоръ, царствовалъ съ 361 по 363 г. Не воздвигая открытаго гоненія на христіанъ, онъ, однако, стремился истребить христіанство и возстановить язычество, для чего принималъ всяческія мѣры.

наставниками риторики и грамматики, Григорій опять обратился было къ любимому занятію, избравъ для себя призваніе преподавателя риторики, что вызвало недовольство со стороны его друзей и строгія обличенія со стороны святаго Григорія Богослова[1]). Впрочемъ, Григорій недолго стремился къ славѣ ритора. Вскорѣ, подъ вліяніемъ членовъ своей аскетически настроенной семьи и друзей, онъ обратился всею душою къ изученію памятниковъ вѣры, оставилъ міръ и удалился въ пустыню, поселившись въ монастырѣ, основанномъ Василіемъ Великимъ на берегу рѣки Ириса[2]). Вскорѣ послѣ того святый Василій, желая имѣть въ Григоріи вѣрнаго помощника для борьбы съ аріанскою ересью, поставилъ его во епископа города Ниссы[3]). Святый Григорій дѣйствовалъ какъ истинный пастырь Христовъ, доблестно управляя Церковью и охраняя ея миръ отъ козней ея враговъ. Благочестивая сестра его Ѳеозва была при немъ діакониссою[4]) и весьма много помогала брату въ дѣлахъ церковныхъ, такъ что впослѣдствіи смерть ея была для него великою потерею.

Въ царствованіе Валента[5]) святый Григорій Нисскій подвергся несправедливымъ гоненіямъ со стороны правителей—аріанъ[6]). Намѣстникъ Понта[7]) Демосѳенъ составилъ въ Анкирѣ[8]) изъ покорныхъ правительству епископовъ Соборъ, на которомъ Григорій былъ ложно обвиненъ въ неправильномъ употребленіи церковнаго имущества и лишенъ каѳедры. По приказанію Демосѳена, святый

---

1) *Святый Григорій Богословъ* (Назіанзинъ)—великій вселенскій учитель, другъ и сподвижникъ св. Василія Великаго. Память его—25-го января.

2) О монастырѣ св. Василія Великаго въ Понтійской пустынѣ, при р. Ирисѣ, см. на стр. 25.

3) Это было въ началѣ 372 года.—*Нисса*—городъ въ сѣверо-западной части Каппадокіи (обширной восточной области Малой Азіи).

4) О *діакониссахъ*, ихъ служеніи и обязанностяхъ см. на стр. 263, прим. 2.

5) *Валентъ*—императоръ восточной половины Римской имперіи, царствовалъ съ 364 по 378-й годъ.

6) Аріанская ересь получила свое названіе отъ александрійскаго пресвитера Арія, учившаго, что Сынъ Божій не рождается предвѣчно отъ Бога Отца, а сотворенъ Имъ изъ небытія во времени, не единосущенъ и не равночестенъ Ему. Эта ересь клонилась къ ниспроверженію всего христіанства.

7) *Понтъ*—сѣверо-восточная область Малой Азіи, на берегу Чернаго моря, отъ котораго и получила свое наименованіе (Понтъ въ переводѣ съ греч. означаетъ собственно море, и Черное море въ древности именовалось Понтомъ Евксинскимъ).

8) *Анкира*—весьма древній цвѣтущій городъ Галатіи (небольшая провинція Малой Азіи, лежащая между Фригіей, Виѳиніей, Понтомъ и Каппадокіей, въ средней части Малой Азіи)—нынѣ *Ангора*; до сихъ поръ остается однимъ изъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ Малой Азіи.—Соборъ въ Анкирѣ противъ святаго Григорія и низложеніе его послѣдовали въ 375 году.

былъ схваченъ и подъ стражей отправленъ въ Анкиру, причемъ дорогою много пострадалъ отъ грубости воиновъ. Потомъ онъ рѣшился бѣжать и, ускользнувъ отъ стражи, скрылся въ безопасное мѣсто. На слѣдующій годъ былъ созванъ новый Соборъ изъ епископовъ Понта и Галатіи въ самой Ниссѣ; святый Григорій не явился на судъ и снова былъ заочно низложенъ. Но, лишенный каѳедры, Григорій не оставался въ бездѣйствіи: онъ переходилъ изъ одного мѣста въ другое, чтобы утверждать Православіе и утѣшать православныхъ. По смерти Валента святый Григорій былъ возвращенъ къ своей каѳедрѣ и съ восторгомъ встрѣченъ своей паствой. Вскорѣ послѣ того онъ огорченъ былъ смертію святаго Василія Великаго[1]), котораго онъ глубоко любилъ и уважалъ какъ своего наставника. Въ годичную память почтилъ онъ его надгробнымъ словомъ и, изъ благодарнаго уваженія къ нему какъ къ своему наставнику, окончилъ его описаніе шести дней творенія, гдѣ недоставало описанія человѣка и гдѣ другіе желали видѣть рѣшенными еще нѣкоторые недоумѣнные вопросы. Въ томъ же году святый Григорій Нисскій принималъ участіе въ Антіохійскомъ Соборѣ[2]). На этомъ Соборѣ опредѣлено было послать опытнаго въ дѣлѣ вѣры мужа для обозрѣнія церквей въ Аравіи и Палестинѣ, гдѣ оскорбляли вѣру ереси антикомаріанъ, не чтившихъ непорочнаго дѣвства Богоматери, и коллиридіанъ, чтившихъ Богоматерь какъ божество. Для утвержденія мира и вѣры избранъ былъ святый Григорій. Передъ отправленіемъ въ это путешествіе онъ посѣтилъ свою старшую сестру, блаженную Макрину[3]). По погребеніи ея онъ съ успѣхомъ окончилъ въ Аравіи данное ему на Антіохійскомъ Соборѣ порученіе; но въ Іерусалимѣ, гдѣ съ благоговѣйною радостію онъ посѣтилъ священныя мѣста, не могъ совершить всего того, что было ему поручено, и со скорбію писалъ, что грѣхи и заблужденія и тамъ находятъ крѣпкую защиту въ сердцахъ людей. Между тѣмъ въ отсутствіе святаго Григорія въ его епархію снова было занесено аріанство, которое ему съ трудомъ удалось побороть по возвращеніи домой. Въ то же время онъ принималъ участіе въ избраніи епископовъ для Иворы и Севастіи[4]) по просьбѣ жителей, опасавшихся, что преемниками почив-

[1]) Въ 379-мъ году.

[2]) Антіохійскій соборъ былъ въ 379-мъ году.

[3]) Плодомъ бесѣды святаго съ его умирающей праведной сестрой было впослѣдствіи сочиненіе Григорія «О душѣ и воскресеніи».

[4]) *Ивора* и *Севастія*—города Каппадокіи.

шихъ епископовъ будутъ еретики. Когда въ царствованіе Ѳеодосія Великаго[1]) былъ созванъ въ Константинополѣ Второй Вселенскій Соборъ противъ духоборца Македонія[2]), то и святый Григорій Нисскій былъ тамъ же, вмѣстѣ съ другими святыми отцами, поборникомъ благочестія, возражая и посрамляя противниковъ силою истины на основаніи Божественнаго Писанія. На этомъ Соборѣ стараніемъ святаго Григорія дополненъ былъ Никейскій Символъ вѣры членомъ о Святомъ Духѣ, причемъ къ Символу были присоединены еще девятый, десятый, одиннадцатый и двѣнадцатый члены. Вообще Григорій Нисскій былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей Собора.

Вмѣстѣ съ другими епископами онъ участвовалъ также въ утвержденіи святаго Григорія Богослова въ званіи Константинопольскаго архипастыря и читалъ ему и блаженному Іерониму[3]) свое сочиненіе противъ Евномія[4]). Когда противъ святаго Григорія Богослова возникла ожесточенная борьба со стороны нѣкоторой части духовенства, зараженнаго еретическими лжеученіями или расположеннаго къ еретикамъ, вслѣдствіе чего онъ долженъ былъ оставить Константинопольскую каѳедру,—святый Григорій Нисскій вмѣстѣ со многими другими всячески старался разрушить эту вражду, но, не будучи въ состояніи сдѣлать это, преподалъ совѣты о вѣрѣ и новомъ призваніи преемнику Григорія Богослова Нектарію[5]), избранному изъ оглашенныхъ. Во время пребыванія своего въ Константинополѣ святый Григорій Нисскій произнесъ двѣ проповѣди: одну—по случаю избранія святаго Григорія Богослова епископомъ столицы, другую—надгробную, на погребеніи Мелетія, Патріарха Антіохійскаго[6]).

---

1) *Ѳеодосій Великій*—Римскій императоръ, царствовалъ съ 379 по 395 г.; былъ ревностнымъ покровителемъ христіанства и поборникомъ Православія противъ еретиковъ.

2) II-й Вселенскій Константинопольскій Соборъ былъ въ 381 году. См. о немъ подробнѣе на стр. 291, примѣч. 5.

3) *Блажен. Іеронимъ*, епископъ Стридонскій,—одинъ изъ великихъ учителей Западной Церкви (330—419 гг.), оставившій послѣ себя множество выдающихся твореній: по истолкованію Св. Писанія, догматическихъ, нравоучительныхъ и историческихъ; важнѣйшимъ его трудомъ былъ латинскій переводъ Св. Писанія, извѣстный подъ именемъ «Вульгаты».

4) *Евномій*—ересіархъ 2-й половины IV вѣка, крайній представитель аріанства.

5) *Св. Нектарій* управлялъ Константинопольскою патріаршею каѳедрою съ 428 по 431 г. Память его—въ Субботу сырную.

6) *Мелетій, Патріархъ Антіохійскій*, управлялъ каѳедрою въ 358—381 гг. Въ этомъ году онъ присутствовалъ на Второмъ Вселенскомъ Константинопольскомъ Соборѣ и здѣсь же, въ Константинополѣ, скончался.

Вскорѣ послѣ Втораго Вселенскаго Собора Григорію пришлось переѣзжать изъ одной Церкви въ другую для приведенія въ порядокъ церковныхъ нестроеній и утвержденія Православія, такъ какъ на Второмъ Вселенскомъ Соборѣ онъ былъ объявленъ въ числѣ трехъ архипастырей охранителемъ Православія для Понта. Въ 381 году святый Григорій Нисскій былъ на Соборѣ въ Константинополѣ, гдѣ произнесъ слово о Божествѣ Сына и Духа Святаго. Въ 386 году онъ снова былъ въ Константинополѣ, и здѣсь ему, какъ знаменитому оратору, было поручено произнести слово надъ гробомъ любимой всѣми императрицы Плакиллы[1]). Въ 394 году онъ снова присутствовалъ въ Константинополѣ на Соборѣ, созванномъ для рѣшенія вопросовъ по церковнымъ дѣламъ Аравіи[2]).

Паству свою святый Григорій, какъ пастырь вѣрный и истинный, ревностно утверждалъ въ вѣрѣ и благочестіи; случалось, что по нѣскольку дней кряду говорилъ онъ ей поученія. Въ то же время онъ былъ ходатаемъ и защитникомъ несчастныхъ предъ судьями, отличался сострадательностью къ нищимъ, терпѣливостью, миролюбіемъ и прямодушіемъ. Достигнувъ глубокой старости, святый Григорій почилъ о Господѣ[3]), оставивъ послѣ себя много полезныхъ и драгоцѣнныхъ для святой Церкви писаній[4]).

---

1) *Плакилла*—супруга императора Ѳеодосія Великаго, извѣстна какъ благочестивая христіанка, отличавшаяся своей христіанской благотворительностью. Память ея въ Греческой Церкви празднуется 14-го сентября.

2) Помѣстный Константинопольскій соборъ 394 г., при Патріархѣ Нектаріи, былъ созванъ для рѣшенія спора между двумя епископами (Агапіемъ и Багадіемъ), изъявлявшими притязанія на одну и ту же каѳедру (въ Боцрѣ Аравійской).

3) Святый Григорій Нисскій скончался въ концѣ IV вѣка, вскорѣ послѣ Константинопольскаго Собора 394 года.

4) Святый Григорій Нисскій оставилъ послѣ себя множество сочиненій, въ которыхъ онъ является то какъ витія духовный, то какъ догматистъ-обличитель ересей, то какъ толкователь Свящ. Писанія, то какъ учитель нравственности. Ораторскій талантъ его виденъ въ надгробныхъ словахъ его Мелетію Антіохійскому, Василію Великому, св. Макринѣ и въ похвальныхъ словахъ Ефрему Сирину, Григорію Чудотворцу, муч. Ѳеодору Тироиу, 40 мученикамъ Севастійскимъ, первомученнку Стефану; извѣстны также праздничныя Слова его на Рождество Христово, на Крещеніе, на Пасху (5 Словъ), на Вознесеніе Христово, на Пятидесятницу, на Срѣтеніе Господне. Изъ догматическихъ сочиненій святаго Григорія самыя лучшія: 12 Словъ противъ Евномія и Катихизисъ, составляющій наставленіе въ томъ, какъ надобно дѣйствовать при обращеніи язычниковъ и іудеевъ и какъ—при опроверженіи еретиковъ. Въ сочиненіи противъ Евномія, опровергая его ученіе, Григорій доказываетъ Божество Сына Божія, а частію объясняетъ и все христіанское ученіе о Святой Троицѣ. Это ученіе о Святой Троицѣ и особенно о Божествѣ Святаго Духа святый Григорій защищалъ отъ современныхъ ему заблужденій многими другими сочиненіями, какъ то: въ Словѣ о Святомъ Духѣ противъ македоніанъ, въ Словѣ о Божествѣ Сына и Духа, къ Симпликію о вѣрѣ, къ Авлалію о томъ, что не три Бога, къ Еллинамъ,

Конда́къ ст҃а́гѡ, гла́съ в҃:

Цр҃кве бж҃е́ственный і҆ера́рхъ, и҆ премꙋ́дрости ч҃тный тайноглаго́льникъ, нѵссі́йскїй бо́дрый ᲂу҆́мъ григо́рїй, со а҆́гг҃лы ликовствꙋ́ѧ, и҆ наслажда́ѧсѧ бж҃е́ственнымъ свѣ́томъ, мо́литсѧ непреста́ниѡ ѡ҆ всѣ́хъ на́съ.

И҆́нъ конда́къ, гла́съ а҃:

Ѻ҆́комъ дꙋше́внымъ бо́дрствꙋѧ ст҃и́телю, бо́дръ па́стырь ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ мі́рꙋ: и҆ жезло́мъ мꙋ́дрости твоеѧ̀, и҆ те́плымъ предста́тельствомъ твои́мъ, всѧ̑ ѿгна́лъ є҆сѝ ѕлосла̑вныѧ ꙗ҆́кѡ во́лки, невре́днѡ соблю́дъ ста́до, григо́рїе всемꙋ́дре.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО

ДОМЕТІАНА,

епископа Мелитинскаго

Святый Дометіанъ родился въ царствованіе Іустина Младшаго[1]) отъ благочестивыхъ и богатыхъ родителей Ѳеодора и Евдокіи. Окончивъ образованіе, онъ вступилъ въ бракъ, но когда въ скоромъ времени супруга его преставилась отъ сей жизни, онъ тотчасъ, по склонности къ духовному любомудрію, изъ любви къ Богу оставилъ міръ и проводилъ свою жизнь въ постничествѣ. Потомъ, по изволенію Божію, на тридцатомъ году своей жизни онъ былъ поставленъ епископомъ Мелитинской[2]) церкви. И онъ былъ не только добрымъ пастыремъ для своего стада, но свѣтиль-

въ Словѣ противъ Арія и Савеллія. Затѣмъ, къ числу догматическихъ сочиненій святаго Григорія относится «Шестодневъ», гдѣ онъ рѣшаетъ высокіе вопросы о мірѣ, оставленные св. Василіемъ Великимъ въ его «Шестодневѣ» безъ отвѣта, «Противъ манихеевъ», «О сотвореніи человѣка», изслѣдованіе «О дѣтяхъ, умершихъ некрещенными» и сочиненіе «О душѣ и воскресеніи». Въ объясненіе Св. Писанія святый Григорій написалъ нѣсколько сочиненій въ видѣ размышленій: 8 бесѣдъ на 3 главы Екклесіаста, 15 бесѣдъ на Пѣснь Пѣсней, 2 размышленія о надписаніяхъ Псалмовъ и бесѣда о 6 Псалмѣ, 5 бесѣдъ о молитвѣ Господней, 8 бесѣдъ о 8 заповѣдяхъ блаженствъ. Къ нравственно-аскетическимъ сочиненіямъ относятся: три изслѣдованія о христіанскомъ совершенствѣ, о цѣли жизни по Богѣ, объ истинномъ подвижничествѣ, о дѣвствѣ, о любви къ бѣднымъ и др. Кромѣ того, отъ святаго Григорія осталось до 28 писемъ.

1) *Іустинъ II*, или *Младшій*,—Византійскій императоръ, царствовалъ съ 565 по 578 г.

2) *Мелитина*, иначе *Мелитене*, или *Мелита*,—столица Малой Арменіи.

никомъ и помощникомъ и для другихъ народовъ и приносилъ великую пользу всему Греческому царству какъ радѣтель общаго благоденствія. Святый много разъ былъ посылаемъ царемъ Маврикіемъ[1]) въ Персію[2]) по дѣламъ народнаго управленія, былъ посредникомъ предъ Хозроемъ, Персидскимъ царемъ, и способствовалъ заключенію мирнаго договора между Греками и Персами. Нѣкотораго же князя Варама, возставшаго противъ Хозроя[3]) и дерзко покусившагося на царскій санъ въ Персіи, онъ лишилъ власти, сдѣлавъ его данникомъ грековъ. Чрезъ это Дометіанъ сдѣлался возлюбленнымъ другомъ царя Маврикія. Царь одарилъ его большимъ количествомъ золота и имѣніями, но онъ роздалъ все это святымъ церквамъ и страннопріимнымъ домамъ для пропитанія нищихъ. По прибытіи въ царствующій городъ Константинополь онъ вскорѣ съ миромъ отошелъ къ Царю Небесному[4]). Честно́е тѣло его было съ великою честію погребено въ присутствіи царя съ его синклитомъ и многочисленнаго Собора священнослужителей и перенесено въ отечественный городъ его Мелитину. Святый Дометіанъ совершилъ много чудесъ и при жизни, и по своемъ преставленіи во славу Христа Бога нашего.

Ст҃ый
Дометіанъ

---

[1]) *Маврикій*—Византійскій императоръ, царствовалъ съ 582 по 602 г.

[2]) Страна эта находится въ Азіи, близъ Персидскаго залива. Первоначально страна эта находилась въ зависимости отъ разныхъ сосѣднихъ народовъ попеременно, но съ воцареніемъ династіи Сассанидовъ (съ 226 г. по Р. Хр. и до VII в.) Персы сдѣлались политически самостоятельнымъ народомъ и часто вели войны съ Греко-Римской имперіей. Къ этому періоду относится и дѣятельность св. Дометіана.

[3]) Здѣсь разумѣется *Хозрой II*, царь Персидскій, царствовавшій съ 590 по 628 г.

[4]) Святый Дометіанъ преставился въ 601 году.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО

МАРКІАНА

Въ царствованіе Маркіана и Пульхеріи[1]) въ Константинополѣ прославился добродѣтелями предивный мужъ—блаженный Маркіанъ родомъ изъ древняго Рима[2]), у котораго были благочестивые, благородные и богатые родители. Когда они переселялись изъ древняго Рима въ новый, то привели съ собой и сына своего Маркіана, съ усердіемъ проходившаго книжное ученіе и воспитывавшагося въ добрыхъ нравахъ. Такъ какъ онъ любилъ **примета́тисѧ въ домꙋ̀ бг҃а**[3]), неопустительно ходя всегда къ церковнымъ службамъ, то, посему, тогдашній Патріархъ полюбилъ его и сдѣлалъ своимъ клирикомъ[4]). Немного спустя, видя, что хотя онъ и молодъ лѣтами, но старъ по разуму и чистотѣ жизни, ибо **сѣди́на є҆́сть мꙋ́дрость человѣ́кѡмъ, и҆ во́зрастъ ста́рости житїѐ нескве́рно**[5]), призналъ его достойнымъ пресвитерскаго сана, а потомъ поставилъ и икономомъ[6]) Великой церкви[7]). Когда родители его преставились

---

[1]) *Маркіанъ* царствовалъ съ 450 по 457 г. При немъ былъ IV-ый Вселенскій Соборъ (въ 451 г.). *Пульхерія* была сестра предыдущаго императора Ѳеодосія II (съ 408 по 450 г.) и жена императора Маркіана. Она имѣла значительное и доброе вліяніе на дѣла правленія. Пульхерія причислена Церковію къ лику святыхъ. Память ся празднуется 10 сентября.

[2]) Здѣсь разумѣется столица Греко-Римской имперіи и нынѣшняго Итальянскаго королевства. Называется этотъ Римъ *древнимъ* въ отличіе отъ Константинополя, который св. Константинъ Великій сдѣлалъ своею столицею, почему впослѣдствіи этотъ городъ стали называть *новымъ* Римомъ.

[3]) Т. е.—любилъ посѣщать храмъ Божій и пребывать въ немъ. Выраженіе заимствовано изъ Псал. 83, ст. 11.

[4]) *Клирикъ*—отъ слова «клиръ», означающаго, съ греческаго, наслѣдіе (Божіе). Такъ издревле называлась церковная іерархія вмѣстѣ съ лицами, занимавшими и различныя низшія должности при служеніи въ церкви (пѣвцовъ, чтецовъ и т. п.), ибо все это—лица, посвятившія себя на особое и непосредственное служеніе Богу.

[5]) Кн. Премудр. Солом., гл. 4, ст. 9. Смыслъ этого выраженія тотъ, что истинный (духовный) возрастъ человѣка опредѣляется не количествомъ прожитыхъ лѣтъ, а достигнутой степенью мудрости и нравственной чистоты жизни. Высокаго совершенства въ томъ и другомъ отношеніи можно достигнуть и въ молодыхъ годахъ, равно какъ, наоборотъ, сѣдины старости могутъ соединяться въ человѣкѣ съ дѣтскимъ неразуміемъ и крайнею нравственною неразвитостію.

[6]) Должность *иконома* появилась въ Церкви въ IV в., съ умноженіемъ церковныхъ имуществъ, и IV-й Вселенскій Соборъ, въ 26 правилѣ, говоритъ о ней какъ о давно уже существующей. На обязанности иконома лежало завѣдываніе церковными имуществами, особенно недвижимыми, и церковнымъ хозяйствомъ подъ наблюденіемъ епископа. На эту должность избирались и пресвитеры, и діаконы, и даже не имѣвшіе іерархической степени клирики, если они извѣстны были своею честностію и умѣлостію.

[7]) Т. е. собора св. Софіи въ Константинополѣ.

отъ сего міра, послѣ нихъ осталось блаженному Маркіану много имѣній, ибо онъ былъ у нихъ одинъ, и потому всѣ богатства родителей достались по наслѣдству въ руки ему одному. Эти богатства онъ истратилъ не на житейскія нужды, но посвятилъ все Богу,—благотворя нищимъ, обновляя ветхіе храмы Господни и созидая и украшая новые. Онъ соорудилъ съ большими издержками новую прекрасную церковь во имя святой мученицы Анастасіи[1]). Когда же одинъ изъ его друзей изъявилъ удивленіе такой тратѣ золота на сооруженіе и украшеніе этой церкви, святый сказалъ ему:

Прп҃бный
Маркіанъ

— Если бы ты имѣлъ дочь и захотѣлъ бы обручить ее невѣстою какому-либо знатнѣйшему человѣку, развѣ ты не истратилъ бы множества золота, чтобы украсить ее драгоцѣнными нарядами? И такъ нынѣ,—вознамѣрившись устроить церковь прекраснѣйшей невѣстѣ Христовой, которая обручилась краснѣйшемꙋ добро́тою па́че сынѡ́въ человѣ́ческихъ[2]) и пролила за Него свою кровь,—буду ли я жалѣть своего имущества и не тѣмъ ли болѣе позабочусь о такомъ украшеніи?

Такимъ щедрымъ и доброхотнымъ дателемъ на благолѣпіе святыхъ храмовъ былъ блаженный; для себя же самого онъ былъ скупъ и немилостивъ—не только совершенно отвергалъ украшеніе одеждъ и покрывался худымъ одѣяніемъ, но иногда снималъ съ себя и эту самую худую и необходимую одежду и отдавалъ ее просящимъ, какъ это можно видѣть изъ слѣдующаго. Когда церковь святой Анастасіи была выстроена и украшена со всякимъ благолѣпіемъ, наступило освященіе ея въ самый день памяти сей мученицы, 22-го декабря, въ который она нѣкогда страдальчески скон-

---

[1]) Здѣсь разумѣется святая великомученица *Анастасія Узорѣшительница*, пріявшая мученическую кончину при Діоклетіанѣ около 304 г.

[2]) Т. е.—Прекраснѣйшему (болѣе) сыновъ человѣческихъ Христу (Псал. 44, ст. 3).

чалась за Христа. Святѣйшій Патріархъ Геннадій[1]) со всѣмъ клиромъ и царь со всѣмъ синклитомъ и народомъ совершали торжественное шествіе къ этой церкви, перенося мощи святой мученицы Анастасіи изъ малой ветхой церкви въ новую, большую, созданную Маркіаномъ. Когда, во время этого шествія, преподобный Маркіанъ вмѣстѣ съ прочими пресвитерами шелъ одѣтый въ фелонь[2]) предъ колесницей, на которой были мощи святой, какой-то убогій, подойдя, просилъ у него милостыни. Онъ же, не имѣя при себѣ ничего, кромѣ одной одежды (никогда въ теченіе своей жизни онъ не пріобрѣталъ даже двухъ перемѣнъ одеждъ), и не желая отпустить нищаго ни съ чѣмъ, незамѣтно отдѣлился отъ всѣхъ и пошелъ въ укромное мѣсто; снявъ съ себя одежду, онъ отдалъ ее нищему и остался одѣтымъ по нагому тѣлу въ фелонь, совершивъ дѣло по слову Господню: просѧщемꙋ ѹ҆ тебѐ дáй[3]). По возвращеніи въ свой рядъ онъ, какъ и прежде, шелъ между пресвитерами, между тѣмъ какъ никто не зналъ о сдѣланномъ имъ. Когда всѣ вошли въ церковь, совершили освященіе и съ честію положили мощи святой мученицы Анастасіи, Святѣйшій Патріархъ повелѣлъ совершать вмѣстѣ съ нимъ Божественную Литургію и блаженному Маркіану. При наступленіи времени умовенія рукъ Маркіанъ закрывался своею фелонью, озираясь, чтобы не увидалъ кто, что онъ нагъ. Бывшіе тамъ пресвитеры и діаконы, посмотрѣвъ на него, увидѣли подъ фелонью его нѣкоторую дивную одежду, блещущую золотомъ подобно царской драгоцѣнной порфирѣ. При этомъ одни удивлялись, другіе негодовали, говоря въ себѣ, что не дóлжно пресвитеру ходить и совершать Литургію въ такой одеждѣ. Особенно же эту чудесную одежду, которою Богъ покрывалъ наготу Своего раба, всѣ видѣли тогда, когда онъ приступилъ причаститься Пречистыхъ и Животворящихъ Таинствъ. Нѣкоторые изъ пресвитеровъ сказали объ этомъ Святѣйшему Патріарху Геннадію.

---

1) *Святый Геннадій* патріаршествовалъ въ 458—471 гг.

2) *Фелонью* называлась въ древности верхняя длинная, безъ рукавовъ, одежда, покрывавшая тѣло со всѣхъ сторонъ, подобная той, какую носили Христосъ и Апостолы (2 Тим., гл. 4, ст. 13), почему Церковь и приняла ее въ число священныхъ облаченій. При этомъ у насъ въ Россіи, для удобства при священнодѣйствіяхъ, передняя сторона ея обрѣзывается, въ Греціи же она и по сіе время сохраняетъ древнюю форму; и св. Маркіанъ могъ такимъ образомъ совершенно прикрывать ею наготу тѣла, пока не пришлось дѣйствовать, при Богослуженіи, руками.

3) Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 42.

Патріархъ сказалъ:

— И я видѣлъ то, что вы говорите.

По окончаніи службы онъ призвалъ преподобнаго Маркіана въ сосудохранилище[1]) и началъ укорять его, говоря:

— Что это ты дѣлаешь, братъ,—украшаешься одеждами сверхъ обычая? Хорошо ли тебѣ служить Литургію въ такой одеждѣ, которая болѣе прилична царю, чѣмъ пресвитеру?

Преподобный припалъ со смиреніемъ къ его ногамъ, говоря:

— Прости меня, Владыко,—я не дѣлалъ того, что вы говорите. Я съ юности не привыкъ носить красивыхъ и драгоцѣнныхъ одеждъ,—сталъ ли бы теперь одѣваться въ нихъ?

— Мы всѣ видѣли тебя въ царской одеждѣ,—зачѣмъ ты запираешься? — сказалъ ему Патріархъ и повелѣлъ поднять его на ноги.

Открывъ фелонь, увидѣли его нагое тѣло и удивились. На вопросы Патріарха блаженный долженъ былъ, противъ своего желанія, откровенно разсказать все, что было,—какъ онъ отдалъ нищему, ради Христа, послѣднюю одежду. Всѣ, слышавшіе это и видѣвшіе у него подъ фелонью царскую одежду, прославили Бога, подающаго такую тайную благодать любящимъ Его. Съ того времени многимъ стала извѣстна его, исполненная милосердія, жизнь.

Преподобный до такой степени претерпѣвалъ добровольную нищету и пренебрегалъ имуществомъ, что однажды, когда, походивъ гдѣ-то подъ дождемъ, промочилъ свою одежду, то, возвратясь въ свою комнату и заперевъ за собою двери, разжегъ угли и началъ сушить эту мокрую одежду, ибо не имѣлъ для обычнаго употребленія другой. Въ это время Патріарху случилось потребовать къ себѣ иконома для нѣкотораго дѣла. Когда посланные пошли звать Маркіана, то нашли комнату его запертою и, стоя снаружи, звали, чтобы онъ скорѣе шелъ къ Патріарху. Онъ обѣщался придти и не приходилъ, потому что еще не высохла одежда его. Одинъ изъ нихъ, посмотрѣвъ въ скважину, увидѣлъ, что онъ сушитъ надъ углями свою одежду, и сказалъ бывшимъ съ нимъ. Возвратившись, они сообщили это Патріарху.

— Не удивляйтесь этому,—сказалъ Патріархъ,—Маркіанъ съ юности научился добровольной нищетѣ и смиренію, всецѣло посвятивъ себя Единому Богу; онъ на дѣлѣ исполняетъ Апостольское слово: имѣя пищу и одежду, довольствуется симъ[2]).

---

[1]) Въ помѣщеніе, гдѣ хранились запасные священные сосуды и священныя облаченія.

[2]) 1 Послан. къ Тимоѳ., гл. 6, ст. 8.

Слышавшіе это восхвалили Бога, у Котораго есть таковые служители Его. За такую добродѣтельную жизнь Богъ далъ ему даръ чудотвореній—изгонять бѣсовъ и исцѣлять больныхъ. Однажды, когда совершался праздникъ въ церкви святой Анастасіи и собралось множество народа, нѣкоторая женщина, будучи беременна, поднялась, по причинѣ тѣсноты внутри церкви, на церковную кровлю, но случайно упала оттуда на землю и умерла. Святый Маркіанъ, будучи не въ силахъ видѣть, что праздникъ омрачается рыданіями, поднялъ вверхъ свои руки и усердно помолился Богу. И женщина эта внезапно ожила и встала на ноги свои здоровою, живъ оказался и носимый ею во чревѣ плодъ; народъ же дивился этому преславному чуду.

Однажды въ Константинополѣ случился великій пожаръ, и когда огонь уже окружилъ церковь святой Анастасіи, преподобный Маркіанъ взошелъ на кровлю храма и, поднявъ руки къ Небу, молился. И тотчасъ огонь обратился назадъ и удержалъ свой неукротимый пламень, и молитвами святаго, какъ великими водами, онъ былъ совершенно погашенъ, нисколько не повредивъ церковнаго зданія.

Преподобный Маркіанъ создалъ церковь и другой мученицѣ, святой Иринѣ[1]), на томъ мѣстѣ, при морѣ, гдѣ былъ ветхій и уже разрушавшійся храмъ въ честь ея, и обновилъ другіе бывшіе тамъ же, поблизости, храмы святаго Ѳеодора и святаго Исидора, снабдивъ ихъ всѣмъ потребнымъ. Достигнувъ глубокой старости передъ своей блаженной кончиной, онъ ходилъ ночью по улицамъ—и гдѣ находилъ лежащаго мертвымъ, омывалъ его и одѣвалъ. При этомъ онъ говорилъ мертвецу:

— Встань, братъ, поцѣлуемся!

Мертвецъ, вставъ по слову святаго, цѣловалъ его въ уста и снова опочивалъ. Святый спасъ много блудницъ, то увѣщаніями, то щедрою помощью склоняя ихъ избрать себѣ мужа и жить по Закону; тѣхъ же, которыя предавались такому образу жизни подъ вліяніемъ нищеты, онъ обращалъ къ цѣломудренной жизни, тайно надѣливъ и обезпечивъ ихъ изъ вышеупомянутыхъ родительскихъ имѣній. Сего блаженнаго мужа пріобрѣлъ Себѣ Богъ, восхвалили Ангелы, почтили святители, благоговѣли предъ нимъ цари, народы

---

1) Здѣсь разумѣется святая великомученица Ирина, пострадавшая въ Ефесѣ въ концѣ I или началѣ II вѣка, 5-го мая. Память ея особенно чтилась въ Константинополѣ, гдѣ ей было посвящено нѣсколько великолѣпныхъ храмовъ.

дивились ему и прославляли за него Бога; бѣсы же боялись его и избѣгали. Святый Маркіанъ преставился ранѣе окончанія и освященія церкви въ честь святой Ирины. При кончинѣ онъ говорилъ:

— Господи! Въ руцѣ Твои предаю обѣихъ сихъ: душу, которую Ты Самъ создалъ, и церковь, которую я создалъ по волѣ Твоей.

Тѣло святаго Маркіана со славою было погребено въ монастырѣ святаго Іоанна Предтечи, который называется еще и Даніиловымъ монастыремъ, близъ церкви святаго мученика Мокія. А объ окончаніи сооруженія церкви святой Ирины позаботилась по смерти преподобнаго благочестивая царица Верина, супруга царя Льва Великаго[1]), который воцарился послѣ Маркіана и Пульхеріи; она окончила ее, украсила крышу золотомъ и внутри отдѣлала церковь съ всевозможнымъ великолѣпіемъ—въ память преподобнаго Маркіана и въ честь Самого Христа Бога, Которому слава со Отцемъ и Святымъ Духомъ во вѣки, аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ПАВЛА КОМЕЛЬСКАГО

Преподобный Павелъ родился и воспитывался въ царствующемъ славномъ городѣ Москвѣ[2]). Родители хотѣли сочетать его бракомъ, но святый Павелъ не пожелалъ сего и, тайно оставивъ родительскій домъ, не взявъ съ собою ничего, ушелъ въ мѣстность, называвшуюся Прилукъ, находившуюся во владѣніи монастыря Живоначальныя Троицы[3]), основанную преподобнымъ Сергіемъ, Радонежскимъ Чудотворцемъ. Здѣсь, въ обители въ честь Рождества Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа[4]), блаженный юноша принялъ иноческое постриженіе. Поживъ здѣсь недолго,

---

[1]) *Левъ I Великій* умеръ въ 474 году. Такъ какъ, по житію, Верина окончила сооруженіе церкви при жизни мужа и такъ какъ вышеупомянутое прекращеніе пожара по молитвѣ св. Маркіана относятъ къ 471 г., то смерть святаго нужно полагать между 471—474 гг.

[2]) Около 1367 года.

[3]) Нынѣ Троице-Сергіева Лавра.

[4]) Монастырь Рождества Христова, въ Угличскомъ уѣздѣ, на Прилукѣ, значился подвѣдомымъ Свято-Троицкой Сергіевой Лаврѣ и въ позднѣйшее время.

святый Павелъ перешелъ въ обитель преподобнаго Сергія, гдѣ и пробылъ подъ духовнымъ руководствомъ великаго старца пятнадцать лѣтъ, живя въ отшельнической келліи[1]). Послѣ того святый Павелъ испросилъ у преподобнаго Сергія благословеніе удалиться въ пустыню и жить тамъ въ полномъ уединеніи, переходя съ одного мѣста на другое.

Потомъ блаженный подвижникъ отправился на Бѣлое озеро къ преподобному Кириллу въ основанную имъ обитель Успенія Пресвятыя Богородицы[2]); у преподобнаго Кирилла святый Павелъ жилъ нѣкоторое время въ уединенной келліи и затѣмъ снова удалился въ пустыню, на рѣку Одролъ. Послѣ недолгаго здѣсь уединенія преподобный Павелъ пришелъ въ Галичскую область въ великую пустынь Пресвятыя Богородицы[3]) и поселился въ отшельнической келліи, но изгнанъ былъ оттуда игуменомъ пустыни, и перешелъ въ Городецъ, на Волгѣ, гдѣ и пребывалъ въ Ѳеодоровскомъ монастырѣ[4]); затѣмъ уединенно предавался иноческимъ подвигамъ въ разныхъ пустынныхъ мѣстахъ, пока не пришелъ въ Комельскій лѣсъ[5]).

Здѣсь на берегу рѣчки Грязовицы преподобный поселился въ дуплѣ большаго липоваго дерева; три года прожилъ святый пустынникъ въ этомъ дуплѣ, день и ночь проводя въ молитвѣ и постѣ, со слезами работая Богу. Потомъ святый Павелъ перешелъ на то мѣсто, гдѣ нынѣ находится честна́я его оби-

---

1) Преподобный Павелъ проходилъ въ Троицкой Сергіевой обители послушанія на поварнѣ и въ трапезной. Благословляя св. Павла на пустынножительство, преподобный Сергій вручилъ ему Животворящій Крестъ, доселѣ хранящійся въ Обнорской обители святаго Павла.

2) Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, основанный преп. Кирилломъ (память его—9 іюня), находится въ уѣздномъ городѣ Кирилловѣ, Новгородской губ., въ 602 верстахъ отъ Новгорода; во времена свв. Кирилла и Павла ближайшій городъ въ томъ краѣ—Бѣлозерскъ былъ въ 37 верстахъ отъ монастыря.

3) Чухломской Авраамiевъ монастырь (великія пустыни) положенія пояса Пресвятыя Богородицы находился въ Галичскомъ уѣздѣ, Костромской губ. Онъ основанъ преп. Авраамiемъ Галичскимъ, ученикомъ преп. Сергія Радонежскаго; вскорѣ же по основаніи преп. Авраамій покинулъ этотъ монастырь и въ 13 верстахъ отъ него учредилъ Вочскую обитель, гдѣ и скончался въ 1375 г. Память его—20 іюля.

4) Нынѣ заштатный монастырь въ Балахнинскомъ уѣздѣ, Нижегородской губ., при селѣ (прежде городѣ) Городцѣ, на лѣвомъ берегу Волги; основанъ въ 1164 году великимъ княземъ Георгіемъ Всеволодовичемъ. Въ монастырѣ хранится келлія, въ которой 4 ноября 1263 года послѣдовала кончина св. Александра Невскаго, возвращавшагося изъ орды.

5) Комельскій лѣсъ въ Обнорской волости простирался во всю южную полосу Вологодской области, пересѣкаемый рѣками Обнорой, Нурмой, Комелой съ ихъ многочисленными притоками.

тель[1]); тамъ остался преподобный до конца своей жизни, пребывая въ строгомъ постѣ. Пищею служили ему хлѣбъ и вода, притомъ въ самомъ маломъ количествѣ; эту пищу онъ вкушалъ въ субботу и въ воскресенье. Въ остальные дни святый Павелъ вовсе не принималъ пищи, проводя все время въ своей уединенной келліи въ молитвенномъ славословіи. Великія лишенія претерпѣлъ блаженный пустынникъ Христа ради и многія страданія отъ бѣсовъ, и все это онъ перенесъ, вспомоществуемый благодатію Божіею.

Прѣпбный Павелъ

Однажды бѣсы сдѣлали нашествіе на келлію преподобнаго и намѣревались ее разрушить, но блаженный Павелъ не испугался бѣсовскихъ козней и посрамилъ діавола силою креста Христова. Въ другой разъ на святаго напали разбойники, нанесли ему жестокіе побои и, ограбивъ келлію, оставили пустынника связаннымъ по рукамъ и ногамъ. Нѣсколько дней пролежалъ преподобный въ келліи, пока не пришли въ пустыню, по внушенію Божію, добрые люди и развязали блаженнаго старца. Все это безропотно переносилъ преподобный ради Имени Христова. Къ отшельнической келліи преподобнаго пустынника во множествѣ слетались лѣсныя птицы; сюда же приходили и дикіе кровожадные звѣри, которые становились кроткими по молитвамъ святаго и исполняли все, что приказывалъ имъ блаженный отецъ.

Много разъ слышалъ святый Павелъ церковный звонъ на томъ мѣстѣ, гдѣ поселился, и видѣлъ свѣтъ на одномъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи сооруженъ былъ храмъ во имя Пресвятыя Троицы. Въ сопровожденіи ученика своего Алексія преподобный отправился

[1]) Въ 15 верстахъ отъ уѣзд. города Грязовца, Вологодской губ., на берегу рѣки Нурмы, притока Обноры, которая протекаетъ по Вологодской и Ярославской губ. и впадаетъ въ р. Кострому.

въ Москву и повѣдалъ объ этомъ небесномъ откровеніи святому митрополиту Фотію[1]). Святитель благословилъ преподобнаго построить храмъ въ его пустынѣ, поставилъ Алексія въ санъ пресвитера и, давъ богатую милостыню на сооруженіе храма, отпустилъ святаго съ миромъ. Возвратившись въ Комельскую пустыню, преподобный построилъ храмъ во имя Живоначальныя Троицы[2]), собралъ братію и устроилъ обитель, настоятелемъ которой поставилъ упомянутаго выше іеромонаха Алексія. Самъ же блаженный отецъ нашъ Павелъ жилъ по-прежнему въ уединенной своей келліи, приходилъ въ монастырь только въ субботу и въ день воскресный и поучалъ тогда своихъ учениковъ; жилъ по заповѣдямъ Господнимъ и по уставамъ святыхъ отецъ[3]).

Въ то время татары напали на городъ Кострому, сожгли его и опустошали окрестныя поселенія; множество православныхъ христіанъ было тогда перебито невѣрными, а другіе захвачены въ плѣнъ и отведены въ рабство вмѣстѣ съ женами и дѣтьми[4]). Вскорѣ послѣ того преподобный Павелъ преставился ко Господу отъ трудовъ временной сей жизни въ вѣчный неизреченный покой, оставивъ въ своихъ ученикахъ свѣтлое о себѣ воспоминаніе. Скончался преподобный 10 января 1429 года; житія его было 112 лѣтъ[5]).

---

1) *Св. Фотій* былъ митрополитомъ всероссійскимъ съ 1410 по 1431 г. (рукоположенъ въ 1408 г.).

2) Соорудивъ храмъ, преподобный Павелъ письменно просилъ у св. митрополита Фотія антиминсъ на освященіе церкви и благословеніе устроить обитель и собрать братію. Святитель послалъ ему антиминсъ при грамотѣ, въ которой благословилъ учрежденіе монастыря и преподалъ наставленіе преподобному и братіи. «Когда ты былъ у меня,—пишетъ святитель,—помнишь, сынъ мой, самъ ты много говорилъ, какимъ надобно быть духовному настоятелю. Ему должно быть образцомъ для всѣхъ: въ день великаго суда онъ будетъ давать отвѣтъ за души, ввѣренныя ему. О томъ же пишу и я». Въ наставленіяхъ братіи святитель убѣждаетъ ихъ твердо и непоколебимо исполнять иноческіе обѣты.

3) Преподобный Павелъ завѣщавалъ братіи сохранять общежительные уставы Пахомія Великаго и Ѳеодосія киновіарха, не дозволялъ, чтобы иноки считали что-либо своимъ, но все было бы общее; въ келліяхъ не должно было быть ничего, кромѣ иконы и книгъ, даже кваса; утолять жажду иноки должны были въ трапезной; въ церкви, въ трапезной и на работахъ преподобный заповѣдалъ соблюдать безмолвіе, пропитаніе пріобрѣтать трудами рукъ своихъ и не забывать нищихъ.

4) Татары опустошили Кострому 6 января 1429 года. Въ этотъ самый день, когда ученики пришли къ преподобному, онъ вздохнулъ и прослезился; на вопросъ пришедшихъ о причинѣ сего, св. Павелъ сказалъ: «въ этотъ день и часъ нечестивые татары, взявъ городъ Кострому, предали его огню и мечу, многихъ увели въ плѣнъ,—и все это за наши грѣхи, за то, что ходимъ въ воляхъ сердецъ нашихъ».

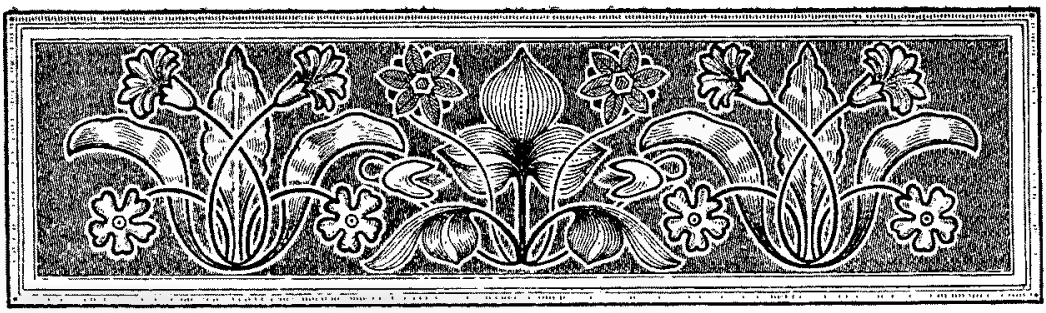
5) *Преподобный Павелъ* причтенъ къ лику святыхъ на Московскомъ соборѣ 26 февраля 1547 года; св. мощи его почиваютъ подъ спудомъ въ соборномъ храмѣ Обнорской обители.

Тропа́рь прп҃бнагѡ, гла́съ а҃:

Бж҃е́ственною любо́вїю ѿ ю҆ности распала́емь па́уле прп҃бне, всѧ̑ ꙗ҆̀же въ мі́рѣ кра̑снаѧ возненави́дѣвъ, хр҃та̀ є҆ди́наго возлюби́лъ є҆сѝ. и҆ сегѡ̀ ра́ди во внꙋ́треннюю пꙋсты́ню всели́лсѧ є҆сѝ, со ѕвѣ́рьмѝ жи́ти, ве́сь хр҃тꙋ̀: ѿонꙋ́дꙋже и҆ всеви́дѧщее о҆́ко твоѧ̑ трꙋды̀ ви́дѣвъ, да́ромъ чꙋде́съ и҆ по преставле́нїи ѡ҆богатѝ тѧ̀. тѣ́мже вопїе́мъ тѝ: молѝ непреста́нно ѡ҆ всѣ́хъ на́съ, чт҃нꙋю па́мѧть твою̀ при́сно въ пѣ́снехъ почита́ющихъ.

Конда́къ, гла́съ и҆:

Всѐ твоѐ ᲂу҆́мное жела́нїе къ бг҃ꙋ вперивъ, и҆ томꙋ̀ невозвра́тно ѿ дꙋшѝ послѣ́довалъ є҆сѝ, въ пꙋсты́ню всели́всѧ, и҆ та́мѡ а҆́гг҃льски пожи́въ, мнѡ́гимъ пꙋ́ть бы́лъ є҆сѝ ко сп҃се́нїю: сегѡ̀ ра́ди и҆ хр҃то́съ тѧ̀ просла́ви, и҆ да́ромъ чꙋде́съ ѡ҆богатѝ. тѣ́мже всѝ вопїе́мъ тѝ: ра́дꙋйсѧ па́уле прп҃бне, пꙋсты́нный жи́телю.



День одиннадцатый

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ѲЕОДОСІЯ ВЕЛИКАГО

Преподобный Ѳеодосій родился въ селеніи Могаріонскомъ, въ Каппадокіи [1]), отъ благочестивыхъ родителей — отца Проересія и матери Евлогіи — и былъ воспитанъ въ благонравіи и книжномъ обученіи. Когда отрокъ пришелъ въ совершенный разумъ и хорошо изучилъ Божественное Писаніе, ему приказано было читать въ церкви назначенныя для чтеній мѣста изъ богослужебныхъ книгъ, и онъ былъ чтецомъ сладкогласнымъ и искуснымъ, какъ никто другой. Читая поучительныя слова на пользу слушающихъ, онъ еще болѣе пользы извлекалъ изъ этого самъ для себя. Внимая Господу, то повелѣвающему Аврааму выйти изъ земли своей и отъ родства своего [2]), то убѣждающему въ Евангеліи оставить, ради вѣчной жизни, отца, мать и братьевъ [3]), онъ пылалъ сердцемъ и горѣлъ духомъ, желая, оставивъ все, послѣдовать за Христомъ путемъ тѣснымъ и прискорбнымъ. Помышляя объ этомъ, онъ молился Богу:

— «Настáви мѧ̀, гдⷭ҇и, на пꙋ́ть твóй, и҆ пойдꙋ̀ во и҆́стинѣ твоéй» [4]).

---

1) *Каппадокія* — область на востокѣ Малой Азіи. Въ 11 г. по Р. Хр. при императорѣ Тиверіи она была обращена въ римскую провинцію.

2) Кн. Быт., гл. 12, ст. 1.

3) Еванг. отъ Матѳ., гл. 19, ст. 29.

4) Псал. 85, ст. 11.

Потомъ, возложивъ упованіе на Бога, онъ отправился въ Іерусалимъ. Сіе было въ царствованіе Маркіана[1]), подъ конецъ жизни его, когда въ Халкидонѣ[2]) собирался Четвертый Вселенскій Соборъ[3]) на Діоскора и Евтихія[4]). Проходя чрезъ Антіохію[5]), блаженный Θеодосій пожелалъ видѣть преподобнаго Симеона, стоящаго на столпѣ[6]), и сподобиться отъ него благословенія и молитвъ. Онъ пошелъ къ нему и, когда былъ близъ столпа, то услышалъ голосъ преподобнаго:

— Добрѣ пришелъ ты, человѣкъ Божій Θеодосій!

Услышавъ, что его назвалъ по имени тотъ, который никогда не видѣлъ его и не зналъ, Θеодосій удивился и, упавъ на колѣна, поклонился прозорливому отцу. Потомъ, по приглашенію его, онъ взошелъ на столпъ къ святому и припалъ къ честны́мъ его ногамъ. Тотъ же, обнявъ, поцѣловалъ богодухновеннаго юношу и предсказалъ ему, что онъ будетъ пастыремъ словесныхъ овецъ и

Прпⷣбный
ѲЕОДО́СІЙ

---

[1]) *Маркіанъ*—Византійскій императоръ, царствовалъ съ 450 по 457 годъ.

[2]) Главный городъ римской провинціи Виѳиніи; находился на азіатскомъ берегу Босфора, напротивъ Византіи.

[3]) Въ 451 году.

[4]) *Евтихій*, осужденный IV-мъ Вселенскимъ Соборомъ, училъ, что Іисусъ Христосъ имѣлъ одно естество—Божеское, тогда какъ св. Церковь всегда признавала и признаетъ въ Іисусѣ Христѣ два естества несліянныя и нераздѣльныя—Божеское и человѣческое. *Діоскоръ*—Александрійскій (въ Египтѣ) патріархъ, послѣдователь ученія Евтихія, которое онъ пытался утвердить на Соборѣ 449 г.

[5]) Здѣсь разумѣется Антіохія Сирійская, называвшаяся Великою,—городъ при р. Оронтѣ, основанный Селевкомъ Никаторомъ и названный имъ по имени отца его Антіоха. Въ ней постоянно жили цари изъ рода Селевкидовъ, а во времена римскихъ императоровъ она была даже столицею Востока. Въ Антіохіи ученики Іисуса Христа въ первый разъ стали называться именемъ христіанъ.

[6]) *Св. Симеонъ*, — память котораго празднуется 1 сентября,—проводилъ отшельническую жизнь, исполненную поста и молитвы, на особомъ столпѣ. Это былъ особенно трудный, высшій видъ христіанскаго подвижничества, начало которому было положено св. Симеономъ.

спасетъ многихъ отъ мысленнаго волка[1]); предсказалъ ему и еще о многомъ и, благословивъ его, отпустилъ. Ѳеодосій, подкрѣпленный благословеніемъ преподобнаго и имѣя его святыя молитвы вмѣсто сопутствующаго наставника и хранителя, пошелъ предлежавшимъ ему путемъ и достигъ Іерусалима; это было въ патріаршество Ювеналія[2]). Обошедши тамъ всѣ Святыя мѣста и помолившись у Гроба Господня въ храмѣ Воскресенія, онъ размышлялъ въ себѣ, какой начать образъ жизни: отшельническій или—въ общежительствѣ съ другими ищущими спасенія? И пришелъ онъ къ убѣжденію, что безмолвствовать наединѣ,—совсѣмъ еще не научившись, какъ бороться съ лукавыми духами,—небезопасно. «Если изъ мірскихъ воиновъ нѣтъ никого, кто былъ бы настолько несмысленъ, чтобы, въ самомъ началѣ своего пребыванія на военной службѣ, будучи еще неискуснымъ и необученнымъ ратному дѣлу, тотчасъ броситься въ середину сражающихся,—то какъ я (говорилъ въ себѣ святый), не пріучивъ еще своихъ рукъ къ вооруженію и своихъ перстовъ къ войнѣ и не будучи препоясанъ силою свыше, дерзну одинъ, въ отшельничествѣ, возстать противъ началъ, властей и міродержателей тьмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ[3]). Мнѣ надлежитъ прежде присоединиться къ святымъ подвижникамъ и научиться у опытныхъ отцовъ, какъ мнѣ бороться съ врагами невидимыми; потомъ, со временемъ, будутъ собраны и плоды, произрастающіе изъ уединенія и безмолвія». Такъ благоразумно разсудивъ объ этомъ,—ибо въ немъ, наряду съ другими добродѣтелями, было и совершенное благоразуміе, способное обо всемъ хорошо разсуждать,—онъ тотчасъ сталъ искать себѣ наставника.

Въ то время знаменитѣйшимъ изъ всѣхъ отцовъ, жившихъ въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ, былъ нѣкій старецъ по имени Логгинъ[4]), имѣвшій свою келлію при столпѣ, который съ древности назывался Давидовымъ[5]); затворившись тамъ, онъ со тщаніемъ выдѣлывалъ сладкій медъ добродѣтели. Придя къ нему, блаженный Ѳеодосій принялъ начало иноческихъ трудовъ и, привязавшись къ старцу всей душой, учился у него всякой добродѣ-

---

1) Подъ «мысленнымъ волкомъ» здѣсь разумѣются діаволъ и каждый изъ его слугъ—совратителей въ зловѣріе и нечестіе. Образъ рѣчи во всемъ этомъ выраженіи заимствованъ изъ Еванг. Іоан., гл. 10, ст. 12.

2) *Св. Ювеналій* патріаршествовалъ въ Іерусалимѣ съ 420 по 458 г.

3) Посл. къ Ефес., гл. 6, ст. 12.

4) Память преп. Логгина (въ Греч. Церкви)—17-го ноября и въ Субботу сырную.

5) Древняя башня въ Іерусалимской крѣпости, у Яффскихъ воротъ.

тели, ибо тотъ преподобный былъ великъ словомъ и житіемъ. По прошествіи довольно долгаго времени онъ былъ переселенъ старцемъ, хотя и помимо своего желанія, на мѣсто, называемое «ветхимъ сѣдалищемъ» [1]). Это произошло по слѣдующей причинѣ: нѣкоторая благочестивая женщина, честная вдова и Христова служительница, по имени Гликерія, создала на томъ мѣстѣ церковь Пречистой Владычицы нашей Богородицы и докучала преподобному Логгину многими и усердными просьбами, чтобы онъ отпустилъ Ѳеодосія жить при новосозданной церкви. Хотя ученикъ не хотѣлъ разлучаться съ своимъ отцомъ, однако, по повелѣнію его, переселился туда. Когда онъ пребывалъ тамъ, повсюду прошелъ слухъ о его добродѣтели. Добродѣтель такъ же дѣлаетъ явнымъ стяжавшаго ее, какъ зажженная свѣча обнаруживаетъ носящаго ее ночью. И начали къ святому приходить ищущіе душевной пользы, начали собираться къ нему желающіе быть подражателями его жизни.

Проживъ тамъ нѣкоторое время, блаженный сталъ тяготиться отсутствіемъ покоя, ибо онъ не терпѣлъ людскаго почитанія и молвы. Онъ ушелъ оттуда на гору, гдѣ была пещера; въ ней, по древнему преданію, отдыхали съ дороги и ночевали тѣ три волхва, которые приходили въ Виѳлеемъ ко Христу съ дарами и возвращались въ свою страну инымъ путемъ [2]). Преподобный Ѳеодосій переселился въ пещеру изъ «ветхаго сѣдалища». Это переселеніе его туда было по особому смотренію Божію,—чтобы на томъ мѣстѣ была воздвигнута преславная лавра [3]) и собрались ко Христу Богу полки духовныхъ воиновъ.

Измѣнивъ свое мѣстопребываніе, блаженный измѣнилъ вмѣстѣ и свою жизнь, начавъ проходить тѣснѣйшій путь. Желаніемъ его было исполнять всегда всѣ заповѣди Господни; онъ былъ настолько объятъ Божественною любовію, что всѣ свои душевныя силы направлялъ не къ чему-либо настоящему, а всецѣло—къ одному только Создателю Богу, чтобы любить Его всею душою, всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ и чтобы являть эту любовь самымъ дѣ-

---

[1]) По-гречески: каѳисма, или каѳисматная церковь; она находилась на полпути между Іерусалимомъ и Виѳлеемомъ.

[2]) Еваиг. отъ Матѳ., гл. 2, ст. 1—12.

[3]) *Лавра* (съ греч.: часть города, переулокъ)—рядъ келлій, расположенныхъ въ оградѣ вокругъ жилища настоятеля въ видѣ переулковъ въ городѣ. Съ глубокой древности названіе *лавра* примѣняется къ многолюднымъ и важнымъ монастырямъ. Впервые появилось оно въ Египтѣ, а затѣмъ въ Палестинѣ.

ломъ въ тѣлесныхъ трудахъ и подвигахъ, которыхъ нельзя и пересказать подробно. Молитва его была непрестанной, стояніе всенощнымъ, слезы всегда исходили изъ его очей, какъ потоки изъ источниковъ. Постъ его былъ безмѣренъ: тридцать лѣтъ онъ совсѣмъ не вкушалъ хлѣба, питался только финиками, сочивомъ[1]) или травами и кореньями пустыни, да и этого употреблялъ такъ мало, лишь бы только не умереть съ голоду. Когда же у него не было и такой пищи, по причинѣ скудости пустынной, то онъ питался косточками финиковъ, размоченными въ водѣ, душу же онъ питалъ непрестанно Словомъ Божіимъ, насыщая ее внутреннимъ Боговидѣніемъ. Живя такъ, онъ просіялъ, какъ свѣтлая звѣзда, и сдѣлался извѣстнымъ всѣмъ жителямъ Палестины, ибо не можетъ укрыться городъ, стоящій на верху горы[2]). Нѣкоторые изъ любящихъ добродѣтель приходили къ нему и пустынную жизнь съ нимъ въ пещерѣ предпочитали веселой гражданской жизни.

Вначалѣ у преподобнаго было семь учениковъ. Зная, что для начинающихъ жить по-Божьему нѣтъ ничего полезнѣе, какъ памятованіе о смерти,—что называется и считается истиннымъ любомудріемъ, — святый повелѣлъ ученикамъ выкопать могилу, чтобы, взирая на нее, они учились помнить о смерти, какъ бы имѣя ее предъ глазами. Когда могила была готова, преподобный пришелъ посмотрѣть ее и, стоя надъ могилой, сказалъ ученикамъ своимъ,—какъ бы усмѣхаясь, душевными же очами провидя имѣющее быть:

— Вотъ, чада, могила готова; не найдется ли между вами кого-либо готоваго къ смерти, дабы обновить собою эту могилу?

Когда святый сказалъ это, одинъ изъ предстоявшихъ учениковъ его, по имени Василій, по сану—іерей, тотчасъ, предупреждая другихъ, палъ на колѣна предъ старцемъ и, распростершись лицомъ на землю, просилъ благословенія умереть и быть погребеннымъ въ той могилѣ.

— Благослови, отецъ,—говорилъ онъ,—мнѣ обновить могилу, чтобы мнѣ первому изъ братьевъ, поучающихся о смерти, быть мертвецомъ.

Старецъ соизволилъ на его просьбу и повелѣлъ совершать поминовеніе по живомъ Василіи, какъ уже по умершемъ, согласно закону о поминовеніи усопшихъ: въ третій, девятый и сороковой

---

[1]) Отваръ изъ хлѣбныхъ зеренъ или гороха, бобовъ, овощей.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 5, ст. 14.

день. Когда окончилось все поминовеніе, скончался и блаженный Василій, безъ всякой болѣзни: какъ бы уснувъ сладкимъ сномъ и почивъ, онъ перешелъ ко Господу. По прошествіи сорока дней послѣ погребенія его старецъ увидѣлъ Василія, который явился посреди братіи во время правила и пѣлъ вмѣстѣ съ ними. Онъ помолился Богу, чтобы и у прочихъ открылись глаза, чтобы и они увидѣли явившагося. Увидѣвъ его, одинъ изъ братіи, по имени Аетій, отъ радости устремился обнять его руками, но явившійся тотчасъ исчезъ и сталъ невидимъ. Удаляясь, онъ сказалъ во всеуслышаніе:

— Спасайтесь, отцы и братія, спасайтесь, а меня больше здѣсь не увидите!

Это было первымъ свидѣтельствомъ добродѣтели преподобнаго Ѳеодосія,—что у него былъ таковый ученикъ, готовый, по его наставленію, на смерть и оказавшійся, послѣ тѣлесной смерти, живымъ душою, по слову Господню въ Евангеліи: **вѣрꙋ́й въ мѧ̀, а҆́ще и҆ ᲂу҆́мретъ, ѡ҆живе́тъ**[1]). Прочія же обнаруженія данной старцу отъ Бога чудесной благодати будутъ видны изъ слѣдующаго повѣствованія.

Наступалъ праздникъ Христова Воскресенія. Ученики святаго, которыхъ въ то время было уже двѣнадцать, скорбѣли, что у нихъ ничего не было на праздникъ поѣсть—ни хлѣба, ни масла, и ничего съѣстнаго, а болѣе всего скорбѣли, что въ такой пресвѣтлый праздникъ не могло быть Божественной Литургіи, такъ какъ не было для службы ни просфоры, ни вина, почему они должны были лишиться и причащенія Св. Таинъ. Тайно они роптали нѣсколько между собою на преподобнаго. Онъ же, имѣя несомнѣнную надежду на Бога, повелѣлъ братіямъ украсить Божественный алтарь и не скорбѣть.

— Тотъ,—сказалъ онъ,—Который препиталъ въ древности Израиля въ пустынѣ[2]) и послѣ того насытилъ малыми хлѣбами многія тысячи людей[3]), промыслитъ и о насъ: ибо Онъ ни силою не сдѣлался слабѣе, чѣмъ былъ прежде, ни ревность Его въ про-

---

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. 11, ст. 25.

[2]) Здѣсь разумѣется, главнымъ образомъ, манна, чудесная пища, которою Господь питалъ еврейскій народъ во время странствованія по пустынѣ, на пути въ Землю Обѣтованную. (Кн. Исх., гл. 16 и дал.)

[3]) Разумѣется чудесное насыщеніе Іисусомъ Христомъ 5-ю хлѣбами болѣе 5-ти тысячъ человѣкъ (Еванг. отъ Матѳ., гл. 14, ст. 15—21 и парал.) и 7-ю хлѣбами—болѣе 4-хъ тысячъ человѣкъ (Еванг. отъ Матѳ., гл. 15, ст. 32—38 и парал.).

мышленіи надъ міромъ не сократилась, но Онъ—Одинъ и Тотъ же Богъ во вѣки.

Такъ, съ надеждою, говорилъ преподобный,—и тотчасъ сбылись слова его. Какъ въ древности Аврааму предсталъ въ чащѣ овенъ, готовый для жертвы[1]), такъ и у сего блаженнаго старца, по Божію Промышленію, оказалось все нужное. При заходѣ солнца пришелъ къ пещерѣ ихъ нѣкоторый Боголюбецъ, везя изъ своего дома на двухъ лошакахъ различную пищу для пустынныхъ постниковъ, кромѣ того и просфоры и вино для совершенія Божественныхъ Таинствъ. При видѣ этого ученики блаженнаго возрадовались и познали, какой благодати сподобился старецъ ихъ у Бога. Они въ веселіи отпраздновали Пасху, а принесенной пищи имъ достало на всю Пятидесятницу. Потомъ снова не стало пищи, и снова братія, мучимая голодомъ, скорбѣла. Въ то время одинъ богатый мужъ творилъ много милостыни всѣмъ палестинскимъ обителямъ,—не подавалъ помощи только одной Ѳеодосіевой обители, находившейся въ пещерѣ, ибо не зналъ о ней. И докучали братія отцу, чтобы онъ далъ знать этому благодѣтелю о себѣ и о нихъ, чтобы, подобно прочимъ обителямъ, получить отъ него милостыню на пропитаніе. Преподобный Ѳеодосій, отнюдь не желая быть извѣстнымъ кому-либо въ мірѣ и надѣясь не на людей, а на Бога, открывающаго Свою руку и насыщающаго все живущее по благоволенію[2]), утѣшалъ учениковъ своихъ и поучалъ ихъ, чтобы они терпѣливо ожидали милости Божіей, уповая на Того, Кто насыщаетъ всякую алчущую душу: если Онъ даетъ пищу безсловеснымъ скотамъ и птенцамъ ворона, взывающимъ къ Нему[3]), тѣмъ болѣе Онъ не лишитъ нужной пищи и разумную словесную тварь. Когда святый утѣшалъ такимъ образомъ малодушествующую братію, пришелъ къ нимъ нѣкто, ведя лошака, навьюченнаго большимъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ. Онъ шелъ не къ Ѳеодосіевой пещерѣ, но переправлялъ припасы, чтобы отдать ихъ въ нѣкоторомъ другомъ мѣстѣ. Когда же онъ былъ близъ пещеры и хотѣлъ миновать ее, лошакъ остановился и не двигался далѣе съ мѣста; даже и послѣ многихъ побоевъ отъ своего господина оставался на мѣстѣ неподвижнымъ, подобно камню. Человѣкъ этотъ, уразумѣвъ, что лошакъ

---

1) Кн. Бытія, гл. 22, ст. 13.
2) Псал. 144, ст. 16.
3) Псал. 146, ст. 9.

его удерживается и остается неподвижнымъ по волѣ Божіей и силою невидимою, ослабилъ ему поводья и пустилъ его идти, куда хочетъ. Лошакъ, какъ бы ведомый нѣкоей рукой, пошелъ прямо къ обители преподобнаго Ѳеодосія, находившейся въ пещерѣ, и человѣкъ тотъ, познавъ благословеніе Господне и Промышленіе Его о Своихъ рабахъ, отдалъ всѣ припасы преподобному старцу и ученикамъ его. И съ того времени ученики святаго перестали малодушествовать и старались быть ревнителями твердой вѣры и надежды своего преподобнаго отца на Бога.

Число братій ежедневно увеличивалось, ибо источники благодати, которой былъ исполненъ святый отецъ, привлекали къ себѣ много душъ, любящихъ добродѣтель, которыхъ можно было бы назвать разумными ланями, желающими духовныхъ водъ[1]), причемъ немало приходило сановитыхъ и богатыхъ людей, чтобы жить съ преподобнымъ. Пещера сдѣлалась тѣсною для помѣщенія столь большаго количества людей. Приступивъ къ преподобному, братія стала докучать ему просьбами, чтобы онъ основалъ возлѣ пещеры монастырь и устроилъ широкую ограду для словесныхъ овецъ.

— Не заботься, отче,—говорили они,—о средствахъ для построенія монастыря; только прикажи,—и нашихъ рукъ будетъ достаточно для совершенія этого дѣла.

Святый, видя, что его призываютъ быть пастыремъ весьма многочисленнаго стада и что нарушается его безмолвіе, смущался различными помыслами,—то не желая оставить безмолвіе какъ нелицемѣрную матерь, то попеченіе о братіяхъ считая за дѣло немаловажное, ибо не для себя одного только человѣкъ долженъ жить, но гораздо болѣе—для ближняго, образомъ чего былъ Самъ Христосъ Господь, Который собралъ учениковъ, явился Пастыремъ словесныхъ овецъ и положилъ за нихъ душу Свою. Размышляя объ этомъ, преподобный Ѳеодосій недоумѣвалъ, чего держаться: безмолвія ли, или попеченія о спасеніи братіи, и склонялся мыслію то къ сему, то къ другому. Что же дѣлаетъ блаженный?—Онъ возлагаетъ все на Бога, могущаго соединить и то и другое для одной пользы,—чтобы и плодъ безмолвія не потерять, и не лишиться награды за начальствованіе надъ братіями и попеченіе о нихъ; ибо жизнь инока укрѣпляется не въ уединеніи тѣла, но—чрезъ твердость въ добрѣ и миръ сердца. Преподобный держалъ еще въ

---

[1]) Псал. 41, ст. 2.

умѣ и пророчество святаго Симеона Столпника, который предсказалъ ему пасеніе словесныхъ овецъ. Впрочемъ, онъ поручалъ дѣло, предпринимаемое имъ, Божію изволенію и молился Ему, чтобы Онъ далъ знать, если Ему будетъ угодно созданіе монастыря, и указалъ чудеснымъ знаменіемъ мѣсто, на которомъ дòлжно было бы полагать основаніе обители. Взявъ кадило и наполнивъ его холоднымъ углемъ, онъ положилъ ѳиміамъ, безъ огня, и пошелъ по пустынѣ, молясь такъ:

«Боже, увѣрившій Израиля многими и великими чудесами и убѣдившій различными знаменіями угодника Своего Моисея, чтобы онъ принялъ бремя начальствованія надъ Твоими людьми; измѣнившій жезлъ въ змія и здоровую руку—въ побѣлѣвшую отъ проказы и потомъ сдѣлавшій ее снова здоровой[1]); обратившій воду въ кровь и легко обращающій кровь снова въ воду[2]); давшій Гедеону на рунѣ знаменіе побѣды[3]), Творецъ всего и Вседержитель; начертавшій Езекіи продолженіе жизни тѣнію, возвращенною назадъ по ступенямъ[4]); услышавшій молитвы Иліи и пославшій огонь съ неба для обращенія нечестивыхъ, и попалившій дрова и жертвы, и камни и воду[5])! Ты и нынѣ—Тотъ же Богъ, услыши меня, раба Твоего, и покажи мѣсто, гдѣ будетъ угодно Тебѣ, чтобы я воздвигъ святый храмъ Твоей Державѣ и устроилъ обитель рабамъ Твоимъ, моимъ ученикамъ. Укажи всеконечно такое мѣсто тамъ, гдѣ повелишь симъ углямъ возгорѣться самимъ по себѣ, во славу Твою, для познанія и возвѣщенія истины многимъ».

Говоря въ молитвѣ это и подобное сему, онъ обходилъ мѣста, которыя казались болѣе удобными для построенія монастыря. Онъ прошелъ далеко по пустынѣ и, съ тѣми же невозгорающимися и холодными углями въ кадилѣ, достигъ до мѣста, называемаго Кутилла, у береговъ Смолянаго озера[6]). И когда увидѣлъ, что угли не загораются и его желаніе не исполняется, то вознамѣрился возвратиться въ пещеру. Когда онъ возвращался, и пещера была уже недалеко (о, кто достойно восхвалитъ Твою, Безсмертный Царю, силу!), изъ кадильницы внезапно вышелъ благоухающій

---

1) Кн. Исх., гл. 3, ст. 3, 6 и 7.

2) Кн. Исх., гл. 7, ст. 20.

3) Кн. Суд., гл. 6, ст. 37—38.

4) 4 Кн. Цар., гл. 20, ст. 1—11; ср. Кн. Прор. Ис., гл. 38, ст. 7—8.

5) 3 Кн. Цар., гл. 18, ст. 38.

6) Такъ называлась часть пустыни на западномъ берегу Мертваго моря, которое здѣсь зовется Смолянымъ, или Асфальтовымъ.

дымъ, ибо угли сильно разгорѣлись. Святый позналъ, что это—мѣсто, на которомъ, по благоволенію Божію, должна быть создана обитель, чудесно отмѣченная не языкомъ, но огнемъ. Ученики святаго тотчасъ принялись за дѣла: положивъ основаніе, они построили церковь, келліи и ограду и скоро, съ помощію Всевышняго, устроили просторную обитель.

Лавра преподобнаго Ѳеодосія сдѣлалась знаменитою и славною, и въ ней было установлено общежитіе. Господь даровалъ этой лаврѣ всякое изобиліе, чтобы живущіе въ ней не только могли обогащаться духовными богатствами добрыхъ дѣлъ, но—не были лишены и потребнаго для тѣла. И находили тамъ успокоеніе не только иноки, но и міряне, странники и пришельцы, нищіе и убогіе, больные и немощные. Ибо преподобный Ѳеодосій былъ милосердъ, человѣколюбивъ и милостивъ, являясь для всѣхъ сердобольнымъ отцомъ, для всѣхъ—любезнымъ другомъ, для всѣхъ—усерднымъ рабомъ и служителемъ, очищая язвы и струпья больныхъ, омывая кровь, поя ихъ изъ своихъ рукъ и оказывая имъ всякія услуги. Онъ обнаруживалъ великую любовь и къ приходящимъ отовсюду, угощая ихъ, успокаивая и снабжая всѣмъ необходимымъ. Преподобный былъ общимъ пристанищемъ, общей врачебницей, общимъ домомъ, общимъ пиромъ, общимъ сокровищемъ недугующихъ, алчущихъ, наготствующихъ, странствующихъ; всѣ утѣшались его любовью, милостію и щедростію, и никого онъ не презиралъ. Служащіе въ обители за трапезой замѣчали, что иногда случалось въ одинъ день подавать до ста обѣдовъ для приходящихъ, и странниковъ, и нищихъ: такъ былъ человѣколюбивъ и страннолюбивъ преподобный отецъ. Богъ, Который Самъ есть Любовь[1]), видя такую любовь Своего угодника къ ближнимъ, благословилъ монастырь его, такъ что и малое количество пищи невидимо умножалось въ немъ и насыщало безчисленное множество народа.

Однажды въ Палестинѣ былъ голодъ, и множество нищихъ и убогихъ собралось отовсюду къ вратамъ монастыря въ Недѣлю цвѣтоносную, чтобы получить обычную милостыню. Ученики опечалились, что не имѣютъ столько пищи, чтобы подать столь многочисленнымъ просителямъ, и сказали объ этомъ блаженному. Онъ же, съ гнѣвомъ взглянувъ на нихъ, укорилъ ихъ за невѣріе и сказалъ:

— Скорѣе отворите ворота, чтобы вошли всѣ!

[1]) 1 Посл. Іоан., гл. 4, ст. 8.

Нищіе и убогіе, войдя, сѣли рядами.

Преподобный приказалъ ученикамъ дать имъ хлѣба; ученики пошли къ хлѣбопекарнѣ со скорбію, не надѣясь найти ничего, но, открывъ пекарню, увидали, что она полна хлѣбовъ, ибо рука Промыслителя всѣхъ Бога наполнила ее, ради вѣры раба Своего. Братія восхвалили Бога за такое чудо и подивились великому упованію на Бога своего аввы.

Когда въ другой разъ, въ праздникъ Успенія Пречистыя Богородицы, пришло въ монастырь много народу, пищи же было мало, чтобы предложить ее столь великому множеству, преподобный Ѳеодосій, воззрѣвъ на Небо и благословивъ нѣсколько небольшихъ хлѣбовъ, велѣлъ предложить ихъ, и народъ насытился, такъ какъ Богъ умножалъ эти хлѣбы, какъ нѣкогда—пять хлѣбовъ [1]); такъ что еще и на дорогу каждый взялъ себѣ сколько было нужно. Братія, собравъ оставшіеся укрухи, наполнили ими много корзинъ и, высушивъ на солнцѣ, питались въ продолженіе немалаго времени. И много разъ въ обитель собиралось несмѣтное множество народа, такъ что, казалось, и колодцевъ было недостаточно для напоенія столь великаго количества людей; однако неоскудѣвающія руки Питателя всѣхъ—Бога вполнѣ всѣхъ насыщали.

Преподобный устроилъ много страннопріимныхъ домовъ и различныхъ больницъ: особую для иноковъ, особую для мірянъ и особую для начальствующихъ и состарѣвшихся въ трудахъ. Онъ посѣщалъ, кромѣ того, и находящихся въ горахъ и пещерахъ, заботился и болѣлъ о нихъ сердцемъ, какъ отецъ о дѣтяхъ. Онъ доставлялъ имъ все потребное и для тѣла, и для души, уча и наставляя ихъ и избавляя многихъ отъ сатанинскаго обольщенія.

Такъ какъ въ обители преподобнаго братія была не изъ одного народа и не одного языка, но различныхъ, то, поэтому, онъ устроилъ и другія церкви, въ которыхъ каждый народъ могъ бы на своемъ языкѣ славить Бога. Такъ, въ Великой церкви Пречистыя Богородицы—греки [2]), въ другой—иверійцы [3]), въ третьей—армяне [4]) пѣли церковное правило на своихъ языкахъ, по семи разъ въ

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 14, ст. 21. Еванг. отъ Луки, гл. 9, ст. 14.

2) *Греки*—народъ, съ незапамятныхъ временъ занимавшій бо́льшую часть нынѣшняго Балканскаго полуострова и близлежащіе острова; въ христіанскія времена они всегда въ значительномъ количествѣ жили и живутъ въ Святой Землѣ.

3) *Иверійцы*—т. е. родомъ изъ Иверіи, нынѣшней Грузіи.

4) *Армяне* жили по сосѣдству со Святой Землей. Собственно Арменія граничила на сѣверѣ съ Колхидою, Иверіей и Албаніей (в дохристианские времена восточная часть местностей, лежащих к югу от Кавказа, между Черным морем и Каспийским, к северу от Армении—*Ред.*), на западѣ—съ Малой Азіей, на югѣ—съ Месопотаміей, на юго-востокѣ и востокѣ—съ Мидіею и Сиріею.

день, согласно уставу Давидову: седмери́цею,—сказалъ онъ,—дне́мъ хва́лихъ тѧ̀[1]); для больныхъ была особая церковь. Во время же причащенія Пречистыхъ Таинъ вся братія собиралась изъ всѣхъ церквей въ одну Великую церковь, въ которой пѣли греки, и всѣ причащались вмѣстѣ. Всѣхъ братій, чадъ преподобнаго отца, которыхъ онъ возродилъ духовно, воспиталъ въ отеческомъ наставленіи и направилъ къ добродѣтели, было числомъ шестьсотъ девяносто три. Многіе изъ нихъ были пастырями въ другихъ монастыряхъ, научившись доброму управленію отъ святаго Ѳеодосія, исполненнаго духовной премудрости и разума; онъ пасъ свое стадо не жезломъ наказывая, но воспитывая словомъ,—словомъ, растворенным солью[2]), трогающимъ за душу, проникающимъ до самой глубины внутреннихъ движеній; вмѣстѣ съ словомъ онъ училъ и дѣломъ, являя самимъ собою примѣръ для паствы. Посему и тогда, когда кого-либо ласково увѣщавалъ, онъ былъ, однако, страшенъ для многихъ, и когда кого-либо обличалъ, былъ любезенъ и обходителенъ. Удивительно въ немъ было то, что, не будучи наученъ мірскому любомудрію и не будучи свѣдущъ въ греческихъ книгахъ, онъ излагалъ поученія съ такою обстоятельностію, что съ нимъ не могъ сравниться никто изъ состарившихся надъ книгами и въ совершенствѣ изучившихъ ораторское искусство. Ибо онъ училъ не отъ человѣческой мудрости, но отъ благодати Духа Божія, тайно вѣщающаго къ нему, какъ къ другому Іереміи: сѐ да́хъ словеса̀ моѧ̀ во ѹ҆ста̀ твоѧ̀[3]). И говорилъ блаженный еще много душеполезнаго: иное—отъ себя, иное—отъ апостольскихъ изреченій, отеческихъ завѣщаній и постническихъ словъ Василія Великаго, жизни котораго онъ подражалъ и богомудрыя писанія котораго особенно любилъ. Изъ многихъ большихъ поученій его хорошо привести на память слѣдующее небольшое:

«Умоляю васъ, братія, ради любви Господа нашего Іисуса Христа, предавшаго Себя за наши грѣхи, позаботимся, наконецъ, о своихъ душахъ, поскорбимъ о суетности прошлой жизни и поревнуемъ о будущемъ, во славу Бога и Сына Его; не будемъ пребывать въ лѣности и настоящемъ разслабленіи, проводя нынѣшній день въ уныніи и отлагая начало добрыхъ дѣлъ на завтра, чтобы намъ не оказаться предъ Судіею нашихъ душъ безъ доб-

---

1) Псал. 118, ст. 164.

2) Т. е. рѣчью разумною, полною назиданія,—ср.: Посл. къ Колос., гл. 4, ст. 6.

3) Кн. Прор. Іерем., гл. 1, ст. 9.

рыхъ дѣлъ, не быть изгнанными изъ чертога радости, не плакаться праздно и безнадежно о дурно прожитомъ времени жизни, рыдая тогда, когда не будетъ никакой пользы въ раскаяніи: нынѣ—время благопріятное, нынѣ—день спасенія. Настоящій вѣкъ—покаянія, а будущій—воздаянія, этотъ—дѣланія, а тотъ—полученія награды, этотъ—терпѣнія, тотъ—утѣшенія. Нынѣ Богъ—Помощникъ для обращающихся отъ злого пути, а тогда Онъ будетъ страшнымъ Судіею человѣческихъ дѣлъ, словъ и помышленій, отъ Котораго ничто не можетъ укрыться. Нынѣ мы наслаждаемся Его долготерпѣніемъ, а тогда познаемъ Его правосудіе,—когда воскреснемъ одни—въ муку вѣчную, другіе—въ жизнь вѣчную, и получимъ каждый по своимъ дѣламъ. Долго ли намъ медлить повиновеніемъ Христу, призывающему насъ въ Свое Небесное Царство? Не пора ли намъ опамятоваться? Не пора ли обратиться отъ суетной жизни къ Евангельскому совершенству? Какъ мы посмотримъ на страшный и ужасный день Господень, когда стоящихъ одесную[1]) Бога и близкихъ къ Нему по добрымъ дѣламъ приметъ Царство Небесное, а находящихся ошуюю[2]), отверженныхъ за неимѣніе добрыхъ дѣлъ, скроютъ геенна огненная, тьма вѣчная и скрежетъ зубовный? Мы говоримъ, что желаемъ Царства Небеснаго, а какъ его получить, о томъ не заботимся. Не потрудившись нисколько надъ исполненіемъ заповѣди Господней, мы надѣемся, по суетности нашего ума, на честь равную съ тѣми, которые боролись противъ грѣха до смерти».

Поучая такъ своихъ учениковъ, преподобный побуждалъ ихъ къ послѣдней ревности о спасеніи. Хотя онъ былъ во всемъ кротокъ нравомъ, однако тамъ, гдѣ совершалось насиліе надъ благочестіемъ, онъ былъ подобенъ палящему огню, или рубящей сѣкирѣ, или неодолимому воинскому оружію.

Въ то время царствовалъ Анастасій[3]), наслѣдовавшій державу послѣ Льва Великаго[4]) и Зенона[5]). Вначалѣ его царствованіе казалось подобнымъ сладостному Раю, впослѣдствіи же оказалось какъ бы полемъ погибели. Онъ сдѣлался подобнымъ тѣмъ пастырямъ, которые растериваютъ и губятъ свое стадо и поятъ

---

1) Т. е. по правую сторону; см. Еванг. отъ Матѳ., гл. 25, ст. 34.

2) Т. е. по лѣвую сторону; Еванг. отъ Матѳ., гл. 25, ст. 41.

3) *Анастасій I Дикоръ*, или *Ѳракіецъ*, царствовалъ съ 491 по 518 г.

4) Царствовалъ съ 457 по 474 г.

5) Царствовалъ съ 474 по 491 г.

овецъ мутною водою; ибо онъ совратился въ ересь Евтихія и безглавнаго Севера[1]) и смущалъ ею Церковь Божію, отвергая Халкидонскій Четвертый Вселенскій Соборъ святыхъ Отцевъ, изгоняя православныхъ епископовъ съ престоловъ ихъ, а еретическихъ поставляя на ихъ мѣста и склоняя къ единомыслію съ собою многихъ изъ православныхъ: однихъ—угрозами, другихъ—почестями и дарами. Онъ дерзнулъ коснуться своимъ льстивымъ коварствомъ и сего непоколебимаго въ вѣрѣ столпа—преподобнаго отца нашего Ѳеодосія. Попытка обольщенія заключалась въ томъ, что онъ прислалъ преподобному тридцать литръ[2]) золота—какъ бы для пропитанія и одѣянія нищихъ и на нужды больныхъ, на самомъ же дѣлѣ—стараясь снискать расположеніе къ себѣ преподобнаго, котораго слушала вся Палестина, разуму и совѣту котораго она слѣдовала. Великій отецъ, понимая лукавство царя, былъ какъ бы орелъ, летающій въ облакахъ, недоступный и недосягаемый, который скорѣе самъ могъ уловить своего ловца. Онъ не отказался отъ присланнаго золота, чтобы не показаться безразсудно презирающимъ вѣру царя и не подать повода къ его гнѣву, чтобы, кромѣ того, милостынею, совершаемою на это золото, исходатайствовать ему у Бога милость для наставленія его на путь истинный. Но милостыня не имѣла никакого успѣха, потому что золото было прислано не по правдѣ, а съ лукавствомъ. Царь получилъ надежду имѣть въ лицѣ Ѳеодосія своего единомышленника, такъ какъ онъ принялъ золото; но напрасна была его надежда.

Наступило время, когда царь сталъ требовать отъ преподобнаго чрезъ своихъ посланныхъ исповѣданія вѣры, на которое онъ разсчитывалъ, именно—согласнаго съ ученіемъ Евтихія и Севера. Преподобный, собравъ всѣхъ пустынниковъ, твердо возсталъ, какъ мужъ сильный и вождь духовнаго воинства, противъ еретическаго зловѣрія, царю же отвѣчалъ слѣдующимъ посланіемъ:

«Царь! Когда намъ предстоитъ одно изъ двухъ: или жить нечестиво, лишившись, въ слѣдованіи за безглавными, свободы, или честно умереть, послѣдуя истиннымъ догматамъ святыхъ Отцовъ,—то знай, что мы предпочитаемъ смерть, ибо не принимаемъ новыхъ

---

[1]) *Безглавные* (по-гречески — акефалы) — еретики VI вѣка, послѣдователи *Севера* Александрійскаго. Они не допускали ни епископовъ, ни священниковъ, ни Таинствъ и представляли собою крайнюю партію *монофизитовъ*.

[2]) *Литра*—фунтъ, мѣра вѣса, равная 72 золотникамъ; въ серебрѣ стоила до 42 руб., въ золотѣ—до 506 руб.

догматовъ, но слѣдуемъ законамъ ранѣе жившихъ Отцевъ. А тѣхъ, которые утверждаютъ, помимо этого, иное, благочестиво отвергаемъ и предаемъ проклятію, и не примемъ никого, рукополагаемаго безглавными, по принужденію. Да не будетъ съ нами сего, Христе-Царю! Если же случится что-либо подобное, то, призвавъ во свидѣтельство истины Бога, нынѣ хулимаго ими, будемъ противиться даже до смерти. Какъ за Отечество, такъ и за Православіе съ радостію положимъ наши души—даже и въ томъ случаѣ, если увидимъ эти Святыя мѣста погибающими въ огнѣ. Ибо, какая нужда въ одномъ только наименованіи — называться Святыми мѣстами,—если на самомъ дѣлѣ эта святыня терпитъ ругательство отъ еретичествующихъ? Мы никакимъ образомъ не рѣшимся не только сказать, но даже и помыслить что-либо несогласное съ святыми Вселенскими Соборами. Первый изъ нихъ украшается тремястами восемнадцатью Отцами, которые собрались на Арія[1]) и, предавъ окаяннаго анаѳемѣ, отсѣкли отъ тѣла Церкви; ибо онъ отчуждалъ Сына отъ существа Отца—по естеству и вводилъ догматы неправой вѣры. Второй Соборъ, по внушенію Божію, собрался въ Царь-градъ на Македонія, который хулилъ Святаго Духа. Третій величественно сошелся въ Ефесѣ[2]) на скверноязычнаго и нечестиваго Несторія, хулившаго воспринятую отъ Пречистой Дѣвы плоть Христову[3]). Послѣ сего былъ Соборъ шестисотъ тридцати богоносныхъ Отцевъ въ Халкидонѣ, которые изрекли согласное съ первыми Соборами и пояснили сказанное ими. Они отсѣкли отъ священнаго тѣла Церкви окаяннаго и злочестиваго Евтихія вмѣстѣ съ Діоскоромъ и утвердили апостольскую вѣру, всякаго же, мыслящаго противно ей, отлучили отъ Церкви Христовой. За противленіе симъ Соборамъ да возгорится на насъ огонь, да будетъ изощренъ противъ насъ мечъ, да постигнетъ насъ лютѣйшая смерть и даже, если возможно, вмѣсто одного

---

1) *Первый (Никейскій) Вселенскій Соборъ* былъ въ 325 г.

2) *Ефесъ* — знаменитый городъ Лидіи (въ западной части Малой Азіи), считавшійся столичнымъ для всей Малой Азіи. Въ теченіе долгаго времени онъ былъ мѣстопребываніемъ св. Апостола Іоанна Богослова. — *III Вселенскій Соборъ* былъ здѣсь въ 431 году.

3) *Несторій*, бывшій архіепископомъ Константинопольскимъ (428—431 гг.), вслѣдъ за Діодоромъ, епископомъ Тарсійскимъ, и Ѳеодоромъ, епископомъ Мопсуетскимъ, искажалъ православное ученіе объ образѣ соединенія въ Іисусѣ Христѣ двухъ естествъ. Онъ училъ, что отъ Пресвятой Дѣвы Маріи родился не Богочеловѣкъ, а человѣкъ,—родился, будто бы, естественнымъ образомъ и притомъ былъ не чуждъ страстей и недостатковъ. Божество, по этому ученію, соединилось съ человѣкомъ Іисусомъ, будто бы, уже потомъ, когда онъ окончательно утвердился въ добрѣ.

раза смерть пусть постигнетъ насъ безчисленное множество разъ. Мы же ни въ какомъ случаѣ не отступимъ отъ истиннаго благочестія и не обезчестимъ отверженіемъ то, что доблестно приняли Отцы. Свидѣтелями этого пусть будутъ ихъ поты и многіе подвиги, которые они подъяли за вѣру; но это будетъ хранимо крѣпко и неизмѣнно и нами, и тѣми, которые сочтутъ за благо послѣдовать Богу и намъ. Миръ же Божій, превосходящій всякое разумѣніе[1]), да будетъ хранителемъ и наставникомъ державы твоей».

Этимъ посланіемъ преподобный ясно показалъ свою великую ревность по благочестіи. Прочитавъ его, царь устыдился и нѣсколько смирился и на время прекратилъ внутри своего государства гоненія на православныхъ. Онъ отписалъ къ преподобному со смиреніемъ, обвиняя другихъ въ церковной смутѣ.

«Человѣкъ Божій, — писалъ онъ, — въ новшествѣ этомъ мы неповинны. Призываемъ дерзновенно во свидѣтельство всевидящее око Божіе,—отъ тѣхъ происходитъ эта смута, которымъ много болѣе другихъ слѣдовало бы въ молчаніи почитать догматы вѣры и соборы. Они же желаютъ каждый показаться выше другихъ въ словѣ и въ достоинствѣ, нападаютъ другъ на друга и насъ привлекаютъ къ себѣ. Не безъизвѣстно твоему преподобію, что нѣкоторые изъ иноковъ и клириковъ, считающіе себя правомыслящими, вызвали эти соблазны, стараясь, какъ мы сказали, показать свое превосходство».

Однако царь смирился не надолго, и по прошествіи нѣкотораго времени снова возсталъ противъ Православія. И снова всюду, даже и во Святомъ Градѣ Іерусалимѣ, были возвѣщены постановленія царя, отвергающія святые Соборы, въ особенности же Халкидонскій. Снова духовный воинъ, преподобный Ѳеодосій, хотя уже и престарѣлый лѣтами, обнаружилъ юношескій подвигъ. Когда всѣ молчали изъ страха и весьма многіе изъявляли согласіе, преподобный пришелъ въ Іерусалимъ изъ своей обители и, ставъ въ Великой іерусалимской церкви на возвышеніи, съ котораго обыкновенно священники предлагаютъ чтенія народу, и сдѣлавъ рукою знакъ молчанія, громко возгласилъ:

— Кто не почитаетъ четыре Вселенскіе Собора, какъ и четыре Евангелія, да будетъ анаѳема!

Сказавъ это, онъ, какъ Ангелъ, поразилъ народъ, и никто изъ противниковъ не осмѣлился ничего возразить. Потомъ, призвавъ

[1]) Выраженіе Апостола. Ср.: Послан. къ Филипп., гл. 4, ст. 7.

изъ своихъ учениковъ усерднѣйшихъ къ вѣрѣ, онъ обходилъ съ ними окрестные города и селенія, уничтожая зловѣріе и утверждая благочестіе. Царь, услышавъ объ этомъ, осудилъ его на изгнаніе,—окаянный не зналъ, что смерть стояла уже у дверей его. Преподобный былъ сосланъ въ заточеніе, а царь Анастасій скоро лишился сей временной жизни, послѣ чего исповѣдникъ Христовъ Ѳеодосій, вмѣстѣ съ другими, претерпѣвавшими изгнаніе за Православіе, немедленно возвратился въ свою обитель. Писалъ къ нему Феликсъ, епископъ древняго Рима[1]), также и Ефремъ, епископъ Антіохійскій[2]), ублажая блаженнаго многими похвалами за то, что онъ обнаружилъ такую ревность—потерпѣлъ за истинную вѣру изгнаніе и готовъ былъ принять смерть. Но уже время перейти намъ къ сказанію о чудесахъ святаго.

Въ то время, когда злочестивое повелѣніе царя Анастасія было возвѣщаемо во Святомъ Градѣ Іерусалимѣ, для этого были собраны всѣ отцы изъ палестинскихъ обителей. и преподобный Ѳеодосій. какъ мы сказали, пришелъ туда же со своими учениками. И весь этотъ соборъ былъ на мѣстѣ, называемомъ Іераѳіонъ[3]),—мѣсто же это есть сооруженное Константиномъ Великимъ сѣдалище, на которомъ ежегодно бывало воздвиженіе Честнáго Креста Господня.

Въ это время одна женщина, имѣвшая на груди болѣзнь, которую врачи называютъ «канкрумъ»[4]), страдая долгое время и не получая отъ врачей никакого облегченія, пришла туда и стояла, въ изнеможеніи, близъ лика святыхъ Отцовъ. Подойдя къ одному изъ нихъ (то былъ преподобный Исидоръ, бывшій впослѣдствіи игуменомъ Сукійской[5]) обители), она сказала ему со слезами о своей болѣзни и спрашивала: есть ли въ томъ соборѣ преподобный Ѳеодосій и каковъ онъ видомъ? Исидоръ указалъ ей

---

[1]) *Римскій епископъ Феликсъ* управлялъ Римскою Церковію съ 526 по 530 годъ.

[2]) *Св. Ефремъ* занималъ антіохійскую каѳедру съ 528 по 545 г.

[3]) Этимъ именемъ называлась особая часовня, въ такъ называемомъ Мартиріумѣ, выстроенномъ Константиномъ Великимъ; Животворящій Крестъ находился тамъ и въ концѣ VI вѣка, и его ежегодно воздвигали, собственно на Страстной недѣлѣ, преимущественно въ Великую Пятницу. Часовня эта запиралась постоянно, и ключъ отъ нея хранился у особаго пресвитера, называвшагося ставрофилаксомъ (крестохранителемъ).

[4]) Здѣсь, вѣроятно, нужно разумѣть неизлѣчимую болѣзнь, называемую теперь *канцеръ*, т. е. *ракъ*.

[5]) Одна изъ наиболѣе извѣстныхъ Палестинскихъ лавръ, основанная преп. Харитономъ († 340 г., память его 28-го сентября); теперь—могаретъ Харетунъ, пещера преп. Харитона, къ югу отъ Виѳлеема.

перстомъ святаго. Она, подойдя и ставъ сзади,—подобно кровоточивой, коснувшейся края одежды Господней[1]),—тайно прикоснулась къ иноческому одѣянію, которое было на преподобномъ, и тотчасъ получила исцѣленіе. Это не утаилось отъ преподобнаго, который, обратившись къ женщинѣ, сказалъ:

— Дерзай, дочь, ибо Владыка мой сказалъ: **вѣра твоѧ спасе тѧ**[2]).

Блаженный Исидоръ поспѣшно подошелъ къ женщинѣ, желая видѣть совершившееся чудо, и нашелъ, что не осталось и знака на томъ мѣстѣ, гдѣ была неизлѣчимая язва.

По смерти царя Анастасія и по возвращеніи изъ заточенія преподобнаго отца, у Θеодосія было въ обычаѣ ходить въ Виθлеемъ для молитвы. Однажды, желая отдохнуть отъ труда, онъ свернулъ съ пути въ обитель преподобнаго Маркіана. Тотъ, съ любовію принявъ дорогаго гостя, не имѣлъ чѣмъ угостить его, ибо у него не было въ то время ни хлѣба, ни пшеницы. Когда они довольно долгое время пребыли въ духовной бесѣдѣ другъ съ другомъ и настало время трапезы, Маркіанъ приказалъ своимъ ученикамъ, чтобы они сварили сочиво и подали имъ. Θеодосій же, видя такую бѣдность его, велѣлъ своимъ ученикамъ вынуть изъ мѣшка и предложить своихъ хлѣбовъ, взятыхъ изъ дому на дорогу. Когда они ѣли, преподобный Маркіанъ сказалъ преподобному Θеодосію:

— Не обезсудь, отче, на томъ, что приготовили скудное угощеніе, и не укоряй насъ, что не предложили хлѣба, ибо мы очень обѣднѣли, и у насъ совсѣмъ нѣтъ пшеницы.

Когда онъ сказалъ это, дивный Θеодосій, посмотрѣвъ на бороду Маркіана, увидѣлъ неизвѣстно откуда попавшее въ нее пшеничное зерно. Осторожно и тихо снявъ его правою рукою, онъ сказалъ съ радостной улыбкою на лицѣ:

— Вотъ и пшеница,—какъ же вы говорите, что у васъ нѣтъ пшеницы?

Блаженный Маркіанъ, взявъ съ радостію изъ Θеодосіевыхъ рукъ вынутое изъ своей бороды зерно, какъ нѣкоторое плодородное сѣмя, повелѣлъ отнести его въ житницу, вѣруя, что, по благословенію святаго Θеодосія, оно безъ труда принесетъ плодъ бо́льшій, чѣмъ на воздѣланной нивѣ, что и случилось. По уходѣ Θеодосія, когда ученики хотѣли поутру открыть двери житницы,

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 9, ст. 20—22 и параллел.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 9, ст. 22 и параллел.

то увидѣли, что она полна пшеницы, такъ что даже и двери не открывались. Маркіанъ послалъ къ преподобному Ѳеодосію съ извѣстіемъ о совершившемся чудѣ и съ благодарностію за умноженіе пшеницы.

Преподобный отвѣчалъ:

— Не я, но ты, отче, умножилъ пшеницу, ибо зерно было взято изъ твоей бороды.

Одна знаменитая женщина изъ Александріи[1]) пришла въ обитель преподобнаго Ѳеодосія съ сыномъ своимъ, маленькимъ отрокомъ, который, увидѣвъ издали святаго отца и указывая на него пальцемъ, воскликнулъ къ своей матери:

— Вотъ кто спасъ меня отъ потопленія въ колодезѣ, поддержавъ меня за руку, чтобы я не утонулъ въ водѣ.

Мать, упавъ къ ногамъ преподобнаго, разсказала слѣдующее:

— Отрокъ этотъ,—сказала она,—играя съ своими сверстниками, упалъ по неосторожности въ глубочайшій колодезь, и мы думали, что онъ разбился тамъ и утонулъ. Рыдая о немъ, какъ уже объ умершемъ, мы спустили одного человѣка въ колодезь, чтобы вынуть изъ воды трупъ отрока, но нашли ребенка живымъ на поверхности воды. Когда мы изумлялись и спрашивали, какимъ образомъ онъ не утонулъ въ водѣ, онъ разсказалъ намъ:

— Какой-то престарѣлый инокъ, явившись, взялъ меня за руку и держалъ на водѣ.

Съ того времени, взявъ отрока, я обхожу города и селенія, горы и пустыни,—пока не найду этого отца. И вотъ я нашла твое преподобіе, и тебя узналъ ребенокъ мой, спасенный тобою отъ потопленія.

Другая женщина очень страдала во время рожденія дѣтей,—она рождала мертвыхъ дѣтей и всякій разъ съ весьма тяжкими страданіями. Она была и многочадна, и безчадна: многочадна—потому что рождала часто, безчадна—потому что дѣти рождались мертвыми. Со слезами просила она преподобнаго Ѳеодосія помолиться о ней, чтобы ей не рождать болѣе мертвыхъ дѣтей и чтобы облегчились ея жестокія страданія. Еще просила она и о

---

[1]) Городовъ съ этимъ именемъ было извѣстно въ древности нѣсколько. Здѣсь нужно разумѣть *Александрію—столицу Египта*, при Средиземномъ морѣ. Городъ этотъ славился своею ученостію и богатствомъ, былъ основанъ въ 332 г. до Р. Хр. Александромъ Великимъ.

томъ, чтобы, когда она родитъ мальчика, позволилъ назвать его своимъ именемъ—Θеодосіемъ.

— Если ты позволишь,—сказала она,—назвать твоимъ именемъ имѣющаго родиться отъ меня, то надѣюсь, что ребенокъ будетъ живъ.

Преподобный согласился на ея просьбу, усердно помолился о ней Богу; и когда настало время женщинѣ родить, то у нея не было прежнихъ страданій,—она родила легче, и ребенокъ оказался живымъ, мужескаго пола, и былъ названъ именемъ преподобнаго. Когда окончилось кормленіе его грудью и онъ нѣсколько подросъ, то его привели въ обитель къ преподобному отцу и посвятили на иноческое служеніе Богу. Также и другая женщина изъ Виѳлеема, скорбѣвшая о своихъ умиравшихъ дѣтяхъ, когда назвала новорожденнаго именемъ преподобнаго, сохранила чрезъ то ему жизнь; онъ выросъ здоровымъ и былъ мужемъ искуснымъ, ибо былъ превосходнымъ архитекторомъ.

Однажды гусеницы и саранча производили опустошенія въ Палестинѣ. Преподобный былъ въ то время уже весьма старъ и не могъ ходить. Однако онъ приказалъ ученикамъ вести себя въ поле, гдѣ угрожала плодамъ земнымъ погибель, и тамъ остановилъ саранчу и гусеницъ, сказавъ:

— Общій намъ всѣмъ Владыка повелѣваетъ вамъ, чтобы вы не погубляли человѣческихъ трудовъ и не съѣдали пищу бѣдныхъ.

И тотчасъ саранча разсѣялась, какъ облако, и гусеницы погибли.

Однажды братія очень нуждались въ одеждѣ и не имѣли, чѣмъ прикрыть наготу. Приходя къ преподобному, они докучали ему просьбами. Онъ же, не имѣя средствъ на покупку одеждъ, могъ развѣ только соболѣзновать имъ, однако, словами обѣщанія Владыки, сказалъ имъ:

— **Не пецы́тесѧ ᲂу҆́бѡ на ᲂу҆́трей: и҆щи́те же пре́жде ц҃рⷭ҇твїѧ бж҃їѧ и҆ пра́вды є҆гѡ̀, и҆ сїѧ̑ всѧ̑ приложа́тсѧ ва́мъ: вѣ́сть бо ѻ҆ц҃ъ ва́шъ нб҃ный, и҆́хже тре́бꙋете пре́жде проше́нїѧ ва́шегѡ**[1]).

Въ то время, какъ святый утѣшалъ такъ братію, пришелъ одинъ мужъ, который никому не былъ извѣстенъ и не сказалъ о себѣ, кто онъ и откуда. Онъ далъ преподобному на монастырскія нужды сто золотыхъ монетъ и ушелъ. Преподобный, воздавъ бла-

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 6, ст. 34, 33, 8.

годареніе Богу за таковое промышленіе Его, отдалъ это золото на одежды для братіи, и всѣ были обезпечены ими на долгое время.

Іуліанъ, пастырь Бострской [1]) церкви, который учился въ ранней молодости у преподобнаго чтенію книгъ, сообщилъ о немъ слѣдующее:

— Однажды, — сказалъ онъ, — мы пришли съ преподобнымъ отцомъ въ Бостру, и вотъ одна женщина, извѣстная особенной злобою, встрѣтивъ насъ, посмотрѣла съ гнѣвомъ на преподобнаго отца и назвала его льстецомъ и лжецомъ, и тотчасъ ее постигло наказаніе отъ Бога: она внезапно упала и умерла.

— Случилось намъ, — говорилъ онъ же, — идти мимо монастыря, въ которомъ были черноризцы, придерживавшіеся ереси Севера. Увидѣвъ насъ, они начали ударять въ церковное било [2]) для собранія братіи прежде обычнаго времени пѣнія. Преподобный, уразумѣвъ, что они замышляютъ противъ насъ какія-то козни, воспылалъ праведнымъ гнѣвомъ и пророчески сказалъ слово Владыки:

— **Не ймать ѡстати здѣ камень на камени, иже не разорится** [3]).

Слова эти не замедлили сбыться: спустя немного времени Агаряне [4]) напали ночью на тотъ монастырь; ограбивъ все, бывшее въ немъ, и взявъ въ плѣнъ всѣхъ иноковъ, они зажгли монастырь и разорили, согласно предсказанію святаго, то мѣсто.

Начальникъ греческаго войска, называемый восточнымъ комитомъ, по имени Кирикъ, смѣлый въ бояхъ, но благоговѣйный предъ Богомъ, отправляясь въ походъ противъ Персовъ [5]), сначала пришелъ въ Іерусалимъ поклониться Святымъ мѣстамъ и пріобрѣсти помощь Божію противъ враговъ. Онъ пришелъ и въ обитель Ѳеодосія, потому что слава о святости преподобнаго отца, рас-

---

[1]) *Вострa*, или *Бостра*, — городъ въ Святой Землѣ, въ древности одинъ изъ левитскихъ городовъ въ полуколѣнѣ Манассіиномъ, за Іорданомъ.

[2]) *Било*, отъ слова *бить*, — деревянная или металлическая доска, въ которую ударяли для созыванія вѣрующихъ къ общественному Богослуженію. У насъ била замѣнены колоколами, но въ Греціи они употребляются и доселѣ.

[3]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 42, ст. 2.

[4]) Т. е. — *арабы*, происшедшіе отъ Исмаила, сына Авраама и *Агари*.

[5]) Страна ихъ на западѣ граничила съ Сузіаной, на сѣверѣ — съ Мидіей и Пареіей, на востокѣ — съ Кармеліей, на югѣ примыкала къ Персидскому заливу. Ранѣе Персы зависѣли отъ Мидянъ, Грековъ, Пареянъ, но съ 226 г. по Р. Хр. сдѣлались самостоятельными и часто вели войны съ Римской имперіей.

пространялсь повсюду, всѣхъ привлекала къ нему. Бесѣдуя со святымъ, онъ получилъ отъ него большую пользу: онъ услышалъ отъ него, что нужно полагаться не на лукъ свой, не на множество войскъ надѣяться, но знать одного Помощника—Бога и уповать на непобѣдимую силу Его, ибо для Него легко сдѣлать то, что одинъ погонитъ тысячу, а двое обратятъ въ бѣгство многія тысячи непріятелей. Чрезъ такое поученіе и бесѣду этотъ комитъ почувствовалъ великую любовь къ святому и выпросилъ у него власяницу, которую носилъ святый, чтобы она была ему щитомъ въ битвѣ. Когда греческое войско сошлось съ Персами и вступило въ жестокую битву, комитъ, одѣтый во власяницу преподобнаго Θеодосія, какъ въ броню, оставался невредимымъ отъ стрѣлъ, копій и мечей и обнаруживалъ великую храбрость. Возвратившись, по окончаніи войны, онъ снова пришелъ къ преподобному и заявилъ:

— Я видѣлъ въ бою,—сказалъ онъ,—тебя самого, отче, помогающимъ мнѣ и дѣлающимъ меня страшнымъ для враговъ, пока мы не побѣдили персидскую силу.

Преподобный Θеодосій Великій явился не только этому комиту, когда онъ былъ далеко, но онъ являлся и многимъ другимъ, во многихъ мѣстахъ, принося скорую помощь: онъ являлся, избавляя отъ бѣдъ, то погибающимъ на корабляхъ среди волненій и бури, то блуждающимъ въ пустынѣ, то попавшимъ въ пасть дикихъ звѣрей: инымъ во снѣ, другимъ же наяву.

Онъ былъ скорымъ помощникомъ не только для людей, но и для безсловесныхъ животныхъ. Одинъ странникъ шелъ, ведя осла. Встрѣтившійся ему на пути левъ, не обращая вниманія на человѣка, бросился на осла, чтобы растерзать и пожрать его. Въ трепетѣ человѣкъ громко призвалъ имя преподобнаго, говоря:

— Человѣкъ Божій Θеодосій, помоги мнѣ!

И тотчасъ левъ, услышавъ имя святаго, обратился назадъ и побѣжалъ въ пустыню.

Вспомнимъ нѣчто относящееся и къ прозорливости преподобнаго. Однажды, уже незадолго до своей кончины, онъ повелѣлъ ударить въ било, чтобы братія собрались. Когда всѣ пришли, онъ вздохнулъ, прослезился и сказалъ:

— Молиться нужно, отцы и братья, молиться нужно,—ибо я вижу гнѣвъ Божій, который уже надвигается на восточную страну.

Послѣ сего, по прошествіи шести или семи дней, услышали, что великое землетрясеніе разрушило Антіохію и—въ то самое

время, когда преподобный, видя гнѣвъ Господень, приказывалъ молиться братіямъ.

Послѣ сего преподобный отецъ нашъ Ѳеодосій, приближаясь къ блаженной кончинѣ, лежалъ на одрѣ болѣзни въ теченіе цѣлаго года. На его устахъ непрестанно была молитва, такъ что когда онъ даже засыпалъ, уста его двигались и произносили тѣ Псалмы и молитвы, къ которымъ привыкли. И когда святый пробуждался, то въ устахъ его былъ Псаломъ, такъ что на немъ сбывалось изреченіе Давида: **но́щїю пѣ́снь є҆гѡ̀ ѿ менѐ**[1]). Часто поучалъ онъ добродѣтели и братію. А за три дня до своей кончины онъ призвалъ трехъ любимыхъ имъ епископовъ и, возвѣстивъ имъ о своемъ отшествіи къ Богу, далъ послѣднее цѣлованіе плачущимъ и рыдающимъ о разлукѣ съ нимъ. На третій день послѣ сего среди молитвы къ Богу онъ предалъ Ему духъ свой, проживъ всего сто пять съ лишкомъ лѣтъ. Преставленіе его Богъ почтилъ слѣдующимъ чудомъ: одинъ мужъ, по имени Стефанъ, родомъ изъ Александріи, былъ одержимъ въ теченіе долгаго времени бѣсомъ. По преставленіи преподобнаго онъ, прикоснувшись къ одру его, освободился отъ своего мучителя и выздоровѣлъ. Тотчасъ повсюду узнали о кончинѣ святаго, и изъ всѣхъ городовъ собралось множество народа и иноковъ изъ обителей; пришелъ и первосвятитель іерусалимскій Петръ съ епископами, и съ честію погребли святое тѣло отца нашего Ѳеодосія въ пещерѣ, въ которой онъ первоначально жилъ, во славу Господа нашего Іисуса Христа, со Отцемъ и Святымъ Духомъ славимаго во вѣки. Аминь.

Конда́къ прп҃бнагѡ, гла́съ и҃:

Насажде́нъ во дво́рѣхъ гд҃а твоегѡ̀, прп҃бными твои́ми добродѣ́тельми краснѡ̀ процвѣ́лъ є҆сѝ, и҆ ᲂу҆мно́жилъ є҆сѝ ча̑да твоѧ̑ въ пꙋсты́ни, сле́зъ твои́хъ тꙋ́чами напаѧ́емаѧ, стадонача́льниче бж҃їй бж҃е́ственныхъ дворѡ́въ. тѣ́мже зове́мъ: ра́дꙋйсѧ ѻ҆́тче ѳеодо́сїе.

---

[1]) Псал. 41, ст. 9.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ΘЕОДОСІЯ АНТІОХІЙСКАГО

Преподобный Θеодосій постникъ происходилъ изъ Антіохіи[1]); родители его были люди благочестивые, и онъ отъ нихъ получилъ доброе наставленіе въ Законѣ Господнемъ. Внимая высочайшей заповѣди Спасителя нашего[2]), блаженный Θеодосій оставилъ родной домъ, сродниковъ, богатство и прочія блага житейскія, удалился въ лѣсистую мѣстность на берегу моря и здѣсь построилъ себѣ малую келлію, въ которой и поселился. Здѣсь преподобный проводилъ свое высокое иноческое житіе, облекшись во власяницу и возложивъ тяжелыя вериги: однѣ—на шеѣ, другія—на чреслахъ и третьи—на обѣихъ рукахъ. Все свое время святый Θеодосій употреблялъ на молитву и труды, порабощая тѣмъ плотскія желанія, гордость и прочія человѣческія страсти. Волосы на главѣ его отросли до того, что покрывали ноги. Преподобный трудился то надъ плетеніемъ веревокъ, то на огородѣ, самъ копалъ здѣсь гряды, сѣялъ сѣмена и собиралъ овощи, которые постомъ шли на пищу и самому подвижнику, и приходившимъ къ нему посѣтителямъ.

Слава о подвигахъ преподобнаго Θеодосія распространялась все больше и больше, и многіе посѣтители стали выражать желаніе поселиться около блаженнаго подвижника, чтобы подражать житію его. Принимая ихъ, святый Θеодосій обратилъ свою пустыню въ подобіе небесной обители. Однажды на область, гдѣ была обитель преподобнаго, Агаряне[3]) сдѣлали нашествіе; опустошивъ окрестность, враги причинили вредъ монастырю, но при этомъ ощутили пребываніе въ немъ божественной силы и скоро удалились. Вслѣдствіе этого нашествія преподобный оставилъ пустыню и возвратился на свою родину; здѣсь онъ построилъ небольшую келлію и продолжалъ содѣлывать свое спасеніе, окруженный нѣкоторыми изъ своихъ учениковъ. Немного поживъ въ новомъ мѣстѣ своего подвижничества, святый Θеодосій съ миромъ почилъ о Господѣ[4]).

---

[1]) Извѣстно нѣсколько городовъ въ Малой Азіи и Сиріи съ этимъ именемъ. Здѣсь разумѣется *Антіохія Сирійская.*

[2]) Еванг. отъ Лук., гл. 14, ст. 26 и 27.

[3]) Т. е. *арабы—магометане.*

[4]) *Преподобный Θеодосій Антіохійскій* скончался около 412 года.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

МИХАИЛА КЛОПСКАГО

Въ пятнадцати верстахъ отъ Великаго Новгорода на берегу рѣки Веряжи находился монастырь, именуемый Клопскимъ, и въ немъ храмъ во имя Живоначальныя Троицы[1]). Въ прежніе годы монастырь этотъ мало кому былъ извѣстенъ, впослѣдствіи же получилъ широкую славу благодаря чудесамъ святаго Михаила. Въ обители этой игуменомъ былъ Ѳеодосій, мужъ добродѣтельный; при немъ и пришелъ въ Клопскій монастырь блаженный Михаилъ[2]).

Осталось доселѣ неизвѣстнымъ, откуда пришелъ въ обитель святый Михаилъ и кто были его родители. Событіе это совершилось лѣтомъ, въ то время, когда вся братія была на Утренѣ; на девятой пѣсни канона іеромонахъ, совершавшій Божественную службу, окадилъ храмъ и пошелъ покадить въ своей келліи, которая находилась около храма; нашедши келлію открытой, между тѣмъ какъ онъ ее заперъ уходя въ храмъ, іеромонахъ вошелъ въ нее и увидѣлъ сидящаго человѣка въ иноческой одеждѣ; передъ нимъ горѣла свѣча, и онъ переписывалъ книгу Дѣяній святыхъ Апостоловъ. Возвратившись въ храмъ, іеромонахъ сказалъ о видѣнномъ игумену и братіи. Тѣ, по окончаніи Богослуженія, пошли къ келліи и нашли ее запертой извнутри. Игуменъ сотворилъ молитву, но отвѣтнаго возгласа изъ келліи не послѣдовало. Начали стучать въ дверь; но она оставалась запертой. Тогда игуменъ приказалъ разобрать крышу надъ сѣнями; войдя въ нихъ, нашли запертой и внутреннюю дверь. Когда, по приказанію игумена, она была взломана и всѣ вошли въ келлію, то нашли тамъ старца, который сидѣлъ и писалъ. Настоятель спросилъ его: «Скажи мнѣ, человѣкъ ты или духъ?» Старецъ повторилъ слова игумена. Игуменъ сотворилъ молитву, старецъ произнесъ тѣ же молитвенныя слова, что и игуменъ. Тогда настоятель сталъ осѣнять пришельца крестнымъ

---

[1]) Время основанія сего монастыря точно неизвѣстно; онъ находится къ югу отъ Новгорода, въ трехъ верстахъ отъ озера Ильменя.

[2]) Это было 23 іюня 1408 года, при Великомъ князѣ Василіи Димитріевичѣ (1389—1425 г.) и св. митрополитѣ Фотіи.

знаменіемъ и окаждать ладономъ; старецъ же уклонялся отъ кажденія и велъ себя, какъ юродивый.

Прп҃бный
Мїхаи́лъ

Вмѣстѣ съ братіею святый Михаилъ пошелъ въ храмъ къ Литургіи, во время которой пѣлъ на клиросѣ съ монастырскими пѣвцами. Игуменъ поручилъ ему прочесть Апостолъ, и всѣ были до глубины души утѣшены красотою и вдохновенностью его чтенія. По выходѣ изъ трапезы, на которой святый исполнялъ положенное чтеніе, игуменъ ввелъ преподобнаго Михаила въ назначенную ему для жительства келлію, и съ того времени блаженный остался въ монастырѣ Живоначальныя Троицы, неся послушаніе чтеца въ храмѣ и на трапезѣ, и великое сердечное умиленіе испытывали всѣ, слушавшіе его чтеніе.

Ни игуменъ, ни братія не могли узнать, однако, имени новоприбывшаго брата, откуда онъ пришелъ и каково его происхожденіе. Однажды посѣтилъ Клопскую обитель князь Константинъ Димитріевичъ [1]); услышавъ во время трапезы чтеніе святаго Михаила, князь подошелъ къ нему близко, узналъ его и сказалъ:

— Это Михаилъ, сынъ Максимовъ.

Преподобный отвѣтствовалъ на это:

— Одинъ Создавшій меня знаетъ, кто я.

Тогда игуменъ замѣтилъ:

— Сынъ мой, отчего ты не скажешь своего имени?

И святый подтвердилъ, что имя его—Михаилъ [2]).

[1]) Младшій сынъ великаго князя Димитрія Іоанновича Донскаго, родился въ 1389 году, за четыре дня до кончины отца своего. Братъ его, великій князь Василій Димитріевичъ, далъ ему въ удѣлъ Тошню и Устюжну, но въ 1419 году, когда Константинъ Димитріевичъ ослушался брата, тотъ отнялъ этотъ удѣлъ, и Константинъ бѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ ранѣе, въ 1408 году, былъ намѣстникомъ Великаго князя. Въ изгнаніи онъ пробылъ два года; имъ построенъ въ Клопскомъ монастырѣ каменный храмъ во имя Живоначальныя Троицы.

[2]) *Преп. Михаилъ Клопскій* происходилъ изъ боярскаго рода.

Во время житія своего въ Клопской обители преподобный Михаилъ вкушалъ только хлѣбъ и воду, притомъ одинъ разъ въ недѣлю и въ маломъ количествѣ. Когда, послѣ великихъ молитвенныхъ подвиговъ, святый испытывалъ утомленіе, то отдыхалъ, лежа прямо на землѣ; въ келліи у него не было никакого имущества, ни одежды, кромѣ той, которая покрывала его тѣло. Нѣтъ возможности разсказывать о тѣхъ великихъ трудахъ, которые подъялъ преподобный Христа ради; отъ подвиговъ и воздержанія тѣло его уподобилось какъ бы тѣни.

Въ то время въ великомъ Новгородѣ и его окрестностяхъ была засуха, продолжавшаяся три года: пересохли не только ручьи, но и рѣки. Тогда, по молитвамъ преподобнаго Михаила, близъ монастыря произошло сотрясеніе земли и сталъ бить обильный водою ключъ, который и доселѣ служитъ на потребу и братіи, и пришлымъ людямъ[1]). Послѣ засухи насталъ въ той области голодъ, во время котораго толпы бѣдныхъ стали приходить въ обитель за кусками хлѣба. Игуменъ, опасаясь оскудѣнія запасовъ, не зналъ, что дѣлать; но преподобный Михаилъ, указавъ на то, что Господь напиталъ семью хлѣбами четыре тысячи человѣкъ, уговорилъ игумена кормить всѣхъ голодныхъ. Когда же братія возроптали на то, преподобный повелъ ихъ съ игуменомъ въ хлѣбный амбаръ, и тѣ съ изумленіемъ увидѣли, что запасы хлѣба, по молитвамъ святаго, не уменьшались. Много пророчествовалъ преподобный Михаилъ о взятіи Великаго Новгорода[2]) и, сотворивъ во Имя Христово многія чудеса, мирно почилъ о Господѣ[3]). Честно́е и многострадальное его тѣло предано было игуменомъ съ братіею погребенію въ монастырѣ Живоначальныя Троицы[4]), гдѣ подви-

---

[1]) Доселѣ въ Клопской обители показываютъ колодезь, устроенный, по преданію, изъ того источника, который низведенъ молитвою блаженнаго Михаила во время засухи. 23 іюня, въ день прихода преп. Михаила въ монастырь, сюда бываетъ Крестный ходъ изъ окружныхъ селъ.

[2]) Однажды блаженный Михаилъ былъ въ Вяжицкомъ монастырѣ. Вдругъ онъ неожиданно очутился на колокольнѣ и сталъ звонить во всѣ колокола. На вопросы народа, что это значитъ, блаженный, юродствуя, отвѣчалъ: «нынѣ въ Москвѣ радость» — и прибавилъ, что у Великаго князя родился сынъ Иванъ, который будетъ грозою для сосѣдей, завладѣетъ Новгородомъ, измѣнитъ его обычаи, отберетъ у нихъ золото и совсѣмъ покоритъ своей власти. Дѣйствительно, 22 января 1440 года родился князь Иванъ Васильевичъ, покорившій Новгородъ въ 1471 году. Новгородъ былъ окончательно присоединенъ къ Московскому государству въ 1480 году.

[3]) Въ Клопскомъ монастырѣ преп. Михаилъ прожилъ 44 года и преставился въ 1452 году.

[4]) Память прп. Михаила положено праздновать всюду соборомъ 1547 года.

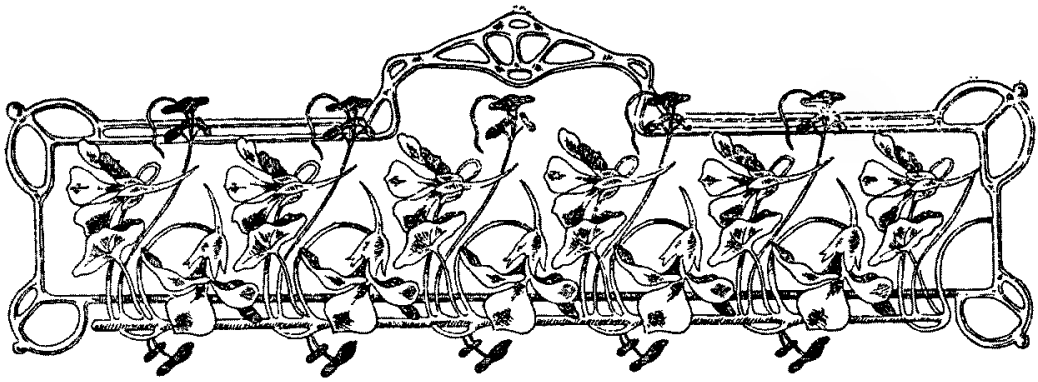
зался преподобный Михаилъ, и положено въ правой сторонѣ соборнаго храма; здѣсь почиваетъ оно и до нашихъ дней, источая многоразличныя исцѣленія съ вѣрою притекающимъ, во славу Христа Бога нашего.

Тропа́рь прп҃бнагѡ, гла́съ и҃:

Иже на земли̑ хр҃та̀ ра́ди во́лею въ бꙋ́йство преложи́вса, ми́ра сегѡ̀ красѡты̀ ѿнюдъ возненави́дѣлъ є҆сѝ: и҆ плѡтска́ѧ и҆гра̑нїѧ ᲂу҆вѧди́въ посто́мъ и҆ жа́ждею, и҆ на земли̑ лега́нїемъ, ѿ зно́ѧ же и҆ стꙋ́дени, ѿ дождѧ̀ и҆ снѣ́га, и҆ ѿ про́чїѧ воздꙋ́шныѧ тѧ́гости никогда́же ᲂу҆клони́лсѧ є҆сѝ: дꙋ́шꙋ же ѡ҆чи́стилъ є҆сѝ добродѣ́тельми, ꙗ҆́кѡ зла́то въ горни́лѣ, ѻ҆́тче прп҃бне бг҃оно́сне мїха́иле, и҆ ны́нѣ на нб҃сѣ́хъ предстои́ши пр҃то́лꙋ преста́ѧ тр҃цы: но ꙗ҆́кѡ и҆мѣ́ѧ дерзнове́нїе мно́гое, моли̑ хр҃та̀ бг҃а сп҃сти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ и҃:

Ѻ҆ча́ ст҃а́гѡ си́лою ᲂу҆подо́билсѧ є҆сѝ бг҃оглагѡ́ливымъ дре́внимъ прр҃о́кѡмъ, сказа́въ безвѣ́стнаѧ и҆ та́йнаѧ, и҆ є҆́же го́дѣ сꙋдьба́мъ бж҃їимъ въ сбы́тїе: и҆ и҆́на мнѡ́га чꙋдеса̀ ѿ хр҃тѣ̀ сотвори́въ, и҆ лю́ди ᲂу҆диви́въ, торжествова́ти ᲂу҆стро́илъ є҆сѝ вопїю́щыѧ: сла́ва бг҃ꙋ прославлѧ́ющемꙋ ст҃ы́ѧ своѧ̑.



День двѣнадцатый

СТРАДАНІЕ
СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
ТАТІАНЫ

Святая мученица Татіана родилась въ древнемъ Римѣ отъ знатныхъ родителей. Отецъ ея, трижды бывшій консуломъ, былъ тайнымъ христіаниномъ и отличался богобоязненностью. Свою дочь, святую Татіану, онъ воспиталъ въ благочестіи и страхѣ Божіемъ и научилъ ее Божественному Писанію. Когда святая Татіана достигла совершеннолѣтняго возраста, она восхотѣла проводить жизнь свою въ дѣвствѣ и цѣломудріи; невѣстой была она Христу; пламенѣя къ Нему любовію, она Ему Единому служила день и ночь, молитвою и постомъ умерщвляя плоть свою и порабощая ее духу. За свою добродѣтельную жизнь она сподобилась послужить Церкви: она была поставлена діакониссой и, подобно безтѣлеснымъ Ангеламъ, она служила Богу во плоти. И Христосъ Богъ вѣнчалъ невѣсту Свою мученическимъ вѣнцомъ. Она пострадала слѣдующимъ образомъ.

Когда былъ убитъ своими же римлянами нечестивый царь Антонинъ Геліогабалъ[1]) и тѣло его, влекомое по граду съ поруга-

1) *Антонинъ Геліогабалъ*, Римскій императоръ, царствовалъ съ 218 по 222 годъ; былъ крайне развращеннымъ человѣкомъ, почему скоро навлекъ на себя презрѣніе солдатъ. Онъ усыновилъ своего двоюроднаго брата, благороднаго Александра Севера, но когда онъ въ этомъ раскаялся и сталъ покушаться на жизнь послѣдняго, былъ умерщвленъ солдатами.

Ст҃а́ѧ мч҃нца
Татїа́на

ніемъ, было брошено въ рѣку Тибръ[1]), на царскій престолъ былъ возведенъ Александръ[2]), юный шестнадцатилѣтній отрокъ. Онъ имѣлъ матерью христіанку, именемъ Маммею; отъ нея онъ научился почитать Христа, но несогласно съ вѣрою Христовою, ибо въ то же время онъ продолжалъ служить идоламъ и поклонялся имъ, какъ древнимъ богамъ римскимъ. Въ его дворцѣ были изображенія Христа — и почитаемаго язычниками Аполлона[3]), ветхозавѣтнаго Авраама—и языческаго Орфея[4]) и многихъ другихъ. Самъ Александръ, какъ сынъ христіанки, не преслѣдовалъ христіанъ, но намѣстники его, правители областей и консулы, сильно притѣсняли христіанъ. Такъ какъ самъ Александръ былъ слишкомъ молодъ, то управленіе государствомъ было поручено нѣкоторымъ изъ членовъ совѣта; главнымъ среди нихъ былъ городской епархъ[5]) Ульпіанъ, жестокій нравомъ и великій врагъ христіанъ. Эти совѣтники отъ имени царя управляли всѣмъ. Они-то и разослали повсюду повелѣніе, чтобы галилеянъ (такъ они называли христіанъ) всюду принуждать поклоняться римскимъ богамъ, угрожая имъ въ случаѣ неповиновенія лютыми мученіями и даже смертью. Наблюдать же за тѣмъ, исполняется ли христіанами это повелѣніе, были избраны слѣдующіе

---

1) *Тибръ* — рѣка, вытекающая изъ Апеннинъ, при которой расположенъ городъ Римъ.

2) *Александръ Северъ* царствовалъ съ 222 по 235 годъ.

3) *Аполлонъ* — одинъ изъ наиболѣе почитаемыхъ греко-римскихъ языческихъ боговъ; почитался богомъ Солнца и умственнаго просвѣщенія, а также общественнаго благополучія и порядка, охранителемъ закона и божествомъ предсказанія будущаго.

4) *Орфей* — пѣвецъ-герой греческихъ миѳовъ, сила пѣнія котораго, по вѣрованію древнихъ грековъ, была столь велика, что онъ приводилъ въ движеніе деревья и скалы и укрощалъ дикихъ звѣрей.

5) *Епархъ* — областеначальникъ; иногда же подъ этимъ именемъ разумѣлся начальникъ крѣпости, комендантъ. — Ульпіанъ былъ однимъ изъ приближеннѣйшихъ къ царю придворныхъ вельможъ.

лютѣйшіе враги христіанъ и вѣрные слуги діавола: комитъ[1]) Виталій, кувикулярій[2]) Вассъ, доместикъ[3]) Кай. Тогда и въ Римѣ и во всѣхъ областяхъ Римскаго государства полилась кровь христіанъ, подобно водѣ. Ихъ не щадили, но подвергали мученіямъ и предавали смерти.

Въ то время и святая дѣва Татіана была схвачена язычниками и приведена въ храмъ Аполлона. Ее хотѣли принудить поклониться этому идолу. Она же помолилась Истинному Богу, и вдругъ произошло землетрясеніе: идолъ Аполлона упалъ и разбился на части, обрушилась также часть храма и придавила многихъ язычниковъ и жрецовъ. Діаволъ, обитавшій въ идолѣ, съ громкимъ крикомъ и рыданіемъ бѣжалъ отъ того мѣста, причемъ всѣ слышали вопль его и видѣли тѣнь, пронесшуюся по воздуху.

Тогда нечестивые повлекли святую дѣву на судъ и мученія. Сначала они стали бить ее по лицу и терзать очи ей желѣзными крючьями. По долгомъ мученіи сами мучители изнемогли, ибо тѣло Христовой страдалицы для наносившихъ ей раны было твердо, какъ бы наковальня, и больше приняли муки сами мучители, чѣмъ святая мученица. И Ангелы невидимо стояли около святой и наносили удары тѣмъ, кто мучилъ святую Татіану, такъ что мучители взывали къ беззаконному судьѣ и просили его, чтобы онъ приказалъ прекратить мученія; они говорили, что сами они больше страдаютъ, чѣмъ сія святая и невинная дѣва. Татіана же, мужественно претерпѣвая страданія, молилась за своихъ мучителей и просила Господа, чтобы Онъ отверзъ имъ свѣтъ Истины. И молитва ея была услышана. Небесный свѣтъ озарилъ мучителей, и духовныя очи ихъ отверзлись. Они увидѣли четырехъ Ангеловъ, окружающихъ святую, услышали гласъ съ Небесъ, бывшій къ святой дѣвѣ, и пали предъ нею на землю и стали молить ее:

— Прости насъ, служительница Истиннаго Бога, прости, ибо не по нашей волѣ мы причиняли тебѣ мученія.

Всѣ они (ихъ было числомъ восемь человѣкъ) увѣровали во Христа и воспріняли Крещеніе въ своей собственной крови, ибо ихъ за исповѣданіе Христа жестоко мучили и, наконецъ, усѣкли имъ главы.

---

1) *Комитами* назывались первоначально спутники высшей чиновной особы въ провинціи, а позднѣе—спутники императоровъ, составлявшіе ихъ приближеннѣйшую свиту.

2) *Кувикулярій*—царскій постельничій, спальникъ.

3) *Доместики* —охранная стража Римскихъ императоровъ.

На другой день неправедный судья, возсѣвъ на судилищѣ, опять приказалъ привести на мученіе святую Татіану. Она же предстала предъ своимъ мучителемъ совершенно здравой. Лице ея было спокойно и радостно. Судья сталъ убѣждать святую дѣву, чтобы она принесла жертву идоламъ, но старанія его оставались тщетными. Тогда онъ приказалъ обнажить святую и бритвами рѣзать ее. Дѣвственное тѣло ея было бѣло какъ снѣгъ, и когда стали рѣзать его, то изъ ранъ, вмѣсто крови, истекало молоко, причемъ распространилось великое благоуханіе, какъ бы отъ сосуда съ ароматами. Святая же, воззрѣвъ на Небо, молилась среди сихъ мученій. Затѣмъ ее крестообразно распростерли на землѣ и долгое время били жезлами, такъ что мучители изнемогали и часто смѣнялись. Ибо, какъ и прежде, Ангелы Божіи невидимо стояли около святой и наносили раны тѣмъ, кто причинялъ удары святой мученицѣ. Слуги мучителя изнемогали, заявляя, что имъ кто-то наноситъ удары желѣзными палками. Наконецъ, девять изъ нихъ умерли, пораженные десницею ангельской, а остальные упали на землю еле живыми. Святая же обличала судью и его служителей и говорила, что боги ихъ—бездушные идолы.

Такъ какъ уже приближался вечеръ, то святую ввергли въ темницу. Здѣсь она провела всю ночь, молясь Господу и воспѣвая Ему хвалы. Небесный свѣтъ озарилъ ее, и Ангелы Божіи славословили вмѣстѣ съ нею. Утромъ ее снова привели на судъ. Увидѣвъ святую мученицу вполнѣ здоровой, съ лицемъ еще болѣе прекраснымъ, чѣмъ прежде, всѣ были изумлены и удивлены. Сначала ее стали ласково и льстиво уговаривать, чтобы она принесла жертву великой богинѣ ихъ—Діанѣ[1]). Святая дѣва показала видъ, что согласна послѣдовать ихъ совѣту. Ее повели въ храмъ Діаны. Бѣсъ, обитавшій въ идолѣ Діаны, почувствовалъ приближеніе святой дѣвы и сталъ громогласно взывать:

— Горе мнѣ, горе мнѣ! Куда бѣжать мнѣ отъ Твоего Духа, Боже Небесный, ибо огонь, возгорающійся со всѣхъ угловъ сего храма, гонитъ меня?

Святая, приблизившись къ храму, ознаменовала себя крестнымъ знаменіемъ и, возведя свои очи къ Небу, стала молиться. Вдругъ раздался страшный ударъ грома и заблистала молнія: огонь, упавшій съ неба, попалилъ храмъ съ идоломъ, жертвы, жрецовъ; мно-

---

[1]) *Діана*, иначе *Артеміда*,—греческая богиня Луны и охоты.

жество изъ невѣрующихъ, опаленные молніей, замертво упали на землю. Тогда повели святую Татіану въ преторъ [1]), подвѣсили ее тамъ и терзали желѣзными крючьями и даже вырвали ей сосцы. Послѣ сего святую заключили въ темницу, и снова свѣтозарные Ангелы небесные явились къ святой страстотерпицѣ, совершенно исцѣлили ее отъ ранъ и восхваляли ея мужественное страданіе. Наутро святую Татіану привели въ циркъ [2]) и выпустили на нее страшнаго льва, чтобы онъ растерзалъ святую. Но свирѣпое животное не коснулось святой. Левъ ласкался къ ней и покорно лизалъ ея ноги. Когда же льва хотѣли было увести обратно изъ театра въ клѣтку, онъ внезапно устремился на одного знатнаго сановника, по имени Евменія, и растерзалъ его. Святую Татіану снова повѣсили и снова начали строгать ея тѣло, но снова Ангелы невидимо наносили удары ея мучителямъ и тѣ падали мертвыми. Тогда святую ввергли въ огонь, но и огонь не вредилъ ей: сила огненнаго пламени стихала, какъ бы почитая рабу Христову. Нечестивцы же всѣ сіи дивныя знаменія приписывали не силѣ Христовой, а волхвованію; они остригли святой волосы, надѣясь, что ея чары будутъ болѣе недѣйствительны. Они думали, что въ волосахъ своихъ святая имѣетъ нѣкоторую волшебную силу, такъ что ничѣмъ нельзя повредить ей. Посему они остригли ей волосы и заключили ее въ храмъ Зевса [3]). Безбожные думали, что святая никакъ не можетъ болѣе повредить ихъ божеству, потому что съ потерей волосъ она лишилась и силы волхвованія. Два дня провела святая заключенной въ томъ храмѣ. Небесный свѣтъ, который всегда ее осіявалъ, разливался и въ храмѣ, и Ангелы ободряли и утѣшали ее. На третій день пришли жрецы съ народомъ, чтобы принести жертву своему богу Зевсу. Отворивъ храмъ, они увидѣли, что идолъ ихъ упалъ и разбился, а святая Татіана пребывала въ радости о Имени Господа Бога. Тогда ее привели въ судилище. Судья, не зная, что еще сдѣлать съ ней, изрекъ ей смертный приговоръ, и святая Татіана была усѣчена мечомъ [4]). Вмѣстѣ

---

[1]) *Преторъ*—судебное мѣсто, гдѣ засѣдалъ начальникъ римскій или судія.

[2]) *Циркомъ* называлась площадь, огороженная рядомъ скамей или стѣною. Тамъ происходили состязанія бойцовъ между собою и со звѣрями. На эту площадь, или арену, бросали и христіанъ и потомъ выпускали хищныхъ звѣрей, которые содержались при циркѣ въ особыхъ клѣткахъ.

[3]) *Зевсъ*, или *Юпитеръ*,—греко-римскій богъ, почитавшійся язычниками властителемъ неба и земли, отцомъ всѣхъ боговъ и людей.

[4]) Св. мученица Татіана пострадала во время гоненія, воздвигнутаго на христіанъ въ четвертомъ году царствованія Александра Севера, въ 226-мъ году.

съ нею казнили и отца ея, ибо узнали, что и онъ христіанинъ. Сначала мучители лишили его почетнаго званія, отняли у него все его имѣніе. Осужденный на смерть, онъ умеръ отъ меча вмѣстѣ съ своею дочерью за Имя Христово. Оба они сподобились отъ Господа получить вѣнцы мученическіе отъ Христа Бога, Ему же слава во вѣки. Аминь.

Кондакъ мчнцы, гласъ д:

Свѣтлѡ во страданіи твоемъ возсіяла еси страстотерпице, ѿ кровей твоихъ преиспещрена, и ꙗкѡ красная голубица къ небеси возлетѣла еси, татіано. тѣмже молиши присно за чтущыꙗ тꙗ.

ЖИТІЕ СВЯТАГО

САВВЫ,

архіепископа Сербскаго[1])

Святый Савва былъ сынъ знаменитаго основателя самостоятельнаго сербскаго государства—великаго сербскаго жупана Стефана Немани, въ иночествѣ Симеона, прославляемаго Церковію какъ святаго покровителя Сербіи. Стефанъ Неманя жилъ въ двѣнадцатомъ столѣтіи. Онъ объединилъ большую часть сербскихъ земель и доставилъ имъ политическую независимость. Сынъ его Савва явился создателемъ независимой Сербской Церкви.

Савва былъ самымъ младшимъ изъ дѣтей Стефана Немани и супруги его Анны. Родители, имѣя уже нѣсколько дѣтей, обратились къ Господу съ молитвой, чтобы Онъ даровалъ имъ еще сына, который былъ бы насадителемъ благочестія въ ихъ отечествѣ и прославилъ его. Они давали обѣтъ послѣ того оставаться до смерти въ чистотѣ. Молитва родителей была услышана: у нихъ родился сынъ, котораго въ Святомъ Крещеніи они назвали Растько,

---

[1]) Житіе св. Саввы было написано ученикомъ его, Хиландарскимъ инокомъ Дометіаномъ. Оно положено въ основаніе настоящаго изложенія. Издано *Даничичемъ* въ книгѣ: «Живот светога Симеуна и светога Саве. У Београду. 1865». Есть другое житіе неизвѣстнаго автора, написанное, однако, вскорѣ послѣ Дометіанова житія и содержащее нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнія. Издано тѣмъ же Даничичемъ въ 1860 г. Оно здѣсь также принято во вниманіе, равно какъ и Дометіаново житіе святаго Симеона.

иначе Растиславъ, какъ бы предвидя возрастаніе въ духовной славѣ какъ ихъ сына, такъ вмѣстѣ съ нимъ и ихъ дорогаго Отечества.

Обрадованные милостью Божіею, родители приложили всѣ старанія къ доброму воспитанію сына. По минованіи лѣтъ младенчества они помѣстили его въ особыхъ палатахъ, приставили воспитателей и позаботились о своевременномъ обученіи его грамотѣ. Благодать Божія не оставляла отрока, дарованнаго родителямъ по особой ихъ молитвѣ: онъ возрасталъ тѣломъ и совершенствовался духовно, несказанно утѣшая своихъ родителей, проводя жизнь въ благочестіи и чистотѣ.

По окончаніи воспитанія родители дали ему отдѣльную область, въ которой онъ могъ бы жить самостоятельно вмѣстѣ со своими слугами и развлекаться охотой и другими забавами, приличными знатнымъ юношамъ.

Юноша удалился изъ дома родительскаго. Но забавы мірскія его не прельщали. Мысль и сердце его были заняты совсѣмъ иными предметами. Ему всего чаще вспоминались слова Псалма: **блже́нъ мꙋ́жъ, бо́йсѧ гдⷭ҇а**—и слова Спасителя: **и҆́же любитъ ѻ҆тца̀ и҆лѝ ма́терь па́че менѐ, не҆́сть менѐ досто́инъ: и҆ и҆́же не прїи́метъ креста̀ своегѡ̀ и҆ въ слѣ́дъ менѐ гра́детъ, не҆́сть менѐ досто́инъ**[1]). Его увлекалъ «путь Господень»—отреченіе отъ міра, исканіе прежде всего Царствія Небеснаго и правды его. Вмѣсто того, чтобы предаваться пустымъ забавамъ, Растько предавался размышленіямъ о подвижнической жизни и молился Господу, чтобы Онъ указалъ ему надлежащій путь Свой. Растько слыхалъ о подвижнической жизни на Святой Горѣ Аѳонской и страстно желалъ встрѣтить человѣка, который повѣдалъ бы ему все, что хотѣлось ему знать. И вотъ Богъ послалъ ему одного чернеца, который хорошо зналъ Святую Гору. Это былъ русскій инокъ изъ русскаго Пантелеимонова монастыря на Аѳонѣ. Онъ удовлетворилъ всѣ желанія знатнаго юноши, разсказалъ обо всѣхъ аѳонскихъ святыхъ обителяхъ и о всѣхъ видахъ подвижничества на Святой Горѣ.

Разсказы захожаго инока вполнѣ соотвѣтствовали намѣреніямъ и чаяніямъ благочестиваго юноши: онъ тогда же безповоротно рѣшилъ и далъ обѣтъ Богу оставить міръ и подвизаться на Аѳонѣ. Было всего семнадцать лѣтъ юношѣ, когда онъ рѣшилъ оставить мірскую жизнь.

---

1) Псал. 111, ст. 1. Еванг. отъ Мате., гл. 10, ст. 37—38.

Горячо помолившись Господу Богу, онъ уговорилъ нѣсколько богобоязненныхъ мужей содѣйствовать ему въ исполненіи его намѣренія и быть его сопутниками и не медля отправился въ путь, прежде всего—въ домъ своихъ родителей. Несказанно обрадовались отецъ съ матерью прибытію своего любезнаго сына, устроили по этому случаю пиршество и старались всячески оказывать ему свою ласку.

Черезъ нѣсколько дней пребыванія въ гостяхъ у своихъ родителей Растько просится у нихъ на охоту въ одну неблизкую дикую мѣстность, богатую всякаго рода добычей. Родители охотно даютъ свое согласіе. Получивъ родительское благословеніе, Растько въ сопровожденіи своихъ вѣрныхъ людей отправляется въ путь, но не для звѣриной ловли въ пустыню, а на Святую Аѳонскую Гору—для подвиговъ ради душевнаго спасенія.

Достигши благополучно Аѳона, Растько поселился въ русскомъ Пантелеимоновомъ монастырѣ, инокъ котораго подробно повѣствовалъ ему ранѣе о святогорскомъ подвижничествѣ.

Родители вскорѣ хватились сына. Догадываясь, что сына ихъ увлекъ не кто иной, какъ русскій монахъ, и не въ иное мѣсто, какъ на Аѳонъ, Стефанъ Неманя немедленно послалъ одного изъ своихъ старѣйшихъ воеводъ съ великимъ отрядомъ. Получивъ отъ Греческаго императора Исаака Ангела[1]) строгое предписаніе къ проту (настоятелю) Аѳонской Горы и ко всѣмъ святогорцамъ и военный отрядъ отъ Солунскаго воеводы, уполномоченный Стефана Немани явился на Аѳонъ и нашелъ разыскиваемаго знатнаго бѣглеца въ монастырѣ святаго Пантелеимона. Сильно обрадовался вѣрный слуга Немани, что такъ скоро нашелъ, кого искалъ, и надѣялся вскорѣ возвратить юношу къ родителямъ, такъ горевавшимъ о немъ, и получить за сіе достойную награду. Не надѣясь, чтобы бѣглецъ добровольно и охотно вернулся на родину, оставивъ свое намѣреніе, посланные не спускали съ глазъ юношу и стерегли, чтобы онъ снова не скрылся отъ нихъ. Но Растько давно уже рѣшился, несмотря ни на какія препятствія, принять иноческое постриженіе на Аѳонѣ и остаться тамъ. Это намѣреніе было извѣстно игумену Пантелеимонова монастыря, который и рѣшился оказать содѣйствіе отважному юношѣ.

Однажды въ субботу Растько распорядился, чтобы устроено было обильное угощеніе присланнымъ за нимъ отъ отца воинамъ

[1]) Исаакъ Ангелъ царствовалъ съ 1185 по 1195 годъ.

вмѣстѣ съ тамошними обитателями. Когда послѣ пиршества всѣ полегли заснуть, по распоряженію игумена ударили въ било, призывавшее всѣхъ по обычаю на ночное бдѣніе въ храмъ Божій. Не только иноки, но и воины должны были идти въ церковь. Отягченные пиршествомъ и продолжительнымъ бдѣніемъ, стражи во время чтенія каѳизмъ заснули на своихъ мѣстахъ въ своихъ сѣдалищахъ. Воспользовавшись симъ обстоятельствомъ, Растько приказалъ одному изъ своихъ слугъ надѣть его одежды и стоять на его мѣстѣ до конца Богослуженія, самъ же пошелъ въ святый алтарь, произнесъ тамъ иноческіе обѣты и, переодѣтый, вышелъ неузнанный изъ храма. Вмѣстѣ съ однимъ старцемъ-инокомъ онъ взошелъ въ пиргъ, или башню, и заключился тамъ. Не теряя времени, онъ принялъ тамъ иноческое постриженіе съ именемъ Саввы и облекся въ иноческія одежды.

Ночное бдѣніе близилось къ концу; подъ утро проснулись стражи и къ ужасу своему убѣдились, что разысканный ими юноша опять скрылся. Съ великимъ негодованіемъ они приступили къ инокамъ монастыря и, грозя насиліями, требовали выдать имъ юношу или указать, куда онъ дѣлся. Слыша сверху башни великое смятеніе и сожалѣя объ участи иноковъ, могшихъ много потерпѣть изъ-за него, затворникъ склонился изъ окна башни и, показывая свою постриженную главу и монашескую одежду, закричалъ:

— Я здѣсь, но уже не Растько, а инокъ Савва: вотъ волосы главы моей и мои княжескія одежды; отнесите ихъ родителямъ моимъ въ доказательство того, что произошло со мною.

Страшное горе поразило стараго воеводу и его спутниковъ: всѣ труды ихъ пропали даромъ; теперь уже невозможно было возвратить юношу къ его родителямъ такимъ, какимъ онъ съ ними разстался, да и незачѣмъ: онъ отрекся отъ міра сего.

Съ печалью посланные Стефана Немани пошли въ обратный путь въ свое Отечество.

Оставшись въ монастырѣ святаго Пантелеимона, новопостриженный инокъ Савва положилъ начало своимъ монашескимъ подвигамъ и далъ много золота на строеніе принявшаго его русскаго Пантелеимонова монастыря.

Немного времени спустя подошелъ праздникъ Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, торжественно празднуемый въ Ватопедскомъ монастырѣ на Аѳонѣ. Къ сему празднику приглашались

всѣ подвижники Аѳона. Получилъ приглашеніе и царственный инокъ Савва. Съ великою радостію и охотою онъ отправился на славное торжество, на которое собрались всѣ аѳонскіе подвижники во главѣ съ протомъ аѳонскихъ обителей. Встрѣченный вниманіемъ всѣхъ аѳонскихъ властей, Савва получилъ возможность видѣть вполнѣ церковное торжество на Аѳонѣ, этомъ излюбленномъ Пресвятою Богородицею святомъ мѣстѣ. Онъ такъ былъ пораженъ всѣмъ видѣннымъ и слышаннымъ, что тотчасъ же рѣшился остаться въ обители Пресвятой Богородицы и сталъ усердно просить игумена Ватопедской обители Ѳеостирикта принять его въ число братіи монастыря. Искренняя просьба Саввы была принята и удовлетворена: онъ вступилъ въ число рядовой братіи и усердно началъ выполнять всѣ иноческія обязанности и послушанія. При самомъ своемъ вступленіи въ Ватопедскій монастырь Савва поспѣшилъ сдѣлать богатый вкладъ въ обитель, которая такъ поразила его и удовлетворила его давнія благочестивыя желанія.

Ст҃ый
Са́вва

Между тѣмъ извѣстіе, принесенное въ Сербію посланными Стефаномъ Неманей для розысковъ его сына, глубоко потрясло не только его родителей, но и всю страну: царственный юноша отказался отъ родной семьи и всего мірскаго и сталъ монахомъ! На первыхъ порахъ родители грустили, разлучившись съ сыномъ, но скоро они сознали, что на все есть воля Божія, а будучи благочестивыми христіанами, печаль перемѣнили на радость, видя въ своемъ сынѣ служителя Божія и ожидая отъ него блага какъ себѣ самимъ, такъ и Отечеству.

Собравши свои мысли и чувства, родители отправили Саввѣ слезное посланіе, въ которомъ, выражая сожалѣніе о разлукѣ, но вмѣстѣ воздавая славу Господу Богу, все устрояющему Своей пре-

мудростію ко благу, убѣждаютъ и умоляютъ сына навѣстить родителей, пріѣхать въ родную Сербію и доставить всѣмъ утѣшеніе, обѣщая послѣ свиданія безпрепятственно отпустить его обратно на Святую Гору.

Вмѣстѣ съ посланіемъ родители отправили сыну большую сумму золота—какъ для его личныхъ потребностей, такъ и для раздачи аѳонскимъ церквамъ и убогимъ людямъ.

Святый Савва былъ утѣшенъ симъ родительскимъ посланіемъ, но не пожелалъ отправиться на родину: онъ горѣлъ желаніемъ подвизаться на Аѳонѣ, куда такъ стремился и гдѣ благополучно водворился.

Имѣя пребываніе въ обители Ватопедской, Савва часто предпринималъ путешествія по Святой Аѳонской Горѣ, желая видѣть святыя обители, помолиться въ нихъ, видѣть великихъ подвижниковъ, побесѣдовать съ ними и получить духовное назиданіе. Босыми ногами въ простой одеждѣ онъ ходилъ по всему Аѳону, взбирался на самыя крутыя и высокія скалы, ходилъ по пропастямъ и стремнинамъ, отыскивая уединенныхъ подвижниковъ, ютившихся, подобно птицамъ, на едва доступныхъ человѣку утесахъ горъ. Совершая такія хожденія, Савва имѣлъ цѣлію не только удовлетворить свое желаніе видѣть и изучить аѳонскую подвижническую жизнь: онъ вмѣстѣ съ тѣмъ желалъ помочь матеріально тѣмъ бѣднякамъ, каковыми были обыкновенно одиночные аѳонскіе подвижники. На помощь имъ онъ не щадилъ тѣхъ средствъ, какія были у него въ изобиліи.

При такихъ странствіяхъ по Аѳону не разъ онъ подвергался большимъ опасностямъ, но Господь помогалъ ему. Въ тѣ времена Аѳонская гора много страдала отъ морскихъ разбойниковъ, которые, высаживаясь на берегъ, грабили тамъ цѣлыя обители и подстерегали прохожихъ и проѣзжихъ—какъ на морѣ около береговъ, такъ и на сушѣ. Савва имѣлъ обычай по временамъ заготовлять теплые хлѣбы и самолично развозить ихъ по пустынямъ для раздачи одиночнымъ подвижникамъ, не имѣвшимъ никакой теплой и вареной пищи, а питавшимся разною растительностью. Савва любилъ это дѣлать въ святую Четыредесятницу по субботамъ. Въ одну изъ такихъ субботъ рано утромъ, навьючивъ муловъ теплыми хлѣбами, онъ отправился спѣшно, идя впереди босой и горя желаніемъ доставить утѣшеніе Христовымъ подвижникамъ. Дорога шла близъ моря, Савва проходилъ близъ мѣста, именовав-

шагося Милопотамъ. Здѣсь напали на него разбойники и схватили какъ его самого, такъ и бывшихъ съ нимъ. Савва былъ очень огорченъ тѣмъ, что путь его такъ внезапно замедлился. Изъ глубины души онъ обратился съ молитвою къ Господу Богу о своемъ избавленіи, и Господь спасъ его. Разбойники приступили къ допросу:

— Кто ты и откуда идешь?

Савва отвѣчалъ:

— Я—ученикъ отца Макарія; онъ послалъ меня вчера въ Есфигменъ по одному духовному дѣлу, но братія удержала меня до сегодняшняго утра, чтобы послать со мною хлѣбы на благословеніе старцамъ, ибо большіе монастыри имѣютъ обычай посылать хлѣбъ на утѣшеніе пустынникамъ, страждущимъ Христа ради и не имѣющимъ иного утѣшенія, какъ только милостыню, которую посылаетъ имъ Господь Богъ.

Эта рѣчь святаго Саввы смягчила жестокія сердца разбойниковъ, они умилились по вѣрѣ и отпустили Савву, такъ что онъ поспѣлъ къ старцу вовремя. Только что встали на молитву, какъ въ монастырь явились и разбойники: раскаявшись въ своихъ поступкахъ, они пошли вслѣдъ за Саввой и, увидѣвши старца, попросили у него благословенія и разсказали все, что случилось съ ними на пути. Старецъ наставилъ ихъ Словамъ Божіимъ, и они умилились и довѣрились старцу. Эти корсары, или морскіе разбойники, принадлежали къ числу извѣстныхъ, знатныхъ лицъ. Они спросили старца:

— Повѣдай намъ Христа ради, дѣйствительно ли этотъ чернецъ (т. е. Савва) твой ученикъ? Мы видимъ на немъ нѣкое преславное знаменіе.

Старецъ отвѣчалъ:

— Христа ради я скажу вамъ, дѣти мои: сей чернецъ—Божій ученикъ, а намъ—одинъ изъ братій; сынъ онъ благовѣрнаго царя Сербскаго; всеблагій Богъ послалъ его намъ на посѣщеніе Своихъ рабовъ: какъ видите, онъ оставилъ свое царство и обходитъ пустыню сію, посѣщая и утѣшая, питая и одѣвая страждущихъ Христа ради въ пустыняхъ и горахъ, въ пещерахъ и пропастяхъ земныхъ, подобно солнцу все осіявая и милуя, чая помилованія и утѣшенія въ жизни вѣчной.

Бывшіе разбойники, слыша это, пали къ ногамъ Саввы и просили благословенія. Получивши благословеніе какъ отъ него, такъ

и отъ старца, они дали обѣщаніе больше не заниматься разбоемъ и отправились въ свои домы.

Другой подобный случай произошелъ въ одно изъ посѣщеній святымъ Саввой лавры святаго Аѳанасія Аѳонскаго. Савва ѣхалъ въ лавру на лодкѣ по морю въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ изъ братіи. Когда они приближались къ лаврѣ, напали и захватили ихъ разбойники. Одному изъ спутниковъ Саввы удалось какъ-то избѣжать рукъ разбойниковъ, и онъ поспѣшилъ въ лавру св. Аѳанасія и сообщилъ игумену о постигшей ихъ напасти. Игуменъ и братія, услышавъ о семъ, очень встревожились и поскорѣе послали одного изъ своей братіи, отличавшагося своимъ умомъ. Между тѣмъ святый Савва, находясь въ рукахъ разбойниковъ, внутреннею молитвою взывалъ ко Господу объ избавленіи. Вскорѣ является посланный изъ лавры братъ и привѣтствуетъ разбойниковъ:

— Со счастливымъ прибытіемъ! Добро пожаловать въ монастырь, тамъ можно отдохнуть и получить все, что необходимо для васъ!

Взглянувъ же на молодого инока Савву, хитроумный чернецъ какъ бы съ великимъ гнѣвомъ сказалъ ему:

— А ты куда пришелъ? Не въ такое ли-то мѣсто послалъ тебя игуменъ, а ты чинишь по своей волѣ?

И хотѣлъ какъ бы ударить Савву. Савва же какъ бы отъ страха бросился отъ него, выскочилъ изъ лодки и побѣжалъ. Изумленные разбойники пришли какъ бы въ забытье отъ всего случившагося и ничего не сказали. Только потомъ въ монастырѣ, куда укрылся Савва, они увидѣли его, узнали, кто онъ такой, и очень сожалѣли между собою о томъ, какое сокровище выпустили изъ своихъ рукъ.

Пробывъ нѣкоторое время въ лаврѣ, принявъ духовное и тѣлесное утѣшеніе вмѣстѣ съ игуменомъ и братіей, святый Савва возвратился благополучно въ Ватопедскую обитель.

Пользуясь тѣми средствами, каковыя получены были отъ благочестивыхъ родителей, святый Савва приступилъ къ построенію и украшенію храмовъ въ Ватопедской обители. Прежде всего онъ создалъ храмъ во имя Рождества Пресвятой Богородицы—въ монастырской крѣпости, на востокъ отъ Великой церкви. Затѣмъ тамъ же въ крѣпости, по сосѣдству съ упомянутымъ храмомъ, онъ сталъ воздвигать церковь во имя св. Іоанна Златоустаго, имѣя въ сердцѣ своемъ надежду, что со временемъ поселится здѣсь и его старѣющій державный родитель Стефанъ Неманя.

По совершеніи и украшеніи сихъ двухъ новыхъ церквей Савва не оставилъ втунѣ и главнаго Ватопедскаго храма—во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы: храмъ этотъ былъ крытъ черепицею; находя такую кровлю непрочною, Савва замѣнилъ ее оловянною, на что потребовались немалыя средства.

Затѣмъ Савва построилъ еще церковь—въ монастырской башнѣ, или пиргѣ, во имя Преображенія Спасова.

Кромѣ сихъ главныхъ построекъ, Святый Савва не щадилъ средствъ на внутреннія украшенія и утварь для главнаго Ватопедскаго храма Благовѣщенія; всѣ эти драгоцѣнности остались здѣсь на память потомству о великомъ благодѣтелѣ Святой Горы, прибывшемъ изъ земли Сербской.

Мысль о привлеченіи на Аѳонъ своего благочестиваго отца Стефана Неманю не оставляла святаго Савву. Онъ рѣшился, наконецъ, написать своимъ родителямъ краснорѣчивое посланіе, въ которомъ убѣждалъ отца оставить царство земное и искать пути въ Царство Небесное, принявши ангельскій образъ и переселившись къ нему на Святую Гору.

Стефанъ Неманя давно уже помышлялъ объ этомъ; давно уже онъ желалъ отказаться отъ мірской власти и всего мірскаго и принять иночество. Теперь, послѣ краснорѣчивыхъ убѣжденій сына, онъ рѣшился осуществить свое намѣреніе. Посовѣтовавшись съ единомышленною съ нимъ супругою благочестивою Анною, Стефанъ Неманя призвалъ сына своего Стефана и, въ присутствіи вельможъ и властей со всего государства, вручилъ ему власть надъ Сербіей, назначилъ его великимъ жупаномъ, а самъ объявилъ свое намѣреніе отречься отъ міра. Прощаясь со своими вельможами и слугами, онъ всѣхъ богато наградилъ и одарилъ, несвободнымъ далъ свободу и обезпечилъ неимущихъ. Порвавши такимъ образомъ всѣ мірскія связи, онъ произнесъ иноческіе обѣты и съ именемъ Симеона принялъ постриженіе отъ руки своего епископа Каллиника въ своей задужбинѣ, въ построенномъ имъ самимъ монастырѣ Студеницкомъ.

Супруга его Анна послѣдовала его примѣру и также приняла постриженіе отъ того же епископа и поселилась въ одномъ изъ женскихъ монастырей.

Первое время по своемъ постриженіи новый царственный инокъ Симеонъ провелъ въ монастырѣ Студеницкомъ, навыкая иноческому правилу и исполняя первыя иноческія послушанія.

Многіе изъ вельможъ, соревнуя благочестію своего государя, не захотѣли оставаться въ мірѣ, приняли постриженіе и рѣшили сопутствовать на новомъ пути своему бывшему государю; когда Симеонъ рѣшилъ отправиться на Аѳонъ, они послѣдовали за нимъ.

Отправляясь на Святую Гору, Симеонъ взялъ съ собою много золота, одеждъ, коней и всякой сбруи и другихъ вещей, и когда прибылъ въ Ватопедскій монастырь, то принесъ все это въ даръ обители, въ которой онъ долженъ былъ поселиться и гдѣ ожидалъ его сынъ Савва.

Трогательная и чудная была картина встрѣчи двухъ царственныхъ иноковъ—молодаго еще Саввы и престарѣлаго отца его, теперь носившаго имя Симеона. Такое необычайное событіе взволновало всю Аѳонскую гору. Всѣ желали видѣть этихъ чудныхъ иноковъ, начиная съ прота Святой Горы и кончая самыми простыми подвижниками: въ Ватопедъ устремились даже изъ самыхъ глухихъ, недоступныхъ стремнинъ и пещеръ никогда не выходившіе изъ своихъ убѣжищъ подвижники и молчальники, желая насладиться чуднымъ и необычайнымъ зрѣлищемъ пришествія на ихъ гору подвизаться вмѣстѣ съ ними этихъ двухъ царственныхъ иноковъ.

И не одни Аѳонскіе подвижники съ изумленіемъ слышали и взирали на таковыхъ слугъ Божіихъ: вѣсть о нихъ дошла, конечно, и до царствующаго града, и не только всѣ дивились сему происшествію, но многіе изъ вельможъ и знатныхъ людей послѣдовали ихъ примѣру.

Новый пришелецъ на Аѳонъ, царственный инокъ Симеонъ, сразу могъ видѣть всѣхъ тѣхъ подвижниковъ, о которыхъ давно зналъ. И никого онъ не оставилъ безъ своей милости и благодѣянія. Раздавъ много милостыни бѣднымъ, онъ по всѣмъ обителямъ Аѳонскимъ разослалъ свои приношенія золотомъ и церковными вещами на память о себѣ. Особенно же онъ одарилъ принявшую его въ число своей братіи обитель Ватопедскую, вручивъ настоятелю большую сумму золота и множество облаченій и другихъ церковныхъ вещей для храма, а также коней, лошаковъ и сбруи для монастырскихъ потребъ.

Старецъ Симеонъ, ослабленный болѣзнями, желая, однако, слышать церковную службу, пристроилъ со стороны алтаря главнаго храма Благовѣщенія келью съ окномъ въ алтарь, и чрезъ сіе окно видѣлъ и слушалъ ежедневно церковное Богослуженіе.

Между тѣмъ святый Савва, заботясь о своемъ родителѣ и не оставляя обычныхъ ежедневныхъ иноческихъ подвиговъ, широко развивалъ свою благотворительную и строительную дѣятельность по Святой Горѣ. Обративши вниманіе на церковь святаго Стефана, разрушенную разбойниками и опустѣвшую, онъ возстановилъ ее, снадбилъ всѣмъ необходимымъ для того, чтобы при ней могли жить иноки, и передалъ сіе иноческое прибѣжище въ вѣдѣніе Ватопедской обители. При обстройкѣ этого монастырька онъ озаботился о возведеніи крѣпости и сторожевой башни (пирга) для защиты отъ нападеній разбойническихъ.

Въ Ватопедскій монастырь приходило много богомольцевъ изъ ближнихъ и дальныхъ странъ; много было людей, работавшихъ на монастырь изъ усердія. Всѣ сіи люди часто ничего не имѣли и могли питаться только монастырской милостыней. Человѣколюбивый Савва принялъ къ сердцу нужды сихъ людей: онъ сдѣлалъ крупный взносъ въ Ватопедскую казну для того, чтобы всѣ сіи люди не терпѣли нужды, всегда имѣли пищу и питіе, не обременяя монастырь.

Много было и такихъ, которые приходили въ монастырь только потому, что слышали о необычныхъ знаменитыхъ подвижникахъ, желали посмотрѣть на нихъ. И всѣхъ таковыхъ Савва ублаготворялъ изъ своихъ средствъ; много было просителей, и ни одинъ не оставался безъ удовлетворенія.

Святый Савва создалъ въ Ватопедскомъ монастырѣ палаты, одну—съ именемъ своего отца Симеона, другую—со своимъ именемъ; эти палаты остались навсегда въ память ихъ.

Все, что было при монастырѣ ветхаго и заброшеннаго, онъ обновилъ и возстановилъ.

Святый Савва, обозрѣвши на Аѳонѣ и въ его предѣлахъ многія метохіи, т. е. монастырскія земли, запустѣвшія и никѣмъ не воздѣлываемыя, разсудилъ пріобрѣсть ихъ для Ватопедскаго монастыря: испросивши разрѣшеніе византійскаго императора, онъ обстроилъ ихъ, населилъ и укрѣпилъ за принявшей его и его родителя обителью.

Между тѣмъ старецъ Симеонъ, поживши нѣкоторое время въ Ватопедѣ, рѣшилъ осуществить давнее свое желаніе—обозрѣть всю Святую Гору, поклониться святымъ церквамъ, посѣтить подвижниковъ и побесѣдовать.

Вмѣстѣ со святымъ Саввою они прежде всего отправились въ монастырь Карею, гдѣ пребывалъ протъ горы Аѳонской. Полу-

чивъ его благословеніе и поклонившись святынямъ, Симеонъ и Савва богато одарили монастырь и деньгами, и, особенно, драгоцѣнными вещами: сосудами церковными и прочею утварью, облаченіями, покровами. За таковыя жертвы оба записаны были навсегда въ синодикъ, какъ вторые ктиторы монастыря, ибо первымъ ктиторомъ былъ Греческій царь Михаилъ, создавшій храмъ во имя Пресвятой Богородицы въ благодарность за исцѣленіе отъ болѣзни.

Подобнымъ образомъ Симеонъ и Савва посѣтили лавру Иверской пресвятой Богородицы, именуемой Портатисса, и великую лавру святаго Аѳанасія Аѳонскаго. И сіи обители были обогащены ихъ вкладами, и въ нихъ оба сербскіе благотворителя записаны были вторыми ктиторами.

Посѣщая монастыри и пустыни, дѣлая богатые вклады, Симеонъ и Савва одаряли вездѣ иноковъ и щедро раздавали милостыню всѣмъ нуждающимся.

Во время сего путешествія сербскіе иноки присматривали мѣсто, гдѣ они могли бы устроить свой монастырь. Но для сего нужно было разрѣшеніе Греческаго царя. Случай испросить таковое вскорѣ представился.

Ватопедскому игумену встрѣтилась неотложная надобность отправиться въ Царьградъ къ императору по монастырскимъ дѣламъ. По совѣщаніи съ иноками игуменъ попросилъ Савву сходить въ Константинополь вмѣсто него. Савва охотно согласился.

Въ Константинополѣ онъ благосклонно былъ принятъ царемъ Алексѣемъ[1]), которому Стефанъ Неманя приходился сватомъ. Царь конечно давно зналъ о постриженіи Немани и о пребываніи его на Аѳонѣ, а потому подробно разспрашивалъ объ ихъ жизни.

Воздавъ Саввѣ большую честь, царь послалъ богатые дары и Симеону.

Царь благосклонно удовлетворилъ всѣ ходатайства Ватопедскаго монастыря. При этомъ случаѣ Савва обратился къ царю и съ личною просьбою: уступить ему и его отцу на Аѳонѣ запустѣлый небольшой монастырь, по имени Хиландарь. Царь охотно далъ на сіе согласіе, пожаловалъ монастырь со всѣми принадлежавшими ему метохіями и утвердилъ сіе грамотою.

Возвратившись на Аѳонъ, Савва съ радостію разсказалъ своему родителю о своемъ успѣхѣ. Получивъ во владѣніе свое Хиландарь,

---

1) *Алексѣй Ангелъ* царствовалъ съ 1195 по 1203 годъ.

они присоединили его къ монастырю Ватопедскому, въ которомъ жили, и приступили къ его устроенію.

Это пріобрѣтеніе удовлетворяло лично Симеона и Савву, но не удовлетворяло ихъ сербскихъ соотечественниковъ, во множествѣ притекавшихъ на Аѳонъ для поклоненія святынѣ. Одинъ изъ такихъ благочестивыхъ поклонниковъ обратился къ святому Саввѣ съ совѣтомъ объ устроеніи такого монастыря на Аѳонѣ, который былъ бы постояннымъ и независимымъ прибѣжищемъ для ихъ Отечества и въ которомъ могли бы принимать постриженіе и подвизаться желающіе изъ Сербіи. Такой совѣтъ былъ по сердцу святому Саввѣ, горячо любившему свое Отечество и пекшемуся о его пользахъ. Онъ сообщилъ о семъ и родителю своему старцу Симеону, который также одобрилъ это намѣреніе.

Савва обратился къ игумену Ватопедскаго монастыря объ уступкѣ имъ запустѣлаго мѣстечка для построенія келлій для сербовъ и для устройства для нихъ особаго монастыря. Но игуменъ, опасаясь ухода изъ Ватопеда такихъ благотворителей,—не согласился на сію просьбу. Тогда Савва и Симеонъ обратились со своей просьбой къ проту горы Аѳонской и общему Собору аѳонскихъ монастырей. Соборъ, во главѣ съ протомъ, охотно согласился удовлетворить просьбу и предложилъ выбирать любое свободное мѣсто для устроенія монастыря для сербовъ.

И вотъ престарѣлый Симеонъ вмѣстѣ съ Саввой снова отправляются путешествовать по Аѳону. Не имѣя возможности по старости лѣтъ ѣздить на конѣ, Симеонъ путешествовалъ на носилкахъ, укрѣпленныхъ между двухъ коней. Много они видѣли прекрасныхъ мѣстъ, но все-таки не нашли ничего, лучше излюбленнаго ими Хиландаря. Когда они вернулись изъ путешествія и сообщили свою мысль Ватопедскому игумену, тотъ теперь согласился, боясь, чтобы не разгнѣвались царственные иноки и не оставили совсѣмъ Ватопедскаго монастыря.

Тогда святый Савва принялся за окончательное устроеніе монастыря. Прежде всего онъ возобновилъ и расширилъ древній главный храмъ Хиландарскій во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы. Вокругъ монастыря построилъ крѣпостную стѣну съ высокимъ пиргомъ, или башней. Внутри стѣнъ онъ воздвигъ обширныя палаты для жительства иноковъ. Желая расширить владѣнія монастыря, онъ испросилъ у прота и всѣхъ святогорцевъ разрѣшеніе присоединить къ Хиландарю мѣстечко Малею.

Великолѣпно украсивши всѣ зданія, святый Савва вмѣстѣ съ отцемъ своимъ Симеономъ перешелъ изъ Ватопеда на постоянное жительство въ Хиландарь, и здѣсь стали оба подвизаться.

Желая болѣе обезпечить за собою и за Сербіей возсозданный монастырь, Савва, послѣ совѣта со своимъ родителемъ, снова отправился въ Царьградъ къ царю Алексѣю. Принятый благосклонно царемъ, онъ разсказалъ ему обо всемъ, что устроено было ими на Аѳонѣ, и просилъ вновь укрѣпить за ними и за ихъ Отечествомъ Сербіей ихъ созданіе, а вмѣстѣ просилъ отъ царя и личнаго его участія въ семъ предпріятіи. Царь отнесся сочувственно, утвердилъ всѣ ихъ пріобрѣтенія и отъ себя пожаловалъ въ ихъ владѣніе свой царскій монастырь на Аѳонѣ, по имени Зигъ, и утвердилъ за ними грамотою. Хиландарь со всѣми присоединенными къ нему пріобрѣтеніями и пожалованіями причисленъ былъ къ монастырямъ царскимъ, ставропигіальнымъ, поставленъ былъ такимъ образомъ въ особое льготное положеніе на Аѳонѣ.

Велика была радость святаго Саввы и его отца, старца Симеона, когда Савва вернулся съ такимъ успѣхомъ отъ царя и вручилъ грамоты царскія проту и Собору святогорцевъ, которые теперь, согласно волѣ царя, передали монастырь Зигъ во владѣніе Хиландаря. Вскорѣ были сдѣланы и новыя пріобрѣтенія: купленъ былъ у Собора старцевъ монастырь святыхъ исповѣдниковъ. Въ пользу Хиландаря пожаловано было основателями много метохій, или доходныхъ имѣній въ ихъ отечествѣ Сербіи.

И такъ подъ общимъ именемъ Хиландаря объединено было до четырнадцати отдѣльныхъ монастырей и владѣній на Аѳонѣ, что, вмѣстѣ съ денежными вкладами, обезпечило вполнѣ безбѣдное жительство двумъ стамъ иноковъ изъ сербскаго народа. Чтобы обезпечить за Сербіей монастырь Хиландарскій и на будущее время, онъ переданъ былъ основателями въ вѣдѣніе великаго сербскаго жупана Стефана, старшаго сына Симеонова и брата святаго Саввы,—какъ наслѣдственное владѣніе сербскихъ государей.

Такъ благополучно осуществились завѣтныя желанія св. Симеона и Саввы относительно созданія на Аѳонѣ монастыря для сербовъ. Обезпеченный матеріально и прославленный подвигами Симеона и Саввы, Хиландарь надолго сдѣлался средоточіемъ просвѣщенія христіанскаго не только для сербовъ, но и для другихъ православныхъ славянъ.

Монашескую жизнь въ Хиландарѣ святый Савва устроилъ по правиламъ монастырей общежительныхъ и написалъ свой уставъ, который оставилъ въ руководство и послѣдующимъ поколѣніямъ подвижниковъ.

На Святой Горѣ существовали не только общежительные монастыри, но и другіе различные образы подвижничества. Многіе иноки избирали для себя подвижничество скитское: собираясь по два и по три, иноки предавались подвигамъ молчанія и богомыслія.

Святый Савва, усердно изучая разные виды иноческаго подвижничества и стараясь себя испытать во всѣхъ оныхъ, восхотѣлъ подвизаться въ скитѣ. Скитническое подвижничество было особенно распространено около монастыря, носившаго наименованіе Карея. Здѣсь святый Савва купилъ мѣстечко и устроилъ въ немъ сихастарію, или «молчальничество», построилъ при ней церковь во имя св. Саввы Освященнаго, іерусалимскаго, для пребыванія при ней двоимъ или троимъ подвижникамъ. Въ сей сихастаріи онъ и самъ пожилъ нѣкоторое время въ подвигахъ молчанія и богомыслія и написалъ уставъ для подвижничества здѣсь; сей уставъ служилъ для руководства подвижникамъ и въ послѣдующія времена.

Между тѣмъ престарѣлый отецъ его Симеонъ приближался къ исходу изъ сей жизни. Преподобный Савва, постоянно имѣвшій неослабное попеченіе о своемъ родителѣ, не оставлялъ его передъ кончиной. Однажды цѣлую ночь Савва бодрствовалъ въ молитвѣ, предвидя кончину старца. Оставивъ у ложа отца одного изъ иноковъ, самъ отправился на утреннее Богослуженіе. Вскорѣ онъ былъ позванъ къ отцу и увидѣлъ, что тотъ готовится къ кончинѣ. Савва снялъ отца съ одра и, въ знакъ великаго смиренія, положилъ его на полъ на рогожку и на ней перенесъ въ церковную припрату, или паперть. Здѣсь старецъ Симеонъ, пробудившись какъ бы отъ сна, сталъ благословлять своего сына и собравшуюся вокругъ его братію Хиландарскаго монастыря. Въ это время послышался какой-то шумъ, и старецъ Симеонъ сталъ пѣть Псаломъ: **всѧ́кое дыха́нїе да хва́литъ гдⷭ҇а**, съ начала до конца. Всѣ слышали ангельское пѣніе, а старецъ пѣлъ вмѣстѣ съ Ангелами—и затѣмъ испустилъ духъ. Раздались рыданія о кончинѣ приснoблаженнаго брата. Святый Савва проливалъ слезы и радости, и скорби вмѣстѣ: радости потому, что сподобился видѣть блаженную кончину старца, скорби же—потому, что лишился своего родителя и сподвижника.

Послѣ торжественнаго отпѣванія тѣло усопшаго положено было въ мраморной ракѣ въ церкви Пресвятой Богородицы Хиландарской.

Передъ своей кончиной старецъ завѣщалъ сыну своему Саввѣ со временемъ перенести его останки въ отечество Сербію, что потомъ и было исполнено.

Теперь преподобный Савва остался на Аѳонѣ опять одинъ и предавался духовнымъ подвигамъ, непрестанно воспоминая въ молитвахъ своего покойнаго родителя. Не разъ въ ночныхъ видѣніяхъ усопшій являлся Саввѣ, утѣшалъ его, открывалъ о своемъ пребываніи въ обителяхъ небесныхъ и предсказывалъ, что ему, Саввѣ, предстоитъ устроить дѣла вѣры и благочестія въ ихъ отечествѣ.

По-прежнему, и еще съ большимъ усердіемъ, Савва предавался дѣламъ благотворительности. Непрестанно онъ раздавалъ милостыню убогимъ и нищимъ, помогалъ бѣднымъ, розыскивалъ нуждающихся подвижниковъ и поддерживалъ ихъ; онъ не могъ отказать ни въ какой просьбѣ о помощи въ дѣлѣ построенія или возобновленія и поддержанія церквей и монастырей, и не только на Аѳонѣ, но и въ другихъ, часто отдаленныхъ мѣстахъ. Иногда оскудѣвали его обыкновенныя средства, которыя разнообразно получались имъ изъ Отечества. Но тогда являлась ему помощь свыше. Вотъ какое чудо совершилось съ святымъ Саввою предстательствомъ Пресвятой Богородицы.

Не разъ святый Савва бывалъ въ Царьградѣ и по обычаю благотворилъ монастырямъ и церквамъ. Особенно же онъ питалъ любовь къ храму Пресвятой Богородицы Евергетиссы, или Благодательницы. Еще при жизни своего отца онъ сдѣлалъ большой вкладъ на поминовеніе ихъ рода; потомъ онъ вмѣстѣ съ родителемъ сталъ вносить ежегодный оброкъ въ пользу сего храма; наконецъ святый Савва на свой счетъ сдѣлалъ въ монастырѣ пристройку, чтобы имѣть себѣ мѣстопребываніе во время посѣщеній Царьграда. Въ одно изъ такихъ посѣщеній является къ нему одна благочестивая и благообразная женщина и говоритъ, что божественною волею ей повелѣно открыть Саввѣ, что на Святой Горѣ въ предѣлахъ владѣній Хиландарскаго монастыря въ двухъ мѣстахъ въ землѣ сокрыты сокровища, которыми онъ можетъ воспользоваться для своихъ надобностей. Жизнеописатель святаго Саввы высказываетъ мнѣніе, что сіе откровеніе получено было Саввою отъ Самой

Пресвятой Богородицы, но, по своему смиренію, онъ не явилъ этого. По возвращеніи въ Святую Гору преподобный Савва воспользовался полученнымъ указаніемъ и дѣйствительно открылъ сокровища въ двухъ мѣстахъ, но взялъ ихъ не ради своей корысти, а ради милостыни убогимъ и нищимъ и для поддержки святогорскихъ церквей и подвижниковъ.

Аѳонскіе монастыри, особенно приморскіе, часто безпокоили и раззоряли морскіе разбойники, или корсары. Разъ они захватили монастырь Каракаллъ, разграбили сокровища и плѣнили иноковъ вмѣстѣ съ игуменомъ для продажи въ рабство. Корсары привели плѣнниковъ къ лаврѣ св. Аѳанасія Аѳонскаго, разсчитывая на выкупъ. Лавріоты и выкупили ихъ у разбойниковъ, но подъ условіемъ лишенія монастыря Каракалла самостоятельности и подчиненія его, какъ метохіи, лаврѣ. Послѣ этого выкупленные игуменъ и братія были немилосердно удалены изъ Каракалла. Тогда они обратились къ неизмѣнному благотворителю Саввѣ, который, принявъ къ сердцу бѣдствія иноковъ, снова выкупилъ у лавры монастырь Каракаллъ со всѣми его правами, возвратилъ туда изгнанниковъ и, возстановивъ монастырь послѣ разбойническаго разрушенія, снабдилъ его всѣмъ необходимымъ для возобновленія Богослуженія и мирной иноческой жизни.

Подобнымъ образомъ онъ возстановилъ запустѣвшій отъ разбойническихъ разореній монастырь св. сорока мучениковъ, именуемый Ксиропотамъ, богато украсилъ его живописью и снабдилъ всѣмъ необходимымъ. Святый Савва явился, такимъ образомъ, новымъ ктиторомъ монастыря и установилъ здѣсь навсегда поминовеніе своего державнаго рода.

Изъ года въ годъ святый Савва устраивалъ въ Хиландарѣ торжественное поминовеніе своего родителя на день его кончины. Тогда собирались, по его приглашенію, иноки ото всѣхъ монастырей аѳонскихъ съ протомъ во главѣ. По откровенію свыше, благочестивый Савва зналъ, что родитель его за гробомъ пріобщился къ лику святыхъ, и молилъ Господа о прославленіи его и предъ людьми на землѣ, надѣясь и вѣруя, что благочестивое желаніе его не останется тщетнымъ.

Наканунѣ одного изъ годичныхъ поминальныхъ празднествъ по старцѣ Симеонѣ святый Савва послѣ вечерняго Богослуженія обратился къ проту съ прошеніемъ наутро помолиться Господу при гробѣ Симеона о его прославленіи и вручилъ ему ключи отъ

церкви, самъ же со своими сербскими сподвижниками удалился для утренняго Богослуженія въ другую церковь—въ пиргѣ, или баинѣ. Во время Великаго славословія на Утренѣ внезапно распространилось по храму необыкновенное благоуханіе, приведшее всѣхъ бывшихъ въ храмѣ въ сладостную духовную радость; и усмотрѣли тогда, что изсохшія кости старца Симеона изъ мраморнаго гроба источали благовонное мѵро. Сообщили о семъ служившему Утреню проту, который поспѣшилъ сообщить о семъ святому Саввѣ. Съ великою радостію Савва поспѣшилъ со своими собратіями ко гробу старца Симеона и воочію увидѣлъ великую милость Божію, непостыдно оправдавшую его горячую вѣру. Со слезами умиленія онъ облобызалъ раку, чудесно источившую благодатное мѵро. Многіе больные или одержимые духами нечистыми получили исцѣленіе, помазуясь благовоннымъ мѵромъ и прикасаясь къ ракѣ мощей. Вслѣдствіе сихъ чудесъ Соборъ аѳонскихъ иноковъ причислилъ новаго чудотворца къ лику прежнихъ святыхъ и положилъ праздновать ему вмѣстѣ съ святымъ Симеономъ Богопріимцемъ. Святому Саввѣ соборъ поручилъ составить стихиры и канонъ и описать чудотворенія, что и было имъ вскорѣ исполнено.

Три дня праздновали въ Хиландарѣ по случаю прославленія св. Симеона. Святый Савва приготовилъ обильную трапезу для всѣхъ собравшихся на торжество и отпустилъ, щедро всѣхъ одаривши.

Святый Савва подвизался уже довольныя лѣта, но все оставался простымъ инокомъ. Протъ Святой Горы Дометій, особенно чтившій и любившій Савву, давно убѣждалъ его принять священный санъ, но Савва, считая себя недостойнымъ, долго отказывался. Наконецъ, склоненный доводами Дометія, онъ рѣшился принять посвященіе сначала во діакона, а потомъ іерея, что и совершено было приглашеннымъ въ Хиландарь епископомъ ближняго города Іериссо Николаемъ, имѣвшимъ право поставлять на священство на Аѳонѣ.

Спустя нѣкоторое время святый Савва отправился по дѣламъ монастыря въ городъ Солунь, гдѣ остановился въ монастырѣ Филокалія, котораго онъ былъ благотворителемъ и считался ктиторомъ. Митрополитъ Солунскій Константій, много слышавшій о Саввѣ отъ епископа Іерисскаго Николая, послѣ неоднократныхъ бесѣдъ, призвалъ Савву служить въ каѳедральномъ храмѣ вмѣстѣ съ собою и епископами Николаемъ Іерисскимъ, Михаиломъ Кассандрскимъ и Димитріемъ Адрамитскимъ. Сіи іерархи соборнѣ благословили его

носить набедренникъ и возвели въ санъ архимандрита. Съ этою новою честію возвратился онъ въ Хиландарь.

Обо всемъ, что совершилось на Аѳонѣ, святый подробно сообщалъ своему державному брату, великому жупану Стефану, въ Сербію; послалъ и мѵро отъ гроба новоявленнаго чудотворца родителя ихъ и описаніе чудесъ и службу.

Съ великой радостью принималъ сіи посланія державный Стефанъ; радовалась съ нимъ вмѣстѣ и вся Сербія. Стефанъ горячо желалъ перенесенія мощей Симеона въ Сербію согласно и съ волей самого святопочившаго.

Во время бѣдствій, вызванныхъ междуусобной войной, поднятой противъ него братомъ Волканомъ, Стефанъ написалъ святому Саввѣ обширное посланіе, горячо убѣждая придти въ Сербію и перенести святыя мѵроточивыя мощи Симеона, съ глубокой вѣрой, что благодатная сила ихъ будетъ содѣйствовать умиротворенію Отечества по ихъ молитвамъ.

Святый Савва не замедлилъ исполнить просьбу брата и вмѣстѣ завѣщаніе своего отца. Поднявъ св. мощи, онъ понесъ ихъ въ Сербію въ сопровожденіи многихъ аѳонскихъ подвижниковъ. Не доходя еще границъ Сербіи, онъ предупредилъ брата о приближеніи св. мощей. Стефанъ въ сопровожденіи духовнаго клира, сановниковъ и народа вышелъ навстрѣчу. Велика была всеобщая радость при этой встрѣчѣ, когда видѣли возвращеніе въ отечество прославленныхъ мощей прежняго великаго жупана—отца и цвѣтущаго добродѣтелями сына его, архимандрита Савву. Стефанъ горячо облобызалъ мощи и обнялся съ братомъ послѣ столь долгой разлуки.

Св. мощи Симеона поставлены были въ построенномъ имъ Студеницкомъ монастырѣ, въ которомъ онъ принялъ и постриженіе, и обильно источали мѵро, чудесно исцѣлявшее недуги и вселявшее духовную радость во всѣхъ, съ вѣрою притекавшихъ.

Святый Савва, вмѣстѣ съ сопровождавшими его аѳонскими иноками, водворился такъ же въ Студеницкомъ монастырѣ ко всеобщей радости его соотечественниковъ.

Пребывая здѣсь, а также обходя обители, грады и веси, Савва постоянно поучалъ всѣхъ вѣрѣ и благочестію. Всѣ видѣли съ утѣшеніемъ, какъ водворяется въ отечествѣ миръ и тишина, какъ укрѣпляется вѣра и добрые нравы. Вражда между братьями утихла, и Волканъ покорился брату.

По обычаю, святый Савва раздавалъ милостыню, благотворилъ церквамъ, возобновлялъ ветхія и созидалъ новыя, какъ онъ дѣлалъ на Аѳонѣ, куда и теперь онъ горячо желалъ возвратиться, несмотря на видимое для всѣхъ благо, принесенное имъ въ Отечество. Онъ не разъ обращался къ державному брату Стефану съ просьбой объ отпускѣ на Святую Гору; но Стефанъ горячо убѣждалъ брата остаться при немъ и послужить на пользу Церкви и вѣры. Онъ предложилъ святому Саввѣ принять игуменство въ Студеницкомъ монастырѣ, на что тотъ имѣлъ полное право какъ уже посвященный въ санъ архимандрита. Послѣ нѣкотораго колебанія Савва согласился править дорогимъ для обоихъ братьевъ и всѣхъ сербовъ монастыремъ, предаваясь неусыпной дѣятельности по созиданію храмовъ и насажденію всюду вѣры и благочестія.

Вмѣстѣ съ братомъ своимъ Стефаномъ святый Савва рѣшилъ основать новый Спасовъ монастырь Жичу (во славу Вознесенія Господня), который потомъ сдѣлался каѳедральнымъ монастыремъ сербской архіепископіи. Устраивая какъ сей, такъ и другіе монастыри, святый Савва вводилъ въ нихъ тѣ обычаи подвижничества, какіе онъ видѣлъ на Аѳонѣ: киновіи, лавры, сихастаріи. Желая, чтобы всюду въ его Отечествѣ славилось Имя Божіе, святый Савва старался создавать какъ можно болѣе церквей, а гдѣ этого достигнуть не удавалось, тамъ онъ водружалъ, по крайней мѣрѣ, святый крестъ, взирая на который всѣ помнили бы о Распятомъ.

Уже при жизни своей святый Савва сподобился дара чудотвореній. Такъ, однажды въ Студеницкомъ монастырѣ онъ увидѣлъ разслабленнаго, который въ безпомощномъ состояніи просилъ при дорогѣ милостыни, воспѣвая Псалмы Давидовы. Прослезился Савва о немощи человѣческой, перенесъ разслабленнаго въ храмъ предъ икону Спасову и вознесъ горячую молитву о болящемъ, помазалъ его мѵромъ отъ раки святаго Симеона и разрѣшилъ отъ грѣховъ. Разслабленный всталъ здравымъ. Вѣсть о семъ чудесномъ исцѣленіи разнеслась всюду, болящіе изъ разныхъ мѣстъ спѣшили въ Студеницкую обитель и прибѣгали къ молитвамъ святаго Саввы объ исцѣленіи. Савва молился, помазывалъ больныхъ мѵромъ отъ раки своего родителя, и больные получали исцѣленіе.

Дѣятельность Саввы и слава о новомъ мѵроточивомъ чудотворцѣ Симеонѣ привлекали вниманіе къ Сербіи и окрестныхъ странъ. Въ тяжелыя тогдашнія времена многіе искали убѣжища

у сербскаго великаго жупана Стефана и находили защиту. Чудотворная молитва святаго Саввы касалась и таковыхъ.

Къ великому жупану сербскому Стефану бѣжалъ подъ защиту болгарскій бояринъ Стрезъ, родственникъ царя болгарскаго Калояна, погибшаго при походѣ на Солунь во время занятія латинянами Царьграда. Новый болгарскій царь Борисъ (или Борилъ) требовалъ выдачи Стреза—какъ родственника прежняго царя. Стефанъ не только не выдалъ искавшаго защиты бѣглеца, но оказывалъ ему всякое покровительство и даже далъ во владѣніе городъ Просѣкъ, на рѣкѣ Вардарѣ, съ областью. Стрезъ оказался, однако, неблагодарнымъ и жестокимъ. Онъ мучилъ своихъ подданныхъ и, наконецъ, поднялъ возстаніе противъ Стефана. Должна была произойти кровавая битва. Святый Савва былъ глубоко огорченъ и употребилъ свои мѣры, чтобы предотвратить кровопролитіе. Онъ смѣло пошелъ въ лагерь Стреза и, что удивительно, былъ благосклонно принятъ этимъ жестокимъ владѣтелемъ, который встрѣчалъ его и зналъ при дворѣ Стефана. Савва всячески убѣждалъ его не проливать напрасной крови, отказаться отъ своего намѣренія, вспомнить благодѣянія Стефана и заключенный съ нимъ въ церкви передъ святымъ Евангеліемъ союзъ названнаго братства. Стрезъ оставался упорнымъ. Тогда Савва сказалъ, что между нимъ и Стефаномъ разсудитъ Богъ, и удалился. Ночью Савва обратился съ горячей ко Господу молитвой, чтобы Онъ направилъ оружіе неблагодарнаго Стреза противъ него самого. И въ ту же ночь къ Стрезу является неизвѣстный грозный юноша, взимаетъ оружіе Стреза и, поразивши его, исчезаетъ. Стрезъ издаетъ вопли и умоляетъ позвать къ нему Савву, считая поразившаго его посланцемъ Саввы. Но Савва удалился изъ лагеря, и его не нашли. Стрезъ скончался, а дружина его быстро разсѣялась; кровопролитіе было устранено.

Много дѣла полезнаго и благотворнаго было святому Саввѣ въ его Отечествѣ, которое онъ горячо любилъ. Но сильна была его любовь къ Святой Горѣ, по которой онъ тосковалъ и непрестанно стремился туда возвратиться. Много разъ заявлялъ онъ о семъ своемъ желаніи брату Стефану, который съ горестью выслушивалъ эти заявленія и всячески старался удержать Савву при себѣ. Савва оставался, но потомъ опять обращался съ просьбами объ отпускѣ, наконецъ рѣшился окончательно. Съ грустію проводилъ его до греческихъ предѣловъ державный Стефанъ, не

теряя, однако, надежды, что это удаленіе будетъ опять только временнымъ; сокрушались, провожая Савву, и всѣ его соотечественники.

Какъ грустны были проводы Саввы изъ Сербіи, такъ радостна была его встрѣча на Аѳонѣ не только иноками Хиландарскаго монастыря, но и всѣми святогорцами.

Съ новымъ усердіемъ Савва опять сталъ подвизаться на Святой Горѣ, предаваясь уединенію, молчанію и богомыслію. Но въ то же время онъ продолжалъ и дѣла благотворительности, безъ чего никогда и нигдѣ онъ не могъ жить: снова онъ призиралъ убогихъ, подавалъ милостыню нищимъ, благотворилъ церквамъ и помогалъ подвижникамъ.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Въ Сербіи сожалѣли объ удаленіи Саввы и желали его возвращенія. Не разъ писалъ къ нему объ этомъ братъ Стефанъ. Савва оставался, однако, непреклоннымъ. Но вотъ произошло такое событіе, которое заставило всѣхъ особенно желать возвращенія Саввы въ Отечество: вдругъ прекратилось истеченіе мѵра отъ раки святаго Симеона. Всѣ увидѣли въ семъ Гнѣвъ Божій и горячо желали молитвъ Саввы при гробѣ Симеона. Приведенный въ ужасъ, Стефанъ написалъ убѣдительное посланіе къ Саввѣ, умоляя его прибыть въ Сербію и, вмѣстѣ съ нимъ и со всѣмъ народомъ, помолиться у гроба мѵроточиваго старца Симеона о возвращеніи благодати мѵроточенія. Святый Савва внялъ этому моленію, но и на сей разъ лично самъ не отправился въ Сербію, а послалъ нѣкоего инока Иларія, вручивъ ему горячее молитвенное посланіе къ своему святопочившему родителю Симеону, которое должно было быть прочитано послѣ Богослуженія и молебна у гроба святаго въ присутствіи державнаго Стефана и народа. Въ своемъ посланіи сынъ по естеству обращался къ Симеону какъ отецъ къ духовному сыну, ибо таковымъ при жизни своей старецъ Симеонъ признавалъ Савву, склонившаго его оставить міръ и избрать иноческій путь ко спасенію. Инокъ Иларій исполнилъ все такъ, какъ указалъ Савва. Послѣ прочтенія посланія Саввы при ракѣ Симеона вдругъ по храму разнеслось благоуханіе, и снова стало истекать отъ раки благодатное мѵро, приносившее тутъ же цѣленіе болящимъ. Всѣ горячо возблагодарили Господа Бога за великую его милость и дивились духовной мощи подвижника Саввы. Это чудо принесло утѣшеніе и ободреніе всей Сербіи.

Въ тѣ времена совершились великія событія на Православномъ Востокѣ, который тяжко пострадалъ отъ латинянъ. Царствующій градъ Константинополь взятъ былъ въ 1204 году латинянами. Греческій царь и Патріархъ должны были искать иного мѣста для того, чтобы стараться о возстановленіи разореннаго царства и утвержденіи много пострадавшаго Православія. Въ сосѣднихъ православныхъ державахъ Болгаріи и Сербіи были свои бѣды и нужды, и государи сербскіе и болгарскіе усердно старались отстоять и свою независимость въ эти тяжелыя времена, и чистое Православіе.

Святый Савва лучше, чѣмъ кто-либо изъ его славянскихъ современниковъ, зналъ положеніе дѣлъ, бѣды и нужды на Православномъ Востокѣ. Какъ въ благопріятные дни царства Греческаго онъ нерѣдко бывалъ въ Царьградѣ и имѣлъ сношенія съ царями, такъ и теперь, во времена бѣдствій, онъ не прекратилъ сношеній съ Греческимъ царемъ и Патріархомъ. Царь Ѳеодоръ Ласкарисъ и Патріархъ имѣли тогда мѣстопребываніе въ Малой Азіи, въ городѣ Никеѣ, прославленномъ бывшими въ немъ Святыми Вселенскими Соборами Первымъ и Седьмымъ. У святаго Саввы немало было надобностей явиться къ царю и Патріарху какъ по дѣламъ своего Хиландарскаго аѳонскаго монастыря, такъ и по нуждамъ его Отечества, Сербіи. Онъ рѣшился отправиться въ Никею.

Царь Ѳеодоръ Ласкарисъ находился въ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ съ сербскимъ великимъ жупаномъ: сынъ Стефана, стало быть родной племянникъ святаго Саввы, былъ женатъ на дочери царя Ѳеодора Ласкариса. Сербскій царствующій домъ, начиная со Стефана Немани, въ это время уже прославленнаго святаго Симеона, и съ прежними государями былъ въ родствѣ и пользовался уваженіемъ съ ихъ стороны. Теперь же особенно близки стали отношенія между сербскимъ и греческимъ государями и по родственнымъ отношеніямъ, и по общимъ нуждамъ защиты свободы и Православія отъ латинянъ. Не удивительно посему, что святый Савва принятъ былъ въ Никеѣ царемъ и Патріархомъ не только благосклонно, но весьма радушно. Всѣ просьбы Саввы относительно дѣлъ Хиландарскаго монастыря были вполнѣ удовлетворены.

Но мысли и заботы святаго Саввы не ограничивались только Хиландарскимъ монастыремъ: они не менѣе устремлены были и на нужды и пользы Отечества, на его независимость и самостоятельность—государственную и церковную.

Мудрый Савва нашелъ, что теперь представилось благопріятное время для пріобрѣтенія для Сербіи церковной самостоятельности.

Покончивъ съ дѣлами по Хиландарскому монастырю, святый Савва обратился къ царю Ѳеодору съ важной просьбой относительно Сербской Церкви. Онъ краснорѣчиво и подробно изложилъ состояніе вѣры въ своемъ Отечествѣ; указалъ на заботы и успѣхи въ дѣлѣ сохраненія и поддержанія чистоты Православія въ тѣ трудныя времена, когда распространялась на Православномъ Востокѣ у южныхъ Славянъ и Грековъ нечестивая богомильская ересь и когда какъ на Грековъ, такъ и на Славянъ православныхъ наступили съ Запада латиняне. Но, чтобы эти заботы и успѣхи въ дѣлѣ вѣры были прочны, необходимо было, какъ доказывалъ Савва, имѣть Сербіи не одного епископа, поставляемаго Царьградскимъ Патріархомъ, какъ было доселѣ, а архіепископа самостоятельнаго или автокефальнаго, который самъ учреждалъ бы епархіи и поставлялъ вмѣстѣ съ сербскимъ Духовнымъ Соборомъ на нихъ епископовъ. Такая важная просьба привела сначала въ смущеніе царя и Патріарха. Но, послѣ размышленій и разсужденій, и царь, и Патріархъ признали, что, удовлетворивъ такую просьбу, они и Сербіи принесутъ, и для себя получатъ великую пользу: Сербія, получивъ самостоятельнаго архіепископа и учредивъ новыя епархіи, будетъ легче защищать и утверждать Православіе и не поддастся на соблазны латинства, а вмѣстѣ возвысится среди сосѣднихъ государствъ; Греція, въ благодарность за это благодѣяніе, получитъ въ лицѣ сербскаго государя друга и союзника въ борьбѣ съ врагами имперіи.

Когда такимъ образомъ сей важный вопросъ въ основѣ былъ благопріятно для Сербіи рѣшенъ, святый Савва просилъ возвести въ санъ архіепископа сербскаго одного изъ сопутствовавшихъ ему старцевъ іеромонаховъ. Но ни царь, ни Патріархъ не нашли возможнымъ поступить согласно предложенію Саввы: они сказали, что никого не желаютъ возводить въ сей высокій санъ, кромѣ самого просителя и ходатая. Такой оборотъ дѣла былъ для смиреннаго Саввы совершенно неожиданнымъ: онъ и не помышлялъ объ этомъ. Но воля царя и Патріарха была непреклонна. По обычаю помолившись Господу Богу и внявъ убѣжденіямъ какъ царя съ Патріархомъ, такъ и своихъ спутниковъ, Савва усмотрѣлъ въ семъ волю Божію и согласился. Царь распорядился дать изъ

своей казны все необходимое для поставленія въ высокій санъ автокефальнаго архіепископа. И вотъ Вселенскій Патріархъ Германъ въ праздникъ Успенія Пресвятой Богородицы въ 1222 году рукоположилъ Савву въ архіепископа Сербскаго въ присутствіи царя и вельможъ.

Обласканный, почтенный высокимъ саномъ и богато одаренный царемъ и Патріархомъ, Савва пошелъ въ обратный путь. Моремъ онъ достигъ Святой Горы Аѳонской. Вѣсть о возведеніи Саввы въ архіепископа предупредила его возвращеніе. Всѣ аѳонскіе подвижники отъ прота до послѣдняго отшельника старались и спѣшили получить благословеніе отъ новопоставленнаго и привѣтствовать его. Особенно велика радость была въ монастырѣ Хиландарскомъ, но вмѣстѣ и печаль: предстояло, быть можетъ, навсегда, разстаться съ великимъ основателемъ обители и незамѣнимымъ руководителемъ иноковъ. Протъ и игумены всѣхъ важнѣйшихъ монастырей аѳонскихъ одинъ за другимъ просили Савву посѣтить ихъ обители, совершить архіерейское служеніе и рукоположить нѣкоторыхъ въ санъ діакона и іерея. Святый Савва со тщаніемъ исполнялъ сіи прошенія: его душѣ отрадно было вновь посѣтить обители, которыя онъ такъ чтилъ и любилъ, и помолиться въ нихъ.

Наставивъ въ послѣдній разъ братію своего Хиландарскаго монастыря жить по его уставамъ и завѣтамъ, святый Савва отправился въ Отечество въ сопровожденіи немалаго числа иноковъ, своихъ учениковъ и сподвижниковъ, которыхъ онъ намѣревался поставить потомъ въ Сербіи на важныя духовныя должности. Грустилъ Савва, разставаясь съ столь любимой имъ Святой Горой, но утѣшался отъ сознанія высоты того служенія, на которое онъ шелъ въ свое Отечество.

Свой путь съ Аѳона Савва держалъ на знаменитый городъ Солунь. Здѣсь онъ прежде всего поклонился мощамъ великомученика Димитрія мѵроточца, а затѣмъ отправился къ солунскому владыкѣ, митрополиту Константію, съ которымъ издавна находился въ любви и тѣсной дружбѣ. Съ симъ митрополитомъ Савва много бесѣдовалъ о трудныхъ дѣлахъ церковнаго управленія и искалъ у него совѣтовъ и указаній. Святый Савва пробылъ въ Солуни значительное время, живя въ своемъ монастырѣ Филокаліи, которому теперь онъ принесъ новые и богатые дары.

Просвѣщенный Савва посвятилъ проведенное здѣсь время книжному дѣлу: для управленія самостоятельною Церковію ему нужны были церковные и гражданскіе законы. Пріобрѣтеніемъ таковыхъ книгъ на греческомъ языкѣ, который Савва зналъ въ совершенствѣ, и переводомъ ихъ на славянскій языкъ онъ и занялся. Плодомъ трудовъ его было появленіе въ свѣтъ на славянскомъ языкѣ Кормчей книги, которою потомъ воспользовались для церковнаго управленія не только Сербы, но Болгары и Русскіе.

Подготовившись, такимъ образомъ, къ своему высокому служенію, Савва пошелъ въ Отечество, пославъ предварительно своему брату—великому жупану сербскому Стефану посланіе, извѣщая обо всемъ происшедшемъ съ нимъ и о своемъ возвращеніи.

Стефанъ и вся Сербія возрадовались возвращенію Саввы въ санѣ архіепископа. Ему устроена была на границѣ Сербіи торжественная встрѣча, въ которой, однако, Стефанъ лично не могъ принять участія, такъ какъ былъ боленъ и лежалъ въ постели. Встрѣченный съ великою радостію вельможами и народомъ Савва прибылъ къ брату и молитвою своею воздвигъ его отъ одра болѣзни, благословилъ и братски облобызалъ.

Тутъ же оба брата стали заботиться объ устроеніи Церкви. Прежде заложенный монастырь Жичу они порѣшили скорѣе окончить и въ немъ основать архіепископскую каѳедру.

Повидавшись съ братомъ и принявъ необходимыя первоначальныя мѣры относительно церковныхъ дѣлъ, святый Савва отправился въ Студеницкій монастырь ко гробу своего родителя и братіи, которою онъ правилъ передъ своимъ путешествіемъ на Востокъ какъ архимандритъ.

Облобызавъ гробницу святаго Симеона, обильно источавшую цѣлебное мѵро, Савва занялся поученіемъ иноковъ и устроеніемъ церковныхъ дѣлъ.

Теперь, облеченный архіепископскою властію, онъ рѣшительнѣе сталъ продолжать дѣло насажденія въ Сербіи иноческаго подвижничества по образцамъ подвижничества аѳонскаго. Онъ вводилъ порядокъ и уставы касательно какъ общаго церковнаго Богослуженія, такъ и келейнаго правила и всего поведенія иноческаго.

Уже ранѣе святымъ Саввою вмѣстѣ съ братомъ Стефаномъ было положено основаніе новому монастырю въ Жичѣ съ Великою церковію Вознесенія Господня. Здѣсь рѣшено было утвердить сербскую архіепископскую каѳедру. Савва отправился сюда и

приступилъ къ быстрому завершенію постройки и украшенія обители.

Самою первою и главною заботою святаго Саввы, ставшаго теперь архіепископомъ, было устроеніе Сербской Церкви. Все пространство сербскихъ владѣній Савва раздѣлилъ на двѣнадцать епархій и поставилъ для нихъ епископовъ, избравъ достойныхъ лицъ, главнымъ образомъ изъ своихъ учениковъ и сподвижниковъ. Новопоставленныхъ епископовъ онъ научилъ, какъ слѣдуетъ править паствою, и вручилъ имъ книги законовъ для церковнаго управленія.

Спустя нѣкоторое время, Савва собралъ общій сербскій Церковный Соборъ изъ епископовъ, чернаго и бѣлаго духовенства и мірянъ для укрѣпленія истинной православной вѣры. Тогда въ Сербіи было много неустройствъ въ дѣлѣ вѣры: существовала и нечестивая ересь богомильская, были и остатки язычества, много было вообще разныхъ нестроеній и пороковъ среди христіанъ. На Соборѣ святый Савва произнесъ обширное и краснорѣчивое поученіе объ утвержденіи Православія. Вновь было изложено православное исповѣданіе вѣры, осуждены ереси и приняты мѣры къ искорененію разныхъ суевѣрій, нестроеній и пороковъ.

Между прочимъ, выяснилось, что много было жившихъ въ брачномъ сожительствѣ, но безъ церковнаго вѣнчанія; многіе такъ жили давно и имѣли уже дѣтей, даже взрослыхъ. Святый Савва изъ своихъ учениковъ избралъ достойныхъ, поставилъ ихъ протопопами и разослалъ по странѣ вѣнчать тѣхъ мужей и женъ, которые оставались безъ вѣнчанія, причемъ приказано было вмѣстѣ съ родителями вѣнчать и ихъ взрослыхъ дѣтей. Тѣмъ же протопопамъ поручено было искоренять и другіе недостатки въ духовной жизни страны.

Сербскій государь носилъ доселѣ титулъ великаго жупана, между тѣмъ сосѣдніе государи имѣли титулы царей или королей. Братъ Саввы Стефанъ, соотвѣтственно силѣ и значенію своего государства, желалъ быть вѣнчаннымъ королевскимъ вѣнцомъ. Это было теперь вполнѣ возможно, такъ какъ Сербія имѣла самостоятельнаго іерарха, который могъ совершить обрядъ вѣнчанія. Сіе и совершилъ святый Савва въ каѳедральномъ храмѣ монастыря Жичи. Такъ какъ короли сосѣднихъ государствъ получали корону отъ папы Римскаго, то, ради признанія со стороны сосѣдей королемъ и сербскаго государя, найдено было нужнымъ обратиться

къ папѣ Римскому за согласіемъ, которое и послѣдовало и выразилось въ присылкѣ короны; но сіе обстоятельство не повело къ подчиненію Папѣ и не повредило Православію.

Возвышеніе Сербіи было непріятно для сосѣдняго короля Венгерскаго Владислава, который готовъ былъ выступить войною противъ первовѣнчаннаго короля Сербскаго Стефана. Желая избѣжать кровопролитія, Стефанъ просилъ брата своего, архіепископа Савву, отправиться къ Венгерскому королю для того, чтобы дѣло устроить миромъ. Савва отправился и принятъ былъ благосклонно; но король не хотѣлъ дѣлать никакихъ уступокъ. Чудодѣйственная молитва Саввы однако содѣйствовала благому концу. Совершилось слѣдующее чудо. Переговоры съ королемъ происходили въ жаркій день. Истомленный отъ жары и жажды Савва попросилъ подать льду. Но ледъ оказался растаявшимъ въ погребахъ. Тогда святый Савва обратился съ молитвою ко Господу, и вдругъ нашла туча, засверкала молнія, ударилъ громъ и посыпался обильный градъ, покрывшій землю. Савва повелѣлъ набрать граду въ сосудъ, благословясь испробовалъ самъ и предложилъ королю, со словами:

— Такъ какъ у васъ ледъ истаялъ, то я съ молитвою обратился къ Господу Богу, и Онъ послалъ намъ сей прохлаждающій даръ!

Всѣ были удивлены симъ чудомъ и съ благоговѣніемъ стали относиться къ святому Саввѣ. Король перемѣнилъ свои отношенія къ Сербіи; мысль о войнѣ была оставлена. Сверхъ того, король возъимѣлъ такое почтеніе и уваженіе къ Саввѣ, что пожелалъ исповѣдать ему свои грѣхи и получить разрѣшеніе отъ него. Савва тщательно исполнилъ сіе и не безъ успѣха убѣждалъ короля отказаться отъ латинства и возвратиться къ Православію.

Вернувшись въ Сербію, святый Савва все повѣдалъ брату своему, и оба они возблагодарили Бога за сіи благодѣянія.

Краль Стефанъ Первовѣнчанный достигъ старости и нерѣдко впадалъ въ недуги. Онъ имѣлъ горячее желаніе принять предъ смертію ангельскій образъ, постричься отъ своего брата Саввы. Но архіепископъ отклонялъ эту просьбу, говоря, что не настало еще время. Однажды Стефанъ сильно заболѣлъ, а святый Савва находился въ дальней отлучкѣ. Тотчасъ же послали за нимъ. Савва немедленно поспѣшилъ къ больному брату; но на дорогѣ встрѣтилъ его новый посланецъ, сообщившій, что король скончался уже и незачѣмъ очень спѣшить—въ живыхъ его нѣтъ. Но святый

Савва, напротивъ, еще болѣе ускорилъ свой путь, огорчаясь тѣмъ, что онъ не облекъ вовремя своего брата въ ангельскій образъ, и молясь Господу о сохраненіи брата въ числѣ живыхъ. И что же? Когда Савва съ горячею молитвою приблизился къ одру брата, онъ нашелъ въ немъ признаки жизни, и Стефанъ немедленно очнулся. Возрадовался святый Савва, облекъ Стефана въ великій ангельскій образъ съ именемъ Симеона и воздалъ ему предсмертное цѣлованіе. Краль Стефанъ, въ иночествѣ Симеонъ, тихо почилъ на рукахъ своего брата, святаго Саввы. Прахъ его положенъ былъ въ монастырѣ Студеницкомъ, рядомъ съ ракой его отца, святаго Симеона Немани.

Сербскій престолъ занялъ старшій сынъ Стефана Первовѣнчаннаго Радославъ, котораго святый Савва торжественно вѣнчалъ королевскимъ вѣнцемъ.

Давно святый Савва горѣлъ желаніемъ посѣтить Святую Землю, поклониться Гробу Господню и походить по тѣмъ мѣстамъ, которыя прославлены жизнію и смертію нашего Спасителя. Онъ желалъ также посѣтить знаменитыя палестинскія обители и видѣть жизнь палестинскихъ подвижниковъ. Теперь свою мысль и рѣшеніе Савва сообщилъ своему племяннику, королю Радославу. Тяжело было королю разставаться съ дядей, который могъ быть его мудрымъ совѣтникомъ и руководителемъ, но онъ не смѣлъ отказать ему въ просьбѣ и отпустилъ, снабдивъ его на путешествіе большою суммою золота.

Святый Савва отправился чрезъ принадлежавшее Сербіи Адріатическое приморье, сѣлъ на собственный корабль и направился морскимъ путемъ прямо къ Святой Землѣ. Совершивъ благополучно плаваніе, онъ вскорѣ достигъ Святаго Града Іерусалима, гдѣ былъ съ любовію принятъ Іерусалимскимъ Патріархомъ Аѳанасіемъ, и приступилъ къ обозрѣнію святынь и поклоненію имъ въ Іерусалимѣ и окрестностяхъ. Вмѣстѣ съ Патріархомъ онъ служилъ въ Великомъ храмѣ Воскресенія, равно какъ, съ благословенія Патріарха, и въ другихъ знаменитыхъ храмахъ—на Сіонѣ, въ Виѳлеемѣ, Геѳсиманіи, на Елеонѣ, въ Виѳаніи. Во всѣхъ сихъ храмахъ, какъ и другихъ посѣщенныхъ имъ Святыхъ мѣстахъ, Савва щедро раздавалъ милостыню и вносилъ жертвы на поддержаніе, устроеніе и украшеніе святыхъ храмовъ.

Святый Савва ходилъ на Іорданъ видѣть мѣсто Богоявленія и въ пещерную церковь Іоанна Крестителя, а оттуда опять въ

Іерусалимъ чрезъ обитель святаго Герасима. Послѣ нѣкотораго отдыха онъ отправился въ знаменитую Лавру своего соименника — святаго Саввы Освященнаго, гдѣ съ почетомъ былъ принятъ братіею. Оттуда путешествовалъ онъ къ Мертвому морю, посѣщалъ пещеры молчальниковъ и бесѣдовалъ съ ними. Посѣтилъ онъ также обитель великаго Евѳимія и Ѳеодосія Киновіарха. Возвратившись въ Іерусалимъ, оттуда онъ снова путешествовалъ въ разныя мѣста: и въ Назаретъ, и на Ѳаворъ.

Живя въ Іерусалимѣ, обходя обители и другія замѣчательныя мѣста, святый Савва старался пріобрѣсти полезное и для себя, и для своего Отечества. Онъ изучалъ уставы и правила церковныя, пріобрѣталъ книги, бесѣдовалъ съ просвѣщенными іерархами и подвижниками о дѣлахъ церковнаго управленія и душевнаго спасенія. Сверхъ того, для Отечества своего онъ пріобрѣлъ много святыхъ мощей и церковной утвари.

Обозрѣвъ Святую Землю и поклонившись святынямъ, Савва направился къ Греческому царю Іоанну Ватацѣ, имѣвшему мѣстопребываніе еще въ Никеѣ, гдѣ Савва ранѣе посѣтилъ прежняго царя Ѳеодора Ласкариса, тестя Ватацы. Святый Савва былъ радушно принятъ царемъ, особенно же царицей, которая и ранѣе при своемъ родителѣ видѣла святаго Савву и питала къ нему великую любовь и почтеніе. Царь и царица щедро одарили Сербскаго архіепископа казной и дорогою утварью для святыхъ церквей. Съ честью былъ отпущенъ Савва на царскомъ кораблѣ съ военною охраною. Онъ отправился на Святую Аѳонскую Гору, гдѣ посѣтилъ Ватопедъ, въ которомъ принялъ постриженіе, Иверъ и другіе монастыри, главнымъ же образомъ пребывалъ въ своемъ сербскомъ Хиландарскомъ монастырѣ. Рады были на Аѳонѣ видѣть своего прежняго сподвижника и собрата всѣ святогорцы. По обычаю святый Савва благотворилъ щедро церквамъ, инокамъ и нищимъ — какъ изъ своихъ средствъ, такъ и изъ пожалованныхъ Греческимъ царемъ и царицей.

Со Святой Аѳонской Горы Савва направился въ городъ Солунь, гдѣ независимо отъ Никейскаго царя держалъ власть также именовавшій себя царемъ Ѳеодоръ изъ фамиліи Ангеловъ. И для сего властителя, и для Сербіи было важно соблюдать миръ въ тѣ смутныя времена, и потому святый Савва былъ радушно принятъ Ѳеодоромъ, и сіе посѣщеніе Саввою Солуня принесло немалую пользу Сербіи.

Оттуда Савва отправился въ свое Отечество. Вѣсть о семъ побудила Сербскаго короля Радослава выйти навстрѣчу Саввѣ въ сопровожденіи духовенства, вельможъ и народа. Радостна была сія встрѣча и для святаго Саввы, и для сербскаго народа во главѣ съ государемъ.

Отдохнувъ отъ долгаго странствованія въ Студеницкомъ монастырѣ при гробѣ своего родителя, святаго Симеона Мѵроточца, архіепископъ Савва усердно принялся за дѣла вѣры и Церкви.

Прежде всего онъ созвалъ Духовный Соборъ въ Студеницкой лаврѣ на память кончины своего брата, Стефана Первовѣнчаннаго, въ иночествѣ Симеона. Послѣ Богослуженія и особеннаго молебствія святый Савва приказалъ открыть раку усопшаго, въ которой и были обрѣтены нетлѣнныя мощи, наполнившія храмъ благоуханіемъ. Велика была всеобщая радость о сей новой милости Божіей. Тогда же рѣшили торжественно перенести святыя мощи въ общую задушбину Стефана Первовѣнчаннаго и святаго Саввы въ новосозданный ими каѳедральный монастырь Жичу.

Послѣ сего святый Савва отправился обозрѣвать епархіи всей своей архіепископіи Сербской, творя владычный судъ, исправляя недостатки, поучая вѣрѣ и благочестію и щедро раздавая милостыню неимущимъ и убогимъ и благотворя церквамъ и монастырямъ. Никто не оставленъ былъ Саввою въ семъ странствіи безъ поученія и наставленія: и вельможи, и воины и простые люди слышали отъ него мудрые уроки христіанской жизни.

Но святому Саввѣ пришлось испытать и тяжелыя огорченія. Произошла междуусобная распря между королемъ Радославомъ и его младшимъ братомъ Владиславомъ, который беззаконно возсталъ на старшаго брата. Краль Радославъ сначала пользовался любовію народа, но потомъ нѣкоторыми недобрыми поступками, особенно въ своей семейной жизни, онъ вызвалъ къ себѣ нерасположеніе: многіе вельможи отложились отъ него и приняли сторону возмутившагося младшаго брата. Радославъ былъ свергнутъ съ престола, изгнанъ и бѣжалъ въ Драчъ на Адріатическое море, гдѣ, испытавъ насиліе отъ одного франкскаго латинскаго властителя, долженъ былъ бѣжать. Прибѣжище и защиту онъ нашелъ у своего дяди, архіепископа Саввы, который убѣдилъ его послѣ бурной мірской жизни искать успокоенія въ жизни иноческой: Радославъ постриженъ былъ Саввою въ иночество подъ именемъ Іоанна и, подвизавшись недолгое время, скончался.

Послѣ смерти Радослава святый Савва вѣнчалъ королевскимъ сербскимъ вѣнцемъ младшаго племянника—Владислава, признаннаго теперь всѣми Сербами. Владиславъ благоговѣйно относился къ своему дядѣ, слушался его наставленій и тщился въ дѣлахъ благочестія подражать отцу своему и дѣду. Съ благословенія святаго Саввы онъ выстроилъ себѣ задушбину— величественный храмъ Вознесенія Господня — въ Милешевѣ.

Много и съ любовію трудился святый Савва для блага Сербской Церкви, много онъ сдѣлалъ добра и принесъ пользы какъ владыка-архіепископъ, но душа его все-таки стремилась къ святымъ дальнимъ мѣстамъ и подвигамъ въ отшельническомъ уединеніи. И вотъ, отдаваясь своему внутреннему влеченію, онъ рѣшаетъ сложить съ себя бремя архіепископства и снова пуститься въ странствіе на Востокъ. Мысль свою онъ сообщаетъ прямо Владиславу, епископамъ и вельможамъ. Всѣ горячо упрашиваютъ его не покидать своей паствы, но святый Савва остается непреклоннымъ, онъ говоритъ, что долженъ посѣтить такія Святыя мѣста, въ которыхъ еще не былъ, а затѣмъ, возвратившись, онъ будетъ до конца дней пребывать съ ними въ безмолвномъ подвижничествѣ.

Собравъ церковный Соборъ, онъ выбралъ достойнѣйшаго изъ своихъ учениковъ, іеромонаха Арсенія, и рукоположилъ его въ сербскіе архіепископы на свое мѣсто, а самъ, наставивши паству, снова пустился въ дальнее странствованіе.

И на сей разъ онъ держалъ свой путь моремъ изъ Далмаціи. На моряхъ тогда вездѣ было много морскихъ разбойниковъ. Распространился слухъ, что Савва везетъ съ собою великія богатства. Разбойники подстерегали корабль Саввы и готовы были напасть, но, по горячей молитвѣ Саввы, корабельщики его удачно избѣжали подстерегавшихъ разбойниковъ и приплыли въ безопасную пристань Бриндизи въ Италіи. Разбойники раскаялись и, прибывши въ ту же пристань, просили прощенія у святаго Саввы. Отправившись въ дальнѣйшее путешествіе, святый странникъ подвергся новой опасности. Поднялась страшная буря. Корабельщики отказались управлять кораблемъ и ждали только помощи свыше. Всѣ единодушно они обратились къ Саввѣ, прося его молитвъ и заступничества. Савва горячо помолился Господу Богу, воздѣвая руки къ Небу противъ вѣтра, поддерживаемый корабельщиками. И Господь услышалъ его молитву: внезапно буря стала утихать,

и всѣ воздали благодареніе Господу Богу и святому Саввѣ. Когда прибыли въ приморскій городъ Палестины Акру, святый Савва остановился здѣсь на подворьѣ Лавры Саввы Освященнаго, которое ранѣе онъ выкупилъ у франковъ. Слава о чудѣ укрощенія молитвою Саввы бури на морѣ отъ корабельщиковъ распространилась въ народѣ, и многіе стремились видѣть чуднаго старца и получить отъ него благословеніе.

Изъ Акры святый Савва на другомъ кораблѣ направился въ Іерусалимъ морскимъ же путемъ чрезъ Великую Кесарію и Іоппію, или Яффу.

Въ Іерусалимѣ онъ остановился въ монастырѣ святаго Іоанна Богослова, который онъ ранѣе еще выкупилъ и передалъ для завѣдыванія инокамъ Лавры святаго Саввы Освященнаго. Съ иноками сей Лавры, радостно встрѣтившими его, онъ отправился въ храмъ Воскресенія Христова для поклоненія святынѣ. Тамъ онъ увидѣлся съ Іерусалимскимъ Патріархомъ Аѳанасіемъ, который подробно разспрашивалъ его о путешествіи, о родинѣ святаго Саввы, о войнѣ и мирѣ въ пройденныхъ имъ странахъ. Святый Савва участвовалъ въ Богослуженіи вмѣстѣ съ Патріархомъ, который при семъ случаѣ пророчественно говорилъ присутствующимъ о заслугахъ, благодѣяніяхъ и чудотвореніяхъ Саввы.

Въ Іерусалимѣ Савва былъ уже извѣстенъ, и новое появленіе его здѣсь привлекало къ нему много народа, искавшаго его молитвъ и благословенія.

Утвердивъ свое мѣстопребываніе въ монастырѣ святаго Іоанна Богослова, святый Савва посѣщалъ Святыя мѣста, бесѣдовалъ съ подвижниками, изъ коихъ многіе издавна были ему знаемы, особенно въ Лаврѣ святаго Саввы.

Но поклоненіемъ Іерусалимскимъ святынямъ Савва не ограничился. Изъ Іерусалима онъ предпринялъ нѣсколько дальнихъ путешествій. Такъ, онъ пожелалъ посѣтить египетскую Александрію. Здѣсь онъ благосклонно и съ честію былъ принятъ Александрійскимъ Патріархомъ, который имѣлъ уже нѣкоторыя свѣдѣнія о знаменитомъ сербскомъ архіепископѣ, а теперь при личной встрѣчѣ подробно разспрашивалъ объ его Отечествѣ. Святый Савва въ Александріи посѣтилъ святыя церкви, поклонился святынямъ и всюду дѣлалъ приношенія, а въ патріаршей каѳедральной церкви вписалъ свой родъ въ церковный синодикъ, сдѣлавъ богатый вкладъ. Съ Патріархомъ они обмѣнялись богатыми дарами.

Получивъ отъ Патріарха благонадежныхъ и знающихъ руководителей изъ иноковъ, святый Савва отправился путешествовать по пустынямъ, прилегающимъ къ Александріи, чтобы видѣть пустынническое подвижничество и побесѣдовать съ отшельниками; онъ побывалъ въ Мареотѣ и въ пустыняхъ Ливійскихъ. Съ любовію и смиреніемъ онъ искалъ и принималъ поученія отъ молчальниковъ, подвижничество которыхъ всѣми прославлялось какъ совершеннѣйшій путь ко спасенію. Оттуда онъ прошелъ въ Ѳиваиду и въ Черную Гору, славившуюся скитническимъ подвижничествомъ, побывалъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сиріи и даже Персіи и, наконецъ, возвратился въ Іерусалимъ.

Послѣ нѣкотораго отдохновенія онъ отправился въ новое путешествіе—на Синай. Пройдя долину Іорданскую, онъ достигъ Вавилона, гдѣ поклонился гробамъ трехъ отроковъ—Ананіи, Азаріи и Мисаила. Мѣстный султанъ отнесся къ нему благосклонно и далъ проводниковъ къ султану египетскому, который также оказалъ святому Саввѣ вниманіе и проводилъ на гору Синай.

На Синаѣ святый Савва принятъ былъ радушно Синайскимъ епископомъ и поселился при монастырѣ Пресвятой Богородицы. На Синаѣ святый Савва пробылъ въ подвигахъ цѣлую Святую Четыредесятницу, поклоняясь святынямъ и изучая тамошнюю подвижническую жизнь и молясь въ семъ святомъ мѣстѣ о своемъ Отечествѣ.

Съ Синая святый Савва снова возвратился въ Іерусалимъ. Послѣ нѣкотораго отдохновенія онъ вновь обозрѣлъ всѣ святыни и поклонился имъ, а затѣмъ сталъ готовиться къ новому путешествію. Сердечно простившись съ Іерусалимскимъ Патріархомъ Аѳанасіемъ и съ игуменомъ Лавры Саввы Освященнаго Николаемъ, равно какъ со всѣмъ патріаршимъ клиромъ и братіями монастырей, святый Савва направился въ городъ Антіохію, гдѣ былъ радушно принятъ Антіохійскимъ Патріархомъ. Посѣтивъ святыя церкви въ самой Антіохіи, святый Савва совершилъ путешествіе для поклоненія гробу святаго Симеона на Дивной горѣ.

Изъ Антіохіи Савва направился въ Царьградъ чрезъ Арменію и Анатолію. Сухопутное путешествіе онъ совершилъ благополучно, на морѣ же его постигла тяжкая болѣзнь. Спутники трепетали за его жизнь, уговаривали его принять пищу, ибо нѣсколько дней онъ ничего не вкушалъ; но Савва не могъ принять никакой пищи, кромѣ свѣжаго чего-либо. Но берега были далеко, и корм-

чій корабля грубо отказалъ въ остановкѣ для означенной цѣли. Спутники Саввы сообщили ему о семъ, но онъ успокоилъ ихъ, говоря, что на все есть воля Божія и сѣтовать не дòлжно. Вдругъ въ это время волною выкинуло на корабль къ тому самому мѣсту, гдѣ лежалъ болящій Савва, большую живую рыбу. Савва, указывая на нее, сказалъ:

— Вотъ и послалъ намъ Господь Богъ потребное!

Рыба была приготовлена, и всѣ, бывшіе на кораблѣ, ею напитались. Святый Савва, подкрѣпившись свѣжею пищею, всталъ совершенно здоровымъ, а устыженный происшедшимъ кормчій просилъ прощенія у владыки.

Прибывъ въ Царьградъ, святый Савва прежде всего направился въ монастырь Пресвятой Богородицы Евергетиссы, гдѣ имѣлъ свое помѣщеніе для пребыванія. Затѣмъ отсюда онъ отправился въ средину города къ храму святаго Апостола Андрея, гдѣ имѣлъ переговоры по разнымъ дѣламъ съ правившими тогда Царьградомъ латинскими магистрами.

Изъ Царьграда обычный путь для святаго Саввы лежалъ, по-видимому, на Святую гору, чтобы оттуда возвратиться въ Отечество. Но Богу угодно было путь его направить иначе. Святый Савва изъ Царьграда моремъ доѣхалъ до города Месемвріи на Черномъ морѣ, а оттуда пошелъ въ болгарскую столицу, городъ Терновъ, къ своему свату — болгарскому царю Іоанну Асеню, дочь котораго была за сербскимъ кралемъ Владиславомъ, племянникомъ святаго Саввы. Болгарскій царь устроилъ торжественную встрѣчу Саввѣ и съ великою честію принялъ его въ столичномъ городѣ Терновѣ, предоставивъ въ его пользованіе собственныя палаты и слугъ. Святый Савва наканунѣ праздника Богоявленія святилъ крещенскую воду въ каѳедральномъ храмѣ Сорока Мучениковъ, а наутро служилъ вмѣстѣ съ Патріархомъ Болгарскимъ.

Вскорѣ Болгарскій царь, принявъ благословеніе святаго Саввы, выѣхалъ изъ города ради охоты; между тѣмъ святый Савва тяжко заболѣлъ и чувствовалъ приближеніе кончины.

Онъ собралъ около себя своихъ учениковъ и спутниковъ и сдѣлалъ предсмертныя распоряженія. Во время своего путешествія по Востоку онъ собралъ множество святынь и драгоцѣнныхъ вещей для своего Отечества: святыхъ мощей, сосудовъ, книгъ, ризъ и иной утвари церковной; многое изъ сихъ предметовъ онъ получилъ въ даръ, многое пріобрѣлъ покупкою. Всѣ

сіи сокровища онъ распредѣлилъ точно, что куда слѣдуетъ отдать, и послалъ впередъ себя въ Отечество.

Между тѣмъ болѣзнь усиливалась. Въ одинъ субботній вечеръ Савва призвалъ своихъ учениковъ и велѣлъ имъ почить на нѣкоторое время, потому что потомъ предстоитъ имъ бодрствовать болѣе. Въ полуночи святый Савва исполнился особенной духовной радости и въ горячей молитвѣ ко Господу ждалъ своей кончины, которая засимъ вскорѣ и послѣдовала въ присутствіи его учениковъ.

Благоговѣйно обрядивъ тѣло почившаго, ученики стали заботиться о погребеніи. Немедленно послано было извѣщеніе царю Болгарскому, который приказалъ Патріарху Болгарскому Іоакиму торжественно похоронить святаго Савву въ храмѣ Сорока Мучениковъ въ Терновѣ, что и было исполнено со славою и честію. Царь приказалъ по случаю погребенія Сербскаго архіепископа раздать изъ своей казны большую сумму золота нищимъ и убогимъ. Самъ святый Савва предъ смертію своею завѣщалъ такъ же вклады и вещами, и казною на свое погребеніе и поминовеніе въ храмъ Сорока Мучениковъ.

Спустя немного лѣтъ по преставленіи Святаго Саввы, преемникъ его архіепископъ Сербскій Арсеній и Сербскій краль Владиславъ рѣшили перенести прахъ покойнаго перваго Сербскаго архіепископа изъ Тернова въ Отечество. Краль отправилъ посольство къ тестю съ просьбою о разрѣшеніи перенести останки почившаго пастыря. Но Болгарскій царь Іоаннъ, Патріархъ и народъ никакъ не хотѣли отпустить и для нихъ драгоцѣнный гробъ. Они отвѣчали, что если бы гробъ оставался въ небреженіи, то Сербы могли бы требовать перенесенія праха; между тѣмъ гробница находится въ главномъ храмѣ, богато украшена и окружена всяческимъ попеченіемъ.

Владиславъ отправилъ второе посольство, но и оно не имѣло успѣха. Тогда онъ рѣшилъ отправиться къ тестю лично, въ сопровожденіи вельможъ и епископовъ. Но и личное прошеніе Владислава сначала не могло склонить Болгарскаго царя на отпускъ тѣла святаго Саввы. Какъ ни ласково, ни почтительно царь Іоаннъ не принялъ своего зятя, онъ все-таки не хотѣлъ разстаться съ дорогимъ и для Болгаръ гробомъ. Только ниспосланное свыше ночное видѣніе царю Іоанну заставило его не противиться просьбѣ Сербскаго краля и народа. Царь Іоаннъ послѣ видѣнія уразумѣлъ, что здѣсь воля Божія, а не человѣческая.

Торжественно совершено было перенесеніе праха святаго Саввы. Когда, готовясь къ подъему и перенесенію, открыли гробъ, то обрѣли тѣло нетлѣннымъ. Приспособивъ все тщательно къ далекому путешествію, послѣ молебствія, подняли святыя мощи и пустились въ путь. Краль Владиславъ дивился, какъ все скоро и благопріятно устроилось, ибо царь Болгарскій, поощренный видѣніемъ, хотя и рѣшился отпустить тѣло Саввы, но все еще не вполнѣ освободился отъ своего неудовольствія.

Но вскорѣ, послѣ унесенія мощей, одинъ разслабленный чернецъ, по имени Неофитъ, прилегъ на деревянныхъ доскахъ, которыя были при гробѣ святаго Саввы; прикосновеніе къ симъ древамъ принесло ему внезапное исцѣленіе. Сіе чудо принесло великую радость болгарскому народу: чудотворная сила святаго Саввы сохранилась на мѣстѣ его погребенія и по унесеніи его святыхъ мощей. И послѣ совершалось много чудесъ на мѣстѣ, гдѣ стоялъ гробъ святаго Саввы въ храмѣ Сорока Мучениковъ.

Когда шествіе со святыми мощами приблизилось къ предѣламъ Сербіи, архіепископъ Арсеній съ епископами и прочимъ духовенствомъ, равно какъ бояре и множество народа, вышли въ срѣтеніе, съ духовною радостію и веселіемъ воспѣвая духовныя пѣснопѣнія.

Съ чувствомъ глубокой радости и утѣшенія всѣ лобызали нетлѣнныя мощи святаго Саввы и торжественно принесли ихъ въ монастырь Милешево, только что построенный Сербскимъ кралемъ Владиславомъ какъ его задушбина. Здѣсь былъ уже уготованъ Владиславомъ честный гробъ для положенія мощей святаго Саввы, къ которымъ стало стекаться множество народа со всѣхъ концовъ сербской земли.

Немного времени спустя было явленіе святаго Саввы одному изъ учениковъ его: святый Савва объявилъ, что съ того времени, какъ Господь взялъ его отъ міра земнаго, ему не надлежитъ жить во гробѣ, а лежать въ церкви на видѣніе всѣмъ.

Тогда вновь вынули мощи его изъ земли и положили въ деревянномъ ковчегѣ и поставили посреди Великой церкви.

Святый Савва при своей долгой святой жизни совершилъ много благихъ дѣлъ и для отдѣльныхъ людей, и, главнымъ образомъ, для своего Отечества Сербіи, укрѣпивъ въ немъ вѣру и благочестіе, создавъ церковную іерархію и правильное церковное управленіе, давъ примѣръ и образецъ подвижничества. Всѣ

свои завѣты онъ передалъ въ своихъ немалочисленныхъ письменныхъ трудахъ.

И люди, жившіе съ нимъ въ одно время и во всѣ послѣдующія времена, не только Сербы, но и всѣ православные чтили и чтятъ сего святаго — великаго благодѣтеля и покровителя земли сербской и всего Православія.

Тропа́рь ст҃а́гѡ, гла́съ г҃:

Пꙋти̑ вводѧ́щагѡ въ жи́знь, наста́вникъ, и҆ первопресто́льникъ и҆ ᲂу҆чи́тель бы́лъ є҆сѝ, пе́рвѣе бо прише́дъ ст҃и́телю са́вво, ѻ҆те́чество твоѐ просвѣти́лъ є҆сѝ, породи́въ то́е дх҃омъ ст҃ы́мъ, и҆ ꙗ҆́кѡ древа̀ ма̑слиннаѧ въ мы́сленнѣмъ раѝ насади́лъ є҆сѝ всеѡсщ҃е́ннаѧ твоѧ̑ ча̑да. тѣ́мъ ꙗ҆́кѡ а҆плѡмъ и҆ ст҃и́телемъ сопресто́льна, чтꙋ́ще тѧ̀ мо́лимъ: молѝ хр҃та̀ бг҃а дарова́ти на́мъ ве́лїю мл҃ть.

Конда́къ, гла́съ и҃:

Ꙗ҆́кѡ первост҃и́телѧ вели́каго, и҆ а҆пл҃ѡвъ соѡ́бщника, цр҃ковь прославлѧ́етъ тѧ̀ люде́й твои́хъ прп҃бне: но ꙗ҆́кѡ и҆мѣ́ѧ дерзнове́нїе ко хр҃тꙋ̀ бг҃ꙋ, мл҃твами твои́ми ѿ всѧ́кихъ на́съ бѣ́дъ сп҃са́й, да зове́мъ тѝ: ра́дꙋйсѧ, ѻ҆́тче са́вво бг҃омꙋ́дре.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ПЕТРА АВЕСАЛАМИТА

Петръ, называемый Авесаламитомъ, уроженецъ Елевѳеропольской[1]) страны, при наступленіи гоненія на христіанъ[2]) былъ схваченъ въ городѣ Авлонѣ[3]). Когда его привели на допросъ къ правителю Северу, тотъ спросилъ:

— Какъ тебя зовутъ?

---

[1]) *Елевѳерополь* — Палестинскій городъ, находившійся между Средиземнымъ моремъ и Мертвымъ, на востокъ отъ Аскалона. Въ IV-мъ вѣкѣ былъ значительнымъ городомъ, нынѣ отъ него не осталось и слѣдовъ.

[2]) Разумѣется гоненіе, начавшееся ок. 303 г., подъ конецъ царствованія на Востокѣ Діоклетіана, на Западѣ — Максиміана (284—305 гг.).

[3]) Городъ въ Македоніи съ многолюднымъ портомъ, при заливѣ съ тѣмъ же именемъ.

Петръ отвѣчалъ:

— По отцу меня зовутъ Авесаламитъ, духовное же имя, полученное мною при Крещеніи,—Петръ.

— Какого ты рода? — спросилъ правитель.

Петръ отвѣчалъ:

— Я — христіанинъ.

— Какого ты званія? — спросилъ правитель.

— Высшаго и лучшаго званія, чѣмъ званіе христіанина, я не могу имѣть,— отвѣчалъ Петръ.

— Есть ли у тебя родители? — спросилъ правитель.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Петръ.

— Ты лжешь,—сказалъ правитель,— ибо я слышалъ, что у тебя есть родители.

— Въ Евангеліи мнѣ дано повелѣніе,—отвѣчалъ Петръ,—отрекаться отъ всего, когда я иду на исповѣданіе Имени Господня [1]).

Ст҃ый мч҃никъ Пе́тръ

— Извѣстно ли тебѣ царское повелѣніе? — спросилъ правитель.

— Я знаю, — отвѣчалъ Петръ,—то, что повелѣлъ мой Богъ, Истинный и Вѣчный Царь.

Правитель сказалъ:

— Всемилостивые цари [2]) повелѣли, чтобы всѣ христіане или принесли жертвы богамъ, или были погублены посредствомъ различныхъ казней.

Петръ отвѣчалъ:

— А Истинный Вѣчный Царь заповѣдалъ, что если кто принесетъ жертву идоламъ, а не Живому Богу, тотъ погибнетъ на-

---

[1]) См.: Еванг. отъ Луки, гл. **14**, ст. 26; Еванг. отъ Матѳ., гл. **10**, ст. 37; гл. **19**, ст. 29; ср. Еванг. отъ Марк., гл. **10**, ст. 29—30; Еванг. отъ Луки, гл. **18**, ст. 29—30.

[2]) Вскорѣ по вступленіи на престолъ Діоклетіанъ избралъ себѣ въ соправители *Максиміана Геркула*, котораго поставилъ надъ западной половиной имперіи, оставивъ себѣ восточную. Въ 292 году онъ избралъ еще двухъ помощниковъ съ титуломъ кесарей для управленія имперіей — *Констанція Хлора* и *Галерія*.

вѣки. Разсуди по справедливости: можно ли нарушить эту заповѣдь Небеснаго Царя?

— Послушай меня,—сказалъ правитель,—принеси жертву богамъ и исполни приказаніе нашихъ царей.

Петръ отвѣчалъ:

— Я не принесу жертвы издѣлію человѣческихъ рукъ—богамъ деревяннымъ и каменнымъ, которымъ вы подобны.

— Ты оскорбляешь насъ,—возразилъ правитель.—Развѣ ты не знаешь, что я могу предать тебя смерти?

— Я не оскорбляю тебя,—отвѣчалъ Петръ,—но говорю то, что написано въ Законѣ Господнемъ: «ї҆дѡли ꙗ҆зы̑къ сребро̀ и҆ зла́то, дѣла̀ рꙋ́къ человѣ́ческихъ: ᲂу҆ста̀, ѻ҆́чи, ни́здри, ᲂу҆́шы, рꙋ́цѣ и҆ но́зѣ и҆́мꙋтъ, но нижѐ глаго́лютъ, ни ви́дѧтъ, ни ѡ҆бонѧ́ютъ, ни слы́шатъ, ни ѡ҆сѧза́ютъ, нижѐ хо́дѧтъ». Господь говоритъ въ Писаніи: «подо́бни и҆́мъ да бꙋ́дꙋтъ творѧ́щїи ѧ҆̀, и҆ всѝ надѣ́ющїисѧ на нѧ̀»[1]). Если же Духъ Святый отъ Господа сказалъ сіе чрезъ уста пророковъ, то какъ же ты говоришь, будто бы я оскорбилъ тебя, назвавъ подобнымъ глухимъ и нѣмымъ каменнымъ и деревяннымъ идоламъ,—и даже еще и мнѣ совѣтуешь, чтобы я сдѣлался подобнымъ тебѣ.

Правитель сказалъ:

— Послушайся меня, пожалѣй самъ себя и принеси жертву богамъ.

Петръ отвѣчалъ:

— Именно тогда я и пожалѣю себя, если не принесу жертвы вашимъ богамъ и не отступлю отъ Истины. Но такъ какъ ты—невѣрный, то посему и не вѣришь ни мнѣ, ни Закону Божію,—что если кто принесетъ жертву богамъ, то погибнетъ. Но что же ты медлишь? Дѣлай, что тебѣ приказано.

— Я еще жду,—отвѣчалъ правитель,—пока ты раздумаешь, принесешь жертву богамъ и тѣмъ избавишься отъ мученій.

— Напрасно ждешь,—отвѣчалъ Петръ,—дѣлай, что замыслилъ дѣлать, исполняй волю отца своего—діавола, ибо я не исполню вашей воли, и не допуститъ меня сдѣлать это Господь мой Іисусъ Христосъ, Которому я усердно служу.

Правитель приказалъ повѣсить его и потомъ сказалъ ему:

— Что скажешь, Петръ? Принесешь или нѣтъ жертву богамъ?

---

1) Псал. 113, ст. 12—16. Означенное мѣсто приводится съ опущеніемъ и измѣненіемъ нѣкоторыхъ словъ.

— Дай желѣзные когти,—отвѣчалъ святый,—строгай меня, ибо я не одинъ разъ говорилъ тебѣ, что не принесу жертвы никому, кромѣ Единаго Бога моего, за Имя Котораго я страдаю.

Правитель Северъ приказалъ жестоко мучить его. Доблестный мученикъ Божій не издалъ при этомъ ни одного стона, но только воспѣвалъ:

«Єди́но проси́хъ ѿ гдⷭ҇а, то̀ взыщꙋ̀: є҆́же жи́ти мѝ въ домꙋ̀ гдⷭ҇ни всѧ̑ дни̑ живота̀ моегѡ̀» [1]).

И еще воспѣвалъ:

«Ча́шꙋ спⷭ҇се́нїѧ прїимꙋ̀, и҆ и҆́мѧ гдⷭ҇не призовꙋ̀» [2]).

Когда онъ говорилъ такъ, правитель пришелъ въ еще большее раздраженіе и призвалъ другихъ палачей. Стоявшій вокругъ народъ, видя текущую по землѣ въ большомъ количествѣ кровь, соболѣзнуя о святомъ, говорилъ:

— Пожалѣй себя и принеси жертву богамъ, чтобы избавиться отъ этихъ лютыхъ мученій.

— Эти муки,—отвѣчалъ святый Петръ,—ничто и не причиняютъ мнѣ никакой боли. Если же я отрекусь отъ моего Бога, то тогда я дѣйствительно впаду въ тягчайшія и безконечныя мученія.

Правитель сказалъ:

— Что это говоришь ты, Петръ? Принеси жертву богамъ, чтобы не раскаяться послѣ, когда уже будетъ поздно.

— Не раскаюсь и не принесу жертвы,—отвѣчалъ Петръ.

— Я предамъ тебя смерти,—сказалъ правитель.

— Этого именно я и желаю,—чтобы умереть за Бога моего,—отвѣчалъ Петръ.

Тогда правитель произнесъ надъ нимъ слѣдующій смертный приговоръ:

«Петра, пренебрегшаго ради Закона Бога своего повелѣніемъ непобѣдимыхъ царей, приказываю распять на крестѣ».

Такъ доблестный воинъ Христовъ, оканчивая свой подвигъ, удостоился содѣлаться, чрезъ распятіе на крестѣ, причастникомъ страданій Владыки [3]). Мученикъ Христовъ Петръ Авесаламитъ

---

[1]) Псал. 26, ст. 4. Т. е.—св. мученикъ особенно усердно всегда молилъ Господа, чтобы Онъ не попустилъ ему отпасть отъ св. Церкви.

[2]) Псал. 115, ст. 4. Слова Псалма св. мученикъ примѣняетъ къ себѣ въ томъ смыслѣ, что онъ принимаетъ страданія, видя въ нихъ средство къ своему спасенію и воздавая за то славословіе Богу.

[3]) Т. е. удостоился претерпѣть ту же самую казнь (распятіе на крестѣ), которой былъ преданъ Іисусъ Христосъ.

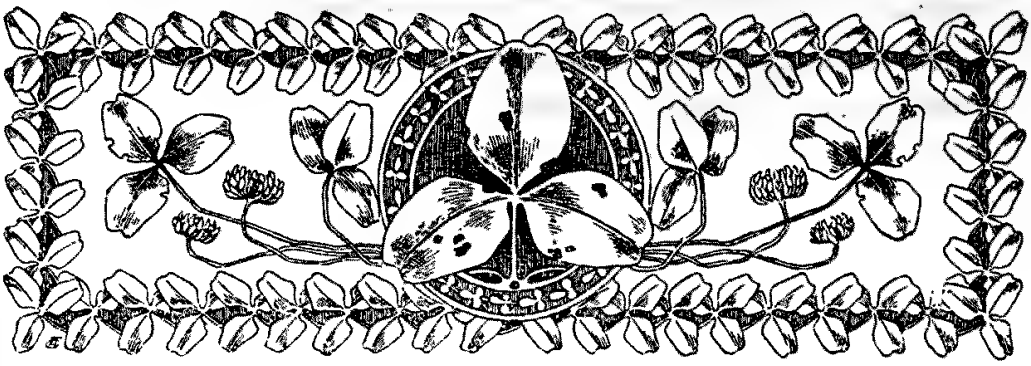
пострадалъ въ городѣ Авлонѣ, когда въ Римѣ царствовалъ Максиміанъ, надъ всѣми же—Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Которому слава во вѣки, аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

МЕРТІЯ

Святый мученикъ Мертій былъ воиномъ при Діоклетіанѣ. Во время похода противъ мавровъ[1]) начальникъ сталъ принуждать его принести жертву идоламъ. Святый Мертій отказался повиноваться, за что и преданъ былъ жесточайшимъ истязаніямъ, которыя претерпѣвалъ столь мужественно, что мучитель, пораженный ужасомъ и удивленіемъ, впалъ въ изступленіе: мученія продолжались до тѣхъ поръ, пока на тѣлѣ святаго не осталось цѣлаго мѣста: все оно покрыто было рубцами отъ ударовъ и ранами. Брошенный затѣмъ въ темницу, мученикъ Христовъ восемь дней томился здѣсь отъ голода и жестокости тюремщиковъ. Послѣ того, помолившись Господу, святый страдалецъ воскликнулъ: «Въ руцѣ Твои, Сыне Божій, предаю духъ мой» и отошелъ ко Христу, ради Котораго доблестно пострадалъ.

1) *Мавры* —народъ въ Африкѣ, принадлежавшій къ негритянскому племени.



День тринадцатый

СТРАДАНІЕ
СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ
ЕРМИЛА и СТРАТОНИКА

Въ царствованіе Ликинія[1]), нечестиваго и весьма ревностнаго идолопоклонника, всѣмъ христіанамъ угрожала мучительная смерть. Ихъ разыскивали по всѣмъ странамъ, городамъ и селеніямъ. И всякій, кто, найдя христіанина, доносилъ о немъ царю, входилъ чрезъ то въ милость къ нему и удостаивался великихъ почестей. Посему всѣ, изъ угожденія царю, начали разыскивать и преслѣдовать христіанъ.

Однажды, когда Ликиній сидѣлъ на тронѣ и производилъ судъ, одинъ воинъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Здѣсь есть христіанинъ, по имени Ермилъ, имѣющій среди христіанъ санъ діакона; давно уже служа Христу, онъ смѣется надъ нашими богами и надъ тобою, царь, и не хочетъ знать тебя.

---

1) *Ликиній* былъ сначала соправителемъ восточнаго императора Максиміана Галерія съ титуломъ *Августа*. По смерти Галерія, устранивъ своихъ соперниковъ, онъ въ 312 г. сдѣлался императоромъ Востока, въ то время какъ Константинъ Великій сталъ императоромъ Запада. Тогда какъ Константинъ Великій покровительствовалъ христіанамъ, Ликиній угнеталъ своихъ христіанскихъ подданныхъ, быть можетъ, подозрѣвая ихъ въ сочувствіи Константину. Впослѣдствіи между Ликиніемъ и Константиномъ возгорѣлась война: Ликиній былъ разбитъ, лишенъ власти и наконецъ казненъ въ 324 г.

Услышавъ это, царь повелѣлъ отыскать и схватить Ермила. Святый молился, воздѣвая руки къ Господу Богу своему, когда пришли къ нему посланные отъ царя. Узнавъ, что его берутъ на судъ и мученіе за Христа, онъ возрадовался и возвеселился, и послѣдовалъ за воинами не какъ насильственно ведомый, но—съ бодрою поспѣшностію, какъ будто бы шелъ для полученія почестей. Полный благороднаго мужества, предсталъ онъ предъ царемъ. Увидѣвъ его, Ликиній спросилъ:

— Скажи намъ, точно ли ты христіанинъ, какъ мы слышали о тебѣ?

— Я,—отвѣчалъ Ермилъ,—не только свободно признаю себя христіаниномъ, но заявляю, что я посвященъ предъ невидимымъ Богомъ и предстою предъ Нимъ въ санѣ діакона.

— Будь же діакономъ, то есть служителемъ[1]), и нашихъ боговъ,— сказалъ царь.

На это предложеніе царя мученикъ съ презрѣніемъ отвѣтилъ:

— Мнѣ думается, царь,—ты или глухъ, или безуменъ. Я сказалъ тебѣ, что служу невидимому Богу, а не тѣмъ вашимъ идоламъ, которые, будучи видимы, сами ничего не видятъ и не понимаютъ, что значитъ быть діакономъ. Въ обольщеніи ты почитаешь ихъ за боговъ, между тѣмъ какъ они суть бездушные и глухіе камни и деревья, издѣлія рукъ человѣческихъ, которые больше заслуживаютъ того, чтобы надъ ними смѣялись, чѣмъ—чтобы поклонялись имъ.

Царь не могъ болѣе слышать свободныхъ рѣчей мученика и тотчасъ приказалъ бить его по ланитамъ особенными мѣдными орудіями, заранѣе приготовленными для мученія, и при этомъ—приговаривать:

— Не будь, Ермилъ, дерзокъ языкомъ, почитай царя, принеси жертву богамъ и избавь себя отъ мученія.

Святый же, казалось, не только не чувствовалъ никакой боли во время сильнѣйшихъ побоевъ, но еще смѣялся надъ безсиліемъ мучителя. Потомъ, возвысивъ голосъ, онъ громко сказалъ царю:

— Множество ранъ примешь ты самъ и страшную руку Божію познаешь на себѣ за то, что, оставивъ своего Создателя, обращаешься къ глухимъ и нѣмымъ богамъ, въ особенности же—за то, что и другихъ, какъ бы завидуя ихъ спасенію, хочешь насиль-

1) *Діаконъ* —въ переводѣ съ греческаго значитъ собственно: *служитель*, въ смыслѣ низшаго священнослужителя.

ственно привести къ такой же погибели.

Сті́и мч҃нцы
Є҆рмѵ́лъ и҆ Стратоні́къ

Послѣ этого царь повелѣлъ отвести святаго Ермила на три дня въ темницу, разсчитывая, что онъ одумается и раскается въ своей смѣлости. Мученикъ же по дорогѣ воспѣвалъ:

«Гдⷭ҇ь мнѣ̀ помо́щникъ, и҆ не ᲂу҆бою́сѧ, что̀ сотвори́тъ мнѣ̀ человѣ́къ [1]). На бг҃а ᲂу҆пова́хъ, не ᲂу҆бою́сѧ, что̀ сотвори́тъ мнѣ̀ пло́ть» [2]).

При входѣ же въ темницу онъ воспѣлъ:

«Пасы́й і҆н҃лѧ вонмѝ, наставлѧ́ѧй ꙗ҆́кѡ ѻ҆вча̀ і҆ѡ́сифа, сѣдѧ́й на херꙋві́мѣхъ, ꙗ҆ви́сѧ, и҆ прїидѝ во є҆́же спастѝ на́съ» [3]).

И Господь не забылъ раба Своего, но послалъ для утѣшенія и укрѣпленія его Ангела, который, явившись, сказалъ ему:

— Ермилъ! Будь мужественъ, говори, не умолкай и не бойся, ибо скоро ты одержишь побѣду надъ замыслами мучителя и получишь за страданіе пресвѣтлый вѣнецъ свыше.

Такъ Богъ, вооруживъ Своего воина на подвигъ, опоясалъ его силою, укрѣпилъ руки его на борьбу и далъ мышцамъ его какъ бы мѣдный лукъ и щитъ спасенія.

По прошествіи трехъ дней царь снова потребовалъ Ермила на судъ и сказалъ ему:

— Раскаялся ли ты и согласенъ ли принести жертвы богамъ, чтобы освободиться отъ предстоящихъ тебѣ мукъ? Или ты все еще одержимъ безуміемъ и самъ готовишь себѣ погибель?

---

1) Псал. 117, ст. 6.
2) Псал. 55, ст. 5.
3) Псал. 79, ст. 2 и 3.

Воинъ Христовъ, во славу укрѣпившаго его Господа, мужественно отвѣчалъ на это:

— Царь! Я уже сказалъ тебѣ разъ, и тебѣ слѣдовало бы удовольствоваться моими первыми словами и болѣе не спрашивать меня. У меня есть Богъ Небесный; Имъ Однимъ я живу, Ему готовъ принести себя самого въ жертву и отъ Него ожидаю получить великую помощь себѣ.

— Посмотрю я, поможетъ ли тебѣ Живущій на Небѣ,—сказалъ царь, и тотчасъ приказалъ шести сильнымъ и жестокимъ воинамъ растянуть его на землѣ и нещадно бить.

Святый терпѣливо переносилъ мученіе,—какъ будто бы били не его,—и такъ молился Богу:

«Господи Боже мой! Ради меня Ты претерпѣлъ раны и побои при Понтійскомъ Пилатѣ[1]); укрѣпи же меня Самъ въ моихъ страданіяхъ за Тебя, пошли мнѣ силу перенести эти муки, чтобы чрезъ участіе въ страданіяхъ Твоихъ сдѣлаться мнѣ достойнымъ быть участникомъ и вѣчной славы Твоей».

Когда святый молился такъ, вдругъ внезапно послышался Голосъ съ Неба, который говорилъ:

— Аминь, аминь, Ермилъ! Чрезъ три дня ты избавишься отъ этихъ мученій и получишь великую награду за свои страданія.

Этотъ голосъ придалъ мученику великое мужество и силу, на мучителей же навелъ великій страхъ и трепетъ; они пали на землю и не могли ничего дѣлать. Пришелъ въ трепетъ и царь, однако не хотѣлъ признать силы Божіей. По его приказанію святый мученикъ снова былъ отведенъ въ темницу.

Сторожемъ темничнымъ, которому было поручено стеречь мученика, былъ Стратоникъ. Онъ былъ тайнымъ христіаниномъ и другомъ святаго Ермила. Сердце его сокрушалось при видѣ страданій мученика, но въ то же время онъ радовался въ душѣ его мужеству и твердости, лишь не рѣшался самъ пойти на такія страданія.

Входя въ темницу, святый Ермилъ пѣлъ:

«Гдⷭ҇ь просвѣще́нїе моѐ и҆ спаси́тель мо́й, когѡ̀ ᲂу҆бою́сѧ; гдⷭ҇ь защи́титель живота̀ моегѡ̀, ѿ когѡ̀ ᲂу҆страшꙋ́сѧ»[2]).

---

[1]) *Понтійскій Пилатъ* былъ римскимъ правителемъ Іудеи, при которомъ пострадалъ и преданъ былъ на смерть Господь нашъ Іисусъ Христосъ.

[2]) Псал. 26, ст. 1.

Небесный свѣтъ свыше озарилъ его, и опять послышался Голосъ, который призывалъ мужественно переносить страданія и обѣщалъ конецъ ихъ по прошествіи трехъ дней.

Поутру на другой день царь снова призвалъ святаго на судилище. Онъ предсталъ предъ нимъ съ свѣтлымъ лицемъ, веселымъ взоромъ и съ радостью въ сердцѣ. Мучитель, качая головой и смѣясь надъ мученикомъ, сказалъ:

— Отвѣчай намъ: какую пользу принесла тебѣ мрачная темница? Убѣдили ли тебя перенесенныя страданія подчиниться царскому закону и воздать богамъ приличествующую имъ честь? Или нужно будетъ придумывать еще мученія противъ упорства твоего сердца?

— Мрачная темница,—отвѣчалъ мученикъ,—просвѣтила меня; на душѣ у меня покойно, радостно и свѣтло, что подаетъ мнѣ добрую надежду на полученіе будущей награды; и я весьма удивляюсь, почему нисколько не разсѣевается тьма, въ которую ты погруженъ и которая скрываетъ истину отъ твоихъ душевныхъ очей.

Когда святый обличалъ такимъ образомъ заблужденіе царя, Ликиній воскликнулъ:

— Ты, какъ видно, ни къ чему другому не способенъ, какъ только къ тому, чтобы, по невоздержности своего языка, по дерзости и безумію, открыто глумиться надо мною. Отвѣчай же и говори прямо, принесешь ли жертву богамъ и подчинишься ли нашему приказанію, или же подвергнешь себя заслуживаемымъ тобой мученіямъ?

— Ты уже слышалъ, царь, что я отвѣчалъ,—сказалъ мученикъ Христовъ Ермилъ,—и ничего не услышишь отъ меня болѣе; дѣлай—что хочешь, исполняй—что задумалъ.

Разгнѣванный Ликиній приказалъ растянуть святаго нагимъ на землѣ и бить палками по животу. Святый среди истязанія имѣлъ одну радость—во Христѣ и молился, возводя къ Нему душевныя очи:

«Бже, въ помощь мою вонми: гди, помощи ми потщися»[1]).

Терпѣніе святаго привело мучителя въ еще большую ярость, и онъ приказалъ терзать животъ его орлиными когтями:

— Пусть видитъ,—сказалъ онъ,—своими глазами внутренности свои.

---

[1]) Псал. 69, ст. 2.

Мученикъ же говорилъ:

— **Се́рдце моѐ и҆ пло́ть моѧ̀ возра́довастасѧ ѡ҆ бз҃ѣ жи́вѣ** [1]). **Ꙗ҆́кѡ ѿ тꙋ́ка и҆ ма́сти да и҆спо́лнитсѧ дꙋша̀ моѧ̀, и҆ ᲂу҆стиа́ма ра́дости восхва́лѧтъ тѧ̀ ᲂу҆ста̀ моѧ̀** [2]).

Стратоникъ, смотря на такія нечеловѣческія мученія святаго Ермила, своего друга, и на растерзаніе утробы его, началъ плакать.

Увидѣвъ это, нѣкоторые изъ окружающихъ тотчасъ донесли царю, говоря:

— Темничный сторожъ Стратоникъ не скрываетъ своего участія въ христіанскомъ заблужденіи и своей дружбы съ Ермиломъ, потому что жалѣетъ и плачетъ о немъ.

Царь, призвавъ Стратоника, спросилъ: «Другъ ли ты Ермилу?»

Стратоникъ, не желая, какъ ученикъ истины, говорить неправды и видя, что настало для него время совершить подвигъ, назвалъ себя другомъ Ермила и христіаниномъ, обличилъ бездушіе идоловъ и безуміе поклоняющихся имъ и прославилъ Единаго Бога, Творца Неба и земли. Разгнѣванный царь приказалъ обнажить Стратоника и бить его палками по всему тѣлу. Среди мученій страдалецъ возводилъ очи къ своему другу, святому Ермилу, и говорилъ:

— Молись обо мнѣ Христу, Ермилъ, чтобы Онъ помогъ мнѣ твердо и непоколебимо соблюсти вѣру и возвыситься надъ своими мучителями.

При этомъ онъ убѣждалъ Ликинія перестать поклоняться слѣпымъ и бездушнымъ идоламъ и бояться наказанія отъ Истиннаго Бога, въ руки Котораго впасть страшно [3]).

Святаго били до тѣхъ поръ, пока онъ не замолчалъ въ изнеможеніи отъ ранъ. Послѣ этого царь приказалъ обоихъ — и Стратоника, и Ермила — заключить въ темницу. Святый Стратоникъ молился и говорилъ:

— **Гд҃и, не помѧни̇̀ беззако́нїй** моихъ **пе́рвыхъ** [4]).

И оба взывали къ Богу:

— **Помози̇̀ на́мъ, бж҃е, сп҃си́телю на́шъ, сла́вы ра́ди и҆́мене твоегѡ̀** [5]).

---

1) Псал. 83, ст. 3.
2) Псал. 62, ст. 6.
3) Посл. къ Евр. гл. 10, ст. 31.
4) Псал. 78, ст. 8.
5) Псал. 78, ст. 9.

Въ отвѣтъ на это послышался Божественный Голосъ, который говорилъ:

— Вы совершили теченіе, сохранили вѣру, и вамъ уготованъ вѣнецъ правды[1]), который получите поутру.

Съ наступленіемъ утра Ермилъ былъ снова приведенъ на судилище, и Ликиній спросилъ его:

— Принесешь ли жертву богамъ?

— Что прежде говорилъ тебѣ,—отвѣчалъ святый,—то повторю и теперь. Жги, сѣки, и—какъ хочешь—мучь меня, ибо я привыкъ не бояться убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить[2]).

Мучитель приказалъ повѣсить святаго на деревѣ и рѣзать ножами тѣло его. Среди жестокихъ мученій святый непрерывно молился и говорилъ:

— Будь мнѣ Помощникомъ, Господи, Спаситель мой!

«Не бойся: съ тобою Я, Богъ твой!»—услышалъ онъ Голосъ свыше.

Послѣ этого царь осудилъ святаго Ермила на потопленіе въ рѣкѣ Истрѣ[3]). Онъ увѣщавалъ потомъ и святаго Стратоника принести жертву богамъ.

— Иначе и ты, окаянный,—говорилъ онъ,—пострадаешь подобно своему другу.

Блаженный Стратоникъ отвѣчалъ:

— Дѣйствительно, я былъ бы окаяннымъ, если бы послушался твоего безумнаго приказанія. Какъ же я могу желать жизни, когда мой другъ умретъ за Христа?

— Что же? Развѣ ты хочешь умереть съ Ермиломъ? — спросилъ Ликиній.

Святый Стратоникъ отвѣчалъ:

— Весьма хочу! Истиннымъ друзьямъ надобно вмѣстѣ и бѣдствія переносить, и благами наслаждаться. Что же для насъ пріятнѣе страданій и смерти за Христа?

Потерявъ всякую надежду на успѣхъ, Ликиній осудилъ и святаго Стратоника на такую же смерть,—чтобы его утопили въ водѣ вмѣстѣ со святымъ Ермиломъ.

Обоихъ святыхъ мучениковъ повели къ рѣкѣ. По дорогѣ они радостно пѣли:

---

1) Сравн. 2 Посл. къ Тимоѳ., гл. 4, ст. 7—8.

2) Ср. Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 28.

3) Такъ называлась рѣка Дунай.

— Сла́ва въ вы́шнихъ бг҃у, и҆ на земли̑ ми́ръ, въ человѣ́цѣхъ бл҃говоле́нїе! [1])

Когда воины привели ихъ къ рѣкѣ Истрѣ, то положили ихъ въ сѣти и бросили въ глубокое мѣсто; и, такимъ образомъ, рѣка приняла тѣла святыхъ мучениковъ, Небо же вселило въ свои обители души ихъ [2]). На третій день вѣрующіе нашли на берегу ихъ святыя тѣла и съ честію похоронили ихъ на разстояніи восемнадцати стадій отъ города Сингидона [3]). При этомъ ихъ положили въ одномъ гробѣ, чтобы у нихъ все было: общее исповѣданіе Христа, общая темница, общія мученія, общее потопленіе, общее погребеніе тѣлъ ихъ, общая и слава на Небѣ, благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому со Отцемъ и Святымъ Духомъ подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

ЖИТІЕ СВЯТАГО

ІАКОВА,

епископа Низибійскаго

Святый Іаковъ родился въ городѣ Низибіи [4]), находившемся въ предѣлахъ области, переходившей то въ руки Римлянъ, то— Персовъ, а во время рожденія сего святаго мужа принадлежавшей Римлянамъ. Придя въ возрастъ, святый Іаковъ удалился въ пустыню и жилъ на высокихъ горахъ. Весну, лѣто и осень онъ проводилъ въ лѣсахъ, подъ открытымъ небомъ, на зиму же поселялся въ одной пещерѣ, въ которой и укрывался отъ мороза. Пищей ему служило то, что земля рождала сама по себѣ, безъ какой-либо обработки ея: онъ собиралъ плоды съ лѣсныхъ деревьевъ и съѣдобные коренья, подобные огороднымъ, и подкрѣплялъ ими свою слабую плоть лишь настолько, чтобы только быть живу. Умерщвляя такимъ образомъ тѣло, угодникъ Божій непрестанно насыщалъ въ

[1]) Слова ангельскаго благовѣстія при Рождествѣ Христовѣ. Еванг. отъ Луки, гл. 2, ст. 14.

[2]) Кончина св. мучениковъ Ермила и Стратоника послѣдовала около 315 года.

[3]) *Сингидонъ* —нынѣ *Бѣлградъ*, городъ на правомъ берегу Дуная, въ нижнемъ теченіи его столица Сербіи.

[4]) *Низибія*, или *Низибида*,—большой и многолюдный городъ въ провинціи Мигдоніи, въ Месопотаміи.

то же время свою душу пищей духовною; онъ пріуготовлялъ, чрезъ очищеніе, свой умъ къ Боговидѣнію, дѣлая его зерцаломъ Святаго Духа, и, какъ говоритъ святый Апостолъ, открытымъ лицемъ взирая на славу Господню, преобразовался въ тотъ же образъ отъ славы въ славу, какъ отъ Господня Духа[1]). Чрезъ это у него постоянно увеличивалось молитвенное дерзновеніе къ Богу,—и когда онъ просилъ у Бога чего-либо, тотчасъ получалъ: онъ провидѣлъ пророчески будущее, и ему была дана отъ Святаго Духа благодать чудотвореній. Изъ этихъ его чудесъ разскажемъ о нѣкоторыхъ немногихъ и откроемъ невѣдущимъ о сіявшей въ немъ Божественной благодати.

Въ то время неразумные люди поклонялись идоламъ и воздавали божественную честь бездушнымъ камнямъ; многіе не только пренебрегали истиннымъ богопочтеніемъ, но даже ненавидѣли тѣхъ, которые, будучи совершенными въ добродѣтели, познали истину и, уклоняясь отъ идолослуженія, смѣялись надъ ничтожествомъ идоловъ и поклонялись Творцу всего. Тогда святый Іаковъ, оставивъ пустыню, отправился въ Персію[2]), чтобы посмотрѣть на новонасажденный садъ святой вѣры и самому, насколько возможно, потрудиться надъ распространеніемъ истинной вѣры.

Однажды, когда онъ переходилъ чрезъ встрѣтившійся по пути потокъ, нѣсколько дѣвицъ, мывшихъ одежды, съ высоко обнаженными ногами, смотрѣли на одѣтаго въ необычныя одежды пустынника безстыднымъ взоромъ, не стыдясь ни его почтеннаго вида, ни своей наготы, и стояли предъ нимъ съ наглостію, не покрывъ своихъ головъ. При видѣ такого безстыдства, святый разгнѣвался. Желая проявить чрезъ наказаніе ихъ силу Божію, а также—посрамить идолопоклонство нечестивцевъ чрезъ совершеніе чуда, онъ проклялъ источникъ, изъ котораго выходилъ потокъ; источникъ и потокъ тотчасъ же высохли, такъ что въ нихъ не осталось ни капли воды. Проклялъ онъ также этихъ дѣвицъ и наказалъ ихъ безстыдную юность внезапною старостію. По чудодѣйственному слову святаго, черные волосы на ихъ головахъ тотчасъ посѣдѣли, и онѣ сами вдругъ состарѣлись, измѣнившись подобно листьямъ на молодыхъ деревьяхъ, когда вдругъ поразитъ ихъ морозъ. При видѣ внезапнаго исчезновенія воды и появленія на каждой сѣдины,

---

[1]) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 3, ст. 18.

[2]) *Низибія* находилась недалеко отъ персидской границы, почему путешествіе въ Персію не представляло большихъ затрудненій.

дѣвицы пришли въ ужасъ и, придя въ городъ, разсказали всѣмъ объ этомъ.

Увидѣвъ чудо, граждане пошли къ великому чудотворцу, святому Іакову, и стали усиленно просить его сжалиться надъ ними и возвратить имъ воду. Просьбы ихъ тронули святаго, онъ помолился Богу, и источникъ снова наполнился водою, и по-прежнему сталъ течь потокъ. Народъ просилъ святаго, чтобы онъ помиловалъ также дѣвицъ и, вмѣсто преждевременной старости, снова возвратилъ имъ молодость. Святый готовъ былъ и это сдѣлать; но когда спросилъ, гдѣ дѣвицы, то ихъ не оказалось, ибо онѣ не пришли къ святому съ раскаяніемъ. За такую нераскаянность онъ такъ и оставилъ ихъ въ наказаніи, чтобы онѣ помнили о чудесной силѣ Божіей, и для того, чтобы и другіе поучались изъ сего цѣломудрію и благопристойности.

Таково было чудо этого новаго Моисея, которое онъ совершилъ не ударомъ жезла, но знаменіемъ святаго креста. И болѣе, чѣмъ чуду, слѣдуетъ удивляться его кротости, именно—тому, что онъ не послалъ, подобно великому пророку Елисею[1]), медвѣдицъ для растерзанія безстыдныхъ дѣвицъ, но, уча ихъ благонравію и Богобоязненности, ограничился только незначительнымъ наказаніемъ—уменьшеніемъ красоты ихъ наружности. Говоримъ это отнюдь не въ поношеніе гнѣву пророка, а лишь чтобы показать, что святый Іаковъ имѣлъ ту же чудотворную силу, какъ и пророкъ, но обнаруживалъ онъ ее въ духѣ благости Христовой и соотвѣтственно Новому Завѣту.

Однажды святый Іаковъ увидѣлъ, что персидскій судья неправедно осудилъ невиннаго человѣка. Онъ опечалился и, обличая беззаконіе судьи, повелѣлъ разбиться и разсыпаться въ прахъ одному большому камню, находившемуся поблизости. Всѣ, видѣвшіе это, ужаснулись. Пришелъ въ страхъ и самъ неправедный судья; онъ раскаялся въ своемъ грѣхѣ и перемѣнилъ свое рѣшеніе на другое—справедливое. И здѣсь чудотворецъ поступилъ такъ изъ подражанія своему Господу. Христосъ, желая показать, что Онъ добровольно идетъ на страданія и что, если бы захотѣлъ, Онъ легко могъ бы погубить Своихъ убійцъ, однако не погубилъ ихъ, но обнаружилъ Свою силу тѣмъ, что по одному Его слову засохла смоковница[2]). И святый Іаковъ, подражая милосердію Го-

---

[1]) 4 кн. Цар. гл. 2, ст. 24.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 21, ст. 19.

спода, не судью неправеднаго предалъ казни, но сокрушилъ камень и чрезъ то научилъ судью правосудію. Такія чудесныя дѣла святаго снискали ему славу и общее почтеніе, и онъ противъ своего желанія былъ избранъ въ епископа жителями его родного города Низибіи; самъ онъ не искалъ такого высокаго сана, даже уклонялся отъ него, уступивъ лишь усиленнымъ просьбамъ вѣрующихъ.

Ст҃ый
І҆а́кѡвъ

Оставивъ свое уединенное, пустынное житіе и поселившись съ соотечественниками, святый Іаковъ не перемѣнилъ своей пищи и одежды; на новомъ мѣстѣ онъ проводилъ прежній образъ жизни и трудился даже больше прежняго. Къ посту, земнымъ поклонамъ и ношенію рубища прибавились теперь заботы о людяхъ,—чтобы питать вдовъ и сиротъ, защищать притѣсняемыхъ, всѣмъ помогать и всѣхъ учить добродѣтели. Но зачѣмъ подробно исчислять свойственные такому сану труды и заботы о людяхъ? Объ этомъ знаютъ тѣ, кто принимаетъ на себя это иго, особенно же—любящіе и боящіеся Небеснаго Владыки, Который вручаетъ имъ питаніе словеснаго стада. Чѣмъ больше трудился святый Іаковъ въ епископскомъ санѣ, чѣмъ болѣе совершалъ онъ добрыхъ дѣлъ, тѣмъ болѣе онъ собиралъ себѣ даровъ Святаго Духа.

Однажды, когда святый шелъ въ нѣкоторое селеніе, по дорогѣ къ нему подошли нищіе и стали просить милостыни на погребеніе умершаго. При этомъ они показывали на лежащаго при дорогѣ мертвеца, который на самомъ дѣлѣ былъ живъ и лишь притворялся мертвымъ. Эти нищіе, издали увидѣвъ идущаго епископа, велѣли одному изъ нихъ притвориться мертвымъ, чтобы, съ помощію такого обмана, выпросить у епископа больше милостыни. Святитель подалъ имъ просимую милостыню и помолился объ

умершемъ, чтобы Богъ простилъ ему грѣхи и упокоилъ душу его съ праведными, и пошелъ своею дорогою. По уходѣ святаго друзья мнимаго мертвеца стали говорить ему, чтобы онъ всталъ; но тотъ лежалъ недвижимымъ, ибо и на самомъ дѣлѣ былъ мертвъ и бездыханенъ. Нищіе, увидѣвъ, что ихъ ложь обратилась въ правду, побѣжали за святымъ и, припавъ къ ногамъ его, каялись въ своемъ грѣхѣ. Ссылаясь, въ свое оправданіе, на бѣдность, они умоляли простить ихъ и воскресить умершаго. Чудотворецъ, слѣдуя примѣру милосерднаго Господа, простилъ ихъ, и, по его молитвѣ, умершій ожилъ. Это, какъ мы видимъ, подобно чуду Апостола Петра, который поразилъ внезапной смертію Ананію и Сапфиру, согласившихся солгать Святому Духу и утаившихъ изъ цѣны проданнаго имущества[1]). И святый Іаковъ отнялъ жизнь у человѣка, утаившаго духъ свой и ложно притворившагося мертвымъ. Но святый Петръ предалъ смертной казни утаившихъ деньги, просвѣщаемый Духомъ Святымъ и зная о кражѣ; Іаковъ же отнялъ жизнь у этого нищаго своею молитвою, не зная о хитрости, ибо онъ ложно притворился мертвымъ. Петръ не воскресилъ изъ мертвыхъ скончавшихся по его слову Ананію и Сапфиру, ибо начало спасительной проповѣди требовало устрашенія нечестивцевъ,—чтобы и прочіе имѣли страхъ; Іаковъ же, имѣя апостольскую благодать, наказалъ смертію только временно и потомъ утѣшилъ возвращеніемъ жизни.

Вскорѣ послѣ того Арій, этотъ древнѣйшій хулитель единосущія со Отцемъ Сына Божія и Святаго Духа, изощрилъ свой языкъ противъ Творца и смутилъ весь Египетъ. Тогда величайшій изъ христіанскихъ государей Константинъ, освободившій, какъ бы второй Зоровавель[2]), Вселенную отъ языческаго плѣна, возсоздавшій ниспровергнутые на землю храмы Божіи и возвысившій ихъ, созвалъ Первый Вселенскій Соборъ святыхъ Отцевъ въ Никеѣ[3]). Среди святыхъ Отцевъ Собора былъ и святитель Божій Іаковъ, епископъ Низибійскій, который участвовалъ въ защитѣ Православія и въ отлученіи Арія отъ Церкви.

---

[1]) Кн. Дѣян. Апост., гл. 5, ст. 1—11.

[2]) *Зоровавель*, потомокъ Давида, былъ вождемъ еврейскаго народа; подъ его предводительствомъ Евреи вышли изъ плѣна вавилонскаго въ свою родную страну.

[3]) *Никея*—городъ въ Виѳиніи, сѣверо-западной провинціи Малой Азіи. Созванный императоромъ Константиномъ Первый Вселенскій Соборъ состоялся въ 325 году и ввелъ въ церковное употребленіе Символъ вѣры, впослѣдствіи дополненный и законченный на Второмъ Вселенскомъ Соборѣ, бывшемъ въ Константинополѣ въ 381 году.

Низибія, какъ мы сказали, была въ то время подъ властію римскихъ царей. По смерти же Константина Великаго[1]) Персидскій царь Сапоръ[2]) пришелъ со всѣмъ своимъ войскомъ и, осадивъ городъ Низибію, тѣснилъ его въ теченіе долгаго времени. Но, по молитвамъ святаго епископа Іакова, усилія его оставались напрасными, и онъ не могъ взять города. Тогда Сапоръ запрудилъ выше города камнями и землею рѣку, которая протекала чрезъ городъ, и остановилъ, такимъ образомъ, ея теченіе. Когда же воды набралось много, онъ всю ее сразу вдругъ пустилъ на городъ. Отъ сильнаго напора воды стѣны города пали, часть города оказалась затопленною. Граждане города пришли въ страхъ; Персы же обрадовались, думая, что теперь городъ уже въ ихъ рукахъ. Однако, они не нападали въ тотъ день на городъ, потому что препятствовало наводненіе, и порѣшили на другой день утромъ сдѣлать общій приступъ. Съ наступленіемъ же ночи все населеніе города, возбуждаемое и одушевляемое своимъ епископомъ, принялось за исправленіе городскихъ стѣнъ, и, съ помощію его молитвъ, стѣны были возобновлены настолько, что въ городъ нельзя стало проникнуть ни конному, ни пѣшему безъ лѣстницы. Тѣмъ не менѣе городъ легко могъ быть взятымъ, если бы жители его не стали искать помощи свыше. Всѣ стали умолять святаго епископа Іакова, чтобы онъ взошелъ на городскія стѣны и проклялъ вражеское войско. Святый Іаковъ взошелъ и, увидавъ безчисленное множество персидскихъ полковъ, сталъ молить Бога—послать на нихъ комаровъ и песьихъ мухъ[3]), дабы они познали силу Божію и сняли съ города осаду. Богъ услышалъ молитву раба Своего и тотчасъ навелъ на персидскій станъ цѣлую тучу комаровъ и мухъ. Укусы ихъ были настолько жестоки, что кони и слоны, будучи не въ силахъ терпѣть ихъ, порвали поводья и узды и съ неудержимой силой носились туда и сюда. Эти комары и мухи были нестерпимы не только для животныхъ, но и для самихъ Персовъ,—хуже, чѣмъ тьмы вооруженныхъ воиновъ. Самъ нечестивый царь, видя, что труды его оказались напрасными и что войско его терпитъ

---

1) Равноапостольный царь Константинъ Великій скончался въ 337 г.

2) *Сапоръ II*, извѣстный подъ именемъ Великаго, Персидскій царь; царствовалъ съ 310 до 381 г. по Р. Хр.; извѣстенъ счастливыми войнами съ Римлянами, былъ жестокимъ гонителемъ христіанства.

3) Подъ *песьими мухами* разумѣется родъ язвительныхъ мухъ или насѣкомыхъ, будто бы особенно вредныхъ для собакъ, или вообще—особенно вредныя насѣкомыя. Песьи мухи были при Моисеѣ четвертою казнію Египтянъ.

пораженіе отъ комаровъ и мухъ, пришелъ въ недоумѣніе и великое смущеніе. Кромѣ того, онъ увидалъ на городскихъ стѣнахъ сего божественнаго мужа, епископа Іакова, и принялъ его за царя, ибо ему казалось, что онъ одѣтъ въ царскую порфиру и что на головѣ у него сіяетъ ослѣпительнымъ блескомъ царскій вѣнецъ. Онъ разгнѣвался на своихъ лазутчиковъ, донесшихъ ему, что въ городѣ нѣтъ царя, и предалъ ихъ смертной казни. Снявъ осаду съ города, онъ побѣжалъ въ свою землю, гонимый мухами и комарами. Такое чудо сотворилъ Господь по молитвамъ Своего угодника, который просилъ не о томъ, чтобы упалъ съ неба огонь на враговъ и попалилъ ихъ, какъ нѣкогда просилъ такого огня на пятидесятниковъ Пророкъ Илія[1]), и не о томъ, чтобы земля, разверзши свои уста, поглотила ихъ[2]), но—только о томъ, чтобы посланы были на нихъ комары и мухи и чтобы они познали Божію силу. И дѣйствительно, было явлено тогда великое чудо, ибо огромное персидское войско не могло устоять противъ ничтожныхъ насѣкомыхъ и, побѣжденное ими, бѣжало со стыдомъ. Такъ велика была благодать, какую имѣлъ отъ Бога святый Іаковъ, и такъ велико было дерзновеніе вѣры!

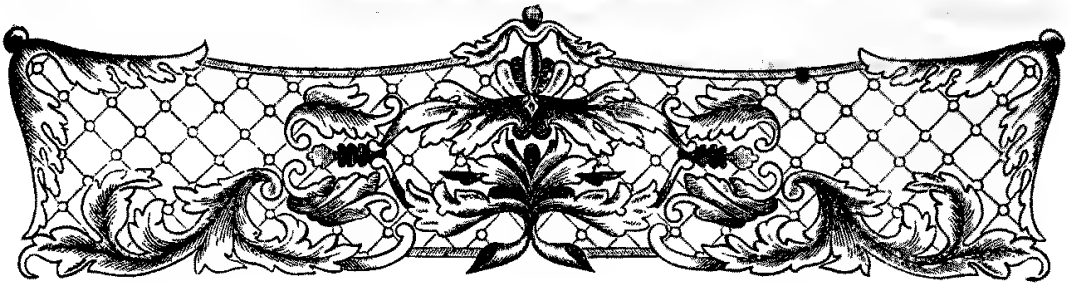
Достигнувъ глубокой старости, святый угодникъ почилъ о Господѣ[3]). Спустя нѣсколько времени послѣ его смерти городъ Низибія отошелъ подъ власть Персовъ. Вѣрующіе, когда выходили изъ него, взяли съ собой мощи своего заступника и вождя — святаго Іакова, при жизни котораго городъ никогда не подпалъ бы подъ власть варваровъ, ибо его защищалъ отъ нихъ великій угодникъ Божій непобѣдимою силою Христа Бога нашего, Которому со Отцемъ и Святымъ Духомъ слава во вѣки, аминь.

---

[1]) См. 4 Кн. Царствъ, гл. 1, ст. 10—12.

[2]) См. Кн. Числъ, гл. 16, ст. 31—33.

[3]) Это было около 350 г. іюля 11-го. Святый Іаковъ Низибійскій по множеству совершенныхъ имъ чудесъ называется чудотворцемъ, а по высотѣ духовной мудрости назывался мудрымъ. Нынѣ извѣстны 18 Словъ святаго Іакова на армянскомъ языкѣ, писанныя имъ по просьбѣ святаго Григорія, просвѣтителя Арменіи. Кромѣ догматической и нравственной важности своей, наставленія святаго Іакова важны какъ образецъ вѣрнаго толкованія Священнаго Писанія; естественно, безъ всякаго искусства и усилія древній учитель извлекаетъ изъ Свящ. Писанія и высокіе догматы, и назиданіе.



ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ИРИНАРХА,

затворника Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря, что на Устьѣ [1])

Преподобный Иринархъ родился въ Ростовской области, въ селѣ Кондаковѣ [2]). Родители его были крестьяне: отецъ по имени Акиндинъ, мать по имени Ирина. Во Святомъ Крещеніи младенцу дано было имя Илія. Радовались родители, видя, какъ быстро растетъ ребенокъ: двадцати недѣль онъ уже всталъ на ноги и началъ ходить. Родители воспитывали сына въ благочестіи и чистотѣ христіанской вѣры. Ребенокъ не занимался играми, но возлюбилъ смиреніе и кротость, былъ тихъ и ко всѣмъ относился ласково.

Будучи еще только шести лѣтъ, онъ однажды сказалъ своей матери:

---

[1]) Здѣсь разумѣется *Борисоглѣбскій монастырь* Ярославской епархіи, Ростовскаго уѣзда, находящійся на рѣкѣ Устьѣ въ 18 верстахъ отъ Ростова по дорогѣ въ г. Угличъ.— Житіе Иринарха написано было ученикомъ его Александромъ, прожившимъ вмѣстѣ съ нимъ тридцать лѣтъ. Подлинное житіе извѣстно только по рукописямъ, но не издано. Преосвященный Амфилохій, бывшій архимандритомъ Борисоглѣбскаго монастыря, въ 1863 году въ Москвѣ издалъ изложеніе житія, близкое къ рукописнымъ текстамъ, съ приложеніемъ рисунковъ. Въ 1872 г. въ «Яросл. Епарх. Вѣд.» было напечатано житіе Иринарха (Н. Корсунскимъ), составленное также по рукописямъ, издано и отдѣльно въ Ярославлѣ въ 1873 г. Въ основу изложенія положено здѣсь подлинное житіе, извѣстное намъ по нѣсколькимъ рукописямъ.

[2]) *Село Кондаково* находится теперь въ Угличскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Устьѣ, выше Борисоглѣбскаго монастыря, въ 43 верстахъ отъ Углича и столькихъ же отъ Ростова.

— Какъ выросту, такъ постригусь и стану монахомъ; буду носить на себѣ желѣза и трудиться ради Бога, и буду учителемъ всѣмъ людямъ.

Удивилась мать такимъ рѣчамъ своего малолѣтняго сына, но вмѣстѣ и радовалась. Эти пророчественныя слова шестилѣтняго ребенка впослѣдствіи сбылись въ точности.

Около того же времени случилось, что отецъ Ильи Акиндинъ позвалъ къ себѣ на обѣдъ своего сельскаго священника, именемъ Василія. За обѣдомъ священникъ разсказывалъ житіе преподобнаго Макарія, Калязинскаго чудотворца[1]). Прислушиваясь къ рѣчамъ священника, Илья вдругъ сказалъ:

— И я буду такимъ же монахомъ.

Священникъ Василій удивился, видя ребенка, говорящаго рѣчи, приличныя взрослому, и строго сказалъ:

— Какъ ты, чадо, осмѣлился сказать такое слово?

Илья отвѣчалъ:

— Кто тебя не боится, тотъ это и говоритъ.

Илья росъ при своихъ родителяхъ. Но вотъ во всей той округѣ случился голодъ. Илья, будучи уже восемнадцати лѣтъ, разстался съ отцемъ и матерью и отправился на заработки къ Нижнему Новгороду.

Два года сынъ не возвращался домой и не давалъ о себѣ вѣсти. Родители рѣшили отыскать его и послали своихъ двухъ старшихъ сыновей — Андрея и Давида. Братья нашли Илью близъ Нижняго въ одномъ селеніи у крестьянина, у котораго онъ работалъ; обрадовавшись встрѣчѣ съ братомъ, они пробыли съ нимъ у того же крестьянина еще цѣлый годъ.

Во время своего пребыванія у крестьянина Илья однажды, сидя вмѣстѣ съ другими въ комнатѣ, сталъ неутѣшно плакать. Всѣ, видѣвшіе его, изумились и, не могши утѣшить, съ горестью спрашивали, отчего онъ такъ плачетъ и рыдаетъ. Онъ отвѣчалъ имъ:

— Вижу преставленіе своего отца; несутъ родителя моего свѣтлые юноши на погребеніе.

Всѣ, окружавшіе его, дивились, какъ онъ могъ видѣть преставленіе отца за триста верстъ. Когда въ томъ же году онъ возвратился домой и спросилъ мать объ отцѣ, то услышалъ, что отецъ

---

[1]) *Калязинскій монастырь* отстоитъ отъ Кондакова верстъ на сорокъ. Память Макарія Калязинскаго празднуется 17 марта и 26 мая.

Прп҃бный
І҆РИНА́РХЪ

его преставился въ Успенскій постъ того же года. Тогда онъ припомнилъ видѣніе и сказалъ матери:

— Въ то время я видѣлъ родителя моего: несли его свѣтлые юноши на погребеніе.

И мать утѣшилась, видя сына своего и слыша его необычныя рѣчи.

Теперь, послѣ смерти своего отца, Илья съ матерью и старшимъ братомъ—Андреемъ переселились въ городъ Ростовъ, купили домъ и завели торговлю, чѣмъ вскорѣ увеличили свое благосостояніе.

Илья, всегда имѣвшій страхъ Божій въ своемъ сердцѣ, особенно сталъ прилежать къ Церкви и творить милостыню нищимъ. Строго соблюдая дѣвственную чистоту, онъ желалъ совершенно оставить мірскую жизнь и принять ангельскій образъ, неуклонно посѣщая церковь Божію.

Онъ познакомился съ однимъ человѣкомъ, купеческаго званія, по имени Агаѳоникомъ, любившимъ читать книги, подружился съ нимъ и сталъ постоянно бесѣдовать о Божественномъ Писаніи, ища душевнаго спасенія.

Подготовившись такимъ образомъ, Илья взялъ святый крестъ, благословился имъ и собрался въ путь. На вопросъ своей матери, что онъ предпринимаетъ и куда собрался, Илья отвѣтилъ:

— Иду въ монастырь ко святымъ страстотерпцамъ Борису и Глѣбу на Устье помолиться.

Мать стала плакать, но вспомнила, какъ ея сынъ, будучи еще только шести лѣтъ, уже говорилъ, что онъ будетъ монахомъ. Сынъ поклонился матери, облобызалъ ее и отправился въ путь.

Приблизившись къ монастырю Бориса и Глѣба и увидѣвъ его, Илья возрадовался отъ всего сердца и направился къ игумену, поклонился и попросилъ благословенія. Игуменъ благословилъ и спросилъ:

— Зачѣмъ, чадо, ты пришелъ сюда?

Илья отвѣчалъ:

— Желаю, отче, ангельскаго образа, постриги меня Бога ради, невѣжду и селянина, и причти къ избранному Христову стаду и ко святой дружинѣ твоей!

Игуменъ сердечными очами узрѣлъ, что юноша пришелъ отъ Бога, и принялъ его съ радостію, постригъ въ ангельскій образъ и нарекъ ему во иночествѣ имя—Иринархъ.

Игуменъ, по монастырскому обычаю, отдалъ Иринарха подъ начало старцу, у котораго молодой инокъ и сталъ пребывать въ послушаніи и покореніи, въ постѣ и молитвѣ.

Послѣ того, какъ Иринархъ съ успѣхомъ прошелъ первое послушаніе, игуменъ для испытанія и смиренія послалъ Иринарха въ пекарню, гдѣ онъ и трудился на братію день и ночь въ послушаніи и смиреніи, нисколько не заботясь ни о чемъ тѣлесномъ и никогда не уклоняясь отъ посѣщенія церкви Божіей, куда приходилъ прежде всѣхъ братій; стоя въ церкви, онъ ни съ кѣмъ не разговаривалъ; во время чтеній не садился, а всегда выстаивалъ на ногахъ, какъ твердый камень, и никогда не выходилъ изъ церкви до отпуста.

Узнавъ о постриженіи Иліи, другъ его Агаѳоникъ пришелъ въ монастырь посѣтить Иринарха и пробылъ у него въ монастырѣ немало дней. Иринархъ проводилъ друга за монастырь версты за двѣ и, облобызавъ его, сталъ возвращаться обратно. На пути онъ размышлялъ въ своемъ сердцѣ о томъ, какъ бы ему спастись и давалъ обѣщаніе идти въ Кирилловъ Бѣлоозерскій монастырь или въ Соловецкій. И вотъ послышался ему Голосъ свыше:

— Не ходи ни въ Кирилловъ, ни на Соловки, здѣсь спасешься!

Онъ усумнился относительно этого Голоса, но услышалъ вторично тотъ же Голосъ:

— Здѣсь спасешься!

Иринархъ убоялся, сталъ плакать и помышлять, что сіе означаетъ. И въ третій разъ онъ услышалъ тотъ же Голосъ:

— Здѣсь спасешься!

Осмотрѣвшись кругомъ, Иринархъ никого не увидѣлъ и укрѣпился въ той мыслѣ, что Голосъ сей былъ ему откровеніемъ свыше.

Возвратившись въ монастырь, онъ снова сталъ трудиться въ прежнемъ послушаніи, предаваясь по ночамъ молитвѣ и бдѣнію и ложась спать лишь ненадолго—и то не на постели, а прямо на землѣ.

Послѣ сего послушанія игуменъ назначилъ Иринарха въ пономарскую службу, которую онъ сталъ отправлять съ радостію.

Разъ Иринархъ увидѣлъ одного странника, который былъ босъ, и, сжалившись надъ нимъ, обратился къ Господу съ такою молитвою:

«Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, сотворившій Небо и землю и перваго человѣка, прародителя нашего Адама, по образу Своему и почтившій его теплотою въ святомъ Раѣ, да будетъ воля Твоя святая со мною, рабомъ Твоимъ: дай, Господи, теплоту ногамъ моимъ, чтобы я могъ помиловать сего странника и дать съ себя сапоги на ноги его!»

И, снявъ съ себя сапоги, Иринархъ отдалъ ихъ нищему. И съ того часа Богъ далъ ему терпѣніе и теплоту: онъ сталъ босой ходитъ по морозу, какъ въ теплой кельѣ. Съ того же времени онъ сталъ и одежды носить всегда ветхія.

Такое поведеніе Иринарха, по внушенію діавольскому, неугодно было игумену, который началъ смирять подвижника различными способами. Такъ, онъ часа на два на морозѣ ставилъ его на молитву противъ оконца своей келліи и потомъ заставлялъ подолгу благовѣстить на колокольнѣ. Иринархъ все сіе терпѣлъ и переносилъ съ кротостію, поминая слово Господне, **ꙗ҆́кѡ мно́гими скорбмѝ подоба́етъ на́мъ вни́ти въ ца́рствіе небе́сное**[1]). Послѣ сего игуменъ посадилъ Иринарха на три дня въ заключеніе и не давалъ ни ѣсть, ни пить,—все для того, чтобы заставить его носить новую одежду и ходить въ обуви. Но и это не помогло. Тогда игуменъ послалъ его снова на прежнюю службу. Иринархъ продолжалъ ходить босой по морозу, подражая терпѣнію Исаака Сирина, у котораго ноги примерзали къ камню, между тѣмъ какъ онъ не чувствовалъ холода.

Услышалъ Иринархъ, что въ Ростовѣ стоитъ на правежѣ отъ заимодавцевъ одинъ христолюбивый человѣкъ, и захотѣлъ выкупить сего человѣка съ правежа. Съ этою цѣлію онъ босой пошелъ въ Ростовъ, а въ то время былъ лютый морозъ. Отошедши отъ монастыря верстъ семь, Иринархъ отморозилъ у ногъ пальцы и отъ стужи вернулся въ монастырь. Три года онъ проболѣлъ ногами, на которыхъ образовались раны и текла кровь, но и въ болѣзни онъ не оставлялъ своего правила и по-прежнему трудился для Бога. Когда Господь исцѣлилъ Иринарха отъ болѣзни, онъ по-прежнему и зимой, и лѣтомъ ходилъ безъ обуви, и по-прежнему игуменъ за сіе смирялъ его. Онъ рѣшилъ теперь послать Иринарха

[1]) Кн. Дѣян. Апост., гл. 14, ст. 22.

на работы внѣ монастыря. Это отлученіе, или отгнаніе, отъ храма Божія сильно огорчило подвижника: онъ не стерпѣлъ такого гоненія и рѣшился уйти изъ Борисоглѣбскаго монастыря. Проходя окружавшіе въ тѣ времена монастырь лѣса, онъ подвергался нападенію хищныхъ звѣрей, волковъ и медвѣдей, но, ограждая себя крестнымъ знаменіемъ и творя про себя молитву, прогонялъ ихъ отъ себя.

Иринархъ ушелъ въ Ростовъ и направился въ Авраміевъ Богоявленскій монастырь. Принятый съ радостію архимандритомъ монастыря, онъ остался здѣсь въ числѣ братіи и вскорѣ былъ назначенъ келаремъ монастыря. Съ радостію Иринархъ сталъ трудиться для братіи, не оставляя при этомъ никакой церковной службы. Состоя келаремъ, онъ видѣлъ, какъ братія монастырская и прочіе монастырскіе служители брали безъ мѣры и безъ воздержанія всякія монастырскія потребы и истощали монастырское достояніе. Видя все это, онъ внутренно воздыхалъ и молился:

— Преподобный Авраамій, не я твоему монастырю разоритель!

Разъ во снѣ Иринархъ видитъ: въ келлію его входитъ преподобный Авраамій и говоритъ:

— Что скорбишь, избранное и праведное сѣмя и житель святаго рая,—что скорбишь о монастырскихъ выдачахъ? Давай имъ безвозбранно, ибо они захотѣли здѣсь жить пространно, а ты алчешь и наготуешь; и ты въ Вышнемъ Царствіи поживешь пространно и насладишься пищи небесной, а они взалчутъ вовѣки. Что же касается здѣшняго мѣста, то я умолилъ и упросилъ Всевышняго Творца, чтобы домъ мой былъ неоскуденъ монастырскими потребами алчущимъ и здѣсь живущимъ.

Пробудившись отъ сна, Иринархъ никого не видалъ уже. Съ того времени онъ утѣшился и выдавалъ безъ всякаго сомнѣнія.

Однажды, стоя въ церкви на Литургіи, во время Херувимской пѣсни, Иринархъ заплакалъ и зарыдалъ на всю церковь. Изумленный архимандритъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Что ты, честный старецъ, такъ плачешь и рыдаешь?

— Мать моя преставилась!—отвѣчалъ Иринархъ.

Архимандритъ удивился его словамъ и самъ прослезился. Еще не окончилась Литургія, какъ пришелъ къ нему братъ его Андрей и сообщилъ, что мать ихъ Ирина преставилась. Взявъ благословеніе у архимандрита, старецъ съ братомъ своимъ Андреемъ отправился въ домъ родительницы и совершилъ честно́е погребеніе.

Вернувшись послѣ погребенія матери въ Авраміевъ монастырь, Иринархъ сталъ размышлять объ иномъ пути спасенія: келарское служеніе ему казалось высокимъ и почетнымъ, ему же хотѣлось подвизаться въ уничиженіи и смиреніи.

Оставивъ Авраміевъ Богоявленскій монастырь, Иринархъ перешелъ въ ростовскій же монастырь святаго Лазаря[1]) и здѣсь вселился въ уединенную келью и прожилъ въ ней три года и шесть мѣсяцевъ, пребывая въ слезахъ и молитвахъ, скорби и тѣснотѣ, терпя голодъ, ничего не вкушая подрядъ по нѣсколько дней. Здѣсь часто навѣщалъ его преподобный Іоаннъ юродивый, и оба подвижника находили себѣ утѣшеніе въ духовной бесѣдѣ.

Старецъ Иринархъ неопустительно посѣщалъ церковь Божію и часто ходилъ въ соборную церковь Пресвятой Богородицы и молился со слезами.

Разъ, возвратившись съ церковной службы, онъ сидѣлъ въ своей келліи и молился со слезами и воздыханіемъ страстотерпцамъ Христовымъ Борису и Глѣбу и взывалъ:

— Святые страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ и вся монастырская братія! Есть у васъ въ монастырѣ много мѣста, а мнѣ, грѣшному, мѣста нѣтъ.

Сидя, онъ задремалъ и въ тонкомъ снѣ видитъ: идутъ къ монастырю Лазареву святые страстотерпцы; онъ вопрошаетъ ихъ:

— Далеко ли идете, святые страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ?

— Идемъ, старецъ, за тобой,—отвѣчаютъ они:—поди въ нашъ монастырь!

Онъ пробудился отъ сна и слышитъ, что у окна кто-то творитъ молитву. Отворивъ свое оконце, онъ увидѣлъ старца Борисоглѣбскаго монастыря, по имени Ефрема, который сказалъ:

— Отче, прислалъ меня къ тебѣ строитель Варлаамъ: поди къ намъ въ монастырь на свое обѣщаніе; строитель спрашиваетъ: подвода ли тебѣ нужна, или самъ придешь въ монастырь?

Старецъ Иринархъ отвѣчалъ ему:

— Господину строителю Варлааму миръ и благословеніе, а я со временемъ самъ приду въ монастырь.

А въ это время онъ носилъ уже на себѣ желѣза тяжелыя и на ногахъ путы.

---

[1]) Въ настоящее время монастыря уже давно нѣтъ, а существуетъ на его мѣстѣ приходская церковь св. Лазаря.

Вскорѣ онъ собрался и съ великою радостію пошелъ на свое обѣщаніе въ Борисоглѣбскій монастырь. На пути, утомившись отъ великой тяжести своихъ веригъ, онъ присѣлъ отдохнуть и слегка заснулъ. Во снѣ онъ видитъ: подползла къ нему змѣя и хотѣла ужалить, онъ же ударилъ ее своимъ посохомъ въ гортань, и змѣя уползла. Старецъ пробудился отъ сна, всталъ, перекрестился и пошелъ далѣе безъ всякаго вреда.

Завидѣвъ монастырь, онъ возрадовался отъ всего сердца, подошелъ къ воротамъ и горячо помолился. Вошедши въ монастырь, гдѣ шла тогда Литургія, онъ вошелъ въ церковь, всталъ на мѣсто, помолился и поклонился строителю. Строитель Варлаамъ былъ весьма радъ прибытію Иринарха, съ любовію облобызалъ его и поставилъ рядомъ съ собою.

По зависти діавольской, одинъ изъ старцевъ, по имени Никифоръ, подошелъ и сказалъ строителю:

— Зачѣмъ ты принялъ старца? Вѣдь онъ игумена не слушаетъ, въ ветхихъ и худыхъ ризахъ и босъ ходитъ и желѣза на себѣ многія носитъ.

Но строитель Варлаамъ своимъ посохомъ отстранилъ этого старца, дѣйствовавшаго по навѣту діавола, и принялъ вновь Иринарха въ монастырь съ радостью, и далъ ему отдѣльную келью.

Преподобный Иринархъ неопустительно ходилъ въ церковь и, стоя со страхомъ и трепетомъ, усердно молился предъ святыми иконами. Особенно часто взиралъ онъ на изображеніе распятія Господа нашего Іисуса Христа и его страданій. Однажды, стоя предъ сею иконою, онъ въ слезахъ обратился съ такою молитвою:

«Праведное Солнце, Свѣтъ нашъ Пресвѣтлый, Владыко Человѣколюбче Іисусе Христе! Ты, Господи, претерпѣлъ такое великое страданіе: и распятіе, и поруганіе, и оплеваніе, и по ланитѣ удареніе, и оцта и желчи напоеніе, и для нашего спасенія все претерпѣлъ сіе отъ Своего же созданія, отъ неразумнаго и беззаконнаго соборища іудейскаго и отъ зависти людей сихъ! Нынѣ, Господи, открой, какъ мнѣ, грѣшному и неразумному поселянину, спастись и Тебѣ—Единому Іисусу Христу, Сыну Божію, распятому и нераздѣльно со Отцомъ и Святымъ Духомъ въ Троицѣ славимому, угодить! Да будетъ воля Твоя, Владыко, надо мною!»

И въ тотъ же часъ отъ Владычняго образа было Иринарху извѣщеніе:

— Иди въ келью свою, будь затворникомъ и не исходи: такъ и спасешься!

Иринархъ отправился къ строителю Варлааму и просилъ у него благословенія на затворъ, то есть неисходно молиться въ кельѣ, по евангельскому слову Господню: «многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царствіе небное[1]): иже бо аще хощетъ душу свою спасти, погубитъ ю: а иже погубитъ душу свою мене ради и евангелія, той спасетъ ю[2]): блажени алчущіе нынѣ, яко насытитеся»[3]). Строитель Варлаамъ благословилъ его на затворъ—молиться неисходно изъ келліи.

«И прославилъ Богъ россійскую землю и домъ великихъ страстотерпцевъ Христовыхъ Бориса и Глѣба и преподобныхъ отцовъ нашихъ Ѳеодора и Павла въ нынѣшнее время! — восклицаетъ составитель житія, ученикъ Иринарховъ инокъ Александръ.— Прославилъ досточудными мужами, и страдальцами, и учителями, и наставниками!»

Съ тѣхъ поръ Иринархъ съ дерзновеніемъ принялся за новый подвигъ: сталъ молиться въ келліи неисходно, поминая иноковъ древнихъ и первыхъ временъ, какъ они по дебрямъ, по островамъ и въ вертепахъ жили, не любили тлѣннаго міра и не хотѣли и смотрѣть на суету его.

Начавъ свой подвигъ, Иринархъ сковалъ себѣ желѣзную цѣпь въ три сажени длины и приковалъ ею себя къ стулу деревянному. Все движеніе его ограничивалось только размѣрами этой цѣпи. Кромѣ этой цѣпи, онъ наложилъ на себя и другія желѣзныя тяжести и трудился въ нихъ въ потѣ лица. Много претерпѣлъ онъ поруганія и посмѣянія отъ братіи, но переносилъ сіе съ кротостію и молился за нихъ Богу:

«Господи Іисусе Христе! Не поставь имъ въ грѣхъ сіе, не вѣдятъ, что творятъ рабы твои, Владыко!»

Въ это время пришелъ къ Иринарху нѣкто, именемъ Алексѣй, и поревновалъ житію его—многимъ страданіямъ, посту и молитвѣ, крѣпости и смиренію, и тяжкимъ веригамъ, которыя онъ непрестанно носилъ на своемъ тѣлѣ. Онъ сталъ умолять Иринарха,

---

1) Кн. Дѣян. Ап., гл. 14, ст. 22.
2) Еванг. отъ Марк., гл. 8, ст. 35.
3) Еванг. отъ Лук., гл. 6, ст. 21.

чтобы тотъ принялъ его къ себѣ и научилъ заповѣдямъ Господнимъ. Старецъ, видя, что желаніе его исходитъ отъ чистаго сердца, принялъ пришлеца съ радостью и любовью и, призвавъ священника и діакона, велѣлъ постричь его и нарекъ ему имя—Александръ. Этотъ Александръ сталъ первымъ ученикомъ Иринарха и прожилъ все время съ нимъ въ келліи подъ его началомъ съ послушаніемъ великимъ и радѣніемъ, въ постѣ и молитвѣ день и ночь.

Пришелъ навѣстить Иринарха въ затворѣ давній другъ его, блаженный Іоаннъ, ростовскій и московскій юродивый, по прозванію Большой Колпакъ. Въ бесѣдѣ съ подвижникомъ Іоаннъ говоритъ:

— Старецъ Иринархъ, сдѣлай себѣ сто крестовъ мѣдныхъ, по полугривенкѣ вѣсомъ (то есть по четверти фунта).

— Невозможно мнѣ, бѣдному, сдѣлать столько,—отвѣчалъ Иринархъ: — въ нищетѣ нахожусь.

Іоаннъ возразилъ:

— Это не мои слова, а отъ Господа Бога: **нб҃о и҆ землѧ̀ мимои́дꙋтъ, словеса́ же** Господни **не мимои́дꙋтъ** [1]), все сказанное сбудется, Богъ тебѣ поможетъ.

И многое иное Іоаннъ говорилъ старцу.

— Не дивись тому, что такъ будетъ съ тобою; устами человѣческими невозможно выразить или исписать всего. Богъ дастъ тебѣ коня, и на томъ отъ Бога данномъ конѣ никто, кромѣ тебя, не сможетъ ѣздить и сѣсть на твоемъ мѣстѣ послѣ тебя.

Эти иносказательныя пророчественныя слова Іоанна о великихъ и тяжкихъ подвигахъ Иринарха сбылись.

Прощаясь съ Иринархомъ, Іоаннъ пророчески повѣдалъ еще слѣдующее:

— Господь Богъ заповѣдалъ вѣрнымъ ученикамъ Своимъ отъ востока и до запада наставлять и научать людей, отводить міръ отъ беззаконнаго пьянства. За это пьянство Господь наведетъ на нашу землю иноплеменныхъ. И эти иноплеменники подивятся твоему многому страданію; мечъ ихъ не повредитъ тебѣ, и они прославятъ тебя болѣе вѣрныхъ. А я иду въ Москву къ царю просить себѣ земли: тамъ у меня на Москвѣ столько будетъ видимыхъ и невидимыхъ бѣсовъ, что едва можно будетъ поставить хмелевые тычки. Но всѣхъ ихъ изгонитъ Своею силою Святая Троица.

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 24, ст. 35.

Такъ говорилъ блаженный Іоаннъ о предстоявшей кончинѣ своей и о нашествіи на Москву литвы.

Послѣ сего старецъ Иринархъ, согласно съ рѣчами блаженнаго Іоанна, сталъ еще усерднѣе трудиться и молиться и все думалъ о мѣдныхъ крестахъ. Однажды ему снилось, что приходитъ къ нему другъ и даетъ мѣдный крестъ, а въ другой разъ снится, что иной другъ даетъ ему палицу желѣзную. И что же? Спустя нѣсколько дней дѣйствительно приходитъ къ нему другъ, посадскій человѣкъ Иванъ, и приноситъ, по пророчеству блаженнаго Іоанна, честный крестъ, изъ котораго Иринархъ слилъ сто крестовъ, возблагодаривъ Бога и блаженнаго Іоанна.—Другой же другъ, по имени Василій, пришелъ и далъ ему палицу желѣзную, которую Иринархъ взялъ и присоединилъ къ прочимъ своимъ «трудамъ», или тяжестямъ, которыя носилъ.

Въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ былъ старецъ Леонтій, онъ поревновалъ добродѣтели и трудамъ старца Иринарха; подобно ему, онъ сковалъ себя желѣзами и носилъ на себѣ тридцать три мѣдныхъ креста. Кресты эти онъ передалъ ученику Иринарха Александру, а самъ отправился къ старцу просить благословенія идти въ пустыню. Старецъ Иринархъ уговаривалъ его въ пустыню не уходить, чтобы не быть убитымъ разбойниками. Но Леонтій не отставалъ просить благословенія.

Не будучи въ силахъ убѣдить его, Иринархъ благословилъ, но, прощаясь, сказалъ ему со слезами:

— Дорогое чадо Леонтій! Ты уже не возвратишься сюда за честными крестами.

— Если такъ,—отвѣчалъ Леонтій,—то пусть кресты мои останутся тебѣ!

Простившись съ Иринархомъ, Леонтій отправился въ Переяславскій уѣздъ въ монастырь Пресвятой Богородицы, на Курбуй, и тамъ былъ убитъ разбойниками.

Кресты Леонтія Иринархъ присоединилъ къ крестамъ своихъ «трудовъ», и всѣхъ крестовъ составилось у него сто сорокъ два.

Трудился старецъ на цѣпи въ три сажени шесть лѣтъ; одинъ христолюбецъ изъ города Углича прислалъ старцу цѣпь такъ же трехъ саженей, и въ этихъ двухъ цѣпяхъ Иринархъ трудился двѣнадцать лѣтъ. Одинъ старецъ Борисоглѣбскаго монастыря, по имени Ѳеодоритъ, сдѣлалъ себѣ желѣзную цѣпь трехъ саженей и трудился въ ней двадцать лѣтъ и пять недѣль, но игуменъ Гер-

могенъ приказалъ ему ходить на монастырскія службы, трудиться на братію. Ѳеодоритъ отдалъ свою цѣпь Иринарху, у котораго, такимъ образомъ, цѣпь стала въ девять сажень, и въ такой цѣпи онъ продолжалъ трудиться. Всего въ цѣпяхъ онъ провелъ двадцать пять лѣтъ.

Суровая жизнь Иринарха и строгое учительное слово его служили обличеніемъ для тѣхъ иноковъ, которые не старались соблюдать иноческіе обѣты, а во многомъ нарушали ихъ. Такіе иноки изъ Борисоглѣбской братіи, подстрекаемые внушеніемъ вражескимъ, приступили къ игумену Гермогену, осуждая образъ жизни Иринарха и жалуясь на него.

— Старецъ Иринархъ,—говорили они,—сидитъ въ затворѣ и постится, носитъ на себѣ многія и тяжелыя желѣза, не пьетъ хмельнаго и мало ѣстъ, да и братію учитъ дѣлать то же: пребывать «въ трудахъ» и поститься, хмельнаго и въ уста не брать, говоря, что это есть самое большое зло; слѣдуетъ, говоритъ, монахамъ быть, какъ Ангеламъ, ни о чемъ не скорбѣть и плоти своей не щадить: **многими скорбми подобаетъ намъ внити въ царство небное** [1]); не велитъ братіи ходить въ службы, то есть работы монастырскія, а полагаетъ на нихъ «труды» великіе.

По внушенію вражію и по своему немилосердію, игуменъ Гермогенъ внялъ симъ навѣтамъ и сослалъ старца Иринарха изъ монастыря, не убоявшись Бога и не уваживъ подвиговъ и трудовъ старца. Старецъ Иринархъ смиренно покорился, поминая слово Господне: «если васъ изгонятъ изъ дома, идите въ другой, а Я съ вами до скончанія вѣка» [2]).

Изгнанный изъ Борисоглѣбскаго монастыря, Иринархъ опять направился въ Ростовъ и снова поселился въ монастырѣ святаго Лазаря, гдѣ и провелъ тамъ годъ и двѣ недѣли, пребывая непрестанно въ постѣ и молитвѣ и помышляя о смертномъ часѣ.

Между тѣмъ игуменъ Гермогенъ созналъ свой несправедливый поступокъ съ Иринархомъ, покаялся передъ братіей и послалъ одного изъ иноковъ звать Иринарха обратно. Посланный сказалъ:

— Отче, не помяни нашей вины предъ тобой, пойди на свое обѣщаніе въ нашъ монастырь—ко святымъ страстотерпцамъ Борису и Глѣбу.

---

1) Кн. Дѣян. Ап., гл. 14, ст. 22.

2) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 23; гл. 28, ст. 20.

Старецъ Иринархъ возвратился въ монастырь, молясь:

«Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, не лиши меня вѣчныхъ Твоихъ благъ, дай мнѣ, грѣшному старцу, дотерпѣть свое обѣщаніе».

Возлагая всю вину удаленія изъ монастыря на самого себя, онъ говорилъ:

— Господи, я живу въ темницѣ сей вопреки братіи; они праведны и праведные труды тебѣ приносятъ, я же, смрадный, лишенъ добродѣтели.

Вошелъ онъ опять въ свою келію, вновь возложилъ на себя свои желѣзные «труды» и сталъ подвизаться, молясь за царя и за всѣхъ православныхъ христіанъ и любя ненавидящихъ его, какъ свою душу.

Господь даровалъ Иринарху прозорливость, постиженіе тайнъ души человѣческой. Изъ многихъ городовъ приходили къ нему люди и просили, и получали отъ него благословеніе. Многіе боголюбивые люди приносили ему милостыню; онъ принималъ и съ радостью раздавалъ нищимъ и странникамъ, снабжая ихъ пищей и одѣяніемъ.

Всѣхъ приходящихъ онъ училъ заповѣдямъ, отводя ихъ отъ грѣховъ и обличая тайныя согрѣшенія; получая его благословеніе, они обращались на путь заповѣдей Господнихъ.

Въ монастырѣ Борисоглѣбскомъ былъ нѣкто старецъ, по имени Тихонъ. Помысливъ о томъ, какъ ему угодить Богу, онъ сдѣлалъ себѣ «труды»—сковалъ желѣзную цѣпь—и въ этихъ «трудахъ» сидѣлъ семь лѣтъ. Въ это время на Руси уже производили свои опустошенія и разоренія польскіе и литовскіе паны, нашествіе которыхъ было предсказано Иринарху блаженнымъ юродивымъ Іоанномъ. Старецъ Тихонъ убоялся нападенія отъ пановъ и удалился изъ монастыря, а свою желѣзную цѣпь отдалъ Иринарху, такъ что у него цѣпь стала уже въ двадцать сажень. Въ этой длинной цѣпи Иринархъ продолжалъ трудиться по-прежнему, не давая рукамъ своимъ покоя: то онъ вязалъ волосяные свитки, то клобуки, то приготовлялъ на нищихъ одѣяніе. Онъ постоянно подавалъ нищимъ, помогалъ нуждающимся, защищалъ слабыхъ отъ притѣсненія сильныхъ и молился за всѣхъ Богу. Подолгу онъ иногда совсѣмъ не видѣлъ людей, и отъ тяжелыхъ подвиговъ иногда впадалъ въ болѣзнь, которой всегда радовался, и благодарилъ Бога. Спалъ онъ только ночью и то лишь часъ, два или три, а тѣло свое билъ своею желѣзною палицею, творя молитву.

Еще до нашествія литвы во время тонкаго сна Иринарху было видѣніе: городъ Москва разоренъ литвою, все Россійское царство плѣнено и пожжено по мѣстамъ. Проснувшись, онъ сталъ неутѣшно плакать о предстоящемъ плѣненіи и разореніи святыхъ Божіихъ церквей. Когда онъ нѣсколько утѣшился отъ плача, вдругъ облисталъ его сверху свѣтъ, и изъ этого свѣта послышался Голосъ:

— Поди къ Москвѣ и повѣдай, что все такъ будетъ.

Онъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и сотворилъ молитву. Послышался вторично тотъ же Голосъ:

— Такъ будетъ!

Старецъ вторично перекрестился и сталъ молиться:

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Помилуй меня грѣшнаго отъ искушенія: я—рабъ Отца, и Сына, и Святаго Духа и не желаю ничего на свѣтѣ семъ видѣть.

Но тотъ же Голосъ въ третій разъ послышался:

— Не ослушайся и дѣлай по сему гласу: все будетъ такъ роду сему непокоривому.

Убоялся старецъ видѣнія и глагола свыше, призвалъ игумена и повѣдалъ ему все. Игуменъ велѣлъ ему ѣхать къ Москвѣ и возвѣстить царю Василію Іоанновичу[1]), что Царству московскому и всей русской землѣ предстоитъ плѣненіе отъ литвы.

Старецъ Иринархъ отправился въ Москву. По дорогѣ въ Переяславлѣ онъ остановился на перепутье на конюшенномъ дворѣ у Никитскаго монастыря и послалъ за другомъ своимъ, никитскимъ діакономъ Онуфріемъ, а самъ пошелъ помолиться святому Никитѣ, переяславльскому Чудотворцу, и приложиться къ его мощамъ. Діаконъ Онуфрій былъ въ то время сильно боленъ лихорадкой, такъ что, мучимый ознобомъ, влѣзалъ въ печь, чтобы согрѣться. Было мнѣніе, что болѣзнь сія произошла отъ козней діавола. Діаконъ Онуфрій, по благословенію старца Иринарха, уничтожилъ въ Переяславлѣ суевѣрное почитаніе большаго камня, находившагося за Борисоглѣбскимъ Переяславльскимъ монастыремъ. Къ этому камню ежегодно въ праздникъ Апостоловъ Петра и Павла собиралось множество народа—мужей, женъ и дѣтей, и камню воздавалась честь. Діаконъ приказалъ повергнуть камень въ яму, чтобы впредь на-

---

[1]) Разумѣется здѣсь *царь Василій Іоанновичъ Шуйскій*, царствовавшій съ 1606 г. по 1610 г.

родъ не собирался около него. Этотъ подвигъ Онуфрія многимъ не былъ угоденъ; благочестивый діаконъ отъ многихъ, даже родныхъ и изъ духовнаго чина, терпѣлъ порицанія, брань и насмѣшки, даже клевету и убытки при судебныхъ преслѣдованіяхъ; сверхъ того, постигла его и болѣзнь,—но все это діаконъ Онуфрій переносилъ и терпѣлъ съ твердостью, не ропталъ, уповая на милость Божію и помня часъ смертный, и не обращался за исцѣлѣніемъ къ врагамъ Божіимъ, разнымъ знахарямъ. Едва Онуфрій вошелъ къ Иринарху, какъ старецъ замѣтилъ его тяжкую болѣзнь и, облобызавъ его, далъ ему четверть хлѣба, благословилъ его и сказалъ:

— Отъ этого яства будь здоровъ!

И діаконъ сейчасъ же почувствовалъ облегченіе и сталъ здоровъ.

Въ Москву пріѣхалъ Иринархъ вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ, старцемъ Александромъ. Пріѣхали они ночью, за часъ до разсвѣта. Утромъ отправились въ соборную церковь Успенія Пресвятой Богородицы и помолились Владычицѣ и чудотворцамъ Петру митрополиту и Іонѣ. Одинъ сынъ боярскій, именемъ Симеонъ, пошелъ къ царю и извѣстилъ о приходѣ старца. Царь обрадовался и приказалъ, чтобы Иринархъ пришелъ въ Благовѣщенскій соборъ. Старецъ пришелъ въ церковь, помолился Пресвятой Богородицѣ, благословилъ царя честнымъ крестомъ и цѣловалъ его. Царь также цѣловалъ старца любезно и подивился великимъ «трудамъ», которые онъ носилъ на себѣ. Старецъ сказалъ царю Василію Іоанновичу:

— Господь Богъ открылъ мнѣ, грѣшному старцу: я видѣлъ городъ Москву, плѣненную Ляхами, и все Россійское государство. И вотъ, оставя многолѣтнее сидѣнье въ темницѣ, я самъ пришелъ къ тебѣ возвѣстить сіе. И ты стой за вѣру Христову мужествомъ и храбростью.

Сказавъ сіе, Иринархъ направился вонъ изъ церкви. Царь Василій Іоанновичъ взялъ старца подъ руку, а ученикъ его Александръ подъ другую.

Царь сказалъ старцу, чтобы онъ благословилъ и царицу. Старецъ не ослушался, пошелъ въ палату къ царицѣ вмѣстѣ съ царемъ, благословилъ царицу Марію Петровну и вышелъ изъ палаты. Царица вслѣдъ послала старцу два полотенца, но онъ не хотѣлъ взять. Царь Василій уговаривалъ его:

— Возьми Бога ради!

Но Иринархъ сказалъ царю:

— Я пріѣхалъ не ради даровъ; я пріѣхалъ возвѣстить тебѣ правду!

Царь проводилъ Иринарха изъ палаты царицыной и приказалъ во дворцѣ боярину потчевать старца. Затѣмъ царь приказалъ дать старцу свой возокъ и конюха и проводить его до Борисоглѣбскаго монастыря. Вкусивши хлѣба у боярина, Иринархъ пустился въ обратный путь, пробывъ въ Москвѣ всего двѣнадцать часовъ.

Вернувшись въ Борисоглѣбскій монастырь, Иринархъ вошелъ въ свою келью и вновь предался своимъ трудамъ и подвигамъ въ постѣ и молитвѣ, а конюха государева и возокъ отпустилъ къ Москвѣ, помолившись, чтобы Господь утолилъ свой гнѣвъ и смиловался надъ Москвой, какъ древле надъ Ниневіей.

Спустя немного времени послѣ путешествія преподобнаго Иринарха въ Москву и предсказанія бѣдствій явилась въ русскую землю литва — злые и свирѣпые люди и немилостивые ругатели. Литвою звали тогда у насъ всѣхъ подданныхъ польско-литовскаго королевства: Поляковъ, или Ляховъ, собственно Литовцевъ и русскихъ изъ Бѣлой и Малой Руси; въ числѣ сихъ малоруссовъ было много казаковъ. По вѣрѣ почти всѣ враги наши были католики или уніаты, не щадившіе православныхъ храмовъ и прочихъ святынь. Они стали плѣнить Русскую землю и избивать жителей, завоевали много городовъ, напримѣръ выжгли городъ Дмитровъ, оскверняли церкви Божіи, ниспровергали Престолы святые, снимали съ нихъ одежды, обдирали съ иконъ оклады, а самыя иконы бросали, грабили книги, часто самыя церкви сожигали. Многіе изъ Русскихъ, боясь посѣченія, признавали ихъ власть, давали дань и кормы. Имъ покорилось много городовъ. Въ 1609 году былъ взятъ городъ Ростовъ Великій и выжженъ; соборная церковь Успенія Пресвятыя Богородицы осквернена, раки великихъ чудотворцевъ Леонтія и Исаіи и вся церковная утварь и казна были пограблены. Множество людей обоихъ половъ и всякихъ возрастовъ было посѣчено. Много терпѣли тогда отъ тяжести налоговъ православные и, не предвидя облегченія, многіе города стали отъ враговъ запираться. Это было время, когда при царѣ Василіи Іоанновичѣ Шуйскомъ враги наши выставили втораго Лжедимитрія и требовали покорности ему или его покровителю, Польскому королю.

Имѣя цѣлію овладѣть Москвой и царскимъ престоломъ, враги собрались около Москвы и оттуда производили набѣги и опусто-

шенія въ разныя стороны. Второй самозванецъ устроилъ лагерь при деревнѣ Тушинѣ.

Не оставили враги въ покоѣ и Борисоглѣбскаго монастыря, гдѣ подвизался Иринархъ. Нѣкто, непріятельскій воевода Микулинскій, повоевавъ городъ Ростовъ, пожегши посады подъ Ярославлемъ, разоривъ городъ Угличъ, пришелъ на Устье въ монастырь къ Борису и Глѣбу. Здѣсь онъ со многими панами вошелъ въ келью старца и сталъ испытывать его вѣру:

— Въ кого ты вѣруешь?

— Я вѣрую во Святую Троицу — Отца, и Сына, и Святаго Духа, — отвѣчалъ старецъ.

— А земнаго царя кого имѣешь?

И старецъ громогласно произнесъ:

— Я имѣю Россійскаго царя Василія Іоанновича: живу въ Россіи, Россійскаго царя и имѣю, а иного никого и нигдѣ не имѣю.

Одинъ изъ пановъ сказалъ старцу:

— Ты, старецъ, измѣнникъ: ни въ нашего короля, ни въ Димитрія не вѣруешь.

Старецъ отвѣчалъ:

— Вашего меча тлѣннаго я нисколько не боюсь и вѣрѣ своей и Россійскому царю не измѣню; если за это ты меня посѣчешь, то я претерплю сіе съ радостію: немного во мнѣ крови для васъ, а у моего Живаго Бога есть такой мечъ, который посѣчетъ васъ невидимо, безъ мяса и безъ крови, а души ваши пошлетъ въ вѣчную муку.

Панъ Микулинскій подивился: такъ велика была вѣра въ старцѣ.

Спустя нѣкоторое время стали собираться русскія силы противъ враговъ. Князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій пришелъ изъ Новгорода съ русскими и шведскими войсками и сталъ въ Калязинѣ противъ литвы. Изъ подъ Троице-Сергіева монастыря пришелъ противъ него съ войскомъ панъ Сапѣга. Но, Божіею помощію, заступленіемъ великихъ чудотворцевъ и по слову старцеву, Московская сила побила литву, и панъ Сапѣга съ своимъ войскомъ отступилъ и остановился за два ночлега отъ Борисоглѣбскаго монастыря на Устьѣ, намѣреваясь выжечь монастырь и побить братію. Въ монастырѣ поднялась кручина великая и печаль, братія начали прощаться другъ съ другомъ. Старецъ же Иринархъ сталъ утѣшать своихъ учениковъ Александра и Корнилія:

— Не убоимся пожженія и посѣченія отъ иновѣрныхъ: если насъ пожгутъ или посѣкутъ, то мы явимся новыми мучениками и получимъ вѣнцы на Небѣ отъ Христа, Бога нашего?

Затѣмъ Иринархъ обратился съ горячей молитвой къ Господу Богу объ избавленіи отъ угрожавшаго бѣдствія и о вселеніи въ сердца враговъ милости и жалости ко святой обители. Въ то время пришелъ въ монастырь панъ ротмистръ Кирбитскій и вошелъ въ келью старца: онъ благословился у него и подивился старцевымъ «трудамъ». Вернувшись къ Сапѣгѣ, онъ сказалъ:

— Въ монастырѣ у Бориса и Глѣба я нашелъ трехъ старцевъ скованныхъ.

Сапѣга самъ пожелалъ видѣть старца и впередъ послалъ одного пана извѣстить о своемъ приходѣ. Старецъ посланному сказалъ:

— Если панъ захочетъ посѣтить, то по своей волѣ пріѣдетъ къ намъ.

Услышавъ такой отвѣтъ, Сапѣга пріѣхалъ въ монастырь, вошелъ въ келью старца и сказалъ ему:

— Благослови, отче! Какъ ты терпишь такую великую муку?

Старецъ отвѣчалъ ему:

— Бога ради сію темницу и муку терплю въ келліи сей.

Многіе изъ пановъ стали говорить Сапѣгѣ:

— Сей старецъ за нашего короля и за Димитрія Бога не молитъ, а молитъ Бога за Шуйскаго-царя.

Старецъ возразилъ:

— Я въ Россіи рожденъ и крещенъ, за русскаго царя и Бога молю.

Сапѣга сказалъ:

— Правда въ батькѣ велика: въ которой землѣ жить, тому царю и служить.

— Ограбили тебя, старецъ? — спросили паны.

Старецъ отвѣчалъ:

— Пріѣхалъ лютый панъ Сушинскій и пограбилъ весь монастырь, не только меня, старца грѣшнаго.

Сапѣга сказалъ:

— За то панъ Сушинскій повѣшенъ.

Послѣ сего старецъ далъ такой совѣтъ пану Сапѣгѣ:

— Возвратись, господинъ, въ свою землю: полно тебѣ въ Россіи воевать! Если же не уйдешь изъ Россіи или опять придешь въ Россію и не послушаешь Божія слова, то будешь убитъ въ Россіи.

Панъ Сапѣга умилился душою вслѣдствіе сихъ словъ и сказалъ:

— Чѣмъ мнѣ тебя одарить? Я ни здѣсь, ни въ иныхъ земляхъ монаха такого крѣпкаго и безбоязненнаго не видывалъ.

Старецъ сказалъ:

— Я Святому Духу не противникъ, отъ Святаго Духа и питаюсь. И какъ Святый Духъ тебѣ внушитъ, такъ ты и сдѣлаешь.

Сапѣга сказалъ:

— Прости, отче! —и, поклонившись, вышелъ съ миромъ.

Сапѣга прислалъ затѣмъ старцу на милостыню пять рублей денегъ и воспретилъ своему войску чѣмъ-либо вредить монастырю. Вскорѣ Сапѣга съ ратью направился къ Переяславлю, а въ монастырѣ была великая радость, что Богъ избавилъ отъ разоренія; старецъ же непрестанно со слезами молилъ Бога объ избавленіи всей русской земли отъ плѣненія.

Послѣ побѣды подъ Калязиномъ князь Михаилъ Шуйскій началъ преслѣдовать литву и изъ Переяславля послалъ къ старцу Иринарху за благословеніемъ. Иринархъ послалъ ему благословеніе, просфору и крестъ и наказалъ сказать:

— Дерзай, и Богъ поможетъ тебѣ!

Князь послалъ отрядъ въ Александровскую слободу, и, съ Божіею помощію, русскіе воины побили литву. Вскорѣ пошелъ туда и самъ князь и остановился въ слободѣ. Непріятели стали собираться противъ него изъ-подъ осажденнаго Троицкаго монастыря и изъ-подъ Москвы. Князь узналъ объ этомъ и былъ очень озабоченъ. Онъ снова отправилъ гонца къ преподобному Иринарху. Старецъ вновь послалъ ему благословеніе и просфору и велѣлъ сказать: «Дерзай, князь Михаилъ, и не бойся: Богъ тебѣ поможетъ». И князь побилъ литву.

Потомъ князь послалъ одного изъ воеводъ къ Троицѣ съ войскомъ, и воевода благополучно прошелъ въ монастырь. Князь опять послалъ гонца къ Иринарху съ дарами, и старецъ, посылая благословеніе и просфору, велѣлъ ему идти подъ Троицу, что князь и сдѣлалъ. Услышавъ объ этомъ, Сапѣга направился къ Дмитрову. Князь пришелъ благополучно къ Троицѣ, вошелъ въ монастырь и помолился Пресвятой Троицѣ и преподобному Сергію, воздавая славу Богу, Пресвятой Богородицѣ и россійскимъ чудотворцамъ. Посланное противъ Сапѣги войско разбило его подъ Дмитровомъ, Сапѣга бѣжалъ къ Іосифову Волоколамскому монастырю. Въ то же время изъ Тушина бѣжалъ второй самозванецъ

въ Калугу, гдѣ впослѣдствіи и былъ убитъ. Послѣ сихъ успѣховъ князь Михаилъ отъ Троицы пришелъ въ Москву, помолился въ соборной церкви Успенія Пресвятой Богородицы, приложился къ образу Пресвятой Богородицы Владимірской и ракамъ чудотворцевъ и съ радостію вернулся въ свой домъ.

Старецъ Иринархъ, знавшій о всѣхъ сихъ событіяхъ, послалъ ученика своего Александра къ князю Михаилу въ Москву за честны́мъ крестомъ, который былъ данъ ему на помощь и прогнаніе супостата. Князь отдалъ крестъ и послалъ старцу благодарственное посланіе и дары. Александръ все сіе доставилъ своему учителю.

Принявъ съ радостію святый крестъ, преподобный Иринархъ произнесъ такую молитву:

«Слава тебѣ, Владыко Человѣколюбче, Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, претерпѣвшему на семъ Честно́мъ и Животворящемъ Крестѣ распятіе и смерть ради нашего спасенія и показавшему всему нашему роду милость и чудеса отъ сего Честна́го Креста, помощь князю Михаилу на литву, на побѣжденіе и прогнаніе, какъ древле при царѣ Константинѣ на супостатовъ».

Вскорѣ послѣ отсылки креста князь Михаилъ отошелъ ко Господу. Врагъ же рода человѣческаго, посрамленный отъ старца Иринарха, замыслилъ противъ него новыя козни.

Въ Борисоглѣбскій монастырь отъ Патріарха Гермогена былъ присланъ новый игуменъ, по имени Симеонъ, который оказался лютымъ, немилостивымъ, невоздержнымъ и предававшимся пьянству. Онъ приказалъ старцу Иринарху ходить въ церковь молиться, старецъ же, нося на себѣ тяжкіе желѣзные «труды», не могъ свободно пройти и по кельѣ, изсушая плоть свою день и ночь въ постѣ и молитвѣ. Жестокосердый игуменъ Симеонъ, превосходя лютостію невѣрующихъ, пришелъ къ старцу въ келью съ братіею и безъ милости отнялъ все, что у старца было запасено. Остались только неотобранными четыре пуда меду, о чемъ и сказалъ старцу ученикъ Александръ. Старецъ по этому случаю вспомнилъ объ нѣкоемъ отцѣ затворникѣ, котораго ограбили разбойники, оставивъ одну какую-то вещь; затворникъ догналъ разбойниковъ и сказалъ, что они не все забрали; разбойники умилились и все возвратили затворнику. Теперь же, когда, по приказанію Иринарха, ученикъ его Александръ сообщилъ игумену, что не все забрано, то игуменъ оказался немилостивѣе древнихъ разбойниковъ и забралъ оставшееся.

Въ тотъ же вечеръ старецъ Иринархъ видѣлъ юношу въ бѣлыхъ ризахъ, который стоялъ близъ него и, смотря на него, говорилъ о немилостивомъ поступкѣ игумена, а потомъ вдругъ исчезъ. Старецъ всю ночь пребылъ въ молитвѣ. Наутро снова пришелъ игуменъ къ старцу въ келлію и приказалъ вывести старца изъ келліи: четыре человѣка взяли его подъ руки и поволокли, а игуменъ съ пятью другими людьми понесъ желѣзную цѣпь его. Когда волокли старца, то выломили ему лѣвую руку и бросили его въ трехъ саженяхъ отъ церкви. Старецъ пробылъ въ такомъ положеніи девять часовъ, молясь Господу Богу, чтобы Онъ не поставилъ сего гонителямъ его во грѣхъ, ибо всуе мятутся, не вѣдая, что творятъ.

Учениковъ старца, Александра и Корнилія, удалили отъ Иринарха и разослали по другимъ кельямъ.

Когда Иринархъ лежалъ одинъ, всѣми покинутый, явился ему юноша въ свѣтлыхъ ризахъ и сказалъ:

— Услышалъ Богъ молитву твою и терпѣніе твое: если испросишь чего, будетъ дано тебѣ.

Послѣ сихъ словъ юноша сталъ невидимъ.

Между тѣмъ ученикъ Иринарховъ Александръ ночью пришелъ въ прежнюю келлію и обратился съ молитвой:

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій! Долго ли намъ, Господи, въ скорби сей быть съ учителемъ своимъ и терпѣть отъ сихъ звѣрообразныхъ людей и пьяницъ? Но да будетъ воля Твоя святая!

И отъ крестовъ честныхъ былъ ему Гласъ:

— Иди къ игумену и скажи ему: зачѣмъ противишься судьбамъ Божіимъ?

Старецъ Александръ пришелъ въ церковь къ игумену и сталъ ему говорить:

— Отпусти старца Иринарха въ его келью, на обѣщаніе, вмѣстѣ съ его учениками, чтобы тебѣ не погубить свою душу, борясь противъ судебъ Божіихъ.

Игуменъ благословилъ старца и обоихъ учениковъ его. Старецъ пришелъ въ свою келью, благодарилъ Бога за избавленіе отъ гоненія и молился о дарованіи ему терпѣнія. И свыше былъ ему Голосъ:

— Дерзай, страдалецъ мой, Я съ тобою всегда: Я ждалъ твоего подвига и терпѣнію твоему дивились Ангелы. Теперь уже больше не будетъ на тебя гоненій, но ждетъ тебя уготованное тебѣ мѣсто въ Царствѣ Небесномъ.

Старецъ Иринархъ слышалъ голосъ, но никого не видѣлъ, и въ трепетѣ только творилъ молитву со слезами:

— Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй мя, грѣшнаго, и избави отъ искушенія, — и ограждалъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Послѣ того вскорѣ игуменъ Симеонъ удаленъ былъ изъ монастыря.

Между тѣмъ, по преставленіи князя Михаила Скопина-Шуйскаго, литва снова ободрилась, враги собрались снова подъ Москву. Сами москвичи, подъ вліяніемъ лести враговъ, свели съ престола царя Василія и пустили въ городъ Москву Ляховъ, которые отправили бывшаго царя Василія Шуйскаго въ ссылку въ Польшу. Москва подверглась плѣненію и разоренію.

Литва снова стала разорять области вокругъ Москвы на далекое пространство. Въ 1612 году литва пришла въ Ростовъ. Отъ страха передъ нею игуменъ Борисоглѣбскаго монастыря бѣжалъ со всею братіею на Бѣлое озеро, а старецъ Иринархъ съ учениками своими остался въ кельѣ своей, молясь безпрестанно Богу. Литва заняла монастырь и пробыла въ немъ десять недѣль. Одинъ панъ пришелъ разъ въ келью Иринарха и сказалъ:

— Благослови, батько! А Сапѣга убитъ подъ Москвою, по твоему слову!

Старецъ отвѣчалъ:

— Подите и вы въ свою землю—и будете живы; если же не уйдете изъ нашей земли, и вамъ быть убитыми!

Панъ ушелъ и повѣдалъ слова Иринарха прочимъ всѣмъ панамъ. И стали паны приходить къ старцу, и старецъ говорилъ имъ:

— Подите въ свою землю; если не пойдете, то будете убиты.

Пришелъ къ старцу сынъ воеводы, по имени Воинъ, и благословился у старца идти въ свою землю. Старецъ благословилъ; воеводинъ сынъ поклонился до земли, пошелъ къ своему отцу и разсказалъ о благословеніи. Тогда и самъ воевода Іоаннъ Каменскій пришелъ къ старцу въ келью, поклонился старцу до земли и сказалъ:

— Благослови, батько, и меня идти въ свою землю, какъ благословилъ сына моего.

И старецъ благословилъ его и сказалъ:

— Только не трогай монастыря и братіи, и города Ростова.

И панъ Каменскій ушелъ въ свою землю, не тронувъ ни монастыря, ни города Ростова. Въ монастырѣ снова была радость по случаю избавленія отъ опасности.

Между тѣмъ какъ въ самой Москвѣ, такъ и во всей землѣ было великое смятеніе и печаль, что въ Москвѣ засѣла литва. Вездѣ, а особенно въ Нижнемъ Новгородѣ, молились, о томъ, чтобы Господь Богъ явилъ милость свою и очистилъ городъ Москву отъ враговъ и избавилъ землю отъ великой скорби.

Нижегородцамъ былъ извѣстенъ князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій, проживавшій близъ Нижняго. Нижегородцы начали просить его, чтобы онъ шелъ къ Москвѣ и очистилъ ее отъ враговъ. Они стали собирать и давать ему людей, деньги и запасы на войну. Въ помощь и содѣйствіе ему выбрали нижегородскаго посадскаго человѣка Косму Минина. И военный предводитель, и земскій выборный были единодушны въ своихъ мысляхъ и все дѣлали съ общаго совѣта и согласія. И Богъ подалъ имъ Свою помощь.

Двинулись они со всею собранною силою къ городу Ярославлю и остановились въ немъ. Изо всѣхъ городовъ стали собираться къ нимъ русскіе люди, желавшіе стать за Вѣру и Отечество и умереть за святыя Божіи церкви.

Услышавъ о прибытіи въ Ярославль князя Димитрія Михайловича Пожарскаго съ войскомъ, одинъ изъ предводителей стоявшаго подъ Москвой русскаго ополченія, князь Димитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой, прислалъ гонца, чтобы скорѣе шли подъ Москву. Но князь Пожарскій и Косма Мининъ боялись идти подъ Москву: тамъ среди русскаго ополченія не было единодушія, и одинъ изъ предводителей русскаго войска, Иванъ Заруцкій, убилъ подъ Москвою другаго воеводу—Прокофія Петровича Ляпунова.

Старецъ Иринархъ, за всѣмъ слѣдившій и все понимавшій, послалъ князю Димитрію Михайловичу Пожарскому свое благословеніе и просфору и велѣлъ идти подъ Москву со всѣмъ войскомъ, не боясь Ивана Заруцкаго. «Увидите Славу Божію»,—наказывалъ старецъ сказать князю.

Князь былъ радъ словамъ старца, безъ страха пошелъ со всею ратію къ Москвѣ и остановку сдѣлалъ въ Ростовѣ. Отсюда князь Пожарскій и Косма Мининъ нарочно отправились въ Борисоглѣбскій монастырь, чтобы лично получить благословеніе отъ старца Иринарха.

Старецъ благословилъ ихъ въ походъ подъ Москву и далъ имъ крестъ свой на помощь. Принявъ благословеніе и крестъ у старца, князь съ радостію пошелъ съ войскомъ отъ Ростова къ Переяславлю, а отъ Переяславля къ Троицѣ, гдѣ остановился и поклонился Пресвятой Троицѣ и преподобному Сергію.

Отъ Троицы Пожарскій послалъ воеводу князя Димитрія Лопатина подъ Москву къ князю Трубецкому. Трубецкой былъ радъ, а Заруцкій изъ-подъ Москвы бѣжалъ.

Между тѣмъ къ засѣвшей въ Москвѣ литвѣ подошли новые люди съ запасами. Услышавъ объ этомъ, князь Трубецкой послалъ гонца къ князю Пожарскому, чтобы онъ шелъ скорѣе на помощь подъ Москву со всею ратью. Нижегородскій воевода немедленно двинулся отъ Троицы къ Москвѣ. И, помощію Божіею и заступничествомъ московскихъ чудотворцевъ, русскимъ удалось одолѣть литву. Послѣ сего князь Пожарскій овладѣлъ Китаемъ-городомъ, такъ что литва засѣла только въ Московскомъ кремлѣ. Немного времени спустя сдался и кремль, и князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій вступилъ въ кремль, помолился Пресвятой Богородицѣ и московскимъ чудотворцамъ.

И была въ Москвѣ радость великая, что Господь очистилъ Москву отъ литовскихъ людей.

Въ монастырѣ же Борисоглѣбскомъ на Устьѣ-рѣкѣ была тогда большая печаль: монастырь былъ нѣсколько разъ разоренъ и опустошенъ литовскими людьми, въ монастырѣ ничего не было, а между тѣмъ, съ него требовали большихъ даней на прокормленіе ратныхъ людей. Игуменъ съ братіею и съ монастырскими крестьянами пришли къ старцу Иринарху, чтобы онъ благословилъ ученика своего Александра отправить въ Москву. Старецъ внялъ ихъ просьбѣ, предоставилъ все на ихъ волю и отпустилъ ученика своего въ Москву съ челобитьемъ. Онъ повелѣлъ ему взять у князя Пожарскаго честный крестъ, данный на помощь противъ супостатовъ.

Когда Александръ прибылъ въ Москву, тамъ была великая радость по случаю того, что король Польскій изъ города Вязьмы ушелъ въ свою землю.

Старецъ Александръ пришелъ къ князю Димитрію Михайловичу Пожарскому и передалъ ему отъ старца Иринарха благословеніе и просфору. Князь былъ радъ прибытію посланца отъ Иринарха, далъ ему грамоту, чтобы не давать Борисоглѣбскому монастырю на ратныхъ людей никакихъ запасовъ по причинѣ литовскаго разоренія. Александръ взялъ у князя грамоту и честный крестъ и возвратился въ монастырь.

Радъ былъ игуменъ, получивши для монастыря льготу, радъ былъ и преподобный Иринархъ, когда Александръ пришелъ въ его келлію, возвратилъ честный крестъ и справилъ поклонъ отъ князя.

По устроенію Божію и по приговору всей земли князей, бояръ, воеводъ, преосвященныхъ митрополитовъ, архимандритовъ и игуменовъ и прочихъ людей, въ 1613 году на царскій престолъ былъ избранъ юный князь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, и поставленъ въ цари на Москвѣ обладателемъ надъ всѣми принадлежавшими Россіи землями, и вѣнчанъ былъ царскимъ вѣнцомъ. Вся русская земля радовалась о новомъ, желанномъ царѣ.

Но еще во многихъ мѣстахъ и городахъ—въ Угличѣ, Вологдѣ и въ другихъ окрестныхъ—была великая печаль отъ продолжавшихся разореній: главнымъ образомъ отряды казаковъ проливали много христіанской крови и опустошали города и села. Для очищенія земли отъ сихъ грабителей и губителей царь Михаилъ Ѳеодоровичъ послалъ боярина своего и воеводу, князя Бориса Михайловича Лыкова, съ значительнымъ войскомъ. Князь Лыковъ направился въ Ярославль.

Въ это время литва и казаки пришли въ село Даниловское (теперь—городъ Даниловъ, Ярославской губерніи). Князь Лыковъ прислалъ старца Іоакима къ старцу Иринарху за благословеніемъ, какъ дѣлали и прежніе русскіе полководцы. Старецъ послалъ князю просфору и благословеніе и велѣлъ идти за литвою. Князь радъ былъ благословенію старца и двинулся въ походъ. Двѣ недѣли онъ гнался за врагами, настигъ ихъ за Костромою, не доходя Нижняго, и, съ помощію Божіею, побилъ, многихъ взялъ въ плѣнъ и отправилъ въ Москву къ царю. Отсюда Лыковъ возвратился къ Вологдѣ противъ казаковъ, которые грабили вологодскій и бѣлоозерскій уѣзды. Князь послалъ погоню за казаками, которые отъ Бѣлоозерска направились въ Угличь, гдѣ стояли двѣ недѣли. Лыковъ послалъ туда свои полки, которые и прогнали казаковъ къ Москвѣ. Самъ князь, направляясь къ Москвѣ вслѣдъ за врагами, зашелъ въ Борисоглѣбскій монастырь, помолился страстотерпцамъ Борису и Глѣбу и лично принялъ отъ старца Иринарха благословеніе. Двинувшись дальше къ Москвѣ, князь Лыковъ догналъ казаковъ, забралъ въ плѣнъ и привелъ къ царю.

Велика была радость по случаю уничтоженія казацкой грабительской шайки милостію Божіею и заступленіемъ Пресвятой Богородицы и московскихъ чудотворцевъ, и молитвами и слезами затворника Иринарха.

Съ того времени настала на Руси тишина. Старецъ же Иринархъ по-прежнему непрестанно молился и проливалъ слезы,

постился, принималъ странныхъ и защищалъ обидимыхъ отъ притѣсненія сильныхъ.

Еще при жизни Богъ прославилъ Своего угодника Иринарха чудесами: его молитвами Богъ исцѣлялъ больныхъ и бѣсноватыхъ, чудесную силу имѣло его благословеніе для приходившихъ къ нему съ вѣрою. Составитель житія Иринархова, ученикъ его Александръ, записалъ девять чудесъ Божіихъ, совершенныхъ молитвами борисоглѣбскаго затворника и страдальца при его жизни.

Къ преподобному Иринарху приходили или были приводимы больные разными болѣзнями, особенно же—одержимые духомъ нечистымъ. Старецъ молился, заставляя и больныхъ молиться и поститься, возлагалъ на нихъ свой честный крестъ, нерѣдко налагалъ на больныхъ часть своей цѣпи или приказывалъ лежать на сихъ цѣпяхъ. Иногда издалека отъ больныхъ посылали къ Иринарху за благословеніемъ, которое онъ давалъ и вмѣстѣ посылалъ просфору или крестъ, которымъ святили воду и давали ее больнымъ пить. Такъ, преподобный исцѣлилъ бѣсноватаго изъ села Давыдова[1]) возложеніемъ на него своего креста; другой бѣсноватый изъ Вощадиникова[2]) былъ исцѣленъ, когда на буйнаго ученикъ Александръ возложилъ старцеву цѣпь и привелъ больнаго къ старцу и къ образу Пресвятой Богородицы. На заболѣвшаго изступленіемъ ума въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ воеводу, сына боярскаго Матѳея Тихменева, преподобный Иринархъ возложилъ свой крестъ и привязалъ къ своей цѣпи, приставивъ для охраны двухъ воиновъ; такъ больной провелъ цѣлую ночь, а утромъ старецъ послалъ воеводу въ церковь молиться; отъ Литургіи больной пришелъ здоровымъ, но преподобный заповѣдалъ ему всю недѣлю поститься, ни мяса не ѣсть, ни вина, ни пива не пить. Подобнымъ же образомъ получилъ исцѣленіе изступившій изъ ума въ монастырѣ крестьянинъ Никифоръ: старецъ повелѣлъ возложить на него свой крестъ и привязать цѣпью къ грядкѣ; черезъ часъ старецъ велѣлъ снять крестъ и цѣпь и приказалъ больному лечь на свои цѣпи, гдѣ онъ и спалъ цѣлую ночь,—всталъ же совершенно здоровымъ.

Отъ питья или окропленія водою, освященною посланнымъ Иринархомъ крестомъ, получили исцѣленіе одинъ боярскій сынъ,

---

1) *Село Давыдово* находится въ 20 верстахъ отъ Борисоглѣбскаго монастыря по дорогѣ къ Угличу.

2) *Село Вощадиниково* въ 10 верстахъ отъ Борисоглѣбскаго монастыря, вправо отъ Угличской дороги.

по имени Романъ,—отъ головной боли; одна крестьянская жена—отъ болѣзни глазъ; одна бѣсноватая женщина въ Угличѣ, жена некоего подьячаго въ Москвѣ—отъ какой-то тяжкой болѣзни.

Настало время кончины преподобнаго Иринарха. Праведный и многострадальный мужъ призвалъ учениковъ своихъ и сказалъ имъ:

— Братья мои и спостники! Молю васъ: вотъ, нынѣ я отхожу отъ жизни сей къ Господу Богу моему Іисусу Христу. Помолитесь за меня Богу и Пречистой Богородицѣ, дабы по преставленіи моемъ душу мою взяли милостивые Ангелы и дабы я избѣжалъ сѣтей вражіихъ и воздушныхъ мытарствъ вашими святыми молитвами, ибо я грѣшенъ. Вы же, господа мои, послѣ моей смерти пребудьте въ постѣ и молитвѣ, въ трудахъ, въ бдѣніи и слезахъ, а также въ любви между собою безъ ропота, въ послушаніи и повиновеніи, ибо вы знаете Христову заповѣдь о блаженствахъ.

Преподобный проговорилъ всѣ сіи заповѣди и далъ много другихъ наставленій своимъ ученикамъ.

Видя своего учителя при послѣднемъ издыханіи, ученики его Александръ и Корнилій пришли въ велнкое умиленіе и въ горькихъ слезахъ взывали:

— О добрый нашъ пастырь и учитель! Вотъ, уже нынѣ видимъ тебя при послѣднемъ издыханіи: къ кому же прибѣгнемъ, отъ кого насладимся ученіемъ, кто попечется о нашихъ грѣшныхъ душахъ? Но молимъ тебя, если обрѣтешь благодать передъ Богомъ по отшествіи своемъ отъ жизни сей, моли о насъ неослабно Бога и Пречистую Богородицу, какъ угодно будетъ твоей святынѣ, ибо тебѣ извѣстны всѣ наши тайныя страданія.

Старецъ Иринархъ сказалъ ученикамъ своимъ:

— Я отхожу отъ васъ тѣломъ, а духомъ съ вами буду неразлучно.

И къ этому еще прибавилъ:

— Если кто начнетъ притѣснять сію обитель мою, свыше данную отъ Бога и искупленную и выпрошенную у игумена и братіи, то пусть имъ судитъ Богъ и Матерь Божія.

Около отходящаго находилась и братія монастырская. Давъ прощеніе братіи и ученикамъ о Христѣ и послѣднее цѣлованіе, преподобный сталъ на молитву, долго молился и тихо отошелъ ко Господу въ вѣчный покой.

Кончина преподобнаго Иринарха послѣдовала въ 1616 году, января 13 дня, на память святыхъ мучениковъ Ермила и Страто-

ника, съ пятницы на субботу въ девятомъ часу ночи. По благословенію и повелѣнію преосвященнаго митрополита Ростовскаго и Ярославскаго Кирилла[1]), погребеніе схимонаха Иринарха совершалъ борисоглѣбскій игуменъ Петръ и отецъ его духовный іеромонахъ Тихонъ, діаконъ Титъ и ученики его—старцы Александръ и Корнилій. По завѣщанію преподобнаго Иринарха, гробъ его положенъ въ уготованной имъ самимъ пещерѣ.

Послѣ старца Иринарха осталось праведныхъ «трудовъ» его: сто сорокъ два креста мѣдныхъ, семь трудовъ плечныхъ, желѣзная цѣпь въ двадцать саженъ, которую онъ надѣвалъ на шею, желѣзныя пута ножныя, осьмнадцать мѣдныхъ и желѣзныхъ оковцевъ, которые онъ носилъ на рукахъ и на груди, связни, которыя носилъ на поясѣ, вѣсомъ въ одинъ пудъ, палка желѣзная, которою онъ смирялъ свое тѣло и прогонялъ невидимыхъ бѣсовъ[2]). Въ этихъ «трудахъ» праведныхъ своихъ старецъ Иринархъ прожилъ тридцать восемь лѣтъ и четыре мѣсяца, а въ мірѣ жилъ тридцать лѣтъ, всего же онъ прожилъ шестьдесятъ восемь лѣтъ и четыре мѣсяца.

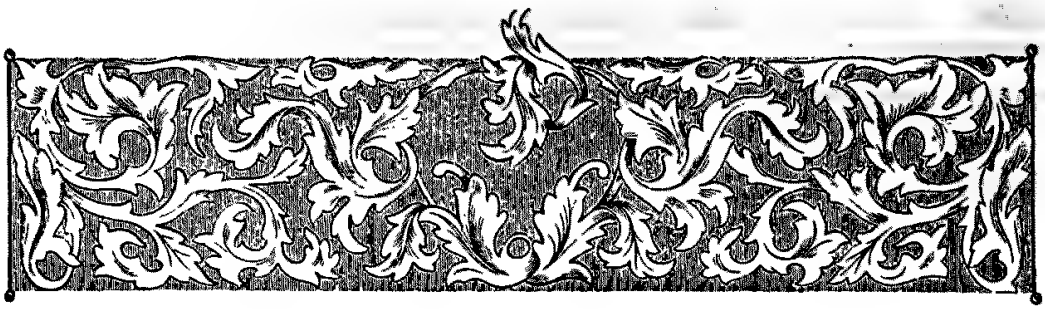
По преставленіи преподобнаго Иринарха совершалось много чудесъ при его гробѣ. Составитель житія, ученикъ его Александръ, записалъ тринадцать чудесныхъ исцѣленій отъ разныхъ недуговъ, особенно же отъ бѣснованія. На больныхъ обыкновенно возлагали животворящій крестъ «трудовъ» Иринарха, иногда цѣпь его или другія, носившіяся имъ, тяжести. Брали также землю отъ его гробницы и пили съ нея воду. Совершалось немало чудесъ и впослѣдствіи.

И въ настоящее время нерѣдко многіе страждущіе, во время молебна преподобному Иринарху, надѣваютъ на себя тѣ или другія изъ оставшихся послѣ него тяжестей, вѣруя въ цѣлебную ихъ силу.

---

1) *Кириллъ IV* упоминается какъ митрополитъ Ростовскій при кончинѣ царя Бориса Годунова; былъ лишенъ каѳедры Лжедимитріемъ; когда преемникъ его Филаретъ, впослѣдствіи патріархъ, изведенъ былъ въ плѣнъ, ростовцы вновь призвали Кирилла, который и святительствовалъ до своей кончины въ 1616 году.

2) Большая часть желѣзныхъ цѣпей и другихъ тяжестей, которыя носилъ на себѣ подвижникъ Иринархъ, и до сего времени хранятся въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ—отчасти въ церковномъ придѣлѣ, гдѣ находится рака преподобнаго, отчасти въ особой деревянной постройкѣ на мѣстѣ прежней кельи преподобнаго. Подробное описаніе и изображенія сихъ предметовъ можно видѣть въ упомянутомъ выше изданіи преосвящ. Амфилохія. Въ 1878 г. по благословенію Ярославскаго и Ростовскаго преосвященнаго архіепископа Нила часть вериги и другихъ предметовъ изъ «трудовъ» Иринарха перенесена была въ церковь роднаго села Иринарха Коидакова по просьбѣ сельчанъ. См. о семъ въ упомянутой выше книжкѣ Н. Н. Корсунскаго.



День четырнадцатый

ПЕРВОЕ ИЗБІЕНІЕ

ПРЕПОДОБНЫХЪ ОТЦОВЪ

въ Синаѣ и Раиѳѣ

Въ 14-й день января воспоминается двукратное избіеніе иноковъ, подвизавшихся въ обителяхъ и пещерахъ горы Синайской [1]) и въ сопредѣльной съ Синаемъ прибрежной пустынѣ Раиѳѣ. Первое избіеніе совершено было въ четвертомъ вѣкѣ. Оно описано Аммоніемъ, египетскимъ инокомъ, очевидцемъ этого событія. Аммоній повѣствуетъ о семъ такъ:

«Однажды, когда я сидѣлъ въ своей скромной келліи въ странѣ Александрійской, въ мѣстѣ, называвшемся Каново, у меня явилась мысль пойти въ Палестину. Я не могъ спокойно смотрѣть, какъ христіане терпятъ нескончаемыя страданія отъ нечестивыхъ мучителей, и святый отецъ нашъ, патріархъ Петръ [2]), вынужденъ переходить съ мѣста на мѣсто и скрываться, лишенный возможности твердо управлять своимъ словеснымъ стадомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я

---

[1]) Гора *Синай* находится въ срединѣ Синайскаго полуострова; она представляетъ собою собственно группу горъ, состоящихъ изъ гранитныхъ скалъ, прорѣзана и окружена крутыми и шероховатыми долинами; у арабовъ нынѣ называется горой «Туръ» или «Джебель-Туръ-Сина». Въ Ветхомъ Завѣтѣ при горѣ Синаѣ Израильтяне вступили въ завѣтъ съ Богомъ и получили отъ Него заповѣди Закона (кн. Исх., гл. 20). Въ IV и V-мъ вѣкахъ по Рождествѣ Христовѣ гора Синай славилась обиліемъ христіанскихъ пустынножителей, жившихъ въ ущельяхъ и пещерахъ ея.

[2]) *Святый Петръ*, Патріархъ Александрійскій, правилъ Церковію отъ 300 до 311 года; память его празднуется 25 ноября.

желалъ поклониться Святымъ мѣстамъ въ Іерусалимѣ, по которымъ ходилъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, совершая тайну Своего Промышленія о насъ. Придя туда, я глубоко радовался о всѣхъ чудныхъ дѣлахъ Божіихъ и горячо благодарилъ милосердаго Господа, что Онъ удостоилъ меня поклониться Святымъ мѣстамъ. Потомъ я отправился съ нѣкоторыми иноками въ пустыню и, съ помощію Божіею, достигъ чрезъ восемнадцать дней Синайской горы и поклонился тамъ Святымъ мѣстамъ. Оставаясь тамъ, я наслаждался общеніемъ и бесѣдами съ ангелоподобными синайскими отцами и ежедневно, для своей душевной пользы, приходилъ въ келлію каждаго изъ нихъ. У нихъ былъ такой уставъ: безмолвными сидѣли они всѣ дни въ своихъ келліяхъ; вечеромъ же въ субботу, при наступленіи воскреснаго дня, всѣ собирались въ церковь и вмѣстѣ совершали Всенощное бдѣніе; причастившись поутру, за святой Литургіей, святыхъ безсмертныхъ Христовыхъ Таинъ, каждый изъ нихъ снова уходилъ въ свою келлію. Видъ ихъ былъ подобенъ ангельскому: отъ сильнаго воздержанія и непрестаннаго бодрствованія тѣла ихъ были изнурены, и они жили подобно безплотнымъ,—не употребляя въ пищу ничего такого, что можетъ возбуждать и питать страсти. Они совсѣмъ не вкушали ни вина, ни масла, ни хлѣба, но довольствовались лишь небольшимъ количествомъ финиковъ или желудей, и только этимъ поддерживали свою жизнь. Однако, для странниковъ имѣлся иногда у настоятеля и хлѣбъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ того на эту страну внезапно напало множество варваровъ, называвшихся Влемміанами[1]). Они нещадно избили всѣхъ отцовъ, которыхъ нашли въ окрестностяхъ. Мы, жившіе близъ пирга[2]), смутились и встревожились; поспѣшно собрались мы въ укрѣпленное мѣсто вмѣстѣ съ своимъ святымъ отцомъ настоятелемъ, по имени Дулой,—ибо онъ поистинѣ былъ рабомъ Христовымъ, отличавшимся между всѣми особеннымъ терпѣніемъ и кротостію, почему нѣкоторые называли его и Моисеомъ. Упомянутые варвары избили всѣхъ отцовъ, жившихъ въ Хоривѣ[3]),

---

1) *Влемміане*—теперешніе бедуины, ливійскій разбойничій народъ, жившій на югъ и на западъ отъ Египта; этихъ варваровъ опасались даже римскіе императоры, такъ что Діоклетіанъ старался обезпечить себя отъ нихъ деньгами и уступкою земель.

2) *Пиргъ* (отъ греч. πύργος)—крѣпость, башня; такъ назывались укрѣпленныя сторожевыя мѣста въ монастыряхъ.

3) *Хоривъ*—гора въ пустынѣ Аравійской, западная возвышенность того же горнаго хребта, восточную часть которой составляетъ Синай. Здѣсь было явленіе Бога Моисею въ купинѣ, которая горѣла и не сгорала (Кн. Исх., гл. 3). Близъ этой горы находились и упоминаемыя здѣсь Кидаръ и Тефровилъ.

въ Тефровилѣ, много святыхъ погубили они въ Кидарѣ, опустошили и прочія окрестности Синайской горы. Подошли они и къ намъ и, не встрѣчая ниоткуда сопротивленія, едва было не погубили насъ. Но милосердный Богъ, являющій Свою помощь тѣмъ, которые призываютъ Его всѣмъ сердцемъ, ниспослалъ на вершину горы великій пламень, и мы видѣли, что вся гора была покрыта дымомъ, и изъ нея выходилъ огонь, поднимавшійся до неба. При видѣ этого, мы пришли въ трепетъ и едва не умерли отъ страха. Упавъ ницъ на землю, мы молились Господу, чтобы миновало насъ угрожающее намъ бѣдствіе. Ужасъ напалъ на варваровъ, когда они увидѣли огонь, и они тотчасъ же обратились въ бѣгство, при чемъ нѣкоторые побросали даже свое оружіе и оставили верблюдовъ, ибо видъ этого ужаснаго огня былъ для нихъ совершенно невыносимъ. Мы же благодарили и прославляли Бога, Который не оставляетъ до конца обращающихся къ Нему. Послѣ того мы сошли съ пирга и нашли въ различныхъ мѣстахъ убитыхъ мечомъ тридцать восемь отцовъ, изъ которыхъ каждый былъ убитъ тамъ, гдѣ былъ захваченъ. На тѣлахъ ихъ было множество разнообразныхъ ранъ,—и кто могъ бы описать образъ ихъ мученической смерти? Двое же изъ нихъ, Исаія и Савва, оставались еще живы, но были весьма изранены и еле дышали. Мы тотчасъ же съ великими слезами похоронили убитыхъ отцовъ и позаботились о живыхъ. Да и кто бы могъ быть настолько жестокимъ и немилосерднымъ, чтобы не оплакивать горько столь многихъ и таковыхъ отцовъ —мужей праведныхъ и святыхъ, жалостнымъ образомъ распростертыхъ на землѣ? У одного голова была отрублена совсѣмъ, у другаго держалась только на кожѣ съ одной стороны; одинъ былъ перерубленъ пополамъ, у другого отсѣчены руки и ноги, у одного выколоты глаза, другой съ головы до ногъ разсѣченъ надвое. Да и кто могъ бы описать подробно все, что мы видѣли, убирая и погребая тѣла святыхъ? Двое еще живыхъ братьевъ лежали, тяжко страдая. Одинъ изъ нихъ, по имени Исаія, умеръ во второмъ часу ночи, другой же—Савва оставался живъ, и была надежда на его выздоровленіе, ибо раны его были не особенно тяжелыми. Онъ благодарилъ Бога за свои страданія, но скорбѣлъ, что не удостоился умереть вмѣстѣ со святыми отцами и съ плачемъ говорилъ:

— Горе мнѣ, грѣшному! Горе мнѣ, не вошедшему въ число святыхъ отцовъ, пострадавшихъ и умершихъ за Христа! Горе мнѣ,

непотребному рабу, отвергнутому въ одиннадцатый часъ[1]), стоявшему уже на порогѣ спасительнаго Царства Христова, но не вошедшему въ него!

Со слезами молился онъ Богу и говорилъ:

— Боже Вседержителю, ниспославшій для спасенія рода человѣческаго Своего Единороднаго Сына, единый и благій Человѣколюбецъ, не разлучай меня съ умершими прежде святыми отцами, но да восполнится чрезъ меня четыредесятное число ихъ! Соблаговоли на сіе, Господи Іисусе Христе, ибо я съ самаго рожденія былъ Твоимъ послѣдователемъ и Тебя единаго возлюбилъ!

Среди такой молитвы на четвертый день по избіеніи святыхъ отцовъ онъ и предалъ свой духъ въ руки Господни.

Когда мы еще скорбѣли и плакали, пришелъ къ намъ одинъ Измаильтянинъ[2]) и сообщилъ, что варварами перебиты всѣ подвижники, жившіе во внутренней пустынѣ, называемой Раиѳой[3]). Эта пустыня, находившаяся отъ насъ на разстояніи болѣе двухъ дней пути, лежала въ приморскихъ мѣстахъ, по берегу Чермнаго моря. Тамъ было двѣнадцать источниковъ воды и, какъ говорится въ книгѣ Числъ[4]), семьдесятъ финиковыхъ пальмъ, число которыхъ потомъ весьма увеличилось. Мы спрашивали этого человѣка, при какихъ обстоятельствахъ и сколько было избито отцовъ, но онъ ничего не могъ разсказать намъ объ этомъ, ибо и самъ онъ слышалъ отъ другихъ только то, что жившіе въ Раиѳѣ отцы избиты были всѣ безъ исключенія —отъ старшаго до младшаго. Спустя нѣсколько часовъ это извѣстіе подтвердилъ намъ и другой. А чрезъ нѣсколько дней пришелъ, чтобы поселиться на Синайской горѣ, одинъ изъ тамошнихъ иноковъ. Узнавъ о немъ, игуменъ Синайской горы, отецъ Дула, началъ тщательно разспрашивать его, желая въ подробности узнать о всемъ постигшемъ святыхъ отцовъ, также и о томъ, какимъ образомъ ему самому удалось спастись бѣгствомъ. Тогда инокъ разсказалъ слѣдующее:

— Я, отцы, не много жилъ съ ними —только около двадцати лѣтъ,—но были тамъ и такіе, которые жили подолгу: одни — по сорока лѣтъ, другіе—по шестидесяти, а нѣкоторые—и по семидесяти.

---

1) Ср.: Еванг. отъ Матѳ., гл. 20, ст. 6.

2) *Измаильтяне*—потомки Измаила, сына патріарха Авраама отъ Агари. (См. Кн. Бытія, гл. 25, ст. 12 и слѣд.).

3) *Раиѳа*—мѣсто близъ Фарана на восточномъ берегу Краснаго моря, на разстояніи двухъ дней пути отъ Синая.

4) Кн. Числъ, гл. 33, ст. 9.

Мѣстность эта весьма ровная и очень широкая; въ длину она простирается на семьдесятъ поприщъ, съ востока ограничена горою—какъ бы какою-либо стѣною—до самаго Чермнаго моря[1]). Тамъ обитало много отшельниковъ, которые, согласно апостольскому слову[2]), скитались по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущельямъ земли. У подошвы горы стояла церковь, въ которую еженедѣльно собирались эти поистинѣ небесные мужи. Живя на землѣ, они были похожи по душѣ и образу жизни на Ангеловъ. Тѣла свои они такъ изнуряли, какъ будто то были не ихъ тѣла, а чужія; души же они украшали не одною какою-либо добродѣтелью, но весьма многими. Желая изобразить ихъ страданія и смерть, вообще—все, причиненное имъ бѣсами искушеніе, не могу, возлюбленные, разсказать по порядку о всѣхъ ихъ добродѣтеляхъ. Но я передамъ вамъ объ одномъ или о двухъ отцахъ, и этого будетъ довольно для васъ, чтобы имѣть понятіе о жизни и всѣхъ прочихъ.

Былъ между ними одинъ старецъ, по имени Моисей. Происходя по рожденію изъ сосѣдней страны Фаранской[3]), онъ съ юности возлюбилъ иноческую жизнь. Онъ былъ настоятелемъ у жившихъ тамъ прежде отцовъ, пробывъ въ иночествѣ семьдесятъ три года. Живя въ одной пещерѣ, поблизости отъ монастыря, онъ поистинѣ былъ вторымъ Иліей Ѳесвитяниномъ[4]), ибо Господь подавалъ ему все, чего бы онъ ни просилъ у Него. Чудесными знаменіями и исцѣленіемъ всякихъ болѣзней онъ обратилъ въ христіанство всѣхъ жителей, находившихся въ предѣлахъ фаранскихъ, равно какъ и измаильтянъ, жившихъ въ этой странѣ. Видя чудеса и совершаемыя Моисеемъ исцѣленія, всѣ преисполнялись вѣрой во Христа и, принимая Крещеніе, вступали въ свя-

1) *Чермное,* или, такъ называемое, *Красное* море представляетъ собою длинный узкій проливъ Индѣйскаго моря, отдѣляющій Аравійскій полуостровъ отъ Египта и Азію отъ Африки.

2) Посл. къ Евр., гл. 11, ст. 38.

3) *Фаранъ*—пустыня и гористая страна между Палестиной, Египтомъ, Идумеей и Синайскимъ полуостровомъ. У горы Фарана явился Богъ въ Духѣ Святомъ, сошедшемъ на 70 старѣйшинъ Израилевыхъ (Кн. Числ., гл. 9, ст. 10—30); здѣсь же скрывался Давидъ отъ преслѣдованій Саула.

4) *Илія Ѳесвитянинъ*—славнѣйшій изъ Пророковъ ветхозавѣтныхъ, родомъ изъ Галилейскаго города *Ѳисви*—въ колѣнѣ Нефѳалимовомъ, ревностнѣйшій чтитель Бога Истиннаго и грозный обличитель нечестія и идолопоклонства во времена Ахава и Іезавели, прославившійся многими чудесами. Онъ удостоился бесѣдовать съ Богомъ на горѣ Хоривѣ (3 Кн. Цар., гл. 19); по чудесномъ переходѣ чрезъ Іорданъ на огненной колесницѣ взятъ живымъ на Небо, передавъ съ своею милотію даръ чудотворенія преемнику своему Елисею. Память св. Пророка Иліи—20 іюля.

тую Церковь Христову. Много святый отецъ исцѣлялъ и бѣсноватыхъ, ибо, по благодати Христовой, имѣлъ власть и надъ бѣсами. Съ самаго начала своей подвижнической жизни онъ ни разу не вкусилъ хлѣба, хотя и имѣлъ его въ небольшомъ количествѣ для странниковъ; этотъ хлѣбъ давали ему навѣщавшіе его египтяне. Самъ же онъ довольствовался нѣсколькими финиками и простой водой; изъ той же финиковой пальмы онъ приготовлялъ и одежду себѣ; время проводилъ въ строгомъ молчаніи—какъ никто другой, нарушая его лишь ради приходившихъ къ нему для исповѣданія своихъ помысловъ; такихъ онъ принималъ со вниманіемъ и кротостію. Спалъ онъ очень немного, да и то уже послѣ утренней службы, ночь же всю проводилъ безъ сна. Въ продолженіе всего Великаго Поста, до самаго Великаго Четверга, онъ не говорилъ ни съ кѣмъ. Во все это время пища его состояла приблизительно изъ двадцати финиковъ, питье—изъ одной кружки воды, и этого, по свидѣтельству его ученика, часто доставало ему до самыхъ Страстей Христовыхъ[1]). Однажды, Великимъ Постомъ, къ нему привели, для исцѣленія, Ведіана, начальника одного еѳіопскаго племени, который былъ одержимъ нечистымъ духомъ. Когда подошли къ келліи старца на разстояніе одного поприща, нечистый духъ повергъ Ведіана на землю и началъ восклицать:

— Горе мнѣ! Къ кому ведутъ меня! Ни на минуту не могъ я соблазнить и искусить этого человѣка!

Послѣ такихъ словъ онъ вышелъ изъ Ведіана, и тотъ тотчасъ выздоровѣлъ, увѣровавъ во Христа вмѣстѣ со многими другими, и потомъ удостоился Святаго Крещенія. Слѣдовало бы разсказать вамъ и многое другое объ этомъ праведникѣ, но по недостатку времени приходится умолчать. Онъ умеръ отъ руки напавшихъ на насъ варваровъ.

У этого дивнаго и блаженнаго отца былъ одноименный ему ученикъ, называвшійся тоже Моисеемъ. Будучи родомъ изъ Ѳиваидской страны[2]), онъ прожилъ при немъ въ безмолвіи сорокъ шесть лѣтъ, ни въ чемъ не отступая отъ правилъ своего отца, и былъ примѣромъ для прочихъ молодыхъ иноковъ. Вмѣстѣ съ нимъ первоначально жилъ и я, но потомъ, по причинѣ крайняго воз-

---

1) Т. е. до Утрени Великой Пятницы, когда воспоминаются *страсти*, т. е. страданія Христовы.

2) *Ѳиваида*—область знаменитаго въ древности египетскаго города Ѳивы; этимъ же именемъ назывался, по главному городу, и вообще весь верхній (южный) Египетъ.

держанія его, отдѣлился отъ него. Вмѣстѣ со святыми отцами и онъ былъ также убитъ. Весьма полезно было бы вспомнить и разсказать о жизни и добродѣтеляхъ каждаго изъ этихъ отцовъ. Но, за недостаткомъ времени, умолчавъ о прочихъ, я скажу лишь объ одномъ еще праведникѣ.

Былъ между ними одинъ отецъ, по имени Іосифъ, родомъ Аналитинъ. Живя отъ моря на разстояніи двухъ поприщъ, онъ построилъ себѣ своими руками жилище; онъ былъ человѣкъ святой жизни и поистинѣ мужъ мудрый и добродѣтельный. Онъ пробылъ на томъ мѣстѣ около тридцати лѣтъ; ученикъ его жилъ не вмѣстѣ съ нимъ, но недалеко отъ него въ другой келліи. Къ сему преподобному Іосифу пришелъ однажды за наставленіемъ одинъ изъ братій. Онъ постучалъ въ дверь, но, не слыша отвѣта, заглянулъ въ оконце и увидѣлъ старца стоящимъ посреди келліи какъ бы въ пламени съ головы до ногъ. Онъ упалъ отъ страха и лежалъ въ оцѣпененіи, какъ мертвый, до двухъ часовъ. Придя въ себя, онъ сѣлъ у дверей келліи. Погруженный въ богомысліе, старецъ не зналъ о случившемся. Въ пять часовъ братъ этотъ снова постучалъ. Старецъ впустилъ его и спросилъ:

— Когда ты, сынъ мой, пришелъ?

— Часа четыре или больше,—отвѣчалъ онъ,—прошло съ тѣхъ поръ, какъ я пришелъ, но не стучалъ до сихъ поръ, чтобы тебѣ, отче, не помѣшать.

Святый старецъ догадался, что братъ знаетъ о бывшемъ съ нимъ; ничего онъ не сказалъ ему объ этомъ и, давъ ему душеполезное наставленіе, съ миромъ отпустилъ его. Но, по уходѣ этого брата, дивный старецъ, боясь человѣческой славы, оставилъ свою келлію и скрылся. Спустя нѣсколько дней ученикъ его Геласій, придя въ келлію старца, уже не нашелъ его. Сколько потомъ онъ ни искалъ его въ той пустынѣ, всѣ поиски его оставались тщетными. Съ горькими слезами возвратился онъ въ келлію старца и поселился въ ней, чтобы хотя въ этомъ найти утѣшеніе для своей души.

Прошло шесть лѣтъ, и вотъ однажды, въ девятомъ часу дня, кто-то постучался въ двери келліи. Выйдя, Геласій вдругъ увидалъ своего авву, стоящимъ около келліи. Изумленный неожиданному появленію его, онъ подумалъ, не духъ ли это, но все же радостно сказалъ ему:

— Сотвори, отецъ мой, молитву.

Старецъ сотворилъ молитву, поцѣловался съ ученикомъ и потомъ сказалъ ему:

— Хорошо ты сдѣлалъ, сынъ мой, что сначала попросилъ о молитвѣ, ибо многоразличны бываютъ козни діавола.

Братъ сказалъ ему:

— Почему захотѣлъ ты уйти отъ отцовъ и оставить меня, своего сына,—и вотъ я до сихъ поръ былъ въ горѣ и слезахъ?

— Сынъ мой!—отвѣчалъ старецъ.—Почему я уходилъ, сіе вѣдаетъ одинъ Богъ. Однако знай, что на самомъ дѣлѣ до этого самаго времени я не покидалъ ни сего мѣста, ни тебя, и не было ни одной недѣли, въ которую я не причащался бы въ церкви, вмѣстѣ съ отцами, Святыхъ Безсмертныхъ Таинъ Христа—Бога нашего.

Братъ очень удивился, что старецъ жилъ среди нихъ и никто не видѣлъ его.

— Зачѣмъ же ты, отецъ мой, теперь пришелъ ко мнѣ, сыну твоему? — спросилъ онъ.

Старецъ отвѣчалъ:

— Уже настало, сынъ мой, время моей смерти, и я пришелъ, чтобы ты похоронилъ меня.

Преподавъ брату много душеполезныхъ наставленій и утвердивъ его въ благочестіи, старецъ поднялъ къ Небу свои руки, помолился о немъ и потомъ съ миромъ почилъ о Господѣ. Тотчасъ же, послѣ того, какъ братъ разсказалъ намъ объ этомъ, мы собрались съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ и съ пѣснопѣніями перенесли его въ церковь, причемъ лицо почившаго сіяло, какъ въ древности—у пророка Моисея [1]). Мы похоронили его вмѣстѣ съ почившими раньше святыми и божественными отцами. Много и другаго я могъ бы еще разсказать вамъ, но не буду, ибо уже пора приступить къ разсказу о варварахъ: я вижу, что вы хотите знать, какъ они перебили святыхъ отцовъ.

Такъ добродѣтельны были эти блаженные отцы, которые, живя въ полной нищетѣ, твердо претерпѣвали ради Господа всякія скорби и непрестанно пребывали въ молитвѣ и богомысліи. Всѣхъ насъ жило тамъ сорокъ три человѣка. И вотъ однажды пришли къ намъ двое какихъ-то людей и сообщили, что изъ Еѳіопской страны приплыло чрезъ море на кораблѣ множество варваровъ.

---

[1]) Кн. Исх., гл. 34, ст. 29—30, 35.

— Они схватили насъ, когда мы плыли на лодкѣ,—говорили пришельцы,—взяли въ плѣнъ и стали говорить:«Покажите намъ дорогу къ городу, и мы пощадимъ за это вашу жизнь». Мы, противъ своей воли, должны были дать обѣщаніе, но сами стали выжидать, не подуетъ ли южный вѣтеръ, чтобы намъ уплыть отъ нихъ. Съ Божіею помощію, намъ удалось ночью спастись на лодкѣ изъ ихъ рукъ. И вотъ мы предупреждаемъ васъ, чтобы вы побереглись на нѣкоторое время,—какъ бы эти варвары не открыли вашего убѣжища и не перебили васъ; ихъ триста человѣкъ.

Узнавъ объ этомъ, мы поставили при морѣ сторожей, чтобы тѣ извѣстили насъ, когда увидятъ корабль. Сами же мы собрались на Всенощную службу и молились, чтобы Господь послалъ намъ то, что служитъ на пользу душамъ нашимъ.

Въ первомъ часу ночи показался корабль съ поднятыми парусами, который направлялся къ намъ. Жившіе въ Фаранѣ міряне приготовились къ битвѣ, чтобы защищать своихъ женъ и дѣтей. Ихъ было двѣсти человѣкъ, не считая женщинъ и дѣтей. Мы же собрались въ свою, обнесенную оградою, церковь. Корабль съ варварами, достигнувъ, подъ управленіемъ кормчихъ, пристани, оставался въ продолженіе ночи у западнаго берега, подъ прикрытіемъ горы, близъ источниковъ. При наступленіи утра варвары, связавъ кормчихъ, удалили ихъ, оставивъ на кораблѣ только одного, а чтобы онъ не уплылъ съ кораблемъ, они оставили для надзора за нимъ своего товарища. Высадившись у источниковъ, они вступили въ бой съ мѣстными жителями, и съ обѣихъ сторонъ было пущено очень много стрѣлъ. Варвары, будучи болѣе опытными въ стрѣльбѣ, побѣдили и обратили жителей въ бѣгство, перебивъ изъ нихъ сто сорокъ семь человѣкъ; остальные же убѣжали—кто куда могъ, причемъ женъ и дѣтей ихъ нечестивые варвары захватили себѣ. Послѣ этого они бросились, какъ дикіе звѣри, на нашу, упомянутую выше, ограду, разсчитывая найти у насъ много золота. Окруживъ стѣны ограды, они начали громко поносить насъ, намѣреваясь устрашить своими свирѣпыми криками. Среди такого бѣдствія и горя мы не знали, что дѣлать,—только плакали и взывали къ Богу. Одни изъ насъ переносили эту скорбь мужественно, другіе плакали, иные же молились и благодарили Бога; всѣ же вмѣстѣ, утѣшая другъ друга, восклицали:

— Господи, помилуй!

Настоятель нашъ, святый Павелъ, сталъ среди церкви и сказалъ намъ:

— Отцы и братія! Послушайте меня, грѣшнаго и недостойнѣйшаго изъ всѣхъ. Всѣмъ вамъ хорошо извѣстно, что мы по любви къ Господу нашему Іисусу Христу удалились изъ суетнаго міра и, пребывая въ этой суровой пустынѣ, удостоились понести Его благое иго въ голодѣ, жаждѣ и крайней нищетѣ. Всяческую земную суету презрѣли мы, чтобы удостоиться участія въ Небесномъ Царствѣ Его, и ничего другаго мы не желаемъ, какъ чтобы постигла насъ сейчасъ смерть. Зачѣмъ же намъ предаваться печали и скорбѣть, если нашъ Владыка хочетъ скорѣе освободить насъ отъ этой суетной жизни и взять къ Себѣ? Не радоваться ли намъ дòлжно, напротивъ? Радоваться и благодарить Господа должны мы, но отнюдь не унывать! Что можетъ быть для насъ болѣе любезнаго и сладостнаго, какъ созерцать славу Господню и видѣть Его святый Божественный Ликъ? Отцы и братія! Вспомните, какъ мы всегда величали и прославляли святыхъ мучениковъ, жившихъ прежде насъ, какъ, разсказывая другъ другу о страданіяхъ ихъ за Имя Христово, пылали желаніемъ послѣдовать имъ. Вотъ, наконецъ, время настало, и наше желаніе—пребывать вмѣстѣ съ ними въ будущей жизни—исполняется. Посему не унывайте, не скорбите и не бойтесь, но соберите всѣ свои силы и ободритесь, съ твердостію примите смерть, и Богъ съ любовію приметъ васъ въ Свое Царство.

Иноки единогласно отвѣчали:

— Какъ ты сказалъ, честны́й отецъ, такъ мы и поступимъ, ибо что̀ воздади́мъ гдⷭ҇еви ѡ҆ всѣ́хъ, ꙗ҆̀же возда́стъ на́мъ; ча́шꙋ спⷭ҇се́нїѧ прїи́мемъ и҆ и҆́мѧ гдⷭ҇не призове́мъ [1]).

Ставъ лицемъ къ востоку и поднявъ руки къ Небу, святый отецъ нашъ возгласилъ:

— Господи Іисусе Христе, Боже Вседержителю, упованіе и помощь наша! Не забудь насъ, Своихъ недостойныхъ рабовъ, но вспомни о нашемъ бѣдствіи и нашей скорби, ибо весьма прискорбна душа наша. Укрѣпи насъ въ этотъ часъ бѣдствія нашего, прими съ благоволеніемъ, какъ пріятную жертву, наши души, ибо Тебѣ подобаетъ слава и честь, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ.

---

[1]) Ср.: Псаломъ 115, ст. 3 и 4.

ПРО́ВНІИ О́ТЦЫ̀ ВЪ СІНА́И И РАІ́ѦѢ И́ЗВІЕ́ННІИ

И лишь только успѣли всѣ сказать: «аминь», тотчасъ же изъ святаго алтаря во всеуслышаніе раздался Голосъ:

— **Прїиди́те ко мнѣ̀ всѝ трꙋжда́ющїисѧ и҆ ѡ҆бремене́ниїи, и҆ а҆́зъ ᲂу҆поко́ю вы̀** [1]).

Страхъ и ужасъ напали на насъ отъ этого Голоса, у всѣхъ ослабѣли колѣна и сердца, ибо хотя духъ и бодръ, какъ сказалъ Господь [2]), плоть же немощна; такъ что мы уже отчаялись въ своей жизни и только обращали лица наши къ Небу. Между тѣмъ варвары, не встрѣчая никакого сопротивленія, перелѣзли, съ помощію длинныхъ бревенъ, чрезъ стѣны нашей ограды. Открывъ двери, они ворвались внутрь, съ обнаженными мечами въ рукахъ, подобно дикимъ волкамъ и хищнымъ звѣрямъ. Въ дверяхъ церкви сидѣлъ одинъ святый, почтеннаго вида, старецъ, по имени Іеремія. Схвативъ его, они стали требовать:

— Укажи намъ вашего начальника!

Старецъ, нисколько не смутившись при видѣ ихъ свирѣпыхъ лицъ и обнаженныхъ мечей въ рукахъ, посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ:

— Что вы устрашаете меня, враги Христовы? Ничего не скажу я вамъ о томъ, о чемъ вы меня спрашиваете.

Стоялъ тамъ поблизости и настоятель. Варвары удивились смѣлости этого мужа,—что онъ не только не боится ихъ, но еще болѣе раздражаетъ. Удивленіе ихъ перешло потомъ въ ярость. Они связали ему руки и ноги, поставили его посреди себя обнаженнымъ и стали пускать въ него стрѣлы. Все тѣло праведника было изранено стрѣлами. Возставъ, такимъ образомъ, мужественно на діавола и сокрушивъ главу змія, онъ прежде всѣхъ сподобился мученическаго вѣнца и показалъ примѣръ страданія старымъ и молодымъ.

Вслѣдъ за этимъ вышелъ къ варварамъ и святый отецъ нашъ Павелъ и, указывая на себя перстомъ, воскликнулъ:

— Вотъ я, кого вы ищете!

И мужественный рабъ Христовъ безбоязненно предалъ себя врагамъ. Онъ не хотѣлъ и думать о тѣхъ ранахъ и мукахъ, которыя причинятъ ему нечестивцы, прежде чѣмъ умертвятъ его.

— Скажи намъ,—гдѣ у тебя спрятано золото?—спросили они.

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 11, ст. 28.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 26, ст. 41.

Онъ отвѣчалъ имъ тихо и кротко, какъ всегда привыкъ говорить:

— Повѣрьте мнѣ, что ничего земного я не пріобрѣлъ во всю свою жизнь, кромѣ этихъ ветхихъ одеждъ, которыя вы видите на моемъ тѣлѣ.

При этомъ, взявъ въ руку одежды, онъ показывалъ ихъ.

Тогда варвары изранили стрѣлами все тѣло его и пробили голову камнемъ, приговаривая: «Отдай свое богатство». Не достигши ничего, послѣ долгихъ истязаній они разрубили ему голову надвое, такъ что половины головы повисли на плечахъ: одна — въ одну сторону, другая—въ другую. Получивъ множество и другихъ ранъ, онъ лежалъ мертвымъ у ногъ убитаго ранѣе отца—второй, послѣ него, побѣдитель діавола. Я же, недостойный, при видѣ мучительной смерти святыхъ, ихъ крови и распростертыхъ на землѣ тѣлъ испугался и сталъ искать мѣста, чтобы скрыться и потомъ спастись бѣгствомъ. Замѣтивъ, что по лѣвую сторону отъ церкви лежатъ сучья финиковой пальмы, я побѣжалъ туда и, пока варвары были заняты истязаніемъ святаго отца нашего Павла, успѣлъ спрятаться подъ ней. При этомъ я думалъ, что со мной непремѣнно будетъ одно изъ двухъ: или я скроюсь здѣсь и избавлюсь отъ смерти, или меня найдутъ здѣсь и убьютъ вмѣстѣ съ отцами. Нечестивые варвары, оставивъ двухъ упомянутыхъ отцевъ, когда тѣ умерли, ворвались въ церковь; неистово крича и размахивая мечами, они бросились на отцовъ и безпощадно перебили всѣхъ безъ исключенія, отъ стараго до малаго».

Разсказывая намъ объ этомъ, инокъ горько плакалъ и рыдалъ; его разсказъ,—передаетъ Аммоній,—вызвалъ и съ нашей стороны громкій плачъ и рыданіе. Плакали всѣ много. Слезы, подобно ручьямъ, струились изъ нашихъ очей и омочали наши одежды.

«О братія, — продолжалъ со слезами этотъ инокъ свой разсказъ,—какъ мнѣ изобразить или какъ описать все горестное, что видѣли глаза мои! Былъ тамъ одинъ великій отецъ, по имени Адамъ. У него былъ молодой ученикъ Сергій, лѣтъ пятнадцати. Съ младенческаго возраста онъ воспитывалъ его, поучая иноческой жизни и борьбѣ съ бѣсами. Варвары сжалились надъ красотой и молодостью Сергія и не умертвили его. Они вывели его за руку вонъ и хотѣли взять съ собою. Юноша, видя, что его не хотятъ убивать вмѣстѣ съ отцами и братіями, но что онъ долженъ сопутствовать нечестивымъ варварамъ, горько плакалъ и рыдалъ. Потомъ,

воспылавъ духомъ и отбросивъ всякій страхъ, онъ смѣло подбѣжалъ къ варвару и, выхвативъ у него мечъ, ударилъ имъ въ плечо одного варвара; онъ хотѣлъ возбудить этимъ противъ себя злобу варваровъ, чтобы они убили его. Желаніе его исполнилось. Обезумѣвъ отъ злобы, варвары изрубили его въ куски. Подъ ударами мечей онъ улыбался и говорилъ:

— Благословенъ Господь, Который не предалъ насъ живыми въ руки грѣшниковъ,—и потомъ почилъ о Господѣ.

Я видѣлъ все это и молилъ всемилостиваго и человѣколюбиваго Бога, чтобы нечестивые варвары не замѣтили меня и чтобы, такимъ образомъ, было кому похоронить тѣла святыхъ.

Тѣла убитыхъ святыхъ отцовъ наполняли кровію всю святую церковь. Они приняли смерть безъ страха и скорби, радуясь и благодаря Бога за свою участь. Мысли ихъ были обращены къ своему Владыкѣ. Чрезъ праведную жизнь они содѣлали себя храмами для Святаго Духа. Презрѣвъ прелесть и суету мірскую, они послѣдовали одному Богу и, наконецъ, умерли за Имя Его среди разнаго рода мученій.

Между тѣмъ варвары, перебивъ отцовъ, стали объискивать весь монастырь, разсчитывая найти въ немъ много всякихъ богатствъ. Нечестивцы не знали, что святые отцы не заботились о пріобрѣтеніи ничего земнаго, но, живя во плоти, были подобны Ангеламъ.

Пока все это происходило, я, хотя не имѣлъ на себѣ ни одной капли крови, лежалъ, однако, какъ мертвый. Я боялся, что варвары, ища сокровищъ, могутъ приподнять сучья. Часто я высматривалъ изъ-подъ нихъ и ждалъ, когда, наконецъ, придутъ ко мнѣ и, найдя, убьютъ меня, какъ прочихъ. Смерть стояла предъ глазами моими, и я молилъ Бога спасти меня, если сіе угодно Ему. Дѣйствительно, варвары подошли къ сучьямъ, но Богъ ослѣпилъ ихъ сердца и глаза: вещь эта показалась имъ нестоющей вниманія, и они ушли. Затѣмъ, оставивъ мертвыхъ святыхъ отцовъ и не найдя никакой добычи, они снова возвратились къ пристани, чтобы отправиться моремъ въ свой путь. Но когда они пришли на мѣсто, то нашли свой корабль разбитымъ, ибо оставленный для охраны корабля кормчій перерѣзалъ, тайно отъ бывшаго съ нимъ варвара, веревку корабля. Вѣтеръ прибилъ корабль къ берегу, и онъ разбился объ него, кормчій же, убивъ варвара, убѣжалъ и скрылся въ горахъ. Потерявъ корабль, варвары не знали, что имъ дѣлать и какъ возвратиться въ свою землю. Въ

отчаяніи и свирѣпой злобѣ они бросились съ мечами на своихъ плѣнниковъ и перебили ихъ всѣхъ, не исключая женщинъ и дѣтей, потомъ развели огонь и пожгли всѣ финиковыя деревья.

Между тѣмъ изъ города Фарана пришло множество отборныхъ воиновъ, числомъ до шестисотъ, ибо до нихъ уже дошелъ слухъ объ избіеніи святыхъ отцовъ въ Раиѳѣ. Узнавъ объ этомъ, варвары приготовились къ битвѣ и, съ восходомъ солнца, вступили на берегу моря въ бой съ пришедшими. Съ обѣихъ сторонъ было пущено множество стрѣлъ, причемъ фаранскіе жители, какъ болѣе многочисленные, стали одерживать верхъ и перебили уже много варваровъ. Такъ какъ для послѣднихъ не было надежды на спасеніе, то они защищались и держались до девятаго часа. Ими было убито восемьдесятъ четыре фаранскихъ жителя, не считая многихъ раненыхъ. Варвары же пали всѣ поголовно, отнюдь не сдаваясь врагамъ и не сходя съ своего мѣста. Пока это происходило, я, собравшись понемногу съ духомъ, выползъ изъ мѣста, въ которомъ скрывался. Когда я ощупалъ тѣла убитыхъ святыхъ, то оказалось, что умерли уже всѣ, кромѣ лишь троихъ: Домна, Андрея и Оріона. Изъ нихъ Домнъ мучился жестоко отъ тяжкой раны въ боку. Андрей, хотя имѣлъ и много ранъ, но не очень тяжелыхъ, почему и остался живъ. Оріонъ же совсѣмъ не былъ раненъ. Варваръ ударилъ его мечомъ въ правый бокъ, и мечъ, совсѣмъ не коснувшись его тѣла, вышелъ чрезъ одежду съ лѣвой стороны. Варваръ, думая, что Оріонъ убитъ, оставилъ его и обратился къ другимъ; Оріонъ же легъ между убитыми и лежалъ какъ мертвый. Вставъ теперь, онъ обходилъ вмѣстѣ со мною тѣла святыхъ, плача и рыдая о постигшемъ ихъ бѣдствіи.

Послѣ этого фаранскіе жители, оставивъ тѣла варваровъ у морскаго берега на растерзаніе звѣрямъ и хищнымъ птицамъ, собрали тѣла своихъ друзей и съ плачемъ похоронили ихъ подъ навѣсомъ горы, гдѣ были источники. Потомъ они возвратились къ намъ; пришелъ съ ними и князь ихъ Ведіанъ, котораго, какъ раньше было сказано, преподобный Моисей исцѣлилъ отъ бѣснованія. Войдя вмѣстѣ съ нимъ въ церковь, мы рыдали, били себя въ грудь и горько плакали, видя стадо Христово поверженнымъ на землю,—подобно овцамъ, растерзаннымъ звѣрями. Почтенные старцы, украшенные честными сѣдинами, казались юными, подобно Ангеламъ, ибо добродѣтельность ихъ жизни сіяла на ихъ лицахъ, какъ свѣтъ утренней зари. Рабы и мученики Христовы лежали,

покрытые страшными и тяжкими ранами: одинъ имѣлъ рану отъ плеча до живота, другой лежалъ перерубленный пополамъ; у одного была отсѣчена голова, у другого выколоты глаза, третьему отрубили руки и ноги, четвертому въ сердце вонзилось копье. Такъ скончались они всѣ съ различными ранами на своихъ тѣлахъ. При жизни они всегда носили въ тѣлѣ мертвость Господа Іисуса, чтобы и жизнь Іисусова открылась въ тѣлѣ ихъ[1]). Послѣ богоугодно проведенной жизни они просвѣтились при кончинѣ своею кровію и причислились чрезъ то къ сонму святыхъ.

Мы собрали тѣла святыхъ въ одно мѣсто. Благочестивый князь Ведіанъ принесъ, вмѣстѣ съ другими, изъ Фарана свѣтлыя одежды, и мы похоронили тридцать девять святыхъ отцовъ. Всѣ, кто оказался тамъ въ то время, взяли вербы и финиковыя вѣтви и понесли честныя мощи святыхъ съ пѣніемъ Псалмовъ, вмѣстѣ—и съ горькими слезами. Ихъ похоронили всѣхъ вмѣстѣ, кромѣ лишь Домна. Вышеупомянутый же Домнъ, по происхожденію римлянинъ, былъ еще живъ; къ вечеру же и онъ почилъ о Господѣ. Его похоронили рядомъ со святыми отцами. Святые мученики Христовы скончались четырнадцатаго числа мѣсяца января, въ девятомъ часу дня. Отецъ Андрей и отецъ Оріонъ колебались, не зная, на что рѣшиться—оставаться ли тамъ, или уходить. Я же не могъ вынести печали и запустѣлаго вида этого мѣста, не могъ осилить слезъ объ убитыхъ отцахъ, и вотъ пришелъ къ вамъ, хотя благочестивый Ведіанъ и уговаривалъ меня остаться тамъ, обѣщая часто посѣщать меня и приносить намъ все нужное. Прошу васъ, отцы, въ свою очередь, разсказать мнѣ о всемъ, случившемся здѣсь, подобно тому какъ сами подробно узнали отъ меня обо всемъ».

— Мы,—говоритъ Аммоній,—разсказали ему обо всемъ, что произошло здѣсь, и дивились чуднымъ судьбамъ Божіимъ,—какъ въ одинъ день и въ одно число и тамъ, и здѣсь были убиты святые отцы,—и снова всѣ вмѣстѣ стали плакать и рыдать. Преподобный отецъ нашъ Дула всталъ и сказалъ:

— Возлюбленные мои! Святые мученики, какъ избранные рабы Христовы, поистинѣ удостоились теперь, когда запечатлѣли свои подвиги мученическимъ вѣнцомъ, блаженства въ Царствѣ Небесномъ, великой славы и чести. Мы же, уцѣлѣвшіе отъ недавняго бѣдствія, позаботимся о себѣ и будемъ просить ихъ молитвъ за

---

1) Ср.: 2-е Посл. къ Коринѳ., гл. 4, ст. 10.

насъ ко Господу, чтобы и намъ унаслѣдовать вмѣстѣ съ ними Царство Небесное; теперь же вознесемъ благодарственное пѣніе Богу, спасшему насъ отъ руки варваровъ.

Такими словами онъ ободрилъ всѣхъ насъ, обратилъ въ радость печаль нашихъ сердецъ и утѣшилъ наши души.

Я, грѣшный Аммоній, съ помощію Божіею возвратился въ Египетъ и написалъ разсказъ обо всемъ этомъ. Я не пошелъ уже снова на прежнее мѣсто, называемое Ка́ново, но поселился въ небольшой келліи близъ Мемфія[1]). Живя въ ней, часто съ благоговѣніемъ я вспоминаю о мученіяхъ и подвигахъ преподобныхъ мучениковъ Христовыхъ. Вмѣстѣ съ ними да подастъ Господь и намъ удостоиться участія въ Его Небесномъ Царствѣ и насладиться неизреченными и нетлѣнными благами со всѣми любящими Его, ибо Ему подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, со Безначальнымъ Его Отцемъ, и Всесвятымъ и Благимъ и Животворящимъ Его Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

Тропа́рь, гла́съ д҃:

Еже ѻ҆те́цъ на́шихъ, творѧ́й при́сиѡ съ на́ми по твое́й кро́тости, не ѿста́ви ми́лость твою̀ ѿ на́съ, но мл҃твами и҆́хъ въ ми́рѣ ѹ҆пра́ви живо́тъ на́шъ.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Ѡ мі́рскіѧ молвы̀ и҆збѣго́сте, и҆ къ ти́хомꙋ приста́нищꙋ преста́вистесѧ, мꙋ́ченичества кровьми̇̀, и҆ по́стничества трꙋда́ми вѣнча́еми. тѣ́мже и҆ показа́стесѧ мч҃нкѡвъ и҆ прп҃бныхъ є҆диновсе́льницы.

---

[1]) *Мемфій*, или *Мемфисъ*,—древняя могущественная столица Египта; находился въ среднемъ Египтѣ у Нила между главной рѣкой и ея притокомъ, омывавшимъ западную сторону города.

ВТОРОЕ ИЗБІЕНІЕ

ПРЕПОДОБНЫХЪ ОТЦОВЪ

въ Синаѣ и Раиѳѣ

Прошло много лѣтъ послѣ перваго избіенія преподобныхъ отцовъ Синайскихъ, и снова, во дни преподобнаго Нила Постника[1]), варвары напали на Синайскую гору. Они кочевали въ пустынѣ, простиравшейся отъ Чермнаго моря, между Аравіей и Египтомъ, до Іордана, и проживали не въ городахъ и домахъ, но въ шатрахъ. Переходя съ мѣста на мѣсто, они останавливались станомъ на болѣе продолжительное время тамъ, гдѣ находили хорошую воду и пастбище для своего скота. Средства къ жизни они добывали не какимъ-либо ремесломъ, или торговлей, или земледѣліемъ, но—охотой на звѣрей, главнымъ же образомъ—разбоемъ. Вооруженные мечами, луками и копьями, они только тѣмъ и занимались, что нападали на чужія селенія и производили разбой по дорогамъ.

Преподобные отцы, избравшіе себѣ, для Бога, уединенную жизнь въ Синайской пустынѣ, жили одни въ пещерахъ и каменныхъ ущельяхъ, другіе—въ небольшихъ келліяхъ, выстроенныхъ вблизи водныхъ источниковъ, иные же—при церкви. Питались они сырыми кореньями и финиками, равно какъ и овощами, встрѣчавшимися въ той мѣстности. Рѣдко кто изъ нихъ вкушалъ хлѣба, ибо они проводили жизнь въ великомъ воздержаніи и строгомъ постѣ: одинъ изъ нихъ вкушалъ пищу чрезъ день, два, или три дня, а были и такіе, которые подкрѣпляли пищей свою немощную плоть только одинъ разъ въ недѣлю. Жизнь всѣхъ ихъ была подобна ангельской. Какъ бы забывая о своемъ тѣлѣ, они заботились о душѣ своей и думали только о томъ, чтобы угодить Господу. Они служили Ему усердно и пламенно, славословя Его день и ночь. Непрерывно молясь и воспѣвая Псалмы, они всѣ въ воскресный день собирались въ церковь и, проведя всю ночь въ молитвѣ, причащались поутру Божественныхъ Таинъ и потомъ, снова разошедшись по своимъ келліямъ, пребывали въ безмолвіи.

---

[1]) Память преподобнаго Нила Постника—12-го ноября.

Былъ между ними и преподобный Нилъ Постникъ. Ранѣе онъ занималъ мѣсто епарха[1]) въ Царьградѣ и, живя въ честно́мъ супружествѣ, имѣлъ двоихъ дѣтей. Потомъ, по согласію съ своей женой, онъ оставилъ міръ: супруга Нила съ дочерью удалилась въ Египетъ и тамъ, въ одномъ изъ женскихъ монастырей, воспріяла иноческій образъ. А блаженный Нилъ съ сыномъ своимъ Ѳеодуломъ удалился на Синайскую гору; здѣсь онъ былъ очевидцемъ причиненнаго варварами бѣдствія и впослѣдствіи описалъ это избіеніе святыхъ отцовъ. Живя на горѣ, преподобный Нилъ имѣлъ обыкновеніе посѣщать отцовъ, проживавшихъ въ окрестностяхъ. Однажды онъ спустился, вмѣстѣ съ сыномъ, съ горы и пришелъ къ отцамъ, которыхъ засталъ за общей трапезой. Пресвитеръ тамошній, блаженный Ѳеодулъ, сказалъ, между прочимъ, во время трапезы:

— Кто знаетъ, придется ли намъ еще разъ до смерти собраться всѣмъ вмѣстѣ за этой трапезой?

Такъ сказалъ онъ, провидя духомъ близкое бѣдствіе. На другой день послѣ Утрени варвары неожиданно напали на святое мѣсто. Подобно неистовымъ псамъ, они окружили обитель и, потрясая воздухъ дикими криками, старались привести въ страхъ находившихся въ ней. Потомъ они бросились къ кладовымъ, гдѣ было собрано для постниковъ немного пищи и хранились на зимнее время сушеные овощи—для подкрѣпленія иноковъ среди великихъ ихъ трудовъ. Прежде всего варвары разграбили эту пищу, потомъ устремились къ церкви, въ которой собрались отцы, вывели изъ нея всѣхъ вонъ, сорвали съ нихъ ветхія одежды и преклонныхъ лѣтами старцевъ поставили нагими въ рядъ, чтобы удобнѣе было убивать ихъ. Блаженному Ѳеодулу, пресвитеру святаго мѣста, который наканунѣ сдѣлалъ предсказаніе о смерти, они приказали первому наклонить голову подъ мечъ; два, свирѣпаго вида, варвара стали съ обнаженными мечами по сторонамъ его. Наклонившись подъ мечомъ, онъ не обнаруживалъ никакого страха, лишь тихо сказалъ:

— Благословенъ Господь!

Оба варвара, одинъ за другимъ, ударили его, одна рана была отъ хребта и до челюсти, другая— отъ плеча до груди; праведникъ упалъ на землю. Послѣ этого взяли и умертвили и другаго

---

[1]) *Епархъ*—начальникъ города или области.

старца, который жилъ вмѣстѣ съ пресвитеромъ. У тамошняго пресвитера былъ въ услуженіи одинъ отрокъ; ему варвары приказали подбирать разсыпанные плоды, причемъ они показывали видъ, будто бы хотятъ пощадить его какъ пригоднаго для услуженія. Когда же онъ нагнулся и сталъ подбирать плоды, одинъ изъ стоявшихъ позади варваровъ, извлекши незамѣтно мечъ, нанесъ отроку жестокій ударъ и умертвилъ его.

Когда происходило избіеніе и другихъ отцовъ, нѣкоторые изъ варваровъ, очевидно—по особому воздѣйствію на нихъ Божію, дали рукою знакъ прочимъ инокамъ, чтобы они бѣжали. Тѣ, которые были покрѣпче тѣлесными силами и могли бѣжать, дѣйствительно побѣжали, направляясь чрезъ долину къ малодоступной для варваровъ горѣ. Собравъ свои силы, побѣжалъ съ ними и блаженный Нилъ и, такимъ образомъ, избавился отъ смерти. Сынъ же его Ѳеодулъ остался въ рукахъ варваровъ. Такъ какъ онъ былъ весьма красивъ лицомъ, то они не убили его, а, связавъ, взяли съ собою съ тѣмъ, чтобы принести его въ жертву утренней зарѣ, которую почитали вмѣсто Бога. Не зная Истиннаго Бога, они не поклонялись и идоламъ, не почитали никого изъ языческихъ боговъ; они служили лишь утренней зарѣ и всегда отдавали ей въ жертву лучшую добычу, чаще же всего закалали въ честь ея наиболѣе красивыхъ изъ плѣнныхъ юношей, для каковой цѣли они пощадили и сына преподобнаго Нила.

Разграбивъ и другія, находившіяся по сосѣдству, иноческія обители и перебивъ въ разныхъ мѣстахъ много святыхъ отцовъ, варвары ушли.

Нилъ Постникъ, взирая съ вершины горы на отведеніе въ плѣнъ сына и на жестокую смерть преподобныхъ отцовъ, безутѣшно рыдалъ и съ плачемъ говорилъ:

— О блаженные, трижды блаженные отцы! Гдѣ теперь труды вашего воздержанія? Гдѣ непрерывное перенесеніе скорбей? Получили ли вы вѣнецъ за многіе подвиги ваши? Это ли награда за долговременное иночество? Неужели вы тщетно проходили предлежавшій вамъ путь? Справедливо ли терпѣть за добродѣтель бѣдствіе?—Ибо Промыслъ Божій оставилъ васъ безъ помощи, когда убивали васъ, правда не защитила вашей невинности противъ убійцъ, но нечистая рука возмогла вооружиться на святыя тѣла, и нечестіе можетъ хвалиться, что оно побѣдило. Какъ не возжгла купина своего древняго пламени и не попалила беззакон-

никовъ [1])? Какъ земля не раскрыла своихъ устъ и не поглотила ихъ, какъ нѣкогда—Корея со всѣми его единомышленниками [2])? Какъ не возгремѣли раздававшіеся нѣкогда съ Синая страшные трубные звуки, молніи и громы [3]), которые устрашили бы нечестивыхъ?—Но замедлило возмездіе Всемогущаго: ни убійцъ не поразилъ Онъ свыше, ни убиваемыхъ не избавилъ всесильною рукою,—чтобы варвары познали, при видѣ чудесъ, непобѣдимую силу Божію. Такъ безпомощно, подобно безсловеснымъ жертвамъ, пали святые отцы среди купины [4]), на той самой горѣ, съ которой былъ данъ Законъ. Гдѣ была тогда та сила, которая потопила въ морѣ египтянъ и приготовила имъ гробъ на днѣ моря [5])? Та сила, что побила каменнымъ градомъ враговъ израильтянъ и дала побѣду своему народу безъ крови и труда [6])? Гдѣ скрылъ Свою помощь Всевышній, заградившій пасти львовъ, чтобы они не причинили вреда Даніилу [7]), и угасившій для вавилонскихъ отроковъ силу огня, чтобы сдѣлать чрезъ то явнымъ благочестіе ихъ [8])? Какъ же Онъ могъ скрыть добродѣтель сихъ рабовъ Своихъ, оставивъ ихъ беззащитными, какъ будто бы они вовсе не заслуживали Его помощи?

Блаженный говорилъ такъ по причинѣ сердечной боли и великой скорби. Душа, пораженная тяжкими страданіями, склонна бываетъ иногда говорить многое безъ размышленія; ибо помощь Божія нерѣдко оставляетъ праведниковъ, отдавая ихъ подъ власть мучителей на разнаго рода мученія и неповинную смерть, и это съ тою цѣлію, чтобы добродѣтель ихъ явилась очищенною подобно золоту, вѣра ихъ возсіяла подобно свѣтильнику, и чтобы они сподобились тѣмъ большей награды на Небесахъ. Несомнѣнно, и сіи преподобные, вмѣстѣ съ избіенными ранѣе отцами, причислены къ лику святыхъ мучениковъ и нынѣ прославляются во Царствіи Христовомъ.

При наступленіи вечера преподобный Нилъ и другіе, спасшіеся вмѣстѣ съ нимъ, осмѣлились сойти съ горы, чтобы предать

---

1) Кн. Исх., гл. 3, ст. 2.

2) Кн. Числ., гл. 16, ст. 32.

3) Кн. Исх., гл. 19, ст. 16.

4) *Купина*—терновый кустарникъ, отъ котораго получила названіе и покрытая имъ гора *Синай*.

5) Кн. Исх., гл. 14, ст. 28.

6) Кн. Іис. Нав., гл. 10, ст. 11.

7) Кн. Прор. Дан., гл. 6, ст. 16.

8) Кн. Прор. Дан., гл. 3, ст. 24.

погребенію тѣла перебитыхъ святыхъ. Преподобнаго Ѳеодула пресвитера они нашли еще дышащимъ и едва могущимъ говорить. Они сидѣли возлѣ него въ теченіе всей ночи и плакали. Старецъ же говорилъ имъ:

— Не смущайтесь при видѣ постигшаго насъ бѣдствія, ибо сатана имѣетъ обыкновеніе просить у Бога, чтобы Онъ попустилъ искусить тѣхъ, которые стараются угодить Ему; подобнымъ образомъ онъ просилъ позволенія поразить бѣдствіями Іова, у котораго погубилъ и дѣтей. Но Господь-Подвигоположникъ знаетъ, для чего предаетъ во власть врага Своихъ подвижниковъ: сіе Онъ дѣлаетъ для того, чтобы дать терпѣливымъ страдальцамъ величайшую награду. Если Іову Господь воздалъ вдвое противъ того, что онъ потерялъ [1]), то любящихъ Его и ради Него страдающихъ ожидаетъ несравненно большее—**ꙗ҆́хже ѻ҆́ко не ви́дѣ, и҆ ᲂу҆́хо не слы́ша, и҆ на се́рдце человѣ́кꙋ не взыдо́ша**[2]).

Говоря такъ и простившись съ окружающими, старецъ скончался и былъ погребенъ вмѣстѣ съ прочими убитыми отцами еще до восхода солнца. Тѣмъ временемъ явился въ обитель одинъ юноша, убѣжавшій отъ варваровъ. То былъ рабъ боярина Магедона, которому случилось быть тогда въ этихъ мѣстахъ по дѣламъ народнаго правленія. Этого боярина варвары схватили гдѣ-то на дорогѣ, вмѣстѣ съ сыномъ его. Ограбивъ ихъ, они убили сначала сына на глазахъ у отца, а потомъ умертвили и его самого. Юноша же, находившійся въ числѣ рабовъ его, спасся бѣгствомъ и явился въ разгромленную обитель, трепеща отъ страха, какъ будто бы за нимъ гнались и настигали его. Святый Нилъ сталъ разспрашивать этого юношу, какъ ему удалось бѣжать. Тотъ разсказалъ:

— Я былъ связанъ вмѣстѣ съ твоимъ сыномъ; вчера варвары начали говорить между собой и совѣщаться—(какъ мнѣ тайно разсказалъ одинъ изъ плѣнниковъ, знающій ихъ языкъ),—чтобы, при наступленіи утра, принести въ жертву утренней зарѣ насъ обоихъ—меня и твоего сына, для чего они уже соорудили и жертвенникъ изъ камней и возложили на него дрова. Я сообщилъ объ этомъ твоему сыну и говорилъ ему, что если мы не спасемся бѣгствомъ, то намъ уже не видѣть болѣе восхода солнца. Онъ же, изъ боязни быть пойманнымъ, остался, говоря:

---

[1]) Кн. Іова, гл. 42, ст. 10.

[2]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 2, ст. 9.

— Если такъ угодно Богу, то невозможно избѣжать смерти и укрыться,—даже если бы кто скрылся въ самыхъ неприступныхъ и тайныхъ мѣстахъ.

Я же глубокою ночью, пользуясь тѣмъ, что варвары, сильно упившись съ вечера, крѣпко спали, освободился отъ связывавшихъ меня веревокъ и выбрался ползкомъ, подобно змѣѣ, далеко за предѣлы ихъ стана, а потомъ, вставъ на ноги, стремительно побѣжалъ и, подгоняемый страхомъ, несся, какъ на крыльяхъ. Я боялся, какъ бы они, замѣтивъ мой побѣгъ, не погнались и не настигли меня; даже и сейчасъ еще я не могу освободиться отъ страха и трепета: жестокія мученія, которымъ подвергали варвары въ моемъ присутствіи другихъ, живо стоятъ въ умѣ моемъ, и я какъ бы сейчасъ вижу ихъ своими глазами.

И разсказалъ юноша тотъ о убіеніи многихъ святыхъ отцовъ.

— На одномъ привольномъ мѣстѣ,—говорилъ онъ,—гдѣ была вода, варвары остановились на отдыхъ. И вотъ они увидали въ горѣ небольшую пещеру. Бросившись къ ней, они вывели оттуда старца почтеннаго вида, котораго потащили съ горы и побили камнями. Потомъ, пройдя немного еще, схватили и побили камнями одного молодаго инока—худощаваго и съ блѣднымъ лицомъ. Послѣ этого имъ встрѣтилось густо заросшее лѣсомъ мѣсто съ небольшой пещерой, въ которой спасался одинъ пустынникъ; онъ былъ молодъ годами, но старъ по великимъ качествамъ своей души. Когда варвары потребовали, чтобы онъ вышелъ вонъ и отдалъ имъ свою одежду, пустынникъ отвѣчалъ:

— Жилище мое, въ которомъ я проводилъ свою жизнь, пусть будетъ и гробомъ моимъ; здѣсь меня убейте. Одежды же своей я не сниму, чтобы не видѣть своей наготы, на которую я не смотрѣлъ до сихъ поръ. Сами снимите ее, когда убьете меня,—тогда я буду мертвъ и ничего не буду знать о себѣ.

Варвары снова обратились къ нему и потребовали, чтобы онъ указалъ тайные монастыри въ той пустынѣ, обѣщая пощадить ему за это жизнь. Но онъ отвѣчалъ:

— Хотя я и знаю мѣста, гдѣ живутъ святые мужи, однако не скажу вамъ, ибо не хочу быть предателемъ рабовъ Божіихъ.

Мужество и смѣлость пустынника привели въ ярость нечестивцевъ, и они, проникнувъ въ пещеру, изрубили его мечами въ куски. Пройдя еще далѣе пустынею, они встрѣтили троихъ отцовъ и, бросившись на нихъ, убили ихъ мечами. Потомъ они увидѣли

издалека два монастыря, находившіеся на небольшомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Раздѣлившись на два отряда, они направились къ нимъ, но что они сдѣлали тамъ, какъ и кого изъ отцовъ убили, этого я не знаю (такъ говорилъ тотъ юноша, спасшійся бѣгствомъ); видѣлъ я только издали, какъ одинъ инокъ бѣжалъ, а варвары, преслѣдуя, поражали его стрѣлами; потомъ, когда онъ упалъ обессиленнымъ, умертвили его мечами и копьями. Въ слѣдующую затѣмъ ночь я убѣжалъ, какъ о томъ сказалъ вамъ ранѣе. Что стало съ твоимъ сыномъ,—Богъ знаетъ. Я оставилъ его живымъ, но безъ надежды на жизнь, ибо, съ появленіемъ утренней зари, онъ непремѣнно долженъ былъ умереть, будучи принесенъ ей въ жертву.

Услышавъ это, преподобный Нилъ неутѣшно плакалъ и рыдалъ о смерти своего сына. Больше всего удручало его то, что сынъ его долженъ быть закланъ нечестивцами въ жертву. Онъ взывалъ къ Богу такими словами:

— Господи мой, Господи Боже отцевъ! Ради родившей Тебя Пречистой Богоматери, ради Твоей благости,—не попусти сыну моему погибнуть отъ руки варваровъ!

И Богъ, Своимъ особымъ Промышленіемъ, сохранилъ отрока Ѳеодула невредимымъ. Варвары крѣпко проспали до самаго восхода солнца. Проснувшись и видя, что утренняя звѣзда уже скрылась и что одинъ изъ оставленныхъ для жертвы отроковъ убѣжалъ, они не стали совершать обычнаго жертвоприношенія, но повели оставшагося отрока въ свою сторону. Между тѣмъ жители Фарана послали своихъ вѣстниковъ къ агарянскому князю Аману съ жалобой на его разбойниковъ,—что они, въ нарушеніе мирнаго договора, напали на иноковъ и причинили имъ такое зло. Въ то время блаженный Нилъ пошелъ съ оставшимися въ живыхъ отцами въ пустыню, чтобы, отыскавъ тѣла убитыхъ святыхъ, предать ихъ погребенію. И оказалось, что въ Веѳрамвѣ убитъ Проклъ, въ Геѳѣ Ипатій, Исаакъ былъ убитъ въ монастырѣ, по имени Салаилъ, Макарій и Маркъ были убиты въ сосѣдней пустынѣ, Веніаминъ—за Елимомъ, Евсевій въ Ѳолѣ, Илія въ Азѣ [1]); послѣдняго они нашли еще дышащимъ —и принесли, и положили его въ келліи, а сами возвратились для погребенія другихъ. Когда же возвратились, то

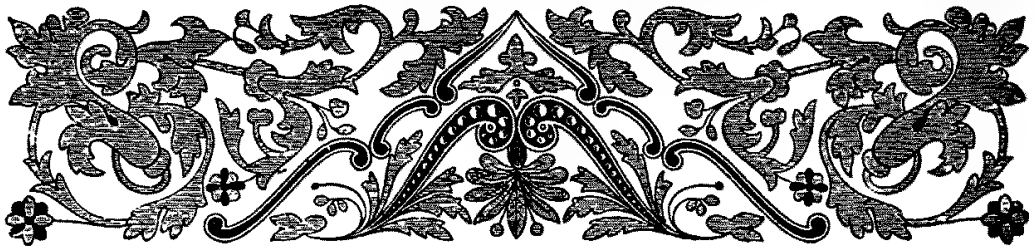
[1]) Здѣсь разумѣются мѣстности близъ пустыни Фарана и Синайскаго полуострова, на восточномъ берегу Краснаго моря.

нашли и его умершимъ возлѣ сосуда съ водою: мучимый жаждою, по причинѣ многихъ ранъ, онъ — лишь только вкусилъ воды — тотчасъ упалъ и умеръ. Предавъ погребенію всѣхъ, кого могли найти, они отправились въ Фаранъ, чтобы узнать, какія извѣстія принесутъ посланные отъ агарянскаго князя. Когда они входили въ городъ, то одновременно возвратились и скороходы съ мирнымъ отъ князя посланіемъ. Въ немъ онъ давалъ обѣщаніе немедленно наказать и предать смерти разбойниковъ, которые осмѣлились на такія злодѣянія; фаранскимъ же жителямъ приказывалъ идти къ нему безбоязненно и брать безъ выкупа плѣнниковъ своихъ, кого застанутъ въ живыхъ. Жители Фарана собрались и отправились къ агарянскому князю; пошелъ вмѣстѣ съ ними и блаженный Нилъ, чтобы узнать о своемъ сынѣ,—живъ ли онъ въ плѣну, или уже умеръ отъ руки варваровъ. И узналъ онъ, что сынъ его живъ. Онъ былъ проданъ въ городъ Емесу[1]), епископъ же этого города выкупилъ его и сдѣлалъ своимъ клирикомъ. О всемъ этомъ самъ преподобный Нилъ Постникъ подробно говоритъ въ своемъ словѣ. Придя туда, преподобный нашелъ своего сына невредимымъ и здоровымъ. Весьма утѣшенный этимъ, онъ благодарилъ Бога. Епископъ принялъ его съ любовію, убѣдилъ его принять пресвитерскій санъ и потомъ обоихъ ихъ,— преподобнаго Нила и его сына Ѳеодула,—съ честію отпустилъ къ себѣ домой. Они пошли на Синайскую гору, къ своему прежнему мѣстопребыванію, и прожили тамъ немало лѣтъ[2]), усердно служа своему Владыкѣ—Господу нашему Іисусу Христу, предъ Которымъ сподобились потомъ, вмѣстѣ съ ликами преподобныхъ отцовъ, предстать на Небесахъ, славя Бога во вѣки, аминь.

---

1) *Емеса*—городъ въ Сиріи, на востокъ отъ рѣки Оронта, впадающей въ Средиземное море.

2) Преподобные Нилъ и Ѳеодулъ скончались въ мирѣ въ V вѣкѣ. Тѣла ихъ Императоромъ Іустиномъ Младшимъ перенесены въ Царьградъ и положены въ церкви Святыхъ Апостоловъ въ Орфанотрофіи (странноприимный домъ).



ЖИТІЕ

СВЯТОЙ РАВНОАПОСТОЛЬНОЙ

НИНЫ,

просвѣтительницы Иверіи

По благочестивому преданію, доселѣ хранимому въ Иверійской, равно какъ и всей Восточной Православной церкви, Иверія, которая называется также Грузіей[1]), есть удѣлъ Пренепорочной Божіей Матери: по особой волѣ Божіей, Ей выпалъ жребій благовѣствовать тамъ, для спасенія людей, Евангеліе Своего Сына и Господа Іисуса Христа.

Святый Стефанъ Святогорецъ разсказываетъ, что, по вознесеніи Господа нашего Іисуса Христа на Небо, ученики Его, вмѣстѣ съ Матерію Іисуса Маріею, пребывали въ Сіонской горницѣ и ожидали Утѣшителя, согласно съ повелѣніемъ Христа—не отлучаться изъ Іерусалима, но ждать обѣтованія отъ Господа[2]). Апостолы стали бросать жребіи, чтобы узнать, кому изъ нихъ въ какой странѣ назначается Богомъ проповѣдывать Евангеліе. Пречистая сказала:

— Хочу и Я бросить вмѣстѣ съ вами Свой жребій, чтобы и Мнѣ не остаться безъ удѣла, но чтобы имѣть страну, которую Богу будетъ угодно указать Мнѣ.

---

[1]) *Иверія*, или *Грузія*, страна въ Закавказьѣ, бывшая до присоединенія ея къ Россіи (18 января 1801 г.) самостоятельнымъ царствомъ и имѣвшая въ разное время различныя границы. Въ тѣсномъ смыслѣ названіе Грузін въ настоящее время чаще всего прилагается къ Тифлисской губерніи, въ которой грузины составляютъ преобладающую часть народонаселенія.

[2]) Еванг. отъ Лукн, гл. 24, ст. 49; Дѣян. Ап., гл. 1, ст. 4.

По слову Божіей Матери, они бросили жребій съ благоговѣніемъ и страхомъ, и по этому жребію Ей досталась Иверійская земля.

Получивъ съ радостію этотъ жребій, Пречистая Богородица хотѣла тотчасъ же, по сошествіи Святаго Духа въ видѣ огненныхъ языковъ, отправиться въ Иверійскую страну. Но Ангелъ Божій сказалъ Ей:

— Не отлучайся теперь изъ Іерусалима, но оставайся до времени здѣсь; доставшійся же Тебѣ по жребію удѣлъ просвѣтится свѣтомъ Христовымъ впослѣдствіи, и владычество Твое будетъ пребывать тамъ.

Такъ разсказываетъ Стефанъ Святогорецъ. Это предопредѣленіе Божіе о просвѣщеніи Иверіи исполнилось спустя три столѣтія по вознесеніи Христовомъ, и исполнительницей его съ ясностію и несомнѣнностію явилась Преблагословенная Богоматерь Дѣва. По прошествіи указаннаго времени, Она послала, съ Своимъ благословеніемъ и Своею помощію, на проповѣдь въ Иверію святую дѣву Нину.

Святая Нина родилась въ Каппадокіи[1]) и была единственною дочерью знатныхъ и благочестивыхъ родителей: римскаго воеводы Завулона, родственника святаго великомученика Георгія[2]), и Сусанны, сестры Іерусалимскаго Патріарха. Въ двѣнадцатилѣтнемъ возрастѣ святая Нина пришла съ своими родителями въ Святый Градъ Іерусалимъ. Здѣсь отецъ ея Завулонъ, пылая любовію къ Богу и желая послужить Ему иноческими подвигами, принялъ, по соглашенію съ своей супругой, благословеніе отъ блаженнаго Патріарха Іерусалимскаго; затѣмъ, простившись со слезами съ своей юной дочерью Ниной и поручивъ ее Богу, Отцу сиротъ и Защитнику вдовъ, онъ ушелъ и скрылся въ іорданской пустынѣ. И для всѣхъ осталось неизвѣстнымъ мѣсто подвиговъ этого угодника Божія, равно какъ и мѣсто смерти его. Мать святой Нины, Сусанна, была поставлена при святомъ храмѣ братомъ ея — Патріархомъ въ діакониссы[3]), чтобы служить нищимъ и больнымъ женщинамъ; Нина же была отдана на воспитаніе къ одной благочестивой старицѣ Ніанфорѣ. Святая отроковица имѣла такія выдающіяся способности, что, по прошествіи всего двухъ лѣтъ, при

---

1) О *Каппадокіи* см. прим. 1, стр. 15.

2) *Память св. великомученика Георгія* — 23-го апрѣля.

3) О *діакониссахъ* см. прим. 2, на стр. 263.

содѣйствіи благодати Божіей, уразумѣла и твердо усвоила правила вѣры и благочестія. Ежедневно съ усердіемъ и молитвой читала она Божественныя Писанія, и сердце ея пылало любовію ко Христу, Сыну Божію, претерпѣвшему, для спасенія людей, крестныя страданія и смерть. Когда она со слезами читала евангельскія повѣствованія о распятіи Христа Спасителя и о всемъ происходившемъ при крестѣ Его, мысль ея остановилась на судьбѣ хитона Господняго.

Равноапльная Нина

— Гдѣ же теперь находится сія земная порфира Сына Божія?—спрашивала она свою наставницу.—Не можетъ быть, чтобы погибла на землѣ столь великая святыня.

Тогда Ніанфора сообщила святой Нинѣ—что̀ ей самой было извѣстно изъ преданія, именно: что къ сѣверо-востоку отъ Іерусалима есть страна Иверійская и въ ней—городъ Мцхетъ [1]), и что именно туда хитонъ Христовъ былъ отнесенъ воиномъ, которому онъ достался по жребію при распятіи Христовомъ [2]). Ніанфора прибавила, что жители этой страны, по названію картвелы [3]), также сосѣдніе съ ними армяне и многія горныя племена до сихъ поръ остаются погруженными во тьму языческаго заблужденія и нечестія.

---

[1]) *Мцхетъ*—древняя столица Грузіи, нынѣ небольшое селеніе Душетскаго уѣзда, Тифлисской губерніи, при впаденіи р. Арагвы въ р. Куру, въ 20-ти верстахъ къ сѣверозападу отъ Тифлиса,—станція Закавказской жел. дороги и военно-грузинской дороги. Мцхетъ существовалъ уже въ началѣ IV вѣка и оставался резиденціей правителей Грузіи до конца V вѣка, когда царь Вахтангъ Гургъ-Асланъ перенесъ столицу въ Тифлисъ. Въ томъ же вѣкѣ Мцхетъ сдѣлался резиденціей Патріарха, носившаго титулъ мцхетскаго католикоса. Много разъ Мцхетъ подвергался нашествіямъ непріятелей, разрушавшихъ его до основанія, и вслѣдствіе этого пришелъ въ совершенное запустѣніе. Памятниками прежняго величія Мцхета являются древній соборъ во имя 12 Апостоловъ и Самтаврскій храмъ.

[2]) Еванг. отъ Іоанна, гл. 19, ст. 24.

[3]) *Картвелы*—собственно грузины и родственные имъ народы Кавказскаго племени.

Глубоко запали въ сердце святой Нины сіи сказанія старицы. Дни и ночи проводила она въ пламенной молитвѣ къ Пресвятой Богородицѣ Дѣвѣ, чтобы Она удостоила ее увидѣть Иверійскую страну, найти и облобызать хитонъ возлюбленнаго Сына Ея Господа Іисуса Христа, сотканный перстами Ея, Богоматери, и проповѣдать святое Имя Христа незнающимъ Его тамошнимъ народамъ. И Преблагословенная Богородица Дѣва услышала молитву Своей рабы. Она явилась ей въ сонномъ видѣніи и сказала:

— Иди въ страну Иверійскую, благовѣствуй тамъ Евангеліе Господа Іисуса Христа, и обрящешь благоволеніе предъ Лицемъ Его; Я же буду твоей Покровительницей.

— Но какъ,—спросила смиренная отроковица,—я, слабая женщина, буду въ состояніи совершить столь великое служеніе?

Въ отвѣтъ на это Пресвятая Дѣва, вручая Нинѣ крестъ, сплетенный изъ виноградныхъ лозъ, сказала:

— Возьми сей крестъ. Онъ будетъ для тебя щитомъ и оградой противъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ. Силою сего креста ты водрузишь въ той странѣ спасительное знамя вѣры въ возлюбленнаго Сына Моего и Господа, **и҆́же всѣ́мъ человѣ́кѡмъ хо́щетъ сп҃сти́сѧ, и҆ въ ра́зꙋмъ и҆́стины прїитѝ**[1]).

Пробудившись и увидѣвъ въ рукахъ у себя чудный крестъ, святая Нина стала цѣловать его со слезами радости и восторга; потомъ она связала его своими волосами и пошла къ дядѣ своему Патріарху. Когда блаженный Патріархъ услышалъ отъ нея о явленіи ей Богоматери и о повелѣніи идти въ Иверійскую страну для евангельскаго благовѣствованія тамъ о вѣчномъ спасеніи, то, увидѣвъ въ этомъ явное выраженіе воли Божіей, онъ не усумнился дать юной дѣвѣ благословеніе идти на подвигъ благовѣстія. И когда настало время, удобное для отправленія въ дальній путь, Патріархъ привелъ Нину въ храмъ Господень, къ святому алтарю, и, возложивъ на голову ея свою святительскую руку, молился такими словами:

«Господи Боже, Спаситель нашъ! Отпуская сію сироту—отроковицу на проповѣдь Твоего Божества, предаю ее въ Твои руки. Благоволи, Христе Боже, быть ей спутникомъ и наставникомъ всюду, гдѣ будетъ она благовѣствовать о Тебѣ, и даруй словамъ ея такія силу и премудрость, которымъ никто не въ со-

---

1) 1 Посл. къ Тимоѳ., гл. 2, ст. 4.

стояніи противиться или возражать. Ты же, Пресвятая Богородице Дѣва, Помощница и Заступница всѣхъ христіанъ, облеки свыше Своею силою противъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ сію отроковицу, которую Ты Сама избрала для благовѣствованія Евангелія Сына Твоего, Христа Бога нашего, среди народовъ языческихъ. Будь всегда для нея покровомъ и неодолимой защитой и не оставь ее Своею милостію, пока не исполнитъ она Твоей святой воли!»

Въ то время изъ Святаго Града отправлялись въ Арменію пятьдесятъ три дѣвы—подруги вмѣстѣ съ одною царевною, Рипсиміею, и наставницею ихъ Гаіаніею. Онѣ бѣжали изъ древняго Рима, отъ гоненія нечестиваго царя Діоклетіана, который хотѣлъ жениться на царевнѣ Рипсиміи несмотря на то, что она дала обѣтъ дѣвства и уневѣстилась Небесному Жениху-Христу. Святая Нина вмѣстѣ съ этими святыми дѣвами достигла предѣловъ Арменіи и столичнаго города Вагаршапата[1]). Святыя дѣвы поселились за городомъ подъ навѣсомъ, устроеннымъ надъ виноградным точиломъ, и добывали себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ.

Вскорѣ жестокій Діоклетіанъ узналъ, что Рипсимія скрывается въ Арменіи. Онъ послалъ письмо къ армянскому царю Тиридату — въ то время еще язычнику[2]),—чтобы тотъ отыскалъ Рипсимію и прислалъ ее въ Римъ или же, если хочетъ, взялъ бы ее себѣ въ жены, ибо она,—писалъ онъ,—весьма красива. Слуги Тиридата скоро нашли Рипсимію, и когда царь увидѣлъ ее, то объявилъ ей, что желаетъ имѣть ее своею женою. Святая же съ дерзновеніемъ сказала ему:

— Я обручена Небесному Жениху-Христу; какъ же ты, нечестивый, посмѣешь прикоснуться къ Христовой невѣстѣ?

Нечестивый Тиридатъ, возбужденный скотскою страстію, гнѣвомъ и стыдомъ, отдалъ приказаніе подвергнуть святую мученіямъ. Послѣ многихъ и жестокихъ мученій, Рипсиміи вырѣзали языкъ,

---

1) *Арменія*—горная страна между рѣкою Курою и верховьями рѣкъ Тигра и Евфрата; была населена Армянами, названными такъ по царю Араму; въ настоящее время Арменія раздѣлена между Россіею, Персіею и Турціею. *Вагаршапатъ*—нѣкогда столица армянскаго царства (основ. царемъ Вагаршакомъ), нынѣ—селеніе Эриванской губерніи, Эчміадзинскаго уѣзда, въ 18-ти верстахъ отъ города Эривани.

2) *Тиридатъ* вступилъ на престолъ въ 286 году и вначалѣ былъ жестокимъ гонителемъ христіанъ, затѣмъ былъ обращенъ въ христіанство святымъ священномученикомъ Григоріемъ — первымъ епископомъ армянскимъ (память его 30 сентября) и съ того времени сталъ ревностнымъ христіаниномъ. Въ 302 году при немъ была обращена въ христіанство и вся Арменія.

выкололи глаза и разрубили все тѣло ея на части. Точно такая же участь постигла и всѣхъ святыхъ подругъ святой Рипсиміи и наставницу ихъ Гаіанію[1]).

Лишь одна святая Нина спаслась чудеснымъ образомъ отъ смерти: направляемая невидимой рукою, она скрылась въ кустахъ дикой, еще не распустившейся розы. Потрясенная страхомъ при видѣ участи своихъ подругъ, святая подняла очи свои къ Небу съ молитвою о нихъ и увидѣла вверху свѣтоноснаго Ангела, опоясаннаго свѣтлымъ ораремъ. Съ благовоннымъ кадиломъ въ рукахъ, сопровождаемый множествомъ небожителей, онъ сходилъ съ небесныхъ высотъ; отъ земли же,—какъ бы навстрѣчу ему,—восходили души святыхъ мученицъ, которыя примкнули къ сонму свѣтлыхъ небожителей и вмѣстѣ съ ними вознеслись въ небесныя высоты.

Увидавъ сіе, святая Нина съ рыданіями восклицала:

— Господи, Господи! Зачѣмъ же Ты оставляешь меня одну среди этихъ ехиднъ и аспидовъ?

Въ отвѣтъ на это Ангелъ сказалъ ей:

— Не печалься, но подожди немного, ибо и ты будешь взята въ Царство Господа славы; сіе будетъ тогда, когда окружающая тебя колючая и дикая роза покроется душистыми цвѣтами, подобно розѣ, посаженной и воздѣланной въ саду. Теперь же встань и иди къ сѣверу, гдѣ зрѣетъ жатва великая, но гдѣ жнецовъ нѣтъ[2]).

Согласно сему повелѣнію святая Нина отправилась одна въ дальнѣйшій путь и, послѣ долгаго путешествія, пришла къ берегу неизвѣстной ей рѣки, близъ селенія Хертвиси. Рѣка же эта была Кура, которая, направляясь съ запада къ юго-востоку, до Каспійскаго моря, орошаетъ всю среднюю Иверію[3]). На берегу рѣки ей встрѣтились пастухи овецъ, которые дали немного пищи утомленной дальностію дороги путешественницѣ. Люди эти говорили на армянскомъ нарѣчіи; Нина понимала армянскій языкъ: съ нимъ ознакомила ее старица Ніанфора. Она спросила одного изъ пастуховъ:

— Гдѣ находится и далеко ли отсюда городъ Мцхетъ?

---

[1]) Память сихъ святыхъ мученицъ, смерть которыхъ послужила поводомъ обращенія ко Христу царя Тиридата и всей Арменіи, Православная Церковь празднуетъ въ 30-й день сентября.

[2]) Ср.: Еванг. отъ Лукн, гл. 10, ст. 2.

[3]) *Кура*—величайшая рѣка Кавказскаго края; отъ своихъ истоковъ до впаденія вмѣстѣ съ рѣкою Араксомъ въ Каспійское море имѣетъ длины 1244 версты.

Тотъ отвѣчалъ:

— Видишь ли эту рѣку? По берегамъ ея, далеко внизъ по теченію, стоитъ великій городъ Мцхетъ, въ которомъ господствуютъ наши боги и царствуютъ наши цари.

Продолжая отсюда путь далѣе, святая странница присѣла однажды, утомившись, на камнѣ и стала раздумывать: куда ведетъ ее Господь? Каковы будутъ плоды трудовъ ея? И не напраснымъ ли будетъ столь далекое и столь нелегкое странствованіе ея? Среди такихъ размышленій она заснула на томъ мѣстѣ и видѣла сонъ: ей явился мужъ величественнаго вида; волосы его ниспадали на плечи, и въ рукахъ у него былъ книжный свитокъ, писанный по-гречески. Развернувъ свитокъ, онъ подалъ его Нинѣ и повелѣлъ читать, самъ же вдругъ сталъ невидимъ. Пробудившись отъ сна и увидѣвъ въ рукѣ своей чудесный свитокъ, святая Нина прочитала въ немъ слѣдующія евангельскія изреченія: «А҆ми́нь глаго́лю ва́мъ: и҆дѣ́же а҆́ще проповѣ́дано бꙋ́детъ є҆ѵлїе сїѐ во все́мъ мі́рѣ, рече́тсѧ, и҆ є҆́же сотворѝ сїѧ̀ (жена), въ па́мѧть є҆ѧ̀[1]). Нѣ́сть мꙋже́скїй по́лъ, ни же́нскїй: вси́ бо вы̀ є҆ди́но є҆стѐ ѡ҆ хрⷭ҇тѣ і҆и҃сѣ[2]). Глаго́ла і҆и҃съ (женамъ): не бо́йтесѧ, и҆ди́те, возвѣсти́те бра́тїи мое́й[3]). И҆́же ва́съ прїе́млетъ, менѐ прїе́млетъ: и҆ и҆́же прїе́млетъ менѐ, прїе́млетъ посла́вшаго мѧ̀[4]). А҆́зъ да́мъ ва́мъ ᲂу҆ста̀ и҆ премꙋ́дрость, є҆́йже не возмо́гꙋтъ проти́витисѧ, и҆лѝ ѿвѣща́ти всѝ противлѧ́ющїисѧ ва́мъ[5]). Є҆гда̀ приведꙋ́тъ вы̀ на собѡ́рища и҆ вла̑сти и҆ влады̑чества, не пецы́тесѧ, ка́кѡ и҆лѝ что̀ ѿвѣща́ете, и҆лѝ что̀ рече́те: ст҃ы́й бо дх҃ъ наꙋчи́тъ вы̀ въ то́й ча́съ, ꙗ҆̀же подоба́етъ рещѝ[6]). И҆ не ᲂу҆бо́йтесѧ ѿ ᲂу҆бива́ющихъ тѣ́ло, дꙋши́ же не могꙋ́щихъ ᲂу҆би́ти[7]). Ше́дше наꙋчи́те всѧ̑ ꙗ҆зы́ки, крестѧ́ще и҆̀хъ во и҆́мѧ ѻ҆ц҃а̀ и҆ сн҃а и҆ ст҃а́гѡ дх҃а. и҆ сѐ а҆́зъ съ ва́ми є҆́смь во всѧ̑ дни̑, до сконча́нїѧ вѣ́ка, а҆ми́нь»[8]).

Подкрѣпленная симъ Божественнымъ видѣніемъ и утѣшеніемъ, святая Нина съ воодушевленіемъ и новой ревностію продолжала свой путь. Преодолѣвъ по дорогѣ тяжелые труды, голодъ, жажду и страхъ предъ звѣрями, она достигла древняго Карталинскаго го-

---

1) Еванг. отъ Матѳея, гл. 26, ст. 13.
2) Посл. къ Галат., гл. 3, ст. 28.
3) Еванг. отъ Матѳея, гл. 28, ст. 10.
4) Еванг. отъ Матѳея, гл. 10, ст. 40.
5) Еванг. отъ Луки, гл. 21, ст. 15.
6) Еванг. отъ Луки, гл. 12, ст. 11—12.
7) Еванг. отъ Матѳея, гл. 10, ст. 28.
8) Еванг. отъ Матѳея, гл. 28, ст. 19—20.

рода Урбниси[1]), въ которомъ оставалась около мѣсяца, проживая въ еврейскихъ домахъ и изучая нравы, обычаи и языкъ новаго для нея народа.

Узнавъ однажды, что всѣ мужчины этого города, равно какъ и прибывшіе изъ окрестностей, собираются идти въ столичный городъ Мцхетъ для поклоненія своимъ ложнымъ богамъ, отправилась туда съ ними и святая Нина. Когда они подходили къ городу, то встрѣтили близъ Помпеева моста поѣздъ царя Миріана и царицы Наны; сопровождаемые многочисленной толпой народа, они направлялись къ находившейся противъ города горной вершинѣ, чтобы совершить тамъ поклоненіе бездушному идолу, называвшемуся Армазомъ.

До полудня погода стояла ясная. Но день этотъ, бывшій первымъ днемъ прибытія святой Нины къ цѣли своего спасительнаго для Иверійской страны посланничества, былъ послѣднимъ днемъ господства тамъ упомянутаго языческаго идола. Увлекаемая толпой народа, святая Нина направилась къ горѣ—къ мѣсту, гдѣ находился идольскій жертвенникъ. Найдя для себя удобное мѣсто, она увидала съ него главнаго идола Армаза. Онъ былъ похожъ по виду на человѣка необыкновенно большого роста; выкованный изъ позолоченной мѣди, онъ былъ одѣтъ въ золотой панцырь съ золотымъ же шлемомъ на головѣ; одинъ глазъ его былъ яхонтовый, другой же былъ сдѣланъ изъ изумруда, оба необыкновенной величины и блеска. Справа отъ Армаза стоялъ другой небольшой золотой идолъ, по имени Каци, слѣва же—серебряный идолъ, по имени Гаимъ.

Вся народная толпа, вмѣстѣ съ своимъ царемъ, стояла въ безумномъ благоговѣніи и трепетѣ предъ своими богами, между тѣмъ какъ жрецы дѣлали приготовленія къ принесенію кровавыхъ жертвъ[2]). И когда, по окончаніи ихъ, воскурился ѳиміамъ, потекла жертвенная кровь, загремѣли трубы и тимпаны, царь и народъ пали лицомъ на землю предъ бездушными истуканами. Воспылало тогда ревностію Пророка Иліи сердце святой дѣвы. Воздохнувъ изъ глубины души и поднявъ со слезами глаза свои къ небу, она стала молиться такими словами:

«Всесильный Боже! Приведи народъ этотъ, по множеству милости Твоей, въ познаніе Тебя, Единаго Истиннаго Бога. Раз-

---

[1]) По преданію, городъ *Урбниси* былъ построенъ Уплосомъ, сыномъ Мухетоса, праправнука Іафета, за 2340 лѣтъ до Р. Хр.

[2]) Есть преданіе, что въ жертву идоламъ приносились и младенцы, и юноши.

сѣй эти истуканы,—подобно тому, какъ вѣтеръ развѣваетъ съ лица земли пыль и пепелъ. Воззри съ милостію на этотъ народъ, который Ты создалъ Своею всемогущею десницею и почтилъ Своимъ Божественнымъ Образомъ! Ты, Господи и Владыка, такъ возлюбилъ Свое созданіе, что даже Сына Своего Единороднаго предалъ за спасеніе падшаго человѣчества,—избавь души и сихъ людей Твоихъ отъ всепогибельной власти князя тьмы, который ослѣпилъ ихъ разумныя очи такъ, что они не видятъ истиннаго пути ко спасенію. Благоволи, Господи, дать очамъ моимъ увидѣть окончательное разрушеніе гордо стоящихъ здѣсь идоловъ. Сотвори такъ, чтобы и этотъ народъ, и всѣ концы земли уразумѣли даруемое Тобою спасеніе, чтобы и сѣверъ, и югъ возрадовались вмѣстѣ о Тебѣ и чтобы всѣ народы стали поклоняться Тебѣ, Единому Предвѣчному Богу, во Единородномъ Твоемъ Сынѣ, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, Которому принадлежитъ слава во вѣки.

Еще не окончила святая сей молитвы, какъ вдругъ грозовыя тучи поднялись съ запада и быстро понеслись по теченію рѣки Куры. Замѣтивъ опасность, царь и народъ обратились въ бѣгство; Нина же укрылась въ ущельѣ скалы. Туча съ громомъ и молніями разразилась надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ идольскій жертвенникъ. Гордо возвышавшіеся ранѣе идолы были разбиты въ прахъ, стѣны капища были разрушены въ прахъ, при чемъ дождевые потоки низвергли ихъ въ пропасть, а воды рѣки унесли ихъ внизъ по теченію; отъ идоловъ и отъ посвященнаго имъ капища не осталось, такимъ образомъ, и слѣда. Святая же Нина, хранимая Богомъ, невредимо стояла въ ущельѣ скалы и спокойно смотрѣла, какъ внезапно, вдругъ разбушевались вокругъ нея стихіи и потомъ снова возсіяло съ неба свѣтозарное солнце. А все это было въ день преславнаго Преображенія Господня,—когда возсіявшій на Ѳаворѣ Истинный Свѣтъ впервые преобразилъ на горахъ Иверіи тьму язычества въ Свѣтъ Христовъ.

Напрасно на другой день царь и народъ искали своихъ боговъ. Не найдя ихъ, они пришли въ ужасъ и говорили:

— Великъ богъ Армазъ; однако есть какой-то другой Богъ, большій его, Который и побѣдилъ его. Ужъ не христіанскій ли это Богъ, Который посрамилъ древнихъ армянскихъ боговъ и содѣлалъ царя Тиридата христіаниномъ? Однако въ Иверіи никто не слыхалъ ничего о Христѣ, и никто не проповѣдывалъ,

что Онъ—Богъ надъ всѣми богами. Что же такое совершилось, и что будетъ потомъ?

Спустя много времени послѣ того святая Нина вошла, подъ видомъ странницы, въ городъ Мцхетъ, причемъ называла себя плѣнницей. Когда она направлялась къ царскому саду, то жена садовника Анастасія быстро вышла навстрѣчу ей, какъ бы къ знакомой и давно уже ожидаемой. Поклонившись святой, она привела ее въ свой домъ и потомъ, омывъ ея ноги и помазавъ голову ея масломъ, предложила ей хлѣба и вина. Анастасія и мужъ ея упросили Нину остаться жить у нихъ въ домѣ какъ сестру, ибо они были бездѣтны и скорбѣли о своемъ одиночествѣ. Впослѣдствіи, по желанію святой Нины, мужъ Анастасіи устроилъ для нея небольшую палатку въ углу сада, на мѣстѣ которой и до сихъ поръ стоитъ небольшая церковь въ честь святой Нины—въ оградѣ Самтаврскаго женскаго монастыря[1]). Святая Нина, поставивъ въ этой палаткѣ врученный ей Богоматерью крестъ, проводила тамъ дни и ночи въ молитвахъ и пѣніи Псалмовъ.

Изъ этой палатки открылся свѣтлый рядъ подвиговъ святой Нины и чудесъ, совершенныхъ ею во славу Христова Имени. Первымъ въ Иверіи пріобрѣтеніемъ Христовой Церкви была честна́я супружеская чета, пріютившая у себя рабу Христову. По молитвѣ святой Нины Анастасія разрѣшилась отъ своего безчадія и сдѣлалась впослѣдствіи матерью многочисленнаго и счастливаго семейства, равно какъ—и первою женщиною въ Иверіи, которая увѣровала во Христа раньше мужчинъ.

Одна женщина съ громкимъ плачемъ носила по улицамъ города своего умирающаго ребенка, взывая ко всѣмъ о помощи. Взявъ больное дитя, святая Нина положила его на свое, устроенное изъ листьевъ, ложе; помолившись, она возложила на малютку свой крестъ изъ виноградныхъ лозъ и потомъ возвратила малютку плакавшей матери живымъ и здоровымъ.

Съ этого времени святая Нина начала открыто и всенародно проповѣдывать Евангеліе и призывать иверійскихъ язычниковъ и іудеевъ къ покаянію и вѣрѣ во Христа. Ея благочестивая, праведная и цѣломудренная жизнь была извѣстна всѣмъ и привлекала къ святой взоры, слухъ и сердце народа. Многіе—и особенно

---

1) *Самтаврскій женскій* общежительный *монастырь*, Тифлисской губ., въ 31 верстѣ отъ г. Душета, при впаденіи рѣки Арагвы въ Куру.

жены еврейскія —стали часто приходить къ Нинѣ, чтобы послушать изъ ея медоточивыхъ устъ новое ученіе о Царствіи Божіемъ и вѣчномъ спасеніи, и начинали тайно принимать вѣру во Христа. Таковы были: Сидонія, дочь первосвященника карталинскихъ евреевъ Авіаѳара, и шесть другихъ женщинъ—евреянокъ. Вскорѣ увѣровалъ во Христа и самъ Авіаѳаръ —послѣ того, какъ услышалъ толкованія святой Нины на древнія пророчества объ Іисусѣ Христѣ и какъ они исполнились иа Немъ какъ Мессіи. Впослѣдствіи самъ Авіаѳаръ такъ разсказывалъ объ этомъ:

— Законъ Моисеевъ и пророки вели ко Христу, Котораго я проповѣдую,—говорила мнѣ святая Нина.—Онъ есть конецъ и завершеніе Закона. Начавъ съ сотворенія міра, какъ объ этомъ говорится и въ нашихъ книгахъ, сія дивная жена разсказала мнѣ о всемъ, что Богъ устроилъ для спасенія людей чрезъ обѣтованнаго Мессію. Іисусъ поистинѣ есть сей Мессія, сынъ Дѣвы, по пророческому предсказанію. Отцы наши, движимые завистію, пригвоздили Его ко кресту и умертвили, но Онъ воскресъ, вознесся на Небо и снова придетъ со славою на землю. Онъ—Тотъ, Кого ожидаютъ народы и Кто составляетъ славу Израиля. Именемъ Его святая Нина на моихъ глазахъ совершала много знаменій и чудесъ, которыя можетъ совершить только одна сила Божія.

Часто бесѣдуя съ этимъ Авіаѳаромъ, святая Нина услыхала отъ него слѣдующій разсказъ о Хитонѣ Господнемъ:

— Я слышалъ отъ своихъ родителей, а тѣ слыхали отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ, что, когда въ Іерусалимѣ царствовалъ Иродъ, евреями, жившими въ Мцхетѣ и во всей карталинской странѣ[1]), было получено извѣстіе, что въ Іерусалимъ приходили персидскіе цари, что они искали новорожденнаго Младенца мужескаго пола, изъ потомства Давидова, рожденнаго матерью безъ отца, и называли Его Іудейскимъ Царемъ. Они нашли Его въ городѣ Давидовомъ Виѳлеемѣ, въ убогомъ вертепѣ, и принесли Ему въ даръ царское золото, цѣлебную смирну и благовонный ладанъ; поклонившись Ему, они возвратились въ свою страну[2]).

---

1) *Карталинія*—такъ называется страна по долинѣ рѣки Куры. Карталинія входила нѣкогда вмѣстѣ съ Кахетіей въ составъ Иверійскаго царства.—Іудеи проживали въ Иверіи съ давняго времени, разсѣявшись тамъ послѣ плѣненія Вавилонскаго; вѣрные своимъ обычаямъ, они посѣщали Іерусалимъ во время празднованія Пасхи. Тамъ они и слышали разсказы о жизни Христа, Его ученіи и чудесахъ.

2) Еванг. отъ Матѳея, гл. 2, ст. 11—12.

Прошло послѣ этого тридцать лѣтъ,—и вотъ прадѣдъ мой Еліозъ получилъ изъ Іерусалима отъ первосвященника Анны письмо такого содержанія:

«Тотъ, къ Кому приходили на поклоненіе персидскіе цари съ своими дарами, достигъ совершеннаго возраста и сталъ проповѣдывать, что Онъ—Христосъ, Мессія и Сынъ Божій. Приходите въ Іерусалимъ, чтобы видѣть смерть Его, которой Онъ будетъ преданъ по Закону Моисееву».

Когда Еліозъ собрался, вмѣстѣ со многими другими, идти въ Іерусалимъ, мать его — благочестивая старица изъ рода первосвященника Илія—сказала ему:

— Ступай, сынъ мой, по царскому зову; но умоляю тебя,—не будь заодно съ нечестивыми противъ Того, Кого они вознамѣрились умертвить; Онъ—Тотъ, Кого предвозвѣстили Пророки, Кто представляетъ Собою загадку для мудрецовъ, тайну, сокрытую отъ начала вѣковъ, свѣтъ для народовъ и вѣчную жизнь.

Еліозъ, вмѣстѣ съ Каренійскимъ Лонгиномъ, пришелъ въ Іерусалимъ и присутствовалъ при распятіи Христа. Мать же его оставалась въ Мцхетѣ. Наканунѣ Пасхи она внезапно почувствовала вдругъ въ своемъ сердцѣ какъ бы удары молотка, вбивающаго гвозди, и громко воскликнула:

— Погибло нынѣ царство Израиля, потому что предали смерти Спасителя и Избавителя его; народъ сей отнынѣ будетъ повиненъ въ крови своего Создателя и Господа. Горе мнѣ, что я не умерла ранѣе сего: не слыхала бы я этихъ страшныхъ ударовъ! Не увидѣть уже мнѣ болѣе на землѣ Славы Израиля!

Сказавъ это, она умерла. Еліозъ же, присутствовавшій при распятіи Христа, пріобрѣлъ Хитонъ Его отъ римскаго воина[1]), которому тотъ достался по жребію, и принесъ его въ Мцхетъ. Сестра Еліоза Сидонія, привѣтствуя брата съ благополучнымъ возвращеніемъ, разсказала ему о чудной и внезапной смерти матери и предсмертныхъ словахъ ея. Когда же Еліозъ, подтвердивъ предчувствіе матери относительно распятія Христова, показалъ сестрѣ Хитонъ Господень, Сидонія, взявъ его, стала цѣловать со слезами, прижала потомъ его къ груди своей и тотчасъ пала мертвой. И никакая сила человѣческая не могла исторгнуть изъ рукъ умершей эту священную одежду,—даже самъ царь Адеркій, при-

---

1) Служба на положеніе Ризы Господней, т. е. Хитона, на грузинскомъ языкѣ.

шедшій съ своими вельможами видѣть необычайную смерть дѣвицы и желавшій также вынуть изъ рукъ ея одежду Христову. Спустя нѣкоторое время Еліозъ предалъ землѣ тѣло своей сестры, вмѣстѣ же съ нею схоронилъ и хитонъ Христовъ и сдѣлалъ это столь тайно, что даже и до сего времени никто не знаетъ мѣста погребенія Сидоніи. Нѣкоторые предполагали только, что это мѣсто находится посрединѣ царскаго сада, гдѣ съ того времени самъ собою выросъ стоящій тамъ и теперь тѣнистый кедръ; къ нему стекаются со всѣхъ сторонъ вѣрующіе, почитая его какъ нѣкоторую великую силу; тамъ, подъ корнями кедра, по преданію и находится гробъ Сидоніи.

Услышавъ объ этомъ преданіи, святая Нина стала приходить по ночамъ молиться подъ этотъ кедръ; однако, она сомнѣвалась, дѣйствительно ли подъ корнями его скрытъ хитонъ Господень. Но таинственныя видѣнія, бывшія ей на этомъ мѣстѣ, увѣрили ее, что мѣсто это свято и въ будущемъ прославится. Такъ, однажды, по совершеніи полунощныхъ молитвъ, святая Нина видѣла: вотъ изъ всѣхъ окрестныхъ странъ слетѣлись къ царскому саду стаи черныхъ птицъ, отсюда же онѣ полетѣли къ рѣкѣ Арагвѣ[1]) и омывались въ водахъ ея. Спустя немного, онѣ поднялись вверхъ, но—уже бѣлыми какъ снѣгъ, и потомъ, опустившись на вѣтви кедра, онѣ огласили садъ райскими пѣснями. Это было яснымъ знаменіемъ, что окрестные народы просвѣтятся водами Святаго Крещенія, а на мѣстѣ кедра будетъ храмъ въ честь Истиннаго Бога, и въ семъ храмѣ Имя Господне будетъ славимо вовѣки. Еще видѣла святая Нина, что будто горы, стоявшія одна противъ другой, Армаза и Задена, потряслись и пали. Слышала она также звуки битвы и вопли бѣсовскихъ полчищъ, какъ будто бы вторгшихся, въ образѣ персидскихъ воиновъ, въ столичный городъ, и страшный голосъ, подобный голосу царя Хозроя, повелѣвающій предать все уничтоженію. Но все сіе страшное видѣніе исчезло, лишь только святая Нина, поднявъ крестъ, начертала имъ въ воздухѣ знаменіе креста и сказала:

— Умолкните, бѣсы! Насталъ конецъ вашей власти: ибо вотъ Побѣдитель!

Будучи увѣряема сими знаменіями, что близко Царство Божіе и спасеніе иверійскаго народа, святая Нина непрестанно пропо-

---

[1]) *Арагва*—лѣвый притокъ Куры, впадаетъ въ нее у Мцхета; длина ея 100 верстъ.

вѣдывала народу Слово Божіе. Вмѣстѣ съ нею трудились въ благовѣстіи Христовомъ и ученики ея —особенно же Сидонія и отецъ ея Авіаѳаръ. Послѣдній настолько ревностно и настойчиво спорилъ съ прежними своими единовѣрцами-іудеями объ Іисусѣ Христѣ, что потерпѣлъ отъ нихъ даже гоненіе и былъ осужденъ на побіеніе камнями; только царь Миріанъ спасъ его отъ смерти. И самъ царь началъ размышлять въ своемъ сердцѣ о Христовой вѣрѣ, ибо онъ зналъ, что эта вѣра не только Распространилась въ сосѣднемъ Армянскомъ царствѣ, но что и въ Римской имперіи царь Константинъ, побѣдивъ Именемъ Христа и силою Креста Его всѣхъ своихъ враговъ, сдѣлался христіаниномъ и покровителемъ христіанъ[1]). Иверія находилась тогда подъ властію римлянъ, и сынъ Миріана Бакаръ былъ въ то время заложникомъ въ Римѣ; поэтому Миріанъ не препятствовалъ святой Нинѣ проповѣдывать Христа и въ своемъ городѣ. Питала злобу противъ христіанъ лишь супруга Миріана, царица Нана, женщина жестокая и усердная почитательница бездушныхъ идоловъ, которая поставила въ Иверіи статую богини Венеры[2]). Однако благодать Божія, **немощна̂ѧ врачꙋ́ющаѧ и̂ ѡ̂скꙋдѣва̂ющаѧ восполнѧ́ющаѧ**[3]), скоро исцѣлила и эту болящую духомъ женщину. Царица расхворалась; и чѣмъ болѣе усилій употребляли врачи, тѣмъ сильнѣе дѣлалась болѣзнь; царица была при смерти. Тогда приближенныя къ ней женщины, видя великую опасность, стали упрашивать ее, чтобы она позвала странницу Нину, которая одною только молитвою къ проповѣдуемому ею Богу исцѣляетъ всякіе недуги и болѣзни. Царица приказала привести къ ней эту странницу. Святая Нина, испытывая вѣру и смиреніе царицы, сказала посланнымъ:

— Если царица хочетъ быть здоровой, пусть придетъ ко мнѣ сюда въ эту палатку, и я вѣрую, что она получитъ здѣсь исцѣленіе силою Христа, Бога моего.

Царица повиновалась и приказала нести себя на носилкахъ въ палатку святой; слѣдомъ за ней шли сынъ ея Ревъ и множество народа. Святая Нина, распорядившись, чтобы больную царицу положили на ея лиственное ложе, преклонила колѣна и усердно помолилась Господу, Врачу душъ и тѣлесъ. Потомъ, взявъ

---

1) Императоръ *Константинъ Великій* царствовалъ съ 306 по 337 г.

2) *Венера*—греко-римская богиня красоты и любви. Празднества въ честь ея сопровождались проявленіями крайней разнузданности и разврата.

3) Изъ совершительной молитвы Таинства Священства.

свой крестъ, она положила его на голову больной, на ноги ея и на оба плеча и сдѣлала такимъ образомъ на ней крестное знаменіе. Лишь только она совершила это, царица тотчасъ встала съ одра болѣзни здоровою. Возблагодаривъ Господа Іисуса Христа, царица тамъ же предъ святою Ниною и народомъ,—а послѣ и дома, предъ супругомъ своимъ царемъ Миріаномъ—громко исповѣдала, что Христосъ есть Истинный Богъ. Она сдѣлала святую Нину своею приближенною подругою и постоянной собесѣдницей, питая свою душу ея святыми поученіями. Потомъ царица приблизила къ себѣ мудраго старца Авіаѳара и его дочь Сидонію, причемъ научилась отъ нихъ многому въ вѣрѣ и благочестіи. Самъ царь Миріанъ (сынъ Персидскаго царя Хозроя и родоначальникъ въ Грузіи династіи Сассанидовъ) еще медлилъ открыто исповѣдать Христа Богомъ, а старался, напротивъ, быть ревностнымъ идолопоклонникомъ. Однажды онъ вознамѣрился даже истребить исповѣдниковъ Христовыхъ и вмѣстѣ съ ними святую Нину, и это—по слѣдующему случаю. Близкій родственникъ Персидскаго царя, человѣкъ ученый и ревностный послѣдователь Зороастрова ученія, пришелъ въ гости къ Миріану и, спустя нѣсколько времени, впалъ въ тяжелый недугъ бѣснованія. Боясь гнѣва Персидскаго царя, Миріанъ умолялъ чрезъ пословъ святую Нину, чтобы она пришла и исцѣлила царевича. Она приказала привести больнаго къ кедру, который былъ посрединѣ царскаго сада, поставила его лицомъ къ востоку съ поднятыми вверхъ руками и велѣла ему три раза повторить:

— Отрекаюсь отъ тебя, сатана, и предаю себя Христу, Сыну Божію!

Когда бѣсноватый сказалъ это, тотчасъ духъ, потрясши, повалилъ его на землю какъ мертваго; однако, не будучи въ силахъ противостоять молитвамъ святой дѣвы, вышелъ изъ больнаго. Царевичъ же, по выздоровленіи, увѣровалъ во Христа и возвратился въ свою страну христіаниномъ. Послѣдняго Миріанъ испугался болѣе, чѣмъ если бы этотъ царевичъ умеръ, ибо онъ боялся гнѣва Персидскаго царя, который былъ огнепоклонникомъ, за обращеніе ко Христу его родственника въ домѣ Миріана. Онъ сталъ грозить предать за это смерти святую Нину и истребить всѣхъ, находившихся въ городѣ, христіанъ.

Обуреваемый такими враждебными помыслами противъ христіанъ, царь Миріанъ отправился въ Мухранскіе[1]) лѣса, чтобы

[1]) Въ 20-ти верстахъ къ сѣверо-западу отъ г. Мцхета.

разсѣяться охотою. Бесѣдуя тамъ съ своими спутниками, онъ говорилъ:

— Мы навлекли на себя страшный гнѣвъ своихъ боговъ за то, что дозволили чародѣямъ-христіанамъ проповѣдывать вѣру ихъ въ нашей землѣ. Впрочемъ, скоро я истреблю мечомъ всѣхъ, кто поклоняется Кресту и Распятому на немъ. Прикажу отречься отъ Христа и царицѣ; если же она не послушаетъ, погублю и ее вмѣстѣ съ прочими христіанами.

Съ такими словами царь поднялся на вершину обрывистой горы Тхоти. И вдругъ внезапно свѣтлый день обратился въ непроглядную тьму, и поднялась буря, подобная той, которая ниспровергла кумиръ Армаза; блескъ молніи ослѣпилъ глаза царя, громъ разсѣялъ всѣхъ спутниковъ его. Въ отчаяніи царь сталъ взывать о помощи къ богамъ своимъ, но они не подавали голоса и не слышали. Почувствовавъ надъ собою карающую руку Бога Живаго, царь воззвалъ:

— Боже Нины! Разсѣй мракъ предъ очами моими, и я исповѣдую и прославлю Имя Твое!

И тотчасъ стало свѣтло вокругъ, и буря утихла. Изумляясь такой силѣ одного лишь Имени Христова, царь обратился лицомъ къ востоку, поднялъ руки свои къ Небу и со слезами взывалъ:

— Боже, Котораго проповѣдуетъ раба Твоя Нина! Ты одинъ поистинѣ Богъ надъ всѣми богами. И вотъ нынѣ я вижу великую Твою благость ко мнѣ, и мое сердце чувствуетъ отраду, утѣшеніе и близость Твою ко мнѣ. Боже благословенный! На семъ мѣстѣ я воздвигну древо Креста [1]), чтобы на вѣчное время было памятно явленное Тобою нынѣ мнѣ знаменіе!

Когда царь возвращался въ столицу и шелъ по улицамъ города, онъ громко восклицалъ:

— Прославьте всѣ люди Бога Нины—Христа, ибо Онъ—Богъ вѣчный, и Ему Единому подобаетъ всякая слава во вѣки!

Царь искалъ святую Нину и спрашивалъ:

— Гдѣ та странница, Богъ которой—мой Избавитель?

Святая совершала въ это время вечернія молитвы въ своей палаткѣ. Царь и вышедшая навстрѣчу ему царица, сопровождаемые множествомъ народа, пришли къ этой палаткѣ и, увидѣвъ святую, припали къ ногамъ ея, причемъ царь восклицалъ:

---

[1]) На вершинѣ горы Тхоти до сего времени стоитъ церковь, устроенная Миріаномъ.

— О мать моя! Научи и сдѣлай меня достойнымъ призывать Имя великаго Бога твоего, моего Спасителя!

Въ отвѣтъ ему изъ очей святой Нины потекли неудержимыя слезы радости. При видѣ ея слезъ заплакали царь и царица, а вслѣдъ за ними громко зарыдалъ и весь собравшійся тамъ народъ. Свидѣтельница, а впослѣдствіи и описательница этого событія Сидонія говоритъ:

— Каждый разъ, когда я вспоминаю объ этихъ священныхъ минутахъ, слезы духовной радости невольно льются изъ моихъ очей.

Обращеніе ко Христу царя Миріана[1]) было рѣшительнымъ и непоколебимымъ; Миріанъ былъ для Грузіи тѣмъ, чѣмъ Императоръ Константинъ Великій былъ въ то время для Греціи и Рима. Господь избралъ Миріана руководителемъ спасенія всѣхъ Иверійскихъ народовъ. Немедленно Миріанъ отправилъ пословъ въ Грецію къ царю Константину съ просьбою прислать къ нему епископа и священниковъ, чтобы крестить народъ, научить его вѣрѣ Христовой, насадить и утвердить въ Иверіи святую Церковь Божію. Пока же не возвратились послы съ священниками, святая Нина непрерывно учила народъ Христову Евангелію, указывая чрезъ это истинный путь ко спасенію душъ и наслѣдованію Небеснаго Царства; учила она ихъ и молитвамъ Христу Богу, подготовляя такимъ образомъ ко Святому Крещенію.

Царь пожелалъ еще до прихода священниковъ построить храмъ Божій и выбралъ для этого мѣсто по указанію святой Нины—въ своемъ саду, именно тамъ, гдѣ стоялъ упомянутый великій кедръ, говоря:

— Пусть этотъ тлѣнный и скоропреходящій садъ обратится въ нетлѣнный и духовный садъ, произращающій плоды въ жизнь вѣчную!

Кедръ былъ срубленъ, и изъ шести сучьевъ его вытесали шесть столбовъ которые и утвердили, безъ всякаго труда, на предназначенныхъ имъ въ зданіи мѣстахъ. Когда же плотники хотѣли поднять седьмой столбъ, вытесанный изъ самаго ствола кедра,

---

[1]) Оно было не ранѣе 323 года по Р. Хр. Во многихъ лѣтописяхъ указываются разные годы, отъ 276 до 338 года. Миріанъ царствовалъ съ 263 до 342 года. Императоръ Константинъ Великій, къ которому Миріанъ отправлялъ посольство касательно епископа, сдѣлался единодержавнымъ государемъ и Западной половины Римской имперіи въ 323 году, по низложеніи Ликинія, правителя восточныхъ областей и гонителя христіанъ.

чтобы поставить его въ основаніе храма, то всѣ были изумлены, такъ какъ никакой силой невозможно было сдвинуть его съ мѣста. При наступленіи вечера опечаленный царь пошелъ къ себѣ домой, размышляя, что́ бы это означало? Разошелся и народъ. Только одна святая Нина осталась на всю ночь на мѣстѣ постройки съ своими ученицами, молясь и обливая слезами пень срубленнаго дерева. Рано-поутру явился святой Нинѣ дивный юноша, опоясанный огненнымъ поясомъ, и сказалъ ей на ухо три какихъ-то таинственныхъ слова, услышавъ которыя она упала на землю и поклонилась ему. Потомъ этотъ юноша подошелъ къ столбу и, обнявъ его, поднялъ съ собой высоко на воздухъ. Столбъ блестѣлъ подобно молніи, такъ что освѣщалъ весь городъ. Царь и народъ собрались къ этому мѣсту; со страхомъ и радостію смотря на чудное видѣніе, всѣ удивлялись, какимъ образомъ этотъ тяжелый столбъ, никѣмъ не поддерживаемый, то поднимался вверхъ локтей [1]) на двадцать отъ земли, то опускался внизъ и касался пня, на которомъ росъ; наконецъ онъ остановился и сталъ неподвижно на своемъ мѣстѣ. Изъ-подъ основанія столба начало истекать благовонное и цѣлебное мѵро, и всѣ страдавшіе различными болѣзнями и ранами, съ вѣрой мазавшіеся этимъ мѵромъ, получали исцѣленіе. Такъ, одинъ еврей, слѣпой отъ рожденія, лишь только прикоснулся къ этому свѣтоносному столбу, тотчасъ прозрѣлъ и, увѣровавъ во Христа, прославилъ Бога. Мать одного мальчика, семь лѣтъ лежавшаго въ тяжкой болѣзни, принесла его къ живоносному столбу и умоляла святую Нину исцѣлить его, исповѣдуя, что проповѣдуемый ею Христосъ Іисусъ воистину Сынъ Божій. Лишь только святая Нина, коснувшись столба своею рукою, положила ее потомъ на больнаго, мальчикъ тотчасъ же выздоровѣлъ. Чрезвычайное стеченіе къ живоносному столбу народа побудило царя отдать распоряженіе строителямъ, чтобы они поставили вокругъ него ограду. Мѣсто это съ того времени стали чтить не только христіане, но и язычники. Вскорѣ было закончено и сооруженіе перваго въ Иверійской странѣ деревяннаго храма.

Посланные Миріаномъ къ царю Константину были приняты имъ съ великою честію и радостію и возвратились въ Иверію со многими дарами отъ него. Вмѣстѣ съ ними пришелъ посланный царемъ Антіохійскій архіепископъ Евстаѳій съ двумя священни-

---

[1]) *Локоть*, или *лакоть*,—мѣра длины, равная $10^1/_2$ вершкамъ.

ками, тремя діаконами и со всѣмъ, необходимымъ для Богослуженія. Тогда царь Миріанъ отдалъ приказаніе всѣмъ правителямъ областей, воеводамъ и придворнымъ, чтобы всѣ непремѣнно явились къ нему въ столичный городъ. И когда они собрались, царь Миріанъ[1]), царица и всѣ дѣти ихъ тотчасъ же въ присутствіи всѣхъ приняли Святое Крещеніе. Крещальня была устроена близъ моста на рѣкѣ Курѣ, гдѣ ранѣе стоялъ домъ еврея Еліоза, а потомъ было капище языческихъ жрецовъ; тамъ епископъ и крестилъ военачальниковъ и царскихъ вельможъ, почему это мѣсто было названо «Мтаварта санатлави», т. е. «купель вельможъ». Нѣсколько ниже этого мѣста два священника крестили народъ. Съ великимъ усердіемъ и радостію шелъ онъ креститься, помня слова святой Нины, что если кто не получитъ возрожденія отъ воды и Духа Святаго, тотъ не увидитъ жизни и свѣта вѣчнаго, но душа его погибнетъ во мракѣ ада. Священники ходили по всѣмъ окрестнымъ городамъ и селеніямъ и крестили народъ. Такимъ образомъ, вскорѣ мирно была крещена вся Карталинская страна, кромѣ лишь кавказскихъ горцевъ, еще надолго оставшихся во тьмѣ язычества. Не приняли Крещенія и мцхетскіе евреи, кромѣ лишь первосвященника ихъ Авіаѳара, крестившагося со всѣмъ своимъ домомъ; съ нимъ же крестились пятьдесятъ еврейскихъ семействъ, бывшихъ, какъ разсказываютъ, потомками разбойника Варавввы[2]). Царь Миріанъ, въ знакъ своего благоволенія за принятіе Святаго Крещенія, подарилъ имъ мѣстечко повыше Мцхета, называемое «Цихе-диди».

Такъ, при помощи Божіей и утвержденіи Господомъ слова евангельскаго благовѣстія, архіепископъ Евстаѳій[3]) вмѣстѣ со святою Ниною въ нѣсколько лѣтъ просвѣтили Иверійскую страну. Учредивъ на греческомъ языкѣ чинъ Богослуженія, освятивъ первый въ Мцхетѣ храмъ во имя Двѣнадцати Апостоловъ, устроенный по образцу Цареградскаго, и заповѣдавъ юной Церкви Христовой миръ, архіепископъ Евстаѳій возвратился въ Антіохію[4]); епископомъ

---

[1]) Изъ исторіи Грузіи видно, что грузины, особенно высшихъ сословій, не перемѣняли своихъ народныхъ именъ и въ христіанствѣ.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 27, ст. 17.

[3]) Здѣсь разумѣется *святый Евстаѳій*, архіепископъ Антіохійскій, скончавшійся въ 337 году; память его—21-го февраля.

[4]) Здѣсь разумѣется *Антіохія Сирійская*—одинъ изъ древнѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ Сиріи, столичный ея городъ. Въ настоящее время Антіохія—небольшой турецкій городокъ.

Иверіи онъ поставилъ пресвитера Іоанна, который находился въ зависимости отъ Антіохійскаго престола.

По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ благочестивый царь Миріанъ отправилъ къ царю Константину новое посольство, умоляя его прислать въ Иверію какъ можно больше священниковъ, чтобы никто въ его царствѣ не былъ лишенъ возможности слышать слово спасенія и чтобы входъ въ благодатное и вѣчное Царство Христово былъ открытъ для всѣхъ [1]). Просилъ онъ также прислать въ Грузію искусныхъ зодчихъ для сооруженія каменныхъ церквей. Константинъ Великій съ святой любовію и радостію исполнилъ просьбу Миріана. Онъ вручилъ посламъ Миріана, кромѣ большого количества золота и серебра, еще часть (подножіе) Животворящаго Древа Креста Господня, который въ это время уже былъ обрѣтенъ (въ 326 г. по Р. Хр.) святою Еленою, матерью Константина Великаго; вручилъ имъ также онъ и одинъ изъ гвоздей, которыми были пригвождены ко кресту пречистыя руки Господни. Имъ были даны еще кресты [2]), иконы Христа Спасителя и Пресвятой Дѣвы Богородицы, равно какъ—въ основаніе церквей—и мощи святыхъ мучениковъ. Въ то же время сынъ Миріана и наслѣдникъ его Бакурій, проживавшій въ Римѣ заложникомъ, былъ отпущенъ къ своему отцу.

Послы Миріана, возвращаясь въ Иверію со многими священниками и зодчими, заложили основаніе перваго храма въ селѣ Ерушети, на границѣ Карталинской земли [3]), и оставили для этого храма [4]) гвоздь отъ креста Господня [5]). Второй храмъ они основали въ селѣ Манглисѣ, въ сорока верстахъ къ югу отъ Тифлиса, и здѣсь оставили вышеупомянутую часть Животворящаго Древа [6]). Въ

---

[1]) Другіе же утверждаютъ, что Миріанъ имѣлъ личное свиданіе съ Константиномъ Великимъ, что онъ самъ путешествовалъ въ Іерусалимъ и выпросилъ тамъ для построенія монастыря въ честь Креста Господня мѣсто, гдѣ было знаменіе Лоту.

[2]) Полученіе этихъ безцѣнныхъ даровъ указываетъ на время, не означенное въ грузинскихъ лѣтописяхъ,—что послы Миріана были въ Царьградѣ между 326 и 330 годами, изъ которыхъ въ первый былъ найденъ крестъ Господень, а въ послѣдній было совершено освященіе Царьграда и перенесеніе сюда столицы изъ древняго Рима.

[3]) Теперь—въ Ахалцыхскомъ уѣздѣ.

[4]) Онъ уже давно лежитъ въ развалинахъ.

[5]) Въ половинѣ XIII-го вѣка гвоздь этотъ былъ вдѣланъ царемъ Давидомъ IX, сыномъ Русудани, въ вѣнецъ епископской митры. Впослѣдствіи въ 1681 году митра эта была перенесена царемъ Арчиломъ въ Москву, гдѣ она и до сего времени хранится въ Успенскомъ соборѣ.

[6]) Святыня эта считается потерянною; вѣроятнѣе думать, что въ смутныя времена Грузіи дерево это было раздѣлено на много частей и въ такомъ видѣ проникло въ дома частныхъ лицъ. И теперь значительныя части Животворящаго Древа можно видѣть въ фамильныхъ иконахъ грузинскихъ князей.

Мцхетѣ же ими былъ основанъ каменный храмъ во имя Преображенія Господня; по желанію царя и указанію святой Нины онъ былъ заложенъ въ саду царскомъ, близъ палатки святой Нины. Она не видала окончанія сооруженія этого величественнаго храма. Избѣгая славы и почестей, которыя воздавали ей и царь, и народъ, пламенѣя желаніемъ послужить къ еще большему прославленію Имени Христова, она ушла изъ многолюднаго города въ горы, на безводныя высоты Арагвы, и стала тамъ молитвою и постомъ приготовляться къ новымъ благовѣстническимъ трудамъ въ сосѣднихъ съ Карталиніей областяхъ. Найдя небольшую пещеру, скрытую за вѣтвями деревьевъ, она стала жить въ ней. Здѣсь она источила себѣ слезною молитвою воду изъ камня. Изъ источника этого и до сихъ поръ капаютъ капли воды, какъ слезы, почему онъ называется въ народѣ *слезнымъ*; называютъ его также и *млечнымъ* источникомъ, ибо онъ подаетъ молоко изсохшимъ грудямъ матерей.

Въ то время жители Мцхета созерцали чудное видѣніе: въ продолженіе нѣсколькихъ ночей новосозданный храмъ украшалъ сіявшій надъ нимъ на небѣ свѣтлый крестъ съ вѣнцомъ изъ звѣздъ. При наступленіи же утренней зари отъ этого креста отдѣлялись четыре самыхъ свѣтлыхъ звѣзды и направлялись одна—къ востоку, другая—къ западу, третья освѣщала церковь, домъ епископа и весь городъ, четвертая, освѣтивъ убѣжище святой Нины, поднималась къ вершинѣ утеса, на которомъ росло одно величественное дерево. Ни епископъ Іоаннъ, ни царь не могли понять, что означаетъ это видѣніе. Но святая Нина приказала срубить это дерево, сдѣлать изъ него четыре креста и поставить одинъ на упомянутомъ утесѣ[1]), другой—къ западу отъ Мцхета, на горѣ Тхоти—мѣстѣ, гдѣ царь Миріанъ сначала ослѣпъ, а потомъ прозрѣлъ и обратился къ Истинному Богу; третій крестъ она велѣла отдать царской невѣсткѣ, женѣ Рева, Саломіи, чтобы та водрузила его въ своемъ городѣ Уджармѣ; четвертый же она предназначила для селенія Бодби (Буди)—владѣнія Кахетинской царицы Соджи (Софіи), къ которой вскорѣ и сама отправилась для обращенія ея къ христіанской вѣрѣ.

---

[1]) Впослѣдствіи на этомъ мѣстѣ были сооружены храмъ въ честь Святаго Креста и монастырь. Храмъ существуетъ до сихъ поръ; монастырь разрушенъ въ XIV вѣкѣ Тамерланомъ. Крестъ былъ перенесенъ въ Мцхетскій соборъ; въ 1725 году онъ былъ оправленъ царемъ Теймуразомъ II-мъ въ серебро и до сихъ поръ стоитъ за Престоломъ.

Взявъ съ собою пресвитера Іакова и одного діакона, святая Нина пошла въ горныя страны, на сѣверъ отъ Мцхета, къ верховьямъ рѣкъ Арагвы и Іоры[1]) и огласила евангельскою проповѣдью горныя селенія Кавказа. Дикіе горцы, обитавшіе въ Чалети, Ерцо, Тіонети, и многіе другіе подъ дѣйствіемъ Божественной силы евангельскаго слова и подъ вліяніемъ чудесныхъ знаменій, совершавшихся по молитвѣ святой проповѣдницы Христовой, приняли Евангеліе царствія Христова, уничтожили своихъ идоловъ и приняли Крещеніе отъ пресвитера Іакова. Пройдя потомъ Кокабети и обративъ всѣхъ жителей въ христіанскую вѣру, святая проповѣдница направилась къ югу Кахетіи и, достигши селенія Бодби (Буди)—границы ея святыхъ подвиговъ и земного странствованія, поселилась тамъ. Устроивъ себѣ на склонѣ горы палатку и проводя дни и ночи въ молитвѣ предъ святымъ крестомъ, святая Нина скоро привлекла къ себѣ вниманіе окрестныхъ жителей. Они стали постоянно собираться къ ней, чтобы послушать ея трогательныхъ поученій о Христовой вѣрѣ и о пути къ вѣчной жизни. Въ Бодби въ это время жила царица Кахетіи Соджа (Софія); пришла и она, вмѣстѣ съ другими, послушать дивную проповѣдницу. Пришедши однажды и съ наслажденіемъ послушавъ ее, она уже не хотѣла потомъ оставить ее: она преисполнилась искренней вѣрой въ спасительную проповѣдь святой Нины. Въ скоромъ времени Софія вмѣстѣ съ своими царедворцами и множествомъ народа приняла отъ пресвитера Іакова Святое Крещеніе.

Совершивъ, такимъ образомъ, въ Кахетіи послѣднее дѣло своего апостольскаго служенія въ Иверійской странѣ, святая Нина получила отъ Бога откровеніе о приближеніи своей кончины. Сообщая объ этомъ въ письмѣ къ царю Миріану, святая призывала на него и на царство его вѣчное благословеніе Божіе и Пречистой Дѣвы Богоматери и огражденіе неодолимою силою Креста Господня и далѣе писала:

— Я же, какъ странница и пришелица, ухожу теперь изъ этого міра и пойду путемъ своихъ отцовъ. Прошу тебя, царь, пришли ко мнѣ епископа Іоанна, чтобы приготовить меня въ вѣчный путь, ибо близокъ уже день моей смерти.

---

1) *Іора*—правый притокъ рѣки Алазани (лѣвый притокъ рѣки Куры). Большая часть рѣки Іоры находится въ Тифлисской губерніи; на рѣкѣ Іорѣ стоитъ уѣздный городъ *Тіонети*, упоминаемый въ житія св. Нины.

Письмо было отправлено съ самой царицей Софіей. По прочтеніи его царь Миріанъ, всѣ придворные его и весь освященный клиръ во главѣ съ епископомъ поспѣшно отправились къ умирающей и застали ее еще въ живыхъ. Многочисленная толпа народа, окружая смертное ложе святой, орошала его слезами; многіе изъ больныхъ получали чрезъ прикосновеніе къ нему исцѣленіе. Подъ конецъ своей жизни святая Нина, по неотступной просьбѣ плакавшихъ у ея ложа ученицъ, разсказала имъ о своемъ происхожденіи и своей жизни. Саломія же Уджармская записывала разсказываемое ею, что кратко изложено и здѣсь (на основаніи записей Саломіи составлялись и всѣ послѣдующія сказанія о святой Нинѣ). Святая Нина говорила:

— Пусть будетъ описана моя бѣдная и лѣнивая жизнь, чтобы она была извѣстной и дѣтямъ вашимъ, равно какъ—и вѣра ваша и любовь, которою вы возлюбили меня. Пусть даже отдаленные потомки ваши знаютъ о тѣхъ знаменіяхъ Божіихъ, которыя вы удостоились видѣть своими глазами и которыхъ вы—свидѣтели.

Затѣмъ она преподала нѣсколько наставленій о вѣчной жизни, благоговѣйно причастилась изъ рукъ епископа спасительныхъ Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ, завѣщала предать погребенію тѣло ея въ той же убогой палаткѣ, гдѣ она теперь, чтобы новооснованная Кахетинская Церковь не осталась сиротствующею, и съ миромъ предала духъ свой въ руцѣ Господни[1]).

Царь и епископъ, а съ ними и весь народъ, были глубоко опечалены смертью великой подвижницы вѣры и благочестія; они вознамѣрились перенести драгоцѣнные останки святой въ Мцхетскую соборную церковь и предать ихъ погребенію у живоноснаго столба, но, несмотря ни на какія усилія, не могли сдвинуть гробъ святой Нины съ выбраннаго ею самой мѣста упокоенія. Тѣло Христовой благовѣстницы похоронили на мѣстѣ ея убогой палатки въ селеніи Буди (Бодби). На могилѣ ея въ скоромъ времени царь Миріанъ заложилъ, а сынъ его, царь Бакуръ, достроилъ[2]) и освятилъ храмъ во имя родственника святой Нины святаго великомученика Георгія. Храмъ этотъ обновляли много разъ, но онъ никогда не подвергался разрушенію; онъ уцѣлѣлъ и до сихъ поръ. При этомъ храмѣ была учреждена Бодбійская митрополія, стар-

---

1) *Святая Нина* скончалась въ 335 году по Р. Хр.

2) Въ 342 году по Р. Хр.

шая во всей Кахетіи, изъ которой евангельская проповѣдь стала распространяться до глубины горъ восточнаго Кавказа.

Всеблагій Богъ прославилъ нетлѣніемъ тѣло святой Нины, скрытое по ея повелѣнію подъ спудомъ (и послѣ нея въ Грузіи не было въ обычаѣ открывать мощи святыхъ). У гроба ея происходили многочисленныя и непрерывныя знаменія и чудеса. Эти благодатныя знаменія, святая и ангелоподобная жизнь и апостольскіе труды святой Нины, которые она предприняла и со славою докончила, побудили юную Церковь Иверійскую признать святую Нину, съ благословенія Церкви Антіохійской, равноапостольною просвѣтительницею Иверіи, присоединить ее къ лику святыхъ и установить въ честь ея ежегодный праздникъ 14-го января, въ день ея блаженной кончины. И хотя годъ установленія этого праздника неизвѣстенъ съ точностію, однако, очевидно, онъ былъ установленъ въ скоромъ времени по смерти святой Нины, потому что, спустя немного послѣ этого, въ Иверіи начали уже сооружать церкви во имя святой равноапостольной Нины. До сихъ поръ цѣла еще небольшая каменная церковь противъ Мцхета въ честь святой Нины, построенная царемъ Вахтангомъ Гургъ-Асланомъ[1]) на той горѣ, на которой святая Нина въ первый разъ уничтожила своею молитвою идола Армаза.

И Православная Россійская Церковь, которая приняла къ себѣ, какъ въ спасительный ковчегъ, Иверійскую Церковь, возмущаемую многочисленными нападеніями со стороны иновѣрныхъ сосѣдей ея, никогда не сомнѣвалась почитать святую Нину равноапостольной. Посему и іерархи ея, поставляемые во главу управленія Иверійской Церкви съ титуломъ экзарховъ Грузіи[2]), освятили во имя равноапостольной Нины уже множество церквей, особенно—въ зданіяхъ женскихъ училищъ. Одинъ же изъ бывшихъ экзарховъ Грузіи, впослѣдствіи предстоятель Всероссійской Церкви митрополитъ Исидоръ, перевелъ съ грузинскаго языка на славянскій даже и службу святой равноапостольной Нинѣ и издалъ ее въ 1860 году, съ благословенія Святѣйшаго Синода, для церковнаго употребленія.

Справедливо Православная Иверійская Церковь, старшая сестра Россійской Церкви, прославляетъ свою основательницу, святую Нину, какъ равноапостольную, просвѣтившую Святымъ Крещеніемъ

---

[1]) Онъ царствовалъ въ Грузіи съ 446 по 459 г. по Р. Хр.

[2]) *Экзархъ*—архіепископъ, управляющій церквами какой-либо отдѣльной области. Нынѣ въ Россіи титулъ экзарха носитъ архіепископъ Грузіи.

всю Иверійскую страну и обратившую ко Христу многія тысячи душъ. Ибо если будетъ какъ уста Божіи тотъ, кто одного грѣшника обратитъ отъ ложнаго пути его[1]) и извлечетъ драгоцѣнное изъ ничтожнаго[2]); то—насколько же больше оказалась поистинѣ устами Божіими та, которая обратила къ Богу отъ гибельнаго языческаго обольщенія столько народовъ, не вѣдавшихъ прежде Истиннаго Бога! Она присоединилась къ сонму святыхъ въ Царствіи Христа Бога нашего, Которому, со Отцемъ и Святымъ Духомъ, подобаетъ честь, слава, благодареніе и поклоненіе нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

Не лишнимъ будетъ сказать здѣсь еще и о слѣдующемъ. Въ предѣлахъ нынѣшней Грузіи (въ которую входятъ: Кахетія, Карталинія, Имеретія, Гурія, Мингрелія, Абхазія, Сванетія, часть Осетіи, также и Дагестанъ), въ особенности по западному берегу Каспійскаго моря, были, хотя и въ небольшомъ количествѣ, христіане и ранѣе святой Нины, и впервые благовѣствовалъ о Христѣ Спасителѣ въ горахъ Кавказа тотъ же первозванный Апостолъ Андрей, благовѣстническимъ словомъ котораго были оглашены, по преданію, и Кіевскія горы. Древнее преданіе, записанное въ грузинскихъ лѣтописяхъ, согласное и съ сказаніемъ Четьихъ-Миней (подъ 30 ноября)[3]), говоритъ, что Апостолъ Андрей проповѣдывалъ о Христѣ въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Кларжетѣ, который находится невдалекѣ отъ Ахалцыха, на юго-западъ[4]); въ Ацхверѣ, нынѣ—село Ацхуры, близъ входа въ Боржомское ущелье; въ Цхумѣ, что нынѣ—городъ Сухумъ-Кале, въ Абхазіи, въ Мингреліи и въ сѣверной Осетіи. Въ Ацхурѣ Апостолъ основалъ церковь и оставилъ тамъ чудотворный образъ Божіей Матери, который во все послѣдующее время пользовался великимъ почитаніемъ не только среди христіанъ, но—и со стороны невѣрующихъ горцевъ; онъ существуетъ и до сего времени въ монастырѣ Гаенатскомъ[5]), который находится невдалекѣ отъ города Кутаиса и называется

---

1) Посл. Іак., гл. 5, ст. 20.

2) Кн. Прор. Іереміи, гл. 15, ст. 19.

3) Память святаго *Апостола Андрея Первозваннаго* празднуется 30-го ноября.

4) *Ахалцыхъ*—уѣздный городъ Тифлисской губерніи, Ахалцыхскаго уѣзда.

5) *Гаенатскій*—Рождество-Богородицкій мужской монастырь, Имеретинской епархіи, въ 8-ми верстахъ отъ Кутаиса; основанъ въ началѣ XII вѣка. Извѣстенъ также подъ мѣстнымъ названіемъ *Гелати*, или *Гелатскаго*.

Ацхурскимъ. Спутникъ Апостола Андрея, Симонъ Кананитъ[1]), проповѣдывалъ святое Евангеліе дикимъ суанамъ (сванетамъ)[2]), которые и побили его камнями. По мѣстному преданію, могила его находится въ древнемъ городѣ Никопсіи, или Анакопи.

О святомъ крестѣ изъ виноградныхъ лозъ, который Матерь Божія вручила святой Нинѣ, извѣстно слѣдующее: до 458 года по Р. Хр. крестъ Нины сохранялся въ Мцхетскомъ соборномъ храмѣ; впослѣдствіи же, когда огнепоклонники воздвигли гоненіе на христіанъ, святый крестъ былъ взятъ изъ Мцхета однимъ инокомъ Андреемъ, перенесенъ имъ въ область Таронъ, въ Арменіи, тогда еще единовѣрной съ Грузіей, и первоначально хранился въ церкви Святыхъ Апостоловъ, называвшейся у армянъ Газаръ-Ванкъ (Соборъ Лазаря). Когда и здѣсь открылись гоненія со стороны персидскихъ маговъ, повсюду предавшихъ истребленію все, почитаемое у христіанъ, святый крестъ Нины былъ переносимъ и скрываемъ въ армянскихъ крѣпостяхъ Капоети, Ванакѣ, Карсѣ и въ городѣ Ани; такъ продолжалось до 1239 года по Р. Хр. Въ это время Грузинская царица Русуданъ вмѣстѣ съ своими епископами выпросила у монгольскаго воеводы Чармагана, завладѣвшаго тогда городомъ Ани, чтобы святый крестъ Нины былъ возвращенъ въ Грузію, которой онъ принадлежалъ изначала. И этотъ святый крестъ былъ снова поставленъ въ Мцхетскомъ соборномъ храмѣ. Но и здѣсь онъ ненадолго нашелъ себѣ покой: много разъ крестъ Нины, во избѣжаніе поруганій со стороны враговъ, былъ укрываемъ въ горахъ: то—въ храмѣ Святой Троицы, который и до сихъ поръ стоитъ на малой горѣ Казбекъ, то въ крѣпости Ананурѣ, въ древнемъ храмѣ Божіей Матери. Митрополитъ грузинскій Романъ, отправляясь изъ Грузіи въ Россію въ 1749 году, тайно

---

1) Святый *апостолъ Симонъ* названъ *Кананитомъ* отъ г. Каны, изъ котораго происходилъ; онъ же называется и *Зилотомъ*, т. е. ревнителемъ,—по переводу того же слова на греческій языкъ: Кана съ еврейскаго значитъ: *ревность*. Память св. апостола Симона Кананита—10 мая.—Въ Кутаисской губ., въ память св. апостола Симона, основанъ въ 1875 г. (русскимъ Пантелеимоновымъ монастыремъ на Аѳонѣ) *ново-Аѳонскій Симоно-Кананитскій общежительный монастырь*,—въ 20-ти верстахъ сѣвернѣе Сухума.

2) *Сванеты*—небольшое кавказское горное племя, извѣстное съ очень давнихъ временъ подъ именемъ *сваповъ*, или *суановъ*, и занимающее верхнее теченіе р. Ингура, у южнаго подножія горы Эльбруса и по правому притоку рѣки Ріона Цхенисъ-Цкали. Въ древности сванеты занимались больше всего грабежомъ и не подчинялись никому изъ сосѣднихъ властителей Мингреліи, Имеретіи и Грузіи. Только въ концѣ XV вѣка грузинскимъ князьямъ удалось утвердить свою власть въ нижней Сванетіи, вплоть до освобожденія крестьянъ въ Закавказьѣ. Вольные сванеты впервые подчинились русскимъ только въ 1853 году.

взялъ съ собою крестъ Нины и вручилъ его проживавшему тогда въ Москвѣ царевичу Бакару Вахтанговичу. Послѣ того, въ продолженіе лѣтъ около пятидесяти, крестъ этотъ оставался въ селѣ Лысковѣ, Нижегородской губерніи, въ имѣніи грузинскихъ князей, потомковъ переселившагося въ Россію въ 1724 году царя Вахтанга. Внукъ вышеупомянутаго Бакара, князь Георгій Александровичъ, поднесъ въ 1801 году крестъ Нины императору Александру Павловичу, которому благоугодно было снова возвратить Грузіи принадлежащую ей эту великую святыню. Съ того времени и до сихъ поръ этотъ символъ апостольскихъ трудовъ святой Нины сохраняется въ Тифлисскомъ Сіонскомъ каѳедральномъ соборѣ близъ сѣверныхъ вратъ алтаря въ кивотѣ, окованномъ серебромъ. На верхней доскѣ сего кіота—чеканное изображеніе святой Нины и чудесъ, совершенныхъ чрезъ нее силою Честнáго и Животворящаго Креста.

Что касается Господня Хитона, искать который святая Нина приходила изъ города Іерусалима въ Иверію, то грузинскія лѣтописи говорятъ о немъ кратко. Изъ ихъ свидѣтельствъ видно, что Нина съ несомнѣнностію нашла только мѣсто, гдѣ былъ скрытъ Хитонъ Господень, т. е. могилу, въ которой, вмѣстѣ съ умершею дѣвицею Сидоніей, былъ зарытъ и честны́й Хитонъ Господень. Хотя кедръ, выросшій на этой могилѣ, и былъ срубленъ по повелѣнію святой Нины, однако пень его, подъ которымъ былъ скрытъ гробъ Сидоніи и въ немъ—Риза Господня, оставленъ былъ въ цѣлости, какъ думаютъ,—по приказанію свѣтоноснаго мужа, явившагося Нинѣ и сказавшаго ей на ухо три таинственныхъ слова, когда она ночью слезно молилась возлѣ этого корня. Такъ думаютъ потому, что съ этого времени Нина никогда уже не помышляла удалить корень кедра и отрыть гробъ Сидоніи, равно какъ не искала и въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ столь дорогаго для нея Хитона Господня.

Однажды она утѣшала царя Миріана, когда тотъ печалился о томъ, что послы его, получивъ отъ царя Константина часть Животворящаго Древа Креста Господня и гвоздь, не принесли ихъ въ Мцхетъ, но оставили первую—въ Маиглисѣ, а второй—въ Ерушети. Святая говорила ему:

— Не печалься, царь! Такъ нужно было,—чтобы и границы твоего царства находились подъ защитою Божественной силы Христова Креста, и вѣра Христова распространилась. Для тебя

же и для твоего столичнаго города достаточно той благодати, что здѣсь пребываетъ пречестный Хитонъ Господень.

Присутствіе Хитона Господня подъ корнемъ кедра—какъ при жизни святой Нины, такъ и послѣ—проявлялось истеченіемъ отъ столпа и его корня цѣлительнаго и благовоннаго мѵра; это мѵро перестало течь лишь въ XIII-мъ вѣкѣ, когда Хитонъ былъ вырытъ изъ земли; обнаруживалось присутствіе святаго Хитона и чрезъ наказаніе тѣхъ невѣрующихъ, которые изъ любопытства осмѣливались прикасаться къ этому мѣсту. Католикосъ[1]) Николай I, который управлялъ Грузинскою Церковью въ половинѣ двѣнадцатаго вѣка (въ 1150—1160 годахъ), извѣстный святостію жизни и мудростію, замѣчая, что многіе въ его время сомнѣвались, дѣйствительно ли находится подъ живоноснымъ столбомъ Хитонъ Господень, говоритъ, что сомнѣніе такихъ людей и естественно, ибо Хитонъ Господень никогда не былъ открытъ и никто никогда не видалъ его; но тѣ знаменія и чудеса—и прежнія, и тѣ, которыя предъ глазами у всѣхъ нынѣ совершаются,—происходятъ истинно отъ Хитона Господня, лишь при посредствѣ мѵроточиваго столба. При перечисленіи бывшихъ отъ Хитона Господня чудесъ католикосъ Николай вспоминаетъ, какъ была попалена вышедшимъ изъ земли огнемъ жена одного турецкаго султана, которая изъ любопытства захотѣла открыть гробъ Сидоніи и посмотрѣть на Хитонъ Господень; посланные же ею гробокопатели-татары были поражены невидимою силою.

— Это чудо,—говоритъ онъ,—многіе видѣли, и оно извѣстно каждому.

Лѣтъ за 40 до смерти католикоса Николая Тифлисъ и Мцхетъ были, дѣйствительно, заняты сельджукскими Турками, которые были потомъ изгнаны изъ Грузіи царемъ Давидомъ Возобновителемъ, царствовавшимъ съ 1089 до 1125 года. Католикосъ Николай указывалъ на истекавшее мѵро какъ на постоянное чудо, всегда и всѣми видимое.

— Всѣ видятъ,—говоритъ онъ,—влагу на восточной сторонѣ столба; по невѣжеству нѣкоторые пытались замазать это мѣсто

---

1) *Католикосъ* (греч.—καθολικός, вселенскій)—титулъ верховныхъ іерарховъ Автокефальной Церкви Грузинской, который былъ имъ усвоенъ вслѣдъ за пріобрѣтеніемъ этою Церковью независимости отъ Патріархата Антіохійскаго, при царѣ Вахтангѣ Гургъ-Асланѣ (446—459 гг.). Когда Грузинская Церковь вошла въ составъ Церкви Русской, высшій іерархъ ея съ 1811 г. сталъ называться *экзархомъ*. Съ половины VI-го вѣка титулъ Католикоса усвояется также верховному іерарху Церкви Армянской.

известію, но оказались не въ силахъ остановить истеченіе мѵра. А сколько отъ него было исцѣленій,—мы всѣ тому свидѣтели.

Сей Католикосъ Николай составилъ службу въ честь обрѣтенія подъ живоноснымъ столбомъ Хитона Господня (впослѣдствіи эта служба была исправлена и дополнена Католикосами Виссаріономъ и Антоніемъ), причемъ онъ говорилъ:

— Нужно украсить блистательнымъ празднествомъ поставленный Самимъ Богомъ столбъ и находящійся подъ нимъ Хитонъ Спасителя нашего Іисуса Христа.

(Этимъ и оканчиваются свѣдѣнія, заимствованныя у католикоса Николая.)

Истеченіе мѵра изъ упомянутаго живоноснаго столба прекратилось, когда, по волѣ Божіей, Хитонъ Господень былъ вынутъ изъ земли.

«Это было,—говоритъ неизвѣстный по имени грузинскій писатель,—въ тяжкіе для всей Грузіи годы нашествія варварскихъ полчищъ Тамерлана, вѣрнѣе же—Чингисхана [1]), когда они овладѣли Тифлисомъ, перебили жителей его въ числѣ около ста тысячъ человѣкъ, разрушили всѣ тифлисскіе храмы и храмъ Сіонскій, предали поруганію всѣ христіанскія святыни, равно какъ и Сіонскую чудотворную икону Божіей Матери, топтать которую ногами они заставляли самихъ христіанъ. Послѣ этого они бросились на городъ Мцхетъ, жители котораго бѣжали вмѣстѣ съ своими архіереями въ лѣса и въ недоступныя ущелья горъ. Тогда одинъ благочестивый человѣкъ, предвидя погибель Мцхета и не желая оставить на поруганіе варварамъ святыню храма его, открылъ, послѣ предварительной молитвы къ Богу, гробъ Сидоніи, вынулъ изъ него пречестный Хитонъ Господень и потомъ передалъ его главному архипастырю. Храмъ же Мцхетскій, величественное сооруженіе царя Вахтанга Гургъ-Аслана, былъ тогда разрушенъ до основанія. Съ этихъ поръ Хитонъ Господень былъ сохраняемъ въ ризницѣ католикосовъ, вплоть до возстановленія Мцхетскаго храма въ прежнемъ величіи (въ которомъ онъ пребываетъ и до сего времени) царемъ Александромъ I, царствовавшимъ въ Грузіи съ 1414 до 1442 года. Хитонъ Господень внесли тогда въ этотъ соборный храмъ и, для большей сохранности, скрыли его въ цер-

[1]) Около 1228 года, когда былъ разрушенъ и Мцхетскій храмъ. Тамерланъ же вторгся въ Грузію въ 1387 году, когда Мцхетскаго храма уже не существовало. Храмъ этотъ былъ снова возстановленъ царемъ Александромъ I, въ XV вѣкѣ.

ковномъ крестѣ, и онъ оставался тамъ до XVII вѣка. Въ 1625 году шахъ персидскій Аббасъ, завоевавъ Иверійскую страну и овладѣвъ ею, чтобы заручиться расположеніемъ Россійскаго царскаго двора, уже покровительствовавшаго тогда Грузіи, взялъ изъ Мцхетскаго храма Хитонъ Господень, положилъ его въ золотой ковчегъ, украшенный драгоцѣнными камнями, и, при особомъ письмѣ, послалъ его, какъ безцѣнный даръ, Всероссійскому Святѣйшему Патріарху Филарету, отцу царствовавшаго тогда государя Михаила Ѳеодоровича. Благочестивый царь Михаилъ и Святѣйшій Патріархъ Филаретъ, принявъ съ радостію этотъ великій даръ, безконечно превышающій всѣ самые драгоцѣнные земные дары, собрали отъ оказавшихся тогда въ Москвѣ греческихъ архіереевъ и мудрыхъ старцевъ извѣстныя имъ преданія объ одеждѣ Господней—Хитонѣ Господа Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа[1]); преданія эти согласны съ тѣмъ, что изложено и здѣсь. Сподобившись, послѣ молитвы и поста, удостовѣренія,—чрезъ множество чудесныхъ исцѣленій, полученныхъ послѣ возложенія этой одежды на больныхъ,—что она—дѣйствительно одежда Христова, царь и Патріархъ приказали устроить особое, съ драгоцѣнными украшеніями, помѣщеніе въ правомъ углу западной стороны Московскаго Успенскаго собора и положили тамъ одежду Христову. Здѣсь она находится и по сіе время; всѣ созерцаютъ ее и почитаютъ съ должнымъ благоговѣніемъ; отъ нея и понынѣ подаются исцѣленія больнымъ и помощь всѣмъ, приходящимъ съ вѣрою. Въ Россійской Церкви, со временъ Святѣйшаго Патріарха Филарета, былъ установленъ 10-го числа мѣсяца іюля[2]) праздникъ *положенія Ризы, т. е. Хитона Господня.* Хотя въ Иверійской Церкви праздникъ Хитону Господню 1-го числа октября былъ установленъ только уже въ двѣнадцатомъ вѣкѣ; однако можно думать, что въ Иверіи, особенно въ Мцхетѣ, день этотъ свѣтло праздновался,—какъ и теперь празднуется,—если не со времени перваго христіанскаго царя Миріана, то, по крайней мѣрѣ, съ пятаго вѣка, т. е. со времени славнаго царствованія Вахтанга Гургъ-Аслана; праздновался онъ какъ знаменательный день освященія сооруженнаго имъ, на мѣстѣ древняго Миріанова храма, новаго великолѣпнаго Мцхетскаго храма.

---

[1]) Еванг. отъ Іоанна, гл. 19, ст. 23—24.

[2]) Такъ какъ Риза Господня принесена въ Россію Великимъ Постомъ, то празднованіе ей перенесено на 10-е іюля (наканунѣ дня коронованія царя Михаила Ѳеодоровича).

Тропа́рь ст҃ѣй ні́нѣ:

Сло́ва бж҃їѧ слꙋ́жи́тельнице, во а҃пльстѣ́й про́повѣди первозва́нномꙋ а҃ндре́ю и҃ про́чымъ а҃пл҃ѡмъ подража́вшаѧ, просвѣти́тельнице і҃ве́рїи, и҃ дх҃а ст҃а́гѡ цѣвни́це, ст҃а́ѧ равноапо́стольнаѧ ні́но, моли́ хр҃та̀ бг҃а спсти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

СТЕФАНА

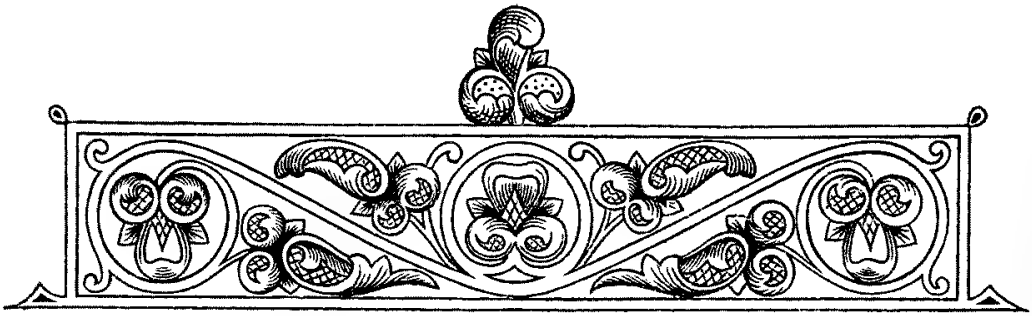
Преподобный Стефанъ Хинолаккскій просіялъ святымъ житіемъ своимъ въ Палестинѣ. Отъ юности стремясь къ житію подвижническому, онъ часто посѣщалъ обители благочестивыхъ мужей, расположенныя по Іордану, а также находившіеся въ пустынѣ, недалеко отъ Іерусалима, монастыри святыхъ: Евѳимія Великаго, Саввы Освященнаго и Ѳеодосія Великаго[1]); въ каждой обители святый подвизался, собственнымъ опытомъ ознакомляясь съ ея уставомъ. Послѣ того преподобный пришелъ въ Константинополь, при императорѣ Львѣ Исаврѣ, и принятъ былъ святымъ Патріархомъ Германомъ[2]); у него онъ и жилъ нѣкоторое время, поучаясь въ духовной жизни и со своей стороны являясь благополезнымъ совѣтникомъ святителю. Потомъ преподобный Стефанъ основалъ Хинолаккову обитель[3]), въ которой собралось множество иноковъ, которыхъ святый воспиталъ въ ученіи Господнемъ и добрыхъ наставленіяхъ и возвелъ въ мѣру возраста исполненія Христова. Добродѣтельно поживъ на землѣ и въ непрестанной молитвѣ приблизившись къ небожителямъ, преподобный Стефанъ получилъ откровеніе, что часъ его отшествія въ небесныя обители близокъ. По отрѣшеніи отъ тѣла, святую душу его пріялъ Господь чрезъ Ангеловъ со славою, такъ какъ она была исполнена чистоты; нѣкоторые изъ братіи удостоились видѣть сіе славное отшествіе преподобнаго въ горнія селенія и повѣдали объ этомъ многимъ.

---

1) Память *преп. Евѳимія* (скончался въ 473 г.)—20 января, *преп. Саввы Освященнаго* (скончался 532 г.)—5 декабря и *преп. Ѳеодосія* (скончался 529 г.)—11 января.

2) Занималъ патріаршій престолъ съ 715 по 722 г.

3) Т. е. при гусиномъ прудѣ. Отъ греческихъ словъ: χήν—гусь и λάκκος—прудъ. Эта обитель находится въ малоазійской провинціи Виѳиніи (сѣверо-западной области Малой Азіи), недалеко отъ Халкидона, противъ Константинополя.



День пятнадцатый

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ПАВЛА ѲИВЕЙСКАГО

Когда преподобный Антоній жилъ съ своими учениками въ Египетской пустынѣ[1]), ему пришло однажды на мысль, что нѣтъ еще другого инока, который бы былъ такъ совершенъ, какъ онъ, нѣтъ никого, кто поселился бы раньше его въ пустынѣ и избралъ столь уединенную жизнь. Онъ самъ разсказывалъ впослѣдствіи, что когда подумалъ такъ, то услышалъ въ видѣніи голосъ, который говорилъ:

— Антоній! Есть одинъ рабъ Божій, который пришелъ сюда прежде тебя и который совершеннѣе, чѣмъ ты. Если хочешь, можешь найти его въ отдаленной пустынѣ; только ступай къ нему скорѣе, пока онъ не отошелъ ко Господу.

Услышавъ это и придя въ себя, старецъ тотчасъ взялъ свой посохъ и поспѣшилъ въ пустыню, пламенно желая поскорѣе найти того, о комъ ему было открыто. Былъ полдень, и стало такъ жарко, что отъ солнечнаго зноя раскалились даже камни; старецъ изнемогалъ тѣломъ, но духъ его былъ бодръ, и онъ не думалъ

---

1) *Преподобный Антоній Великій*—первый учредитель монашескаго житія. Память его совершается 17-го января. Пещера, въ которой онъ подвизался, находилась въ Южномъ Египтѣ, въ дикомъ и необитаемомъ мѣстѣ Ѳиваиды, на восточномъ берегу р. Нила.

возвращаться назадъ съ предпринятаго пути. Хотя онъ и не зналъ, куда далѣе идти, но сохранялъ твердость и говорилъ:

— Я вѣрю, что Богъ покажетъ мнѣ, какъ обѣщалъ, Своего раба.

Прп҃бный
па́вєлъ

Проходя по этой суровой и недоступной пустынѣ, старецъ не видѣлъ ничего, кромѣ слѣдовъ звѣрей; пробывъ въ пути уже второй день и проведя вторую ночь въ молитвѣ, онъ не зналъ, куда направиться далѣе. На разсвѣтѣ третьяго дня онъ увидѣлъ вдругъ волчицу, которая шла по краю горы и выла. Слѣдуя за ней издалека, онъ подошелъ къ пещерѣ, въ которой жилъ святый угодникъ Божій Павелъ[1]). Старецъ пришелъ въ радость при видѣ пещеры; но обитатель ея, замѣтивъ приближеніе Антонія, заперъ дверь. Подойдя, старецъ постучалъ, но отвѣта не было, и онъ продолжалъ стоять снаружи и безуспѣшно стучать. Видя, что ему не отворяютъ двери, онъ упалъ на землю предъ входомъ въ пещеру и молился до самаго шестого часа, чтобы сподобиться ему войти внутрь и увидѣть того, кого онъ отыскалъ съ такимъ трудомъ.

Святый говорилъ:

— Отопри мнѣ, рабъ Христовъ, отопри! Вѣдь ты знаешь, кто я, откуда и зачѣмъ пришелъ, ибо тебѣ открылъ то Богъ. Знаю я и самъ, что недостоинъ видѣть твое святое лицо, тѣмъ не менѣе не уйду отсюда, пока не увижу тебя. Не скрывай же себя, если тебя открылъ мнѣ Богъ: ты принимаешь звѣрей,—зачѣмъ же отвергаешь человѣка? Я нашелъ тебя послѣ долгихъ поисковъ, и

---

[1]) Пещера преп. Павла, на горѣ Холзимъ, въ прямую линію отъ горы Антонія отстоитъ не болѣе, какъ на четыре версты, но она отдѣлена столь высокою и крутою стѣною, что обходъ вокругъ нея очень продолжителенъ, почему преп. Антонію и пришлось употребить на весь путь около двухъ дней.

вотъ стучу, чтобы ты отперъ мнѣ. Если же ты не отопрешь, то я умру на твоемъ порогѣ, и ты похоронишь здѣсь трупъ мой.

Многое и другое говорилъ онъ ему со слезами и укорялъ его за суровость. Тогда угодникъ Божій отвѣчалъ ему извнутри пещеры и сказалъ:

— Можно ли просить съ угрозами, или укорять со слезами? Ты удивляешься, что я не отпираю тебѣ; это—потому, что ты хвалишься, что пришелъ умирать здѣсь.

Съ такими словами святый отперъ дверь, и они обняли другъ друга и облобызались, называя одинъ другого по имени, потому что каждому изъ нихъ Богъ открылъ имя другого. Когда они сѣли, преподобный Антоній сказалъ.

— Радуйся, Павелъ, избранный сосудъ и огненный столпъ, житель сей пустыни!

Святый Павелъ отвѣчалъ:

— Хорошо, что ты пришелъ, солнце, просвѣщающее всю вселенную, наставникъ спасаемыхъ, уста Божіи, населившій пустыню и прогнавшій изъ нея діавола! Но зачѣмъ ты предпринялъ такой великій трудъ, идя ко мнѣ, грѣшному и ничтожному человѣку? Вотъ, ты видишь предъ собою дряхлаго старца, безпорядочно покрытаго сѣдинами, видишь человѣка, готоваго обратиться въ прахъ и тлѣніе. Но любовь не знаетъ препятствій,—и ты пришелъ; скажи же мнѣ, прошу тебя,—какъ живутъ теперь люди, въ какомъ положеніи находится міръ? Есть ли все еще идолопоклонники, и вмѣстѣ съ тѣмъ не продолжаются ли гоненія на вѣрующихъ?

— Твоими молитвами,—отвѣчалъ Антоній,—міръ находится въ благополучіи, гоненія прекратились, и Церковь прославляетъ Истиннаго Бога; но такъ какъ ты упомянулъ о гоненіяхъ, то прошу тебя,—разскажи мнѣ, ради Бога, о себѣ и открой, по какой причинѣ ты ушелъ изъ міра въ эту далекую пустыню?

— Я родился[1]) въ Ѳиваидѣ[2]),—началъ свой разсказъ святый Павелъ,—и у меня была сестра, которую родители еще при жизни своей выдали замужъ. Будучи сами православными, они, давъ мнѣ свѣтское образованіе, наставили меня и въ истинахъ право-

---

[1]) Годъ рожденія Павла Ѳивейскаго по житію его опредѣляется такъ. Когда Антоній пришелъ къ Павлу, онъ уже 91 годъ былъ въ пустынѣ, въ которую удалился 22-хъ лѣтъ. Слѣд., ему было 113 лѣтъ. Антоній, родившійся въ 251 году, пришелъ къ нему 90 лѣтъ отъ роду; слѣд., преп. Павелъ родился около 228 года.

[2]) *Ѳиваида*—область знаменитаго въ древности Египетскаго города Ѳивы; этимъ же именемъ назывался, по имени главнаго города, и вообще весь Верхній (Южный) Египетъ.

славной вѣры. Умирая, они раздѣлили между нами свое богатое имѣніе. По смерти ихъ мужъ моей сестры, изъ лихоимства, задумалъ присвоить себѣ слѣдующую мнѣ часть имущества и вознамѣрился предать меня, какъ христіанина, на мученіе нечестивому князю, чтобы, погубивъ меня такимъ образомъ, завладѣть моимъ наслѣдствомъ. Царемъ былъ тогда Декій[1]). Онъ преслѣдовалъ всѣхъ христіанъ, и отъ страха предъ измышляемыми имъ жестокими мученіями трепетала вся Ѳиваида. Въ то время былъ взятъ нечестивыми гонителями одинъ христіанскій юноша. Его долго мучили, чтобы склонить къ отреченію отъ вѣры Христовой, но—напрасно. Наконецъ, его привели въ цвѣтущій и душистый садъ и, положивъ навзничь на роскошную постель, привязали къ ней мягкими веревками его руки и ноги. Когда всѣ ушли изъ сада, то пустили туда къ юношѣ одну молодую дѣвушку, чтобы она соблазнила его на грѣхъ. Безстыдная дѣвица обнимала и цѣловала юношу, всячески стараясь обольстить его. Что же сдѣлалъ доблестный страдалецъ, послѣ того какъ уже претерпѣлъ столько мученій?—Видя себя въ опасности плотского прельщенія, онъ откусилъ зубами языкъ и выплюнулъ его въ лицо блудницы; страшною болью онъ поборолъ въ себѣ страсть, оплевалъ кровью лицо и одежды развратницы, самъ же, съ помощію благодати Христовой, устоялъ въ чистотѣ. Другаго юношу, оставшагося твердымъ въ христіанской вѣрѣ, послѣ многихъ мученій обнажили и, вымазавъ все тѣло медомъ, поставили его со связанными въ плечахъ руками на солнечный зной; думали, что, жалимый пчелами, осами и шершнями, онъ не стерпитъ и согласится на принесеніе идольской жертвы. Но мужественный страдалецъ, хотя все тѣло его было искусано и покрыто кровью до такой степени, что онъ утратилъ даже образъ человѣческій, не отрекся, однако, отъ Христа. Видя все это, а также—и все болѣе возрастающую злобу мужа моей сестры, которой не могли укротить ни слезы сестры, ни родство, я оставилъ ему все и убѣжалъ въ эту пустыню. Съ помощію Божіею, я постепенно дошелъ до сего мѣста. Найдя эту пещеру съ источникомъ воды внутри ея, я понялъ, что Самъ Господь назначилъ мнѣ здѣсь мѣсто обитанія. Я поселился здѣсь и живу, питаясь финиками и изготовляя себѣ одежду изъ листьевъ.

Когда святый разсказывалъ это, вдругъ прилетѣлъ воронъ, держа въ клювѣ хлѣбъ; тихо положивъ предъ ними хлѣбъ, онъ

[1]) *Декій*—римскій императоръ, жестокій гонитель христіанства, царствовалъ въ 249—251 гг.

улетѣлъ и скрылся въ воздухѣ. Видя изумленіе блаженнаго Антонія, святый Павелъ сказалъ:

— Это Господь многомилостивый и человѣколюбивый послалъ обѣдъ намъ, Своимъ рабамъ. Вотъ уже шестьдесятъ лѣтъ я получаю полхлѣба. Но по случаю твоего прихода Христосъ Господь удвоилъ даръ и послалъ Своимъ воинамъ цѣлый хлѣбъ.

Взявъ этотъ хлѣбъ, великіе угодники Божіи стали просить другъ друга благословить и преломить его, каждый поставляя другого выше себя по чести. Святый Павелъ хотѣлъ почтить преподобнаго Антонія—какъ гостя, преподобный же Антоній—святаго Павла — какъ хозяина дома и старшаго по возрасту; и долго они съ любовію спорили между собой. Наконецъ, блаженный Павелъ взялъ хлѣбъ съ одного края, а другой вложилъ въ руки преподобному Антонію: хлѣбъ тотчасъ самъ переломился посрединѣ, и каждый получилъ свою половину.

Сѣвъ у источника, рабы Христовы ѣли и насытились; потомъ они напились изъ этого источника, имѣвшаго чистую и весьма пріятную воду. По совершеніи благодарственной молитвы они снова сѣли и пробесѣдовали всю ночь до утра. Съ наступленіемъ дня, святый Павелъ сказалъ аввѣ Антонію:

— Я давно, братъ мой, зналъ, что ты обитаешь въ этой пустынѣ, и хотѣлъ бы, живя съ тобою, вмѣстѣ служить нашему Владыкѣ. Но такъ какъ пришло время моей кончины, которой я всегда ждалъ съ радостію, желая разрѣшитися и со хр҃томъ быти[1]), то Господь и послалъ тебя ко мнѣ, чтобы ты схоронилъ мое смиренное тѣло и предалъ землю землѣ.

Услышавъ это, Антоній воскликнулъ со слезами:

— Не оставляй меня, отецъ мой, одного, но возьми меня съ собою!

— Тебѣ нужно не о себѣ заботиться,—отвѣчалъ святый Павелъ,—но о благѣ ближняго. Если для тебя благо было бы въ томъ, чтобы, освободившись отъ тягости плоти, послѣдовать за Агнцемъ на Небеса, то польза прочей братіи требуетъ, чтобы ты пока еще наставлялъ и укрѣплялъ ихъ. Прошу тебя, сходи поскорѣе въ свой монастырь и принеси подаренную тебѣ епископомъ Аѳанасіемъ мантію[2]), чтобы покрыть ею мое тѣло.

---

1) Посл. къ Филипп., гл. 1, ст. 23.

2) Здѣсь разумѣется св. Аѳанасій Великій, архіепископъ Александрійскій, искренно почитавшій и любившій египетскихъ подвижниковъ, самъ подвижникъ, глубоко уважавшій преп. Антонія Великаго.

Святый Павелъ просилъ объ этомъ не потому, что нуждался въ мантіи. Онъ не заботился о томъ, нагимъ или покрытымъ будетъ схоронено въ землѣ его тлѣнное тѣло, которое онъ одѣвалъ столько времени финиковыми листьями; онъ хотѣлъ лишь того, чтобы его душа разлучилась съ тѣломъ въ безмолвіи уединенія, поэтому онъ и отсылалъ отъ себя преподобнаго Антонія въ монастырь.

Антоній былъ очень удивленъ тѣмъ, что услышалъ объ Аѳанасіи и о мантіи. Видя въ Павлѣ какъ бы Самого Христа и почитая пребывающаго въ немъ Бога, онъ не осмѣлился болѣе возражать ему; долго молча и со слезами онъ цѣловалъ его очи, и руки и потомъ поспѣшилъ исполнить приказаніе: противъ своего желанія отправился въ монастырь, изнемогая тѣломъ, но духомъ побѣждая немощи своей старости. Когда онъ подходилъ къ своей келліи, два ученика встрѣтили его и спросили:

— Гдѣ ты пробылъ столько времени, отецъ нашъ?

— Горе мнѣ, дѣти мои,—отвѣчалъ Антоній,—горе мнѣ грѣшному, мнимому иноку. Самъ я только называюсь инокомъ, но видѣлъ того, кто поистинѣ есть Илія, Іоаннъ въ пустынѣ; я поистинѣ видѣлъ Павла въ раю.

Ученики хотѣли услышать объ этомъ подробнѣе и стали просить его, чтобы онъ разсказалъ. Антоній же, закрывая уста рукою, сказалъ:

— Для всякой вещи есть время: время говорить, и время молчать[1]).

И захвативъ съ собою мантію, нисколько не отдохнувъ, не взявъ съ собою даже пищи на дорогу, онъ вышелъ и снова поспѣшно отправился въ пустыню, чтобы застать еще въ живыхъ святаго Павла, ибо боялся, какъ бы, въ случаѣ замедленія, тотъ не умеръ безъ него.

На другой день часу въ третьемъ, находясь въ пути, авва Антоній увидѣлъ въ воздухѣ чины Ангеловъ и соборы пророковъ и апостоловъ, а посреди ихъ—душу святаго Павла, которая, блистая болѣе, чѣмъ солнце, восходила на Небо. Святый Антоній, упавъ на землю, посыпалъ свою голову пескомъ и съ рыданіями восклицалъ:

— Зачѣмъ ты, Павелъ, оставилъ меня? Зачѣмъ уходишь безъ послѣдняго цѣлованія? Такъ долго я не зналъ тебя, и такъ скоро, когда узналъ, ты оставляешь меня!

---

[1]) Екклес., гл. 3, ст. 1. 7.

Впослѣдствіи блаженный Антоній разсказывалъ, что прошелъ потомъ остальную часть пути съ такою скоростію, какъ будто бы летѣлъ на крыльяхъ по воздуху, такъ что отъ быстрой ходьбы даже не чувствовалъ земли подъ своими ногами. Скоро онъ достигъ пещеры и, войдя въ нее, увидѣлъ святаго стоящимъ на колѣнахъ съ простертыми вверхъ руками и вверхъ же обращеннымъ лицомъ. Думая, что онъ живъ и молится, сталъ вмѣстѣ съ нимъ на молитву и Антоній. Прошелъ часъ, и, такъ какъ отъ святаго Павла не было слышно ни словъ, ни вздоховъ молитвенныхъ, блаженный Антоній подошелъ къ нему ближе и, увидѣвъ, что онъ уже мертвъ, понялъ, что тѣло святаго мужа и по смерти воздаетъ поклоненіе Богу, предъ Лицемъ Котораго все живо. Долго онъ плакалъ и рыдалъ, цѣлуя святое тѣло преподобнаго; потомъ обвилъ его принесенною съ собою мантіею и по христіанскому обычаю началъ пѣть употребляемые при погребеніи Псалмы. Но онъ не могъ придумать, какъ ему совершить погребеніе святаго, такъ какъ не принесъ съ собою заступа, чтобы вырыть могилу.

— Возвращаться ли въ монастырь за орудіемъ?—размышлялъ онъ.—Но туда три дня пути. Здѣсь ли оставаться? Но безъ заступа я не могу сдѣлать ничего. Останусь я лучше здѣсь и умру, какъ дóлжно, испустивъ послѣднее дыханіе близъ Твоего, Христе, воина!

Когда онъ думалъ объ этомъ, вдругъ изъ глубины пустыни приходятъ два льва, рыкая и какъ бы плача о потерѣ святаго. Антоній сначала нѣсколько испугался, но потомъ, когда увидѣлъ, что кроткіе, подобно агнцамъ, звѣри лежатъ у тѣла святаго и жалостно рыкаютъ, точно плачутъ, дивился кротости этихъ звѣрей. Они же начали когтями своими рыть землю и, выкопавъ яму значительный глубины, снова припали къ тѣлу святаго съ сильнымъ рыканіемъ, какъ бы прощаясь съ нимъ; потомъ, подойдя къ преподобному Антонію, стали лизать руки и ноги его, какъ бы прося благословенія и молитвы. Преподобный, видя, что и звѣри преклоняются предъ Богомъ, славилъ Христа и говорилъ:

— Господи, — безъ Твоей воли не падаютъ на землю ни листъ съ дерева и ни одна птица,—дай, какъ Ты знаешь, благословеніе Свое этимъ звѣрямъ.

Потомъ, указывая рукою на пустыню, онъ велѣлъ звѣрямъ уйти туда. Когда они скрылись, авва Антоній похоронилъ честнóе тѣло святаго и преподобнаго отца Павла, перваго пустынножителя,

скончавшагося 113 лѣтъ отъ роду[1]). Всю слѣдующую за погребеніемъ ночь преподобный Антоній провелъ надъ могилою святаго въ слезахъ и молитвѣ; съ наступленіемъ же утра отправился обратно въ свой монастырь, захвативъ съ собою сплетенную изъ финиковыхъ листьевъ одежду святаго. Придя въ свою обитель, онъ подробно разсказалъ о всемъ своимъ ученикамъ, въ назиданіе ихъ; одежду же св. Павла онъ берегъ и чтилъ настолько, что надѣвалъ ее только два раза въ годъ: въ праздникъ св. Пасхи и въ Пятидесятницу.

Святыми молитвами преподобныхъ отцевъ Павла и Антонія да сподобитъ насъ жребія Своихъ угодниковъ Христосъ Господь нашъ, Которому, съ Отцемъ и Святымъ Духомъ, честь и слава во вѣки, аминь.

Конда́къ прп҃бнагѡ, гла́съ г҃:

Ꙗкѡ свѣти́ло незаходѧ́щее мы́сленнагѡ сл҃нца, соше́дшесѧ дне́сь, восхва́лимъ въ пѣ́снехъ: возсїѧ́лъ бо є҆сѝ сꙋ́щымъ во тьмѣ̀ неразꙋмїѧ, всѧ̀ возводѧ̀ къ бж҃е́ственнѣй высотѣ̀, ѳиве́евъ ᲂу҆краше́нїе, па́ѵле прп҃бне, ѻ҆тце́въ и҆ по́стникѡвъ тве́рдое ѡ҆снова́нїе.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО

ІОАННА КУЩНИКА[2])

Въ Царьградѣ, въ царствованіе Льва Великаго[3]), жилъ одинъ богатый и именитый военный сановникъ по имени Евтропій съ женою Ѳеодорою. У него было три сына, изъ которыхъ двое были отданы на царскую службу и уже достигли на ней значительныхъ чиновъ, третьяго же—младшаго, по имени Іоанн,—онъ

---

1) *Преп. Павелъ Ѳивейскій* скончался въ 341 году. Тѣло его, по волѣ Византійскаго императора Мануила Комнена (1146—1180 гг.), перенесено было въ Константинополь и положено въ монастырѣ Богородицы Перивлепты; затѣмъ въ 1240 году перенесено было въ Венецію и, наконецъ, въ Венгрію въ Офенъ; часть главы его—въ Римѣ.

2) *Кущникомъ* преподобный Іоаннъ названъ потому, что конецъ своей подвижнической жизни онъ жилъ въ «кущѣ», т. е. палаткѣ, въ крайнемъ убожествѣ и нищетѣ, около дома своихъ богатыхъ и знатныхъ родителей, не узнанный ими,—и въ этой же палаткѣ былъ похороненъ, причемъ родители его на мѣстѣ «кущи» создали впослѣдствіи храмъ во имя его.

3) *Левъ I Великій*—Византійскій императоръ; царствовалъ съ 457 по 476 годъ.

отдалъ на обученіе разнаго рода наукамъ. Будучи еще двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, Іоаннъ весьма замѣтно выдѣлялся изъ среды своихъ сверстниковъ, такъ что даже сами учителя удивлялись его способностямъ и выдающемуся для юнаго возраста развитію. Но онъ преуспѣвалъ не только въ мірскомъ, но и въ духовномъ любомудріи. Подъ благодатнымъ дѣйствіемъ на него Святаго Духа онъ росъ кроткимъ, незлобивымъ и скромнымъ мальчикомъ и, по окончаніи уроковъ, проводилъ время не въ играхъ, свойственныхъ дѣтскому возрасту, но въ чтеніи святыхъ Боговдохновенныхъ книгъ и въ усердномъ посѣщеніи церковныхъ Богослуженій. Его сердце было согрѣто любовью къ Богу, и въ его душѣ сильнымъ пламенемъ началъ разгораться огонь этой любви.

Въ то время, какъ Іоаннъ столь преуспѣвалъ въ благочестіи, случилось однажды одному иноку войти въ домъ, въ которомъ учился блаженный. Увидѣвъ его, отрокъ спросилъ:

— Откуда ты, отче, и куда идешь?

— Я—изъ Обители Неусыпающихъ[1]), — отвѣчалъ инокъ,—и иду въ Іерусалимъ поклониться Святымъ мѣстамъ.

Съ разгорѣвшимся сердцемъ Іоаннъ началъ спрашивать его объ иноческой жизни, о молитвѣ и постѣ, о неумолкаемомъ пѣніи и о другихъ подвигахъ и трудахъ иноковъ. Инокъ, видя благочестіе и разсудительность мальчика, подробно разсказалъ ему о всѣхъ обычаяхъ и уставахъ своего монастыря.

Іоаннъ, выслушавъ внимательно, что говорилъ инокъ, сказалъ ему:

— Возвратишься ли ты, отче, снова въ свой монастырь, или останешься въ Іерусалимѣ?

— Я имѣю,— отвѣчалъ инокъ,—приказаніе отъ своего игумена возвратиться и, поклонившись, если будетъ угодно Богу, Святымъ мѣстамъ, немедленно приду назадъ.

---

[1]) *Монастырь Неусыпающихъ*, о которомъ здѣсь говорится, находился въ Виѳиніи (сѣверо-западная область Малой Азіи) и былъ устроенъ по образцу существовавшаго въ Константинополѣ такого же монастыря, перенесеннаго туда изъ Месопотаміи и основаннаго преп. Александромъ въ концѣ IV вѣка. Чиноположенія и иноческое житіе насельниковъ этого монастыря отличались особою строгостью. Свое наименованіе монастырь получилъ оттого, что братія его, раздѣляясь на 24 чреды по числу 24 часовъ дня и ночи, непрерывно на два лика славословили Господа, воспѣвая протяжно Псалмы Давидовы, такъ что Богослуженіе въ этомъ монастырѣ совершалось непрерывно и никогда не прекращалось. Такой же монастырь былъ основанъ и въ Виѳиніи, близъ города Сосѳеніула, учениками преп. Александра—Іоанномъ и Маркелломъ.

Тогда Іоаннъ, взявъ инока за правую руку, сказалъ:

— У меня есть къ тебѣ, отче, тайное слово.

Затѣмъ отвелъ его въ сторону и сталъ говорить:

— Послушай меня, отецъ мой, прошу тебя,—и окажи мнѣ милость. У меня есть сильное желаніе оставить суетный міръ и служить Христу. Но родители думаютъ обо мнѣ совсѣмъ иное. Любя меня больше старшихъ братьевъ, они хотятъ доставить мнѣ какую-либо высокую должность и женить меня. Я же, часто слушая въ святой церкви Слово Божіе и самъ читая святыя книги, понялъ, что все мірское—суетно и что полезно только одно: отрекшись отъ міра, служить Христу въ вашемъ иноческомъ образѣ. Заклинаю тебя Богомъ, Который хочетъ нашего спасенія, чтобы ты взялъ меня, при возвращеніи, въ свой монастырь.

Прѣбный Іѡа́ннъ

Въ этихъ словахъ инокъ почувствовалъ, что отрока призываетъ къ Себѣ Самъ Богъ. Онъ клятвенно обѣщался взять его съ собою при возвращеніи назадъ, и такимъ образомъ они разстались.

По отбытіи инока въ Іерусалимъ, блаженный Іоаннъ, желая жить по Евангелію, сталъ просить своихъ родителей пріобрѣсти для него Евангеліе, чтобы, учась въ немъ словамъ Христовымъ, научиться совершать и дѣла, угодныя Христу. Родители весьма порадовались при видѣ такого усердія сына къ Божественному Писанію. Они тотчасъ наняли искуснаго писца, чтобы тотъ изготовилъ красивый списокъ Евангелія; потомъ они обложили его золотомъ и украсили драгоцѣнными камнями, чтобы сына ихъ привлекали къ усердному чтенію книги не только сладость написанныхъ внутри ея Словъ Христа, но и внѣшняя красота книги. Изготовивъ такое Евангеліе, они подарили его сыну. Съ радостію

принявъ святую книгу, Іоаннъ сталъ усердно читать ее; сердце его услаждалось словами Христовыми, и онъ, возгораясь со дня на день все большею любовію къ Богу, съ нетерпѣніемъ ждалъ возвращенія изъ Іерусалима инока, которому открылъ тайну своего сердца.

По прошествіи долгаго времени, инокъ тотъ возвратился и былъ встрѣченъ Іоанномъ съ великою радостію.

— Вотъ, сынъ мой, я возвратился, какъ обѣщалъ,—сказалъ инокъ,—и если хочешь, возьму тебя съ собою въ монастырь.

Блаженный Іоаннъ отвѣчалъ:

— Благодарю Бога, возвратившаго тебя въ добромъ здоровьѣ и удостоившаго меня вновь увидѣть тебя. Я готовъ въ путь. Но что намъ дѣлать, если родители не захотятъ отпустить меня? Мать моя очень чувствительна сердцемъ, и когда она узнаетъ, что я хочу оставить ихъ, то будетъ обливать землю слезами и удержитъ меня, воспрепятствовавъ, такимъ образомъ, моему желанію. Умоляю тебя, отецъ мой, уйдемъ отсюда тайно, чтобы никто изъ моихъ родныхъ и знакомыхъ не зналъ ни о моемъ отбытіи, ни о дорогѣ, какою я ушелъ.

— Сдѣлаемъ, сынъ мой, такъ, какъ ты хочешь,—сказалъ инокъ,—и пусть Богъ исполнитъ желаніе сердца твоего.

Такъ они пришли на берегъ моря къ пристани корабельной и, найдя корабль, стали просить владѣльца его, чтобы онъ отвезъ ихъ въ Обитель Неусыпающихъ. Но тотъ потребовалъ съ нихъ, въ уплату за провозъ, много золота, ибо говорилъ, что ожидаетъ для корабля большого груза, равно какъ и для найма его для обратнаго пути.

Іоаннъ спросилъ его:

— А сколько стоитъ доставка на твоемъ кораблѣ полнаго груза?

— Сто златницъ, — отвѣчалъ корабельщикъ.

— Подожди, братъ мой, до трехъ дней,—сказалъ Іоаннъ,—и я найму твой корабль.

Поговоривъ съ нимъ, Іоаннъ и инокъ ушли. Наединѣ Іоаннъ сказалъ иноку:

— Корабельщикъ проситъ за провозъ дорого; но еще дороже для меня тайно уйти отъ родителей; пойду поэтому къ родителямъ своимъ и попрошу ихъ дать мнѣ на нѣкоторыя нужды золота.

— Иди, сынъ мой,—отвѣчалъ инокъ,—и Господь да исполнитъ твое намѣреніе, какъ угодно Его волѣ.

Придя въ свой домъ, Іоаннъ сказалъ матери:

— Хочу просить у васъ, матушка, одной милости, да не смѣю.

— Проси, чего хочешь, сынъ мой, — отвѣчала мать.

— Всѣ товарищи мои по ученію,—сказалъ Іоаннъ,—не одинъ разъ и не два, но многократно звали меня къ себѣ въ гости, я же ни разу не позвалъ ихъ къ себѣ и не отплатилъ имъ за гостепріимство; мнѣ стыдно предъ ними, и я уже не могу ходить отъ стыда въ училище. Прошу васъ, дайте мнѣ столько денегъ, сколько нужно было бы для угощенія моихъ товарищей.

— Подожди до утра,—отвѣчала мать,—я скажу твоему отцу, и онъ дастъ, что тебѣ нужно.

Когда она передала о просьбѣ Іоанна своему мужу, тотъ, изъ любви къ сыну, далъ ему сто златницъ, и это произошло по особому Божьему Промышленію, чтобы исполнилось доброе намѣреніе отрока.

Давъ сыну золота, отецъ поручилъ его надзору вѣрнаго слуги съ приказаніемъ смотрѣть, чтобы мальчикъ не тратилъ денегъ безъ нужды. Іоаннъ съ радостію пошелъ съ нимъ на морской берегъ, говоря:

— Поищемъ и купимъ хорошей рыбы.

Когда они подошли къ кораблю, онъ послалъ слугу въ училище съ словами:

— Пойди посмотри, собираются ли товарищи, и потомъ снова возвратись ко мнѣ.

По уходѣ слуги Іоаннъ поднялся съ инокомъ на корабль; вручивъ корабельщику плату, они отплыли отъ берега и пустились въ путь. Іоаннъ взялъ съ собою и Евангеліе, подаренное ему родителями, и утѣшался въ дорогѣ чтеніемъ его.

Слуга, возвратившись изъ училища, долго искалъ Іоанна на берегу, но, не находя, подумалъ, что отрокъ отправился домой; тогда онъ пришелъ къ своимъ господамъ и спросилъ объ Іоаннѣ. Тотчасъ стали поспѣшно всюду искать его. Но долгіе поиски и въ Царьградѣ, и въ окрестностяхъ его не привели ни къ чему, и въ домѣ Евтропія горько плакали и рыдали о возлюбленномъ сынѣ Іоаннѣ. Между тѣмъ, когда Іоаннъ находился въ пути, Богъ явно помогалъ ему: онъ послалъ кораблю попутный вѣтеръ, и путешественники въ непродолжительномъ времени приплыли къ Обители Неусыпающихъ. Здѣсь инокъ разсказалъ игумену Маркеллу[1]) и бра-

[1]) Здѣсь разумѣется *преп. Маркеллъ*, основатель Виѳинской Обители Неусыпающихъ. Память его совершается 29-го декабря.

тіямъ все, что зналъ объ отрокѣ Іоаннѣ, также—и то, съ какою вѣрою и ревностнымъ усердіемъ онъ стремится къ принятію иноческаго образа и служенію Господу.

Видя крайнюю молодость отрока, игуменъ сказалъ ему:

— Сынъ мой! Не подъ силу будетъ тебѣ нести иноческіе подвиги и соблюдать строгіе посты, такъ какъ ты еще очень молодъ. Кромѣ того, у насъ есть обычай—не тотчасъ же постригать каждаго ищущаго иноческаго званія, но лишь—по долгомъ испытаніи искренности его намѣреній и усердія въ подвигахъ благочестія. Поэтому, если хочешь проходить иноческое служеніе совмѣстно съ нами, то долженъ сначала пожить у насъ такъ, безъ иноческаго пострига, присмотрѣться къ нашей жизни и испытать себя, подъ силу ли будутъ тебѣ такіе труды.

Тогда блаженный Іоаннъ упалъ къ ногамъ игумена и, горько плача, сталъ просить:

— Умоляю тебя, отецъ мой, постриги меня теперь же. Смотри не на молодость мою, но на усердіе мое, ибо я всѣмъ своимъ сердцемъ стремлюсь къ тому, чтобы удостоиться принятія вашего ангельскаго образа. Не отвергай моей мольбы, но ради Пресвятой, Единосущной и Животворящей Троицы прими меня инокомъ въ свою обитель.

Игуменъ, тронутый усердіемъ и слезами отрока, живо ощущая благодать обитающаго въ немъ Духа Святаго, тотчасъ согласился принять и постричь его и потомъ приказалъ ему неуклонно проходить всѣ степени монастырскаго послушанія и учиться у опытныхъ старцевъ.

Іоаннъ, когда желаніе его, наконецъ, исполнилось, съ ревностію и смиреніемъ исполнялъ все, что ему приказывали и, преуспѣвая постепенно въ иноческихъ подвигахъ, въ скоромъ времени достигъ такого совершенства въ добродѣтели, что превзошелъ принявшихъ иночество ранѣе него и для всѣхъ сдѣлался примѣромъ непрестанной молитвы, кроткаго послушанія и терпѣливаго перенесенія самаго строгаго поста. Часто онъ въ теченіе многихъ дней ничего не вкушалъ,—кромѣ лишь причащенія пречистыхъ и животворящихъ Христовыхъ Таинъ,—и только этимъ поддерживалъ себя. Удивлялся Іоанну даже самъ игуменъ и говорилъ ему:

— Сынъ мой! Зачѣмъ при своей молодости ты предпринимаешь такіе подвиги? Смотри, какъ бы тебѣ не ослабѣть отъ неумѣреннаго поста тѣлесными силами и, разстроивъ свое здоровье, не

оказаться неспособнымъ на послѣдующіе подвиги и на служеніе во славу Христа.

Іоаннъ, смиренно по обычаю кланяясь игумену, отвѣчалъ:

— Прости, святый отецъ, меня, негоднаго раба, и помолись за меня, лѣниваго и малодушнаго, чтобы Господь сподобилъ меня на подвиги и помогъ моей слабости.

Среди такихъ подвиговъ блаженный Іоаннъ прожилъ въ обители шесть лѣтъ. И вотъ возсталъ на него врагъ и ненавистникъ всякаго добра—діаволъ. Чтобы ослабить въ Іоаннѣ силу на дальнѣйшіе подвиги, затруднить и воспрепятствовать столь доблестное преуспѣяніе въ исполненіи Господнихъ заповѣдей, онъ пробудилъ въ немъ мысль о родителяхъ и заставилъ сердце его мучиться жалостію къ нимъ при воспоминаніи о великой любви къ нему отца и матери. Онъ сталъ внушать Іоанну такія мысли: «Что то теперь дѣлаютъ безъ тебя твои родители? Какъ они скорбятъ, печалятся и плачутъ о тебѣ, такъ какъ ты ушелъ изъ дому безъ вѣдома ихъ! Плачетъ отецъ, рыдаетъ мать, скорбятъ братья, жалѣютъ о тебѣ родные и знакомые, въ горѣ изъ-за тебя весь домъ отца твоего». Еще лукавый приводилъ ему на память богатство и славу родителей, почести, которыя имѣютъ братья его, и разныя другія суетныя блага земныя. Онъ смущалъ его такими помыслами непрерывно и днемъ, и ночью, такъ что Іоаннъ, наконецъ, крайне ослабѣлъ тѣлесными силами и былъ едва живъ: отъ великаго воздержанія и иноческихъ подвиговъ, и отъ внутренняго мученія помыслами тѣло его высохло какъ черенокъ [1]), и плоть его сдѣлалась подобной тростнику, колеблещемуся отъ вѣтра [2]).

Игуменъ, видя, какъ Іоаннъ съ каждымъ днемъ слабѣетъ, сказалъ ему:

— Не говорилъ ли я тебѣ, сынъ мой, что Богъ не требуетъ отъ рабовъ Своихъ неумѣреннаго труда, но хочетъ, чтобы каждый служилъ ему, во славу Его святаго Имени, по своимъ силамъ. Ты, сынъ мой, не послушалъ меня въ свое время, и вотъ теперь уже изнемогъ отъ неумѣреннаго поста и непосильныхъ трудовъ.

— Не постъ изсушилъ меня, отецъ мой,—отвѣчалъ Іоаннъ,— и не труды изнурили меня, но помыслы, внушаемые лукавымъ, мучаютъ меня и днемъ, и ночью въ теченіе уже долгаго времени.

---

1) Выраженіе заимствовано изъ Псалма 21, ст. 16.

2) Выраженіе заимствовано изъ Еванг. отъ Матѳ., гл. 11, ст. 7.

При этомъ Іоаннъ признался игумену въ своихъ помыслахъ о родителяхъ и о домѣ.

Игуменъ сказалъ ему:

— Не говорилъ ли я тебѣ и раньше, сынъ мой, что тяжелы иноческіе подвиги, что иноки много несутъ съ собой и трудовъ, и вражескихъ нападеній, и невыразимыхъ искушеній.

При этихъ словахъ игуменъ прослезился и долго плакалъ объ Іоаннѣ. Богъ же, Который все обращаетъ на пользу, особымъ тайнымъ воздѣйствіемъ на сердце игумена внушилъ ему, чтобы онъ не препятствовалъ Іоанну пойти къ своимъ родителямъ: Господь хотѣлъ сдѣлать въ немъ впослѣдствіи дивными Свои желанія [1]). Игуменъ благословилъ Іоанна идти, куда онъ хочетъ, лишь увѣщавалъ его тщательно беречься отъ сѣтей врага и сохранить въ пути непорочность.

— Хотя я и пойду къ родителямъ,—отвѣчалъ Іоаннъ,—однако и тамъ, съ помощію Божіею и вашихъ молитвъ, сокрушу главу моего врага и покажу его безсиліе.

Затѣмъ Іоаннъ пошелъ въ свою келлію, чтобы приготовиться въ путь. Приготовленіе же это состояло не въ чемъ-либо другомъ, а только въ молитвахъ, слезахъ, воздыханіяхъ сердца, соединенныхъ съ колѣнопреклоненіями,—чтобы Господь не далъ восторжествовать врагу, но Самъ, какъ знаетъ и хочетъ, направилъ его путь по Своей благой и всесовершенной волѣ. Придя на другой день поутру къ игумену, Іоаннъ палъ къ его ногамъ и началъ умолять его не гнѣваться за уходъ его изъ монастыря, но напутствовать его своимъ отеческимъ благословеніемъ и святыми молитвами.

Тогда игуменъ созвалъ къ себѣ всѣхъ братьевъ и, объявивъ, что Іоаннъ хочетъ уйти отъ нихъ, приказалъ молиться за него. Самъ же Іоаннъ, прощаясь, говорилъ братіямъ:

— Знаю я, что діаволъ хочетъ совсѣмъ удалить меня изъ этого святаго мѣста подъ предлогомъ свиданія съ моими родителями. Но я надѣюсь на Бога и на ваши святыя молитвы, что я и съ родителями увижусь, и діавола поборю, побѣдивъ его обольщеніе.

Послѣ этого всѣ пошли въ церковь и тамъ со слезами помолились объ Іоаннѣ. Игуменъ же, благословляя его въ путь, сказалъ:

---

1) Выраженіе заимствовано изъ Псалма 15, ст. 3 (въ славянскомъ переводѣ).

— Иди, сынъ мой, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, и Господь нашъ Іисусъ Христосъ да сопутствуетъ тебѣ и да управитъ путь твой по Своей волѣ.

Также благословили его, поднимая руки, и всѣ прочіе отцы. Іоаннъ цѣловалъ ихъ всѣхъ и говорилъ:

— Да спасетъ васъ Господь, отцы и братія, да спасетъ Онъ васъ — благословенную Имъ дружину добрыхъ подвижниковъ, съ любовью принявшихъ меня въ свое сообщество, котораго теперь я лишаюсь по своему недостоинству жить вмѣстѣ съ такими угодными Богу людьми.

Съ этими словами онъ вышелъ изъ монастыря и отправился въ свой путь.

Отойдя отъ монастыря на разстояніе стадіи [1]), онъ оглянулся назадъ и, увидѣвъ монастырь, горько заплакалъ. Онъ палъ на колѣна и, рыдая и орошая землю слезами, сталъ молиться Богу. Потомъ онъ всталъ и снова отправился въ путь, поручая себя Богу и возлагая свои надежды на Его промышленіе и покровительство. По дорогѣ ему встрѣтился одинъ нищій, одѣтый въ лохмотья. Іоаннъ обратился къ нему и сказалъ:

— Вижу, что у тебя, братъ мой, одежда очень ветха и вся изорвана; прошу тебя, дай ее мнѣ, самъ же возьми мою—лучшую.

Нищій очень обрадовался и тотчасъ же, снявъ свое рубище, подалъ его Іоанну, а тотъ отдалъ ему, взамѣнъ, свою лучшую одежду.

Когда Іоаннъ подошелъ къ Царьграду, то, увидѣвъ издали домъ своихъ родителей, упалъ лицомъ на землю и сталъ молиться такими словами:

— Господи Іисусе Христе, не оставь меня!

Былъ вечеръ, и блаженный Іоаннъ остался здѣсь ждать наступленія ночи. Въ полночь же, подойдя къ дверямъ родительскаго дома, онъ снова упалъ на землю и молился:

— Господи Іисусе Христе! Вотъ, домъ отца моего, видѣть который я такъ желалъ. Но не попусти мнѣ лишиться изъ-за него Твоей благодати. Молю Тебя, Владыка, даруй мнѣ свыше помощь и силу побѣдить діавольское искушеніе, не попусти его торжества надо мной и моего паденія, но дай мнѣ доблестно окончить на этомъ мѣстѣ жизнь свою.

Такъ онъ молился до разсвѣта утра. Съ наступленіемъ дня, когда открылись двери и вышелъ управитель дома, начальствовав-

[1]) Стадія равняется $87^1/_2$ саженямъ.

шій надъ прочими рабами, то онъ, увидѣвъ одѣтаго въ лохмотья нищаго, спросилъ у него:

— Кто ты, откуда и зачѣмъ осмѣлился придти сюда? Ступай скорѣе прочь отсюда, такъ какъ сейчасъ выйдутъ мои господа.

— Какъ видишь,—кротко отвѣчалъ ему Іоаннъ,—я—нищій, не имѣю гдѣ приклонить голову, прошу тебя, господинъ мой, сжалься надо мной, не гони меня отсюда, но позволь остаться въ этомъ углу. Я никому не сдѣлаю зла, самъ же ты получишь милость отъ Бога, если пожалѣешь меня и позволишь мнѣ остаться здѣсь.

Сжалившись надъ нищимъ, управитель дома оставилъ его. Спустя немного времени вышли изъ дому родители Іоанна, направляясь въ царскій дворецъ. При видѣ ихъ, блаженный заплакалъ и сталъ говорить въ своемъ умѣ:

«Желаніе мое, наконецъ, исполнилось,—я вижу своихъ родителей. Но не порадуешься, діаволъ, потому что, по благодати моего Господа, я считаю за ничто твои, обращенныя противъ меня, палящія стрѣлы».

И снова отъ всей души воззвалъ онъ къ Богу:

«Господи Іисусе Христе, не оставь меня до конца!»

Блаженный Іоаннъ оставался неподвижнымъ въ углу у воротъ и лежалъ тамъ, какъ Лазарь [1]), или какъ Іовъ на кучѣ пепла [2]). Отецъ его, видя лежащаго у воротъ бѣднаго нищаго, началъ посылать ему кушанья со своего стола, говоря:

—Велико терпѣніе у этого нищаго: оставаясь безъ крова, онъ переноситъ и зиму и зной, и морозъ и дождь; поистинѣ таковые именно наслѣдуютъ Царство Небесное. Ради него Богъ, можетъ быть, и насъ спасетъ, почему и направилъ его къ намъ,—чтобы, оказывая милость ему, мы чрезъ это и сами удостоились потомъ быть помилованными Имъ. Кто знаетъ,—быть можетъ, такую же нищету переноситъ сейчасъ и нашъ возлюбленный сынъ Іоаннъ, о которомъ мы даже не знаемъ, гдѣ онъ; мы дѣлаемъ этому нищему то самое, чего желали бы въ такомъ случаѣ нашему сыну отъ другихъ.

Однажды мать Іоанна, выйдя изъ дому, увидѣла этого нищаго лежащимъ на кучѣ навоза въ своихъ лохмотьяхъ. Это показалось ей настолько отвратительнымъ, что она сказала слугамъ:

---

1) Еванг. отъ Луки, гл. 16, ст. 20.

2) Кн. Іова, гл. 2, ст. 8.

— Оттащите прочь отсюда этого противнаго человѣка, такъ какъ я не могу ходить сюда, пока вижу, что онъ здѣсь лежитъ.

Слуги тотчасъ оттащили его въ другое мѣсто. Блаженный могъ теперь только издали смотрѣть на ворота дома своего отца. Однажды, увидѣвъ вышедшаго изъ воротъ управителя дома, онъ подозвалъ его къ себѣ и сказалъ:

— Умоляю тебя, господинъ мой,—какъ съ самаго начала ты былъ милостивъ ко мнѣ, такъ и теперь пожалѣй меня и сдѣлай мнѣ небольшую палатку, чтобы госпожа ваша не видала меня и чтобы у меня было хотя какое-нибудь прикрытіе отъ холода.

Управитель исполнилъ просьбу Іоанна и вскорѣ построилъ небольшую палатку, въ которой святый и оставался, проводя все время въ молитвѣ къ Богу. Каждый день отецъ посылалъ ему съ своего стола пищу; Іоаннъ съ благодарностію принималъ ее, но раздавалъ посѣщавшимъ его другимъ нищимъ, самъ же всегда терпѣлъ голодъ и жажду и отъ такого чрезвычайнаго воздержанія и поста настолько исхудалъ, что можно было пересчитать всѣ суставы его костей.

Въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ Іоаннъ терпѣливо переносилъ такую жизнь, скрывая отъ своихъ родителей, что онъ сынъ ихъ. По прошествіи же трехъ лѣтъ преблагій и человѣколюбивый Господь нашъ Іисусъ Христосъ, видя терпѣніе и смиреніе Своего раба, опредѣлилъ положить конецъ его бѣдствіямъ и трудамъ. Онъ явился ему въ видѣніи и сказалъ:

— Радуйся, Іоаннъ, уподобившійся возлюбленному ученику Моему Іоанну Дѣвственнику [1]), потому что ты, оставивъ все, послѣдовалъ за Мной въ чистомъ дѣвствѣ. Вотъ, уже приближается предѣлъ твоей жизни, и наступаетъ конецъ твоимъ великимъ страданіямъ: черезъ три дня ты пріидешь ко Мнѣ и наслѣдуешь покой праведныхъ.

Придя въ себя послѣ видѣнія, Іоаннъ началъ со слезами молиться Господу и говорилъ:

— Благодарю Тебя, Господи Боже мой, что Ты хочешь даровать мнѣ, недостойному, покой праведныхъ. Но умоляю Тебя, Владыка мой, вспомни и о моихъ родителяхъ, помилуй ихъ по Своей великой милости и очисти ихъ грѣхи, потому что Ты одинъ благъ и многомилостивъ.

---

[1]) Т. е. св. Іоанну Богослову.

Послѣ такой молитвы онъ позвалъ къ себѣ вышеупомянутаго слугу своихъ родителей, управителя дома, и сказалъ ему:

— Съ самаго начала и до сихъ поръ ты былъ милостивъ ко мнѣ. Умоляю тебя, господинъ мой, будь милостивъ до конца. Объ одномъ прошу тебя,—поди и скажи своей госпожѣ слѣдующее: тотъ нищій, котораго ты приказала прогнать отъ воротъ, умоляетъ тебя чрезъ меня такими словами: ради Владыки Христа, не погнушайся мною, убогимъ, но соблаговоли придти ко мнѣ, ибо мнѣ нужно поговорить съ тобою.

Слуга передалъ своей госпожѣ слова нищаго. Та же сказала:

— О чемъ еще нищему говорить со мною? Я и смотрѣть-то на него не могу, а онъ еще бесѣдовать хочетъ со мной.

Объ этомъ она разсказала мужу, но тотъ сталъ уговаривать ее:

— Иди, жена моя, не гнушайся нищимъ, ибо Самъ Богъ избралъ нищихъ.

Тѣмъ не менѣе она не послушала мужа и не пожелала идти. Преподобный Іоаннъ снова послалъ къ ней съ такими словами:

— Черезъ три дня я умру, ты же, если не захочешь видѣться и говорить со мною, очень потомъ будешь сожалѣть.

Она стала колебаться въ раздумьѣ,—идти ей или нѣтъ,—не столь желая послушать нищаго, сколько любопытствуя, что именно онъ хочетъ сказать ей; едва побѣдила она свою нерѣшительность и вознамѣрилась пойти, только услышавъ о приближеніи его смерти и разсчитывая узнать отъ него что-нибудь новое. Она вышла изъ дому и приказала своимъ рабамъ принести и положить предъ ней нищаго, такъ какъ преподобный Іоаннъ, по причинѣ тяжкой болѣзни, самъ не могъ уже подойти. Чтобы не быть узнаннымъ, онъ закрылъ свое лицо и началъ такъ говорить ей:

— Скоро уже, госпожа, я перестану нуждаться въ оказываемыхъ мнѣ пріютѣ и помощи, и уже уготована вамъ награда за милостыню, по слову Господнему въ Евангеліи: **поне́же сотвори́сте є҆ди́номꙋ си́хъ бра́тїй мои́хъ ме́ньшихъ, мнѣ̀ сотвори́сте** [1]). Я же, не обладая по своему убожеству никакимъ имуществомъ, хочу оставить тебѣ нѣкоторое благословеніе, но прежде умоляю тебя: поклянись мнѣ исполнить то, что я скажу тебѣ,—и тогда ты получишь благословеніе.

Она поклялась исполнить, что онъ скажетъ. Тогда преподобный Іоаннъ сталъ просить:

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 25, ст. 40.

— Умоляю тебя, госпожа, чтобы ты распорядилась, по смерти моей, похоронить меня на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ моя палатка. Не позволяй покрывать меня никакими другими одеждами, кромѣ этихъ лохмотьевъ, которыя сейчасъ на мнѣ, такъ какъ я не стóю болѣе почетнаго мѣста и лучшей одежды.

Послѣ этого онъ вынулъ изъ-за пазухи Евангеліе и, подавая ей, сказалъ:

— Пусть это будетъ тебѣ утѣшеніемъ въ настоящей жизни и добрымъ путемъ въ вѣчность тебѣ и твоему мужу, моему господину.

Взявъ Евангеліе, она стала разсматривать его, обращая къ себѣ то той, то другой стороной, и думая про себя:

«Какъ это Евангеліе похоже на то, которое господинъ мой переплелъ для нашего сына!»

И потомъ пошла и показала его своему мужу. Тотъ призналъ его и сказалъ:

— Это дѣйствительно то самое Евангеліе, которое мы подарили нашему возлюбленному сыну, а не другое, пойдемъ и спросимъ: откуда оно у него и не знаетъ ли онъ чего-либо о нашемъ сынѣ Іоаннѣ.

Родители пришли къ нему вдвоемъ и стали ему говорить:

— Заклинаемъ тебя Святой и Живоначальной Троицей,— скажи намъ, откуда ты взялъ это Евангеліе и гдѣ нашъ сынъ Іоаннъ?

Будучи не въ силахъ скрывать болѣе муку своего сердца и удерживаться отъ слезъ, онъ отвѣчалъ:

— Я—вашъ сынъ Іоаннъ, и это—то самое Евангеліе, которое вы мнѣ подарили; правда, я виноватъ въ причиненной вамъ скорби, но подаренное мнѣ вами Евангеліе научило меня любить Христа и терпѣливо нести Его благое иго.

Услышавъ это, они припали къ его изголовью, обнимали его и въ теченіе долгаго времени орошали его обильными слезами. Одновременно ихъ сердце было переполнено и радостію, и скорбію: радовались они тому, что нашелся, наконецъ, ихъ любимый сынъ, сокрушались же сердцемъ оттого, что нашли его въ такой нищетѣ и убожествѣ и что не узнали его, когда онъ лежалъ у воротъ. Всѣ сосѣди, друзья и знакомые собрались къ нимъ; слухъ о возвращеніи Іоанна прошелъ по всему городу, и всѣ, прославляя Бога, дивились сему. Между тѣмъ преподобный Іоаннъ предалъ

душу свою въ руцѣ Божіи[1]). Богу было угодно, чтобы жизнь Іоанна, и при самой его кончинѣ, осталась неоскверненной мірскими почестями и отрѣшившейся отъ любви родительской; Господь потому и поспѣшилъ взять его къ Себѣ, чтобы онъ вошелъ въ небесное жилище чуждымъ міра и мірской дружбы.

Забывъ клятву, мать сняла съ него ветхое рубище и одѣла его въ драгоцѣнныя, золототканныя одежды; но неожиданно тотчасъ же впала въ разслабленіе и опасно занемогла. Евтропій же, отецъ Іоанна, сказалъ:

— Мы должны исполнить волю своего сына, такъ какъ онъ не хочетъ, чтобы его хоронили въ такихъ дорогихъ одеждахъ.

Съ тѣла преподобнаго сняли мірскія одежды, вновь одѣли въ нищенскія лохмотья, и Ѳеодора, мать Іоанна, тотчасъ же исцѣлѣла и стала по-прежнему здоровой. Честны́я и святыя мощи преподобнаго Іоанна родители его похоронили въ той же палаткѣ, въ которой онъ жилъ. Надъ гробомъ его они выстроили потомъ церковь и большой страннопріимный домъ, все же свое имущество пожертвовали на содержаніе странниковъ и пропитаніе нищихъ. Вскорѣ послѣ того они и сами мирно скончались и были погребены въ той же церкви, которую устроили надъ гробомъ своего сына.

Такова жизнь святаго и преподобнаго Іоанна Кущника, таковы подвиги и труды, которые онъ претерпѣлъ ради Христа, такова его борьба съ діаволомъ, побѣдивъ котораго, онъ увѣнчанъ теперь пречестнымъ небеснымъ вѣнцомъ въ Церкви Торжествующей, по благодати Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки, аминь.

Конда́къ прп҃бнагѡ, гла́съ в҃:

Возлюби́въ премꙋ́дре нищетꙋ̀ неѡкра́домꙋ, роди́телей твои́хъ бога́тство возненави́дѣлъ є҆сѝ, и҆ є҆ѵ҃лїе въ рꙋка́хъ твои́хъ держѧ̀, послѣ́довалъ є҆сѝ хр҃тꙋ̀ бг҃ꙋ і҆ѡа́ние, молѧ́сѧ непреста́ннѡ ѡ҆ всѣ́хъ на́съ.

---

[1]) *Преп. Іоаннъ Кущникъ* скончался въ началѣ второй половины V вѣка. При папѣ Формозѣ († 896 г.) въ Римѣ построена была въ честь преподобнаго церковь, гдѣ находилась часть мощей его. Паломникъ Антоній въ 1200 году видѣлъ мощи его у вратъ двора его въ Константинополѣ. Крестоносцами (1204—1261 гг.) глава его изъ Константинополя перенесена въ Безансонъ, а мощи его находятся въ Римѣ въ церкви его имени, но когда онѣ перенесены сюда изъ Константинополя—не извѣстно.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ПАНСОФІЯ

Святый Пансофій былъ сыномъ александрійскаго проконсула[1]) Нила. Обладая большимъ богатствомъ, Нилъ не жалѣлъ средствъ на воспитаніе своего сына, и святый Пансофій, при своихъ прекрасныхъ способностяхъ, получилъ основательныя познанія въ христіанскихъ истинахъ, наряду съ широкимъ свѣтскимъ образованіемъ. По смерти отца святый употребилъ свое богатство на вспомоществованіе нуждающимся, послѣ чего удалился въ пустыню, отвергнувъ житейскіе помыслы, чтобы взыскать Господа. Двадцать семь лѣтъ прожилъ онъ въ уединеніи, возводя умъ свой отъ земныхъ вещей къ созерцанію Небеснаго Царствія и пребывая въ непрестанной молитвѣ къ Богу. Слава о добродѣтельномъ житіи святаго отшельника дошла до александрійскаго префекта[2]), бывшаго при императорѣ Декіи—гонителѣ христіанъ. Представъ на судъ префекта, святый Пансофій изобличилъ лживость языческихъ ученій сказаніями самихъ же язычниковъ объ ихъ богахъ, съ доказательствами, исполненными истинности, проповѣдалъ, что Христосъ есть Богъ, и тѣмъ посрамилъ высокомѣріе мучителя. За это исповѣдникъ Христовъ подвергнутъ былъ жестокому бичеванію и, такимъ образомъ, воспріялъ мученическій вѣнецъ[3]).

1) *Проконсулами* назывались лица, управлявшія провинціями Римскаго государства.
2) *Префектъ*—градоначальникъ.
3) Въ половинѣ III вѣка.

День шестнадцатый

ПОКЛОНЕНІЕ ЧЕСТНЫМЪ ВЕРИГАМЪ

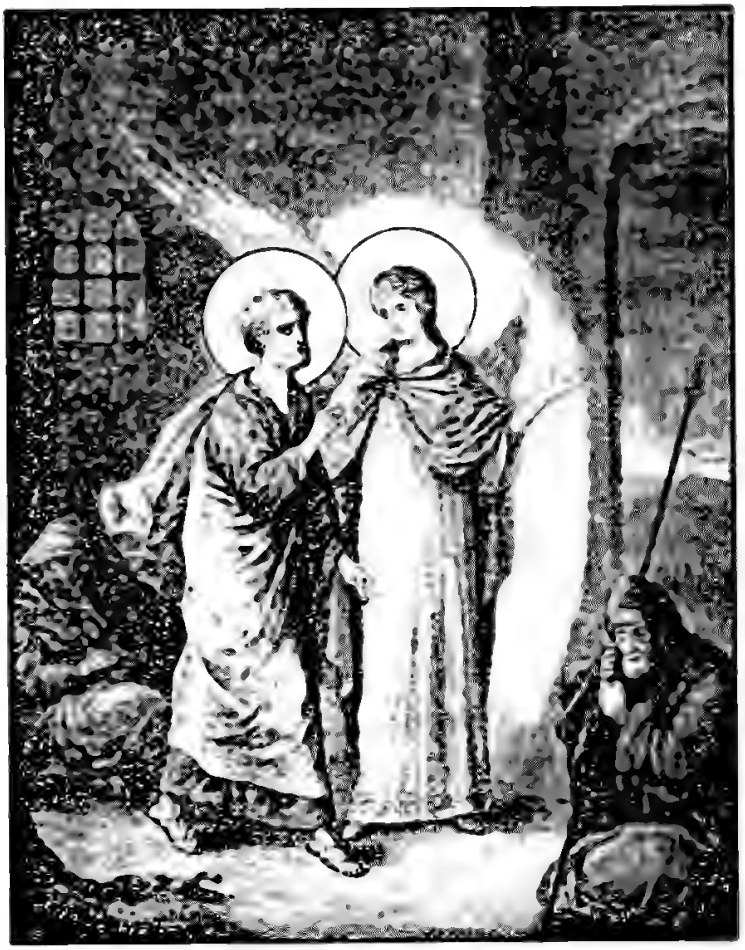
СВЯТАГО АПОСТОЛА ПЕТРА

Святый Апостолъ Петръ по приказанію царя Ирода[1]) былъ ввергнутъ въ темницу и скованъ двумя желѣзными цѣпями. Но ночью, когда онъ спалъ среди двухъ воиновъ, Ангелъ Господень разбудилъ его, толкнувъ въ бокъ, и вывелъ изъ темницы, причемъ желѣзныя вериги упали съ рукъ Апостола, какъ повѣствуется объ этомъ въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ[2]). Вѣсть о чудесномъ избавленіи Петра отъ оковъ и темницы разошлась по всему Іерусалиму,—и нѣкоторые изъ вѣрующихъ, взявъ тайно эти вериги, стали хранить ихъ у себя, чтобы, смотря на нихъ, имѣть предъ глазами какъ бы самого первоверховнаго Апостола Петра, который немедленно по выходѣ изъ темницы отправился для проповѣданія Слова Божія въ другія страны и не возвращался въ Іерусалимъ. Эти вериги получили отъ тѣла Апостола, который былъ крѣпко ими связанъ, цѣлебную силу. Извѣстно, что головныя повязки и платки святаго Апостола Павла исцѣляли болѣзни и изгоняли нечистыхъ духовъ, потому что были пропитаны потомъ

---

1) Здѣсь разумѣется *Иродъ Агриппа I-й*, внукъ Ирода Великаго, царь Іудейскій, убившій мечомъ св. апостола Іакова Зеведеева и хотѣвшій погубить также и Апостола Петра; управлялъ Іудеей въ царствованіе римскихъ императоровъ Калигулы (37—41 гг.) и Клавдія (41—54 гг.); умеръ, пораженный Ангеломъ, отъ тяжкой болѣзни вскорѣ послѣ чудеснаго освобожденія Апостола Петра изъ темницы.

2) Кн. Дѣян. Ап., гл. 12, ст. 1.



Ѡсвобожденіе из темницы стагѡ апла петра

его[1]); такое же дѣйствіе оказывали вериги святаго Петра, потому что нѣкогда плотно охватывали тѣло Апостола. Вѣрующіе съ глубокимъ благоговѣніемъ чтили эти честныя вериги, воздавали имъ поклоненіе и тщательно хранили ихъ, какъ дорогое наслѣдство, изъ рода въ родъ, причемъ каждый разъ родители—дѣтямъ, а тѣ—своимъ наслѣдникамъ объясняли, какого великаго узника касались эти вериги и чьимъ тѣломъ онѣ освящены. Такъ перешли онѣ по наслѣдству въ руки святѣйшаго Іерусалимскаго Патріарха Ювеналія[2]). И когда благочестивая царица Евдокія, супруга царя Ѳеодосія Младшаго[3]), возвращалась въ Царьградъ изъ Іерусалима,—гдѣ, за время своего пребыванія, построила много церквей и украсила изъ своихъ царскихъ средствъ Святыя мѣста,—то Патріархъ Ювеналій подарилъ ей за ея благочестіе и любовь къ святынѣ немало разныхъ духовныхъ сокровищъ. Въ числѣ ихъ онъ подарилъ ей и эти честныя и чудотворныя вериги святаго Апостола Петра[4]). По возвращеніи въ Царьградъ, Евдокія одну веригу принесла въ даръ храму святаго Апостола Петра, находившемуся внутри Великаго Софійскаго собора[5]), а другую послала въ Римъ своей дочери Евдокіи, которая была замужемъ за римскимъ царемъ Валентиніаномъ III-мъ[6]). Благочестивая, подобно матери, Евдокія съ любовію приняла этотъ драгоцѣнный даръ и, построивъ на Эксквилійской горѣ храмъ во имя святаго Апостола Петра, положила тамъ эту веригу вмѣстѣ съ найденной въ Римѣ другой веригой святаго Апостола Петра, которою связалъ его во время мученій Неронъ[7]). Послѣ того было установлено совершать 16-го января праздникъ поклоненія этимъ честнымъ

---

1) Кн. Дѣян. Ап., гл. 19, ст. 15.

2) *Св. Ювеналій*—Патріархъ Іерусалимскій съ 420 по 450 г.

3) *Ѳеодосій II Младшій*—Византійскій императоръ, царствовалъ съ 408 по 450 годъ.

4) Честныя вериги св. Апостола Петра хранились въ Іерусалимѣ до 439 года, въ которомъ и получила ихъ отъ Патріарха Ювеналія императрица Евдокія.

5) Здѣсь разумѣется главный соборъ въ Константинополѣ во имя Софіи—Премудрости Божіей, созданный Константиномъ Великимъ. Впослѣдствіи этотъ соборъ былъ великолѣпно возобновленъ и расширенъ императоромъ Юстиніаномъ Великимъ въ 537 году; въ 1453 году, по взятіи Константинополя Турками, обращенъ въ мечеть. Юстиніановскій храмъ Св. Софіи представляетъ и понынѣ замѣчательнѣйшій, величественнѣйшій памятникъ христіанской архитектуры Византійскаго стиля, самой цвѣтущей эпохи его развитія.

6) *Валентиніанъ III*—Римскій императоръ; царствовалъ съ 423 по 455 годъ.

7) *Неронъ* — Римскій императоръ, царствовалъ съ 54 по 68 годъ; по его повелѣнію, Апостолъ Петръ преданъ былъ мученической смерти (около 67 года).—Вериги, которыми Апостолъ Петръ былъ окованъ по повелѣнію Нерона, были обрѣтены въ Римѣ во II вѣкѣ.

веригамъ [1]), въ память и честь святаго Апостола Петра и во славу Христа Бога нашего.

Тропа́рь пра́здника, гла́съ д҃:

Ри́ма не ѡ҆ста́вль, къ на́мъ прише́лъ є҆сѝ, честны́ми ве́ригами, и҆̀же носи́лъ є҆сѝ, а҆пⷭ҇лѡвъ первопрестóльне: и҆̀мже вѣ́рою покланѧ́ющесѧ мо́лимсѧ: твои́ми къ бг҃ꙋ мл҃твами, да́рꙋй на́мъ ве́лїю мл҃ть.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Ка́мень хрⷭ҇то́съ, ка́менѧ вѣ́ры прославлѧ́етъ свѣ́тлѡ ᲂу҆чи́кѡвъ первопрестóльника: созыва́етъ бо всѧ̑ пра́здновати пе́тре, чꙋдесѝ твоеѧ̑ чⷭ҇тыѧ̑ ве́ри́ги, и҆ пода́етъ согрѣше́нїй проще́нїе.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Верхо́внаго и҆ пе́рваго а҆пⷭ҇лѡвъ, и҆́стины бж҃е́ственнаго ᲂу҆чнка̀, петра̀ вели́каго восхва́лимъ, и҆ тогѡ̀ вѣ́рою цѣлꙋ́емъ ве́ри́ги, прегрѣше́нїй разрѣше́нїе прїе́млюще.

СТРАДАНІЕ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

СПЕВСИППА, ЕЛЕВСИППА и МЕЛЕВСИППА,

бабки ихъ

ЛЕОНИЛЛЫ

и другихъ съ ними

Святый Поликарпъ, епископъ Смирнскій [2]), ученикъ святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, желая, по дѣйствію Духа Святаго, умножить словесное стадо вѣрующихъ во Христа, послалъ въ различныя страны своихъ учениковъ съ тѣмъ, чтобы

---

[1]) Римскій праздникъ веригъ существовалъ въ началѣ II вѣка, при Папѣ Александрѣ (109—119 гг.) въ память вериги Апостола Петра въ римской темницѣ, которую чтили и лобызали, а послѣ праздникъ сей обновленъ присланною вергою изъ Іерусалима. Праздникъ этотъ совершается въ Римской Церкви 1-го августа.

[2]) Память *св. священномученика Поликарпа*, епископа Смирнскаго, совершается Церковію 23-го февраля; скончался мученически въ 167 году.

Ст҃іи мч҃нцы

Спеvсі́ппъ, Єлеvсі́ппъ, Меле́vсіппъ и Леоні́ллa

[illegible] Петра и во славу Христа [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] Александра [illegible] Апостола Петра [illegible] Христа, [illegible] своихъ учениковъ съ тѣмъ, чтобы

[illegible] II вѣка, при Папѣ Александрѣ [illegible] Апостола Петра [illegible] Іерусалимъ. [illegible] Іюля [illegible] Смирнскаго, совершается [illegible] 287 году.

они безбоязненно проповѣдывали всюду Слово Божіе. Узнавъ, что въ Галліи[1]) повсемѣстно происходитъ гоненіе на христіанъ по царскому указу, которымъ всѣ они приговорены къ смерти, святый Поликарпъ послалъ туда двухъ священниковъ Божіихъ — Андохія и Венигна и третьяго—діакона Ѳирса. Это были истинно добродѣтельные люди, преданные Богу, усердные въ подвигахъ, съ любовію готовые всегда отправиться на благовѣстническій трудъ, сушею ли, моремъ ли, больше жаждавшіе, чѣмъ боявшіеся мученій и смерти за Христа. Получивъ приказаніе отъ своего епископа, они тотчасъ же взошли на корабль. Отпуская ихъ, святый епископъ Поликарпъ напутствовалъ ихъ такими словами:

— Идите, доблестные мужи, и съ благодатной помощію Христа крѣпко стойте за Него. Чрезъ святое исповѣданіе пресвятаго Имени Христова вы пріобрѣтете себѣ многихъ сподвижниковъ и, радуясь вмѣстѣ съ ними побѣдѣ, достигнете славы и вѣчныхъ почестей. Да умножатся обильные плоды вашихъ трудовъ, и да возвеличится радость въ райскихъ жилищахъ праведниковъ при видѣ вашихъ святыхъ пріобрѣтеній!

Напутствованные этими и многими другими благословеніями святаго Поликарпа, они взошли на корабль и скоро, по особому указанію Божію, прибыли къ Массилійскимъ берегамъ[2]); сойдя на землю, они тотчасъ отправились въ путь, и Ангелъ Божій шелъ впереди ихъ. Прибывъ въ городъ, называвшійся Эдуя[3]), они встрѣтили, по Божію о нихъ промышленію, сенатора Фавста, человѣка благороднѣйшаго, который съ честію и любовію оказалъ имъ гостепріимство. Когда онъ узналъ, что гости—пресвитеры, то сталъ усердно просить ихъ, чтобы они привели ко Христу чрезъ Святое Крещеніе его семейство, родныхъ и знакомыхъ; самъ онъ уже былъ христіаниномъ, лишь — тайнымъ по причинѣ гоненія на христіанство. Онъ привелъ къ нимъ и своего сына — юношу Симфоріана; впослѣдствіи этотъ юноша, по наученію святыхъ,

---

[1]) *Галлія*—нынѣшняя Франція.

[2]) *Массилія*—приморскій городъ южной Галліи съ превосходною укрѣпленною гаванью —одинъ изъ важнѣйшихъ центровъ римской образованности въ южной Галліи; нынѣ—Марсель, главный городъ французскаго департамента Устьевъ Роны, первый морской торговый городъ Франціи съ числомъ жителей болѣе 300000 человѣкъ; лежитъ между устьемъ Роны и Тулономъ, при восточной бухтѣ Ліонскаго залива, у подножія скалистыхъ отроговъ провансальскихъ Альпъ. Отсюда въ древности христіанство распространилось по всей южной Галліи.

[3]) *Эдуя* —древній городъ Галліи, на юго-востокъ отъ Парижа, между рѣками Луарой и Соной.

главнымъ же образомъ—по Божію предопредѣленію, пострадалъ за Христа, когда потребовали того обстоятельства. Представивъ юношу священникамъ, Фавстъ умолялъ святаго Венигна крестить его, а святаго Андохія—быть ему воспріемникомъ, и служители Божіи исполнили благочестивое желаніе отца.

Потомъ, вспомнивъ о своей сестрѣ и ея внукахъ, Фавстъ сказалъ:

— У меня есть родная сестра, по имени Леонилла, которая проживаетъ въ одномъ изъ лингонійскихъ[1]) городовъ. У нея есть три внука—дѣти ея сына, близнецы по рожденію. Они, хотя и получили прекрасное образованіе, но, слѣдуя примѣру отцовъ, остаются въ язычествѣ, поклоняясь идоламъ. Бабка же ихъ, а моя сестра, желала бы сдѣлать внуковъ воинами Христовыми и посвятить на служеніе Ему. Умоляю васъ, священники Божіи, помогите ей и доведите до конца начатое дѣло: просвѣтите весь благородный домъ.

Услышавъ это, святые рѣшили раздѣлиться для проповѣди: Андохій отправился вмѣстѣ съ Ѳирсомъ въ Августодонійское селеніе[2]), гдѣ, послѣ обращенія многихъ въ христіанскую вѣру, скончался потомъ мученическою смертію. Святаго же Венигна Фавстъ отправилъ въ лингонійскій городъ къ своей сестрѣ.

Леонилла, сестра Фавста, встрѣтила святаго Венигна какъ бы упавшую съ неба манну, съ великою радостію. Внуки ея въ этотъ день были въ селеніи, называвшемся Пасмасія, для принесенія нечистыхъ жертвъ идолу богини Немезиды[3]), причемъ, возвращаясь домой, они принесли своей бабкѣ остатки жертвеннаго мяса. Но она, гнушаясь скверными языческими жертвами, выбросила это мясо на съѣденіе собакамъ, къ внукамъ же обратилась при святомъ пресвитерѣ Венигнѣ съ такими словами:

---

1) *Лингоны*—древній кельтическій народъ, въ странѣ бельговъ между верхней Соной и областью истоковъ Марны и Сены; столицею ихъ былъ городъ Андематунъ, который здѣсь и разумѣется,—нынѣ—*Лангръ*, городъ и первоклассная крѣпость во французскомъ департаментѣ верхней Марны.

2) *Августодонъ*—главный городъ Эдуевъ (кельтскаго народа Галліи): нынѣ—Отюнъ въ департаментѣ Луары и Соны.

3) По вѣрованіямъ древнихъ грековъ, Немезида была богиней, которая раздаетъ людямъ по ихъ заслугамъ долю, счастье и несчастье, назначаетъ награду или наказаніе по нравственному суду за совершенныя дѣянія, въ особенности же мстить и наказываетъ зазнающихся людей, смиряетъ ихъ гордость, назначаетъ тому, кому судьба дала слишкомъ много счастья, потери и несчастіе, дабы справедливая мѣра была снова возстановлена и человѣкъ не забывалъ о своемъ человѣческомъ жребіи.

— Любезные мои внуки! Познайте Господа нашего Іисуса Христа, Истиннаго и Живаго Бога, Которому воздаютъ должное поклоненіе Ангелы и всѣ твари, Который Своимъ словомъ сотворилъ весь міръ, простеръ своимъ повелѣніемъ высоту небесную, распространилъ широту земли, собралъ морскія бездны и оградилъ ихъ пескомъ, украсилъ небо звѣздами, утвердилъ на немъ два великихъ свѣтила, чтобы они освѣщали своими лучами все, созданное Имъ, населилъ воды рыбами, одѣлъ землю деревьями и травою и создалъ на ней, по Своей волѣ, всякихъ животныхъ. Потомъ Онъ благоволилъ создать по образу Своему и подобію человѣка и украсилъ его особымъ даромъ премудрости, вѣдѣнія и разума, чтобы онъ усердно искалъ Господа—Владыку всѣхъ тварей и не обнаруживалъ непочтенія къ Нему чрезъ пренебреженіе познаніемъ Его, чтобы познавалъ добро и научался различать его отъ зла, чтобы не только не воздавалъ какого-либо почтенія безчувственнымъ идоламъ, измышленнымъ діаволомъ для обольщенія людей, но отвергалъ ихъ, какъ нечистыхъ, и избѣгалъ всякаго общенія съ ними, такъ какъ эти идолы появились въ мірѣ по коварству діавола, еще въ Раю прельстившаго перваго человѣка. Любезнѣйшіе внуки! Оставьте всѣхъ нечистыхъ идоловъ и твердо увѣруйте въ Творца всего—Господа нашего Іисуса Христа. Вотъ, по благодати Божіей, къ вамъ присланъ изъ далекой страны этотъ святый мужъ, котораго вы видите предъ собой. Послушайте его, потому что устами его Самъ Богъ возвѣщаетъ вамъ Свои заповѣди, и учитесь отъ Него тому, что можетъ содѣйствовать вашему спасенію.

Когда блаженная Леонилла, вмѣстѣ со святымъ Венигномъ, увѣщевала такъ своихъ внуковъ, благодать Божія проникла незримо въ ихъ сердца. Съ удивленіемъ слушали юноши слова своей бабки, смотря другъ на друга и размышляя, и потомъ всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали ей:

— Зачѣмъ же ты молчала до сихъ поръ предъ нами о дѣлѣ такой большой важности? Зачѣмъ въ теченіе столь долгаго времени скрывала отъ насъ путь Истины и лучезарный Свѣтъ?

Поднявъ свой взоръ и благоговѣйно воздѣвъ руки къ Небу, Леонилла возблагодарила Бога за то, что внуки ея начинаютъ познавать Истину, и съ любовію сказала имъ:

— Сынъ мой, а вамъ—отецъ, который теперь сошелъ въ преисподнюю, не отличаясь ни умомъ, ни мудростію, настолько

былъ ожесточенъ сердцемъ и погруженъ въ мракъ нечестія, что не хотѣлъ не только вѣровать во Христа Бога, но даже—произнести Его святаго Имени. Какую же пользу могло принести Слово Божіе тому, сердце котораго всецѣло было одержимо злобой невѣрія, такъ что, ослѣпленный идолопоклонствомъ, онъ и не могъ видѣть свѣта правды? Только ради него я молчала и не говорила вамъ о томъ, что служитъ къ вашей пользѣ: я боялась, что онъ своимъ пагубнымъ вліяніемъ навсегда отклонитъ васъ отъ праваго пути. Но такъ какъ теперь, по волѣ Божіей, его уже нѣтъ на свѣтѣ, то исчезли для васъ всѣ препятствія. Время настало благопріятное,—откройте и обратите къ Небу свои тѣлесныя очи и сердечныя и, съ помощію благодати Господа нашего Іисуса Христа, искорените изъ своихъ душъ всякую склонность къ идолопоклонству, чтобы исполниться чрезъ то непрестанной радости.

Многое и другое говорила юношамъ блаженная Леонилла вмѣстѣ съ святымъ пресвитеромъ, и, подъ вліяніемъ ихъ рѣчей, юноши вспомнили видѣнные ими въ предъидущую ночь сны, которыми предуказывалось ихъ обращеніе въ Христову вѣру, и стали разсказывать другъ другу.

— Я видѣлъ,—сказалъ старшій, Спевсиппъ,—будто бы припалъ къ груди нашей бабки и сосалъ переполненные молокомъ сосцы, она же ласково говорила мнѣ: пей, Спевсиппъ, спасительное молоко, чтобы, подкрѣпившись имъ, ты могъ устоять противъ враговъ и получить славную побѣду.

— А я видѣлъ,—сказалъ Елевсиппъ,—какого-то мужа, сидящаго на Небесномъ Престолѣ и сіяющаго невыразимою славою, отъ блеска которой у меня потемнѣло въ глазахъ и всего меня охватили ужасъ и страхъ. Онъ же, обративъ ко мнѣ свое лучезарное лицо, сказалъ: не бойся, потому что ты удостоишься получить вѣнецъ побѣды!

Третій братъ Мелевсиппъ такъ сталъ разсказывать о бывшемъ ему сновидѣніи:

— Я видѣлъ—и самъ не знаю, какого—великаго Царя, въ рукахъ Котораго былъ скипетръ. Всѣхъ насъ троихъ вмѣстѣ Онъ принялъ въ Свое войско, возложивъ на насъ воинскіе пояса и, выкупивъ насъ за дорогую цѣну изъ оковъ плѣна, предписалъ намъ золотыми словами вѣчную свободу, причемъ сказалъ мнѣ: «Мелевсиппъ! Я назначилъ васъ, трехъ братьевъ, быть Моими приближенными и увѣнчать васъ вѣчными наградами, потому что

ваша бабка непрерывно—и днемъ и ночью—молится Мнѣ о вашемъ спасеніи, чтобы вы были направлены по истинному пути жизни и, избавившись отъ обольщеній злаго духа, сподобились увидѣть Свѣтъ Истины и, вмѣсто смерти, наслѣдовать жизнь.

Дивны были эти видѣнія трехъ братьевъ, одинаково означавшія ихъ обращеніе къ Богу! Подъ впечатлѣніемъ этихъ видѣній и подъ вліяніемъ увѣщаній Леониллы и пресвитера братья обратились, наконецъ, къ своей блаженной бабкѣ съ такими словами:

— Скажи, что намъ дѣлать, чтобы ваша проповѣдь могла привести насъ къ спасенію, освободивъ отъ прежнихъ заблужденій?

Святая Леонилла и пресвитеръ Божій обрадовались и, съ благодарностію Господу въ душахъ своихъ, отвѣчали:

— Соблюдайте всѣ заповѣди Божіи, твердо вѣруйте въ Царя царей—Христа Бога и, отвергнувъ нечистыхъ идоловъ, всецѣло посвятите себя на служеніе Создателю своему—Богу.

Послѣ этого святый пресвитеръ Венигнъ, тщательно научивъ юношей истинамъ христіанской вѣры, крестилъ ихъ и окончательно утвердилъ въ исповѣданіи Христовомъ, самъ же удалился въ одинъ изъ Дивіонійскихъ[1]) городовъ, гдѣ, обративъ въ короткое время многихъ ко Христу, скончался мученически.

Трое святыхъ братьевъ-близнецовъ немедленно, по своемъ утвержденіи въ христіанской вѣрѣ, послали своихъ слугъ съ приказаніемъ разбить вышеупомянутаго идола богини Немезиды, причемъ и сами уничтожили двѣнадцать находившихся въ ихъ домѣ истукановъ. Тотчасъ же по всей Лингонійской странѣ прошла молва о томъ, что внуки Леониллы, столь знатные по происхожденію юноши, увѣровали во Христа и уничтожили идоловъ. Озлобился противъ нихъ народъ, возстали власти, судьи и языческіе жрецы воспылали гнѣвомъ. Собравшіеся со всѣхъ сторонъ начальники начали допрашивать святыхъ юношей:

— Откуда такъ неожиданно напало на васъ безуміе? Кто внушилъ вамъ отвергнуть почитаніе боговъ, которымъ съ давнихъ временъ служили ваши предки? Неужели вы такъ легко готовы отвергать повелѣніе царя и считать Богомъ распятаго іудеями Христа?

Исполнившись Духа Святаго, юноши отвѣчали:

— О слѣпые сердцемъ, объятые вѣчнымъ мракомъ, закоснѣлые во грѣхахъ и обреченные на вѣчныя мученія и смерть!

[1]) *Дивіонійская страна* находилась на востокѣ Галліи.

зачѣмъ сами, обольщаемые діаволомъ, склоняете и насъ поклоняться камню или какому-либо другому предмету, которому придано подобіе человѣка? Вѣдь это—издѣлія человѣческихъ рукъ: они бездушны, безчувственны и ничтожны,—и однако же вы почитаете ихъ, по своему безумію, за боговъ. Нашъ же Господь Іисусъ Христосъ есть Богъ Живой, равносущный, по ученію нашей вѣры, другимъ Лицамъ Пресвятой Троицы—Отцу и Святому Духу, Богъ отъ Бога, Свѣтъ отъ Свѣта, Сіяніе отъ Сіянія, Который всегда былъ, есть и будетъ, Творецъ всего, что въ мірѣ.

Такія слова святыхъ братьевъ привели язычниковъ въ большую ярость, особенно—ихъ жрецовъ и начальниковъ. Одинъ изъ нихъ, по имени Квадратъ, не стерпѣлъ и ударилъ по щекамъ Спевсиппа и Елевсиппа, потому что только эти двое юношей говорили противъ язычниковъ. Мелевсиппъ же, видя причиняемые братьямъ побои, воскликнулъ:

— Зачѣмъ и меня не бьешь, какъ братьевъ? Зачѣмъ лишаешь меня такого благодѣянія? Вотъ, они уже начали переносить страданія, которыхъ мы всѣ такъ желаемъ, мнѣ же не даешь потерпѣть святаго страданія, какъ будто бы считаешь меня невѣрующимъ во Христа и своимъ единомышленникомъ. Мы всѣ одинаково твердо вѣруемъ во Христа, одинаково презираемъ ваше языческое нечестіе и надѣемся получить отъ Христа одинаковую награду.

— За безчестіе нашимъ богамъ,—сказалъ Квадратъ,—мы подвергнемъ теперь васъ различнымъ мученіямъ.

Елевсиппъ отвѣчалъ:

— Чѣмъ больше приготовите намъ мученій, тѣмъ больше укрѣпите насъ въ благодати Божіей.

— Если не вырѣжете имъ языковъ съ корнемъ,—сказалъ другой нечестивый начальникъ Палматъ,—они не перестанутъ безчестить насъ и нашихъ боговъ.

Спевсиппъ отвѣчалъ:

— Если вы отрѣжете намъ, по своей жестокости, тѣлесные языки, то мы внутренними языками своихъ душъ будемъ прославлять величіе Божіе, и ваша злоба никогда не заставитъ насъ отречься отъ святой вѣры во Христа.

—Окаянные!—воскликнули Палматъ и третій начальникъ—Гермогенъ.—Вы всѣ вмѣстѣ готовите себя къ смертной казни.

— Умирать за Христа,—отвѣчалъ Спевсиппъ,—мы считаемъ за счастіе для себя, потому что такимъ образомъ мы скорѣе перейдемъ въ вѣчную жизнь, гдѣ нѣтъ никакой скорби, но одна лишь непрестанная радость.

Тогда лингонійскіе судьи—Палматъ, Квадратъ и Гермогенъ, видя непоколебимую твердость святыхъ юношей въ христіанской вѣрѣ, стали совѣщаться между собой, какимъ бы самымъ жестокимъ мученіямъ, на страхъ прочимъ, предать ихъ и какою бы наиболѣе лютою казнію умертвить ихъ. Первоначально они рѣшили, впрочемъ, позвать къ себѣ всѣми уважаемую Леониллу, чтобы попытаться чрезъ ея посредство отклонить юношей отъ христіанской вѣры и снова обратить ихъ въ язычество.

Они сказали ей:

— Если хочешь избавить своихъ внуковъ отъ мученій и спасти отъ смерти, то ступай и убѣди ихъ снова соорудить разбитыхъ ими боговъ, поклониться и принести имъ приличныя жертвы.

На эти и другія подобныя увѣщанія судей Леонилла отвѣчала:

— Пойду и постараюсь убѣдить ихъ позаботиться о своемъ спасеніи.

Когда она пришла къ своимъ святымъ внукамъ и узнала объ ихъ твердости въ святой вѣрѣ, то очень обрадовалась. Она съ любовію цѣловала каждаго изъ нихъ, плача отъ радости и благодаря Христа Бога, и, послѣ долгой молитвы Ему, сказала внукамъ:

— Не было въ вашемъ родѣ ни одного человѣка благороднѣе, богаче, лучше, угоднѣе Богу,—чѣмъ вы; исповѣданіемъ вѣры Христовой вы просвѣщаете весь свой родъ, и хотя вы молоды, однако же превзошли мудростію всѣхъ старшихъ изъ своего рода. Сдѣлавшись воинами Христовыми, вы пріобрѣли себѣ огромное и безцѣнное сокровище. Будьте же непреклонны и тверды во святомъ Христовомъ Законѣ и, вооружившись вѣрою во Христа, не бойтесь угрозъ и мученій. Видимыя царства этого міра, вмѣстѣ со всею настоящею жизнію, ничтожны, и ихъ ожидаетъ скорый конецъ. Невидимое же Царство Божіе вѣчно, и его желать, къ нему стремиться—свойственно истинной мудрости; за кратковременные подвиги вы можете получить его, и чрезъ скоропреходящія страданія можете войти въ обладаніе вѣчными радостями.

Видя юношей исполненными благодати Божіей и твердыми въ вѣрѣ, она, съ этими словами, поручила ихъ Христу и, успокоенная, ушла.

Вскорѣ затѣмъ судьи позвали святыхъ и спросили,—согласны ли они поклониться богамъ и громко заявить о томъ предъ всѣмъ собравшимся народомъ. Но юноши открыто предъ всѣми исповѣдали свою вѣру въ Единаго Истиннаго Бога и свою полную готовность пойти, изъ любви къ Нему, на всякія истязанія и смерть, и вмѣстѣ съ тѣмъ отреклись отъ ложныхъ и ничтожныхъ языческихъ боговъ. Тогда святыхъ братьевъ связали по рукамъ и ногамъ, повѣсили на одномъ деревѣ и растянули, подобно струнамъ на гусляхъ, такъ крѣпко, что кости въ ихъ тѣлахъ стали выходить изъ суставовъ. Но, подкрѣпляемые благодатною силою Христовою, они терпѣливо сносили ужасныя страданія и смѣялись надъ своими мучителями—судьями.

Святый Мелевсиппъ говорилъ имъ:

— Господь и Спаситель нашъ Іисусъ Христосъ былъ пригвожденъ, для искупленія нашихъ грѣховъ, ко кресту, отъ каковаго святаго дерева мы получили въ помощь и защиту себѣ крестное знаменіе. Мы же, три раба Его, вися на одномъ этомъ деревѣ, дѣлаемся мучениками за Имя Его. Счастливъ плодъ того дерева, которое держитъ трехъ мучениковъ, принесенныхъ въ жертву Пресвятой Троицѣ.

Судьи, видя, что святые юноши не только не ослабѣваютъ духомъ среди мученій, но какъ бы еще болѣе укрѣпляются, сказали имъ:

— Вы умрете не на этомъ деревѣ, какъ вамъ хочется, но погибнете въ огнѣ.

— Еще больше будетъ наше блаженство,—отвѣчалъ снова Мелевсиппъ,—если мы предстанемъ Богу послѣ того, какъ очистимся огнемъ и чрезъ пламень огня перейдемъ изъ тьмы къ вѣчному свѣту.

Тогда судьи приказали набрать дровъ, хворосту и другихъ легко воспламеняемыхъ предметовъ и разожгли огромный костеръ, въ который и бросили связанными трехъ святыхъ братьевъ. Но святые, съ помощію Спасителя своего—Христа, оставались среди огня невредимыми; веревки, которыми они были связаны, перегорѣли и распались, и они, подобно тремъ древнимъ Вавилонскимъ отрокамъ, ходили среди пламени и славословили Бога. Нечестивцы стали сильнѣе разжигать огонь, желая сжечь Христовыхъ рабовъ; но чѣмъ болѣе усиливался огонь, тѣмъ очевиднѣе становилась слава святыхъ, и когда, наконецъ, спустя долгое время

огонь погасъ, то оказалось, что святые живы, невредимы и даже нисколько не опалены. Они лишь смѣялись надъ мучителями и говорили:

— Намъ дана власть перейти ко Христу Богу нашему только тогда, когда захотимъ мы сами; но мы рѣшили еще посмѣяться въ этой жизни надъ вашимъ безуміемъ, хотя все-таки и не замедлимъ явиться на небесный пиръ.

Наконецъ трое святыхъ братьевъ-близнецовъ, видя предъ собою сонмы святыхъ Ангеловъ, готовыхъ сопровождать души ихъ въ Царство Небесное, склонили на землю свои колѣна и, помолившись всѣ вмѣстѣ, предали Богу свои святыя души. Честныя тѣла ихъ были погребены на разстояніи двухъ поприщъ[1]) отъ города, въ селеніи по имени Урватъ, гдѣ впослѣдствіи былъ выстроенъ въ честь ихъ храмъ, причемъ тамъ совершались чудеса, и больные получали исцѣленія.

По смерти святыхъ мучениковъ одна женщина, по имени Іовилла, воспламенившись Божественною ревностію и пренебрегая мужемъ и своимъ единственнымъ малолѣтнимъ сыномъ, воскликнула среди невѣрующихъ язычниковъ:

— И я—раба Христова, и я непоколебимо исповѣдую Христа—Бога Живаго и Истиннаго, нечистыхъ же и ничтожныхъ идоловъ вашихъ отвергаю.

Ее тотчасъ же схватили, повѣсили за волосы и стали предавать всевозможнымъ мученіямъ. Когда она, несмотря на то, не захотѣла отречься отъ Христа, ее привели вмѣстѣ съ святою Леониллою, бабкою святыхъ юношей, въ вышеупомянутое селеніе Урватъ и тамъ усѣкли ихъ обѣихъ мечомъ. Нѣкто Неонъ, бывшій свидѣтелемъ подвиговъ святыхъ и описавшій ихъ страданія, вручилъ свою рукопись Турвону, а самъ открыто исповѣдалъ вѣру во Христа и былъ битъ до тѣхъ поръ, пока не скончался мученически, предавъ Господу свою душу. И самъ Турвонъ, подражая примѣру святыхъ страдальцевъ, перешелъ чрезъ мученическую смерть въ вѣчную жизнь.

Все это происходило въ 16 день мѣсяца января въ царствованіе Аврелія Вера, иначе—Антонина[2]), точнѣе же—когда царство-

---

1) *Поприще*—мѣра разстояній: оно равнялось нашимъ 690 саженямъ. Два поприща, такимъ образомъ, составляли 1380 саженей (немного болѣе $2^1/_2$ верстъ).

2) *Маркъ Аврелій* (иначе—*Антонинъ*)—Римскій императоръ, царствовалъ съ 161 по 180 годъ.

валъ надъ міромъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Которому, съ Отцемъ и Святымъ Духомъ, честь и слава и нынѣ, и всегда, и во вѣки вѣковъ, аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

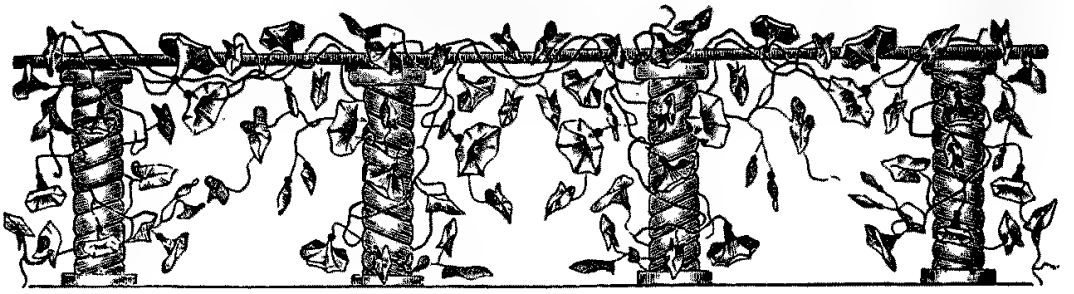
ДАНАКТА ЧТЕЦА

Святый мученикъ Данактъ былъ родомъ изъ Иллиріи, изъ города Авлона[1]), и состоялъ чтецомъ церковнымъ. Во время нашествія язычниковъ онъ взялъ церковные сосуды, чтобы спрятать ихъ отъ невѣрныхъ, но въ одномъ мѣстѣ былъ захваченъ ими. Язычники понуждали его принести жертву ихъ богу Діонису[2]). Но святый Данактъ не повиновался имъ и претерпѣлъ мученическую кончину[3]), пронзенный мечомъ.

1) *Иллирія*—область Римской имперіи, обнимавшая собою все восточное побережье Адріатическаго моря съ лежащими за нимъ мѣстностями (нынѣшняя Далмація, Боснія и Албанія).—*Авлонъ*—городъ въ Иллиріи, при Адріатическомъ морѣ.

2) *Діонисъ*, иначе *Вакхъ*,—греко-римскій богъ винограда и виноделія, даромъ вина радующій сердца людей и разгоняющій печаль и заботы. Вначалѣ скромныя торжества въ честь его приняли впослѣдствіи необузданный характеръ и сопровождались дикими оргіями, буйнымъ пьянствомъ и развратомъ, и самъ Діонисій, или Вакхъ, сталъ олицетворять собою божество пьянства.

3) Мученическая кончина святаго Данакта послѣдовала во II вѣкѣ.



День семнадцатый

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

АНТОНІЯ ВЕЛИКАГО

Преподобный Антоній былъ родомъ изъ Египта[1]). Родители его были люди благородные и извѣстные своимъ христіанскимъ благочестіемъ; своего сына они воспитали такъ, чтобы онъ не зналъ никого другого, кромѣ нихъ и своего дома. Придя въ отроческій возрастъ, онъ не спѣшилъ ни приниматься за науки, ни сближаться съ другими отроками, но, оставаясь въ своемъ домѣ, хранилъ чистоту сердца и стремился къ преуспѣянію въ благочестіи. Не предаваясь забавамъ отроческаго возраста, Антоній любилъ ходить вмѣстѣ съ родителями въ храмъ Божій и, слушая тамъ чтенія изъ божественныхъ книгъ, старался извлекать отсюда всю возможную для себя пользу и жить именно такъ, какъ онѣ учили. Онъ не просилъ у старшихъ сладкой пищи, какъ это свойственно дѣтямъ, и вообще не обращалъ на пищу много вниманія, довольствуясь всегда тѣмъ, что ему давали.

Родители преподобнаго Антонія умерли, когда ему было около двадцати лѣтъ. Оставшись послѣ нихъ съ малолѣтнею сестрою, онъ первоначально заботился о домѣ и о должномъ воспитаніи

---

[1]) Роднымъ селеніемъ преподобнаго Антонія была деревня Кома, находившаяся на сѣверной границѣ Ѳиваиды (южной области Египта), въ Гераклеопольской области.—Антоній родился въ 251 году. Родители его были коптскіе христіане.

сестры. Часто, по своему обыкновенію, посѣщая храмъ, онъ слышалъ изъ читаемыхъ тамъ божественныхъ книгъ, какъ Апостолы, оставивъ все, послѣдовали за Спасителемъ, и какъ, по свидѣтельству книги Дѣяній Апостольскихъ, многіе изъ христіанъ продавали свое имущество и полагали цѣну проданнаго къ ногамъ Апостоловъ для раздачи нуждающимся [1]). Антоній размышлялъ о томъ, какъ тверда была вѣра этихъ людей и какая великая награда уготована имъ на Небесахъ. Съ такими мыслями онъ приходитъ однажды въ храмъ и здѣсь вдругъ снова слышитъ слова Христа, сказанныя къ богатому юношѣ: **а҆́ще хо́щеши совершенъ бы́ти, и҆дѝ, прода́ждь и҆мѣ́ніе твоѐ, и҆ да́ждь ни́щымъ: и҆ и҆мѣ́ти и҆́маши сокро́вище на нѣ́сѣ, и҆ гра́дѝ въ слѣ́дъ менѐ** [2]). Антоній принялъ это за напоминаніе свыше,—какъ бы Христосъ сказалъ эти слова лично ему самому,—и тотчасъ, по выходѣ изъ храма, продалъ свое имущество, а вырученныя чрезъ продажу большія деньги роздалъ нищимъ, оставивъ лишь незначительную часть ихъ для своей слабой и малолѣтней сестры. У него было триста очень хорошихъ и обильныхъ плодами финиковыхъ пальмъ, и онъ подарилъ ихъ сосѣдямъ, чтобы освободить и себя и сестру отъ всякихъ заботъ о нихъ.

Когда, вскорѣ послѣ этого, онъ вновь пришелъ въ храмъ и услышалъ слова Господа въ Евангеліи: **не пецы́тесѧ на ᲂу҆́трей** [3]), то тотчасъ же вышелъ вонъ и роздалъ нуждающимся и остальную часть имущества. Не желая болѣе проживать въ своемъ дому, онъ поручилъ сестру вѣрнымъ и извѣстнымъ ему дѣвственницамъ [4]), посвятившимъ себя на служеніе Жениху—Христу, чтобы она воспитывалась среди нихъ примѣромъ ихъ жизни, самъ же началъ вести суровую и строгую подвижническую жизнь.

Въ то время въ Египтѣ было еще мало монастырей, и пустынножительство было еще не распространено; но всякій, кто желалъ служить Христу и спасаться, упражнялся въ добродѣтели, уединившись гдѣ-либо вблизи своего селенія. Въ то время въ недальнемъ

---

1) Кн. Дѣян. Ап., гл. 4, ст. 44.

2) Еванг. отъ Мате., гл. 19, ст. 21.

3) Еванг. отъ Мате., гл. 6, ст. 34.

4) Въ древней Церкви, до появленія женскихъ иноческихъ обителей и въ первое время по ихъ появленіи, существовалъ особый классъ дѣвъ, посвящавшихъ себя всецѣло служенію Богу и дававшихъ обѣтъ дѣвства. Такія лица назывались дѣвственницами, и онѣ пользовались въ Церкви большимъ уваженіемъ и считались ея украшеніемъ. Онѣ собирались для подвиговъ безмолвія, Богомыслія и молитвы въ частныхъ домахъ подъ руководствомъ опытныхъ въ духовной жизни старицъ-наставницъ. Весьма часто Церковь поручала ихъ руководству и надзору наиболѣе уважаемыхъ изъ діакониссъ.

разстояніи отъ селенія Антонія проживалъ одинъ старецъ, который съ молодыхъ лѣтъ предавался въ уединеніи иноческимъ подвигамъ. Повидавшись съ нимъ и получивъ для души пользу отъ этого, Антоній началъ подражать ему и также искать уединенія въ различныхъ мѣстахъ поблизости отъ своего селенія. Если и послѣ этого ему доводилось слышать о какомъ-либо отшельникѣ, онъ, подобно благоразумной пчелѣ, отправлялся искать его и не возвращался назадъ, пока не находилъ отыскиваемаго и чрезъ свиданіе и бесѣду съ нимъ не извлекалъ, подобно тому какъ пчела извлекаетъ медъ, нѣкоторой пользы для себя.

Прп҃бный
А҆нтѡ́нїй

Таковы были первые подвиги блаженнаго, преуспѣвая въ которыхъ, онъ все болѣе и болѣе укрѣплялъ свои помыслы въ добромъ направленіи. Вмѣстѣ съ этимъ онъ снискивалъ себѣ пропитаніе трудомъ своихъ рукъ, помня слова Писанія: а҆́ще кто̀ не хо́щетъ дѣ́лати, нижѐ да ꙗ҆́стъ [1]). На вырученныя отъ продажи своихъ издѣлій деньги онъ покупалъ хлѣбъ и питалъ голодныхъ; его душа была въ постоянномъ молитвенномъ общеніи съ Богомъ, такъ какъ онъ зналъ изъ Писанія, что молиться нужно непрестанно [2]). Чтеніе Священнаго Писанія онъ выслушивалъ съ такимъ глубокимъ вниманіемъ, что не забывалъ изъ читаемаго рѣшительно ничего, и, при строгомъ соблюденіи всѣхъ заповѣдей Господнихъ, память стала замѣнять ему самое священныя книги. Такъ жилъ Антоній, и его любили всѣ братія, къ которымъ онъ приходилъ, чтобы получить отъ нихъ душевную пользу и, пребывая въ подчиненіи у нихъ, поучиться отъ нихъ добродѣтели,—какою кто преимущественно отличался: одному онъ

---

1) 2 Посл. къ Солун., гл. 3, ст. 10.
2) 1 Посл. къ Солун., гл. 5, ст. 17.

старался подражать въ воздержаніи, другому—въ бодрости, тому—въ кротости, другому—въ неусыпности, иному—во внимательности къ читаемому; у одного онъ учился подвигамъ поста, у другого дивился лежанію на голой землѣ, прославлялъ смиреніе одного, терпѣніе другого. Пріобрѣтя общую всѣхъ ихъ любовь и отъ всѣхъ получивъ для себя пользу, онъ возвращался къ себѣ въ келлію и тамъ, размышляя о всемъ видѣнномъ, старался усвоить и совмѣстить въ себѣ добродѣтели всѣхъ, направляя свои усилія къ тому, чтобы ни въ одной изъ упомянутыхъ добродѣтелей не оказаться самымъ послѣднимъ. Поступая такъ, онъ, хотя и началъ всѣхъ превосходить славою, однако же продолжалъ пользоваться общею любовію: сосѣди и иноки, которыхъ онъ часто навѣщалъ, видя такую жизнь Антонія, называли его боголюбивымъ и любили одни—какъ сына, другіе—какъ брата.

Когда Антоній такъ преуспѣвалъ и укрѣплялся въ добрѣ, врагъ христіанскаго имени—діаволъ, будучи не въ силахъ видѣть такія добродѣтели въ юношѣ, возсталъ противъ него съ своимъ древнимъ коварствомъ и началъ пытаться отклонить его чрезъ обольщеніе отъ добрыхъ намѣреній и совратить съ праваго пути. Онъ приводилъ ему на память мысль о проданномъ и розданномъ имуществѣ, о необезпеченности сестры, о величіи рода, о суетной мірской славѣ, объ удовольствіи, какое можно получить отъ различной пищи и прочихъ прелестяхъ мірской жизни. Одновременно онъ представлялъ Антонію мысленно трудный путь и тяжелый конецъ добродѣтели, немощь тѣла и продолжительность времени подвига; этими и многими другими помыслами искуситель старался омрачить его умъ и развратить сердце. Когда же діаволъ увидѣлъ себя побѣжденнымъ Антоніемъ чрезъ молитвы его къ Богу, терпѣніе и вѣру, то обратился къ обычнымъ въ юношескомъ возрастѣ искушеніямъ: началъ смущать его ночными мечтаніями, страхомъ и привидѣніями, шумомъ, голосами и воплями среди ночи, днемъ же—и открытыми нападеніями. Антоній твердо противился діаволу: тотъ влагалъ ему нечистые помыслы, Антоній же прогонялъ ихъ непрерывною молитвою; тотъ стремился привести его чувства въ услажденіе естественнымъ раздраженіемъ и волненіемъ похоти, а этотъ ограждалъ свое тѣло вѣрою, бодрствованіемъ и постомъ; діаволъ принималъ ночью образъ прекрасной женщины и всячески пытался возбудить въ Антоніи страсть, но тотъ погашалъ ее мыслію о гееннскомъ неугасающемъ огнѣ и неумирающемъ червѣ; діаволъ

склонялъ юнаго Антонія ступить на путь скользкій и близкій къ паденію, а онъ, приводя себѣ на мысль вѣчныя мученія послѣ Страшнаго Суда, ненарушимо соблюдалъ среди искушеній чистоту души. Все это послужило лишь къ посрамленію діавола: окаянный, возмечтавшій быть подобнымъ Богу, былъ теперь пристыженъ юношей; возстающій противъ плоти и крови былъ побѣждаемъ человѣкомъ, имѣющимъ плоть, потому что Своему рабу содѣйствовалъ Господь, принявшій ради насъ плоть и даровавшій чрезъ то плоти силу побѣждать врага, чтобы всѣ, искушаемые такимъ образомъ, одинъ за другимъ могли каждый повторять слова Апостола: не а҆́зъ, но бл҃годáть бж҃їѧ, ꙗ҆́же со мнóю [1]).

Злобный змій убѣдился, наконецъ, что онъ не въ силахъ побѣдить Антонія такими своими коварными искушеніями, и, видя себя всегда только прогоняемымъ, безсильно скрежеталъ зубами. Потомъ онъ явился ему видимо—въ образѣ чернаго и страшнаго отрока, который съ плачемъ такъ говорилъ человѣческимъ голосомъ:

— Многихъ я ввелъ въ искушеніе, многихъ обольстилъ, но теперь какъ другими святыми, такъ и тобой чрезъ твои подвиги побѣжденъ.

Въ самомъ дѣлѣ коварный искуситель говорилъ это, разсчитывая привести смиреннаго юношу къ высокому мнѣнію о себѣ.

— Кто ты, что такъ говоришь о себѣ? — спросилъ его блаженный Антоній.

— Я—соблазнитель на блудъ,—отвѣчалъ діаволъ,—многоразличными хитростями я стараюсь склонить на этотъ грѣхъ всѣхъ юношей, почему и называюсь духомъ блуда. Сколькихъ уже людей, давшихъ обѣтъ цѣломудрія, я склонилъ къ такому грѣху! Сколькихъ, уже начавшихъ жить воздержно, мнѣ удалось возвратить къ прежней нечистой жизни! Я—тотъ, за кого и Пророкъ Осія укоряетъ падшихъ, говоря: дꙋ́хомъ блꙋжéнїѧ прельсти́шасѧ [2]), и дѣйствительно, они были обольщены мною; я же часто искушалъ и тебя самого, но всякій разъ былъ прогоняемъ тобою.

Антоній, когда услышалъ это, то возблагодарилъ Господа и съ еще большею, чѣмъ прежде, небоязненностію сказалъ врагу:

— Во многомъ ты посрамленъ, во многомъ пристыженъ, почему и чернота твоя и принятый тобою образъ отрока суть не иное

---

1) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 15, ст. 10.

2) Кн. Прор. Осіи, гл. 4, ст. 12.

что, какъ лишь знаки твоего безсилія. Теперь я уже и не опасаюсь болѣе тебя: **гдь мнѣ помо́щникъ, и҆ а҆зъ воззрю̀ на врагѝ моѧ̑** [1]).

Отъ этихъ словъ Антонія привидѣніе тотчасъ безслѣдно исчезло. Такова была первая побѣда Антонія надъ діаволомъ, одержанная съ помощію благодатной силы Христовой. Однако же, ни Антоній не пришелъ въ нерадѣніе о себѣ послѣ этой одной побѣды, ни у діавола послѣ одного пораженія не ослабѣли еще силы, потому что онъ **ꙗ҆́кѡ ле́въ рыка́ѧ хо́дитъ, и҆скі́й кого̀ поглоти́ти** [2]). Антоній, помня изъ Писанія, что много бываетъ козней діавольскихъ, неослабно упражнялся въ тяжелыхъ подвигахъ, разсуждая, что если сатана и былъ побѣжденъ, когда искушалъ плотскою похотью, то онъ можетъ подвергнуть какимъ-либо еще болѣе тяжелымъ и опаснымъ искушеніямъ. Поэтому Антоній все болѣе и болѣе изнурялъ и порабощалъ себѣ свое тѣло, чтобы, побѣдивъ въ одномъ, не дать надъ собою побѣды въ другомъ. Пріучая себя постепенно къ еще болѣе суровой жизни, многіе чрезвычайные подвиги служенія Богу онъ сдѣлалъ привычными для себя, привычки же обратилъ какъ бы въ природу: каждый день онъ постился до захода солнца и всѣ ночи проводилъ въ молитвѣ; иногда онъ вкушалъ пищу только черезъ два дня и лишь на четвертую ночь нѣсколько забывался сномъ. Пищу его составляли хлѣбъ и соль, при небольшомъ количествѣ воды, постелью служила рогожа или власяница, а иногда—и голая земля. Масла онъ вовсе не употреблялъ въ пищу, о мясѣ же и винѣ не нужно и говорить, такъ какъ ихъ не употребляютъ и менѣе усердные монахи. Блаженный говорилъ, что юношескому тѣлу и невозможно побѣдить врага, если оно будетъ размягчаемо сладостію масла, и что нужно налагать на тѣло возможно болѣе тяжелые подвиги, чтобы, съ ослабленіемъ его, дѣлался сильнѣе духъ, по слову Апостола: **є҆гда̀ немощствꙋ́ю, тогда̀ си́ленъ є҆́смь** [3]). Принимая на себя каждый день все новые и новые подвиги, онъ вспоминалъ Пророка Илію, который говорилъ: **жи́въ гдь си́лъ, є҆мꙋ́же предстою̀ (дне́сь) пред̾ ни́мъ** [4]). И онъ такъ разсуждалъ самъ съ собою:—«Не напрасно прибав-

---

1) Псаломъ 117, ст. 7.

2) 1 Посл. Петр., гл. 5, ст. 8.

3) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 12, ст. 10.

4) 3 Кн. Цар., гл. 18, ст. 15.—Вышеприведенныя слова Писанія принадлежатъ св. Пророку Божію Илію Ѳесвитянину.

лено здѣсь въ писаніи это слово **днесь**, ибо Илія не считалъ подвиговъ минувшаго времени, но какъ бы каждый день вновь принимался за подвиги, всѣми силами стараясь предстать предъ очами Божіими такимъ, каковымъ, по его мнѣнію, долженъ быть человѣкъ, достойный лицезрѣнія Божія, т. е.—чистымъ сердцемъ и готовымъ исполнять волю Божію.

Онъ думалъ и о томъ еще, что каждый подвижникъ долженъ подражать великому Иліи и, имѣя предъ собой его образъ, изучать по нему,—какъ предъ зеркаломъ,—свою жизнь. Поэтому онъ отправился къ находившимся недалеко отъ селенія гробницамъ, упросивъ прежде одного изъ знакомыхъ, чтобы онъ приносилъ ему въ извѣстные дни пищу. Тотъ заперъ его въ одной изъ такихъ гробницъ, и тамъ, въ уединеніи, блаженный предавался безмолвію. При видѣ этого діаволъ сталъ опасаться, что Антоній со временемъ вооружится противъ него пустынническимъ подвижничествомъ: собравъ демоновъ, онъ, по попущенію Божію, подвергъ его такимъ ужаснымъ побоямъ, что блаженный лежалъ послѣ недвижимымъ и безгласнымъ, о чемъ впослѣдствіи онъ самъ много разъ разсказывалъ; причиненныя ему мученія превосходили всякія человѣческія страданія. Но, по милосердію Господа Бога, никогда не оставляющаго надѣющихся на Него, Антоній не умеръ. Спустя нѣсколько дней къ Антонію пришелъ упомянутый ранѣе знакомый его, неся обычную пищу. Открывъ двери и увидя его замертво лежащимъ на землѣ, онъ поднялъ его и принесъ въ свое селеніе.

Когда разнесся слухъ объ этомъ, къ Антонію собрались сосѣди и сродники и съ великою скорбію стали совершать надъ нимъ, какъ надъ умершимъ уже, заупокойную службу. Но въ полночь, когда всѣ крѣпко заснули отъ утомленія, Антоній сталъ приходить понемногу въ себя; вздохнувъ и приподнявъ голову, онъ замѣтилъ, что не спитъ лишь тотъ, кто принесъ его сюда. Подозвавъ его къ себѣ, онъ сталъ просить его, чтобы тотъ, не будя никого, отнесъ его на прежнее мѣсто, что и было исполнено, и Антоній снова сталъ жить въ уединеніи. Не имѣя силъ, по причинѣ ранъ, стоять на ногахъ, онъ молился, лежа ницъ, и послѣ молитвы громко воскликнулъ:

— Бѣсы! Вотъ я, Антоній, здѣсь. Не избѣгаю я борьбы съ вами; знайте, что если сдѣлаете что-либо и большее прежняго, ничто не можетъ отлучить меня отъ любви ко Христу.

Блаженный пѣлъ при этомъ: **Аще ѡ҆полчи́тсѧ на мѧ̀ по́лкъ, не ᲂу҆боѝтсѧ се́рдце моѐ** [1]).

Тогда ненавистникъ добра—діаволъ, удивляясь, что Антоній осмѣлился возвратиться сюда послѣ такихъ побоевъ, сзываетъ своихъ бѣсовъ и съ яростію говоритъ имъ:

— Видите,—намъ не удалось побѣдить его ни духомъ блудодѣянія, ни тѣлесными ранами,—послѣ того и другого онъ лишь съ еще большею смѣлостію глумится надъ нами; вооружитесь же каждый на еще болѣе сильную и упорную борьбу съ нимъ, чтобы онъ почувствовалъ, кому сдѣлалъ вызовъ.

И тотчасъ послѣ этого все множество бѣсовъ пришло въ неистовое движеніе, потому что у діавола есть много способовъ борьбы съ людьми. Вдругъ раздался такой громъ, что мѣсто это поколебалось въ самомъ основаніи, и стѣны распались; и тотчасъ сюда ворвалось и заполнило жилище Антонія множество демоновъ, явившихся въ видѣ призраковъ львовъ, волковъ, аспидовъ [2]), змѣй, скорпіоновъ [3]), рысей и медвѣдей, и каждый изъ этихъ призраковъ обнаруживалъ свою ярость соотвѣтственнымъ его виду способомъ: левъ рыкалъ, готовясь поглотить Антонія, буйволъ устрашалъ своимъ ревомъ и рогами, съ шипѣніемъ извивалась змѣя, стремительно бросались волки, рысь по своему изловчалась къ нападенію; всѣ эти призраки были крайне страшны по своему внѣшнему виду, а производимый ихъ ревомъ шумъ былъ прямо ужасенъ. Антоній, поражаемый и терзаемый ими, переносилъ мучительнѣйшія страданія, но не впалъ въ страхъ и сохранилъ бодрость и ясность ума. Хотя тѣлесныя раны и причиняли ему боль, но, оставаясь непоколебимымъ въ душѣ, онъ какъ бы глумился надъ врагами и говорилъ:

— Если бы у васъ было сколько-нибудь силы, то для борьбы со мной достаточно было бы и одного изъ васъ,—но такъ какъ Господь отнялъ у васъ силу, то вы и пытаетесь устрашить своею многочисленностію; уже одно то служитъ очевиднымъ знакомъ вашей слабости, что вы приняли на себя образы неразумныхъ животныхъ.

---

1) Псал. 26, ст. 3.

2) *Аспидъ*—родъ ядовитой змѣи.

3) Ядовитое животное изъ семейства рако-паукообразныхъ съ жаломъ на концѣ хвоста; водится въ жаркихъ странахъ и живетъ въ сырыхъ мѣстахъ, между камнями, въ трещинахъ стѣнъ, въ подвалахъ и т. п.

И снова онъ мужественно продолжалъ говорить имъ:

— Если, по попущенію Божію, вы имѣете силу напасть и поглотить меня, то вотъ я,—чего медлите? А если вамъ не дано такой силы надо мной,—то зачѣмъ понапрасну и трудиться? Знаменіе креста и вѣра въ Бога служатъ для насъ неодолимой стѣной огражденія.

Такъ демоны, послѣ многихъ покушеній и напрасныхъ стараній устрашить блаженнаго Антонія, лишь скрежетали своими зубами, потому что не только ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ никакого успѣха, но, напротивъ, сами были побѣждаемы и посрамляемы имъ.

Милосердый Господь Іисусъ, покровительствуя Своему рабу, не оставилъ его во время такой тяжкой борьбы съ демонами. Поднявъ кверху свой взоръ, Антоній увидѣлъ, что сводъ гробницы раскрылся надъ нимъ и къ нему нисходитъ, разсѣевая тьму, свѣтлый лучъ. Съ появленіемъ Свѣта демоновъ не осталось ни одного, тѣлесная боль мгновенно утихла, гробница же, которая распалась при появленіи демоновъ, снова оказалась невредимою. Уразумѣвъ въ этомъ посѣщеніе Господне и глубоко, отъ сердца, вздохнувъ, блаженный воскликнулъ съ лицомъ, обращеннымъ къ озарявшему его Свѣту:

— Гдѣ былъ Ты, милосердный Іисусе? Гдѣ былъ Ты и почему съ самаго начала не явился исцѣлить мои раны?

И былъ къ нему Голосъ:

— Антоній! Я былъ здѣсь, но ждалъ, желая видѣть твое мужество; теперь же, послѣ того какъ ты твердо выдержалъ борьбу, Я буду всегда помогать тебѣ и прославлю тебя во всемъ мірѣ.

Услышавъ это, Антоній всталъ и почувствовалъ себя настолько крѣпкимъ, что, какъ казалось ему, онъ получилъ вновь силы много больше, чѣмъ сколько потратилъ въ борьбѣ. Блаженному Антонію было тогда тридцать пять лѣтъ.

Послѣ этого Антоній пошелъ къ вышеупомянутому старцу, у котораго онъ искалъ руководства въ самомъ началѣ, и сталъ упрашивать его пойти и поселиться вмѣстѣ съ нимъ въ пустынѣ въ какомъ-либо малодоступномъ мѣстѣ. Когда старецъ отказался—и по причинѣ старости, и по причинѣ новизны такого образа подвижничества[1]),—Антоній безстрашно отправился одинъ въ далекій путь къ неизвѣстной среди монаховъ горѣ въ пустынѣ. Но врагъ,

[1]) До преп. Антонія Великаго и его современника, преп. Павла Ѳивейскаго, среди христіанъ совсѣмъ былъ неизвѣстенъ такой видъ подвижничества—отшельничество.

не прекращая искушать его и желая воспрепятствовать исполненію его намѣренія, бросилъ на пути его серебряное блюдо,—чтобы искусить его сребролюбіемъ. Увидѣвъ блюдо, Антоній понялъ коварство врага и пріостановился нѣсколько въ размышленіи. Смотря въ сторону—на блюдо, онъ сталъ обличать скрывающагося въ призракѣ серебра обольстителя и такъ говорить въ себѣ:

— Откуда быть этому блюду въ пустынѣ? Это лишь путь для звѣрей и птицъ, здѣсь нѣтъ даже ни одного человѣческаго слѣда; къ тому же, если бы оно упало изъ мѣшка, то, по причинѣ его большихъ размѣровъ, это не могло бы остаться незамѣченнымъ для обронившаго, и онъ, во всякомъ случаѣ, возвратился бы и, поискавъ на пройденномъ пути, нашелъ бы утерянную вещь, такъ какъ мѣсто здѣсь пустынное. Это твоя, діаволъ, хитрость, но не воспрепятствуешь этимъ моему намѣренію: **сребро̀ твоѐ съ тобо́ю да бу́детъ въ поги́бель** [1]).

И лишь только онъ проговорилъ это, блюдо мгновенно исчезло, какъ разсѣевается дымъ отъ огня.

Въ другой разъ послѣ этого онъ увидѣлъ золото, въ большомъ количествѣ лежавшее на его дорогѣ. Онъ быстро перепрыгнулъ чрезъ него, какъ чрезъ какой-нибудь огонь, и поспѣшилъ въ пустыню. Перейдя тамъ рѣку, онъ нашелъ въ горѣ какое-то пустое огороженное мѣсто, которое, по причинѣ давняго запустѣнія, было полно разнаго рода ядовитыхъ гадовъ и змѣй. Антоній поселился здѣсь [2]), и все множество скорпіоновъ, какъ бы гонимое кѣмъ, тотчасъ же разбѣжалось. Онъ заложилъ камнями входъ; принеся съ собою хлѣба на шесть мѣсяцевъ,—поскольку запасать его было въ обычаѣ у ѳивянъ, у которыхъ онъ нерѣдко не портился въ теченіе цѣлаго года,—и имѣя внутри ограды немного воды, онъ сталъ тамъ жить въ полномъ уединеніи, отшельникомъ, никогда самъ не выходя вонъ и къ себѣ никого не принимая. Лишь два раза въ годъ онъ принималъ чрезъ кровлю хлѣбъ, приносимый ему другомъ, котораго онъ ранѣе просилъ объ этомъ; но съ приносившимъ онъ не говорилъ ни слова.

Когда многіе, желая видѣть Антонія, чтобы получить отъ него душевную пользу, приходили къ дверямъ его жилища, то слышали различные, обращенные противъ Антонія, голоса нечистыхъ духовъ, которые кричали:

---

1) Кн. Дѣян. Ап., гл. 8, ст. 20.

2) Это было въ 285 году.

— Зачѣмъ ты пришелъ въ наши владѣнія? Какое тебѣ дѣло до этой пустыни? Ступай прочь изъ чужихъ предѣловъ, тебѣ не подъ силу жить здѣсь и переносить наши нападенія!

Въ такой непрерывной борьбѣ съ бѣсами и въ такомъ уединеніи вдали отъ людей преподобный Антоній прожилъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ.

Когда же наступило время потрудиться не для своего только спасенія, но и на пользу другимъ, къ жилищу Антонія собралось много лицъ, желавшихъ подражать его подвижнической жизни, и они насильно разломали входъ въ его жилище. Увидѣвъ, что лицо у него свѣтло и тѣломъ онъ здоровъ, они удивлялись, какъ послѣ такихъ постовъ и подвиговъ и послѣ такой борьбы съ бѣсами онъ не измѣнился ни лицомъ, ни тѣломъ. Съ этого времени преподобный сдѣлался и для другихъ наставникомъ, пастыремъ, учителемъ подвижнической жизни и вождемъ на пути къ Небу. Богъ до такой степени помогалъ ему, что впослѣдствіи у него явилось безчисленное множество учениковъ, которыхъ онъ склонилъ къ отреченію отъ міра и отъ самихъ себя. Въ теченіе непродолжительнаго времени образовалось множество монастырей, въ которыхъ онъ съ любовію руководилъ въ подвижнической жизни иноковъ новыхъ и старыхъ—и по возрасту, и по времени такой жизни. Однажды братія, собравшись, стали просить его, чтобы онъ далъ имъ уставъ иноческой жизни. Возвысивъ голосъ, онъ отвѣчалъ:

— Для наученія исполненію Заповѣдей Божіихъ совершенно достаточно и Божественныхъ Писаній; однако, нельзя не считать дѣломъ весьма добрымъ и хорошимъ, если братія взаимно утѣшаютъ другъ друга словами. Поэтому, открывайте мнѣ, какъ дѣти отцу, то, что знаете, я же, какъ дѣтямъ, буду сообщать вамъ то, что узналъ изъ продолжительнаго опыта. Прежде всего пусть у всѣхъ васъ будетъ общимъ правиломъ,—чтобы никто не ослабѣвалъ въ подвигѣ, который онъ предпринялъ на себя, но каждый пусть всегда стремится, какъ лишь начинающій, умножать и увеличивать начатое.

Продолжая свою рѣчь, Антоній сообщилъ имъ много полезныхъ наставленій, какъ это видно изъ бесѣды его, подробно излагаемой въ составленномъ Аѳанасіемъ Великимъ житіи Антонія. Изъ этой бесѣды здѣсь будетъ приведено лишь важнѣйшее. О жизни вѣчной святый Антоній говорилъ такъ:

— Въ этой настоящей жизни цѣна покупаемой вещи бываетъ равна тому, чего она стóитъ, и не болѣе того получаетъ продавецъ. Но обѣтованіе вѣчной жизни пріобрѣтается за слишкомъ малую цѣну: оно подается намъ за жизнь кратковременную, о которой написано: **дніе лѣтъ нашихъ въ нихже седмьдесятъ лѣтъ, аще же въ силахъ, осмьдесятъ лѣтъ, и множае ихъ трудъ и болѣзнь**[1]). Если бы мы даже прожили, трудясь на служеніи Богу, восемьдесятъ или сто лѣтъ, все же въ будущей жизни намъ предстоитъ царствовать не какое-либо ограниченное время, но за вышеупомянутое количество лѣтъ воцаримся на вѣки вѣковъ, притомъ—не землю получимъ въ обладаніе, но Небо, сложивъ съ себя тлѣнную плоть, получимъ ее же вновь въ нетлѣніи. Итакъ, дѣти мои, не предавайтесь скорби, потому что **недостойны страсти нынѣшняго времене къ хотящей славѣ явитися въ насъ**[2]).

Объ оставляющихъ міръ и склонныхъ преувеличивать значеніе своего подвига онъ говорилъ:

— Пусть никто изъ отрекшихся отъ міра не думаетъ о себѣ, что онъ оставилъ нѣчто великое, потому что, по сравненію съ небесными благами, вся земля ничтожна и мала. Если же весь міръ въ совокупности не стóитъ небесныхъ обителей, то пусть каждый подумаетъ и пойметъ, что, отрекшись отъ нѣсколькихъ виноградниковъ, или нивъ и домовъ, или отъ ничтожнаго количества золота, онъ не можетъ—ни говорить, что оставилъ великое, ни скорбѣть, что награду получитъ незначительную. Подобно тому, кто отказывается отъ малой мѣдной монеты для пріобрѣтенія ста золотыхъ монетъ,—отрекающійся отъ всего міра, если бы онъ весь былъ въ его власти, все же въ Небесномъ Царствѣ получилъ бы во сто кратъ большую награду.

О призрачности земныхъ благъ и великой пользѣ добродѣтелей преподобный сказалъ слѣдующее:

— Особенно твердо мы должны помнить то, что если бы кто и не захотѣлъ разставаться съ своими богатствами, все же смерть насильно разлучитъ его съ ними. Если такъ, то почему же намъ самимъ не сдѣлать того же для добродѣтели? Почему ради Небеснаго Царства не отказаться добровольно отъ своего имущества, которое все равно потеряемъ въ концѣ этой жизни? Пусть же

---

1) Псал. 89, ст. 10.

2) Посл. къ Римл., гл. 8, ст. 18. По русскому переводу: «Нынѣшнія временныя страданія ничего не стоятъ въ сравненіи съ тою славою, которая откроется въ насъ».

христіане не заботятся о томъ, чего, умирая, не могутъ взять съ собой. Будемъ, лучше, всѣми силами души стремиться къ пріобрѣтенію того, что возводитъ насъ, по смерти, на Небо, какъ то: премудрости, цѣломудрія, справедливости, добродѣтельной жизни, разсудительности, нищелюбія, твердой вѣры во Христа, негнѣвливости, страннопріимства. Стремясь къ этому, мы и на землѣ будемъ проводить жизнь безпечальную[1]).

О ревностномъ и непрестанномъ служеніи Христу Богу святый Антоній говорилъ такъ:

— Не слѣдуетъ намъ забывать, что мы—рабы Христа и должны служить Ему, своему Творцу. Рабъ не можетъ отказываться отъ исполненія приказаній, относящихся къ настоящему или будущему времени, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ работалъ уже въ прежнее время, и не посмѣетъ сказать, что, утомившись на прежней работѣ, теперь долженъ быть свободенъ,—напротивъ, каждый день съ одинаковымъ усердіемъ исполняетъ все то же дѣло, чтобы и господину своему угодить, и самому не подвергнуться за лѣность побоямъ и наказанію. Подобнымъ образомъ и мы должны всегда ревностно исполнять Заповѣди Божіи, твердо помня, что Господь—праведный мздовоздаятель и что въ какомъ грѣхѣ смерть застигнетъ человѣка, за тотъ онъ и будетъ осужденъ. Объ этомъ Онъ съ ясностію свидѣтельствуетъ и чрезъ слова Пророка Іезекіиля: **въ непра́вдѣ своéй, ю҆́же сотворѝ, въ то́й ᲂу҆́мретъ**[2]). Вотъ почему и окаянный Іуда въ одну ночь за совершенное имъ злодѣяніе потерялъ плоды своихъ трудовъ въ теченіе всего прежняго времени. Поэтому мы должны всегда съ одинаковымъ усердіемъ стараться исполнять Заповѣди Господни, и Самъ Богъ будетъ при этомъ помогать намъ, какъ написано: **ꙗ҆́кѡ лю́бѧщымъ бг҃а всѧ̑ поспѣшествꙋ́ютъ во бл҃го́е**[3]).

А чтобы не предаваться лѣности, Антоній убѣждалъ помнить всегда о смерти и приводилъ слова Апостола, который такъ говорилъ о томъ, что онъ ежедневно умираетъ: **бѣды̑ пріе́млемъ на всѧ́къ ча́съ: по всѧ̑ дни̑ ᲂу҆мира́ю**[4]).

---

1) Въ полномъ жизнеописаніи Антонія Великаго, составленномъ св. Аѳанасіемъ Александрійскимъ, это послѣднее выраженіе передается согласнѣе съ общимъ ходомъ мыслей, именно такъ: «Эти пріобрѣтенія уготовятъ намъ пристанище на землѣ *кроткихъ* (т. е. на Небѣ) прежде, нежели придемъ туда».

2) Кн. Прор. Іезек., гл. 33, ст. 13.

3) Посл. къ Римл., гл. 8, ст. 28.

4) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 15, ст. 30.

— Поэтому,—продолжалъ Антоній,—и мы, люди, будемъ стараться жить праведно и, размышляя о смертномъ часѣ, не грѣшить. Вставая отъ сна, не будемъ надѣяться дожить до вечера, и отходя ко сну, будемъ помнить, что, быть можетъ, не доживемъ до утра; не будемъ забывать, что мѣра нашей жизни намъ неизвѣстна, и что мы всецѣло во власти Божіей. А проводя такъ каждый день, мы не будемъ ни грѣшить, ни обольщаться какими-либо пагубными пожеланіями, ни гнѣваться другъ на друга, ни собирать себѣ земныхъ богатствъ, но, какъ ежеминутно ожидающіе смерти, пренебрежемъ всѣмъ тлѣннымъ: потеряетъ для насъ всякое значеніе женская любовь, погаснетъ огонь похотливости, будемъ мы тогда прощать другъ другу грѣхи, держа всегда предъ своими мысленными очами день Страшнаго Суда; страхъ предъ этимъ судомъ и трепетъ при мысли о вѣчныхъ адскихъ мученіяхъ заранѣе будутъ устранять пріятность тѣлеснаго удовольствія и удерживать душу отъ впаденія въ грѣховную пропасть.

О царствіи Божіемъ Антоній говорилъ еще:

— Еллины, ища мудрости, ѣдутъ за море и о пустыхъ ученіяхъ разспрашиваютъ чужеземныхъ учителей; намъ же вовсе не нужно переходить изъ одной чужой страны въ другую или переплывать, ища Царства Небеснаго, море, такъ какъ Самимъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ сказано въ Евангеліи: «ц҃рствіе бж҃іе внꙋтрь васъ є҆сть»[1]), и для достиженія его нужна лишь одна наша добрая воля.

Относительно борьбы съ демонами Антоній далъ слѣдующія наставленія:

— Самимъ Богомъ указано намъ съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдить всегда за тѣмъ, что происходитъ у насъ въ душѣ, потому что у насъ есть очень хитрые въ борьбѣ враги,—разумѣю демоновъ,—и намъ, по словамъ Апостола[2]), предстоитъ непрестанная борьба съ ними. Безчисленное множество ихъ носится въ воздухѣ, цѣлыя полчища враговъ окружаютъ насъ со всѣхъ сторонъ. Я не могъ бы разъяснить вамъ всѣ различія между ними; скажу лишь кратко о тѣхъ извѣстныхъ мнѣ способахъ, какими они пытаются обольщать насъ. Прежде всего мы должны твердо помнить то, что Богъ не виновникъ зла и что демоны сдѣлались злыми не по Его волѣ: такая перемѣна въ нихъ произошла не по природѣ, а зави-

1) Еванг. отъ Луки, гл. 17, ст. 21.
2) Посл. къ Ефес., гл. 6, ст. 11—12.

сѣла отъ ихъ собственной воли. Какъ созданные благимъ Богомъ, они первоначально были добрыми духами, но за самопревозношеніе были низринуты съ Неба на землю, гдѣ, коснѣя во злѣ, обольстили народы ложными мечтами и научили ихъ идолопоклонству; намъ же, христіанамъ, они безмѣрно завидуютъ и непрестанно поднимаютъ противъ насъ всякое зло, опасаясь, что мы наслѣдуемъ ихъ прежнюю славу на Небесахъ. Различны и разнообразны степени погруженія ихъ въ зло: одни изъ нихъ достигли крайняго ниспаденія въ бездну нечестія, другіе кажутся менѣе злобными, но всѣ они, по мѣрѣ своихъ силъ, борются разными способами противъ всякой добродѣтели. Поэтому намъ нужны усиленныя молитвы и подвиги воздержанія для полученія отъ Бога дара разсужденія,—чтобы постигать различія между злыми духами, чтобы узнавать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ихъ разнаго рода хитрости и обольщенія и все отражать однимъ и тѣмъ же христіанскимъ знаменіемъ—крестомъ Господнимъ. Получивъ этотъ даръ, святый Апостолъ Павелъ внушалъ: **да не ѡ҆бидими бꙋ́демъ ѿ сатаны̀, не не разꙋмѣва́емъ бо ᲂу҆мышле́нїй є҆гѡ̀** [1]). Нужно, чтобы и мы подражали Апостолу и предупреждали другихъ о томъ, что потерпѣли сами, и вообще—наставляли взаимно другъ друга. Съ своей стороны я видѣлъ отъ демоновъ много коварныхъ обольщеній и говорю вамъ объ этомъ, какъ дѣтямъ, чтобы, имѣя предупрежденіе, вы могли сохранить себя среди такихъ же искушеній. Велика злоба бѣсовъ противъ всѣхъ христіанъ, въ особенности же—противъ иноковъ и дѣвственницъ Христовыхъ: они всюду разставляютъ имъ въ жизни соблазны, силятся развратить ихъ сердца богопротивными и нечистыми помыслами. Но никто изъ васъ пусть не приходитъ отъ этого въ страхъ, такъ какъ горячими молитвами къ Богу и постомъ бѣсы немедленно прогоняются. Впрочемъ, если они прекратятъ на нѣкоторое время нападенія, не думайте, что вы уже совершенно побѣдили, ибо, послѣ пораженія, бѣсы обыкновенно нападаютъ потомъ съ еще большею силою. Хитро измѣняя способы борьбы, они если не могутъ прельстить человѣка помыслами, то пытаются обольстить или запугать его призраками, принимая образъ то женщины, то скорпіона, то превращаясь въ какого-нибудь великана, высотою съ храмъ, въ цѣлые полки воиновъ или въ какіе-либо другіе призраки, которые

---

[1]) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 2, ст. 11.

всѣ исчезаютъ по первомъ же совершеніи крестнаго знаменія. Если въ этомъ узнаютъ ихъ обольщеніе, то они являются прорицателями и силятся, подобно пророкамъ, предсказывать о будущихъ событіяхъ. Если и въ этомъ случаѣ они потерпятъ посрамленіе, то на помощь себѣ въ борьбѣ призываютъ уже самого своего князя, корень и средоточіе всяческаго зла.

Много разъ преподобный отецъ нашъ Антоній Великій разсказывалъ и о являвшемся ему точно такомъ же діавольскомъ образѣ, который предносился просвѣщенному Богомъ взору Іова: **ѻ҆чи є҆гѡ̀ видѣ́ніе денни́цы: и҆з̾ ѹ҆́стъ є҆гѡ̀ и҆схо́дѧтъ а҆́ки свѣщы̀ горѧ́щыѧ, и҆ размѣ́щѹтсѧ а҆́ки и҆́скры ѻ҆́гненни: и҆з̾ ноздре́й є҆гѡ̀ и҆схо́дитъ ды́мъ пе́щи горѧ́щїѧ ѻ҆гне́мъ ѹ҆́глїѧ: дѹша́ же є҆гѡ̀ ꙗ҆́кѡ ѹ҆́глїе, и҆ ꙗ҆́кѡ пла́мы и҆з̾ ѹ҆́стъ є҆гѡ̀ и҆схо́дитъ**[1]). Въ такомъ страшномъ видѣ являлся князь бѣсовскій. Онъ хотѣлъ бы мгновенно погубить весь міръ, но въ дѣйствительности не имѣетъ никакой силы: всемогущество Божіе укрощаетъ его, подобно тому какъ животное управляетъ уздой, или какъ свободу плѣнника уничтожаютъ оковы его. Онъ боится и крестнаго знаменія, и добродѣтельной жизни праведниковъ, и святый Антоній такъ говоритъ объ этомъ:

— Великую силу, возлюбленные братья, имѣютъ противъ діавола чистая жизнь и непорочная вѣра въ Бога. Повѣрьте моему опыту,—для сатаны страшны бодрствованіе живущихъ по волѣ Божіей людей, ихъ молитвы и посты, кротость, добровольная нищета, скромность, смиреніе, любовь, сдержанность, больше же всего—ихъ чистосердечная любовь ко Христу. Высоко превозносящійся змій самъ хорошо знаетъ, что онъ осужденъ на попираніе его ногами праведниковъ, по слову Божію: **сѐ даю̀ ва́мъ вла́сть наступа́ти на змі́ю, и҆ на скорпі́ю, и҆ на всю̀ си́лѹ вра́жїю**[2]).

Преподобный Антоній разсказалъ для душевной пользы слушателей и вотъ что еще:

— Сколько разъ бѣсы нападали на меня подъ видомъ вооруженныхъ воиновъ и, принимая образы скорпіоновъ, коней, звѣрей и различныхъ змѣй, окружали меня и наполняли собой помѣщеніе, въ которомъ я былъ. Когда же я начиналъ пѣть противъ нихъ: **сі́и на колесни́цахъ, и҆ сі́и на ко́нѣхъ, мы́ же во и҆́мѧ гдⷭ҇а бг҃а на́шегѡ призове́мъ**[3]), то, прогоняемые благодатною помощію Божіею,

---

1) Кн. Іов., гл. 41, ст. 9—10.

2) Еванг. отъ Луки, гл. 10, ст. 19.

3) Псаломъ 19, ст. 8.

они убѣгали. Однажды они явились даже въ весьма свѣтломъ видѣ и стали говорить:

— Мы пришли, Антоній, чтобы дать тебѣ свѣтъ.

Но я зажмурилъ глаза, чтобы не видѣть діавольскаго свѣта, началъ молиться въ душѣ Богу,—и богопротивный свѣтъ ихъ погасъ. Спустя же немного времени они снова явились и стали предо мною пѣть и спорить другъ съ другомъ отъ Писанія,—но я былъ какъ глухой и не слушалъ ихъ. Случалось, что они колебали самый монастырь мой, но я съ безтрепетнымъ сердцемъ молился Господу. Часто вокругъ меня слышались крики, пляски и звонъ; но когда я начиналъ пѣть, крики ихъ обращались въ плачевные вопли, и я прославлялъ Господа, уничтожившаго ихъ силу и положившаго конецъ ихъ неистовству.

— Повѣрьте, дѣти мои, тому,—продолжалъ Антоній,—что я разскажу вамъ: однажды я видѣлъ діавола въ образѣ необычайнаго великана, который осмѣлился сказать о себѣ:

— Я—Божія сила и премудрость,—и обратился ко мнѣ съ такими словами: — Проси у меня, Антоній, чего хочешь, и я дамъ тебѣ.

Я же, въ отвѣтъ, плюнулъ ему въ уста и, вооружившись Христовымъ Именемъ, всецѣло устремился на него, и этотъ великанъ на видъ тотчасъ растаялъ и исчезъ у меня въ рукахъ. Когда я постился, онъ снова явился мнѣ подъ видомъ чернеца, который принесъ хлѣбовъ и уговаривалъ меня поѣсть.

— Ты,—говорилъ онъ,—человѣкъ и не свободенъ отъ человѣческой слабости, сдѣлай же нѣкоторое послабленіе своему тѣлу, иначе можешь заболѣть.

Но я понялъ, что это—коварное обольщеніе лукаваго змія, и, когда обратился къ своему обыкновенному оружію—знаменію креста Христова,—онъ тотчасъ превратился въ струю дыма, которая, потянувшись къ окну, исчезла чрезъ него. Бѣсы часто пытались прельстить меня въ пустынѣ являвшимся вдругъ призракомъ золота, разсчитывая соблазнить или видомъ его, или чрезъ прикосновеніе къ нему. Не скрою и того, что демоны много разъ принимались бить меня. Но я терпѣливо переносилъ побои и лишь восклицалъ:

— Никто не можетъ отлучить меня отъ любви Христовой!

Отъ этихъ словъ они приходили во взаимную другъ противъ друга ярость и, наконецъ, были прогоняемы не по моему, но по

Божіему повелѣнію, согласно словамъ Христа: **ви́дѣхъ сатанꙋ̀ ꙗ҆́кѡ мо́лнїю съ нб҃сѐ спа́дша** [1]).

Однажды демонъ постучался въ ворота монастыря. Выйдя вонъ, я увидѣлъ предъ собой огромнаго великана, голова котораго, казалось, достигала до небесъ. И когда я спросилъ:

— Кто ты?

Онъ отвѣчалъ:

— Я—сатана.

Я спросилъ:

— Чего тебѣ здѣсь нужно?

— Напрасно,—отвѣчалъ онъ,—меня обвиняютъ всѣ монахи,—и за что проклинаютъ меня всѣ христіане?

— И справедливо поступаютъ,—сказалъ я въ отвѣтъ,—потому что часто бываютъ обольщаемы тобой.

— Я ничего имъ не дѣлаю,—отвѣчалъ онъ,—но сами они смущаютъ другъ друга. Вѣдь я проклятъ и низвергнутъ,—а не слышалъ ли ты изъ Писанія, что **врагꙋ̀ ѡ҆скꙋдѣ́ша ѻ҆рꙋжїѧ въ коне́цъ, и҆ гра́ды разрꙋши́лъ є҆сѝ** [2]). И дѣйствительно, вотъ я уже лишенъ всякаго мѣста въ мірѣ, не осталось подъ моею властію ни одного города, и нѣтъ у меня оружія, всѣ народы во всѣхъ странахъ исповѣдуютъ Имя Христово, пустыни наполнились монахами. Пусть же сами смотрятъ за собой, а меня напрасно не проклинаютъ.

Подивившись тогда благодати Божіей, я отвѣчалъ ему:

— Это столь новое и неслыханное отъ тебя признаніе приписываю не твоей правдивости, которой у тебя нѣтъ нисколько, но—единственно Божіей силѣ; ты же, будучи отцомъ лжи, долженъ былъ признаться въ томъ, что есть въ дѣйствительности, и на этотъ разъ, противъ своей воли, сказалъ правду, потому что Христосъ Своимъ пришествіемъ окончательно низложилъ твою силу, и, лишенный ангельской славы, ты влачишь теперь жалкую и позорную жизнь во всяческой нечистотѣ.

И лишь только я проговорилъ это, демонъ тотчасъ исчезъ.

Такъ преподобный убѣждалъ братію не страшиться силы бѣсовъ, укрощенной и низложенной Христомъ, но мужественно, съ Божіею помощію, бороться съ ними, укрѣпляя свои сердца вѣрою во Христа. Слушая это, братія радовались и запоминали,

---

1) Еванг. отъ Луки, гл. 10, ст. 18.

2) Псаломъ 9, ст. 7.

на пользу себѣ, наставленія своего отца. Въ однихъ—усиливалось стремленіе къ добродѣтели, въ другихъ—укрѣплялась слабая прежде вѣра, нѣкоторые очищались отъ ложныхъ обольщеній помыслами, сердца другихъ освобождались отъ дѣйствія на нихъ страшныхъ призраковъ, всѣ же вмѣстѣ преисполнялись бодрой готовности презирать демонскія обольщенія и дивились данной Антонію отъ Бога столь великой благодати разумѣнія и различенія духовъ.

На той горѣ, гдѣ жилъ преподобный Антоній, возникло множество монастырей, которые, покрывая ее, подобно шатрамъ, были переполнены божественными сонмами псалмопѣвцевъ, чтецовъ Писанія, молитвенниковъ, постниковъ—людей, радостно надѣющихся на будущія блага и трудящихся лишь для подачи милостыни. Взаимная любовь и согласіе господствовали между ними, и жилища ихъ были подобны городу, чуждому волненій міра сего, преисполненному лишь благочестія и праведности. Не было между ними ни какого-либо непотребника, ни ругателя, ни ненавистника, ни клеветника, ни ропщущаго; было лишь множество подвижниковъ, единодушно служащихъ Богу, такъ что каждый, кому доводилось видѣть эти монастыри и такой образъ жизни ихъ, не могъ, восклицая, не повторить словъ Писанія: **ко́ль добрѝ до́ми твои̑, і҆а́кѡвѥ, ѝ ко́ущы твоѧ̑, і҆и҃лю; ꙗ҆́кѡ ду́бра̑вы ѡ҆сѣнѧ́ющыѧ, ѝ ꙗ҆́кѡ са́дїѥ при рѣка́хъ, ѝ ꙗ҆́кѡ ко́ущы, ꙗ҆̀же водрꙋ́зѝ гдⷭ҇ь**[1]).

Время шло, и Антоній продолжалъ все ревностнѣе и ревностнѣе трудиться. Между тѣмъ возникло жестокое гоненіе на Церковь Христову со стороны нечестиваго царя Максимина[2]). И когда святыхъ мучениковъ повели въ Александрію, то послѣдовалъ за жертвами Христовыми и преподобный Антоній, оставивъ для этого свой монастырь.

— Пойдемъ,—говорилъ онъ,—и мы на свѣтлый пиръ нашихъ братьевъ, чтобы или и самимъ удостоиться того же, или видѣть другихъ подвизающимися.

По своей любви и доброй волѣ преподобный поистинѣ былъ мученикомъ. Но хотя онъ и желалъ пострадать за Имя Христово, мученичество, однако, не было ему суждено, такъ какъ Господь для пользы Своего стада хранилъ учителя и наставника Антонія.

---

1) Кн. Числъ, гл. 24, ст. 5—6.

2) *Максиминъ Дака*—восточный Римскій императоръ; онъ владѣлъ Сиріею и Египтомъ, царствовалъ съ 305 по 313 г. Жестокое гоненіе, воздвигнутое имъ на христіанъ, было въ 311 году.

Онъ открыто обнаруживалъ свою преданность святымъ мученикамъ: соединенный съ ними узами неразрывной любви, прислуживалъ имъ, когда они были въ оковахъ, сопровождалъ ихъ на судъ, являлся предъ лицо мучителей и, не скрывая, что онъ христіанинъ, прямо какъ бы домогался, такимъ образомъ, пострадать за Христа. Однако, никто не осмѣлился поднять на него руку, потому что такъ было угодно Богу, хранившему жизнь Антонія, которая была полезнѣе для людей, чѣмъ его мученическая смерть. Послѣ того какъ претерпѣлъ мученическую кончину святѣйшій Петръ, архіепископъ Александрійскій, и гоненіе прекратилось, блаженный Антоній возвратился въ свой прежній монастырь и, подражая въ теченіе всей послѣдующей жизни святымъ мученикамъ въ вѣрѣ и надеждѣ, изнурялъ свое тѣло особенно строгими подвигами и постояннымъ бодрствованіемъ. Нижнею одеждою его была власяница, верхнею — кожаный плащъ. Тѣла своего онъ никогда не омывалъ, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда нужно было переходить чрезъ воду, и до самой смерти его никто никогда не видалъ наготы его.

Однажды, когда онъ пребывалъ въ уединеніи и, затворившись въ своей келліи, никого не принималъ, пришелъ къ нему съ бѣсноватою дочерью военачальникъ Мартиніанъ. Онъ сталъ стучаться и умолять преподобнаго выйти вонъ помолиться и помочь его страждущей дочери. Антоній, не отпирая дверей, выглянулъ сверху и сказалъ:

— Зачѣмъ ты обращаешься къ моей помощи? Я смертенъ, какъ и ты, одинаково мы оба немощны по природѣ. Если вѣруешь во Христа, которому я служу, то ступай, помолись по своей вѣрѣ Богу, и дочь твоя выздоровѣетъ.

Мартиніанъ увѣровалъ, призвалъ Имя Христово и пошелъ домой съ тотчасъ же исцѣлившейся дочерью. Господь совершилъ много и другихъ чудесъ чрезъ раба Своего Антонія. Въ Евангеліи Онъ обѣщалъ: **просѝте ѝ да́стсѧ ва́мъ** [1]), и согласно съ этимъ, найдя человѣка, достойнаго Его благодати, не отказалъ ему и въ чудотворной силѣ: много бѣсноватыхъ лежало предъ входомъ въ его келлію,—такъ какъ двери ея были заперты,—и всѣ они получали исцѣленіе по его Богоугоднымъ молитвамъ. Антоній увидѣлъ, что эта многочисленность посѣтителей препятствуютъ ему пребы-

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 7, ст. 7.

вать въ излюбленномъ имъ безмолвіи; съ другой стороны, онъ опасался, чтобы его собственный умъ не началъ превозноситься обиліемъ совершаемыхъ чрезъ него знаменій,—и вотъ онъ задумалъ идти въ верхнюю Ѳиваиду, гдѣ онъ никому не былъ бы извѣстнымъ. Взявъ хлѣба, онъ сѣлъ на берегу рѣки и сталъ поджидать корабля, чтобы переплыть на другую сторону. Вдругъ онъ услышалъ Голосъ свыше, который спрашивалъ:

— Антоній! Куда и зачѣмъ ты идешь?

Не смутившись, такъ какъ уже не въ первый разъ слышалъ такой Голосъ, Антоній безтрепетно отвѣчалъ:

— Такъ какъ люди не даютъ мнѣ здѣсь покоя, то я рѣшилъ отправиться въ верхнюю Ѳиваиду, чтобы не побуждали меня дѣлать то, что превышаетъ мои силы, и чтобы не нарушали моего безмолвія.

— Если пойдешь въ Ѳиваиду,—продолжалъ Голосъ,—то въ еще большей степени долженъ будешь претерпѣвать тѣ же затрудненія. Если же дѣйствительно хочешь подвизаться въ строгомъ уединеніи, то ступай теперь во внутреннюю пустыню.

— Кто же укажетъ мнѣ дорогу туда, потому что мѣсто это незнакомо мнѣ? —спросилъ Антоній.

Въ отвѣтъ на это Голосъ указалъ ему на Сарацинъ, которые обыкновенно ходили этою дорогою въ Египетъ для торговли. Теперь они возвращались уже назадъ, и Антоній, подойдя, сталъ просить ихъ, чтобы они взяли его съ собою и довели до пустыни. Они охотно согласились, видя въ Антоніи посланнаго Самимъ Богомъ спутника. Проведя три дня и три ночи вмѣстѣ съ Сарацинами въ пути, блаженный Антоній встрѣтилъ весьма высокую гору, изъ-подъ которой истекалъ источникъ хорошей воды; гору окружала небольшая равнина, на которой росли нѣсколько дикихъ финиковыхъ пальмъ. Антонію понравилось это мѣсто,—какъ будто оно было указано ему Самимъ Богомъ,—и Тотъ, Кто невидимо бесѣдовалъ съ нимъ на берегу рѣки, дѣйствительно, внушилъ ему избрать эту гору для своего мѣстопребыванія. Взявъ отъ спутниковъ хлѣбовъ, сталъ онъ жить на этой горѣ одинъ, и съ нимъ не жилъ никто. Сарацины, видя его подвижническую жизнь, стали приносить ему хлѣбовъ, иногда же онъ имѣлъ нѣкоторое скудное утѣшеніе и въ финикахъ дикихъ пальмъ. Впослѣдствіи же, когда братія узнали о его мѣстопребываніи, то стали съ любовію, какъ дѣти—отцу, присылать ему пищу. Но Антоній,

видя, что доставляетъ братіямъ трудъ и, желая избавить ихъ отъ такого труда, упросилъ одного изъ пришедшихъ, чтобы онъ принесъ ему заступъ, мотыку и небольшое количество сѣмянъ. Когда тотъ исполнилъ это, Антоній обошелъ гору и выбралъ небольшое мѣстечко, пригодное для копанія и посѣва, потому что для орошенія его можно было провести сверху воду. Взрыхливъ здѣсь землю, онъ посѣялъ зерна, и съ того времени онъ уже каждый годъ имѣлъ свой хлѣбъ; работая, онъ радовался, что, не отягощая никого, кормится въ пустынѣ трудами своихъ собственныхъ рукъ. Но такъ какъ и тамъ многіе начали приходить къ нему, то, для угощенія посѣтителей, онъ посѣялъ еще нѣсколько овощей: бобовъ, гороха и прочаго. Первоначально сюда стали приходить на водопой звѣри, которые топтали и пожирали овощи. Однажды, когда они по обыкновенію собрались сюда, преподобный взялъ одного изъ нихъ и, ударивъ его слегка прутомъ, сказалъ всѣмъ имъ:

— Зачѣмъ вы причиняете мнѣ вредъ, сами не видя отъ меня никакого притѣсненія? Именемъ Господнимъ приказываю вамъ: ступайте отъ меня прочь и не подходите сюда.

И съ того времени звѣри, послушные запрещенію, уже не приходили больше. Такъ уединенно жилъ преподобный, пребывая въ молитвѣ и непрестанныхъ подвигахъ. Впрочемъ, движимые любовію къ старцу, братія приходили къ нему и старались чѣмъ-нибудь послужить ему. Каждый изъ нихъ приносилъ маслинъ и елея или чечевицы и другихъ овощей, умоляя подкрѣпить свое одряхлѣвшее отъ старости тѣло. Сколько долженъ былъ перенести блаженный, живя тамъ, нападеній, какъ объ этомъ мы знаемъ отъ приходившихъ къ нему!

Воистину сбылись на немъ слова Апостола: **нѣ́сть на́ша бра́нь къ кро́ви и҆ пло́ти, но къ дꙋхові́мъ зло́бы поднебе́снымъ**[1]). Сколько тамъ слышалось ужасныхъ воплей, какъ бы криковъ толпы и звуковъ оружія,—вся гора, казалось, была полна демоновъ! Но преподобный Антоній былъ подобенъ крѣпости и одинъ всѣхъ побѣдилъ, отражая всѣ полчища демоновъ колѣнопреклонною молитвою. И подлинно достойно удивленія, какъ одинъ человѣкъ могъ жить въ необитаемой пустынѣ, не боясь ни постоянныхъ нападеній демоновъ, ни такого множества четвероногихъ звѣрей и ядови-

1) Посл. къ Ефес., гл. 6, ст. 12.

тыхъ гадовъ. Справедливо воспѣвалъ Давидъ: **надѣ́ющїисѧ на гдⷭ҇а ꙗ҆́кѡ гора̀ сїѡ́нъ: не подви́житсѧ въ вѣ́къ**[1]).

Въ одну ночь, когда Антоній молился и бодрствовалъ на служеніи Господу, вдругъ онъ увидѣлъ, что вся его обитель и даже окружающая пустыня полны звѣрей, которые страшно разѣвали пасти и скрежетали зубами. Но преподобный, тотчасъ уразумѣвъ въ этомъ коварство врага—діавола, сказалъ:

— Если отъ Господа дана вамъ власть надо мною, то я готовъ быть пожраннымъ вами; если же вы явились по сатанинскому навожденію, то бѣгите прочь, потому что я—рабъ Христовъ.

И, по слову преподобнаго, всѣ звѣри обратились въ поспѣшное бѣгство, гонимые силою Божіею.

Спустя нѣсколько дней произошла новая борьба съ тѣмъ же врагомъ. Святый имѣлъ обыкновеніе давать на память какой-нибудь подарокъ каждому, приходившему къ нему съ приношеніемъ, и для этой цѣли плелъ корзину. Потянувъ за полоску, изъ которой онъ плелъ корзину, онъ вдругъ почувствовалъ, что кто-то держитъ ее. Преподобный поднялся и увидѣлъ звѣря, который до пояса имѣлъ образъ человѣка, другая же половина его туловища имѣла видъ ослиный. Антоній, перекрестившись, сказалъ:

— Я—Христовъ рабъ; если ты посланъ на меня, то вотъ я,—не бѣгу.

И тотчасъ призракъ, вмѣстѣ со множествомъ другихъ бѣсовъ, обратился въ бѣгство и исчезъ.

Спустя нѣсколько времени братія упросили преподобнаго навѣстить ихъ. Движимый отеческой къ нимъ любовью, Антоній, положивъ вмѣстѣ съ ними на верблюда хлѣба и воды,—такъ какъ предстояло идти по безводной мѣстности,—отправился въ путь. По дорогѣ взятая имъ вода вышла вся, и, по причинѣ сильной жары, путникамъ угрожала смерть отъ жажды. Напрасно они обходили окрестности, ища гдѣ-либо въ углубленіяхъ остатковъ дождевой воды; отъ жажды и солнечнаго зноя издыхалъ уже и верблюдъ. Въ такомъ бѣдственномъ положеніи старецъ по обыкновенію обратился къ помощи молитвы. Отойдя отъ спутниковъ на небольшое разстояніе, онъ, преклонивъ колѣна, поднялъ къ Небу руки и началъ молиться. И тотчасъ же на этомъ мѣстѣ показался источникъ воды. Утоливъ жажду и взявъ запасъ воды съ собою, путе-

---

[1]) Псал. 124, ст. 1.

шественники благополучно прибыли къ ожидавшимъ ихъ братіямъ. Тѣ, собравшись всѣ вмѣстѣ, вышли навстрѣчу старцу и, съ почтеніемъ цѣлуя его, принимали отъ него благословеніе, а онъ, какъ бы принеся съ горы законъ или нѣкоторый дорогой для нихъ даръ, предлагалъ имъ духовную пищу—одобрялъ подвиги старшихъ и давалъ наставленія младшимъ.

Пробывъ здѣсь нѣсколько времени, онъ вскорѣ опять ушелъ на свою гору. Имѣя власть надъ нечистыми духами, преподобный исцѣлилъ много бѣсноватыхъ, изгоняя изъ нихъ бѣсовъ. Объ этомъ подробно разсказываетъ Аѳанасій Великій въ составленномъ имъ житіи Антонія. Преподобный исцѣлялъ своею молитвою и разныя другія болѣзни, не лишенъ онъ былъ и пророческаго дара,—прозрѣвалъ будущее и находящееся вдали видѣлъ такъ, какъ бы оно было предъ его глазами. Однажды къ преподобному издалека шли два брата; дорогою у нихъ вода вышла вся, и одинъ изъ нихъ волею Божіею уже умеръ, а другой лежалъ въ изнеможеніи на землѣ и ждалъ смерти. Пребывавшій въ то время на горѣ Антоній поспѣшно призвалъ къ себѣ двухъ иноковъ и приказалъ имъ, чтобы они, взявъ съ собою сосудъ воды, шли скорѣе по дорогѣ, ведущей въ Египетъ, причемъ сказалъ:

— Одинъ братъ, шедшій сюда, уже преставился Господу; умретъ и другой, если не поспѣете на помощь.

Монахи, поспѣшно отправившись по его указанію въ путь, нашли все такъ, какъ сказалъ старецъ. Изнемогавшаго отъ жажды они напоили и привели съ собою, а умершаго похоронили. Въ другое время случилось, что онъ сидѣлъ на горѣ и, поднявши взоръ къ Небу, увидѣлъ какую-то душу, восходящую на Небо въ сопровожденіи веселящихся о ней Ангеловъ. Дивясь этому, преподобный помолился, чтобы ему было открыто, что означаетъ это видѣніе. И былъ къ нему голосъ:

— Это—душа инока Аммонія, жившаго въ Нитріи.

Аммоній былъ старецъ, который съ ранней юности и до смерти проводилъ строгую подвижническую жизнь, какъ это видно изъ житія его (за четвертое число мѣсяца октября); а разстояніе отъ горы, на которой жилъ Антоній, до Нитріи было на тринадцать дней пути. Ученики Антонія, видя своего старца радующимся и дивящимся, стали просить его, чтобы онъ объяснилъ имъ причину своей радости и удивленія.

— Сегодня опочилъ Аммоній,—отвѣчалъ имъ старецъ.

Аммоній же былъ извѣстенъ имъ, такъ какъ часто приходилъ сюда. Запомнивъ этотъ день, ученики Антонія стали разспрашивать пришедшихъ чрезъ тридцать дней братьевъ и узнали отъ нихъ, что Аммоній дѣйствительно скончался въ тотъ самый день и часъ, въ который старецъ видѣлъ вознесеніе на Небо его души[1]). Тѣ и другіе много дивились чистотѣ Антоніевой души, по которой онъ такъ скоро могъ узнать о событіи, случившемся очень далеко.

Однажды около девятаго часа преподобный, вставъ помолиться предъ вкушеніемъ пищи, былъ восхищенъ умомъ и увидѣлъ себя несущимся по воздуху. При этомъ демоны воздушные пытались заградить путь и воспрепятствовать его восхожденію. Но Ангелы сопротивлялись имъ и требовали указанія причинъ задержанія. Тѣ стали припоминать грѣхи Антонія съ самаго его рожденія. Но Ангелы остановили ихъ и сказали:

— Что было отъ рожденія, то Господь изгладилъ; но если что знаете о какихъ-либо грѣхахъ его съ того времени, какъ онъ сдѣлался инокомъ и далъ обѣтъ Богу, то объ этомъ можете говорить.

Тогда демоны по злобѣ своей стали клеветать на Антонія, обвиняя его въ грѣхахъ, какихъ онъ не совершалъ; и когда это ни къ чему не привело, для Антонія открылся свободный путь. Придя въ себя, Антоній увидѣлъ, что стоитъ на прежнемъ мѣстѣ. Потрясенный видѣніемъ, онъ забылъ о пищѣ и всю ночь провелъ въ пламенной молитвѣ, воздыханіяхъ и размышленіяхъ о томъ, какъ много у человѣка враговъ и какъ труденъ воздушный путь души къ Небу.

Въ одну ночь онъ услышалъ Голосъ свыше, который сказалъ ему:

— Встань, Антоній, выйди и посмотри!

Антоній вышелъ и, поднявъ кверху свой взоръ, увидѣлъ кого-то страшнаго и настолько высокаго, что голова его касалась облаковъ; увидѣлъ онъ и какія-то другія существа, какъ бы окрыленныя, которыя стремятся подняться къ Небу, но страшный великанъ протягиваетъ руки и пытается преградить имъ путь, причемъ однихъ онъ дѣйствительно схватываетъ и бросаетъ внизъ, другія же, минуя его, смѣло улетаютъ вверхъ, и о таковыхъ онъ въ без-

---

1) *Преподобный Аммоній*, иначе *Аммонъ*, пустынножительствовалъ въ пустынѣ Нитрійской въ продолженіе 22 лѣтъ; скончался около 350 года. Память его—4-го октября.

сильной ярости лишь скрежещетъ зубами. И снова услышалъ Антоній Голосъ:

— Постарайся понять—что видишь!

Тогда открылся умъ его, и началъ онъ понимать, что то—восходили на Небо человѣческія души, діаволъ же препятствовалъ имъ, причемъ грѣшниковъ ему удавалось удерживать и оставлять въ своей власти, на святыхъ же его сила не простиралась, и онъ не могъ задержать ихъ. Преподобный разсказывалъ о такихъ откровеніяхъ братьямъ не изъ тщеславія, но для ихъ пользы. Къ тому же и они сами, видя его удивленнымъ чѣмъ-либо, упрашивали разсказать имъ о бывшемъ ему видѣніи. Лицо его было всегда озарено какою-то особенною благодатію и сіяло такъ, что, хотя бы кто и не видалъ его никогда прежде, все же тотчасъ же узнавалъ его среди многихъ другихъ: душевная чистота святаго отражалась въ веселіи его лица, и, озаряемый внутренно Боговидѣніемъ, онъ всегда былъ радостенъ, какъ написано: **сердцꙋ веселѧщꙋсѧ, лицѐ цвѣтѐтъ**[1]).

Насколько онъ былъ привѣтливъ по внѣшности, настолько же чистъ и дивно непоколебимъ—въ вѣрѣ, никогда онъ не становился на сторону вѣроотступниковъ, видя самовольное искаженіе ими вѣры, никогда дружески не бесѣдовалъ съ манихеями[2]) и другими еретиками, кромѣ лишь тѣхъ случаевъ, когда они обнаруживали готовность отказаться отъ прежняго заблужденія; преподобный прямо говорилъ, что дружба и бесѣды съ еретиками причиняютъ вредъ душѣ. Больше же всего онъ избѣгалъ аріанъ, запрещая и всѣмъ православнымъ имѣть съ ними общеніе. Когда нѣкоторые изъ аріанъ пришли къ нему и онъ изъ бесѣды съ

---

1) Притч. Соломон., гл. 15, ст. 13.

2) *Манихейство*—ересь, которая образовалась подъ вліяніемъ попытки объединенія христіанства съ началами персидской религіи Зороастра, проповѣдывавшей дуализмъ, т. е. существованіе отъ вѣка двухъ самостоятельныхъ началъ, или царствъ. По ученію манихеевъ, Христосъ есть лишь свѣтлый эонъ (духъ), пронесшедшій отъ Отца свѣта чрезъ истеченіе. Одна половина Его была, будто бы, поглощена матеріей и составила душу видимаго міра, т. н. страждущаго Іисуса, вторая, съ помощью другого эона, Животворящаго Духа, освободилась отъ матеріи и помѣстилась въ солнцѣ; это—т. н. безстрастный Іисусъ. Воплощеніе Христа, по ученію манихеевъ, есть сошествіе съ солнца безстрастнаго Іисуса для освобожденія страждущаго Іисуса, свѣтлыя частицы котораго сатана, будто бы, собралъ и, для большаго удобства обладанія ими, заключилъ въ лицѣ человѣка. По этому ученію, воплощеніе Христа было только призрачнымъ (*докетизмъ*). Въ нравственномъ отношеніи манихейство проповѣдывало борьбу съ матеріей для освобожденія отъ нея, чрезъ постепенное умерщвленіе въ себѣ плоти. Ересь манихеевъ была особенно распространена въ IV и V вв.

ними увидѣлъ ихъ зловѣріе, то тотчасъ побѣжалъ отъ нихъ съ горы, говоря:

— Слова ихъ ядовитѣе самихъ змѣй.

Когда однажды аріане распустили ложный слухъ, будто бы Антоній мыслитъ заодно съ ними, преподобный удивился ихъ дерзости и, воспылавъ справедливымъ гнѣвомъ, пришелъ въ Александрію; тамъ предъ архіепископомъ и всѣмъ народомъ онъ проклялъ аріанъ, назвавъ ихъ предтечами антихриста и исповѣдалъ Сына Божія не тварью, но Единосущнымъ Отцу, Творцомъ міра[1]); и всѣ православные христіане преисполнились великой радости, что христоборная ересь проклята такимъ столпомъ Церкви. Тогда всѣ люди, безъ различія пола и возраста, не только христіане, но и еретики, даже сами язычники, собирались къ преподобному, говоря:

— Желаемъ видѣть человѣка Божія.

Такъ всѣ называли Антонія, и имя его пользовалось такою необычайною славою, что стремились прикоснуться хотя бы къ краю одеждъ его, надѣясь и чрезъ это получить великую для себя пользу. Нельзя и пересказать, сколько бѣсноватыхъ и страдавшихъ различными болѣзнями получили тогда исцѣленія, сколько закрылось идольскихъ капищъ, сколько присоединилось къ стаду Христову язычниковъ—чрезъ прибытіе Антонія въ городъ, его слова и чудеса[2]). Нѣкоторые, думая, что большое стеченіе народа стѣсняетъ святаго, стали отгонять отъ него народъ; но онъ кротко сказалъ такимъ:

— Число приходящихъ ко мнѣ не больше полчищъ демоновъ, съ которыми ведемъ непрестанную борьбу на горѣ.

---

[1]) «Сынъ Божій,—говорилъ Антоній,—не есть тварь и не изъ несущихъ, но присносущное Слово и Мудрость существа Отчаго. Не имѣйте никакого общенія съ аріанами, ибо кое общеніе свѣту ко тьмѣ (2 Посл. къ Коринѳ., гл. 6, ст. 14)? Если соблюдаете благочестіе, то вы христіане, а тѣ, именующіе Сына Божія и Слово сущее отъ Отца тварію, ничѣмъ не различаются отъ язычниковъ, потому что служатъ твари, паче создавшаго Бога. Повѣрьте мнѣ,—продолжалъ Антоній,—самыя стихіи міра негодуютъ, и вся тварь воздыхаетъ о безуміи аріанскомъ, видя сравненнымъ съ собою своего Господа, чрезъ Котораго все сотворено».—Въ это время преподобному Антонію было уже 104 года. Еще ранѣе этого, когда открылась ересь Арія, Антоній явился защитникомъ истины: въ 335 г. онъ писалъ обличительныя письма аріанскому епископу Григорію и гражданскому правителю Александріи—тоже еретику; въ то же время онъ письмомъ ходатайствовалъ у императора Константина за Аѳанасія Александрійскаго, тогда прогнаннаго съ престола.

[2]) По свидѣтельству св. Аѳанасія Александрійскаго, въ немногіе дни пребыванія преподобнаго въ Александріи, число обратившихся въ христіанство язычниковъ превышало количество обращенныхъ въ продолженіе цѣлаго года.

Составитель этого житія святый Аѳанасій Великій говоритъ: «Когда Антоній возвращался къ себѣ, и мы пошли провожать его, то одна женщина кричала сзади:

— Подожди, человѣкъ Божій, умоляю тебя,—подожди! Дочь моя жестоко мучится отъ бѣса. Умоляю тебя,—подожди, чтобы и мнѣ, бѣжа за тобой, не потерпѣть несчастія!

Тронутый этими словами и нашими просьбами дивный старецъ остановился и не пошелъ дальше. Когда женщина подошла, а дочь ея была брошена нечистымъ духомъ на землю, Антоній помолился въ душѣ Господу Іисусу Христу,—и тотчасъ нечистый духъ оставилъ больную. Мать ея и весь народъ возблагодарили Бога; радовался и самъ Антоній, что возвращается въ свою любимую пустыню.

Было и то еще удивительно въ преподобномъ, что, не учившись грамотѣ, онъ былъ мудръ и весьма разсудителенъ. Однажды два языческихъ философа, еллины по происхожденію, пришли къ Антонію, чтобы испытать и, если можно, побѣдить его въ мудрости. Онъ былъ на вершинѣ горы и, когда увидѣлъ ихъ, то, понявъ съ перваго взгляда,—кто они, самъ встрѣтилъ пришедшихъ и спросилъ чрезъ переводчика:

— Зачѣмъ вы, мудрецы, приняли на себя трудъ идти издалека къ неразумному и хотите спорить съ несмысленнымъ?

— Мы считаемъ тебя не глупымъ, но, напротивъ, весьма мудрымъ,—отвѣчали они.

— Если вы пришли къ неразумному,—снова смѣло обратился къ нимъ святый,— то трудъ вашъ напрасенъ. Если же, какъ говорите, я человѣкъ мудрый, то должны слѣдовать тому, кого называете мудрецомъ, потому что слѣдуетъ подражать мудрымъ и благочестивымъ. Если бы я пришелъ къ вамъ, то мнѣ нужно было бы подражать вамъ; но такъ какъ вы пришли ко мнѣ, какъ мудрецу, то будьте же, какъ я, христіанами.

И философы ушли, изумляясь и проницательности его разума, и изгнанію имъ бѣсовъ, что они видѣли своими глазами.

Приходили къ нему и другіе ученые, подобные этимъ философамъ, желая посмѣяться надъ нимъ какъ надъ человѣкомъ неученымъ и неграмотнымъ. Но онъ пристыдилъ ихъ и заставилъ замолчать такимъ разсужденіемъ:

— Отвѣтьте мнѣ,— сказалъ онъ,—что появилось раньше,— умъ или письмена, и что изъ этого дало начало другому: письмена ли создали разумъ, или разумъ произвелъ письмена?

— Умъ изобрѣлъ и передалъ письмена, — отвѣчали они.

Тогда Антоній сказалъ:

— Итакъ, поэтому, въ комъ здоровый умъ, тотъ можетъ и не нуждаться въ письменахъ.

Такъ же и въ третій разъ пришли къ нему люди, изучившіе всякую мірскую мудрость и превосходившіе всѣхъ современниковъ своею ученостію. Искусными вопросами стали они допытываться у него основаній нашей вѣры во Христа — съ явною цѣлью поглумиться надъ крестомъ Христовымъ. Помолчавъ немного и поскорбѣвъ объ ихъ заблужденіи, старецъ началъ такъ говорить имъ чрезъ переводчика, хорошо знавшаго греческій языкъ:

— Что лучше и приличнѣе: почитать ли крестъ Христовъ, или превозносить прелюбодѣянія, дѣтоубійства и кровосмѣшенія вашихъ боговъ? Прославлять ли открывшееся въ крестѣ Христовомъ презрѣніе къ смерти и величайшую добродѣтель, или хвалить непотребства, которымъ учитъ ваша порочная вѣра? Что можетъ быть лучше, какъ говорить и вѣровать, что Слово Божіе приняло на Себя человѣческую плоть, чтобы чрезъ соединеніе съ нашей смертною природою возвести насъ на Небо и пріобщить къ Небесному, Божественному? Какъ же вы осмѣливаетесь смѣяться надъ христіанской вѣрой,—что Христосъ Сынъ Божій, безъ какого-либо ущерба для Своей природы, началъ быть тѣмъ, чѣмъ не былъ[1]), и пребываетъ тѣмъ, чѣмъ сталъ быть[2]),—если вы сами, низводя душу съ Неба, поселяете ее не только въ тѣла человѣческія, но и въ змѣй, и животныхъ, и перемѣщаете ее то туда, то сюда, и утверждаете, что она переселяется иногда въ человѣка, иногда въ животное, иногда въ птицу или какое-либо другое живое существо? Христіанская вѣра, исповѣдуя всемогущество и милосердіе Божіе, поэтому самому считаетъ возможнымъ для Бога воплощеніе, причемъ, однако, честь не исключаетъ чести[3]). Вы же пустословите, что душа, истекая изъ чистѣйшаго источника божества, падаетъ потомъ низко, и осмѣливаетесь утверждать, что, умаляясь, она терпитъ измѣненія и превращенія. Впрочемъ, намъ нужно говорить здѣсь о крестѣ Христа Бога нашего. Не лучше ли пре-

---

1) Т. е.—Богочеловѣкомъ, чѣмъ Сынъ Божій не былъ до воплощенія.

2) Т. е.—*вочеловѣчившимся* Сыномъ Божіимъ, ибо Христосъ вознесся на Небо и возсѣлъ одесную Отца съ Своимъ прославленнымъ человѣчествомъ.

3) Т. е.—ни Божество этимъ не ограничивается и не терпитъ ущерба въ своей славѣ, ни человѣческая природа не утрачиваетъ своихъ существенныхъ свойствъ, не измѣняется въ смыслѣ обожествленія.

терпѣть крестъ или какую-либо другую смерть, чѣмъ, довѣряя вашимъ нелѣпымъ выдумкамъ, воздавать поклоненіе египетской богинѣ Изидѣ, оплакивающей Озириса—своего брата и вмѣстѣ мужа? Постыдитесь, прошу, вѣры въ злого Тифона—брата вашего бога Озириса[1]). Да будетъ вамъ стыдно за бѣгства Сатурна[2]), за его противоестественное поглощеніе дѣтей. Устыдитесь кровожадности и развратности Зевса, его похотливости, о чемъ говорятъ ваши же древнія сказанія. Вотъ во что вы вѣрите, вотъ каковы ваши боги, каковы украшенія вашихъ храмовъ! Вы смѣетесь надъ крестомъ и страданіями Господними. Но почему же умалчиваете о воскресеніи Его? Почему не обращаете вниманія на чудеса Его: возвращеніе зрѣнія слѣпымъ, слуха глухимъ, исцѣленіе хромыхъ, очищеніе прокаженныхъ, хожденіе по морю, изгнаніе бѣсовъ, воскрешеніе мертвыхъ и многія другія, изъ которыхъ съ ясностію открывались Его Божественныя сила и слава? И если бы вы оставили предубѣжденіе, которымъ преисполнены, то тотчасъ же убѣдились бы, что Іисусъ Христосъ есть Истинный Богъ, вочеловѣчившійся ради нашего спасенія.»

Этими и многими другими доводами преподобный до такой степени пристыдилъ совопросниковъ—философовъ, что они не нашлись сказать ему ни слова въ отвѣтъ. О всемъ этомъ желающій можетъ подробно узнать изъ житія Антонія, составленнаго Аѳанасіемъ Великимъ, у котораго эта бесѣда излагается полностію. Мы же, въ виду обширности повѣствованія, оставивъ рѣчь пре-

---

1) *Озирисъ*, египетскій богъ, который наряду съ *Изидой* почитался во всей странѣ, былъ, по вѣрованіямъ древнихъ египтянъ, супругомъ и вмѣстѣ братомъ Изиды. Но его братъ *Тифонъ* коварно посадилъ его въ ящикъ, заколотилъ его, залилъ свинцомъ и бросилъ въ Нилъ; Изида отыскала гробъ и скрыла, но ночью Тифонъ открылъ его и растерзалъ тѣло на 14 частей, которыя развѣялъ на всѣ стороны; Изида же собрала ихъ и погребла, а Тифонъ, послѣ долгой борьбы, былъ совершенно побѣжденъ. Между тѣмъ какъ Изида обозначаетъ нильскую землю, Озирисъ есть оплодотворяющій богъ Нила; въ болѣе общемъ смыслѣ подъ образомъ Изиды обоготворялась земля какъ всерождающая мать, а Озирисъ, напротивъ, представлялъ собою производительную силу солнца, воплотившуюся въ землѣ; онъ почитался одновременно богомъ Нила и солнца. Борьба Тифона изображала борьбу противъ производительной силы солнца, присущей землѣ. Въ лицѣ Тифона язычники обоготворяли какое-то страшное чудовище, объясняемое какъ губительный вихрь и палящій вѣтеръ или какъ паръ, выходящій съ разрушительною силою изъ земли, изъ огнедышащихъ горъ.

2) *Сатурнъ*, или *Кронось*,—греко-римскій богъ, почитавшійся сыномъ Урана (неба) и Геи (земли); по низверженіи съ престола его отца онъ, по вѣрованію древнихъ язычниковъ, присвоилъ себѣ власть надъ міромъ; онъ сочетался бракомъ съ сестрою своею Реею, но такъ какъ ему было предсказано, что онъ будетъ свергнутъ со престола своими дѣтьми, то онъ проглатывалъ ихъ тотчасъ послѣ рожденія; впослѣдствіи онъ низверженъ былъ сыномъ своимъ Зевсомъ.

подобнаго къ еллинамъ, скажемъ теперь кратко о дѣлахъ самого преподобнаго, имѣвшихъ выдающееся значеніе въ его жизни и для насъ наиболѣе полезныхъ.

Въ преподобномъ Антоніи было удивительно и то, что, хотя онъ проживалъ на самой окраинѣ тогдашняго міра, царь Константинъ и его сыновья Констансъ и Констанцій[1]) заочно пламенно полюбили его и въ письмахъ своихъ сыновне просили его придти повидаться съ ними.

— Идти или нѣтъ мнѣ къ царямъ? — спросилъ онъ у своихъ учениковъ.

— Если пойдешь, — отвѣчали тѣ,—будешь Антоніемъ, если же не пойдешь, будешь аввой Антоніемъ[2]).

— Такъ какъ,—сказалъ преподобный,—если я пойду, не буду аввой, то ужъ лучше мнѣ не ходить. — И не пошелъ.

Цари послѣ этого стали просить его, чтобы онъ хотя въ письмахъ своихъ преподалъ имъ благословеніе и утѣшеніе. Въ отвѣтъ преподобный дѣйствительно послалъ имъ письмо, въ которомъ, похваливъ ихъ за исповѣданіе вѣры Христовой, внушалъ имъ, чтобы не гордились властію въ этой жизни, но чтобы, хотя и сидятъ на царскихъ престолахъ, не забывали, однако, что они—люди, больше же всего чтобы помнили о будущемъ Страшномъ Судѣ, на которомъ должны будутъ дать отчетъ въ томъ, какъ они пользовались властію. Преподобный убѣждалъ ихъ быть милостивыми къ людямъ, наблюдать правосудіе, быть отцами для нищихъ и несчастныхъ сиротъ.

Однажды, сидя среди братіи за работой, онъ былъ какъ бы въ состояніи восхищенія и, внимательно смотря вверхъ на Небо, вздыхалъ, потомъ, молитвенно преклоня колѣна, горько въ теченіе долгаго времени плакалъ. Присутствующіе пришли въ страхъ и начали неотступно упрашивать его разсказать, что онъ видитъ.

— Лучше бы было, дѣти мои, умереть прежде, чѣмъ наступитъ приближающееся бѣдствіе, — съ великою скорбію отвѣчалъ старецъ.

---

1) *Констанцій и Констансъ*—сыновья и преемники Константина Великаго. Констансъ управлялъ Западною половиною Римской имперіи съ 337 по 350 г.; Констанцій царствовалъ на Востокѣ съ 337 по 361 г., а съ 353 г.—и на Западѣ.

2) *Авва*—отецъ, начальникъ обители, пользующійся сыновнимъ благоговѣйнымъ почтеніемъ братіи. Отвѣтъ учениковъ выражаетъ желаніе, чтобы Антоній не уходилъ, но оставался по-прежнему ихъ глубоко почитаемымъ духовнымъ отцомъ и руководителемъ.

Такъ какъ они снова стали упрашивать его о томъ же, преподобный Антоній, заливаясь слезами, сказалъ:

— Неизъяснимое бѣдствіе надвигается на Церковь Христову, и будетъ она предана людямъ, подобнымъ безсловеснымъ скотамъ. Видѣлъ я алтарь храма Господня и въ немъ множество лошаковъ, которые, окруживъ святый Престолъ, яростно ниспровергаютъ все, что стоитъ на немъ, и, разсыпавъ по полу, топчутъ ногами; и слышалъ я Голосъ, который говорилъ: «Оскверненъ будетъ жертвенникъ Мой!» Вотъ въ чемъ причина моихъ вздоховъ и плача.

Это видѣніе преподобнаго сбылось черезъ два года, когда открылось жестокое аріанское гоненіе: церкви Божіи были разграблены, священные сосуды осквернены, и Святыхъ Таинъ касались нечистыя руки язычниковъ. Цѣлыя скопища нечестивыхъ устремились тогда противъ Христа и силой заставляли православныхъ ходить въ церкви съ вѣтвями деревьевъ въ рукахъ. Послѣднее объясняется тѣмъ, что у язычниковъ въ Александріи былъ обычай входить въ свои капища съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ, и аріане, желая привлечь ихъ на помощь себѣ противъ православныхъ, изъ подражанія имъ также стали ходить съ вѣтвями въ свои храмы; согласившись совмѣстно дѣйствовать противъ православной христіанской вѣры, они и стали подражать другъ другу въ обычаяхъ: аріане—язычникамъ и язычники—аріанамъ. Къ этому нечестивому обычаю принуждали и православныхъ, чтобы они были заодно съ аріанами. О ужасъ! О беззаконіе! Женщины и дѣвушки были оскверняемы, кровь православныхъ проливалась въ храмахъ и обрызгивала Престолы, купели Крещенія были осквернены похотливостью язычниковъ. Всѣ увидѣли тогда въ этомъ исполненіе видѣнія Антонія,—что лошаки попираютъ Жертвенникъ Божій. И много тогда слабыхъ людей, изъ боязни предъ аріанами, переходили на сторону ихъ ереси.

Говоря о предстоящемъ бѣдствіи, святый Антоній въ то же время утѣшалъ братію и говорилъ:

— Не унывайте, дѣти: какъ разгнѣвался Господь, такъ и умилосердится Онъ потомъ, и Церкви опять будетъ возвращена ея лучезарная красота и сила, и сохранившіе непоколебимо среди гоненій вѣру Христову будутъ сіять свѣтомъ благодати. Змѣи возвратятся тогда въ свои норы, и благочестіе еще болѣе умножится. Наблюдайте лишь за собой, чтобы не имѣть гибельнаго для себя общенія съ аріанами, потому что ученіе ихъ—не апо-

стольское, но діавольское и отца ихъ сатаны; по этой именно причинѣ они и были обозначены въ видѣніи подъ образомъ неразумныхъ животныхъ.

Въ то время въ Египтѣ жилъ одинъ военачальникъ, по имени Валакій, который, побуждаемый злобными аріанами, нещадно преслѣдовалъ христіанъ. Онъ былъ настолько жестокъ, что всенародно на площади обнажалъ и билъ даже дѣвицъ и иноковъ. Преподобный Антоній послалъ къ нему письмо такого содержанія:

«Вижу идущій на тебя гнѣвъ Божій. Перестань преслѣдовать христіанъ, и тогда приближающаяся къ тебѣ погибель удалится».

Нечестивецъ, прочитавъ письмо, только посмѣялся надъ нимъ; оплевавъ письмо, онъ бросилъ его на землю, подвергъ позорному наказанію посланныхъ Антоніемъ и, понося преподобнаго, произносилъ противъ него разныя злыя угрозы. Но вскорѣ же надъ нечестивымъ, согласно пророчеству преподобнаго, разразилась слѣдующая казнь Божія. На пятый день послѣ этого отправился онъ вмѣстѣ съ начальникомъ египетскимъ Несторіемъ въ мѣсто, по имени Хереумъ, что въ Александріи; поѣхали они на коняхъ самыхъ смирныхъ и спокойныхъ. Вдругъ кони начали играть подъ ними, стремясь одинъ къ другому, и конь, на которомъ сидѣлъ Несторій, неожиданно схватилъ вдругъ зубами Валакія, сбросивъ его на землю, и началъ грызть мягкія части его тѣла. Замертво принесли его послѣ этого въ городъ, гдѣ на третій день онъ и испустилъ свою нечестивую душу. И всѣ увидѣли въ этомъ исполненіе предсказанія Антонія, справедливо постигшее гонителя.

Но пора уже сказать о кончинѣ преподобнаго. Онъ имѣлъ обыкновеніе спускаться съ вершины горы, гдѣ пребывалъ самъ, къ жившимъ при подошвѣ горы братіямъ и посѣщать ихъ. Въ одно изъ такихъ обычныхъ посѣщеній онъ сказалъ имъ о приближеніи своей смерти, что было открыто ему Богомъ.

— Въ послѣдній разъ пришелъ я къ вамъ, чада мои,— сказалъ онъ,—видѣть васъ я больше уже не надѣюсь въ этой жизни, и пора уже мнѣ разрѣшиться отъ этой жизни и почить, такъ какъ я прожилъ уже сто пять лѣтъ.

При этихъ словахъ братія предались глубокой скорби, они плакали и цѣловали старца, какъ бы уже уходящаго изъ міра. А онъ убѣждалъ ихъ трудиться съ неослабнымъ усердіемъ, не

унывать среди подвиговъ воздержанія, но жить—какъ бы ежедневно готовясь къ смерти, съ успѣхомъ охранять душу отъ нечистыхъ помысловъ, слѣдовать примѣрамъ святыхъ, не сближаться съ раскольниками—мелетіанами, не входить въ общеніе съ нечестивыми аріанами; напротивъ, убѣждалъ ихъ держаться отеческихъ преданій и хранить во всей чистотѣ благочестивую вѣру въ Господа нашего Іисуса Христа, какой научились изъ Писанія и изъ его многократныхъ наставленій.

Послѣ этого братія настойчиво стали упрашивать его, чтобы онъ остался съ ними, такъ какъ всѣ желали удостоиться чести присутствовать при кончинѣ его. Но онъ не согласился на это, потому что зналъ о желаніи ихъ почтить его тѣло, по смерти, торжественнымъ погребеніемъ. Избѣгая даже и посмертнаго воздаянія ему отъ людей чести и славы, преподобный поспѣшилъ уйти отъ нихъ и скрыться въ уединеніи: простившись съ братіями, онъ отправился на вершину горы въ свое излюбленное жилище, мѣсто его подвиговъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ тяжко захворалъ. Подозвавъ тогда къ себѣ двухъ иноковъ, подвизавшихся вмѣстѣ съ нимъ въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ и прислуживавшихъ преподобному по причинѣ старости его, онъ сказалъ имъ:

— Чада мои! Какъ написано[1]), ꙗ҆́зъ ѿхождꙋ̀ въ пꙋ́ть всеѧ̀ землѝ, меня зоветъ къ Себѣ Господь, и я надѣюсь вкусить небесныхъ благъ. Но васъ, мои милыя дѣти, умоляю,—не потеряйте плодовъ своего многолѣтняго воздержанія, но ревностно и съ успѣхомъ продолжайте начатые вами подвиги. Вамъ извѣстно, сколько различныхъ препятствій ставятъ намъ бѣсы, но не страшитесь ихъ ничтожной силы. Надѣйтесь на Іисуса Христа, твердо вѣруйте въ Него всѣмъ сердцемъ своимъ, и отъ васъ будутъ бѣгать всѣ демоны. Помните все, чему я училъ васъ, старайтесь проводить благочестивую жизнь—и несомнѣнно получите награду на Небѣ. Избѣгайте всякаго общенія съ раскольниками, еретиками и аріанами; вамъ извѣстно, что я ни разу дружески не бесѣдовалъ съ ними—по причинѣ ихъ дурныхъ замысловъ и христоборной ереси. Больше же всего старайтесь исполнять Заповѣди Господни, чтобы святые приняли васъ, послѣ вашей смерти, въ вѣчныя обители—какъ сродниковъ и друзей. Помните, размышляйте и всегда разсуждайте объ этомъ. И если вы дѣйствительно забо-

---

[1]) 3 Кн. Цар., гл. 2, ст. 2. Ср.: Кн. Іис. Нав., гл. 23, ст. 14.

титесь о мнѣ, любите меня, какъ отца, и готовы исполнить мою волю, то не позволяйте никому переносить въ Египетъ моихъ останковъ, чтобы тамъ не предавали тѣла моего пышному погребенію, такъ какъ по этой причинѣ, главнымъ образомъ, я и удалился на эту гору. Сами похороните меня, дѣти мои, въ землѣ и исполните слѣдующую заповѣдь своего старца: пусть никто, кромѣ васъ, не знаетъ могилы, гдѣ будетъ похоронено мое тѣло, которое, по вѣрѣ моей въ Господа, возстанетъ нетлѣннымъ при общемъ воскресеніи мертвыхъ. Раздѣлите мои одежды такъ: милоть [1]) и изветшавшую нижнюю одежду, на которой лежу, отдайте епископу Аѳанасію [2]), другую милоть отдайте епископу Серапіону [3]), власяницу же возьмите себѣ. Прощайте, мои милыя дѣти! Антоній уходитъ, и его уже не будетъ болѣе съ вами въ этой жизни.

Когда послѣ этихъ словъ ученики, прощаясь, поцѣловали его, Антоній простеръ ноги и съ тихой радостію на лицѣ, взирая на пришедшихъ за его душой Ангеловъ какъ на друзей своихъ, умеръ и приложился къ святымъ отцамъ [4]). Ученики святаго, согласно завѣщанію его, облачивъ тѣло, предали его землѣ, и, кромѣ нихъ, никто до сихъ поръ не знаетъ о мѣстѣ погребенія преподобнаго Антонія.

Аѳанасій, получивъ отъ учениковъ изношенную одежду и милоть святаго, принялъ въ этихъ подаркахъ какъ бы самого Антонія. Какъ бы осчастливленный богатымъ наслѣдствомъ, онъ всегда съ благоговѣйной радостію взиралъ на эти одежды, приводя себѣ на память его святый образъ.

Таковы жизнь и кончина преподобнаго Антонія, любовь къ которому и слава котораго распространились по всѣмъ странамъ. И не искусно составленными сочиненіями [5]), не мірскою мудростію,

---

1) *Милоть*—верхняя одежда, Плащъ, мантія.

2) Т. е. св. Аѳанасію Великому, патріарху Александрійскому.

3) Здѣсь разумѣется св. Серапіонъ, епископъ Тмунтскій (въ Египтѣ). Память его—24-го мая.

4) Преподобный Антоній Великій скончался 17 января 356 г. на 105 г. жизни.—Мощи преподобнаго Антонія открыты и перенесены въ Александрію въ 561 году при Византійскомъ императорѣ Юстиніанѣ (527—565 г.), потомъ, по взятіи Египта Сарацинами,—въ Константинополь, около 635 года, оттуда, около 980 года, въ діоцезъ Віеннскій (въ Галліи, нынѣшней Франціи), въ 1491 г.—въ Арль (главный городъ Прованса, въ юго-восточной Франціи), въ церковь св. Іуліана, гдѣ почиваютъ и понынѣ.

5) Хотя преподобный Антоній Великій и не получилъ образованія, но для него училищемъ были Священное Писаніе и природа, а учителемъ—благодать Христова, болѣе и болѣе озарявшая его по мѣрѣ самоумерщвленія его подвигами. Изъ твореній преподобнаго Антонія до насъ дошли: 1) его рѣчи, числомъ 20; онѣ трактуютъ о монашескихъ

не знатностію рода, не огромными богатствами прославился онъ, но—благочестивою жизнію. И исполнилось на немъ Слово Спасителя: «Я прославлю прославляющаго Меня» [1]). Жилъ онъ не въ какомъ-либо знаменитомъ мѣстѣ, которое бы всѣ знали; напротивъ,—удалился почти на самый край свѣта въ непроходимую пустыню. Однако же и оттуда онъ сдѣлался извѣстнымъ и въ Испаніи, и въ Африкѣ, и въ Италіи, и въ Иллиріи и въ самомъ даже древнемъ Римѣ. Антоній, нарочито скрывавшійся отъ всѣхъ въ горѣ, не хотѣлъ и не искалъ такой славы. Но Господь Самъ открылъ и показалъ всѣмъ этотъ свѣтильникъ вѣры и благочестія, чтобы, взирая на него, учились добродѣтели и, удивляясь такой жизни преподобнаго, прославляли Отца Небеснаго, Которому съ Единороднымъ Его Сыномъ и Всесвятымъ Духомъ честь, слава, благодареніе и поклоненіе во вѣки, аминь.

Тропа́рь прп҃бнагѡ, гла́съ д҃:

Ревни́теля и҆лі́ю нра́вы подража́я, кр҃ти́телю пра́выми стеза́ми послѣ́дуя, ѻ҆́тче а҆нтѡ́нїе, пꙋсты́ни бы́лъ є҆сѝ жи́тель, и҆ всели́нꙋю ᲂу҆твердилъ є҆сѝ мл҃твами твои́ми. тѣ́мже молѝ хр҃та̀ бг҃а спсти́ся дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Житє́йскїя молвы̀ ѿри́нꙋвъ, безмо́лвнѡ житїѐ скончалъ є҆сѝ, кр҃ти́теля подража́й всѧ́кимъ ѡ҆́бразомъ прп҃бнѣ́йшїй: съ ни́мъ ᲂу҆́бѡ тѧ̀ почита́емъ, ѻ҆тцє́въ нача́льниче а҆нтѡ́нїе.

добродѣтеляхъ, о вѣрѣ во Христа, о простотѣ и невинности, смиреніи, чистотѣ, терпѣніи, благочестіи, дѣвствѣ и проч.; всѣ рѣчи кратки, но полны божественнаго ученія. 2) Посланія,—семь къ различнымъ монастырямъ и предстоятелямъ ихъ о стремленіи къ нравственному совершенству и о духовной борьбѣ написаны уже въ очень преклонномъ возрастѣ преподобнаго и дышатъ апостольской назидательностью; 13 другихъ писемъ съ такимъ же содержаніемъ и характеромъ. 3) Правила жизни и другія увѣщанія и изреченія къ монахамъ.

1) 1 Кн. Цар., гл. 2, ст. 30.

День восемнадцатый

ЖИТІЕ
СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО
АѲАНАСІЯ,
архіепископа Александрійскаго

Святый Аѳанасій Великій, сей живой и безсмертный образъ добродѣтели и богоугодной жизни, родился въ знаменитой столицѣ Египта Александріи[1]). Родители его были христіане — люди благочестивые и добродѣтельные. Еще во дни отрочества Аѳанасія слѣдующій случай предзнаменовалъ его будущую великую святительскую дѣятельность.

Однажды Аѳанасій игралъ съ своими сверстниками на морскомъ берегу. Дѣти подражали тому, что видѣли въ церкви, изображая своей игрой священнослужителей Божіихъ и церковные обряды. Аѳанасія они избрали себѣ епископомъ; онъ же наименовалъ: однихъ—пресвитерами, другихъ—діаконами. Эти послѣдніе приводили къ нему другихъ дѣтей—языческихъ, которыя были еще не крещены. Аѳанасій же крестилъ ихъ морскою водою, произнося установленныя для Таинства Святаго Крещенія слова, какъ то слышалъ отъ священника въ церкви; къ этому онъ присоединялъ поученіе, сообразно своему дѣтскому возрасту. Въ то

[1]) Святый *Аѳанасій Александрійскій* родился около 297 года, незадолго до жестокаго гоненія Діоклетіана на христіанъ, о которомъ у него, однако, не осталось личныхъ воспоминаній.

же время Патріархомъ Александрійскимъ былъ святый Александръ [1]). Случайно взглянувъ изъ оконъ своего дома, находившагося на возвышенномъ мѣстѣ недалеко отъ моря, на берегъ моря и увидѣвъ дѣтскую игру, онъ съ изумленіемъ слѣдилъ за совершаемымъ Аѳанасіемъ Крещеніемъ. Немедленно же онъ приказалъ привести всѣхъ дѣтей къ себѣ. Подробно разспрашивая дѣтей, Патріархъ старался разузнать, кого именно они крестили, какъ вопрошали ихъ передъ Крещеніемъ, и что тѣ отвѣчали, и узналъ, что они въ своей игрѣ совершали все согласно Уставу церковному. Послѣ того, посовѣтовавшись съ клиромъ своимъ, онъ призналъ совершенное Аѳанасіемъ Крещеніе языческихъ дѣтей истиннымъ и довершилъ его мѵропомазаніемъ; потомъ позвалъ родителей дѣтей, дѣйствовавшихъ въ качествѣ пресвитеровъ, и посовѣтовалъ имъ, чтобы они воспитали ихъ для священства. Родителямъ же Аѳанасія, призвавъ ихъ, святый Александръ поручилъ воспитать его въ благочестіи и книжномъ наученіи и потомъ, когда онъ придетъ въ возрастъ, привести къ нему и посвятить его Богу и святой Церкви.

Когда Аѳанасій достаточно изучилъ науки и получилъ широкое умственное образованіе [2]), родители привели его къ святому Патріарху Александру и, подобно тому, какъ нѣкогда Анна—Самуила [3]), посвятили его въ даръ Богу. Вскорѣ послѣ того Патріархъ поставилъ его клирикомъ и рукоположилъ во діакона Александрійской Церкви [4]). Какъ онъ въ этомъ званіи съ юности

---

1) *Св. Александръ, епископъ Александрійскій,* ревностный защитникъ Православія противъ аріанъ, управлялъ Александрійскою Церковію съ 312 по 326 годъ.

2) *Александрія,* мѣсто рожденія Аѳанасія, представляла ему много средствъ для образованія ума, и онъ пріобрѣлъ свѣдѣнія разнообразныя: онъ изучалъ право, познакомился съ произведеніями языческихъ мудрецовъ и поэтовъ Греціи, словомъ, по выраженію біографа святаго Аѳанасія, изучалъ «кругъ наукъ», т. е. въ смыслѣ александрійскихъ ученыхъ; но на это употребилъ онъ немного времени, какъ свидѣтельствуетъ о томъ св. Григорій Богословъ. Главное же вниманіе было обращено имъ на изученіе Священнаго Писанія подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ; и святый Аѳанасій такъ изучилъ всѣ книги Ветхаго и Новаго Завѣта, какъ другой не изучилъ и одной. Какъ можно полагать по одному изъ первыхъ сочиненій святаго Аѳанасія, то были наставники Огласительнаго училища въ Александріи. Умственное образованіе Аѳанасія довершено было въ обществѣ подвижниковъ, которыхъ онъ любилъ и съ которыми отыскивалъ случаи знакомиться; многократно онъ видалъ преп. Антонія Великаго, и самого Аѳанасія за строгую жизнь считали въ числѣ подвижниковъ.

3) 1 Кн. Цар., гл. 1.

4) Извѣстно, что Аѳанасій, будучи еще немного болѣе чѣмъ мальчикомъ, занялъ мѣсто въ качествѣ любимаго члена въ домѣ св. Александра, жилъ съ нимъ «какъ сынъ съ отцомъ» и такимъ образомъ провелъ нѣсколько плодотворныхъ лѣтъ въ центрѣ церковной дѣятельности, подъ кровлею первосвятителя, авторитетъ котораго признавался

мужественно боролся съ еретиками и что отъ нихъ претерпѣлъ,—всего невозможно и перечислить; но нельзя и умолчать о нѣкоторыхъ его, наиболѣе замѣчательныхъ, подвигахъ и дѣяніяхъ.

Ст҃и́тель
А҆ѳана́сїй

Въ то время нечестивый Арій распространялъ свою безумную ересь и своимъ зловреднымъ ученіемъ колебалъ всю Церковь. Хотя онъ былъ уже проклятъ на Первомъ Вселенскомъ Соборѣ святыхъ Отецъ въ Никеѣ[1]), отлученъ отъ общенія съ Церковію Христовой и осужденъ на заточеніе, однако, низверженный и еле живой, не прекращалъ своей борьбы противъ Православія. Онъ сталъ дѣйствовать чрезъ своихъ учениковъ и единомышленниковъ, распространяя повсюду ядъ своей ереси. Имѣя за себя предъ царемъ многихъ ходатаевъ, особенно Евсевія, епископа Никомидійскаго[2]), съ другими епископами, державши-

---

болѣе чѣмъ ста епископами Египта, Ливіи и Пентаполя. Аѳанасій сталъ какъ бы помощникомъ и домашнимъ секретаремъ въ письменныхъ сношеніяхъ по дѣламъ церковнымъ. Въ санъ діакона святый Аѳанасій былъ рукоположенъ въ 319 году. Уже въ это время Аѳанасія сдѣлали извѣстнымъ особенно сочиненія его: «Противъ язычниковъ» и «О воплощеніи Бога Слова»; это были первыя сочиненія его, написанныя рано; но они давали право надѣяться отъ него на многое.

[1]) *I-й Вселенскій Соборъ* въ Никеѣ (городъ въ Виѳиніи, сѣверо-западной части Малой Азіи) происходилъ въ 325 году. На немъ была изобличена и осуждена ересь александрійскаго пресвитера Арія, который училъ, что Сынъ Божій не раждается предвѣчно изъ существа Бога Отца, а сотворенъ Имъ изъ небытія во времени, не единосущенъ Ему и не равночестенъ; въ этой ереси скрытно заключалось рѣшительное отрицаніе Божества Іисуса Христа и нашего искупленія Имъ, короче—ниспроверженіе всего христіанства. Когда открылось нечестіе Арія, Аѳанасій принималъ живое участіе въ борьбѣ св. Александра, архіепископа Александрійскаго, съ Аріемъ и тѣмъ возбудилъ противъ себя аріанъ. Такъ было еще до Вселенскаго Собора; а на Никейскомъ Соборѣ святый Аѳанасій, бывшій тогда въ санѣ архидіакона Александрійской Церкви и сопровождавшій св. Александра на Соборъ, побѣдоносно опровергалъ Арія, къ утѣшенію Отцовъ Собора.

[2]) *Евсевій, епископъ Никомидійскій,* былъ другомъ и сторонникомъ Арія и покровительствовалъ ему. На I-мъ Вселенскомъ Соборѣ онъ защищалъ Арія и хотя согласился подписать составленный на Соборѣ Символъ вѣры, но не соглашался на отлученіе Арія отъ Церкви, за что, равно какъ и за сношенія съ отлученнымъ ересіархомъ, самъ под-

мися той же ереси, Арій чрезъ нихъ испрашивалъ у Константина Великаго себѣ милости, чтобы его освободили отъ заточенія и позволили возвратиться въ Александрію. Евсевій коварно убѣждалъ царя, что Арій не вноситъ никакого ученія, противнаго Православію, и не проповѣдуетъ ничего, не согласнаго съ ученіемъ Церкви, но по зависти терпитъ отъ лукавства епископовъ, и что между ними—споръ не о вѣрѣ, а только изъ-за пустыхъ, отвлеченныхъ словъ[1]). Царь, по своему простосердечію и незлобію, не подозрѣвая еретической хитрости и коварства, повѣрилъ ложнымъ увѣреніямъ и повелѣлъ прекратить споръ и не препираться изъ-за словъ, чтобы между церквами не было раздора. Совсѣмъ не разслѣдовавъ дѣла, онъ, по своему милосердію, позволилъ Арію возвратиться въ Александрію. И вотъ сей нечестивый еретикъ, къ общему церковному бѣдствію, вернулся въ Александрію. Это обстоятельство было весьма тяжело и прискорбно для православныхъ, въ особенности же для святаго Аѳанасія—какъ воина Христова и твердаго защитника истинныхъ преданій Православія. Въ то время онъ былъ удостоенъ уже архидіаконскаго сана. Сей воинъ Христовъ преслѣдовалъ еретика, вторгшагося, подобно волку, въ Церковь Христову, изобличая его злоумышленія и писаніями своими, и проповѣдію. Въ то же время Аѳанасій побуждалъ и святѣйшаго архіепископа Александра написать посланіе къ царю, и самъ вмѣстѣ съ нимъ писалъ, выставляя на видъ простодушіе, по которому царь, повѣривъ обольщеніямъ и баснямъ еретическимъ, пріемлетъ нынѣ Арія, отвергнувшагося Православной Церкви, отверженнаго Самимъ Богомъ и всѣми святыми Отцами, и попускаетъ ему потрясать отеческія законоположенія. Но царь, по внушенію

вергся ссылкѣ. Но, благодаря покровительству Констанціи, сестры императора, Евсевій былъ возвращенъ изъ ссылки и, занявъ снова каѳедру, сталъ дѣйствовать противъ православныхъ.

1) На I-мъ Вселенскомъ Соборѣ поборники неправомыслія, за недостаткомъ правды на ихъ сторонѣ, думали помочь себѣ лукавствомъ, предлагая прочимъ членамъ Собора такой Символъ вѣры, въ которомъ неопредѣленность выраженій о Сынѣ Божіемъ давала мѣсто перетолкованіямъ аріанъ. Но свв. Отцы, исповѣдуя Сына Божія «изъ сущности Отца» рожденнымъ и «Отцу единосущнымъ», включили эти выраженія въ свой Символъ и тѣмъ утвердили древнюю вѣру «въ Бога истинна отъ Бога истинна». Символъ этотъ подписали всѣ члены Собора, даже державшіеся стороны аріевой, но неискренно; при этомъ они греческій терминъ, выражающій единосущіе Сына Божія «омоусіосъ», читали какъ «оміусіосъ»—подобосущный, или, по крайней мѣрѣ, понимали въ послѣднемъ смыслѣ. Евсевій и хотѣлъ представить царю дѣло такъ, что между православными и аріанами происходитъ только недоразумѣніе и споры изъ-за различнаго пониманія терминовъ и выраженій Символа, а не изъ-за сущности вѣры, и что Арій совершенно согласенъ съ Символомъ Никейскаго Собора.

Евсевія, отвѣчалъ имъ еще болѣе рѣзкимъ посланіемъ, угрожая имъ, если они не умолкнутъ, изверженіемъ изъ сана. Поступилъ же такъ благочестивый и добрый царь не для удовлетворенія своего гнѣва и не потому, что бы былъ расположенъ къ аріанству, но имѣя ревность, хотя и не по разуму, о томъ, чтобы между церквами не было раздора. Кроткимъ сердцемъ своимъ любя миръ, царь искалъ мира тамъ, гдѣ его совершенно быть не можетъ: ибо какъ еретичество можетъ жить въ мирѣ съ Православіемъ?

Вскорѣ послѣ сего святѣйшій Александръ преставился; преемникомъ его на Александрійскую каѳедру былъ единогласно избранъ всѣми православными Аѳанасій—какъ сосудъ, достойный таковаго мѵра[1]). Тогда тайные плевелосѣятели—аріане на время умолкли, не вступая въ открытую борьбу съ Аѳанасіемъ; но потомъ, по бѣсовскому подстрекательству, обнаружили свое лукавство и явно открыли ядъ гнѣздящейся внутри ихъ злобы, такъ какъ святый Аѳанасій не принималъ нечестиваго Арія въ церковное общеніе, хотя послѣдній имѣлъ у себя царское предписаніе о томъ. Повсюду стали аріане возбуждать на неповиннаго вражду и распространять злую клевету, стараясь, чтобы тотъ, кто достоинъ небесныхъ селеній, былъ не только низверженъ съ земнаго святительскаго престола, но и изгнанъ изъ города. Но Аѳанасій остался непоколебимъ, воспѣвая съ Давидомъ: **а҆́ще ѡ҆полчи́тсѧ на мѧ̀ по́лкъ, не ᲂу҆боѝтсѧ се́рдце моѐ**[2]).

Руководителемъ коварнаго замысла былъ Евсевій, который только носилъ имя благочестія[3]), а на самомъ дѣлѣ представлялъ собою сосудъ нечестія. Воспользовавшись съ своими единомышленниками незлобіемъ царя и предполагая, что теперь наступило удобное для того время, возбуждалъ всѣхъ, дабы низложить съ престола Аѳанасія. Евсевій думалъ, что если онъ низложитъ Аѳанасія, то потомъ легко одолѣетъ и прочихъ православныхъ и

---

[1]) Кончина *св. Александра Александрійскаго* послѣдовала пять мѣсяцевъ спустя по возвращеніи его съ I-го Вселенскаго Собора. Аѳанасія въ то время не было въ Александріи. Оставляя свою паству, умирающій старецъ искалъ вокругъ блуждающимъ взоромъ, кому бы поручить ее. «Аѳанасій, Аѳанасій! — взывалъ Александръ, — ты думаешь убѣжать. Нѣтъ! не убѣжишь». Дѣйствительно, Аѳанасій не избѣжалъ жребія, предназначеннаго ему свыше. Предъизбранный отшедшимъ пастыремъ и желаніемъ паствы—едва онъ явился въ Александрію, какъ народъ неотступно сталъ требовать отъ собравшихся епископовъ, чтобы посвятили ему во епископа Аѳанасія, и дотолѣ не успокоился, пока не получилъ желаемаго, хотя и противъ воли самого Аѳанасія.

[2]) Псаломъ 26, ст. 3.

[3]) *Евсевій* съ греч. значитъ: *благочестивый.*

утвердитъ аріево ученіе. Онъ сталъ распространять на праведника несправедливые и ложные извѣты, которые еретикамъ казались достовѣрными. Для этого онъ нанялъ за деньги послѣдователя Мелетія[1]) Исіона, изощрившагося въ коварствѣ Евдомона и сильнаго злобою Каллиника. Обвиненія противъ Аѳанасія заключались въ слѣдующемъ: 1) будто онъ принуждаетъ египтянъ платить подати на облаченія священническія, льняныя одежды, алтарныя завѣсы и ткани и иную церковную утварь; 2) будто онъ недоброжелательствуетъ царю и презираетъ царскія предписанія; 3) будто онъ любостяжателенъ и послалъ къ одному изъ своихъ друзей на сохраненіе ящикъ, полный золота. Къ этому присоединилось еще обвиненіе касательно лжесвященника Исхира[2]), который былъ лукавъ, коваренъ и хитеръ въ своей злобѣ; присвоивъ себѣ безъ обычнаго посвященія имя пресвитера, онъ совершилъ столько злыхъ, беззаконныхъ и преступныхъ дѣлъ, что заслуживалъ не только изверженія и поношенія, но и суроваго наказанія. Узнавъ все объ Исхирѣ, блаженный Аѳанасій, всегда тщательный и осторожный въ рѣшеніи такихъ дѣлъ, послалъ въ Мареоты[3]) пресвитера Макарія, чтобы разслѣдовать все о беззаконныхъ дѣяніяхъ Исхировыхъ. Исхиръ же, боясь допроса и изобличенія, бѣжалъ оттуда и, пришедши въ Никомидію, сталъ клеветать на Аѳанасія предъ Евсевіемъ. Евсевій и его сообщники приняли Исхира, этого отступника Божія и нарушителя священныхъ правилъ, какъ истиннаго священника и отнеслись къ нему съ почтеніемъ: ибо естественно любить подобнаго себѣ въ злобѣ ли, или въ добродѣтели.

---

[1]) *Мелетій*, епископъ Ликопольскій (въ Ѳиваидѣ), возставалъ противъ возвращенія въ Церковь отрекшихся отъ нея въ гоненіе Діоклетіана. Св. Петръ, архіепископъ Александрійскій, болѣе снисходительный къ падшимъ, какъ верховный архипастырь всего Египта отлучилъ его за это отъ Церкви. Но Мелетій, съ единомысленными ему епископами, присвоилъ себѣ права главнаго областного епископа и не признавалъ власти преемниковъ св. Петра. На I-мъ Вселенскомъ Соборѣ расколъ Мелетія былъ осужденъ, но мелетіанскіе епископы существовали до половины V вѣка. Въ 326 году Мелетій и его единомышленники препятствовали избранію святаго Аѳанасія на Александрійскую каѳедру, а когда это избраніе состоялось противъ ихъ желанія, то стали распускать клевету, что Аѳанасій избранъ незаконно, шестью или семью епископами, тайно отъ прочихъ. Мелетіане, такимъ образомъ, были противниками Аѳанасія наравнѣ съ аріанами, сторону которыхъ они держали.

[2]) Исхиръ не былъ священникомъ. Правда, его посвятилъ въ этотъ санъ, еще при св. Александрѣ, Коллуѳъ, самовольно восхитившій себѣ права епископскія; но на Александрійскомъ соборѣ 324 года этотъ Коллуѳъ былъ низложенъ какъ самозванецъ, а всѣ имъ поставленные не признаны посвященными.

[3]) *Мареотійская область* лежала въ сѣверо-западномъ Египтѣ, къ югу отъ Александріи, по берегу залива, и въ церковномъ отношеніи находилась подъ властію епископа Александрійскаго.

Сами, отъ чрезвычайной ненависти пылая гнѣвомъ на Аѳанасія, они съ великою радостію встрѣтили Исхира. Они поощряли его дерзость и наглость и обѣщали почтить его епископскимъ саномъ, если только онъ съумѣетъ возвести на праведника какой-либо оговоръ и клевету. Исхиръ, будучи хитрымъ и искуснымъ въ такихъ дѣлахъ, усиливался взвести на неповиннаго Аѳанасія обвиненія. Онъ говорилъ, что, по приказанію Аѳанасія, пресвитеръ Макарій, разбойнически вторгнувшись въ церковь, съ великою яростію оттащилъ его отъ Престола, опрокинулъ Престолъ, Чашу же съ Божественными Таинами разбилъ и священныя книги сжегъ. Принявъ эту клевету Исхира за истину и присовокупивъ ее къ другимъ извѣтамъ, враги Аѳанасія приступили къ царю Константину, наговаривая на святаго Аѳанасія. Въ особенности они старались возбудить гнѣвъ царя, обвиняя Аѳанасія въ томъ, что онъ не обращаетъ вниманія на царскія письменныя предписанія и не слушаетъ повелѣнія царскаго, не принимая Арія въ церковное общеніе. Кромѣ того, на блаженнаго возводили также обвиненіе по поводу какой-то мертвой руки, что Аѳанасій, будто бы, посредствомъ ея волшебно творилъ чудеса и чарованія (сами будучи воистину окаянными и явными чародѣями); рука же эта, будто бы, принадлежала нѣкоему клирику Арсенію и отсѣчена была по кознямъ Аѳанасія.

Царь, разсмотрѣвъ дѣло, пришелъ въ недоумѣніе: онъ хорошо зналъ и добродѣтель Аѳанасія, и въ то же время возводимыя на него обвиненія казались ему болѣе или менѣе вѣроятными. Поэтому онъ избралъ средній путь: не осуждая Аѳанасія, онъ въ то же время не отказалъ и въ разслѣдованіи его дѣла. А такъ какъ въ то время въ Іерусалимѣ совершался праздникъ обновленія храма Воскресенія Христова и сюда со всѣхъ странъ собирались епископы[1]), то царь, воспользовавшись этимъ случаемъ, повелѣлъ епископамъ собраться въ Тирѣ[2]) для тщательнаго разслѣдованія обвиненій противъ Аѳанасія Великаго, а также для разсмотрѣнія дѣла Арія—дѣйствительно ли онъ, какъ самъ утверждаетъ, учитъ

---

1) Епископы собиралнсь въ Іерусалимъ на праздникъ освященія императоромъ Константиномъ Великимъ велнколѣпнаго храма Воскресенія Христова, надъ мѣстомъ погребенія тѣла Спасителя и Его Воскресенія. Храмъ освященъ былъ 13-го сентября 335 года.

2) Городъ *Тиръ* былъ расположенъ на восточномъ берегу Средиземнаго моря. Это былъ одинъ изъ древнѣйшихъ, укрѣпленныхъ и красивѣйшихъ приморскихъ торговыхъ городовъ Финикіи и вмѣстѣ ея столичный городъ.

согласно ученію святой вѣры и держится истинныхъ православныхъ преданій: если онъ низверженъ по зависти, то чтобы снова былъ принятъ причтомъ и Соборомъ и присоединенъ, какъ одинъ изъ членовъ, къ тѣлу Церкви; если же онъ вѣруетъ противно ея ученію и учитъ нечестиво, то да будетъ судимъ по священнымъ законамъ и пріиметъ достойную казнь по дѣламъ своимъ. По дѣлу же Арсенія царь повелѣлъ произвести прежде разслѣдованіе съ тѣмъ, чтобы, если бы Аѳанасій оказался виновнымъ, подвергнуть его осужденію согласно съ законами. Для достовѣрнаго изслѣдованія этого дѣла Константинъ послалъ одного изъ своихъ домоправителей, по имени Архелая, вмѣстѣ съ финикійскимъ княземъ Ономъ. Когда эти послѣдніе пришли въ Тиръ (Аѳанасій въ то время былъ здѣсь, ожидая изобличенія взводимой на него клеветы относительно мертвой руки и волхвованія), то они отложили разслѣдованіе, пока не придутъ изъ Александріи ожидаемые клеветники, утверждающіе, что то беззаконіе Аѳанасія (отсѣченіе руки Арсенія и волхвованіе) видѣли сами своими глазами. Эта отсрочка разслѣдованія произошла по смотрѣнію Божію, какъ это ясно показалъ конецъ дѣла. Ибо Богъ, свыше на всѣхъ призирая и избавляя обидимаго отъ обижающихъ его, продолжилъ время, для того чтобы самъ Арсеній успѣлъ придти въ Тиръ. Арсеній былъ однимъ изъ клириковъ Александрійской церкви, по должности чтецъ; совершивъ одно большое преступленіе, онъ долженъ былъ подвергнуться суровому суду и жестокому наказанію; убоявшись этого, онъ бѣжалъ и въ теченіе продолжительнаго времени скрывался — неизвѣстно гдѣ. Коварные же противники Аѳанасія, изощрившись въ козняхъ и совсѣмъ не ожидая, чтобы Арсеній когда-либо явился изъ-за страха и стыда о содѣянномъ имъ грѣхѣ, дерзко писали, что существуетъ мертвая рука Арсенія, и повсюду распространяли молву, что Аѳанасій совершилъ это гнусное преступленіе. Когда молва о томъ, что Аѳанасій за усѣченіе Арсеніевой руки подвергается суду, распространилась по всѣмъ странамъ, дошелъ слухъ этотъ и до самого Арсенія, скрывавшагося въ неизвѣстныхъ мѣстахъ. Соболѣзнуя о своемъ отцѣ и благодѣтелѣ и скорбя сердцемъ о томъ, что истина беззаконно побѣждается ложью, онъ тайно пришелъ въ Тиръ и явился къ самому Аѳанасію, припадая къ его честнымъ ногамъ. Блаженный Аѳанасій, радуясь прибытію Арсенія, повелѣлъ ему до суда никому не показываться.

Шелъ тридцатый годъ царствованія Константина[1]), когда изъ разныхъ городовъ собрались въ Тиръ епископы[2]). Пресвитеръ Макарій былъ приведенъ воинами; среди нихъ былъ и воевода, хотѣвшій вмѣстѣ съ епископами производить судъ, а также и нѣкоторые изъ другихъ свѣтскихъ властей; явились и клеветники, и судъ начался. Потомъ позванъ былъ и Аѳанасій. Сначала его ложно обвиняли по поводу льняныхъ церковныхъ облаченій и завѣсъ, а также—въ любостяжаніи; но тотчасъ же ложь этой клеветы была изобличена, и всѣмъ стала ясной злоба клеветниковъ.

Между тѣмъ, злобная ненависть противниковъ Аѳанасія не укрощалась; они все еще не насытились ложными клеветами на Аѳанасія, но прилагали къ одной козни—другую, къ одной лжи—еще новую. Нечестивые еретики подкупили одну безстыдную женщину взвести клевету на Аѳанасія въ томъ, будто онъ, пребывая у нея, противъ ея воли совершилъ съ нею беззаконіе.

Когда начался судъ, судьи сѣли на своихъ мѣстахъ и клеветники предстали, была введена и эта женщина. Съ плачемъ жаловалась она на Аѳанасія, котораго никогда не видала и даже не знала, каковъ онъ по виду.

— Я ради Бога приняла его въ домъ свой,—говорила она объ Аѳанасіи,—какъ мужа почтеннаго и святаго, желая себѣ и дому моему благословенія. И вотъ, напротивъ, я пострадала отъ него. Съ наступленіемъ полночи, когда я спала на постели, онъ пришелъ ко мнѣ и насильственно надругался надо мною, такъ какъ никто не освободилъ меня отъ рукъ его, ибо всѣ въ домѣ уснули глубокимъ сномъ.

Въ то время, какъ безстыдная женщина такъ злословила и со слезами клеветала, другъ Аѳанасія, пресвитеръ Тимоѳей, стоя съ

---

[1]) Здѣсь время царствованія Константина Великаго считается не отъ начала его единодержавія, а съ самаго начала его царствованія (въ 306—324 годахъ онъ управлялъ западною половиною Имперіи, а въ 324—337 гг.—всей Имперіей).

[2]) Соборъ въ Тирѣ происходилъ въ 335 году, подъ наблюденіемъ императорскаго чиновника Діонисія. Всѣхъ епископовъ пріѣхало на Соборъ до шестидесяти человѣкъ. Святый Аѳанасій прибылъ съ 48 епископами Египта. Здѣсь присутствовали епископы именитыхъ престоловъ: Антіохійскаго—Флакиллъ, Іерусалимскаго—Максимъ, Солунскаго—Александръ. Святый Аѳанасій, по прибытіи, хотѣлъ занять мѣсто, которое принадлежало ему по достоинству его каѳедры, но ему было повелѣно предсѣдателемъ Собора, Евсевіемъ, епископомъ Кесарійскимъ (извѣстный церковный историкъ, сторонникъ аріанъ), стоять, какъ лицу обвиняемому. Совѣщанія Собора велись пристрастно, въ пользу Арія и его единомышленниковъ и во вредъ святому Аѳанасію.

нимъ за дверями и слыша упомянутую клевету, возмутился духомъ и, неожиданно вошедши внутрь судилища, съ поспѣшностью сталъ предъ глазами той клеветницы, какъ будто онъ былъ самъ Аѳанасій; онъ смѣло обратился къ ней съ слѣдующими словами:

— Я ли совершилъ надъ тобою, женщина, ночью насиліе, какъ ты говоришь? Я ли?

Женщина же та, съ еще большимъ безстыдствомъ, возопила къ судьямъ:

— Сей человѣкъ—мой растлитель и злоумышленникъ противъ моей чистоты; онъ, а не иной кто, пребывая у меня, за благодѣяніе мое воздалъ мнѣ надругательствомъ.

Услышавъ это, судьи разсмѣялись, противники же Аѳанасія весьма устыдились, ибо явно открылась ложь ихъ. Всѣ удивились такой наглой клеветѣ и признали Аѳанасія совершенно невиннымъ въ возводимомъ на него грѣхѣ. Но противники Аѳанасія стали обвинять святаго мужа въ чародѣйствѣ и убійствѣ Арсенія, внесли предъ взоры всѣхъ какую-то страшную на видъ мертвую руку и, съ безстыдствомъ махая ею на святаго, восклицали:

— Сія рука безмолвно вопіетъ на тебя, Аѳанасій, сія рука тебя обличаетъ; она тебя уловляетъ и крѣпко удерживаетъ, чтобы ты не избѣжалъ осужденія; ея свидѣтельства ты не будешь въ состояніи избѣжать ни рѣчами, ни хитростію, ни какою-либо козніею. Всѣ знаютъ Арсенія, которому несправедливо и безъ всякаго милосердія отсѣкъ ты эту руку. Итакъ, скажи намъ, наконецъ, для чего это тебѣ потребовалось и съ какою цѣлію ты отсѣкъ ее?

Аѳанасій же терпѣливо выслушивалъ ихъ, подражая Христу Господу своему, нѣкогда осужденному іудеями и при этомъ не пререкавшему, не вопіявшему, но ꙗ҆́кѡ ѻ҆вча̀ на заколе́ніе веденному[1]); онъ сначала молчалъ, потомъ, отвѣчая на обвиненіе, съ кротостію сказалъ:

— Есть ли среди васъ кто-либо, который бы хорошо зналъ Арсенія? Нѣтъ ли кого-либо также, кто бы точно призналъ, дѣйствительно ли это его рука?

Когда многіе поднялись съ своихъ сѣдалищъ, утверждая, что они хорошо знаютъ самого Арсенія и его руку, Аѳанасій тотчасъ раскрылъ занавѣсъ, за которымъ стоялъ Арсеній, и повелѣлъ ему стать посреди собранія. И вотъ Арсеній сталъ посреди судилища

---

[1]) Выраженіе Прор. Исаіи, гл. 53, ст. 7.

живымъ и здоровымъ, имѣя цѣлыми обѣ руки. Блаженный же, съ гнѣвомъ взирая на клеветниковъ, сказалъ:

— Не это ли Арсеній? Не это ли тотъ, у котораго, какъ вы говорите, отсѣчена рука? Не тотъ ли это, кого знаютъ всѣ александрійцы?

И, повелѣвъ Арсенію, чтобы онъ поднялъ вверхъ сначала правую, потомъ лѣвую руку, громко воскликнулъ, какъ бы призывая находящихся далеко отъ истины:

— Вотъ, мужи, и Арсеній! Вотъ и руки его, которыя совсѣмъ не были отсѣчены! Покажите же и вы своего Арсенія, если такого имѣете, и повѣдайте, кому принадлежитъ отсѣченная рука, которая осуждаетъ васъ самихъ, какъ сдѣлавшихъ это преступленіе.

Когда судъ производился такимъ образомъ, отъ царя пришло на Соборъ посланіе, сильно обличающее клеветниковъ, Аѳанасія же повелѣвающее освободить отъ несправедливаго обвиненія и милостиво призывающее его къ царю. Это произошло такимъ образомъ. Два пресвитера Александрійской церкви, Аписъ и Макарій (не тотъ, который связаннымъ былъ приведенъ на судъ, но другой того же имени), пришедши въ Никомидію, разсказали царю все объ Аѳанасіи—о томъ, какъ враги возвели на святаго мужа ложныя обвиненія и составили несправедливое совѣщаніе. Царь же, уразумѣвъ истину и клеветы, происшедшія по зависти, написалъ къ епископамъ на судъ въ Тиръ такого рода посланіе, что, когда оно прочтено было на судѣ, приверженцевъ Евсевія охватилъ страхъ, и они не знали, что дѣлать; однако, побуждаемые великою завистію, не перестали неистовствовать, не ограничились тѣмъ, что одинъ разъ уже были побѣждены и посрамлены, и, обратившись къ другимъ лжеобвиненіямъ, клеветали на приведеннаго на судъ Макарія. Лжеобвинителемъ явился Исхиръ, а лжесвидѣтелями—приверженцы Евсевія, которыхъ Аѳанасій прежде отвергъ какъ лживыхъ и недостойныхъ вѣры. Аѳанасій желалъ, чтобы было достовѣрно изслѣдовано объ Исхирѣ—дѣйствительно ли онъ истинный священникъ, и только тогда обѣщалъ отвѣчать по поводу взводимыхъ на него обвиненій. Судьи не согласились на это и продолжали производить судъ надъ Макаріемъ. Послѣ того, какъ оговорщики истощили всѣ свои клеветы, слушаніе дѣла было отложено, потому что требовалось произвести разслѣдованіе на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, будто бы, Макаріемъ былъ низвергнутъ алтарь, т. е. въ Мареотахъ. Видя, что для этого посылаются въ

Мареоты тѣ самые оговорщики, которые съ самаго начала были отвергнуты имъ какъ лжецы, Аѳанасій, не вынося совершаемой несправедливости, не умолкая восклицалъ:

— Угасла правда, попрана истина, погибло правосудіе, исчезло у судей законное разслѣдованіе и осторожное разсмотрѣніе дѣлъ! Развѣ законно, чтобы желающій оправдаться содержался въ узахъ, а судъ всего дѣла былъ бы порученъ клеветникамъ и врагамъ, и чтобы сами оговорщики судили того, на кого клевещутъ?

Такъ святый Аѳанасій Великій въ слухъ всѣхъ взывалъ объ этомъ и засвидѣтельствовалъ всему Собору. Видя же, что онъ не будетъ имѣть никакого успѣха, вслѣдствіе возрастающаго количества враговъ и завистниковъ, тайно отправился къ царю. И тотчасъ Соборъ тотъ, или, лучше сказать, лукавое сонмище, осудилъ отсутствовавшаго Аѳанасія. По окончаніи же въ Мареотахъ несправедливаго разслѣдованія по вышеупомянутому дѣлу, произведеннаго согласно волѣ и желанію враговъ святаго Аѳанасія, судьи, сами достойные низверженія, опредѣлили, что Аѳанасій долженъ быть окончательно низвергнутъ. Потомъ отправились въ Іерусалимъ, гдѣ приняли въ церковное общеніе богоборнаго Арія тѣ самые люди, которые только на словахъ держались благочестія и на бывшемъ Никейскомъ Соборѣ притворно подписали догматъ объ единосущіи Сына Божія съ Богомъ Отцомъ. Но тѣ, которые и сердцемъ, и устами содержали православную вѣру, внимательно обдумавъ слова и рѣчи Арія и осторожно разсмотрѣвъ ихъ, распознали обольщеніе, которое таилось подъ прикрытіемъ многихъ словъ и рѣчей, и, уловивъ его какъ бы лисицу, обличили его какъ врага истины. Въ это время пришло отъ царя другое посланіе (Аѳанасій тогда еще не успѣлъ дойти къ царю), повелѣвающее Аѳанасію и всѣмъ оговорщикамъ и судіямъ его немедленно явиться къ нему. Это произвело великій страхъ среди членовъ Собора, ибо враги Аѳанасія, произведшіе незаконный судъ, боялись, какъ бы не была изобличена ихъ неправда; поэтому многіе изъ нихъ разошлись по своимъ странамъ. Евсевій же и Ѳеогній, епископъ Никейскій[1]), и нѣкоторые другіе, ухитрившись придумать нѣкоторые правдоподобные предлоги, для того чтобы замедлить

---

1) *Ѳеогній*, епископъ Никейскій, вмѣстѣ съ Евсевіемъ Никомидійскимъ прежде другихъ принялъ ученіе Арія, поддерживалъ его на I-мъ Вселенскомъ Соборѣ, послѣ чего хотя и подписалъ православный Символъ вѣры, но за сношенія съ Аріемъ былъ сосланъ; по возвращеніи Арія и Ѳеогній вызванъ былъ изъ ссылки. Явно онъ отрекся отъ лжеученія, но тайно покровительствовалъ аріанамъ.

въ Тирѣ, оставались здѣсь довольно продолжительное время, а царю отвѣчали письмами. Между тѣмъ Аѳанасій, явившись къ царю въ Никомидію, оправдался отъ взводимаго на него обвиненія въ любостяжаніи. И въ то время, какъ приверженцы Евсевія медлили и не спѣшили явиться къ царю, послѣдній отправилъ Аѳанасія на Александрійскую каѳедру съ своимъ посланіемъ, въ которомъ были засвидѣтельствованы неосновательность и несправедливость всѣхъ клеветъ на святителя.

Когда, такимъ образомъ, святый Аѳанасій управлялъ своей каѳедрой, а Арій находился въ Александріи, аріане производили большое смущеніе и молву въ народѣ. Блаженный Аѳанасій, будучи не въ состояніи видѣть, что Арій возмущаетъ и колеблетъ не только одну Александрію, но и весь Египетъ, письменно сообщилъ обо всемъ этомъ царю, увѣщавая его наказать богоборца и возмутителя народнаго. Въ отвѣтъ на это отъ царя немедленно пришло въ Александрію повелѣніе представить Арія связаннымъ на судъ царскій. Во время пути къ царю изъ Александріи Арій, достигнувъ Кесаріи, увидался съ единомышленниками своими: Евсевіемъ, епископомъ Никомидійскимъ, Ѳеогніемъ Никейскимъ и Маріемъ, епископомъ Халкидонскимъ[1]); посовѣтовавшись вмѣстѣ, они составили на Аѳанасія новыя клеветы, ни Бога не боясь, ни щадя невиннаго мужа, но имѣя одно желаніе—прикрыть истину ложью, какъ говоритъ божественный Исаія: зачинаютъ трꙋдъ, и раждаютъ беззаконіе тѣ, которые сказали: положихомъ лжꙋ надеждꙋ нашꙋ, и лжею покрыемся[2]). Такое стараніе прилагали беззаконные еретики, чтобы низложить блаженнаго Аѳанасія съ его патріаршаго престола и захватить власть надъ православными. И такъ они пришли къ царю: Арій, желая оправдаться, а Евсевій и его сообщники,—чтобы способствовать его несправедливому дѣлу и открыто лжесвидѣтельствовать противъ истины и Аѳанасія. Когда они предстали предъ царемъ, то немедленно были допрошены по поводу бывшаго въ Тирѣ Собора, о томъ, что они тамъ опредѣлили и какой судъ произнесли надъ Аѳанасіемъ. Они же отвѣчали царю:

---

1) Марій, епископъ Халкидонскій, подобно Ѳеогнію Никейскому и многимъ другимъ, раздѣлялъ ученіе Арія, обвинялъ Аѳанасія на Тирскомъ Соборѣ и былъ въ числѣ слѣдователей по Мареотскому дѣлу, вмѣстѣ съ Ѳеогніемъ и другими единомышленниками Арія.

2) Кн. Прор. Исаіи, гл. **59**, ст. 4; **28**, 15. Пророкъ разсуждаетъ здѣсь о тѣхъ, грѣхи которыхъ разъединяютъ ихъ съ Богомъ. Подобно такимъ грѣшникамъ поступали и обличители Аѳанасія, покрывавшіе истину ложью.

— Царь! Мы не особенно скорбимъ о заблужденіяхъ Аѳанасія, но мы объяты скорбію и ревностію объ алтарѣ, который онъ разорилъ, и о Чашѣ съ Св. Таинами, которую онъ сокрушилъ и разбилъ на части, а также и о томъ, что онъ возбранилъ и запретилъ посылать обычно посылаемую въ Царьградъ изъ Александріи пшеницу[1]): это особенно насъ опечаливаетъ, это уязвляетъ нашу душу. Свидѣтелями такихъ его злодѣяній были епископы: Адамантій, Анувіонъ, Арвестіонъ и Петръ[2]); обличенный ими во всемъ этомъ, Аѳанасій избѣжалъ суда, по справедливости заслуженнаго имъ по его дѣламъ, однако низверженія не могъ избѣжать, но единодушно всѣмъ Соборомъ былъ низверженъ за то, что дерзнулъ на такія беззаконныя дѣла.

Слушая эти рѣчи, царь первоначально молчалъ, смущаясь въ душѣ своей; потомъ, не имѣя возможности остановить оговорщиковъ, распорядился, чтобы праведникъ на время былъ отправленъ въ Галлію[3]),—не потому, чтобы онъ вѣрилъ клеветѣ или былъ охваченъ гнѣвомъ, но ради умиротворенія Церкви (какъ свидѣтельствуютъ люди, достовѣрно узнавшіе царское намѣреніе). Царь видѣлъ, сколько епископовъ возстало на Аѳанасія и сколь великое смятеніе возникло изъ-за этого въ народѣ александрійскомъ и египетскомъ. И вотъ, желая утишить такую бурю, прекратить молву и уврачевать болѣзнованія столь многихъ епископовъ, онъ приказалъ святому мужу на время удалиться изъ города[4]).

---

1) Съ давнихъ временъ Египетъ, славившійся своимъ плодородіемъ, посылалъ въ Римъ чрезъ Александрію флотъ, нагруженный хлѣбомъ для раздачи нуждающемуся народу. Когда Константинъ Великій основалъ въ 330 году новую столицу въ Византіи, названную по его имени Константинополемъ, а также Царьградомъ, то, заботясь объ усиленіи ея населенія и о средствахъ къ ея содержанію, перемѣнилъ назначеніе этого флота: милость раздачи хлѣба предоставлена была Константинополю. Всего хлѣба раздавалось до 80000 мѣръ. Враги Аѳанасія, такимъ образомъ, разсчитывали разглашеніемъ новой клеветы, возбудивъ гнѣвъ царя, произвести въ то же время возмущеніе народа въ столицѣ. Чернь, недовольная Аѳанасіемъ, могла произвести бунтъ и во время его, какъ надѣялись враждебные Аѳанасію епископы, убить св. мужа. «Какъ могу я это сдѣлать (остановить провозъ пшеницы),—возражалъ Аѳанасій на новую клевету;—я—человѣкъ частный и бѣдный?» Евсевій Никомидійскій отвѣчалъ: «Нѣтъ, Аѳанасій—человѣкъ сильный, богатый; его на все достанетъ!»

2) Все это были аріанствующіе епископы, сторонники Евсевія Никомидійскаго.

3) *Галлія*—нынѣшняя Франція.

4) Святый Аѳанасій былъ отправленъ въ городъ Тревы—нынѣ Триръ—многолюдный, цвѣтущій главный городъ сѣверо-восточной области древней Галліи (такъ называемой Белгики). Здѣсь Константинъ Великій и самъ нерѣдко проживалъ, когда былъ обладателемъ только Западной половины имперіи; теперь тамъ имѣлъ пребываніе Константинъ, старшій сынъ императора, въ 335 году сдѣлавшійся правителемъ Галліи, Испаніи и Британіи. Трирскимъ епископомъ въ это время былъ Максиминъ, защитникъ Пра-

Послѣ этого самъ царь Константинъ, на 31-мъ году своего царствованія, скончался, будучи шестидесяти пяти лѣтъ отъ роду. Умирая, онъ оставилъ наслѣдниками своего царства трехъ сыновей: Константина, Констанція и Констанса, между которыми, по завѣщанію, и раздѣлилъ царство, назначивъ старшему сыну Константину бо́льшую часть царства. Но такъ какъ при кончинѣ Константина Великаго не было ни одного изъ его сыновей, то онъ вручилъ свое завѣщаніе одному пресвитеру[1]), который былъ тайнымъ послѣдователемъ Арія. Тайно скрывая внутри себя ересь, пресвитеръ этотъ утаилъ также и царское завѣщаніе; когда многіе разспрашивали его, сдѣлалъ ли царь, умирая, завѣщаніе,— ничего не сказалъ объ этомъ. Тайными же сообщниками въ семъ дѣлѣ онъ имѣлъ нѣкоторыхъ изъ царскихъ евнуховъ. Въ то время, какъ старшій сынъ Константинъ замедлилъ придти къ умершему отцу, Констанцій поспѣшилъ поскорѣе отправиться изъ Антіохіи и пришелъ прежде всѣхъ. Ему вышеупомянутый пресвитеръ передалъ тайно завѣщаніе его отца, причемъ, въ благодарность не просилъ себѣ никакой награды, кромѣ того, чтобы онъ перешелъ на сторону аріанъ и помогалъ имъ; онъ хотѣлъ, чтобы Констанцій, вмѣсто благодарности безсмертному Царю Христу за свое земное царство, безумно признавалъ Его не Богомъ и Владыкою всѣхъ и не Творцомъ, а тварью! Вышеупомянутый Евсевій и всѣ его сообщники содѣйствовали этому, радуясь, что настало вожделѣнное для нихъ время; они надѣялись распространить и укрѣпить еретическое ученіе Аріево не иначе, какъ въ томъ лишь случаѣ, если и новый царь утвердитъ опредѣленіе о заточеніи Аѳанасія, какъ справедливо и вполнѣ законно состоявшееся. Въ то время они склонили къ своей ереси и единомыслію съ собою находившагося въ царскихъ палатахъ препозита[2]), а чрезъ него недугъ аріанскаго еретичества проникъ и въ прочихъ евнуховъ[3]),

---

вославія. Онъ съ любовію и уваженіемъ принялъ Аѳанасія, который взаимно сохранялъ къ нему привязанность. И Константинъ Младшій, питая уваженіе къ святителю, старался облегчить скорбь изгнанія. Въ Триръ святый Аѳанасій находился два года и четыре мѣсяца.

[1]) Аріанскому пресвитеру Евтокію, тому самому, который имѣлъ сильное вліяніе на Констанцію, сестру императора Константина Великаго, въ дѣлѣ возвращенія Арія и его единомышленниковъ изъ ссылки.

[2]) *Препозитъ*—начальникъ царскаго двора и евнуховъ. Довѣренностью Констанція особенно пользовался евнухъ Евсевій, аріанинъ.

[3]) *Евнухами* назывались въ древности лица, которыя служили при царскихъ дворахъ въ качествѣ стражи при опочивальняхъ царицъ и царевенъ. По большей части, евнухи были скопцами. При византійскомъ дворѣ должность евнуховъ была весьма почет-

которые по самой природѣ своей весьма склонны какъ къ воспріятію, такъ и къ распространенію среди другихъ всякаго зла. Потомъ и супруга царя, понемногу развратившись богохульными рѣчами, сама заразилась тѣмъ же еретическимъ ядомъ. Наконецъ, и самъ царь, прельщенный аріанскимъ лжемудрованіемъ, возсталъ на Христа, Господа и Владыку своего, такъ что на Немъ исполнились слова Божественнаго Іереміи: па́стыри нече́ствоваша на мѧ̀[1]). И повелѣлъ Констанцій публично, чтобы было утверждено аріанское лжеученіе и чтобы всѣ епископы мудрствовали такъ же, какъ онъ, а неповинующихся приказалъ убѣждать угрозами.

Среди этой великой бури и смятенія истинными кормчими для церквей были слѣдующіе архипастыри: Максимъ Іерусалимскій[2]), Александръ Константинопольскій[3]) и Аѳанасій Александрійскій (о коемъ идетъ рѣчь), который, хотя и находился въ заточеніи, однако не оставлялъ кормила Церкви, утверждая Православіе словомъ и посланіями своими. Евсевій же Никомидійскій съ своими единомышленниками всѣми силами распространялъ свое еретическое лжеученіе, воздвигая борьбу противъ православныхъ и угнетая Церковь Христову. Въ особенности они вооружились противъ нея послѣ ужас-

---

ная; они представляли собою вообще царедворцевъ вельможъ и вмѣли большое вліяніе на государей и управленіе страною. Константинъ Великій сталъ назначать ихъ на низшія должности и тѣмъ ограничивалъ ихъ вліяніе; но при Констанціи евнухи пріобрѣли сильное значеніе при дворѣ.

1) Кн. Прор. Іерем., гл. 2, ст. 8. Подробно стихъ этотъ читается такъ: сщ҃е́нницы не реко́ша: гдѣ̀ гдⷭ҇ь є҆́сть; и҆ держа́щїи зако́нъ не вѣ́дѣша мѧ̀, и҆ па́стыри нече́ствоваша на мѧ̀. Здѣсь отъ имени Господа Пророкъ Іеремія изобличаетъ священниковъ, правителей и пророковъ Израиля, позабывшихъ милости Бога и отступившихъ отъ Него. Жизнеописатель святаго Аѳанасія Александрійскаго въ переносномъ смыслѣ относитъ эти слова къ Констанцію и аріанствующимъ епископамъ, которые отступили отъ истинной вѣры во Христа Бога.

2) *Св. Максимъ III, Патриархъ Іерусалімскій*, занималъ каѳедру съ 333 по 350 г. Онъ пострадалъ за Имя Христово и былъ исповѣдникомъ. Когда на Тирскомъ Соборѣ аріане требовали отъ православныхъ епископовъ, чтобы они подписали беззаконный приговоръ объ Аѳанасіи, то Пафнутій, епископъ города Таиса, въ верхней Ѳивандѣ, исповѣдникъ, пострадавшій въ царствованіе Максиміана II, взялъ за руку Максима, вывелъ его изъ собранія и сказалъ: «намъ, исповѣдникамъ, неприлично принимать участіе въ такомъ Соборѣ».—Память св. Максима совершается въ Греческой Церкви 17-го ноября.

3) *Св. Александръ, Патриархъ Константинопольскій*, управлялъ каѳедрою съ 325 по 340 г. Константинъ Великій, обманутый притворнымъ исповѣданіемъ вѣры Арія, приказалъ Александру принять ересіарха въ церковное общеніе въ храмѣ св. Ирины. Св. Александръ, тогда (въ 336 г.) почти уже столѣтній старецъ, не желалъ этого и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль молился съ своею паствою объ отвращеніи сего угрожающаго зла. Наканунѣ принятія Арія Александръ вошелъ въ церковь св. Ирины, палъ ницъ предъ св. престоломъ и молился о томъ, чтобы ему не пришлось быть свидѣтелемъ такого святотатства и чтобы лучше онъ самъ или ересіархъ былъ взятъ изъ міра сего. Извѣстно, что Арій внезапно умеръ, когда на другой день торжественно шелъ въ церковь.

ной кончины Арія. Хитрый и коварный Евсевій съ великою честію ввелъ въ Константинополь Арія на большое прельщеніе и соблазнъ вѣрующихъ, ибо тогда не было тамъ никого, кто бы противосталъ Арію, послѣ того какъ къ нему присоединились многіе изъ властей, такъ какъ Аѳанасій находился въ заточеніи. Но Богъ, премудро свыше все устраивающій, разрушилъ планы ихъ, пресѣкши злобу и жизнь Арія. И съ какою силою языкъ его при жизни извергалъ хульныя слова на Православіе, съ такою же и даже большею силою лопнуло чрево его, внутренности его выпали, и онъ, окаянный, валялся въ своей крови въ нечистыхъ мѣстахъ [1]). Такъ свершился достойный судъ надъ необузданнымъ языкомъ и злымъ сосудомъ, напоеннымъ зловоннымъ гноемъ еретичества, каковымъ былъ Арій!

Послѣ того, какъ сей ересіархъ столь ужаснымъ образомъ погубилъ душу и тѣло, Евсевій и его соумышленники приняли на себя весь трудъ о защитѣ и распространеніи ереси и производили повсюду смущеніе, имѣя при этомъ ревностными помощниками евнуховъ,—какъ бы свои собственныя руки. Они особенно старались какъ бы заградить уста Аѳанасію, находившемуся въ изгнаніи, чтобы онъ не распространялъ своихъ посланій въ защиту Православія. Но Божій Промыслъ преклонилъ на милость сердце старшаго сына Константина Великаго, по имени—также Константина [2]), который и годами, и первородствомъ былъ первымъ

---

1) Греческіе церковные историки V вѣка Сократъ и Созоменъ такъ описываютъ смерть Арія. Въ роковое утро, когда, согласно приказанію императора Константина Великаго, Арій долженъ былъ быть принятъ въ церковное общеніе, онъ, надменный болѣе обыкновеннаго и дѣлая разныя пустыя замѣчанія, находился на своемъ пути въ церковь, окруженный единомышленными ему евсевіанами и любопытной, возбужденной толпой. Но вдругъ онъ схваченъ былъ внезапнымъ приступомъ боли въ желудкѣ и отправился въ отхожее мѣсто позади Константиновой площади. Вскорѣ затѣмъ здѣсь съ нимъ сдѣлался обморокъ, и вмѣстѣ съ испражненіями вышли его внутренности, съ выпаденіемъ кишекъ, печени и селезенки и обильнымъ изліяніемъ крови, такъ что онъ почти немедленно умеръ. Между тѣмъ, сопровождавшія его лица ждали его довольно продолжительное время. Наконецъ, отправившись къ нему, съ цѣлью позвать его, они были поражены ужаснымъ зрѣлищемъ. У Арія (ему было тогда болѣе 80 лѣтъ) лопнуло чрево, и онъ лежалъ, плавая въ своей крови и представляя ужасающее зрѣлище. Эта ужасная смерть Арія невольно вызывала на сравненіе ея со смертью Іуды предателя. Она произвела глубокое уныніе въ рядахъ его сторонниковъ и, естественно, была принимаема православными какъ высшій приговоръ надъ всѣмъ его дѣломъ. И дѣйствительно, если смерть Арія была даже и естественной, во всякомъ случаѣ—она была ужасною внезапною смертью, и въ ней нельзя не видѣть высшаго суда Божія.

2) *Константинъ II*—старшій сынъ Константина Великаго; при раздѣленіи имперіи въ качествѣ императора получилъ въ управленіе Галлію и западную часть сѣверной Африки.

среди братьевъ. Сей послѣдній освободилъ святаго Аѳанасія изъ заточенія и послалъ его съ своимъ посланіемъ въ Александрію, на каѳедру. Въ этомъ посланіи было написано: «Побѣдитель Константинъ Александрійской Церкви и народу желаетъ радоваться. Думаю, что среди васъ нѣтъ ни одного, который бы не зналъ о томъ, что недавно случилось съ великимъ проповѣдникомъ Православія и учителемъ закона Божія—Аѳанасіемъ, о томъ, какъ противъ него врагами истины была воздвигнута общая борьба, и о томъ, что ему повелѣно было пребывать у меня въ Галліи, чтобы имѣть возможность уклониться на нѣкоторое время отъ грозившихъ ему бѣдствій; но онъ не былъ осужденъ на постоянное изгнаніе. Мы относились къ нему со всякою предупредительностью, заботясь, чтобы съ нимъ не случилось какой-либо непредвидѣнной непріятности, хотя онъ поистинѣ терпѣливъ, какъ никто другой; воспламеняемый ревностію по Богѣ, онъ легко можетъ перенести всякую тяготу. Отецъ нашъ Константинъ желалъ вскорѣ возвратить его на патріаршій престолъ, но, скончавшись и не успѣвъ привести въ исполненіе своего намѣренія о немъ, оставилъ это дѣло мнѣ, своему наслѣднику, завѣщавъ о семъ мужѣ послѣднюю заповѣдь. Итакъ, мы повелѣваемъ вамъ принять его нынѣ со всякимъ почетомъ и торжественною встрѣчею».

Съ этимъ царскимъ посланіемъ святый Аѳанасій достигъ Александріи, и всѣ православные радостно привѣтствовали его[1]). А тѣ, которые держались аріанской ереси, стали устраивать между собою злоумышленныя сходки и снова воздвигать противъ святителя гоненіе и возбуждать смятеніе въ народѣ; они измышляли различные поводы для оболганія на святаго: будто онъ безъ соборнаго суда возвратился на патріаршій престолъ и по своей волѣ вошелъ въ церковь[2]); обвиняли его также въ томъ, будто онъ былъ причиною различныхъ смятеній, убійствъ и ссылокъ и возводили на него другія, прежнія и новыя, обвиненія. Въ то же время возсталъ противъ святаго Аѳанасія сильно зараженный аріанскою ересью народъ; однажды толпа народа окружила святителя, ругая его оскорбительными словами и поднимая руки, чтобы растерзать и убить его. Аѳанасію едва удалось спастись и тайными путями

1) Это было въ концѣ 338 года.

2) Враги Аѳанасія ссылались на то, что постановленіемъ Тирскаго Собора онъ былъ низложенъ и теперь занимаетъ каѳедру по распоряженію свѣтской власти, вопреки церковнымъ правиламъ.

выйти изъ города. Между тѣмъ аріанскіе епископы, разсылая всюду посланія, объявляли, что Аѳанасій, законно, соборнымъ опредѣленіемъ, низложенный, безъ соборнаго опредѣленія снова занялъ престолъ Александрійскій; въ то же время разглашали о насиліяхъ, которыми будто бы сопровождалось его возвращеніе въ Александрію. Такимъ образомъ они закрывали для него доступъ во всѣхъ странахъ въ города и церкви. Между тѣмъ Константина, покровителя Аѳанасіева, не стало: онъ былъ убитъ въ Аквилеѣ воинами[1]). Этимъ воспользовались враги Аѳанасія и возбудили въ покровительствовавшемъ имъ царѣ Констанціи такой гнѣвъ противъ святаго, что онъ обѣщалъ имущества и почести тѣмъ, кто возвѣститъ, гдѣ находится Аѳанасій, если онъ живъ, или принесетъ ему главу убіеннаго архипастыря. Аѳанасій же довольно продолжительное время скрывался въ одномъ глубокомъ, безводномъ и сухомъ рвѣ запустѣвшаго колодца, и никто о немъ не зналъ, кромѣ одного боголюбца, который питалъ его, охраняя его въ томъ мѣстѣ[2]). Потомъ, когда нѣкоторые стали догадываться о присутствіи здѣсь Аѳанасія, ибо повсюду его тщательно искали и разспрашивали о немъ, и уже хотѣли въ одно утро захватить его, онъ, направляемый Божественнымъ Промысломъ, вышелъ ночью изо рва и перешелъ въ другое мѣсто; боясь, что и тамъ его найдутъ и схватятъ, онъ удалился изъ восточныхъ странъ въ предѣлы Западной имперіи.

Въ то время на Западѣ по смерти Константина II царствовалъ младшій изъ сыновей Константина Великаго, Константъ. Достигнувъ Европы, блаженный Аѳанасій отправился въ Римъ и, явившись къ папѣ Юлію[3]) и къ самому царю Константу, подробно все разсказалъ имъ о себѣ. Между тѣмъ въ Антіохіи тогда происходилъ Соборъ восточныхъ епископовъ, сошедшихся для освященія

---

[1]) *Аквилея*—въ древности большой и значительный городъ въ Верхней, или Сѣверной, Италіи, къ сѣверу отъ Адріатическаго моря.—Здѣсь въ мартѣ 340 года произошло междоусобное сраженіе между Константиномъ и Константомъ, въ которомъ первый и былъ убитъ, а Константъ сдѣлался владѣтелемъ всего Запада.

[2]) Въ своемъ потаенномъ убѣжищѣ святый Аѳанасій написалъ сильное воззваніе къ епископамъ всѣхъ церквей, въ которомъ изобразилъ всѣ ужасы нечестія, совершившіеся предъ его глазами, и умолялъ подать помощь славной Церкви Александрійской, попираемой еретиками. Но благочестивые пастыри могли только плакать и просить помощи свыше: такъ сильно было смятеніе, произведенное въ Александріи нахлынувшимъ полчищемъ аріанъ, и помощи искать было не у кого, такъ какъ своеволіе еретиковъ пользовалось полнымъ покровительствомъ императора Констанція.

[3]) *Святый Юлій*—папа Римскій, ревностный защитникъ Православія отъ аріанъ, покровитель Аѳанасія, занималъ престолъ съ 337 по 352 годъ.

церкви[1]), которую началъ созидать Константинъ Великій, а закончилъ сынъ его Констанцій. Для этого собрались тамъ всѣ восточные епископы, среди которыхъ было немало аріанъ. Эти послѣдніе, пользуясь покровительствомъ царя, собрали беззаконный Соборъ и снова объявили святаго Аѳанасія, находившагося тогда на Западѣ, низверженнымъ, написавъ въ посланіи къ папѣ клеветы на Аѳанасія, побуждая и папу признать его низложеннымъ. Въ Александрію же на патріаршій престолъ они избрали сначала Евсевія Емесскаго[2]), отличавшагося краснорѣчіемъ, но тотъ отказался, зная, какъ глубоко чтутъ александрійцы своего архипастыря Аѳанасія. Тогда поставили на александрійскій патріаршій престолъ нѣкоего Григорія, родомъ каппадокіянина[3]); но тотъ не успѣлъ дойти до Александріи, какъ туда пришелъ уже изъ Рима Аѳанасій. Это произошло слѣдующимъ образомъ.

Папа Юлій, тщательно разсмотрѣвъ клеветы, взведенныя на Аѳанасія, призналъ ихъ ложными и потому снова отпустилъ его на александрійскую каѳедру вмѣстѣ съ своимъ посланіемъ, въ которомъ рѣзко, съ угрозами, изобличалъ дерзнувшихъ низвергнуть его. Святый былъ принятъ православными александрійцами съ великою радостію. Противники же его, узнавъ объ этомъ (глава ихъ Евсевій Никомидійскій въ это время уже умеръ[4]), весьма смутились и тотчасъ внушили царю послать въ Александрію вмѣстѣ съ Григоріемъ войско, чтобы возвести его на патріаршій престолъ. И вотъ царь послалъ вмѣстѣ съ еретикомъ Григоріемъ, еретиками же избраннымъ на патріаршій престолъ, воеводу, по имени Сиріана, со множествомъ вооруженныхъ воиновъ, повелѣвъ ему Аѳанасія умер-

---

1) Такъ называемой Золотой церкви, великолѣпно заложенной Константиномъ Великимъ и отстроенной Констанціемъ. Здѣсь и происходилъ Антіохійскій Соборъ въ январѣ 341 года. На Соборѣ присутствовало до девяноста епископовъ. Отцы Собора отвергли Символъ Собора Вселенскаго и въ то же время издали, несогласные между собою, одинъ за другимъ три свои символа (полуаріанскіе), а потомъ и еще—четвертый, и ни въ одномъ не хотѣли включить выраженіе, ясно опредѣлившее Православіе: *единосущный*. Рѣшивъ по-своему дѣло вѣры, они обратились потомъ къ дѣламъ Церкви Александрійской.

2) *Евсевій Емесскій* славился своимъ образованіемъ; онъ обучался въ Александріи, а потомъ—у Евсевія Кесарійскаго. Емесскимъ онъ называется по городу (Емеса—городъ въ Сиріи, южнѣе Антіохіи), въ которомъ былъ епископомъ. Онъ былъ любимцемъ Констанція, которому сопутствовалъ въ походахъ.

3) *Григорій Каппадокіянинъ* (Каппадокія—восточная область Малой Азіи) получилъ образованіе въ Александріи и нѣкогда пользовался расположеніемъ св. Аѳанасія. Григорій былъ человѣкъ грубаго и буйнаго характера.

4) *Евсеній Никомидійскій* умеръ въ 342 году.

твить, Григорія же возвести на архіепископскую каѳедру. Однажды, наканунѣ одного праздника, когда въ александрійской соборной церкви совершалось Всенощное бдѣніе и всѣ православные молились въ церкви съ пастыремъ своимъ Аѳанасіемъ и воспѣвали церковныя пѣснопѣнія, внезапно ворвался Сиріанъ съ вооруженными воинами. Обходя церковь, онъ искалъ одного только Аѳанасія, чтобы убить его. Но святый, покрываемый промышленіемъ Божіимъ, тайно вышелъ изъ церкви, окруженный народомъ, и, такъ какъ въ это время наступила ночная тьма, то онъ прошелъ незамѣтно среди всеобщаго смятенія и множества народа, избѣжавъ, такимъ образомъ, гибели, какъ бы рыба изъ самой середины сѣти, послѣ чего снова возвратился въ Римъ. Послѣ этого нечестивый Григорій занялъ, какъ хищникъ, престолъ александрійскій. Въ народѣ поднялось сильное волненіе, такъ что мятежники подожгли даже одинъ храмъ, называвшійся Діонисіевымъ.

Святый Аѳанасій пребывалъ въ Римѣ въ продолженіе трехъ лѣтъ, пользуясь глубокимъ уважаніемъ царя Константа и папы Юлія. Имѣлъ онъ тамъ себѣ другомъ святаго Павла, архіепископа Цареградскаго[1]), также изгнаннаго нечестивыми еретиками съ своего престола. Наконецъ, по общему согласію обоихъ царей: Констанція и Константа, въ Сардикѣ[2]) былъ созванъ Соборъ восточныхъ и западныхъ епископовъ по вопросу объ исповѣданіи вѣры, а также по дѣлу Аѳанасія и Павла[3]). Среди нихъ западныхъ было болѣе

---

1) *Св. Павелъ*, Патріархъ Константинопольскій, избранный по указанію его предшественника, св. Александра Константинопольскаго, занималъ патріаршій престолъ три раза: первый разъ—въ 340 году, но скоро былъ изгнанъ, и на его мѣсто императоромъ Констанціемъ былъ переведенъ Евсевій Никомидійскій; когда чрезъ два года Евсевій умеръ, православные избрали опять Павла, а аріане—Македонія. Вторично Павелъ занималъ патріаршій престолъ въ 342—344 гг., но потомъ былъ низвергнутъ Констанціемъ съ престола, а на его мѣсто возведенъ былъ еретикъ Македоній. Но и послѣ этого Павелъ, когда православная партія одерживала верхъ, призывался въ Константинополь и занималъ каѳедру, въ третій разъ—съ 347 по 350 годъ, современно или попеременно съ Несторіемъ. Потомъ Павелъ былъ сосланъ Констанціемъ въ г. Кукузъ (въ Малой Арменіи) и въ 351 году, томимый голодомъ, въ заточеніи удушенъ былъ собственнымъ омофоромъ аріанами. Память его—6-го ноября.

2) *Сардика* находилась на границѣ владѣній обоихъ братьевъ: Констанція и Константа, въ Иллирін; теперь — Софія, столица нынѣшней Болгаріи.

3) Констанцій согласился на созваніе Собора, уступая требованію своего православнаго брата, котораго просили о томъ восточные епископы и который, глубоко уважая святаго Аѳанасія, желалъ его оправданія. Соборъ происходилъ въ 344 году. Онъ 1) утвердилъ Никейскій Символъ, 2) разобравъ дѣло, оправдалъ Аѳанасія и 3) предводителей аріанства объявилъ низложенными, воспретилъ православнымъ имѣть съ ними общеніе и подвергъ осужденныхъ анаѳемѣ.

трехъ сотъ, а восточныхъ немного болѣе семидесяти, въ числѣ которыхъ находился и преждеупомянутый Исхиръ, въ то время уже епископъ Мареотскій[1]). Сошедшіеся изъ асійскихъ церквей[2]) епископы не хотѣли даже видѣться съ западными до тѣхъ поръ, пока тѣ не удалятъ съ Собора Павла и Аѳанасія. Западные же епископы не хотѣли даже объ этомъ и слышать. Тогда восточные епископы отправились въ обратный путь и, дошедши до ѳракійскаго города Филиппополя[3]), составили тамъ свой Соборъ, или, лучше сказать, беззаконное собраніе, и *единосущіе* открыто предали анаѳемѣ; это нечестивое свое опредѣленіе они письменно разослали всѣмъ зависимымъ отъ нихъ церквамъ. Узнавъ объ этомъ, святые Отцы, собравшіеся въ Сардикѣ, прежде всего предали анаѳемѣ это богохульное собраніе еретическое и нечестивое ихъ исповѣданіе[4]); потомъ они извергли клеветниковъ аѳанасіевыхъ изъ занимаемыхъ ими іерархическихъ степеней и, утвердивъ составленное въ Никеѣ опредѣленіе вѣры, ясно и точно исповѣдали Бога Сына Единосущнымъ съ Богомъ Отцемъ.

Послѣ всего этого западный царь Константъ въ письмѣ къ брату своему Констанцію о Павлѣ и Аѳанасіи умолялъ его разрѣшить имъ возвратиться на свои престолы. Когда же тотъ все отлагалъ ихъ возвращеніе, царь Константъ снова написалъ къ нему уже въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ. «Если ты,—писалъ онъ,—добровольно меня не послушаешь, то, и безъ твоего согласія, я посажу каждаго изъ нихъ на престолѣ его, ибо тогда я съ вооруженною силою пойду на тебя». Испугавшись угрозы брата, Констанцій принялъ Павла, пришедшаго прежде, и съ честію отослалъ на его престолъ. Потомъ онъ чрезъ посланіе, написанное въ духѣ кротости, призвалъ къ себѣ изъ Рима святаго Аѳанасія и, послѣ бесѣды съ нимъ, увидѣлъ, что это мужъ весьма премудрый и Боговдохно-

---

1) Исхиръ былъ поставленъ епископомъ аріанами.

2) Асійскихъ, т. е. восточныхъ; изъ нихъ главными были Ѳеодоръ Ираклійскій, Наркиссъ Неронопольскій, Меѳофантъ Ефесскій, Стефанъ Антіохійскій, Акакій Кесарійскій и Георгій Лаодикійскій.

3) *Филиппополь*—городъ во Ѳракіи, къ юго-востоку отъ Сардики.—Филиппопольскій Соборъ состоялся подъ предсѣдательствомъ Стефана Антіохійскаго. Этотъ Соборъ снова осудилъ Аѳанасія, Павла Константинопольскаго, Римскаго Юлія, Сардикійскаго Протогена и другихъ православныхъ епископовъ. Констанцій поддержалъ рѣшеніе Филиппопольскаго Собора, и Аѳанасій, вмѣстѣ съ другими гонимыми, долженъ былъ оставаться въ изгнаніи.—Онъ удалился въ Наиссъ, въ Дакіи.

4) Филиппопольскій Соборъ составилъ новый символъ, болѣе аріанскій, чѣмъ символы Собора Антіохійскаго.

венный. Подивившись великой премудрости Аѳанасія, Констанцій оказалъ ему великій почетъ и со славою возвратилъ его на патріаршій престолъ; при этомъ онъ написалъ къ народу александрійскому и ко всѣмъ, находившимся въ Египтѣ епископамъ и князьямъ, къ августалію[1]) Несторію и къ находившимся въ Ѳиваидѣ и Ливіи[2]) правителямъ, чтобы они приняли Аѳанасія съ великою честію и уваженіемъ. Снабженный вышеупомянутымъ царскимъ посланіемъ, блаженный пошелъ чрезъ Сирію и Палестину и посѣтилъ Святый Градъ Іерусалимъ, гдѣ съ любовію былъ принятъ святѣйшимъ Максимомъ Исповѣдникомъ; они разсказали другъ другу о своихъ бѣдствіяхъ и напастяхъ, которыя претерпѣли за Христа. Созвавъ восточныхъ епископовъ, которые прежде, изъ страха предъ аріанами, дали свое согласіе на низверженіе, Аѳанасій привлекъ ихъ къ единомыслію и общенію съ нимъ,—и они воздали ему достойную честь; онъ же съ радостію простилъ имъ содѣянное противъ него согрѣшеніе ихъ. Это было третье возвращеніе святаго Аѳанасія на патріаршій престолъ послѣ трехъ его изгнаній[3]). И вотъ, послѣ безчисленныхъ трудовъ, скорбей и болѣзней, онъ, наконецъ, немного отдохнулъ и думалъ остальное время провести въ облегченіи отъ нихъ и покоѣ. Между тѣмъ на него надвигались новыя волненія и жестокія бѣдствія. Въ это время нечестивый Магненцій, начальникъ римскихъ войскъ, составивъ съ своими единомышленниками заговоръ, убилъ Константа, государя своего[4]). Тогда аріане подняли голову и воздвигли жестокую борьбу противъ Церкви Христовой. Противъ Аѳанасія снова начались навѣты и гоненія, и все прежнее зло возобновилось. Снова появились противъ Аѳанасія царскіе указы и угрозы, снова Аѳанасію пришлось испытать бѣгства и страхи, снова его стали разыскивать по всей странѣ и по всему морю. Царь послалъ въ Александрію для занятія патріаршаго престола каппадокійца Георгія[5]), кото-

---

1) *Августалій*—царскій намѣстникъ въ римской провинціи.

2) *Ѳиваида*—южная область Египта; *Ливія*—на сѣверѣ Африки, къ западу отъ Египта.

3) Это было въ 348 году.

4) Магненцій возмутилъ противъ Константа его армію, которая низвергла его съ престола; Константъ бѣжалъ, но по дорогѣ былъ убитъ Магненціемъ. Это было въ началѣ 350 года.

5) Этотъ Георгій былъ человѣкъ безъ образованія, грубаго характера и сначала былъ поставщикомъ мяса для арміи. Георгій былъ лжеепископомъ около четырехъ лѣтъ (357—361 гг.) и за это время причинилъ много скорбей и утѣсненій не только Церкви Александрійской и населенію православному, но и языческому.

рый, пришедши въ Александрію, потрясъ Египетъ, поколебалъ Палестину и весь Востокъ привелъ въ смятеніе. Снова низвержены были со своихъ престоловъ: святый Максимъ—съ Іерусалимской каѳедры, святый Павелъ—съ Константинопольской. А о томъ, что происходило въ это время въ Александріи[1]), святый Аѳанасій самъ разсказываетъ слѣдующее.

«Снова нѣкоторые, ища убить насъ,—повѣствуетъ святый Аѳанасій,—пришли въ Александрію, и наступили бѣдствія, жесточайшія прежнихъ. Воины внезапно окружили церковь, и, вмѣсто молитвъ, раздались вопли, восклицанія и смятеніе; все это происходило во Святую Четыредесятницу. Завладѣвъ патріаршимъ престоломъ, Георгій каппадокійскій, избранный македоніанами и аріанами, еще болѣе возрастилъ зло. Послѣ пасхальной седмицы дѣвицы были заключаемы въ узы, епископы связанными уводились воинами, дома сирыхъ и вдовицъ расхищались, и въ городѣ происходилъ совершеннѣйшій разбой. Христіане ночью выходили изъ города, дома запечатывались; клирики же бѣдствовали за своихъ братій; все это воистину было крайне бѣдственно, но несравненно большее зло послѣдовало вскорѣ затѣмъ. Послѣ Святой Пятидесятницы народъ постился и собрался помолиться при гробницѣ святаго священномученика Петра[2]); ибо всѣ гнушались Георгіемъ и избѣгали общенія съ нимъ. Узнавъ объ этомъ, коварный Георгій возбудилъ противъ нихъ стратилата[3]) Севастіана, державшагося манихейской ереси[4]). Севастіанъ со множествомъ воиновъ, вооруженныхъ обнаженными мечами, луками и стрѣлами, ворвался въ самую церковь и напалъ на бывшій тамъ народъ, но нашелъ мало молящихся, такъ какъ бо́льшая часть вслѣдствіе поздняго времени удалилась. Тѣмъ же, которые находились въ церкви, Севастіанъ причинилъ жесточайшую скорбь. Онъ приказалъ разжечь огромный костеръ и, поставивъ дѣвъ близъ огня, принуждалъ ихъ исповѣдать Аріеву ересь. Но когда Севастіанъ оказался не въ силахъ принудить ихъ къ этому, такъ какъ увидѣлъ, что онѣ совсѣмъ не обращаютъ вниманія ни на огонь, ни на угрозы,—

---

[1]) Это было въ отсутствіе Аѳанасія.

[2]) Здѣсь разумѣется святый священномученикъ Петръ, архіепископъ (патріархъ) Александрійскій, мученически пострадавшій въ 311 году. Память его совершается Церковію 25-го ноября.

[3]) *Стратилатъ*—военачальникъ, воевода.

[4]) О *манихейской ереси* см. на стр. 548, прим. 2.

обнажилъ ихъ и повелѣлъ бить безъ пощады, лица же ихъ изсѣкъ ранами настолько, что, по прошествіи продолжительнаго времени, родные едва могли узнавать ихъ. Мужей же, которыхъ числомъ было сорокъ человѣкъ, предалъ новому мучительству: мучители подвергли ихъ ужасному бичеванію жесткими и колючими вѣтвями только что срубленной финиковой пальмы и содрали имъ плечи, такъ что у нѣкоторыхъ пришлось нѣсколько разъ вырѣзать тѣло—вслѣдствіе того, что иглы глубоко вонзились въ него; другіе же, не вытерпѣвъ боли, умерли отъ язвъ. Всѣхъ же тѣхъ дѣвъ, которыхъ съ особенною жестокостію мучилъ, послалъ въ заточеніе въ великій Оасимъ [1]), а мертвыя тѣла убіенныхъ ни православнымъ, ни своимъ не позволилъ взять, но воины скрыли ихъ въ одномъ мѣстѣ непогребенными, думая, что такимъ образомъ останется никому не извѣстной такая жестокость; такъ они поступили, будучи безумны и повреждены смысломъ. Православные же радовались о мученикахъ своихъ за ихъ твердое исповѣданіе Православной вѣры, но въ то же время рыдали о тѣлахъ, что они находятся неизвѣстно гдѣ. И черезъ это еще болѣе изобличались нечестіе и жестокость мучителей. Вслѣдъ затѣмъ изъ Египта и Ливіи были сосланы на изгнаніе епископы: Аммоній, Моинъ, Гаій, Филонъ, Ермій, Павлинъ, Псиносиръ, Линамонъ, Агаѳонъ, Агамфа, Маркъ, еще другіе Аммоній и Маркъ, Драконтій, Аделфій, Аѳинодоръ и пресвитеры Іераксъ и Діоскоръ; мучители такъ жестоко угнетали ихъ, что нѣкоторые умерли въ пути, а другіе—въ мѣстахъ заточеній. На вѣчное же заточеніе аріане осудили болѣе тридцати епископовъ; ибо злоба ихъ, подобно Ахаву [2]), была настолько сильна, что, если бы было возможно, они готовы были бы изгнать и истребить истину съ лица всей земли».

Между тѣмъ царь Констанцій, по смерти брата своего, царя Константа, побѣдивъ Магненція, сталъ обладать Востокомъ и Западомъ [3]). Какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ онъ началъ распростра-

---

[1]) *Оасимъ*, или *великій Ливійскій Оазисъ*, лежитъ къ западу отъ пустыни Ѳиваидской, въ восточной части нынѣшней Сахары,—древняя греческая колонія, служившая часто мѣстомъ ссылки.

[2]) *Ахавъ*—восьмой царь израильскій, по настоянію своей супруги Іезавели, женщины злой, властолюбивой и развращенной, распространившій среди израильтянъ идолопоклонство и со злобою преслѣдовавшій служителей Истиннаго Бога.

[3]) Магненцій въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ, послѣ смерти Константа, удерживалъ за собою титулъ цезаря на Западѣ. Констанцій разсѣялъ его приверженцевъ, причемъ Магненцій окончилъ жизнь самоубійствомъ. Вся имперія послѣ того объединена была подъ главенствомъ Констанція, до самой смерти его, послѣдовавшей въ 361 году.

нять аріанскую ересь, склоняя западныхъ епископовъ всякими способами: и посредствомъ страха, и посредствомъ ласкъ, подарковъ и различныхъ соблазновъ,—къ тому, чтобы они согласились на Аріево вѣроопредѣленіе и приняли ихъ ересь. Съ этою цѣлію онъ повелѣлъ составить соборъ въ итальянскомъ городѣ Медіоланѣ [1])—для низверженія Аѳанасія: онъ думалъ, что аріанство только тогда утвердится, когда Аѳанасій будетъ совершенно низверженъ и истребленъ изъ числа живыхъ. Много явилось тогда у царя единомышленниковъ: одни принимали аріанство изъ-за страха, другіе—привлекаемые царскими почестями; тѣ же, которые тверды были въ Православіи, уклонились отъ этого беззаконнаго собора [2]). Таковы были: Евсевій, епископъ Верцеллинскій, Діонисій Медіоланскій, Роданъ Толосанскій, Павлинъ Тривиринскій и Лукифоръ Калаританскій [3]); они не подписали опредѣленія о низверженіи Аѳанасія, считая низверженіе его отверженіемъ правой вѣры и истины. Вслѣдствіе этого они были сосланы въ изгнаніе въ Ариминъ [4]); прочіе же епископы, собравшіеся въ Медіоланѣ, осудили Аѳанасія на низверженіе. Здѣсь надлежитъ сказать о томъ, какъ Евсевій и Діонисій не подписали опредѣленія сего беззаконнаго собора. Когда аріанскіе епископы собрались въ Медіоланъ и, не ожидая другихъ епископовъ, православныхъ, составили соборъ и подписали свои имена подъ опредѣленіемъ о низверженіи Аѳанасія, Діонисій Медіоланскій, недавно возведенный въ епископскій санъ и еще молодой годами, былъ убѣжденъ аріанскими епископами подписать соборное опредѣленіе: ибо онъ устыдился столь многихъ благообразныхъ и много послужившихъ епископовъ и, противъ воли, подписалъ свое имя вмѣстѣ съ ними. Послѣ того пра-

---

1) *Медіоланъ*—древній городъ т. н. Цизальпинской Галліи, или нынѣшней сѣверной Италіи,—центръ процвѣтанія наукъ и искусствъ; нынѣ—*Миланъ*, главный цвѣтущій городъ итальянской области Ломбардіи, съ многочисленнымъ населеніемъ.

2) Соборъ былъ созванъ по просьбѣ папы Римскаго, св. Ливерія, преемника Юлія, въ 355 году. На соборѣ присутствовало до 300 западныхъ епископовъ. Аріане требовали на немъ осужденія Аѳанасія, но западные настаивали на первоначальной подписи Никейскаго Символа. Тогда Констанцій, слушавшій изъ сосѣдней комнаты всѣ разсужденія отцовъ собора, вошелъ въ залу совѣщаній съ мечомъ въ рукахъ и сказалъ, что онъ самъ обвиняетъ Аѳанасія. Отказывавшимся подписать осужденіе Аѳанасія угрожала ссылка, поэтому нѣкоторые подписались, а несогласные были сосланы.

3) *Верцеллы*—городъ въ сѣверо-западной Италіи; *Толоса*—на р. Гароннѣ, въ южной Франціи; *Трирь* (иначе Тревы или Тривиріумъ)—на р. Мозелѣ, въ восточной Франціи; *Каларія*—на островѣ Сардиніи (на Средиземномъ морѣ).

4) *Ариминъ*, нынѣ *Римини*, древнѣйшій цвѣтущій городъ Умбріи, въ сѣверо-восточной части Италіи, на берегу Адріатическаго моря.

вославный епископъ Верцеллинскій Евсевій, почтенный годами, пришелъ въ Медіоланъ (когда тотъ беззаконный соборъ уже закончился подписаніемъ именъ) и разспрашивалъ Діонисія о томъ, что совершалось на соборѣ. Діонисій же, разсказывая о совершившемся беззаконномъ судѣ надъ святымъ Аѳанасіемъ, исповѣдалъ со многимъ сожалѣніемъ и раскаяніемъ свое согрѣшеніе—какъ онъ былъ обольщенъ и подписалъ свое согласіе на низверженіе Аѳанасія. И укорялъ его за то блаженный Евсевій, какъ отецъ сына: ибо Діонисій имѣлъ себѣ въ лицѣ Евсевія какъ бы отца духовнаго, частію—ради его преклонной старости, частію—ради того, что онъ и епископствовалъ уже много лѣтъ; при этомъ, и по своему положенію епископъ Верцеллинскій стоялъ выше Медіоланскаго[1]). Видя же сердечное покаяніе Діонисія, Евсевій не велѣлъ ему скорбѣть: «Я знаю,—сказалъ онъ,—что мнѣ сдѣлать для того, чтобы имя твое было изглаждено отъ среды ихъ». И произошло слѣдующее.

Епископы аріанскіе, узнавъ о пришествіи Евсевія, призвали его въ свое собраніе и, показавъ ему составленное ими осужденіе Аѳанасія на низверженіе съ подписью ихъ именъ, хотѣли, чтобы и онъ подписалъ свое имя подъ опредѣленіемъ. Евсевій же, притворившись, что соглашается съ ихъ соборомъ и какъ будто желая подписать, взялъ хартію и сталъ читать имена подписавшихся епископовъ. Дошедши до имени Діонисія, какъ бы оскорбленный, воскликнулъ:

— Гдѣ я подпишу имя мое? Подъ Діонисіевымъ? Ни въ какомъ случаѣ! Діонисій выше меня да не будетъ! Вы говорите, что Сынъ Божій не можетъ быть равенъ Богу Отцу: почему же вы сына моего предпочли мнѣ?

И отказывался старецъ подписаться до тѣхъ поръ, пока имя Діонисія не будетъ изглаждено съ высшаго мѣста. Епископы же аріанскіе, весьма домогаясь подписи Евсевія и желая его успокоить, повелѣли, чтобы имя Діонисія было изглаждено. Діонисій своею рукою изгладилъ съ хартіи свою подпись, какъ бы предоставляя высшее мѣсто старѣйшему епископу Евсевію Верцеллинскому, а самъ какъ будто желая подписаться подъ нимъ. Когда имя Діонисія было изглаждено, такъ что не оставалось и слѣдовъ

---

[1]) Т. е. епископская каѳедра Верцеллъ въ іерархическомъ отношеніи считалась выше Медіоланской.

письменъ, блаженный Евсевій пересталъ притворно соглашаться съ соборомъ аріанъ и явно исповѣдалъ истину, насмѣхаясь надъ аріанами.

— Ни я не осквернюсь вашими беззаконіями,—говорилъ онъ,— ни сыну моему Діонисію не позволю быть участникомъ вашего нечестія, ибо незаконно подписывать беззаконное осужденіе на низверженіе невиннаго архіерея —это воспрещаютъ Законъ Божій и церковныя правила. Да будетъ всѣмъ извѣстно, что Евсевій и Діонисій болѣе не подпишутъ вашего осужденія, исполненнаго злобы и беззаконія. Благодареніе Богу, избавившему Діонисія отъ соучастія съ вами и научившему насъ, какъ изгладить изъ среды именъ вашихъ его имя, которое было беззаконно подписано.

Аріане, увидѣвъ себя осмѣянными Евсевіемъ и Діонисіемъ, подняли на нихъ руки для того, чтобы причинить имъ насиліе, и, оскорбивъ ихъ многочисленными ругательствами, сослали обоихъ въ заточеніе, каждаго отдѣльно, и такъ сильно угнетали блаженнаго Евсевія въ заточеніи, что онъ тамъ страдальчески и умеръ. Услышавъ о томъ и узнавъ, что воины епарховы, по царскому повелѣнію, идутъ, чтобы схватить его, святый Аѳанасій, вразумленный нѣкіимъ Божественнымъ явленіемъ, въ полночь вышелъ изъ епископіи и скрылся у одной добродѣтельной дѣвицы, которая была посвящена Богу и жила, какъ истинная раба Христова. Онъ скрывался у нея до самой кончины царя Констанція, и никто о немъ совершенно ничего не зналъ, кромѣ Бога и одной только той дѣвицы, которая сама прислуживала ему и приносила ему отъ другихъ книги, какія онъ требовалъ; во время пребыванія тамъ Аѳанасій написалъ много сочиненій противъ еретиковъ [1]).

---

[1]) *Святый Аѳанасій Великій* былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ писателей древней Церкви. Онъ отличался глубокимъ знаніемъ Священнаго Писанія и богословскимъ талантомъ. Такъ какъ онъ всю жизнь свою провелъ въ борьбѣ съ аріанами, то и сочиненія его носятъ отпечатокъ этой борьбы и направлены, главнымъ образомъ, противъ аріанъ. Важнѣйшія изъ сочиненій святаго Аѳанасія—слѣдующія: 1) четыре Слова противъ аріанъ, гдѣ Аѳанасій дѣлаетъ полнѣйшее опроверженіе всѣхъ ихъ возраженій, 2) посланіе къ Епиктету, епископу Коринѳскому—о божественной и человѣческой природѣ въ Іисусѣ Христѣ, 3) четыре письма къ святому Серапіону, епископу Тмуитскому, въ которыхъ онъ доказываетъ Божество Святаго Духа и равенство Его со Отцомъ и Сыномъ противъ македоніанъ, учившихъ, что Святый Духъ есть служебная тварь, не имѣющая участія въ Божествѣ и славѣ Отца и Сына, 4) посланіе объ опредѣленіяхъ Никейскаго Собора въ защиту единосущія, 5) книга о Святомъ Духѣ. Во многихъ изъ своихъ сочиненій святый Аѳанасій описалъ волненія и дѣла аріанъ, сопровождая описанія замѣчаніями въ пользу истины Христовой; такова, напр., его исторія аріанъ, написанная къ монахамъ. Высокій образецъ апологіи (защиты) пастырской составляетъ письмо святаго Аѳанасія къ импе-

Между тѣмъ александрійскій народъ разъискивалъ пастыря своего, святаго Аѳанасія, обходя съ этою цѣлію повсюду; всѣ весьма скорбѣли о немъ и съ такимъ усердіемъ искали его, что каждый готовъ былъ съ радостію отдать жизнь свою за нахожденіе его,— и святую Церковь удручала глубокая печаль. Аріева же ересь весьма усилилась не только на Востокѣ, но и на Западѣ. По царскому повелѣнію, въ Италіи и по всему Западу тѣ епископы, которые не соглашались подписать «иносущія»—еретическаго ученія о томъ, что Сынъ Божій—инаго существа, чѣмъ Отецъ, были низлагаемы съ своихъ престоловъ. Въ то время и святый Ливерій, папа Римскій, бывшій преемникомъ блаженнаго Юлія, наслѣдника святаго Сильвестра, изгнанъ былъ съ римскаго престола за свое Православіе; на его мѣсто избранъ изъ еретиковъ нѣкто по имени Феликсъ [1]). Послѣ того, какъ отовсюду святая Церковь продолжительное время была утѣсняема и преслѣдуема, приблизилась кончина царя Констанція. Находясь между Каппадокіей и Киликіей, на мѣстѣ, называемомъ «Мопсійскіе источники», онъ лишился тамъ и царства, и жизни [2]). Равнымъ образомъ, поставленнаго еретиками лжеепископа александрійскаго постигъ судъ Божій, «и погибе нечестивый съ шумомъ», будучи убитъ еллинскимъ народомъ, поднявшимъ мятежъ изъ-за одного мѣста въ Александріи, принадлежавшаго ему, которое Георгій хотѣлъ отнять [3]).

По смерти Констанція на престолъ царскій вступилъ Юліанъ [4]),

ратору Констанцію. Кромѣ того, извѣстны сочиненія святаго Аѳанасія, относящіяся къ объясненію Священнаго Писанія; изъ нихъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе пасхальное письмо святаго Аѳанасія, весьма важное въ томъ отношеніи, что въ немъ перечисляются книги Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, посланіе къ Марцеллину о Псалмахъ; остались также краткіе отрывки толкованій его на книги Іова и Пѣснь Пѣсней, на Евангелія Матѳея и Луки. Къ числу нравоучительныхъ сочиненій относятся посланіе его къ Аммуну, противъ порицающихъ супружество, и посланіе къ Руфиніану о томъ, какъ принимать еретиковъ въ Церковь. Одно изъ самыхъ назидательныхъ сочиненій святаго Аѳанасія есть жизнь Антонія Великаго; святый Златоустъ совѣтуетъ читать жизнь Антонія каждому, какого бы кто состоянія ни былъ.

[1]) *Святый Сильвестръ*, папа Римскій,—современникъ I-го Вселенскаго Собора, управлялъ Церковію съ 314 по 335 г. (память его—2-го января), его непосредственнымъ преемникомъ былъ святый Маркъ (336), а послѣ него—святый Юлій (337—352 гг.), защитникъ Аѳанасія и строгій ревнитель Православія, и, наконецъ, святый Ливерій (352—366 гг.). Феликсъ II занималъ каѳедру послѣ удаленія императоромъ Ливерія (355—356 гг.) и одновременно съ нимъ,—почему иначе называется антипапою.

[2]) Въ юго-восточной части Малой Азіи. Констанцій умеръ, возвращаясь съ Востока, послѣ борьбы съ Персидскимъ царемъ Сапоромъ, 3-го ноября 361-го года.

[3]) Это было въ декабрѣ 361-го года.

[4]) *Юліанъ Отступникъ*, племянникъ Константина Великаго, царствовалъ съ 361 по 363 годъ.

который принялся уничтожать Констанціевы уставы и законы и возвращалъ всѣхъ изъ изгнанія. Узналъ объ этомъ и Аѳанасій, но онъ опасался, какъ бы аріане не привлекли къ своему нечестію Юліана (тогда еще не обнаружилось отступничество Юліана и совершенное отреченіе его отъ Христа). Тѣмъ не менѣе, святый Аѳанасій среди глубокой ночи вышелъ изъ вышеупомянутаго дома дѣвицы, въ которомъ скрывался, и явился посреди церкви александрійской. Кто въ состояніи изобразить радость, охватившую всѣхъ православныхъ,—какъ отовсюду стекались они, чтобы увидѣть его, съ сколь великимъ наслажденіемъ клирики, и граждане, и весь народъ смотрѣли на него и съ любовію его обнимали?! Прибытіе его возбудило въ православныхъ мужество, и они немедленно изгнали аріанъ изъ Александріи, городъ же и себя самихъ поручили Аѳанасію—пастырю и учителю своему.

Между тѣмъ беззаконный Юліанъ, прежде тайный язычникъ, теперь уже явно показалъ свое отверженіе. Утвердившись на царствѣ, онъ предъ всѣми отрекся отъ Христа и похулилъ пресвятое Имя Его, поклонился идоламъ, соорудилъ повсюду капища и повелѣлъ приносить мерзостныя жертвы нечестивымъ богамъ: и были повсюду воздвигнуты жертвенники, разносился смрадъ и дымъ, совершались закланія животныхъ и проливалась ихъ кровь. Обличаемый великими столпами и учителями церковными, Юліанъ воздвигъ на Церковь жестокое гоненіе и въ самомъ началѣ гоненія вооружился противъ святаго Аѳанасія. Когда царь совѣтовался съ своими единомышленниками и премудрыми своими волхвами и вопрошалъ еще и волшебниковъ и чародѣевъ, какъ истребить съ лица вселенной христіанство, всѣмъ пришло на мысль, что должно истребить съ лица земли и погубить Аѳанасія. Они такъ разсуждали: «Если низвержено будетъ основаніе, то тогда легко будетъ отдѣльно разорить и прочія части христіанской вѣры». Снова составился беззаконный судъ надъ Аѳанасіемъ, снова въ Александрію было послано войско, снова пришелъ городъ въ смятеніе. Церковь была окружаема и потрясаема руками вооруженныхъ воиновъ, но разыскивали только одного Аѳанасія, чтобы убить его. Онъ же, какъ и прежде, покрываемый Промысломъ Божіимъ, прошедши среди толпы, избѣгъ рукъ ищущихъ его и ночью достигъ рѣки Нила. Когда святый сѣлъ на одинъ корабль съ цѣлію отплыть въ Ѳиваиду, догнали его любящіе его и со слезами говорили:

— Куда опять уходишь отъ насъ, отче? На кого оставляешь насъ, какъ овецъ, не имѣющихъ пастыря?

Святый отвѣчалъ:

— Не плачьте, чада, ибо сей мятежъ, который нынѣ видимъ, вскорѣ прекратится.

Сказавъ это, онъ отплылъ въ путь свой. Между тѣмъ за нимъ поспѣшно слѣдовалъ одинъ военачальникъ, которому мучитель[1]) повелѣлъ немедленно убить Аѳанасія, какъ скоро настигнетъ его. Когда же одинъ изъ находившихся съ Аѳанасіемъ издали замѣтилъ того военачальника, плывшаго вслѣдъ за кораблемъ и уже настигавшаго ихъ, и хорошо призналъ его, то сталъ увѣщавать своихъ гребцовъ грести поспѣшнѣе, чтобы убѣжать отъ преслѣдователей. Но святый Аѳанасій, немного повременивъ и прозрѣвая имѣющее съ нимъ быть, повелѣлъ гребцамъ направить корабль снова къ Александріи. Когда тѣ сомнѣвались по поводу этого и боялись исполнить повелѣніе Аѳанасія, онъ велѣлъ имъ мужаться. Тогда, обративъ корабль направо, они поплыли въ Александрію прямо навстрѣчу гонителямъ; когда они приблизились къ нимъ, то взоры варваровъ были омрачены какъ бы мглою, такъ что видя— не видѣли,—и поплыли мимо. Аѳанасій же спросилъ ихъ:

— Кого вы ищете?

Они отвѣчали:

— Ищемъ Аѳанасія: не видали ли вы его гдѣ?

— Онъ плыветъ,—отвѣчалъ Аѳанасій,—немного впереди васъ, какъ будто бѣжитъ отъ какихъ-то преслѣдователей: поторопитесь, и тогда вы скоро догоните его.

Такъ святый спасся отъ рукъ убійцъ. Достигнувъ Александріи, онъ вошелъ въ городъ, и всѣ вѣрующіе радовались его возвращенію; однако онъ скрывался до смерти Юліана[2]). Когда вскорѣ послѣ того нечестивый царь погибъ, на престолъ царскій вступилъ Іовиніанъ, бывшій благочестивымъ христіаниномъ. И снова Аѳанасій безбоязненно возсѣлъ на престолъ свой, благопопечительно управляя Церковью. Но и Іовиніанъ царствовалъ недолго—всего семь мѣсяцевъ[3])—и умеръ въ Галатіи. На престолъ вступилъ Валентъ[4]),

---

1) Т. е. императоръ Юліанъ.

2) Юліанъ былъ убитъ во время одной битвы съ Персами 26-го іюня 363-го года.

3) Іовиніанъ умеръ 17-го февраля 364-го года.

4) Послѣ смерти Іовиніана войско 26-го февраля избрало его преемникомъ Валентиніана, который черезъ мѣсяцъ отдалъ Восточную половину имперіи своему брату Валенту, ревностному аріанину. Валентъ царствовалъ съ 364 по 378 годъ.

зараженный аріанской ересью. Снова бѣдствія постигли Церковь. Нечестивый царь, принявъ власть, заботился не объ общемъ мирѣ, не о побѣдахъ надъ врагами, но началъ снова стараться, какъ бы распространить и утвердить аріанство. Православныхъ архіереевъ, несоизволяющихъ на его ересь, онъ низлагалъ съ ихъ каѳедръ. Такимъ образомъ онъ изгналъ прежде всего святаго Мелетія, архіепископа Антіохійскаго [1]). Когда эта внутренняя борьба, утѣсняющая повсюду Церковь Христову, достигла до Александріи, и, по повелѣнію епарха, воины должны были взять подъ стражу святаго Аѳанасія,—блаженный тайно вышелъ изъ города и, скрывшись въ семейномъ склепѣ, пребывалъ тамъ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ,—и никто не зналъ, гдѣ онъ. Тогда вся Александрія, скорбящая и сѣтующая о святомъ Аѳанасіи, подняла большой мятежъ, тревожимая отъ царей столь великими и столь многими скорбями. Александрійцы хотѣли уже отпасть отъ Валента и приготовили оружіе для возстанія.

Узнавъ объ этомъ, царь, боясь ихъ отпаденія, и мужества, и междоусобной войны, позволилъ Аѳанасію, хотя и вопреки желанію, безбоязненно управлять Александрійскою Церковью. Такимъ образомъ Аѳанасій, престарѣлый воинъ Христовъ, послѣ долгихъ трудовъ и многихъ подвиговъ за Православіе, передъ самою уже кончиною своею поживъ непродолжительно въ тишинѣ и мирѣ на своей каѳедрѣ, почилъ о Господѣ [2]) и присоединился къ отцамъ своимъ—патріархамъ, пророкамъ, апостоламъ, мученикамъ и исповѣдникамъ, подобно которымъ подвизался на землѣ. Онъ епископствовалъ сорокъ семь лѣтъ [3]) и преемникомъ по себѣ на александрійской каѳедрѣ оставилъ Петра [4]), блаженнаго друга своего, участника во всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ. Самъ же преставился для полученія свѣтлыхъ вѣнцовъ и воздаянія неизреченныхъ благъ отъ Христа Господа своего, Ему же со Отцемъ и Святымъ Духомъ, слава и держава, честь и поклоненіе, нынѣ и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1]) *Мелетій*, Патріархъ Антіохійскій, занималъ каѳедру съ 358 по 381 г. Былъ защитникомъ Православія, за что, по проискамъ аріанъ, нѣсколько разъ подвергался удаленію съ каѳедры.

[2]) *Святый Аѳанасій Великій* преставился 2-го мая 373-го года.

[3]) Изъ нихъ болѣе 20 лѣтъ провелъ въ изгнаніи.

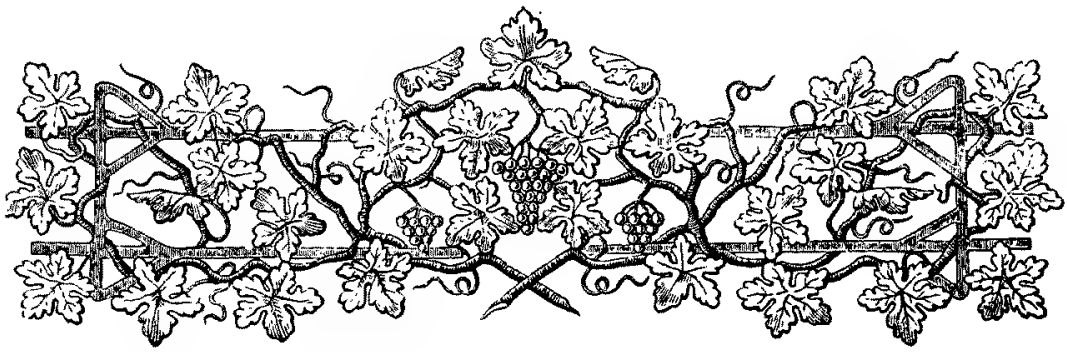
[4]) *Петръ II*, Патріархъ Александрійскій, управлялъ Церковію съ 373 по 380 годъ.

Тропа́рь ст҃а́гѡ, гла́съ г҃:

Сто́лпъ бы́лъ є҆сѝ правосла́вїѧ, бж҃е́ственными догма́ты подтвержда́ѧ цр҃ковь сщ҃енноначáльниче а҆ѳана́сїе: ѻ҆ц҃ꙋ бо сн҃а є҆диносꙋ́щна проповѣ́давъ, посрами́лъ є҆сѝ а҆́рїа. ѻ҆́тче прп҃бне, хр҃та̀ бг҃а молѝ, дарова́ти на́мъ ве́лїю ми́лость.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Правосла́вїѧ насади́въ ᲂу҆че́нїѧ, ѕлосла́вїѧ те́рнїѧ и҆зсѣ́клъ є҆сѝ, ᲂу҆мно́живъ сѣ́мѧ вѣ́ры, ѡ҆дожде́нїемъ дх҃а прп҃бне: тѣ́мже тѧ̀ пое́мъ, а҆ѳана́сїе.



День девятнадцатый

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

МАКАРІЯ ЕГИПЕТСКАГО

Преподобный Макарій Египетскій[1]) родился въ Египетской странѣ, въ селеніи, носившемъ названіе Птинапоръ[2]). Родители его были соименны древнимъ святымъ праотцамъ—Аврааму и Саррѣ, ибо отецъ преподобнаго Макарія назывался Авраамомъ (онъ былъ пресвитеромъ), мать же Макарія носила имя Сарра. Такъ какъ супружество родителей Макарія было неплоднымъ, то они рѣшили проводить цѣломудренную жизнь, впрочемъ, не разлучаясь другъ съ другомъ, а проживая вмѣстѣ. Итакъ, въ теченіе многихъ лѣтъ жили родители Макарія, соединенные духовнымъ сожитіемъ, а не плотскимъ. Они украшали свою жизнь воздержаніемъ и постомъ, частыми

---

1) Преподобный Макарій называется *Египетскимъ* въ отличіе отъ другого, сонменнаго и современнаго ему подвижника, который родился и большую часть жизни провелъ въ городѣ Александріи, и поэтому называется *Александрійскимъ*, или *городскимъ*. За свою же святость и мудрость Макарій Египетскій называется Великимъ. Родился онъ около 301 года.

2) *Птинапоръ*, или *Пежижвиръ*,—селеніе, находившееся на западномъ берегу Нила, въ предѣлахъ нынѣшней египетской провинціи Менуфъ или Менуфіэ, въ южной части Нильской долины, въ такъ называемомъ Нижнемъ Египтѣ. Въ настоящее время отъ него остались однѣ развалины.

молитвами, неослабнымъ бдѣніемъ, щедрою раздачею милостыни, страннопріимствомъ и многими другими добродѣтелями. Въ то время, по Божественному произволенію, напали на Египетъ варвары, которые разграбили все имущество жителей Египта. Вмѣстѣ съ другими и родители Макарія лишились всего своего имущества, почему хотѣли даже удалиться изъ своего отечества въ какую-либо иную страну. Но однажды ночью, когда отецъ Макарія—Авраамъ спалъ, явился ему во снѣ святый патріархъ Авраамъ въ видѣ почтеннаго, убѣленнаго сѣдинами старца въ блестящей одеждѣ. Явившійся святый патріархъ утѣшалъ Авраама въ его несчастіи, повелѣвая ему уповать на Господа и не отлучаться изъ предѣловъ египетскихъ, но переселиться въ селеніе Птинапоръ, находящееся въ той же странѣ. При этомъ патріархъ Авраамъ предсказалъ родителю Макарія, что Богъ скоро благословитъ его рожденіемъ сына, какъ нѣкогда благословилъ Онъ самого патріарха Авраама, когда онъ былъ пришельцемъ въ землѣ Ханаанской, давъ ему сына въ старости[1]). Пробудившись отъ сна, пресвитеръ Авраамъ пересказалъ бывшее ему видѣніе женѣ своей Саррѣ, и они оба воздали хвалу Богу. Немедленно послѣ сего Авраамъ и Сарра переселились въ указанное селеніе Птинапоръ, которое находилось въ недалекомъ разстояніи отъ пустыни Нитрійской. Все это произошло по Божественному произволенію, дабы имѣвшій родиться отъ нихъ сынъ—преподобный Макарій—сильнѣе возлюбилъ пустынническое житіе, коему онъ предался, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, всей душой. Во время жительства родителей Макарія въ селеніи Птинапоръ случилось, что отецъ

Прп҃бный
Макарій

[1]) Кн. Быт., гл. 21, ст. 2.

Макарія—Авраамъ такъ сильно заболѣлъ, что былъ близокъ къ смерти. Однажды ночью, когда онъ лежалъ на одрѣ болѣзни, онъ увидѣлъ, въ сонномъ видѣніи, будто Ангелъ Господень вышелъ изъ алтаря въ храмѣ, гдѣ служилъ Авраамъ, и, приблизившись къ нему, сказалъ:

— Авраамъ, Авраамъ! Встань съ одра твоего.

Авраамъ отвѣчалъ Ангелу:

— Я боленъ, господинъ, и потому не могу встать.

Тогда Ангелъ, взявъ больнаго за руку, съ кротостію сказалъ ему:

— Богъ помиловалъ тебя, Авраамъ: Онъ исцѣляетъ тебя отъ болѣзни твоей и даруетъ тебѣ Свое благоволеніе, ибо жена твоя Сарра родитъ сына, соименнаго блаженству. Онъ будетъ жилищемъ Святаго Духа, ибо въ ангельскомъ образѣ будетъ жить на землѣ и многихъ приведетъ къ Богу.

Пробудившись послѣ сего видѣнія, Авраамъ почувствовалъ себя совершенно здоровымъ; исполнившись страха и радости, онъ тотчасъ разсказалъ своей женѣ Саррѣ все, что онъ видѣлъ въ видѣніи и что говорилъ ему Ангелъ. Истинность же сего видѣнія удостовѣрялась внезапнымъ исцѣленіемъ его отъ тяжкой болѣзни. И оба они, Авраамъ и Сарра, возблагодарили премилосердаго Господа Бога. Вскорѣ послѣ этого Сарра зачала въ старости, и, по прошествіи опредѣленнаго времени, у нея родился ребенокъ мужескаго пола, которому нарекли имя Макарій, что значитъ «блаженный», и просвѣтили его Святымъ Крещеніемъ.

Когда отрокъ Макарій достигъ совершеннаго возраста и научился разумѣнію Священнаго Писанія, родители его, какъ бы забывъ предсказанное о немъ Ангеломъ, явившимся въ видѣніи Аврааму, пожелали, чтобы Макарій вступилъ въ супружество, хотя самъ Макарій не имѣлъ къ этому никакого желанія. Напротивъ, онъ всѣми силами противился уговору своихъ родителей, желая обручиться единой нетлѣнной невѣстѣ—чистой и непорочной дѣвственной жизни. Однако, подчиняясь волѣ родителей, Макарій повиновался имъ, предавъ всего себя въ руки Господа и надѣясь, что Онъ укажетъ ему дальнѣйшій путь жизни. По совершеніи брачнаго пира, когда новобрачные были введены въ брачную комнату, Макарій притворился больнымъ и не прикоснулся къ своей невѣстѣ, отъ глубины своего сердца молясь Единому Истинному Богу и на Него возлагая свое упованіе, дабы Господь въ скоромъ времени даровалъ ему оставить мірскую жизнь и содѣлаться ино-

комъ. Спустя нѣсколько дней случилось одному изъ родственниковъ Макарія отправиться на Нитрійскую гору[1]), чтобы принести оттуда селитры, которая находилась тамъ въ громадномъ количествѣ, отъ чего и самая гора носила названіе «Нитрійская». По желанію своихъ родителей отправился вмѣстѣ съ нимъ и Макарій. Придя, по дорогѣ туда, къ Нитрійскому озеру, Макарій отошелъ отъ своихъ спутниковъ въ сторону, желая немного отдохнуть отъ пути, и заснулъ. И вотъ, въ сонномъ видѣніи предъ нимъ предсталъ нѣкій дивный мужъ, блистающій свѣтомъ, который сказалъ Макарію:

— Макарій! Взгляни на эти пустынныя мѣста и внимательно разсмотри ихъ, ибо тебѣ предназначено поселиться здѣсь.

Пробудившись отъ сна, Макарій сталъ размышлять о сказанномъ ему въ видѣніи и былъ въ недоумѣніи относительно того, что съ нимъ произойдетъ. Въ то время еще никто не селился въ пустынѣ, кромѣ Антонія Великаго и никому не извѣстнаго пустынника Павла Ѳивейскаго, подвизавшагося гдѣ-то во внутренней пустынѣ и видѣннаго лишь однимъ Антоніемъ. Когда, послѣ трехдневнаго путешествія къ Нитрійской горѣ, Макарій со спутниками возвратился домой, то засталъ свою супругу страдающей такой сильной горячкой, что она находилась уже при смерти. Вскорѣ она скончалась на глазахъ Макарія, непорочной дѣвственницей отойдя въ вѣчную жизнь. Макарій возблагодарилъ Бога, что Онъ сподобилъ его видѣть кончину жены, и въ назиданіе себѣ такъ размышлялъ и о своей смерти:

«Внимай себѣ, Макарій,—говорилъ онъ,—и имѣй попеченіе о своей душѣ, ибо и тебѣ вскорѣ предстоитъ оставить эту земную жизнь».

И съ сего времени Макарій уже не сталъ заботиться ни о чемъ земномъ, непрестанно пребывая въ храмѣ Господнемъ и занимаясь чтеніемъ Священнаго Писанія. Родители Макарія, видя, какой образъ жизни онъ ведетъ, не осмѣливались уже въ присутствіи его упоминать даже имени женскаго, но весьма радовались таковой его цѣломудренной жизни. Между тѣмъ Авраамъ, отецъ Макарія, вступилъ уже въ преклонныя лѣта и сдѣлался сильно боленъ,

---

1) *Пустыня Нитрійская,*—которую блаженный Іеронимъ называетъ «градомъ Божіимъ», по святости пустынножителей, обитавшихъ въ ней,— была обширная пустыня, граничащая съ Ливіею и Еѳіопіею. Она получила названіе отъ сосѣдней горы, гдѣ въ озерахъ находилось множество нитра, или селитры.

такъ что отъ старости и болѣзни лишился зрѣнія. Блаженный Макарій съ любовію и усердіемъ ухаживалъ за своимъ престарѣлымъ и больнымъ отцомъ. Вскорѣ старецъ отошелъ ко Господу, а спустя шесть мѣсяцевъ послѣ его кончины скончалась о Господѣ и Сарра, мать Макарія. Преподобный Макарій похоронилъ родителей своихъ обычнымъ христіанскимъ погребеніемъ и сдѣлался совершенно свободнымъ отъ узъ плоти, раздавъ послѣ погребенія ихъ все свое имущество бѣднымъ на поминъ души почившихъ. На сердцѣ Макарія была великая печаль, что теперь онъ уже не имѣетъ никого, кому онъ могъ бы открыть свою тайну и получить добрый совѣтъ для Богоугодной жизни. Посему онъ усердно сталъ молиться Богу, чтобы Онъ послалъ ему добраго наставника, который руководствовалъ бы его на пути ко спасенію.

Спустя нѣкоторое время наступилъ день празднованія памяти одного святаго, въ честь котораго, по обычаю своихъ родителей, и Макарій пожелалъ устроить праздникъ. Ввиду сего онъ приготовилъ обѣдъ, предназначая его не столько для своихъ сосѣдей, сколько для нищихъ и убогихъ. Присутствуя въ этотъ день за церковнымъ Богослуженіемъ, Макарій увидалъ одного почтеннаго старца—инока, вошедшаго въ храмъ. Инокъ этотъ имѣлъ длинные сѣдые волосы и бороду, доходившую почти до пояса; лицо его было блѣдно отъ продолжительнаго поста; весь же видъ его былъ благолѣпенъ, ибо и внутренній его душевный образъ былъ украшенъ красотою добродѣтелей. Этотъ старецъ проживалъ невдалекѣ отъ селенія Птинапоръ въ пустынномъ мѣстѣ, гдѣ онъ имѣлъ отшельническую келлію. Онъ никогда никому не показывался изъ людей, и лишь въ настоящій день, по Божественному устроенію, пришелъ въ находящуюся въ селеніи церковь, чтобы причаститься Пречистыхъ Христовыхъ Таинъ. По окончаніи Божественной Литургіи Макарій упросилъ сего инока придти къ нему въ домъ на общую трапезу. Послѣ трапезы, когда всѣ приглашенные Макаріемъ разошлись по домамъ, Макарій задержалъ инока и, отведя его въ уединенное мѣсто, припалъ къ ногамъ старца и сказалъ ему:

— Отче! Позволь мнѣ завтра утромъ придти къ тебѣ, ибо я хочу спросить твоего опытнаго совѣта относительно дальнѣйшей моей жизни!

— Приходи, чадо,—отвѣчалъ старецъ,—когда желаешь.—И съ этими словами ушелъ отъ Макарія.

На другой день рано утромъ Макарій пришелъ къ старцу и открылъ ему тайну своего сердца — что онъ желаетъ всѣми своими силами работать для Господа, и вмѣстѣ усердно просилъ старца научить его, что ему дѣлать для спасенія души своей. Душеполезными бесѣдами старецъ въ теченіе цѣлаго дня удержалъ Макарія у себя, и когда зашло солнце, они вкусили немного хлѣба съ солью, и старецъ повелѣлъ Макарію лечь спать. Самъ же старецъ сталъ на молитву, устремивъ умъ свой горѣ; при наступленіи глубокой ночи онъ пришелъ въ восторженное состояніе и увидѣлъ соборъ иноковъ, одѣтыхъ въ бѣлыя одежды и имѣющихъ крылья. Они обходили вокругъ спящаго Макарія и говорили:

— Встань, Макарій, и начни указанное тебѣ Богомъ служеніе; не откладывай этого на другое время, ибо лѣнивый поступаетъ неблагоразумно, а нелѣнивый зарабатываетъ и его плату.

Это свое видѣніе святый старецъ наутро разсказалъ Макарію и, отпуская его отъ себя, сдѣлалъ ему такое наставленіе:

— Чадо! Что имѣешь намѣреніе сдѣлать, дѣлай скорѣе, потому что Богъ призываетъ тебя для спасенія многихъ. Посему съ настоящаго времени не будь лѣностенъ на дѣла богоугодныя!

Преподавъ еще Макарію наставленія относительно молитвы, бдѣнія и поста, старецъ отпустилъ его съ миромъ. Возвратившись отъ старца домой, блаженный Макарій роздалъ бѣднымъ все свое имущество, не оставивъ себѣ ничего даже для насущныхъ потребностей. Освободившись такимъ образомъ отъ всѣхъ житейскихъ заботъ и сдѣлавшись и самъ какъ бы нищимъ, Макарій снова пришелъ къ старцу—для того, чтобы всецѣло предаться давно желаемому имъ служенію Господу. Старецъ съ любовію принялъ смиреннаго юношу, показалъ ему начатки безмолвнаго иноческаго житія и обучилъ его обычному иноческому рукодѣлію—плетенію корзинъ. При этомъ старецъ устроилъ для Макарія отдѣльную келлію въ недалекомъ разстояніи отъ своей, ибо самъ любилъ въ уединеніи служить Господу. Во вновь устроенную келлію онъ отвелъ своего новаго ученика, вновь преподавъ ему необходимыя наставленія о молитвѣ, пищѣ и рукодѣліи. Такъ блаженный Макарій, съ помощію Божіею, началъ проходить трудное иноческое служеніе и день ото дня преуспѣвалъ въ иноческихъ подвигахъ. Спустя нѣсколько времени въ селеніе Птинапоръ случилось придти епископу той страны, и онъ, узнавъ отъ жителей селенія о подвигахъ блаженнаго Макарія, призвалъ его къ себѣ и, противъ его

желанія, поставилъ клирикомъ мѣстной церкви, хотя Макарій былъ еще молодъ. Но святый Макарій, тяготясь должностію клирика, которая нарушила его безмолвное житіе, спустя нѣсколько дней убѣжалъ оттуда и поселился въ пустынномъ мѣстѣ около другаго селенія. Сюда къ нему пришелъ одинъ благоговѣйный человѣкъ простого званія, который и сталъ служить Макарію, продавая его рукодѣлія и покупая на вырученныя деньги ему пищу. Ненавистникъ всякаго добра—діаволъ, видя, какъ онъ побѣждается юнымъ инокомъ, замыслилъ противъ него брань и сталъ усиленно воевать съ нимъ, строя противъ него многоразличныя козни, иногда внушая ему грѣховные помыслы, иногда же нападая на него въ образѣ разныхъ страшилищъ. Когда Макарій бодрствовалъ ночью, стоя на молитвѣ, діаволъ до самаго основанія потрясалъ его келлію, а иногда, превратившись въ змѣя, ползалъ по землѣ и съ яростію устремлялся на святаго. Но блаженный Макарій, ограждая себя молитвою и крестнымъ знаменіемъ, ни за что считалъ козни діавола, восклицая, какъ нѣкогда Давидъ:

— **Не оу҆боюсѧ ѿ страха нощнаго, ѿ стрѣлы летѧщїѧ во днѝ, ѿ вещи во тьмѣ преходѧщїѧ**[1]).

Тогда діаволъ, не имѣя возможности побѣдить непобѣдимаго, изобрѣлъ противъ него новую хитрость. Одинъ изъ жителей того селенія, близъ котораго подвизался Макарій, имѣлъ дочь—дѣвицу, которую одинъ юноша, также жившій въ этомъ селеніи, просилъ отдать себѣ въ жены. Но такъ какъ юноша былъ очень бѣденъ и притомъ простого званія, то родители дѣвицы не соглашались отдать въ замужество за него свою дочь, хотя сама дѣвица и любила того юношу. Спустя нѣсколько времени дѣвица оказалась непраздною (беременной—*Ред.*). Когда она стала спрашивать юношу, какой ей дать отвѣтъ своимъ родителямъ, то послѣдній, научаемый учителемъ злобы—діаволомъ, говорилъ ей:

— Скажи, что это сдѣлалъ съ тобою живущій около насъ отшельникъ.

Дѣвица послушалась коварнаго совѣта и обострила противъ невиннаго инока свой языкъ, какъ бы зміиный. И вотъ, когда родители замѣтили, что дѣвица должна быть матерью, то съ побоями стали ее спрашивать, кто виновникъ ея паденія. Дѣвица тогда отвѣчала:

---

[1]) Псал. 90, ст. 5.

— Въ этомъ виновенъ отшельникъ вашъ, котораго вы всѣ считаете святымъ. Какъ-то разъ, когда я находилась за селеніемъ и подошла къ тому мѣсту, гдѣ онъ живетъ, отшельникъ встрѣтилъ меня на дорогѣ и сдѣлалъ надо мною насиліе, а я изъ-за страха и стыда никому не сказала объ этомъ до сего времени.

Уязвленные этими словами дѣвицы какъ бы стрѣлами, родители и родственники ея всѣ вмѣстѣ бросились къ жилищу святаго съ громкими криками и бранными словами. Вытащивъ Макарія изъ келліи, они долго его били и потомъ привели съ собою въ селеніе. Здѣсь, собравъ множество разбитыхъ сосудовъ и черепковъ и связавъ ихъ веревкою, повѣсили святому на шею и въ такомъ видѣ водили его по всему селенію, безъ милосердія надругаясь надъ нимъ, нанося ему побои, толкая его, терзая за волосы и ударяя ногами. При этомъ они восклицали:

— Этотъ монахъ осквернилъ нашу дѣвицу, бейте его всѣ!

Случилось въ это время проходить мимо одному благоразумному человѣку. Увидѣвъ происходящее, онъ сказалъ бьющимъ святаго:

— Долго ли вы будете бить невиннаго странствующаго инока, достовѣрно не узнавъ, справедливо ли обвиненіе противъ него? Я думаю, что это искушаетъ васъ діаволъ.

Но они, не слушая словъ сего мужа, продолжали истязать святаго. Между тѣмъ, тотъ человѣкъ, который ради Бога служилъ Макарію, продавая его рукодѣліе, шелъ въ отдаленіи отъ святаго и горько плакалъ, не будучи въ состояніи воспрепятствовать бить святаго и освободить Макарія изъ рукъ тѣхъ, которые «ꙗ҆́кѡ пси̑ мнѡ́зи ѡ҆́быдо́ша є҆го̀» [1]). А бьющіе святаго, обернувшись, бросались съ бранью и угрозами и на этого человѣка.

— Вотъ, что сдѣлалъ,—кричали они,—отшельникъ, которому ты служишь!—И продолжали бить Макарія палками, пока не удовлетворили своей ярости и гнѣва; и Макарій остался полумертвый на дорогѣ. Родители же дѣвицы не хотѣли и теперь его оставить, но говорили:

— Не пустимъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не представитъ намъ поручителей въ томъ, что онъ будетъ кормить нашу дочь, которую онъ обезчестилъ.

Еле переводя духъ, Макарій просилъ служившаго ему человѣка:

— Другъ! Будь за меня поручителемъ.

---

[1]) Псал. 21, ст. 17.

Послѣдній, готовый даже умереть за святаго, поручился за него и, взявъ Макарія, совершенно обезсилѣвшаго отъ ранъ, съ великимъ усиліемъ отвелъ его въ келлію. Нѣсколько оправившись отъ ранъ, Макарій сталъ усиленнѣе трудиться надъ своимъ рукодѣліемъ, говоря самъ себѣ такъ:

— Ты теперь, Макарій, имѣешь жену и дѣтей, и посему тебѣ необходимо работать день и ночь, дабы доставлять имъ необходимое пропитаніе.

Дѣлая корзины, онъ продавалъ ихъ чрезъ указаннаго человѣка, а вырученныя деньги отсылалъ на прокормленіе дѣвицѣ. Когда же ей наступило время рождать, то ее постигъ праведный судъ Божій за то, что она оклеветала невиннаго святаго. Долго она не могла разрѣшиться отъ бремени и страдала многіе дни и ночи, горько плача отъ весьма сильной боли. При видѣ такихъ ея мученій страдали вмѣстѣ съ нею и родители ея и въ недоумѣніи спрашивали ее:

— Что это случилось съ тобой?

Тогда дѣвица, хотя и сильно не желала того, принуждена была открыть истину. Съ громкими воплями она сказала:

— О горе мнѣ окаянной! Я достойна ужаснаго наказанія за то, что оклеветала праведника, сказавъ, что онъ виновникъ моего паденія. Не онъ виновникъ сего, но тотъ юноша, который хотѣлъ жениться на мнѣ.

Слыша вопли дѣвицы, родители ея и родственники, находившіеся около нея, были сильно поражены ея словами; и напалъ на нихъ сильный страхъ, и они весьма устыдились, что дерзнули такъ оскорбить невиннаго инока, служителя Господня. Въ страхѣ они взывали: «горе намъ!» Между тѣмъ вѣсть о происшедшемъ разнеслась по всему тому селенію, и всѣ жители его, отъ мала до велика, стеклись къ дому, гдѣ жила дѣвица. Услышавъ тамъ вопли дѣвицы, что отшельникъ невиновенъ въ ея позорѣ, жители сильно укоряли себя и весьма скорбѣли, что безъ милосердія всѣ они били святаго. Посовѣтовавшись съ родителями дѣвицы, всѣ они рѣшились пойти къ преподобному Макарію и съ плачемъ припасть къ его ногамъ, прося прощенія, дабы не постигъ ихъ гнѣвъ Божій за то, что они оскорбили невиннаго человѣка. Узнавъ такое рѣшеніе ихъ, прислуживающій Макарію мужъ, который и поручился за него, быстро побѣжалъ къ нему и радостно сказалъ ему:

— Радуйся, отче Макаріе! Счастливъ и радостенъ нынѣшній день для насъ, ибо Богъ сегодня прежнее твое поношеніе и безчестіе измѣнилъ въ прославленіе. И мнѣ уже не надобно болѣе быть поручителемъ за тебя, ибо ты оказался безстрастнымъ, праведнымъ и преславнымъ невиннымъ страдальцемъ. Сегодня судъ Божій постигъ ту, которая несправедливо обвинила тебя и оклеветала тебя, невиновнаго. Она не можетъ разрѣшиться отъ бремени и призналась, что не ты виновникъ ея паденія, но одинъ юноша. Теперь всѣ жители селенія, отъ мала до велика, хотятъ придти къ тебѣ съ покаяніемъ, дабы прославить Бога за твое цѣломудріе и терпѣніе и испросить у тебя прощенія, чтобы не постигло ихъ какое-либо наказаніе отъ Господа за то, что они несправедливо тебя оскорбили.

Съ прискорбіемъ выслушалъ слова этого человѣка смиренный Макарій: онъ не желалъ почести и славы отъ людей, ибо ему гораздо пріятнѣе было принимать отъ людей безчестіе, нежели честь; посему съ наступленіемъ ночи онъ всталъ и удалился изъ тѣхъ мѣстъ, пойдя прежде всего на Нитрійскую гору, гдѣ онъ нѣкогда имѣлъ во снѣ видѣніе. Проживъ тамъ три года въ одной пещерѣ, онъ пошелъ къ Антонію Великому. постнически подвизавшемуся въ пустынѣ Фаранской [1]), ибо Макарій уже давно слышалъ о немъ, еще тогда, когда онъ жилъ въ міру, и сильно желалъ его видѣть. Принятый съ любовію преподобнымъ Антоніемъ, Макарій содѣлался искреннѣйшимъ ученикомъ его и прожилъ у него въ теченіе долгаго времени, получая наставленія для совершенной добродѣтельной жизни и стараясь во всемъ подражать отцу своему. Потомъ, по совѣту преподобнаго Антонія, Макарій удалился для уединенной жизни въ скитскую пустыню [2]), гдѣ онъ такъ просіялъ подвигами и столь преуспѣлъ въ иноческой жизни, что превосходилъ многихъ братій и получилъ отъ нихъ названіе «юноша старецъ», такъ какъ, несмотря на молодость свою, обнаружилъ вполнѣ старческую жизнь. Здѣсь Макарію приходилось бороться съ бѣсами и день и ночь. Иногда бѣсы явно, обратившись въ различныя страшилища, съ яростью устремлялись на преподобнаго, иногда въ видѣ

---

1) *Фаранъ*—пустая и гористая страна между Палестиной, Египтомъ, Идумеей и Синайскимъ полуостровомъ.

2) Скитская пустыня находилась въ разстояніи дневного пути (25—30 верстъ) отъ Нитрійской горы, въ сѣверо-западной части Египта. Это была безводная каменистая пустыня, излюбленное мѣсто Египетскихъ пустынниковъ, прославившееся аскетическими подвигами спасавшихся въ ней иноковъ.

вооруженныхъ воиновъ, сидящихъ на коняхъ и скачущихъ на сраженіе; съ великимъ крикомъ, ужаснымъ воплемъ и шумомъ устремлялись они на святаго, какъ бы собираясь его умертвить. Иногда же бѣсы воздвигали противъ святаго невидимую брань, внушая ему различные страстные и нечистые помыслы, разными хитрыми способами стараясь поколебать эту твердую стѣну, устроенную Христомъ, и разорить ее. Однако они нисколько не могли преодолѣть сего мужественнаго борца истины, который имѣлъ своимъ помощникомъ Бога и, какъ Давидъ, восклицалъ:

— **Сіи на колесницахъ** (съ оружіемъ) **и сіи на конѣхъ: азъ же во имя гда бга моегѡ призовꙋ, тіи спѧти бꙋдꙋтъ и падꙋтъ, азъ же ѡ безѣ сотворю силꙋ**[1]) и Онъ уничтожитъ всѣхъ враговъ моихъ—бѣсовъ, столь свирѣпо нападающихъ на меня.

Однажды ночью спящаго Макарія окружило множество бѣсовъ, которые будили его и говорили:

— Встань, Макарій, и пой съ нами, а не спи.

Преподобный же, уразумѣвъ, что это бѣсовское искушеніе, не вставалъ, но, лежа, говорилъ бѣсамъ:

— **Идите ѿ мене, проклѧтіи, во ѻгнь вѣчный, ѹготованный** отцу вашему **діаволꙋ**[2]) и вамъ.

Но они говорили:

— Зачѣмъ ты оскорбляешь насъ, Макарій, понося насъ такими словами?

— Развѣ можетъ быть,—возразилъ преподобный,—чтобы кто-либо изъ бѣсовъ пробуждалъ кого-нибудь для молитвы и славословія Божія или наставлялъ въ добродѣтельной жизни?

Но бѣсы продолжали призывать его на молитву, и въ теченіе долгаго времени не могли сего сдѣлать. Тогда, исполнившись ярости и не вынося пренебреженія отъ Макарія, они во множествѣ устремились на него и стали наносить ему побои. Святый же возопилъ ко Господу:

— Помоги мнѣ, Христе Боже мой, и **избави мѧ ѿ ѡбышедшихъ мѧ, ꙗкѡ ѡбыдоша мѧ пси мнози, и ѿверзоша на мѧ ѹста своѧ**[3]).

И внезапно все множество бѣсовъ исчезло съ великимъ шумомъ.

---

1) Ср.: Псал. 19, ст. 8, 9; 59, 14.

2) Еванг. отъ Матѳея, гл. 25, ст. 41.

3) Псал. 31, ст. 7; Псал. 21, ст. 17, 18, 14.

Въ другой разъ случилось, что Макарій набралъ въ пустынѣ много пальмовыхъ вѣтвей для плетенія корзинъ и несъ ихъ въ свою келлію. На пути его встрѣтилъ діаволъ съ серпомъ и хотѣлъ ударить святаго, но не могъ. Тогда онъ сказалъ Макарію:

— Макарій! Изъ-за тебя я терплю великую скорбь, потому что не въ состояніи побѣдить тебя. Вотъ, и я все, что дѣлаешь ты, дѣлаю. Ты постишься—ничего вовсе не ѣмъ и я; ты бодрствуешь—и я никогда не сплю. Одно, впрочемъ, есть, въ чемъ ты превосходишь меня.

— Что это такое? — спросилъ его преподобный.

— Смиреніе твое,—отвѣчалъ діаволъ,—вотъ почему я и не могу бороться съ тобою.

Когда преподобному Макарію исполнилось сорокъ лѣтъ, онъ получилъ отъ Бога даръ чудотворенія, пророчества и власть надъ нечистыми духами. Въ то же время онъ былъ посвященъ въ санъ священника и сдѣланъ настоятелемъ (аввою) иноковъ, проживающихъ въ скиту. О его пищѣ и питіи, т. е. о томъ, какъ онъ постился, не надлежитъ много и говорить, потому что даже и самые немощные изъ братій его скита не могли быть укоряемы ни въ объяденіи, ни въ употребленіи какой-либо изысканной пищи. Хотя это происходило отчасти и по недостатку въ тѣхъ мѣстахъ какой-либо изысканной пищи, но главнымъ образомъ—ради соревнованія пребывающихъ тамъ иноковъ, которые старались не только подражать въ постничествѣ одинъ другому, но и превзойти другъ друга. О другихъ же подвигахъ Макарія, этого небеснаго человѣка, среди отцовъ ходятъ различныя сказанія. Разсказываютъ, что преподобный непрестанно возносился умомъ въ горняя и большую часть своего времени устремлялъ свой умъ къ Богу, нежели къ предметамъ міра сего. Часто Макарій посѣщалъ и учителя своего Антонія Великаго и получалъ отъ него много наставленій, ведя съ нимъ духовныя бесѣды. Вмѣстѣ съ двумя другими учениками преподобнаго Антонія и Макарій сподобился присутствовать при блаженной кончинѣ его и, какъ нѣкое богатѣйшее наслѣдство, получилъ посохъ Антонія, которымъ тотъ поддерживалъ въ дорогѣ свое немощное тѣло, удрученное старостью и постническими подвигами. Вмѣстѣ съ симъ посохомъ Антонія преподобный Макарій принялъ сугубо и духъ Антонія Великаго, какъ нѣкогда воспринялъ таковый пророкъ Елисей послѣ Иліи пророка[1]). Силою сего духа Макарій

[1]) 4 Кн. Царствъ, гл. 2, ст. 9. Какъ это выражено въ службѣ преподобному Макарію (см. минею мѣсячную—икосъ по 6-й пѣсни канона).

сотворилъ многія дивныя чудотворенія, къ повѣствованію о которыхъ мы теперь и переходимъ.

Одинъ нечестивый египтянинъ распалился нечистою любовію къ замужней красивой женщинѣ, но никакъ не могъ склонить ее къ измѣнѣ мужу, ибо она была цѣломудренна, добродѣтельна и любила своего мужа. Сильно желая овладѣть ею, египтянинъ этотъ отправился къ одному чародѣю съ просьбою, чтобы онъ посредствомъ своихъ волшебныхъ чаръ устроилъ такъ, чтобы женщина эта полюбила его или же чтобы мужъ ея возненавидѣлъ ее и прогналъ отъ себя. Чародѣй, получивъ отъ того египтянина богатые подарки, употребилъ свои обычныя волшебства, пытаясь силою волшебныхъ чаръ соблазнить цѣломудренную женщину на дурной поступокъ. Не будучи въ состояніи склонить непоколебимую душу женщины ко грѣху, чародѣй очаровалъ глаза всѣхъ смотрѣвшихъ на женщину, устроивъ такъ, что она казалась всѣмъ не женщиною, имѣющею человѣческій видъ, но животнымъ, имѣвшимъ видъ лошади. Мужъ той женщины, придя домой, съ ужасомъ увидалъ вмѣсто своей жены лошадь и сильно удивлялся, что на постели его лежитъ животное. Онъ обратился къ ней со словами, но не получилъ никакого отвѣта, только замѣтилъ, что она приходитъ въ ярость. Зная же, что это должна была быть его жена, онъ понялъ, что это сдѣлано по чьей-либо злобѣ; посему онъ весьма огорчился и проливалъ слезы. Потомъ онъ призвалъ въ свой домъ пресвитеровъ и показалъ имъ свою жену. Но они не могли понять, что предъ ними человѣкъ, а не животное, такъ какъ и ихъ глаза были очарованы, и они видѣли животное. Прошло уже три дня съ того времени, какъ женщина эта стала всѣмъ казаться лошадью. Въ теченіе этого времени она не принимала пищи, потому что не могла ѣсть ни сѣна, какъ животное, ни хлѣба, какъ человѣкъ. Тогда мужъ ея вспомнилъ о преподобномъ Макаріи и рѣшился отвести ее въ пустыню ко святому. Надѣвъ на нее узду, какъ бы на животное, онъ пошелъ къ жилищу Макарія, ведя за собою жену, имѣющую видъ лошади. Когда онъ приближался къ келліи преподобнаго, иноки, стоявшіе около келліи, негодовали на него, зачѣмъ онъ желаетъ съ лошадью войти въ монастырь. Но онъ сказалъ имъ:

— Я пришелъ сюда для того, чтобы животное это, по молитвамъ святаго Макарія, получило милость отъ Господа.

— Что же дурного случилось съ нею? — спросили иноки.

— Это животное, которое вы видите,—отвѣчалъ имъ человѣкъ,—моя жена. Какъ же она обратилась въ лошадь, я не знаю. Но вотъ уже три дня прошло съ того времени, когда это случилось, и она все это время не вкушаетъ никакой пищи.

Выслушавъ его разсказъ, братія тотчасъ поспѣшили къ преподобному Макарію, чтобы разсказать ему о семъ, но ему уже было откровеніе отъ Бога, и онъ молился за женщину. Когда иноки разсказали святому происшедшее и указывали ему на приведенное животное, то преподобный сказалъ имъ:

— Вы сами подобны животнымъ, такъ какъ глаза ваши видятъ скотскій образъ. Она же—какъ создана женщиною, такъ и остается ею,—а не измѣнила своей человѣческой природы, но лишь кажется животнымъ вашимъ глазамъ, обольщеннымъ волшебными чарами.

Затѣмъ преподобный освятилъ воду и съ молитвою вылилъ ее на приведенную женщину, и тотчасъ она приняла свой обычный человѣческій видъ, такъ что всѣ, смотря на нее, видѣли женщину, имѣющую лицо человѣка. Повелѣвъ дать ей пищи, святый сдѣлалъ ее совершенно здоровою. Тогда и мужъ, и жена, и всѣ, видѣвшіе это предивное чудо, возблагодарили Бога. Макарій далъ наставленіе исцѣленной женщинѣ, чтобы она какъ можно чаще ходила въ храмъ Божій и причащалась Святыхъ Христовыхъ Таинъ.

— Это случилось съ тобою,—сказалъ преподобный,—оттого, что прошло уже пять недѣль, какъ ты не причащалась Божественныхъ Таинъ.

Сдѣлавъ наставленіе мужу и женѣ, святый отпустилъ ихъ съ миромъ.

Подобнымъ образомъ исцѣлилъ Макарій и одну дѣвицу, которую одинъ волшебникъ превратилъ въ ослицу и которую въ такомъ видѣ привели ко святому родители ея. Другую же дѣвицу, всю гнившую отъ ранъ и струпьевъ и кишѣвшую червями, онъ содѣлалъ совершенно здоровою, помазавъ ее святымъ елеемъ.

Къ преподобному Макарію приходило весьма много разныхъ людей: одни просили его молитвъ, благословенія и отеческаго наставленія, другіе,—чтобы исцѣлиться отъ своихъ недуговъ. По причинѣ такого множества приходившаго къ нему народа Макарій имѣлъ мало времени, чтобы въ уединеніи предаваться богомыслію. Поэтому преподобный выкопалъ подъ своею келліею глубокую пещеру, длиною около полстадіи [1]), куда и скрывался отъ постоянно приходящихъ къ нему и нарушающихъ его богомысліе и молитву.

[1]) *Стадія* равняется $87^1/_2$ нашимъ сажеиямъ.

Преподобный Макарій получилъ отъ Бога такую благодатную силу, что могъ воскрешать даже мертвыхъ. И вотъ, одинъ еретикъ, по имени Іеракитъ, который училъ, что воскресенія мертвыхъ не будетъ, пришелъ изъ Египта въ пустыню и смущалъ умы братій, проживавшихъ тамъ. Потомъ пришелъ къ преподобному Макарію и, въ присутствіи многочисленныхъ братій, состязался съ нимъ о вѣрѣ. Будучи самъ искусенъ въ словѣ, онъ насмѣхался надъ простотою рѣчей преподобнаго. Преподобный Макарій замѣтивъ, что братія начинаетъ колебаться въ вѣрѣ отъ рѣчей сего еретика, сказалъ ему:

— Какая польза препираться намъ словами, болѣе для колебанія слушающихъ нашъ споръ, чѣмъ для утвержденія въ вѣрѣ? Пойдемъ на могилы скончавшихся о Господѣ братій нашихъ, и кому изъ насъ даруетъ Господь воскресить мертваго, то тогда всѣ убѣдятся, что вѣра того правая и свидѣтельствуется Самимъ Богомъ.

Братія одобрили эти слова преподобнаго, и всѣ отправились на кладбище. Тамъ преподобный Макарій сказалъ Іеракиту, чтобы онъ вызвалъ изъ гроба какого-нибудь усопшаго изъ братій. Но Іеракитъ сказалъ Макарію:

— Сначала ты это сдѣлай, потому что ты самъ назначилъ такое испытаніе.

Тогда преподобный Макарій простерся на молитву ко Господу и, послѣ продолжительной молитвы, возвелъ свои глаза горѣ и воззвалъ ко Господу:

— Господи! Ты Самъ яви нынѣ, кто изъ насъ двоихъ правильнѣе вѣруетъ (въ Тебя), яви же сіе, устроивъ такъ, чтобы возсталъ изъ гроба одинъ изъ лежащихъ здѣсь мертвецовъ.

Помолившись такъ, преподобный назвалъ по имени одного недавно погребеннаго инока, и мертвый тотчасъ отвѣтилъ на его голосъ изъ гроба. Тогда иноки поспѣшно раскопали могилу и нашли въ ней своего собрата воскресшимъ. Развязавъ бывшія на немъ повязки, они вывели его живымъ изъ могилы. При видѣ столь дивнаго чуда Іеракитъ пришелъ въ такой ужасъ, что обратился въ бѣгство. Всѣ иноки гнали его, какъ прогоняютъ враговъ, и отогнали далеко за предѣлы той земли.

Въ другой разъ преподобный Макарій также воскресилъ еще другого умершаго, о чемъ повѣствуетъ авва Сисой [1]).

---

[1]) *Преп. Сисой Великій* — пустынножитель горы св. Антонія. Подвизался въ концѣ III и въ началѣ IV в., скончался около 429 г. Память его—6 іюля.

— Я находился,—разсказываетъ онъ,—съ преподобнымъ Макаріемъ въ скиту. Наступила въ это время пора жатвы хлѣба. Семеро изъ братій нанялись для жатвы. Во время ея одна вдова подбирала за нами колосья и при этомъ все время плакала. Преподобный Макарій, призвавъ хозяина нивы, спросилъ его:

— Что это такое произошло съ сей женщиной, и почему она непрестанно плачетъ?

Хозяинъ нивы разсказалъ преподобному, что мужъ той женщины, взявъ на сохраненіе у одного человѣка деньги, внезапно умеръ, не успѣвъ открыть своей женѣ, куда онъ положилъ взятое имъ. Посему и желаетъ заимодавецъ тотъ взять эту женщину съ ея дѣтьми въ рабство. Тогда Макарій сказалъ ему:

— Скажи женщинѣ, чтобы она пришла къ намъ на то мѣсто, гдѣ мы отдыхаемъ въ полдень.

Когда она исполнила слова преподобнаго и пришла къ нему, преподобный Макарій спросилъ ее:

— Отчего ты постоянно плачешь, женщина?

— Оттого, — отвѣчала вдова, — что мой мужъ внезапно умеръ, а незадолго до смерти взялъ у одного человѣка на сохраненіе золото и не сказалъ мнѣ о томъ, куда положилъ взятое золото.

— Покажи намъ, гдѣ погребенъ твой мужъ,—сказалъ Макарій.

Взявъ съ собою братію, преподобный пошелъ на указанное мѣсто. Подойдя къ могилѣ мужа той вдовы, преподобный сказалъ ей:

— Ступай къ себѣ домой, женщина!

Затѣмъ, помолившись, Макарій воззвалъ къ мертвецу, спрашивая его, гдѣ положилъ онъ взятое имъ золото. Тогда мертвый отвѣчалъ изъ могилы:

— Я спряталъ его въ своемъ домѣ въ ногахъ подъ моею постелью.

— Почивай опять,—сказалъ ему авва Макарій,—до дня всеобщаго воскресенія!

Братія, увидавъ такое чудо, отъ сильнаго страха упали къ ногамъ преподобнаго. Старецъ въ назиданіе братіи сказалъ:

— Все это произошло не ради меня, ибо я—ничто, но ради вдовицы сей и дѣтей ея сотворилъ Богъ чудо сіе. Знайте же, что Богъ соизволяетъ безгрѣшной душѣ, и чего она ни попроситъ отъ Него, получаетъ.

Затѣмъ преподобный пошелъ ко вдовицѣ и указалъ ей, гдѣ скрыто взятое ея мужемъ золото. Та взяла спрятанное сокровище

и отдала владѣльцу его, и, такимъ образомъ, избавила отъ рабства какъ себя, такъ и дѣтей своихъ. Услыхавъ о такомъ дивномъ чудѣ, всѣ прославили Бога.

Руфинъ пресвитеръ[1]) повѣствуетъ еще и о воскрешеніи преподобнымъ Макаріемъ третьяго мертвеца. Однажды,—разсказываетъ онъ,—невинный человѣкъ былъ обвиненъ въ убійствѣ, случившемся въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ была келлія преподобнаго. Обвиняемый прибѣжалъ къ жилищу Макарія, куда за нимъ пришли и тѣ, которые хотѣли схватить его какъ убійцу и предать законному суду. Онъ же божился и клялся, что не виновенъ въ крови убитаго, но обвинители старались представить его виновнымъ. Когда и обвинители, и обвиняемый въ теченіе продолжительнаго времени спорили между собою, преподобный Макарій спросилъ:

— Гдѣ погребенъ убитый?

Узнавъ мѣсто погребенія, преподобный всталъ и отправился туда вмѣстѣ съ пришедшими къ нему. Помолившись долгое время надъ могилой колѣнопреклоненно, преподобный сказалъ предстоящимъ обвинителямъ:

— Самъ Господь нынѣ явитъ, дѣйствительно ли этотъ человѣкъ, обвиняемый вами въ убійствѣ, виновенъ въ немъ.

Воззвавъ, затѣмъ, громкимъ голосомъ, Макарій назвалъ убитаго по имени. И тотъ отвѣчалъ изъ могилы на его зовъ, и преподобный спросилъ его:

— Вѣрою Іисуса Христа, Сына Божія, повелѣваю тебѣ отвѣтить намъ, тѣмъ ли человѣкомъ убитъ ты, который приведенъ сюда.

Тотчасъ мертвецъ яснымъ голосомъ отвѣтилъ изъ могилы, что онъ убитъ не этимъ человѣкомъ и его обвиняютъ въ убійствѣ напрасно. Всѣ пришедшіе на могилу, пораженные симъ дивнымъ чудомъ, пали на землю. Припавъ, затѣмъ, къ ногамъ преподобнаго, они стали усиленно просить его, чтобы онъ вторично вопросилъ мертвеца о томъ, кѣмъ онъ убитъ. Но преподобный Макарій отвѣтилъ имъ:

— Не буду спрашивать о семъ, ибо достаточно для меня того, что я избавилъ отъ гибели невиннаго человѣка, виновнаго же предавать суду не буду.

---

[1]) *Руфинъ*—пресвитеръ Аквилейскій—родился около 345 г., скончался въ 410 г.,—церковный писатель. Изъ сочиненій его извѣстны: «Исторія монашества», «Исторія Церкви», «Апологіи святаго Іеронима» (2 книги).

Палладій въ Лавсаикѣ[1]) повѣствуетъ еще о преподобномъ Макаріи слѣдующее.

Одинъ разъ къ преподобному былъ приведенъ матерью одержимый бѣсомъ юноша. Онъ былъ связанъ, и его держали двое сильныхъ мужей. Въ него вселился бѣсъ обжорства: такъ, онъ съѣдалъ три огромныхъ хлѣба и выпивалъ большой сосудъ воды и все это извергалъ вонъ, обращая все съѣденное и выпитое какъ бы въ какой паръ или дымъ. А пища и питіе истреблялись въ немъ, какъ бы огнемъ. Если же мать того юноши не позволяла ему столь много ѣсть и пить, то онъ употреблялъ въ пищу даже свои испражненія. Она съ плачемъ умоляла преподобнаго Макарія, чтобы онъ помиловалъ сына ея и исцѣлилъ его отъ такого ужаснаго бѣснованія. Преподобный началъ усердно молиться за юношу ко Господу и, спустя два дня, юношѣ уже сдѣлалось легче, и онъ меньше сталъ просить ѣсть и пить. Тогда преподобный спросилъ мать юноши:

— Сколько ты желаешь, чтобы съѣдалъ твой сынъ?

— Десять литръ[2]) хлѣба, — отвѣчала женщина.

Но преподобный съ укоризною сказалъ ей:

— Зачѣмъ ты желаешь столь много, женщина?

Послѣ семидневнаго поста и усердной молитвы къ Богу преподобный изгналъ изъ юноши бѣса—и, по молитвамъ преподобнаго, юноша сталъ насыщаться въ день тремя литрами хлѣба. Сдѣлавъ наставленіе юношѣ проводить жизнь свою не въ праздности, но жить трудомъ рукъ своихъ, преподобный, по благодати Божіей, совершенно исцѣливъ его, передалъ его матери и отпустилъ обоихъ съ миромъ.

Въ прологѣ о преподобномъ Макаріи разсказывается еще слѣдующее. Однажды преподобный находился въ пути, и, когда его застигла ночь, онъ вошелъ на языческое кладбище, чтобы тамъ

---

[1]) *Палладій Еленопольскій* (368—430 гг.), ученикъ преподобнаго Дороѳея, уроженецъ Галліи, въ 388 году прибылъ въ Александрію, откуда потомъ удалился въ близлежащую пустыню, гдѣ подвизался и преп. Дороѳей, и потомъ переселился въ Виѳлеемъ. Въ 399 году избранъ въ епископа Еленопольскаго, въ Виѳиніи, въ Малой Азіи. Послѣ того императоръ Аркадій сослалъ его—какъ сторонника св. Іоанна Златоуста—въ Верхній Египетъ, откуда въ 408 году онъ перемѣщенъ въ Антиною, а въ 412 году возвращенъ на свою каѳедру, въ Еленополь. По просьбѣ Каппадокійскаго префекта Лавса, въ 420 г. онъ составилъ собраніе жизнеописаній святыхъ и сказаній о нихъ, которое въ честь его назвалъ «Лавсаикомъ». Ввиду назидательности и поучительности этого сборника церковнымъ уставомъ полагаются чтенія изъ него на Утреняхъ святой Четыредесятницы.

[2]) *Литра*—фунтъ, византійская мѣра вѣса, равная 72 золотникамъ.

переночевать. Найдя тамъ одну старую кость умершаго язычника, преподобный положилъ ее себѣ въ изголовье. Бѣсы, видя таковое дерзновеніе Макарія, ополчились на него и, желая его устрашить, стали кричать, называя кость женскимъ именемъ:

— Ступай мыться въ баню.

На этотъ призывъ отвѣтилъ демонъ, который находился въ мертвой кости, положенной преподобнымъ Макаріемъ подъ голову.

— Странника я имѣю надъ собою,—сказалъ онъ,—и потому не могу придти.

Преподобный не устрашился сихъ бѣсовскихъ козней, но съ дерзновеніемъ сталъ бить взятую имъ кость, сказавъ:

— Встань и иди, если можешь.

Лишь только онъ произнесъ эти слова, бѣсы громкими голосами возопили и закричали ему:

— Во всемъ ты побѣждаешь насъ, Макарій, — и отступили отъ преподобнаго посрамленные.

Въ другой разъ преподобный Макарій шелъ по пустынѣ и нашелъ высохшій человѣческій черепъ, лежавшій на землѣ. Повернувъ его своимъ жезломъ, преподобный услыхалъ, какъ будто онъ издалъ какой-то звукъ. Тогда Макарій спросилъ черепъ:

— Кто ты такой?

— Я,—отвѣчалъ тотъ,—былъ начальникомъ языческихъ жрецовъ, обитавшихъ на семъ мѣстѣ. Когда ты, авва Макарій, исполненный Духа Божія, умилосердившись надъ находящимися въ мукахъ въ аду, молишься за насъ, мы тогда получаемъ нѣкоторое облегченіе.

— Какое же облегченіе получаете вы,—спросилъ Макарій,— и каковы ваши мученія, разскажи мнѣ?

— Какъ далеко отстоитъ небо отъ земли,—отвѣчалъ со стономъ черепъ,—такъ великъ огонь, среди котораго мы находимся, палимые отовсюду съ ногъ до головы. При этомъ мы не можемъ видѣть лицъ другъ друга. Когда же ты молишься за насъ, мы видимъ немного другъ друга, и это служитъ намъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ.

Услыхавъ такой отвѣтъ, преподобный прослезился и сказалъ:

— Проклятъ тотъ день, когда человѣкъ преступилъ Божественныя заповѣди.

И снова онъ спросилъ черепъ:

— Есть ли какія-либо другія мученія, лютѣйшія вашихъ?

— Внизу, намного глубже подъ нами, находятся многія другія, — отвѣчалъ тотъ.

— Кто же находится среди тѣхъ лютѣйшихъ мученій? — спросилъ Макарій.

— Мы, не знавшіе Бога,—отвѣтилъ черепъ,—хотя и немного—еще ощущаемъ милосердіе Божіе. Тѣ же, которые познали Имя Божіе, но отверглись Его и заповѣдей Его не соблюдали, мучаются внизу насъ гораздо болѣе тяжкими и лютѣйшими мученіями.

Послѣ сего преподобный Макарій взялъ тотъ черепъ, закопалъ его въ землю и удалился оттуда.

Преподобный Макарій,—повѣствуетъ еще о немъ Руфинъ,—проживалъ въ великой пустынѣ, имѣя тамъ келлію, а монастырь его находился ниже, въ другой пустынѣ; въ немъ было много братій. Однажды Макарій сидѣлъ на дорогѣ, ведущей въ монастырь. Вдругъ онъ видитъ діавола, идущаго въ человѣческомъ образѣ, одѣтаго въ мохнатую одежду и всего обвѣшаннаго тыквами. Макарій спросилъ его:

— Куда ты идешь, дышащій злобою?

— Иду искушать братію,—отвѣчалъ тотъ.

— Для чего ты несешь эти тыквы, надѣтыя на тебѣ? —спросилъ Макарій.

— Я несу,—отвѣчалъ діаволъ,—кушанья братіи.

— Во всѣхъ ли тыквахъ находятся кушанья? —спросилъ преподобный.

— Во всѣхъ,—отвѣчалъ діаволъ,—если кому-нибудь не понравится одно, я предложу другое, третье и т. д., чтобы каждый попробовалъ хоть одного.

Сказавъ это, діаволъ удалился.

Преподобный же остался на дорогѣ, желая видѣть возвращеніе діавола. Увидѣвъ, что онъ возвращается, Макарій спросилъ:

— Хорошо ли сходилъ въ обитель?

— Плохо,—отвѣтилъ діаволъ,—да и какъ я могъ достигнуть успѣха?

— Почему же? — спросилъ преподобный.

— Потому, что всѣ иноки ополчились на меня,—отвѣчалъ діаволъ,—и никто меня не принялъ.

— Неужели ты не имѣешь ни одного инока, который бы слушался тебя? —спросилъ снова Макарій.

— Только одного и имѣю,—отвѣчалъ діаволъ,—который меня слушается. Когда я прихожу къ нему, онъ вертится около меня, какъ волчокъ.

— Какое онъ носитъ имя? —спросилъ преподобный.

— Θеопемптъ! — отвѣчалъ діаволъ; и, сказавъ это, удалился.

Тогда авва Макарій всталъ и пошелъ въ дальнюю пустыню въ названный монастырь. Братія, услышавъ, что къ нимъ идетъ преподобный, съ пальмовыми вѣтвями вышли ему навстрѣчу, и каждый изъ нихъ приготовилъ свою келлію, думая, что у него преподобный захочетъ остановиться. Но Макарій спросилъ иноковъ:

— Кто изъ васъ называется Θеопемптомъ?

Когда ему указали Θеопемпта, онъ вошелъ къ нему въ келлію. Тотъ принялъ преподобнаго съ великою радостію. Оставшись наединѣ съ Θеопемптомъ, преподобный Макарій спросилъ его:

— Какъ ты поживаешь, братъ?

— Хорошо, —отвѣчалъ тотъ,—по молитвамъ твоимъ, отче!

— Не искушаютъ ли тебя,—спросилъ преподобный,—какіе-либо грѣховные помыслы?

Стыдясь открыть свои грѣховныя помышленія, инокъ отвѣтилъ:

— Нѣтъ! Теперь меня ничто не искушаетъ.

Тогда преподобный Макарій сказалъ со вздохомъ:

— Вотъ уже сколько лѣтъ я подвизаюсь въ постѣ и молитвѣ, такъ что меня всѣ почитаютъ, но все же, несмотря на мои старые годы, меня сильно искушаетъ бѣсъ любодѣйства.

На это Θеопемптъ сказалъ:

— Дѣйствительно, отче, и я сильно охваченъ духомъ любодѣйства.

Преподобный такимъ же образомъ спрашивалъ инока и о другихъ грѣхахъ, смущающихъ его душу, пока тотъ не исповѣдалъ ему всѣ свои согрѣшенія. Послѣ сего преподобный спросилъ инока:

— Сколько времени ты постишься?

— До девятаго часа, — отвѣчалъ тотъ.

— Постись до вечера,—сказалъ преподобный—и поучайся изъ святаго Евангелія и изъ другихъ Святыхъ книгъ, чтобы всегда упражняться въ богомысліи. Если же на тебя нападутъ какіе-либо грѣховные помыслы, борись съ ними и никогда не спускайся умомъ долу, но устремляй свой умъ всегда горѣ, и Господь тебѣ поможетъ.

Утвердивъ такимъ образомъ Θеопемпта, преподобный возвратился въ свою пустыню. Тамъ, сидя при дорогѣ, онъ снова

увидалъ діавола, идущаго въ монастырь. Преподобный спросилъ его.

— Куда ты идешь?

— Иду искушать братію,—отвѣчалъ діаволъ.

И, сказавъ такъ, пошелъ дальше. Когда же возвращался, преподобный спросилъ его:

— Какъ ты нашелъ братію?

— Теперь всѣ ополчились противъ меня,—отвѣчалъ діаволъ,— даже и тотъ, который прежде былъ моимъ другомъ и всегда слушался меня, и тотъ теперь, не понимаю, кѣмъ-то развращенъ и совершенно не слушается меня. Напротивъ, онъ теперь ополчается противъ меня больше, нежели всѣ другіе иноки. И я теперь поклялся уже болѣе не приходить въ тотъ монастырь, развѣ только спустя долгое время.

Сказавъ такъ, діаволъ удалился. А преподобный Макарій возвратился въ свою келлію.

Однажды къ преподобному Макарію пришли въ скитъ два странника—одинъ былъ съ бородой, другой моложе—имѣлъ только усы. Пришедшіе спросили преподобнаго:

— Гдѣ находится келлія аввы Макарія?

— Чего вы желаете отъ него?—спросилъ ихъ преподобный.

Они отвѣчали:

— Мы много слышали о немъ и о его жизни отъ скитскихъ отцовъ и пришли, чтобы увидать его.

Тогда преподобный сказалъ имъ:

— Это я самый.

Они, поклонившись ему до земли, сказали:

— Мы желали бы поселиться здѣсь.

Преподобный, видя, что они еще молоды и люди состоятельные, отвѣтилъ имъ:

— Вы не сможете прожить здѣсь.

На это младшій возразилъ ему:

— Если ты не дозволишь намъ здѣсь остаться, мы уйдемъ въ другое мѣсто.

Преподобный Макарій тогда подумалъ: зачѣмъ я прогоню ихъ, а они соблазнятся? Лучше я приму ихъ, и они сами отъ великихъ пустынныхъ трудовъ убѣгутъ отсюда. Обратясь къ нимъ, онъ сказалъ:

— Селитесь здѣсь и, если можете, постройте себѣ келлію.

И онъ далъ имъ топоръ, корзину съ хлѣбомъ и соль и, отведя ихъ вглубь пустыни, указалъ имъ одно каменистое мѣсто и сказалъ:

— Постройте здѣсь себѣ келлію, принеся для этого деревья съ луга, и живите здѣсь.

При этомъ преподобный подумалъ, что они не вынесутъ трудности пустыннической жизни и убѣгутъ оттуда. Юноши тѣ спросили Макарія:

— Какимъ рукодѣліемъ занимаются иноки?

— Они плетутъ корзины, — отвѣчалъ преподобный.

И, взявъ финиковыя вѣтви, началъ плести веревку, сказавъ:

— Изъ этого плетутся корзины. Такъ и вы дѣлайте и готовыя отдавайте церковнымъ сторожамъ. Они же за это будутъ приносить вамъ хлѣбъ и соль.

И преподобный оставилъ ихъ однихъ.

Юноши стали терпѣливо исполнять все, что заповѣдалъ имъ преподобный Макарій, и не приходили къ нему въ теченіе трехъ лѣтъ. Вспомнивъ о нихъ, преподобный подумалъ: «Что дѣлаютъ эти два юноши и почему не приходятъ ко мнѣ открыть свои помышленія? Вотъ, многіе приходятъ издалека, а эти и близко живутъ, но не приходятъ ко мнѣ». Это же происходило потому, что юноши тѣ никуда не ходили, только въ церковь (гдѣ стояли въ молчаніи), чтобы причаститься Пречистыхъ Христовыхъ Таинъ. Преподобный въ теченіе цѣлой недѣли молился Богу, совершенно не вкушая пищи; онъ просилъ, чтобы Господь открылъ ему подвиги двухъ братьевъ. По прошествіи недѣли преподобный Макарій отправился къ нимъ, желая видѣть, какъ они живутъ. Когда онъ, придя, постучался въ дверь ихъ келліи, они отворили ему и, увидавъ преподобнаго, поклонились ему до земли. А преподобный, сотворивъ молитву, сѣлъ. Старшій далъ знакъ младшему, и тотъ вышелъ изъ келліи, а самъ онъ сѣлъ и сталъ плести корзину, не произнося ни слова. Въ девятомъ часу дня, постучавшись, пришелъ младшій и, приготовивъ немного вареной пищи, предложилъ трапезу, положивъ три ломтя хлѣба, а самъ сталъ молча.

— Подойдите, — сказалъ преподобный, — и вкусимъ хлѣба.

И ѣли, благодаря Господа. Затѣмъ младшій принесъ воды, и они напились. Когда же наступилъ вечеръ, иноки спросили преподобнаго:

— Отче! Уйдешь ли ты отсюда?

Но онъ сказалъ имъ:

— Нѣтъ! Я ночую здѣсь.

Тогда они постлали преподобному въ одномъ углу келліи рогожу, а въ другомъ легли сами—также на рогожѣ. Наступила ночь. Преподобный Макарій всталъ и сталъ молиться Богу, чтобы Онъ открылъ ему добродѣтель юношей. Въ полночь внезапно раскрылась крыша келліи, и возсіялъ сильный свѣтъ. Но два брата тѣ не видали свѣта; думая, что преподобный спитъ, старшій толкнулъ младшаго, и, вставъ, оба они препоясались и, воздѣвая руки къ Небу, тайно молились. Преподобный увидалъ множество демоновъ, которые, какъ мухи, окружили младшаго брата, и одни изъ демоновъ хотѣли сѣсть на устахъ его, другіе на глазахъ. Но явился Ангелъ Господень съ огненнымъ мечомъ въ рукахъ, которымъ и защищалъ его, отгоняя отъ него демоновъ. Къ старшему же брату демоны не осмѣливались даже и приблизиться. Къ утру оба брата снова легли и уснули. Наутро преподобный Макарій сдѣлалъ видъ, будто онъ только что проснулся. И всѣ они встали. Старшій братъ спросилъ преподобнаго:

— Отче! Желаешь ли, чтобы мы стали читать двѣнадцать Псалмовъ?

— Желаю,—отвѣчалъ преподобный.

Сначала началъ пѣть младшій братъ, и послѣ каждаго стиха изъ устъ его выходила какъ бы огненная свѣча и поднималась на Небо. Потомъ началъ пѣть старшій; изъ его устъ выходилъ огонь какъ бы какая длинная веревка и достигалъ до Неба. Послѣ окончанія утренняго правила преподобный пожелалъ удалиться въ свое жилище. Когда онъ уходилъ, то сказалъ братіямъ:

— Молитесь обо мнѣ, братіе.

Въ отвѣтъ на его слова они поклонились ему до земли, молча; и преподобный ушелъ отъ нихъ. Такъ преподобный Макарій узналъ, что старшій братъ уже достигъ полнаго совершенства въ добродѣтеляхъ, а съ младшимъ еще борется врагъ-діаволъ. Спустя немного времени послѣ посѣщенія братьевъ преподобнымъ Макаріемъ преставился ко Господу старшій братъ, а чрезъ три дня послѣ его кончины почилъ и младшій. Когда впослѣдствіи приходили къ преподобному кто-нибудь изъ честныхъ отцовъ, онъ приводилъ ихъ въ келлію тѣхъ двухъ братьевъ и говорилъ:

— Пойдемте, посмотримъ на то мѣсто, гдѣ подвизались великіе рабы Христовы.

Однажды когда преподобный Макарій молился, къ нему былъ Голосъ, который говорилъ:

— Макарій! Ты не достигъ еще такого совершенства въ добродѣтельной жизни, какъ двѣ женщины, проживающія вмѣстѣ въ ближайшемъ городѣ.

Получивъ такое откровеніе, преподобный взялъ свой посохъ и пошелъ въ тотъ городъ. Найдя тамъ домъ, гдѣ жили означенныя женщины, Макарій постучался въ дверь. Тотчасъ одна изъ тѣхъ женщинъ вышла на стукъ и, увидавъ преподобнаго, съ великою радостію приняла его въ свой домъ. Призвавъ къ себѣ обѣихъ женщинъ, преподобный сказалъ имъ:

— Ради васъ я принялъ на себя такой великій подвигъ, придя сюда изъ дальней пустыни, ибо я желаю знать ваши добрыя дѣла, о которыхъ и прошу васъ разсказать мнѣ, ничего не скрывая.

— Повѣрь намъ, честный отче,—отвѣчали женщины,—что мы еще прошлую ночь раздѣляли ложе свое съ своими мужьями: какія же добродѣтели ты желаешь найти въ насъ?

Но преподобный настаивалъ, чтобы онѣ разсказали ему образъ своей жизни. Тогда, убѣжденныя имъ, женщины сказали:

— Мы не были родственницами между собою прежде, но потомъ мы вышли замужъ за двухъ родныхъ братьевъ, и вотъ уже пятнадцать лѣтъ мы живемъ всѣ вмѣстѣ въ одномъ домѣ; во все время своей совмѣстной жизни мы не сказали другъ другу ни одного злобнаго или дурного слова и никогда не ссорились между собою. Но до настоящаго времени прожили въ мирѣ и согласіи между собою и недавно единомысленно рѣшили оставить своихъ плотскихъ супруговъ и удалиться въ сонмъ святыхъ дѣвъ, служащихъ Богу. Но мы не можемъ упросить нашихъ мужей, чтобы они отпустили насъ, хотя съ большою настойчивостью и многими слезами молили ихъ объ этомъ. Не получивъ желаемаго разрѣшенія, мы заключили завѣтъ съ Богомъ и между собою—не произносить ни одного мірскаго слова до самой смерти нашей.

Выслушавъ ихъ разсказъ, преподобный Макарій сказалъ:

— Поистинѣ Богъ не ищетъ ни дѣвы, ни замужней, ни инока, ни мірянина, но свободнаго намѣренія, принимая его, какъ самое дѣло, и добровольному произволенію всякаго человѣка подаетъ благодать Святаго Духа, дѣйствующаго въ человѣкѣ и управляющаго жизнію каждаго, желающаго спастись.

Во дни жизни сего преподобнаго Макарія Египетскаго просіялъ добродѣтельною жизнію въ тѣхъ же пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ и Макарій Египетскій, другой преподобный—Макарій Александрійскій. Онъ былъ пресвитеромъ въ монастырѣ, носившемъ наименованіе Келліи [1]). Мѣстность эта находилась въ пустынѣ между Нитріею и скитомъ. Сей блаженный Макарій Александрійскій часто приходилъ къ преподобному Макарію Египетскому и многократно они вмѣстѣ ходили по пустынѣ, ибо они питали другъ къ другу великую любовь. Когда воцарился нечестивый императоръ Валентъ аріанинъ [2]), то воздвигъ весьма жестокое гоненіе на православныхъ. Въ Александрію, по царскому распоряженію, прибылъ Лукій, аріанскій епископъ [3]), съ многочисленнымъ войскомъ, который свергъ съ епископской каѳедры православнаго епископа—блаженнаго Петра, преемника святаго Аѳанасія Великаго. Кромѣ сего, епископъ Лукій послалъ воиновъ въ пустыню, чтобы схватить и отправить въ изгнаніе всѣхъ святыхъ отцовъ пустынниковъ. Въ числѣ первыхъ были схвачены оба преподобныхъ Макарія. Воины взяли ихъ ночью и, посадивъ на корабль, отвезли на одинъ отдаленный островъ, жители котораго не знали Истиннаго Бога, но поклонялись идоламъ. У одного изъ идольскихъ жрецовъ, бывшихъ на томъ островѣ, была дочь, одержимая бѣсомъ. Почувствовавъ пришествіе преподобныхъ вмѣстѣ съ другими отцами на островъ, дѣвица эта побѣжала навстрѣчу имъ, громко взывая:

—Для чего вы пришли сюда? Вѣдь этотъ островъ—наше давнишнее жилище.

Преподобные, сотворивъ молитву, изгнали бѣса изъ дѣвицы, и она стала совершенно здоровою. Увидавъ это, отецъ ея, идоль-

---

[1]) Здѣсь разумѣется *пустыня Келлій*, которая отстояла отъ горы Нитрійской около 7 верстъ къ юго-востоку. Это была обширная пустыня, въ которой разсѣяны были келліи отшельниковъ въ такомъ разстояніи, чтобы нельзя было ни видѣть, ни слышать другъ друга. Въ пустыню Келлій удалялись обыкновенно любители уединенія изъ горы Нитрійской, послѣ того какъ уже утвердились въ жизни иноческой. Здѣсь они проводили жизнь болѣе безмолвную, и ихъ келліи такъ удалены были другъ отъ друга, что ни взоръ, ни слухъ не развлекалъ близкимъ сожитіемъ другихъ братій. У иноковъ было поставлено правиломъ не ходить одному въ келлію другого, чтобы не нарушать безмолвія. Только по субботамъ и воскресеньямъ они собирались въ храмъ для общаго Богослуженія. Пустыня Келлій управлялась пресвитерами, между которыми былъ особенно извѣстенъ преподобный Макарій Александрійскій.

[2]) *Императоръ Валентъ* царствовалъ съ 364 по 378 г.

[3]) *Аріанинъ Лукій*, занявшій александрійскую патріаршую каѳедру послѣ святаго Аѳанасія Великаго.

скій жрецъ, тотчасъ увѣровалъ во Христа и принялъ Святое Крещеніе. Также и всѣ жители того острова обратились ко Христу и обратили свой языческій храмъ въ христіанскую церковь. Узнавъ о случившемся, нечестивый епископъ Лукій былъ сильно пристыженъ, что онъ таковыхъ великихъ отцовъ изгналъ изъ ихъ монастырей. Посему онъ тайно послалъ, чтобы снова возвратили блаженныхъ Макаріевъ и всѣхъ, бывшихъ съ ними, святыхъ отцовъ въ мѣста ихъ прежняго обитанія. Такимъ образомъ преподобный Макарій Египетскій снова возвратился въ скитскую пустыню, а преподобный Макарій Александрійскій—въ вышеназванное мѣсто Келлій; также и прочіе честные отцы возвратились въ свои обители.

Между тѣмъ къ преподобному Макарію Египетскому отовсюду приходило множество народа: одни—ради душевной пользы, чтобы получить отъ него наставленія, иные—для исцѣленія отъ недуговъ своихъ, и таковыхъ болящихъ къ нему стекалось великое множество. Поэтому явилась необходимость въ построеніи гостинницы, гдѣ бы могли находить пріютъ странники и больные. Это и устроилъ преподобный Макарій. Каждый день онъ имѣлъ обычай исцѣлять одного болящаго, помазуя его святымъ елеемъ и совершенно здоровымъ отпуская домой. Такъ поступалъ преподобный, имѣя ту мудрую цѣль, чтобы другіе болящіе, не сразу имъ исцѣленные, проживали у него нѣкоторое время и тѣмъ получали врачеваніе не только тѣла, но и души, внимая въ это время его богодухновеннымъ поученіямъ. Для служенія при гостинницѣ преподобный поставилъ одного изъ иноковъ. Инокъ этотъ, смущаемый бѣсомъ, предался страсти любостяжанія, для удовлетворенія которой сталъ утаивать понемногу изъ того, что отпускалось на содержаніе бѣдныхъ. Преподобный Макарій узналъ объ этомъ, и призвавъ къ себѣ инока, сдѣлалъ ему наставленіе, сказавъ:

— Братъ Іоаннъ! Послушайся меня и прими мое наставленіе, которое да послужитъ тебѣ на пользу. Вотъ, тебя искушаетъ духъ сребролюбія,—ибо это открыто мнѣ,—и я знаю, что если ты примешь мое наставленіе и перестанешь поступать грѣховно, то окончишь дни свои въ страхѣ Божіемъ, и въ дѣлахъ благихъ успѣешь, и на мѣстѣ семъ прославишься, **и҆ ра́на не прибли́житсѧ тѣлесѝ твоемꙋ̀**[1]). Если же ты не послушаешь меня и не перестанешь согрѣ-

[1]) Псал. 90, ст. 10.

шать, то тебя постигнетъ участь Гіезія, страстью котораго ты страдаешь[1]).

Но Іоаннъ не послушался преподобнаго и не переставалъ совершать свое дурное дѣло. Спустя пятнадцать или двадцать лѣтъ послѣ блаженной кончины преподобнаго Макарія, въ теченіе которыхъ названный инокъ продолжалъ работать на наложившаго на него петлю сребролюбія Іудина, присваивая себѣ часть содержанія, назначеннаго для убогихъ, внезапно все тѣло его было поражено проказой, и онъ умеръ, не только погубивъ грѣховно собранное имъ имущество, но и душу свою.

Однажды преподобный Макарій пошелъ изъ скита къ Нитрійской горѣ съ однимъ изъ своихъ учениковъ. Когда они уже приближались къ горѣ, преподобный сказалъ своему ученику:

— Пойди немного впереди меня.

Ученикъ пошелъ впереди преподобнаго и встрѣтилъ языческаго жреца, поспѣшно идущаго ему навстрѣчу и несшаго большое бревно. Увидавъ его, инокъ закричалъ:

— Слышишь ли, слышишь ли, ты, демонъ! Куда ты идешь?

Жрецъ остановился и сильно побилъ инока, такъ что онъ едва остался живъ. Схвативъ затѣмъ, брошенное было, бревно, жрецъ убѣжалъ. Спустя немного ему встрѣтился преподобный Макарій, который сказалъ ему:

— Спасайся, трудолюбецъ, спасайся.

Удивленный такими словами преподобнаго, жрецъ остановился и спросилъ его:

— Что хорошаго ты усмотрѣлъ во мнѣ, что привѣтствуешь меня такими словами?

— Я вижу, что ты трудишься, — отвѣчалъ преподобный.

Тогда жрецъ сказалъ:

— Умилился я, отче, отъ твоихъ словъ, ибо я вижу чрезъ это, что ты человѣкъ Божій. Вотъ предъ тобою встрѣтился со мной другой инокъ, который бранилъ меня, и я исколотилъ его до смерти.

И съ этими словами жрецъ припалъ къ ногамъ преподобнаго, обнимая ихъ и говоря:

— Не оставлю я тебя, отче, до тѣхъ поръ, пока ты не обратишь меня въ христіанство и не содѣлаешь инокомъ.

---

[1]) 4 Кн. Царствъ, гл. 5, ст. 15—16, 20—27.

И онъ пошелъ вмѣстѣ со святымъ Макаріемъ. Пройдя немного, они подошли къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ избитый жрецомъ инокъ, и нашли его едва живымъ. Взявъ его, они принесли его въ церковь, находящуюся на Нитрійской горѣ. Проживающіе тамъ отцы, увидя вмѣстѣ съ преподобнымъ Макаріемъ языческаго жреца, весьма изумились. Потомъ, окрестивъ его, они сдѣлали его инокомъ, и ради него множество язычниковъ обратилось въ христіанство. Авва же Макарій далъ по сему случаю такое наставленіе:

— Злое слово,—говорилъ онъ,—и добрыхъ дѣлаетъ злыми, доброе же слово и злыхъ содѣлываетъ добрыми.

Однажды преподобный Макарій пришелъ въ обитель аввы Памвы[1]). Здѣсь старцы просили преподобнаго:

— Скажи, отче, слово для назиданія братіи.

Соглашаясь на ихъ просьбу, Макарій сталъ такъ говорить:

— Простите меня, ибо я плохой инокъ; но я видѣлъ иноковъ. Такъ, однажды я сидѣлъ въ скиту въ своей келліи, и мнѣ пришло помышленіе пойти во внутреннюю пустыню, чтобы посмотрѣть, что тамъ такое. Въ теченіе пяти лѣтъ я боролся съ этой мыслію, думая, что это меня искушаютъ бѣсы. Но когда, и по истеченіи пяти лѣтъ, меня преслѣдовала та же мысль, то я рѣшился отправиться во внутреннюю пустыню. Придя туда, я нашелъ громадное болото, посрединѣ котораго увидалъ островъ. Въ это время пустынные звѣри пришли, чтобы напиться воды. Среди звѣрей я увидалъ двухъ нагихъ людей, и все тѣло мое затрепетало, ибо я подумалъ, что вижу безтѣлесныхъ духовъ. Увидавъ, что я очень испугался, люди эти сказали мнѣ:

— Не бойся, ибо и мы такіе же, какъ и ты, люди.

Тогда я спросилъ ихъ:

— Откуда вы пришли въ эту пустыню?

— Мы изъ киновіи,—отвѣтили они,—посовѣтовавшись другъ съ другомъ, мы рѣшились придти сюда. И вотъ уже тридцать лѣтъ, какъ мы ушли изъ обители. Одинъ изъ насъ—египтянинъ, другой—ливіянинъ.

Потомъ и они спросили меня:

— Въ какомъ положеніи находится теперь міръ? Наполняются ли еще рѣки своими ручьями? Изобилуетъ ли земля обычными своими плодами?

---

[1]) Память его—18 іюля.

Я отвѣчалъ имъ: «да».

Затѣмъ снова спросилъ ихъ:

— Какимъ образомъ могу я сдѣлаться инокомъ?

Они отвѣчали мнѣ:

— Если человѣкъ не откажется отъ всего, что находится въ мірѣ, онъ не можетъ быть инокомъ.

На это я сказалъ:

— Немощенъ я, и потому не могу быть такимъ, какъ вы.

— Если ты не можешь быть такимъ, какъ мы,—сказали они,— тогда сиди въ своей келліи и сокрушайся о грѣхахъ своихъ.

И снова я спросилъ ихъ:

— Когда наступаетъ зима, не страдаете ли вы отъ сильной стужи? Равно такъ же, когда наступаетъ весьма жаркое лѣто, не опаляются ли ваши тѣла жарою?

Они на это отвѣтили мнѣ:

— Господь Богъ даровалъ намъ такія тѣла, что мы ни зимой не страдаемъ отъ мороза, ни лѣтомъ—отъ зноя.

«Вотъ почему я сказалъ вамъ братіе,—окончилъ преподобный Макарій свою рѣчь,—что я еще не сдѣлался инокомъ, но иноковъ видѣлъ.»

Однажды преподобнаго Макарія спросили скитскіе отцы, какимъ образомъ онъ достигъ того, что тѣло его всегда остается худощавымъ? Ибо не только тогда, когда онъ постится, но даже и тогда, когда вкушаетъ пищу,—тѣло его всегда остается худощавымъ.

Преподобный Макарій далъ такой отвѣтъ вопрошавшимъ его:

— Какъ кочерга, которой переворачиваютъ горящія дрова и хворостъ въ печи, всегда опаляется огнемъ, такъ у человѣка, который устремляетъ умъ свой всегда ко Господу и всегда содержитъ въ памяти страшныя мученія въ огнѣ геенскомъ,—этотъ страхъ не только снѣдаетъ тѣло, но и изсушаетъ кости.

Затѣмъ братія снова спросили преподобнаго:

— Скажи намъ, отче, какъ надлежитъ молиться?

Преподобный далъ имъ такое наставленіе:

— Для молитвы не требуется многоглаголанія, но надобно воздѣвать свои руки горѣ и говорить: «Господи! Какъ Ты желаешь и какъ Ты Самъ знаешь, помилуй меня». Если же врагъ воздвигнетъ въ душѣ грѣховную брань, надлежитъ только произносить: «Господи, помилуй». Господь знаетъ, что для насъ полезно, и сотворитъ намъ милость.

Въ другой разъ авва Исаія попросилъ преподобнаго:

— Скажи мнѣ, отче, какое-нибудь наставленіе на пользу душевную.

— Бѣгай отъ людей, — отвѣчалъ ему преподобный Макарій.

— Что значитъ бѣгать отъ людей? — спросилъ тогда авва Исаія.

Преподобный отвѣчалъ ему:

— Сиди въ своей келліи и сокрушайся о грѣхахъ своихъ.

Ученику же своему Пафнутію[1]) преподобный сказалъ:

— Никого не обижай, не клевещи ни на кого,—поступая такъ, спасешься.

Кромѣ того, преподобный далъ еще и такое наставленіе:

— Не ночуй въ келліи брата, имѣющаго дурную славу.

Пришелъ къ преподобному и другой инокъ и спросилъ его:

— Авва, что мнѣ сдѣлать, чтобы спастись?

— Ступай на кладбище и брани умершихъ,— отвѣчалъ ему преподобный.

Инокъ пошелъ на кладбище и, какъ сказалъ ему преподобный, бранилъ тамъ мертвецовъ, разбивалъ камнями гробницы ихъ и, возвратившись, разсказалъ обо всемъ преподобному. Преподобный спросилъ его:

— Сказали ли что-либо тебѣ умершіе?

— Нѣтъ, ничего не сказали,— отвѣчалъ инокъ.

Тогда преподобный сказалъ:

— Ступай опять, и теперь хвали ихъ.

Инокъ пошелъ и началъ ублажать мертвецовъ разными похвалами:

— Апостолы, святые и праведники,—говорилъ онъ.

Затѣмъ, снова придя къ преподобному, онъ разсказалъ ему, что хвалилъ умершихъ.

— И теперь мертвые ничего не отвѣчали тебѣ? — спросилъ преподобный.

— Нѣтъ, не отвѣчали,—сказалъ тотъ.

Тогда преподобный далъ ему такое наставленіе:

— Видишь, —сказалъ онъ,—что ни тогда, когда ты бранилъ умершихъ, они ничего тебѣ не отвѣчали, и ни тогда, когда ты ублажалъ ихъ похвалами, они ничего тебѣ не отвѣтили. Такъ и

[1]) Пафнутій пресвитеръ; онъ раздѣлялъ съ преподобнымъ Макаріемъ бремя управленія скитскими иноками.

ты, если желаешь спастись, будь какъ мертвецъ: не гнѣвайся тогда, когда тебя безчестятъ, не превозносись тогда, когда тебя восхваляютъ. Поступая такъ, какъ эти мертвецы, спасешься.

Братія разсказывали еще о преподобномъ Макаріи слѣдующее. Если кто-либо приходилъ къ нему изъ братій, какъ къ святому и великому человѣку, преподобный ничего не говорилъ съ таковымъ. Если же какой-нибудь инокъ, нисколько не почитая преподобнаго, говорилъ ему:

— Авва! Когда ты былъ погонщикомъ верблюдовъ и самовольно бралъ селитру и продавалъ ее, не били ли тогда тебя старшіе тебя?

И когда кто-либо подобнымъ образомъ разговаривалъ съ преподобнымъ, онъ съ радостію бесѣдовалъ съ таковымъ и охотно отвѣчалъ на всѣ его вопросы.

Однажды старцы, жившіе на Нитрійской горѣ, прислали въ скитъ къ преподобному Макарію съ такой просьбой:

— Отче! Чтобы не утруждать все множество братій пришествіемъ къ тебѣ, ты самъ прежде, нежели отойдешь ко Господу, приди къ намъ.

Преподобный исполнилъ ихъ просьбу и пришелъ на Нитрійскую гору. Узнавъ о его пришествіи, собрались къ нему всѣ иноки, живущіе тамъ, и старцы усердно просили его, чтобы онъ сказалъ что-либо въ назиданіе братіи. Преподобный, прослезившись, сталъ такъ говорить:

— Братіе! Будемъ плакать, и пусть изъ нашихъ глазъ текутъ слезы, очищающія насъ прежде, нежели мы не перейдемъ туда, гдѣ слезы сожгутъ въ мукахъ наши тѣла.

Внимая наставленію преподобнаго, всѣ проливали слезы и, упавъ ницъ, просили его:

— Отче! Молись за насъ ко Господу.

Однажды преподобный Макарій, въ то время, когда онъ проживалъ еще въ Египтѣ, засталъ въ своей келліи вора, похищающаго вещи, находившіяся въ ней. Снаружи, около келліи, былъ привязанъ оселъ, на котораго воръ накладывалъ украденныя вещи. Преподобный, увидя это, не далъ понять вору, что онъ домохозяинъ, но показался какъ бы чужимъ. И не только не воспрепятствовалъ вору, но даже самъ сталъ ему помогать брать вещи и класть ихъ на осла. Потомъ съ миромъ отпустилъ его, размышляя въ себѣ:

— Мы ничего съ собой не принесли въ этотъ міръ,— ясно поэтому, что мы ничего не можемъ и унести отсюда. Все намъ далъ Господь, и какъ Онъ желаетъ, такъ все и происходитъ. Да будетъ благословенъ Богъ во всемъ!

О семъ же преподобномъ Макаріи отцы разсказывали, что подобно тому, какъ Богъ, хотя и видитъ весь міръ, но не караетъ грѣшниковъ, такъ и преподобный Макарій покрывалъ немощи человѣческія, какія онъ видѣлъ. И былъ онъ видящій — какъ бы не видящій, и слышащій — какъ бы не слышащій.

Случилось, что одинъ изъ учениковъ преподобнаго Макарія отправился въ городъ, чтобы продать рукодѣліе: корзины и рогожи. Въ городѣ съ нимъ встрѣтилась блудница, которая, увидавъ красиваго юношу, соблазнилась и призвала его къ себѣ, какъ бы желая купить продаваемыя имъ корзины. Инокъ, не понявъ ея лукаваго замысла, вошелъ къ ней въ домъ. Взявъ одну изъ корзинъ, женщина та стала спрашивать инока: за какую цѣну онъ желаетъ продать ее. Но вскорѣ она стала говорить ему любодѣйныя рѣчи, покушаясь соблазнить его на грѣхъ, подобно тому, какъ въ древности египтянка пыталась прельстить цѣломудреннаго Іосифа. Инокъ, увидавъ себя въ большой бѣдѣ, ибо онъ уже былъ близокъ ко грѣху, устремилъ свой умъ горѣ и сталъ молиться:

— Христе Царю! Избавившій пророка Своего изъ чрева китова, избавь и меня отъ сего грѣха и душевной смерти молитвами угодника Своего, отца моего Макарія.

Тотчасъ онъ былъ восхищенъ невидимою рукою, какъ нѣкогда пророкъ Аввакумъ Ангеломъ, и былъ поставленъ среди своей келліи. Тамъ онъ увидалъ преподобнаго Макарія, который прилежно молился о немъ Богу, чтобы Онъ избавилъ ученика его отъ нашедшей на него напасти, ибо преподобный узналъ, что произошло съ инокомъ. Онъ мысленными очами видѣлъ дальнее такъ же ясно, какъ бы близкое. Увидавъ своего ученика, преподобный сказалъ:

— Чадо! Воздадимъ благодареніе Человѣколюбцу Богу за то, что Онъ избавилъ тебя отъ устъ зміиныхъ и отъ вратъ адовыхъ, восхитивъ Божественною Своею силою отъ грѣхопаденія и принеся въ твою келлію, подобно тому какъ нѣкогда принесъ въ Азотъ Апостола Своего Филиппа[1]).

---

[1]) Кн. Дѣян. Апост., гл. 8, ст. 39.

Такую силу имѣла молитва преподобнаго Макарія у Бога. Въ другой разъ и самъ преподобный былъ восхищенъ на воздухъ и чрезъ огромное разстояніе былъ перенесенъ туда, куда ему нужно было идти. Онъ несъ корзины изъ скита и, утомившись отъ дальняго пути, сѣлъ отдохнуть. При этомъ онъ помолился Господу:

— Боже! Ты вѣдаешь, что я изнемогъ.

Тотчасъ преподобный оказался около той рѣки, куда ему было надобно идти.

Благовременно теперь разсказать и о блаженной кончинѣ сего преподобнаго отца, о чемъ Серапіонъ, списатель житія его, повѣствуетъ такъ.

Наконецъ, надобно было и преподобному Макарію, какъ смертному человѣку, отдать дань смерти, ибо онъ уже достигъ преклоннаго возраста, имѣя девяносто семь лѣтъ отъ роду. Время кончины не осталось неизвѣстнымъ преподобному. Незадолго до его преставленія явились ему въ видѣніи два благолѣпныхъ мужа и сказали:

— Радуйся, Макарій!

Одинъ изъ явившихся былъ преподобный Антоній, наставникъ и начальникъ пустынножителей, а другой—преподобный Пахомій [1]), первоначальникъ общаго монашескаго житія. Затѣмъ явившіеся сказали Макарію:

— Насъ послалъ Господь Іисусъ Христосъ, чтобы возвѣстить тебѣ твою радостную кончину. Въ девятый день послѣ нынѣшняго ты отойдешь въ вѣчную жизнь. Въ тотъ день и мы снова придемъ къ тебѣ и съ радостію возьмемъ тебя съ собою, чтобы вмѣстѣ съ нами предстать тебѣ предъ Владычнымъ Престоломъ и насладиться безсмертною жизнію.

Сказавъ затѣмъ: «миръ тебѣ»,—преподобные стали невидимы Макарію. Тогда божественный Макарій призвалъ своихъ учениковъ и сказалъ имъ:

— Чада! Вотъ, наступило время моего отшествія отсюда, а васъ я передаю благости Божіей. Итакъ, сохраняйте отеческіе уставы и преданія постниковъ.

Кромѣ сего, нѣкоторымъ, о которыхъ преподобный зналъ, что они совершеннѣе другихъ въ добродѣтельной жизни, онъ поручилъ попеченіе о вновь поступающихъ въ монашество, которые являлись младенцами по своему духовному возрасту. Возложивъ

---

[1]) *Преп. Пахомій Великій* —основатель общежительныхъ монастырей въ Египтѣ. Скончался въ половинѣ IV в. Память его—15 мая.

затѣмъ руки на учениковъ своихъ, достаточно поучивъ ихъ и помолившись за нихъ, преподобный началъ приготовляться къ своей смерти. Когда наступилъ девятый день со времени явленія преподобныхъ Антонія и Θеодосія, преподобному Макарію явился Херувимъ со множествомъ Ангеловъ и сказалъ ему:

— Возстань, послѣдователь Господень, и перейди вмѣстѣ съ нами въ вѣчную жизнь. Возведи окрестъ твои очи и посмотри, сколько послано Вседержителемъ безплотныхъ ликовъ святыхъ, чтобы привести тебя къ Нему. Взгляни: вотъ соборъ апостольскій, вотъ сонмъ пророковъ, вотъ множество мучениковъ, ликъ святителей, постниковъ, преподобныхъ и праведныхъ. Предай мнѣ теперь свою душу, которую мнѣ повелѣно было Богомъ охранять и во время ея земной жизни; освобожденную же отъ узъ плотскихъ, какъ бы нѣкое великое сокровище, я съ честію приму ее и, пройдя чрезъ сопротивныя силы, представлю къ Божественному Владычному Престолу, чтобы она вѣчно веселилась со всѣми святыми, предстоящими Престолу Божію отъ начала міра.

Послѣ таковыхъ словъ Херувима блаженный Макарій простился со всѣми бывшими при немъ и помолился о нихъ Богу; возведя затѣмъ свои очи и простерши руки горѣ, онъ произнесъ:

— Въ руцѣ Твои, Господи, предаю духъ мой!

И съ сими словами предалъ свою блаженную душу Господу, оставивъ учениковъ своихъ въ глубокой скорби о немъ.

Списатель житія преподобнаго Серапіонъ[1]) прибавляетъ слѣдующее, что онъ слышалъ отъ преподобнаго Пафнутія, одного изъ учениковъ преподобнаго Макарія. Когда святая душа Макарія была взята Херувимомъ и возносилась имъ на Небо, нѣкоторые изъ отцовъ мысленными очами видѣли, что воздушные бѣсы въ отдаленіи стояли и вопили:

— О, какой славы сподобился ты, Макарій!

Святый отвѣчалъ бѣсамъ:

— Я боюсь, ибо не вѣдаю ничего добраго, что я бы сдѣлалъ.

Затѣмъ тѣ изъ бѣсовъ, которые находились еще выше по пути слѣдовавшей души Макарія, вопили:

— Дѣйствительно избѣжалъ ты нашихъ рукъ, Макарій!

---

1) *Серапіонъ*—епископъ Тмуитскій (въ Нижнемъ Египтѣ), одинъ изъ замѣчательныхъ церковныхъ дѣятелей начала IV в. Онъ составилъ «Монашескія правила». Извѣстны также его «Письма къ монахамъ», «Житіе преподобнаго Макарія Египетскаго» (на коптскомъ языкѣ) и нѣк. друг. Серапіонъ былъ ревностнымъ борцомъ за Православіе, вслѣдствіе чего подвергся даже ссылкѣ.

Но онъ сказалъ:

— Нѣтъ, но надобно и еще избѣжать.

И когда преподобный былъ уже во вратахъ Рая, бѣсы, съ сильнымъ воплемъ, кричали:

— Избѣжалъ насъ, избѣжалъ.

Тогда Макарій громкимъ голосомъ отвѣтилъ бѣсамъ:

— Да! Ограждаемый силою Христа моего, я избѣжалъ вашихъ козней.

Такова жизнь, кончина и переходъ въ жизнь вѣчную преподобнаго отца нашего Макарія[1]).

Окончивъ повѣствованіе о житіи преподобнаго, прославимъ Отца, и Сына, и Святаго Духа—Единаго Бога, во святыхъ Своихъ прославляемаго, во вѣки. Аминь.

Кондакъ прп҃бнагѡ, гласъ д҃:

Въ домꙋ гдⷭ҇ѣ воздержанїѧ воистиннꙋ тѧ̀ положѝ, ꙗ҆́коже ѕвѣздꙋ непрелестнꙋю, свѣтоводѧ́щꙋ концы̀ ѻ҆́тче ѻ҆тцє́въ, макарїе прп҃бне.

Ѝнъ кондакъ, гласъ а҃:

Блаже́ннꙋю жи́знь скончавъ въ житїи̑, съ мч҃ническими ли́ки, въ землѝ кро́ткихъ досто́йнѡ водворѧ́шисѧ, бг҃оно́сне мака́рїе, и҆ пꙋсты́ню ꙗ҆́коже гра́дъ населивъ, бл҃года́ть прїѧ́лъ є҆сѝ ѿ бг҃а чꙋде́съ: тѣ́мже тѧ̀ почита́емъ.

---

1) Преподобный Макарій скончался около 331 года. Мѣсто подвиговъ преподобнаго Макарія доселѣ называется пустынею Макарія, и въ ней есть монастырь его имени. Мощи преподобнаго находятся въ городѣ Амальфи въ Италіи.—Драгоцѣннымъ наслѣдствомъ опытной мудрости преподобнаго Макарія служатъ пятьдесятъ Словъ, семь Наставленій и два Посланія. Предметъ бесѣдъ и наставленій преподобнаго Макарія—внутренняя духовная жизнь, и преимущественно въ томъ ея видѣ, какъ она совершается на пути созерцательнаго уединенія. Несмотря на глубокій и малопонятный предметъ, бесѣды и наставленія опытнаго учителя ясны и вразумительны: духовное, столь мало извѣстное для иныхъ изъ насъ, въ устахъ святаго Макарія близко къ сердцу и уму. То, что было бы темно по возвышенности духовной, у преподобнаго Макарія приближается къ разумѣнію сравненіями и образами, которые всегда просты и тѣмъ болѣе поразительны.

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

МАКАРІЯ АЛЕКСАНДРІЙСКАГО

Преподобный Макарій Александрійскій происходилъ изъ города Александріи[1]). Первое время своей жизни онъ былъ торговцемъ овощей и Святое Крещеніе принялъ уже сорока лѣтъ отъ роду. Послѣ сего, отрекшись отъ міра, онъ сдѣлался инокомъ и, когда достаточно потрудился въ иноческихъ подвигахъ и трудахъ, сподобился принять священный санъ, вмѣстѣ съ которымъ принялъ начальство надъ монастыремъ, называемымъ Келліи и находившимся въ египетской пустынѣ между Нитріею и скитомъ. Онъ былъ самымъ искреннѣйшимъ другомъ преподобнаго Макарія Египетскаго, вмѣстѣ съ которымъ,—въ царствованіе Валента, по проискамъ александрійскаго лжеепископа аріанина Лукія,—былъ изгнанъ изъ отечества. Неоднократно съ симъ преподобнымъ Макаріемъ онъ и проживалъ вмѣстѣ. Оба Макарія по своему характеру и образу жизни были весьма похожи другъ на друга и имѣли одного и того же общаго учителя и наставника—Антонія Великаго, отъ котораго они, будучи его учениками, неоднократно получали наставленія для усовершенствованія въ добродѣтельной жизни. Макарій Египетскій былъ старше и первый отошелъ ко Господу. Сей же преподобный Макарій Александрійскій прожилъ еще нѣсколько лѣтъ по смерти Макарія Египетскаго. Епископъ Палладій въ

---

[1]) Отчего и называется *Александрійскимъ*, или *городскимъ*. Рожденіе его относится къ 295 году.

Лавсаикѣ пишетъ о преподобномъ Макаріи Александрійскомъ слѣдующее:

«Я видѣлъ того, который былъ другомъ и соревнователемъ въ благочестіи святому Макарію Египетскому,— носившаго и имя то же самое. Я разумѣю святаго Макарія Александрійскаго, который состоялъ пресвитеромъ въ мѣстности, называемой Келліи, гдѣ и я пребывалъ въ теченіе девяти лѣтъ. Изъ нихъ я три года прожилъ вмѣстѣ со святымъ Макаріемъ, дѣла и знаменія богоугодной жизни котораго одни я самъ видѣлъ, а относительно другихъ узналъ отъ жившихъ съ нимъ ранѣе. Увидавъ однажды у великаго отца Антонія набранные финиковые прутья, изъ которыхъ тотъ вилъ веревки и плелъ корзины, святый Макарій попросилъ у него одинъ пучокъ тѣхъ прутьевъ. Святый Антоній на это отвѣтилъ ему:

— Написано: не пожелай вещи ближняго твоего[1]).

Прѣпбный Макарій

Но лишь только онъ произнесъ эти слова, всѣ прутья внезапно, какъ бы отъ дѣйствія огня, высохли. Видя сіе, Антоній сказалъ Макарію:

— Вотъ, на тебѣ почилъ Святый Духъ, и ты будешь послѣ меня продолжателемъ моихъ дѣлъ.

Спустя нѣкоторое время преподобный Макарій находился въ пути въ пустынѣ и отъ продолжительности путешествія весьма сильно изнемогъ. Внезапно явился ему діаволъ и сказалъ:

— Вотъ, ты воспріялъ благодать Антоніеву, почему же ты не пользуешься ею и не просишь у Бога пищи и подкрѣпленія въ пути?

Преподобный отвѣтилъ ему:

— Господь — моя сила и слава, ты же не искушай раба Божія.

1) Кн. Второзак., гл. 5, ст. 21.

Тогда діаволъ сталъ искушать святаго призраками,—святому представлялся верблюдъ, навьюченный разнообразными съѣдобными предметами и блуждавшій по пустынѣ. Когда святый замѣтилъ какъ бы подошедшаго къ нему верблюда и понялъ, что это призракъ, то онъ сталъ на молитву,—и внезапно это привидѣніе было поглощено землею.

Однажды преподобный Макарій Александрійскій пришелъ къ Макарію Египетскому, который находился въ скиту. И вотъ, когда они оба отправились въ путь и желали переправиться чрезъ рѣку Нилъ, то имъ нужно было переправляться на большомъ паромѣ, на который взошли также два трибуна (тысяченачальника) съ большою важностію и наружнымъ блескомъ, имѣющіе мѣдную колесницу, коней съ вызолоченными уздами и свиту изъ войска, оруженосцевъ и дружинниковъ, изукрашенныхъ цѣпями и золотыми поясами. Когда эти трибуны замѣтили двухъ преподобныхъ старцевъ, одѣтыхъ въ ветхія одежды и стоящихъ въ углу, они восхвалили ихъ смиренную и бѣдную жизнь, и одинъ изъ тысячниковъ сказалъ старцамъ:

— Блаженны вы—пренебрегающіе міромъ.

Макарій Александрійскій на это отвѣтилъ:

— Мы дѣйствительно пренебрегаемъ міромъ, а надъ вами смѣется міръ. Знай же, что произнесенное тобою произнесено не по твоей волѣ, но пророчески, потому что мы оба называемся Макаріями, то есть блаженными.

Умилившись этими рѣчами Макарія Александрійскаго, трибунъ по возвращеніи домой совлекъ съ себя свои одежды и, раздавъ свое имущество бѣднымъ, избралъ отшельническую жизнь.

Случилось, что преподобному Макарію Александрійскому прислали очень хорошихъ свѣжихъ ягодъ, и онъ пожелалъ ихъ съѣсть. Но потомъ, вознамѣрившись воздержаніемъ побѣдить свое пожеланіе, онъ отослалъ ягоды къ одному болѣе слабому брату, желающему такой же пищи. Но и тотъ, принявъ присланное, поступилъ такъ же, хотя самъ весьма сильно голодалъ. Когда, такимъ образомъ, ягоды эти пересылались отъ одного къ другому и обошли многихъ братій, онѣ снова попали къ преподобному Макарію уже отъ послѣдняго брата и, какъ дорогой подарокъ, были возвращены цѣлыми, потому что никто не пожелалъ вкусить отъ нихъ. Когда преподобный Макарій узналъ, что тѣ ягоды обошли всю братію, весьма изумился и, возблагодаривъ Бога за таковую

добродѣтель воздержанія всей братіи, ничего не отвѣдалъ отъ нихъ и самъ.

Когда же преподобный узнавалъ, что кто-нибудь совершаетъ какой-либо подвигъ, то онъ всячески самъ старался подражать таковому и тщательно выполнялъ то же самое. Такъ, напримѣръ, узнавъ объ инокахъ, жившихъ въ Тавеннскомъ монастырѣ[1]), что они въ теченіе всей Великой Четыредесятницы ничего не вкушаютъ изъ приготовленныхъ на огнѣ кушаній, онъ положилъ себѣ за правило въ теченіе семи лѣтъ не вкушать ничего изъ того, что бываетъ приготовлено на огнѣ,—ни печеныхъ, ни вареныхъ кушаній. При этомъ преподобный Макарій увеличилъ свой подвигъ до того, что не ѣлъ ни хлѣба, ни варева, кромѣ жесткаго проса или какихъ-нибудь сѣмянъ, размоченныхъ въ водѣ. Въ такомъ воздержаніи преподобный прожилъ цѣлыхъ семь лѣтъ. Услыхавъ однажды о какомъ-то другомъ инокѣ, который въ теченіе дня съѣдалъ лишь одинъ фунтъ хлѣба, и желая ему подражать, Макарій раздробилъ хлѣбъ на небольшія части и положилъ ихъ въ сосудъ, имѣющій весьма узкое отверстіе, въ которое едва можно было просунуть руку. При этомъ преподобный Макарій поставилъ себѣ за правило столько вкушать въ теченіе дня хлѣба, сколько можетъ взять рука, однажды просунутая въ тотъ сосудъ.

Это служило для преподобнаго Макарія весьма сильнымъ умерщвленіемъ плоти, какъ повѣствуетъ о семъ вышеупомянутый Палладій. Ибо преподобный Макарій послѣ разсказывалъ съ улыбкою:

— Я за многіе ломти хватался рукою въ сосудѣ, но, вслѣдствіе узкости горла сосуда, не могъ вытащить ихъ. Такимъ образомъ сосудъ мой не позволялъ мнѣ ѣсть столько, сколько бы я пожелалъ!

Такъ, голодая, Макарій прожилъ три года, съѣдая въ день только по небольшому куску хлѣба, равно также и воды вы-

---

1) *Тавеннскій монастырь* былъ первымъ общежительнымъ монастыремъ, находился въ Тавеннѣ, въ Верхнемъ (Южномъ) Египтѣ, къ сѣверу отъ древней столицы его—Ѳивъ, на берегу Нила. Основанъ около 340 года преподобнымъ Пахоміемъ Великимъ (память его—15 мая), который первый и составилъ строгій общежительный монастырскій уставъ, быстро распространившійся въ христіанскомъ мірѣ. Тавеннскій монастырь имѣлъ такое громадное значеніе въ исторіи древне-христіанскаго иночества, и успѣхъ устава Пахомія былъ такъ великъ, что еще до его смерти въ Тавеннѣ и ея окрестностяхъ собралось около 7000 иноковъ. И впослѣдствіи Тавенна,—наименованіе которой, принадлежавшее сначала одному острову на рѣкѣ Нилѣ, послѣ перешло и на береговыя окрестныя мѣста рѣки, гдѣ поселился Пахомій и его ученики,—славилась своими монастырями.

пивая такою же мѣрою. Масла же для пищи онъ употреблялъ одинъ секстарій[1]) на цѣлый годъ. Однажды, желая вконецъ побороть сонъ, онъ не входилъ подъ кровъ келліи въ теченіе двадцати дней и ночей, а пребывалъ около нея: днемъ — подъ палящимъ зноемъ, а ночью,—дрожа отъ холода, употребляя при этомъ всѣ усилія, чтобы не заснуть. И, какъ впослѣдствіи самъ онъ разсказывалъ для назиданія другихъ, отъ такого подвига высохъ его головной мозгъ, и если бы онъ еще дольше не вошелъ въ келлію и не уснулъ, то сошелъ бы съ ума. Преподобный при семъ прибавлялъ:

— Насколько я имѣлъ силы, я одолѣлъ сонъ, но человѣческой природы, требующей сна, я не былъ въ силахъ одолѣть, а потому и долженъ былъ повиноваться ей.

Однажды преподобнаго Макарія сталъ весьма сильно искушать бѣсъ любодѣянія. Для того, чтобы преодолѣть сего врага, Макарій рѣшилъ въ теченіе шести мѣсяцевъ нагимъ сидѣть въ скитскомъ болотѣ, находящемся въ далекой пустынѣ. Въ немъ было множество такихъ большихъ комаровъ, какъ осы, которые могли прокусывать даже кожу дикихъ вепрей. Комарами этими преподобный былъ такъ сильно искусанъ, что нѣкоторые думали, не въ проказѣ ли онъ. Когда же онъ, послѣ шести мѣсяцевъ, вернулся въ свою келлію, то только едва по голосу узнали ученики, что это ихъ авва Макарій. Но святый Макарій и вторично осудилъ себя на таковое же истязаніе отъ комаровъ. Случилось это послѣ того, какъ онъ однажды убилъ на своей ногѣ сильно его безпокоившаго комара, изъ котораго вытекло много крови. Послѣ сего онъ раскаялся и сталъ укорять себя, какъ убійцу и мстителя, до тѣхъ поръ, пока не отомстилъ самъ себѣ, отдавшись нагимъ для уязвленія комаровъ.

Въ другой разъ преподобный пожелалъ посмотрѣть садъ и гробницу, называемую «Кипотафіонъ», въ которой были погребены Іанній и Іамврій, волхвы египетскіе, жившіе во времена фараона[2]), чтобы тамъ побороться съ бѣсами; ибо про это мѣсто говорили, что въ немъ было множество лютѣйшихъ бѣсовъ, которыхъ собрали туда названные волхвы посредствомъ своего волшебства. Волхвы тѣ между собою были братья и вслѣдствіе своей хитрости и большаго искусства въ волшебствѣ были у фараона въ большомъ почетѣ

---

[1]) *Секстарій* —древняя римская мѣра жидкости, вмѣстимостью въ двѣ съ лишкомъ настоящихъ бутылки.

[2]) Кн. Исходъ, гл. 7, ст. 11, 22; гл. 8, ст. 7.

и имѣли весьма большую силу во всемъ Египтѣ. Въ отдаленномъ мѣстѣ пустыни они устроили изъ четвероугольныхъ камней садъ, а въ немъ построили съ большимъ искусствомъ себѣ гробницу, въ которую положили множество золота, около нея насадили множество разнообразныхъ деревьевъ, выкопали большой колодезь, такъ какъ мѣсто тамъ было низменное, и было много влаги. Все это волхвы устроили потому, что твердо надѣялись послѣ своей смерти жить тамъ вѣчно, наслаждаясь, какъ бы въ раю, всѣми благами, находящимися въ томъ мѣстѣ. Такъ какъ преподобный Макарій не зналъ дороги къ названному мѣсту, то онъ шелъ, соображаясь со звѣздами, подобно тому какъ корабельщики переплываютъ море, и, такимъ образомъ, пѣшкомъ перешелъ всю пустыню. При этомъ Макарій взялъ съ собою нѣсколько тычинокъ и послѣ каждаго пройденнаго поприща[1]) втыкалъ въ землю одну тычинку, чтобы возможно было ему по этимъ замѣткамъ вернуться обратно. Когда же онъ, пройдя въ теченіе девяти дней чрезъ всю пустыню, приблизился къ названному вертограду и съ наступленіемъ ночи захотѣлъ немного отдохнуть отъ пути и заснулъ, тогда діаволъ — вѣчный противникъ Христовыхъ подвижниковъ,—собравъ всѣ тѣ тычинки, которыми Макарій замѣчалъ свою дорогу, во время сна преподобнаго положилъ ихъ около головы святаго. Когда Макарій проснулся, онъ нашелъ всѣ тычинки лежащими около него и связанными въ пучокъ. Это произошло по Божественному произволенію, чтобы усилить подвигъ преподобнаго, дабы онъ не на тычинки надѣялся, но на помощь Бога, путеводившаго нѣкогда огненнымъ столпомъ Израиля въ продолженіе сорока лѣтъ по этой громадной пустынѣ[2]). Впослѣдствіи святый Макарій разсказывалъ про свое путешествіе слѣдующее:

— Когда я приближался къ вертограду,—говорилъ онъ,—къ названному кладбищу, навстрѣчу мнѣ выбѣжало до семидесяти бѣсовъ въ различныхъ образахъ; одни изъ нихъ сильно кричали, другіе — съ страшною злобою скрежетали на меня своими зубами, третьи—летали подобно воронамъ, кидались мнѣ въ лицо и вопили:

— Чего ищешь ты здѣсь, Макарій? Зачѣмъ ты пришелъ къ намъ? Не соблазнили ли мы когда-нибудь кого-либо изъ вашихъ иноковъ? Владѣй на мѣстѣ твоего жительства съ подобными тебѣ тѣмъ, что принадлежало прежде намъ. Вѣдь ты владѣешь пусты-

---

[1]) *Поприще* равнялось нашимъ 690 саженямъ.

[2]) Кн. Исходъ, гл. 14, ст. 19, 20.

ней, изъ которой выгналъ подобныхъ намъ бѣсовъ. У насъ же нѣтъ ничего общаго съ тобою. Зачѣмъ ты пришелъ въ наши мѣста? Какъ пустынникъ довольствуйся пустынею, это же мѣсто устроившіе его отдали намъ. Ты не можешь здѣсь оставаться. Для чего ты хочешь войти въ наше владѣніе, куда не входилъ еще ни одинъ изъ живущихъ людей съ того времени, когда мы совершили погребеніе братьевъ, устроившихъ это мѣсто?

И когда бѣсы подняли сильнѣйшій вопль и крикъ, то святый Макарій сказалъ имъ:

— Я только войду, посмотрю и потомъ уйду отсюда!

Бѣсы сказали ему:

— Обѣщай намъ это по совѣсти твоей.

Христовъ рабъ отвѣчалъ:

— Я сдѣлаю такъ.

И бѣсы исчезли. Когда Макарій входилъ въ вертоградъ, его встрѣтилъ страшнаго вида діаволъ съ обнаженнымъ мечомъ и загородилъ ему дорогу. Святый Макарій сказалъ діаволу:

— Ты идешь на меня съ мечомъ, я же иду на тебя во Имя Господа Саваоѳа въ силѣ Бога Израилева[1]).

И діаволъ отбѣжалъ отъ него. Войдя внутрь вертограда, преподобный осмотрѣлъ все, тамъ находившееся, а именно: колодезь, въ которомъ висѣла лишь старая мѣдная бадья, прикрѣпленная къ желѣзной цѣпи, гранатовыя яблоки, не имѣвшія ничего внутри, потому что они высохли отъ солнца, красивое зданіе гробницы, обильно украшенное золотомъ. Разсмотрѣвъ все подробно, святый безъ препятствій и затрудненій вышелъ оттуда и, по прошествіи двадцати дней, отправился обратно въ свою келлію. Во время обратнаго пути у него вышли весь хлѣбъ и вода, которые онъ взялъ съ собою на дорогу. Макарій сталъ ослабѣвать отъ голода и жажды, такъ что едва не упалъ. Тогда,—какъ онъ впослѣдствіи самъ о томъ разсказывалъ,—предсталъ предъ нимъ призракъ какой-то дѣвицы, одѣтой въ бѣлыя одежды и несущей въ далекомъ отъ него разстояніи,—какъ бы съ версту,—ведро чистой воды. Часто останавливаясь, дѣвица показывала ему воду и звала его къ себѣ, обѣщаясь дать ему напиться. Однако святый не былъ въ силахъ дойти до нея. Впрочемъ, увлекаемый возможностію утолить жажду, онъ, употребляя страшныя усилія,

---

[1]) Ср.: 1 Кн. Царствъ, гл. 17, ст. 45.

шелъ за нею три дня, въ теченіе которыхъ дѣвица появлялась впереди него. Затѣмъ показалось стадо буйволицъ (въ той сторонѣ ихъ очень много), одна изъ которыхъ, имѣющая при себѣ малаго теленка, стала противъ уставшаго и изнемогшаго старца; изъ сосцовъ же ея вытекало молоко. При этомъ преподобный услышалъ Голосъ, говорящій свыше:

— Подойди, Макарій, и пей ея молоко.

Приступивъ, онъ долго пилъ молоко и укрѣпился тѣломъ. Святый Макарій добавлялъ при этомъ слѣдующее: «Господь мой, желая явить на мнѣ еще бо́льшую Свою милость и научить мою немощь надѣяться лишь на Его благой Промыслъ, явилъ такое чудо. По Его повелѣнію, я приказалъ той буйволицѣ идти за мною до моей келліи и кормить меня во все время моего пути. Покорная буйволица, по повелѣнію Создателя своего, дѣйствительно послѣдовала за мною и не подпускала теленка къ сосцамъ своимъ, чтобы питать лишь меня одного».

Нѣкогда сей святый и дивный мужъ копалъ колодезь для питья инокамъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ копалъ преподобный, находилось много хвороста и терновника, откуда выползъ аспидъ и ужалилъ святаго.

Тогда святый, схвативъ руками аспида за обѣ челюсти, растерзалъ его, сказавъ:

— Такъ какъ Господь мой не послалъ тебя на меня, то какъ осмѣлился ты приблизиться ко мнѣ и укусить меня?

И, о чудо! Ужаленіе аспида не причинило преподобному никакого вреда.

Услыхавъ вторично относительно тавеннисіотовъ, что у нихъ очень строгій уставъ жизни, преподобный Макарій перемѣнилъ иноческую одежду на мірскую и отправился къ нимъ. Послѣ пятнадцатидневнаго пути по пустынѣ преподобный прибылъ въ тавеннисіотскій монастырь какъ бы мірской человѣкъ. Здѣсь онъ пожелалъ видѣть архимандрита Пахомія[1]), мужа опытнаго и прозорливаго, имѣющаго даръ пророчества, но которому тогда еще не было открыто Богомъ, кто такой Макарій. Войдя къ Пахомію, Макарій сказалъ:

— Отче, умоляю тебя, прими меня въ монастырь твой, ибо я желаю быть въ немъ инокомъ.

---

[1]) Т. е. преп. Пахомія Великаго.

Пахомій отвѣчалъ:

— Ты не можешь быть инокомъ, такъ какъ ты старъ и не въ силахъ трудиться. Здѣшніе братія съ юности привыкли къ иноческимъ трудамъ, а ты, будучи уже престарѣлымъ, не сможешь перенести подвиговъ и, ослабѣвъ, уйдешь отсюда и станешь злословить насъ.

И Пахомій не принялъ его ни въ первый, ни во второй день,— и такъ до седьмого дня. Макарій же все это время провелъ въ строгомъ постѣ и на седьмой день сказалъ архимандриту:

— Авва, прими меня! Если же я не буду поститься и дѣлать то же, что дѣлаютъ прочіе братія, то ты тогда повели изгнать меня изъ монастыря.

Тогда святый Пахомій сказалъ братіи, чтобы они приняли его. Братій же было тысяча четыреста человѣкъ, и Макарій былъ принятъ ими въ монастырь. По прошествіи, затѣмъ, нѣкотораго времени наступилъ постъ Святыя Четыредесятницы, и Макарій видѣлъ каждаго изъ братій постящимся по мѣрѣ силъ своихъ. Одинъ принималъ пищу вечеромъ, другой—по прошествіи двухъ дней, иной вкушалъ по истеченіи пяти дней, иной стоялъ всю ночь на молитвѣ, а въ теченіе дня сидѣлъ за работой. Подражая имъ, и самъ Макарій, намочивъ финиковыхъ вѣтвей, сталъ въ одномъ углу и въ теченіе всей Четыредесятницы до Пасхи не вкушалъ ни хлѣба, ни воды, за исключеніемъ небольшого количества сухихъ листьевъ капусты, которые онъ вкушалъ въ воскресные дни. И это онъ дѣлалъ лишь для того, чтобы другіе иноки видѣли, что онъ ѣстъ и чтобы не впасть ему въ грѣхъ высокомѣрія. Стоя же въ углу, преподобный Макарій непрестанно работалъ и не отдыхалъ отъ трудовъ, ни разу во все время ни сѣлъ, ни легъ. Если же по необходимости онъ уходилъ съ своего мѣста, то, возвратившись, снова стоялъ, не отверзая своихъ устъ, ни съ кѣмъ не разговаривая, но въ молчаніи всѣмъ сердцемъ своимъ возносся молитвы къ Богу. Увидавъ такой подвигъ преподобнаго, подвижники того монастыря разгнѣвались на своего авву и стали говорить ему:

— Откуда ты привелъ къ намъ, къ нашему посрамленію, такого безплотнаго человѣка? Или его удали, или мы уйдемъ изъ монастыря.

Выслушавъ это отъ братіи и узнавъ о строгомъ постѣ Макарія, преподобный Пахомій сталъ молиться Богу, чтобы Онъ от-

крылъ ему о пришельцѣ—кто онъ такой. И было ему открыто, что это—Макарій. Тогда преподобный Пахомій, взявъ за руку преподобнаго Макарія, ввелъ его въ церковь и, любезно обнимая его, сказалъ:

— Добрѣ пришелъ ты, честный отче! Я знаю, что ты Макарій, но ты не открылъ своего имени мнѣ. Въ теченіе многихъ лѣтъ я слышалъ о тебѣ и очень желалъ видѣть тебя. Благодарю тебя за то, что ты научилъ смиренію моихъ чадъ, дабы они не возносились умомъ, гордясь своими подвигами и постомъ; ты много принесъ намъ пользы.

Услышали о Макаріи и прочіе братія и, придя отовсюду во множествѣ, любезно цѣловали его и просили, чтобы онъ молился за нихъ. Преподобный Макарій, преподавъ всѣмъ наставленіе, возвратился въ свое мѣсто.

Сей безстрастный мужъ, преподобный Макарій, разсказывалъ о себѣ еще и слѣдующее:

«Однажды я пожелалъ такъ направить свой умъ, чтобы, ни о чемъ земномъ не помышляя, онъ пребывалъ въ непрестанномъ созерцаніи Единаго Бога, ни на мгновеніе не отлучаясь отъ Него. Для сего Богомыслія я назначилъ себѣ пять дней. И вотъ, затворивъ келлію и дворъ мой, чтобы никто не входилъ ко мнѣ и я не могъ ни съ кѣмъ бесѣдовать, я, начиная съ понедѣльника, сталъ и повелѣлъ своему уму, сказавъ такъ: смотри! не сходи съ Неба! Ты имѣешь тамъ вмѣстѣ съ собою Ангеловъ, Архангеловъ, Херувимовъ, Серафимовъ, всѣ Небесныя Силы и Творца ихъ—Бога. Итакъ, оставайся на Небѣ и не спускайся въ поднебесную, чтобы не впасть тебѣ въ земныя помышленія. Когда, такимъ образомъ, я стоялъ въ теченіе двухъ дней и двухъ ночей, вперивъ свой умъ горѣ, я такъ раздражилъ діавола, что тотъ, превратившись въ пламень, сжегъ все, что находилось въ моей келліи, такъ что даже и рогожа, на которой я стоялъ, загорѣлась, и я думалъ, что и самъ сгорю. Устрашившись этого, я на третій день оставилъ свое намѣреніе; будучи не въ силахъ болѣе удерживать свой умъ въ помыслахъ о небесномъ, я снизошелъ, по изволенію Божію, до земныхъ помысловъ, дабы не впасть въ грѣхъ высокоумія».

О семъ же преподобномъ Макаріи епископъ Палладій повѣствуетъ также слѣдующее:

«Однажды, придя къ нему,—разсказываетъ онъ,—я засталъ предъ его келліею какого-то сельскаго пресвитера, голова кото-

раго такъ была изъѣдена болѣзнію, называемою гангреной, что со стороны затылка можно было разглядѣть уста его. Онъ пришелъ къ преподобному Макарію, прося исцѣленія; но святый не допускалъ его до себя, не желая съ нимъ разговаривать. Тогда и я сталъ умолять святаго, говоря:

— Помилуй сего несчастнаго и отвѣть ему.

Но блаженный сказалъ мнѣ:

— Онъ недостоинъ исцѣленія, такъ какъ это наказаніе ему отъ Господа. Если же ты желаешь, чтобы онъ получилъ исцѣленіе, то посовѣтуй ему, чтобы онъ пересталъ съ сего времени священнодѣйствовать.

Я спросилъ святаго:

— Почему?

Онъ же отвѣтилъ:

— Онъ совершалъ Литургію послѣ прелюбодѣянія, и за то такъ наказанъ. Если же онъ побоится Бога и отстанетъ отъ своего порока, который онъ совершалъ безъ страха, то Богъ исцѣлитъ его.

Когда я,—продолжалъ Палладій,—разсказалъ о томъ пресвитеру, то онъ съ клятвою обѣщался болѣе не священнодѣйствовать. Послѣ сего преподобный Макарій, взявъ того пресвитера, сказалъ ему:

— Вѣруешь ли ты, что существуетъ Богъ, для Котораго нѣтъ никакой тайны?

Пресвитеръ отвѣчалъ:

— Да, отче, вѣрую и умоляю тебя,—помолись Ему о мнѣ, грѣшномъ.

Тогда Макарій спросилъ:

— Такъ ты не могъ утаиться предъ Богомъ?

— Да, не могъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Если ты исповѣдуешь свой грѣхъ и сознаёшь Божіе за него наказаніе,—продолжалъ Макарій,—то съ сего времени исправься.

И пресвитеръ исповѣдалъ свое грѣхопаденіе, и обѣщался болѣе не грѣшить и не священнодѣйствовать, но жить мірскимъ человѣкомъ. Послѣ сего святый Макарій возложилъ на него руки и помолился о немъ Богу, и, спустя нѣсколько дней, пресвитеръ исцѣлился отъ гангрены; у него отросли волосы на головѣ, и онъ возвратился въ домъ свой здоровымъ, прославляя Бога и воздавая благодарность великому Макарію.»

Преподобный Макарій имѣлъ нѣсколько келлій въ различныхъ мѣстахъ: одну—въ скитѣ, находящемся во внутренней пустынѣ, другую—въ Ливіи, третью—на мѣстѣ, называемомъ Келліи, и четвертую—на Нитрійской горѣ. Ни одна изъ его келлій не имѣла ни дверей, ни оконъ. И преподобный Макарій пребывалъ въ этихъ келліяхъ въ темнотѣ во всѣ дни Святой Четыредесятницы. Одна изъ его келлій была тѣсна настолько, что въ ней нельзя было протянуть ногъ, другая была просторнѣе, и въ ней преподобный бесѣдовалъ съ приходившими къ нему; въ то же время онъ исцѣлилъ безчисленное множество людей, страждущихъ отъ нечистыхъ духовъ.

Палладій вспоминаетъ объ одной благородной дѣвицѣ, которая въ теченіе многихъ лѣтъ была разслабленною и которую принесли къ преподобному Макарію изъ Ѳессалоникъ [1]). Преподобный исцѣлилъ ее, помазуя въ теченіе двадцати дней святымъ елеемъ и молясь Богу, и совершенно здоровою отпустилъ дѣвицу въ ея отечественный городъ. Послѣ своего исцѣленія она раздала по монастырямъ обильныя милостыни.

Въ другой разъ къ преподобному былъ приведенъ одержимый бѣсомъ отрокъ, который былъ весь опухшій отъ водянки. Возложивъ на голову его правую руку, а на сердце лѣвую, преподобный сталъ молиться Богу. Внезапно отрокъ вскричалъ громкимъ голосомъ, и немедленно изъ тѣла его вылилось огромное количество воды. Послѣ сего тѣло отрока пришло въ естественное состояніе, какимъ оно было раньше. Помазавъ отрока святымъ елеемъ и окропивъ его святою водою, преподобный передалъ его отцу. При семъ онъ заповѣдалъ отроку, дабы въ теченіе четырнадцати дней онъ не вкушалъ мяса и не пилъ вина. Такъ преподобный сдѣлалъ отрока здоровымъ.

Бѣсъ, исконный врагъ рода человѣческаго, сильно озлобился на преподобнаго Макарія за его строго подвижническій образъ жизни и за многія исцѣленія приходящихъ къ нему недужныхъ. Тогда онъ сталъ искушать его умъ тщеславіемъ. У преподобнаго стали являться мысли, что ему надобно уйти изъ келліи и отправиться въ Римъ. При этомъ умъ его представлялъ всѣ благовид-

---

[1]) *Солунь*, или *Ѳессалоники*,—весьма значительный, древній городъ Македоніи лежалъ въ глубинѣ большого Солунскаго, или Ѳермейскаго, залива при Эгейскомъ морѣ (Архипелагѣ). Въ настоящее время городъ этотъ, подъ именемъ Салоники, послѣ Константинополя первый торговый и мануфактурный городъ въ Европейской Турціи, съ весьма многочисленнымъ населеніемъ.

ныя побужденія къ тому, указывая, что преподобный, имѣющій обильную благодать и даръ изгонять нечистыхъ духовъ, много пользы можетъ принести страждущимъ въ Римѣ. Преподобный долгое время боролся съ искушавшими его помыслами, хотя они сильно нападали на него. Наконецъ, упавъ на порогѣ своей келліи, онъ протянулъ за келлію свои ноги и сказалъ:

— Влеките меня, бѣсы, если можете, а самъ я не пойду!

Такъ, на порогѣ, преподобный пролежалъ до поздняго вечера. Ночью тѣ же помышленія снова съ великою силою напали на него. Тогда блаженный, взявъ корзину вмѣстимостію въ два четверика, наполнилъ ее пескомъ и, возложивъ на свои плечи, сталъ ходить по пустынѣ. Тамъ съ нимъ встрѣтился инокъ Ѳеосевій, антіохіецъ родомъ, который спросилъ его:

— Отче! Что ты носишь? Отдай мнѣ свою ношу, а самъ не трудись.

— Я томлю томящаго мя,—отвѣчалъ Макарій,—когда онъ пребываетъ въ лѣности и праздности, онъ зоветъ меня странствовать.

Такимъ образомъ трудясь въ теченіе долгаго времени, преподобный возвратился въ келлію, хотя измученный тѣломъ, но одержавъ побѣду надъ лукавыми помышленіями.

Ученикъ преподобнаго Макарія блаженный Пафнутій повѣствуетъ о святомъ слѣдующее.

«Однажды преподобный сидѣлъ на дворѣ; вдругъ прибѣжала гіена и принесла въ зубахъ своего щенка, который былъ слѣпъ; подбѣжавъ къ Макарію, гіена бросила щенка къ его ногамъ. Святый, поднявъ щенка, плюнулъ ему въ глаза, помолился Богу,—и щенокъ прозрѣлъ. Гіена, взявъ своего щенка, убѣжала. Наутро она снова прибѣжала къ преподобному, неся огромную баранью шкуру, увидавъ которую святый сказалъ гіенѣ:

— Откуда у тебя эта кожа, развѣ ты съѣла чью-нибудь овцу? Если ты добыла ее насиліемъ, я не возьму ея.

Гіена же, наклонивъ голову къ землѣ и преклонивъ колѣна, положила принесенную шкуру къ ногамъ святаго. Но преподобный сказалъ звѣрю:

— Я сказалъ, что не возьму до тѣхъ поръ, пока ты не обѣщаешься мнѣ, что не станешь болѣе обижать бѣдныхъ, съѣдая ихъ овецъ.

Тогда гіена наклонила свою голову, какъ бы соглашаясь со словами святаго и обѣщаясь повиноваться ему. Послѣ сего пре-

подобный Макарій взялъ кожу у гіены и отдалъ ее святой Меланіи Римлянынѣ[1]), часто посѣщавшей святыхъ отцовъ въ пустынѣ. Съ тѣхъ поръ кожу эту прозвали «даръ гіены». И что удивительно въ мужахъ, отрекшихся отъ міра, такъ это то, что даже звѣрь, получивъ во славу Божію и въ честь святыхъ Его благодѣяніе, уразумѣлъ то и принесъ даръ блаженному. Укротившій львовъ для Пророка Даніила[2]) далъ и гіенѣ разумѣніе полученнаго благодѣянія и научилъ ее благодарности».

Вышеупомянутый Палладій, придя однажды къ сему преподобному, смущаемый помыслами и уныніемъ (какъ онъ самъ впослѣдствіи о томъ сообщалъ), спросилъ:

— Что мнѣ дѣлать, авва Макарій, ибо меня осаждаютъ помышленія, говорящія: ты ничего здѣсь не дѣлаешь—уходи отсюда!

Святый отецъ Макарій отвѣчалъ ему:

— Скажи и ты своимъ помышленіямъ: я стерегу сіи стѣны ради Христа.

Для назиданія Палладія преподобный Макарій разсказалъ о преподобномъ Маркѣ[3]) — какъ онъ принималъ причащеніе Божественныхъ Таинъ отъ самихъ Ангеловъ. Святый Макарій видѣлъ то своими глазами, когда во время служенія Божественной Литургіи онъ причащалъ братію.

— Я никогда,—говорилъ онъ,—не преподавалъ Божественныхъ Таинъ подвижнику Марку, но ему невидимо преподавалъ ихъ Ангелъ изъ алтаря, а я только видѣлъ пальцы рукъ подающаго.

Сей преподобный Маркъ, когда былъ юношею, зналъ наизусть весь Ветхій и Новый Завѣтъ; онъ былъ также весьма кротокъ и воздержанъ.

— Въ одинъ день, будучи ничѣмъ не занятъ въ своей келліи,— разсказывалъ святый Макарій,—я пошелъ къ нему, уже состарѣвшемуся въ это время, и сѣлъ при дверяхъ его келліи. Я считалъ его кѣмъ-то высшимъ изъ людей, каковъ онъ и былъ въ дѣйствительности, и хотѣлъ узнать (я тогда былъ еще,— замѣчаетъ Макарій,—безхитростенъ и несвѣдущъ), что старецъ дѣлаетъ или о чемъ бесѣдуетъ. Онъ же, находясь внутри келліи, боролся съ собою и съ діаволомъ, будучи уже ста лѣтъ отъ

---

[1]) Кончина ея—31 декабря.

[2]) Кн. Пророка Даніила, гл. 14, ст. 31.

[3]) Память его—5 марта.

роду, такъ что у него даже выпали и зубы. Онъ говорилъ самъ съ собою:

— Чего ты, наконецъ, хочешь, злой старецъ? Вотъ, ты уже и вина выпилъ и елея вкусилъ. Чего ты еще желаешь, ненасытный рабъ чрева въ старости?

Діаволу же Маркъ говорилъ:

— Отойди отъ меня, діаволъ! Ты состарился въ борьбѣ со мною. Ты наложилъ на меня тѣлесную слабость, сдѣлавъ такъ, что я сталъ пить вино и вкушать елей; ты сдѣлалъ изъ меня сластолюбца. Ужели я тебѣ еще долженъ что-либо? Ты ничего у меня не найдешь такого, чтобы тебѣ можно было украсть. Врагъ человѣческій! Отступи отъ меня наконецъ.

О семъ святый Макарій разсказалъ Палладію, который и записалъ сказанное.

Пресвитеръ же Руфинъ къ житію преподобнаго сего Макарія Александрійскаго присоединяетъ слѣдующее.

Въ одну изъ ночей діаволъ, постучавшись въ двери келліи Макарія, сказалъ:

— Встань, авва Макарій, и пойдемъ въ соборъ на пѣніе.

Онъ же, будучи исполненъ божественной благодати, узналъ вражескія козни и отвѣчалъ:

— О лжецъ и ненавистникъ добра! Какое тебѣ общеніе и какая дружба съ собраніемъ святыхъ?

— Развѣ ты не знаешь, Макарій,—сказалъ на сіе діаволъ,—что безъ насъ не совершается ни одно церковное пѣніе и ни одно монашеское собраніе? Иди же, и ты увидишь наши дѣла.

Старецъ отвѣчалъ:

— Да запретитъ тебѣ Господь, лукавый бѣсъ!

И, обратившись затѣмъ съ молитвою къ Господу, сталъ просить, дабы Онъ явилъ ему—справедливо ли то, о чемъ, похваляясь, говорилъ діаволъ. И вотъ, когда наступило время полунощнаго пѣнія, Макарій пошелъ въ соборъ и снова молился про себя Богу, дабы Онъ открылъ ему—справедливо ли сказанное діаволомъ. Спустя нѣсколько времени преподобный увидалъ въ церкви, въ образѣ нѣкіихъ малыхъ отроковъ, черныхъ еѳіоповъ, быстро бѣгавшихъ туда и сюда, какъ бы летающихъ. Въ монастырѣ былъ обычай, чтобы Псалмы произносилъ одинъ инокъ, между тѣмъ какъ всѣ прочіе братія сидѣли и слушали. И вотъ малые еѳіопы эти подсаживались къ каждому брату и смѣялись, и если они двумя пальцами

касались чьихъ-либо глазъ, тогда тотъ братъ немедленно начиналъ дремать, а если кому клали палецъ на уста, тотъ скоро отрезвлялся. Предъ иными же они ходили въ видѣ женщинъ, а предъ другими представлялись какъ бы желающими нѣчто создать, или принести, или устроить различныя дѣла. И то, что бѣсы, насмѣхаясь надъ кѣмъ-либо, представляли,—то же самое иноки тѣ помышляли въ сердцахъ своихъ. Отъ нѣкоторыхъ же иноковъ, если бѣсы начинали предъ ними дѣлать что-либо, подобное выше сказанному, они внезапно были отгоняемы нѣкоею силою, стремглавъ выталкиваемы и болѣе не осмѣливались ни останавливаться предъ таковыми, ни проходить мимо нихъ. Надъ иными же, слабѣйшими братіями, нисколько не внимательными къ молитвѣ, они надругались, сидя на ихъ шеяхъ и плечахъ. Видя сіе, преподобный Макарій тяжко вздохнулъ и, заплакавъ, началъ молиться Богу:

— Господи! Взгляни и не умолкни! Воскресни, Боже, и пусть разсѣятся враги Твои и да бѣжатъ отъ лица Твоего, такъ какъ душа наша наполнилась поруганіемъ.

Послѣ отпуста авва Макарій началъ подзывать къ себѣ каждаго инока поодиночкѣ и испытывать у него, о чемъ онъ помышлялъ во время церковнаго пѣнія. Каждый исповѣдывалъ ему свои помышленія, и, такимъ образомъ, явно обнаружилось, что помышленіе каждаго было именно о томъ, о чемъ, надругаясь, представляли предъ нимъ бѣсы.

Сей же преподобный Макарій разсказывалъ еще другое, болѣе дивное и ужасное, а именно, что въ то время, когда братія приступали къ Божественнымъ Таинамъ и простирали руки къ принятію Тѣла Христова (въ то время причащались еще не лжицею, но принимали Тѣло Христово въ руки, какъ нынѣ антидоръ, а Честную Кровь пили изъ чаши; такъ было до самаго времени святаго Златоуста, о чемъ есть свидѣтельство въ житіи святой Ѳеоктисты[1]), тогда преподобный замѣчалъ, что нѣкоторымъ изъ братій еѳіопы влагали въ руки горящіе угольи, а преподаваемое іерейскою рукою Тѣло Христово возвращалось обратно въ алтарь. Отъ тѣхъ же, кто были достойны Святаго Причащенія, бѣсы отбѣгали далеко. Между тѣмъ около алтаря со іереемъ стоялъ Ангелъ Господень и вмѣстѣ съ іерейскою простиралъ свою руку для раздаянія Божественныхъ Таинъ.

---

[1]) Память ея—9 ноября.

Такимъ образомъ, преподобный Макарій, будучи прозорливымъ, распознавалъ достойныхъ и недостойныхъ и предугадывалъ помыслы человѣческіе, внушаемые бѣсами.

Много и иного разсказывалъ преподобный Макарій для пользы и назиданія братіи; исправлялъ лѣнивыхъ и совершалъ различныя чудеса. Поживъ такою Богоугодною жизнію, преподобный Макарій съ миромъ отошелъ ко Господу, имѣя сто лѣтъ отъ рожденія[1]). Нынѣ онъ вмѣстѣ съ другими преподобными отцами въ безконечной жизни прославляетъ Отца, и Сына, и Святаго Духа—Единаго въ Троицѣ Бога, Ему же и отъ насъ грѣшныхъ да будетъ слава, честь и поклоненіе во вѣки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ

ЕВФРАСІИ

Святая дѣва Евфрасія происходила изъ города Никомидіи[2]) и жила въ царствованіе императора Максиміана[3]). Она была знатнаго рода, прекрасна собою, благочестива и служила Христу какъ вѣрная Его раба. Во время гоненія на христіанъ была схвачена идолопоклонниками и святая Евфрасія и была принуждаема принести жертву бѣсамъ. Когда она отказалась повиноваться, то ее стали жестоко бить; но она мужественно претерпѣла побои. Послѣ мученій святую Евфрасію отдали для оскверненія одному варвару, который, взявъ ее, привелъ въ свой домъ. Святая непрестанно молилась Пречистому Жениху своему Христу Господу, дабы Онъ сохранилъ ее невредимою. И вотъ, когда нечестивый варваръ привелъ святую въ спальную комнату, Евфрасія стала просить его, чтобы онъ подождалъ недолгое время, обѣщая дать ему нѣкоторое чудодѣйственное растеніе.

---

[1]) Кончина преподобнаго Макарія Александрійскаго послѣдовала около 395 года.—Подобно преподобному Макарію Египетскому, и преподобный Макарій Александрійскій былъ церковнымъ писателемъ. Съ его именемъ извѣстны доселѣ: 1) правило монашеское въ 30 главахъ; 2) письмо къ инокамъ; 3) слово объ исходѣ души и о состояніи по смерти.

[2]) *Никомидія*—цвѣтущій населенный городъ въ области Виѳиніи, на берегу Мраморнаго моря, въ сѣверо-западной части Малой Азіи.

[3]) *Максиміанъ Галерій*, зять и соправитель императора Діоклетіана (284—305 гг.), и послѣ—императоръ восточной половины Римской имперіи (съ 305 по 311 г.).

— Если ты всегда будешь носить при себѣ это растеніе,—говорила она,— то никакое непріятельское оружіе не коснется тебя.

Святая говорила такъ, представляя себя какъ бы волшебницей.

Но варваръ сказалъ ей:

— Ты послѣ дашь мнѣ это растеніе.

Мудрая дѣва отвѣчала:

— Растеніе это не можетъ быть взято руками женщины, но только непричастная браку дѣва можетъ взять его. Если оно будетъ взято не дѣвою, то оно не будетъ имѣть никакой силы.

Тогда варваръ согласился не трогать Евфрасіи, пока она не сорветъ ему названнаго растенія. Придя въ садъ и найдя тамъ какое-то растеніе, святая набрала его и показала варвару. Послѣдній спросилъ ее:

— Какъ я узнаю, правда ли то, что ты говоришь мнѣ?

Въ отвѣтъ на это святая Евфрасія положила сорванное растеніе на свою шею и сказала ему:

Ст҃а́ѧ мч҃нца
є҆ѵфрасі́а

— Возьми острый мечъ, замахнись обѣими руками и ударь меня по шеѣ насколько можешь сильно—и тогда ты увидишь, что твой мечъ нисколько не повредитъ мнѣ.

Варваръ, повѣривъ словамъ святой, взялъ мечъ, и, замахнувшись, весьма сильно ударилъ и отсѣкъ честну́ю главу святой Евфрасіи, и она упала мертвою[1]). Увидавъ, что онъ осмѣянъ святою, варваръ сталъ скрежетать зубами. Мудрая же дѣва отошла неоскверненною къ своему Жениху—Христу, оставивъ намъ образецъ сохраненія цѣломудрія, ибо она предпочла лучше умереть, чѣмъ погубить свое дѣвство.

---

1) Кончина мученицы Евфрасіи послѣдовала въ 303 году.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО

АРСЕНІЯ,

архіепископа Керкирскаго

Святый Арсеній, архіепископъ Керкирскій[1]), происходилъ изъ Палестины отъ благочестивыхъ родителей. Съ юности онъ посвятилъ себя на служеніе Богу и принялъ иноческое постриженіе. Ведя строго подвижническую жизнь, святый отличался при этомъ высокимъ образованіемъ. Достигнувъ зрѣлаго возраста, онъ получилъ санъ священства, а потомъ, спустя нѣкоторое время, былъ рукоположенъ въ архіепископа Керкирскаго. Въ санѣ архипастыря онъ прославился своею мудростію, учительностію[2]) и неоднократнымъ заступничествомъ за невинныхъ предъ властями. Такъ, уже въ старости онъ отправился въ Константинополь ходатайствовать за свою паству, которой угрожалъ неправедный гнѣвъ императора Константина Порфиророднаго[3]). Возвращаясь изъ Константинополя, Арсеній на пути заболѣлъ въ Коринѳѣ[4]) и съ миромъ предалъ духъ свой Богу[5]).

Въ тотъ же день **память преподобнаго Макарія, діакона Печерскаго**[6]).

---

1) *Островъ Керкира*—нынѣ *Корфу*, на Іоническомъ морѣ, близъ западнаго берега сѣверной Греціи.—Св. Арсеній былъ первымъ архіепископомъ на о. Корфу.

2) Знаменитый своею ученостью Патріархъ Константинопольскій Фотій, ведшій съ святымъ Арсеніемъ переписку, въ своихъ письмахъ къ нему выражаетъ глубокое удивленіе какъ къ мужу высокой духовной жизни, который знакомъ и съ греческою литературою.—Святый Арсеній извѣстенъ и какъ писатель: имъ составлены Канонъ на елеосвященіе, Похвальное слово Апостолу Андрею и описаніе страдальческой кончины великомученицы Варвары.

3) *Константинъ Порфиророднный*, Византійскій императоръ, царствовалъ съ 780 по 797 годъ.

4) *Коринѳъ*—древнѣйшій, знаменитый и богатый городъ Ахаіи; лежалъ въ прекрасной и плодоносной равнинѣ на юго-восточномъ углу Коринѳскаго залива, между Іоническимъ и Эгейскимъ морями. Въ настоящее время развалины древняго Коринѳа находятся близъ нынѣшняго Коринѳа, называемаго Куроито.

5) Святый Арсеній скончался въ концѣ VIII вѣка.

6) Жилъ и подвизался въ XII вѣкѣ. Мощи его почиваютъ въ Антоніевой пещерѣ.

День двадцатый

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ЕВѲИМІЯ ВЕЛИКАГО

Преподобный Евѳимій происходилъ родомъ изъ города Мелитины, въ Арменіи, близъ Евфрата[1]). Родители его Павелъ и Діонисія, оба христіане, происходили изъ знатнаго рода и были украшены добродѣтелями. Въ теченіе многихъ лѣтъ они были неплодны и бездѣтны, о чемъ они глубоко скорбѣли. Посѣщая находившуюся вблизи отъ города церковь святаго мученика Поліевкта[2]), они всегда молились Богу, чтобы разрѣшилось ихъ безчадіе. И вотъ, когда они въ одну ночь пребывали въ усердной молитвѣ, послѣдовало имъ нѣкое божественное видѣніе, и они услышали:

— Утѣшьтесь, ибо Богъ даруетъ вамъ сына, тезоименитаго утѣшенію[3]), потому что при рожденіи его Богъ подастъ утѣшеніе церквамъ Своимъ.

---

[1]) *Арменія*—горная страна къ югу отъ Кавказа и къ востоку отъ Малой Азіи; она дѣлилась на двѣ части: Большую, или восточную, Арменію и Малую, или западную. Городъ *Мелитина*, нынѣ *Малатія*, находился въ южной части Малой Арменіи, на одномъ изъ притоковъ Евфрата.

[2]) Святый Поліевктъ былъ замученъ въ царствованіе Валеріана въ 259-мъ году. Память его совершается 9-го января.

[3]) *Евѳимій*—отъ греческаго глагола εὐθυμέω: радуюсь, утѣшаюсь—въ переводѣ значитъ: *благодушный, веселый*.

Послѣ этого видѣнія Діонисія зачала сына, котораго еще до рожденія родители его обѣщали посвятить Богу. И вотъ родился у нихъ сынъ, и они нарекли его Евѳиміемъ. Въ то время на Востокѣ царствовалъ Валентъ, а на Западѣ—племянникъ его Граціанъ [1]). Для церквей Христовыхъ, смущаемыхъ аріанами, не было еще мира и тишины. Начиная со времени царствованія Констанція, сына Константинова, до самой смерти Валента православные въ теченіе почти сорока лѣтъ терпѣли преслѣдованія и насилія. Когда же родился святый Евѳимій, всѣ скорби святыхъ церквей превратились въ утѣшеніе и радость: не исполнилось еще пяти мѣсяцевъ послѣ рожденія Евѳимія, какъ нечестивый императоръ Валентъ былъ побѣжденъ варварами, опустошавшими Ѳракію и, во время бѣгства, скрывшись въ одномъ селеніи близъ Адріанополя [2]) въ сараѣ, сгорѣлъ. Такимъ образомъ, сей нечестивецъ ужасно погибъ отъ огня временнаго, который былъ для него какъ бы преддверіемъ огня вѣчнаго. Съ погибелью этого нечестиваго царя погибла и вся сила аріанская, и вскорѣ, со вступленіемъ на царство Ѳеодосія Великаго [3]), для святыхъ церквей наступили тишина и миръ.

По прошествіи довольно непродолжительнаго времени отецъ Евѳимія скончался. Діонисія же, исполняя обѣтъ свой, привела отрока Евѳимія къ брату своему, пресвитеру Евдоксію, который былъ духовнымъ отцомъ епископа Мелитинской Церкви Отрія [4]), посвящая сына своего, какъ нѣкогда Анна—Самуила, Богу [5]). Евдоксій же привелъ отрока къ епископу и повѣдалъ ему все о немъ: какъ послѣ нѣкоего божественнаго явленія и гласа онъ былъ дарованъ неплоднымъ родителямъ, ради усердной ихъ о томъ молитвы, и что онъ еще до рожденія былъ обѣщанъ на служеніе Господу. Епископъ Отрій, услыхавъ это и удивившись повѣданному, сказалъ:

— Воистину Духъ Божій почиваетъ на семъ ребенкѣ.

---

[1]) *Валентъ* царствовалъ съ 364 по 378 г., *Граціанъ*—съ 375 по 383 г.

[2]) *Ѳракія*—область Византійской имперіи въ сѣверо-восточной части Балканскаго полуострова. *Адріанополь*—городъ на р. Гебрѣ (Марицѣ); нынѣ—значительный и многолюдный, главный городъ турецкаго вилайета (области) того же имени.

[3]) *Императоръ Ѳеодосій Великій* царствовалъ съ 379 по 395 г.

[4]) *Отрій, епископъ Мелитинскій*, просіялъ на II-мъ Вселенскомъ Константинопольскомъ Соборѣ 381 г.; впослѣдствіи онъ былъ причтенъ къ лику святыхъ. Память его совершается на Востокѣ 17-го апрѣля.

[5]) 1 Кн. Цар., гл. 1

Прп҃бный
ЄѴѦѴ́МІЙ

Принявъ отрока къ себѣ вмѣсто сына, Отрій тщательно заботился объ его обученіи, поручивъ это дѣло двумъ учителямъ изъ клириковъ, Акакію и Синодію[1]),—мужамъ благоразумнымъ и добродѣтельнымъ, изъ которыхъ каждый впослѣдствіи, въ свое время, былъ епископомъ той же Мелитинской Церкви. Когда блаженный Евѳимій хорошо изучилъ божественныя книги, епископъ поставилъ его во чтеца, а мать его, блаженную Діонисію, съ непрестаннымъ усердіемъ служившую Богу, посвятилъ въ діакониссы[2]) своей церкви. Затѣмъ святый Евѳимій, съ юности извѣстный своею добродѣтельною жизнію и непорочнымъ дѣвствомъ, прошедшій всѣ нисшія церковныя степени и бывшій уже инокомъ, посвященъ былъ въ санъ пресвитера. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему поручено было, хотя онъ и не хотѣлъ начальствованія, и попеченіе о монастыряхъ, находившихся въ томъ городѣ, такъ какъ онъ съ дѣтства весьма возлюбилъ иночество и безмолвіе. Посему преподобный Евѳимій часто пребывалъ въ монастырѣ святаго мученика Поліевкта, отстоявшемъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города. Во дни же Святой Четыредесятницы онъ удалялся въ одну пустынную гору и тамъ предавался безмолвію среди подвиговъ и трудовъ, извѣстныхъ Единому Богу. Сознавая же, что настоятельство и управленіе монастырей препятствуютъ его безмолвію, вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгая славы человѣческой, преподобный на двадцатомъ году своей жизни тайно ушелъ въ Іерусалимъ[3]). Поклонившись Честно́му Кресту и Гробу Христову и

---

1) *Святый Акакій* впослѣдствіи за богоугодную жизнь былъ избранъ епископомъ Мелитинскимъ; онъ присутствовалъ на III-мъ Вселенскомъ Ефесскомъ Соборѣ 431 года; скончался около 435 года. Память его совершается Церковію 17-го апрѣля. *Синодій*— преемникъ Акакія по каѳедрѣ.

2) О должности *діакониссъ* см. на стр. 263, прим. 2.

3) Преп. Евѳимію было тогда около 29 лѣтъ. Это было въ 406 г.

прочимъ святымъ мѣстамъ, онъ посѣтилъ святыхъ отцовъ, жившихъ въ окрестной пустынѣ, и, разсмотрѣвъ житіе и добродѣтель каждаго, потщился къ подражанію имъ. Потомъ онъ пришелъ въ лавру Фаранскую[1]), отстоявшую отъ Святаго Града въ разстояніи шести поприщъ, и, нашедши внѣ монастыря одну пустую келлію въ уединенномъ мѣстѣ, поселился въ ней, не имѣя совсѣмъ ничего; обучившись плетенію корзинъ, онъ питался отъ труда рукъ своихъ. И такъ, освободившись отъ всякой земной заботы, онъ имѣлъ лишь одно попеченіе—какъ угодить Богу.

Былъ у святаго Евѳимія сосѣдъ и другъ, преподобный Ѳеоктистъ, съ которымъ онъ соединился такою духовною любовію, что оба имѣли одну волю, одно стремленіе къ Богу, одинъ общій подвигъ. Они передавали другъ другу свои мысли, и каждый изъ нихъ какъ бы заключенъ былъ въ душѣ другаго: чего бы одинъ ни пожелалъ, къ тому и другой стремился, какъ будто въ двухъ тѣлахъ была одна душа. Ежегодно послѣ осьмаго дня святыхъ Богоявленій Евѳимій и Ѳеоктистъ удалялись въ пустыню Кутиллійскую[2]) и тамъ пребывали до недѣли Цвѣтоносной[3]), тѣло изнуряя постомъ и трудами, душу же питая духовною пищею. Потомъ они возвращались каждый въ свою келлію съ обильнымъ богатствомъ добродѣтелей, которое они и приносили Воскресшему Христу. Проживая такимъ образомъ въ Фаранской лаврѣ, преподобный Евѳимій однажды вмѣстѣ съ блаженнымъ Ѳеоктистомъ въ обычное время удалился въ Кутиллійскую пустыню[4]). Проходя по пустынѣ, они пришли къ одному утесу, около котораго былъ расположенъ дикій оврагъ, въ глубинѣ котораго протекалъ потокъ; на сѣверъ отъ потока на утесѣ находилась пещера, въ которой жили звѣри и въ которую можно было лишь съ трудомъ пробраться по стѣнѣ. Обрадовавшись, какъ будто мѣсто это было пріуготовано имъ Самимъ Богомъ, они поселились тамъ, питаясь растущими кругомъ травами, и въ лавру уже не возвратились.

---

[1]) *Лавра Фаранская*, или *Фаре*, основана преподобнымъ Харитономъ (память его—28 сентября) въ 1-й половинѣ IV вѣка, въ шести милліаріяхъ (съ небольшимъ 8 верстъ) отъ Іерусалима къ востоку, по пути въ Іерихонъ.

[2]) *Пустыня Кутиллійская* лежала къ сѣверо-востоку отъ Іерусалима, въ недалекомъ разстояніи отъ Іерихона, ниже Лавры святаго Саввы Освященнаго, къ Мертвому морю, отстоящей къ востоку отъ Іерусалима на 12 верстъ.

[3]) Т. е. преподобные Евѳимій и Ѳеоктистъ удалялись въ пустыню послѣ отданія праздника Богоявленія Господня и пребывали тамъ до праздника Входа Господня въ Іерусалимъ, или Вербнаго воскресенья (недѣли Цвѣтоносной, иначе—Ваій).

[4]) Это было въ 411-мъ году.

По прошествіи нѣкотораго времени, когда Богъ благоизволилъ явить преподобныхъ для пользы вѣрующихъ, то, по Его устроенію, нѣкоторые пастухи изъ Лазаріи[1]) привели стада свои къ этому потоку. И когда они подняли взоры свои вверхъ на гору къ пещерѣ, то замѣтили неожиданно двухъ мужей, ходившихъ по утесу, и, испугавшись, обратились въ бѣгство. Отцы же кроткимъ голосомъ кричали имъ вслѣдъ:

— Не бойтесь, братія, не бойтесь: ибо и мы—люди, но ради грѣховъ нашихъ живемъ въ этомъ мѣстѣ.

Тогда пастухи, ободрившись, пришли къ нимъ и вошли въ пещеру; не найдя тамъ ничего потребнаго для земной жизни, они изумились и потомъ возвратились домой, разсказавъ о преподобныхъ своимъ домашнимъ. Послѣ того къ преподобнымъ Евѳимію и Ѳеоктисту начали приходить жители Лазаріи, принося имъ необходимое для житейскихъ потребностей. Между тѣмъ и фаранскіе отцы, замѣтивъ, что преподобные не возвращаются, долгое время искали ихъ по пустынѣ, пока не узнали, гдѣ они находятся, и, послѣ того какъ нашли ихъ, стали ихъ часто посѣщать. Потомъ нѣкоторые пожелали поселиться вмѣстѣ съ ними; первыми, пришедшими къ преподобнымъ Евѳимію и Ѳеоктисту и не возвратившимися въ лавру, были Маринъ и Лука[2]). Потомъ стали стекаться и другіе, ибо слава о преподобномъ Евѳиміи въ непродолжительное время распространилась повсюду, и многіе стали стремиться узрѣть его и подвизаться подъ его руководствомъ. Онъ же, принимая приходившихъ, поручалъ ихъ руководству друга своего, блаженнаго Ѳеоктиста, ибо самъ возлюбилъ болѣе всего уединеніе. Въ скоромъ времени въ пустынѣ была устроена киновія[3]), а пещера была обращена въ церковь. Преподобный Евѳимій былъ духовнымъ врачомъ всѣхъ: каждый изъ братій раскрывалъ предъ нимъ свою совѣсть, исповѣдуя свои помышленія; онъ же, обладая большою духовною опытностью, наставлялъ каждаго съ пользою, поучая и увѣщавая, отечески наказывая и утѣшая. Ко всѣмъ же братіямъ преподобный Евѳимій говорилъ:

---

1) Нынѣ—селеніе ел-Азарія, недалеко отъ пустыни Кутнллійской.

2) *Маринъ* и *Лука*—извѣстные ученики преподобнаго Евѳимія. Получивъ иноческое воспитаніе отъ него, они явили изъ себя подвижниковъ отшельнической жизни; чрезъ нѣсколько лѣтъ они просіяли въ мѣстахъ близъ селенія Метопа (нынѣ Хирбет Джубб ер-Румъ, по дорогѣ отъ Іерусалима въ Лавру преп. Саввы Освященнаго) и создали монастыри; они привели въ монашеское совершенство преподобнаго Ѳеодосія Великаго, который былъ киновіархомъ этой пустыни и архимандритомъ киновій.

3) *Киновія*—общежитіе, общежительный монастырь.

— Братія! Для чего вы вышли изъ міра, надъ тѣмъ и подвизайтесь, и не нерадите о своемъ спасеніи, но ежечасно бодрствуйте, по слову Господа: **бди́те и҆ моли́тесѧ, да не вни́дете въ напа́сть**[1]); прежде всего знайте, что отрекающимся отъ міра и желающимъ проводить иноческую жизнь до̀лжно не имѣть собственной воли, но блюсти всегда послушаніе и смиренномудріе, а въ умѣ имѣть память смертную и часъ судный, бояться огня вѣчнаго и желать славы Царства Небеснаго.

И еще говорилъ, что инокамъ до̀лжно, при внутреннемъ Богомысліи, трудиться и тѣлесно, особенно юнымъ, для тѣлеснаго удрученія, дабы плоть повиновалась духу, быть подражателями Апостола Павла, который трудился день и ночь, не только избѣгая праздности, но служа и себѣ, и другимъ, какъ самъ онъ говоритъ: **тре́бованїю моемꙋ̀ и҆ сꙋ́щымъ со мно́ю послꙋжи́сте рꙋ́цѣ мои̇̀ сі́и**[2]). Ибо если міряне подъемлютъ столь многіе труды и страдаютъ, непрестанно работая, чтобы прокормить женъ своихъ и дѣтей, и отъ того же труда приносятъ жертвы Богу, творятъ милостыню и платятъ подати: то не мы ли, тѣмъ паче, должны трудиться на необходимую тѣлесную потребу, дабы избѣжать праздности и не поядать чужихъ трудовъ, по заповѣди Апостола: **а҆́ще кто̀ не хо́щетъ дѣ́лати, нижѐ да ꙗ҆́стъ**[3]).

Такъ преподобный отецъ нашъ Евѳимій, наставляя братію, побуждалъ ихъ къ трудолюбію. Онъ заповѣдывалъ не разговаривать ни въ церкви во время Богослуженія, ни на трапезѣ—во время ѣды братіи, но повсюду хранить молчаніе, внимая Слову Божію. Когда онъ видѣлъ кого-либо изъ братій, особенно юныхъ, хотѣвшаго поститься болѣе прочей братіи, то не одобрялъ этого и не допускалъ, чтобы братъ слѣдовалъ своей волѣ, но требовалъ, чтобы онъ соблюдалъ общее со всѣми время воздержанія и время трапезованія; преподобный наставлялъ, чтобы братъ ѣлъ на трапезѣ съ воздержаніемъ, не пресыщая чрева, но вкушая менѣе, чѣмъ оно требуетъ, дабы, такимъ образомъ, скрыть свое постничество, не разглашая о немъ открыто, а тайно вооружившись противъ возстающихъ страстей. Просвѣщаемые такими наставленіями и поученіями преподобнаго Евѳимія братія подвизались и приносили плодъ, достойный своего званія.

---

1) Евангеліе отъ Матѳ., гл. 26, ст. 4.
2) Кн. Дѣян. Ап., гл. 20, ст. 34.
3) 2 Посл. къ Солун., гл. 3, ст. 10.

Теперь надлежитъ намъ сказать объ Аспеветѣ и Теревонѣ, начальникахъ сарацинскихъ, о томъ, какъ они были обращены Евѳиміемъ къ Богу.

Жилъ въ Персіи одинъ еллинъ, по имени Аспеветъ, имѣвшій юнаго сына Теревона, который былъ пораженъ бѣсомъ, вслѣдствіе чего вся правая сторона его отъ головы до ногъ изсохла; и никто не могъ его вылѣчить, хотя къ нему приводили многихъ опытнѣйшихъ врачей. Потомъ Аспеветъ вмѣстѣ съ своимъ больнымъ сыномъ переселился въ Аравію. Это произошло слѣдующимъ образомъ. Въ началѣ поднятаго тогда въ Персіи магами[1]) гоненія на христіанъ, въ концѣ царствованія Издегерда[2]), всѣмъ военачальникамъ, среди которыхъ былъ и Аспеветъ, было приказано тщательно стеречь всѣ дороги — такъ, чтобы ни одинъ изъ христіанъ не могъ убѣжать изъ Персіи къ грекамъ. Тогда Аспеветъ, видя столь великую злобу противъ ни въ чемъ не повинныхъ христіанъ, сжалился надъ ними и не только не препятствовалъ бѣжать имъ изъ земли персидской, но и самъ, насколько могъ, помогалъ имъ, защищая отъ опасностей и смерти. Вслѣдствіе сего онъ былъ оклеветанъ невѣрными предъ царемъ Издегердомъ. Боясь мученій, Аспеветъ, взявъ своего сына, имущество и всѣхъ домашнихъ, поспѣшно бѣжалъ изъ Персіи въ предѣлы Греческаго царства. Царь же Греческій, принявъ его, вручилъ ему начальство надъ Сарацинами, жившими подъ властію Грековъ въ Аравіи. Когда Аспеветъ поселился тамъ, сынъ его Теревонъ увидѣлъ въ сонномъ видѣніи преподобнаго Евѳимія, обѣщавшаго ему выздоровленіе, если обратится ко Христу. Проснувшись, Теревонъ разсказалъ отцу о своемъ сновидѣніи; тотъ же немедленно взялъ отрока и, въ сопровожденіи множества слугъ, пришелъ къ монастырю преподобныхъ Евѳимія и Ѳеоктиста. Братія, увидѣвъ множество Сарацинъ, испугались. Блаженный же Ѳеоктистъ, вышедши къ Сарацинамъ, спросилъ ихъ:

— Чего вы здѣсь ищете?

---

1) *Маги* въ Персіи—члены жреческой касты, принадлежавшіе къ особому поколѣнію мидянъ. Въ нхъ рукахъ сосредоточено было все научное образованіе; они завѣдывали религіозными обрядами и играли вліятельную роль въ жизни государства. Имъ также приписываютъ искусство звѣздочетства (угадыванія судьбы человѣка по теченію свѣтилъ небесныхъ), гаданія и чародѣйства, тѣмъ болѣе, что языческая религія Персовъ соединялась съ различнаго рода темными суевѣріями.

2) *Персидскій царь Издегердъ I* царствовалъ съ 399 по 420 г. Возстаніе, поднятое персидскими магами на христіанъ, было въ 419 г.

Они отвѣчали:

— Раба Божія Евѳимія ищемъ.

Ѳеоктистъ сказалъ имъ:

— Здѣсь живетъ тотъ, кого вы ищете, но до субботы онъ ни съ кѣмъ не видится, потому что безмолвствуетъ.

Аспеветъ же, взявъ за руку Ѳеоктиста, показалъ ему на своего больного сына и приказалъ ему самому разсказать все о себѣ. Отрокъ началъ говорить:

— Я годъ тому назадъ получилъ эту язву въ Персіи и, испытавъ на себѣ врачебное искусство врачей и волшебныя заклинанія маговъ, не получилъ никакой пользы, но еще болѣе заболѣлъ. Прійдя же сюда, въ Аравійскую страну, и не чувствуя никакого облегченія, я въ одну изъ ночей, лежа на своемъ одрѣ, размышлялъ о томъ, получу ли я когда-нибудь исцѣленіе, и говорилъ самъ съ собою: «О Теревонъ! Гдѣ же врачебное искусство еллиновъ и персовъ? Гдѣ волхвованія и чары? Гдѣ сила нашихъ идоловъ, и какая отъ нихъ польза? Гдѣ выдумки звѣздочетовъ и басни нашего ученія и безполезныя призыванія нашихъ боговъ? Поистинѣ все это—только мечтанія, достойныя смѣха, ибо безъ соизволенія Единаго Истиннаго Бога совершенно не помогаетъ никому». Разсуждая такъ, я обратился къ молитвѣ и со слезами молился, говоря: «Боже великій и страшный, сотворившій Небо и землю, если помилуешь меня и избавишь отъ сей лютой болѣзни, то я буду христіаниномъ, оставивъ всѣ беззаконія и заблужденія еллинской вѣры». Такъ помолившись, я уснулъ и увидѣлъ во снѣ нѣкоего инока съ просѣдью и большою бородою; онъ сказалъ мнѣ: «Чѣмъ ты страдаешь?» Когда я показалъ ему свою болѣзнь, онъ мнѣ сказалъ: «Исполнишь ли то, что обѣщалъ Богу?» Я отвѣчалъ: «Исполню, если освобожусь отъ этой болѣзни». Тогда старецъ сказалъ мнѣ: «Я—Евѳимій, живущій въ восточной пустынѣ, въ разстояніи десяти поприщъ отъ Іерусалима, недалеко отъ пути, ведущаго въ Іерихонъ. Итакъ, если хочешь исцѣлиться,—приди ко мнѣ, и Богъ чрезъ меня исцѣлитъ тебя». Обо всемъ этомъ, что я видѣлъ и слышалъ во снѣ, я разсказалъ своему отцу,—и вотъ мы пришли сюда по повелѣнію явившагося мнѣ въ видѣніи. Молимъ тебя, покажи намъ того врача, Богомъ явленнаго.

Блаженный Ѳеоктистъ пошелъ и повѣдалъ великому Евѳимію о всемъ, что слышалъ. Тотъ же, разсудивъ, что неумѣстно противиться Божію повелѣнію, вышелъ изъ своего безмолвія и, при-

шедши къ больному, помолился о немъ Богу, ознаменовалъ его крестнымъ знаменіемъ,—и тотчасъ Теревонъ выздоровѣлъ, какъ будто никогда и не болѣлъ. Варвары, пораженные столь внезапнымъ исцѣленіемъ Теревона, увѣровали во Христа, и всѣ, павъ ницъ на землю, просили крестить ихъ. Евѳимій же чудотворецъ, видя, что они отъ всей души увѣровали въ Бога, совершилъ надъ ними оглашеніе и крестилъ: сначала—Аспевета, котораго наименовалъ Петромъ[1]), послѣ него Марина, брата жены Аспевета, потомъ Теревона, а также всѣхъ, съ нимъ пришедшихъ Сарацинъ. Продержавъ ихъ у себя сорокъ дней, преподобный просвѣтилъ ихъ Словомъ Божіимъ и, утвердивъ въ вѣрѣ, отпустилъ въ ихъ отечество. Маринъ же, дядя Теревона, не ушелъ изъ монастыря, но принялъ въ немъ постриженіе и пребывалъ здѣсь до самой своей кончины; онъ много угодилъ Богу и былъ игуменомъ обители той послѣ преподобнаго Ѳеоктиста, какъ о томъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго. Что же касается значительнаго имѣнія его, которое онъ принесъ въ даръ монастырю, то оно частію роздано было нищимъ, частію истрачено на построеніе и расширеніе монастыря.

Между тѣмъ, послѣ того какъ молва о чудесномъ исцѣленіи Теревона повсюду распространилась, къ блаженному Евѳимію, врачу безмездному, отовсюду стало стекаться множество больныхъ, и всѣ скоро получали исцѣленіе и возвращались здоровыми. Вслѣдствіе сего имя святаго прославилось не только въ Палестинѣ, но и по окрестнымъ областямъ. Преподобный же, видя, что нарушается его безмолвіе, памятуя о прежнемъ своемъ безмолвіи, скорбѣлъ и тужилъ о томъ, что многіе приходятъ и прославляютъ его, и помышлялъ тайно уйти въ пустыню, называемую Рува[2]). Блаженный Ѳеоктистъ, узнавъ объ этомъ, возвѣстилъ братіи. И вотъ всѣ, собравшись, пришли и пали къ ногамъ преподобнаго Евѳимія, со слезами умоляя его не оставлять ихъ сирыми. Онъ же, желая утѣшить ихъ, обѣщался сначала не удаляться оттуда, но, по прошествіи немногихъ дней, побуждаемый желаніемъ пребывать въ непрестанномъ безмолвіи и будучи не въ силахъ болѣе терпѣть мірскую молву, ночью тайно вышелъ изъ монастыря, взявъ съ собою одного ученика—Доментіана, добродѣтельной жизни, происхо-

---

[1]) Впослѣдствіи Петръ, носившій имя Аспевета, былъ первымъ епископомъ сарацинскимъ и участвовалъ на Ефесскомъ (III-мъ Вселенскомъ) Соборѣ 431 года.

[2]) *Рува*—пустыня у сѣверо-западныхъ береговъ Мертваго моря: между нимъ, нынѣшней іерусалимской дорогой и лаврой преподобнаго Саввы Освященнаго.

дившаго родомъ, какъ и преподобный, изъ Мелитины, и пошелъ въ Руву. Проходя по южной пустынѣ около Мертваго моря, онъ взошелъ на высокую гору, отдѣленную отъ другихъ горъ, называемую Марда[1]), и, нашедши на ней колодезь съ водою и развалившуюся хижину, перестроилъ ее и поселился тамъ, и прожилъ нѣсколько времени, питаясь пустынными травами. Потомъ преподобный ушелъ въ пустыню Зифъ, расположенную близъ селенія Аристовуліады[2]), желая увидѣть тамъ пещеру, въ которой нѣкогда скрывался Давидъ, убѣгая отъ Саула. Увидѣвъ то мѣсто, преподобный Евѳимій устроилъ тамъ монастырь.

Поводомъ къ построенію монастыря послужило слѣдующее. Сынъ старѣйшины селенія Аристовуліады былъ одержимъ нечистымъ духомъ и съ воплемъ громко призывалъ имя Евѳимія, ибо такъ невидимо повелѣлъ ему Богъ. Отецъ же юноши и родственники тщательно разспрашивали повсюду о Евѳиміи, кто онъ и гдѣ находится. Узнавъ, что онъ пребываетъ между Капарварихомъ[3]) и Аристовуліадой въ Давидовой пещерѣ, отецъ больного привелъ къ нему бѣсноватаго сына. Какъ только послѣдній увидѣлъ святаго, бѣсъ тотчасъ повергъ его на землю и вышелъ изъ него. Когда вѣсть о чудѣ распространилась, то пришли къ святому многіе изъ окрестныхъ селеній и выстроили ему монастырь. Собрались братія около него, и Богъ посылалъ имъ пищу. Святый обратилъ тамъ многихъ, принадлежавшихъ къ манихейской ереси[4]), въ Православіе, убѣдивъ ихъ предать проклятію ересеначальника Манеса. Потомъ, чувствуя безпокойство отъ множества приходившихъ посѣтителей, сказалъ ученику своему Дометіану:

— Пойдемъ, чадо, и посѣтимъ преподобнаго Ѳеоктиста и братію.

И они пошли. Приближаясь къ киновіи, преподобный Евѳимій нашелъ на горѣ мѣсто, которое ему понравилось и на которомъ впослѣдствіи возникла его лавра: мѣсто это было ровное, уединенное, и воздухъ былъ здоровый. И остановился онъ тамъ въ

---

1) *Марда*—иначе *Мореcъ*—гора около Мертваго моря.

2) *Пустыня Зифъ* составляетъ часть пустыни іудейской, къ югу отъ Іерусалима и къ юго-востоку отъ Хеврона. Къ западу и востоку отъ нея находятся пещеры, въ одной изъ которыхъ укрывался Давидъ, спасаясь отъ преслѣдованія Саула (1 Кн. Цар., гл. 18 и слѣд.).—*Аристовуліада*—селеніе близъ Хеврона.

3) *Капарварихъ*—нынѣ *Бени-Наимъ*—монастырь, находившійся къ юго-востоку отъ Хеврона, въ пустынѣ по теченію р. Іордана, недалеко отъ него.

4) О *манихействѣ* см. на стр. 548 прим. 2.

попавшейся небольшой пещерѣ, гдѣ впослѣдствіи, по преставленіи его, было погребено тѣло его[1]). Блаженный Ѳеоктистъ, узнавъ о приходѣ преподобнаго Евѳимія, поспѣшно вышелъ привѣтствовать его и молилъ его придти на жительство въ свое мѣсто въ киновіи вмѣстѣ съ братіею. Но Евѳимій не согласился и лишь обѣщался по всѣмъ воскресеньямъ приходить на церковное Богослуженіе. Аспеветъ, онъ же и Петръ, услышавъ, что преподобный Евѳимій возвратился въ свое мѣсто, возрадовался и пришелъ къ нему со множествомъ Сарацинъ съ женами и дѣтьми и просилъ его сказать имъ слово спасенія. Старецъ же, преподавъ имъ поученіе, обратилъ ко Христу всѣхъ, пришедшихъ съ Аспеветомъ; приведши ихъ въ нижній монастырь, онъ просвѣтилъ ихъ Святымъ Крещеніемъ и пробылъ съ ними семь дней, поучая и утверждая ихъ въ вѣрѣ. Послѣ этого, стремясь къ безмолвію, онъ возвратился въ свою пещеру.

Аспеветъ-Петръ, видя, что старецъ не имѣетъ келліи, но живетъ въ небольшой пещерѣ, призвалъ каменщиковъ и соорудилъ святому три келліи, небольшую церковь и пекарню; потомъ онъ сдѣлалъ двуустый водоемъ и удовлетворилъ преподобнаго всѣмъ необходимымъ, дабы онъ ни въ чемъ не испытывалъ лишеній. Новокрещенные Сарацины не хотѣли болѣе отлучаться отъ преподобнаго, но, желая всегда насыщаться его поученіями, просили святаго позволить имъ жить близъ него. Но Евѳимій не согласился на это, боясь, что тогда совершенно нарушится его безмолвіе, но, приведши ихъ на другое удобное мѣсто, велѣлъ имъ построить для себя келліи и церковь и назначилъ для нихъ пресвитеровъ и діаконовъ. Съ каждымъ днемъ собраніе ихъ умножалось, ибо приходило много Сарацинъ, которые принимали Святое Крещеніе. Преподобный часто посѣщалъ ихъ, поучая Слову Божію. Когда селеніе ихъ стало представлять какъ бы большой городъ, преподобный обратился къ Патріарху Іерусалимскому Ювеналію[2]) съ просьбой посвятить Петра, отца Теревонова, во епископы для новопросвѣщенныхъ Сарацинъ. И былъ поставленъ Петръ во епископы, удовлетворяя духовнымъ нуждамъ множества Сарацинъ, принявшихъ святую вѣру.

---

[1]) Нынѣ—*дер-Мукеликъ*. Лавра преподобнаго Евѳимія лежала въ 3000 шаговъ (около 4 верстъ къ югу отъ нижняго монастыря, вправо отъ дороги въ Іерихонъ).

[2]) *Святый Ювеналій*—Патріархъ Іерусалимскій, ревностный защитникъ Православія противъ еретиковъ, занималъ каѳедру съ 420 по 458 годъ.

Преподобный Евѳимій не хотѣлъ имѣть сожителей на томъ мѣстѣ, гдѣ безмолвствовалъ, и потому не устраивалъ ни киновіи, ни лавры, но отсылалъ приходившихъ къ нему для постриженія въ нижній монастырь — къ преподобному Ѳеоктисту; также если кто приносилъ ему что-либо для тѣлесныхъ потребностей,—все то отсылалъ въ монастырь Ѳеоктистовъ. Когда же Богъ благоизволилъ заселить то мѣсто многими иноками, то повелѣлъ великому Евѳимію въ видѣніи, чтобы не отгонялъ приходящихъ къ нему ради спасенія. Однажды къ нему пришли три брата по плоти, родомъ каппадокійцы, воспитанные въ Сиріи: Косма, Хрисиппъ и Гавріилъ; они горѣли духомъ къ духовному совершенствованію. Но старецъ не хотѣлъ принять ихъ: частію потому, что любилъ свое безмолвіе, частію потому, что они были молоды, особенно же потому, что младшій изъ братьевъ, Гавріилъ, отъ чрева матери былъ скопцомъ и очень юнъ, а лицомъ походилъ на женщину. Тогда ночью послѣдовало преподобному нѣкоторое Божественное явленіе, въ которомъ къ нему былъ голосъ:

— Прими этихъ братьевъ, потому что Богъ послалъ ихъ, и впредь не отклоняй никого, хотящаго спастись.

Тогда святый принялъ ихъ и сказалъ старшему изъ нихъ, Космѣ:

— Вотъ, я принимаю васъ, какъ повелѣлъ мнѣ то Богъ; сдѣлай же и ты, что я прикажу: не позволяй младшему брату выходить изъ келліи, чтобы никто изъ прочихъ братій его не видалъ: ибо не подобаетъ жить въ лаврѣ женскому лицу, дабы не поднялась противъ кого-либо вражія брань.

Потомъ святый предрекъ ему то, что имѣетъ послѣдовать.

— Какъ я полагаю,—сказалъ онъ,—ты недолго пробудешь здѣсь: ибо Богъ хочетъ вручить тебѣ епископство въ Скиѳопольской Церкви [1]).

Предсказаніе это впослѣдствіи дѣйствительно сбылось.

Послѣ этого преподобный началъ принимать всѣхъ приходящихъ. Такъ онъ принялъ Домнина, родомъ изъ Антіохіи [2]), — племянника Іоанна, архіепископа Антіохійскаго [3]); принялъ и трехъ дру-

---

1) *Скиѳополь*—городъ къ сѣверу отъ Іерусалима. Въ то время онъ былъ цвѣтущимъ многолюднымъ городомъ. Теперь это—бѣдная деревушка (Весанъ) среди безплодной пустыни.

2) *Антіохія*—древняя столица Сиріи, лежитъ на сѣверъ отъ Палестины, на берегу р. Оронта, впадающей въ Средиземное море.

3) *Іоаннъ, архіепископъ (патріархъ) Антіохійскій*, занималъ каѳедру съ 423 по 440 г.

гихъ братьевъ мелитинцевъ, племянниковъ того Синодія, который вмѣстѣ съ Акакіемъ былъ учителемъ Евѳимія, по имени Стефана, Андрея и Гаіана, затѣмъ Іоанна, пресвитера раиѳскаго[1]), Анатолія и Ѳалассія, также Киріона изъ Тиверіады[2]), пресвитера церкви святаго мученика Василія въ Скиѳополѣ; принявъ всѣхъ ихъ, онъ повелѣлъ епископу Петру сдѣлать имъ небольшія келліи и украсить церковь со всевозможнымъ благолѣпіемъ. Такимъ образомъ онъ устроилъ лавру, по образцу Фаранской. И пришелъ въ лавру Патріархъ Іерусалимскій Ювеналій со святымъ Пассаріономъ[3]), бывшимъ тогда хорепископомъ[4]), и Исихіемъ[5]), пресвитеромъ и учителемъ церковнымъ, и освятилъ лаврскую церковь[6]). Евѳимію было въ то время пятьдесятъ два года отъ роду. Поставилъ Патріархъ и двухъ діаконовъ для лавры — Дометіана и Домнина; пресвитерами же были Іоаннъ и Киріонъ. Радовался духомъ великій Евѳимій объ освященіи своей лавры, особенно же о томъ, что увидѣлся съ Патріархомъ, преосвященнымъ Пассаріономъ и Исихіемъ богословомъ, которые оба были преславными свѣтильниками. Но святый Пассаріонъ почилъ, когда не исполнилось еще семи мѣсяцевъ послѣ этого, находясь въ глубокой старости.

Въ первый годъ по освященіи лавры, когда братія вмѣстѣ съ преподобнымъ Евѳиміемъ находились въ великомъ стѣсненіи относительно тѣлесныхъ потребъ, на первое время былъ поставленъ экономомъ Дометіанъ[7]). Случилось однажды, что толпа армянъ, шедшихъ изъ Святаго Града къ Іордану, свернула съ пути вправо и пришла въ лавру, ибо Богъ такъ устроилъ, дабы добродѣтель и вѣра великаго отца просіяла еще болѣе. Ихъ было не менѣе

---

1) *Раиѳа*—нынѣ *ет-Торъ*—селеніе на восточномъ берегу Синайскаго полуострова, при Красномъ морѣ.

2) *Тиверіада*—нынѣ *Табарія*—городъ на западномъ берегу Геннисаретскаго, или Тиверіадскаго, озера (иначе—Галилейскаго моря), на сѣверѣ Палестины.

3) Память преподобнаго Пассаріона совершается въ Сырную субботу.

4) Въ древней Церкви, кромѣ епископовъ городовъ и епархій,—были еще епископы селъ, которые (отъ греч. слова χώρα—деревня) назывались хорепископами. Они дѣйствовали подъ наблюденіемъ епископа городского, имѣли въ своемъ завѣдываніи извѣстный округъ сельскихъ церквей, избирали для подвѣдомыхъ имъ церквей низшихъ клириковъ, приносили Божественные дары и раздавали милостыню изъ церковнаго имѣнія, но не имѣли власти рукополагать пресвитеровъ и діаконовъ. Въ своей дѣятельности они отдавали отчетъ главному епископу города и являлись непосредственными его помощниками. Впослѣдствіи они были упразднены.

5) Исихій впослѣдствіи причтенъ къ лику преподобныхъ. Память его—въ Сырную субботу.

6) Въ 429 году.

7) *Экономъ*—лицо, завѣдующее хозяйствомъ монастыря.

четырехсотъ человѣкъ. Увидѣвъ ихъ и замѣтивъ, что они голодны, преподобный призвалъ эконома Дометіана и сказалъ:

— Предложи этимъ людямъ поѣсть.

Дометіанъ же отвѣчалъ:

— Отче! Келарь[1]) не имѣетъ чѣмъ насытить десять человѣкъ: откуда же я возьму хлѣбовъ для такого множества народу?

Святый, исполненный пророческой благодати, сказалъ:

— Ступай и исполни, что я повелѣваю тебѣ, ибо Духъ Святый говоритъ, что люди эти будутъ ѣсть досыта, и намъ останется пища въ изобиліи.

Дометіанъ, пойдя въ хлѣбню, гдѣ лежало немного хлѣбовъ, не могъ отворить дверей, потому что Божіе благословеніе наполнило келлію до верха. Призвавъ нѣкоторыхъ изъ братій, онъ съ помощью ихъ вышибъ дверь, и хлѣбы посыпались изъ келліи. То же благословеніе произошло и съ виномъ и елеемъ, ибо сосуды внезапно всѣ наполнились. И ѣли всѣ, и насытились. Въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ не могли вставить дверь на свое мѣсто по причинѣ преизобилія хлѣбовъ: хлѣбы не умалялись, какъ нѣкогда не оскудѣвали у страннолюбивой вдовицы въ Сарептѣ Сидонской водоносъ муки и чванецъ елея[2]). Дометіанъ, удивившись тому чуду, бросился къ ногамъ учителя, прося прощенія. Старецъ же, вразумивъ его, преподалъ поученіе о страннолюбіи и надеждѣ на Бога.

Съ того времени лавра стала умножаться, благословляться всякимъ изобиліемъ и расширяться зданіями келлій; и совершалась въ церкви каждодневно Божественная служба. Экономъ вынужденъ былъ для потребъ монастырскихъ пріобрѣтать скотъ ради служенія братіи. Въ лаврѣ былъ нѣкій братъ, родомъ изъ Асіи[3]), по имени Авксентій, весьма пригодный для этой монастырской службы. Экономъ просилъ его стеречь и пасти лошаковъ и ословъ монастырскихъ, но онъ не послушался. Тогда экономъ обратился къ пресвитерамъ Іоанну и Киріону и вмѣстѣ съ ними упрашивалъ Авксентія взять на себя эту службу; но тотъ не послушался и ихъ. По наступленіи субботы, когда явилась возможность бесѣдо-

---

[1]) *Келарь*—хранитель и расходчикъ монастырскихъ припасовъ.

[2]) 3 Кн. Цар., гл. 17, ст. 14.— *Чванецъ*—небольшой сосудъ, кувшинчикъ.

[3]) *Асія*—западная часть Малой Азіи; такъ называлась она послѣ завоеванія ея римлянами еще до Р. Хр. Затѣмъ названіе Азіи перенесено было и на весь материкъ; въ данномъ случаѣ разумѣется западная часть Малой Азіи.

вать съ великимъ Евѳиміемъ о монастырскихъ дѣлахъ, экономъ повѣдалъ преподобному о непослушаніи Авксентія. Преподобный, призвавъ Авксентія, сказалъ ему:

— Послушай насъ, чадо, и прими возлагаемое на тебя послушаніе.

Тотъ же отвѣчалъ:

— Не могу, честны́й отче,—мнѣ препятствуютъ исполнить это три причины: первая—это то, что я—иноплеменникъ и не могу говорить на мѣстномъ языкѣ; вторая—страхъ грѣховнаго паденія; третья—что, имѣя попеченіе о скотѣ, я уже не буду въ состояніи сидѣть въ келліи въ богомысліи и безмолвствовать.

Великій Евѳимій сказалъ на это:

— Молимъ Бога, чтобы ты не получилъ никакого вреда отъ всего того, ибо Богъ знаетъ, что ради страха предъ Нимъ ты служишь рабамъ Его. Послушай Господа, глаголющаго: «сн҃ъ человѣ́ческїй не прїи́де, да послꙋ́жатъ є҆мꙋ̀, но послꙋжи́ти [1]) и еще: не и҆щꙋ̀ во́ли моеѧ̀, но во́ли посла́вшаго мѧ̀ ѻ҆ц҃а̀» [2]).

Но и послѣ такихъ увѣщаній преподобнаго Авксентій ожесточился и не послушался. Тогда преподобный, разгнѣвавшись, сказалъ:

— Мы, чадо, совѣтуемъ тебѣ, что для тебя полезно, а ты не слушаешь; увидишь, какова награда за неповиновеніе.

И тотчасъ Авксентій упалъ на землю въ припадкѣ бѣснованія, трепеща и трясясь; присутствовавшіе же отцы просили за него святаго, и тотъ, едва умоленный, поднялъ его и, знаменовавъ знаменіемъ креста, исцѣлилъ. Пришедши въ себя, Авксентій, припавъ къ ногамъ святаго, просилъ прощенія. Святый сказалъ ему:

— Послушаніе есть великая добродѣтель, ибо Богъ послушанія требуетъ паче, нежели жертвы; преслушаніе же содѣлываетъ смерть.

Потомъ, сотворивъ объ Авксентіи молитву, преподобный Евѳимій благословилъ его и сказалъ:

— Сѐ здра́въ є҆сѝ, ктомꙋ̀ не согрѣша́й, да не го́рше тѝ что̀ бꙋ́детъ [3]).

Послѣ этого Авксентій принялъ возложенное на него послушаніе и съ усердіемъ сталъ исполнять его.

---

1) Еванг. отъ Матѳ., гл. 20, ст. 28.

2) Еванг. отъ Іоан., гл. 5, ст. 30.

3) Еванг. отъ Іоан., гл. 5, ст. 14.

Два брата, Маронъ и Климатій, обременяясь суровою жизнію въ лаврѣ, сговорились ночью бѣжать, и, когда уже приготовились къ тому, намѣреніе ихъ стало извѣстнымъ преподобному Евѳимію: онъ узрѣлъ въ видѣніи діавола, набрасывающаго на нихъ узду и влекущаго въ смертоносныя сѣти. Тотчасъ же призвавъ ихъ, преподобный обратился къ нимъ съ продолжительною бесѣдою, поучая о терпѣніи, убѣждая и наставляя ихъ оставить свое пагубное намѣреніе. Говорилъ онъ о томъ, что дòлжно тщательно блюсти себя: Адамъ, будучи въ раю, преступилъ Заповѣдь Божію; Іовъ же соблюлъ ее, сидя на гноищѣ. Къ этому увѣщанію онъ прибавилъ и слѣдующее:

— Не дòлжно намъ допускать лукавыхъ помысловъ, вселяющихъ въ насъ печаль или ненависть къ мѣсту, въ которомъ живемъ, или къ сожителямъ; не дòлжно слушать помысловъ, совѣтующихъ перейти на другое мѣсто; но намъ необходимо ежечасно быть трезвыми и отвращать умъ свой отъ козней бѣсовскихъ, дабы съ переходомъ нашимъ не разрушилось наше правило, ибо дерево, часто пересаждаемое, не приноситъ плода. Если кто захочетъ сотворить что-либо хорошее на мѣстѣ, гдѣ живетъ, и не сможетъ, то пусть не думаетъ, что онъ въ состояніи управить это въ другомъ: ибо доброе дѣло достигается не мѣстомъ, а изволеніемъ и вѣрою. Выслушайте одинъ разсказъ, который я слышалъ отъ египетскихъ иноковъ. Одинъ братъ жилъ въ Египтѣ въ киновіи и часто гнѣвался и волновался, и бранныя слова были постоянно на его устахъ; пришедши въ уныніе, онъ ушелъ изъ монастыря и поселился въ уединеніи, полагая, что если ему не съ кѣмъ будетъ бесѣдовать, то освободится отъ своей привычки гнѣваться. Въ одинъ день, когда онъ, ради нѣкоей потребы, налилъ сосудъ воды, тотъ опрокинулся; онъ наполнилъ его во второй разъ, но сосудъ опять опрокинулся; тоже случилось и въ третій разъ. Братъ, будучи обольщенъ бѣсомъ, разгнѣвался на сосудъ и, схвативъ, разбилъ его.

Когда святый Евѳимій говорилъ это, Климатій разсмѣялся. Старецъ же, взглянувъ на него, сказалъ:

— Не прельщенъ ли и ты, братъ, бѣсомъ, что безумно смѣешься? Развѣ ты не слышалъ, что Господь смѣющихся считаетъ отверженными, а плачущихъ ублажаетъ?

Сказавъ это, преподобный отворотился отъ Климатія и пошелъ въ свою внутреннюю келлію. Климатій же тотчасъ палъ ницъ,

объятый трепетомъ, ибо на него напалъ какой-то страхъ и ужасъ. Въ то время находился тамъ Дометіанъ; онъ собралъ нѣкоторыхъ изъ отцовъ и, вошедши къ преподобному, просилъ простить Климатія.

Внявъ имъ, святый вышелъ и поднялъ лежащаго, и знаменіемъ креста уврачевалъ его, причемъ сказалъ:

— Впредь внимай себѣ и не пренебрегай наставленіями отцовъ, принимая ихъ какъ бы Божіи слова, и сдѣлайся весь окомъ, какъ мы слышали о Херувимахъ. Тщательно соблюдай себя отовсюду, ибо ты ходишь посреди сѣтей.

Такъ наказавъ брата и наставивъ обоихъ, сговорившихся бѣжать, преподобный отпустилъ ихъ въ свои келліи утвержденными.

Въ тѣ времена былъ собранъ въ Ефесѣ на нечестиваго Несторія Третій Вселенскій Соборъ[1]). Тогда пришелъ изъ Мелитины въ Палестину для поклоненія вышеупомянутый Синодій, который, вмѣстѣ съ Акакіемъ, во время юности преподобнаго былъ его учителемъ. Имѣя въ лаврѣ Евѳимія трехъ вышеназванныхъ племянниковъ: Стефана, Андрея и Гаіана, Синодій пришелъ туда и, облобызавъ преподобнаго Евѳимія, разсказалъ ему о нечестивой ереси Несторія[2]), который, по попущенію Божію, былъ нѣкоторое время Патріархомъ Константинопольскимъ и возмутилъ своими лжеученіями всю вселенную; разсказалъ ему о ревности въ Православіи—блаженнаго Кирилла, архіепископа Александрійскаго[3]), и Акакія, епископа Мелитинскаго, бывшаго нѣкогда учителемъ его. И радовался за нихъ преподобный. Петру, нѣкогда именовавшемуся Аспеветомъ, а въ то время бывшему уже епископомъ сарацинскимъ, который вмѣстѣ съ другими палестинскими епископами отправлялся на Соборъ Ефесскій, преподобный повелѣлъ держаться ученія Кирилла и Акакія и всячески ихъ защищать. По окончаніи Собора и низложеніи Несторія Петръ, возвратившись, подробно разсказалъ старцу обо всемъ, происходившемъ на Соборѣ; старецъ радовался объ утвержденіи Православія, но скорбѣлъ объ Іоаннѣ, архіепископѣ Антіохійскомъ, который, будучи православнымъ, защищалъ Несторія.

---

1) Въ 431 году.

2) *О Несторіи* и его *лжеученіи* см. на стр. 324, прим. 3.

3) Память св. Кирилла Александрійскаго († 444 г.) совершается Церковію 9-го іюня и 18-го января, вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ Александрійскимъ.

Діаконъ Домнинъ, скорбя о дядѣ своемъ, просилъ великаго отца отпустить его въ Антіохію для исправленія своего дяди. Но святый сказалъ ему:

— Не ходи, чадо: если останешься на томъ мѣстѣ, на которое призванъ, и не послушаешь помысла, хотящаго отторгнуть тебя отъ пустыни, то преуспѣешь въ добродѣтели и прославишься о Богѣ; если же преслушаешь меня и пойдешь, то примешь престолъ дяди твоего, но не на пользу, и недолго будешь почитаться на немъ, ибо онъ вскорѣ будетъ отнятъ у тебя злыми людьми.

Но Домнинъ, не послушавъ заповѣди отца своего, пошелъ безъ его благословенія въ Антіохію,—и сбылось на немъ все, предсказанное святымъ[1]); впослѣдствіи онъ возвратился къ старцу, плача и каясь, и удивляясь прозорливости святаго.

О семъ преподобномъ отцѣ нашемъ Евѳиміи преподобный Киріакъ отшельникъ[2]), ученикъ его, свидѣтельствуетъ слѣдующее: «Никогда мы не видали его вкушающимъ, кромѣ субботы и воскресенья, ни бесѣдующимъ съ кѣмъ-либо, за исключеніемъ великой необходимости, ни спящимъ его на боку, но иногда лишь дремлющимъ сидя; иногда же онъ брался обѣими руками за веревку, протянутую въ углу его келліи, и такъ, по тѣлесной необходимости, немного спалъ, слѣдуя изреченію великаго Арсенія[3]) о снѣ: «гряди, злой рабъ!» Ибо онъ подражалъ въ житіи своемъ тому преподобному Арсенію и съ услажденіемъ слушалъ о немъ отъ приходившихъ изъ Египта братій».

Нѣкій Анастасій, сосудохранитель церкви Святаго Воскресенія[4]), желалъ видѣть великаго Евѳимія и, вмѣстѣ съ друзьями своими, клириками іерусалимскими, пошелъ въ его лавру. Преподобный Евѳимій, провидя духомъ ихъ пришествіе, призвалъ лаврскаго эконома Хрисиппа и сказалъ ему:

— Приготовься къ принятію гостей, ибо вотъ идетъ Патріархъ Іерусалимскій.

---

1) *Домнинъ* занималъ патріаршую каѳедру въ Антіохіи съ 441 по 448 г.

2) Память преп. Киріака, отшельника палестинскаго,—29-го сентября.

3) Здѣсь разумѣется преп. Арсеній Великій, Египетскій, 40 лѣтъ въ безмолвіи и строгихъ подвигахъ подвизавшійся въ пустынѣ Скитской; умеръ въ 449 году; память его—8-го мая.

4) *Церковь св. Воскресенія въ Іерусалимѣ* сооружена была Константиномъ Великимъ и освящена въ 335 году, сентября 13-го. Она была построена надъ пещерою Гроба Господня и отличалась великолѣпными и многочисленными украшеніями. Въ храмѣ было множество утвари съ драгоцѣнными камнями, хранителемъ которой (по-гречески: *скевофилаксомъ*) и былъ Анастасій.

Когда гости пришли, преподобный принялъ Анастасія, какъ патріарха, и бесѣдовалъ съ нимъ, какъ съ патріархомъ. Всѣ присутствовавшіе удивились; экономъ же Хрисиппъ, подошедши, сказалъ на ухо старцу:

— Честный отче, здѣсь нѣтъ патріарха; это —Анастасій сосудохранитель.

Святый, удивившись, сказалъ:

— Вѣрь мнѣ, чадо, что доселѣ я видѣлъ его облаченнымъ въ патріаршія одежды. И воистину я не обманулся: ибо что Богъ предопредѣлилъ, то такъ и сотворитъ.

Сіе слово преподобнаго было сказано во всеуслышаніе и сбылось въ свое время, когда Анастасій былъ поставленъ патріархомъ [1]).

Вышеупомянутый Теревонъ, сынъ епископа Петра, называемаго Аспевета, взявъ жену изъ своего рода и долгое время поживъ съ ней, не имѣлъ дѣтей, такъ какъ она была безплодна. Приведя ее къ чудотворцу Евѳимію, онъ молилъ его, говоря:

— Знаю, отче, что Богъ послушаетъ молитвы твоей, ибо Онъ творитъ волю боящихся Его. Итакъ, умоляю твою святыню: помолись за насъ Человѣколюбцу Богу, да даруетъ намъ чадо.

Святый знаменовалъ его и жену трижды знаменіемъ Святаго Креста и сказалъ имъ:

— Се Богъ даруетъ вамъ чадородіе, и вы будете имѣть трехъ сыновей.

Былъ нѣкій братъ въ лаврѣ, по имени Емиліанъ, который однажды ночью, на разсвѣтѣ воскресенья, отъ бѣсовскаго навожденія возгорѣлся плотскою страстію и смущался нечистыми помыслами, чувствуя въ сердцѣ вожделѣніе грѣха. Случайно преподобный Евѳимій, идя къ Утренѣ въ церковь, проходилъ мимо того мѣста, гдѣ стоялъ братъ, смущенный похотѣніемъ; обоняя смрадъ блуднаго бѣса и уразумѣвъ происходящее, святый сказалъ:

— Да запретитъ тебѣ Богъ, проклятый нечистый духъ!

И тотчасъ братъ упалъ на землю, изрыгая пѣну и бѣснуясь. Собрались братія, принесена была свѣча,—и сказалъ преподобный братіи:

— Видите ли брата сего? Отъ юности своей доселѣ онъ жилъ добродѣтельно, въ чистотѣ тѣлесной; нынѣ же, когда онъ

---

1) *Анастасій* занималъ патріаршую каѳедру въ Іерусалимѣ съ 458 по 478 г.

ненадолго увлекся плотскою похотью и помышлялъ съ вожделѣніемъ, и услаждался нечистыми тѣми помыслами, имъ овладѣлъ бѣсъ. Получимъ же и мы наставленіе изъ таковой его скорби, и пусть каждый знаетъ, что если кто, хотя и не прикасается къ чужому тѣлу и не творитъ нечистаго грѣха, но умомъ любодѣйствуетъ, увлекаясь нечистыми помыслами, удерживая ихъ, соизволяя на нихъ и услаждаясь ими,—тотъ—блудникъ, и бѣсъ имъ обладаетъ.

Къ этому старецъ присоединилъ еще слѣдующее повѣствованіе:

— Послушайте, братія,—сказалъ онъ,—повѣствованіе, которое разсказали мнѣ нѣкоторые египетскіе отцы объ одномъ братѣ, котораго всѣ считали святымъ, но сердцемъ онъ прогнѣвлялъ Бога, увлекаясь нечестивыми помыслами и любодѣйствуя умомъ. Когда онъ приблизился къ кончинѣ, пришелъ туда нѣкій прозорливый старецъ и услышалъ о немъ, что онъ боленъ при смерти, и нашелъ всѣхъ жителей плачущими и говорящими: «Если скончается сей святый, то намъ уже нѣтъ надежды на спасеніе, потому что всѣ мы спасаемся его молитвами». Услышавъ это, прозорливый старецъ съ поспѣшностію пошелъ къ больному, желая получить благословеніе отъ этого мнимаго святаго, и, приблизившись къ жилищу его, увидѣлъ множество народа со свѣчами, іереевъ и діаконовъ, ожидающихъ епископа къ торжественному погребенію того святаго. Войдя въ горницу, старецъ засталъ его еще дышущимъ и, воззрѣвъ душевными очами, увидѣлъ бѣса, держащаго трезубецъ; пронзивъ имъ сердце умирающаго, бѣсъ со многими муками извлекалъ душу его. При этомъ святый услышалъ голосъ съ Неба, глаголющій: «Какъ не упокоила меня душа его ни одинъ день, такъ и ты непрестанно мучь его и исторгай изъ него его душу». И такъ тотъ братъ скончался въ мукахъ, ибо совнѣ онъ казался святымъ, внутри же сердца прогнѣвлялъ Бога. Внимая сему, братія,—продолжалъ преподобный Евѳимій,—тщательно оберегайтесь отъ помысловъ, оскверняющихъ душу: ибо во время разлученія души съ тѣломъ воспріимутъ одинаковое мученіе мечтающіе о блудѣ, какъ и творящіе грѣхъ тотъ. Но помолимся о братѣ семъ Емиліанѣ Богу, наказующему его, но не предающему смерти, да освободитъ его отъ бѣса и плотскихъ страстей.

Когда святый помолился, вышелъ бѣсъ, вопія: «Я—духъ любодѣянія», и наполнилъ все мѣсто смрадомъ какъ бы отъ сожигаемой сѣры. Съ тѣхъ поръ Емиліанъ освободился отъ нечистыхъ похотѣній и сдѣлался избраннымъ сосудомъ Божіимъ.

Въ то время наступило бездождіе, и была великая засуха, и исполнилось слово Писанія: **и҆ бꙋ́детъ не́бо над҆ главо́ю твое́ю мѣ́дѧно, и҆ землѧ̀ под҆ тобо́ю желѣ́зна**[1]). И были всѣ, по причинѣ засухи, въ великой скорби. Братія съ преподобнымъ Ѳеоктистомъ просили преподобнаго Евѳимія помолиться Богу и испросить дождь, ибо они знали, сколь дѣйственна его молитва предъ Богомъ; но онъ не соглашался. Наступилъ праздникъ Богоявленія Господня и приблизился день, въ который святый обычно до самой Цвѣтной недѣли уходилъ въ пустыню. Въ обитель собралось множество народа изъ Святаго Града и окрестныхъ селеній, нося крестъ и взывая: «Господи, помилуй!» И пришли къ великому Евѳимію, не давая ему уйти въ пустыню, пока не умолитъ Бога, да ниспошлетъ дождь. Услышавъ вопли, преподобный вышелъ къ нимъ и сказалъ:

— Что ищете у человѣка—грѣшника? Я, чада, не имѣю дерзновенія молиться о семъ Богу, ибо я грѣшенъ и паче иныхъ имѣю нужду въ Его милосердіи, особенно въ сіе настоящее время гнѣва Его. Грѣхи наши раздѣляютъ насъ отъ Него, омрачили мы Его образъ, осквернили Церковь Его, работая похотямъ и различнымъ страстямъ, живемъ въ лихоимствѣ и зависти и достойны ненависти, такъ какъ ненавидимъ другъ друга; сего ради Онъ навелъ на насъ казнь сію, чтобы, вразумленные ею, мы покаялись; когда же мы исправимъ себя покаяніемъ, тогда Онъ услышитъ насъ, ибо писано: **бли́зъ гдⷭ҇ь всѣ̑мъ призыва́ющымъ є҆го̀ во и҆́стинѣ**[2]).

Когда святый говорилъ такъ къ народу, всѣ какъ бы одними устами взывали:

— Ты самъ, отче, помолись за насъ; вѣруемъ мы, что Богъ услышитъ молитву твою, ибо Онъ творитъ волю боящихся Его.

Умоленный этими словами, преподобный, взявъ бывшихъ съ нимъ отцовъ, пошелъ въ церковь, повелѣвъ молиться и народу. Повергшись ницъ въ церкви, онъ со слезами молилъ Бога помиловать твореніе Свое, и посѣтить землю милостію и щедротами и напоить ее дождемъ. Когда онъ молился, внезапно подулъ южный вѣтеръ, небо покрылось облаками, загремѣлъ громъ, и пролился большой дождь. Тогда святый, возставъ и окончивъ молитву, вышелъ и сказалъ народу:

---

[1]) Кн. Второзак., гл. **28**, ст. 23.

[2]) Псаломъ **144**, ст. 18.

— Вотъ, Богъ услышалъ молитвы ваши, Онъ благословитъ лѣто это предъ прочими годами. Посему потщитесь и вы угодить добрыми дѣлами Богу, сотворившему съ вами милость.

Съ этими словами преподобный отпустилъ народъ. И продолжалъ дождь ливмя лить въ продолженіе многихъ дней, такъ что святый не могъ по обычаю своему уйти въ великую пустыню. И лѣто это благословилось изобиліемъ плодовъ земныхъ предъ прочими годами согласно слову святаго.

На семьдесятъ пятомъ году жизни преподобнаго Евѳимія былъ Четвертый Вселенскій Соборъ въ Халкидонѣ противъ Діоскора, нечестиваго Патріарха Александрійскаго[1]). На Соборѣ присутствовали и нѣкоторые изъ учениковъ преподобнаго, удостоившіеся епископскаго сана: Стефанъ, епископъ Іамніи[2]), и Іоаннъ, епископъ Сарацинскій, преемникъ Петра Аспевета; записавъ опредѣленія Халкидонскаго Собора, они сообщили ихъ своему аввѣ, святому Евѳимію. Онъ принялъ исповѣданіе вѣры, изложенное на Халкидонскомъ Соборѣ, и призналъ его православнымъ,—и быстро пронеслась молва по всей пустынѣ Палестинской и между всѣми иноками, изъ которыхъ многіе вѣровали неправославно, что великій Евѳимій послѣдуетъ Халкидонскому Собору. Въ то время пришелъ въ Палестину нѣкій еретикъ Ѳеодосій, по образу—инокъ, на самомъ же дѣлѣ нечестивецъ, исполненный лжеученія Евтихія; онъ произносилъ хулы на святый Халкидонскій Соборъ, утверждалъ, что будто бы на немъ былъ отвергнутъ догматъ Православной вѣры и возстановлено Несторіево лжеученіе, и распространялъ многія другія непристойныя и ложныя рѣчи. Въ Палестинѣ находилась тогда царица Евдокія, супруга благочестиваго царя Ѳеодосія Младшаго[3]); по смерти своего мужа она проживала въ Святыхъ мѣстахъ. И вотъ, тотъ вышеупомянутый еретикъ Ѳеодосій сначала увлекъ

---

1) Четвертый Вселенскій Соборъ въ Халкидонѣ былъ въ 451 г. Архіепископъ Александрійскій Діоскоръ занималъ каѳедру съ 441 по 451 г. Вмѣстѣ съ Евтихіемъ, архимандритомъ одного Константинопольскаго монастыря, онъ ложно училъ, что въ Іисусѣ Христѣ одно лишь естество—Божественное (отчего и ересь получила наименованіе *монофизитства* отъ греч. словъ: μόνος—одинъ и φύσις—природа), поглотившее, по воплощеніи, человѣческое естество. На Соборѣ это лжеученіе было осуждено и повелѣно исповѣдывать Господа Іисуса Христа «въ двухъ естествахъ, неслитно, неизмѣнно, нераздѣльно, неразлучно познаваемаго... не на два лица разсѣкаемаго или раздѣляемаго, но единаго и тогожде Сына и Единороднаго Бога Слова».

2) *Іамнія*—городъ въ Палестинѣ, основанный въ глубокой древности Филистимлянами, недалеко отъ Яффы (древней Іоппіи), лежащей при Средиземномъ морѣ, въ 12 часахъ пути къ сѣверо-западу отъ Іерусалима.

3) *Ѳеодосій II*, или *Младшій*, царствовалъ съ 408 по 450 г.

къ отверженію Халкидонскаго Собора царицу Евдокію; потомъ заразилъ своею ересью многихъ пустынныхъ отцовъ и сдѣлалъ ихъ своими единомышленниками. Затѣмъ онъ со множествомъ прельщенныхъ иноковъ поднялъ возмущеніе противъ Патріарха Ювеналія: онъ настойчиво убѣждалъ его отвергнуть постановленія Халкидонскаго Собора; когда же тотъ отказался, его свергли съ патріаршаго престола,—и ушелъ Ювеналій въ Константинополь къ царю Маркіану[1]). Ѳеодосій же, опираясь на содѣйствіе царицы Евдокіи и силу ослѣпленныхъ ересью иноковъ, ему помогающихъ, взошелъ на патріаршій престолъ[2]) и много зла причинялъ православнымъ: епископовъ и клириковъ, не хотѣвшихъ имѣть съ нимъ общенія, однихъ низвергалъ, другихъ мучилъ и убивалъ, и уже всѣхъ палестинскихъ иноковъ увлекъ вслѣдъ за собою, кромѣ тѣхъ, которые были въ монастыряхъ Евѳимія. Имѣя предъ глазами примѣръ отца своего—великаго Евѳимія, они твердо стояли въ Православіи. Лжепатріархъ Ѳеодосій употреблялъ много стараній привести преподобнаго Евѳимія къ общенію съ собой, непрестанно посылая къ нему, умоляя и угрожая и всѣми способами стараясь уловить его въ свою ересь. Но преподобный не былъ уловленъ вражьими сѣтями и не поколебался отъ его лукавства, какъ бы крѣпкій столбъ и стѣна неподвижная. Обременяясь каждый день присылаемыми коварными просьбами Ѳеодосія, онъ созвалъ братію и, заповѣдавъ имъ тщательно остерегаться ересей и твердо держаться Православія, удалился въ великую пустыню. Многіе изъ братій поступили такъ же, избѣгая притѣсненій со стороны еретиковъ, и, подражая отцу своему, ушли въ пустыню.

Въ это время въ пустынѣ Іорданской[3]) былъ нѣкій отшельникъ, пришедшій незадолго предъ тѣмъ изъ Ликіи[4]), по имени Герасимъ[5]); онъ прошелъ всѣ правила иноческаго житія и съ успѣхомъ боролся противъ нечистыхъ духовъ. Но, побѣждая и прогоняя бѣсовъ невидимыхъ, онъ былъ уловленъ и прельщенъ видимыми бѣсами—еретиками, ибо впалъ въ Евтихіеву ересь. Услышавъ же о пре-

---

[1]) Маркіанъ царствовалъ съ 450 по 457 г.

[2]) Весной 452 года.

[3]) *Пустыня Іорданская* лежала на западъ отъ Іордана, отъ Іерихона къ Іерусалиму, и простиралась далѣе на югъ вдоль западнаго берега Мертваго моря,—мѣстность дикая, скалистая, сухая и безплодная.

[4]) *Ликія*—южная область въ Малой Азіи.

[5]) *Преп. Герасимъ* скончался въ 475 г. Память его совершается Церковію 4-го марта.

подобномъ Евѳиміи, слава о добродѣтельной жизни котораго распространялась повсюду, Герасимъ пошелъ къ нему въ пустыню Рува, гдѣ онъ тогда пребывалъ. Увидавъ его, онъ получилъ отъ него большую духовную пользу; пробывъ съ преподобнымъ Евѳиміемъ долгое время, Герасимъ, насыщаясь полезными бесѣдами отъ его сладкорѣчиваго языка и наставленіями о Православіи, отвергъ лжеученіе еретическое и обратился къ Православной вѣрѣ и глубоко каялся въ своемъ прежнемъ заблужденіи.

Смятеніе, произведенное еретиками въ Палестинѣ чрезъ Ѳеодосія, продолжалось цѣлый годъ. Потомъ пришло отъ благочестиваго царя Маркіана повелѣніе схватить лжепатріарха Ѳеодосія, дабы онъ принялъ судъ и наказаніе по дѣламъ своимъ; онъ же, узнавъ объ этомъ, бѣжалъ на гору Синайскую[1]) и скрылся—неизвѣстно куда. Тогда преподобный Евѳимій возвратился изъ пустыни въ лавру свою.

Когда преподобный совершалъ однажды Божественную Литургію, Теревонъ сарацинъ и евнухъ Гавріилъ, братъ Хрисипповъ, во время Трисвятой пѣсни видѣли огонь, сошедшій съ Неба и окружившій святаго, и стоялъ преподобный предъ Божественною трапезою въ столпѣ огненномъ до самаго окончанія службы. И самъ преподобный иногда передавалъ нѣкоторымъ изъ братіи, что онъ часто видѣлъ Ангела, совершающаго съ нимъ Литургію. Имѣлъ онъ и тотъ даръ, что по внѣшнему виду прозрѣвалъ внутреннія движенія духа и узнавалъ помышленія человѣческія, злыя и добрыя. Когда братія причащались Божественныхъ Таинъ, онъ видѣлъ, кто съ какою душою причащается: иныхъ видѣлъ онъ просвѣщающимися отъ причащенія, кои приступали достойно; другихъ же—помрачившимися, съ лицомъ какъ бы умершихъ, такъ какъ они дерзали недостойно. Посему преподобный непрестанно поучалъ всѣхъ апостольскими словами:

— Внимайте тщательно, братіе, какъ вы приступаете къ причащенію: **да и҆скꙋша́етъ себѐ** каждый изъ васъ, **и҆ та́кѡ ѿ хлѣ́ба да ꙗ҆́стъ, и҆ ѿ ча́ши да пі́етъ: ꙗ҆́дый бо и҆ пі́й недосто́йнѣ, сꙋ́дъ себѣ̀ ꙗ҆́стъ и҆ пі́етъ**[2]), ибо сія святыня пріуготовлена для святыхъ, а не

[1]) *Гора Синайская* находится на сѣверо-западѣ Аравіи, къ востоку отъ Чермнаго, или Краснаго, моря. Гора эта, представляющая группу горъ, состоящихъ изъ гранитныхъ скалъ, прорѣзанная и окруженная крутыми и шероховатыми долинами, у Арабовъ называется гора Туръ или Джебель Туръ Сина; лежитъ посрединѣ рукавовъ Краснаго моря, образующихъ собою Синайскій полуостровъ.

[2]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 11, ст. 28—29.

для оскверненныхъ,—и если вы имѣете чистую совѣсть, то **приступи́те къ немꙋ̀ и҆ просвѣти́тесѧ, и҆ ли́ца ва̑ша не постыдѧ́тсѧ**[1]).

Когда святѣйшій Ювеналій снова занялъ свой престолъ и сталъ исправлять возникшіе въ Церкви безпорядки, царица Евдокія, увлеченная вышеупомянутымъ Ѳеодосіемъ въ Евтихіеву ересь, колебалась въ мысляхъ, не зная, какого держаться исповѣданія, и послала въ Антіохію къ преподобному Симеону Столпнику[2]), прося у него полезнаго совѣта и наставленія. Онъ же написалъ ей слѣдующее:

— Знай, что діаволъ, видя богатство твоихъ добродѣтелей, просилъ, **дабы̀ сѣѧлъ** тебя **ꙗ҆́кѡ пшени́цꙋ**[3]), и чрезъ того губителя Ѳеодосія растлилъ твою Боголюбивую душу; но дерзай: ибо не оскудѣла вѣра твоя. Я же весьма удивляюсь тому, что, имѣя источникъ вблизи, пренебрегаешь имъ и тщилась почерпнуть той же воды издалека: ты имѣешь тамъ богоноснаго Евѳимія, слѣдуй его ученію,—и спасешься.

Получивъ отъ преподобнаго Симеона такое посланіе, царица немедленно стала разспрашивать о преподобномъ Евѳиміи. Узнавъ же, что онъ никогда изъ пустыни не выходитъ въ городъ, она задумала выстроить столпъ въ восточной пустынѣ, на высокомъ холмѣ, въ разстояніи тридцати стадій отъ лавры Евѳиміевой[4]), чтобы имѣть возможность тамъ часто видѣть преподобнаго и услаждаться его поученіями; выстроивъ столпъ тотъ, она поселилась въ немъ въ уединеніи. Она послала къ преподобному Евѳимію вышеупомянутаго Анастасія, бывшаго тогда хорепископомъ послѣ Пассаріона, и Косму крестохранителя, умоляя, чтобы онъ позволилъ ей видѣться съ нимъ; они же, пришедши, не нашли его въ лаврѣ, ибо онъ давно уже успѣлъ въ Руву. Взявъ съ собою преподобнаго Ѳеоктиста, они пошли съ нимъ въ ту пустыню и, нашедши его, много умоляли идти къ царицѣ, спасти ея заблудившуюся душу,—и лишь съ трудомъ убѣдили старца идти къ ней. Увидѣвъ великаго Евѳимія, царица весьма обрадовалась и, припавъ къ его честны́мъ ногамъ, сказала.

— Нынѣ я узнала, что Богъ воззрѣлъ на мое недостоинство.

---

1) Псал. **33**, ст. 6.

2) Память *св. Симеона Столпника* совершается 1-го сентября.

3) Еванг. отъ Луки, гл. **22**, ст. 31.

4) Столпъ, или точнѣе, замокъ былъ выстроенъ царицею Евдокіею на самой высочайшей горѣ во всей восточной пустынѣ, нынѣ Мунтаръ. (30 стадій равняются 5 съ лишкомъ верстамъ.)

Старецъ же, достаточно наставивъ ее касательно Православія, завѣщалъ держаться святыхъ четырехъ Вселенскихъ Соборовъ: Никейскаго, собравшагося противъ Арія, Константинопольскаго—противъ Македонія, Ефесскаго—на Несторія и Халкидонскаго—на Діоскора и Евтихія, и повелѣлъ примириться съ Патріархомъ Ювеналіемъ, съ которымъ она прежде боролась; сказавъ много другаго на пользу ея, онъ благословилъ ее и, помолившись о ней, ушелъ. Царица же приняла его слова такъ, какъ бы они были произнесены изъ устъ Божіихъ, и постаралась исполнить ихъ на дѣлѣ; тотчасъ пойдя во Святый Градъ для примиренія съ святѣйшимъ Ювеналіемъ и явно отвергнувъ ересь, она вошла въ общеніе съ Православною Церковію. Увидѣвъ это, весьма многіе изъ мірянъ и иноковъ, которые были прельщены Ѳеодосіемъ, по примѣру царицы обратились къ Православію.

На восемьдесятъ второмъ году жизни Евѳимія[1]) пришелъ въ лавру его блаженный Савва, бывшій еще юнымъ[2]); старецъ, принявъ его, отослалъ его въ нижній монастырь къ преподобному Ѳеоктисту и предсказывалъ о немъ, что въ скоромъ времени онъ просіяетъ въ иноческомъ житіи болѣе другихъ, что и сбылось, какъ это видно изъ житія преподобнаго Саввы. Еще пришли тогда къ преподобному Евѳимію Мартирій, каппадокіецъ родомъ, и Илія, родомъ арабъ. По убіеніи царя Маркіана, Тимоѳей Елуръ[3]) поднялъ въ Египтѣ смятеніе и мятежъ, во время котораго былъ убитъ и святѣйшій Протерій, Патріархъ Александрійскій[4]); не вынося сего мятежа, Мартирій и Илія ушли изъ Египта и притекли къ великому Евѳимію,—какъ къ небурному пристанищу. Преподобный оказывалъ имъ любовь и почтеніе: онъ провидѣлъ, что оба въ свое время будутъ занимать престолъ апостола Іакова, брата Господня, въ Іерусалимѣ[5]). Онъ бралъ ихъ съ собою и въ пустыню Кутиллійскую, и въ Рувійскую, вмѣстѣ со святымъ Герасимомъ, и

---

1) Въ 458 году.

2) Память *преп. Саввы Освященнаго* — 5-го декабря.

3) Тимоѳей, по прозванію Елуръ, пресвитеръ Александрійскій, еретикъ (монофизитъ), приверженецъ Діоскора.

4) *Св. Протерій* былъ патріархомъ въ Александріи съ 451 по 457 г.; по смерти Маркіана былъ убитъ монофизитами — какъ защитникъ Халкидонскаго Собора (память его—28 февраля). Послѣ него Тимоѳей Елуръ сдѣланъ былъ патріархомъ и занималъ каѳедру до 460 года, низлагая епископовъ и преслѣдуя всѣхъ, кто принималъ постановленія Халкидонскаго Собора.

5) *Св. Іаковъ, братъ Господень*, былъ первымъ епископомъ старѣйшей Церкви Іерусалимской.

тамъ пребывалъ съ ними, по обычаю своему, до Недѣли Ваій; каждый воскресный день преподобный совершалъ Божественную Литургію, и великіе тѣ отцы причащались изъ его рукъ Пречистыхъ Таинъ.

Вскорѣ послѣ того, въ царствованіе христолюбиваго Льва[1]), вступившаго на престолъ послѣ Маркіана, Святѣйшій Патріархъ Ювеналій умеръ[2]). По его смерти общимъ совѣтомъ всѣхъ единодушно избранъ былъ Анастасій[3]), бывшій прежде сосудохранителемъ и хорепископомъ. И исполнилось пророчество преподобнаго Евѳимія, которое онъ изрекъ, когда посѣтилъ его Анастасій, и святый прозорливыми очами увидѣлъ его въ патріаршей одеждѣ. Вспомнивъ объ этомъ, Анастасій послалъ къ святому честныхъ клириковъ съ слѣдующими словами: «Вотъ, отче, нынѣ исполнилось твое пророчество: умоляю тебя, позволь мнѣ придти къ тебѣ— привѣтствовать твою святыню».

Преподобный Евѳимій отвѣчалъ на это такъ:

— Я всегда желаю видѣть ваше святительство и получать пользу отъ бесѣды вашей; но такъ какъ первый приходъ вашъ къ моей худости былъ тихій и имѣлъ мало спутниковъ, а нынѣшній вашъ санъ требуетъ, чтобы съ вами шло множество сопровождающихъ, то, посему, приходъ вашего блаженства превосходитъ мои немощныя силы. Итакъ, прошу вашу святыню не трудиться шествовать къ моему смиренію. Если же изволишь придти, то я приму съ радостью, но тогда я буду долженъ и другихъ приходящихъ принимать, и потому мнѣ будетъ невозможно оставаться на этомъ мѣстѣ вслѣдствіе безпокойства отъ многихъ приходящихъ.

Услышавъ объ этомъ и размысливъ въ душѣ, патріархъ сказалъ себѣ: «Если я пойду, то оскорблю старца. Итакъ, не пойду». Однако, спустя нѣсколько времени, вызванный нуждою, онъ ходилъ къ преподобному и видѣлся съ нимъ, о чемъ рѣчь послѣ.

Блаженная же царица Евдокія создала много церквей и такое множество монастырей, богадѣленъ и страннопріимницъ, что трудно ихъ и перечислить. При созданной ею церкви святаго Петра, отстоявшей отъ лавры Евѳиміевой приблизительно въ двадцати стадіяхъ, она повелѣла сдѣлать большой и глубокій водоемъ для

---

1) *Св. Левъ I* царствовалъ въ 457—474 гг.

2) Въ 458 году.

3) *Анастасій I* занималъ патріаршую каѳедру съ 458 по 478 г.

приходящихъ. Во дни Пятидесятницы она сама пришла туда посмотрѣть на работу и послала къ преподобному, прося его придти къ ней, дабы она сподобилась его молитвы и благословенія и насладилась его поученіемъ; при этомъ она еще хотѣла дать святому пожертвованіе на общія потребности лавры. Великій же Евѳимій отвѣчалъ къ ней чрезъ посланныхъ:

— Не ожидай еще увидать меня во плоти. Ты же, чадо, къ чему заботишься о многомъ? Я думаю, что ты до наступленія зимы отойдешь къ Богу. Посему потрудись этимъ лѣтомъ приготовиться къ исходу, а пока еще ты во плоти, не старайся помнить меня ни письменно, ни безъ писанія, ни о подаяніи намъ чего-либо, ни о взиманіи. Но когда отойдешь къ Владыкѣ всѣхъ, то тамъ вспомни меня, дабы и меня принялъ съ миромъ, когда восхощетъ человѣколюбіе Его.

Услышавъ это, блаженная Евдокія весьма возскорбѣла, въ особенности при словахъ: «Не старайся помнить меня ни письменно, ни безъ писанія», ибо она хотѣла оставить ему по завѣщанію много дохода. Поспѣшно придя во Святый Градъ Іерусалимъ, она передала Патріарху Анастасію слова Евѳимія. Въ то время царица сооружала церковь во имя святаго первомученика Стефана и, когда храмъ былъ еще не оконченъ, повелѣла освятить его 15 іюля, отдѣливъ ему большіе доходы. Потомъ она обошла всѣ церкви, ею созданныя, присутствуя при ихъ освященіи и отдѣляя для каждой достаточное количество доходовъ. По истеченіи четырехъ мѣсяцевъ по освященіи церквей, благочестивая царица Евдокія предала душу свою въ руцѣ Божіи [1]).

Въ девятидесятый годъ жизни великаго Евѳимія преподобный Ѳеоктистъ заболѣлъ тяжкою болѣзнію. Преподобный Евѳимій пришелъ посѣтить болящаго Ѳеоктиста и дать ему послѣднее цѣлованіе и пробылъ въ монастырѣ томъ нѣсколько дней, ожидая кончины друга и спостника своего, чтобы предать тѣло его погребенію; въ той болѣзни блаженный Ѳеоктистъ скончался 3-го сентября [2]). Патріархъ Анастасій, узнавъ о кончинѣ Ѳеоктиста и о томъ, что святый Евѳимій находится тамъ, поспѣшно пошелъ съ клиромъ своимъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что хочетъ предать погребенію блаженнаго Ѳеоктиста, но болѣе ради того, чтобы видѣть и цѣло-

---

1) Царица Евдокія скончалась въ 460 году; погребена въ церкви св. Стефана.

2) Преподобный Ѳеоктистъ скончался въ 467 г.

вать святаго Евѳимія. Увидавъ его, Патріархъ взялъ его за руки и облобызалъ, говоря:

— Давно я хотѣлъ облобызать сіи святыя руки, и вотъ нынѣ сподобилъ меня Богъ. И теперь прошу тебя, честный отче, помолись о мнѣ Господу, чтобы исполнившееся на мнѣ твое пророчество сохранилось до конца; ты же часто пиши мнѣ, наставляя меня управлять Христовой Церковію, ибо я вижу въ тебѣ дѣйствіе даровъ Божіихъ и на себѣ испыталъ ихъ силу.

Святый же со смиреніемъ сказалъ:

— Прости меня, святый владыко, прошу твое блаженство воспоминать обо мнѣ въ молитвахъ твоихъ къ Богу.

Предавъ вмѣстѣ погребенію честное тѣло преподобнаго Ѳеоктиста и насладившись бесѣдою другъ съ другомъ, они разошлись.

Игуменомъ Ѳеоктистовой киновіи былъ поставленъ Маринъ, дядя Теревоновъ, мужъ богоугодный; но, спустя два года, онъ скончался, и преподобный Евѳимій, пришедши, похоронилъ его близъ преподобнаго Ѳеоктиста; на мѣсто же Марина поставилъ игуменомъ Лонгина, мужа добродѣтельнаго. Съ этимъ Лонгиномъ однажды, въ январѣ мѣсяцѣ, пришелъ въ лавру къ преподобному Евѳимію блаженный Савва, чтобы проводить его, уходившаго въ великую пустыню. Видя готовность Саввы, Евѳимій взялъ его съ собою на подвиги пустынническіе. Когда они ходили въ Рувѣ по мѣстамъ безводнымъ, Савва сильно возжаждалъ отъ труда и не могъ идти далѣе, потому что изнемогъ отъ жажды. Тогда преподобный Евѳимій, сжалившись надъ нимъ, молитвою извелъ воду изъ сухой земли, какъ о томъ написано въ житіи преподобнаго Саввы.

Послѣ многихъ и безчисленныхъ своихъ трудовъ преподобный Евѳимій приблизился къ блаженной кончинѣ своей, которую провидѣлъ по Божественному откровенію. Въ одинъ годъ, когда наступило время его обычнаго удаленія въ пустыню, въ осьмой день праздника Богоявленія Господня, т. е. января 14-го, братія, собравшись, пришли къ преподобному, одни—желая проводить его, другіе—ожидая идти съ нимъ; среди нихъ были Мартирій и Илія, пришедшіе изъ Нитріи. Видя, что преподобный не приготовляется въ путь и не дѣлаетъ никакихъ распоряженій относительно того, кто изъ братіи пойдетъ съ нимъ и кто останется въ лаврѣ, они спросили его:

— Развѣ ты завтра не уходишь, честный отче, въ пустыню?

Святый отвѣчалъ:

— Эту недѣлю я остаюсь съ вами въ лаврѣ, въ субботу же въ полночь разстанусь съ вами.

Святый сказалъ это, предсказывая братіямъ время своего отшествія къ Богу, но они его не поняли. На третій день, 17-го января, наступила память преподобнаго отца нашего Антонія Великаго, и святый Евѳимій приказалъ, чтобы въ церкви совершено было Всенощное бдѣніе. По совершеніи бдѣнія, созвавъ пресвитеровъ лаврскихъ къ алтарю, преподобный сказалъ имъ:

— Отнынѣ, братія, я не совершу съ вами ни одного бдѣнія, ибо зоветъ уже меня Богъ изъ временной сей жизни. Посему пришлите ко мнѣ Дометіана, а утромъ пусть соберутся сюда всѣ братія.

Услышавъ это, пресвитеры зарыдали, и немедленно стало извѣстно братіямъ сказанное великимъ Евѳиміемъ. Утромъ всѣ собрались къ преподобному, и онъ началъ говорить имъ такъ:

— Отцы и братія мои, и чада, возлюбленныя о Господѣ, я отправляюсь въ путь отцовъ моихъ, вы же, если любите меня, блюдите заповѣди мои: болѣе всего пріобрѣтайте чистую любовь, которая есть союзъ совершенства. И какъ невозможно ѣсть хлѣбъ безъ соли, такъ невозможно управить добродѣтель безъ любви, ибо всякая добродѣтель оказывается крѣпкой и постоянной— любовію и смиреніемъ: смиреніе возноситъ радѣющаго о немъ на высоту добродѣтелей, а любовь крѣпко держитъ и не допускаетъ съ высоты той упасть внизъ: ибо любы̀ николи́же ѿпа́даетъ[1]), и что любовь выше смиренія,—это ясно изъ примѣра Самого Господа нашего, ибо, ради Своей любви къ намъ, Онъ добровольно смирился и сталъ человѣкомъ, какъ и мы. Посему мы должны непрестанно исповѣдываться Ему и возсылать хвалы, въ особенности же мы, отрѣшившіеся отъ сего мятежнаго міра. Каждый изъ васъ да внимаетъ себѣ, братія, и да соблюдаетъ въ чистотѣ тѣло и душу. Обычныхъ собраній церковныхъ никогда не оставляйте, всѣ преданія и уставы монастырскіе тщательно сохраняйте, бѣдствующимъ въ напастяхъ по силѣ помогайте. Если кто изъ братій борется съ нечистыми помыслами, того непрестанно наставляйте, поучайте, утверждайте, дабы непреткновенъ былъ онъ діаволомъ и не палъ бы. Сію же послѣднюю присоединяю вамъ заповѣдь:

---

[1]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 13, ст. 8.

ворота монастырскія пусть никогда не будутъ заперты для приходящихъ, но да будутъ всегда открыты для странниковъ, и самая кровля да будетъ у васъ общая со странниками, и все, что имѣете, предлагайте нуждающимся. И тогда свыше вамъ отъ Бога будетъ подаваться изобильное благословеніе.

Заповѣдавъ все это братіямъ, преподобный Евѳимій спросилъ ихъ, кого послѣ него желаютъ имѣть своимъ пастыремъ. Они же единогласно назвали Дометіана. Но святый сказалъ:

— Это невозможно, ибо Дометіанъ послѣ меня недолго останется въ жизни сей, но въ седьмой день пойдетъ за мною.

Пораженные таковымъ дерзновеннымъ и яснымъ пророчествомъ святаго, братія избрали Илію, родомъ происходившаго изъ Іерихона, эконома нижняго монастыря[1]). Евѳимій, обратившись къ нему, сказалъ:

— Вотъ, всѣ отцы выбрали тебя пастыремъ себѣ и наставникомъ: посему внимай себѣ и всему стаду твоему.

Преподавъ ему много наставленій и поучивъ его относительно руководства братіями, преподобный предрекъ о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, имѣющихъ совершиться въ его монастыряхъ по его смерти; потомъ сказалъ слѣдующее послѣднее слово:

— Если я обрящу дерзновеніе предъ Богомъ, прежде всего буду просить у Него благодати, да буду съ вами духомъ всегда и съ желающими подвизаться здѣсь послѣ васъ до вѣка.

Сказавъ это, преподобный отпустилъ всѣхъ, кромѣ Дометіана. Онъ пробылъ внутри алтаря три дня и съ миромъ почилъ въ ночь субботнюю, и былъ причтенъ къ своимъ отцамъ, проживъ на землѣ девяносто семь лѣтъ. Это было 20-го января[2]). Немедленно вѣсть о кончинѣ преподобнаго Евѳимія разнеслась по всей Палестинѣ, и стеклись изъ всѣхъ монастырей и пустынь иноки, среди которыхъ былъ и великій Герасимъ, и собралось великое множество народа. Прибылъ и Святѣйшій Патріархъ Анастасій со всѣмъ клиромъ своимъ. По причинѣ множества народа невозможно было предать погребенію честнáго тѣла преподобнаго до девятаго часа, пока, наконецъ, воины, по повелѣнію Патріарха, не отогнали народъ,—и тѣло святаго было торжественно погребено. Всѣ пла-

[1]) Т. е. монастыря преп. Ѳеоктиста.

[2]) *Преподобный Евѳимій Великій* преставился въ 473.—Во имя преподобнаго Евѳимія въ Константинополѣ при Патріархѣ Минѣ (536—552 гг.) былъ монастырь. Мощи Евѳимія въ его монастырѣ въ Палестинѣ, какъ бы живаго въ тѣлѣ, видѣлъ русскій игуменъ Даніилъ въ началѣ XII в.

кали о разлукѣ съ нимъ; особенно неутѣшно плакали о немъ пришедшіе изъ Нитріи Мартирій и Илія, которые впослѣдствіи занимали патріаршій престолъ въ Іерусалимѣ, согласно пророчеству святаго: ибо послѣ Анастасія вступилъ на престолъ Мартирій, послѣ Мартирія былъ Саллюстій, а послѣ него Илія[1]), какъ о томъ пишется въ житіи преподобнаго Саввы. Блаженный же Дометіанъ, ученикъ великаго Евѳимія, не отходилъ отъ гроба аввы своего шесть дней и ночей; при наступленіи же седьмаго дня явился ему ночью въ видѣніи святый Евѳимій, радостный, съ свѣтлымъ лицомъ, и сказалъ ему:

— Гряди къ уготованному тебѣ покою, ибо умоленъ Владыка Христосъ, чтобы ты былъ со мною.

Исполнившись неизреченной радости, Дометіанъ возвѣстилъ о томъ братіямъ и, пришедши съ веселіемъ въ церковь, предалъ духъ свой Господу, и погребенъ былъ при гробѣ отца своего. По преставленіи преподобнаго отца нашего Евѳимія при гробѣ его совершалось много чудесъ и подавались исцѣленія[2]) во славу Бога во святыхъ Своихъ прославляемаго, Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

Тропа́рь прп҃бнагѡ, гла́съ д҃:

Весели́сѧ пꙋсты́нѧ нераждаю́щаѧ, благодꙋ́шствꙋй неболѧ́щаѧ, ꙗ҆́кѡ ᲂу҆мно́жи тебѣ̀ ча̑да мꙋ́жъ жела́нїй дꙋхо́вныхъ, бл҃гоче́стїемъ насади́въ, воздержа́нїемъ воспита́въ въ добродѣ́телей соверше́нство. тогѡ̀ мл҃твами хр҃тѐ бж҃е, ᲂу҆мирѝ живо́тв на́шъ.

Конда́къ, гла́съ и҃:

Въ честнѣ́мъ рождествѣ̀ твое́мъ ра́дость тва́рь ѡ҆брѣ́те, и҆ въ бж҃е́ственнѣй па́мѧти твое́й, прп҃бне, благодꙋ́шїе прїѧ́тъ мно́гихъ твои́хъ чꙋде́съ: ѿ ни́хже пода́ждь бога́тнѡ въ дꙋ́шы на́шѧ, и҆ ѡ҆чи́сти грѣхѡ́въ скве́рны, ꙗ҆́кѡ да пое́мъ: а҆ллилꙋ́їа.

---

[1]) *Мартирій* патріаршествовалъ въ Іерусалимѣ съ 478 по 486 г., *Саллюстій* — съ 486 по 494 г., *Илія II* — съ 494 по 517 г.

[2]) О нихъ подробно пишетъ списатель житія преподобнаго Евѳимія Кириллъ Скиѳопольскій—лаврскій монахъ, современникъ его и учениковъ его: св. Саввы Освященнаго и Іоанна Молчальника.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ВАССА, ЕВСЕВІЯ, ЕВТИХІЯ и ВАСИЛИДА

Святые мученики Вассъ, Евсевій, Евтихій и Василидъ пострадали въ царствованіе Діоклетіана. Сначала они служили при царскомъ дворѣ, были богаты и принадлежали къ членамъ царскаго синклита[1]). Увидѣвъ страданіе святаго священномученика Ѳеопемпта, епископа Никомидійскаго[2]), они увѣровали во Христа и приняли Святое Крещеніе. Вслѣдствіе сего они были приведены къ нечестивому царю для мученій и приняли мученическую смерть съ пятью своими рабами. Святый Вассъ былъ закопанъ до половины тѣла въ ровъ и, изрубленный по всему тѣлу, предалъ духъ свой Богу. Святый Евсевій повѣшенъ внизъ головою и разсѣченъ на части. Святый Евтихій былъ связанъ за руки и ноги и, сильно растянутый между четырьмя столбами, растерзанъ. Святый Василидъ былъ зарѣзанъ ножомъ. И такъ всѣ они приняли вѣнцы мученическіе[3]).

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ИННЫ, ПИННЫ и РИММЫ

Святые мученики Инна, Пинна и Римма[4]) были родомъ изъ Скиѳіи, изъ сѣверной страны[5]), ученики святаго Апостола Андрея Первозваннаго[6]). Они учили о Имени Христовомъ и многихъ изъ варваровъ, обративъ къ правой вѣрѣ, крестили. По этой

---

1) *Синклитъ*—правительство воинское и гражданское изъ самыхъ важныхъ царскихъ совѣтниковъ и сановниковъ.

2) Память его—5-го января.

3) Святые мученики Вассъ, Евсевій, Евтихій и Василидъ мученически скончались вмѣстѣ съ 5-ю рабами въ Никомидіи въ 303-мъ году.

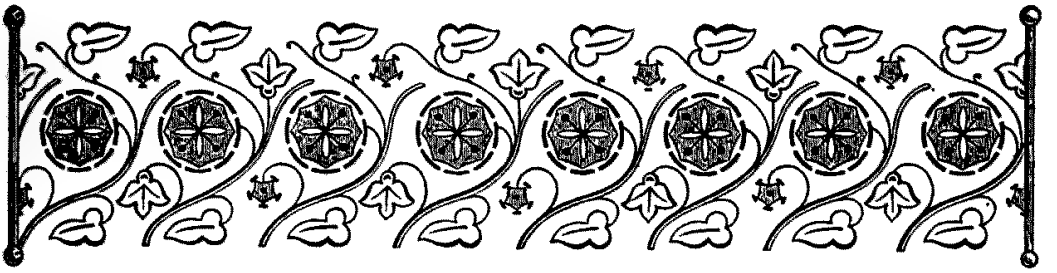
4) По сербскому прологу XIII вѣка эти мученики называются: Ененъ, Ниренъ и Пень.

5) Здѣсь разумѣется т. н. Малая Скиѳія, простиравшаяся отъ устьевъ Дуная къ Ѳракіи. Святые Инна, Пинна и Римма принадлежали къ земледѣльческому племени южныхъ славянъ, обитавшихъ на правомъ берегу Дуная и по западному берегу Чернаго моря.

6) Память его празднуется Церковію 30-го ноября.

причинѣ они были схвачены княземъ варваровъ, но не могли быть доведены до того, чтобы отречься отъ Христа и принести жертву идоламъ. Тогда стояла жестокая зима; рѣки скрѣплены были морозомъ такъ, что по льду ходили не только люди, но и кони и возки. Князь приказалъ поставить въ ледъ большія бревна, какъ цѣлыя деревья, и привязать къ нимъ святыхъ. Итакъ, когда вода взволновалась и ледъ постепенно умножался, такъ что дошелъ до шеи святыхъ, они, измученные страшною стужею, предали Господу блаженныя свои души[1]).

[1]) Пострадали во II вѣкѣ.



День двадцать первый

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

МАКСИМА ИСПОВѢДНИКА

Великій не только по имени[1]), но и по жизни, преподобный Максимъ родился въ великомъ царственномъ городѣ Константинополѣ. Происходя отъ высокопоставленныхъ и благочестивыхъ родителей, онъ получилъ серьезное научное образованіе. Онъ основательно изучилъ философію и богословіе, достигъ высшей славы своею мудростью и былъ уважаемъ даже въ царскихъ палатахъ. Царь Ираклій[2]), видя его разумъ и праведную жизнь, почтилъ его, помимо его воли, званіемъ перваго своего секретаря и включилъ его въ число своихъ совѣтниковъ. Преподобный Максимъ пользовался любовію и уваженіемъ среди придворныхъ и былъ весьма полезенъ всему царственному городу.

Въ это время возникла ересь монофелитовъ, признававшихъ во Христѣ Господѣ нашемъ только одну волю и одно хотѣніе[3]).

---

1) *Максимъ*—лат. *Maximus*—соотвѣтствуетъ греческому μέγιστος, что значитъ величайшій. На соотвѣтствіе имени святаго Максима съ его личными качествами и его жизнію указываетъ его ученикъ, преподобный Анастасій, въ своемъ письмѣ къ Ѳеодору, пресвитеру Гаигрскому.—Святый Максимъ родился около 580 года. При второмъ допросѣ въ Константинополѣ, бывшемъ въ 655 году, онъ сказалъ, что ему 75 лѣтъ.

2) *Императоръ Ираклій* вступилъ на престолъ въ 610 году и царствовалъ по 641 годъ.

3) *Ересь монофелитская* возникла въ началѣ VII вѣка и была продолженіемъ *монофизитской ереси*. Монофелиты признавали во Христѣ одну волю и одно дѣйствіе Божеское и, такимъ образомъ, искажали догматъ вочеловѣченія Бога Слова. По ученію же православному, воля есть принадлежность естества, а не лица, а потому и Господь Іисусъ Христосъ какъ естествомъ Богъ и естествомъ человѣкъ имѣлъ и Божескую, и человѣческую волю. Безъ этой послѣдней Онъ не былъ бы совершеннымъ по естеству человѣкомъ.

Развилась эта ересь изъ прежде бывшей евтихіанской ереси, которая безразсудно признавала во Христѣ одно только естество, вопреки православному исповѣданію, требующему признавать въ Господѣ нашемъ, воплотившемся Богѣ, два естества и двѣ воли, два хотѣнія и дѣйствія, особенныя для каждаго естества, но соединенныя въ одномъ Лицѣ Христовомъ, ибо Христосъ есть Богъ, не на два лица раздѣляемый, но въ двухъ естествахъ неслитно познаваемый. Защитниками и распространителями ереси монофелитовъ были вначалѣ: Киръ, Патріархъ Александрійскій, Сергій Константинопольскій [1]) и даже самъ царь Ираклій, увлеченный ими въ эту ересь. Созвавъ Помѣстные Соборы, Киръ—въ Александріи, а Сергій—въ Константинополѣ, они утвердили эту ересь, повсюду разослали свое постановленіе и совратили весь Востокъ. Одинъ только святый Софроній, Патріархъ Іерусалимскій [2]), противился ереси, не принимая лжеученія. Блаженный Максимъ, видя, что ересь проникла и въ царскія палаты и совратила самого царя, сталъ опасаться, какъ бы и ему не совратиться въ ересь по примѣру многихъ. Поэтому онъ оставилъ свое званіе и всю славу мірскую и пошелъ въ монастырь, отстоявшій далеко отъ города, по названію Хрисопольскій [3]), гдѣ и сталъ инокомъ, предпочитая **приметáтисѧ въ домꙋ бжїи, нéже жи́ти въ селéнїихъ грѣшничихъ** [4]). Тамъ, спустя нѣсколько лѣтъ, онъ за свою добродѣтельную жизнь былъ избранъ настоятелемъ (аввою).

Между тѣмъ Патріархъ Сергій внушилъ царю Ираклію написать исповѣданіе ихъ неправой вѣры. Это послѣднее, исполненное монофелитской ереси, царь назвалъ *экѳесисъ*, то есть изложеніе [5]), и повелѣлъ всѣмъ такъ вѣровать въ своемъ государствѣ, вслѣдствіе чего Церковь Христова была раздираема смутою. Авва Максимъ, видя, какую смуту переживали церкви въ Константинополѣ

---

1) *Киръ* занималъ патріаршую каѳедру въ Александріи съ 630 по 640 г. *Сергій I* былъ Патріархомъ Константинопольскимъ съ 610 по 638 г.

2) *Св. Софроній*—Патріархъ Іерусалимскій съ 634 по 644 г.

3) *Хрисопольскій монастырь* лежалъ на противоположномъ берегу Константинопольскаго пролива, нынѣ Скутари, близъ Халкидона. Онъ славился благочестивою жизнію иноковъ. Здѣсь святый Максимъ принялъ постриженіе, а затѣмъ избранъ аввою. *Авва* слово сирійское, значитъ *отецъ*. Это имя усвоялось начальнику обители.

4) Пс. **83**, ст. 11. Псалмопѣвецъ предпочитаетъ «лежать у порога» дома Божія, нежели жить роскошно въ палатахъ грѣшниковъ.

5) Этимъ изложеніемъ вѣры, изданнымъ въ формѣ эдикта, или указа, обязательнаго для всѣхъ, запрещались всякіе споры объ одной или двухъ воляхъ во Христѣ, но въ то же время провозглашалось ученіе объ одной волѣ—какъ ученіе правильное. Но и послѣ этого споры волновали Восточную Церковь.

Прп҃бный
мазі́мъ

и по всему Востоку и какъ множились и укрѣплялись еретики, между тѣмъ какъ Православіе умалялось и было колеблемо бурею гоненія, скорбѣлъ духомъ, воздыхалъ и много плакалъ. Услышавъ же, что на Западѣ эта ересь не нашла послѣдователей и совершенно отвергнута, такъ какъ папа Римскій Северинъ[1]) не принялъ царскаго «изложенія», а преемникъ его на римскомъ престолѣ папа Іоаннъ[2]) предалъ на Соборѣ это «изложеніе» анаѳемѣ, блаженный Максимъ оставилъ свой монастырь и пошелъ въ западныя страны. Онъ хотѣлъ найти себѣ пріютъ въ старомъ Римѣ, такъ какъ жить въ Іерусалимѣ не было возможности по случаю нападенія на Палестину Сарацинъ[3]). Въ Римъ онъ пошелъ, предпочитая жить съ православными, твердо хранившими вѣру. Направляясь туда, онъ посѣщалъ въ лежавшихъ ему на пути городахъ африканскихъ епископовъ и, бесѣдуя съ ними, утверждалъ ихъ въ вѣрѣ, научалъ, какъ избѣжать коварства противниковъ и какъ избавиться отъ ихъ хитросплетенныхъ сѣтей[4]); къ нѣкоторымъ же, находившимся далеко, онъ посылалъ письма, поучая правовѣрію и убѣждая всячески остерегаться ереси.

---

1) *Северинъ*—папа Римскій съ 638 по 640 г.

2) *Папа Іоаннъ IV* занималъ римскую каѳедру съ 640 по 642 г.

3) Восточная имперія въ началѣ VII-го вѣка терпѣла постоянныя нападенія отъ Аваровъ и особенно отъ Персовъ, а равно была постоянно угрожаема отъ Аравитянъ, или Сарацинъ. Въ 637—640 годахъ подъ власть Сарацинъ подпали Сирія, Палестина и Египетъ. Этому много содѣйствовали монофизиты, которые по враждѣ къ Православной Церкви всегда готовы были отдаться въ руки враговъ. Число монофизитовъ въ одномъ Египтѣ доходило до 6 милліоновъ, тогда какъ православныхъ тамъ было около 300 тысячъ. Императоръ Ираклій всячески старался примирить монофизитовъ съ Православною Церковію. Ради этого онъ и издалъ экѳесисъ.

4) Св. Максимъ прибылъ въ Африку около 640 года. Ранѣе этого, съ 633 по 640 годъ, онъ утверждалъ православную вѣру въ Александріи, Константинополѣ, Кипрѣ, Малой Азіи и другихъ странахъ. Въ Сѣверной Африкѣ онъ прожилъ пять лѣтъ, съ 640 по 645 годъ.

Въ это время умеръ Сергій, Патріархъ Константинопольскій, а мѣсто его занялъ Пирръ, приверженецъ той же ереси[1]); равнымъ образомъ умеръ и Киръ, Патріархъ Александрійскій, а затѣмъ скончался и самъ царь. Однако, ранѣе своей кончины, видя, что многіе великіе и святые архіереи и богомудрые отцы не только отвергаютъ его изложеніе вѣры, но и предаютъ его анаѳемѣ, царь сильно устыдился и повсемѣстно извѣстилъ, что это—не его исповѣданіе, а прежде бывшаго Патріарха Сергія, который самъ написалъ «изложеніе» и только убѣдилъ царя подписать его. Когда умеръ царь Ираклій, преемникомъ ему былъ сынъ его Константинъ[2]), но и тотъ, процарствовавъ только четыре мѣсяца, умеръ, тайно отравленный своею мачехою Мартиною, которая, при содѣйствіи Патріарха[3]), возвела на престолъ своего сына Иракліона. Но, спустя шесть мѣсяцевъ, противъ Иракліона возстали всѣ сановники; схвативъ его, они отрѣзали ему носъ, равно какъ и матери его Мартинѣ, и затѣмъ съ позоромъ изгнали ихъ въ ссылку. На престолъ же они возвели сына Константина, внука Ираклія, по имени Констанса, отъ котораго впослѣдствіи родился Константинъ, прозванный Погонатомъ[4]). По воцареніи Констанса тогдашній Константинопольскій Патріархъ Пирръ—единомышленникъ Мартины, по народному мнѣнію, вмѣстѣ съ нею отравившій сына Ираклія, Константина, отца новопоставленнаго царя Констанса,—сильно испугался и, самовольно сложивъ съ себя патріаршій санъ, бѣжалъ въ ссылку въ Африку. Послѣ него занялъ константинопольскій патріаршій престолъ Павелъ[5]), также еретикъ-монофелитъ. Тою же ересью увлекся и царь и сталъ великимъ ея поборникомъ и распространителемъ.

Когда преподобный оставался въ Африканской странѣ, прибылъ туда Пирръ, Патріархъ Константинопольскій, который бѣжалъ съ своего престола и, обходя города, совращалъ православныхъ въ свою ересь. Много вреда причинилъ бы онъ тамъ Христовой Церкви, если бы не имѣлъ противника себѣ въ лицѣ преподобнаго

---

1) Пирръ наслѣдовалъ Сергію въ 639 году. На созванномъ имъ Соборѣ онъ одобрилъ «изложеніе» (экѳесисъ) Сергія и ревностно продолжалъ дѣло защиты ереси.

2) *Константинъ III* былъ Византійскимъ императоромъ въ 641 г.

3) Народная молва приписывала Патріарху Пирру соучастіе съ Мартиною, мачехою императора Константина, въ отравленіи этого послѣдняго. Опасаясь ярости народа, онъ оставилъ патріаршій престолъ и бѣжалъ въ 641 году въ Сѣверную Африку. До 650 года онъ жилъ сначала въ Африкѣ, а затѣмъ въ Римѣ.

4) *Констансъ* царствовалъ съ 641 по 668 г., *Константинъ IV Погонатъ*—съ 668 по 685 г.

5) *Павелъ II* занималъ патріаршую каѳедру въ Константинополѣ съ 641 по 654 г.

Максима, встрѣчаясь съ которымъ онъ по цѣлымъ часамъ состязался въ преніяхъ о вѣрѣ. Епископы африканскіе по необходимости должны были собираться въ Карѳагенъ, чтобы послушать пренія обоихъ о вѣрѣ, такъ какъ этого желалъ патрицій[1]) Григорій, правитель той страны. Когда составился Соборъ и начались пренія, богомудрый Максимъ побѣдилъ Пирра, опровергнувъ его доводы на основаніи божественныхъ книгъ и догматовъ святыхъ отцовъ[2]). Онъ доказалъ, что какъ во Христѣ Богѣ два естества, такъ должны быть въ Немъ и двѣ воли, два хотѣнія и дѣйствованія,—нераздѣльныя, однако, въ одномъ лицѣ. Побѣжденный въ спорѣ, Пирръ присоединился къ православнымъ и былъ принятъ Церковію съ любовію и почетомъ, съ титуломъ Патріарха. Тогда же онъ составилъ и книгу православнаго исповѣданія. Затѣмъ онъ пошелъ въ Римъ къ папѣ Ѳеодору, который былъ преемникомъ Іоанна. Папа принялъ его съ почетомъ—какъ православнаго Константинопольскаго Патріарха. Когда въ Константинополѣ распространился слухъ, что Пирръ присоединился къ православнымъ, то сонмище еретиковъ омрачилось завистью. Сочинивъ ложный разсказъ, они распространили въ народѣ слухъ, будто бы африканскіе епископы и папа принудили Пирра, помимо его воли, присоединиться къ единомыслію съ ними. Этотъ слухъ дошелъ до самого царя. Царь тотчасъ послалъ въ Италію одного своего сановника—еретика по имени Олимпія, чтобы онъ снова обратилъ Пирра къ монофелитскому исповѣданію. Олимпій, прибывъ въ Италію, остановился въ городѣ Равеннѣ[3]) и, вызвавъ къ себѣ изъ Рима Пирра, убѣдилъ его вернуться къ прежней ереси. Пирръ же, уподобившись псу, возвращающемуся на свою блевотину, сталъ достоинъ анаѳемы, которой и былъ впослѣдствіи преданъ святыми отцами вмѣстѣ съ своими единомышленниками.

---

[1]) *Патриціями* нерѣдко назывались въ Греко-Римской имперіи правители областей; назывались также и люди благороднаго происхожденія вообще. Патрицій Григорій былъ правителемъ Карѳагена. *Карѳагенъ* находился къ сѣверо-востоку отъ Туниса. Основанъ Дидоною, царицею Тирской, около 860 года до Р. Хр. Въ 148 году до Р. Хр. подчиненъ Римской имперіи. Завоеванный въ 439 году по Р. Хр. вандалами, онъ былъ возвращенъ Римской имперіи въ 533 году Велизаріемъ. Въ 697 году Арабы окончательно разрушили его.

[2]) Публичное преніе св. Максима съ Пирромъ происходило въ іюлѣ 645 года.

[3]) *Равенна*—съ пристанью при Адріатическомъ морѣ, построена ѳессалійскими греками. Многіе Римскіе императоры имѣли здѣсь свое главное мѣстопребываніе, и поэтому эта провинція называется иногда Романіей. Императоръ Августъ держалъ здѣсь флотъ.

Въ это же время царь Констансъ, по внушенію Константинопольскаго Патріарха еретика Павла, написалъ, подобно дѣду своему Ираклію, составившему «изложеніе»,—свое исповѣданіе вѣры, исполненное ереси, и, назвавъ его типосомъ (образцомъ), разослалъ повсюду, повелѣвая такъ вѣровать[1]). Этотъ образецъ вѣры дошелъ до Рима, когда папа Θеодоръ былъ уже на смертномъ одрѣ. Послѣ его кончины преемникомъ ему былъ блаженный Мартинъ. Царь желалъ, чтобы и новопоставленный папа принялъ написанный имъ типосъ вѣры, но папа отвергъ его, говоря:

—Если бы и весь міръ захотѣлъ принять это новое ученіе, противное Православію, я не приму его и не отступлю отъ евангельскаго и апостольскаго ученія, а равно и отъ преданій святыхъ отцовъ, хотя бы мнѣ пришлось претерпѣть смерть.

Святый Максимъ, авва Хрисопольскаго монастыря, находясь въ это время въ Римѣ[2]), совѣтовалъ блаженному папѣ Мартину созвать Помѣстный Соборъ и осудить соборно царское исповѣданіе, названное «типосомъ», какъ еретическое и противное ученію Христовой Церкви. Такъ и было сдѣлано[3]). Папа, созвавъ своихъ епископовъ, числомъ сто пять, въ средѣ коихъ былъ и авва Максимъ, предложилъ на обсужденіе заблужденія Кира, Сергія, Пирра и Павла, а равно и царское еретическое исповѣданіе,—предалъ лжеученія анаθемѣ и написалъ повсемѣстно ко всѣмъ вѣрующимъ, утверждая ихъ въ Православіи, разъясняя еретическія заблужденія и предостерегая всячески беречься этихъ послѣднихъ. Царь, услышавъ объ этомъ, исполнился гнѣва и необычайной ярости и

---

[1]) *Патріархъ Павелъ*, замѣститель Пирра, по примѣру Сергія убѣдилъ Констанса издать въ 648 году новый догматическій эдиктъ «Образецъ вѣры» (типосъ). Этимъ эдиктомъ предписывалось относительно спорныхъ вопросовъ—о воляхъ во Христѣ—хранить совершенное молчаніе, а довольствоваться тѣмъ, что утверждено на первыхъ пяти Вселенскихъ Соборахъ.

[2]) Въ Римъ святый Максимъ прибылъ въ концѣ 645 года и прожилъ здѣсь десять лѣтъ, съ 645 по 655 годъ.

[3]) *Святый папа Мартинъ* былъ ранѣе апокрисіаріемъ (т. е. повѣреннымъ) предмѣстника своего папы Θеодора при Византійскомъ дворѣ и долго жилъ въ Константинополѣ. По вступленіи его въ маѣ 649 года на папскій престолъ ему былъ присланъ изъ Константинополя императорскій эдиктъ (типосъ) съ повелѣніемъ держаться его. Святый Мартинъ отвѣтилъ отказомъ и вмѣстѣ съ святымъ Максимомъ началъ изыскивать мѣры къ искорененію ереси. Въ концѣ 649 года онъ созвалъ въ Римѣ такъ называемый Латеранскій Соборъ изъ 105 епископовъ, при участіи святаго Максима. На этомъ Соборѣ православное ученіе о двухъ воляхъ и дѣйствіяхъ въ Іисусѣ Христѣ было утверждено, а поборники ереси—Θеодоръ Фаранскій, Сергій Константинопольскій, Патріархи Пирръ и Павелъ и, наконецъ, Киръ Александрійскій, а равно экеесисъ Ираклія и типосъ Констанса были анаθематствованы, а «дѣянія» Собора были посланы императору Констансу.

послалъ въ Италію своего намѣстника Ѳеодора Калліопу, поручивъ ему захватить папу Мартина—послѣ возведенія на него обвиненій: будто онъ вступилъ въ соглашеніе съ Сарацинами, научая ихъ вторгнуться въ Греко-Римское царство и идти войною противъ царя; будто вѣру, переданную св. отцами, онъ неправо содержитъ, а равно и хулитъ Пречистую Богоматерь. Прибывъ въ Римъ, царскій намѣстникъ публично возводилъ на папу эти обвиненія. Блаженный Мартинъ, не будучи виновенъ ни въ одномъ, возводимомъ на него преступленіи, защищался противъ злонамѣренной клеветы.

— Съ Сарацинами,—говорилъ онъ,—я никогда не вступалъ въ какое-либо соглашеніе, а только посылалъ милостыню православнымъ братьямъ, живущимъ среди Сарацинъ въ крайней бѣдности и убожествѣ. Если же кто не почитаетъ Пречистую Богоматерь, не исповѣдуетъ Ее и не поклоняется Ей, тотъ да будетъ проклятъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ и въ будущемъ. Вѣру же святую, переданную святыми Апостолами и святыми Отцами, не мы, а иначе мудрствующіе неправо сохраняютъ.

Царскій намѣстникъ, не слушая оправданій папы, призналъ его виновнымъ во всемъ, присоединивъ еще и то, будто онъ незаконно взошелъ на престолъ. Послѣ этого онъ ночью при помощи военной силы тайкомъ захватилъ папу и отправилъ его къ царю. Папа былъ заточенъ въ Херсонесѣ, гдѣ и скончался[1]).

Нѣсколькими днями ранѣе захвата папы былъ схваченъ въ Римѣ преподобный Максимъ вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Анастасіемъ и въ оковахъ былъ отправленъ въ Константинополь. Это было сдѣлано по царскому повелѣнію, ибо царь зналъ, по чьему совѣту и внушенію былъ созванъ Соборъ для осужденія монофелитовъ и его посланія. Когда преподобный прибылъ воднымъ путемъ въ Византію, къ нему явились посланные царемъ мужи, уже въ самомъ взорѣ обнаруживавшіе сильную непріязнь. Они безстыдно схватили преподобнаго, босаго и безъ одежды, скованнаго узами, и влачили его по улицамъ въ сопровожденіи огорченнаго ученика его. Приведши его въ одно темное помѣщеніе, они заперли его

---

[1]) *Святый папа Мартинъ* былъ взятъ подъ стражу въ 653 году и, по повелѣнію императора Констанса, отправленъ въ Константинополь. Вмѣстѣ со святымъ Максимомъ онъ прибылъ въ Константинополь въ сентябрѣ 654 года. Какова была ихъ участь въ теченіе годичнаго путешествія — неизвѣстно. Святый Мартинъ, обвиненный въ измѣнѣ отечеству и въ оскорбленіи царскаго величества, былъ сосланъ въ Херсонесъ, гдѣ и скончался 16 сентября 655 года, замученный голодомъ.

одного, не дозволивъ быть съ нимъ его ученику, котораго заключили особо въ темницѣ. Спустя нѣсколько дней преподобный былъ приведенъ для допроса въ царскій дворецъ, въ полное собраніе сената, однако, безъ царя. Когда онъ вошелъ туда, взоры всѣхъ, исполненные злобы и непріязни, устремились на него. Снять допросъ было поручено одному изъ сановниковъ, казнохранителю[1]). Это былъ мужъ, способный къ обильному словопренію, краснорѣчивый, хорошо умѣвшій излагать ложныя обвиненія и превращать правду въ неправду; въ искаженіи же истины онъ былъ свѣдущъ больше всѣхъ. Какой только злобы и безстыдства онъ не показалъ! Какихъ упрековъ и оскорбленій онъ не нанесъ! Онъ не постыдился ни почтенной старости святаго, который имѣлъ тогда болѣе семидесяти лѣтъ отъ рожденія, не смутился предъ благодатію, сіявшею въ его взорахъ, не пощадилъ ни кроткаго и степеннаго, открытаго и любвеобильнаго характера, ни званія преподобнаго. Въ то время, какъ неправедный обвинитель говорилъ на неповиннаго многое, нисколько не соотвѣтствовавшее ни истинѣ, ни здравому смыслу, и обнаруживалъ въ своемъ многословіи злонамѣренную хитрость, дерзость и лукавство нрава, онъ проявлялъ тѣмъ самымъ во всѣхъ своихъ рѣчахъ величайшее безстыдство и неразуміе. Конечно, онъ не могъ отвѣчать основательно на убѣдительныя, исполненныя кротости и благоразумія возраженія преподобнаго, а только проявлялъ въ своихъ рѣчахъ безразсудство и сбивчивость, а потому и былъ побѣждаемъ. Въ частности, что тогда было сказано и сдѣлано, какія обвиненія возлагались на неповиннаго, какъ лживые люди старались представить свою неправду подъ видомъ истины,—это подробно описалъ ученикъ преподобнаго Максима другой Анастасій, бывшій апокрисіаріемъ[2]) Римской церкви. Мы приведемъ здѣсь на память немногое изъ его обширнаго повѣствованія.

Какъ только беззаконный обвинитель, по званію казнохранитель, сталъ предъ лицомъ святаго, онъ тотчасъ началъ поносить его, незлобиваго, бранными словами и стращать угрозами, называя его безсовѣстнымъ, предателемъ отечества, врагомъ царю, и приписы-

---

[1]) *Казнохранитель*—по греч. газофилаксъ. Это слово происходитъ отъ персидскаго *газа*—имѣніе, богатство,—и греч. φυλάττω—храню. *Газофилакія*—общественная сокровищница—царское или церковное казнохранилище (Еванг. отъ: Марк., 14, 40. Іоан., 8, 20).

[2]) *Апокрисіарій*—слово греческое, означаетъ *ходатай*, *адвокатъ* по церковнымъ дѣламъ—при царскомъ дворѣ.

вать ему все постыдное и преступное. Когда же святый спросилъ обвинителя, почему онъ возводитъ на него такія обвиненія и въ какомъ предательствѣ упрекаетъ,—сановникъ возвелъ на него возмутительную клевету и представилъ завѣдомо ложныхъ свидѣтелей. Онъ упрекалъ преподобнаго, будто онъ многіе великіе города предалъ варварамъ: такъ, отторгнувъ отъ родныхъ предѣловъ Александрію, весь Египетъ и Пентаполь[1]), онъ присоединилъ ихъ къ владѣніямъ Сарацинъ, къ которымъ былъ дружески расположенъ и доброжелателенъ. Святый разъяснилъ, что возводимое на него обвиненіе ложно и достойно смѣха.

— Какое дѣло мнѣ, иноку,—говорилъ онъ,—до завоевателей городовъ, и могъ ли я, какъ христіанинъ, имѣть общеніе съ Сарацинами? Напротивъ, я всегда желалъ только одного — полезнаго для христіанскихъ городовъ.

Но безстыдный клеветникъ обратился къ инымъ видамъ лжи, сплетая ихъ, какъ какія-либо сновидѣнія, и, возвышая до неприличія голосъ, кричалъ, будто блаженный Максимъ хулилъ восточнаго царя, называя болѣе достойными почета царей западныхъ. При этомъ онъ ссылался на лжесвидѣтелей. Преподобный, тяжко вздохнувъ, сказалъ на это:

— Благодарю Бога моего за то, что я преданъ въ ваши руки и терплю истязанія за несправедливыя вины, чтобы очистить ими свои вольныя согрѣшенія и пороки моей жизни. Но, чтобы отвѣтить кратко на ваши ложныя обвиненія, спрошу васъ прежде всего: отъ меня ли самого вы слышали ту хулу на царя, о которой говорите, или иной кто-либо сказалъ вамъ о ней?

Они отвѣтили:

— Мы слышали отъ другихъ, слышавшихъ это изъ устъ твоихъ.

Когда же святый просилъ призвать ихъ, чтобы они засвидѣтельствовали лично, обвинители сказали, что ихъ уже нѣтъ въ живыхъ.

Святый сказалъ на это:

— Если вы говорите, что тѣ, которые слышали хулу изъ устъ моихъ, уже умерли, то почему вы не привлекли меня къ допросу раньше, когда они еще были живы? Тогда и вы освободились бы отъ излишняго труда, и я понесъ бы наказаніе за явную вину.

---

[1]) Поводомъ къ такому обвиненію послужило то, что Григорій, префектъ Африки, одно время расположенный къ святому Максиму, отложился отъ Имперіи около 650 года.—*Пентаполь*—западная часть Ливіи, примыкавшей къ Египту.

Но достовѣрно одно: какъ ложны ваши клеветы, возводимыя на меня, такъ и тѣ, которые привлекли меня къ суду, не имѣли предъ очами своими Бога, испытующаго сердца человѣческія. Да не буду я достоинъ видѣть Пришествіе Господне и перестану называться христіаниномъ, если когда-либо я даже помыслилъ то ложное сновидѣніе[1]), выдуманное вами, или разсказалъ его предъ кѣмъ-либо, или слышалъ отъ кого!

Тогда призвали одного лжесвидѣтеля, по имени Григорія, который утверждалъ, что слышалъ въ Римѣ, какъ ученикъ Максима Анастасій называлъ царя «попомъ», а этому научился онъ у своего учителя Максима. Святый Максимъ, возражая противъ Григорія, мужественно опровергъ его лживую клевету. Онъ говорилъ:

— Когда Григорій былъ въ Римѣ, то велъ съ нами бесѣду только о единоволіи, предлагая намъ принять догматическое сочиненіе, названное «типосомъ». Но на это мы отвѣтили отказомъ, предпочитая полезное душамъ нашимъ. Того же, что вы говорите теперь, ни я не знаю, ни ученикъ мой никогда не говорилъ,—въ этомъ Богъ свидѣтель! Однако, я помню, какъ я говорилъ тогда — не ученику своему, а самому Григорію — слѣдующее: изслѣдывать и опредѣлять догматы вѣры есть дѣло священнослужителей, а не императоровъ, потому что имъ предоставлено и помазывать царя, и возлагать на него руки, и совершать Таинство Евхаристіи, и предстоять алтарю, и совершать всѣ прочія Божественныя и величайшія Таинства. Вотъ что я говорилъ тогда и нынѣ говорю. Припомнить эти мои слова не откажется и самъ Григорій, а если бы отказался, то отказался бы отъ самого себя. За все это пусть всякій или обвинитъ, или оправдаетъ меня предъ судомъ.

Не зная, что дѣлать, обвинители, надѣявшіеся на силу лжесвидѣтельства, вывели преподобнаго вонъ изъ собранія. Затѣмъ былъ введенъ ученикъ его Анастасій. Послѣдняго они старались смутить строгими рѣчами и рѣзкими угрозами, убѣждая его, чтобы онъ подтвердилъ клевету на учителя своего. Они вынуждали его засвидѣтельствовать, будто учитель его жестоко обращался въ Римѣ съ Пирромъ, когда состязался съ нимъ о вѣрѣ. Анастасій мужественно утверждалъ, что учитель его не только не сдѣлалъ

---

[1]) Объ этомъ сновидѣніи, совпадавшемъ (будто бы) по времени съ возмущеніемъ префекта Африки Григорія, подробно говорится въ житіи ниже. При одномъ изъ послѣдующихъ допросовъ преп. Максима снова обвиняли въ побужденіи Григорія къ возстанію при посредствѣ приписываемаго ему сновидѣнія.

никакого зла Пирру, но и обращался съ нимъ съ особеннымъ почтеніемъ. За такое прямодушіе они начали бить Анастасія кулаками по шеѣ, по лицу и по головѣ, желая, такимъ образомъ, побѣдить истину насиліемъ,—а затѣмъ отправили его въ прежнюю темницу. Послѣ этого, не довольствуясь прежнимъ ложнымъ обвиненіемъ и пристрастнымъ допросомъ, они снова призвали святаго Максима и покушались побѣдить его твердость новою клеветою. Клевета состояла въ томъ, будто бы святый Максимъ былъ послѣдователемъ ученія Оригена[1]) и соглашался съ нимъ во всемъ. Святый легко и свободно опровергъ ихъ ложныя обвиненія какъ совершенно бездоказательныя. Объ Оригенѣ онъ выразился какъ объ отлученномъ отъ общенія со Христомъ и съ христіанами, а послѣдователей его ученія призналъ достойными суда Божія. Тогда они снова стали допрашивать святаго Максима о Пиррѣ и о тѣхъ причинахъ, по которымъ онъ отдѣлился отъ Константинопольскаго Патріарха и не желаетъ вступить съ нимъ въ общеніе. Испытывали они святаго и другими вопросами, предлагали ему принять царскій «типосъ» и относиться къ послѣднему съ особеннымъ почтеніемъ — какъ къ совершеннѣйшему и обязательному догматическому изложенію вѣры. Святый возражалъ имъ, а они досаждали ему многими рѣзкими упреками. Однако, видя себя побѣждаемыми преподобнымъ Максимомъ во всѣхъ своихъ спорахъ и запутывающимися въ собственныхъ сѣтяхъ, они распустили собраніе и поспѣшно отправились къ царю, чтобы засвидѣтельствовать непобѣдимое мужество хрисопольскаго аввы.

«Максимъ, — говорили они, — непобѣдимъ въ рѣчахъ, и никто не можетъ убѣдить его, чтобы онъ сталъ нашимъ единомышленникомъ,—даже если бы кто-либо сталъ его мучить!»

Послѣ этого преподобный опять былъ посаженъ въ темницу. Спустя немного времени пришли къ нему другіе собесѣдники, полагая, что если часто съ нимъ состязаться и устрашать его грозными словами, то гораздо скорѣе можно будетъ склонить его къ

---

1) *Оригенъ* —знаменитѣйшій христіанскій учитель III вѣка. Въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ, къ которымъ даже замѣчательнѣйшіе изъ отцовъ Церкви относились съ глубокимъ уваженіемъ, Оригенъ проводилъ, однако, нѣкоторыя мнѣнія неправославнаго и еретическаго характера, за что они и осуждены были какъ еретическія, хотя Оригенъ и не высказывалъ своихъ неправославныхъ мнѣній какъ непреложныя истины. Таково было его ученіе о предсуществованіи душъ, осужденное на V Вселенскомъ Соборѣ въ 553 году.

своей вѣрѣ. Пришедшіе заявили, что они посланы патріархомъ, и затѣмъ стали спрашивать святаго:

— Какой ты Церкви: Византійской или Римской, Антіохійской, Александрійской или Іерусалимской? Ибо всѣ эти Церкви съ подчиненными имъ областями находятся въ единеніи. Посему, если и ты принадлежишь къ Каѳолической Церкви, то немедленно вступи въ общеніе съ нами,—если только не желаешь подвергнуться тяжкому изгнанію и испытать то, чего не ожидаешь.

На это праведный мужъ весьма разумно отвѣтилъ имъ:

— Христосъ Господь назвалъ Каѳолическою Церковью ту, которая содержитъ истинное и спасительное исповѣданіе вѣры. За это исповѣданіе онъ и Петра назвалъ блаженнымъ и на немъ обѣщалъ основать вселенскую Церковь[1]). Однако, я хочу узнать содержаніе вашего исповѣданія, на основаніи котораго всѣ Церкви, какъ вы говорите, вступили въ общеніе. Если оно не противно истинѣ, то и я не отступлю отъ него.

Послы отвѣтили ему:

— Хотя намъ и не поручено говорить съ тобою объ этомъ, однако—скажемъ. Мы исповѣдуемъ во Христѣ два дѣйствія по причинѣ различія естествъ и одно дѣйствіе вслѣдствіе соединенія обоихъ естествъ въ одномъ Лицѣ.

Святый сказалъ на это:

— Если вы говорите о двухъ дѣйствіяхъ, что они сдѣлались единымъ дѣйствіемъ вслѣдствіе соединенія естествъ въ одномъ Лицѣ, то значитъ, кромѣ тѣхъ двухъ дѣйствій, вы признаете еще новое, третье дѣйствіе, сліянное, или Богочеловѣческое.

— Нѣтъ, —отвѣтили послы,—мы признаемъ два дѣйствія, а говоримъ объ одномъ по причинѣ соединенія ихъ.

Святый возразилъ на это:

— Вы сами создаете себѣ шаткую вѣру и исповѣдуете, что Богъ можетъ существовать, не имѣя бытія. Ибо, если вы сольете два дѣйствія въ одно, по причинѣ соединенія естествъ въ одномъ Лицѣ, и затѣмъ раздѣлите единое дѣйствіе на два, по причинѣ различія естествъ, тогда не будетъ ни единства, ни двойства дѣйствій, такъ какъ двойство единеніемъ и единство раздвоеніемъ взаимно исключаются; мало того, эти ухищренія дѣлаютъ совершенно недѣйствительнымъ то, въ чемъ пребываютъ дѣйствія (т. е.

---

[1]) См.: Еванг. отъ Матѳ., гл. 16, ст. 17, 18.

Богочеловѣчество),—даже вовсе устраняютъ его, какъ не имѣющее свойственнаго ему по природѣ такого обнаруженія, которое не могло бы быть ни отнятымъ у естества, ни измѣненнымъ. Въ противномъ случаѣ естество какъ не проявляющее себя въ сродныхъ ему дѣйствіяхъ, по разумѣнію святыхъ Отцовъ, лишилось бы всего бытія[1]). Но этого я признать не могу и не научился отъ святыхъ Отцовъ такъ вѣровать. Вы же, какъ имѣющіе власть, дѣлайте со мною, что вамъ угодно.

Они, не зная, что возразить на это, сказали, что неповинующійся имъ долженъ подлежать анаѳемѣ и принять положенную ему смерть. Святый кротко и смиренно отвѣчалъ:

— Да совершится на мнѣ воля Божія во славу святаго Имени Его.

Тогда послы отправились къ Патріарху и передали все, сказанное преподобнымъ. Царь, посовѣтовавшись съ патріархомъ, какъ нѣкогда Пилатъ съ іудеями, осудилъ святаго на изгнаніе въ небольшой городокъ, находившійся во Ѳракіи, по имени Визію[2]). Равнымъ образомъ и ученика его Анастасія они послали въ заточеніе на далекую окраину Греческаго царства, въ одно весьма суровое мѣсто, называемое на варварскомъ языкѣ Перверою[3]). То же было сдѣлано и съ другимъ ученикомъ преподобнаго, также Анастасіемъ, бывшимъ нѣкогда въ Римѣ апокрисіаріемъ, который впослѣдствіи написалъ житіе преподобнаго Максима. Его сослали въ Месемврію[4]), городъ во Ѳракіи.

Въ это же время былъ привезенъ въ Царьградъ блаженный Мартинъ, папа Римскій, и послѣ многихъ страданій сосланъ въ заточеніе въ Херсонесъ[5]). Еще ранѣе его ссылки, когда онъ

---

[1]) По разумѣнію святыхъ Отцовъ, ни одно естество не можетъ ни существовать, ни быть познаваемымъ безъ проявленія себя въ сродныхъ ему дѣйствіяхъ. Поэтому, съ признаніемъ одной воли въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, одно изъ естествъ должно было бы лишиться своего бытія, перестало бы существовать. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло бы и Богочеловѣчество. Такимъ образомъ, догматъ воплощенія подвергся у монофелитовъ искаженію.

[2]) *Ѳракія* граничила на сѣверѣ съ Карпатскими горами, отъ Иллиріи на югѣ границами ея были: Македонія, Эгейское море (Архипелагъ) и Пропонтида (Мраморное море), а на востокѣ — Черное море. Такимъ образомъ, древней Ѳракіи принадлежали: восточная часть Венгріи, Трансильванія, Молдавія, Валахія, Болгарія, Сербія и восточная часть Румеліи. *Визія*—городокъ на востокѣ Ѳракіи, у Чернаго моря. Это была столица небольшаго округа, называвшагося Астикомъ. Жители его грабили всѣхъ, подвергавшихся кораблекрушенію близъ ихъ городовъ.

[3]) *Первера*—городъ въ ущельяхъ горы Олимпа, между Македоніей и Ѳессаліей.

[4]) *Месемврія*—городъ на востокѣ Ѳракіи, на берегу Чернаго моря.

[5]) Это было въ 655 году. *Херсонесъ* — на восточной сторонѣ Таврическаго полуострова.

находился въ Константинополѣ, умеръ Павелъ, Патріархъ Константинопольскій. Послѣ него былъ поставленъ патріархомъ упомянутый выше Пирръ[1]), но и тотъ, спустя четыре мѣсяца, скончался. Тогда на патріаршій престолъ вступилъ Петръ[2]), упорный послѣдователь той же монофелитской ереси.

Прошло много времени, и снова были посланы отъ имени царя и Патріарха Петра къ святому Максиму почтенные мужи: Ѳеодосій, епископъ Кесаріи Виѳинской,[3]) и два консула—Павелъ и Ѳеодосій, чтобы обратить его къ своему единомыслію. Они употребили къ обращенію святаго много разнообразныхъ способовъ, то льстя преподобному, то угрожая, то испытуя его въ вѣрѣ, то вопрошая. Когда они явились вмѣстѣ съ визійскимъ епископомъ и повелѣли святому сѣсть, епископъ Ѳеодосій обратился къ нему со словами:

— Какъ поживаешь, господине, авва Максимъ?

Онъ отвѣчалъ:

— Такъ, какъ Господь отъ вѣка предузналъ и предопредѣлилъ обстоятельства моей жизни, сохраняемой Его Промысломъ.

Ѳеодосій возразилъ на это:

— Какъ такъ? Развѣ Богъ отъ вѣка предузналъ и предопредѣлилъ дѣянія каждаго изъ насъ?

Святый отвѣчалъ:

— Богъ предузналъ наши помышленія, слова и дѣянія, которыя зависятъ отъ нашей воли; предуставилъ же и предопредѣлилъ то, что должно случиться съ нами, но что находится уже не въ нашей власти, а въ Его Божественной волѣ.

Епископъ Ѳеодосій спросилъ:

— Что же находится въ нашей власти и что не въ нашей?

Святый Максимъ отвѣтилъ:

— Все это ты знаешь, господинъ мой, и, только испытывая меня, раба своего, вопрошаешь.

Епископъ сказалъ на это:

— Воистину, я не знаю этого и хочу уразумѣть, какое различіе между тѣмъ, что состоитъ въ нашей власти и что не состоитъ, и какъ одно относится къ Божественному предвѣдѣнію, а другое — къ предопредѣленію?

---

1) Павелъ скончался въ 655 году.

2) *Петръ* управлялъ Константинопольскою патріархіей съ 655 по 666 г.

3) *Виѳинія* граничила на сѣверѣ съ Чернымъ моремъ, на западѣ — съ Мизіей, на югѣ — съ Фригіей и Галатіей, на востокѣ—съ Пафлагоніей. Нынѣ она занимаетъ сѣверную часть Анатоліи.

Преподобный Максимъ отвѣтилъ:

— Всѣ наши добрыя и дурныя дѣла зависятъ отъ нашего произволенія; не въ нашей же власти—наказанія и бѣдствія, случающіяся съ нами, а равно и противоположное имъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы не имѣемъ власти надъ изнуряющею насъ болѣзнію или надъ здоровьемъ, но только надъ тѣми условіями, которыя причиняютъ болѣзнь или сохраняютъ здоровье. При этомъ, какъ причиною болѣзни служитъ невоздержаніе, а воздержаніе служитъ условіемъ добраго здоровья,—такъ и соблюденіе заповѣдей Божіихъ служитъ условіемъ достиженія Царства Небеснаго, а несоблюденіе ихъ—причиною ввержения въ геенну огненную.

Епископъ сказалъ ему:

— Зачѣмъ ты мучаешь себя этимъ изгнаніемъ, совершая достойное такого бѣдствія?

— Молю Бога,— отвѣтилъ святый,—чтобы Онъ, наказывая меня этимъ бѣдствіемъ, простилъ мнѣ грѣхи, содѣланные преступленіемъ святыхъ Его заповѣдей.

Епископъ возразилъ на это:

— Не для испытанія ли со многими случаются бѣды?

— Искушаемы бываютъ святые,—отвѣчалъ преподобный,—чтобы обнаружились для всѣхъ ихъ тайныя добродѣтели, какъ это было съ Іовомъ и Іосифомъ. И подлинно, Іовъ былъ искушаемъ ради обнаруженія никому не извѣстнаго въ немъ мужества, а Іосифъ подвергся напасти, чтобы стали явными его цѣломудріе и воздержаніе, содѣлывающіе человѣка святымъ. Да и каждый изъ святыхъ, если недобровольно страдалъ въ этомъ мірѣ, то страдалъ для того именно, чтобы попускаемыми ему отъ Бога бѣдствіями побѣдить гордаго отступника, діавола—змія; самое терпѣніе въ каждомъ святомъ было слѣдствіемъ искушенія.

На это епископъ Ѳеодосій сказалъ:

— Поистинѣ, хорошо и поучительно ты говоришь, и я хотѣлъ бы о подобныхъ вещахъ всегда бесѣдовать съ тобою,—но такъ какъ я и спутники мои, почтеннѣйшіе патриціи, пришли къ тебѣ, несмотря на громадное разстояніе, ради другаго дѣла, то просимъ тебя: прими то, что мы предложимъ тебѣ, и доставь радость всей вселенной.

— Что именно, господинъ мой?—спросилъ святый.—Да и кто я такой и откуда я, чтобы мое соизволеніе на ваше предложеніе могло обрадовать весь міръ?

Епископъ сказалъ:

— Какъ непреложны истины Господа моего Іисуса Христа, такъ и то, что я буду говорить тебѣ, а равно и сотрудники мои, уважаемые патриціи,—мы слышали непосредственно отъ нашего Патріарха и благочестиваго царя.

— Скажите же, господа мои,—отвѣтилъ святый Максимъ,—чего вы хотите и что вы слышали?

Тогда Ѳеодосій сталъ говорить:

— Императоръ и Патріархъ, прежде всего, желаютъ узнать отъ тебя: почему ты удаляешься отъ общенія съ Константинопольскимъ престоломъ?

Святый Максимъ отвѣтилъ:

— Вы знаете нововведенія, принятыя шестаго индикта истекшаго круга[1]). Они начались въ Александріи чрезъ обнародованіе Киромъ, бывшимъ тамъ Патріархомъ, девяти главъ, одобренныхъ и утвержденныхъ Константинопольскимъ престоломъ. Были и иныя измѣненія и дополненія (экѳесисъ и типосъ), искажающія соборныя опредѣленія. Эти нововведенія были сдѣланы первыми представителями Византійской церкви—Сергіемъ, Пирромъ и Павломъ—и извѣстны всѣмъ церквамъ. Вотъ причина, по которой я, рабъ вашъ, не вступаю въ общеніе съ Константинопольскою Церковью. Пусть будутъ уничтожены въ Церкви эти соблазны, введенные упомянутыми выше мужами, пусть будутъ устранены введніе ихъ и—очистится путь спасенія отъ преградъ, и вы пойдете тогда гладкимъ путемъ Евангелія, очищеннымъ отъ всякой ереси! Когда же я увижу Константинопольскую Церковь такою, какою она была прежде, тогда и я обращусь къ ней, какъ былъ и раньше ея сыномъ, и вступлю въ общеніе съ нею безъ всякаго увѣщанія человѣческаго. Пока же въ ней будутъ еретическіе соблазны и еретики архіереи, никакое слово или дѣло не убѣдитъ меня, чтобы я когда-либо вступилъ въ общеніе съ ними.

— Но что же худаго,—спросилъ епископъ Ѳеодосій,—въ нашемъ исповѣданіи, что ты не хочешь имѣть общенія съ нами?

---

[1]) *Индиктъ*—по римскому календарю—означаетъ промежутокъ, или кругъ времени, въ 15 лѣтъ. Первый годъ въ этомъ кругѣ назывался первымъ индиктомъ, второй годъ—вторымъ индиктомъ и т. д. Въ греческомъ и славянскомъ мѣсяцесловахъ подъ 1-мъ Сентября значилось: «начало индикта, сирѣчь новаго лѣта.» Въ приведенномъ мѣстѣ житія святаго Максима слова: «шестаго индикта истекшаго круга» нужно понимать такъ: «девять лѣтъ тому назадъ», т. е. въ 648 году.

Святый Максимъ отвѣтилъ:

— Вы исповѣдуете, что было одно дѣйствіе у Божества и человѣчества Спасителя,—между тѣмъ, если довѣрять святымъ Отцамъ, утверждающимъ, что у кого есть одно дѣйствіе, у того и естество одно, то вы исповѣдуете Святую Троицу не какъ Троицу, а какъ четверицу, какъ будто воплощеніе было единосущнымъ Слову и отступило отъ тожества съ человѣческимъ естествомъ, которое есть у насъ и было у Пречистой Дѣвы Богородицы; по отступленіи же отъ сроднаго человѣку тожества какъ будто образовалась новая сущность, единосущная Слову въ той же мѣрѣ, въ какой Слово единосущно Отцу и Духу; такимъ образомъ является уже не Троица, а четверица. Равнымъ образомъ, когда вы отрицаете дѣйствія и утверждаете, что у Божества и человѣчества Христова была одна воля, вы умаляете свободную самодѣятельность Его въ дѣланіи добра. Ибо если то и другое естество не имѣетъ собственнаго, присущаго ему, дѣйствія, то, если и захочетъ кому-либо благодѣтельствовать, не сможетъ этого, такъ какъ у него отнята способность къ дѣланію добра. Вѣдь безъ способности дѣйствовать и безъ свойственнаго естеству дѣйствія никакая вещь не можетъ что-либо произвести или сдѣлать. Съ другой стороны, признавая вочеловѣченіе Христа, вы исповѣдуете одну волю въ двухъ естествахъ, но тѣмъ самымъ вы признаете, что и плоть Его, по своей волѣ, была создательницею всѣхъ вѣковъ и всей твари, совокупно со Отцемъ, и Сыномъ, и Святымъ Духомъ; между тѣмъ, по естеству она сама создана. Или лучше сказать: плоть по своей волѣ безначальна,—ибо воля Божія безначальна, какъ и Божество не имѣетъ начала,—а по естеству своему плоть создана во времени. Но такъ исповѣдывать не только безумно, а и безбожно, ибо вы не просто говорите объ одной только волѣ во Христѣ, но называете ее Божественною, а у Божественной воли не можетъ предполагаться ни начала, ни конца, какъ и у Самого Божества. Вы отнимаете также у Христа Господа всѣ обнаруженія и свойства, по которымъ познается Его Божество и человѣчество, когда экѳесисомъ и типосомъ требуете не говорить ни объ одной, ни о двухъ воляхъ въ Немъ, ни о дѣйствіяхъ Его. Эта воля не едина, потому что вы раздѣляете ее на двѣ самимъ подчиненіемъ человѣческой воли Божественной; ихъ и не двѣ, потому что вы сливаете ихъ въ едину.

Когда святый Максимъ говорилъ это и многое другое, о чемъ подробно сообщаетъ ученикъ его Анастасій, Ѳеодосій и патриціи начали сознавать свое заблужденіе. Однако епископъ сказалъ:

— Прими написанный царемъ типосъ — не какъ положительный догматъ вѣры, но какъ способъ рѣшенія сомнительныхъ вопросовъ. Онъ и написанъ не въ смыслѣ законодательства, а въ смыслѣ истолкованія вѣры.

Святый Максимъ отвѣчалъ:

— Если типосъ не есть положительный законъ, утверждающій единство воли и дѣйствія Господа нашего, то зачѣмъ вы сослали меня въ страну варваровъ и невѣдущихъ Бога язычниковъ? За что я осужденъ оставаться здѣсь, въ Визіи? За что сотрудники мои изгнаны: одинъ — въ Перверу, а другой — въ Месемврію?

Когда затѣмъ вспомнили о томъ Помѣстномъ Соборѣ, который былъ созванъ въ Римѣ блаженнымъ папою Мартиномъ для осужденія монофелитовъ, епископъ Ѳеодосій сказалъ:

— Не имѣетъ значенія этотъ Соборъ, потому что онъ былъ созванъ не по царскому повелѣнію.

Преподобный отвѣтилъ:

— Если утверждаются только постановленія Соборовъ, созываемыхъ по царскому повелѣнію, то не можетъ быть православной вѣры. Вспомните о Соборахъ, созываемыхъ по царскому повелѣнію противъ единосущія, на которыхъ установлено богохульное ученіе, что Сынъ Божій не единосущенъ Богу Отцу. Таковы соборы: первый — въ Тирѣ, второй — въ Антіохіи, третій — въ Селевкіи, четвертый — въ Константинополѣ при Евдоксіи аріанинѣ, пятый — въ Никеѣ, шестой — въ Сирміи, а спустя много времени — седьмой въ Ефесѣ подъ предсѣдательствомъ Діоскора. Всѣ эти соборы созывались по царскимъ повелѣніямъ; однако, всѣ они отвергнуты и преданы анаѳемѣ, такъ какъ на нихъ были составлены вѣроопредѣленія безбожныя и богопротивныя. Притомъ, почему вы не отвергаете того Собора, который осудилъ Павла Самосатскаго и предалъ его анаѳемѣ? Вѣдь во главѣ этого Собора стояли: Діонисій, папа Римскій, Діонисій Александрійскій и Григорій Чудотворецъ, который и предсѣдательствовалъ на этомъ Соборѣ. Этотъ Соборъ происходилъ безъ царскаго повелѣнія; однако, онъ твердъ и неопровержимъ. Православная Церковь признаетъ истинными и святыми только тѣ Соборы, на которыхъ установлены истинные и непреложные догматы. И подлинно, какъ знаетъ это и

твоя святость и другихъ поучаетъ тому же, каноны повелѣваютъ—въ каждой христіанской странѣ созывать Помѣстные Соборы дважды въ годъ—какъ для защищенія спасительной вѣры нашей, такъ и для исправленія того, что требуетъ исправленія; однако, церковныя правила не говорятъ о царскихъ повелѣніяхъ.

Послѣ продолжительной бесѣды и упорнаго спора съ обѣихъ сторонъ уста преподобнаго Максима исполнились божественной мудрости и краснорѣчія, и языкъ его, движимый Святымъ Духомъ, одолѣлъ противниковъ. Послѣдніе долго сидѣли молча, склонивъ головы и опустивъ глаза. Затѣмъ они умилились и начали плакать, послѣ чего встали и поклонились святому, равно какъ и онъ имъ. Послѣ совмѣстной молитвы они съ радостью согласились съ истиннымъ ученіемъ святаго Максима и съ любовью приняли это ученіе, причемъ и сами обѣщали вѣровать согласно съ нимъ, и царя надѣялись убѣдить къ тому же. Для подтвержденія же своего обѣщанія они облобызали Божественное Евангеліе, Честный Крестъ и святыя иконы Спасителя и Пресвятой Богородицы. Затѣмъ, побесѣдовавъ достаточно о полезныхъ для души вещахъ, они дали другъ другу цѣлованіе о Господѣ и, пожелавъ взаимно мира, возвратились—епископъ Ѳеодосій и патриціи—въ Византію. Когда они изложили царю все сказанное и сдѣланное, царь сильно разгнѣвался. Тогда Ѳеодосій и оба патриція, убоявшись царскаго гнѣва, снова обратились къ ереси. Затѣмъ опять былъ посланъ въ Визію патрицій Павелъ съ порученіемъ доставить преподобнаго Максима въ Константинополь, однако—съ почетомъ. Когда святый Максимъ былъ привезенъ, ему повелѣно было жить въ монастырѣ святаго Ѳеодора[1]).

Наутро были посланы царемъ къ преподобному два патриція—Епифаній и Троилъ. Они явились въ сопровожденіи многихъ знатныхъ мужей, съ отрядомъ войска и слугами, съ пышностью и суетнымъ величіемъ. Вмѣстѣ съ ними пришелъ и вышеупомянутый епископъ Ѳеодосій. Его ожидалъ преподобный Максимъ и надѣялся на исполненіе его обѣщанія, по которому не только онъ самъ долженъ былъ истинно вѣровать, но и царя, и всѣхъ другихъ представителей народа возвратить Православію. Но Ѳеодосій солгалъ, предпочитая угождать царю земному и суетному міру, нежели слѣдовать Царю Небесному и Его святой Церкви. Когда

[1]) Это было въ 655 году.—Монастырь великомученика Ѳеодора находился въ предмѣстьи Константинополя.

всѣ сѣли и убѣдили сѣсть преподобнаго, началъ бесѣду патрицій Троилъ.

— Царь, владыка вселенной,—началъ онъ,—прислалъ насъ къ тебѣ возвѣстить то, что угодно его царской власти, утвержденной Богомъ, но прежде скажи намъ: исполнишь ли ты волю государя, или нѣтъ?

Святый Максимъ отвѣтилъ:

— Прежде я выслушаю, господинъ мой, что повелѣваетъ мнѣ государь, и сообразно съ этимъ отвѣчу тебѣ. Ибо какъ я могу отвѣчать на то, чего еще не знаю?

Троилъ же настаивалъ, говоря:

— Не скажемъ тебѣ, съ чѣмъ мы явились, пока ты не отвѣтишь намъ, окажешь ли повиновеніе царю.

Преподобный мужъ, видя, что посланные требуютъ настойчиво, смотрятъ злобно и рѣзкими словами допрашиваютъ его, будетъ ли онъ повиноваться царской волѣ, отвѣчалъ:

— Такъ какъ вы не хотите сказать мнѣ, рабу вашему, что угодно господину нашему, царю, то объявляю вамъ, предъ лицомъ Самого Бога и Его святыхъ Ангеловъ, слѣдующее: если царь повелитъ мнѣ что-либо такое, что имѣетъ временное и преходящее значеніе, притомъ не противное Богу и безвредное для вѣчнаго спасенія души, то я охотно исполню.

Когда святый сказалъ это, патрицій Троилъ тотчасъ всталъ и хотѣлъ уходить, говоря:

— Я ухожу, потому что вижу, что сей мужъ не исполнитъ царской воли.

Но тотчасъ поднялся шумъ и началось сильное смятеніе среди пришедшаго сюда множества народа. Тогда епископъ Ѳеодосій сказалъ:

— Объявите ему волю государя и выслушайте его отвѣтъ, ибо нехорошо уйти, ничего не сказавъ ему и не выслушавъ его отвѣта.

Послѣ этого патрицій Епифаній началъ говорить преподобному:

— Вотъ что царь приказываетъ объявить тебѣ: такъ какъ весь Востокъ и тѣ на Западѣ, которые увлечены въ соблазнъ взирая на тебя, производятъ смуты и волненія, являясь отступниками отъ вѣры и строя козни, причемъ не хотятъ въ дѣлѣ вѣры имѣть съ нами общенія, то да смягчитъ Господь кротостью твое сердце, чтобы ты вступилъ въ общеніе съ нами, принявъ изданный нами

типосъ. Мы же, принявъ тебя съ любовію, съ великою честью и славою введемъ тебя въ церковь и поставимъ рядомъ съ нами, гдѣ обычно стоятъ цари, и пріобщимся вмѣстѣ съ тобою Пречистыхъ и Животворящихъ Таинъ Тѣла и Крови Христовыхъ. Потомъ провозгласимъ тебя нашимъ отцомъ, и будетъ радость не только во всемъ христолюбивомъ градѣ нашемъ, но и во всемъ христіанскомъ мірѣ. Ибо мы твердо увѣрены, что когда ты вступишь въ общеніе съ святою Константинопольскою церковью, то присоединятся къ намъ и всѣ, которые ради тебя и подъ твоимъ руководствомъ отпали отъ общенія съ нами.

Святый авва Максимъ, обратившись къ епископу Ѳеодосію, со слезами сказалъ:

— Всѣ мы, владыко, ожидаемъ великаго Дня Суднаго. Ты помнишь, что было недавно говорено и обѣщано предъ святымъ Евангеліемъ, Животворящимъ Крестомъ и святыми иконами Спасителя нашего Іисуса Христа и Пренепорочной Его Матери, Пречистой Богородицы и Приснодѣвы Маріи?

Епископъ, съ потупленнымъ внизъ взоромъ, кротко сказалъ:

— Что же могу я сдѣлать, когда благочестивый царь хочетъ иного?

Авва Максимъ отвѣчалъ ему:

— Зачѣмъ же ты и бывшіе съ тобою касались святаго Евангелія, когда у васъ не было твердаго намѣренія исполнить обѣщанное? Поистинѣ всѣ силы небесныя не убѣдятъ меня сдѣлать то, что вы предлагаете. Ибо какой отвѣтъ дамъ я, не говорю— Богу, но моей совѣсти, если изъ-за пустой славы и мнѣнія людскаго, ничего не стоющаго, отвергну правую вѣру, которая спасаетъ любящихъ ее?

Когда святый сказалъ это, тотчасъ всѣ встали, исполненные гнѣва и бѣшенства и, бросившись къ нему, начали не только ругать его бранными словами, но и возложили на него руки. Схвативъ его, они били его руками, терзали, туда и сюда влачили его по полу, толкали и топтали его ногами, и каждый старался достать его, чтобы ударить. Они непремѣнно убили бы святаго, если бы епископъ Ѳеодосій не укротилъ ихъ ярости и не успокоилъ волненія. Когда перестали бить и терзать святаго, то начали плевать на него, и оплевали человѣка Божія съ головы до ногъ. Смрадъ исходилъ отъ ихъ гадкихъ плевковъ, которыми была испачкана вся одежда его.

Тогда епископъ сказалъ имъ:

— Не слѣдовало бы дѣлать этого; нужно было только выслушать его отвѣтъ и донести царю, ибо дѣла, подлежащія церковнымъ правиламъ, иначе судятся.

Съ трудомъ епископъ убѣдилъ ихъ прекратить шумъ и снова сѣсть. Они, не переставая поносить святаго грубыми ругательствами и оскорбительными упреками, усѣлись.

Тогда патрицій Епифаній, дыша яростью, съ гнѣвомъ обратился къ святому:

— Скажи намъ, злой старикъ, одержимый бѣсомъ! Зачѣмъ ты говоришь такія рѣчи? Не считаешь ли ты еретиками всѣхъ насъ, и городъ нашъ, и царя нашего? Знай, что мы болѣе тебя христіане и болѣе тебя православные. Мы признаемъ въ Іисусѣ Христѣ, Господѣ нашемъ, Божественную и человѣческую волю и душу разумную, ибо всякое разумное существо всегда имѣетъ и силу произволенія, по самому естеству своему, и способность дѣятельности. Вообще, живому существу свойственно движеніе, а уму присуща воля. Мы признаемъ и Господа имѣющимъ власть хотѣнія не по Божеству только, но и по человѣчеству, а особенно мы не отрицаемъ Его двухъ волей и двоякихъ дѣйствій.

Авва Максимъ отвѣчалъ:

— Если вы вѣруете такъ, какъ учитъ Церковь Божія и какъ прилично разумному существу, то зачѣмъ принуждаете меня принять «типосъ», который совершенно отрицаетъ то, что вы говорите теперь?

Епифаній возразилъ:

— Типосъ написанъ ради уложенія не совсѣмъ понятныхъ истинъ, чтобы не впалъ въ заблужденіе народъ вслѣдствіе особенной тонкости ихъ выраженія.

На это авва Максимъ отвѣтилъ:

— Это противно вѣрѣ, а между тѣмъ всякій человѣкъ освящается правильнымъ исповѣданіемъ вѣры.

Тогда патрицій Троилъ возразилъ:

— Типосъ не отрицаетъ двухъ волей во Христѣ, а только заставляетъ молчать о нихъ ради мира Церкви.

Авва Максимъ сказалъ на это:

— Замалчивать слово—значитъ отрицать его, какъ объ этомъ говоритъ Духъ Святый чрезъ пророка: **не сꙋ́ть рѣ́чи, нижѐ словеса̀,**

и҆́хже не слы́шатсѧ гла́си и҆́хъ [1]). Поэтому, если какое-либо слово не высказывается, то это вовсе не есть слово.

Тогда Троилъ сказалъ:

— Имѣй въ сердцѣ своемъ какую угодно вѣру; никто тебѣ не запрещаетъ.

Святый Максимъ возразилъ:

— Но полное спасеніе зависитъ не отъ одной сердечной вѣры, а и отъ исповѣданія ея, ибо Господь говоритъ: **и҆́же ѿве́ржетсѧ менѐ пред̾ человѣ́ки, ѿве́ргꙋсѧ є҆го̀ и҆ а҆́зъ пред̾ ѻ҆ц҃е́мъ мои́мъ, и҆́же на небесѣ́хъ** [2]). Равно и Божественный Апостолъ учитъ: **се́рдцемъ вѣ́рꙋетсѧ въ пра́вдꙋ, ᲂу҆сты̀ же и҆сповѣ́дꙋетсѧ во сп҃се́нїе** [3]). Если же Богъ и Божественные пророки и апостолы повелѣваютъ исповѣдывать словомъ и языкомъ таинство вѣры, которое приноситъ всему міру спасеніе, то нельзя принуждать къ молчанію относительно исповѣданія, чтобы не умалялось спасеніе людей.

На это Епифаній злобнымъ голосомъ воскликнулъ:

— Подписалъ ли ты постановленія Собора, бывшаго въ Римѣ?

— Подписалъ, — отвѣтилъ святый.

Тогда Епифаній продолжалъ:

— Какъ ты осмѣлился подписать и анаѳематствовать исповѣдующихъ вѣру такъ, какъ прилично разумнымъ существамъ и какъ учитъ Каѳолическая Церковь? Воистину собственнымъ судомъ мы приведемъ тебя въ городъ и поставимъ на площадь связаннаго, соберемъ всѣхъ комедіантовъ, и блудницъ, и весь народъ, и заставимъ ихъ бить тебя по щекамъ и плевать тебѣ въ лицо.

На это святый отвѣчалъ:

— Да будетъ такъ, какъ ты сказалъ. Если же ты утверждаешь, что мы анаѳематствовали тѣхъ, которые признаютъ два естества, соединившіяся въ Господѣ нашемъ, а равно двѣ воли и два дѣйствія, соотвѣтствующія каждому естеству во Христѣ Господѣ, Который по естеству Божественному есть Истинный Богъ, а по естеству человѣческому—истинный человѣкъ, то прочти, господинъ мой, книгу, заключающую въ себѣ дѣянія этого Собора, и если вы найдете то, что сказали, дѣлайте что хотите. Ибо я и всѣ сотрудники мои, и всѣ, подписавшіе дѣянія Собора, анаѳемат-

---

1) Псал. 18, ст. 4.

2) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 33.

3) Посл. къ Римл., гл. 10, ст. 10.

ствовали тѣхъ, которые, подобно Арію и Аполлинарію[1]), признаютъ въ Господѣ одну волю и одно дѣйствіе и не исповѣдуютъ Господа нашего и Бога имѣющимъ два естества, въ которыхъ Онъ пребываетъ, а равно имѣетъ силу хотѣнія и дѣйствованія, коими совершаетъ наше спасеніе.

Тогда друзья Епифанія и патриціи, и всѣ, пришедшіе съ ними, начали говорить между собою:

— Если мы и далѣе станемъ слушать его, то намъ не придется ни ѣсть, ни пить. Поэтому, пойдемъ и пообѣдаемъ и затѣмъ возвѣстимъ царю и Патріарху то, что мы слышали. Вы видите, что этотъ окаянный предалъ себя сатанѣ.

Затѣмъ, вставъ, они ушли обѣдать. Было же въ этотъ день предпразднство Воздвиженія Честнáго Креста, и уже наступало время Всенощнаго бдѣнія. Отобѣдавъ, они отправились въ городъ крайне недовольные.

На другой день (14 сентября) рано утромъ явился къ преподобному Максиму патрицій Ѳеодосій, отнялъ всѣ книги, какія имѣлъ святый, и сказалъ отъ имени царя:

— Такъ какъ ты не захотѣлъ почета, то иди въ изгнаніе, которое ты заслужилъ.

Святый старецъ тотчасъ былъ взятъ воинами и отведенъ сначала въ Селемврію, гдѣ онъ оставался два дня. Въ теченіе этого времени одинъ воинъ изъ Селемвріи, отправившись въ армію, распустилъ по лагерю молву, возбуждая противъ старца народъ словами: «Пришелъ къ намъ одинъ инокъ, который хулитъ Пречистую Богородицу». Начальникъ арміи, призвавъ важнѣйшихъ клириковъ города Селемвріи, а равно пресвитеровъ, діаконовъ и почетнѣйшихъ иноковъ, послалъ ихъ къ блаженному Максиму— узнать: правда ли то, что говорятъ о немъ, будто онъ хулитъ Божію Матерь? Когда они пришли, преподобный всталъ и поклонился до земли, воздавая почетъ ихъ званію. Они также поклонились святому и затѣмъ всѣ сѣли. Тогда одинъ изъ пришедшихъ, весьма почтенный старецъ, очень кротко и почтительно спросилъ преподобнаго Максима:

— Отче, такъ какъ нѣкоторые соблазнились относительно твоей святости, утверждая, будто бы ты не признаешь Госпожу

---

[1]) *Аполлинарій*, епископъ Лаодикійскій, училъ, что Сынъ Божій, воплотившись, принялъ неполное человѣческое естество, но только душу и тѣло человѣческія, умъ же человѣческій у Него замѣняло Божество. Ересь эта была осуждена II-мъ Вселенскимъ Соборомъ.

нашу Пречистую Дѣву Богородицу Матерью Божіею, то заклинаю тебя Пресвятою Единосущною Троицею сказать намъ истину и изъять соблазнъ изъ сердецъ нашихъ, чтобы и мы не погрѣшили, неправильно думая о тебѣ.

Преподобный Максимъ преклонился на землю крестообразно, а потомъ, вставши, воздѣлъ руки къ Небу и торжественно произнесъ со слезами:

— Кто не исповѣдуетъ Госпожу нашу, Всепѣтую, Святѣйшую и Пренепорочную Дѣву, честнѣйшую всѣхъ разумныхъ существъ, истинною Матерію Бога, сотворившаго Небо и землю, море и все, что въ нихъ, тотъ да будетъ анаѳема отъ Отца, и Сына, и Святаго Духа—Единосущной и Преестественной Троицы, и отъ всѣхъ Силъ Небесныхъ, отъ лика святыхъ апостоловъ и пророковъ, и безконечнаго множества мучениковъ, и отъ всякой праведной души, скончавшейся въ вѣрѣ, нынѣ, всегда и во вѣки вѣковъ!

Услышавъ это, всѣ прослезились и высказали ему благопожеланія въ словахъ:

— Богъ да укрѣпитъ тебя, отче, и да сподобитъ тебя достойно и безпрепятственно совершить свое поприще!

Послѣ этого собралось туда множество воиновъ послушать благочестивыя рѣчи отцовъ, бесѣдующихъ между собою. Тогда одинъ изъ приближенныхъ начальника арміи, видя большое стеченіе войска, усердно слушающаго слова святаго и порицающаго правительство за изгнаніе его, повелѣлъ немедленно вывести оттуда святаго и вести его далѣе за два поприща[1]), пока снарядятся тѣ, которые должны вести его въ Перверу въ заточеніе. Клирики, подвигнутые Божественною любовію, шли тѣ два поприща пѣшкомъ, провожая святаго. Когда пришли воины, чтобы вести его въ изгнаніе, клирики понесли святаго на рукахъ и посадили на коня. Затѣмъ они обнимали его со слезами и, простившись съ нимъ, возвратились въ свой городъ. Святаго же повели въ Перверу и тамъ заключили въ темницѣ.

Прошло много времени[2]), и царь снова послалъ привести въ Константинополь изъ заточенія преподобнаго Максима и обоихъ его учениковъ. Когда они пристали къ городу на кораблѣ, при захожденіи солнца явились два начальника стражи съ де-

---

[1]) *Поприще*—мѣра разстоянія, равняющаяся нашимъ 690 саженямъ. Два поприща такимъ образомъ составляютъ приблизительно $2^2/_3$ версты.

[2]) Именно—пять лѣтъ.

сятью воинами и, выведши ихъ изъ корабля полунагихъ и необутыхъ, разлучили и заключили каждаго особо. Спустя нѣсколько дней ихъ повели въ царскую палату. Оба ученика были оставлены на дворѣ подъ стражей, а старецъ былъ введенъ внутрь, гдѣ засѣдали сановники и многія почетнѣйшія лица. Святый былъ поставленъ среди возсѣдавшихъ правителей. Тогда царскій казнохранитель съ раздраженіемъ въ голосѣ обратился къ нему:

— Христіанинъ ли ты?

Старецъ отвѣчалъ:

— По благодати Христа, Бога всяческихъ, я—христіанинъ.

Казнохранитель исполнился гнѣва и сказалъ:

— Ты говоришь неправду.

Святый отвѣчалъ:

— Ты говоришь, что я не христіанинъ, а Богъ говоритъ, что я неизмѣнно пребываю христіаниномъ.

— Но если ты христіанинъ,—возразилъ казнохранитель,—то за что же ты ненавидишь царя?

— Откуда это видно?—спросилъ святый.—Вѣдь ненависть есть сокровенное чувство души, точно такъ же, какъ и любовь.

— Изъ дѣлъ твоихъ,—отвѣтилъ казнохранитель,—всѣмъ стало извѣстно, что ты—врагъ царя и его царства. Ибо ты одинъ предалъ Сарацинамъ Египетъ, Александрію, Пентаполь, Триполисъ и Африку.

— Гдѣ же достовѣрныя доказательства этого? —спросилъ святый.

Тогда ввели нѣкоего Іоанна, бывшаго когда-то сакелларіемъ [1]) Петра—въ то время, какъ Петръ былъ намѣстникомъ Нумидіи Африканской [2]). Этотъ Іоаннъ сказалъ:

— Двадцать два года тому назадъ дѣдъ господина нашего царя повелѣлъ блаженному Петру, чтобы онъ велъ войска въ Египетъ противъ Сарацинъ. Петръ, довѣряя тебѣ, какъ рабу Божію, писалъ къ тебѣ, прося полезнаго совѣта. Но ты отписалъ ему, что не благоугодно Богу помогать царю Ираклію и наслѣдникамъ его.

---

[1]) *Сакелларій*—отъ sacillus мѣшокъ—то же, что казнохранитель. Сакелларіевъ было два—императорскій и патріаршій.

[2]) *Нумидія* находилась въ Сѣверной Африкѣ. Нынѣ она составляетъ восточную часть Алжира.

Тогда святый сказалъ ему:

— Если ты говоришь правду и имѣешь письмо Петра ко мнѣ и мое письмо къ Петру, то покажи ихъ; пусть ихъ прочтутъ, и я приму достойную казнь по закону.

Іоаннъ отвѣтилъ:

— Я не имѣю писемъ вашихъ и даже не знаю, писали ли вы другъ другу, но въ лагерѣ тогда всѣ объ этомъ говорили.

Святый возразилъ:

— Если цѣлое войско объ этомъ говорило, то почему только ты одинъ на меня клевещешь? Видѣлъ ли ты даже меня когда-либо, или я тебя?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Іоаннъ.—Я никогда не видѣлъ тебя.

Тогда святый, обратившись къ собранію, сказалъ:

— Судите сами: справедливо ли ставить во свидѣтели такихъ людей? Сказано вѣдь: и҆́мже сꙋдо́мъ сꙋ́дите, сꙋ́дѧтъ ва́мъ, и҆ въ ню́же мѣ́рꙋ мѣ́рите, возмѣ́ритсѧ ва́мъ отъ Бога, праведнаго Судіи всѣхъ[1]).

Затѣмъ ввели Сергія Магуду. Тотъ сказалъ:

— Назадъ тому девять лѣтъ блаженный авва Ѳома, пришедшій изъ Рима, разсказывалъ мнѣ слѣдующее: посылалъ меня, говорилъ онъ, папа Ѳеодоръ къ Григорію, префекту Африки, отложившемуся въ то время отъ Греческой имперіи, сказать ему, чтобы онъ не боялся греческихъ войскъ, ибо рабъ Божій, авва Максимъ, видѣлъ сонъ, будто на небесахъ — на востокѣ и на западѣ — стояли лики Ангеловъ. Изъ нихъ бывшіе на востокѣ восклицали: Константинъ Августъ, ты побѣдишь! Находившіеся же на западѣ восклицали: Григорій Августъ, ты побѣдишь! При этомъ голосъ западнаго лика былъ яснѣе и громче, чѣмъ восточнаго.

Когда Магуда изложилъ это, казнохранитель сказалъ святому:

— Вотъ, тебя привелъ Богъ въ этотъ городъ на сожженіе огнемъ.

Святый отвѣтилъ:

— Благодарю Бога, очищающаго вольныя мои согрѣшенія невольными наказаніями. Но го́ре мі́рꙋ ѿ собла̑знъ: нꙋ́жда бо є҆́сть прїитѝ собла́знѡмъ: ѻ҆ба́че го́ре человѣ́кꙋ томꙋ̀, и҆́мже собла́знъ прихо́дитъ[2]). Поистинѣ, не слѣдовало бы говорить сего предъ христіанами, а тѣмъ болѣе оставлять безъ наказанія тѣхъ, которые

[1]) Еванг. Мате., гл. 7, ст. 2.

[2]) Еванг. Мате., гл. 18, ст. 7.

говорятъ и дѣлаютъ только угодное людямъ, нынѣ живущимъ, а завтра не существующимъ. Все это нужно было объявлять въ то время, когда былъ еще живъ Григорій. Тогда слѣдовало бы призвать сюда патриція Петра, авву Ѳому и блаженнаго папу Ѳеодора; я въ присутствіи всѣхъ ихъ сказалъ бы патрицію Петру: скажи, господинъ мой, писалъ ли ты когда-либо ко мнѣ о томъ, о чемъ свидѣтельствуетъ твой сакелларій, или, быть можетъ, я писалъ къ тебѣ? Равнымъ образомъ и блаженному папѣ я сказалъ бы: скажи, владыко, разсказывалъ ли я когда-либо тебѣ сонъ? Но если бы и папа обличилъ меня относительно сна, то въ этомъ была бы его вина, а не моя, ибо сонное видѣніе есть вещь непроизвольная, а законъ наказываетъ только тѣ дѣянія, которыя зависятъ отъ свободной воли человѣка.

Возводились при этомъ на неповиннаго и святаго мужа и другія клеветы и несправедливыя обвиненія, особенно относительно хулы на царя,—будто онъ и его ученики порицали въ Римѣ царя. Однако, святый, доказывая свою невинность, опровергалъ всѣ эти клеветы въ кротости своей смиренными, премудрыми и вдохновенными рѣчами.

Затѣмъ введенъ былъ отдѣльно ученикъ его Анастасій. Его побуждали, чтобы онъ сказалъ что-либо дурное о своемъ учителѣ, и когда тотъ не хотѣлъ говорить неправды на праведнаго мужа, его избили кулаками и затѣмъ отвели его и учителя его, каждаго порознь, по своимъ мѣстамъ въ темницы.

На другой день вечеромъ пришли къ преподобному въ темницу патрицій Троилъ, Сергій Евфратасъ, начальникъ царской трапезы. Они сѣли и, заставивъ сѣсть преподобнаго, спросили:

— Скажи намъ, авва, какую бесѣду велъ ты въ Африкѣ и въ Римѣ съ Пирромъ и какими доводами убѣдилъ ты его отказаться отъ его собственнаго догмата и принять твой догматъ?

Святый отвѣтилъ:

— Если бы были со мною мои книги, въ которыя я записалъ бывшіе у насъ тамъ съ Пирромъ бесѣды и споры, то я все подробно разсказалъ бы вамъ; но такъ какъ книги у меня отняты, то что могу припомнить, то и скажу.

Затѣмъ святый разсказалъ по порядку все, что могъ припомнить, прибавивъ въ заключеніе слѣдующее:

— Я никакого собственнаго догмата не имѣю, а только общій всей Каѳолической Церкви; я не внесъ въ свое исповѣданіе ни

одного новаго слова, по которому оно могло бы называться моимъ собственнымъ.

Затѣмъ посланные спросили его:

— Что же ты не вступишь въ общеніе съ Константинопольскимъ престоломъ?

— Нѣтъ,— отвѣтилъ святый.

— Почему же?—спросили они.

— Потому,—отвѣтилъ святый,—что предстоятели сей церкви отвергли постановленія четырехъ святыхъ Соборовъ, принявъ за правило «девять главъ», изданныхъ въ Александріи, а затѣмъ приняли экѳесисъ, составленный Сергіемъ, Константинопольскимъ Патріархомъ, и наконецъ, типосъ, въ недавнее время обнародованный. Съ другой стороны, все, утвержденное въ экѳесисѣ, они отвергли въ типосѣ и много разъ сами себя отлучили отъ Церкви и изобличили въ неправомысліи. Мало того, сами себя отлучивъ отъ Церкви, они низложены и лишены священства на Помѣстномъ Соборѣ, бывшемъ недавно въ Римѣ. Какое же тайнодѣйствіе они могутъ совершать? Или какой Духъ снизойдетъ на тѣхъ, которые ими рукополагаются?

— Значитъ, ты одинъ спасешься,—возразили ему,—а всѣ прочіе погибнутъ?

Святый отвѣтилъ на это:

— Когда всѣ люди поклонялись въ Вавилонѣ золотому истукану, три святые отрока никого не осуждали на погибель. Они не о томъ заботились, что дѣлали другіе, а только о самихъ себѣ, чтобы не отпасть отъ истиннаго благочестія [1]). Точно такъ же и Даніилъ, брошенный въ ровъ, не осуждалъ никого изъ тѣхъ, которые, исполняя законъ Дарія, не хотѣли молиться Богу, а имѣлъ въ виду свой долгъ и желалъ лучше умереть, чѣмъ согрѣшить и казниться предъ своею совѣстью за преступленіе Закона Божія [2]). И мнѣ не дай Богъ осуждать кого-либо или говорить, что я одинъ спасусь. Однако же, я соглашусь скорѣе умереть, чѣмъ, отступивъ въ чемъ-либо отъ правой вѣры, терпѣть муки совѣсти.

— Но что ты будешь дѣлать,—сказали ему посланные,—когда римляне соединятся съ византійцами? Вчера, вѣдь, пришли изъ Рима два апокрисіарія и завтра, въ день воскресный, будутъ причащаться съ Патріархомъ Пречистыхъ Таинъ.

---

[1]) Кн. Прор. Дан., гл. 3.

[2]) Кн. Прор. Дан., гл. 14, ст. 31 и далѣе.

Преподобный отвѣтилъ:

— Если и вся вселенная начнетъ причащаться съ Патріархомъ, я не причащусь съ нимъ. Ибо я знаю изъ писаній святаго Апостола Павла, что Духъ Святый предастъ анаѳемѣ даже Ангеловъ, если бы они стали благовѣствовать иначе, внося что-либо новое[1]).

Тогда посланные спросили:

— Неужели совершенно необходимо исповѣдывать во Христѣ двѣ воли и двоякаго рода дѣятельность?

— Совершенно необходимо,—отвѣчалъ святый,—если мы хотимъ благочестиво мыслить, ибо никакое существо не лишено природной дѣятельности. Святые отцы ясно говорятъ, что ни одно существо не можетъ ни существовать, ни быть познаваемымъ безъ сроднаго ему дѣйствованія. Если этого нѣтъ и если естество не обнаруживается въ дѣйствованіи, то какимъ образомъ можно признавать Христа Истиннымъ Богомъ по естеству и истиннымъ человѣкомъ?

На это ему сказали:

— Мы видимъ, что это—истинная правда, однако,—не огорчай царя, который, ради мира Церкви, составилъ типосъ не для того, чтобы отрицать что-либо изъ признаваемыхъ во Христѣ свойствъ, но ради спокойствія Церкви, повелѣвая молчать о тѣхъ вещахъ, которыя порождаютъ разногласіе.

Тогда человѣкъ Божій, простершись на землю, отвѣчалъ со слезами:

— Не слѣдовало бы огорчаться доброму и боголюбивому царю по поводу моего недостоинства, ибо я не хочу прогнѣвать Бога, умалчивая о томъ, что Онъ повелѣлъ признавать и исповѣдывать. Ибо если, по слову Божественнаго Апостола, Самъ Онъ положилъ въ цр҃кви пе́рвѣе а҆пⷭ҇лѡвъ, второ́е прⷪ҇ро́кѡвъ, тре́тїе оу҆чи́телей[2]), то ясно, что Самъ Онъ и говоритъ чрезъ нихъ. Изъ всего же Священнаго Писанія, изъ твореній святыхъ учителей и изъ постановленій соборныхъ мы научаемся, что воплотившійся Іисусъ Христосъ, Господь и Богъ нашъ, имѣетъ силу хотѣть и дѣйствовать по Божеству и по человѣчеству. Ибо у Него вовсе нѣтъ недостатка въ тѣхъ свойствахъ, по которымъ Онъ познается какъ Богъ или какъ человѣкъ, кромѣ грѣха. Если же Онъ совершенъ по обоимъ естествамъ и не лишенъ ничего, свойственнаго имъ, то, поистинѣ,

---

1) Посл. къ Галат., гл. 1, ст. 8.

2) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 12, ст. 28.

тотъ совершенно извращаетъ тайну Его вочеловѣченія, кто не признаетъ въ Немъ самаго существа обоихъ естествъ съ соотвѣтствующими имъ свойствами,—естествъ, чрезъ которыя и въ которыхъ Онъ пребываетъ.

Когда святый изложилъ это и многое другое, пришедшіе похвалили его мудрость и не нашли, что возразить ему. Сергій же сказалъ:

— Одинъ ты огорчаешь всѣхъ —именно тѣмъ, что изъ-за тебя многіе не хотятъ имѣть общенія съ здѣшнею Церковью.

Преподобный Максимъ возразилъ:

— Но кто можетъ утверждать, что я кому-нибудь повелѣвалъ не имѣть общенія съ Византійскою Церковью?

На это Сергій отвѣчалъ:

— То самое, что ты не сообщаешься съ этою Церковью, сильнѣе всего отвращаетъ многихъ отъ общенія съ нею.

Человѣкъ Божій сказалъ на это:

— Нѣтъ ничего тягостнѣе и печальнѣе того состоянія, когда совѣсть въ чемъ-либо обличаетъ насъ, и нѣтъ ничего дороже спокойствія и одобренія совѣсти.

Затѣмъ Троилъ, обращая вниманіе на то, что «типосъ» царя Константа анаѳематствованъ по всему Западу, сказалъ святому:

— Хорошо ли, что толкованіе благочестиваго государя нашего такъ безславится?

Святый отвѣтилъ:

— Да проститъ Богъ тѣмъ, которые внушили императору и допустили его издать этотъ указъ!

Троилъ спросилъ:

— Кто же внушилъ и кто допустилъ?

Святый отвѣтилъ:

— Предстоятели Церкви научили, а сановники допустили, и, такимъ образомъ, позоръ соблазна падаетъ на неповиннаго и чуждаго всякой ереси царя. Однако, посовѣтуйте государю сдѣлать то же, что сдѣлалъ нѣкогда блаженной памяти дѣдъ его Ираклій. Когда онъ узналъ, что многіе отцы на Западѣ не принимаютъ «изложенія» вѣры, а равно обличаютъ и осуждаютъ заключающуюся тамъ ересь,—очистилъ себя отъ упрека въ этомъ, разославъ повсюду свои посланія и утверждая въ нихъ, что «изложеніе» принадлежитъ не ему, а бывшему Патріарху Сергію. Пусть сдѣлаетъ то же и нынѣ царствующій государь, и тогда онъ будетъ освобожденъ отъ всякаго упрека.

Они долго молчали, качая головою, а затѣмъ сказали:

— Неудобно и даже невозможно сдѣлать все то, что ты совѣтуешь, авва.

Побесѣдовавъ еще достаточно о разныхъ предметахъ, они простились и дружелюбно разстались.

Чрезъ недѣлю послѣ этого разговора, въ слѣдующую субботу, святаго и обоихъ его учениковъ опять позвали въ царскую палату къ допросу. Прежде былъ введенъ болѣе ранній ученикъ его Анастасій, а другой Анастасій, бывшій апокрисіарій Римской Церкви, былъ поставленъ внѣ палаты. Когда первый Анастасій былъ введенъ въ залу, гдѣ сидѣли среди членовъ сената два Патріарха: Ѳома, Константинопольскій Патріархъ, и какой-то другой, тотчасъ вошли и клеветники, возводившіе на преподобнаго Максима ложныя обвиненія. Присутствующіе заставляли Анастасія подтверждать клеветы, возводимыя на его учителя. Но онъ дерзновенно изобличалъ ложь, мужественно возражая предъ патріархами и сенатомъ. Когда же его спросили: анаѳематствовалъ ли онъ «типосъ», онъ отвѣтилъ, что не только анаѳематствовалъ, но и составилъ противъ него книгу. Тогда сановники спросили:

— Что же? Не признаешь ли ты, что ты дурно поступилъ?

— Да не попуститъ мнѣ Богъ,—отвѣтилъ Анастасій,—считать дурнымъ то, что я сдѣлалъ хорошо, согласно церковному правилу.

Когда затѣмъ его спрашивали о многихъ другихъ вещахъ, онъ отвѣчалъ, какъ ему помогалъ Богъ. Послѣ этого его вывели, а ввели преподобнаго старца Максима. Патрицій Троилъ обратился къ нему съ словами:

— Послушай, авва, скажи правду, и Богъ помилуетъ тебя. Ибо если мы станемъ допрашивать тебя законнымъ порядкомъ и окажется истиннымъ хотя бы одно изъ возводимыхъ на тебя обвиненій, то ты будешь казненъ по закону.

Старецъ отвѣчалъ:

— Я уже сказалъ вамъ и опять скажу: настолько же возможно хотя бы одному обвиненію быть справедливымъ, насколько сатанѣ возможно стать Богомъ; но такъ какъ сатана не есть Богъ и стать Имъ не можетъ, будучи отступникомъ, то и тѣ обвиненія не могутъ стать истинными, которыя совершенно ложны. Поэтому, что хотите сдѣлать, то и дѣлайте; я же, благочестно почитая Бога, не боюсь обиды.

На это Троилъ возразилъ:

— Но развѣ ты не анаѳематствовалъ типоса?

Старецъ отвѣчалъ:

— Нѣсколько разъ уже я говорилъ, что анаѳематствовалъ.

— Но если ты,—сказалъ Троилъ,—анаѳематствовалъ «типосъ», то слѣдовательно и—царя?

— Царя я не анаѳематствовалъ,—отвѣтилъ преподобный,—а только хартію, ниспровергающую православную и церковную вѣру.

— Гдѣ же ты анаѳематствовалъ? — спросилъ Троилъ.

— На Помѣстномъ Соборѣ, въ Римѣ,—отвѣчалъ святый Максимъ,—въ церкви Спасителя и Пресвятой Богородицы.

Тогда обратился къ нему предсѣдатель:

— Вступишь ли ты въ общеніе съ нашею церковью или нѣтъ?

— Нѣтъ, не вступлю, — отвѣчалъ святый.

— Почему же? — спросилъ предсѣдатель.

— Потому что она,—отвѣчалъ святый,—отвергла постановленія православныхъ Соборовъ.

— Но если Церковь наша отвергла Соборы,—возразилъ предсѣдатель,—то какъ же они записаны въ мѣсяцесловномъ диптихѣ [1])?

— Какая польза,—отвѣчалъ святый,—отъ названій и воспоминанія ихъ, если догматы тѣхъ Соборовъ отвергнуты?

— Можешь ли ты,—спросилъ предсѣдатель,—ясно показать, что нынѣшняя Церковь отвергла догматы бывшихъ ранѣе святыхъ Соборовъ?

— Если не будете сердиться и повелите,—отвѣтилъ старецъ,—то я легко могу показать.

Когда всѣ умолкли, къ нему обратился казнохранитель:

— За что ты такъ любишь римлянъ и ненавидишь грековъ?

Святый отвѣтилъ:

— Мы имѣемъ отъ Бога заповѣдь—никого не ненавидѣть. Я люблю римлянъ, какъ единовѣрныхъ со мною, а грековъ—какъ говорящихъ однимъ со мною языкомъ.

— А сколько тебѣ лѣтъ? — спросилъ казнохранитель.

---

[1]) *Диптихъ* — значитъ *поминаніе, синодикъ.* Это были двѣ таблицы, сложенныя, какъ скрижали, на которыхъ писались имена живыхъ и умершихъ. Въ мѣсяцесловныхъ диптихахъ были отмѣчены и важнѣйшія событія церковной жизни.

— Семьдесятъ пять, — отвѣчалъ святый.

— А сколько лѣтъ,—продолжалъ казнохранитель,—находится при тебѣ твой ученикъ?

— Тридцать семь, — отвѣчалъ святый.

Въ это время одинъ изъ клириковъ воскликнулъ:

— Да воздастъ тебѣ Богъ за все, что ты сдѣлалъ блаженному Пирру.

Святый ничего не отвѣтилъ этому клирику.

Во время этихъ, довольно продолжительныхъ, допросовъ ни одинъ изъ находившихся тамъ патріарховъ ничего не сказалъ. Когда же стали распространяться о Соборѣ, бывшемъ въ Римѣ, нѣкто Демосѳенъ заявилъ:

— Не истиненъ этотъ Соборъ, потому что созвалъ его Мартинъ, отлученный папа.

Преподобный Максимъ отвѣчалъ:

— Не отлученъ папа Мартинъ, а подвергся гоненію.

Послѣ этого, выславъ святаго вонъ, они совѣтовались, что съ нимъ сдѣлать? Безчеловѣчные мучители находили, что было бы слишкомъ милостиво оставить его жить по-прежнему, въ заточеніи, и что лучше подвергнуть его мученіямъ болѣе тяжкимъ, чѣмъ смерть. Поэтому предали его въ руки градскаго воеводы. Префектъ велѣлъ отвести святаго Максима и учениковъ его въ преторію[1]). Здѣсь беззаконный мучитель, прежде всего, обнаживъ святаго старца и повергнувъ его на землю, велѣлъ бить его острыми воловьими жилами, не устыдившись ни старости его, ни почтеннаго вида,— не умиляясь и видомъ его тѣла, изможденнаго постническими подвигами. Святаго били такъ жестоко, что земля обагрилась его кровію, а тѣло его было настолько изсѣчено, что не оставалось на немъ ни одного неповрежденнаго мѣста. Затѣмъ свирѣпый звѣрь съ яростію обратился къ ученикамъ преподобнаго и избилъ ихъ въ такой же степени. Когда ихъ били, глашатай восклицалъ:

— Неповинующіеся царскимъ повелѣніямъ и остающіеся непокорными достойны терпѣть такія страданія.

Затѣмъ ихъ, еле живыхъ, ввергли въ темницу.

Наутро снова привели въ судилище изъ темницы святаго и преподобнаго мужа съ первымъ ученикомъ его Анастасіемъ. Святый былъ еще живъ и весь покрытъ ранами, такъ что нельзя

---

[1]) *Преторія*—мѣсто, гдѣ происходилъ судъ. Предъ преторіей нерѣдко происходили и бичеванія.

было смотрѣть безъ состраданія на почтеннаго старца—святаго постника, богомудраго учителя и исповѣдника-богослова — всего окровавленнаго и изъязвленнаго глубокими ранами, не имѣющаго съ ногъ до головы неповрежденнаго мѣста. Однако, не сжалились надъ нимъ жестокосердные мучители, а пришли въ еще большее озлобленіе. Извлекши его богоглаголивый языкъ, источавшій рѣки премудрыхъ ученій и потоплявшій еретическія умствованія, глубоко, у самой гортани, отрѣзали безъ всякаго милосердія и, такимъ образомъ, хотѣли наложить молчаніе на богословствующія уста святаго. То же сдѣлали и съ болѣе раннимъ ученикомъ его Анастасіемъ, а затѣмъ снова заключили ихъ въ темницу. Но Господь Богъ, сдѣлавшій нѣкогда грудныхъ младенцевъ способными къ восхваленію Своего святаго Имени, а равно давшій нѣмому способность рѣчи, и этимъ Своимъ истиннымъ и вѣрнымъ рабамъ—преподобному Максиму исповѣднику и мученику, а равно и ученику его преподобному Анастасію—подалъ возможность и безъ языка говорить еще лучше и яснѣе, чѣмъ раньше, до усѣченія языка. О, сколь тогда устыдились окаянные еретики, узнавъ объ этомъ! Воспылавъ еще большею злобою, они отрѣзали его правую руку и бросили на землю. Точно такъ же они отрѣзали руку и ученику его, святому Анастасію. Другого же ученика его, также Анастасія, бывшаго апокрисіарія Римской Церкви, они пощадили, такъ какъ онъ по временамъ бывалъ секретаремъ у государей.

Послѣ этого преподобнаго Максима и ученика его вывели изъ преторіи и влачили ихъ по всему городу съ поруганіемъ,—показывали ихъ отрѣзанные языки и руки всему народу и безобразными голосами производили кликъ и насмѣшки. Послѣ такого безчеловѣчнаго издѣвательства и безчестнаго поруганія сослали всѣхъ троихъ, каждаго порознь, въ дальнее изгнаніе, безъ всякой заботы о нихъ, безъ пищи и одежды, нагихъ и босыхъ. Много бѣдствій и страданій испытали они въ пути. Преподобный Максимъ, вслѣдствіе тяжкихъ ранъ, не могъ держаться ни на лошади, ни въ повозкѣ. Воины сплели корзину, наподобіе постели, и, положивъ въ нее тяжко страдавшаго старца, съ большимъ трудомъ могли нести его къ мѣсту заточенія. Препроводивъ его въ отдаленную скиѳскую страну, которая въ Европѣ называется Аланіей [1]), они заключили его въ темницѣ, въ городѣ Шемари.

[1]) *Аланія* находилась въ Азіатской Серматіи, въ западной части Кавказскихъ горъ, недалеко отъ Чернаго моря.

Преподобный же ученикъ его Анастасій, которому были отрѣзаны языкъ и рука, еще на пути почилъ своимъ многотруднымъ и многострадальнымъ тѣломъ, а душа его перешла къ Богу въ жизнь безсмертную.

Преподобный Максимъ въ своемъ послѣднемъ изгнаніи прожилъ, среди тяжкихъ страданій, еще три года. Заключенный въ темницѣ, онъ не пользовался ни отъ кого ни необходимыми въ его старости услугами, ни человѣколюбивымъ попеченіемъ. Когда же Господь восхотѣлъ положить конецъ его болѣзнямъ и скорбямъ и вывести его изъ темницы на вѣчный просторъ и веселіе Небеснаго Царствія, то утѣшилъ его прежде однимъ Божественнымъ явленіемъ на землѣ, а затѣмъ возвѣстилъ ему часъ кончины. Блаженный страдалецъ исполнился великой радости, и хотя всегда былъ готовъ къ кончинѣ, однако началъ усердно готовиться къ ней. Когда же наступилъ радостный для него часъ смерти, онъ съ веселіемъ предалъ душу свою въ руки Христа Бога, Котораго возлюбилъ отъ своей юности и за Котораго столько пострадалъ.

Такъ исповѣдникъ Христовъ и мученикъ исполнилъ свой жизненный путь[1]) и вошелъ въ радость Господа своего. Погребенъ онъ въ томъ же городѣ. Послѣ погребенія святаго на могилѣ его были видны три чудесныя лампады, свѣтившія пламенемъ несказаннаго сіянія и озарявшія то мѣсто. Святый, который при жизни своей былъ свѣтомъ міру, и по кончинѣ своей не переставалъ

---

[1]) Труды святаго Максима не погибли. Шестой Вселенскій Соборъ (680 года) достойно почтилъ Исповѣдника и предалъ анаѳемѣ еретиковъ и ихъ ученіе.—Лучшія изъ твореній преподобнаго Максима—тѣ, которыя изображаютъ жизнь духовную, и особенно слѣдующія: 1) *О любви*—къ пресвитеру Элпидію 400 главъ; 2) *Ученіе подвижническое*, въ вопросахъ и отвѣтахъ къ тому же Элпидію; 3) *О добродѣтели и порокѣ* 500 главъ; 4) Посланіе къ епарху Георгію о гордости; 5) Къ кувикулярію Іоанну—о любви и о печали по Бозѣ. Во всѣхъ догматическихъ сочиненіяхъ преподобный Максимъ имѣетъ въ виду почти однихъ монофелитовъ и монофизитовъ, съ которыми въ жизни своей столь ревностно боролся. Противъ монофелитовъ написаны имъ: 1) *Два тома догматовъ* къ Марину въ Кипръ; 2) *О двухъ воляхъ во Христѣ, о дѣйствіяхъ и воляхъ во Христѣ*, къ тому же Марину и множество другихъ менѣе пространныхъ статей. Противъ монофизитовъ написано: 1) о правильныхъ догматахъ вѣры и противъ Севера; 2) о двухъ естествахъ во Христѣ. Ему также принадлежитъ 5 разговоровъ о Святой Троицѣ и письмо къ пресвитеру Марину «О происхожденіи Святаго Духа». Преподобный Максимъ довольно занимался и объясненіемъ Священнаго Писанія. Онъ оставилъ нѣсколько опытовъ толкованія Писанія: 1) отвѣты на сомнительныя мѣста Писанія; 2) краткіе отвѣты о трудныхъ предметахъ; 3) объясненіе 59 Псалма; 4) толкованіе молитвы «Отче нашъ»; 5) объясненіе книги Пѣснь Пѣсней. Кромѣ того, отъ преподобнаго Максима осталось обрядовое сочиненіе—изъясненіе Литургіи или *тайноводство* и нѣкоторыя другія сочиненія: о душѣ, о качествѣ и т. д.—Сочиненія преподобнаго Максима богаты высокими догматическими и нравственными мыслями.

свѣтить и нынѣ свѣтитъ всѣмъ людямъ примѣромъ своей добродѣтельной и многострадальной жизни и великой ревности по Богѣ. Тѣ три, видѣнныя на гробѣ святаго, лампады служили яснымъ знаменіемъ того, что святый угодникъ Божій вселился въ свѣтлыхъ обителяхъ Пресвятыя Троицы, немерцающихъ въ Царствіи Божіемъ, гдѣ онъ сіяетъ съ праведными, какъ солнце, и наслаждается созерцаніемъ Троичнаго свѣта. Послѣ кончины преподобнаго Максима остался въ живыхъ, въ отдѣльномъ заточеніи, другой ученикъ его, апокрисіарій Анастасій, который впослѣдствіи съ особенною подробностью описалъ житіе, подвиги и страданія отца и учителя своего. Изъ этого описанія здѣсь взято въ сокращеніи то, что достаточно для пользы нашей, для прославленія Бога, во святыхъ славимаго, Отца, и Сына, и Святаго Духа, Которому и отъ насъ, грѣшныхъ, да будетъ честь, слава и поклоненіе, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Конда́къ прп҃бнагѡ, гла́съ и҃:

Тр҃цы рачи́телѧ и҆ вели́каго маѯі́ма, наꙋча́юща ꙗ҆́снѡ вѣ́рѣ бж҃е́ственнѣй, є҆́же сла́вити хр҃та̀ во двꙋ̀ є҆стества́хъ, во́лѧхъ же и҆ дѣ́йствахъ сꙋ́ща, въ пѣ́снехъ досто́йныхъ вѣ́рнїи почти́мъ взыва́юще: ра́дꙋйсѧ, проповѣ́дниче вѣ́ры.

И҆́нъ конда́къ, гла́съ ѕ҃:

Свѣ́тъ трисїѧ́нный, все́льшїйсѧ въ дꙋ́шꙋ твою̀, сосꙋ́дъ и҆збра́нъ показа́ тѧ всебл҃же́нне, ꙗ҆влѧ́юща бж҃е́ственнаѧ конце́мъ, неꙋдобопости́жныхъ разꙋмѣ́нїй ты̀ сказꙋ́ѧй бл҃же́нне, и҆ тр҃цꙋ всѣ́мъ маѯі́ме возпроповѣ́дꙋѧй ꙗ҆́снѡ, пресꙋ́щиꙋю, безнача́льнꙋю.

СТРАДАНІЕ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

НЕОФИТА

Въ городѣ виѳинскомъ Никеѣ[1]) жилъ мужъ, по имени Ѳеодулъ, имѣвшій супругу Флоренцію. Оба они были богобоязненные христіане и благоговѣйно соблюдали заповѣди Божіи. У нихъ родился сынъ, котораго они назвали Неофитомъ. Просвѣтивъ его Святымъ Крещеніемъ, они воспитывали его по-христіански. По мѣрѣ того, какъ отрокъ возрасталъ годами и разумомъ и, приближаясь къ десятилѣтнему возрасту, началъ учиться въ школѣ, въ него вселилась благодать Божія, и҆з̾ оу҆́стъ младе́нецъ хвалꙋ̀ Христу совершающая[2]), ибо Святый дх҃ъ, и҆дѣ́же хо́щетъ, ды́шетъ[3]): отрокъ сталъ чудотворцемъ. У него былъ такой обычай: когда дѣти были отпускаемы изъ училища по домамъ своимъ, блаженный отрокъ Неофитъ бралъ съ собою домой бѣднѣйшихъ дѣтей, своихъ сверстниковъ, и раздѣлялъ между ними ту пищу, которую получалъ отъ родителей своихъ на обѣдъ,—а самъ оставался голоднымъ. Затѣмъ онъ шелъ къ восточнымъ воротамъ города, начертывалъ тамъ своимъ перстомъ крестъ и, поклоняясь ему, молился Христу Богу, распятому за насъ на крестѣ. Сотоварищи же его, насытившись отъ обѣда его, приходили къ нему въ то время, какъ онъ молился у восточныхъ воротъ. Тамъ былъ въ стѣнѣ камень. Ударяя въ этотъ камень рукою, блаженный Неофитъ изводилъ для своихъ сотоварищей воду, какъ изъ источника,—и они пили. Это дѣлалъ святый отрокъ во всѣ дни, питая своихъ сверстниковъ обѣдомъ и чудесно напояя водою, изводимою изъ камня. При этомъ онъ запрещалъ имъ говорить кому-либо объ этомъ, и они не разсказывали. Такимъ образомъ никто не зналъ въ этомъ году о чудотвореніяхъ его, ни даже родители его, а только тѣ бѣднѣйшіе отроки.

На слѣдующій годъ матери Неофита Флоренціи, исполненной особенной любви къ Богу, было открыто Богомъ въ сонномъ видѣ-

---

[1]) *Виѳинія*—сѣверо-западная область Малой Азіи. *Никея*—нынѣ *Исникъ*—въ древности богатый и цвѣтущій городъ, теперь бѣдный и малонаселенный. Въ Никеѣ происходили I и VII Вселенскіе Соборы.

[2]) Ср.: Псал. 8, ст. 3. Еванг. отъ Матѳ., гл. 21, ст. 16.

[3]) Еванг. отъ Іоан., гл. 3, ст. 8.

ніи, что сынъ ея изводитъ воду изъ камня, подобно Моисею, и напояетъ жаждущихъ отроковъ. Она же, возставъ отъ сна, молилась Богу, чтобы Онъ открылъ ей въ подробностяхъ все о сынѣ ея Неофитѣ. И вотъ, прилетѣлъ съ небесной высоты бѣлый голубь, блистающій несказаннымъ свѣтомъ. Сѣвъ на постели Неофита, голубь обратился къ нему съ человѣческою рѣчью:

— Я посланъ,—сказалъ онъ,—отъ Спасителя сохранить твой одръ непорочнымъ.

Услышавъ это, мать его пала мертвою отъ ужаса. Тотчасъ стало извѣстно по всему городу Никеѣ, что Флоренція, жена Ѳеодора, умерла внезапно. Немедленно собралось въ домъ умершей множество народа,—мужчины и женщины, сосѣди и знакомые, и всѣ недоумѣвали, что случилось съ нею, что она умерла неожиданно. Ѳеодоръ, мужъ ея, находился въ это время на полѣ. Его тотчасъ извѣстили о внезапной смерти жены его. Разодравъ на себѣ одежды отъ скорби, онъ поспѣшилъ домой, рыдая. Неофитъ, встрѣтивъ его у воротъ, сказалъ:

— Зачѣмъ ты скорбишь, отецъ? Не умерла мать моя, а крѣпко уснула.

Затѣмъ, вошедши съ отцомъ въ домъ, онъ взялъ за руку мать и сказалъ:

— Встань, мать моя; ты заснула крѣпко.

Она, вставши какъ бы отъ сна, обняла своего сына и лобызала его съ любовью. Видя это, всѣ собравшіеся въ домъ прославили Бога. Флоренція же разсказала по порядку своему мужу все, что было съ нею въ сонномъ видѣніи и наяву. Тогда же стало извѣстно и то чудо, что Неофитъ изводилъ изъ камня воду. Всѣ немало дивились этому, а многіе изъ язычниковъ, бывшихъ тамъ, слыша обо всемъ этомъ и дивясь благодати Божіей, обитавшей въ чистомъ и непорочномъ отрокѣ Неофитѣ, увѣровали въ Господа нашего Іисуса Христа.

Между тѣмъ голубь всегда являлся къ одру святаго и, сидя на одрѣ, говорилъ человѣческимъ голосомъ. Однажды онъ сказалъ святому:

— Выйди, Неофитъ, изъ дома отца твоего, и иди вслѣдъ за мною.

Святый отрокъ всталъ, простился съ родителями своими и пошелъ за голубемъ. Голубь, доведши его до горы Олимпа[1]), къ

[1]) *Олимпъ* — гора въ Малой Азіи, на границѣ между Фригіей и Виѳиніей.

одной разсѣлинѣ въ камнѣ, влетѣлъ въ находившуюся тамъ пещеру. Неофитъ, вошедши вслѣдъ за нимъ, нашелъ тамъ огромнаго льва и сказалъ ему:

— Выйди отсюда и поищи себѣ другую пещеру, потому что жить здѣсь мнѣ повелѣлъ Господь.

Услышавъ это, левъ облизалъ языкомъ прахъ отъ ногъ его и ушелъ. Святый остался жить въ львиной пещерѣ и былъ питаемъ Ангеломъ. По истеченіи одного года святый, по повелѣнію Божію, пошелъ опять въ городъ Никею къ родителямъ своимъ, близкимъ уже къ кончинѣ, и, давъ имъ послѣднее цѣлованіе, предпослалъ ихъ къ Богу, а самъ, раздавъ нищимъ оставшееся послѣ нихъ имущество, снова возвратился на гору Олимпъ, въ свое прежнее мѣстопребываніе. Тамъ онъ оставался все время до исполненія пятнадцатилѣтняго возраста, подобно Ангелу, прославляя Бога и получая пищу отъ руки Ангела.

Въ это время царствовали на Востокѣ и на Западѣ мучители Діоклетіанъ и Максиміанъ[1]), а въ области Виѳинской былъ правителемъ Декій и помощникъ его Уаръ. Церковь Христова была гонима по всей вселенной нечестивыми идолопоклонниками. Тогда же пришелъ Декій въ Никею, а глашатай его объявилъ, чтобы всѣ граждане города и окрестные жители собрались принести жертвы богамъ. Былъ назначенъ и день для этого гнуснаго празднества. Въ это же время находились въ Виѳинской области и цари; они также прибыли въ Никею. Когда наступилъ этотъ бѣсовскій праздникъ и всенародно приносились жертвы идоламъ, тогда Ангелы Божіи, взявши святаго Неофита съ горы Олимпа, поставили его среди никейской площади—съ просвѣтленнымъ лицомъ подобно Моисею. Святый громогласно воскликнулъ:

— Я открылся не искавшимъ меня и являюсь не спрашивающимъ обо мнѣ, чтобы обличить заблужденія и обманы нечестивой вѣры.

Совершавшій празднество народъ, а съ нимъ и правитель Декій, увидѣвъ внезапно явившагося среди нихъ свѣтлаго юношу, громко говорившаго, удивились и спрашивали, кто онъ и откуда. И тотчасъ же граждане узнали, что это Неофитъ, сынъ Ѳеодора и Флоренціи. Тогда правитель Декій повелѣлъ, чтобы и онъ при-

---

[1]) *Діоклетіанъ*—Римскій императоръ, царствовалъ въ Восточной половинѣ имперіи, Максиміанъ—въ Западной половинѣ съ 284 по 305 г.

несъ, вмѣстѣ съ ними, жертву ихъ богамъ. Святый отверзъ свои дерзновенныя уста и началъ говорить:

— Беззаконникъ и кровопійца, что ты дѣлаешь, приводя къ погибели столько человѣческихъ душъ? Развѣ ты не знаешь, что за всѣхъ тѣхъ, которыхъ ты приводишь къ бѣсовской жертвѣ, ты понесешь страшную отвѣтственность и будешь вѣчно мучиться въ геенне огненной?

Стый мчнкъ Неофитъ

Правитель Декій страшно разсердился по поводу этого обличенія и повелѣлъ обнажить святаго юношу и, зацѣпивъ за руку, повѣсить на деревѣ и бить немилосердно воловьими жилами, а затѣмъ положить его въ уксусъ, смѣшанный съ солью. Святый мужественно переносилъ страданія и взывалъ громкимъ голосомъ къ стоявшему вокругъ народу:

— Мужи, одержимые безбожіемъ и страждущіе слѣпотою, покайтесь и избавьтесь отъ этой тьмы; пріидите къ истинному Свѣту, Христу Богу, и просвѣтитесь Святымъ Крещеніемъ, чтобы удостоиться вѣчной жизни!

Правитель, слыша такія слова святаго юноши, исполнился еще большей ярости и повелѣлъ снова повѣсить его на деревѣ и строгать ножомъ его ребра. Мучимый такъ, святый Неофитъ не говорилъ ничего иного, кромѣ словъ:

— Сыне Божій, помилуй меня!

Тогда предсталъ предъ нимъ одинъ изъ приближенныхъ правителя и сказалъ:

— Что ты бѣснуешься, Неофитъ, противясь царскому повелѣнію? Обѣщай принести богамъ жертвы,—и тотчасъ будешь освобожденъ отъ этой жестокой казни.

Святый отвѣтилъ ему:

— Я приношу Богу Небесному жертву хваленія, а бездушнымъ идоламъ и живущимъ въ нихъ бѣсамъ никогда не поклонюсь.

Тогда правитель повелѣлъ своимъ слугамъ еще болѣе жестоко строгать святаго по всему тѣлу попеременно. Слуги, смѣняясь, строгали его безпощадно, такъ что кости его обнажились. Святый же, укрѣпляемый Богомъ, во время этихъ мученій пѣлъ: **а҆́ще пойдꙋ̀ посредѣ̀ сѣ́ни смертныѧ̀, не оу҆боюсѧ̀ зла̀, ꙗ҆́кѡ ты̀ со мно́ю є҆сѝ**, Господи [1]).

Правитель, видя, что ничего не успѣваетъ, повелѣлъ перестать мучить святаго и снять съ дерева, причемъ утѣшая его, говорилъ:

— Видя твою юность и щадя твое здоровье, я не налагаю на тебя еще бо́льшихъ мученій, но совѣтую тебѣ поклониться нашимъ богамъ. Тогда будутъ присланы къ тебѣ царями искуснѣйшіе врачи, которые скоро исцѣлятъ тебя отъ этихъ ранъ.

Мученикъ отвѣтилъ ему:

— Я имѣю инаго Врача—Владыку моего, Господа Іисуса Христа, за Котораго страдаю; на Него я и надѣюсь.

Тогда правитель повелѣлъ заключить его, связаннаго, въ темницу. Наутро пошелъ правитель въ царскія палаты и разсказалъ царямъ о Неофитѣ.

— Я вчера,—говорилъ онъ,—мучилъ, связавъ, одного христіанскаго юношу, такъ какъ онъ не хочетъ поклониться богамъ. Однако, онъ пренебрегаетъ муками и непрестанно призываетъ Христа своего.

Цари повелѣли сжечь живыми какъ этого юношу, такъ и всѣхъ, исповѣдующихъ Христа. Правитель Декій и старѣйшина Уаръ вышли изъ царской палаты и пришли къ мѣсту, называемому «школою Геркулеса» [2]). Здѣсь были поставлены царскія изображенія, и Декій повелѣлъ привести изъ темницы юношу Неофита. Когда святый былъ приведенъ, правитель обратился къ нему съ слѣдующими словами:

---

[1]) Псаломъ 26, ст. 4.

[2]) *Гераклъ*, или *Геркулесъ*,—герой древне-греческихъ преданій, обладавшій, по вѣрованіямъ древнихъ грековъ, сверхъестественною силою, олицетворявшій собою физическую силу человѣка и впослѣдствіи почитаемый ими какъ одинъ изъ наиболѣе излюбленныхъ боговъ. Какъ воплощеніе физической силы Геркулесъ почитался главою и покровителемъ всѣхъ *гимнасій* (древне-греческія общественныя школы, въ которыхъ особенное вниманіе обращалось на гимнастическія упражненія) и *палестръ* (школы для физическихъ упражненій, содержавшіяся частными лицами, гдѣ мальчики получали физическое развитіе). Школы эти обыкновенно посвящались Геркулесу и украшались его статуями. Часто эти упражненія и гимнастическія и атлетическія состязанія производились на открытомъ воздухѣ, на особо предназначаемыхъ для сего мѣстахъ, посвящаемыхъ Геркулесу.

— Неофитъ, подойди и принеси жертву богу Геркулесу; тогда ты будешь угоденъ богамъ, а царямъ и намъ пріятенъ.

Святый отвѣтилъ ему:

— Я молюсь Богу моему, Іисусу Христу, чтобы оказаться пріятнымъ и угоднымъ Ему.

Тогда, по повелѣнію мучителя, была сильно раскалена печь для сожженія святаго Неофита. Онъ былъ ввергнутъ въ печь и отверстіе ея было закрыто на три дня и три ночи, чтобы не осталось и костей мученика. Но святый мученикъ Неофитъ, посреди огня охлаждаемый Божественною росою, веселился какъ на мѣстѣ спокойномъ, воспѣвая: **гдⷭ҇ь пасѐтъ мѧ̀, и҆ ничто́же мѧ̀ лишѝтъ, на мѣстѣ̀ зла́чнѣ, та́мѡ всели́ мѧ**[1]). Онъ оставался совершенно невредимымъ, подобно тремъ Вавилонскимъ отрокамъ, ввергнутымъ въ печь[2]).

По прошествіи трехъ дней пришли слуги мучителя открыть печь и высыпать пепелъ; они думали, что печь угасла и тѣло мученика сгорѣло. Но лишь только они открыли отверстіе, тотчасъ неожиданно изъ печи изверглось огромное пламя и попалило множество нечестивыхъ, пришедшихъ туда, такъ что едва ли кто остался невредимымъ. Святый же громкимъ голосомъ воскликнулъ:

— Благословенъ Ты, Господи Боже мой, сохраняющій меня здравымъ и невредимымъ среди мученій, избавляющій меня отъ лукавства мучителей, претворяющій для меня огонь въ росу и попалившій пламенемъ достойныхъ вѣчнаго и неугасающаго пламени! Молюсь Тебѣ, Владыко, не посрами меня, раба Твоего, до конца, пока я совершу свой подвигъ при Твоей помощи.

Послѣ этого святый вышелъ изъ печи здравымъ, не получивъ никакого вреда отъ огня. Нечестивые слуги, оставшіеся отъ сожженія пламенемъ, взяли его и повели къ правителю. Всѣ язычники удивлялись такому чуду и приписывали его, по нечестію своему, волхвованію, сами будучи исполнены бѣсовскаго чародѣйства: злоба ослѣпила ихъ, и они не могли уразумѣть силы Христовой.

Затѣмъ святый былъ осужденъ на съѣденіе звѣрями. Было приготовлено возвышеніе; обнаженнаго святаго привязали къ укрѣпленному на немъ столбу и выпустили на него медвѣдя. Звѣрь

---

[1]) Псаломъ 22. ст. 1—2.

[2]) Кн. Прор. Дан., гл. 3.

съ ревомъ пошелъ къ святому, но, приблизившись, остановился, посмотрѣлъ на него и затѣмъ возвратился на свое мѣсто. Правитель и всѣ собравшіеся на это зрѣлище удивлялись этому. Затѣмъ выпустили самую свирѣпую медвѣдицу, которая только дважды въ годъ была выпускаема на ристалище, такъ какъ была очень зла и убивала многихъ. Она, подбѣжавъ, поверглась у ногъ святаго, почитая въ немъ угодника Божія, а затѣмъ отошла на свое мѣсто. Когда это происходило, пастухи привели къ правителю огромнаго и весьма свирѣпаго льва, котораго, по ихъ словамъ, они поймали въ пустынѣ пять дней тому назадъ и вовсе не давали пищи. Обрадованный правитель повелѣлъ ввести этого льва внутрь ристалища, гдѣ святый мученикъ нагой былъ привязанъ къ столбу. Всѣ ужасались, глядя на этого льва, такъ какъ онъ былъ очень великъ и свирѣпъ. Левъ, подошедши къ святому, посмотрѣлъ на него, остановился, и склонивъ голову, испускалъ изъ очей своихъ слезы, точно рѣки изъ источниковъ, а затѣмъ сталъ лизать ноги святаго. Это былъ тотъ левъ, котораго святый Неофитъ нашелъ на горѣ Олимпѣ, въ каменной пещерѣ, и отослалъ въ другое мѣсто, самъ поселившись въ его пещерѣ. Узнавъ его, святый повелѣлъ ему возвратиться въ первое свое жилище, на горѣ Олимпѣ, которое онъ уступилъ святому; при этомъ святый запретилъ ему когда-либо вредить людямъ. Левъ, поклонившись мученику, пошелъ отъ него съ страшнымъ ревомъ, разломалъ двери ристалища и быстро прошелъ среди народа. Всѣ бросились бѣжать, опасаясь свирѣпости звѣря, но онъ никого не тронулъ и побѣжалъ въ пустыню, по повелѣнію святаго, на прежнее свое мѣсто. Мучитель, исполненный страха и ужаса и не зная, что́ еще дѣлать, повелѣлъ убить мученика. Тамъ стоялъ одинъ звѣроподобный и свирѣпаго нрава иноплеменникъ, имѣвшій въ рукахъ копье. Онъ бросился на святаго и, ударивъ его копьемъ въ грудь, прокололъ насквозь. Такъ святый мученикъ Неофитъ, закланный какъ агнецъ, предалъ свою душу въ руцѣ Господа своего въ 21 день января [1]), проживъ отъ рожденія своего пятнадцать лѣтъ и четыре мѣсяца. Нынѣ же онъ, наслѣдуя безконечную жизнь, славитъ Источника жизни Христа Бога, со Отцемъ и Святымъ Духомъ славимаго во вѣки.

---

[1]) Св. Неофитъ пострадалъ и мученически скончался въ гоненіе Діоклетіана, бывшее въ 303—305 годахъ.

ЖИТІЕ и СТРАДАНІЕ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ

АГНІИ ДѢВЫ

Святая мученица Агнія родилась въ древнемъ Римѣ и была воспитана родителями въ христіанской вѣрѣ. На тринадцатомъ году жизни она временною смертію избавилась отъ смерти вѣчной и обрѣла нескончаемую жизнь, такъ какъ возлюбила единаго Подателя жизни и привязалась къ Нему отъ юности. Она была юна годами, но стара совершеннымъ разумомъ,—юна тѣломъ, но сѣдиною души ея была мудрость[1]), прекрасна лицомъ, но еще прекраснѣе глубиною вѣры. Воспламененная любовью къ Сладчайшему Іисусу, родившемуся отъ Пречистыя Дѣвы, она обручилась съ Нимъ своимъ дѣвствомъ и, кромѣ Него, никого другаго не хотѣла имѣть своимъ женихомъ. Благородная по происхожденію и прекрасная лицомъ, она своею красотою настолько привязала къ себѣ очи и сердце одного юноши, сына областеначальника Симфронія, что, когда онъ увидѣлъ ее возвращавшуюся изъ женской школы, тотчасъ воспламенился любовью къ ней, а затѣмъ, разспросивъ о ней и узнавъ домъ ея родителей, началъ посылать къ ней обильные дары, обѣщая еще большіе и прося, чтобы она согласилась стать его невѣстою и сочеталась съ нимъ бракомъ. Святая Агнія отвергла всѣ эти дары, какъ бы соръ, нисколько ихъ не цѣня; о себѣ же она говорила, что она обручена лучшему Жениху и имѣетъ отъ него лучшіе и болѣе цѣнные дары: будучи невѣстою Его, она не можетъ оставить Его и измѣнить своей преданности и любви къ Нему. Но этотъ юноша со дня на день воспламенялся все большею любовію къ ней и признавалъ себя почетнѣйшимъ и болѣе достойнымъ, сравнительно со всѣми другими благородными юношами. Полагая же, что дѣвица желаетъ отъ него лучшихъ даровъ, онъ приготовилъ въ большемъ количествѣ и болѣе цѣнные камни и жемчугъ, драгоцѣнные сосуды и одежды, и самъ принесъ ихъ къ ней, умоляя то лично, то чрезъ знакомыхъ, друзей и сосѣдей, чтобы она никого не предпочитала ему. Онъ указывалъ на свое знатное происхож-

---

[1]) Ср. Кн. Премудр. Солом., гл. 4, ст. 9.

деніе, на богатства, дома, наслѣдственныя земли, которыми она будетъ владѣть, если согласится обручиться съ нимъ. Тогда святая начала говорить болѣе ясно:

— Отойди отъ меня, разжигатель грѣховнаго пламени, страстный любитель скверны, снѣдь, уготованная вѣчной смерти! Отступи отъ меня, такъ какъ тебя предупредилъ уже другой Женихъ, Который подарилъ мнѣ гораздо бо́льшія украшенія и обручилъ меня перстнемъ вѣры Своей. Съ Нимъ ты не можешь сравниться ни по происхожденію, ни по званію. Онъ возложилъ на меня иныя отличія духовной красоты. Онъ обложилъ мою десницу и шею многоцѣнными камнями, далъ въ уши мнѣ серьги изъ безцѣнныхъ изумрудовъ, опоясалъ меня свѣтло-блестящимъ жемчугомъ, положилъ знаменіе на лицѣ моемъ, чтобы я не предпочитала Ему никакого другаго жениха, одѣлъ меня златотканною одеждою и украсилъ меня безчисленными ожерельями; кромѣ того, Онъ показалъ мнѣ безцѣнное сокровище, которое обѣщалъ дать мнѣ, если я сохраню вѣру въ Него. Потому-то я не могу ни смотрѣть на кого-либо другаго, чтобы не обезчестить перваго Жениха своего, ни оставить Того, съ Кѣмъ я крѣпко связана союзомъ любви. Его знатность—высочайшая, могущество—самое крѣпкое, красота—великолѣпнѣйшая, любовь—сладчайшая, превосходящая всякую благодать; Имъ уже уготованъ и чертогъ для меня. Голосъ Его пріятенъ мнѣ; уста Его уже источили для меня медъ и молоко; Его чистыми объятіями я уже искренно привязалась къ Нему; плоть Его уже объединилась съ моею плотію и кровь Его украсила мое лицо. Матерь Его—Дѣва, а Отецъ Его жены не зналъ. Ему служатъ Ангелы; солнце и луна удивляются Его красотѣ; по Его повелѣнію мертвые воскресаютъ; отъ прикосновенія къ Нему больные исцѣляются; богатства Его никогда не умаляются и сокровищницы не пустѣютъ. Въ Него Одного я храню вѣру и Ему всецѣло ввѣряю себя. Имѣя Его своимъ мужемъ, я останусь дѣвою; любя Его, буду непорочна; прикасаясь къ Нему, останусь чистою; отъ этого брака не бываетъ дѣтей; чадородіе въ немъ безболѣзненно, а плоды сожитія съ каждымъ днемъ умножаются.

Послѣ этихъ словъ безумный юноша еще болѣе воспламенился къ ней горячею любовью и, страдая сердцемъ отъ любовной раны, впалъ въ тяжкій недугъ отъ скорби и печали. Когда онъ слегъ на одрѣ болѣзни и тяжко вздыхалъ изъ глубины сердца,

врачамъ стала ясною сердечная рана его. Отецъ его, услышавъ обо всемъ этомъ и узнавъ изъ разспросовъ о причинѣ болѣзни, послалъ немедленно къ дѣвицѣ и къ родителямъ ея, желая обручить ее въ невѣсту своему сыну. Она же, какъ и въ первый разъ, отказалась, говоря:

— Я никогда не измѣню моему первому Жениху.

Разгнѣванный начальникъ области старался обстоятельно разслѣдовать, кто можетъ сравниться съ его сыномъ и унизить знатность его рода? Тогда одинъ изъ присутствовавшихъ разъяснилъ, что Агнія—издѣтства христіанка и христіанскимъ волшебствомъ такъ обольщена, что считаетъ Христа, Котораго христіане признаютъ Богомъ, своимъ Женихомъ. Узнавъ объ этомъ, начальникъ области обрадовался, такъ какъ онъ могъ, будучи судіею, признать ее достойною казни за оскорбленіе боговъ своихъ; притомъ, онъ надѣялся собственною властію принудить ее къ брачному союзу съ сыномъ. Немедленно онъ послалъ своихъ слугъ привести ее, и началъ свой нечестивый судъ надъ нею. Сначала онъ пытался ласками, а затѣмъ угрозами отвратить ее отъ Христа и обѣщаннаго Христу дѣвства. Однако, дѣва Христова не прельстилась ласками и не убоялась угрозъ, но, будучи мужественна духомъ, одинаково насмѣхалась и надъ ласками, и надъ угрозами. Областеначальникъ Симфроній, видя такое мужество дѣвицы, обратился къ ея родителямъ и много бесѣдовалъ съ ними объ обрученіи, а такъ какъ они были благороднаго происхожденія, то, не смѣя допустить насиліе надъ ними, совѣтовалъ лишь всячески убѣждать дочь свою къ браку. Но они отказывались, говоря:

— Правитель, мы не въ состояніи будемъ убѣдить ее, ибо, насколько мы съ дѣтства знаемъ ея волю, она никогда этого не сдѣлаетъ и никогда не откажется отъ своего намѣренія.

Тогда правитель снова повелѣлъ представить къ нему дѣвицу на судъ, наговоривъ ей много о плотской любви и о супружествѣ; когда всѣ ласковыя и льстивыя рѣчи оказались безсильными, онъ сказалъ наконецъ:

— Выбирай себѣ одно изъ двухъ: или сочетайся бракомъ съ моимъ сыномъ, или, если желаешь сохранить дѣвство, посвяти себя на всегдашнее служеніе богинѣ Вестѣ[1]), ибо она такихъ дѣвицъ требуетъ.

---

[1]) *Веста* (у грековъ—*Гестія*) почиталась древними римлянами богиней домашняго очага, домашняго согласія, мира и счастія; сама она, по ихъ вѣрованіямъ, была дѣвствен-

На эти слова блаженная Агнія отвѣтила:

— Если я презрѣла твоего сына, хотя и развращеннаго бѣшеною страстью, однако—живаго человѣка, притомъ имѣющаго разумъ, способнаго слышать, видѣть, ходить и пользоваться благами міра сего,—если я не могу даже смотрѣть на него ввиду обѣта Христу моему, то тѣмъ болѣе я не могу почитать истукана глухаго и нѣмого, бездушнаго и неразумнаго. Чтобы не причинить оскорбленія всемогущему Богу, я не преклоню головы своей предъ безчувственнымъ камнемъ, ибо я несомнѣнно знаю, что нѣтъ иного Бога, кромѣ Того, Который создалъ небо и землю чрезъ Сына Своего, Господа нашего Іисуса Христа, насъ ради воплотившагося, пострадавшаго и погребеннаго, въ третій день воскресшаго и нынѣ царствующаго на Небѣ безконечнымъ царствомъ. Ему Единому я поклоняюсь и служу, какъ Истинному и Живому Богу, а твою лживую богиню и всѣхъ вашихъ гнусныхъ боговъ проклинаю.

Выслушавъ это, правитель Симфроній сказалъ:

— Щадя твою юность, прощаю тебѣ хуленія, которыя ты изрекла на боговъ нашихъ, ибо вижу, что ты имѣешь несовершенный разумъ; пощади же и ты себя и не прогнѣвляй боговъ.

Святая Агнія отвѣтила:

— Зачѣмъ ты мою юность, точно неразумную, презираешь, и почему ты думаешь, что я ищу у тебя какой-либо милости? Знай же, что достоинство вѣры зависитъ не отъ годовъ жизни и не отъ тѣлеснаго возраста, а отъ разума, и всемогущій Богъ превозноситъ человѣка болѣе умомъ, нежели годами, и болѣе благодѣтельствуетъ чрезъ разумъ, чѣмъ чрезъ долголѣтіе. А боговъ своихъ, отъ гнѣва которыхъ ты меня предостерегаешь, оставь; пусть они сами гнѣваются на меня, пусть сами говорятъ, пусть сами повелѣваютъ мнѣ почитать ихъ и поклоняться имъ.

Правитель области сказалъ на это:

— Одно что-либо выбирай себѣ: или съ другими дѣвицами, для спасенія чести дома своего, принеси жертву богинѣ Вестѣ, или, на вѣчный позоръ своему роду, ты пойдешь въ непотребный домъ къ безстыднымъ женщинамъ.

ницей. Въ честь ея было устроено особое святилище съ ея статуей и очагомъ, въ которомъ поддерживался неугасимо горящій огонь, о которомъ заботились ея служительницы, такъ называемыя *весталки*, выбиравшіяся изъ чистыхъ дѣвъ, дававшихъ обѣтъ вѣчнаго дѣвства и пользовавшіяся среди римлянъ большимъ уваженіемъ и почетомъ.

Святая Агнія мужественно отвѣтила ему:

— Если бы ты зналъ, Кто Богъ мой, ты не говорилъ бы этого. Я же, зная силу Господа моего Іисуса Христа, не придаю никакого значенія твоимъ угрозамъ, ибо вполнѣ увѣрена, что и богамъ твоимъ не поклонюсь, и дѣвство мое сохранится чистымъ и неповрежденнымъ. Я имѣю хранителя тѣла моего — Ангела Божія. Господь же мой, Іисусъ Христосъ, Единородный Сынъ Божій, Котораго ты не знаешь, Онъ для меня крѣпость несокрушимая, стражъ неутомимый, защитникъ постоянный,—не такъ, какъ ваши боги, которые суть или куски мѣди, годные для изготовленія котловъ, полезныхъ въ домашнемъ обиходѣ, или камни, которыми мостятъ улицы. Божество же не въ камнѣ обитаетъ, а имѣетъ престоломъ Небо, и не въ мѣди обитаетъ или какой-либо болѣе цѣнной вещи, а въ Вышнемъ Царствіи, будучи прославляемо и почитаемо всякимъ созданіемъ. Ты же и подобные тебѣ, если не обратитесь отъ идолослуженія къ Истинному Богу, то вмѣстѣ съ богами твоими, которые отливаются ваятелями въ огнѣ и въ огнѣ растаеваютъ, будете мучиться въ вѣчномъ огнѣ.

Ст҃а мч҃нца Агнія

Начальникъ области сильно разгнѣвался, повелѣлъ обнажить святую и вести ее нагую въ непотребный домъ, а глашатай долженъ былъ восклицать:

— Агнія, нечестивая дѣва, похулившая боговъ, ведется въ непотребный домъ какъ блудница.

Но въ то время, какъ святая дѣвица была обнажена для поруганія, Богъ не оставилъ ее въ ея упованіи и не допустилъ посмѣянія и посрамленія невѣсты Своей. По Божію изволенію, у нея на головѣ немедленно выросли столь длинные волосы, что покрыли все тѣло ея, какъ какая-либо плотная одежда, и никто не могъ видѣть наготы ея. Когда она вошла въ домъ блудницъ,

то увидѣла Ангела Божія, готоваго охранять ея дѣвическую чистоту, который покрылъ ее такимъ несказаннымъ блистающимъ сіяніемъ, что, по причинѣ сильнаго блеска, не могли взирать на нее глаза безстыдныхъ и нечестивыхъ юношей. Вся комната та заблистала свѣтомъ подобно солнцу, сіяющему во всей своей красѣ, и когда кто-либо пытался посмотрѣть на нее любопытнымъ окомъ, тотчасъ сильно помрачались глаза его отъ незримой, по причинѣ того свѣта, святой. Когда же дѣвица начала молиться, то увидѣла предъ собою бѣлую одежду, сотканную не человѣческими, но ангельскими руками. Одѣвшись въ нее и увидѣвъ себя одѣтою сообразно своему возрасту, святая произнесла:

— Благодарю Тебя, Господи мой, Іисусе Христе, что Ты, включая меня въ число рабынь Твоихъ, даровалъ мнѣ эту одежду!

Тогда домъ грѣховный сталъ домомъ молитвы, мѣсто бѣсовскихъ потѣхъ стало селеніемъ славы Божіей, нечистый домъ блудницъ сталъ великолѣпнымъ чертогомъ, гдѣ невѣста Христова съ явившимся ей Ангеломъ прославляла и воспѣвала Бога. Приходили сюда многіе, развращенные умомъ и воспламененные страстью, но, убоявшись славы, окружавшей дѣвицу, и видя Божественную силу, защищавшую ея дѣвство, становились цѣломудренными и, поклонившись, уходили. Пришелъ съ своими сверстниками и самъ тотъ юноша, виновникъ зла, исполненный нечистой страсти. Онъ хотѣлъ совершить надъ святою дѣвицею насиліе и, видя другихъ, прежде него входившихъ и уходившихъ безъ всякаго успѣха, смѣялся надъ ними, называя ихъ ничтожными и слабыми. Вошелъ онъ съ дерзкимъ намѣреніемъ въ комнату, въ которой молилась святая, и, видя небесное сіяніе, не воздалъ чести славѣ Господней, и безстыдно устремился къ невѣстѣ Христовой. Но прежде чѣмъ онъ коснулся ея рукою, имъ мгновенно овладѣлъ бѣсъ, съ силою повергъ его на землю и, удавивъ его, сдѣлалъ бездыханнымъ. Пришедшіе съ нимъ юноши, видя, что онъ долго замедлилъ въ комнатѣ, думали, что онъ творитъ грѣховное дѣло. Тогда одинъ изъ ближайшихъ пріятелей его, желая похвалить его и поздравить по поводу исполненія и достиженія желанія его, вошелъ въ комнату и, нашедши его бездыханнымъ, началъ громко кричать:

— Мужи римскіе, помогите! Эта волшебница своимъ чародѣйствомъ убила сына правителя.

Тотчасъ сбѣжалось множество народа. Видя случившееся, одни называли ее чародѣйкою, а другіе признавали неповинною въ смерти юноши. Узнавъ объ этомъ, отецъ умершаго поспѣшно явился въ толпѣ и, увидѣвъ сына своего лежащаго бездыханнымъ, съ рыданіемъ обратился ко святой:

— О безчеловѣчная и жесточайшая изъ всѣхъ женщинъ! Зачѣмъ ты уморила сына моего? Развѣ ты не могла на комъ-либо другомъ показать силу своего чародѣйскаго искусства? Горе мнѣ! Что ты сдѣлала? Разскажи, какъ ты убила его?

Святая кротко отвѣтила ему:

— Тотъ, волю котораго онъ хотѣлъ исполнить, исконный врагъ рода человѣческаго, имѣющій власть надъ блудниками и не боящимися Бога, и особенно надъ развратителями дѣвства, тотъ убилъ его. Ибо всѣ, сколько ихъ ни входило сюда раньше его, остались живыми и здоровыми, такъ какъ они воздали честь Богу, пославшему Ангела Своего одѣть меня этою одеждою милосердія и сохранить неповрежденнымъ мое дѣвство, отъ колыбели завѣщанное Христу. Видя блескъ ангельскаго сіянія, они всѣ поклонялись и выходили безъ вреда, а сынъ твой, будучи безстыднымъ и не боящимся Бога, лишь только вошелъ, началъ свирѣпствовать и неистовствовать, и когда онъ безстыдно простеръ свою руку, чтобы прикоснуться ко мнѣ, Ангелъ Божій тотчасъ предалъ его сатанѣ на эту горькую и постыдную кончину, которую ты видишь. Такимъ образомъ, не моимъ чародѣйствомъ, какъ ты полагаешь, но властію и повелѣніемъ Ангела Божія онъ умерщвленъ.

На это правитель сказалъ:

— Тогда лишь станетъ ясно, что ты не волшебствомъ сдѣлала это, когда ты умолишь своего Ангела, чтобы онъ воскресилъ моего сына.

Святая отвѣтила:

— Хотя вы и недостойны за свое невѣріе такого чуда, но такъ какъ настало время, чтобы обнаружилось и было прославлено могущество Господа моего Іисуса Христа, то выйдите отсюда всѣ, и я сотворю обычныя молитвы къ Богу моему.

И въ то время какъ она молилась, лежа на земли ницъ, явившійся ей Ангелъ Божій поднялъ ее плачущую и воскресилъ умершаго юношу. Послѣдній, вышедши изъ дома, началъ восклицать громкимъ голосомъ:

— Единъ есть Богъ на небѣ и на землѣ, и на морѣ, Богъ христіанскій; иные же боги суть ничто, а только обманъ и заблужденіе, приносящіе вѣрующимъ въ нихъ вѣчную гибель!

Видя и слыша это, многіе изъ народа увѣровали въ тотъ день, числомъ сто шестьдесятъ человѣкъ, и крестились. Спустя нѣкоторое время язычники отсѣкли головы имъ и воскрешенному юношѣ.

По поводу такого чуда сильно смутились языческіе жрецы и чародѣи. Распространивъ молву о чудѣ и вызвавъ сильное волненіе въ народѣ, они громко кричали, обращаясь къ судьѣ:

— Истреби изъ нашей среды эту волшебницу, убей чародѣйку, которая не только убиваетъ тѣла, но и производитъ переворотъ въ душахъ и сердцахъ!

Симфроній, видя это чудо, пришелъ въ недоумѣніе: онъ хотѣлъ отпустить святую, но опасаясь возмущенія противъ себя жрецовъ и даже изгнанія изъ отечества, оставилъ для усмиренія народнаго волненія своего намѣстника, по имени Аспазія, а самъ ушелъ, скорбя, что не могъ освободить, по воскрешеніи сына, святую дѣвицу. Аспазій, принявъ власть, повелѣлъ разжечь среди города костеръ и бросить въ него святую Агнію на сожженіе. Когда святая была брошена въ огонь, тотчасъ пламя раздѣлилось на двѣ части и дало ей мѣсто посреди себя пространное и прохладное; наоборотъ, оно устремлялось на стоящихъ вокругъ и опаляло ихъ. Народъ же, видя дѣвицу неопаляемою, приписывалъ это не всемогуществу Божію, а силѣ чародѣйства и, разсуждая объ этомъ, волновался и хульными голосами взывалъ до облаковъ. Между тѣмъ, святая мученица, стоя среди огня и воздѣвши руки вверхъ, молилась:

«Слава Тебѣ, всемогущій, всѣми исповѣдуемый и прославляемый Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, чрезъ Котораго Ты избавилъ меня отъ руки нечестивыхъ людей, сохранилъ отъ скверны мою душу и тѣло мое соблюлъ чистымъ! Вотъ и теперь небесною росою отъ Духа Святаго прохлаждается для меня огонь, пламя раздѣляется, и вся сила огня устремляется на слугъ, старающихся сжечь меня. Благодарю Тебя, достойно славимый Боже, за то, что и среди пламени Ты даешь мнѣ безбоязненный путь къ Тебѣ. Я уже вижу исполнившимся то, во что я вѣровала; на что я надѣялась, то́ имѣю, и желаемое получила. Исповѣдую Тебя устами и сердцемъ; къ Тебѣ я устремилась всѣми чувствами, и

вотъ иду къ Тебѣ, Живому и Истинному Богу, съ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ и Святымъ Духомъ живущему и царствующему во всѣ вѣки, аминь».

Когда эта молитва была произнесена святою и весь огонь костра угасъ до конца, Аспазій, опасаясь продолженія народной смуты, повелѣлъ воткнуть мечъ въ гортань святой. Такимъ образомъ, Христова мученица Агнія, обагрившись собственною кровію, пошла на бракъ Безсмертнаго Жениха[1]). Родители святой Агніи взяли съ радостію честно́е тѣло своей дочери и положили на полѣ своемъ, недалеко отъ города, при дорогѣ, называемой Нументана. Здѣсь многіе вѣрные собирались на молитву, особенно ночью, по причинѣ боязни язычниковъ, которые, подстерегая и тамъ, и на пути, причиняли вѣрующимъ много притѣсненій. Однажды, напавъ нечаянно, они многихъ ранили брошенными камнями и всѣхъ разогнали; осталась лишь одна дѣвица, сверстница святой Агніи, по имени Эмерентіана. Она, исполнившись дерзновенія, поносила разбойниковъ, говоря:

— За что вы, жестокосердые, побиваете камнями неповинныхъ людей? Какую вину вы нашли въ тѣхъ, которые прославляютъ Единаго Бога и своими молитвами испрашиваютъ для васъ многія блага?

Язычники, разсвирѣпѣвъ, побили ее камнями. Такимъ образомъ она, молясь у гроба святой Агніи, предала духъ свой Господу. И тотчасъ начались сильное землетрясеніе, молніи и страшные громы; бо́льшая часть убійцъ пали мертвыми, пораженные свыше. Съ этого времени язычники болѣе не осмѣливались притѣснять вѣрующихъ, идущихъ ко гробу Христовой мученицы. Родители же святой Агніи, пришедши ночью съ пресвитерами, омыли окровавленное честно́е тѣло святой Эмерентіаны и похоронили вблизи святой Агніи, а сами постоянно находились у гроба возлюбленной дочери своей, бодрствуя и плача по ночамъ. Въ одну изъ ночей они увидѣли ликъ дѣвицъ, идущихъ мимо нихъ,— украшенныхъ свѣтлыми златотканными одеждами и сіяющихъ небесною славою, а среди нихъ они увидѣли и дочь свою, святую Агнію, подобно имъ сіяющую и имѣющую по правую сторону себя Агнца—бѣлѣе снѣга. Она, обратившись къ подругамъ своимъ, чтобы онѣ остановились и обождали немного, сказала родителямъ:

---

[1]) Св. мученица Агнія пострадала въ 304-мъ году.

— Не плачьте обо мнѣ какъ объ умершей, но лучше радуйтесь и торжествуйте вмѣстѣ со мною, такъ какъ я вмѣстѣ съ сими дѣвами вселилась въ свѣтлыя обители и нынѣ я соединилась на Небѣ съ Тѣмъ, Кого я всѣмъ сердцемъ возлюбила на землѣ.

Сказавъ это, она стала невидима.

Спустя много лѣтъ вступилъ на царство Константинъ Великій. Дочь его Констанція тяжко заболѣла. Все тѣло ея было обложено гнойными струпьями, и не было здороваго мѣста на ея тѣлѣ съ головы до ногъ. Врачи ничѣмъ не могли помочь ей. Послѣдовавъ доброму совѣту, она пошла ночью ко гробу святой мученицы Агніи и тамъ, помолившись съ твердою вѣрою и со слезами, она уснула и увидѣла въ сонномъ видѣніи святую Агнію, которая сказала ей:

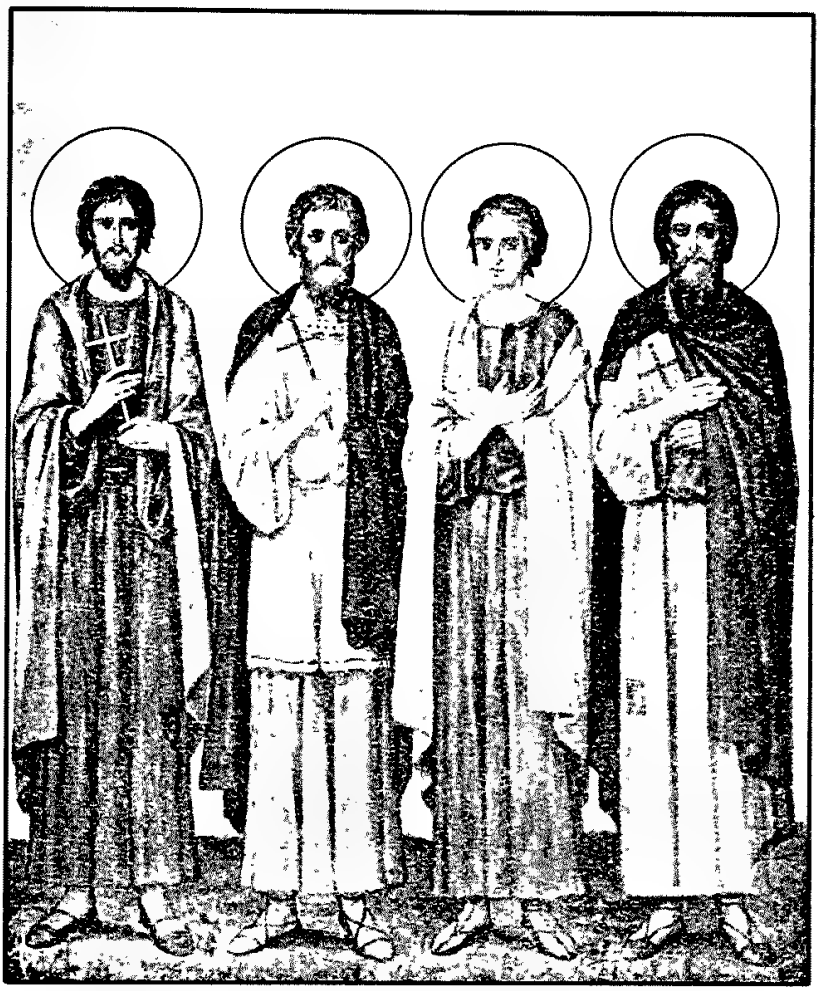
— Дерзай, Констанція, и вѣруй въ Господа Іисуса Христа, Сына Божія, вѣрою въ Котораго ты нынѣ исцѣляешься отъ ранъ твоихъ.

Проснувшись, Констанція почувствовала себя настолько здоровою, какъ будто она никогда не болѣла. Возвратившись домой, она разсказала отцу своему и братьямъ, какъ исцѣлила ее святая Агнія. Великая радость была въ царскомъ домѣ; радовался и весь городъ, прославляя Бога за это великое чудо. Многіе стали приходить ко гробу святой мученицы и получали различныя исцѣленія. Послѣ этого царевна Констанція упросила отца своего построить церковь во имя святой мученицы Агніи на мѣстѣ погребенія ея. Тамъ устроивъ себѣ жилище, она со многими другими благородными и знатными дѣвицами оставалась дѣвою до своей кончины. Такъ основался дѣвичій монастырь при церкви дѣвицы и невѣсты Христовой святой Агніи, въ честь и похвалу ея, во славу Христа Бога нашего, со Отцемъ и Святымъ Духомъ славимаго во вѣки, Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ВАЛЕРІАНА, КАНДИДА, ЕВГЕНІЯ и АКИЛЫ

Сіи святые прославленные мученики пострадали въ царствованіе Діоклетіана и Максиміана отъ правителя Лисія. Прежде всего, Валеріанъ, Кандидъ и Акила были схвачены въ горахъ Трапезунтскихъ, такъ какъ, съ наступленіемъ тяжкаго гоненія, они оставили дома свои, и все имущество, и весь суетный міръ



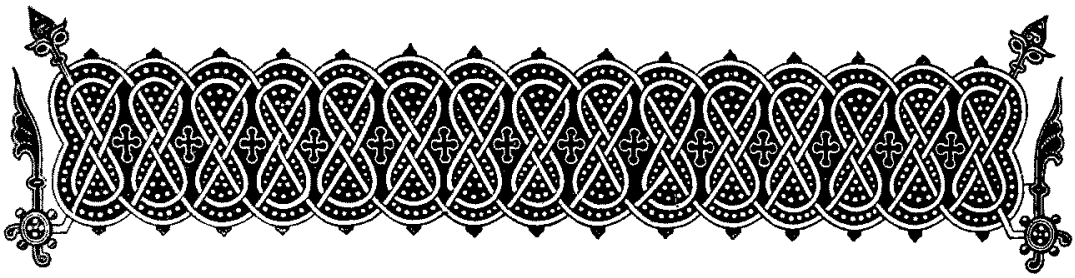
Ст҃і́и мч҃нцы
ВАЛЕРІА́НЪ, КАНДІ́ДЪ, А҆КУ́ЛА и҆ Є҆ѵГЕ́НІЙ

и скитались въ горахъ, предпочитая лучше жить со звѣрями, чѣмъ съ богопротивными идолопоклонниками. Схваченныхъ троихъ мучениковъ нечестивые, прежде всего, послали въ страну Лассійскую въ одинъ городокъ, по имени Пина, въ тяжкое заточеніе въ тамошней темницѣ, а затѣмъ, спустя нѣкоторое время, привели ихъ въ Трапезунтъ[1]) и представили правителю Лисію. Когда святые, допрашиваемые о Христовой вѣрѣ и побуждаемые къ принесенію идольскихъ жертвъ, оказали неповиновеніе, тогда ихъ прежде били нагихъ жилами, а затѣмъ повѣсили и строгали желѣзными когтями, опаляя при этомъ горящими свѣчами. Святыхъ страдальцевъ укрѣпляла Божественная сила, невидимо пребывавшая въ нихъ среди мученій. Она внезапно такъ устрашила мучителей, что они пали ницъ какъ мертвые. Видя это, Лисій ужаснулся и повелѣлъ отвести мучениковъ въ темницу. Спустя нѣсколько дней былъ схваченъ и святый Евгеній и подвергнутъ былъ жестокому біенію за исповѣданіе Имени Іисуса Христа. Когда, затѣмъ, правитель пошелъ въ идольскій храмъ, то за нимъ былъ веденъ и мученикъ Евгеній. Вошедши въ храмъ, святый помолился Богу, и тотчасъ идолы пали и разсыпались въ прахъ. Тогда, по повелѣнію мучителя, слуги его оцѣпили веревками руки и ноги святаго и, растянувъ его на землѣ, били въ продолженіе долгаго времени толстыми палками. Затѣмъ повѣсили его нагаго, строгали тѣло его желѣзными когтями, опаляли свѣчами и раны его поливали крѣпкимъ уксусомъ, смѣшаннымъ съ солью. Послѣ этого всѣхъ четырехъ святыхъ мучениковъ вмѣстѣ ввергли въ огненную печь, а когда они вышли оттуда безъ всякаго вреда для себя, они были усѣчены мечомъ[2]). Такимъ образомъ окончились страданія сихъ святыхъ.

---

1) *Трапезунтъ*—городъ въ восточной части Понта,—сѣверной области Малой Азіи, на морскомъ берегу.

2) Въ началѣ IV вѣка.



День двадцать второй

ЖИТІЕ

СВЯТАГО АПОСТОЛА

ТИМОѲЕЯ

Святый апостолъ Тимоѳей происходилъ изъ Ликаонской области [1]), а воспитаніе и образованіе получилъ въ знаменитомъ городѣ Листрахъ [2]), который не столько прославился изобиліемъ плодовъ земныхъ, сколько этою богонасажденною плодоносною вѣтвію. Этотъ молодой побѣгъ произросъ, однако, отъ не совсѣмъ здраваго корня: ибо какъ благоухающая роза вырастаетъ изъ тернія, такъ и святый Тимоѳей произошелъ отъ невѣрующаго еллина, который былъ извѣстенъ своимъ языческимъ нечестіемъ и настолько погрязъ въ порокахъ, насколько впослѣдствіи сынъ его превосходилъ всѣхъ людей добродѣтелями и высокою нравственностью. Матерь же и бабка святаго Тимоѳея были родомъ евреянки, обѣ святыя и праведныя, украшенныя добрыми дѣлами, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ святый Апостолъ Павелъ въ словахъ: «Желаю видѣть тебя, воспоминая о слезахъ твоихъ, дабы мнѣ исполниться радости, приводя на память нелицемѣрную вѣру твою, которая прежде обитала въ бабкѣ твоей Лоидѣ и матери твоей Евникѣ; увѣренъ, что она и въ тебѣ» [3]).

---

1) *Ликаонія*—юго-восточная область Малой Азіи. Христіанство было насаждено здѣсь св. Апостоломъ Павломъ.

2) *Листры* — городъ въ Ликаоніи, на границѣ ея съ Исавріей. Нынѣ на мѣстѣ Листръ—селеніе Латикъ, или Ладикъ.

3) 2 Посл. къ Тимоѳ., гл. 1, ст. 4—5.

Ст҃ый а҃пл҃ъ Тїмоѳе́й

Еще будучи отрокомъ, блаженный Тимоѳей, питаемый своею матерью не столько тѣлесною пищею, сколько словомъ Господнимъ, всячески уклонялся отъ языческаго и іудейскаго заблужденія и затѣмъ обратился къ святому Апостолу Павлу, сей богогласной церковной трубѣ. Это произошло такимъ образомъ. Святый Апостолъ Павелъ, вмѣстѣ съ ученикомъ и апостоломъ Христовымъ Варнавою[1]), пришелъ въ Листры, какъ объ этомъ повѣствуетъ Божественный Лука въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ: «Они удалились,—говоритъ онъ,—въ Ликаонскіе города Листру и Дервію и въ окрестности ихъ»[2]). По прибытіи своемъ туда святый Апостолъ Павелъ совершилъ великое чудо: хромаго отъ чрева матери исцѣлилъ единымъ словомъ. Видя это, жители города сильно удивлялись, говоря: «Боги въ образѣ человѣческомъ сошли къ намъ». Когда же они узнали, что это не боги, а люди, и называются апостолами и проповѣдниками Живаго Бога, притомъ суть противники ложныхъ боговъ, и для того именно и посланы, чтобы обращать людей отъ бѣсовскаго заблужденія къ Истинному Богу, могущему не только хромыхъ исцѣлять, но и мертвыхъ воскрешать, тогда многіе отъ заблужденія своего обратились къ благочестію[3]). Въ числѣ такихъ была и матерь сего блаженнаго Апостола Тимоѳея, оставшаяся вдовою по смерти своего мужа. Она съ радостію приняла святаго Апостола Павла въ домъ свой, заботилась о его содержаніи и удобствахъ жизни и, наконецъ, отдала ему въ обученіе сына своего, святаго Тимоѳея, какъ даръ за совершенное въ ихъ городѣ чудо и за

---

[1]) Св. *апостолъ Варнава*, изъ лика семидесяти апостоловъ,—спутникъ Апостола Павла въ его апостольскихъ путешествіяхъ. Память его празднуется Церковію 11-го іюня.

[2]) Кн. Дѣян. Ап., гл. 14, ст. 6.

[3]) Кн. Дѣян. Ап., гл. 14, ст. 8—18.

воспринятый отъ него свѣтъ истинной вѣры. Святый Тимоѳей былъ еще очень молодъ годами, но весьма способенъ и подготовленъ къ воспріятію сѣмени Слова Божія. Святый Павелъ, принявъ юношу, не только нашелъ въ немъ кротость и расположеніе къ добру, но и прозрѣлъ въ немъ благодать Божію, вслѣдствіе чего возлюбилъ его даже болѣе, чѣмъ его родители по плоти [1]). Но такъ какъ святый Тимоѳей былъ еще очень юнъ и не могъ переносить тягостей путешествія, то святый Апостолъ Павелъ оставилъ его въ домѣ матери, приставивъ къ нему искусныхъ учителей, которые научили бы его Божественному Писанію, какъ объ этомъ онъ самъ вспоминаетъ въ посланіи къ Тимоѳею: «Ты изъдѣтства знаешь Священныя Писанія» [2]). Самъ же Апостолъ Павелъ, по наущенію Іудеевъ побитый народомъ камнями, былъ вытащенъ за городъ, послѣ чего пошелъ въ другіе города.

Спустя нѣсколько лѣтъ, когда святый Апостолъ Павелъ, вышедши изъ Антіохіи, захотѣлъ посѣтить братію во всѣхъ городахъ, въ которыхъ раньше проповѣдывалъ Слово Божіе, то, взявъ съ собою Силу [3]), пришелъ въ Листры [4]), гдѣ жилъ святый Тимоѳей. Видя, что онъ достигъ совершеннаго возраста и преуспѣваетъ во всякой добродѣтели, притомъ пользуется высокимъ уваженіемъ у всѣхъ тамошнихъ христіанъ, Апостолъ Павелъ принялъ его къ себѣ на апостольское служеніе и сдѣлалъ его своимъ постояннымъ спутникомъ во всѣхъ трудахъ и сослужителемъ о Господѣ. Когда же онъ хотѣлъ выйти изъ города, то ради нѣкоторыхъ Іудеевъ, во множествѣ проживавшихъ тамъ и въ окрестныхъ мѣстахъ, обрѣзалъ Тимоѳея по закону Моисееву [5]),—не потому, чтобы это было необходимо для спасенія, ибо новая благодать подается, вмѣсто обрѣзанія, во Святомъ Крещеніи, но для того, чтобы не соблазнялись о немъ Іудеи, такъ какъ всѣ они знали о его происхожденіи отъ язычника. Вышедши изъ Листръ, святый Апостолъ Павелъ проходилъ города и селенія, уча и благовѣствуя Царствіе Божіе и всѣхъ просвѣщая свѣтомъ благочестія. За нимъ, какъ звѣзда за

---

[1]) Это видно и изъ того, что Апостолъ Павелъ вездѣ называетъ его своимъ сыномъ (1 Посл. къ Коринѳ., гл. 4, ст. 17. 1 Посл. къ Тимоѳ., гл. 1, ст. 2, 18. 2 Посл. къ Тимоѳ., гл. 1, ст. 2; гл. 2, ст. 1). Изъ этого также ясно видно, что обращеніемъ своимъ къ христіанству ап. Тимоѳей обязанъ Апостолу Павлу.

[2]) 2 Посл. къ Тимоѳ., гл. 3, ст. 15.

[3]) Св. ап. Сила—изъ лика семидесяти, ученикъ и ближайшій сотрудникъ святаго Апостола Павла. Память его Церковь празднуетъ 4-го января.

[4]) Это было во второе апостольское путешествіе св. Апостола Павла.

[5]) Кн. Дѣян. Ап., гл. 16, ст. 3.

Солнцемъ, возсіявшимъ отъ третьяго неба, слѣдовалъ Божественный Тимоѳей[1]), воспринимая немерцающій свѣтъ благочестія—ученіе благовѣствованія Христова и научаясь высокимъ подвигамъ и добродѣтельной жизни, какъ объ этомъ и самъ святый Апостолъ Павелъ свидѣтельствуетъ: «Ты послѣдовалъ мнѣ въ ученіи, житіи, расположеніи, вѣрѣ, великодушіи, любви, терпѣніи, въ гоненіяхъ, страданіяхъ»[2]).

Такъ святый Тимоѳей почерпнулъ всѣ добродѣтели отъ сосуда избраннаго—Апостола Павла и воспринялъ отъ него, ради Христа, апостольскую нищету. Не пріобрѣтая себѣ никакихъ богатствъ, ни золота, ни серебра, ни какихъ-либо другихъ вещественныхъ благъ, онъ переходилъ съ мѣста на мѣсто, возвѣщая Евангеліе Царствія Божія. Онъ усвоилъ обычай воздавать добромъ за зло; укоряемый—онъ благословлялъ, гонимый—терпѣлъ, поносимый—радовался духомъ, и во всемъ являлъ себя Божіимъ слугою, будучи истиннымъ подражателемъ своему учителю. Святый Апостолъ Павелъ, видя ученика своего столь преуспѣвающимъ въ добродѣтеляхъ, поставилъ его сначала діакономъ, затѣмъ пресвитеромъ и наконецъ—епископомъ[3]), хотя онъ былъ и молодъ годами. Сдѣлавшись чрезъ возложеніе рукъ апостольскихъ служителемъ Христовыхъ Таинъ, святый Тимоѳей сдѣлался усерднѣйшимъ подражателемъ тягостей и трудовъ апостольскихъ, не уступая другимъ апостоламъ въ страданіяхъ и трудахъ во время благовѣствованія ученія Христова.

---

1) Отъ Листръ св. Тимоѳей сопровождалъ Апостола Павла во всѣхъ слѣдующихъ его путешествіяхъ и ревностно исполнялъ всѣ его порученія. Онъ сопровождалъ его во второмъ его путешествіи отъ Листръ до Троады и отсюда по городамъ македонскимъ до Греціи—Аѳинъ и Коринѳа. Въ третьемъ путешествіи Ап. Павла Тимоѳей сопутствовалъ ему въ Ефесѣ, гдѣ Апостолъ пребывалъ долгое время и откуда Апостолъ посылалъ его въ Македонію для сбора милостыни и потомъ въ Коринѳъ, гдѣ Апостолъ пребывалъ три года, и онъ сопутствовалъ ему и въ Македоніи и Греціи и сопровождалъ его и на обратномъ пути до Троады и Асіи. Впослѣдствіи св. ап. Тимоѳей былъ съ Апостоломъ Павломъ въ Римѣ и вмѣстѣ съ нимъ заключенъ въ узы, но потомъ былъ освобожденъ. Послѣ того онъ снова сопровождалъ Апостола Павла въ предпринятомъ имъ путешествіи для посѣщенія малоазійскихъ и македонскихъ церквей; въ это время онъ и былъ рукоположенъ во епископа Ефесской Церкви, ставъ, такимъ образомъ, первымъ епископомъ Ефесской Церкви. Во время разлуки съ ап. Тимоѳеемъ св. Апостолъ Павелъ написалъ ему два Посланія пастырскаго характера.

2) 2 Посл. къ Тимоѳ., гл. 3, ст. 10—11.

3) Посвященію св. ап. Тимоѳея въ пастырское служеніе, по словамъ Апостола, предшествовали пророчества о немъ (1 Посл. къ Тимоѳ., гл. 1, ст. 18), и самое посвященіе произведено по предварительномъ исповѣданіи вѣры (1 Посл. къ Тим., гл. 6, ст. 12), съ возложеніемъ рукъ священства, причемъ ему сообщенъ особенный даръ благодати Божіей для достойнаго прохожденія обязанностей (1 Посл. къ Тим., гл. 4, ст. 12—16), къ которымъ онъ былъ призванъ.

Ни юность, ни слабость тѣла не могли когда-либо воспрепятствовать ему въ исполненіи принятаго имъ на себя подвига. Во всей своей дѣятельности онъ обнаруживалъ величіе духа, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ учитель его—святый Апостолъ Павелъ въ первомъ своемъ посланіи къ Коринѳянамъ: «Если прійдетъ къ вамъ Тимоѳей, смотрите, чтобъ онъ былъ у васъ безопасенъ, ибо онъ дѣлаетъ дѣло Господне, какъ и я. Посему никто не пренебрегай его»[1]). Нѣсколько выше, похваляя его, святый Апостолъ Павелъ писалъ: «Я послалъ къ вамъ Тимоѳея, моего возлюбленнаго и вѣрнаго въ Господѣ сына, который напомнитъ вамъ о путяхъ моихъ во Христѣ»[2]). Подобнымъ образомъ и въ другихъ своихъ посланіяхъ онъ называетъ святаго Тимоѳея своимъ братомъ, говоря: «Павелъ, узникъ Іисуса Христа, и Тимоѳей братъ»[3]), «Павелъ, волею Божіею Апостолъ Іисуса Христа, и Тимоѳей братъ»[4]), «Павелъ, волею Божіею посланникъ Іисуса Христа, и Тимоѳей братъ»[5]). И еще онъ пишетъ: «Мы послали Тимоѳея, брата нашего и служителя Божія, и сотрудника нашего въ благовѣствованіи Христовомъ, чтобы утвердить васъ и утѣшить въ вѣрѣ вашей»[6]). Эти и многія другія свидѣтельства въ похвалу святому Тимоѳею находятся въ посланіяхъ Апостола Павла. Однако, св. Тимоѳей не превозносился этимъ, но, живя въ смиренномудріи и строгомъ соблюденіи себя отъ грѣха, постоянными трудами и постомъ такъ изнурялъ себя, что и самъ учитель его, взирая на его подвиги и посты, сильно жалѣлъ его. Онъ убѣждалъ святаго Тимоѳея—не пить одной воды, но употреблять и немного вина ради его желудка и частыхъ недуговъ[7]), которыми, хотя и постоянно тѣло его было обременено, но за то душевная чистота оставалась нетронутою и свободною отъ всякаго поврежденія. Святый Тимоѳей съ учителемъ своимъ проходилъ всѣ концы міра: то въ Ефесѣ, то въ Коринѳѣ, то въ Македоніи, то въ Италіи, то въ Испаніи они возвѣщали Слово Божіе, такъ что съ полнымъ правомъ можно было сказать о нихъ: **во всю̀ зе́млю и҆зы́де вѣща́нїе и҆́хъ, и҆ въ концы̀ вселе́нныѧ глаго́лы и҆́хъ**[8]). При этомъ святый Тимоѳей былъ

1) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 16, ст. 10—11.
2) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 4, ст. 17.
3) Посл. къ Филим., ст. 1.
4) 2 Посл. къ Корине., гл. 1, ст. 1.
5) Посл. къ Колос., гл. 1, ст. 1.
6) 2 Посл. къ Солун., гл. 3, ст. 2.
7) 1 Посл. къ Тимоѳ., гл. 5, ст. 22.
8) Псаломъ 18, ст. 5.

проницателенъ въ разсужденіяхъ, быстръ въ отвѣтахъ, въ проповѣди Слова Божія—искусный ораторъ, въ изложеніи Божественныхъ писаній—увлекательный истолкователь, въ церковномъ управленіи и защитѣ истинъ вѣры—достойнѣйшій пастырь. Въ особенности же достойно вниманія то, что онъ получилъ изобильную благодать, такъ какъ ученіе свое онъ почерпнулъ изъ двоякаго источника: онъ не только имѣлъ своимъ учителемъ святаго Павла, но поучался и у святаго Іоанна, возлюбленнаго ученика Христова[1]). Когда же святый Іоаннъ былъ сосланъ императоромъ римскимъ Домиціаномъ[2]) въ изгнаніе на островъ Патмосъ[3]), то Тимоѳей былъ, вмѣсто него, епископомъ города Ефеса, гдѣ, спустя немного времени, и пострадалъ за свое свидѣтельство объ Іисусѣ Христѣ слѣдующимъ образомъ.

Однажды въ Ефесѣ совершался особенно торжественный праздникъ, называемый «катагогіумъ», въ который идолопоклонники, мужчины и женщины, надѣвъ на себя изображенія различныхъ странныхъ существъ, брали въ руки идоловъ и дреколія и съ безстыдными плясками обходили улицы города. При этомъ они пѣли нестройными голосами пѣсни и бросались на встрѣчныхъ, какъ разбойники, и даже многихъ убивали. Совершали они и много другихъ скверныхъ беззаконій, которыми думали выразить почитаніе своихъ мерзкихъ боговъ. Видя это, блаженный Тимоѳей воспламенился огнемъ Божественной ревности и, явившись на это богопротивное зрѣлище, открыто и смѣло проповѣдывалъ Единаго Истиннаго Бога, Господа нашего Іисуса Христа,—ясно показалъ заблужденія и самообольщенія ихъ относительно своихъ боговъ и свободно высказалъ многое, что было полезно для убѣжденія ихъ. Они же, блуждая во тьмѣ языческихъ заблужденій, не поняли и не уразумѣли рѣчей апостола, но, единодушно устремившись противъ него, жестоко били его имѣвшимися въ рукахъ ихъ дреколіями, немилосердно и безчеловѣчно влачили его по землѣ, по-

---

[1]) Въ 60-хъ годахъ по Р. Хр. св. Апостолъ Іоаннъ оставилъ Іерусалимъ, гдѣ пребывалъ до Успенія Божіей Матери, и проповѣдывалъ Слово Божіе въ Малой Азіи и особенно въ Ефесѣ, и, такимъ образомъ, могъ непосредственно руководить ап. Тимоѳеемъ въ его пастырскомъ служеніи.

[2]) *Римскій императоръ Домиціанъ*, жестокій гонитель христіанства, царствовалъ съ 81 по 96 г.

[3]) Это было въ 96-мъ году.—*Патмосъ*—голый, безплодный, скалистый островъ Эгейскаго моря (Архипелага), на юго-западѣ отъ Ефеса, причисляемый къ такъ называемымъ Спорадскимъ островамъ.

пирая ногами, и, наконецъ, замучили его до смерти[1]). Пришедшіе затѣмъ христіане нашли его едва дышавшимъ. Они вынесли его за городъ и, когда онъ преставился, погребли его на мѣстѣ, называемомъ по-гречески Піонъ, т. е. тучное. Спустя много времени честны́я мощи святаго апостола Тимоѳея, по повелѣнію царя Констанція, сына Константина Великаго, были перенесены святымъ мученикомъ Артеміемъ[2]) изъ Ефеса въ Константинополь и положены въ церкви Святыхъ Апостоловъ вмѣстѣ съ мощами святаго Апостола Луки и Андрея Первозваннаго. Такъ было благоугодно Богу, ибо въ житіи ихъ все было общее: характеръ, ученіе и проповѣдь Евангелія. Поэтому и общій гробъ приличествовалъ имъ по смерти, тѣмъ болѣе что и упокоеніе ихъ на небесахъ общее — въ Царствѣ Господа нашего Іисуса Христа, со Отцемъ и Святымъ Духомъ царствующаго во вѣки. Аминь.

Тропа́рь а҆п҃ла, гла́съ д҃:

Бл҃гости наꙋчи́вся, и҆ трезвя́ся во всѣ́хъ бл҃го́ю со́вѣстїю, сщ҃енно-лѣ́пнѡ ѡ҆бо́лкся, поче́рплъ є҆сѝ ѿ сосꙋ́да и҆збра́ннагѡ неизрече́ннаѧ, и҆ вѣ́рꙋ соблю́дъ ра́вное тече́нїе соверши́лъ є҆сѝ, а҆п҃ле тїмоѳе́е. молѝ хр҃та̀ бг҃а, сп҃сти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ а҃:

Бж҃е́ственнаго ᲂу҆ченика̀, и҆ спꙋтеше́ственника па́влова тїмоѳе́а вѣ́рнїи воспои́мъ всѝ, съ си́мъ почита́юще мꙋ́драго а҆наста́сїа[3]), возсїѧ́вшаго ѿ персі́ды ꙗ҆́кѡ ѕвѣздꙋ̀, и҆ ѿгонѧ́щаго дꙋше́вныѧ на́шѧ стра́сти, и҆ недꙋ́ги тѣле́сныѧ.

---

[1]) Св. ап. Тимоѳей мученически скончался около 97-го года.

[2]) Память св. великомученика Артемія празднуется Церковію 20-го октября. Перенесеніе св. мощей Апостоловъ: Евангелиста Луки, Андрея Первозваннаго и Тимоѳея было совершено 24-го іюня 356 года.

[3]) Здѣсь разумѣется св. преподобномученикъ Анастасій Персянинъ, память котораго празднуется Церковію въ одинъ день съ памятью св. апостола Тимоѳея, 22-го января. Такимъ образомъ, сей кондакъ относится и къ св. Анастасію.

ЖИТІЕ и СТРАДАНІЕ

СВЯТАГО ПРЕПОДОБНОМУЧЕНИКА

АНАСТАСІЯ ПЕРСЯНИНА

Когда Святый Градъ Іерусалимъ былъ взятъ Персидскимъ царемъ Хозроемъ[1]) и Святыя мѣста пребыванія Христа Господа нашего, ознаменованныя Его вольными страданіями, распятіемъ, смертію, погребеніемъ и воскресеніемъ, были завоеваны нечестивыми варварами, когда и Животворящее Древо Креста Господня было взято въ плѣнъ и отнесено, вмѣстѣ съ богатою военною добычею[2]), въ Персію,—тогда въ этой послѣдней слава Имени Христова начала, подобно Солнцу, сіять въ чудесахъ, исходившихъ отъ Животворящаго крестнаго Древа. Само будучи въ плѣну, оно плѣняло души человѣческія Богу и, подобно удѣ уловляя людей, влекло ихъ ко Христу, просвѣщая познаніемъ истины и воспламеняя сердца Божественною любовію. Тогда обратился къ познанію Христа и святый мученикъ Анастасій, о которомъ намъ предстоитъ повѣствовать.

Родомъ онъ былъ персъ изъ селенія Раснуни, расположеннаго въ области, называемой Разы. Первоначальное его персидское имя въ язычествѣ было Магундатъ. Онъ былъ сыномъ одного волхва, по имени Вава, весьма знаменитаго въ своей странѣ учителя чародѣйской науки, которой онъ обучилъ въ совершенствѣ и сына своего въ ранней его юности. Когда Магундатъ достигъ возраста зрѣлаго юноши, онъ, вмѣстѣ со многими другими

---

[1]) *Персидскій царь Хозрой II* царствовалъ съ 590 по 628 г.

[2]) Это было въ 614 году. Святыня Древа Креста Господня находилась въ рукахъ Персовъ 14 лѣтъ—до 628 года, когда императоръ Византійскій Ираклій, послѣ счастливой войны съ Персіей, возвратилъ ее въ Іерусалимъ.

юношами, поступилъ въ военную службу и оставался въ столичномъ городѣ, служа царю Персидскому Хозрою. Услышавъ о славѣ и могуществѣ Крестнаго Древа, которое приводило въ изумленіе всѣ персидскія области и устрашало необычайными чудесами такъ, что всѣ говорили: «Богъ христіанскій пришелъ въ Персію», Магундатъ началъ усердно разспрашивать объ этомъ. Внезапно душа его воспламенилась тайно тѣмъ огнемъ, который Христосъ пришелъ **вовре́щи на зе́млю**[1]). Безъ устали этотъ прекрасный юноша обращался ко многимъ съ разспросами, желая съ достовѣрностью узнать, что это за древо, имѣющее столь великую силу чудотворенія. Когда вѣрующіе разъяснили ему, что это— тотъ самый Крестъ, на которомъ былъ распятъ, ради спасенія рода человѣческаго, Христосъ, Сынъ Божій, исповѣдуемый и почитаемый христіанами, тогда въ немъ еще болѣе возгорѣлось внутреннее желаніе пріобрѣсти совершеннѣйшее познаніе о Сынѣ Божіемъ. Онъ ставилъ вопросъ за вопросомъ, а въ отвѣтахъ находилъ поводы къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, пламенѣя усердіемъ узнать, какъ Богъ сошелъ съ Неба, какъ сталъ человѣкомъ, почему и кѣмъ осужденъ на крестную смерть, когда снова вознесся на Небо, откуда сошелъ. Онъ слушалъ объ излагаемомъ ему христіанами Божественномъ таинствѣ воплощенія Христа, и уши его съ любовію воспринимали сѣмя благочестія, а душа его постепенно возращала зерно вѣры и возбуждалась къ подражанію Христу. Магундатъ имѣлъ родственника по плоти, и оба они находились въ полку одного славнаго воеводы Саина. Когда послѣдній былъ посланъ съ войскомъ Персидскимъ царемъ на войну въ области Греціи и достигъ славнаго христіанскаго города Халкидона[2]), пришелъ туда и Магундатъ, служившій въ полку съ родственникомъ своимъ. Противъ Персовъ ополчился благочестивый Греческій царь Ираклій[3]). Тогда персидскій воевода Саинъ поспѣшно возвратился назадъ съ полкомъ своимъ. Магундатъ же, оставивъ полкъ и своего родственника, предпочелъ лучше жить съ христіанами въ бѣдности и безвѣстности, нежели въ богатствѣ и почетѣ въ Отечествѣ своемъ среди невѣдущихъ Бога. Сначала онъ пришелъ въ Іераполь[4]). Тамъ нашелъ онъ одного

---

1) Еванг. отъ Луки, гл. 12, ст. 49.

2) *Халкидонъ* — городъ въ Малой Азіи, на азіатскомъ берегу Босфорскаго пролива, противъ Константинополя. Въ немъ происходилъ въ 451-мъ году IV Вселенскій Соборъ.

3) *Византійскій императоръ Ираклій* царствовалъ съ 610 по 641 г.

4) *Іераполь*—богатый городъ Фригіи, западной области Малой Азіи.

человѣка—родомъ перса, по вѣрѣ христіанина, а по ремеслу золотаря. Поселившись у него, Магундатъ учился золотарному искусству. Руки его были обращены къ дѣлу, а умъ его постоянно былъ устремленъ ко Христу Богу, любовію къ Которому онъ горѣлъ. Онъ умолялъ учителя своего приготовить его къ Святому Крещенію; но желаніе его не могло осуществиться, ибо Святое Крещеніе было отлагаемо на неопредѣленное время изъ опасенія войны со стороны Персовъ. Между тѣмъ, часто приходя съ учителемъ своимъ въ церковь на молитву, онъ видѣлъ на церковныхъ стѣнахъ картины, изображающія страданія и чудеса святыхъ мучениковъ. Онъ спрашивалъ своего учителя: что́ это значитъ? Учитель разсказывалъ ему о подвигахъ и жизни святыхъ: какъ они мужественно приняли смерть за Христа и съ ревностью положили за Него свои души,—что они претерпѣли отъ мучителей ради Христа и какихъ наградъ они сподобились отъ Него на Небѣ. Слушая все это со вниманіемъ, Магундатъ удивлялся и ужасался; сердце его еще болѣе воспламенялось Божественною ревностью. Пробывъ въ Іераполѣ нѣкоторое время, онъ пошелъ въ Іерусалимъ, чтобы тамъ принять Святое Крещеніе.

Прп҃бномч҃нкъ а҆настасі́й

Прибывъ во Святый Градъ Іерусалимъ, Магундатъ, названный впослѣдствіи Анастасіемъ, остановился у одного христолюбиваго мужа, также золотаря по ремеслу. Ему онъ открылъ желаніе сердца своего—соединиться со Христомъ чрезъ Святое Крещеніе. Тотъ повелъ его къ святому Иліи, пресвитеру Великой церкви Воскресенія Христова. Блаженный Илія, принявъ его съ любовію, извѣстилъ о немъ Святѣйшаго Патріарха Модеста[1]) и, по его

[1]) *Св. Модестъ*, Патріархъ Іерусалимскій, занималъ каѳедру сначала какъ мѣстоблюститель (во время пребыванія св. Патріарха Захаріи въ плѣну у Персовъ)—съ 614 по 628 г., а потомъ—въ санѣ Патріарха, съ 633 по 634 г.

благословенію, крестилъ перса Магундата, нарекши его во Святомъ Крещеніи Анастасіемъ, послѣ чего удержалъ его у себя въ теченіе восьми дней. Святый Илія спрашивалъ его: какое онъ хочетъ избрать себѣ житіе—мірское или иноческое? Блаженный Анастасій не только словами утверждалъ, но и кроткимъ нравомъ своимъ обнаруживалъ, что онъ желаетъ иноческаго званія и жизни. Спустя восемь дней, когда онъ снялъ возложенныя на него при крещеніи бѣлыя одежды, пресвитеръ отправилъ его въ одинъ изъ іерусалимскихъ монастырей, въ десятый годъ царствованія Ираклія. Тамъ онъ былъ порученъ одному мудрому и добродѣтельному старцу, который скоро сталъ настоятелемъ того монастыря. У него святый Анастасій научился не только греческому языку, но и пониманію Псалтири и прочихъ священныхъ книгъ, а равно получилъ наставленіе относительно многихъ подвиговъ, приличествующихъ иноческой жизни. Поэтому-то онъ былъ любимъ всѣми, а особенно своимъ наставникомъ, который, на основаніи первыхъ опытовъ его подвижнической жизни, предусматривая дальнѣйшее прохожденіе ея, постригъ его въ иноки и сдѣлалъ своимъ духовнымъ сыномъ.

Блаженный Анастасій былъ инокомъ добродѣтельнымъ, смиренномудрымъ, кроткимъ и трудолюбивымъ. Онъ исполнялъ охотно всякую монастырскую работу—въ поварнѣ, пекарнѣ, огородѣ, а равно и другія послушанія; при этомъ онъ никогда не опускалъ церковныхъ службъ или чтенія правилъ. Руки его всегда были заняты работою, а уста—прославленіемъ Бога. Кромѣ того, онъ читалъ Божественныя Писанія, житія святыхъ отцовъ, а особенно страданія святыхъ мучениковъ. Читая ихъ, онъ орошалъ книгу слезами и, пламенѣя сердцемъ, обнаруживалъ свое внутреннее сочувствіе ихъ терпѣнію. Онъ и самъ какъ бы страдалъ вмѣстѣ съ ними и внутренно являлся подражателемъ ихъ ревности, ублажалъ ихъ кончину и удивлялся ихъ мужеству, усердно моля Владыку Христа, чтобы сподобилъ его претерпѣть за Него такія же страданія, такъ же умереть и присоединиться къ лику мучениковъ. Между тѣмъ, врагъ души человѣческой, негодуя на то, что онъ утверждается въ добродѣтели, началъ приводить ему на память прежнюю его жизнь въ Персіи, оставленныя имъ богатства, славу, отцовское чародѣйское искусство, воинскія почести и прочую суету, желая тѣмъ смутить его душевный покой и отвратить его отъ обители и отъ сожительства съ святыми отцами. Но, помощію

Бога, въ Которомъ святый Анастасій имѣлъ крѣпкое утвержденіе противъ врага, а равно молитвами и наставленіемъ своего учителя и духовнаго отца, которому исповѣдывалъ всѣ свои мысли, онъ остался непобѣдимымъ и непоколебимымъ при всѣхъ искушеніяхъ врага.

Послѣ того какъ преподобный Анастасій провелъ въ монастырѣ семь лѣтъ и собралъ обильное духовное сокровище добродѣтелей, онъ былъ призванъ Господомъ къ мученическому вѣнцу такимъ видѣніемъ. Предъ самымъ наступленіемъ свѣтлаго праздника Воскресенія Христова, въ вечеръ Великой Субботы, онъ легъ отдохнуть немного послѣ дневныхъ трудовъ и, уснувъ, увидѣлъ себя стоящимъ на высокой горѣ. Къ нему подошелъ какой-то свѣтоносный мужъ, державшій золотую чашу, украшенную драгоцѣнными камнями и наполненную виномъ. Передавъ ему чашу, мужъ сказалъ: «Возьми и пей». Онъ взялъ и испилъ. Душа его тотчасъ исполнилась несказанной радости, и онъ еще во снѣ уразумѣлъ, что это было для него знаменіемъ желаемой имъ мученической кончины, къ которой призываетъ его Господь[1]). Проснувшись, онъ, исполненный радости и веселія, поспѣшилъ въ церковь къ началу службы Воскресенію Христову. Тамъ, въ ризницѣ, отозвавъ въ сторону своего духовнаго отца и наставника, бывшаго уже настоятелемъ, онъ палъ къ ногамъ его и, орошая ихъ слезами, умолялъ помолиться о немъ Владыкѣ всѣхъ Христу, такъ какъ уже близокъ день отшествія его изъ сей жизни. Онъ говорилъ:

— Я знаю, святый отецъ, какіе труды ты принялъ ради меня и какъ часто я злоупотреблялъ твоею отеческою заботливостью обо мнѣ. Благодаря тебѣ, очи мои узрѣли истинный свѣтъ и чрезъ тебя я освободился отъ тяжкой тьмы: не переставай же молиться обо мнѣ, рабѣ твоемъ, преблагому Господу.

Отецъ духовный сказалъ ему:

— Что съ тобою, дитя мое? Откуда ты узналъ, что этими днями ты перейдешь отъ насъ въ иную жизнь?

Анастасій разсказалъ ему про сонное видѣніе съ большимъ умиленіемъ и настойчиво утверждалъ, что въ ближайшіе дни онъ

[1]) Слово—*чаша* на библейскомъ языкѣ и въ представленіи древнихъ христіанъ употребляется для нагляднаго выраженія страданій или испытаній, предназначенныхъ кому-либо Богомъ. Отсюда св. Анастасій увидѣнную имъ въ сновидѣніи чашу принялъ какъ предзнаменованіе чаши страданій и мучительной смерти, которую ему вскорѣ предстоитъ испить.

непремѣнно долженъ умереть или общею всѣмъ смертію, или какою-либо иною; о своемъ же желаніи мученической кончины за Христа онъ боялся говорить, чтобы старецъ не запретилъ ему этого и чтобы, такимъ образомъ, не угасло пламя его ревности по Христѣ, а онъ не лишился вѣнца страдальца. Духовный отецъ долго утѣшалъ его ласковыми словами. Когда наступилъ день, преподобный Анастасій во время Божественной Литургіи пріобщился Святыхъ Таинъ и вкусилъ съ братіями отъ общей трапезы. На слѣдующую ночь онъ, немного уснувъ съ вечера, поспѣшно всталъ, такъ какъ несказанное внутреннее желаніе мученичества не давало ему спать. Вставъ тайно отъ всѣхъ, онъ вышелъ изъ монастыря, ничего не взявши съ собою, кромѣ иноческой одежды, въ которую былъ одѣтъ.

По выходѣ изъ монастыря святый Анастасій пошелъ сначала въ Діосполь палестинскій[1]), а оттуда на гору, называемую Харизимъ, чтобы помолиться. Прошедши и многія другія замѣчательныя мѣстности, онъ пришелъ въ Кесарію палестинскую[2]) и пробылъ тамъ въ церкви Пречистыя Богородицы два дня. Затѣмъ онъ пошелъ поклониться въ церковь святой и всехвальной великомученицы Евѳиміи, находившуюся въ той же Кесаріи. Въ это время Палестиною владѣли Персы, и ихъ было здѣсь много. Случилось блаженному, во время прохожденія мимо дома одного перса, увидѣть производимые Персами волшебные фокусы. Исполнившись Божественной ревности, онъ подошелъ къ нимъ и сказалъ съ гнѣвомъ:

— Зачѣмъ вы и сами заблуждаетесь и, обманывая другихъ, увлекаете ихъ души къ тому же заблужденію?

Они удивились его смѣлости и спросили его:

— Кто ты такой, что такъ говоришь съ нами?

Онъ отвѣтилъ имъ:

— И я нѣкогда держался того же заблужденія, какого держитесь вы. Я былъ свѣдущъ въ этой же нечестивой наукѣ и весьма искусенъ въ обманахъ.

Говоря это, святый долго обличалъ ихъ безбожіе, причемъ выяснялъ, насколько противна Богу и вредна для людей ихъ чаро-

---

[1]) *Діосполь*—городъ въ Палестинѣ къ сѣверо-западу отъ Іерусалима.

[2]) *Кесарія*—городъ палестинскій на восточномъ берегу Средземнаго моря, построенный царемъ Іудейскимъ Иродомъ на мѣстѣ древняго города Стратонъ и названный такъ въ честь Кесаря Августа (Римскаго императора Октавія Августа). Городъ ее подвергался неоднократнымъ разрушеніямъ, и въ настоящее время на его мѣстѣ только развалины, покрытыя дикими растеніями.

дѣйская хитрость и обольщеніе. Онъ изложилъ имъ, какъ онъ достигъ познанія истины и обратился къ Богу, причемъ убѣждалъ ихъ, чтобы они, взявъ его себѣ за образецъ, также познали истину и, отказавшись отъ волхвованія, обратились ко Христу Богу съ покаяніемъ. Они же не только не хотѣли слушать словъ святаго, но и убѣждали его настойчиво, чтобы онъ не порицалъ столь славныя у Персовъ волшебныя знанія и не изобличалъ ихъ предъ народомъ. Тогда святый, оставивъ ихъ, пошелъ своимъ путемъ, поспѣшая къ святому храму всехвальной мученицы. Лишь только святый отошелъ отъ нихъ немного, его увидѣли персидскіе воины, сидѣвшіе у воротъ зданія суда. Когда святый миновалъ ихъ, они, бесѣдуя между собою на персидскомъ нарѣчіи, сказали о немъ:

— Это—лазутчикъ.

Святый, хорошо понимая ихъ слова, такъ какъ самъ былъ персомъ, гнѣвно посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ:

— Что вы говорите? Я не лазутчикъ, а рабъ Господа моего Іисуса Христа; я гораздо лучше васъ, потому что я сподобился работать Тому, Который изволилъ сойти съ Небесъ ради грѣшниковъ. Я понимаю вашу рѣчь, потому что и самъ нѣкогда былъ въ той же воинской службѣ, въ которой вы нынѣ состоите.

Тогда воины схватили его и сообщили о немъ своему начальнику, находившемуся въ зданіи суда. Тотъ, допросивъ его, кто онъ и откуда, повелѣлъ содержать его подъ строгимъ присмотромъ въ тюрьмѣ. Будучи заключенъ, святый три дня не принималъ ни пищи, ни питія. Онъ ничего не хотѣлъ принимать изъ рукъ нечестивыхъ, но питался только ожиданіемъ давно желаемыхъ страданій за Христа. Въ это время прибылъ въ Кесарію палестинскую одинъ персидскій князь, по имени Марзаванъ. Узнавъ о преподобномъ узникѣ, онъ повелѣлъ привести его къ себѣ въ преторію связаннымъ на допросъ. Когда святый былъ приведенъ, Марзаванъ занимался различными другими дѣлами, а преподобный Анастасій стоялъ въ отдаленіи связанный. Тутъ же находился одинъ христіанинъ. Онъ, узнавъ святаго, такъ какъ видѣлъ его въ церкви Пречистой Дѣвы Богородицы, подошелъ къ нему и тихо спросилъ, за что онъ взятъ, связанъ и приведенъ на судъ.

Святый сказалъ ему о желаніи сердца своего,—именно, что онъ желаетъ пострадать и умереть за Христа. Услышавъ объ этомъ, христіанинъ прославлялъ святаго за его доброе намѣреніе и утѣ-

шалъ его словами Божественнаго Писанія, убѣждая не бояться мукъ и не страшиться смерти за Имя Господа нашего Іисуса Христа, но твердо и смѣло отвѣчать Марзавану на вопросы его, памятуя слова, сказанныя Господомъ въ Евангеліи: претерпѣвый до конца̀, то́й спасе́нъ бꙋ́детъ[1]). Когда затѣмъ преподобный Анастасій былъ поставленъ на судъ предъ Марзаваномъ, онъ не поклонился ему и не воздалъ подобающей чести. Между тѣмъ, у Персовъ былъ обычай преклонять колѣни предъ своими князьями ради ихъ сана. Святый же не сдѣлалъ этого, внѣшнимъ непоклоненіемъ и безбоязненнымъ взоромъ обнаруживая свое внутреннее мужество и величіе духа. Марзаванъ, посмотрѣвъ на него пристально, спросилъ:

— Кто ты, откуда и какъ называешься?

Святый отвѣтилъ смѣло:

— Я—христіанинъ, а если ты хочешь знать о происхожденіи моемъ, то я персъ, изъ области Разы, изъ селенія Раснуни. Я былъ волхвъ и воинъ, но оставилъ тьму и пришелъ къ истинному свѣту; имя мое прежде было Магундатъ, а нынѣ по-христіански я именуюсь Анастасіемъ.

Марзаванъ сказалъ ему:

— Оставь это заблужденіе и возвратись къ прежней своей вѣрѣ. Я дамъ тебѣ коней и денегъ, и много всякаго другаго имущества.

Святый, взглянувъ на него, сказалъ:

— Да не будетъ этого со мною, Царю Христе, чтобы я отрекся отъ Тебя!

Тогда Марзаванъ спросилъ:

— Нравится ли тебѣ эта одежда, которую ты нынѣ носишь?

Блаженный отвѣтилъ:

— Это одѣяніе особенно пріятно мнѣ, потому что оно—ангельское; притомъ оно почетнѣе для меня, нежели для тебя твой санъ.

Марзаванъ, разгнѣвавшись, сказалъ:

— Въ тебѣ сидитъ бѣсъ, и ты говоришь не иное что, какъ то, чему тебя научаетъ бѣсъ.

Святый отвѣтилъ:

— Когда я держался персидскаго заблужденія и нечестія, тогда я имѣлъ въ себѣ неистоваго бѣса, а нынѣ обитаетъ во мнѣ Христосъ Спаситель мой, изгоняющій твоихъ бѣсовъ.

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 22.

Марзаванъ на это спросилъ его:

— Что же? Развѣ ты не боишься царя, который, когда узнаетъ о тебѣ, то повелитъ распять тебя?

— Зачѣмъ мнѣ бояться человѣка,—отвѣтилъ святый,—такого же тлѣннаго, какъ и ты? Если онъ и убьетъ мое тѣло, зато никакими кознями не сможетъ уловить мою душу.

— Не будучи въ состояніи слушать такія рѣчи, Марзаванъ повелѣлъ возложить на святаго желѣзныя цѣпи,—одну на шею, а другую на ноги,—отвести его къ каменотесамъ и заставить его, вмѣстѣ съ прочими узниками, постоянно носить на себѣ камни. Тамъ блаженный страдалецъ претерпѣлъ безчисленныя и тяжкія невзгоды. Нѣкоторые находившіеся въ Кесаріи Персы,—съ его родины,изъ того же селенія Раснуни, нѣкогда знакомые ему, друзья и сосѣди, видя случившееся съ нимъ, стыдились его и считали его труды безчестіемъ для себя. Они поносили святаго, говоря:

— Что ты сдѣлалъ? Зачѣмъ ты обезчестилъ прежнее благородство своего происхожденія, сдѣлавшись христіаниномъ, и на насъ навелъ такое безславіе? Ты закованъ въ цѣпи и осужденъ на казнь, какъ злодѣй, чего глаза наши не могутъ видѣть. Никогда и никто изъ страны нашей не былъ христіаниномъ, и вотъ ты причинилъ намъ такое поруганіе.

Говоря такія укоризненныя слова, нечестивые нерѣдко возлагали на неповиннаго святаго руки, били его немилосердно, терзали за бороду, рвали на немъ одежду и не только причиняли ему такія обиды, но и возлагали на плечи и шею его одного такіе тяжелые камни, которые едва могли понести четверо. Такъ, окованный цѣпями по шеѣ и ногамъ и тяжко обремененный камнями, трудился угодникъ Божій. Всякаго рода притѣсненія испытывалъ святый отъ знакомыхъ Персовъ во все время, но онъ все это переносилъ съ радостью ради Имени Іисуса Христа.

Спустя нѣкоторое время, князь Марзаванъ снова повелѣлъ привести къ себѣ святаго и спросилъ его:

— Если ты дѣйствительно сынъ волхва и знаешь искусство волхвованія, то сообщи намъ что-либо изъ этой области, чтобы и намъ узнать о твоихъ способностяхъ.

Святый отвѣтилъ:

— Сохрани меня Богъ, чтобы изъ моихъ устъ вышло что-либо подобное! Я не хочу осквернять ни ума своего воспоминаніемъ о волшебныхъ хитростяхъ, ни языка своего рѣчью о нихъ.

Тогда князь сказалъ ему:

— Зачѣмъ ты остаешься христіаниномъ? Возвратись къ прежней своей вѣрѣ; иначе—знай, что я сообщу о тебѣ царю Хозрою.

Святый сказалъ на это:

— Дѣлай, что хочешь. Я думаю, что ты уже писалъ къ нему и уже получилъ отъ него отвѣтъ.

Князь отвѣчалъ:

— Я еще не писалъ, но хочу написать нынѣ, и что повелитъ онъ мнѣ о тебѣ, то я и сдѣлаю.

Святый Анастасій отвѣчалъ:

— Пиши все, что хочешь, дурное обо мнѣ. Я—христіанинъ, и еще разъ говорю, что я—христіанинъ.

Тогда Марзаванъ велѣлъ растянуть святаго на землѣ и бить его до тѣхъ поръ, пока онъ не согласится исполнить то, что повелятъ ему. Но когда слуги хотѣли связать мученика по рукамъ и ногамъ, чтобы бить его, святый сказалъ имъ:

— Оставьте меня такъ: нѣтъ нужды вязать и держать меня, ибо я не по неволѣ хочу страдать за Христа моего, а добровольно. Я настолько же хочу пострадать за Него, насколько иной жаждетъ студеной воды въ знойный день.

Сказавъ это, онъ осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и простерся ницъ на землѣ, отдаваясь на раны. Тогда начали жестоко бить его палками; но святый обратился къ біющимъ съ словами:

— Повремените немного и снимите съ меня иноческое одѣяніе; пусть не терпитъ униженія иноческое званіе! Бейте только нагое мое тѣло, но знайте, что причиняемыя вами мнѣ раны я принимаю какъ шутку. Ибо если вы даже раздробите меня на части, я никогда не отвергнусь Господа моего Іисуса Христа.

Но, и будучи біенъ, обнаженный, святый мужественно переносилъ мученія, лежа неподвижно и никѣмъ не удерживаемый, а только однимъ добрымъ своимъ изволеніемъ на муки ради Бога, каковымъ побѣждалъ и самое свое естество. Князь и всѣ находившіеся тамъ удивлялись такому его терпѣнію, ибо онъ, во время продолжительнаго и мучительнаго біенія, не повернулся, не воскликнулъ, не застоналъ. Умъ его былъ направленъ только къ Богу, за котораго онъ страдалъ. Затѣмъ князь повелѣлъ перестать бить святаго и снова устрашалъ его именемъ царя.

— Я напишу,—говорилъ онъ,—къ царю, и онъ повелитъ казнить тебя смертію.

Святый отвѣтилъ ему:

— Пиши, что хочешь.

Князь возразилъ ему:

— Развѣ ты не боишься царя?

Святый отвѣтилъ:

— Почему я долженъ бояться царя твоего? Развѣ онъ не такой же смертный человѣкъ, какъ и ты? Развѣ онъ не увидитъ тлѣнія такъ же, какъ и ты? Почему ты внушаешь мнѣ бояться его, подобнаго тебѣ праха земнаго? Не болѣе ли я долженъ бояться Господа моего Іисуса Христа, сотворившаго Небо и землю, море и все, что въ нихъ,—нетлѣннаго во вѣки?

Гордый Марзаванъ, удивляясь отвѣту мученика, повелѣлъ снова отвести его въ темницу. Спустя немного времени онъ опять призвалъ его къ себѣ и началъ говорить съ нимъ кротко, надѣясь обольстить его ласковыми словами. Онъ сказалъ святому:

— Вспомни свою волшебную науку и принеси жертвы богамъ, чтобы не умереть въ мукахъ и не лишиться сего видимаго свѣта.

Преподобный отвѣтилъ:

— Какому богу я долженъ принести жертву: Солнцу, Лунѣ, огню, морю, горамъ и холмамъ или всѣмъ прочимъ стихіямъ? Не дай мнѣ, Боже, поклониться когда-либо вашимъ истуканамъ! Ибо все, перечисленное мною, создалъ Христосъ, Сынъ Божій, на службу и потребу намъ, людямъ, тварямъ разумнымъ. Вы же заблуждаетесь, служа бѣсамъ и четвероногимъ животнымъ, и всякой другой видимой твари, какъ будто не они созданы ради нашихъ потребностей, а мы созданы ради нихъ. Странно и нелѣпо называете вы ихъ богами! Вы созданы по образу Божію,—и не знаете Бога, Создателя своего. Если бы вы познали Христа, создавшаго васъ, то вы обратились бы къ истинному свѣту и избавились бы отъ власти демоновъ.

Говоря это и многое другое, святый удивилъ Марзавана и всѣхъ слушателей. Марзаванъ, видя, что ни ласками, ни угрозами не можетъ побѣдить святаго, отослалъ его снова въ темницу, пока отъ царя придетъ распоряженіе, что съ нимъ дѣлать. Такимъ образомъ, ночью мученикъ былъ содержимъ въ темницѣ, а днемъ былъ выводимъ въ оковахъ на работу—носить камни съ прочими узниками.

Между тѣмъ стало извѣстно о святомъ Анастасіи и въ томъ монастырѣ, гдѣ онъ постригся. Всѣ отцы и братія, услышавъ о

томъ, что онъ тяжко страдаетъ за Христа, исполнились несказанной радости,—особенно настоятель, его духовный отецъ и учитель, который, представляя себя какъ бы связаннымъ вмѣстѣ съ возлюбленнымъ ученикомъ своимъ, думалъ, что и самъ страдаетъ въ его тѣлѣ. Но такъ какъ онъ самъ не могъ идти къ своему ученику, будучи настоятелемъ монастыря, то послалъ двухъ иноковъ съ письмомъ, исполненнымъ утѣшеній, поручивъ имъ, чтобы они, тайно навѣщая мученика, ободряли его къ мужественному перенесенію страданій. Самъ же съ прочими отцами днемъ и ночью молился о немъ Богу, чтобы Богъ помогъ мученику до конца доблестно пострадать за Его Имя и быть побѣдителемъ и вѣнценосцемъ въ ликѣ святыхъ мучениковъ. Въ это же время преподобномученикъ Анастасій, находясь въ темницѣ, не переставалъ днемъ и ночью славословить всесильнаго Бога. Вмѣстѣ съ нимъ находился и другой узникъ, одинъ юноша изъ слугъ Марзавана, осужденный за какое-то преступленіе. Онъ былъ скованъ вмѣстѣ съ святымъ—одною цѣпью за шею, а другою за ноги. Святому было слишкомъ тягостно это, такъ какъ, когда онъ вставалъ въ полночь на молитву, то вынужденъ былъ, вопреки своему желанію, пробуждать и своего сотоварища. Онъ вмѣнялъ себѣ въ грѣхъ противъ ближняго то, что безпокоилъ его, слишкомъ утомленнаго тою же дневною тяготою, ношеніемъ камней и затѣмъ сладко уснувшаго. Поэтому, очень часто, желая совершить полунощныя молитвы, онъ не смѣлъ вставать на ноги, чтобы не пробудить друга и не нарушить его покоя. Держа ногу рядомъ съ его ногою и склоняя шею свою къ его шеѣ, онъ совершалъ свои обычныя молитвы къ Богу. Были тамъ и другіе узники, остававшіеся нескованными. Среди нихъ былъ одинъ еврей, честнаго рода и кроткаго нрава. Онъ, видя святаго Анастасія, днемъ трудившагося надъ ношеніемъ камней, а ночь проводившаго въ славословіи Божіемъ, удивлялся, говоря самъ себѣ:

— Что это за человѣкъ и какова будетъ его кончина?

Однажды ночью, когда святый молился, по обычаю своему, Богу, еврей этотъ, лежа на полу, не спалъ. Внезапно увидѣвъ свѣтъ въ темницѣ, онъ обратилъ глаза свои къ святому и замѣтилъ входившихъ къ нему чрезъ темничныя двери мужей, одѣтыхъ въ бѣлыя, блистающія одежды и окружившихъ святаго мученика. Исходившее отъ нихъ великое сіяніе освѣщало всю темницу несказаннымъ свѣтомъ, котораго никто изъ узниковъ не видѣлъ, ибо

всѣ спали. Только одинъ тотъ неспавшій еврей смотрѣлъ на это пристально и говорилъ себѣ съ большимъ удивленіемъ:

«Боже святый, это Ангелы!»

Продолжая смотрѣть внимательнѣе на тѣхъ мужей, онъ увидѣлъ на нихъ омофоры и кресты въ рукахъ ихъ. Тогда онъ подумалъ: «Это епископы». Затѣмъ, смотря на святаго мученика, онъ увидѣлъ одного свѣтлаго юношу, стоявшаго предъ Анастасіемъ съ золотою кадильницей, наполненною горящими углями. Положивъ въ кадильницу благовонія, онъ кадилъ вокругъ мученика. Наблюдая это, бодрствовавшій узникъ разбудилъ рукою другаго, близъ него спавшаго узника, христіанина, бывшаго нѣкогда скиѳопольскимъ судьею. Онъ хотѣлъ, чтобы и тотъ увидѣлъ столь дивное и очевидное чудо, но не могъ разбудить его скоро, такъ какъ онъ уснулъ глубокимъ сномъ. Когда же тотъ, наконецъ разбуженный, проснулся и спрашивалъ, въ чемъ дѣло и зачѣмъ его разбудили,— еврей, указывая ему на происходившее, говорилъ:

— Посмотри, посмотри!

Но едва только онъ произнесъ это слово, какъ видѣніе исчезло. Тогда еврей разсказалъ христіанину съ особеннымъ восторгомъ и сердечнымъ умиленіемъ обо всемъ, видѣнномъ имъ, и оба вмѣстѣ прославили Христа Бога.

Скоро послѣ этого князь Марзаванъ, получивъ отъ своего царя Хозроя отвѣтное письмо, послалъ къ преподобному мученику Анастасію въ темницу, говоря:

— Тебѣ повелѣваетъ царь, чтобы ты однимъ словомъ сказалъ: я не христіанинъ,—и тотчасъ ты будешь отпущенъ, послѣ чего иди куда хочешь: или къ христіанамъ и инокамъ, или на родину— снова въ военную службу.

Мученикъ Христовъ отвѣтилъ:

— Да не случится со мною того, чтобы я отрекся отъ Христа моего умомъ или словомъ!

Тогда князь снова послалъ намѣстника своего ко святому, говоря:

— Я знаю, что ты стыдишься многихъ, особенно знакомыхъ своихъ, и потому не хочешь предъ ними отречься отъ Христа твоего; но такъ какъ царское повелѣніе необходимо исполнить, ибо никто не можетъ ослушаться его, то, если хочешь, наединѣ, только предо мною и другими двумя совѣтниками моими, скажи, что отрекаешься отъ Христа, и я тотчасъ отпущу тебя. Въ самомъ дѣлѣ, какая тебѣ потеря будетъ отъ того, что ты только устами

выскажешь отреченіе, а сердце твое, не согласуясь съ устами, будетъ вѣрить своему Богу?

Мученикъ отвѣчалъ:

— Да не будетъ этого со мною! Ни предъ тобою, ни предъ другими я не отрекусь отъ Господа моего—ни явно, ни тайно, ни даже во снѣ, и никто никогда не будетъ въ силахъ меня чѣмъ-либо принудить къ этому.

Когда намѣстникъ возвратился къ князю и возвѣстилъ о слышанномъ отъ мученика, князь повелѣлъ привести его къ себѣ и сказалъ ему:

— Царь повелѣлъ тебя, скованнаго цѣпями, послать къ нему въ Персію.

Святый мученикъ Анастасій отвѣчалъ:

— Если ты соизволишь отпустить меня, то я и самъ, безъ оковъ, пойду къ царю вашему. Какая надобность налагать цѣпи на меня, страдающаго добровольно и желающаго претерпѣть за любимаго моего Христа Владыку?

Князь, видя, что никакимъ образомъ: ни ласками, ни угрозами, не можетъ обратить мученика отъ христіанской вѣры къ своему персидскому нечестію, назначилъ его съ двумя другими узниками, также христіанами, осужденными по какому-то несправедливому обвиненію, черезъ пять дней послать въ Персію на судъ къ царю, послѣ чего святый снова былъ отведенъ въ темницу. Въ это время наступалъ праздникъ Воздвиженія Честнáго и Животворящаго Креста Господня. Въ городѣ же этомъ жилъ одинъ уважаемый и знатный человѣкъ, христіанинъ по вѣрѣ и жизни. Онъ обратился къ князю Марзавану съ просьбою отпустить изъ темницы инока Анастасія къ нему на праздникъ, чтобы онъ могъ вмѣстѣ съ христіанами совершить это великое празднество. Марзаванъ, уважая почетнаго горожанина, повелѣлъ исполнить его просьбу, и святый Анастасій на этотъ день былъ отпущенъ къ христіанамъ, однако въ желѣзныхъ оковахъ. Принявъ его, этотъ благочестивый мужъ повелъ его въ церковь, на Божественную Литургію. Для всѣхъ вѣрующихъ было великою радостью и двойнымъ празднествомъ смотрѣть на мученика, обложеннаго тяжкими оковами за пострадавшаго на крестѣ Христа Господа. Окруживъ его, мужчины и женщины проливали отъ радости горячія слезы и съ умиленіемъ лобызали его оковы, прославляя его страданія за Христа. По совершеніи Божественной Литургіи ходатайствовавшій о немъ

мужъ повелъ его въ свой домъ съ тѣми двумя иноками, которые были присланы изъ монастыря, чтобы тайно утѣшать мученика и добывать ему пищу. Радушно угостивъ ихъ, когда пришло время, онъ снова отвелъ святаго Анастасія въ темницу. Спустя пять дней святый, вмѣстѣ съ другими двумя узниками, въ оковахъ былъ отправленъ въ Персію. Его съ радостными слезами провожали многіе христіане. Проводили его и тѣ два инока. Одинъ изъ нихъ возвратился затѣмъ въ монастырь, а другому повелѣно было настоятелемъ идти съ блаженнымъ Анастасіемъ, чтобы служить ему, видѣть его кончину и, по возвращеніи, разсказать о совершенныхъ имъ подвигахъ страданія и мученичества.

По прибытіи въ Персію святый преподобномученикъ Анастасій посаженъ былъ въ темницу въ городѣ, называемомъ Виѳсаліей[1]), вмѣстѣ со многими другими узниками, среди которыхъ одни были осуждены за какое-либо преступленіе, а другіе были плѣнники, главнымъ образомъ христіане. Прибывшій съ нимъ инокъ помѣстился у нѣкоего Кортакта, сына Эсдина, а Эсдинъ былъ главнѣйшій царскій домоправитель, тайный христіанинъ. Спустя нѣсколько дней царь Хозрой послалъ одного изъ судей, вмѣстѣ съ трибуномъ, допросить святаго Анастасія. Судья, пришедши ко святому, спрашивалъ: кто онъ, откуда, и по какой причинѣ, оставивъ персидскую вѣру, сталъ христіаниномъ? Мученикъ Христовъ Анастасій отвѣчалъ ему чрезъ переводчика, такъ какъ не хотѣлъ болѣе говорить по-персидски, гнушаясь и нечестивою вѣрою Персовъ и самимъ языкомъ. Святый говорилъ:

— Вы заблуждаетесь, почитая бѣсовъ вмѣсто Бога. Пребывалъ и я нѣкогда въ этомъ вашемъ заблужденіи, но нынѣ я вѣрую и поклоняюсь всемогущему Владыкѣ Іисусу Христу, создавшему Небо и землю, море и все, что въ нихъ. Я достаточно знаю, что вѣра ваша есть діавольское обольщеніе, ведущее васъ къ погибели.

Судья сказалъ ему на это:

— О окаянный! Развѣ Іудеи не распяли Того Христа, Котораго вы почитаете? Какъ же ты впалъ въ заблужденіе, оставивъ свою вѣру и сдѣлавшись христіаниномъ?

Святый отвѣтилъ:

— Ты вѣрно говоришь, что Іисусъ мой былъ распятъ Іудеями, но отчего же ты не говоришь и того, что Онъ Своею Божествен-

---

1) Иначе *Барселое — Сергіополисъ* въ Ассиріи, въ разстояніи около 8 верстъ отъ Дастагера, гдѣ находился тогда Хозрой.

ною волею соблаговолилъ предаться на распятіе ради нашего спасенія? Онъ–Создатель всего, сшедшій съ Неба на землю и воплотившійся отъ Пречистыя и Преблагословенныя Дѣвы Маріи дѣйствіемъ Духа Святаго. Онъ распялся добровольно, чтобы спасти родъ человѣческій отъ обольщенія діавольскаго. Вы же почитаете діавола и поклоняетесь Солнцу, Лунѣ, огню и всякому другому созданію, а не Создателю своему.

Судья сказалъ ему:

— Зачѣмъ ты говоришь такъ много суетнаго? Вотъ, царь немедленно предоставитъ тебѣ великія почести, дастъ золотые пояса, хорошихъ коней и много всякаго имущества; ты будешь однимъ изъ знатныхъ сановниковъ его, только возвратись къ прежней своей вѣрѣ.

Святый Анастасій возразилъ ему:

— Дары царя вашего, богатства, почести и славу, и все, что вамъ пріятно и желательно, я давно презрѣлъ и возненавидѣлъ. Все это противно мнѣ, какъ соръ и навозъ. Избравъ иноческое житіе и возлюбивъ его, я питаюсь надеждою вѣчныхъ благъ, которыя, по благодати Христа Бога моего, думаю получить. Сей честный иноческій чинъ и сія ветхая мантія служатъ для меня достовѣрнымъ ручательствомъ въ этомъ. Какимъ же образомъ я нынѣ стану презирать и отрекусь отъ того, на что я надѣюсь и ради чего предпринялъ весь трудъ и приложилъ все усердіе? Могу ли я прельститься дарами царя временнаго и имѣющаго скоро погибнуть?

Услышавъ это, судья обо всемъ сообщилъ царю. Царь исполнился гнѣва и повелѣлъ наутро мучить святаго. Когда наступило утро, пришелъ отъ царя тотъ же судья и, выведши святаго изъ темницы, прежде всего немилосердно билъ его палками, а затѣмъ, помѣстивъ его голени между двумя тяжелыми колодами и повелѣвъ сильнымъ мужамъ вспрыгивать на оба конца верхней колоды, старался сокрушить ихъ. Такъ промучивъ святаго долгое время и увидѣвъ его непреклонность, судья повелѣлъ снова ввергнуть его въ темницу, а самъ пошелъ къ царю возвѣстить о бывшемъ. Трибунъ же, тюремный начальникъ, былъ тайный христіанинъ. Онъ служилъ узникамъ, страждущимъ за Христа, оказывая имъ всякое снисхожденіе. Онъ и сопутствовавшій святому инокъ, вошедши къ нему въ темницу, утѣшали и ободряли страдальца. Вмѣстѣ съ ними вошли и другіе вѣрующіе во Христа, между прочимъ и

сыновья указаннаго выше Эсдина, царскаго домоправителя, тайнаго христіанина. Они, припадая къ ногамъ мученика, лобызали его оковы и просили, чтобы онъ молился о нихъ Господу. Святый же, будучи смиреннымъ, отсылалъ ихъ отъ себя, признавая себя грѣшнымъ и непотребнымъ, нуждающимся въ чужихъ молитвахъ и помощи. Тогда они брали воскъ и прикладывали къ его веригамъ, чтобы они отобразились на воскѣ. Это они сохраняли у себя въ качествѣ благословенія, для исцѣленія отъ различныхъ недуговъ, а равно пересылали тотъ воскъ другъ другу какъ многоцѣнный даръ. Спустя немного времени тотъ же судья, снова посланный царемъ, пришелъ въ темницу къ мученику Христову и, допросивъ его, призналъ непреклоннымъ противникомъ царской воли: тогда онъ безпощадно избилъ святаго палками. То же произошло и въ третій разъ спустя нѣсколько дней. Тотъ же судья, пришедши въ темницу, билъ святаго, а затѣмъ присоединилъ къ этому и новое лютое мученіе: зацѣпивъ за одну руку и привязавъ огромный камень къ ногѣ, онъ повѣсилъ святаго. Такъ святый страстотерпецъ висѣлъ два часа. Затѣмъ, снявъ святаго, онъ ввергнулъ его въ темницу, а самъ пошелъ къ царю возвѣстить о непобѣдимомъ мужествѣ мученика. При этомъ онъ совѣтовалъ царю поскорѣе казнить святаго, чтобы не было безчестимо болѣе и поносимо Великое Персидское царство однимъ христіаниномъ. Спустя пятнадцать дней царь осудилъ мученика Анастасія на смерть вмѣстѣ со многими другими узниками, бывшими съ нимъ въ темницѣ.

Наканунѣ дня своей кончины святый мученикъ Анастасій, сидя въ темницѣ и предвидя свой близкій конецъ, говорилъ нѣкоторымъ товарищамъ своимъ по заключенію:

— Я, братія, наутро со многими, здѣсь находящимися, скончаюсь и перейду отъ жизни сей въ вѣчность. Вы же останетесь въ живыхъ и, спустя нѣсколько дней, будете выпущены на свободу, ибо этотъ нечестивый царь будетъ вскорѣ убитъ.

Когда наступило утро, пришелъ судія съ воинами и вывелъ изъ темницы на смерть, вмѣстѣ со святымъ Анастасіемъ, до семидесяти узниковъ, среди которыхъ были большею частью благовѣрные христіане. Между ними находились и тѣ два узника, которые вмѣстѣ со святымъ Анастасіемъ въ оковахъ были приведены въ Персію изъ Кесаріи, также христіане. Нѣкоторые же узники были оставлены въ темницѣ,—между ними и тѣ, которымъ святый предсказалъ скорое избавленіе и кончину царя. Изведенныхъ изъ

темницы на смерть привели за городъ, на берегъ рѣки, и тамъ каждаго поодиночкѣ, зацѣпивъ веревкою за гортань, мучительно удавляли. По удавленіи каждаго мучители обращались къ святому Анастасію съ словами:

— Неужели ты хочешь такъ же погибнуть сейчасъ, какъ и они? Не лучше ли тебѣ оказать повиновеніе царской волѣ и, оставшись въ живыхъ, получить отъ царя дары, почести и славу?

Святый, возведя очи свои къ Небу, благодарилъ Бога, а имъ отвѣчалъ:

— Я желалъ бы быть раздробленнымъ вами на части за Христа моего. Эта смерть для меня ничтожна, и я благодарю Господа моего, что этимъ малымъ страданіемъ Онъ даетъ мнѣ возможность перейти къ великой неизреченной славѣ святыхъ мучениковъ.

Такъ святый преподобномученикъ Анастасій послѣ всѣхъ узниковъ съ радостью принялъ смерть, будучи удавленъ въ 22-й день января[1]). Для того же, чтобы удостовѣрить предъ царемъ смерть Анастасія, воины отрѣзали его святую голову и отнесли къ царю, а тѣло его, вмѣстѣ съ трупами прочихъ удавленныхъ, было брошено на съѣденіе псамъ. Но псы, съ жадностью пожирая трупы другихъ, не только не коснулись тѣла святаго, но и замѣтно начали стеречь его, чтобы не коснулся кто-либо другой. Когда же трибунъ, тюремный стражъ, хотѣлъ взять честное тѣло святаго мученика, то ему не дозволили этого издалека стерегшіе воины, такъ какъ многіе изъ нихъ были іудеи по вѣрѣ. Когда настала ночь, приснопамятный инокъ, посланный изъ монастыря къ святому Анастасію, чтобы видѣть кончину его,—взялъ рабовъ у сыновей Эсдина, много золота и чистыя пелены и пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ лежало невредимымъ тѣло святаго между другими трупами, пожираемыми псами. Наполнивъ руки стражей золотомъ, онъ подошелъ къ святому тѣлу Христова мученика, надъ которымъ видима была пресвѣтлая звѣзда, возсіявшая съ неба, и, взявъ его, отнесъ въ находившійся недалеко оттуда небольшой монастырь святаго мученика Сергія. Тамъ онъ похоронилъ съ почетомъ многострадальное тѣло страстотерпца Христова Анастасія, а самъ оставался въ монастырѣ томъ до убіенія царя Хозроя. Когда же царь былъ убитъ, то были выпущены на свободу и тѣ узники, которымъ предсказалъ это святый въ темницѣ предъ своею кон-

---

[1]) Св. мученикъ Анастасій мученически скончался въ 528 году.

чиною. Такимъ образомъ исполнилось двоякое пророчество святаго: о скоромъ убіеніи царя Хозроя и объ освобожденіи узниковъ. Когда греческое войско вступило въ персидскія области, тогда сталъ свободенъ путь сопровождавшему святаго иноку для возвращенія въ свой монастырь. Онъ возвратился и подробно все разсказалъ о преподобномученикѣ Анастасіи настоятелю и всей братіи. Всѣ прославили Бога, укрѣпившаго на страдальческій подвигъ раба Своего. Настоятель монастыря тотчасъ послалъ того же инока и нѣкоторыхъ другихъ съ нимъ, и они принесли оттуда съ почетомъ мощи возлюбленнаго ученика его, Христова мученика, въ тотъ монастырь[1]). Отъ мощей святаго мученика совершались многія чудеса и подавались исцѣленія недуговъ—во славу Христа Бога нашего со Отцемъ и Святымъ Духомъ славимаго во вѣки. Аминь.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

МАНУИЛА, ГЕОРГІЯ, ПЕТРА, ЛЕОНТІЯ, СІОНІЯ, ГАВРІИЛА, ІОАННА, ЛЕОНТА, ПАРОДА

и прочихъ, числомъ 377, съ ними пострадавшихъ

Сіи святые мученики происходили изъ разныхъ областей Римской имперіи и жили въ Адріанополѣ[2]) при императорѣ Львѣ Армянинѣ[3]). Въ то время Болгарскій царь Крумъ опустошилъ Ѳракію и Македонію и подошелъ къ самому Константинополю, затѣмъ послѣ трехмѣсячной осады овладѣлъ Адріанополемъ[4]) и взялъ въ плѣнъ всѣхъ его жителей, уцѣлѣвшихъ отъ избіенія, до сорока тысячъ человѣкъ; въ числѣ ихъ былъ и мѣстный епископъ, котораго язычникъ царь приказалъ стремглавъ бросить на землю и растоптать. Крумъ погибъ злою смертію; преемникъ его Дукумъ умеръ вскорѣ послѣ него, и надъ Болгарами воцарился

---

[1]) Впослѣдствіи мощи св. преподобномученика Анастасія Персянина перенесены были въ Палестину, отсюда—въ Константинополь, а изъ Константинополя—въ Римъ, гдѣ онѣ и донынѣ хранятся (одна часть въ одномъ изъ загородныхъ монастырей, другая—въ церкви Св. Креста).

[2]) *Адріанополь*—городъ въ Ѳракіи (Европейская Турція) при сліяніи Тунджи и Марицы.

[3]) *Левъ Армянинъ, Византійскій императоръ*, царствовалъ съ 813 по 820 годъ.

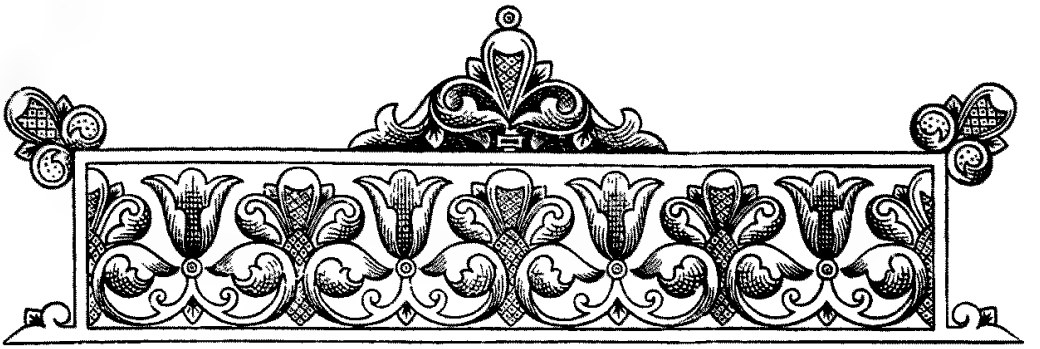
[4]) Въ 814 году.

Диценгъ, властитель грозный и безчеловѣчный. Онъ приказалъ распилить надвое епископа адріанопольскаго Мануила и отрубить у плечъ руки святителя, послѣ чего священные его останки брошены были на съѣденіе псамъ. Гнѣвъ Божій поразилъ изверга слѣпотою, и вскорѣ Диценгъ былъ убитъ своими подданными. Ему наслѣдовалъ Муртагонъ, который сталъ жестоко преслѣдовать христіанъ, не повиновавшихся его повелѣнію—отречься отъ Христа; вѣрныхъ рабовъ Христовыхъ онъ томилъ въ темницѣ, истязалъ пытками и предавалъ смерти въ безчеловѣчныхъ мученіяхъ. Святыхъ епископовъ Георгія Девельтскаго[1]) и Петра, утверждавшихъ свою паству въ Христовой вѣрѣ, безчеловѣчный мучитель предалъ жесточайшимъ палочнымъ ударамъ и потомъ отсѣкъ мечомъ честныя ихъ главы; той же казни вмѣстѣ со святителями подверглись семь христіанъ; усѣчены мечомъ и христіанскіе воеводы Іоаннъ и Леонтъ; святому Леонтію—скопцу, епископу Никейскому, язычники пронзили чрево мечомъ; отъ меча же пріяли мученическую кончину Гавріилъ и Сіоній; Пародъ, благоговѣйнѣйшій пресвитеръ, побитъ камнями. Много и другихъ вѣрныхъ рабовъ Христовыхъ было избито и заключено въ темницы въ это время. И не только свирѣпый Муртагонъ, но и его преемники на болгарскомъ престолѣ жестоко преслѣдовали христіанъ, которые различными истязаніями и мучительною смертію стяжали себѣ вѣчное царство.

Въ тотъ же день память **святаго преподобномученика Анастасія, діакона Печерскаго,** скончавшагося въ концѣ XII вѣка и почивающаго въ пещерѣ преподобнаго Антонія.

---

[1]) *Девельтъ*—нынѣ *Загара* на берегу Чернаго моря.



День двадцать третій

ЖИТІЕ и СТРАДАНІЕ
СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
КЛИМЕНТА,
епископа Анкирскаго, и святаго мученика
АГАѲАНГЕЛА
И ПРОЧИХЪ СЪ НИМИ

Спустя двѣсти пятьдесятъ лѣтъ по Рождествѣ Господа нашего Іисуса Христа, въ царствованіе Валеріана[1]), стольный городъ Галатіи Анкира[2]) возрастилъ отъ честнáго рода святаго мученика Климента—какъ сочную молодую вѣтвь винограда, обильно исполненную гроздія многихъ духовныхъ дарованій. Но родители его не были единовѣрными: отецъ былъ язычникъ, служившій идольскому нечестію, а мать—христіанка, происходившая отъ родителей христіанъ и воспитанная въ христіанскомъ благочестіи и добрыхъ навыкахъ. Имя ее было Евфросинія. Она была

---

1) *Валеріанъ*—Римскій императоръ, царствовалъ съ 253 по 259 г.

2) *Галатія*—небольшая область въ средней части Малой Азіи. *Анкира*—нынѣ *Ангора*—цвѣтущій, многолюдный городъ Галатіи, доселѣ сохраняющій важное торговое значеніе для Малой Азіи.

отдана замужъ по принужденію, и не по своему желанію вступила въ союзъ съ невѣрнымъ мужемъ, такъ какъ родители ея надѣялись на исполненіе словъ святаго Апостола: **ст҃и́тсѧ мꙋ́жъ невѣ́ренъ ѡ҆ женѣ̀ вѣ́рнѣ**[1]). Но не случилось такъ, какъ они надѣялись, ибо мужъ оставался погруженнымъ въ глубины нечестія и объятымъ тьмою идолослуженія. Онъ не только не хотѣлъ обратиться къ свѣту Христову, но и супругу свою Евфросинію всячески пытался увлечь къ своему нечестію. Она также старалась наставить его на путь истины, денно и нощно убѣждая его и показывая ему своимъ примѣромъ спасительный путь жизни, но ничего не успѣла въ этомъ, такъ какъ очерствѣло сердце его. Она молилась Христу о ниспосланіи имъ милости —о томъ, чтобы они, соединенные тѣлеснымъ союзомъ, соединились и духомъ во святой вѣрѣ; если же это невозможно, то чтобы они разлучились и тѣлесно, такъ какъ нѣтъ у нихъ единодушія въ вѣрѣ. Господь нашъ Іисусъ Христосъ, слыша молитвы рабы Своей и милосердуя о ней, вскорѣ освободилъ ее отъ ига невѣрнаго мужа: его, какъ человѣка непотребнаго, ожесточеннаго сердцемъ, Онъ совершенно отвергъ и повелѣлъ перейти ему въ вѣчность. Язычникъ умеръ, оставивъ послѣ себя супругѣ малое первородное дитя мужескаго пола, еще въ колыбели. Блаженная мать его Евфросинія питала его болѣе благочестіемъ, нежели молокомъ, а затѣмъ принесла его ко Христу, просвѣтивъ Святымъ Крещеніемъ. Она дала ему имя Климентъ, что въ переводѣ съ греческаго языка значитъ «виноградная молодая вѣтвь»[2]). Весьма удачно она дала ему это имя, подобно пророчицѣ предвидя, что онъ будетъ отпрыскомъ истинной лозы—Христа, имѣющимъ принести много зрѣлыхъ кистей—душъ человѣческихъ, обращенныхъ ко Христу. Самымъ именемъ она предсказала, что онъ будетъ знаменитымъ исповѣдникомъ пресвятаго Имени Іисуса Христа, прольетъ кровь свою и душу свою за Него положитъ и станетъ страдальцемъ и мученикомъ за Христа. Она учила сына чтенію священныхъ книгъ и доброму поведенію, а равно наставляла его на всякую добродѣтель. Между тѣмъ, какъ отрокъ возрасталъ годами и разумомъ и уже достигалъ двѣнадцатилѣтняго возраста, мать его, святая Евфросинія, приближалась къ блаженной кончинѣ своей. Предузнавъ о послѣдней и уже

---

1) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 7, ст. 14.

2) Отъ греческаго слова κλῆμα—отломанная молодая вѣтвь, молодой побѣгъ, вѣтвь виноградной лозы.

возлежа на одрѣ болѣзни, она желала, чтобы сынъ ея не столько былъ наслѣдникомъ ея скуднаго вещественнаго пріобрѣтенія, сколько наслѣдникомъ невещественнаго, духовнаго богатства ея добродѣтелей. Съ материнскою заботливостью она наставляла его, обнимая и лобызая:

— Дитя мое, дитя возлюбленное, дитя съ колыбели осиротѣвшее и узнавшее о сиротствѣ своемъ прежде, чѣмъ объ отцѣ своемъ! Ты, однако, не осиротѣлъ, сынъ мой, ибо Отецъ для тебя есть Христосъ Богъ, обогащающій тебя Своими дарами. Я родила тебя, сынъ мой, плотію, а Христосъ Богъ возродилъ тебя духомъ. Поэтому знай, что Онъ тебѣ Отецъ; признавай себя Его сыномъ и постарайся, чтобы не напраснымъ было твое усыновленіе Богу. Служи Единому Христу Господу и во Христѣ полагай свои надежды, ибо Онъ поистинѣ есть спасеніе наше и источникъ безсмертія. Онъ съ Небесъ сошелъ къ намъ, чтобы возвести насъ съ Собою на Небо; Онъ сдѣлалъ насъ Своими возлюбленными чадами и установилъ наше общеніе съ Богомъ. Служащій сему Владыкѣ освободится отъ всякихъ діавольскихъ козней, уничтожитъ зміевъ и скорпіоновъ и побѣдитъ всякую вражескую силу. Онъ не только посрамитъ нечестивыхъ царей, князей и мучителей, поклоняющихся идоламъ и бѣсамъ, но и сокрушитъ главы самихъ бѣсовъ, почитаемыхъ ими.

Проливая обильныя слезы во время этой бесѣды, мать святаго исполнилась Божественной благодати и начала пророчески предсказывать имѣющее съ нимъ случиться.

— Умоляю тебя, возлюбленный сынъ,—говорила она,—умоляю, чтобы ты воздалъ мнѣ единственный даръ за всѣ мои болѣзни и заботы о тебѣ, ибо наступаетъ время тяжкое. Уже близко гоненіе, дышащее страшною яростью и угрозами. Поэтому будь, какъ говоритъ Господь нашъ, пред҆ влады́ки и҆ цари̑ веде́нъ ра́ди є҆гѡ̀ [1]). Сынъ, окажи мнѣ эту честь: стань за Христа дерзновенно и мужественно и сохрани крѣпко и непоколебимо исповѣданіе Его Имени. Я же уповаю на Христа моего, о дитя мое! Вскорѣ процвѣтетъ на тебѣ вѣнецъ мученичества въ честь меня и для спасенія многихъ душъ. Приготовь же сердце свое къ подвигу страданія, чтобы не застигло тебя неприготовленнымъ время подвиговъ. Знай, что полезно быть искушаемымъ бѣдствіями, подобно золоту въ гор-

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 18.

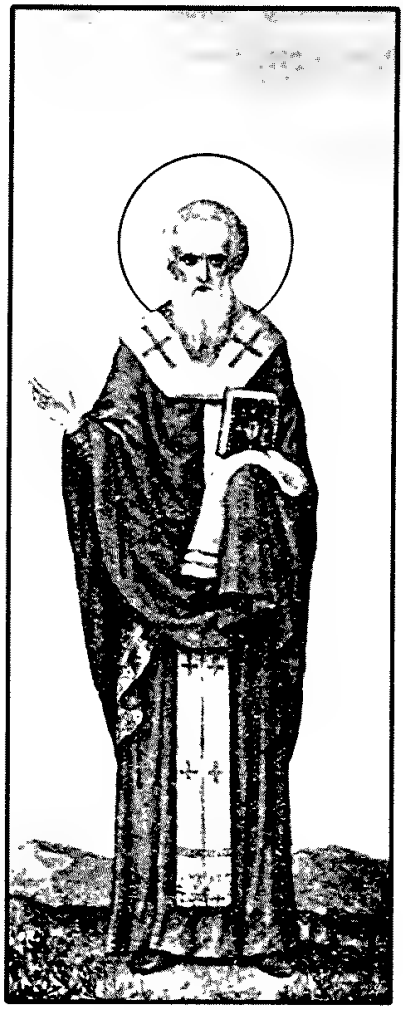
нилѣ. Но ты не бойся: страданіе будетъ временнымъ, а воздаяніе за него—вѣчнымъ; скоро пройдетъ скорбь, и вѣчно продлится радость; кратковременно будетъ безчестіе здѣсь, но вѣчная слава ждетъ тебя у Бога. Козни мучителей и язвы продолжаются одинъ какой-либо день, причемъ ярость царей земныхъ бываетъ осмѣиваема мучениками, слава ихъ увядаетъ, огонь, уготованный ими на Христовыхъ мучениковъ, угашается. Мечъ ихъ поѣдаетъ ржавчина, сила ихъ погибаетъ. Поэтому, нѣтъ ничего такого, что могло бы отлучить тебя отъ Христа Господа; ты же взирай на Небо и оттуда ожидай себѣ великаго, богатаго и вѣчнаго воздаянія отъ Бога. Бойся Его величія, ужасайся Его суда, трепещи всевидящаго ока Его, ибо отвергшіеся Его унаслѣдуютъ уготованный имъ огонь неугасимый и мученія отъ червя неусыпающаго. Тѣхъ же, которые, познавъ славу Божества Его, никогда отъ Него не отпадаютъ, ожидаетъ неизреченное веселіе, радость и утѣшеніе со святыми исповѣдниками. Да будетъ мнѣ отъ тебя, возлюбленнѣйшій сынъ мой, воздаяніемъ за принятые мною при рожденіи твоемъ болѣзни и за труды по воспитанію то, что ты, исшедшій изъ утробы моей, станешь исповѣдникомъ Господнимъ, а я буду называться матерью мученика и прославлюсь чрезъ сына, пострадавшаго за Христа. Поэтому, постарайся претерпѣть за Пострадавшаго за насъ, и ты сподобишься многихъ благъ отъ Него, а я, ради тебя, сподоблюсь общенія со святыми. Вотъ я, сынъ мой, стою у дверей кончины моей; для меня не возсіяетъ завтра этотъ видимый свѣтъ,—но ты—свѣтъ мой о Христѣ и жизнь моя о Господѣ! Поэтому умоляю тебя, сынъ мой, чтобы ты не посрамилъ меня въ надеждахъ моихъ, которыя я имѣю, но да спасусь, по слову Апостола, ради чадородія[1]). Я родила тебя, сынъ мой, чтобы пострадать въ тебѣ какъ въ своемъ собственномъ тѣлѣ. Кровь, принятую отъ меня, пролей не щадя, чтобы и я, ради нея, получила почести. Отдай тѣло свое на раны, чтобы и я возвеселилась о нихъ предъ Господомъ нашимъ какъ бы сама пострадавшая за Него. Одна еврейская женщина нѣкогда семь сыновей принесла Богу въ качествѣ мучениковъ за благочестіе, и, страдая единою душею въ семи тѣлахъ своихъ сыновей, осталась непобѣдимою[2]). Тебя же одного достаточно мнѣ для славы у

---

1) 1 Посл. къ Тимоѳ., гл. 2, ст. 15.

2) Здѣсь разумѣется Соломонія, мать свв. мучениковъ Маккавеевъ: Авима, Антонима, Гурія, Елеазара, Евсевона, Алима и Маркелла. Память ихъ совершается 1-го августа.

Господа моего, если ты будешь ревностно подвизаться за благочестіе. Нынѣ я отхожу отъ тебя и явлюсь ранѣе тебя предъ Богомъ. Я отхожу тѣломъ, но останусь духомъ съ тобою, чтобы сподобиться вмѣстѣ съ тобою припасть къ престолу Христову, похвалиться предъ Нимъ твоими страданіями и увѣнчаться твоими подвигами, ибо и корень дерева, скрытый подъ землею, орошается тою же росою, которою орошаются ясно видимыя на землѣ вѣтви.



Сщ҃енномч҃нкъ Кли́ментъ

Такъ въ теченіе всего дня блаженная мать предъ святою своею кончиною наставляла своего возлюбленнаго сына, обнимая и лобызая его голову, лицо, очи, уста, грудь и руки.

— О, блаженна я нынѣ,—говорила она,—ибо лобызаю члены тѣла мученика!

Послѣ столь обильныхъ наставленіями рѣчей, она, преклонивъ голову, предала душу свою въ руцѣ Господа своего и почила съ миромъ.

Послѣ того какъ естественная мать Климента умерла блаженною кончиною и была погребена, отрокъ Климентъ совершенно осиротѣлъ, имѣя единаго Бога своимъ отцомъ. Богъ, общій промыслитель о всѣхъ, пекущійся о сиротахъ и нищихъ, далъ блаженному Клименту, въ то время еще ребенку, другую мать. Въ томъ же городѣ жила одна благородная, честная и богатая женщина, по имени Софія, подруга матери Климента блаженной Евфросиніи. Софія жила богоугодно, проводя въ молитвѣ день и ночь. Будучи бездѣтною, она приняла къ себѣ вмѣсто сына сего блаженнаго отрока, святаго Климента, и любила его, какъ свое собственное дитя, всячески заботясь о немъ. Въ это время былъ великій голодъ въ Галатіи. Нечестивые язычники бросали дѣтей своихъ при дорогахъ, такъ какъ не имѣли чѣмъ питать ихъ, и сами умирали отъ голода. Тогда святый Климентъ собиралъ тѣхъ

дѣтей въ домъ Софіи, второй своей матери, и питалъ ихъ отъ ея достатковъ,—одѣвалъ, училъ и приводилъ ихъ къ Святому Крещенію. Такимъ образомъ, онъ сдѣлалъ домъ Софіи воспитательнымъ пріютомъ и училищемъ, а сама она стала матерью по Богѣ для многихъ дѣтей—гораздо лучшею, чѣмъ ихъ матери по плоти, ибо она рождала ихъ духовно, воспитывая въ христіанской вѣрѣ.

Святый Климентъ, будучи еще очень юнымъ по возрасту, но уже пріобрѣтя разумъ совершеннаго мужа, началъ отъ юности умерщвлять свою плоть постомъ и воздержаніемъ, живя подобно иноку. Онъ воздерживался отъ мясной пищи, а питался только хлѣбомъ и злаками; питьемъ ему была вода. Въ этомъ онъ уподоблялся тремъ святымъ отрокамъ, тѣла которыхъ, благодаря посту, оставались неповрежденными двойнымъ огнемъ: какъ внутреннимъ—естественной похоти, такъ и внѣшнимъ—горящей печи[1]). Для немногихъ христіанъ, жившихъ тогда въ этой странѣ, блаженный Климентъ былъ какъ бы Божественнымъ свѣтиломъ, просвѣщавшимъ всѣхъ свѣтомъ Богопознанія. Но уже наступало время сему сіяющему свѣтильнику быть поставленнымъ на свѣщницѣ,—святому Клименту, свѣтящему добродѣтелями, взойти на ступень освященія, чтобы просвѣщеніемъ наибольшаго количества людей наставить ихъ на путь спасенія. По Божію промышленію и изволенію и по единогласному избранію всѣхъ, находившихся въ Галатіи, христіанъ онъ поставленъ былъ сначала чтецомъ, а затѣмъ діакономъ и пресвитеромъ. Спустя же два года онъ былъ возведенъ и въ епископскій санъ, будучи еще молодъ годами: ему было тогда не болѣе двадцати лѣтъ. Онъ сталъ вторымъ Даніиломъ[2]), который, будучи юнымъ, превзошелъ старцевъ разумомъ и добродѣтелью и показалъ, что старость опредѣляется не количествомъ лѣтъ, но добродѣтельною жизнію и премудростью. Принявъ епископскій санъ, святый Климентъ сталъ учителемъ не только дѣтей, собравъ которыхъ во множествѣ, училъ книгамъ, но и старцевъ: приводя язычниковъ къ христіанской вѣрѣ и крестя ихъ, онъ все болѣе увеличивалъ Христову Церковь.

Затѣмъ начало сбываться пророчество блаженной матери его Евфросиніи, и началъ сплетаться для него мученическій вѣнецъ. Гонитель христіанъ Діоклетіанъ, вступивъ на римскій престолъ,

---

1) Здѣсь разумѣются три отрока еврейскіе: Ананія, Азарія и Мисаилъ, не сгорѣвшіе въ разжженной вавилонской печи. См.: Кн. Прор. Дан., гл. 1 и 3.

2) Св. Климентъ сравнивается здѣсь съ св. Пророкомъ Даніиломъ.

въ первый годъ своего царствованія разослалъ свои указы во всѣ области Римской имперіи — къ князьямъ и начальникамъ, намѣстникамъ своимъ, къ игемонамъ, воеводамъ и градоначальникамъ, повелѣвая убивать и губить многоразличными видами смерти всѣхъ, исповѣдующихъ Имя Христово. При этомъ въ своихъ посланіяхъ онъ угрожалъ казнями всѣмъ тѣмъ правителямъ и князьямъ, которые осмѣлились бы не вполнѣ ревностно исполнять его указъ объ истребленіи христіанъ, и назначалъ таковымъ подобныя же муки и казни, какъ и христіанамъ; болѣе же ревностнымъ въ мучительствѣ обѣщалъ богатства и почести. Тогда по всѣмъ областямъ и городамъ царскіе намѣстники и правители, одни—изъ опасенія гнѣва царя, а другіе—изъ желанія угодить ему и получить отъ него почести, начали прилагать всякое стараніе, чтобы уничтожить въ государствѣ самое имя христіанъ. Въ это же время прибылъ въ Галатію царскій намѣстникъ Домиціанъ и ревностно разыскивалъ, по царскому повелѣнію, христіанъ—съ цѣлью истребить ихъ. Святаго Климента, епископа Анкирскаго, язычники оклеветали въ томъ, что онъ запрещаетъ многимъ поклоняться великимъ богамъ и приводитъ ко Христу своему. Домиціанъ тотчасъ повелѣлъ схватить его и привести къ себѣ. Сначала онъ пытался ласковыми и льстивыми рѣчами привлечь святаго къ своему нечестію. Онъ говорилъ:

— Клевету, возведенную на тебя, я вовсе не считаю истиною, ибо твое лицо, правдивый взглядъ и кроткій нравъ обнаруживаютъ въ тебѣ человѣка достойнаго, благороднаго, мудраго и разумнаго, а все, сказанное о тебѣ, изобличаетъ дѣтское безуміе клеветниковъ. Скажи же намъ самъ о себѣ: отъ тебя самого мы скорѣе узнаемъ истину, если ты хотя немного что-либо скажешь намъ отъ своей мудрости.

Святый епископъ отвѣтилъ ему:

— Наша премудрость и разумъ есть Христосъ, Сынъ Бога Отца, словомъ Котораго все создано. Отъ Него же мы имѣемъ даръ рѣчи и разумѣнія.

— Вотъ, ты уже,—прервалъ его мучитель,—незамѣтно оскорбилъ насъ, сверхъ всякой надежды, въ самомъ началѣ начавъ пустословить; но я совѣтую тебѣ: оставь всѣ эти безполезные разговоры и принеси жертвы богамъ нашимъ. Знай, что всякаго, унижающаго боговъ, ждутъ муки, а почитающаго ихъ и поклоняющагося имъ ожидаютъ почести. Примѣръ этого ты видишь на насъ: благодаря

почитанію этихъ боговъ мы достигли столь высокаго сана и благодаримъ боговъ за ихъ благодѣянія, воздавая почести почитающимъ ихъ и казня не желающихъ поклоняться имъ.

На эти слова намѣстника святый разсмѣялся и сказалъ:

— Мы, правитель, думаемъ совершенно наоборотъ словамъ твоимъ. Ваши дары мы признаемъ ничтожествомъ, вашъ почетъ—безчестіемъ и высокій санъ—работою плѣнника. Напротивъ, безчестіе, угрозы, мученія доставляютъ намъ радость и утѣшеніе, и что больше всего — соединятъ насъ съ Богомъ. Зная это, ты не надѣйся отвратить насъ отъ благочестія—ни обѣщаніемъ почестей и даровъ, ни угрозами мученій.

Такія слова святаго вызвали гнѣвъ Домиціана. Пристально взглянувъ на святаго, онъ сказалъ:

— Какъ вижу, я возбудилъ въ тебѣ гордость, кротко бесѣдуя съ тобою, и это неудивительно, ибо, какъ я слышалъ, ты, постоянно пребывая съ дѣтьми, подобно имъ и разумъ дѣтскій имѣешь. Однако, знай, что если ты не умилостивишь боговъ жертвами, то будешь казненъ смертію, притомъ не такою, какою ты надѣешься скоро умереть, но прежде примешь многія и различныя муки, а затѣмъ въ страданіяхъ умрешь отъ самой тяжкой казни. Итакъ, будучи нечестивымъ, ты тяжко пострадаешь, и послужишь для другихъ примѣромъ, чтобы и они вынесли поученіе для себя отъ твоей страшной гибели.

Святый Климентъ отвѣтилъ на это:

— Такъ какъ ты напомнилъ мнѣ о дѣтяхъ, то знай, что я прилагалъ стараніе научить дѣтей той премудрости, которой не знаютъ у васъ старѣйшіе и мудрѣйшіе мужи, ибо истинная Божія премудрость сокрыта отъ премудрыхъ и разумныхъ міра сего и открыта для младенцевъ. Я же съ гордостью утверждаю, что приношу Богу моему разумныя и словесныя жертвы, а не такъ, какъ ваши жрецы приносятъ потоки крови, дымъ и всякую мерзость, чѣмъ вы и ублажаете почитаемыхъ вами боговъ. Когда же я пролью кровь свою за Бога моего и принесу Ему ее въ жертву, то, если и не вполнѣ, по крайней мѣрѣ отчасти воздамъ Господу моему за пролитіе Имъ крови за меня, ибо Христосъ, Царь мой, искупилъ меня Своею честно́ю кровію.

Когда мученикъ съ большимъ дерзновеніемъ изложилъ эту рѣчь, намѣстникъ оставилъ свою притворную кротость и ясно обнаружилъ свои природныя—свирѣпость и безуміе. Онъ повелѣлъ

повѣсить святаго на деревѣ нагаго, а затѣмъ строгать и рѣзать его тѣло острыми желѣзными орудіями. Исполняя приказанное, слуги кричали мученику, чтобы онъ не пренебрегалъ царскимъ повелѣніемъ. Они взрывали на тѣлѣ святаго глубокія борозды, точно на нивѣ, такъ что тѣло его отваливалось кусками; уже виднѣлись ясно его внутренности; сами мучители не могли равнодушно смотрѣть на это. Онъ же нисколько не поколебался умомъ, не измѣнилъ выраженія лица своего, не испустилъ ни одного звука отъ нестерпимой боли, не сказалъ ни одного слова жалобы, даже не застоналъ при столь тяжкихъ мученіяхъ. Онъ былъ крѣпче и мужественнѣе, нежели тѣ, которые смотрѣли на такія его мученія. Казалось, онъ менѣе страдалъ, чѣмъ мучители его. Онъ спокойно благодарилъ Подвигоположника — Христа Бога, съ радостнымъ лицомъ взирая на Небеса и говоря:

Ст҃ый мч҃нкъ
А҆гаѳаггѐлъ

— Слава Тебѣ, Христе, свѣтъ мой и жизнь, дыханіе мое и радость! Благодарю Тебя, Податель жизни, что удостоилъ меня такого спасенія. Возрадовалась душа моя на пути исполненія заповѣдей Твоихъ. Пріятно мнѣ всякое страданіе за любовь Твою. Слава Тебѣ, что Ты укрѣпляешь меня терпѣніемъ! Ты простеръ ко мнѣ, грѣшному, Свою всесильную руку, избавляя меня отъ ярости правителя и отъ рукъ мучителей моихъ, ибо Ты Самъ—прибѣжище для всѣхъ скорбящихъ.

Когда святый молился такъ, мучители его ослабѣли и прекратили мученія. Видя бездѣйствіе слугъ, намѣстникъ сказалъ мученику:

— Не думаешь ли ты, что я побѣжденъ уже твоимъ терпѣніемъ, если въ одинъ часъ утомились мои слуги?

Святый отвѣчалъ:

— Я не думаю такъ, но вѣрую и надѣюсь на пребываю-

щаго во мнѣ Христа, ибо Онъ побѣдилъ, побѣждаетъ и будетъ побѣждать всякаго врага.

Тогда намѣстникъ повелѣлъ другимъ слугамъ приступить ко святому и сильнѣе первыхъ терзать его тѣло. Они такъ же мучили непобѣдимаго страдальца долгое время, пока и сами не изнемогли и не стали, какъ мертвые. Намѣстникъ, смотря на это и то удивляясь, то стыдясь безсилія слугъ своихъ, повелѣлъ снять мученика съ дерева. Святый имѣлъ такой видъ, что смотрѣть на него было страшно, а руками прикоснуться и невозможно. Онъ былъ совершенно обнаженъ отъ тѣла, какъ отъ какой-либо одежды; только однѣ кости его виднѣлись въ крови, и едва можно было признать въ немъ человѣка. Намѣстникъ, видя, что мученіями ничего не достигнешь, снова началъ бесѣдовать съ мученикомъ кроткими словами. Онъ же, бодро возражая мучителю, какъ это и приличествовало мужественному воину Христову, снова привелъ его въ ярость. Тогда Домиціанъ громко воскликнулъ:

— Поистинѣ дерзокъ этотъ человѣкъ! Бейте его по лицу и по устамъ, ибо эти части тѣла его еще цѣлы; потому-то и отвѣчаютъ они такъ дерзко. Пусть же будутъ они подобны и всему тѣлу. Бейте ихъ безпощадно.

Тогда слуги стали сильно бить святаго ладонями по лицу и по устамъ, такъ что онъ упалъ на землю отъ сильныхъ ударовъ; но и послѣ того на землѣ они били немилосердно камнями въ уста его и сокрушили ему зубы. Мученикъ же, радуясь, говорилъ:

— Ты, правитель, скорѣе оказываешь мнѣ почесть, чѣмъ мучаешь, ибо и Господь мой Іисусъ Христосъ былъ битъ по устамъ и заушаемъ по ланитамъ, и я, недостойный, сподобился нынѣ того же. Стефанъ первомученикъ былъ побитъ камнями, и я украсился тѣмъ же. Мнѣ приноситъ облегченіе въ моихъ мукахъ то, что я вижу себя подражателемъ страстей Христа моего. Облегчаетъ мнѣ всѣ страданія и то, что я сподобляюсь одинаково великой чести съ бо́льшими и лучшими меня, будучи участникомъ въ тѣхъ же страданіяхъ.

Мучитель, удивляясь такому величію духа мученика, повелѣлъ отвести его въ темницу. Полагая же, что онъ не будетъ въ силахъ идти самъ, такъ какъ все тѣло его представляло сплошную язву, повелѣлъ слугамъ нести его за руки и ноги. Но святый отстранилъ хотѣвшихъ взять его, всталъ и пошелъ самъ, укрѣпляемый силою Христовою, воспѣвая слова Псалма: **є҆ле́й же грѣ́шнагѡ да не нама́-**

ститъ главы моея[1]). Видя это, намѣстникъ сказалъ окружающимъ его:

— О, каково терпѣніе и каково мужество этого человѣка! Такимъ слѣдовало бы быть царскими воинами, чтобы они были выше всякихъ бѣдствій. Не подобаетъ мнѣ судить его снова; отошлю я его къ царю Діоклетіану, ибо развѣ только самъ онъ будетъ въ силахъ одолѣть его, такъ какъ очень искусенъ въ мучительствѣ. Онъ всегда изобрѣтаетъ такія мученія и казни, что весь городъ Римъ трепещетъ его суда.

Спустя нѣсколько дней святый, находясь въ темницѣ, благодатію Христовою, исцѣлился отъ ранъ и сталъ здоровымъ. Тогда намѣстникъ послалъ его въ Римъ, къ царю Діоклетіану, написавъ подробно о немъ. Когда святый выходилъ изъ города, ведомый воинами, онъ молился Богу такъ:

— О Боже, Царю Неба и земли и всей вселенной, Единый, все наполняющій и не оставляющій безъ промышленія ни одного мѣста! Въ руцѣ Твои я предаю этотъ городъ; сохрани его и души всѣхъ вѣрующихъ въ Тебя. Сохрани и Церковь Твою невредимою, чтобы псы и волки не разогнали въ этомъ городѣ малаго стада Твоего. Не дай погибнуть или уменьшиться числу словесныхъ овецъ Твоихъ, но еще болѣе умножь ихъ ради славы святаго Имени Твоего. Не удаляй меня совершенно отъ города сего, но, пребывая со мною въ пути и во время страданій моихъ, снова возврати меня сюда, какъ нѣкогда возвратилъ Іакова въ домъ отца его и избавилъ его отъ руки Исава,—какъ повелѣлъ нѣкогда людямъ Своимъ изнести изъ Египта кости Іосифа и положить ихъ въ отеческомъ гробу[2]), дабы прославилось Имя Твое во вѣки вѣковъ.

Послѣ этой молитвы святый былъ отправленъ въ путь.

Когда онъ былъ приведенъ въ Римъ и поставленъ предъ нечестивымъ царемъ, царь сильно удивлялся, видя сіяніе на лицѣ мученика и его тѣлесную крѣпость. Онъ не хотѣлъ вѣрить письму Домиціана, сообщавшему, какія страданія претерпѣлъ этотъ христіанинъ. Онъ видѣлъ, что святый здоровъ тѣломъ и веселъ лицомъ, какъ будто никогда не переносилъ никакихъ бѣдствій. Онъ спрашивалъ:

— Ты ли это, славный Климентъ, претерпѣвшій столь великія муки?

---

1) Псал. 140, ст. 5.

2) Кн. Быт., гл. 36; Кн. Исх., гл. 13, ст. 19.

Затѣмъ онъ повелѣлъ предложить святому, съ двухъ сторонъ, многія и различныя вещи, взаимно противоположныя: съ одной стороны—много золота и серебра, царскіе указы, дарующіе великомученику высокія почести, драгоцѣнныя одежды, всякія богатства и отличія, а съ другой стороны—орудія мученія: желѣзныя клещи и когти, желѣзные одры съ гвоздями, острыя бритвы, раскаленные угли, накаленные докрасна котлы и шлемы, заостренные колы, колеса, тяжелыя цѣпи и прочія безчисленныя орудія мученія. Когда было предложено это мученику, царь, взглянувъ на него и указывая рукою на золото и богатые дары, сказалъ:

— Это дарятъ тебѣ боги наши, если ты, обратившись къ нимъ, начнешь почитать ихъ поклоненіемъ и жертвами.

Святый отвратилъ глаза свои отъ этихъ даровъ — какъ отъ вещей ничтожныхъ, скверныхъ и смрадныхъ, даже недостойныхъ созерцанія, и сказалъ со вздохомъ:

— Да будутъ эти дары боговъ вашихъ на погибель вамъ!

Тогда царь, грозно взглянувъ, указалъ рукою на орудія мученія и сказалъ святому:

— Это уготовано для невѣрующихъ въ нашихъ боговъ.

На это мужественный Христовъ мученикъ отвѣтилъ ему:

— Если ты думаешь, что изобрѣтенныя тобою мученія страшны, то зачѣмъ ты пренебрегаешь тѣми мученіями, которыя уготовалъ Богъ для невѣрующихъ въ Него? Равнымъ образомъ, если дары ваши представляются заманчивыми, достойными удивленія и почетными тѣмъ, которые ищутъ земныхъ благъ, то во сколько разъ достойнѣе дары, воздаваемые на Небѣ, которые уготовалъ Богъ любящимъ Его, ꙗ҆́хже ѻ҆́ко не ви́дѣ, и҆ ᲂу҆́хо не слы́ша, и҆ на се́рдце человѣ́кꙋ не взыдо́ша[1]). Золото и серебро—суть безплодная земля, и добываются людьми для внѣшняго украшенія. Ихъ измѣняютъ огонь и желѣзо, поѣдаетъ ржавчина, уничтожаетъ треніе; ихъ отнимаютъ разбойники и крадутъ воры. Свѣтлыя одежды суть дѣло червя (шелковичнаго) и пища для моли; онѣ изготовляются изъ шерсти, по необходимости отнимаемой у безсловесныхъ животныхъ. Тѣмъ, которые дѣлаютъ одежды, нужно удивляться болѣе, чѣмъ вамъ, украшающимся ими, ибо они, благодаря нѣкоему искусству, создаютъ вещь, превращая худшее въ лучшее; между тѣмъ, такіе художники презираются, какъ простые и ничтожные люди.

---

[1]) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 2, ст. 9.

Наоборотъ, тѣ, которые украшаютъ себя ихъ издѣліями, гордятся и превозносятся, хотя и заимствуютъ свою пышность отъ ничтожныхъ безсловесныхъ животныхъ. Дары же благаго Бога нашего не заимствованы ни отъ кого, но суть Его собственныя и неизмѣнныя достоянія, пребывающія въ Немъ по Его изволенію, а не вслѣдствіе человѣческаго искусства. Они имѣютъ славу безмѣрную и достоинство вѣчное; они не боятся какого-либо измѣненія отъ продолжительности времени; ихъ не съѣдаетъ моль и не портитъ тлѣніе, и даже въ безконечные вѣки они не могутъ обветшать.

Діоклетіанъ сказалъ ему на это:

— Хорошо ты говоришь, но плохо разумѣешь. Я потому стараюсь привести тебя къ познанію боговъ и ради того кротко бесѣдую съ тобою, убѣждая тебя, чтобы ты не надѣялся на смертнаго человѣка,—что Тотъ, Котораго вы почитаете какъ Христа, претерпѣвъ отъ Іудеевъ множество мученій, наконецъ былъ убитъ и умеръ,—а боги наши всегда безсмертны и никогда не страдали.

Святый отвѣчалъ:

— Справедливо ты говоришь, царь, что боги ваши безсмертны и безстрастны, ибо какъ они могли бы умереть, если они никогда не жили? Какъ они могли бы пострадать, если они безчувственны? Развѣ ты не знаешь, что они послѣ біенія и ковки, рѣзанія и тренія вышли изъ рукъ человѣческихъ? Въ самомъ дѣлѣ, каменные боги ваши выбиты топоромъ и скобелемъ, деревянные вырѣзаны ножомъ и пилой, а мѣдные и желѣзные выкованы молотомъ; немало и другихъ безчестій, біеній и оскорбленій они приняли,—однако, остались безчувственными. Подлинно, они безсмертны, потому что никогда не жили, а сокрушаются они такъ, какъ будто никогда ранѣе и не существовали. Господь же мой и Богъ, Іисусъ Христосъ, по естеству человѣческому изволилъ умереть плотію, чтобы спасти міръ и уничтожить самую смерть Своею Божественною силою. Сотворивъ это, Онъ воскресъ въ третій день и даровалъ намъ для вѣчной жизни Себя Самого.

Діоклетіанъ, слушая эту свободную и дерзновенную рѣчь святаго, сильно разгнѣвался и повелѣлъ привязать его къ колесу нагаго, вращать колесо и бить святаго желѣзными палками. При вращеніи колеса, когда святый былъ наверху, его били палками, а когда оказывался внизу, гдѣ нарочно было устроено слишкомъ узкое пространство, тамъ былъ сильно терзаемъ острымъ коломъ, такъ что кости его ломались, а тѣло его, отросшее послѣ пер-

выхъ мученій, отваливалось. Мучимый въ теченіе многихъ часовъ, Христовъ мученикъ молился такъ:

«Господи, Іисусе Христе! Помоги мнѣ и облегчи мои муки,— устрани лютую боль, ибо, на Тебя надѣясь, я отдалъ себя на раны. Помоги мнѣ, какъ нѣкогда помогъ святому Апостолу Твоему Павлу, и воззри на плоть мою, сильно изъязвленную! Я же желаю быть невредимымъ и здравымъ ко славѣ и исповѣданію святаго Имени Твоего и для принятія за Тебя бо́льшихъ мукъ—въ посрамленіе и безславіе нечестивыхъ. Укрѣпи меня ради Имени Твоего, ибо я возложилъ упованіе на Тебя, Подателя жизни!»

Въ то время какъ святый молился такимъ образомъ, колесо остановилось неподвижно, а вращавшіе его утомились и изнемогли. Святый же, отвязанный невидимою рукою, снова сталъ невредимъ всѣмъ тѣломъ и здравъ. Многіе, собравшіеся тамъ, видя это, восклицали съ изумленіемъ:

— Великъ Богъ христіанскій!

А святый Климентъ, эта истинная лоза Христова винограда, уразумѣвъ духомъ, что отъ его страдальческихъ подвиговъ могутъ произойти многія гроздія, громогласно возсылалъ Богу хвалу, восклицая:

— Благодарю Тебя, Боже, Отецъ Небесный, за то, что Ты удостоилъ меня страдать въ этомъ великомъ городѣ за Единороднаго Сына Твоего, пострадавшаго за насъ и пролившаго драгоцѣнную кровь Свою для искупленія нашего,—Котораго здѣсь святый Петръ проповѣдывалъ, Павелъ возвѣщалъ, соименный мнѣ Климентъ прославилъ, а равно и Онисимъ исповѣдалъ[1]). Они и пострадали за Него, и умерли, а нынѣ прославляются на Небѣ, почитаются многими на землѣ, и еще бо́льшимъ числомъ людей скоро будутъ прославляемы превыше царей земныхъ. Сами цари вѣрные будутъ поклоняться имъ.

Святый говорилъ это, возвѣщая наступающее время, когда поклоненіе идоламъ исчезнетъ, какъ тьма, а вѣра Христова возсіяетъ, какъ солнце, и просвѣтитъ всю вселенную. Эти слова святаго жгли сердце мучителя Діоклетіана, какъ пламя, и возбуждали въ немъ еще бо́льшую ярость. Не обращая никакого вниманія на содѣланное Божіею силою чудо и ослѣпленный злобою, онъ распалился еще большею лютостью мучительства. Онъ велѣлъ

[1]) Здѣсь разумѣются свв. Апостолы Петръ и Павелъ, и изъ лика семидесяти апостоловъ: Климентъ, Папа Римскій (память 25 ноября), и Онисимъ (память 15 февраля).

бить по устамъ святаго толстыми желѣзными палками и сокрушить ему зубы. Святый же и во время этого истязанія не переставалъ говорить, раздражая мучителя, хотя ему и запрещали это слуги, повелѣвая молчать. Но, подобно мѣди, въ которую чѣмъ сильнѣе ударяютъ, тѣмъ болѣе ясный звукъ она издаетъ, мученикъ Христовъ, чѣмъ болѣе ему запрещали говорить, сокрушая уста и зубы желѣзомъ, тѣмъ громче взывалъ, говоря то, что служило къ славѣ Божіей и къ посрамленію гордаго мучителя. Когда, наконецъ, самъ Діоклетіанъ утомился и изнемогъ отъ ярости, онъ повелѣлъ оковать мученика желѣзными цѣпями и ввергнуть въ народную темницу.

Когда святый сидѣлъ въ темницѣ, пришло къ нему въ вечернее время множество народа — мужи и благоразумныя женщины съ дѣтьми, бывшіе на площади во время казни и видѣвшіе мужество святаго. Они единодушно припадали къ его святымъ ногамъ и просили Святаго Крещенія. Святый благодарилъ Бога за то, что при столь тяжкомъ гоненіи число исповѣдниковъ Его умножалось. Онъ немедленно приступилъ къ наученію ихъ святой вѣрѣ во Христа и крестилъ всѣхъ отъ мала до велика, ибо въ темницѣ этой было достаточно воды. При этомъ онъ воспѣвалъ радостно: **блже́ни, и҆́хже ѡ҆ста́вишасѧ беззакѡ́нїѧ, и҆ и҆́хже прикры́шасѧ грѣсѝ** [1]). Когда наступила полночь, великій свѣтъ съ Неба освѣтилъ эту темницу, и всѣ, смотрѣвшіе вверхъ, увидѣли прекраснаго юношу, сіяющаго молніеносною одеждою и съ распростертыми крыльями сходящаго къ святому мученику. Приблизившись къ нему, юноша далъ ему въ руки чистый хлѣбъ и чашу вина и тотчасъ сталъ невидимъ. Святый Климентъ, уразумѣвъ, что это—Тѣло и Кровь Христовы, сотворилъ обычныя молитвы и подалъ всѣмъ новокрещеннымъ причастіе Божественныхъ Таинъ, когда уже стало свѣтать. Приходили къ нему вѣрующіе и во всѣ послѣдующіе дни, приводя съ собою многихъ, жаждавшихъ Святаго Крещенія. Такъ умножалось Христово стадо, а темница стала какъ бы церковью, въ которой возсылались хвалы Богу. Видя это, стражи возвѣстили о томъ царю. И вотъ, когда ночью собралось ко святому множество вѣрующихъ, пришли, по повелѣнію царя, воины и, захвативъ всѣхъ, вывели ихъ за городъ, какъ овецъ, на закланіе. Предъ усѣченіемъ головы каждаго спрашивали:

---

[1]) Псал. 31, ст. 1.

— Отрекаешься ли ты отъ Христа, чтобы остаться въ живыхъ?

И не нашлось ни одного, кто устрашился бы смерти; напротивъ, всѣ предпочитали умереть за Господа своего. Тогда было усѣчено за Христа многое множество мужей, женъ и дѣтей. Одинъ только юноша избѣжалъ рукъ палачей—не изъ боязни смерти, а вслѣдствіе желанія претерпѣть большія мученія за Истиннаго Бога. Имя этому юношѣ, о которомъ рѣчь предлежитъ ниже, было—Агаѳангелъ.

Послѣ этого Діоклетіанъ опять призвалъ святаго на судъ и подвергъ его продолжительнымъ и лютымъ пыткамъ: сначала, обнаживъ и протянувъ на землѣ, долго и крѣпко били воловьими жилами, а затѣмъ, повѣсивъ, строгали желѣзными когтями, пока не обнажились кости и пока все тѣло не было острогано. Святый же говорилъ мучителю:

— Это тѣло, которое вы строгаете,—не то, что вышло изъ утробы матери; то уже давно и совершенно снято съ костей намѣстникомъ Домиціаномъ. Въ это же новое тѣло облекъ меня Христосъ, мой Создатель. А такъ какъ вы стараетесь острогать его отъ костей моихъ, то я вѣрую Христу моему, что Онъ снова облечетъ меня въ такую же плоть, по Своему всемогуществу: ибо въ самомъ дѣлѣ, развѣ не будетъ недостатка въ глинѣ для горшечника? Напротивъ, не найдется ли для него изобилія въ матеріалѣ?

Затѣмъ мучитель повелѣлъ опалять свѣчами бока его, но святый все съ радостію терпѣлъ за Сладчайшаго Іисуса. Діоклетіанъ, удивляясь терпѣнію и мужеству мученика, говорилъ окружающимъ:

— Многихъ окаянныхъ изъ христіанъ я замучилъ и не видѣлъ еще ни одного такого непобѣдимаго. Теперь пошлю его въ Никомидію къ Максиміану, какъ нѣчто новое, никогда не видѣнное и не слыханное. Пусть и онъ подивится непобѣдимости въ мукахъ этого тѣла! Я думаю, что и онъ никогда не встрѣчалъ такого твердаго умомъ и крѣпкаго тѣломъ.

Онъ повелѣлъ связать святаго и, посадивъ на корабль, везти въ Никомидію къ другому царю—Максиміану[1]), причемъ написалъ къ нему обо всемъ, что святый Климентъ претерпѣлъ отъ него

[1]) *Максиміанъ II Галерій*, зять и соправитель императора Діоклетіана до 305 г., самостоятельно царствовавшій затѣмъ до 311 г.

въ Римѣ, а ранѣе того—отъ Домиціана въ Анкирѣ. Когда святый долженъ былъ вступить на корабль, упомянутый выше Агаѳангелъ, убѣжавшій ночью отъ рукъ воиновъ, убивавшихъ мечами за городомъ Христово стадо, ранѣе его незамѣтно вошелъ на корабль и ожидалъ святаго Климента. Когда святый былъ уже введенъ, онъ припалъ къ его ногамъ и, повѣдавъ о себѣ, что онъ крещенъ святымъ, разсказалъ ему все о гибели вѣрующихъ и о своемъ бѣгствѣ, разъяснивъ, что онъ ради того пришелъ къ святому, чтобы претерпѣть съ нимъ за Христа Господа всякія муки и вмѣстѣ умереть. Святый Климентъ возрадовался о блаженномъ Агаѳангелѣ, видя его ревность и любовь ко Христу Богу, а самое прибытіе его считалъ какъ бы пришествіемъ Ангела Божія. Онъ воздавалъ благодареніе Владыкѣ всѣхъ и просилъ у Него укрѣпленія и помощи, дабы Онъ подалъ молодому юношѣ мужество и силу претерпѣть до конца и сподобиться вѣнца мученическаго.

Во время плаванія святые пребывали въ молитвѣ день и ночь и вовсе не принимали пищи. Святый Климентъ совершенно не заботился объ этомъ и говорилъ:

— Я имѣю хлѣбъ въ сердцѣ моемъ—Самого Іисуса Христа, а потому не взалкаю; я имѣю живую воду—благодать Христову, а потому не возжаждаю вовѣки.

Воины, видя, что Климентъ и Агаѳангелъ не ѣдятъ и не пьютъ въ теченіе многихъ дней, сжалились надъ ними и предлагали имъ хлѣбъ и воду. Они похвалили воиновъ за это доброе дѣло, но пищи и питья не приняли отъ нихъ, сказавъ, что ихъ питаетъ Промыслитель о всѣхъ Богъ: Ангелъ Господень приносилъ имъ ночью съ Неба пищу и укрѣплялъ ихъ. Послѣ продолжительнаго плаванія они пристали къ острову Родосу [1]). Въ то время какъ многіе выходили съ корабля въ городъ купить пищи, святые умоляли оставшихся воиновъ отпустить ихъ въ христіанскую церковь, чтобы причаститься Божественныхъ Таинъ, животворящаго Тѣла и Крови Христовыхъ, ибо день былъ воскресный. Епископъ этого острова, боголюбивый Фотинъ, услышавъ о святомъ Климентѣ, пришелъ съ своимъ клиромъ и съ прочими христіанами и просилъ начальника воиновъ освободить отъ оковъ

---

1) *Родосъ*—большой островъ въ юго-западной части Эгейскаго моря (Архипелага), отдѣляющійся отъ южнаго берега малоазійской области Каріи только довольно узкимъ проливомъ.

Климента и отпустить его къ нимъ на малое время вмѣстѣ съ ученикомъ его Агаѳангеломъ. Онъ обѣщалъ безъ замедленія снова привести ихъ на корабль. Святый Климентъ былъ отпущенъ по просьбѣ епископа. Святыхъ ввели въ небольшую церковь, такъ какъ и христіанъ тогда на островѣ этомъ было мало. Когда епископъ повелѣлъ совершить чтеніе изъ Божественнаго Евангелія, то клирикъ раскрылъ книгу и началъ читать слѣдующія открывшіяся слова: не оу҆бо́йтеса ѿ оу҆бива́ющихъ тѣ́ло, дꙋши́ же не могꙋ́щихъ оу҆би́ти [1]). Слыша это, святые возвели очи свои вверхъ со вздохомъ, а христіане, стоявшіе въ церкви, смотря на нихъ, стали плакать, такъ что вся церковь наполнилась стенаніями и воплями. Тогда епископъ сталъ просить святаго Климента совершить Божественную Литургію. Когда святый священнодѣйствовалъ, нѣкоторые изъ клириковъ и даже изъ простыхъ людей, которые были достойны, видѣли на дискосѣ большой уголь, сильно раскаленный и горящій. Отъ него исходилъ несказанный блескъ, который освѣщалъ святаго и предстоящихъ, а надъ алтаремъ были видимы святые Ангелы, парящіе по воздуху. Видѣвшіе это чудо пали ницъ на землю и не смѣли взирать на святаго. По совершеніи службы, епископъ Фотинъ взялъ святыхъ и прочихъ христіанъ къ себѣ въ домъ и предложилъ угощеніе. Многихъ больныхъ приводили и приносили къ святому Клименту — не только изъ вѣрующихъ, но и изъ язычниковъ. Всѣхъ ихъ мученикъ Христовъ исцѣлялъ молитвою и крестнымъ знаменіемъ. Поэтому множество язычниковъ начали явно исповѣдывать, что Христосъ есть Истинный Богъ, и просили крещенія. Воины, видя, что стекается множество народа къ святому Клименту, испугались, чтобы народъ не отнялъ у нихъ узника и не совершилъ на нихъ нападенія. Поэтому, взявъ святаго, повели его на корабль и снова возложили на него оковы. Вѣрующіе провожали его со слезами и рыданіями, не желая разставаться съ нимъ. Наконецъ, простившись со святымъ и облобызавъ узы Климента, они возвратились, такъ какъ воины побуждали поскорѣе плыть оттуда. При помощи попутнаго вѣтра они переплыли Эгейское море и достигли Никомидіи.

Жившій въ Никомидіи нечестивый царь Максиміанъ, получивъ письмо Діоклетіана и увидѣвъ мученика, удивлялся его великому терпѣнію и не побѣдимому никакими муками мужеству.

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 28.

Но самъ онъ боялся истязать его, чтобы не быть посрамленнымъ, а потому передалъ его для истязанія воеводѣ Агриппину; самъ же показалъ видъ, что очень занятъ другими государственными дѣлами. Агриппинъ, призвавъ къ себѣ на судъ святыхъ, обратился къ Клименту:

— Ты ли Климентъ?

— Я—рабъ Христовъ,— отвѣчалъ мученикъ.

Воевода повелѣлъ бить его кулаками по устамъ, говоря:

— Почему ты не называешь себя рабомъ царскимъ, а Христовымъ?

Святый же, подвергаемый побоямъ, отвѣчалъ:

— Слѣдовало бы и вашимъ царямъ быть рабами Христовыми; тогда было бы мирно ихъ царствованіе и всѣ народы покорилъ бы ихъ власти Христосъ мой.

Тогда воевода, посмотрѣвъ на святаго Агаѳангела, спросилъ:

— А ты кто такой? О тебѣ ничего не написано въ письмѣ Діоклетіана.

Агаѳангелъ, воззрѣвъ на Небо, сказалъ:

— Я—христіанинъ, а сподобился я имени христіанина чрезъ сего слугу Божія Климента.

Воевода сказалъ на это:

— Значитъ, онъ виновникъ твоего заблужденія и ожидающей тебя лютой смерти.

Затѣмъ онъ велѣлъ повѣсить святаго Климента нагаго и рѣзать бритвами его тѣло, а святаго Агаѳангела, также нагаго, велѣлъ сильно бить жилами. Святый Климентъ во время мученій молился Богу, дабы Онъ укрѣпилъ Агаѳангела въ его страданіяхъ. Послѣ этихъ мученій воевода повелѣлъ обоихъ страдальцевъ ввергнуть въ темницу. Въ темницѣ находилось множество другихъ узниковъ, осужденныхъ за различныя вины. Они, видя усердныя молитвы святыхъ къ Богу и созерцая, что Ангелы Божіи посѣщали и утѣшали рабовъ Христовыхъ, умилились сердцемъ и, припадая къ ногамъ ихъ, просили, чтобы они привели ихъ къ Богу своему. Случилось, по Божію усмотрѣнію, что тамъ было достаточно воды для крещенія. Наставивъ ихъ въ вѣрѣ христіанской, святый Климентъ крестилъ всѣхъ, затѣмъ отверзъ темницу молитвою и отпустилъ ихъ, говоря:

— Выйдите, чада, и спаситесь отъ рукъ нечестивыхъ. Да сохранитъ васъ Господь Іисусъ Христосъ!

Наутро воевода Агриппинъ, узнавъ объ освобожденіи узниковъ, сильно разгнѣвался на святаго и, устроивъ высокій помостъ, отдалъ ихъ на съѣденіе звѣрямъ. Но звѣри не причинили вреда святымъ; напротивъ, они ласкались къ нимъ, какъ домашніе псы къ своимъ господамъ. Тогда мучитель повелѣлъ: раскаленными желѣзными рожнами вращать каждый палецъ на рукахъ мучениковъ до самаго локтя. Видя это, народъ не могъ переносить такого мучительства и требовалъ отъ воеводы съ угрозами, чтобы онъ отпустилъ невинныхъ. Но воевода разгнѣвался еще больше и повелѣлъ другими остроконечными раскаленными орудіями вращать руки ихъ до плечъ. Тогда негодующій народъ, схвативъ каменья, бросалъ въ воеводу и громогласно восклицалъ:

— Великъ Богъ христіанскій!

Воевода, убоявшись волненія и ропота народнаго, бѣжалъ и скрылся въ своемъ домѣ, а святые мученики совершенно безпрепятственно пошли на гору, называемую Пирамисъ, на которой язычники обычно приносили жертвы своимъ богамъ. Тамъ они, войдя въ языческое капище, молитвою сокрушили идоловъ и изгнали оттуда бѣсовъ. Спустя нѣсколько дней воевода узналъ о мѣстопребываніи святыхъ и пошелъ туда со жрецами и съ войсками своими. Тамъ онъ крѣпко избилъ святыхъ мучениковъ толстыми палками и, сокрушивъ ихъ кости, повелѣлъ зашить въ мѣшокъ каждаго особо, вмѣстѣ съ положенными туда камнями, и бросить съ горы въ море. Святые, скатившись въ мѣшкахъ по горной стремнинѣ, упали въ море и потонули въ глубокой пучинѣ. Всѣ уже считали ихъ погибшими. Нѣкоторые изъ вѣрующихъ, узнавъ о потопленіи святыхъ, ходили по берегу въ надеждѣ, что море, обычно выбрасывающее мертвецовъ, выброситъ и тѣла святыхъ мучениковъ. Скоро они замѣтили два мѣшка, плавающіе по морю, и, сѣвъ въ лодки, подплыли къ нимъ. Развязавъ мѣшки, они нашли святыхъ нисколько не пострадавшими и прославили Бога. Святые въ ту ночь почивали на берегу. Ангелы Божіи, посѣтивъ ихъ, укрѣпили ихъ пищею. Когда наступило утро, святые Климентъ и Агаѳангелъ пошли въ городъ и, ставъ среди площади, говорили людямъ о величіи Божіемъ, а затѣмъ, простерши руки свои къ Небу, стали молиться:

— Благодаримъ Тебя, Господи Іисусе Христе, что Ты не оставилъ насъ, надѣющихся на Тебя, но избавилъ насъ отъ лю-

тыхъ мукъ и не обрадовалъ враговъ нашихъ о насъ, но прославилъ въ насъ Твое святое Имя.

Тутъ находились два слѣпца; кромѣ того, одинъ сухорукій и одинъ разслабленный. Святые исцѣлили ихъ тотчасъ чрезъ возложеніе своихъ рукъ. Видя это, народъ началъ приводить къ нимъ своихъ больныхъ и одержимыхъ нечистыми духами. Всѣ они исцѣлялись молитвами и прикосновеніемъ рукъ мучениковъ. Имя Господа Іисуса Христа велегласно прославлялось народомъ. Услышавъ объ этомъ, воевода Агриппинъ пришелъ въ страхъ и, будучи въ недоумѣніи, отправился возвѣстить обо всемъ бывшемъ царю. Сильно удивился и царь тому, что, считавшіеся погибшими въ морѣ, святые оказались живыми. Узнавъ же, что святый Климентъ—родомъ изъ Анкиры, онъ повелѣлъ послать его, вмѣстѣ съ ученикомъ его, въ Анкиру, говоря:

— Произведшій и воспитавшій его городъ пусть возьметъ его себѣ и казнитъ, какъ хочетъ.

Затѣмъ онъ написалъ о святомъ Климентѣ къ Анкирскому князю Курикію; обоихъ же святыхъ воины связанныхъ повели въ Анкиру.

Святый мученикъ Климентъ, входя въ родной городъ, говорилъ съ радостью:

— Слава Тебѣ, Боже, за то, что услышалъ смиреніе мое! Слава Тебѣ, Христе, что сподобилъ меня увидѣть родной городъ!

Оба святые были представлены князю Курикію. Онъ же, допросивъ ихъ, началъ мучить. Прежде всего, онъ велѣлъ опалить бока святаго Климента желѣзными, сильно раскаленными, досками, а затѣмъ, привязавъ его къ столбу, билъ немилосердно, такъ что тѣло его отпадало кусками. Святаго же Агаѳангела онъ велѣлъ повѣсить и строгать желѣзными когтями. При этомъ онъ, насмѣхаясь, спрашивалъ ихъ:

— Не ощущаете ли вы боли въ тѣлахъ вашихъ?

Святый Климентъ отвѣтилъ апостольскими словами:

— **Аще и внѣшній человѣкъ тлѣетъ, обаче внутренній обновляется** [1]).

Тогда мучитель повелѣлъ разжечь докрасна желѣзный шлемъ и возложить его на голову святому Клименту. Когда это было сдѣлано, началъ исходить густой дымъ изъ ноздрей, ушей и рта

---

[1]) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 4, ст. 16.

святаго. Онъ же, претерпѣвая несказанное мученіе, взывалъ ко Господу своему:

— Источникъ неисчерпаемый, вода живая, дождь спасительный! Исцѣли меня росою благодати Твоея. Ты извелъ насъ изъ воды; избавь и отъ огня рабовъ Твоихъ.

Въ то время какъ святый такъ молился, немедленно остылъ желѣзный шлемъ на головѣ его. Видя это, князь Курикій пришелъ въ ужасъ и, недоумѣвая, что еще дѣлать съ ними, отправилъ ихъ въ темницу, а къ царю Максиміану написалъ подробно, сообщая о случившемся. Въ темницу пришла ночью блаженная Софія, вторая мать Климента. Она лобызала его съ великою радостью и слезами, веселясь о своемъ нареченномъ сынѣ, который оказался достойнымъ страдальцемъ Христовымъ и славнымъ побѣдителемъ надъ муками. Она лобызала язвы и узы святыхъ; затѣмъ она омыла и отерла кровь ихъ и обвязала раны ихъ чистыми платками. При этомъ она подробно разспрашивала святаго Климента: какъ онъ пострадалъ, гдѣ и отъ кого? Она принесла имъ и пищу и укрѣпила ихъ. Во всѣ послѣдующіе дни она приходила и служила узникамъ Христовымъ.

Спустя нѣсколько времени пришло отъ царя повелѣніе къ князю Курикію отослать святыхъ мучениковъ въ другой городъ, называемый Амисіей [1]), къ другому, болѣе жестокому мучителю—намѣстнику царскому по имени Домицію. Блаженная Софія далеко провожала святыхъ мучениковъ вмѣстѣ съ тѣми дѣтьми, которыя были собраны святымъ Климентомъ во время голода въ домъ ея и воспитаны ею, послѣ чего стали какъ бы ея собственными дѣтьми. Нѣкоторыя изъ нихъ не хотѣли разстаться со святыми страстотерпцами и пошли за ними, привязанные къ нимъ сердечною любовію. На пути они были, по повелѣнію царя, заколоты воинами, о чемъ немедленно и было сообщено царю. Въ Амисіи святые страстотерпцы были брошены Домиціемъ въ кипящую известь въ пятницу, во второмъ часу дня, а въ субботу, въ третьемъ часу, оказались живыми и здоровыми. Видя это, два воина увѣровали во Христа и публично объявили себя христіанами, за что, въ ту же субботу, въ седьмой день сентября, были распяты нечестивыми. Имена ихъ—Фенгонъ и Евкарпій. А святымъ Клименту и Агаѳангелу мучитель повелѣлъ содрать кожу съ плечъ

---

1) Городъ въ Понтѣ, на сѣверѣ Малой Азіи.

и бить палкою долгое время. Затѣмъ онъ повелѣлъ положить ихъ на раскаленныхъ желѣзныхъ одрахъ и сильно обжигать ихъ, поливая сѣрою и смолою. Святые же, почивая безъ всякаго вреда, какъ бы на мягкой царской постели, заснули сладкимъ сномъ и видѣли въ сонномъ видѣніи Христа Господа со множествомъ святыхъ Ангеловъ Его. Господь сошелъ къ нимъ свыше и сказалъ:

— Не бойтесь. Я—съ вами.

Проснувшись, они съ радостью разсказали другъ другу объ этомъ видѣніи. Святыхъ мучили на раскаленныхъ желѣзныхъ одрахъ долгое время. Когда же Домиціанъ увидѣлъ, что огонь нисколько не вредитъ имъ, то недоумѣвалъ, что съ ними дѣлать: онъ велѣлъ снять ихъ и отвести въ темницу. Долго пробыли святые въ этой темницѣ, а затѣмъ были отосланы снова къ царю Домиціану, проживавшему въ то время въ Тарсѣ. Когда они шли туда, то страдали отъ жажды, а особенно изнемогали ведшіе ихъ воины, ибо страна эта была пустынна и безводна. По молитвѣ своей святые извели изъ сухой земли источникъ живой воды. Всѣ пили и прохладились; воины же взяли съ собою въ путь, сколько нужно было, воды. Во время этого пути святый Климентъ усердно молился Христу Богу, чтобы Богъ сподобилъ его во всѣ дни его жизни терпѣть мученія за Его святое Имя. Тогда онъ получилъ откровеніе отъ Бога, что, съ прошедшими уже годами его мученія, до полнаго совершенія мученическаго подвига онъ долженъ прожить двадцать восемь лѣтъ среди непрерывныхъ страданій. Святый весьма обрадовался этому, ибо онъ былъ всецѣло поглощенъ несказанною любовію ко Христу Богу своему. Онъ желалъ пребывать въ лютыхъ мученіяхъ за Христа долгое время и умирать многократно во всѣ дни жизни.

Когда царю Максиміану были представлены святые, онъ сильно удивился, какъ они доселѣ остаются живыми и непобѣдимыми послѣ столькихъ мученій. Снова допросивъ и найдя ихъ непреклонными, онъ велѣлъ разжечь огненную печь, какъ нѣкогда Навуходоносоръ въ Вавилонѣ, и ввергнулъ въ нее Христовыхъ воиновъ. Святые пробыли въ этой печи день и ночь и оказались живыми и невредимыми. Видя это чудо, многіе изъ народа увѣровали во Христа. Затѣмъ святые были ввергнуты въ темницу и пробыли въ ней четыре года. Нечестивый царь надѣялся, что святые, утомившись продолжительнымъ заключеніемъ и перенесши въ темницѣ много бѣдствій, скорѣе обратятся къ языческой вѣрѣ.

По истеченіи четырехъ лѣтъ темничнаго заключенія царь, признавая ихъ какъ бы недостойными своего царскаго суда, но вмѣстѣ съ тѣмъ стыдясь обнаруженнаго ими самымъ дѣломъ непобѣдимаго величія духа, поручилъ ихъ одному, весьма жестокому правителю, по имени Сакердону, который погубилъ безчисленное множество христіанъ жестокими мученіями и страшною смертію. Онъ долженъ былъ принудить святыхъ узниковъ къ поклоненію языческимъ богамъ. Не успѣвъ убѣдить святыхъ мучениковъ Климента и Агаѳангела ни льстивыми словами, ни угрозами, онъ повелѣлъ, привязавъ ихъ нагихъ къ дереву, бить жестоко и строгать ихъ тѣло такъ сильно, что плечи и спины святыхъ были совершенно остроганы до костей. Уже виднѣлись обнаженныя кости и суставы, плоть же вся отпала. Мучитель, полагая, что они тотчасъ умрутъ, повелѣлъ отвязать ихъ и отнести въ темницу. Но, увидѣвъ, что святые стоятъ на своихъ ногахъ и чувствуютъ себя бодро, а въ темницу идутъ сами, онъ сильно устыдился и отъ ярости и стыда изнемогъ тѣломъ. Онъ былъ едва живъ, такъ что былъ отнесенъ на рукахъ слугъ своихъ изъ судилища домой. У святыхъ, идущихъ въ темницу, плоть отпадала частями, вмѣстѣ съ кровію, отъ тѣлъ ихъ. Вѣрующіе собирали ее на пути вмѣстѣ съ пескомъ и хранили у себя — какъ величайшее и драгоцѣнное сокровище. Когда царь узналъ о тѣлесной слабости Сакердона, то разсмѣялся и сказалъ:

— Вотъ, славный Сакердонъ, одолѣвшій многихъ христіанъ, самъ побѣжденъ двумя!

Въ это время стоялъ предъ царемъ одинъ князь, по имени Максимъ. Онъ умолялъ царя, чтобы онъ отдалъ святыхъ мучениковъ въ его руки, похваляясь, что онъ или принудитъ ихъ къ жертвѣ, или уморитъ ихъ муками. Когда царь разрѣшилъ это, онъ взялъ святыхъ къ себѣ и не тотчасъ началъ ихъ мучить, но прежде въ продолженіе многихъ дней съ ними дружески бесѣдовалъ, увѣщавая ихъ поклониться богамъ,—а затѣмъ однажды призвалъ ихъ къ себѣ и сказалъ:

— Радуйтесь, мужи,—васъ любятъ безсмертные боги, какъ подлинныхъ сыновъ своихъ, и заботятся о васъ. Они много разъ говорили мнѣ о васъ во снѣ и ясно сказали мнѣ на мои вопросы, что вы обратитесь къ нимъ. Потому-то они удержали мучителей вашихъ, чтобы они не погубили васъ, ибо боги ждутъ вашего обращенія, которое уже близко. Еще въ прошлую ночь великій

среди боговъ Вакхъ [1]), явившись мнѣ, сказалъ: приведи тѣхъ двухъ мужей ко мнѣ. Теперь же, мужи, храмъ Вакха открытъ, алтарь украшенъ, жертвы приготовлены; придите и принесите ему жертвы.

Святые отвѣтили ему:

— Ты лжешь безстыдно, судья! Ибо твои боги, какъ извѣстно, нѣмы; точно такъ же и во снѣ они ничего не могутъ говорить. Притомъ, который Вакхъ говорилъ тебѣ? Вѣдь два у васъ здѣсь идола Вакха: одинъ каменный, а другой мѣдный. Если говорилъ каменный, то мы пророчествуемъ ему, что скоро придетъ то время, когда онъ будетъ разбитъ на части, или будетъ положенъ, вмѣстѣ съ другими камнями, въ стѣну, создаваемую изъ камня, или, наконецъ, будетъ брошенъ въ огонь и превратится въ песокъ. Если же говорилъ тебѣ мѣдный Вакхъ, то скоро онъ будетъ передѣланъ въ кувшины и другіе ничтожные сосуды.

Не будучи въ состояніи слушать эти рѣчи, Максимъ началъ жестоко мучить ихъ. Мученіе было таково: онъ велѣлъ вонзить въ землю различныя острыя желѣзныя орудія: рожны, ножи, гвозди, трезубцы и другіе весьма острые предметы, какіе только могъ изобрѣсти,—притомъ остріемъ вверхъ и на близкомъ разстояніи другъ отъ друга. Высотою эти острія равнялись длинѣ одной стопы ноги. Онъ велѣлъ положить на острія святаго Климента нагаго спиной, лицомъ вверхъ, и бить его толстыми палками, а святому Агаѳангелу велѣлъ лить на голову растопленное олово. Въ то время какъ святый Климентъ былъ битъ палками по груди и по всему тѣлу, отъ головы до ногъ, все тѣло его снизу искололось и изрѣзалось на тѣхъ острыхъ орудіяхъ; одни желѣзныя острія прошли до сердца, иныя до груди, иныя до внутренностей желудка, а иныя, наконецъ, прошли насквозь и явственно виднѣлись наверху. Когда послѣ долгаго біенія мучитель повелѣлъ снять мученика съ того мѣста, то едва нѣсколько человѣкъ могли съ большими усиліями освободить его оттуда. Максимъ недоумѣвалъ и изумлялся столь великому терпѣнію, тѣмъ болѣе, что никакія муки не могли ни обратить мучениковъ къ богамъ, ни умертвить ихъ. Самъ Всевышній Богъ соблюдалъ въ нихъ души ихъ, неразлучавшіяся съ тѣломъ, ради бо̀льшаго прославленія Своего святаго

---

[1]) *Вакхъ*, или *Бахусъ* (у грековъ—*Діонисъ*), почитался древними Греками и Римлянами богомъ винограда и винодѣлія, даромъ вина радующимъ сердце людей и разгоняющимъ печаль и заботы.

Имени и для постыжденія нечестивыхъ. Святые снова были ввергнуты въ темницу.

Узнавъ объ этомъ, царь Максиміанъ осудилъ святыхъ на вѣчное темничное заключеніе, въ которомъ они должны были умереть естественною смертію. Тогда еще одинъ вельможа, по имени Афродисій, родомъ персъ, искусный изобрѣтатель всякихъ, самыхъ лютыхъ, мученій для христіанъ, просилъ царя, чтобы онъ дозволилъ ему взять этихъ мучениковъ, надѣясь погубить ихъ. Получивъ согласіе, онъ повелъ ихъ въ домъ свой и, предложивъ имъ богатую трапезу, надѣялся угостить ихъ. Онъ убѣждалъ ихъ ѣсть и пить и повеселиться съ нимъ. Но они отвѣтили ему:

— Мы питаемся небесною пищею и питіемъ. Ядущій и піющій отъ нихъ, никогда не будетъ ни алкать, ни жаждать и вѣчно пребудетъ въ веселіи.

Афродисій, считая отказъ ихъ безчестіемъ для себя, сказалъ:

— Завтра я устрою вамъ другую вечерю, которой вы ищете,— самую лютую смерть.

Когда наступило утро, Афродисій повелѣлъ принести два жерновныхъ камня и, повѣсивъ ихъ на шеи святымъ, влачить ихъ по всему городу для поруганія надъ ними. Когда святыхъ влачили по городу, многіе безумные изъ народа, взявъ камни, побивали влачимыхъ, а другіе, удивляясь столь продолжительнымъ и тяжкимъ страданіямъ ихъ, считали ихъ безсмертными и обращались ко Христу. Послѣ этого святые, по царскому опредѣленію, были заключены въ темницѣ пожизненно, въ томъ соображеніи, что они, изнемогши отъ продолжительнаго заключенія, погибнутъ. Святые пробыли въ темничныхъ узахъ много лѣтъ, пока не приблизился конецъ двадцативосьмилѣтняго времени ихъ страданія, о чемъ святому Клименту еще въ Тарсѣ, когда вели его къ царю, было возвѣщено откровеніемъ отъ Бога. Уже многіе изъ святыхъ исповѣдниковъ Христовыхъ, начавшіе свои страдальческіе подвиги, окончили свое поприще, а эти два страдальца продолжали свое мученическое поприще и совершали свои подвиги.

Послѣ царя Максиміана вступилъ на царство Максиминъ [1]). Въ это время много христіанской крови пролилось безпощадно. Темничные стражи, соскучившись стеречь Климента и Агаѳангела, кото-

---

[1]) *Императоръ Максиминъ Дака* царствовалъ въ Восточной половинѣ Римской имперіи съ 305 по 313 годъ, сначала одновременно съ Максиміаномъ II Галеріемъ, умершимъ въ 311 году.

рые слишкомъ долго содержались въ темницѣ, пришли къ царю Максимину и сказали:

— Что ты повелишь относительно этихъ двухъ узниковъ, которые въ теченіе многихъ лѣтъ были мучимы многими царями и правителями, притомъ всѣми совершеннѣйшими орудіями самыхъ лютыхъ мукъ, и все-таки не умерли? Они доселѣ живы и находятся въ узахъ. Хотя они не пользуются никакимъ уходомъ и попеченіями, необходимыми для жизни, однако, здравы и свѣтлы лицомъ. Мы думаемъ, что они безсмертны.

Въ отвѣтъ на это царь Максиминъ сначала похулилъ своихъ боговъ многими позорными словами за то, что они были не въ силахъ отнять у тѣхъ узниковъ временной жизни. Затѣмъ разспросилъ о нихъ: кто они и откуда? Узнавъ, что они изъ Галатіи, изъ города Анкиры, повелѣлъ немедленно отослать ихъ туда, къ князю Лукію, въ то время начальствовавшему въ Анкирѣ. Святые, узнавъ объ этомъ, сильно обрадовались, ибо святый Климентъ очень желалъ окончить поприще своей подвижнической жизни въ родномъ городѣ. Онъ молился объ этомъ Владыкѣ Христу и получилъ просимое. Когда святые были приведены въ городъ Анкиру и представлены для допроса князю Лукію, онъ не сразу сталъ допрашивать ихъ, но предварительно посадилъ ихъ въ тяжкое заключеніе; при этомъ онъ велѣлъ забить ноги ихъ въ колоду, возложить желѣзные оковы на шею, на руки и на все тѣло, а равно обвѣшать ихъ тяжелыми камнями, такъ что имъ не было возможности ни двинуться тѣломъ, ни протянуть ногъ. На слѣдующій день онъ велѣлъ привести на судъ одного святаго мученика Агаѳангела. Вначалѣ онъ долго обольщалъ святаго ласками, стараясь привлечь къ своему зловѣрію; но, видя непреклонность его убѣжденій, началъ мучить его: онъ прокололъ его уши желѣзными кольцами, раскаленными на огнѣ,—горящими свѣчами обжегъ его ребра и, наконецъ, усѣкъ мечомъ его святую голову. Честно́е же тѣло мученика взяла упомянутая выше блаженная Софія, названная мать Климента; она обвила его чистыми пеленами, умастивъ ароматами, и положила его въ пещерѣ, въ которой была небольшая христіанская церковь. По причинѣ тяжкаго гоненія со стороны нечестивыхъ, вѣрующіе не могли имѣть явно своей церкви, но сдѣлали себѣ небольшую церковь въ пещерѣ и тамъ совершали службы Богу. Такимъ образомъ, святый мученикъ Агаѳангелъ страдалъ отъ различныхъ мучителей: отъ двухъ царей, Діоклетіана и Максиміана, и отъ правителей: Агрип-

пина, Курикія, Домиція, Сакердона, Максима, Афродисія и Лукія. Окончилъ онъ подвигъ страданія пятаго ноября.

Святый Климентъ, узнавъ о кончинѣ своего ученика и сострадальца—святаго мученика Агаѳангела, исполнился несказанной радости, такъ какъ послалъ его къ Богу ранѣе себя, въ качествѣ предстателя. Лежа ницъ на землѣ и обремененный тяжестью узъ, онъ воздавалъ глубокое благодареніе Богу о святомъ Агаѳангелѣ за то, что Богъ сподобилъ его окончить жизненное поприще, сохранить вѣру, мужественно претерпѣть всѣ мученія и быть причисленнымъ къ лику святыхъ мучениковъ, торжествующихъ на Небесахъ. Молился онъ и о себѣ, чтобы Богъ сподобилъ его претерпѣть до конца, стереть многокозненную главу врага и перейти съ торжествомъ въ вожделѣнныя Небесныя обители.

Послѣ казни надъ святымъ Агаѳангеломъ мучитель Лукій повелѣлъ ежедневно мучить святаго Климента въ темницѣ. Мученіе состояло въ слѣдующемъ: жезлами, усѣянными острыми сучьями, били мученика по лицу и по головѣ, налагая ежедневно на тѣлѣ святаго по сту пятидесяти ранъ. Такъ мучили святаго отъ пятаго ноября до пятаго января. Между тѣмъ какъ святый въ теченіе дня былъ сильно изъязвленъ ранами, такъ что вся темница его обагрялась его кровію,—ночью благодать Божія, ниспосылаемая ему чрезъ святыхъ Ангеловъ, исцѣляла его язвы. Язычники были въ большомъ недоумѣніи: приходя ежедневно и находя его здоровымъ, они изумлялись и били его еще болѣе жестоко; голову и лицо его они уязвляли крѣпкими и глубокими ударами, числомъ до ста пятидесяти. Когда приближался праздникъ Богоявленія Господня, прибылъ отъ царя въ городъ Анкиру другой воевода, по имени Александръ, вмѣсто Лукія, отозваннаго къ царю. Съ наступленіемъ ночи, когда должно было совершаться Всенощное бдѣніе празднику Богоявленія, блаженная Софія собрала къ себѣ христіанъ, а равно своихъ слугъ и воспитанныхъ ею отроковъ и отроковицъ, и пошла съ ними въ темницу, къ святому Клименту. Богъ, споспѣшествующій намѣреніямъ вѣрующихъ въ Него, навелъ на стражей крѣпкій сонъ. Одинъ только стражъ не спалъ, но онъ былъ тайный христіанинъ; онъ и отверзъ темницу для пришедшихъ. Вѣрующіе, вошедши внутрь съ премудрою Софіею, освободили святаго отъ оковъ и повели его въ церковь, которая была въ пещерѣ. Здѣсь они съ радостью праздновали, благодаря Бога. Съ наступленіемъ дня святый Климентъ совер-

шилъ Божественную Литургію, и всѣ пріобщились Божественныхъ Таинъ изъ святыхъ рукъ своего пастыря. Архіерей Божій предложилъ собравшимся обширное поученіе, въ которомъ предсказалъ о своей кончинѣ. Онъ предрекъ, что скоро будетъ убитъ, и утѣшалъ ихъ словами:

— Не бойтесь, братія, никто изъ васъ не погибнетъ и не пострадаетъ. Ни одного изъ васъ не похитятъ волки; только я съ двумя клириками положу душу мою за великаго Архіерея Христа, положившаго за насъ душу Свою.

Предсказывалъ онъ и о томъ, что скоро прекратится гоненіе, исчезнетъ идолопоклонство и процвѣтетъ святая вѣра, ибо Небесный Царь воздвигнетъ на землѣ такого царя, который, самъ просвѣтившись Святымъ Крещеніемъ, просвѣтитъ и всѣ области Римскаго государства и воздвигнетъ новый Римъ, послѣ чего возсіяетъ повсюду благочестіе. Предсказавъ это своему словесному стаду, священномученикъ Климентъ возвеселилъ души слушателей. Затѣмъ онъ пошелъ въ домъ названной матери своей Софіи, которая пригласила къ себѣ и всѣхъ людей, бывшихъ въ церкви, и предложила имъ обильное пиршество. Святый Климентъ пробылъ въ домѣ ея до двадцать третьяго числа января. Во все это время воевода Александръ разсматривалъ различныя дѣла, касавшіяся народа и управленія. Наконецъ ему было донесено, что епископъ христіанскій Климентъ ушелъ ночью изъ темницы. Тогда его стали разыскивать. Когда наступилъ день воскресный, архіерей Божій святый Климентъ пошелъ въ пещерную церковь совершить Божественную Литургію. Нечестивые узнали объ этомъ и извѣстили воеводу. Послѣдній тотчасъ самъ отправился съ воинами и, вошедши внутрь церкви, нашелъ святаго Климента предстоящимъ Престолу Божію и приносящимъ безкровную Жертву. Воевода повелѣлъ одному изъ воиновъ извлечь мечъ и ударить архіерея сзади въ шею. Когда воинъ ударилъ мечомъ, голова святаго священномученика Климента упала на Божественный Престолъ и на приготовленные Дары[1]). Такимъ образомъ кровію его обагрилась безкровная Жертва и весь святый алтарь. Всѣ вѣрующіе находились въ великомъ страхѣ и ужасѣ: они и себѣ ожидали смерти; однако,

---

[1]) *Св. Климентъ* скончался 23 января 312 г. Мощи его долго находились въ Константинополѣ, гдѣ во имя его были двѣ церкви. Стефанъ новгородецъ (въ 1342 г.) и іеродіаконъ Зосима (въ 1420 г.) видѣли мощи его въ монастырѣ Константина въ Константинополѣ.

не о себѣ сожалѣли, а о своемъ пастырѣ, а потому начали громко рыдать. Воевода тотчасъ вышелъ вонъ, не причинивъ собравшимся никакого вреда, и только два клирика были усѣчены въ алтарѣ вмѣстѣ со святымъ Климентомъ. Имена ихъ—Христофоръ и Харитонъ, оба они были діаконы. Блаженная Софія со слезами и радостью приготовила къ погребенію честное тѣло своего любезнаго пріемнаго сына, на самомъ же дѣлѣ духовнаго отца и пастыря. Она плакала, что лишилась его на землѣ, и радовалась тому, что онъ, ревностно прошедши поприще страданій, отошелъ ко Христу Господу. Святый былъ погребенъ съ почетомъ, вмѣстѣ съ обоими діаконами, усердіемъ Софіи и всего бывшаго тамъ христіанскаго населенія близъ гроба святаго мученика Агаѳангела, въ пещерной церкви, двадцать третьяго января.

Такъ святый священномученикъ Климентъ окончилъ продолжительный подвигъ своего страданія, терпя безчисленныя и несказанныя муки за Христа въ теченіе двадцати восьми лѣтъ. Греческій историкъ Никифоръ[1]) говоритъ о немъ такъ: «Отъ самаго созданія міра всѣхъ тѣхъ, которые какимъ-либо видомъ мученій страдали за Бога, а именно: отъ огня, желѣза, отъ каменьевъ, отъ повѣшенія на деревѣ, а равно и тѣхъ, которые сражались со звѣрями въ циркахъ, или были замучены продолжительнымъ заключеніемъ въ оковахъ, или скончались отъ различныхъ смертей въ водѣ, въ землѣ и на воздухѣ, или были погублены сильнымъ морозомъ, или зноемъ, или отъ какихъ-либо другихъ видовъ мученій и казней лишились жизни,—всѣхъ такихъ мучениковъ святый Климентъ съ Агаѳангеломъ значительно превзошли своими страданіями. Онъ пострадалъ въ различныхъ городахъ отъ одиннадцати мучителей: въ Анкирѣ—отъ галатійскаго намѣстника Домиціана, въ Римѣ—отъ царя Діоклетіана, въ Никомидіи—отъ воеводы Агриппина, снова въ Анкирѣ—отъ князя Курикія, въ Амисіи—отъ царскаго намѣстника Домиція, въ Тарсѣ—отъ царя Максиміана, тамъ же—отъ правителя Сакердона, а затѣмъ—отъ князя Максима и вельможи Афродисія, опять въ Анкирѣ—отъ князя Лукія и, наконецъ,—отъ воеводы Александра. Всѣ тогда бывшіе мучители посылали его другъ ко другу какъ какое-то чудо, никогда не виданное, ибо въ теченіе столь многихъ лѣтъ и столь многоразличными лютыми муками онъ не могъ быть побѣжденъ или поколебленъ—вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ Агаѳангеломъ». Ради

[1]) *Никифоръ Каллистъ*—греческій церковный историкъ XIV вѣка.

славы святаго Своего Имени его укрѣплялъ Богъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Которому, вмѣстѣ со Отцемъ и Святымъ Духомъ, отъ всякой твари приличествуетъ слава, честь и поклоненіе во вѣки. Аминь.

Тропа́рь ст҃а́гѡ, гла́съ д҃:

Лоза̀ преподо́бства, и҆ сте́бль страда́льчества, цвѣ́тъ сщ҃е́ннѣйшїй, и҆ пло́дъ бг҃ода́нный, вѣ́рнымъ всесвѧще́нне присноцвѣ́тꙋщъ дарова́лсѧ є҆сѝ: но ꙗ҆́кѡ мч҃нкѡвъ сострада́лецъ, и҆ сщ҃еннонача́льникѡвъ сопресто́льникъ, молѝ хр҃та̀ бг҃а сп҃сти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ д҃:

Лозы̀ бы́лъ є҆сѝ честиа́ѧ розга̀ хр҃то́ва, многострада́льне кли́менте всехва́льне ꙗ҆́вльсѧ, со стра́ждꙋщими же взыва́лъ є҆сѝ: ты̀ мч҃нкѡвъ хр҃тѐ свѣ́тлое ра́дованїе.

ЖИТІЕ СВЯТАГО

ПАВЛИНА МИЛОСТИВАГО,

епископа Ноланскаго

Угодникъ Божій Павлинъ былъ родомъ изъ Аквитаніи[1]). Во время мірской жизни онъ былъ однимъ изъ старшихъ сенаторовъ при Римскомъ императорѣ. Онъ былъ благочестивой жизни и боялся Бога[2]). Супруга его, по имени Тарасія, по вѣрѣ и добродѣтелямъ своимъ была подобна своему мужу и также была благочестива. Не имѣя собственныхъ дѣтей, они брали убогихъ сиротъ и заботились о нихъ какъ о своихъ дѣтяхъ, питая ихъ и поучая страху Божію. Со дня на день они преуспѣвали во всякой добродѣтели и обильно раздавали милостыню нищимъ. Наконецъ они и сами пожелали, ради угожденія Богу, стать нищими. Они продали свое большое имѣніе и, раздавъ все нуждающимся, сами жили въ добровольной нищетѣ, подобно людямъ убогимъ, и возлагали свое упованіе на Промыслъ Божій. Разъ, когда они уже сильно обнищали, пришелъ къ нимъ нищій

---

[1]) *Аквитанія*—западная часть древней Галліи (нынѣшней Франціи).

[2]) Святое Крещеніе святый Павлинъ принялъ на 25 году, въ 389 году.

просить милостыни; но у нихъ не было ничего, кромѣ одного хлѣба. Блаженный Павлинъ посовѣтовалъ своей супругѣ и этотъ послѣдній хлѣбъ отдать нищему.

— Намъ поможетъ,—говорилъ онъ,—Богъ, а мы не пожалѣемъ дать просящему ради Бога.

Тарасія, однако, не дала, но сохранила хлѣбъ ради собственной нужды, такъ какъ въ тотъ день не было ничего у нихъ самихъ на обѣдъ. Въ это время вошелъ къ блаженному Павлину посланный отъ одного его богатаго друга—съ извѣщеніемъ, что морскимъ путемъ ему отправлено этимъ другомъ множество пищи, и вотъ одинъ, послѣдній, корабль, именно съ пищею, потонулъ и погибъ въ морскихъ волнахъ. Услышавъ объ этомъ, Павлинъ сказалъ своей супругѣ:

— Видишь ли, если бы ты отдала нищему послѣдній хлѣбъ, то не потонулъ бы въ морѣ послѣдній корабль съ пищею. Только по причинѣ скупости многихъ Богъ погубляетъ ихъ имущество.

Послѣ того, оставивъ вмѣстѣ съ имуществомъ и славу мірскую, и всѣ интересы міра сего, они вышли изъ Рима въ страну Кампанію[1]), такъ какъ тамъ было оставлено ими себѣ на пропитаніе одно незначительное помѣстье. Они поселились въ городѣ, называемомъ Нолою[2]), вблизи гроба святаго мученика Феликса[3]), и тамъ работали Господу, скрываясь отъ міра. Но не могла долго таиться добродѣтель Павлина. Ради нея онъ былъ взятъ, по принужденію, на престолъ Ноланской церкви и противъ воли принялъ епископскій санъ[4]). Онъ управлялъ своею паствою свято и неусыпно, какъ вѣрный и мудрый домоправитель, ѥ҆го́же поста́ви гдⷭ҇ь на́д че́лѧдїю свое́ю[5]). Онъ питалъ своихъ овецъ не только пищею духовною, научая и наставляя ихъ, а грѣшниковъ приводя къ покаянію и обращая каждаго на путь истины, но заботился и о тѣлесной пищѣ и обо всѣхъ нуждахъ овецъ своихъ —питалъ и одѣвалъ нищихъ и убогихъ, сиротъ и вдовицъ, а плѣненныхъ выкупалъ на свободу.

---

1) *Кампанія*—древняя область средней Италіи, на югъ отъ Рима, около Тирренскаго моря.

2) *Нола*—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Кампаніи; существуетъ и понынѣ.

3) Память его—25-го января.

4) Это было въ 409 году. Ранѣе онъ былъ пресвитеромъ (съ 393 года) въ Барселонѣ, въ Испаніи.

5) Еванг. отъ Луки, гл. 12, ст. 42. Сравненіе взято изъ притчи Спасителя о вѣрномъ и благоразумномъ домостроителѣ, заботящемся о слугахъ и всегда готовомъ дать отчетъ предъ господиномъ своимъ.

Въ тѣ годы, по Божію попущенію, случилось нашествіе вандаловъ[1]) на Италію, которые всю ее завоевали. Пришли они и въ область Кампанію, въ которой находился городъ Нола. Опустошая многія селенія и города, они проникли и въ епархію Павлина, гдѣ производили то же самое: они взяли въ плѣнъ множество народа и отвели за море, въ свою африканскую страну. Тогда блаженный епископъ Павлинъ все, что имѣлъ въ епископіи, сталъ отдавать на выкупъ плѣнныхъ и на пропитаніе обнищавшихъ отъ нашествія варваровъ, такъ что у него совершенно уже ничего не оставалось. Когда же вандальскіе воины, будучи лютыми и безчеловѣчными, мучили христіанъ, требуя, чтобы они указали сокрытыя въ землѣ сокровища, святый Павлинъ сочувствовалъ вѣрующимъ сердцемъ и взывалъ къ Богу:

Ст҃ый
ПАВЛИНЪ

— Господи, сотвори такъ, чтобы меня мучили изъ-за золота и серебра. Ибо Ты знаешь, гдѣ я скрылъ свое богатство,—именно въ рукахъ нищихъ и убогихъ рабовъ Твоихъ.

Однажды пришла къ нему одна бѣдная вдова, говорившая съ плачемъ:

— Сынъ мой взятъ въ плѣнъ вандалами, и я узнала, что онъ находится у зятя вандальскаго царя Риги, въ Африкѣ. Умоляю твою святость: дай мнѣ чѣмъ выкупить сына—единственную надежду моего пропитанія и опору моей старости.

Человѣкъ Божій, внимательно поискавъ вокругъ себя въ надеждѣ, не найдетъ ли чего-либо дать просящей, и ничего не нашедши, кромѣ самого себя, сказалъ убогой вдовицѣ:

---

[1]) *Вандалы*—народъ германскаго племени; обитали сначала въ средней Германіи, позднѣе—въ южной Испаніи и потомъ—въ сѣверной Африкѣ, откуда дѣлали опустошительные набѣги на сосѣднія прибрежныя страны.

— Женщина, я рѣшительно ничего не имѣю, чтобы дать тебѣ, кромѣ самого себя. Возьми меня; я отдаюсь въ твою власть, какъ рабъ. Продай меня и выкупи своего сына или же отдай меня въ рабство взамѣнъ сына.

Женщина, слыша эти слова изъ устъ такого человѣка, подумала, что это скорѣе насмѣшка, чѣмъ милость. Но онъ, будучи краснорѣчивымъ и премудрымъ, своими разсужденіями убѣдилъ сомнѣвавшуюся женщину, что онъ не ради насмѣшки, но совершенно справедливо говоритъ ей. Онъ убѣдилъ ее, чтобы она повѣрила его словамъ и не боялась продать епископа въ рабство ради освобожденія своего сына. Тогда они пошли оба въ Африку и, пришедши къ вандаламъ, остановились у воротъ того князя, зятя царя, у котораго жилъ сынъ бѣдной вдовицы. Когда князь вышелъ куда-то изъ дому, вдовица упала къ ногамъ его и умоляла его со слезами, чтобы онъ отпустилъ ея сына. Но варваръ, будучи гордымъ, не только не хотѣлъ отпустить ея сына, но даже и не выслушалъ ея просьбы. Тогда вдовица, указывая на служителя Божія Павлина, сказала:

— Вотъ, этого человѣка я отдаю вмѣсто сына; только окажи милость, отпусти мнѣ сына, ибо онъ у меня—единственный.

Князь, посмотрѣвъ внимательно на человѣка Божія, спросилъ его:

— Какое ремесло ты знаешь?

Святый Павлинъ отвѣчалъ ему:

— Ремесла никакого я не знаю, а только хорошо умѣю воздѣлывать сады.

Услышавъ это, князь обрадовался, ибо онъ нуждался именно въ такомъ человѣкѣ, и отдалъ сына вдовицѣ. Она съ сыномъ возвратилась домой, а святый Павлинъ, оставшись работать, принялъ попеченіе о садахъ и сталъ ревностно трудиться. Господинъ его началъ часто приходить въ садъ и вести бесѣды съ своимъ садовникомъ о разныхъ вещахъ. Замѣтивъ же его мудрость и обширныя познанія, онъ бесѣдовалъ съ нимъ обо всемъ, многократно оставляя своихъ домашнихъ и друзей, чтобы наслаждаться разсужденіями своего слуги. Блаженный Павлинъ ежедневно приносилъ ему на обѣдъ различные овощи изъ огорода и, получая изъ рукъ его хлѣбъ, возвращался къ своему дѣлу.

Однажды, когда господинъ его бесѣдовалъ съ нимъ, святый Павлинъ сказалъ ему:

— Смотри, ты собираешься куда-то отлучиться. Между тѣмъ тебѣ предстоитъ позаботиться о принятіи вандальскаго царства, ибо этотъ царь, твой тесть, внезапно умретъ неожиданною смертію. Если же ты отлучишься, то другой безъ тебя захватитъ царскую власть.

Князь, услышавъ эти слова отъ своего садовника, не умолчалъ объ этомъ, но пошелъ и разсказалъ царю, ибо былъ вполнѣ вѣренъ ему и за это болѣе всѣхъ былъ любимъ имъ. Царь усумнился и сказалъ:

— Я хочу видѣть того мужа, о которомъ ты говоришь.

Зять царя сказалъ на это:

— Я нынѣ же повелю ему, чтобы онъ принесъ овощи изъ огорода на обѣдъ тебѣ, и ты его увидишь.

Когда царь сѣлъ обѣдать, вошелъ къ нему Павлинъ, принесшій, по повелѣнію господина своего, овощи для царской трапезы. Когда царь увидѣлъ его, тотчасъ затрепеталъ и, призвавъ господина его, своего зятя, открылъ ему тайну, которую хотѣлъ скрыть отъ него.

— Истинно то,—сказалъ онъ,—что́ ты слышалъ отъ этого человѣка, ибо ночью, въ сонномъ видѣніи, я видѣлъ различныхъ князей, сѣвшихъ на престолахъ и производившихъ судъ надо мною. Сидѣлъ и онъ среди тѣхъ судей. Судомъ ихъ были отняты у меня жезлъ и власть, которую я нѣкогда получилъ. Спроси у него, кто онъ такой. Я не думаю, чтобы этотъ мужъ былъ простымъ человѣкомъ, ибо я видѣлъ его въ великомъ санѣ.

Тогда зять царя отвелъ блаженнаго Павлина въ сторону и спросилъ его:

— Кто ты?

Человѣкъ Божій отвѣтилъ ему:

— Я рабъ твой, котораго ты принялъ вмѣсто сына вдовы.

Князь же настойчиво допрашивалъ его, требуя разъяснить не то, чѣмъ онъ сталъ теперь, но чѣмъ былъ въ своей странѣ. Онъ заклиналъ святаго и клятвенно требовалъ, чтобы онъ не скрылъ отъ него своей тайны, но открылъ ему всю истину. Человѣкъ Божій, смутившись допросомъ и не будучи въ состояніи преступить клятву, сказалъ, что онъ епископъ. Господинъ его, услышавъ это, сильно испугался и со смиреніемъ сказалъ ему:

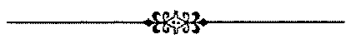
— Проси у меня, чего хочешь, и затѣмъ возвращайся въ свою страну съ богатыми дарами.

Угодникъ Божій Павлинъ сказалъ ему:

— Единственнаго благодѣянія, которое ты можешь сдѣлать, я попрошу у тебя: всѣхъ плѣнниковъ города и страны моей, приведенныхъ сюда, отпусти на свободу въ родную землю.

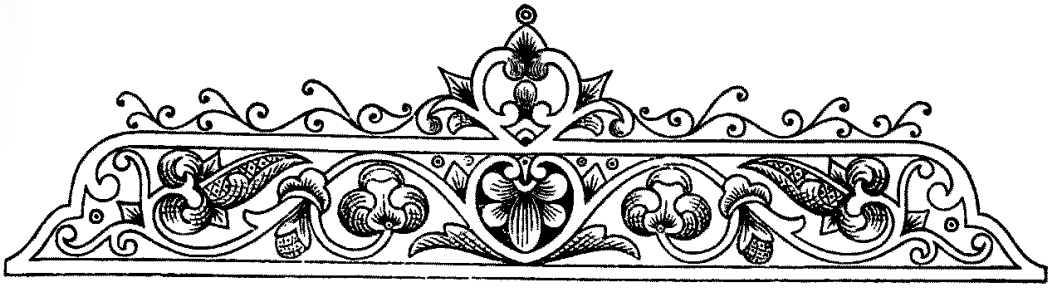
Тотчасъ усердіемъ князя этого были разысканы во всей африканской странѣ христіане, плѣненные изъ области Кампаніи, и приведены къ святому Павлину. Святый пастырь былъ отпущенъ съ почетомъ со всѣми словесными овцами своей паствы, со многими богатыми дарами и съѣстными припасами въ изобиліи. Они возвратились въ свою землю на корабляхъ съ веселіемъ и радостію. Спустя нѣсколько дней, согласно пророчеству святаго, умеръ Рига, царь Вандальскій, а вмѣсто него вступилъ на престолъ зять его.

Такимъ образомъ, святый Павлинъ, предавъ себя одного въ рабство, многихъ людей извелъ изъ рабства на свободу, послѣдовавъ Христу Господу, принявшему зракъ раба и избавившему человѣческій родъ отъ рабства діаволу. По выходѣ изъ рабства у вандаловъ святый Павлинъ прожилъ много лѣтъ и, какъ пастырь добрый, душу свою за овецъ полагающій, доблестно управлялъ врученнымъ ему стадомъ и, не щадя себя самого, оказывалъ много благодѣяній убогой братіи. Затѣмъ онъ перешелъ къ Пастыреначальнику Христу, Господу своему[1]), отъ Котораго нынѣ пріемлетъ мзду сторицею и наслѣдуетъ жизнь вѣчную, прославляя Его во вѣки. Аминь.



---

1) *Святый Павлинъ* скончался 22-го іюня 431 года. Мощи его—въ церкви ап. Варѳоломея въ Римѣ.—Онъ остался извѣстенъ какъ писатель и учитель Церкви, преимущественно какъ христіанскій поэтъ. Отъ него осталось 35 гимновъ и до 50 писемъ, особенно важныхъ по ихъ глубокому благочестію. Въ нихъ живыми чертами изображается высота христіанскаго совершенства и говорится о томъ, какъ нужно беречь свое сердце; описываются достоинства смиренія евангельскаго, любви къ Богу и ближнему; изложены обязанности супруговъ и сладостныя утѣшенія для несчастныхъ. Три гимна—прекрасныя молитвы къ Богу, три другіе—изложенія трехъ Псалмовъ: 1, 2 и 136. Кромѣ того, въ письмахъ и гимнахъ святаго Павлина говорится о Промыслѣ Божіемъ, о первородномъ грѣхѣ, о святой Евхаристіи, о ходатайствѣ святыхъ за міръ, о молитвѣ за умершихъ и иконопочитаніи. Святый Павлинъ остался извѣстенъ также своею любовію къ благоукрашенію созданныхъ имъ храмовъ св. иконами; ему же преданіе приписываетъ изобрѣтеніе церковныхъ колоколовъ, относимое приблизительно къ 400 году.



ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ГЕННАДІЯ КОСТРОМСКАГО[1])

Преподобный Геннадій, названный во Святомъ Крещеніи Григоріемъ, былъ единственнымъ сыномъ боярина по имени Іоанна и жены его Елены, жившихъ въ Литовской землѣ[2]). Григорій съ дѣтства любилъ посѣщать церковь Божію и постоянно пребывалъ среди церковнаго клира, посѣщая всѣ службы. Родители были недовольны такимъ поведеніемъ сына и говорили ему:

— Зачѣмъ ты такъ дѣлаешь? Развѣ ты—сторожъ церковный? Ты стыдишь насъ передъ людьми. Довольно съ тебя ходить въ церковь вмѣстѣ съ нами, а остальное время быть дома и въ общеніи съ сверстниками; особенно же не дòлжно лишать себя покоя ночью.

Но Григорій отвѣчалъ:

— Любезные родители, не докучайте мнѣ такими рѣчами: я не хочу заниматься дѣтскими играми. Богъ творитъ, что хочетъ, а человѣкъ, что можетъ; Духъ же Святый наставляетъ всякаго человѣка на путь истинный.

---

[1]) Житіе преподобнаго Геннадія и служба ему написаны инокомъ Алексіемъ, ученикомъ преподобнаго и игуменомъ основаннаго Геннадіемъ монастыря. Житіе сохранилось во многихъ рукописяхъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ находится просьба списателя отнести его трудъ на просмотръ къ царю Ѳеодору и митрополиту Діонисію, слѣдовательно житіе написано между 1584 и 1587 годомъ. Служба, акаенстъ и житіе вмѣстѣ съ предсмертнымъ поученіемъ не разъ издавались въ Петербургской и Московской Синодальныхъ типографіяхъ славянскимъ шрифтомъ, напр. Москва, 1888 года. Житіе, описаніе чудесъ, поученіе и повѣсть объ обрѣтеніи мощей изданы сполна по рукописямъ въ Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ за 1873 годъ и отдѣльной брошюрой въ Ярославлѣ въ 1873 же году.

[2]) Въ повѣсти объ обрѣтеніи мощей преподобнаго Геннадія въ 1644 году сказано, что онъ былъ родомъ изъ города Могилева.

Съ тѣхъ поръ Григорій сталъ помышлять о томъ, какъ бы ему уйти въ Русскую страну и тамъ поселиться въ какой-либо святой обители и подвизаться подвигомъ добрымъ.

И вотъ, улучивъ благопріятное время, онъ ушелъ отъ родителей, снялъ съ себя свѣтлое платье и отдалъ бѣднымъ, а отъ нихъ взялъ рубище и одѣлся въ него.

Проходя литовскую землю, пустыни, села и города въ видѣ странника и пришельца, онъ много претерпѣлъ бѣдъ и напастей отъ злыхъ людей. Однако, хранимый Богомъ, онъ дошелъ до русской земли, пришелъ въ великій и славный царствующій градъ Москву и обходилъ его, притекая къ ракамъ святыхъ чудотворцевъ, проникая во святыя обители и разсуждая, гдѣ бы ему постричься и предаться молитвѣ.

Въ Москвѣ онъ нашелъ себѣ друга, по имени Ѳеодора, молодого, но богобоязненнаго и также искавшаго постриженія. Изъ Москвы они вмѣстѣ отправились въ Великій Новгородъ и тамъ ходили по святымъ мѣстамъ, и церквамъ, и обителямъ.

Изъ Новгорода они отправились на рѣку Свирь въ пустыню къ подвижнику преподобному Александру[1]) и стали усердно просить его:

— Мы желаемъ, святый отецъ, Господу Богу молиться: облеки насъ Христа ради въ монашеское одѣяніе.

Преподобный Александръ обратился сначала къ другу Григоріеву Ѳеодору и сказалъ:

— Ты, чадо Ѳеодоръ, будешь водить звѣря бѣлоголоваго.

Григорію же сказалъ:

— А ты, чадо Григорій, самъ будешь пастырь словеснымъ овцамъ и наставникъ множеству иноковъ. Иди, чадо, на Комельскій лѣсъ къ преподобному Корнилію, и тотъ научитъ тебя, какъ Богу молиться и какъ тебѣ пасти словесное стадо иноковъ, а въ нашей пустынѣ молодымъ отрокамъ невозможно жить. Однако, отдохните здѣсь, чада мои, сколько дней пожелаете.

Они пробыли четырнадцать дней въ пустынѣ у преподобнаго Александра и, взявши отъ него благословеніе, пошли въ предѣлы города Вологды на Комельскій лѣсъ.

---

[1]) *Преподобный Александръ Свирскій* скончался въ 1533 году; память его празднуется 30-го августа.

Пришли они внутрь пустыни къ преподобному Корнилію Комельскому[1]) и постучались у воротъ съ молитвою Іисусовою.

Преподобный Корнилій, отворяя двери свои, сказалъ имъ:

— Чада, какъ прошли вы мѣста непроходимыя и зачѣмъ вошли въ сію убогую пустыню? Чего ищете вы?

Они отвѣчали ему:

— Владыка нашъ, преподобный отецъ Корнилій, нами овладѣло великое желаніе облечься въ иноческое одѣяніе. Христа ради — причти насъ къ своему богоизбранному стаду.

Преподобный Корнилій сказалъ Григорію:

— Ты, чадо Григорій, войди въ убогую мою обитель, а ты, чадо Ѳеодоръ, останешься въ мірской жизни, возьмешь жену и родишь дѣтей.

Прп҃бный
Геннадій

На Григорія преподобный Корнилій наложилъ искусъ иноческій по преданію святыхъ отцовъ. Въ этомъ искусѣ Григорій прожилъ значительное время, послѣ чего преподобный Корнилій, вошедши въ церковь, постригъ Григорія въ монашескій чинъ и сказалъ ему слово отъ святаго Евангелія: **Всѧ́къ, и҆́же ѡ҆ста́витъ ѻ҆тца̀, и҆лѝ ма́терь, и҆лѝ женꙋ̀, и҆лѝ ча̑да, и҆лѝ се́ла, и҆́мене моегѡ̀ ра́ди, стори́цею прїи́метъ, и҆ живо́тъ вѣ́чный наслѣ́дитъ. Мно́зи бꙋ́дꙋтъ пе́рви послѣ́днїи, и҆ послѣ́дни пе́рвїи**[2]). Затѣмъ старецъ говорилъ по отеческимъ вопросамъ и отвѣтамъ новопостригаемому и нарекъ имя ему вмѣсто Григорія—Геннадій. Наконецъ сказалъ:

— Усвой, чадо, разумъ древнихъ святыхъ отцовъ: терпѣніе, любовь и смиреніе, особенно же молитву общую, или соборную, и келейную и потрудись въ подвигахъ нелицемѣрныхъ.

---

[1]) *Преподобный Корнилій Комельскій* скончался въ 1537 г.; память его празднуется 19-го мая.

[2]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 19, ст. 29—30.

Другъ Геннадія Θеодоръ, по пророчеству преподобныхъ отцовъ Александра и Корнилія, провелъ жизнь свою въ мірѣ и въ глубокой старости скончался въ Москвѣ.

Преподобный Геннадій, по благословенію Корнилія, усердно подвизался въ молитвахъ и трудахъ, особенно же въ хозяйственныхъ монастырскихъ службахъ въ поварнѣ, пекарнѣ и прочихъ. Многіе изъ братіи негодовали на Геннадія за такіе его подвиги и роптали.

Слыша этотъ ропотъ, преподобный Корнилій укрѣплялъ святаго, говоря:

— Чадо Геннадій, не скорби о семъ на братію, ибо они такъ говорятъ по внушенію бѣсовскому.

Потомъ ненавистникъ добра діаволъ возбудилъ возмущеніе среди братіи и на самого Корнилія. Видя это, преподобный далъ мѣсто гнѣву и, взявъ съ собою ученика своего Геннадія, оставилъ свой новосозданный монастырь и ушелъ въ костромскіе предѣлы— въ дикій лѣсъ, на Сурское озеро, за шестьдесятъ верстъ отъ своего перваго монастыря. Немного далѣе версты отсюда жили царскіе крестьяне, оброчные бортники. Эти крестьяне очень обрадовались приходу Корнилія и Геннадія, построили имъ келью, приносили хлѣбъ, медъ и прочее необходимое, такъ какъ поблизости находилось бортное угодье—пчельникъ.

Преподобный Корнилій и Геннадій подвизались въ молитвѣ и постѣ, прилагая труды къ трудамъ: рубили лѣсъ, пахали землю и выкопали четыре пруда.

Однажды православному Великому князю Василію Іоанновичу угодно было предпринять трудъ путешествія на Бѣло озеро помолиться по обѣщанію своему о благочадіи. Когда Великій князь достигъ пустыни преподобнаго Корнилія и увидѣлъ, что тотъ удалился оттуда въ иное мѣсто, весьма огорчился на братію и говорилъ ей:

— Ради вашего ропота и непослушанія не живетъ отецъ Корнилій въ своей пустыни.

И тотчасъ же послалъ слугъ своихъ просить преподобнаго возвратиться на первое свое начинаніе. Преподобный Корнилій пришелъ предъ Великаго князя Василія[1]), припалъ къ ногамъ его и просилъ прощенія за отходъ свой отъ пустыни. Благовѣрный князь поднялъ его и сказалъ:

---

[1]) *Великій князь Василій IV Іоанновичъ* княжилъ съ 1505—1533 г.

— Любимиче мой, отецъ Корнилій, моли за насъ милостиваго Бога, дабы Господь Богъ даровалъ намъ плодъ благочадія въ наслѣдіе роду нашему и въ устроеніе честнымъ обителямъ, въ державу Россійскому царству и въ утвержденіе вѣры христіанской.

Затѣмъ Великій князь говорилъ преподобному Корнилію:

— Пребывай, отче, здѣсь, въ первомъ своемъ начинаніи и трудахъ, отходною же пустынею, по нашему повелѣнію, благослови ученика, котораго хочешь.

Когда Великій князь удалился, преподобный Корнилій благословилъ новою пустынею ученика своего Геннадія и повелѣлъ ему тамъ воздвигнуть церковь во имя боголѣпнаго Преображенія Господня.

Преподобный Геннадій, по благословенію отца Корнилія и по повелѣнію Великаго князя, все устроилъ въ пустыни: и церковь Божію воздвигъ, и украсилъ ее иконами, и книгами, и всякимъ благолѣпіемъ церковнымъ.

Когда въ пустыни стали умножаться братія, онъ построилъ и вторую церковь, теплую, во имя преподобнаго Сергія, Радонежскаго чудотворца, и украсилъ ее, какъ и первую.

Самъ же преподобный, трудясь постоянно, подавалъ братіи образецъ смиренія и терпѣнія; онъ устроилъ для братіи удобныя жилища; днемъ рубилъ дрова и по ночамъ разносилъ ихъ на своихъ плечахъ по братскимъ кельямъ, трудился въ поварнѣ и пекарнѣ, мылъ на братію власяницы, дѣлалъ свѣчи, варилъ кутью, пекъ просфоры,—особенно же преуспѣвалъ въ церковныхъ службахъ, въ постѣ и молитвѣ. Сверхъ этого, онъ на себѣ носилъ вериги и кресты желѣзные и тяжкія цѣпи. Такое великое бремя преподобный носилъ для усмиренія плоти.

Вслѣдствіе этого на немъ почила благодать Пресвятой Троицы; сподобившись ея, преподобный стремился къ бо́льшимъ и бо́льшимъ подвигамъ, подавая образецъ своимъ ученикамъ во всѣхъ обычаяхъ и нравахъ, ибо онъ училъ ихъ не столько словомъ, сколько дѣломъ, показывая то, что изложено выше.

«Кто въ состояніи изобразить всѣ подробности жизни его и всѣхъ подвиговъ и терпѣнія, или кто можетъ перечислить болѣзни и труды его и попеченіе о братіи?!» Такъ восклицаетъ составитель житія его, ученикъ его Алексій, который далѣе, въ похвалу преподобному Геннадію, а болѣе во славу Божію, повѣствуетъ о чудесахъ его, совершенныхъ, благодатію Божіею, при его жизни и по смерти.

Вотъ нѣкоторыя изъ сихъ чудесъ. Однажды случилось преподобному Геннадію придти въ царствующій градъ Москву съ учениками своими Серапіономъ и Уаромъ. Онъ былъ съ честію принятъ боярыней Іуліаніей Ѳеодоровной, женой Романа Юрьевича. Іуліанія просила Геннадія благословить сыновей ея Даніила, Никиту и дочь Анастасію. Когда святый благословлялъ Анастасію, то сказалъ:

— Ты — лоза прекрасная и вѣтвь плодовитая, будешь намъ государыней-царицей благовѣрной.

Слыша эти слова, боярыня Іуліанія вмѣстѣ со своими дѣтьми и всѣми бывшими при этомъ людьми удивилась, что за непонятныя рѣчи произноситъ Геннадій и откуда они возвѣщены ему.

Боярыня Іуліанія щедро довольствовала Геннадія, и въ продолженіе не одного года.

Все сказанное пророчески старцемъ сбылось: Анастасія Романовна сдѣлалась царицей, первой супругой Іоанна Васильевича Грознаго [1]). Она питала глубокую вѣру и почтеніе къ дому всемилостиваго Спаса и къ преподобному Геннадію, посылала ему честныя иконы и ризы и другія нужныя для церковной службы вещи.

Однажды бояринъ Борисъ Палецкій, постигнутый болѣзнію, пришелъ въ обитель Преображенія Господня помолиться. Преподобный Геннадій весьма обрадовался прибытію князя, созвалъ братію и встрѣтилъ посѣтителя въ Святыхъ воротахъ съ подобающею молитвой и далъ ему въ руки свой посошокъ. Съ того часа князь сталъ здоровъ и прославилъ Бога, и всѣ радовались выздоровленію князя. Давши довольную милостыню преподобному и братіи, князь возвратился въ свой домъ со всѣми людьми. Посошокъ, благословеніе старцево, князь поручилъ везти бывшему съ нимъ священнику Василію. Этотъ священникъ почему-то разсердился на князя и, похуля благословеніе святаго, бросилъ тотъ посошокъ въ рѣку Кострому. Князь очень опечалился, лишившись благословенія старцева. Когда же названный священникъ прибылъ къ себѣ въ домъ, то нашелъ тамъ жену свою умершею, а спустя нѣкоторое время и самъ впалъ въ тяжелый недугъ. Тогда онъ началъ каяться въ грѣхѣ своемъ, что посмѣялся надъ княземъ и преподобнымъ старцемъ по поводу посошка, и далъ обѣщаніе постричься въ дому Спасовомъ у старца Геннадія.

---

[1]) Перваго царя русскаго; управлялъ государствомъ съ 1533 по 1584 г. (въ 1547 г. принялъ титулъ царскій).

Спустя немного времени священникъ сей пришелъ въ обитель Спасову, припалъ къ преподобному и, повѣдавъ о случившемся, просилъ прощенія въ своей дерзости и умолялъ святаго, чтобы онъ причелъ его къ своему богоизбранному стаду. Преподобный же, благословивъ его, сказалъ:

— Братъ, Христосъ сказалъ: **грѧдꙋщаго ко мнѣ не ѝзженꙋ вонъ**[1]).

Потомъ повелѣлъ постричь его въ монашескій чинъ и нарекъ имя ему Варлаамъ. Варлаамъ подвизался довольно продолжительное время въ обители Преображенія Господня, а потомъ, по благословенію святаго старца Геннадія, былъ игуменомъ въ Богоявленскомъ монастырѣ въ городѣ Костромѣ.

Вышеупомянутый князь Борисъ Палецкій пожертвовалъ въ домъ Спасовъ въ обитель Геннадіеву цѣнный колоколъ.

Случилось нѣкогда Вологодскому и Великопермскому владыкѣ Кипріану впасть въ сильную болѣзнь. Имѣя усердіе къ обители Преображенія Господня, а также питая духовную любовь къ преподобному старцу Геннадію, послалъ одного изъ слугъ своихъ за старцемъ Геннадіемъ, прося его посѣтить по случаю болѣзни. Преподобный пришелъ со своими учениками, іеромонахами Мисаиломъ и Алексіемъ, въ городъ Вологду и попросилъ благословенія у епископа Кипріана. Владыка обрадовался приходу святаго старца и, не имѣя до того времени никакой возможности встать съ своей постели, всталъ на встрѣчу святаго, благословивъ его съ учениками крестнымъ знаменіемъ, и, взявъ преподобнаго за руку, ввелъ его во внутреннюю келью. Долгое время бесѣдовалъ святитель съ преподобнымъ старцемъ. Люди же, видя облегченіе епископа отъ болѣзни вслѣдствіе посѣщенія преподобнаго, весьма удивились и прославили Бога, творящаго чрезъ угодниковъ Своихъ преславныя чудеса. Послѣ бесѣды оба вкусили благословеннаго хлѣба. На другой день епископъ предъ всѣми людьми просилъ преподобнаго:

— Наставникъ пустынный, преподобный отче Геннадій, моли за насъ милостиваго Бога, чтобы Онъ облегчилъ мнѣ тѣлесную болѣзнь и исцѣлилъ недугъ ноги моей.

Преподобный сказалъ святителю:

— Человѣколюбецъ Богъ помогаетъ отъ скорби, и цѣлитъ недуги душевные и болѣзни тѣлесныя, и облегчаетъ немощь страждущимъ людямъ,—и не наше это дѣло великое. Господинъ мой,

[1]) Еванг. отъ Іоан., гл. 6, ст. 37.

святитель, все возможно отъ Бога, а отъ человѣковъ—ничто. Вотъ, ты, господинъ мой, теперь уже здоровъ отъ общей скорби тѣлесной, нога же твоя пусть напоминаетъ тебѣ о послѣднемъ часѣ и не исцѣлится до послѣдняго твоего издыханія. Миръ тебѣ, господинъ мой, святый отче!

Владыка послѣ сего прожилъ еще пять лѣтъ и отошелъ ко Господу.

Списатель житія преподобнаго Геннадія, ученикъ и преемникъ его по игуменству Алексій, разсказываетъ о себѣ самомъ слѣдующее. Будучи оскорбленъ братіей Геннадіевой обители Всемилостиваго Спаса, Алексій удалился отсюда въ городъ Кострому и поселился въ обители Богоявленія Господня. Но вскорѣ сильно заболѣлъ и не могъ стоять въ церкви. По этой причинѣ онъ переселился изъ Костромы въ Адріанову пустыню близъ Пошехонья. Но болѣзнь не прекращалась. По откровенію Божію, онъ возвратился въ Геннадіеву обитель Всемилостиваго Спаса и, притекши съ мольбой ко гробу Геннадія, просилъ прощенія въ своемъ малодушіи и получилъ исцѣленіе.

Изъ многочисленныхъ посмертныхъ чудесъ преподобнаго Геннадія упомянемъ еще слѣдующія.

Нѣкто боярскій сынъ Иванъ Лихаревъ пожертвовалъ Геннадіеву Спасову монастырю одно свое село, но потомъ передумалъ и передалъ это село въ Троице-Сергіеву Лавру. Вскорѣ послѣ сего сынъ его Алексій умеръ неожиданно, а жена впала въ тяжкую болѣзнь. Сосѣди и знакомые стали говорить, что мужъ ея поступилъ нехорошо, оставивъ Спасову обитель и отдавъ село въ другой монастырь, и совѣтовали ей написать письмо мужу, который находился въ Переяславлѣ Залѣсскомъ. Жена написала и тотчасъ же почувствовала облегченіе. Между тѣмъ въ Переяславлѣ Іоаннъ тоже впалъ въ болѣзнь: на него напалъ какой-то страхъ, и исказилось его лицо. Окружавшіе также упрекали его, зачѣмъ онъ оставилъ обитель Спасову. Тогда Іоаннъ внялъ посланію жены и совѣтамъ ближнихъ, возвратилъ село въ обитель преподобнаго Геннадія и обѣщался отъ нея не отходить. Вскорѣ онъ получилъ исцѣленіе отъ своей болѣзни. Молившіеся при гробѣ Геннадія съ вѣрою и усердіемъ получали исцѣленіе отъ различныхъ болѣзней: отъ боли зубной, отъ болѣзни глазъ, отъ разслабленія, особенно же отъ изступленія ума и бѣснованія.

Было и такое чудо. Одинъ іеродіаконъ Геннадіевой обители укралъ церковныя книги и скатерти и, прошедши только нѣсколько верстъ до рѣки Андомы, почувствовалъ разслабленіе и не могъ двинуть ни руками, ни ногами. Дали знать игумену, и онъ послалъ за діакономъ, котораго и привезли въ обитель съ книгами. Діаконъ повинился въ своемъ согрѣшеніи, припалъ ко гробу преподобнаго Геннадія, прося прощенія и исцѣленія рукъ и ногъ. И, по молитвамъ преподобнаго Геннадія, Богъ помиловалъ его и возвратилъ ему здоровье.

Посадскій человѣкъ города Костромы Лука Густышовъ не имѣлъ вѣры къ чудесамъ преподобнаго Геннадія и рѣшилъ не бывать въ обители Спасовой и у гроба преподобнаго.

Будучи выбранъ въ цѣловальники въ таможню (т. е. въ присяжные сборщики таможенныхъ пошлинъ), онъ отправился со своими товарищами для сбора государевыхъ денегъ. Но вдругъ онъ былъ пораженъ тяжкою болѣзнію: опухли щеки, разболѣлась нестерпимо голова, и онъ пришелъ въ изступленіе. Родственники привезли его домой, гдѣ онъ и лежалъ при смерти. Пришедши въ сознаніе, онъ вспомнилъ грѣхъ свой, обѣщался идти въ обитель Спасову и ко гробу преподобнаго Геннадія. Отслуживъ тамъ молебенъ, онъ молитвами преподобнаго Геннадія получилъ исцѣленіе.

Одна дворянка Галицкаго уѣзда, Корежской волости, изъ рода Лаптевыхъ, имѣла четверыхъ сыновей, изъ коихъ одинъ, по имени Кириллъ, пожелалъ постричься въ Геннадіевомъ монастырѣ и свою долю изъ отцовскаго имѣнія хотѣлъ отдать вкладомъ въ монастырь. Мать, узнавъ объ этомъ, стала клясть сына и не позволяла ему отдать его долю въ монастырь. Вдругъ ее постигла тяжкая нестерпимая болѣзнь головная. Мучимая сею болѣзнію, она вспомнила свой грѣхъ, дала обѣщаніе идти въ обитель Спасову, помолиться у гроба преподобнаго Геннадія и внести долю сына. Тогда же она почувствовала облегченіе отъ болѣзни и вскорѣ исполнила свое обѣщаніе. Сынъ ея постригся подъ именемъ Корнилія, она же прославила Бога за дарованное ей исцѣленіе.

Преподобный Геннадій передъ своею кончиною оставилъ поученіе, въ которомъ изложилъ свои мысли и завѣты объ иноческой жизни какъ своимъ ученикамъ, такъ и всѣмъ православнымъ. Вотъ сіе простое и назидательное поученіе.

«Великой лавры Живоначальной Троицы и Пречистой Богородицы обители Ипатской брату о Христѣ и присному пастырю словесныхъ овецъ игумену Вассіану, а также Спасовой обители нашей паствы строителю Іосифу и всему братству нашему. Говорю вамъ, духовные мои братья и спостники: для меня день уже при вечерѣ и сѣкира при корени, ибо отхожу уже къ судилищу Христову. Ради святой Господней заповѣди, не забывайте меня, когда будете молиться, но, видя мой гробъ, вспоминайте мою любовь и молитесь Христу, чтобы Онъ вселилъ духъ мой съ праведными. Вы же, дѣти мои, бойтесь Бога, повинуйтесь вашимъ наставникамъ во всемъ, по апостолу. Царя православнаго почитайте, святителей ублажайте, имъ повинуются всѣ игумены духовною совѣстію. А вы, мои дѣти, живущіе въ обители Спасовой, повинуйтесь игумену, которому поручена будетъ паства наша, и покоряйтесь ему во всемъ съ послушаніемъ. Особенно же умоляю васъ и завѣщаваю, чтобы вы не уходили изъ сего мѣста безъ благословенія настоятеля. Прекословія братъ съ братомъ не заводите, стремитесь къ свѣту, а тьму оставляйте. Пусть жизнь ваша будетъ по преданію святыхъ отцовъ и согласна съ тѣмъ, какъ намъ писалъ преподобный Корнилій[1]) и какъ въ обители нашей установлено иноческое житіе. Тебя же, благочестивый игуменъ Вассіанъ, умоляю, не оставь обители сей своею вѣрою. Вы же, братія и дѣти мои, не разоряйте общаго нашего преданія и не уклоняйтесь отъ церковнаго собора, ибо первая мерзость для монаховъ— это не ходить въ церковь; а пришедши въ церковь, стойте безъ глумленія, не пересуживайте. Равнымъ образомъ, и въ келейной молитвѣ не ослабѣвайте, чтобы не изнемогла ваша плоть вмѣстѣ съ душею и чтобы трудъ вашъ не погибъ, ибо возбужденіемъ лѣности сатана лукавый хочетъ монаха живымъ свести въ адъ. Умоляю васъ, братія мои и спостники, будьте нелѣнивы во всякихъ монастырскихъ службахъ, не скорбите и не унывайте въ трудахъ вашихъ, ибо труды ваши—для того, чтобы имѣть возможность ѣсть и пить. На пастыря во всякомъ случаѣ не ропщите, ибо ропщущій чернецъ приготовляетъ себѣ гибель. Равнымъ образомъ, со вниманіемъ слушайте учительное слово и творите благія и добрыя дѣла, лѣнивыхъ возбуждайте къ службѣ и къ молитвѣ,

---

[1]) *Преподобный Корнилій Комельскій* написалъ общежительный уставъ для своего монастыря, изъ котораго вышелъ преподобный Геннадій. Сей уставъ напечатанъ въ Исторіи Россійской іерархіи и особо—въ 1812 году.

святыни Божіей не отлучайтесь: если монахъ шесть недѣль Святыхъ Таинъ не причастится, то онъ не монахъ. Еще же умоляю васъ, братья мои, не крадите монастырскихъ орудій, ни хлѣба, ни овощей и не выносите за монастырь ради своихъ прихотей. Одежду имѣйте всѣ равную, по кельямъ всякой пищи не имѣйте, изъ трапезы хлѣба не выносите, исключая крайней нужды и болѣзни. Пусть питаніе ваше происходитъ въ трапезѣ и будетъ для всѣхъ равное; пусть ѣда и питье будутъ въ надлежащее время; на трапезѣ же не объѣдайтесь и не упивайтесь, ибо это мерзко предъ Богомъ и отягченіе и болѣзнь—для плоти. Непристойно также вамъ враждовать между собою, ибо заводящіе вражду и сквернословцы Царствія Небеснаго не наслѣдуютъ; таковы же и тѣ лукавые лицемѣры, которые братію свою посылаютъ туда и сюда, а сами и пальцемъ не касаются дѣла. О горе! Пучина горькаго ада наполняется нерадивыми монахами, праведники же, немного потерпѣвши и сохранивши Божіи заповѣди, будутъ радоваться во вѣки. Христосъ вселяетъ въ домъ Свой единомысленныхъ. Такъ-то и вы, дѣти мои, постарайтесь пройти сквозь тѣсныя врата и прискорбнымъ путемъ, чтобы пріобрѣсти животъ вѣчный. Слугамъ же и прочимъ рабочимъ повелѣваю—не гнѣваться и не враждовать другъ съ другомъ; слѣдуетъ во всемъ повиноваться настоятелю и слушаться, а братію не оскорблять ни словомъ, ни дѣломъ, не причинять неподобающихъ дерзостей, а стараться быть угодными всѣмъ людямъ. Орудія монастырскія и домашнія вещи слѣдуетъ беречь, чтобы ничто изъ нихъ не гибло. Къ чужому имуществу не прикасайтесь и отнюдь ничего не похищайте, ибо собираніе собственнаго имѣнія великій вредъ причиняетъ монаху, а душу предаетъ огню негасимому и мукамъ вѣчнымъ. И вы, дѣти мои, отъ такого зла и безумія берегитесь и прочимъ людямъ напоминайте эти наши слова. Монастырскія дѣла слѣдуетъ исполнять безъ ропота, нелѣностно и безъ мятежа, чтобы не быть лицемѣрами и человѣкоугодниками, дѣлая только на глазахъ, но старайтесь быть Богоугодными, за глаза работая вѣрою и правдою. Крестьянъ не обижайте насиліемъ и среди гостей не превозноситесь, занимайте послѣднія мѣста, а главное—ни съ кѣмъ не враждуйте и ложныхъ словъ о братіи игумену не говорите. Будьте, братья мои, поспѣшливы на добро и поучайтесь Слову Божію во святомъ Евангеліи и въ Апостольскихъ писаніяхъ. Храните въ дому Спасовомъ книги, нами пріобрѣтенныя:

слѣдуетъ вамъ, дѣти мои, вникать въ нихъ и прилагать умъ свой къ пониманію ихъ: здѣсь находятся труды святыхъ отцовъ. Если кто соблюдетъ заповѣди Божіи и вѣру Христову, таковый возрадуется во вѣки».

Преподобный Геннадій скончался 23-го января 1565 года; тихая и мирная кончина его послѣдовала послѣ непродолжительной болѣзни.

Ученикъ преподобнаго Геннадія и преемникъ его игуменъ Алексій въ похвальномъ словѣ святому перечисляетъ его добродѣтели и отмѣчаетъ, что за нихъ почитали его и въ царской семьѣ: онъ былъ воспріемникомъ дочери царя Іоанна Васильевича Грознаго отъ первой супруги его Анастасіи Романовны, которой ранѣе предсказалъ бракъ съ царемъ и чадородіе. Со словъ старца Антонія, постриженника Іосифова-Волоколамскаго монастыря, Алексій разсказываетъ о преподобномъ Геннадіи еще такое обстоятельство. Когда однажды Геннадій находился въ Москвѣ за Богослуженіемъ въ церкви, въ которой стояли царскіе слуги и боярскія жены, вошла бѣдная и убогая женщина съ дѣтьми, которыя плакали: одни — у нея на рукахъ, другія — подлѣ нея. Смотря на нее, знатныя боярыни, воздыхая ко Господу и Пресвятой Богородицѣ, про себя думали: Господь даровалъ дѣтей такимъ нищимъ, которымъ нечѣмъ кормить ихъ, а намъ, имѣющимъ возможность отъ царскаго жалованья воспитывать дѣтей, Господь не далъ чадородія, конечно за наши грѣхи. Преподобный Геннадій уразумѣлъ ихъ мысли и сказалъ имъ:

— Не скорбите, госпожи: если будете жить благочестиво въ своемъ положеніи, то, по повелѣнію Божію, съ сего времени будете рождать дѣтей.

По пророчеству преподобнаго сбылось сіе не съ одной, но со многими благородными женами. И въ другихъ городахъ преподобный Геннадій предсказывалъ многимъ благочестивымъ женщинамъ чадородіе.

Обрѣтеніе мощей преподобнаго Геннадія совершено въ 1644 г. въ дни благочестиваго царя Михаила Ѳеодоровича и при Патріархѣ Іосифѣ, когда ветхій деревянный храмъ Преображенія Господня разобрали и начали строить каменный храмъ; при копаніи рвовъ обрѣли гробъ съ нетлѣннымъ тѣломъ и ризами преподобнаго.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

МАВСИМЫ СИРИНА

Преподобный Мавсима былъ сиріецъ изъ окрестностей города Кира[1]); получивъ простое воспитаніе въ деревнѣ, святый показалъ преуспѣяніе во всѣхъ добродѣтеляхъ. Прославившись въ частной своей жизни, онъ получилъ духовное начальствованіе въ одномъ селеніи, близко отъ города. Священнодѣйствуя и пася овецъ стада Божія, онъ и говорилъ и дѣлалъ то, что повелѣваетъ Законъ Божественный. Онъ имѣлъ одну только одежду; когда она разрывалась отъ ветхости, преподобный нашивалъ на нее новыя и новыя заплаты и такъ покрывалъ свою наготу. Святый Мавсима столь усердно заботился о призрѣніи странниковъ и нищихъ, что дверь его жилища была всегда открыта для всѣхъ приходящихъ. У преподобнаго, говорятъ, было два сосуда: одинъ—съ хлѣбными сѣменами, а другой—съ масломъ, изъ которыхъ святый и удѣлялъ всѣмъ нуждающимся. Милосердый Господь, благословившій Сарептскую вдовицу, ниспослалъ такое же благословеніе и на сосуды преподобнаго Мавсимы: **бл҃гъ и҆ кро́токъ и҆ многомл҃тивъ гдⷭ҇ь всѣ́мъ призыва́ющымъ** Его[2]); повелѣвъ, чтобы не истощалась мука въ кадкѣ и масло въ кувшинѣ, изъ которыхъ вдова напитала великаго Пророка[3]), Господь и дивному Мавсимѣ подалъ изобиліе, равное его попеченію о бѣдныхъ. Благочестно и богоугодно проживъ до глубокой старости, святый мирно отошелъ ко Господу[4]).

---

1) *Сирія*—страна къ сѣверу отъ Палестины; въ сѣверной ея части, примыкающей къ Малой Азіи, находилась провинція Киристика, съ главнымъ городомъ Киръ.

2) Псал. **85**, ст. 5.

3) Придя, по повелѣнію Божію, къ вратамъ Сарепты Сидонской, св. Пророкъ Илія просилъ вдову, собиравшую дрова, принести ему кусокъ хлѣба. Та отвѣтила, что у нея осталось только горсть муки въ кадкѣ и немного масла въ кувшинѣ. «Пойду,—сказала она,—приготовлю это для себя и сына моего; съѣдимъ это и умремъ». Въ то время вслѣдствіе бездождія былъ голодъ въ землѣ Израильской. Св. Пророкъ сказалъ вдовѣ: «Такъ говоритъ Господь Богъ Израилевъ: мука въ кадкѣ не истощится и масло въ кувшинѣ не убудетъ до того дня, когда Господь дастъ дождь на землю». Женщина накормила человѣка Божія, и ея запасы муки и масла не истощились во все время голода. (3 Кн. Цар., гл. 17, ст. 8—16).

4) Въ концѣ IV вѣка.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

САЛАМАНА МОЛЧАЛЬНИКА

Сей преподобный отецъ нашъ Саламанъ происходилъ изъ селенія Каперсана, расположеннаго на западномъ берегу Евфрата[1]). Возлюбивъ уединеніе, онъ отыскалъ на другомъ берегу рѣки маленькую хижину и затворился въ ней, заложивъ наглухо дверь и окно; разъ въ годъ онъ выходилъ наружу черезъ подкопъ подъ стѣною и запасался пищей. Мѣстный епископъ, узнавъ о добродѣтельномъ житіи преподобнаго, пожелалъ удостоить его священства. Прибывъ съ сею цѣлію къ жилищу святаго, архипастырь приказалъ разобрать часть его стѣны, послѣ чего и вошелъ въ келлію. По рукоположеніи преподобнаго Саламана во пресвитера епископъ преподалъ ему наставленіе о благодати священства; во все время пребыванія своего въ келліи святитель не услышалъ отъ преподобнаго молчальника ни одного слова и удалился, приказавъ снова заложить разобранную часть стѣны. Жители того селенія, изъ котораго происходилъ преподобный Саламанъ, желая имѣть человѣка Божія въ своей средѣ, однажды ночью перешли рѣку вбродъ, взяли святаго, который не спорилъ, не сопротивлялся, но не выражалъ и согласія, и отвели на свою сторону; здѣсь поселяне построили для преподобнаго хижину, подобную прежней, и затворили его тамъ; святый Саламанъ продолжалъ хранить молчаніе, никто не слышалъ отъ него ни одного слова. Вскорѣ жители селенія, расположеннаго на другомъ берегу, гдѣ ранѣе спасался преподобный, пришли ночью къ новому его жилищу и услышали, что онъ творитъ такую молитву:

«Господи, Іисусе Христе, помилуй меня и всѣхъ служащихъ Имени Твоему и поклоняющихся Тебѣ, Истинному Богу нашему». Поселяне разобрали келью и отвели святаго къ себѣ; блаженный молчальникъ и на этотъ разъ нисколько не противился и не требовалъ, чтобы его оставили. Содѣлавъ, такимъ образомъ, себя мер-

---

1) *Евфратъ* вытекаетъ изъ горъ Арменіи, въ нижнемъ своемъ теченіи сливается съ Тигромъ, послѣ чего съ именемъ Шатъ-ель-Арабъ впадаетъ въ Персидскій заливъ. *Каперсана* (*Перса*, или *Персана*) находилась недалеко отъ Самосатъ (нынѣ Самсатъ), главнаго города сирійской провинціи Коммагены.

твымъ для сей жизни, онъ въ самомъ точномъ смыслѣ могъ повторить Апостольское слово: **хр҃то́ви сораспѧ́хсѧ: живꙋ̀ же не ктомꙋ̀ а҆́зъ, но живе́тъ во мнѣ̀ хр҃то́съ. а҆ є҆́же нынѣ̀ живꙋ̀ во пло́ти, вѣ́рою живꙋ̀ сн҃а бж҃їѧ, возлюби́вшагѡ мене̂ и҆ преда́вшагѡ себѐ по мнѣ̀**[1]). Въ такой высокой степени, какъ никто другой, умертвивъ въ себѣ плотское человѣка, блаженный Саламанъ до конца совершилъ свой подвигъ и, ликуя, преселился въ Небесныя обители[2]).

ВОСПОМИНАНІЕ

ШЕСТАГО ВСЕЛЕНСКАГО СОБОРА

Шестой Вселенскій Соборъ былъ въ 680 году при императорѣ Константинѣ Погонатѣ[3]) въ Константинополѣ, противъ монофелитовъ, которые, для примиренія монофизитскаго ученія съ православнымъ, признавали въ Іисусѣ Христѣ два естества подобно православнымъ, но, подобно монофизитамъ, допускали въ немъ лишь одну волю—Божественную[4]). Распространеніе этого ученія вызвало большія смуты въ Церкви и вызвало со стороны православныхъ ревностныхъ защитниковъ Православія, которые открыто выступили противъ монофелитства, видя въ немъ лишь прикрытое монофизитство[5]). Эдикты государей, явно признававшіе во Христѣ одну волю, но въ то же время, для прекращенія смутъ, предписывавшіе избѣгать выраженій и объ «единой», и о «двухъ воляхъ» во Христѣ[6]) и даже наистрожайше повелѣвавшіе прекратить безусловно всѣ пренія о спорномъ вопросѣ, подъ опасеніемъ

1) Посл. къ Галат., гл. 2, ст. 20.

2) Около 400-го года.

3) *Императоръ Византійскій Константинъ IV Погонатъ* царствовалъ съ 688 по 695 г.

4) Въ Александріи, гдѣ особенно сильно было монофизитство, представителемъ этого неправославнаго ученія явился Киръ, Патріархъ Александрійскій (патріаршествовалъ въ 630—640 гг.). Константинопольскій Патріархъ Сергій (610—638 гг.) и папа Римскій Гонорій (625—638) также не нашли въ ученіи монофелитовъ ничего неправославнаго и явились его послѣдователями, хотя, для предотвращенія новыхъ смущеній въ Церкви, положили воздерживаться отъ всякаго рѣшительнаго выраженія относительно этого предмета, еще не опредѣленнаго Церковію.

5) Во главѣ ихъ стали святый Софроній, Патріархъ Іерусалимскій (634—644 гг.) и преподобный Максимъ Исповѣдникъ, о которыхъ см. подробнѣе въ житіи послѣдняго подъ 20 числомъ января.

6) Таковъ «экѳесисъ», т. е. изложеніе вѣры, императора Ираклія, гдѣ въ то же время признавалось безусловною истиною, что во Христѣ — одна воля.

гражданскаго преслѣдованія ослушниковъ[1]), дали только поводъ къ большему раздраженію и произвели со стороны доблестныхъ защитниковъ Православія даже мучениковъ[2]). При этомъ восточные и западные отцы и представители Церквей раздѣлились, такъ какъ среди первыхъ было много монофелитовъ, а Западная Церковь открыто заявила себя противъ ереси и выступила въ защиту православнаго ученія. Это и побудило, наконецъ, императора Константина Погоната къ созванію Вселенскаго Собора, который и былъ открытъ въ 680 году, по предварительномъ сношеніи съ Римомъ. На Соборѣ присутствовало 170 отцовъ, среди которыхъ лично присутствовали два восточныхъ патріарха: Георгій Константинопольскій[3]) и Макарій Антіохійскій[4]), оба монофелита; папа же Римскій Агаѳонъ прислалъ отъ себя легатовъ. Императоръ самъ присутствовалъ при засѣданіяхъ Собора, который продолжался около года. Изувѣрство монофелитовъ дошло до такой степени изступленія, что одинъ изъ ѳракійскихъ монаховъ, по имени Полихроній, вызвался предъ Соборомъ въ доказательство правомыслія монофелитовъ воскресить мертвеца, но, при дозволенномъ ему всенародномъ опытѣ, былъ жестоко посрамленъ. Послѣ многихъ жаркихъ преній Соборомъ опредѣлено было признавать двѣ воли въ Іисусѣ Христѣ—Божественную и человѣческую, соотвѣтствующія двумъ естествамъ. Георгій, Патріархъ Константинопольскій, сознался въ заблужденіи и былъ принятъ въ общеніе съ Церковію. Но Антіохійскій Патріархъ Макарій остался упорно при монофелитской ереси, вслѣдствіе чего и былъ преданъ анаѳемѣ со всѣми предшествовавшими монофелитами. Соборъ, начавшійся 7-го ноября 680 года, окончился 16-го сентября 681 года.

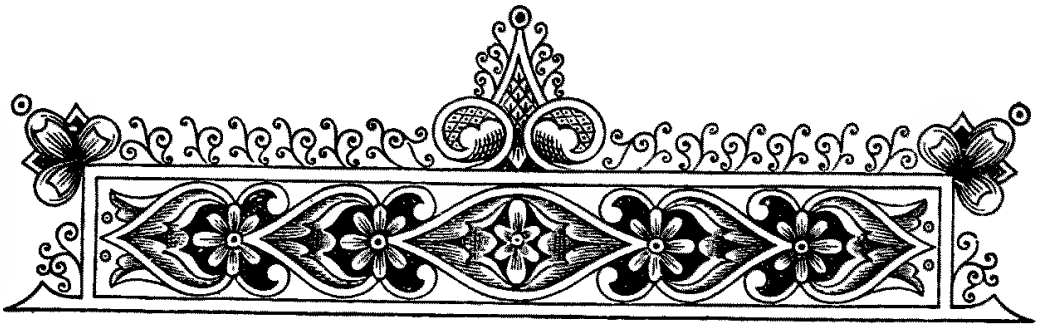
---

1) Разумѣется т. н. «Типосъ вѣры», изданный преемникомъ Ираклія, императоромъ Констансомъ.

2) Между ними особенно замѣчательны преподобный Максимъ Исповѣдникъ и папа Римскій Мартинъ I (занималъ каѳедру съ 649 по 653 г.). См. о семъ подробнѣе въ житіи преподобнаго Максима подъ 20 января.

3) *Георгій I, Патріархъ Константинопольскій*, занималъ каѳедру съ 678 по 683 г.

4) *Макарій Антіохійскій* патріаршествовалъ съ 653 по 680 г.



День двадцать четвертый

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНОЙ МАТЕРИ НАШЕЙ

КСЕНІИ, въ мірѣ ЕВСЕВІИ

Жилъ въ Римѣ одинъ знатный и почтенный мужъ, принадлежавшій къ сословію старшихъ сенаторовъ, по вѣрѣ христіанинъ, глубоко благочестивый, имѣвшій единственное дитя, какъ зѣницу ока,—дочь по имени Евсевію. Когда она достигла дѣвическаго возраста, одинъ вельможа, также изъ сословія сенаторовъ, просилъ родителей Евсевіи отдать дочь свою за сына его. Родители Евсевіи, посовѣтовавшись между собою, обручили ее благородному юношѣ, равному имъ почестями и богатствомъ, и уже назначенъ былъ день, когда долженъ былъ совершиться законный бракъ. Дѣвица же, исполненная любви къ Богу, пожелала остаться вѣчною невѣстою нетлѣннаго Жениха—прекраснѣйшаго по своимъ совершенствамъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ, Самого Христа Господа и сохранить свое дѣвство навсегда. Однако, она утаила свое желаніе отъ родителей, ибо знала, что если бы они угадали ея намѣреніе, то не захотѣли бы и слышать объ этомъ. Они всячески препятствовали бы ей и, то лестію и ласками, то приказаніями, принудили бы ее къ браку, тѣмъ болѣе, что она была единственною наслѣдницей всѣхъ ихъ богатствъ; они пожелали бы утѣшаться ея супружествомъ и дѣтьми ея.

Блаженная Евсевія имѣла двухъ вѣрныхъ ей рабынь, которыя съ дѣтства выросли съ нею и служили ей со всѣмъ усердіемъ и преданностью. Уединившись съ ними, она сказала:

— Я хочу открыть вамъ одну тайну, но предварительно заклинаю васъ Господомъ Богомъ, чтобы вы никому не говорили о томъ, что услышите отъ меня: я хочу повѣдать вамъ сокровенную мысль и желаніе моего сердца. Смотрите же, чтобы никто изъ смертныхъ не узналъ моей тайны; еще лучше, если и вы сами согласитесь со мною. Тогда и вы спасете свои души, и моему недостоинству поможете.

Рабыни отвѣтили ей:

— Все, что повелишь намъ, госпожа наша, мы исполнимъ, тѣмъ болѣе что и нашимъ душамъ будетъ польза отъ твоего замысла. Мы готовы скорѣе умереть за тебя, чѣмъ сказать кому-либо о томъ, что́ ты имѣешь открыть намъ.

Тогда дѣвица сказала имъ:

— Вы знаете, что родители мои хотятъ выдать меня замужъ; но мнѣ и на умъ никогда не приходило даже помыслить о бракѣ. Слишкомъ тяжело для меня это дѣло, которое родители совѣтуютъ мнѣ исполнить. Что́ для меня такая жизнь? Только призракъ, туманъ и сонъ. Послушайте же меня: рѣшимся сообща на чистое житіе, и если воля Господня благословитъ мое намѣреніе, а вы послѣдуете моему совѣту и сохраните въ тайнѣ, что́ я сказала вамъ,—то обдумаемъ все, что намъ слѣдуетъ дѣлать. Повѣрьте мнѣ, что если бы родители мои и узнали объ этомъ и захотѣли бы насильно принудить меня къ браку, то, при Божіей помощи мнѣ, они никогда не будутъ въ состояніи измѣнить моего намѣренія, даже если бы предали меня огню, мечу или дикимъ звѣрямъ.

Выслушавъ это, обѣ рабыни сказали:

— Да будетъ воля Господня! Мы согласны съ твоимъ намѣреніемъ и стремимся къ тому же, къ чему и ты, госпожа наша. Мы скорѣе желаемъ умереть съ тобою, чѣмъ безъ тебя царствовать.

Услышавъ отъ своихъ рабынь такія рѣчи, блаженная Евсевія прославила Бога. Послѣ этого всѣ три дѣвицы, имѣвшія одинаковую любовь ко Христу, постоянно размышляли о томъ, что бы имъ сдѣлать, дабы желаніе ихъ могло осуществиться. И молили онѣ Бога подать имъ благой совѣтъ.

Начиная съ того дня, когда они предали себя съ любовью Господу, рѣшившись на безбрачную жизнь, Евсевія тайно отъ

родителей раздавала нуждающимся, руками своихъ отроковицъ, все, что имѣла: золото, серебро и всѣ драгоцѣнныя вещи. Отроковицы раздавали и свое имущество, какое имѣли, готовясь къ нищетѣ, ради любви ко Христу. Когда уже приближался день брака и всѣ готовились къ нему, блаженная Евсевія, посовѣтовавшись съ своими отроковицами, переодѣлась вмѣстѣ съ ними въ мужскія одежды и, взявъ немного необходимаго изъ имущества, вышла съ ними тайно изъ дому, такъ какъ двери оказались незапертыми. Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, онѣ обратились ко Христу Богу съ молитвою:

Прп҃бнаѧ зе́нїѧ

«Пребудь съ нами, Сынъ Божій, и укажи намъ путь, которымъ мы должны идти, ибо, ради любви къ Тебѣ, мы оставляемъ домъ и все, что въ немъ, и рѣшаемся лучше странствовать и жить въ скорбяхъ, къ Тебѣ стремясь и Тебя желая обрѣсти».

Такъ они помолились со слезами, выходя изъ дому, и затѣмъ пошли, плача и радуясь въ одно время.

Во время пути святая Евсевія обратилась къ рабынямъ своимъ:

— Съ этого времени будьте мнѣ сестрами и госпожами; лучше я вамъ буду служить въ теченіе всей моей жизни. Только, госпожи мои, оставимъ все ради Бога и ничего иного не станемъ искать на землѣ, какъ только спасенія душъ нашихъ. Будемъ избѣгать всякихъ суетныхъ житейскихъ заботъ, вредныхъ для души; будемъ вѣровать Господу, заповѣдавшему: **всѧ́къ, и҆́же ѡ҆ста́витъ до́мъ, и҆лѝ ѻ҆тца̀, и҆лѝ ма́терь, и҆лѝ се́ла, и҆́мене моегѡ̀ ра́ди, стори́цею прїи́метъ, и҆ живо́тъ вѣ́чный наслѣ́дитъ**[1]). Да, сестры мои, позаботимся о спасеніи душъ нашихъ.

---

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 19, ст. 29.

Между тѣмъ какъ святая такъ бесѣдовала съ ними, онѣ пришли къ морю и, нашедши корабль, готовый отплыть въ предѣлы Александріи, дали плату и помѣстились на немъ. Такъ какъ дулъ попутный вѣтеръ, то онѣ чрезъ нѣсколько дней достигли Александріи. Оставивъ корабль, онѣ прибыли на одинъ островъ, по названію Коя, отстоявшій отъ Карійскаго города Галикарнасса[1]) въ пятнадцати тысячахъ шаговъ. Онѣ переходили съ мѣста на мѣсто, желая найти никому не извѣстную мѣстность, чтобы не быть отысканными родителями. Находясь на этомъ островѣ безъ опасеній относительно поисковъ, онѣ снова перемѣнили мужской видъ на женскій и, снявъ въ наемъ небольшой уединенный домикъ, жили въ немъ, благодаря Бога, Которому и молились постоянно, чтобы Онъ послалъ имъ имѣющаго духовный санъ человѣка, могущаго облечь ихъ въ иноческій чинъ и позаботиться о душахъ ихъ. Святая Евсевія убѣждала подругъ своихъ, говоря:

— Молю васъ, сестры мои, ради Господа: сохранимъ нашу тайну и никому не скажемъ объ Отечествѣ нашемъ и о томъ намѣреніи, ради котораго мы ушли изъ дома, а равно и о имени моемъ, чтобы по моему имени, которымъ я называюсь, и по Отечеству, изъ котораго мы ушли, родители мои не нашли меня. Заклинаю васъ Богомъ, чтобы все это вы сохранили въ тайнѣ до конца моей жизни и никому не говорили ничего о бывшемъ съ нами или имѣющемъ случиться. Если же кто-либо спроситъ васъ о моемъ имени, скажите, что я называюсь Ксеніей, что значитъ—чужестранка[2]); ибо, какъ видите, я странствую, оставивъ домъ и родителей, ради Бога. Отселѣ и вы зовите меня не Евсевіей, а Ксеніей, такъ какъ я не имѣю здѣсь постояннаго жительства, но, странствуя вмѣстѣ съ вами въ этой жизни, ищу будущаго.

Въ отвѣтъ на эту рѣчь святой Евсевіи къ своимъ подругамъ онѣ обѣщали сохранить въ тайнѣ все, сказанное имъ, и съ этого времени святая невѣста Христова стала называться, вмѣсто Евсевіи, Ксеніей.

Однажды она, преклонивъ колѣни свои вмѣстѣ съ подругами, начала плакать и говорить:

— Боже, сотвори съ нами, странницами и убогими, великую Твою милость, какъ это Ты сотворилъ и со всѣми Твоими свя-

---

1) *Карія*—юго-западная часть Малоазійскаго полуострова. *Галикарнассъ*—одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ Каріи.

2) Отъ греческаго слова ξένος—*чужой, чужестранный.*

тыми. Пошли намъ, Владыко, человѣка благоугоднаго Тебѣ, чрезъ котораго и мы, смиренныя, могли бы спастись.

Помолившись такъ, святая Ксенія вышла съ сестрами изъ дома, въ которомъ онѣ жили,—и вотъ онѣ увидѣли почтениаго сѣдовласаго старца, идущаго отъ пристани, одѣтаго по-иночески, лицо котораго было подобно лицу Ангела. Подошедши къ нему, святая дѣвица припала къ ногамъ и, плача, стала говорить:

— Человѣкъ Божій, не презри странствующей по чужой странѣ, не отвергни убогой нищей, не погнушайся мольбою грѣшницы, но уподобись святому Апостолу Павлу и будь намъ наставникомъ и учителемъ, какимъ онъ былъ для святой Ѳеклы. Вспомни о воздаяніи, уготованномъ праведнымъ отъ Бога, и спаси меня вмѣстѣ съ этими двумя сестрами.

Услышавъ это, служитель Божій почувствовалъ жалость и, взирая на слезы ихъ, спросилъ:

— Чего ты хочешь и чтó я долженъ сдѣлать вамъ?

Она отвѣтила:

— Будь намъ отцомъ по Богѣ и учителемъ. Веди насъ туда, гдѣ мы могли бы спастись; мы—странницы и не знаемъ, куда намъ идти; мы стыдимся показаться людямъ.

Онъ спросилъ тогда:

— Откуда вы и какова причина, что вы такъ одиноки?

Святая отвѣтила:

— Мы изъ очень далекой страны, рабъ Христовъ. Мы согласились вмѣстѣ уйти съ родины и пришли въ эту мѣстность. Мы молили Бога день и ночь, чтобы Онъ послалъ намъ человѣка, который помогъ бы намъ спастись. И вотъ Богъ указалъ намъ тебя, духовнаго отца, могущаго принять немощи наши.

Святый старецъ сказалъ на это:

— Повѣрьте мнѣ, сестры, и я—странникъ здѣсь, какъ вы видите. Я иду отъ Святыхъ мѣстъ; поклонившись тамъ, я возвращаюсь въ свое отечество.

Раба Христова спросила:

— Изъ какой страны ты, духовный отецъ, господинъ мой?

Онъ отвѣтилъ:

— Я изъ страны Карійской, изъ города Миласса.

Тогда раба Христова опять обратилась къ нему:

— Умоляю твою святость: скажи намъ, каковъ твой санъ, ибо я думаю, что ты—епископъ.

Старецъ сказалъ ей на это:

— Прости меня, сестра! Я—человѣкъ грѣшный и недостойный иноческаго сана. По щедротамъ Божіимъ, я—пресвитеръ и игуменъ небольшаго собранія братіи, въ монастырѣ святаго и преславнаго Апостола Андрея; имя мое Павелъ.

Услышавъ это, раба Христова прославила Бога, говоря:

— Слава Тебѣ, Боже, что Ты услышалъ меня, убогую, и послалъ мнѣ, какъ нѣкогда святой Ѳеклѣ[1]), святаго Павла—человѣка, который спасетъ меня съ этими двумя сестрами.

Затѣмъ она обратилась къ старцу:

— Умоляю тебя, рабъ Божій, не отвергни насъ, странницъ, но будь намъ отцомъ по Богѣ.

Блаженный Павелъ отвѣтилъ имъ:

— Я сказалъ вамъ, что и я странникъ, и не знаю, что́ хорошаго я могу сдѣлать вамъ здѣсь? Если же вы хотите идти въ мой городъ, то я надѣюсь, что Господь сотворитъ милость Свою съ вами, а я, по мѣрѣ силъ своихъ, буду заботиться о васъ.

Дѣвы, со слезами преклоняясь предъ старцемъ, говорили:

— Да, рабъ Божій! Возьми насъ съ собою. Мы пойдемъ туда, куда повелишь намъ, но только окажи милость странницамъ и будь намъ руководителемъ къ вѣчной жизни.

Человѣкъ Божій взялъ съ собою святыхъ дѣвъ и пошелъ съ ними въ городъ Милассъ. Тамъ онъ нашелъ имъ жилища на уединенномъ мѣстѣ, находившіяся близъ церкви. Святая дѣвица купила ихъ за деньги, взятыя изъ дому, а затѣмъ построила небольшую церковь во имя святаго первомученика Стефана и въ скоромъ времени устроила женскій монастырь, собравъ нѣсколько дѣвицъ и посвятивъ ихъ Христу. Игуменъ, святый Павелъ, заботился о нихъ. Онъ и постригъ святую Ксенію съ ея двумя рабынями въ иноческій чинъ. Никто и никогда не узналъ, до самой кончины ея, откуда была эта святая дѣвица, и по какой причинѣ она оставила Отечество, и каково ея подлинное имя, въ то время какъ она называла себя Ксеніей, то есть странницей. Преподобный же Павелъ тѣмъ, кто спрашивалъ объ этихъ дѣвахъ, говорилъ:

— Я взялъ ихъ съ острова Кои и привелъ сюда.

Такъ всѣ и думали, что они прибыли оттуда. Потому-то и монастырь тотъ называли по имени острова Кои.

---

[1]) Здѣсь разумѣется *св. первомученица Ѳекла* (память ея—24 сентября), обращенная въ вѣру Христову св. Ап. Павломъ.

Спустя немного времени Кириллъ, епископъ того города, почилъ о Господѣ, а на его мѣсто былъ избранъ преподобный Павелъ, игуменъ Андреевскаго монастыря. По принятіи епископскаго сана онъ пришелъ въ дѣвичій монастырь и посвятилъ Ксенію, помимо ея желанія, въ діакониссы—какъ вполнѣ достойную этого сана. Ибо она, еще живя во плоти, проводила ангельскую жизнь. Хотя она, какъ дочь сенатора, была воспитана въ роскоши и среди всякихъ удобствъ, однако, устремилась къ столь трудной и подвижнической жизни и замѣтно обнаруживала на себѣ совершенно новые, необычные и трудные, пути къ постническому совершенству. Воздержанія ея боялись даже бѣсы; побѣждаемые ея постомъ и подвигами, они убѣгали, не смѣя и приступить къ ней. Она вкушала пищу или на второй, или на третій день, а много разъ и всю седмицу оставалась безъ пищи. Когда же наступало ей время принимать пищу, она не вкушала ни зелени, ни бобовъ, ни вина, ни елея, ни огородныхъ овощей, ни чего-либо другаго изъ питательныхъ яствъ, а только немного хлѣба, орошеннаго собственными слезами. Она брала изъ кадильницы пепелъ и посыпала имъ хлѣбъ. Дѣлала она это во всѣ годы своей жизни, исполняя пророческое изреченіе: **пе́пелъ ꙗ҆́кѡ хлѣ́бъ ꙗ҆дѧ́хъ, и҆ питїѐ моѐ съ пла́чемъ раствора́хъ**[1]). При этомъ она всячески старалась скрыть такое свое воздержаніе отъ прочихъ сестеръ, и только двѣ ея рабыни, жившія вмѣстѣ съ нею, наблюдали тайно, что она дѣлаетъ, и сами подражали ея добродѣтельной жизни. При этомъ она всегда сохраняла столь великую бодрость, что съ вечера и до утрени простаивала всю ночь на молитвѣ, простерши свои руки вверхъ. Въ такомъ видѣ сестры наблюдали ее тайно во всѣ дни ея жизни. Иногда же она, преклонивъ колѣни съ вечера, совершала молитву до утра, проливая обильныя слезы. Такъ она всегда служила Господу и дѣлала это съ такимъ смиреніемъ, какъ будто считала себя хуже всѣхъ людей.

Но кто можетъ перечислить всѣ прочія ея добродѣтели? Какое слово будетъ достаточнымъ для изображенія всѣхъ ея подвиговъ! Что́, прежде всего, сказать о ея кротости? Никто и никогда не видѣлъ ее гнѣвающеюся; никакое тщеславіе или горделивость не омрачили ея жизни. Лицо ея было всегда смиренно, умъ—безъ всякаго превозношенія, лицо—безъ прикрасъ, тѣло—изможден-

---

[1]) Псаломъ 101, ст. 10.

ное постническими трудами, сердце ея—спокойное, не тревожимое никакими сомнѣніями. Какой только добродѣтели у нея не было! Ей были присущи: всегдашнее бдѣніе, необычайное воздержаніе, несказанное смиреніе, безмѣрная любовь. Она помогала бѣднымъ, обнаруживала состраданіе къ страждущимъ, была милосердна къ грѣшникамъ, а соблазнившихся наставляла на путь покаянія. Объ одеждахъ ея нечего и говорить: она носила очень ветхія платье и рубашку, но и тѣхъ считала себя недостойною. Вся жизнь ея проходила въ сердечномъ умиленіи и постоянномъ пролитіи слезъ. Скорѣе можно было видѣть обильные водные источники пересохшими въ знойное время, нежели глаза ея—переставшими лить слезы. Всегда взирая на возлюбленнаго Жениха Христа, глаза ея источали цѣлые потоки слезъ. Она желала видѣть Его лицомъ къ лицу и говорить съ Давидомъ: **когда̀ прїидꙋ̀, и҆ ꙗ҆влю́сѧ лицꙋ̀ бж҃їю**, лицу сладчайшаго Жениха моего? **Бы́ша слёзы моѧ̀ мнѣ̀ хлѣ́бъ дёнь и҆ но́щь**[1]).

Когда же приблизилось для этой приснопамятной дѣвы, непорочной невѣсты Христовой, время отшествія изъ настоящей земной жизни, наступилъ праздникъ въ память святаго Ефрема, бывшаго нѣкогда въ томъ городѣ епископомъ. Блаженный епископъ Павелъ отправился со всѣмъ клиромъ своимъ въ селеніе, называемое Левкиномъ. Тамъ была церковь святаго епископа Ефрема, а въ ней почивали его честны́я мощи. Въ этотъ день преподобная Ксенія призвала всѣхъ сестеръ своихъ въ монастырскую церковь и начала говорить имъ:

— Госпожи мои и сестры! Я знаю, какую любовь вы обнаруживали по отношенію ко мнѣ,—какъ вы терпѣли мои немощи и помогали мнѣ, странницѣ. Нынѣ я умоляю васъ: продлите до конца любовь вашу ко мнѣ, рабѣ вашей; поминайте меня, убогую, грѣшную и странную, въ молитвахъ вашихъ, умилостивляя ко мнѣ Бога, чтобы меня не затруднили грѣхи мои, но чтобы, по молитвамъ вашимъ, я могла безпрепятственно перейти ко Христу моему. Вотъ, уже приблизилась кончина моя; душа моя сильно страдаетъ и скорбитъ, такъ какъ я безъ надлежащаго приготовленія оставляю тѣло мое. Нынѣ здѣсь нѣтъ отца нашего и господина, епископа Павла. Поэтому вы, вмѣсто меня, скажите ему, когда онъ придетъ,—такъ говорила убогая Ксенія: Бога ради,

---

[1]) Псаломъ 41, ст. 3—4.

честный отче, поминай меня, странницу: ты наставилъ меня на путь и ввелъ въ эту жизнь,—молись же за меня, чтобы не посрамилъ меня Господь въ моей надеждѣ.

Слыша это, всѣ сестры начали плакать и говорить:

— Госпожа наша и наставница душъ нашихъ! Ты оставляешь насъ въ сиротствѣ и для бѣдствій. Кто же будетъ наставлять насъ на истинный путь жизни? Кто будетъ поучать насъ? Кто помолится за насъ въ уныніи нашемъ? Нѣтъ, госпожа наша. Въ это время не оставляй насъ. Вспомни, какъ ты сама собрала насъ въ эту ограду. Позаботься, госпожа, о душахъ нашихъ и умоли Бога, да продлитъ Онъ для тебя еще нѣкоторое время ради насъ убогихъ, чтобы ты наставила насъ на путь спасенія.

Обѣ рабыни ея также начали преклоняться къ ногамъ ея и горько плакать, говоря:

— Ты уже оставляешь насъ, наша госпожа, и безъ насъ уходишь отсюда. Что́ же мы сдѣлаемъ безъ тебя, убогія? Что мы будемъ дѣлать, странницы, въ чужой странѣ? О горе намъ, убогимъ, бѣднымъ и странницамъ! Мы не радѣли о себѣ, и поэтому однѣхъ насъ хочешь ты оставить, госпожа наша. Вспомни наши скорби, которыми мы скорбѣли вмѣстѣ съ тобою. Вспомни наше общее странствованіе, въ которомъ мы были тебѣ спутницами. Вспомни, какъ всегда мы усердно служили тебѣ. Вспомни о насъ и помолись за насъ Богу; возьми и насъ съ собою, чтобы мы не разлучались съ тобою, госпожа наша.

Когда затѣмъ наступило громкое рыданіе и произошло смятеніе, начала и сама Ксенія говорить со слезами:

— Вы знаете, сестры мои, насколько времени ранѣе этого провозгласилъ святый Апостолъ Петръ: не косни́тъ гдⷭ҇ь ѡ҆бѣтова́нїѧ, ꙗ҆́коже нѣ́цыи коснѣ́нїе мнѧ́тъ: но долготерпи́тъ на на́съ, не хотѧ́, да кто̀ поги́бнетъ, но да всѝ въ покаѧ́нїе прїи́дꙋтъ. Прїи́детъ же де́нь гдⷭ҇ень ꙗ҆́кѡ тѧ́ть[1]). Зная это, сестры мои, не будемъ лѣниться въ продолженіе этого малаго времени, но будемъ бодрствовать. Зажжемъ наши свѣтильники, наполнимъ елеемъ наши сосуды, приготовимся къ встрѣчѣ Жениха, такъ какъ мы не знаемъ, въ какой часъ призоветъ насъ Господь: ибо вотъ наступаетъ жатва и дѣлатели готовы, но только ждутъ повелѣнія Владыки.

---

[1]) 2 Посл. Петр., гл. 3, ст. 9—10.

Когда святая сказала это, а всѣ плакали и припали къ ногамъ ея, она воздѣла руки свои къ Небу и, проливая обильныя слезы, такъ начала молиться:

— Боже, промышлявшій о моемъ земномъ странствіи до сего дня! Услышь меня, убогую и грѣшную рабу Твою: будь милостивъ къ этимъ Твоимъ рабынямъ, моимъ сестрамъ. Сохрани ихъ и спаси отъ всякихъ козней діавольскихъ ради славы и величія Твоего святаго Имени. Молюсь Тебѣ, Боже мой: помяни и этихъ двухъ сестеръ моихъ, вмѣстѣ со мною странствовавшихъ, ради любви Твоей. Какъ въ этой временной жизни онѣ не разлучались со мною, такъ не разлучи насъ и въ Царствіи Твоемъ, но всѣхъ вмѣстѣ сподоби чертога Твоего.

Помолившись такъ, она попросила всѣхъ сестеръ выйти на время и оставить ее одну для молитвенныхъ размышленій. Когда всѣ вышли изъ церкви, она затворилась тамъ одна, а двѣ рабыни ея, оставшись предъ дверьми, наблюдали внутрь чрезъ скважину. Онѣ видѣли, какъ она молилась, преклонивъ на землю колѣни свои, а затѣмъ среди молитвы она крестообразно простерлась на землѣ ницъ. Когда она лежала такъ довольно долго, внезапно возсіялъ въ церкви свѣтъ, по виду подобный молніи; при этомъ сильное благоуханіе начало исходить изъ церкви. Сестры поспѣшно вошли внутрь и хотѣли поднять ее съ земли, но уже нашли ее почившею о Господѣ. Это было 24-го января[1]), въ субботу, въ шестомъ часу дня. Эти обѣ сестры съ плачемъ вышли изъ церкви и призвали прочихъ, говоря:

— Матери наши и сестры! Пойдемъ и возрыдаемъ по поводу общаго нашего сиротства. Пойдемъ и будемъ плакать о кончинѣ той, которая была столпомъ нашимъ. Мы лишились честной нашей матери. Отошла отъ насъ наставница наша, и мы остались однѣ. Святая Ксенія, мать наша, почила.

Вошедши въ церковь, всѣ увидѣли ее перешедшею отъ здѣшней жизни въ иной міръ. Тогда начался плачъ и великое рыданіе. Человѣколюбецъ же Богъ, восхотѣвъ показать всѣмъ, какое сокровище было утаено отъ всѣхъ на землѣ, явилъ на Небѣ великое и пресвѣтлое знаменіе. Въ тотъ самый часъ, когда преподобная Ксенія предала свою святую душу въ руцѣ Господа, послѣ полудня, при совершенно ведренной и ясной погодѣ, явился на

---

1) Кончина преподобной Ксеніи послѣдовала во второй половинѣ V вѣка.

небѣ, надъ дѣвичьимъ монастыремъ, очень свѣтлый вѣнецъ изъ звѣздъ, имѣвшій посрединѣ крестъ, который сіялъ ярче солнца. Это знаменіе было видимо всѣми. Миласскіе граждане, бывшіе вмѣстѣ съ своимъ епископомъ, преподобнымъ Павломъ, въ Левкійскомъ селеніи, видя на небѣ знаменіе, удивлялись и въ недоумѣніи спрашивали другъ друга: что́ это можетъ значить? Блаженный епископъ Павелъ, уразумѣвъ духомъ значеніе знаменія, сказалъ всему собранію народа:

— Госпожа наша Ксенія умерла, и по этому случаю явилось знаменіе вѣнца.

Немедленно по окончаніи Литургіи онъ возвратился въ городъ со всѣмъ народомъ, бывшимъ на праздникѣ, и тамъ граждане нашли, какъ и сказалъ имъ епископъ, святую Ксенію почившею.

Тотчасъ собралось къ дѣвичьему монастырю многое множество народа, много мужей и женъ съ дѣтьми, привлеченныхъ видимымъ на небѣ знаменіемъ. Они громко восклицали:

— Слава Тебѣ, Христе Боже, что Ты имѣешь множество святыхъ, втайнѣ угождающихъ Тебѣ! Слава Тебѣ, воплотившійся Сынъ Божій и волею распявшійся за насъ, грѣшныхъ,—за то, что Ты явилъ всѣмъ Твое великое сокровище, которое донынѣ таилось здѣсь! Слава Тебѣ, Владыко, что Ты сподобилъ убогій городъ Милассъ быть обиталищемъ и хранилищемъ этому Твоему сокровищу. Ты хранилъ въ немъ доселѣ дорогую жемчужину, многоцѣнный бисеръ, Свою святую невѣсту! Принявъ ее въ Свой Небесный чертогъ, Ты ея чистое и святое тѣло оставилъ для храненія Твоему городу.

Такъ всѣ, плача, восклицали и взирали на вѣнецъ и на крестъ, видимый на небѣ. Тогда же весь христолюбивый народъ, и особенно женщины, возбужденные ревностью, громкимъ голосомъ взывали къ святому епископу Павлу:

— Не скрой славы города нашего, преподобный епископъ! Не умолчи о славѣ нашей, не утаи бисера, обнаруженнаго намъ Богомъ. Покажи всѣмъ яркую свѣчу, доселѣ бывшую подъ спудомъ и свѣтившую тайно. Покажи ее всѣмъ, чтобы и противники наши видѣли и узнали, какому Владыкѣ мы служимъ. Пусть увидятъ язычники и устыдятся; пусть увидятъ и іудеи тайну креста и пусть узнаютъ, что Тотъ, Котораго они распяли, есть Богъ. Пусть увидятъ это всѣ, враждующіе противъ Креста Христова, и возрыдаютъ. Пусть увидятъ, какъ и по смерти прославляетъ рабовъ Своихъ

Владыка Ангеловъ. Пусть увидятъ, какою славою отъ Христа Бога вѣнчается невѣста Его Ксенія, которую люди считали совершенно безвѣстной странницей и плѣнницей. Пусть увидятъ всѣ, какого дара и благодати сподобился нашъ убогій городъ!

Когда народъ съ усердіемъ такъ взывалъ къ епископу, онъ съ пресвитерами подошелъ къ честно́му тѣлу святой Ксеніи. Положивъ его, какъ подобаетъ, на одрѣ носильномъ,—зажегши много свѣчей и воскуривъ ѳиміамы, епископъ преклонилъ свою выю и вмѣстѣ съ пресвитерами поднялъ одръ на рамена свои, послѣ чего понесли его съ пѣніемъ до средины города. Всѣ дивились происходившему славному чуду, ибо когда шествовалъ несомый одръ съ тѣломъ святой, шествовалъ надъ одромъ и явившійся на небѣ вѣнецъ со крестомъ. Когда же поставили среди города одръ, остановился и вѣнецъ вверху одра. Тогда собралось и изъ окрестныхъ селеній безчисленное множество народа, видѣвшаго на Небѣ чудное знаменіе. Весь городъ наполнился отъ стеченія множества людей, и была въ немъ великая тѣснота. Блаженный епископъ Павелъ вмѣстѣ съ народомъ всю эту воскресную ночь оставался при святой, бодрствуя и совершая пѣснопѣнія до утра. Было много и исцѣленій отъ мощей ея: всякій, страдавшій какимъ-либо недугомъ, лишь только прикасался къ одру святой—тотчасъ получалъ исцѣленіе.

Когда наступилъ воскресный день, честно́е тѣло преподобной Ксеніи покрыли чистыми покровами и съ пѣніемъ надгробныхъ пѣсенъ понесли къ мѣсту, находившемуся у входа въ городъ съ южной стороны и называвшемуся сикиніей (смоковничьимъ): тамъ, прежде кончины своей, святая завѣщала похоронить свое тѣло. Весь народъ опять видѣлъ, что, во время несенія ея тѣла съ одромъ, вѣнецъ съ крестомъ изъ звѣздъ, видимый на небѣ, шелъ вслѣдъ за одромъ. И снова, когда былъ поставленъ одръ, остановился вверху и вѣнецъ. Когда же совершалось погребеніе, то ближе стоявшіе люди раздѣлили покровы, находившіеся на честны́хъ мощахъ, на мелкія части и хранили ихъ съ вѣрою—для исцѣленія отъ различныхъ болѣзней. Епископъ, помазавъ по обычаю мѵромъ святое тѣло преподобной Ксеніи, положилъ его въ новомъ гробѣ. Какъ только совершено было честно́е погребеніе, тотчасъ сіяющій на небѣ звѣздный вѣнецъ съ крестомъ сталъ невидимъ. При этомъ много исцѣленій подавалось отъ святаго гроба всѣмъ, приходившимъ къ нему съ вѣрою.

Спустя немного времени умерла одна изъ рабынь преподобной Ксеніи; затѣмъ, довольно скоро, и другая отошла къ вѣчной жизни. Обѣ онѣ были погребены у ногъ своей святой госпожи. Когда преставлялась другая рабыня, пришли къ ней всѣ инокини и, заклиная ее, умоляли, чтобы она разсказала имъ о всѣхъ дѣяніяхъ госпожи ея Ксеніи. Она, видя себя уже на смертномъ одрѣ, разсказала имъ подробно все о святой: откуда она была, кто ея родители, по какой причинѣ она бѣжала изъ дома и изъ Отечества своего съ двумя своими рабынями, какъ она утаила свое имя: ибо подлинное ея имя было Евсевія, а назвалась она Ксеніею потому, что странствовала ради любви къ Богу. Такимъ образомъ всѣ узнали о неизвѣстномъ раньше житіи невѣсты Христовой Ксеніи.

Такъ преподобная благоугождала Богу: для міра она была странница, а для Неба—гражданка; она была видима во плоти, а сравнилась съ безплотными Ангелами; она освободилась отъ тѣла, какъ отъ одежды, и попрала діавола, какъ змія; она считала все мірское какъ соръ, но сохранила, какъ безцѣнное сокровище, свое непорочное дѣвство; она любовію своею стала невѣстою Христу, увѣнчалась вѣрою и чего надѣялась, то получила, и радуется нынѣ въ чертогѣ своего безсмертнаго Жениха. Своими молитвами она много помогаетъ вѣрующимъ, ибо смерть не уничтожила ея силы и не ограничила какими-нибудь предѣлами мѣста ея благодѣяній. Такъ какъ она много добродѣтелей содѣлала ради Христа, то ради нея и Христосъ являетъ намъ многія милости, принимая святыя молитвы возлюбленной своей невѣсты.

Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ преставленія святой Ксеніи преставился и преподобный епископъ Павелъ, ея духовный отецъ. Онъ также до конца благоугодилъ Богу, ибо молитвами его были прогоняемы бѣсы и исцѣлялись всякія болѣзни. Онъ былъ погребенъ въ церкви святаго Апостола Андрея, гдѣ раньше былъ игуменомъ, а святая душа его предстала предъ Богомъ во славѣ святыхъ. Его теплымъ за насъ предстательствомъ предъ Богомъ, молитвами преподобной Евсевіи, принявшей имя Ксеніи, и ходатайствомъ обѣихъ святыхъ рабынь ея, да сподобитъ насъ Господь своей милости, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

Конда́къ прп҃бной, гла́съ в҃:

Твою̀ страннонра́внꙋю, ѯе́нїе, па́мѧть соверша́юще, любо́вїю почита́ющїи тѧ̀, пое́мъ хр҃та̀ во всѣ́хъ тебѣ̀ подаю́щаго крѣ́пость и҆сцѣле́нїй: є҆мꙋ́же всегда̀ моли́сѧ ѡ҆ всѣ́хъ на́съ.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ВАВИЛЫ СИЦИЛІЙСКАГО

и учениковъ его

ТИМОѲЕЯ и АГАПІЯ

Святый Вавила происходилъ съ Востока, изъ славнаго города Антіохіи [1]); родители его были люди знатные и благочестивые. Въ родномъ городѣ онъ получилъ образованіе и наставленіе въ Заповѣдяхъ Господнихъ, скоро и тщательно изучивъ Священное Писаніе, которое всегда приводитъ къ Богу. Съ юныхъ лѣтъ святый возлюбилъ Христа и отрекся отъ міра; рано оставилъ онъ родительскій домъ, роздалъ свое имущество нищимъ, сиротамъ и вдовицамъ и, отказавшись отъ всякой житейской суеты, поселился на вершинѣ горы, гдѣ и пребывалъ въ молчаніи; съ нимъ было два ученика—Агапій и Тимоѳей; блаженный молчальникъ удостоенъ былъ сана пресвитерскаго и благоговѣйно чтилъ почивавшую на немъ благодать священства. Когда же упорные и кровожадные язычники вознамѣрились предать его начальнику области, святый вмѣстѣ съ учениками оставилъ Римъ и удалился въ Сицилію [2]), гдѣ и прожилъ одинъ годъ. Здѣсь онъ, по благодати Божіей, многихъ просвѣтилъ и привелъ къ разумѣнію Христовой истины.

Не мо́жетъ гра́дъ ᲂу҆кры́тисѧ верхꙋ̀ горы́ стоѧ̀ [3]), и о блаженномъ Вавилѣ извѣстно стало начальнику Сициліи; тотъ приказалъ

---

[1]) *Антіохія* расположена по рѣкѣ Оронтѣ и была прежде главнымъ городомъ Сиріи.

[2]) *Сицилія*—островъ на Средиземномъ морѣ, къ югу отъ Апеннинскаго полуострова.

[3]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 4, ст. 14.

схватить святаго съ обоими учениками. Услышавъ, съ какою смѣлостью исповѣдывалъ Христа доблестный Его служитель, начальникъ подвергнулъ его, вмѣстѣ съ учениками, бичеванію и другимъ истязаніямъ; обагренныхъ кровію святыхъ мучениковъ водили по городамъ Сициліи, всячески безчеловѣчно издѣваясь надъ ними; этимъ мучитель хотѣлъ и устрашить гражданъ, и утолить собственную ярость. Святые же страстотерпцы укрѣплялись въ силахъ, созерцая вѣчныя будущія блага. Наконецъ, палачи закололи блаженныхъ мучениковъ мечами и тѣла ихъ бросили въ огонь; но пламя не коснулось священныхъ останковъ, нѣкоторые изъ вѣрующихъ взяли ихъ и предали честному погребенію на томъ же островѣ Сициліи[1]).

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

МАКЕДОНІЯ ПУСТЫННИКА

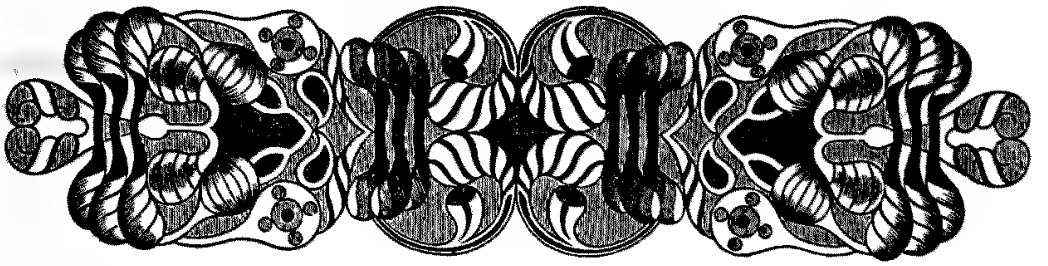
Преподобный Македоній мѣстомъ и поприщемъ своихъ подвиговъ избралъ вершины горъ, не останавливаясь гдѣ-либо на долгое время, но постоянно переходя съ одного мѣста на другое въ предѣлахъ Финикіи, Сиріи и Киликіи[2]), чтобы избѣгнуть тѣмъ разговоровъ съ посѣтителями. Сорокъ пять лѣтъ блаженный прожилъ такимъ образомъ, не имѣя ни хижины, ни палатки, но проживая въ глубокой пещерѣ. Когда преподобный Македоній состарился, то попросилъ посѣтившихъ его богомольцевъ построить ему малую келлію, въ которой и жилъ двадцать пять лѣтъ, не выходя ни къ братіямъ, поселившимся около него, ни къ постороннимъ. Всего святый Македоній подвизался семьдесятъ лѣтъ; болѣе сорока лѣтъ онъ питался однимъ сѣменемъ, столченнымъ и смоченнымъ водою; послѣ, вслѣдствіе слабости, сталъ вкушать немного хлѣба съ водою. Господь прославилъ его даромъ чудотвореній: преподобный изгонялъ бѣсовъ, исцѣлялъ разныя болѣзни и совершалъ иныя чудотворенія. Однажды къ преподобному Македонію привели женщину, которая страдала недугомъ,

[1]) Въ концѣ III столѣтія.

[2]) Эти страны расположены по сѣверо-восточному берегу Средиземнаго моря; онѣ прорѣзываются вдоль морского берега горными цѣпями Ливана на югѣ и Амана (Альма-Дагъ) — на сѣверѣ.

проявлявшимся въ чрезмѣрномъ употребленіи пищи: она съѣдала въ день по тридцати куръ. Родственники со слезами просили преподобнаго помочь больной. По молитвамъ святаго женщина эта исцѣлилась и потомъ не могла съѣсть въ день даже четверти курицы. Ангельски поживъ на землѣ, удостоившись дара пророческаго, сподобившись благодати священства, преподобный Македоній мирно почилъ о Господѣ[1]).

[1]) Около 420 года.



День двадцать пятый

ЖИТІЕ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА,

Патріарха Константинопольскаго

Отечествомъ святаго Григорія Богослова была вторая, или южная, Каппадокія, городъ Назіанзъ[1]), по имени котораго онъ и называется Назіанзиномъ. Родители его были благородные и почтенные люди: отецъ по имени также Григорій и мать Нонна. Но отецъ его раньше былъ невѣрующимъ, такъ какъ происходилъ отъ невѣрующихъ родителей: отъ отца язычника и матери іудеянки. Въ своей вѣрѣ онъ и слѣдовалъ обоимъ, придерживаясь какъ языческаго заблужденія, такъ и іудейскаго невѣрія. Въ этомъ и состоитъ такъ называемое ипсистарійское лжеученіе[2]). Матерь же

---

[1]) *Вторая*, или *Великая, Каппадокія*—весьма обширная область въ срединѣ восточной части Малой Азіи, къ западу отъ верховьевъ рѣки Евфрата; нѣкогда Каппадокія была одиимъ изъ значительныхъ государствъ Азіи, но затѣмъ потеряла свою самостоятельность и вошла въ составъ Римской имперіи какъ ея провинція (въ 17 или 18 году по Р. Хр.).—*Назіанзъ*—маленькій городокъ въ юго-западной части Каппадокіи; нынѣ на мѣстѣ Назіанза—лишь развалины въ безплодной мѣстности, наполненной каменоломнями.

[2]) *Ипсистаріане* получили свое наименованіе оттого, что они поклонялись Богу какъ (существу) *высочайшему* (отъ греч. слова: ὕψιστος—высшій, высочайшій). Они считали себя озареиными свыше; къ христіанскимъ воззрѣніямъ они примѣшивали языческія (персидскія) и іудейскія лжеученія. Отвергая идоловъ и жертвы, ипсистаріане поклонялись Богу подъ символами свѣта и огня. Они посвящали и соблюдали седьмой день вмѣсто перваго и приняли іудейскія правила касательно чистой и нечистой пищи. Вообще же объ этой сектѣ сохранилось весьма мало извѣстій.

святаго Григорія, блаженная Нонна, происходила отъ христіанскихъ родителей и сама была благочестивою христіанкою. Съ ранняго дѣтства она была воспитана въ благочестіи и совершеннѣйшимъ образомъ научена страху Божію, который есть начало всякой премудрости. По Божію же предназначенію она была соединена брачнымъ союзомъ съ невѣрующимъ мужемъ, чтобы и его привести къ святой вѣрѣ: **свѧти́тсѧ бо мꙋ́жъ невѣ́ренъ**, по слову Апостола, **ѡ҆ женѣ̀ вѣ́рнѣ**[1]). Такъ и случилось. Нонна, постоянно убѣждая своего мужа богомудрыми рѣчами и со всѣмъ усердіемъ молясь о немъ Богу, привела его, съ помощью Божіей, къ христіанской вѣрѣ. Мужу ея было отъ Бога такое видѣніе во снѣ: ему казалось, что онъ поетъ изъ Псалма Давидова слова, которыхъ онъ никогда не имѣлъ въ своихъ устахъ, а развѣ только слышалъ когда-либо отъ своей супруги, часто молившейся. Самъ онъ никогда не молился: онъ и не зналъ, какъ молиться, и не хотѣлъ этого. Слова же, которыя онъ пѣлъ въ сонномъ видѣніи, были слѣдующія: **возвесели́хсѧ ѡ҆ ре́кшихъ мнѣ̀: въ до́мъ гдⷭ҇ень по́йдемъ**[2]). Во время этого пѣнія онъ ощущалъ въ сердцѣ особенную сладость и, проснувшись, возрадовался, а затѣмъ разсказалъ объ этомъ своей супругѣ. Она уразумѣла, что Самъ Богъ призываетъ мужа ея къ Своей святой Церкви,—начала еще усерднѣе поучать его христіанской вѣрѣ и наставила его на путь спасенія. Въ это время случилось святому Леонтію, епископу Кесаріи Каппадокійской, отправлявшемуся на Первый Вселенскій Соборъ, созванный въ Никеѣ[3]), остановиться въ городѣ Назіанзѣ. Къ нему привела блаженная Нонна своего мужа, и Григорій былъ крещенъ руками святителя. По принятіи Святаго Крещенія онъ началъ праведную и богоугодную жизнь, подобающую истинному и совершенному христіанину. При этомъ онъ настолько преуспѣлъ въ благочестіи и добрыхъ дѣлахъ, что избранъ былъ впослѣдствіи на епископскій престолъ въ томъ же городѣ Назіанзѣ (о чемъ будетъ рѣчь ниже).

Живя съ такимъ мужемъ въ честно́мъ супружествѣ, блаженная Нонна желала стать матерью младенца мужескаго пола. Она возсылала усердныя молитвы къ Подателю всѣхъ благъ, чтобы Онъ даровалъ ей сына, и еще ранѣе зачатія его обѣщала, какъ нѣ-

---

1) 1 Посл. къ Коринѳ., гл. 7, ст. 14.

2) Псаломъ 121, ст. 1.

3) Въ 325 году.

когда Анна Самуила[1]), посвятить его на служеніе Богу. Господь, исполняющій волю боящихся Его и внимающій ихъ молитвамъ, исполнилъ прошеніе сердца благочестивой жены, и въ ночномъ сонномъ видѣніи Своимъ откровеніемъ предуказалъ ей имѣющаго отъ нея родиться отрока. И видѣла блаженная Нонна, еще раньше рожденія сына, каковъ онъ будетъ лицомъ, и предузнала его имя. Когда затѣмъ она родила младенца мужескаго пола[2]), то нарекла его по имени отца Григоріемъ, какъ это было ей предвозвѣщено въ сонномъ видѣніи. Она возносила великое благодареніе Богу и Его Промыслу вручала рожденнаго отрока; съ полнымъ усердіемъ она приносила въ даръ Богу то, что получила отъ Него по молитвѣ. Однако, не тотчасъ крестили младенца. Въ тѣ времена существовалъ у многихъ христіанъ добровольный обычай отлагать Крещеніе до зрѣлаго возраста и до того года, на которомъ Христосъ Господь нашъ крестился отъ Іоанна во Іорданѣ,—чаще всего до тридцати трехъ съ половиною лѣтъ[3]). Впослѣдствіи этотъ обычай, по уважительнымъ причинамъ, былъ устраненъ тѣмъ же святымъ Григоріемъ Богословомъ, Василіемъ Великимъ, Григоріемъ Нисскимъ и другими великими отцами. Такимъ образомъ, святый Григорій былъ крещенъ не тотчасъ по рожденіи, но, согласно древнему обычаю, принятому у христіанъ, крещеніе его было отложено до возраста лѣтъ Христовыхъ.

Ст҃ы́й
Григо́рій Бг҃осло́въ

---

1) 1 Кн. Царств., гл. 1.

2) *Святый Григорій Богословъ* родился около 329 года, въ Аріанзѣ, имѣніи его родителей, лежавшемъ недалеко отъ Назіанза къ югу.

3) Въ IV столѣтіи былъ вообще обычай откладывать крещеніе до зрѣлаго возраста, иногда даже, какъ это было съ Константиномъ Великимъ, до смертнаго одра, такъ какъ опасеніе умереть некрещеннымъ казался меньшимъ, чѣмъ страхъ впасть въ смертный грѣхъ послѣ Крещенія.

Отрокъ былъ воспитываемъ согласно христіанскимъ обычаямъ. Когда онъ достигъ школьнаго возраста, его тотчасъ начали учить книгамъ. Возрастая годами, Григорій возрасталъ и разумомъ. Въ соотвѣтствіе своему имени [1]) онъ былъ разсудителенъ, бодръ духомъ, усерденъ въ ученіи и превосходилъ по уму своихъ сверстниковъ. Даже отроческіе годы не служили ему препятствіемъ понимать то, чему поучаются достигшіе совершеннаго возраста и разума. Еще въ дѣтствѣ онъ обнаруживалъ такое поведеніе, какое свойственно старцамъ. Дѣтскія игры, пустыя забавы и всякаго рода зрѣлища онъ ненавидѣлъ, а упражнялся въ гораздо лучшемъ и проводилъ время въ ученіи, а не въ праздности. Когда онъ достигъ юношескаго возраста, благочестивая мать многими своими материнскими наставленіями поучала его благочестію. Она повѣдала ему, что онъ есть плодъ ея молитвы, что усердными молитвами она испросила его у Бога и еще прежде зачатія обрекла его на служеніе Богу. Добрый юноша слагалъ слова матери въ сердцѣ своемъ и просвѣщался душою въ вѣрѣ, надеждѣ и любви ко Христу, Истинному Богу. Болѣе всего онъ возлюбилъ цѣломудріе души и чистоту тѣла, а равно поставилъ себѣ закономъ тщательно хранить свое дѣвство до самой кончины. Къ этому онъ былъ вразумленъ частію многократными и сердечными материнскими наставленіями, а частію бывшимъ ему въ юношескихъ годахъ соннымъ видѣніемъ. О послѣднемъ онъ самъ, много спустя, разсказывалъ такъ: однажды, во время сна, ему показалось, что вблизи него стояли двѣ дѣвицы, облеченныя въ бѣлыя одежды. Обѣ были красивы лицомъ, возрастомъ и годами одинаковы. На нихъ не было никакихъ наружныхъ украшеній: ни золота, ни серебра, ни жемчуга, ни драгоцѣнныхъ камней, ни дорогихъ ожерелій; онѣ не были украшены ни шелковыми мягкими одеждами, ни золотыми поясами; онѣ не гордились ни красотою лица, ни роскошными бровями, ни распущенными волосами, ни какими-либо другими особенностями, которыми мірскія дѣвицы стараются нравиться и уловлять сердца юношей. Одѣтыя просто въ чистыя бѣлыя одежды и скромно опоясанныя, онѣ имѣли не только головы, но и лица покрытыя тонкими покрывалами. Глаза ихъ были опущены внизъ; ланиты краснѣлись отъ дѣвическаго смущенія и свидѣтельствовали о цѣломудріи; уста напоминали цвѣтъ ярко-крас-

---

[1]) *Григорій*—отъ греческаго γρηγορέω-бодрствую—значитъ: *бодрствующій, бодрый.*

ной розы; молчаніемъ своимъ онѣ обнаруживали величайшую скромность. Святый Григорій, смотря на нихъ, ощущалъ въ своемъ сердцѣ великую радость и думалъ, что это не земныя существа, а высшія, превосходящія природу человѣческую. Онѣ, видя, что онъ очень доволенъ созерцаніемъ ихъ, возлюбили его и обнимали его, какъ дитя свое. Тогда онъ спросилъ ихъ: кто онѣ и откуда пришли? Первая сказала, что она есть Чистота, а другая назвалась Цѣломудріемъ. При этомъ онѣ разъяснили, что предстоятъ предъ Престоломъ Царя славы Христа и услаждаются красотою небесныхъ дѣвицъ. Онѣ говорили:

— Будь, чадо, единомысленнымъ съ нами; умъ свой соедини съ нашимъ умомъ и лицо свое сдѣлай подобнымъ нашему. Тогда мы тебя, блистающаго величайшею свѣтлостью, вознесемъ на Небеса и поставимъ близъ безсмертнаго Троичнаго свѣта.

Сказавъ это, онѣ стали подниматься на Небо и, подобно птицамъ, вознеслись вверхъ. Отрокъ Григорій проводилъ ихъ радостнымъ взглядомъ, пока онѣ не скрылись въ Небесахъ. Проснувшись, онъ ощущалъ несказанную радость, и сердце его исполнилось веселія. Съ этого времени онъ воспламенился ревностью къ тщательному охраненію своего дѣвства. Онъ старался соблюсти его полнымъ воздержаніемъ, избѣгая всякой вкусной пищи, пьянства и пресыщенія.

По рожденіи святаго Григорія блаженная Нонна родила и другаго сына, по имени Кесарія [1]), и дочь Горгонію. Она воспитывала ихъ въ благочестіи и книжномъ ученіи. Между тѣмъ, блаженный Григорій, желая усовершенствоваться въ ораторскомъ краснорѣчіи, въ школьной мудрости и всякой мірской эллинской учености, отправился сначала въ Кесарію Палестинскую [2]), которая въ то время славилась школами и ученостью. Тамъ онъ имѣлъ

---

1) *Кесарій*, братъ святаго Григорія Богослова, за свою святую жизнь причисленъ къ лику святыхъ; память его—9-го марта.

2) *Кесарія* (на восточномъ берегу Средиземнаго моря) была тогда одиимъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Палестины и мѣстопребываніемъ епископа. Тамъ находилась знаменитая христіанская школа, основанная извѣстиымъ церковнымъ писателемъ и ученымъ III в. Оригеномъ и послѣ него находившаяся подъ руководствомъ такихъ выдающихся христіанскихъ богослововъ, какъ извѣстный церковный историкъ Евсевій, епископъ Кесарійскій, и прославившійся своею ученостью и святою жизнію пресвитеръ Памфилъ, окончившій жизнь мученически (память его—16-го февраля); кромѣ школы, трудами послѣдняго была составлена обширная библіотека изъ тридцати тысячъ томовъ, благодаря которой пріобрѣли ученость многіе отцы и учители Церкви.—Но прежде образованія въ Кесаріи Палестинской святый Григорій Назіанзинъ изучалъ науки въ Кесаріи Каппадокійской.

учителемъ ритора Ѳеспесія. Затѣмъ онъ перешелъ въ Александрію [1]), собирая сокровища мудрости у многихъ мужей и обогащаясь умомъ. Послѣ этого онъ пожелалъ отправиться въ Аѳины [2]) и сѣлъ на эгинскій [3]) корабль вмѣстѣ съ язычниками. Когда плыли мимо острова Самоса [4]), поднялась на морѣ сильная буря. Всѣ отчаивались въ спасеніи своей жизни и плакали ввиду тѣлесной смерти. Григорій же плакалъ, боясь духовной смерти, такъ какъ еще не былъ крещенъ, а только оглашенъ. Онъ вспоминалъ прежде бывшія чудеса Божіи въ водахъ: переходъ израильтянъ чрезъ Чермное море и спасеніе Іоны изъ чрева кита. Онъ съ воплями молился Богу, прося избавленія отъ гибели въ волнахъ. Эти его бѣдствія во время морскаго путешествія были открыты родителямъ его въ сонномъ видѣніи. Они тотчасъ стали на молитву и проливали предъ Богомъ горячія слезы, прося у Него помощи бѣдствующему на морѣ сыну. Богъ, хранившій раба Своего Григорія на пользу многимъ и приготовлявшій его въ столпы Церкви, укротилъ свирѣпую бурю и запретилъ вѣтрамъ; на морѣ наступила полная тишина. Всѣ, находившіеся на кораблѣ, видя себя, сверхъ ожиданія, спасенными отъ гибели и какъ бы вырванными изъ узъ смерти, прославили Христа Бога. Они знали, что только призываніемъ Его всесильнаго Имени въ молитвѣ Григорія укрощено море. Сверхъ того, одинъ юноша, товарищъ святаго по путеше-

---

1) Въ Александріи, центрѣ языческой образованности, издавна былъ знаменитый музей наукъ словесныхъ, математическихъ и философскихъ. Но въ то же время, въ противовѣсъ язычеству, еще со временъ апостольскихъ возникло и христіанское, такъ называемое Огласительное, или Катехизическое, училище, вліяніе котораго на будущность христіанства было многосторонне и неизмѣримо. Преданіе съ благоговѣніемъ приписывало основаніе этого училища самому Апостолу и Евангелисту Марку. Въ первое время въ немъ преподавались только первоначальныя наставленія для желавшихъ получить Крещеніе, на что указываетъ уже самое наименованіе Александрійскаго училища Огласительнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ приготовлялись и самые огласители. Но потомъ Огласительное Александрійское училище, по своему положенію въ центрѣ всемірной образованности и учености, приняло характеръ богословско-ученаго образовательнаго заведенія, достигшаго блестящаго состоянія, главнымъ образомъ, благодаря трудамъ знаменитаго Пантена, не менѣе замѣчательнаго ученика и преемника его Климента Александрійскаго и еще болѣе—Оригена.

2) Хотя *Аѳины*—древняя знаменитая столица Греціи—въ то время были лишь тѣнью прежняго своего величія, однако тамъ еще процвѣтали школы языческихъ софистовъ и риторовъ, придававшія городу нѣкоторое подобіе его прежней славы.

3) *Эгина*—островъ въ Сароническомъ заливѣ, на востокъ отъ Греціи, между средней и южной Греціей.

4) *Самосъ*—одинъ изъ главныхъ острововъ Эгейскаго моря (Архипелага), вблизи западнаго берега Малой Азіи, противъ мыса Микале, отъ котораго отдѣленъ неширокимъ проливомъ.

ствію, видѣлъ ночью во снѣ, во время волненія и бури, что мать Григорія, блаженная Нонна, поспѣшно пришла по морю, взяла погружавшійся корабль и привела его къ берегу. Когда волненіе улеглось, онъ разсказалъ всѣмъ о видѣніи, и всѣ исповѣдали Бога Григоріева какъ великаго Помощника—возблагодарили Его и увѣровали въ Него. Кромѣ того, отцу Григорія, со слезами молившемуся въ Назіанзѣ о сынѣ своемъ и затѣмъ усиувшему послѣ молитвы, было и другое видѣніе. Онъ видѣлъ одного яростнаго бѣса, Эринна, который старался погубить Григорія на морѣ, Григорій же схватилъ его руками и побѣдилъ. Изъ этого видѣнія узналъ отецъ Григорія объ избавленіи сына отъ гибели и вознесъ съ супругою благодареніе Богу.

Послѣдующее путешествіе по морю святый Григорій совершилъ благополучно и прибылъ въ Аѳины. Тамъ, изучая свѣтскія науки, онъ былъ для всѣхъ предметомъ удивленія вслѣдствіе необычайной остроты своего ума и цѣломудренной жизни. Спустя немного времени прибылъ въ Аѳины и святый Василій [1])—ради усовершенствованія въ свѣтской мудрости. Оба они—Григорій и Василій—стали искренними друзьями и сожителями. Одинъ у нихъ былъ домъ, одна пища, одинъ духъ, одна мудрость, одинъ нравъ—точно у единоутробныхъ братьевъ. Оба они стали знаменитыми и уважаемыми въ Аѳинахъ, ибо въ теченіе небольшого времени они превзошли своихъ учителей; сами будучи учениками, они стали учителями для своихъ учителей. Въ это же время, когда Констанцій, сынъ Константина Великаго, царствовалъ надъ Греками и Римлянами, Юліанъ, ставшій впослѣдствіи царемъ и отступникомъ отъ Бога, учился въ Аѳинахъ философіи. О немъ часто говорилъ Григорій:

— Какое великое зло воспитываетъ греческая и римская земля!

Онъ уже провидѣлъ, что должно было случиться.

Григорій и Василій прожили въ Аѳинахъ много лѣтъ, изучили всѣ науки [2]) и усовершенствовались въ нихъ настолько, что сами возвысились надъ всею аѳинскою мудростью. Тогда Василій отпра-

---

[1]) Св. *Василій Великій*—архіепископъ Кесаріи Каппадокійской; память его—1-го января.

[2]) Они изучали грамматику, исторію, геометрію, астрономію, ариѳметику и математику, начатки медицины, философію и логику. Много времени занимало изученіе классической (римской и греческой) литературы. Многіе христіане пренебрежительно относились къ чтенію великихъ языческихъ писателей, но св. Григорій Назіанзинъ и Василій Великій стояли выше столь узкаго предразсудка.

вился въ Египетъ къ богодухновеннымъ мужамъ учиться мудрости духовной, какъ объ этомъ повѣствуется въ его житіи, а Григорія аѳиняне убѣдили своими просьбами принять учительское званіе. Проживъ тамъ недолго послѣ Василія, Григорій услышалъ, что отецъ его поставленъ въ Назіанзѣ во епископа. Немедленно онъ возвратился на родину къ отцу своему, имѣя уже тридцать лѣтъ отъ рожденія, и принялъ Святое Крещеніе отъ рукъ отца. Онъ хотѣлъ тотчасъ отречься отъ міра и идти въ пустыню, но, будучи удерживаемъ отцомъ, оставался при немъ дома. Онъ поставилъ для себя правиломъ—никогда не употреблять клятвы и не призывать Имени Божія всуе—и сохранилъ это правило до конца своей жизни. Онъ постоянно занимался чтеніемъ Божественныхъ книгъ и проводилъ въ богомысліи дни и ночи; неоднократно онъ созерцалъ въ видѣніяхъ и Христа. Отецъ противъ воли поставилъ его пресвитеромъ, а затѣмъ хотѣлъ посвятить его и во епископа, но святый Григорій, уклоняясь отъ такого сана и почестей, а также стремясь къ иноческому безмолвію, тайно бѣжалъ изъ дома и пришелъ въ Понтъ къ своему другу, святому Василію. Послѣдній также былъ уже пресвитеромъ и устроилъ въ Понтѣ монастырь, куда собралось множество иноковъ[1]). Онъ писалъ къ Григорію изъ Понта, настойчиво приглашая его къ себѣ. Такимъ образомъ, они снова, какъ и раньше въ Аѳинахъ, начали жить вмѣстѣ, имѣя каждый въ другомъ образецъ добродѣтели и подражая одинъ другому. Вмѣстѣ же они писали для иноковъ уставы постнической жизни. Такъ прожилъ святый Григорій съ святымъ Василіемъ довольно долго.

Между тѣмъ, умеръ братъ Григорія Кесарій. Родители много плакали о немъ. При этомъ отецъ писалъ къ Григорію, слезно убѣждая его возвратиться домой и помочь ему въ старости. Блаженный Григорій, частію боясь ослушаться отца, а частію видя нужды Церкви, сильно смущаемой въ то время ересью Арія, въ которую и отецъ Григорія, какъ не получившій богословскаго образованія, былъ отчасти совращенъ, возвратился изъ Понта въ Назіанзъ. Здѣсь онъ помогалъ состарѣвшемуся отцу въ церковномъ управленіи и въ хозяйственныхъ заботахъ, разъяснилъ ему вредъ аріанской ереси и утвердилъ его въ Православіи.

---

1) О монастырѣ, основанномъ св. Василіемъ въ Понтѣ (на сѣверѣ Малой Азіи), см. въ житіи св. Василія на стр. 25.

По смерти царя Констанція, сына Константина[1]), на престолъ вступилъ Юліанъ, и тогда исполнилось о немъ пророчество Григорія: великое зло принесъ этотъ беззаконникъ; онъ открыто отрекся отъ Христа и воздвигъ гоненіе на Церковь Христову. Святый Григорій боролся съ нимъ многими своими богомудрыми сочиненіями, изобличая его заблужденія, пагубныя языческія увлеченія и ложныя эллинскія басни. Этотъ законопреступникъ царствовалъ недолго и погибъ съ позоромъ[2]). Послѣ него вступилъ на престолъ благочестивый царь Іовіанъ[3]), и снова стала процвѣтать вѣра Христова. Послѣ Іовіана вступилъ на царство аріанинъ Валентъ[4]), и снова аріанская ересь стала распространяться; православные были притѣсняемы повсемѣстно. Тогда же и въ Кесаріи Каппадокійской аріанство многихъ совратило къ заблужденіямъ и внесло смуту въ Церковь Христову. Даже епископъ Евсевій[5]), недостаточно свѣдущій въ Божественномъ Писаніи, началъ колебаться и допускать уклоненія отъ истинной вѣры. Узнавъ объ этомъ, святый Григорій написалъ къ нему, совѣтуя упросить авву Василія возвратиться въ Кесарію для борьбы съ заблужденіями. Также онъ писалъ и къ самому святому Василію, дружески совѣтуя и прося, чтобы онъ, забывъ прежній гнѣвъ на него Евсевія, отправился въ Кесарію на помощь православнымъ и снова утвердилъ Церковь, колеблемую аріанами. Такимъ образомъ, святый Григорій, устроивъ своими письмами миръ между епископомъ Евсевіемъ и святымъ Василіемъ, далъ возможность святому Василію возвратиться въ Кесарію Каппадокійскую. Тотчасъ по его возвращеніи аріане были посрамлены, и одни изъ нихъ умолкли, а другіе бѣжали. Епископъ Евсевій обрадовался святому Василію. Проживъ съ нимъ въ дружбѣ нѣкоторое время, онъ скончался, а на его мѣсто на престолъ былъ возведенъ православными, противъ воли, святый Василій Великій. Еретики, негодуя по этому поводу и чувствуя озлобленіе, устроили отдѣленіе города Тіанъ отъ Кесаріи. Въ Тіанахъ[6]) былъ въ это время епископъ Анѳимъ, притворно казав-

---

1) Это было въ 361 году.

2) Въ 363 году.

3) Царствовалъ съ 363 по 364 г.

4) Валентъ царствовалъ съ 364 по 378 г.

5) *Евсевій Памфилъ*, епископъ Кесарійскій, славился своею ученостью, написалъ церковную исторію, книгу о палестинскихъ мученикахъ, описалъ жизнь Константина Великаго; но, при своей учености, уклонился, къ сожалѣнію, отъ Православія и былъ приверженъ къ аріанству, хотя прямо и не отступилъ отъ Православной Церкви.

6) *Тіаны*—древній городъ Каппадокіи, у подножія Тавра, близъ киликійскихъ ущелій.

шійся православнымъ, а на самомъ дѣлѣ еретикъ. Онъ съ единомысленными ему епископами отдѣлился отъ Василія и сталъ митрополитомъ Тіанскимъ. Такимъ образомъ, онъ устроилъ раздѣленіе Каппадокійской области на двѣ части, благодаря чему возникли продолжительные споры о предѣлахъ епархіи. Святый Василій, видя, что нѣкоторые города и селенія отторгаются отъ его епархіи, задумалъ устроить дѣло такъ: былъ между Кесаріей и Тіанами одинъ незначительный и малоизвѣстный городъ Сасима[1]). Въ немъ святый Василій разсудилъ устроить новую епископскую каѳедру и поставить тамъ епископомъ мужа благочестиваго; онъ надѣялся этимъ и прекратить распрю, и многихъ людей сохранить для благочестія. Не имѣя въ виду для этой цѣли опытнаго мужа, онъ писалъ къ другу своему, святому Григорію, прося его принять посвященіе во епископа на каѳедру въ Сасимѣ, ибо никто другой не былъ бы настолько способенъ утвердить тамъ благочестіе, какъ именно онъ. Святый Григорій настойчиво отказывался въ письмахъ. Василій много разъ писалъ къ нему, но, не достигая желаемаго, отправился самъ въ городъ Назіанзъ и тамъ, посовѣтовавшись съ старымъ Григоріемъ, епископомъ Назіанзскимъ, отцомъ Григорія, началъ вмѣстѣ съ нимъ убѣждать своего друга Григорія принять посвященіе въ святительскій санъ. Такимъ образомъ, Григорій былъ вынужденъ занять епископскую каѳедру въ городѣ Сасимѣ. Когда узналъ объ этомъ Тіанскій митрополитъ Анѳимъ, причислявшій Сасиму къ предѣламъ своей епархіи, то привелъ туда войско съ цѣлью не допустить Григорія къ занятію каѳедры; онъ подстерегалъ Григорія по пути его слѣдованія. Святый Григорій, узнавъ во время пути о козняхъ Анѳима и о приведенныхъ имъ войскахъ, ушелъ въ одинъ монастырь и тамъ ухаживалъ за больными, а затѣмъ поселился въ пустынѣ, ища желательнаго ему безмолвія.

Спустя немного времени онъ снова, по просьбѣ родителей, возвратился въ Назіанзъ. Родители его уже сильно состарѣлись и нуждались, по преклонности лѣтъ, въ его помощи, тѣмъ болѣе, что у нихъ уже не было другихъ дѣтей, кромѣ его одного. Кесарій, другой сынъ ихъ, уже умеръ, какъ объ этомъ уже сказано,— а равно и дочь Горгонія уже отошла въ вѣчность[2]). Погребеніе ихъ обоихъ братъ, сей святый Григорій, почтилъ надгробными

---

1) *Сасима* находилась на границахъ двухъ новообразовавшихся, вслѣдствіе раздѣленія областей, епархій, верстахъ въ пятидесяти отъ Тіанъ и тридцати шести отъ Назіанза.

2) Это было въ 368 году.

словами. Затѣмъ онъ остался у родителей одинъ, какъ зѣница ока, и ему не представлялось возможности не исполнить просьбы своихъ родителей. Онъ долженъ былъ послужить ихъ старости и послѣ ихъ кончины совершить надъ ними обычное погребеніе.

Когда святый Григорій возвратился изъ пустыни въ Назіанзъ, отецъ его Григорій, уже изнемогая отъ старости, хотѣлъ еще при жизни своей устроить сына на епископской каѳедрѣ въ Назіанзѣ. Къ этому онъ побуждалъ сына не только убѣжденіями и просьбами, а и клятвою. Онъ же не отказывался отъ попеченій о благоустройствѣ Церкви, не хотѣлъ также и ослушаться приказанія отца, но принять епископскій престолъ отнюдь не желалъ.

— Невозможно мнѣ, отецъ,—говорилъ онъ,—пока ты еще живъ и не отошелъ въ вѣчность, принять твой престолъ.

Отецъ, не настаивая болѣе на принятіи сыномъ престола и только возлагая на него попеченіе о Церкви, говорилъ:

— Пока я живъ, будь мнѣ, сынъ мой, опорою старости, а послѣ моей смерти сдѣлай такъ, какъ тебѣ будетъ угодно.

Скоро отецъ святаго Григорія престарѣлый епископъ Назіанзскій преставился[1]), пробывъ на епископскомъ престолѣ сорокъ пять лѣтъ. Прожилъ онъ всего сто лѣтъ. Погребенъ онъ былъ съ большимъ торжествомъ, при участіи святаго Василія Великаго, прибывшаго на погребеніе. Оставалась еще въ живыхъ Нонна, мать святаго Григорія, друга Василія, но и она въ скоромъ времени почила о Господѣ, также достигши столѣтняго возраста[2]). Святый Григорій, похоронивъ своихъ благочестивыхъ родителей, сталъ свободенъ отъ попеченій о нихъ; но онъ хотѣлъ еще освободиться и отъ славы, тѣмъ болѣе, что жители роднаго города понуждали его занять, послѣ отца, епископскій престолъ. Онъ отправился тайно въ Селевкію[3]) и тамъ оставался при церкви святой первомученицы Ѳеклы. Оттуда онъ былъ вызванъ дружескими просьбами Василія Великаго и, возвратившись, принялъ попеченіе о богадѣльняхъ и больницахъ. Святый Василій, чтобы дать пріютъ не

---

[1]) *Григорій*, епископъ Назіанзскій, отецъ св. Григорія Богослова, скончался въ 374 году. Почтивъ память его надгробнымъ словомъ, Григорій Богословъ, по слову, данному отцу, въ продолженіе нѣкотораго времени управлялъ назіанзскою паствою.

[2]) Праведная мать Григорія Богослова скончалась, какъ и ея мужъ, въ томъ же 374 году. Она причислена къ лику святыхъ; память ея—празднуется 9 августа.

[3]) *Селевкія*—названіе многихъ городовъ, по большей части основанныхъ Селевкомъ I. Здѣсь нужно разумѣетъ Селевкію Исаврійскую, въ горной странѣ, на юго-востокѣ Малой Азіи.

имѣющимъ, гдѣ главу приклонить, построилъ обширныя зданія и, собравъ туда нищихъ и больныхъ, вдовицъ, сиротъ и странниковъ, заботился объ ежедневной пищѣ для нихъ, а попеченіе о нихъ поручилъ своему возлюбленному другу. Такимъ образомъ, святый Григорій былъ питателемъ нищихъ, служителемъ больныхъ, успокоителемъ странниковъ.

Въ это время отъ аріанской ереси, въ теченіе уже многихъ лѣтъ смущавшей Церковь Божію, произошла, подобно новой головѣ отъ какой-то гидры [1]), новая ересь и соблазняла многихъ. Это была ересь Македонія, хулившаго Духа Святаго. Аріане исповѣдывали, что Отецъ есть Богъ несозданный, предвѣчный, а Сынъ сотворенъ, притомъ не единосущенъ и не соприсносущенъ Отцу; македоніане же признавали Сына равнымъ Отцу, но хулили Духа Святаго, причемъ одни говорили, что Онъ есть тварь, а не Богъ, а другіе не признавали Его ни Богомъ, ни тварью. Святый Григорій называлъ ихъ полуаріанами, такъ какъ они почитали Сына, но унижали Духа Святаго. Эта ересь особенно сильно распространялась въ Византіи. По убѣжденію святаго Василія Великаго и по общему совѣту многихъ другихъ православныхъ епископовъ, сошедшихся на Соборъ, святый Григорій какъ мужъ глубокаго разума и сильный въ краснорѣчіи долженъ былъ отправиться въ Византію для опроверженія еретическаго мудрствованія и для защиты правыхъ догматовъ святой вѣры. Но прежде чѣмъ онъ отправился въ Византію, святый Василій, проболѣвъ немного, скончался [2]). Такъ угасъ всемірный свѣтильникъ вѣры. Святый Григорій много плакалъ о немъ и, почтивъ его надгробнымъ словомъ, отправился въ предлежавшій ему путь. Когда онъ достигъ царственнаго города Византіи, то былъ встрѣченъ благочестивыми христіанами съ радостью. Онъ нашелъ Церковь Христову до крайности умалившеюся. Количество вѣрующихъ легко было сосчитать, такъ какъ бо́льшая часть города пошла во слѣдъ ересей. Всѣ храмы Божіи, величественные и богато украшенные, были въ рукахъ еретиковъ. Одинъ только небольшой и ветхій храмъ святой Анастасіи, отвергнутый еретиками, былъ оставленъ православнымъ. Святый Григорій тотчасъ, подобно Давиду, вооружившемуся нѣкогда пращею противъ филистимлянъ, вооружился Словомъ Божіимъ

---

[1]) *Гидра*, по миѳологіи древнихъ грековъ,—похожее на змѣю чудовище о 9 головахъ, которыя вновь выростали, когда ихъ отсѣкали.

[2]) Св. Василій скончался въ 379 году.

противъ еретиковъ, побѣждалъ ихъ въ спорахъ и уничтожилъ ихъ догматическія заблужденія, какъ бы паутинную сѣть. Ежедневно онъ обращалъ многихъ отъ заблужденія къ Православію своими богомудрыми и Боговдохновенными рѣчами и въ теченіе малаго времени такъ увеличилъ составъ вѣрующихъ членовъ Церкви Христовой, что невозможно и исчислить; число же еретиковъ со дня на день уменьшалось, такъ что сбывалось то, что сказано въ Священномъ Писаніи о домѣ Давидовомъ и домѣ Сауловомъ: **домъ дѣдовъ возвышашесѧ и оукрѣплѧшесѧ, домъ же саоуль йдѧше и йзнемогаше**[1]).

Еще не миновало зло, причиненное Церкви аріанами и македоніанами, какъ явился новый еретикъ изъ Сиріи—Аполлинарій, который неправильно мудрствовалъ о воплощеніи Господнемъ. Онъ признавалъ воплощеніе неистиннымъ: Христосъ, будто бы, не имѣлъ души, а вмѣсто нея—Божество. Будучи краснорѣчивъ и искусенъ въ эллинской мудрости, онъ многихъ увлекъ въ свою ересь, а ученики его разошлись повсемѣстно, уловляя несвѣдущихъ въ богословской наукѣ и увлекая ихъ, какъ бы удою, въ погибель. Тогда снова добрый подвижникъ благочестія, святый Григорій, предпринялъ великій подвигъ—вступилъ въ борьбу съ еретиками: отпавшихъ отъ правой вѣры обличалъ, умолялъ, запрещалъ, причемъ однихъ утверждалъ въ вѣрѣ, а другихъ возстановлялъ отъ паденія. Въ это же время ученики Аполлинарія, вращаясь среди народа, клеветали на святаго Григорія, будто онъ раздѣлялъ Христа на два лица. Усердно разсѣевая такую ложь повсемѣстно, они возбудили гнѣвъ и злобу народа противъ святаго: вѣдь и капля воды при частомъ паденіи пробиваетъ камень. Люди, неспособные понимать хитросплетенныя еретическія рѣчи и уразумѣть глубину таинства вочеловѣченія Христа, почитали еретиковъ какъ истинныхъ пастырей и признавали ихъ православными учителями; истинный же пастырь, поучавшій благочестію, былъ признаваемъ еретикомъ. Возбудивъ толпу, они бросали въ святаго камни, какъ нѣкогда іудеи—на святаго первомученика Стефана; однако, они не могли убить его, такъ какъ Богъ хранилъ Своего угодника. Не будучи въ состояніи удовлетворить своей злобы, они звѣрски напали на него и представили на судъ начальнику города, какъ какого-либо бунтовщика, виновника смуты и волненій. Святый, будучи неповиннымъ ни въ какомъ преступленіи, притомъ отличаясь кротостью и смиреніемъ, среди этого

1) 2 Кн. Цар., гл. 3, ст. 1.

бѣдствія и безпричиннаго нападенія на него народа молился только Богу, Христу Своему: о имени Твоемъ, Христе, **а҆́ще и҆ пойдꙋ̀ посредѣ̀ сѣ́ни смертныѧ, не оу҆боюсѧ зла̀, ꙗ҆́кѡ ты̀ со мно́ю є҆сѝ** [1]). Начальникъ, зная его невиновность и видя неправедную человѣческую злобу, отпустилъ его на свободу. Такъ онъ оказался мученикомъ, но безъ ранъ и истязаній, вѣнценосцемъ—но безъ язвъ и имѣлъ одно лишь желаніе—пострадать за Христа.

Просіявъ такими подвигами и упорною борьбою съ еретиками, святый Григорій сталъ извѣстенъ всѣмъ; повсемѣстно прославлялась его мудрость, и за нее онъ получилъ новое имя отъ всей святой Православной Церкви—имя Богослова, подобно первому богослову, святому Іоанну дѣвственнику, возлюбленному ученику Христову. Это имя Богослова, хотя свойственно и всѣмъ великимъ учителямъ и святителямъ, такъ какъ всѣ они Богословствовали, достойно прославляя Святую Троицу, однако, святому Григорію усвоено особеннымъ образомъ и стало его дополнительнымъ именемъ. Оно дано было Григорію Церковью въ знакъ его торжества и побѣды надъ многими и великими еретиками. Съ этого же времени и всѣ стали называть его Богословомъ. Онъ былъ глубоко любимъ православными. Весь сонмъ благочестивыхъ людей желалъ видѣть его на патріаршемъ престолѣ. Притомъ и александрійскій Патріархъ Петръ [2]), принявшій престолъ послѣ Аѳанасія Великаго, писалъ къ святому Григорію Богослову, поручая ему Константинопольскій патріаршій престолъ — какъ достойнѣйшему и понесшему много трудовъ на пользу Церкви Христовой. Но тотчасъ явилось препятствіе этому со стороны злобныхъ людей.

Былъ въ Константинополѣ одинъ греческій философъ, изъ школы циниковъ [3]), по имени Максимъ, родомъ египтянинъ. Онъ отличался хитростью, лукавствомъ, лицемѣріемъ и злобными намѣреніями. Явившись къ святѣйшему пастырю, Григорію Богослову, онъ отрекся отъ эллинскаго безбожія и, послѣ Крещенія, вступилъ въ лоно святой Церкви. Однако, онъ жилъ въ суетѣ міра и

---

1) Псаломъ **22**, ст. 4.

2) *Петръ II, Патріархъ Александрійскій,* управлялъ Церковію съ 373 по 380 г.

3) Этотъ неизвѣстный въ Александріи человѣкъ принадлежалъ собственно къ худшему разряду искателей приключеній изъ духовенства. Онъ представлялъ собою худую смѣсь суетнаго мірянина, лицемѣрнаго христіанина и показнаго философа. По наружности онъ выставлялъ себя аскетомъ и носилъ плащъ циниковъ (философы, которые выказывали полное презрѣніе къ земнымъ благамъ и поставили цѣлью возможное уменьшеніе тѣлесныхъ потребностей, почему, впадая въ крайность, носили ветхую одежду и отказывались отъ всѣхъ житейскихъ удобствъ, хотя часто лицемѣрно).

лицемѣрно прикрывался благоговѣніемъ, точно овечьей одеждою, въ душѣ оставаясь волкомъ, что и не замедлило обнаружиться. Святитель Божій Григорій, не подозрѣвая его лукавства, а обращеніе его изъ язычества въ христіанство считая великимъ дѣломъ, пріютилъ его у себя какъ сожителя и друга, сдѣлалъ своимъ сотрапезникомъ и затѣмъ—членомъ церковнаго клира. Онъ же послѣдовалъ примѣру Іуды,—замыслилъ отступить отъ своего учителя и духовнаго отца и началъ противъ него борьбу. Для исполненія своего замысла онъ нашелъ и помощника въ лицѣ одного пресвитера, не боявшагося Бога и искуснаго въ коварныхъ предпріятіяхъ. Въ союзѣ съ нимъ Максимъ началъ хитро и тайно дѣйствовать съ цѣлью восхитить патріаршій престолъ въ Константинополѣ. Но такъ какъ для удачи такого дѣла необходимо было много денегъ, чтобы подкупомъ и подарками склонить къ своему единомыслію большинство, то они и начали прежде всего заботиться о деньгахъ. При сатанинской помощи, они скоро нашли желаемое слѣдующимъ образомъ. Пришелъ въ Византію съ острова Ѳазоса[1]) одинъ пресвитеръ съ большою суммою денегъ—для покупки на церковное строеніе мраморныхъ досокъ, привозимыхъ съ Проконниса[2]). Обольстивъ его различными несбыточными обѣщаніями, заговорщики отняли деньги, которыхъ было достаточно для достиженія лукаваго замысла, и послали тайно въ Александрію много богатыхъ даровъ Патріарху Петру, а равно его епископамъ и клирикамъ, и убѣдительно просили прислать въ Византію епископовъ, которые возвели бы Максима на патріаршій престолъ. Петръ, прельстившись дарами и какъ будто забывъ о прежнемъ своемъ письмѣ къ святому Григорію, тотчасъ склонился на ихъ просьбы. Онъ послалъ въ Константинополь египетскихъ епископовъ, которые и прибыли туда безъ замедленія. Никому не показавшись, — ни пастырю Григорію, ни клиру, ни кому-либо изъ начальниковъ,— они явились съ Максимомъ въ церковь во время совершенія Утрени и уже приступили къ рукоположенію, желая посвятить Максима во архіепископы. Святый Григорій Богословъ былъ боленъ. Тотчасъ объ этомъ стало извѣстно всѣмъ. Въ церковь немедленно собрались пресвитеры, члены клира и множество народа—

---

[1]) *Ѳазосъ*, нынѣ *Тасо*,—островъ Эгейскаго моря (Архипелага), недалеко отъ Ѳракійскаго берега.

[2]) *Проконнисъ*—немаловажный островъ на Пропонтидѣ (Мраморномъ морѣ); извѣстенъ своими мраморными ломками.

какъ православные, такъ и еретики. Всѣ, удивляясь такой тонкой хитрости и незаконному посвященію, воспламенились гнѣвомъ и стали кричать на прибывшихъ епископовъ, всячески стараясь помѣшать имъ въ этомъ совершенно незаконномъ дѣлѣ. Съ позоромъ удаленные изъ церкви, они отправились въ домъ одного флейтиста и тамъ окончили неправильное посвященіе, а затѣмъ провозгласили Максима Константинопольскимъ патріархомъ при содѣйствіи помощниковъ какъ изъ духовныхъ, такъ и изъ мірскихъ лицъ. Одни изъ нихъ за согрѣшенія были отлучены отъ Церкви, другіе—наняты за плату, а иные—обольщены обѣщаніями даровъ и почестей; всѣ такіе были приверженцами Максима и поддерживали его. Большинство же, притомъ почетнѣйшіе граждане, воспламенились гнѣвомъ и порицали Максима рѣзкими укоризнами и упреками; они выражали неудовольствіе и самому святому Григорію Богослову за то, что онъ принялъ такого человѣка въ сожители себѣ и удостоилъ его своей дружбы.

Святый отвѣчалъ имъ:

— Не гнѣвайтесь на меня, мужи, за то, что я благодѣтельствовалъ этому человѣку, не предвидя его злобы. Развѣ мы повинны въ томъ, что не можемъ предвидѣть чьей-либо злобы? Только одному Богу свойственно знать тайну внутренней жизни человѣка. Притомъ, не самимъ ли Закономъ повелѣно намъ—отечески и съ любовію—отверзать свое лоно всякому, приходящему къ намъ: **грѧдꙋщаго ко мнѣ**,—говоритъ Спаситель, **не и҆зженꙋ̀ вонъ**[1]). Для меня было важно уже и то, что Максимъ отъ эллинскаго заблужденія пришелъ ко Святому Крещенію и, вмѣсто служенія Геркулесу[2]), сталъ служить Святой Троицѣ. Притомъ, онъ казался добродѣтельнымъ, хотя и лицемѣрно,—но лицемѣріе его и злоба только теперь явно обнаружились. Намъ не дано изслѣдовать такія дѣла; мы не проникаемъ въ человѣческія помышленія, не знаемъ и будущаго, развѣ только когда Богъ откроетъ намъ его. Мы смотримъ только на лицо, а сердце видитъ Богъ.

Этими словами народъ былъ успокоенъ и затѣмъ сталъ относиться еще съ большею любовью къ святому Григорію Богослову. Максимъ же отправился вмѣстѣ съ соборомъ египетскихъ еписко-

---

1) Еванг. отъ Іоан., гл. 6, ст. 37.

2) *Геркулесъ*—герой древнегреческихъ преданій, обладавшій, по вѣрованіямъ древнихъ грековъ, сверхъестественною силою, олицетворявшій собою физическую силу человѣка и впослѣдствіи почитаемый ими какъ одинъ изъ наиболѣе излюбленныхъ боговъ.

повъ, поставлявшихъ его въ архіереи, къ благочестивому царю Ѳеодосію Великому[1]), находившемуся тогда съ войсками въ Ѳессалоникѣ[2]), и просилъ объ утвержденіи его правъ на Цареградскій престолъ. Онъ, отверженный человѣкъ, не могъ получить утвержденія на основаніи церковныхъ уставовъ, а потому и хотѣлъ получить власть управленія въ Церкви по царскому повелѣнію, имѣя въ виду скорѣе мучительствовать, чѣмъ святительствовать. Благочестивый царь сильно разгнѣвался и съ угрозами прогналъ отъ себя Максима и прибывшихъ съ нимъ епископовъ. Тогда всѣ они отправились въ Александрію, и тамъ Максимъ началъ строить подобныя же козни. Подкупивъ значительною суммою денегъ клириковъ Александрійской церкви, Максимъ дерзко и безстыдно обратился къ Патріарху Петру: «Или цареградскій престолъ мнѣ исходатайствуй, или я отъ твоего не отступлю». Пользуясь коварными средствами, онъ копалъ ровъ для Патріарха и непремѣнно осуществилъ бы свое злобное намѣреніе, если бы объ этомъ не узналъ скоро начальникъ города. Опасаясь, чтобы въ народѣ не вспыхнуло волненіе, онъ съ позоромъ изгналъ Максима изъ Александріи.

Между тѣмъ святый Григорій Богословъ настолько былъ удрученъ въ Константинополѣ тѣлесными болѣзнями, что вынужденъ былъ отказаться отъ заботъ по управленію Константинопольскою церковью и хотѣлъ возвратиться на родину свою, въ Назіанзъ. Онъ рѣшилъ сказать народу послѣднее слово, въ которомъ убѣждалъ ревностно хранить вѣру и творить добрыя дѣла. Народъ понялъ, что онъ хочетъ оставить Константинополь. Послышались въ церкви восклицанія и громкій плачъ. Всѣ единогласно начали говорить:

— Отецъ! Уходя отъ насъ, ты уводишь съ собою и ученіе о Святой Троицѣ. Безъ тебя не будетъ въ этомъ городѣ и праваго исповѣданія Святой Троицы. Вмѣстѣ съ тобою уйдетъ изъ города Православіе и благочестіе.

Слыша эти восклицанія и народный плачъ, святый Григорій отложилъ свое намѣреніе и обѣщалъ оставаться съ ними, пока не будетъ созванъ ближайшій Соборъ. Въ это время ожидали, что

---

[1]) Царствовалъ съ 379 по 395 годъ.

[2]) *Ѳессалоника*, иначе *Солунь*,—весьма значительный древній городъ Македоніи, лежалъ въ глубинѣ большого Солунскаго, или Ѳракійскаго, залива при Эгейскомъ морѣ (Архипелагѣ).

скоро соберутся епископы и изберутъ на патріаршество достойнаго мужа. Этого же ожидалъ и святый Григорій: только увидѣвъ на патріаршемъ престолѣ достойнаго пастыря, онъ намѣревался возвратиться на родину. Между тѣмъ благочестивый царь Ѳеодосій велъ войну съ варварами и, послѣ побѣды надъ ними, возвратился въ Константинополь съ торжествомъ. Аріане по-прежнему владѣли соборною патріаршею церковью и имѣли своимъ патріархомъ аріанина Демофила; у православныхъ же оставался небольшой и ветхій храмъ святой Анастасіи. Царь призвалъ Демофила и убѣждалъ его—или принять православное исповѣданіе, или же уступить свое мѣсто другому. Демофилъ, будучи ожесточенъ сердцемъ, предпочелъ лучше лишиться престола, чѣмъ оставить свои заблужденія. Тогда царь отдалъ святому Григорію Богослову и всему сонму православныхъ соборную церковь, которою аріане владѣли сорокъ лѣтъ, а равно и всѣ другія церкви. Когда же архіерей Божій Григорій съ клиромъ и народомъ хотѣлъ войти въ церковь, толпа аріанъ, вооружившись какъ бы на войну, стала около церкви, заграждая для православныхъ входъ, а святому угрожали смертію. Аріане наняли одного юношу, отважнаго и дерзкаго, чтобы онъ, незамѣтно подошедши къ Григорію, вонзилъ ему мечъ въ чрево; но Богъ спасъ Своего вѣрнаго служителя. Тогда поднялся крикъ, шумъ и говоръ среди аріанъ. Они непремѣнно причинили бы насиліе и зло православнымъ, если бы не явился самъ царь и не ввелъ святаго архіерея въ церковь. Православные же съ великою радостью и веселіемъ восклицали, прославляя Бога, проливая отъ восторга слезы и воздѣвая руки кверху. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ столькихъ лѣтъ они снова получили свою святыню! При этомъ они единогласно взывали къ царю, прося возвести на патріаршій престолъ Григорія Богослова. Святый Григорій, будучи слишкомъ ослабленъ своими постоянными тѣлесными недугами и не имѣя силъ обратиться къ народу съ рѣчью, ввиду общаго крика, объявилъ чрезъ одного изъ своихъ клириковъ:

— Дѣти! Теперь время благодаренія и прославленія Единаго, въ Троицѣ, Бога, Который даровалъ намъ опять принять Его святую церковь. Поэтому прославимъ нынѣ Его великія милости, а о патріаршемъ престолѣ подумаемъ послѣ, въ другое время.

Народъ, выслушавъ этотъ отвѣтъ святителя, пересталъ кричать. Затѣмъ, по совершеніи Литургіи, всѣ разошлись, прославляя Бога; аріане же замолкли посрамленные.

Благовѣрный царь Ѳеодосій весьма уважалъ святаго Григорія Богослова, какъ отца своего, но онъ нечасто приходилъ къ царю, хорошо памятуя слова Соломона: **не оучащай вносити ногу твою къ другу твоему, да не когда насыщеся тебе, возненавидитъ тя**[1]). Святый имѣлъ большое усердіе всегда поучать народъ, посѣщать больныхъ и лѣчить ихъ, помогать обиженнымъ, защищать слабыхъ и очищать свое стадо отъ еретическихъ заблужденій. Онъ удалялся иногда и въ деревни, любя безмолвіе и стараясь уврачевать отдыхомъ свои частыя болѣзни и, такимъ образомъ, сдѣлать свое тѣло способнымъ къ дальнѣйшимъ трудамъ. Владѣя большимъ церковнымъ имуществомъ, онъ не присвоилъ себѣ ни одной серебряной монеты, не допрашивалъ также онъ и церковныхъ строителей, сколько ими собрано и сколько истрачено. Послѣднее онъ считалъ дѣломъ не епископа, а свѣтскаго правителя. Онъ наставлялъ всѣхъ хранить чистую совѣсть. Изнемогши отъ непрестанныхъ трудовъ и почтеннаго возраста, онъ однажды заболѣлъ и лежалъ въ постели. Народъ, узнавъ объ этомъ, пришелъ посѣтить его. Онъ сѣлъ на постели и сталъ спрашивать:

— Чего вы хотите, дѣти? Зачѣмъ вы пришли ко мнѣ?

Пришедшіе кланялись ему и благодарили за всѣ труды его, за то, что очистилъ городъ отъ ереси, за то, что святыя церкви, бывшія много лѣтъ въ рукахъ аріанъ, возвратилъ православнымъ, за то, что много благодѣтельствовалъ всѣмъ и своимъ ученіемъ, и пастырскимъ попеченіемъ.

— Нынѣ же, отче,—говорили они,—если ты отходишь къ Богу, то помолись о своемъ стадѣ, о благовѣрномъ царѣ и обо всей Церкви.

Святый объявилъ, что болѣзнь его не къ смерти, а затѣмъ, поучивъ ихъ по обычаю, отпустилъ. Когда они начали расходиться, остался одинъ юноша, который, ухватившись за ноги святаго, со слезами и рыданіями умолялъ его—простить ему его грѣхъ. Святый спрашивалъ, въ чемъ состоитъ его грѣхъ, но юноша ничего не отвѣчалъ, а только рыдалъ и просилъ прощенія. Одинъ изъ находившихся тутъ сказалъ святителю:

— Это—твой убійца, отче! По подстрекательству еретиковъ, онъ хотѣлъ вонзить мечъ тебѣ въ чрево, но Христосъ защитилъ тебя. Вотъ онъ теперь кается и проситъ прощенія.

---

[1]) Кн. Притч., гл. 25, ст. 17.

Святый сказалъ юношѣ:

— Господь нашъ Іисусъ Христосъ да будетъ милостивъ къ тебѣ, возлюбленный сынъ, и да проститъ тебѣ твои грѣхи. Только ты будь съ этого времени нашимъ; оставь ересь и обратись ко Христу Богу и служи Ему вѣрно.

Такъ онъ отпустилъ юношу, простивъ его. Весь городъ, узнавъ объ этомъ, подивился его незлобію и воспламенился къ нему еще большею любовью. Скоро послѣ этого начали собираться въ Византію епископы — частію для поставленія Патріарха въ царственномъ городѣ, а частію для того, чтобы на Второмъ Вселенскомъ Соборѣ [1]) предать анаѳемѣ ереси. Когда собрались православные епископы въ количествѣ ста пятидесяти, предсѣдателемъ Собора былъ избранъ святый Мелетій Антіохійскій [2]). Тогда же святый Григорій Богословъ, вопреки своей волѣ и со скорбію, будучи больнымъ, принялъ патріаршій престолъ, согласившись на просьбы царя и всего народа. Спустя нѣсколько дней святый Мелетій, Патріархъ Антіохійскій, разболѣлся и отошелъ ко Господу. Вслѣдъ затѣмъ явились епископы изъ Египта и Македоніи и стали выражать неудовольствіе по поводу назначенія Григорія патріархомъ, тѣмъ болѣе что онъ былъ избранъ въ ихъ отсутствіе. Они утверждали, что это назначеніе было неправильное, такъ какъ Григорій поставленъ не Александрійскимъ, а Антіохійскимъ Патріархомъ; между тѣмъ, Александрійскій патріаршій престолъ—первый послѣ Римскаго, и отъ него должно исходить назначеніе Патріарха Константинопольскаго. Между епископами произошли большія несогласія, смуты и распри: одни говорили, что поставленіе Григорія было правильнымъ, а другіе возражали; при этомъ епископы ссорились между собою. Святый Григорій Богословъ, видя происшедшія изъ-за него между епископами распри и ссоры, обратился ко всѣмъ имъ въ соборѣ съ словомъ:

— Я, священные и уважаемые пастыри,—говорилъ онъ,—не стремился получить власть надъ Константинопольскою Церковью, а если она возросла и прочно утвердилась моимъ пóтомъ и трудами, то для меня достаточно—угодить этимъ Богу и отъ Него ожидать себѣ воздаянія. Только любовь моего словеснаго стада и общій судъ святителей принудили меня принять престолъ; нынѣ же я вижу непріязнь многихъ ко мнѣ. Знайте же, что я не ищу

[1]) Второй Вселенскій Соборъ начался въ 381 году и продолжался три года.

[2]) Мелетій патріаршествовалъ съ 358 по 381 г.

ни богатства, ни высокаго положенія и почестей; я не желаю носить званіе Константинопольскаго Патріарха и безъ огорченія оставляю епископство; вы же совѣщайтесь между собою и дѣлайте, что вамъ угодно. Мнѣ издавна пріятна пустыня, и лишающіе насъ престола не могутъ лишить насъ Бога.

Сказавъ это, онъ вышелъ и оставилъ патріаршій домъ. Онъ поселился въ небольшомъ, отстоявшемъ далеко отъ церкви, домикѣ, избѣгая разговоровъ и споровъ приходившихъ къ нему людей. Однако, многіе изъ народа, приходя къ нему, просили его, чтобы онъ оказалъ милость своей паствѣ и не оставлялъ ее, послѣ того какъ воспиталъ и увеличилъ ее столькими трудами и пóтомъ.

— Покажи, отецъ,—говорили они,—свое расположеніе къ твоимъ дѣтямъ, ради которыхъ ты такъ много потрудился; посвяти имъ и остатокъ дней своихъ, чтобы мы, просвѣщенные твоимъ учительствомъ, имѣли, послѣ твоей кончины, твое тѣло.

Святый Григорій, какъ чадолюбивый отецъ, смягчился сердцемъ и, недоумѣвая, что ему дѣлать, просилъ Бога указать ему путь жизни.

Когда увеличилось число собравшихся епископовъ, а раздоры и несогласія между ними все еще продолжались, блаженный Григорій, ставъ посреди Собора, обратился къ нимъ съ рѣчью:

— Мужи и сопастыри мои по управленію святымъ Христовымъ стадомъ! Стыдно вамъ, поучающимъ другихъ хранить миръ, входить въ раздоры между собою! Какъ вы можете другихъ убѣдить къ согласію и единомыслію, если не можете согласиться сами съ собою? Но я умоляю васъ предъ Единосущною и Пресвятою Троицею установить миръ и показать взаимную любовь другъ ко другу, чтобы вы въ полномъ согласіи могли устроить церковныя дѣла. Если же я—виновникъ разногласія и разъединенія между вами, то я нисколько не достойнѣе пророка Іоны. Выбросьте меня за бортъ корабля,—и тогда прекратится для васъ волненіе. Хотя я и неповиненъ въ этой бурѣ, но я предпочитаю пострадать, если вы этого хотите. Только примиритесь между собою и будьте единомысленны; свергните меня съ престола, изгоните изъ города, только истину и миръ, говорю съ Пророкомъ Захаріею[1]), возлюбите. Желаю вамъ здравствовать, священные пастыри! Не забывайте и моихъ трудовъ!

---

[1]) Кн. Прор. Захар., гл. 8, ст. 19.

Когда онъ произнесъ эту рѣчь, всѣ противники его устыдились и умилились его словами. Святый же, оставивъ Соборъ, задумалъ возвратиться на Родину и пошелъ просить царя—отпустить его.

Онъ говорилъ царю:

— Царь! Да воздастъ тебѣ Христосъ въ день суда за всѣ твои благодѣянія, оказанныя Церкви. Но не откажи мнѣ, державный владыка, въ той милости, о которой я нынѣ попрошу тебя: я не прошу тебя ни о имѣніяхъ, ни о сродникахъ; я не ищу многоцѣнныхъ покрывалъ для жертвенниковъ, а хочу только облегченія трудовъ своихъ. Пусть этимъ прекратится зависть многихъ; пусть твоимъ стараніемъ достигнутъ согласія епископы! Ты, устранившій дерзость варваровъ, устрани и раздоры святителей. Укрась твою побѣдоносную державу тѣмъ однимъ, чтобы епископы достигли мира и согласія между собою. Это будетъ достигнуто, если ты отпустишь меня на родину. Объ этой милости я прошу тебя; окажи мнѣ это послѣднее благодѣяніе.

Царь былъ пораженъ словами святаго и прослезился. Прослезились и бывшіе тутъ сановники. Всѣ чувствовали сильную любовь къ святому и не хотѣли отпускать его. Онъ же, то ссылаясь на свою старость и постоянныя болѣзни, то указывая на происходящіе изъ-за него раздоры между епископами, продолжалъ просить царя и, наконецъ, убѣдилъ его—не удерживать его, а отпустить, куда онъ хочетъ, дабы остатокъ дней своихъ провести въ мирѣ и отдохнуть отъ многихъ трудовъ своихъ. Отпущенный царемъ, онъ простился со всѣми и далъ благожеланія мира своимъ словеснымъ овцамъ. Когда онъ удалялся изъ города, весь народъ провожалъ его и плакалъ горькими слезами. Тотчасъ же и нѣкоторые епископы, любившіе святаго Григорія и оплакивавшіе его, ушли изъ города и, оставивъ соборъ, возвратились каждый къ мѣсту своего служенія. Таковы были: Григорій Нисскій, братъ Василія Великаго, Амфилохій Иконійскій, Евлогій Эдесскій, Элладій Кесарійскій, Отрій Мелитинскій и многіе другіе. Оставшіеся же на Соборѣ епископы избрали патріархомъ сенатора Нектарія[1]).

Святый Григорій Богословъ удалился въ Каппадокійскую область и поселился на родинѣ, въ деревнѣ Аріанзъ. Тамъ онъ отдыхалъ, будучи очень слабъ. Однако, онъ не оставлялъ трудовъ во славу

---

[1]) Св. Нектарій патріаршествовалъ съ 381 по 397 годъ.

Божію: онъ нашелъ свой отечественный городъ Назіанзъ зараженнымъ аполлинаріевою ересью и старался очистить его и личными увѣщаніями, и посланіями своими. Когда граждане просили его принять отцовскій престолъ, онъ отказался, а поставилъ имъ епископомъ одного пресвитера, по имени Евлалія, мужа ревностнаго въ вѣрѣ и благочестиваго. Самъ онъ оставался въ полномъ уединеніи въ селеніи Аріанзѣ. Тамъ, проживъ нѣкоторое время и оставивъ послѣ себя много назидательныхъ сочиненій[1]), онъ, въ глубокой старости, отошелъ къ нестарѣющейся жизни 25 января[2]).

---

[1]) Сочиненія святаго Григорія Богослова пользовались самымъ высокимъ уваженіемъ въ Церкви Христовой. Они были предметомъ самаго внимательнаго изученія и весьма многихъ толкованій. Сочиненія святаго Григорія состоятъ изъ Словъ, писемъ и стиховъ. Пять Словъ о богословіи всего лучше показываютъ, какой Богословъ былъ Григорій. Въ Словѣ на Пятидесятницу святый Григорій изображаетъ дѣйствія Духа Святаго и по дѣйствіямъ въ Немъ даетъ видѣть Истиннаго Бога. Въ другихъ сочиненіяхъ Григорій объясняетъ догматъ о Святой Троицѣ, частію же говоритъ о другихъ предметахъ вѣры. Вообще слова Григорія безпримѣрны по многимъ отношеніямъ. И по формѣ, и по тону Слова Григорія—не бесѣды, они—въ полномъ смыслѣ ораторскія Слова. Изъ 45 его Словъ—5 похвальныхъ, 9—на праздники, иныя—защитительныя и обличительныя. Между праздничными Словами святаго Григорія нынѣ извѣстны Слова: на Рождество Христово, на Крещеніе или день свѣтовъ, на Пасху, на Пятидесятницу, на Антипасху, на св. Маманта, о Маккавеяхъ, о св. мученикахъ въ недѣлю Всѣхъ Святыхъ. Нѣкоторыя Слова изъ его проповѣдей вошли въ составъ Пасхальнаго канона св. Іоанна Дамаскина и изъ нихъ составились одна изъ стихиръ, пасхальныхъ, оглашающихъ нынѣ Церковь, и нѣсколько тропарей канона; нѣкоторыя слова изъ его проповѣдей вошли также въ составъ церковныхъ службъ на Рождество Христово, Пятидесятницу и Антипасху. Изъ защитительныхъ и обличительныхъ Словъ святаго Григорія Богослова извѣстенъ его т. н. «Памятникъ» Юліану—два Слова, въ которыхъ неизгладимо изображено для потомства нечестіе Юліана. Письма Григорія относятся къ лучшимъ произведеніямъ словесности. Они большею частію кратки, но въ этомъ полагалъ достоинства письма Григорій. Пѣснопѣнія святаго Григорія раздѣляются на три разряда: на догматическія, нравственныя и историческія; въ числѣ послѣднихъ въ большей части онъ поетъ о самомъ себѣ, о своихъ немощахъ и скорбяхъ. Замѣчательны также его молитвенныя пѣснопѣнія, напр. утреннія и вечернія, стихи о жизни, добродѣтели, суетѣ жизни; всѣ они должны занять первое мѣсто между лучшими произведеніями творчества.—Церковь почтила святаго Григорія тѣмъ именемъ, которымъ она почтила одного высокаго между Апостолами и Евангелистами—Іоанна. Это наименованіе усвоено ему потому, что послѣ перваго Богослова святый Григорій постигалъ столь высокими и вмѣстѣ точными помыслами глубины Божества, сколько постигать ихъ можно человѣку при свѣтѣ Откровенія; особенно же вся мысль его, какъ и перваго Богослова, обращена была къ Предвѣчному Слову. Возвышенность помысловъ, восходящихъ во внутреннее (насколько оно доступно) святилище Божія естества,—такая особенность святаго Григорія, которою въ одинаковой съ нимъ мѣрѣ никто не обладалъ.

[2]) Святый Григорій Богословъ скончался въ 389 году. Въ Константинополѣ ему построенъ былъ храмъ нѣкіимъ Патрикіемъ при Ѳеодосіи Младшемъ въ первой половинѣ V вѣка. Мощи святаго Григорія, перенесенныя въ Константинополь въ 950 году при императорѣ Константинѣ VI Порфирородномъ, были раздѣлены: одна часть ихъ положена была въ храмѣ Апостоловъ, другая—въ храмѣ св. Анастасіи. Есть мощи его нынѣ и въ Римѣ въ соборѣ св. Ап. Петра.

Онъ былъ съ почетомъ погребенъ въ городѣ Назіанзѣ. Спустя много лѣтъ благочестивый царь Константинъ Багрянородный перенесъ его честны́я мощи изъ Назіанза въ Константинополь и положилъ въ церкви Святыхъ Апостоловъ—въ помощь и защищеніе городу и во славу Христа Бога, со Отцемъ и Святымъ Духомъ славимаго во вѣки. Аминь.

Тропа́рь ст҃а́гѡ, гла́съ а҃:

Па́стырскаѧ свирѣ́ль бг҃осло́вїѧ твоегѡ̀, ри́торѡвъ побѣди̇̀ трꙋбы̀: ꙗ҆́коже бо глꙋбины̀ дх҃а и҆зыска́вшꙋ, и҆ добрѡ́ты вѣща́нїѧ приложи́шасѧ тебѣ̀. но моли̇̀ хрⷭ҇та̀ бг҃а, ѻ҆́тче григо́рїе, сп҃сти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ г҃:

Бг҃осло́внымъ ѧ҆зы́комъ твои́мъ, сплете́нїѧ ри́тѡрскаѧ разрꙋши́вый сла́вне, правосла́вїѧ ѻ҆де́ждею свы́ше и҆стка́нною цр҃ковь ᲂу҆краси́лъ є҆сѝ: ю҆́же и҆ носѧ́щи, съ на́ми зове́тъ твои́ми ча́ды: ра́дꙋйсѧ ѻ҆́тче, бг҃осло́вїѧ ᲂу҆́ме кра́йнѣйшїй.

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ

ФЕЛИЦАТЫ

и семи сыновей ея

Святый Григорій, папа Римскій[1]), поучаетъ насъ о сей святой мученицѣ Фелицатѣ въ своемъ толкованіи на Евангеліе слѣдующими словами[2]): «Когда евреи сказали Господу: сѐ мт҃и твоѧ̀, и҆ бра́тїѧ твоѧ̀ стоѧ́тъ, хотѧ́ще глаго́лати тебѣ̀[3]), Господь назвалъ братьями и сестрами и матерію Своими вѣрующихъ во Имя Его и творящихъ волю Отца Его Небеснаго—не по плотскому родству, но по единенію духа. Сія святая Фелицата была римлянка, изъ богатой семьи; у нея было семь сыновей. Возлюбивъ Христа, она

---

1) Святый Григорій Двоесловъ; память его—12 марта.

2) Здѣсь разумѣется бесѣда III, произнесенная къ народу въ храмѣ св. Фелицаты въ день ея мученичества.

3) Еванг. отъ Матѳ., гл. 12, ст. 47.

раздала все свое имущество нищимъ и исповѣдала предъ языческимъ царемъ и судьями, что она христіанка[1]). Претерпѣвая тяжесть гоненія, она укрѣпляла сердца дѣтей въ любви къ Небесному Отечеству. Она по вѣрѣ была рабою Христовою, сыновья же ея наименовались братіями Христовыми по единенію вѣры и мужественному терпѣнію». «Мы видѣли, — продолжаетъ святый отецъ,—въ женской груди мужескую доблесть: безстрашно предстала она на смерть, поучая тѣмъ истинному богопознанію. Такимъ образомъ и я эту жену назвалъ не только мученицею, но и болѣе, нежели мученицею, потому что она взирала на мученія семи сыновъ своихъ и, сама подвергаясь истязаніямъ, желала только, чтобы дѣти прежде нея вошли въ Царство Небесное и не уклонились бы отъ пути къ нему; святая мать—мученица боялась за живыхъ дѣтей, радовалась за умирающихъ и возвеличилась тѣмъ, что семь сыновей прежде ея вошли въ Царство Небесное, куда за ними послѣдовала и сама она—восьмая, воспріявъ съ дѣтьми своими мученическую кончину ради Имени Господа нашего Іисуса Христа»[2]).

Ст҃а́ѧ мч҃ница
Фелїца́та

---

[1]) Жрецы обвинили св. Фелицату передъ императоромъ въ томъ, что, распространяя христіанство, она оскорбляетъ боговъ. Императоръ передалъ св. мать вмѣстѣ съ дѣтьми префекту Публію.

[2]) Сыновья св. Фелицаты носили имена: Яннуарій, Феликсъ, Филиппъ, Сильванъ, Александръ, Виталій и Марціалъ. Страданія сихъ св. мучениковъ относятся ко времени императора Антонина, царствовавшаго съ 138 по 161 г. Первый изъ сыновей св. Фелицаты жестоко былъ сѣченъ и брошенъ въ темницу; второй—засѣченъ былъ свинцовыми прутьями; третій и четвертый—убиты палками, пятый—сброшенъ съ высокаго мѣста; шестой и седьмой—усѣчены мечомъ, послѣ чего обезглавлена была и мать ихъ.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ПОПЛІЯ

Преподобный Поплій принадлежалъ къ сословію сенаторовъ[1]) и происходилъ изъ города Зевгма[2]), на Евфратѣ. Избравъ мѣсто на высокой горѣ, въ тридцати верстахъ отъ города, святый Поплій построилъ небольшую хижину и затѣмъ роздалъ все, полученное отъ родителей, имущество нищимъ; самъ же сталъ пребывать въ добродѣтельномъ и постническомъ житіи, слава о которомъ широко распространилась. Къ преподобному начали стекаться во множествѣ желавшіе раздѣлять его подвиги; имъ онъ приказывалъ устраивать тѣсныя келліи, въ которыхъ посѣщалъ своихъ учениковъ очень часто, строго наблюдая, чтобы у нихъ въ келліяхъ не было ничего, кромѣ самаго необходимаго; хлѣбъ, который оказывался у монаховъ, преподобный Поплій взвѣшивалъ на вѣсахъ и, если у кого находилось болѣе опредѣленнаго количества хлѣба, того называлъ чревоугодникомъ, чрезмѣрно заботящимся о своемъ тѣлѣ; тѣхъ же, у которыхъ находилъ приготовленное кушанье, называлъ вкушающими скверну. По ночамъ святый отецъ не искалъ себѣ покоя, а обходилъ келліи учениковъ, останавливаясь снаружи у дверей каждаго. Молча отходилъ преподобный, если заставалъ обитателя келліи на молитвѣ; если же тотъ спалъ, святый Поплій ударялъ рукою въ дверь и сурово укорялъ лѣностнаго инока. Благодаря постоянному общенію преподобнаго съ учениками многіе изъ нихъ уподобились святому въ подвижничествѣ; двое изъ таковыхъ—Ѳеотекнъ и Авѳоній—по преставленіи преподобнаго Поплія, несли на себѣ попеченіе о братіи и настоятельство въ обители, основанной святымъ подвижникомъ. Блаженный же Поплій мирно совершилъ великій свой подвигъ и отошелъ ко Господу[3]).

---

1) *Сенаторы*—члены высшаго государственнаго учрежденія въ Римской имперіи.

2) Въ Сиріи, въ римской провинціи Евфратезіи.

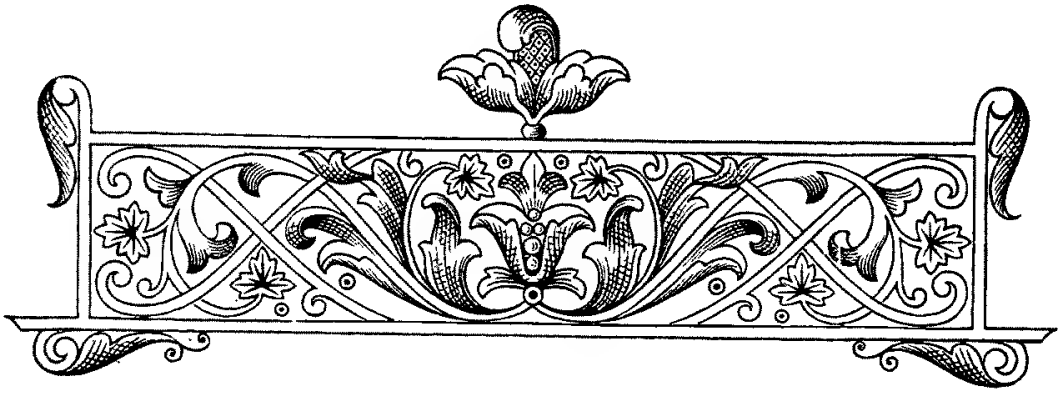
3) Около 380 года.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

МАРА ПѢВЦА

Преподобный Маръ въ юности отличался красивой наружностью и обладалъ хорошимъ голосомъ; во время праздниковъ въ честь святыхъ мучениковъ онъ въ совершенствѣ исполнялъ обязанности пѣвца. Больше всего возлюбилъ онъ Бога и свято соблюдалъ Его заповѣди. Окруженный многими искушеніями, святый Маръ сохранилъ тѣло свое въ дѣвственной невинности, а душу—въ непорочности и чистотѣ. Отвративъ свою душу отъ мірскихъ соблазновъ, юноша удалился въ селеніе Омиру[1]) и устроилъ тамъ себѣ небольшую хижину, въ которой провелъ тридцать семь лѣтъ; много страдалъ въ этой хижинѣ преподобный отъ сырости, которая вредно дѣйствовала на его здоровье, но не хотѣлъ оставить своей хижины и прожилъ въ ней до конца своей жизни. Преподобный Маръ отличался простотою и не терпѣлъ лукавства, а бѣдность считалъ за величайшее благополучіе. Проживъ девяносто лѣтъ, онъ довольствовался одеждами изъ козьей шерсти, а для подкрѣпленія тѣлесныхъ силъ употреблялъ немного хлѣба съ солью. Долго питалъ святый въ своей душѣ горячее желаніе присутствовать при совершеніи Божественной Литургіи. Когда же священникъ совершилъ у него сіе великое и спасительное Тайнодѣйствіе, преподобный Маръ говорилъ, что душа его была исполнена неизреченной сладости и онъ долго предавался размышленію, въ глубокомъ смущеніи не дерзая взирать на Небо. Совершивъ долгій свой и спасительный подвигъ, святый мирно предалъ духъ свой Богу и нынѣ блаженствуетъ въ вѣчныхъ обителяхъ.

1) Недалеко отъ города Кира, въ Сирійской провинціи Киростика.



День двадцать шестой

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНЫХЪ

КСЕНОФОНТА и МАРІИ

и сыновей ихъ

ІОАННА и АРКАДІЯ

Святый Ксенофонтъ былъ однимъ изъ знатнѣйшихъ сановниковъ въ Константинополѣ. Онъ былъ богатъ мірскими благами, но еще богаче внутренними сокровищами: вѣрою, благочестіемъ и усерднымъ соблюденіемъ всѣхъ Заповѣдей Божіихъ. Будучи знатнымъ по своему сану и благородному происхожденію, онъ былъ еще знатнѣе по своему благочестію и добродѣтельной жизни. Насколько онъ былъ высокъ по своимъ почестямъ, настолько же онъ былъ смиренномудръ умомъ; онъ не превозносился сердцемъ надъ людьми и не гордился своею временною мірскою славою. Онъ собиралъ для себя сокровища на Небесахъ, предпосылая туда свои богатства руками нищихъ. Была у него подруга жизни, по имени Марія, подражательница ему во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ и во всемъ одинаковая съ нимъ по характеру. Ксенофонтъ жилъ съ нею добродѣтельно, угождая Богу, исполняя безпорочно всѣ Заповѣди и соблюдая правду Божію. Когда у нихъ родились два сына—Іоаннъ и Аркадій, они воспитывали ихъ добрыми наставленіями и учили

не только книжной мудрости, но и страху Божію, который есть начало всякой премудрости, а равно поучали ихъ всякой добродѣтели. Они желали видѣть въ дѣтяхъ не только наслѣдниковъ своихъ богатыхъ имѣній, но, главнымъ образомъ, подражателей ихъ богоугодной жизни. Они послали ихъ учиться эллинской мудрости въ финикійскій городъ Беритъ[1]), славившійся въ то время своими школами. Когда они жили тамъ нѣкоторое время ради ученія, Ксенофонтъ сильно заболѣлъ и уже ожидалъ смерти. Марія, не надѣясь на выздоровленія мужа, написала въ Беритъ къ сыновьямъ о тяжкой болѣзни отца и просила ихъ поскорѣе возвратиться домой—прежде, чѣмъ отойдетъ въ вѣчность отецъ. Она хотѣла, чтобы дѣти получили послѣднее благословеніе отъ отца и приняли участіе въ погребеніи его. Они поторопились возвратиться домой. Отецъ, увидѣвъ ихъ, обрадовался, и отъ радости болѣзнь его ослабѣла. Онъ велѣлъ имъ сѣсть у своей постели и началъ поучать ихъ такъ:

Прп҃бный
ЗЕНОФѲНТЪ

— Какъ мнѣ кажется, дѣти мои, я приближаюсь къ кончинѣ своей жизни; вы же, если любите меня, отца своего, сдѣлайте, что я завѣщаю вамъ. Во-первыхъ, бойтесь Бога и жизнь свою устрояйте по Его святымъ заповѣдямъ. Затѣмъ, то, что я скажу вамъ далѣе, буду говорить не по тщеславію, но съ цѣлью наставить васъ на путь добродѣтели: если вы мою жизнь будете имѣть для себя образцомъ, то я думаю, не нужно вамъ будетъ другаго учителя: ибо домашнее ученіе, выраженное словомъ и дѣломъ, гораздо

[1]) *Беритъ*—нынѣшній *Бейрутъ*—древній городъ Финикіи на берегу Средиземнаго моря; въ V вѣкѣ процвѣталъ и славился своей высокой школой риторики, поэтики и права; нынѣ—главный административный городъ Азіатско-Турецкой Сиріи и важнѣйшій торговый пунктъ Сирійскаго побережья.

полезнѣе всякаго другаго ученія. Знайте же, что я дожилъ до сихъ поръ, сохраняя постоянное благоговѣніе и простоту сердца. Я былъ всѣми уважаемъ и любимъ не за свой высокій санъ, а за свою кротость и добрый нравъ: никого и ничѣмъ я не обидѣлъ, никогда никого не укорялъ, не клеветалъ, не завидовалъ, не гнѣвался напрасно, не враждовалъ ни съ кѣмъ. Я всѣхъ любилъ и со всѣми жилъ въ мирѣ; я не уклонялся отъ посѣщенія церкви Божіей ни вечеромъ, ни утромъ; я не презиралъ ни нищаго, ни странника, ни опечаленнаго, но каждаго утѣшалъ словомъ и дѣломъ; часто посѣщалъ находившихся въ темницахъ, многихъ плѣнниковъ выкупилъ и отпустилъ на свободу. Какъ положилъ я устамъ своимъ преграду, чтобы не говорить ничего дурного и лукаваго, точно такъ же я положилъ завѣтъ для очей своихъ,—чтобы не смотрѣть на чужую красоту и не имѣть похотѣнія къ ней. Богъ меня хранилъ, и я не зналъ иной жены, кромѣ вашей матери, но и съ нею я жилъ въ плотскомъ союзѣ, пока не родились вы, а затѣмъ мы условились оставаться чуждыми другъ для друга по плоти и сохранили тѣлесную чистоту о Господѣ доселѣ. Послѣдуйте же, дѣти, жизни родителей, подражайте вѣрѣ, терпѣнію и кротости нашей и живите такъ, чтобы угождать Богу; тогда Богъ пошлетъ вамъ долгую жизнь. Подавайте милостыню убогимъ, защищайте вдовицъ и сиротъ, посѣщайте больныхъ и находящихся въ темницахъ, избавляйте обиженныхъ и неправильно осужденныхъ отъ бѣдствій, храните миръ со всѣми. Будьте вѣрны своимъ друзьямъ, благодѣтельствуйте врагамъ, не воздавая имъ зломъ за зло; по отношенію ко всѣмъ будьте добры, кротки, любезны, смиренны. Сохраняйте въ непорочности чистоту душевную и тѣлесную, а если Богъ благословитъ васъ супружествомъ, то да будетъ нескверно ложе ваше. Благотворите церквамъ Божіимъ и монастырямъ; священниковъ и иноковъ почитайте, ибо ради нихъ Богъ являетъ всему міру милосердіе. Особенно не забывайте скитающихся ради Бога въ пустыняхъ, въ горахъ, въ вертепахъ и пропастяхъ земныхъ, но подавайте имъ необходимое для жизни. Достаточно питайте нищихъ, и вы не обѣднѣете. Вы знаете, что домъ мой никогда не оскудѣвалъ, несмотря на частыя трапезы, предлагаемыя убогимъ. Часто молитесь и внимайте поученіямъ святыхъ мужей. Матери вашей воздавайте должный почетъ и слушайте ее со страхомъ Господнимъ, всегда исполняя ея волю и никогда не отступая отъ ея повелѣній. Будьте милостивы къ рабамъ, любя

ихъ какъ членовъ семьи и дѣтей своихъ; стариковъ отпускайте на свободу и подавайте имъ пищу и все потребное до самой кончины ихъ. Короче сказать, повторяю вамъ: что вы видѣли меня творящимъ, то же дѣлайте и сами,—и вы сподобитесь чести и славы святыхъ. Помните всегда и то, что скоро прейдетъ міръ сей и слава его исчезнетъ. Дѣти, сохраните Заповѣди Господни и мои наставленія, и Богъ мира да будетъ съ вами!

Слушая эту рѣчь, Іоаннъ и Аркадій плакали и говорили:

— Не оставляй насъ, отецъ, но умоли Бога, да подастъ тебѣ еще нѣсколько времени прожить съ нами. Мы вѣруемъ, что ты умолишь Бога, если захочешь: Богъ послушаетъ тебя. Для насъ же, юныхъ, весьма необходима твоя жизнь здѣсь, чтобы ты совершеннѣйшимъ образомъ наставилъ насъ на добрыя дѣла и самъ устроилъ нашу жизнь, какъ дòлжно.

Отецъ тяжко вздохнулъ и, прослезившись, сказалъ:

— Съ тѣхъ поръ какъ посѣтилъ меня Богъ этою болѣзнію и я возлегъ на одрѣ, я много молилъ и молю Бога о томъ, чтобы Онъ, ради вашей юности, ниспослалъ мнѣ еще немного времени прожить на землѣ, пока я увидѣлъ бы васъ совершенными во всемъ.

Въ слѣдующую же ночь было святому Ксенофонту откровеніе въ сонномъ видѣніи, что Богъ повелѣваетъ ему еще оставаться въ этой жизни. Онъ возвѣстилъ объ этомъ супругѣ и дѣтямъ, и всѣ они радовались и славили Бога. Больной началъ мало-помалу выздоравливать отъ недуга. Онъ сказалъ сыновьямъ:

— Дѣти, отправляйтесь и оканчивайте ваше ученіе, а по окончаніи немедленно возвращайтесь: я устрою вашъ законный бракъ.

Затѣмъ онъ посадилъ ихъ на корабль и, снабдивъ всѣмъ необходимымъ, отпустилъ ихъ снова въ Беритъ.

Когда они отправились въ путь моремъ, плаваніе вначалѣ было благопріятнымъ, такъ какъ дулъ попутный вѣтеръ. Но затѣмъ внезапно поднялся противный вѣтеръ, и на морѣ наступили неожиданная буря и сильное волненіе. Корабельщики скоро оставили руль, и корабль былъ понесенъ бурею невѣдомо куда, все болѣе погружаясь въ волнахъ. Всѣ, находившіеся на кораблѣ, отчаялись въ спасеніи жизни и подъ вліяніемъ бѣдствія и страха смерти горько плакали. Плакали и оба брата, Іоаннъ и Аркадій, вознося молитвы къ Богу.

— Владыка преблагій и промыслитель о всякой твари!—молились они.—Не презри созданія Своего, помяни добрыя дѣла нашихъ

родителей и ради нихъ не оставь насъ; не дай намъ прежде времени умереть въ молодыхъ годахъ нашей цвѣтущей юности. Пусть пощадитъ насъ водная буря и не поглотитъ насъ глубина морская. Помяни милости Твои и щедроты, призри съ высоты святой славы Твоей и воззри на бѣдствіе наше. Услышь стенаніе наше и вопли наши! Сердцемъ сокрушеннымъ и духомъ смиреннымъ мы молимся Тебѣ: простри къ намъ Твою всесильную десницу и избавь насъ отъ смертной гибели; не предай насъ смерти ради Твоего Имени, но поступи съ нами по милости Своей и по множеству милосердія Своего. Избавь насъ отъ потопленія ради славы Своей, ибо не мертвые восхвалятъ Тебя и не тѣ, которые нисходятъ во адъ[1]), а мы, живые, прославимъ Твое величественное Имя.

Корабельщики, видя, что сильное волненіе не прекращается, а наступаетъ еще большее, такъ что уже невозможно кораблю избавиться отъ потопленія,—какъ бы желая помочь бѣдствующему кораблю, сошли въ небольшое судно, особеннымъ образомъ устроенное, покрытое сверху и безопасное отъ погруженія, и затѣмъ поспѣшили удалиться отъ корабля, плывя туда, куда несли волны. Они надѣялись, что волны выбросятъ гдѣ-либо ихъ на берегъ. Юноши, Іоаннъ и Аркадій, оставшись на кораблѣ съ своими рабами, видѣли и бѣгство корабельщиковъ, и неизбѣжную гибель корабля, такъ какъ послѣдній уже разбивался и, наполняясь водою, погружался въ волнахъ. Они совершенно отчаялись въ спасеніи жизни и совлекли съ себя одежды ради большаго удобства въ плаваніи, чтобы не тотчасъ погрузиться и погибнуть въ пучинѣ. Ожидая окончательной разлуки и смерти, они съ плачемъ и умиленными голосами взывали къ своимъ родителямъ, остававшимся далеко въ дому, представляя ихъ какъ бы находящимися здѣсь.

— Желаемъ тебѣ,—говорили они,—здравствовать, любезнѣйшій отецъ! Будь здрава и ты, любезнѣйшая мать! Не увидите вы насъ болѣе, равно какъ и мы васъ; не будемъ уже болѣе наслаждаться вмѣстѣ съ вами въ дому земными благами.

Затѣмъ они стали говорить другъ другу:

— Горе намъ, возлюбленный братъ! Горе, свѣтъ очей моихъ! О, какъ тяжко разлучаться! Гдѣ теперь родительскія молитвы? Гдѣ ихъ благодѣянія нищимъ? Гдѣ ихъ милостыни, подаваемыя инокамъ и оказываемое имъ уваженіе? Неужели ни одна изъ ихъ

---

[1]) Ср.: Псал. 113, ст. 25.

молитвъ о насъ не дошла къ Богу, или если и дошла, все же оказалась безсильною, такъ какъ ее превысило множество грѣховъ нашихъ, за которые мы уже недостойны жить? Горе намъ, недавно плакавшимъ по поводу ожидаемой смерти отца, а нынѣ имѣющимъ быть виновниками неутѣшнаго плача и безконечнаго рыданія нашихъ родителей! О отецъ! Ты, усердно пекущійся о нашемъ воспитаніи и благоустроеніи нашей жизни, не увидишь насъ даже мертвыхъ. О мать, надѣявшаяся увидѣть бракъ сыновъ твоихъ и готовившая прежде времени прекрасныя палаты! Ты не увидишь даже гроба дѣтей твоихъ. Подлинно, тяжко родителямъ видѣть своихъ умирающихъ дѣтей и погребать ихъ,—а вамъ, милые родители наши, насколько тяжелѣе будетъ страданіе при потерѣ дѣтей своихъ, когда вы не видѣли ни смерти ихъ, ни даже вѣсти о ихъ неожиданной и горькой кончинѣ не можете получить! Вы надѣялись, что мы похоронимъ васъ въ глубокой старости, а нынѣ и мы не удостаиваемся быть погребенными вашими руками.

Прѣбнаѧ
Маріа

Затѣмъ они обнялись и, прощаясь, говорили другъ другу:

— Спасайся, братъ, и прости меня!

При этомъ они еще разъ воззвали къ Богу:

— О Царю и Владыко всѣхъ! Какую смерть Ты попустилъ намъ! Если по неизреченнымъ судьбамъ Твоимъ намъ невозможно избавиться отъ нея, то, по крайней мѣрѣ, не разлучи насъ умирающихъ. Пусть одна волна покроетъ насъ, и одна утроба морскаго звѣря пусть будетъ намъ гробомъ!

Обращались они и къ рабамъ своимъ:

— Спасайтесь, добрые братья и друзья, и простите насъ.

Когда корабль окончательно разбился, каждый изъ нихъ ухва-

тился за первую попавшуюся доску, и, такимъ образомъ, они были разнесены волнами въ различныя стороны другъ отъ друга. Но, по благодати Божіей, всѣ были спасены отъ потопленія и гибели и только занесены въ различныя стороны: рабы были выброшены волнами на сушу въ Тирѣ[1]), Іоаннъ выброшенъ на одно мѣсто, называемое Малмефетанъ[2]), а Аркадій—въ Тетрапиргію[3]). Каждый изъ нихъ, ничего не зная объ избавленіи отъ смерти брата своего, не столько радовался о своей жизни, сколько скорбѣлъ о смерти брата.

Вышедши на сушу, Іоаннъ разсуждалъ самъ съ собою такъ:

— Куда я пойду теперь? Я стыжусь явиться нагимъ на глаза людямъ. Пойду лучше въ монастырь, гдѣ живутъ благоговѣйные иноки, и тамъ поработаю Богу, спасшему меня отъ смерти, въ нищетѣ и смиреніи лучше, чѣмъ въ богатствѣ міра сего. Я думаю, что Богъ потому не послушалъ насъ, молившихся къ Нему на кораблѣ, что родители наши хотѣли сочетать насъ бракомъ и оставить намъ богатства и большія пріобрѣтенія. Мы погибли бы въ суетѣ міра сего скорѣе, чѣмъ на морѣ. Всевидящій Богъ, устрояя для насъ лучшую жизнь, попустилъ для насъ такое бѣдствіе, и какъ Ему угодно было, такъ и случилось. Онъ, Благій, знаетъ все, что на пользу намъ, а мы ничего не знаемъ, что должно случиться съ нами. Онъ знаетъ все и творитъ, какъ хочетъ, уготовляя спасеніе душѣ каждаго.

Затѣмъ, воздѣвъ руки къ Богу, онъ такъ молился:

«Господи мой, Господи, спасшій меня отъ морскихъ волнъ и гибели смертной! Спаси и раба Твоего, брата моего Аркадія. Избавь его отъ горькой смерти, какъ избавилъ и меня по милости Своей; и если Ты сохранилъ его живымъ и извелъ на сушу, то отверзи ему умъ, чтобы онъ размыслилъ и восхотѣлъ иноческой жизни, и сподоби его благоугодить Тебѣ. Спаси и слугъ, бывшихъ съ нами, чтобы ни одинъ изъ нихъ не погибъ въ морѣ, но спасеніемъ всѣхъ ихъ да прославится пресвятое Имя Твое!»

Идя по берегу, онъ продолжалъ молиться:

«Господи Іисусе Христе, Единородный Сынѣ Божій! Снизойди къ моленію раба Твоего и направь стопы мои къ исполне-

---

1) *Тиръ*—древняя столица Финикіи—былъ расположенъ на восточномъ берегу Средиземнаго моря, къ сѣверу отъ Палестины.

2) *Малмефетанъ*—мѣстность въ Месопотаміи.

3) *Тетрапиргія*—городъ въ Месопотаміи, близъ р. Евфрата.

нію заповѣдей Твоихъ, наставь меня по Твоей святой волѣ, ибо Ты знаешь, Владыко, что иного помощника, кромѣ Тебя, я не имѣю въ сей часъ».

Прошедши немалое разстояніе, онъ нашелъ монастырь и постучался въ ворота. Привратникъ отперъ и увидѣлъ его нагаго. Онъ снялъ съ себя верхнюю одежду, далъ ему одѣться и, введши его въ свою келлію, предложилъ ему хлѣбъ и сочиво. Когда встали отъ трапезы, привратникъ черноризецъ спросилъ:

— Откуда ты, братъ?

Онъ отвѣтилъ:

—Я—странникъ,—господинъ мой,—и убогій, спасшійся отъ гибели на морѣ. Когда корабль разбился и погрузился въ воду, я ухватился за доски, и былъ носимъ волнами. Богъ, по молитвамъ вашимъ, сохранилъ меня живымъ, и я былъ выброшенъ въ вашу страну.

Привратникъ черноризецъ, услышавъ это, умилился и прославилъ Бога, спасающаго надѣющихся на Него. Затѣмъ спросилъ у Іоанна:

— Куда ты хочешь идти, братъ?

Іоаннъ отвѣтилъ ему:

— Куда укажетъ Богъ. Я хотѣлъ бы стать инокомъ, если бы милосердый Владыка, презрѣвъ мои согрѣшенія, сподобилъ меня принять Его благое иго.

Черноризецъ сказалъ ему:

— Воистину, чадо, ты желаешь добраго дѣла и будешь блаженъ, если со всѣмъ усердіемъ поработаешь Богу.

Тогда Іоаннъ обратился къ нему съ слѣдующей просьбой:

— Умоляю тебя, отче, скажи мнѣ: могу ли я здѣсь съ вами оставаться?

Инокъ отвѣтилъ:

— Подожди немного; я сообщу о тебѣ отцу нашему игумену. Не будетъ ли ему откровенія отъ Бога о тебѣ? Затѣмъ, то, что онъ повелитъ тебѣ, ты сдѣлаешь и спасешься.

Привратникъ пошелъ къ игумену и разсказалъ ему подробно все о юношѣ. Игуменъ повелѣлъ привести его къ себѣ и, увидѣвъ его, уразумѣлъ въ судьбѣ его Божіе призваніе. Провидя его добрую жизнь, онъ сказалъ:

— Благословенъ Богъ отца твоего и матери, спасшій тебя отъ гибели въ морѣ и приведшій сюда!

Затѣмъ, преподавъ ему подробныя наставленія о спасительной иноческой жизни, осѣнилъ его крестнымъ знаменіемъ и повелѣлъ ему оставаться въ монастырѣ. Въ скоромъ времени онъ постригъ Іоанна въ иноческій ангельскій чинъ. Такимъ образомъ, блаженный Іоаннъ подвизался въ молитвѣ и постѣ и во всѣхъ монастырскихъ трудахъ, исполняя послушанія. Но онъ постоянно скорбѣлъ о братѣ своемъ Аркадіи, думая, что тотъ погибъ въ морскихъ волнахъ.

Аркадій также, по Божію изволенію, остался въ живыхъ и, вышедши изъ моря на сушу въ Тетрапиргіи, палъ ницъ и молился Богу такъ:

«Господи Боже Авраама, Богъ Исаака, Богъ Іакова, Богъ отца моего! Благодарю Тебя за то, что Ты избавилъ меня отъ волненія и бури и отъ смерти извелъ меня къ жизни, которой я уже не ожидалъ, и поставилъ мои ноги на сушѣ. Но какъ Ты, премилостивый, спасъ меня отъ потопленія, такъ спаси и раба Твоего, брата моего Іоанна. Я молюсь Тебѣ, Господи мой, Господи,—сохрани его по милосердію Твоему, чтобы не потопили его волны и буря и не поглотила его бездна. Услышь меня, Господи, такъ какъ велики милости Твои, и сподоби меня увидѣть брата моего. Помяни дѣла отца нашего и не сведи Іоанна въ преисподнія глубины моря. Не предай юнаго отрока преждевременной и нечаянной смерти. Дай мнѣ прежде увидѣть его и тогда умереть».

Такъ молясь, онъ сильно плакалъ и даже изнемогъ отъ плача; затѣмъ, вставъ, пошелъ въ находившееся недалеко селеніе, гдѣ встрѣтившійся ему одинъ христолюбецъ далъ ему ветхую одежду. Онъ одѣлся и, попросивъ немного хлѣба, укрѣпилъ свое изнемогшее тѣло. Послѣ этого онъ пошелъ къ находившейся тамъ церкви и, еще разъ помолившись со слезами о братѣ, прислонился къ стоявшему у церкви столбу и заснулъ. Тотчасъ въ сонномъ видѣніи онъ увидѣлъ брата своего Іоанна, говорившаго ему:

— Братъ Аркадій! Зачѣмъ ты такъ горько плачешь обо мнѣ и сокрушаешь свое сердце? Я, по благодати Христовой, остался живъ; поэтому не печалься обо мнѣ.

Аркадій, проснувшись, увѣровалъ, что это сновидѣніе истинно; онъ исполнился великой радости и благодарилъ Бога. При этомъ онъ размышлялъ самъ съ собою: что ему дѣлать?

«Пойду ли я,—думалъ онъ,—къ родителямъ,—они, не видя брата моего со мною, будутъ печалиться по поводу моего возвращенія. Если я опять пойду въ школу и, по окончаніи философскихъ наукъ, возвращусь къ родителямъ, то также не обрадую ихъ. Увидѣвъ только одного меня, они начнутъ горько плакать. Что мнѣ дѣлать, я не знаю. Помню, какъ отецъ мой всегда восхвалялъ иноческую жизнь, связанную съ безмолвіемъ и приближающую къ Богу. Итакъ, пойду въ монастырь и стану инокомъ.»

Прп҃бный
І ѡ а́ н н ъ

Такъ размысливъ самъ съ собою, Аркадій сотворилъ молитву и пошелъ въ Іерусалимъ. Поклонившись тамъ Святымъ мѣстамъ, въ которыхъ Господь содѣлалъ спасеніе міру, онъ вышелъ изъ города и хотѣлъ пойти въ какой-либо монастырь, который случится на пути. Продолжая идти, онъ встрѣтилъ одного почтеннаго инока, украшеннаго сѣдинами, человѣка святой жизни и прозорливца. Подошедши къ нему, юноша припалъ къ его ногамъ, лобызалъ ихъ и говорилъ:

— Моли Господа о мнѣ, святый отче, такъ какъ я нахожусь въ большомъ уныніи и страдаю.

Старецъ сказалъ ему:

— Не скорби, чадо! Братъ твой, о которомъ ты скорбишь, такъ же живъ, какъ и ты. Всѣ другіе, бывшіе съ вами на кораблѣ, хранимые Богомъ спаслись отъ гибели и пошли въ монастыри ради иноческой жизни. Братъ твой Іоаннъ уже принялъ первое иноческое посвященіе. Будетъ время, когда ты увидишь брата собственными глазами, ибо услышана твоя молитва.

Аркадій, слыша эти слова великаго старца, стоялъ изумленный и удивлялся прозорливости святаго, а затѣмъ, опять припавъ къ ногамъ его, сталъ говорить:

— Такъ какъ Богъ не скрылъ отъ тебя ничего, что случилось со мною, то и ты не отвергни меня,—умоляю тебя. Какимъ способомъ знаешь, спаси мою убогую душу и введи меня въ иноческую жизнь.

Старецъ сказалъ ему:

— Да будетъ благословенъ Богъ! Ступай за мною, дитя мое.

Старецъ повелъ его въ лавру святаго Харитона, которая на сирійскомъ языкѣ называлась Сукійскою [1]). Тамъ онъ постригъ юношу въ иноки и далъ ему келлію, въ которой раньше подвизался одинъ изъ великихъ отцовъ въ теченіе пятидесяти лѣтъ. Съ Аркадіемъ провелъ одинъ годъ и самъ этотъ прозорливый старецъ, наставляя его въ правилахъ иноческой жизни и научая его бороться и противодѣйствовать невидимымъ врагамъ. По окончаніи года старецъ ушелъ въ пустыню, оставивъ въ келліи одного Аркадія и обѣщая ему свидѣться съ нимъ по истеченіи трехъ лѣтъ. Аркадій, получивъ наставленія отъ старца, ревностно исполнялъ ихъ, работая Богу денно и нощно.

Спустя два года послѣ гибели корабля Ксенофонтъ, не зная о томъ, что произошло съ его дѣтьми на морѣ, послалъ одного изъ рабовъ своихъ въ Беритъ, поручивъ ему разыскать Іоанна и Аркадія и узнать подробно о нихъ все: здоровы ли они и скоро ли окончатъ свое ученіе. Отецъ и мать сильно удивлялись, что въ теченіе столь продолжительнаго времени дѣти ни разу не извѣстили ихъ о себѣ и не прислали ни одного письма своимъ родителямъ. Рабъ, прибывъ въ Беритъ и узнавъ, что дѣти господина его Ксенофонта не являлись въ этотъ городъ, подумалъ: не измѣнили ли они своего намѣренія и не пошли ли они въ Аѳины? А потому пошелъ въ Аѳины искать ихъ. Не нашедши ихъ и тамъ и не будучи въ состояніи собрать гдѣ-либо о нихъ свѣдѣній, онъ пошелъ обратно въ Византію смущеннымъ. Когда онъ отдыхалъ на пути въ одной гостинницѣ, какой-то странствующій инокъ остановился тамъ же отдохнуть. Во время разговоровъ онъ разсказывалъ, что идетъ въ Іерусалимъ поклониться Святымъ мѣстамъ. Рабъ Ксенофонта, всмотрѣвшись въ инока внимательно, постепенно узналъ въ немъ своего бывшаго друга, одного изъ рабовъ, посланныхъ господиномъ съ дѣтьми въ Беритъ. Рабъ спросилъ инока:

—Не такъ ли ты называешься?—И назвавъ его имя, сказалъ:—

---

[1]) Память преп. Харитона—28-го сентября. Основанная имъ *Сукійская лавра* находилась въ Палестинѣ, на югъ отъ Виѳлеема.

Ты—рабъ господина нашего Ксенофонта, отправившійся съ Іоанномъ и Аркадіемъ въ Беритъ.

Черноризецъ отвѣтилъ:

— Дѣйствительно, это я, а ты товарищъ мнѣ, такъ какъ мы одного господина рабы.

Тогда рабъ спросилъ:

— Что случилось съ тобою, что ты принялъ образъ инока? Гдѣ также господа наши Іоаннъ и Аркадій? Разскажи мнѣ, прошу тебя,—ибо я много трудовъ понесъ, отыскивая ихъ, и нигдѣ не нашелъ.

Инокъ тяжко вздохнулъ и съ глазами, полными слезъ, началъ разсказывать ему подробно.

— Ты долженъ знать, другъ, что господа наши погибли въ морѣ, а равно и всѣ, бывшіе съ ними. Какъ я думаю, я одинъ только спасся отъ гибели. Я рѣшилъ лучше скрыться въ иноческомъ званіи, чѣмъ возвратиться домой и принести ужасную вѣсть господину нашему и госпожѣ, и всѣмъ домашнимъ. Такимъ образомъ, я сталъ инокомъ и иду въ Іерусалимъ на поклоненіе.

Рабъ, услышавъ это, началъ громко восклицать и горько плакать. Онъ началъ вопить отъ жалости, билъ себя въ грудь и говорилъ:

— О горе мнѣ, господа мои! Что приключилось съ вами? Что я слышу о васъ! Какъ вы пострадали! Какая горькая кончина постигла васъ! Кто возвѣститъ отцу и матери объ ужасной смерти вашей? Чьи глаза смогутъ смотрѣть на отцовскія слезы и материнское горе! Можно ли слушать безъ содроганія плачъ, рыданіе и вопли ихъ! Увы мнѣ, мои добрые господа! Вы погибли, надежда наша! Мы надѣялись, что вы, ставъ наслѣдниками послѣ своихъ родителей, доставите счастье намъ, рабамъ, осыплете своими благодѣяніями нуждающихся, успокоите странныхъ, облагодѣтельствуете нищихъ, украсите Божіи храмы, будете подавать необходимое монастырямъ,—а нынѣ, о горе намъ! Всѣ наши надежды обмануты. Что мнѣ дѣлать, я не знаю. Если я возвращусь домой къ господину моему, то я не посмѣю разсказать ему столь прискорбныя извѣстія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ возвѣстить отцу и матери о томъ, что сыновья ихъ погибли въ морѣ? Услышавъ объ этомъ, не упадутъ ли они тотчасъ мертвыми, изнемогая отъ тяжкой сердечной скорби? Поэтому я не пойду домой, чтобы вслѣдствіе столь дурного извѣстія, которое я принесу, не умерли раньше времени господа мои и я не сталъ виновникомъ ихъ смерти.

Когда рабъ этотъ такъ говорилъ и плакалъ, не желая возвращаться къ господину своему Ксенофонту, случившіеся тамъ странники и жители селенія убѣждали его перестать плакать и совѣтовали ему идти домой и разсказать обо всемъ господамъ своимъ, чтобы они не проклинали его.

— Если ты не возвѣстишь господамъ о горѣ ихъ,—говорили они,—и самъ неожиданно исчезнешь, то не будетъ тебѣ спасенія.

Рабъ послушался совѣта ихъ и возвратился въ Константинополь. Вошедши въ домъ господина своего, онъ сѣлъ, поникши головою, съ осунувшимся лицомъ, и въ смущеніи молчалъ.

Госпожа его Марія, услышавъ, что рабъ ихъ, посланный къ дѣтямъ, возвратился, тотчасъ призвала его къ себѣ и стала спрашивать:

— Какъ живутъ наши дѣти?

— Ничего, здоровы,—отвѣтилъ рабъ.

Госпожа продолжала спрашивать:

— Гдѣ же ихъ письма?

— Я потерялъ ихъ на пути,—отвѣтилъ рабъ.

Тогда начало смущаться сердце ея, и она обратилась къ рабу:

— Заклинаю тебя Богомъ, разскажи мнѣ истину. Душа моя сильно смутилась, и силы оставили меня.

Тогда онъ громко воскликнулъ, горько заплакалъ и началъ разсказывать истину.

— Горе мнѣ, госпожа моя!—говорилъ онъ.—Оба свѣтила ваши угасли въ морѣ: разбился корабль, и всѣ утонули.

О, сколь мужественною оказалась, сверхъ ожиданія, госпожа, услышавшая эту вѣсть! Крѣпко вѣруя въ Бога, она, вмѣсто того чтобы упасть на землю отъ изнеможенія и горя и рыдать въ отчаяніи, нѣсколько помолчала отъ изумленія, а потомъ сказала:

— Благословенъ Богъ, устроившій все сіе! Какъ было угодно Господу, такъ Онъ и сотворилъ. Да будетъ Имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка!

Рабу же, принесшему ей вѣсть, она сказала:

— Молчи и никому объ этомъ не говори: Господь далъ, Господь и взялъ; Онъ Самъ знаетъ, что намъ служитъ на пользу.

Когда прошло часа три и день склонялся къ вечеру, возвратился домой изъ царскихъ палатъ Ксенофонтъ. Онъ возвращался торжественно, въ предшествіи и сопровожденіи многихъ. Войдя въ домъ и отпустивъ пришедшихъ съ нимъ людей, онъ сѣлъ тра-

пезовать. Онъ одинъ только разъ въ день принималъ пищу, и то вечеромъ. Когда онъ возлегъ за трапезою, супруга его Марія обратилась къ нему:

— Знаешь ли ты, господинъ мой, что рабъ нашъ пришелъ изъ Берита?

Ксенофонтъ отвѣтилъ на это:

— Да будетъ благословенъ Богъ! Гдѣ же возвратившійся рабъ?

Госпожа сказала ему:

— Онъ боленъ и отдыхаетъ.

Тогда Ксенофонтъ спросилъ:

— Принесъ ли онъ намъ письма отъ дѣтей?

Она сказала на это:

— Оставь на сегодня, господинъ! Сейчасъ мы вкусимъ пищи, а завтра ты увидишь письма. Рабъ имѣетъ многое разсказать намъ о нихъ словесно.

Но Ксенофонтъ настаивалъ:

— Сегодня и немедленно пусть принесутъ письма. Я прочту ихъ и узнаю: здоровы ли дѣти наши? А все, что имѣетъ сказать онъ изустно, пусть скажетъ завтра.

Прп҃бный
А р к а д і й

Тогда Марія, будучи не въ состояніи удержать сердечное горе, залилась слезами и не могла ничего отвѣчать по причинѣ рыданій. Ксенофонтъ, видя, что она такъ сильно плачетъ, удивился и сталъ спрашивать:

— Что это, госпожа моя Марія? Почему ты такъ плачешь? Развѣ дѣти наши больны?

Она едва-едва могла вымолвить:

— Лучше бы было, если бы они были больны, но они погибли въ морѣ, наши любезныя дѣти.

Ксенофонтъ громко застоналъ и, прослезившись, сказалъ:

— Да будетъ благословенно Имя Отца, и Сына, и Святаго Духа во вѣки, аминь! Не скорби, госпожа моя. Я вѣрю, что Богъ не попуститъ нашимъ дѣтямъ совершенно погибнуть, и надѣюсь, что Его милосердный Промыслъ не причинитъ горя

моимъ сѣдинамъ, какъ и я никогда не осмѣливался оскорбить Его благостыню. Помолимся же Его великой милости въ продолженіе всей этой ночи и будемъ надѣяться, что Богъ откроетъ намъ о дѣтяхъ нашихъ: живы ли они, или нѣтъ?

Затѣмъ они тотчасъ встали, затворились въ молитвенной комнатѣ и всю ту ночь провели въ молитвѣ, обращаясь къ Богу съ обильными слезами и твердою вѣрою. Когда начало свѣтать, они возлегли отдохнуть, каждый особо, на острыхъ волосяныхъ рубищахъ. И было имъ обоимъ одно и то же сонное видѣніе. Имъ казалось, что они видятъ обоихъ сыновей своихъ предстоящими Христу Господу въ великой славѣ: Іоаннъ имѣлъ уготованный для него престолъ, скипетръ и царскій вѣнецъ, украшенный многоцѣннымъ бисеромъ и дорогими каменьями; у Аркадія же былъ вѣнецъ изъ звѣздъ, крестъ въ правой рукѣ и свѣтлый одръ, приготовленный для отдыха. Когда они встали отъ сна и разсказали другъ другу о своемъ видѣніи, они поняли, что сыновья ихъ живы и сохраняются милостію Господнею. Они сильно обрадовались, и Ксенофонтъ сказалъ своей супругѣ:

— Марія, я думаю, что наши дѣти въ Іерусалимѣ. Пойдемъ туда и поклонимся Святымъ мѣстамъ. Можетъ быть, тамъ какъ-нибудь найдемъ и дѣтей нашихъ.

Посовѣтовавшись такъ между собою, Ксенофонтъ и Марія приготовились въ путь и, сдѣлавъ распоряженія управителямъ обо всемъ, касавшемся дома и имущества, раздавъ много милостыни и взявъ съ собою много золота, сколько было необходимо для подаянія милостыни и для пожертвованій на Святыя мѣста, отправились въ Іерусалимъ. Прибывъ туда, они обошли всѣ Святыя мѣста, молясь и раздавая милостыни. Затѣмъ они начали обходить всѣ, находившіеся въ окрестностяхъ Іерусалима, монастыри, отыскивая дѣтей своихъ, но нигдѣ не находили ихъ. Случилось имъ въ одномъ мѣстѣ на пути встрѣтить одного изъ рабовъ своихъ, бывшихъ съ ихъ дѣтьми на кораблѣ, уже ставшаго инокомъ. Они обнимали его, цѣловали и земно кланялись. Инокъ, въ свою очередь, земно кланялся имъ и говорилъ:

— Молю васъ, ради Господа, не кланяйтесь мнѣ: не приличествуетъ вамъ, моимъ господамъ, такъ кланяться мнѣ, рабу вашему.

Ксенофонтъ сказалъ ему:

— Мы почитаемъ святый иноческій образъ, а потому и кланяемся. Ты же не печалься объ этомъ, а лучше разскажи намъ,—

умоляемъ тебя,—гдѣ наши сыновья? Скажи намъ, ради Господа, скажи!

Инокъ прослезился и сказалъ:

— Когда разбился на морѣ корабль, мы, схвативъ каждый доску, какую кто могъ, плавали порознь, носимые бурею. Больше я ничего не знаю. Не знаю, спасся ли кто отъ гибели, или нѣтъ. Только я былъ выброшенъ на сушу у береговъ тирской страны.

Узнавъ это, Ксенофонтъ и Марія отпустили инока въ путь, щедро одаривъ его милостынею, чтобы онъ молился о нихъ и о дѣтяхъ ихъ. Они направились въ іорданскія страны, чтобы и тамъ помолиться и раздать оставшееся золото. Когда они шли преднамѣченнымъ путемъ, то, по Божію промышленію, встрѣтили того святаго старца—прозорливца, который облекъ сына ихъ Аркадія въ иноческій образъ. Припавъ къ ногамъ святаго отца, они просили у него молитвъ за себя Богу. Святому старцу было открыто о нихъ отъ Бога все. Сотворивъ молитву, онъ сказалъ имъ:

— Кто привелъ въ Іерусалимъ Ксенофонта и Марію? Никто,—кромѣ любви къ дѣтямъ. Но вы не скорбите: ваши дѣти живы, и Богъ открылъ вамъ во снѣ славу, уготованную имъ на Небѣ. Идите же, воздѣлыватели винограда Господня, куда вы идете нынѣ, и когда вы окончите тамъ свои молитвы, то, по возвращеніи въ Святый Градъ, вы увидите дѣтей своихъ.

Побесѣдовавъ такъ, они разошлись: Ксенофонтъ съ Маріею пошли къ Іордану, а прозорливый старецъ пошелъ къ Святому Граду и, побывавъ въ церкви Воскресенія Христова, сѣлъ близъ святой Голгоѳы на землѣ и отдыхалъ. Когда святый старецъ сидѣлъ тамъ, юный инокъ Іоаннъ, сынъ Ксенофонта, пришедшій изъ Малмефетанскаго монастыря въ Іерусалимъ на поклоненіе, увидѣлъ святаго старца и поклонился ему до земли. Старецъ съ любовію привѣтствовалъ его и, благословивъ, спросилъ:

— Гдѣ былъ ты доселѣ, господинъ мой Іоаннъ? Вотъ отецъ твой и мать твоя ищутъ тебя, а ты пришелъ, отыскивая своего брата.

Іоаннъ удивлялся тому, что этотъ великій старецъ знаетъ все. Понявъ, что это—прозорливецъ, онъ припалъ къ ногамъ святаго и сказалъ:

— Умоляю тебя, отче, скажи мнѣ, Господа ради, гдѣ братъ мой? Душа моя сильно изнемогаетъ отъ желанія видѣть его. Я

много подвизался, молясь Богу, чтобы Онъ открылъ мнѣ: живъ ли мой братъ, или нѣтъ? Но Господь не благоволилъ мнѣ открыть доселѣ,—развѣ только нынѣ чрезъ тебя, святый отецъ!

Старецъ сказалъ ему:

— Сядь около меня; ты скоро увидишь брата своего.

Когда они посидѣли немного, подошелъ другой инокъ, юный Аркадій, съ изможденнымъ тѣломъ и высохшимъ лицомъ. Глаза его глубоко впали отъ чрезмѣрнаго поста и воздержанія. Кланяясь Святымъ мѣстамъ, онъ скоро увидѣлъ сидящаго старца и, подбѣжавъ къ нему, упалъ къ ногамъ его, говоря:

— Отче, ты оставилъ свою ниву и уже третій годъ не посѣщаешь ее; много терніевъ и сорной травы выросло безъ тебя, и тебѣ предстоитъ много потрудиться, пока ты очистишь ее.

Старецъ сказалъ ему:

— Знай, дитя мое, что я ежедневно посѣщалъ свою ниву, и вѣрую Господу, что не тернія выросли на ней и не сорная трава, а зрѣлая пшеница, достойная трапезы Царя царствующихъ. Сядь около меня.

Аркадій сѣлъ. Старецъ помолчалъ нѣкоторое время и затѣмъ обратился къ Іоанну:

— Откуда ты, братъ Іоаннъ?

Іоаннъ отвѣтилъ:

— Я, отецъ мой, убогій человѣкъ и странникъ. Объ исполненіи одного только желанія сердца моего я прошу милости Господней и твоей святой молитвы.

Старецъ сказалъ ему:

— Да, это такъ. Но скажи мнѣ, какого ты рода и какой городъ—отечество твое, а равно какова твоя жизнь,—чтобы прославилось Имя Господне.

Іоаннъ началъ разсказывать все по порядку,—что онъ родомъ изъ Константинополя, сынъ одного сановника, имѣлъ брата Аркадія, съ которымъ былъ посланъ въ Беритъ учиться,—что на морѣ, во время сильнаго волненія, разбился корабль и всѣ потонули, кромѣ него.

Аркадій, слушавшій этотъ разсказъ, внимательно всматривался въ инока и, наконецъ, узналъ въ немъ своего брата. По духу родственной любви, онъ не могъ долѣе слушать излагаемый инокомъ разсказъ и воскликнулъ:

— Воистину, отче, это братъ мой Іоаннъ!

Старецъ сказалъ на это:

— Знаю и я, но молчалъ, чтобы вы сами другъ друга узнали.

Они поспѣшно бросились другъ другу на шею, обнимали и лобызали другъ друга съ радостію и слезами и затѣмъ, вставъ, прославили Бога, сподобившаго ихъ свидѣться живыми, въ святомъ иноческомъ образѣ и въ такой добродѣтельной жизни, посвященной Богу.

Спустя два дня пришли отъ Іордана Ксенофонтъ и Марія. Помолившись на Голгоѳѣ и поклонившись Живоносному Гробу Господа нашего, они роздали на этомъ святомъ мѣстѣ много золота во славу Божію. Увидѣвъ тамъ же и святаго прозорливаго старца, они узнали его и, припадая къ ногамъ его, просили молитвы. Послѣ молитвы они сказали старцу:

— Ради Господа, отче, исполни свое обѣщаніе и покажи намъ дѣтей нашихъ.

Оба же сына ихъ, Іоаннъ и Аркадій, стояли около старца, но онъ повелѣлъ имъ не говорить ни слова и даже не поднимать глазъ, а смотрѣть внизъ, чтобы не быть узнанными. Дѣти узнали своихъ родителей и радовались сердцемъ, а родители не могли узнать дѣтей своихъ, частію потому, что они были въ иноческомъ одѣяніи, а частію потому, что отъ продолжительнаго воздержанія поблекла красота лица ихъ. Тогда святый старецъ сказалъ святымъ Ксенофонту и Маріи:

— Идите въ свою гостинницу и приготовьте намъ трапезу. Я приду съ учениками своими и, вкусивъ вмѣстѣ съ вами пищи, скажу вамъ, гдѣ ваши дѣти?

Родители сильно обрадовались, такъ какъ святый отецъ обѣщалъ имъ показать ихъ дѣтей, и, отправившись, быстро приготовили обильную трапезу. Святый старецъ сказалъ ученикамъ своимъ:

— Пойдемъ туда, гдѣ остановились ваши родители, но вы постарайтесь ничего не говорить, пока я не скажу вамъ.

Оба брата сказали ему:

— Какъ повелишь ты, отче, такъ и будетъ.

Тогда старецъ продолжалъ:

— Раздѣлимъ съ ними трапезу и бесѣду. Это не повредитъ спасенію вашему. Вѣрьте мнѣ, что какой бы трудъ вы ни предприняли ради добродѣтели, вы не достигнете мѣры совершенства вашего отца и матери.

Затѣмъ они пришли въ гостинницу, пріютившую Ксенофонта, и сѣли за предложенную имъ трапезу. Они ѣли вмѣстѣ и бесѣдовали о назидательныхъ вещахъ. Послѣ этого блаженные Ксенофонтъ и Марія обратились къ старцу:

— Отче святый, какъ живутъ наши дѣти?

Святый отвѣтилъ:

— Они доблестно трудятся ради своего спасенія.

Родители сказали на это:

— Богъ, устрояющій спасеніе всѣхъ людей, да даруетъ имъ быть истинными дѣлателями винограда Христова!

Затѣмъ снова Ксенофонтъ обратился къ старцу:

— О, какъ хороши, отче, эти твои ученики! О, если бы и наши дѣти были таковы! Сильно возлюбила душа наша этихъ юныхъ иноковъ. Лишь только мы увидѣли ихъ, возвеселилось сердце наше, какъ будто мы увидѣли собственныхъ дѣтей.

Тогда старецъ сказалъ Аркадію:

— Разскажи намъ, чадо, гдѣ ты родился, какъ воспитался, какъ пришелъ сюда?

Аркадій началъ разсказывать такъ:

— Я, отче, и этотъ мой братъ—родомъ изъ Византіи, сыновья одного изъ первѣйшихъ сановниковъ въ царскихъ палатахъ. Воспитаны мы въ благочестіи. Родители послали насъ въ Беритъ учиться эллинской мудрости. Когда мы плыли, нашъ корабль разбился отъ волненія и бури, и каждый изъ насъ, ухватившись за доску отъ разбившагося корабля, плылъ туда, куда несли его волны. По Божію милосердію, мы остались въ живыхъ и выброшены моремъ на сушу.

Когда онъ еще говорилъ, родители узнали, что это ихъ дѣти, и тотчасъ воскликнули:

— Вотъ они, наши дѣти! Вотъ плодъ утробы нашей! Вотъ свѣтила очей нашихъ!

Бросившись имъ на шеи, они лобызали ихъ съ любовью и плакали отъ радости. Старецъ также прослезился. Затѣмъ всѣ встали, воздали славу и благодареніе Богу, и веселились, прославляя великое и дивное Промышленіе Божіе.

Послѣ этого Ксенофонтъ съ подругою своею просили святаго старца постричь и ихъ въ иноческій чинъ. Рукою прозорливаго отца были пострижены Ксенофонтъ и Марія и имъ же научены иноческимъ правиламъ. Старецъ заповѣдалъ имъ, чтобы они жили

не вмѣстѣ, а каждый особо. Спустя немного времени они всѣ разлучились. Марія ушла въ монастырь иночествующихъ женщинъ, а Іоаннъ и Аркадій, простившись съ родителями, отошли со старцемъ въ пустыню. Ксенофонтъ же, пославъ въ Византію, велѣлъ продать домъ свой и все имущество, роздалъ все нуждающимся, отпустилъ на свободу рабовъ, а самъ, нашедши келлію въ пустынѣ, предался безмолвію.

Всѣ они послужили Богу до конца и сподобились отъ Него великихъ даровъ: Іоаннъ и Аркадій просіяли среди пустынножителей, какъ свѣтила, и, проживъ много лѣтъ, предузнали о своей кончинѣ и отошли ко Господу. Преподобная Марія содѣлала много чудесъ, исцѣляла слѣпыхъ, изгоняла бѣсовъ, и послѣ блаженной кончины перешла отъ земли къ Небу. Преподобный Ксенофонтъ также получилъ отъ Бога даръ чудотворенія и прозорливства; онъ предсказывалъ будущее и былъ созерцателемъ великихъ таинъ, а затѣмъ отошелъ созерцать то, чего не видѣло человѣческое око, и наслаждаться видѣніемъ Лица Божія. Такъ преподобный Ксенофонтъ, блаженная Марія и святыя дѣти ихъ, Іоаннъ и Аркадій, усердно возлюбившіе Бога, ревностно послужили Господу праведною и богоугодною жизнію[1]) и причтены къ лику святыхъ Святѣйшимъ Владыкою, Христомъ Спасителемъ нашимъ, Которому со Отцемъ и Святымъ Духомъ слава, честь и поклоненіе, во вѣки. Аминь.

Конда́къ прп҃бныхъ, гла́съ д:

Житéйскагѡ мо́рѧ и҆збѣ́гше, ѯенофѡ́нтъ пра́ведный, съ сопрꙋ́жницею честно́ю, на нб҃сѣ́хъ свеселѧ́тсѧ съ ча́ды, хрⷭ҇та̀ велича́юще.

---

[1]) Преподобные Ксенофонтъ и Марія и сыновья ихъ, Іоаннъ и Аркадій, жили и подвизались въ V вѣкѣ.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

СИМЕОНА ВЕТХАГО

Преподобный Симеонъ, именуемый Ветхимъ [1]), съ юныхъ лѣтъ проводилъ пустынное житіе, поселившись въ одной небольшой пещерѣ, въ Сиріи, въ совершенномъ уединеніи. Жизнь его протекала въ строгомъ постѣ, непрерывной молитвѣ и богомысліи. Пищею ему служили только травы, произраставшія вокругъ пещеры. Такъ подвизался онъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Когда же къ нему стали стекаться желающіе видѣть его и чрезъ это нарушали его безмолвіе, онъ оставилъ пещеру и переселился на гору Аманъ [2]); но и здѣсь не нашелъ покоя отъ многихъ, стекавшихся къ нему. Тогда онъ удалился на Синайскую гору [3]). Но Богъ не благоизволилъ, чтобы преподобный остался на Синаѣ, ибо надлежало ему послужить спасенію другихъ въ прежнемъ мѣстѣ своихъ подвиговъ. Посему Симеонъ возвратился на Аманъ. Подъ его руководствомъ въ непродолжительномъ времени здѣсь были устроены двѣ иноческія обители: одна—на вершинѣ горы, другая—внизу, у подошвы горы. Управляя обителями, преподобный Симеонъ наблюдалъ надъ ввѣренными его руководительству подвижниками, ободрялъ и укрѣплялъ ихъ въ подвигахъ благочестія, предупреждалъ ихъ о нападеніяхъ и козняхъ врага нашего спасенія и руководствовалъ въ борьбѣ съ нимъ, возбуждалъ къ внутреннему вниманію, располагалъ ихъ къ кротости, снисходительности къ ближнимъ, великодушію къ врагамъ. За свои неусыпные подвиги преподобный получилъ отъ Бога благодать повелѣвать даже лютыми звѣрями. Богоугодно поживъ, преподобный въ глубокой старости съ миромъ почилъ о Господѣ [4]).

---

1) *Ветхимъ*, или *древнимъ*, онъ называется по сравненію съ преподобнымъ Симеономъ Столпникомъ, послѣ него подвизавшимся также въ Сиріи.

2) *Аманъ*—вершина горы Антиливана, на сѣверѣ Палестины, къ востоку отъ Средиземнаго моря.

3) *Гора Синай* представляетъ собою собственно группу горъ, состоящихъ изъ гранитныхъ скалъ, прорѣзанныхъ и окруженныхъ крутыми долинами; у арабовъ нынѣ называется горой Туръ, или Джебель-Туръ-Сина; лежитъ почти посрединѣ извѣстныхъ рукавовъ Краснаго моря, образующихъ собою Синайскій полуостровъ. Она состоитъ изъ трехъ горныхъ хребтовъ. Собственно гора Синай, при которой Израильтяне вступили въ завѣтъ съ Богомъ, представляетъ самую высшую вершину средняго хребта.

4) Преподобный Симеонъ ветхій преставился около 390 года.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

АНАНІИ пресвитера, ПЕТРА темничнаго ключаря

И СЪ НИМИ СЕМИ ВОИНОВЪ

Святый Ананія отъ младенчества отличался благочестіемъ. Отданный въ книжное наученіе, онъ въ отрочествѣ прилежалъ чтенію божественныхъ книгъ. Посему, когда онъ возросъ, то былъ сдѣланъ народомъ, хотя и противъ воли, діакономъ, а потомъ и пресвитеромъ, несмотря на свои юные годы. Въ гоненіе Діоклетіана Ананія какъ христіанинъ былъ представленъ судіи. Несмотря на убѣжденія и угрозы, онъ оставался непреклоненъ и всенародно исповѣдывалъ Христа, осмѣивалъ языческихъ боговъ въ храмѣ, однимъ дуновеніемъ ниспровергъ идоловъ и самый храмъ разрушилъ. Послѣ того Ананія былъ заключенъ въ темницу, гдѣ, на седьмой день, удостоился явленія Христова, а на двѣнадцатый день—явленія Святаго Духа въ видѣ голубя. Послѣ этихъ видѣній темничный стражъ, по имени Петръ, увѣровалъ во Христа, и оба они были представлены новому правителю, который приказалъ положить Ананію на раскаленную сковороду, послѣ чего тѣло его строгать и посыпать солью, а Петра—на горячія уголья; затѣмъ они заключены были въ сильно натопленную баню, но чрезъ три дня найдены невредимыми. При этомъ чудѣ семь воиновъ обратились ко Христу и за это были жестоко биты плетьми. Потомъ всѣ девять человѣкъ были брошены въ огонь, но, послѣ того, какъ явился имъ Духъ Святый въ видѣ голубя, остались невредимы. Ананія былъ преданъ дикимъ звѣрямъ, но остался цѣлъ. Наконецъ, всѣ они были потоплены въ морѣ. На пути Ананія крестилъ семь обратившихся воиновъ. Тѣла святыхъ мучениковъ волнами были вынесены на берегъ, съ честію погребены христіанами, причемъ источали многоразличныя исцѣленія[1]).

---

[1]) Страданія святыхъ мучениковъ Ананіи, Петра и съ ними семи воиновъ происходили въ Финикіи. Кончина ихъ послѣдовала въ началѣ IV вѣка.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО

ІОСИФА СОЛУНСКАГО

Святый Іосифъ, архіепископъ Солунскій, братъ преподобнаго Ѳеодора Студита[1]), вмѣстѣ съ нимъ съ юныхъ лѣтъ подвизался подъ руководствомъ дяди своего — преподобнаго Платона, основавшаго монастырь въ Сакудіонѣ[2]). Вмѣстѣ съ братомъ своимъ святый Іосифъ изобличалъ незаконное бракосочетаніе императора Константина[3]). Приведенный въ Константинополь, онъ былъ томленъ голодомъ и, наконецъ, посланъ въ заточеніе на безплодный островъ, гдѣ брошенъ былъ въ темницу. Императоръ Михаилъ Куропалатъ[4]) позволилъ Іосифу возвратиться изъ заточенія. При Львѣ Армянинѣ[5]) святый Іосифъ претерпѣлъ гоненіе за иконопочитаніе. Левъ подвергъ его, вмѣстѣ съ его братомъ, Ѳеодоромъ Студитомъ, пыткамъ и потомъ заключилъ его въ темницу; чрезъ нѣсколько времени царь потребовалъ, чтобы они подписались подъ иконоборнымъ исповѣданіемъ вѣры. Іосифъ отказался, и его бросили въ другую смрадную темницу. Впослѣдствіи Михаилъ Косноязычный[6]) освободилъ, вмѣстѣ съ прочими иноками, пострадавшими за иконопочитаніе, и Іосифа. Святый Іосифъ съ миромъ скончался въ Студійской обители, гдѣ провелъ послѣдніе годы своей жизни[7]).

---

1) Память его—11-го ноября.

2) *Сакудіонъ*—впослѣдствіи знаменитый монастырь въ Виѳиніи—сѣверо-западной области Малой Азіи.

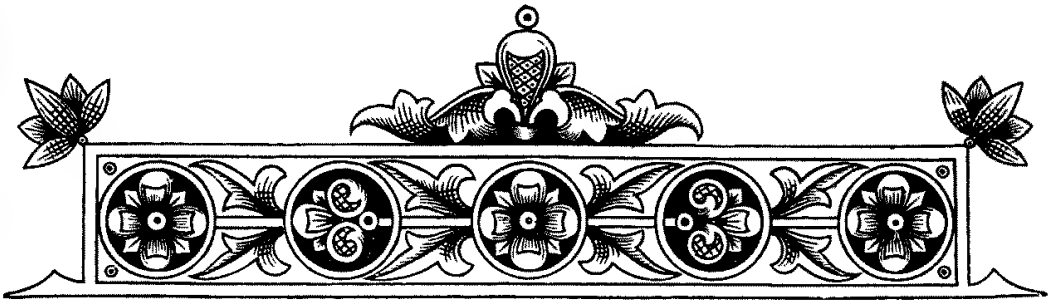
3) *Императоръ Константинъ VI Порфирородный* царствовалъ съ 780 по 797 г. Предаваясь излишеству въ страстяхъ и любодѣйству, онъ силою постригъ свою супругу Марію въ иночество и, вмѣсто нея, взялъ себѣ другую жену, Ѳеодотію, которая приходилась родственницей его отцу.

4) *Михаилъ I Куропалатъ*, или *Рангавъ*, царствовалъ съ 811 по 813 годъ.

5) *Левъ V Армянинъ*, иконоборецъ, царствовалъ съ 813 по 820 годъ.

6) *Михаилъ II Косноязычный* царствовалъ съ 820 по 829 годъ.

7) *Святый Іосифъ, архіепископъ Солунскій*, скончался въ 830 году. Послѣ него осталось нѣсколько Словъ, изъ коихъ особенно замѣчательно Слово на Воздвиженіе Честнаго Креста Господня. Болѣе же Іосифъ извѣстенъ какъ пѣснописецъ. По спискамъ Тріоди XI в., имя Іосифа стоитъ надъ тѣми изъ двухъ дневныхъ Трипѣсцевъ постной Тріоди, которые занимаютъ первое мѣсто, исключая Трипѣсцы Страстной седмицы; ему же принадлежатъ нѣкоторыя стихиры на эти дни. Трипѣсцы и стихиры святаго Іосифа частію заключаютъ умилительную молитву къ Ангеламъ, Предтече, Богоматери, Апостоламъ и св. Николаю, частію изображаютъ духъ поста и покаянную молитву къ Сердцевѣдцу Судіи. Пѣснопѣнія Іосифа и особенно канонъ въ Недѣлю блуднаго сына вполнѣ приличествуютъ днямъ поста, дыша глубокимъ сокрушеніемъ о грѣхахъ.



День двадцать седьмой

ПЕРЕНЕСЕНІЕ МОЩЕЙ

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО

ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

Послѣ того, какъ прошло тридцать и даже болѣе лѣтъ со времени кончины[1]) великаго вселенскаго учителя святаго Іоанна Златоустаго въ городѣ Команахъ[2]),—святѣйшій Проклъ, бывшій нѣкогда ученикомъ его, а затѣмъ замѣстителемъ его престола[3]), совершая лѣтомъ въ память его Богослуженіе въ Великой Константинопольской церкви, произнесъ слово къ народу, прославляя угодника Божія многими похвалами.

— Никто не можетъ,—говорилъ онъ,—восхвалить святаго Іоанна по достоинству,—развѣ только другой бы такой же Іоаннъ нынѣ явился. Подобно переполненной водами рѣкѣ, память его, слагающаяся изъ воспоминанія его безчисленныхъ трудовъ, подвиговъ и наставленій, напояетъ души вѣрныхъ. Въ немъ сіяютъ лучи благодати Божіей, въ которыхъ одному съ ясностью является

---

1) *Святый Іоаннъ Златоустый* скончался въ 407 году, около 60 лѣтъ отъ роду. Архіепископомъ Константинопольскимъ онъ былъ шесть съ половиною лѣтъ, въ заточеніи провелъ три года и три мѣсяца. (Ради праздника Воздвиженія Креста Господня, Церковь совершаетъ память святаго Іоанна Златоустаго не въ 14-й день сентября, когда святитель преставился, но въ 13-й день ноября. Кромѣ сего, память Златоустаго чествуется еще 30-го января вмѣстѣ со святителями: Василіемъ Великимъ и Григоріемъ Богословомъ. (См. о семъ подъ 30-мъ числомъ сего мѣсяца, стр. 912.)

2) *Команы*—городъ въ провинціи Понтѣ, на сѣверо-востокѣ Малой Азіи; нынѣ на мѣстѣ этого города—однѣ развалины.

3) Съ 437 по 445 г.—Память его празднуется Церковію 20-го ноября.

солнце Божества, другому—представляется очищеніе Православія отъ ересей, иному—показывается гибель идоловъ, для инаго—обнаруживается лживость заблужденій, иной видитъ утвержденіе вѣры и исправленіе нравовъ, для инаго—блистаютъ небесные вѣнцы. О архіерей, память котораго подобна исполненному благоуханій воздуху! О имя Іоанново, соотвѣтствующее дѣламъ! О прозваніе Златоустымъ, явственно показывающее, какимъ онъ былъ въ проповѣди Слова Божія! О языкъ, высшій небесъ! О учитель, распространяющій евангельскіе громы! Это—Іоаннъ, подобный Іоанну Предтечѣ Господнему, проповѣдывавшему покаяніе. Тотъ былъ проповѣдникъ, этотъ—богогласная труба. Тотъ былъ непоколебимъ, этотъ—непобѣдимъ. Тотъ—дѣвственникъ, этотъ—защитникъ чистоты. Тотъ крестилъ въ пустынѣ, этотъ въ городѣ разстилалъ мысленныя сѣти. Тотъ обличалъ прелюбодѣя, этотъ грозно обличалъ хищниковъ. Тотъ былъ брошенъ въ темницу, этотъ заточенъ въ изгнаніи. Тотъ былъ усѣченъ мечомъ, этотъ желалъ принять такую же смерть за истину. Много у него было подвиговъ на землѣ; много вѣнцовъ уготовано ему на Небѣ. Іоаннъ нынѣ взываетъ вмѣстѣ съ святымъ Апостоломъ Павломъ: я—Христово благоуханіе[1]), ибо я всѣ мѣста очистилъ отъ заблужденій, какъ бы отъ зловонія: въ Ефесѣ я устранилъ обманы Мида, во Фригіи матерь ложныхъ боговъ я сдѣлалъ безчадною, въ Кесаріи я разорилъ народныя блудилища, въ Сиріи я упразднилъ богопротивныя сонмища, въ Персіи я посѣялъ сѣмя благочестія. Повсюду я насадилъ корни православной вѣры; весь міръ посредствомъ своего ученія я просвѣтилъ познаніемъ Бога. Составляя книги, я всюду распространилъ сѣти спасенія. Съ Іоанномъ Богословомъ я богословствовалъ о Словѣ Отчемъ. Вмѣстѣ съ рыбарями я бросилъ въ міръ мрежи Православія.—О Іоаннъ! Жизнь твоя поистинѣ была исполнена скорби, но смерть твоя почетна, гробъ твой славенъ, награда твоя велика!

Когда бесѣдовалъ такъ святый Проклъ въ церкви, народъ, горѣвшій любовію къ святому Іоанну Златоустому, не могъ дождаться конца бесѣды, но громкимъ голосомъ всѣ, точно одними устами, взывали къ святѣйшему Проклу, прося его поторопиться возвращеніемъ святыхъ мощей Іоанна изъ Команъ въ Константинополь. Громкіе клики раздавались въ церкви такъ долго, что Патріархъ не могъ окончить своей бесѣды. Тотчасъ послѣ отпуста церков-

[1]) 2 Посл. къ Коринѳ., гл. 2, ст. 15.

наго святѣйшій Проклъ отправился къ царю Ѳеодосію[1]), сыну Аркадія, внуку Ѳеодосія Великаго, и просилъ его о перенесеніи честныхъ мощей Іоанна Златоустаго, говоря:

— Возврати, царь, евангельски родившаго тебя Святымъ Крещеніемъ и святительскими руками внесшаго тебя въ церковь, какъ нѣкогда старецъ Симеонъ Господа. Церковь взываетъ къ тебѣ: красота моя поблекла, уста закрылись, великолѣпіе омрачилось. Дикій вепрь растерзалъ пастырей Златоустовыхъ овецъ, и кровожадные звѣри уничтожили плоды устъ моихъ. Зависть осквернила святыню служителя моего; какъ въ лѣсной дубравѣ сѣкирами, отсѣкли его отъ меня и заключили его въ гробѣ молчанія. Друзья еретиковъ говорили между собою: заградимъ уста, говорившія многое противъ насъ. Посрамимъ его рѣчи, ибо никто уже не сможетъ такъ учить и никто уже не возразитъ намъ. Доколѣ, царь, будетъ врагъ поносить меня ради Златоустаго? Возврати мнѣ того, который былъ подобіемъ Жениха моего Христа. Даруй мнѣ, своей матери, твоего духовнаго отца. Хотя и отстранила его отъ меня твоя плотская мать, но ты не слѣдуй ея немилостивому сердцу и дурному намѣренію, а поревнуй святынѣ духа, безъ которой никто не увидитъ Господа. Прошла слава Евдоксіи[2]), а Церковь всегда пребываетъ. Я—твоя мать на вѣчныя времена. Дай мнѣ возможность повсемѣстно распространять радость возвращеніемъ Златоустаго, и ты будешь имѣть во мнѣ ходатаицу о тебѣ предъ Богомъ. Пріобрѣти душу Златоустаго въ качествѣ молитвенницы о тебѣ. Будь сыномъ правды, утверждаемымъ отеческою молитвою!

Такъ, сказавъ многое отъ лица Церкви, онъ склонилъ царя къ согласію. Были посланы въ Команы почетнѣйшіе мужи съ серебряною ракою, чтобы перенести святыя мощи Іоанна Златоустаго съ великимъ почетомъ. Когда они прибыли туда и показали царское посланіе команскому епископу и всему народу, наступила великая скорбь между людьми, печаль и рыданіе по поводу лишенія такого великаго сокровища. Народъ не хотѣлъ отдавать святыхъ мощей. Много разсуждали по этому поводу; однако, не могли противиться царскому повелѣнію. Когда же посланные царемъ люди хотѣли взять изъ гроба святыя мощи, онѣ тотчасъ стали

---

1) *Императоръ Ѳеодосій II Младшій* царствовалъ съ 408 по 450 годъ.

2) *Евдоксія*—жена императора Аркадія; она особенно сильно враждовала противъ Іоанна Златоустаго и ненавидѣла его за его обличительныя рѣчи. Ея стараніемъ и происками святый Іоаннъ былъ лишенъ архіепископскаго престола и заточенъ въ Команы.

тяжелѣе камня и всякой другой тяжести, такъ что, при всѣхъ усиліяхъ, невозможно было сдвинуть ихъ съ мѣста. Посланные много потрудились, но ничего не достигли. Понявъ изъ этого, что святый не соизволяетъ, чтобы его мощи были взяты оттуда, они тотчасъ письменно извѣстили объ этомъ царя. Царь, посовѣтовавшись съ Святѣйшимъ Патріархомъ и другими святыми мужами, понялъ свою ошибку,—именно, что онъ не съ моленіемъ, а съ повелѣніемъ послалъ взять изъ Команъ мощи святаго Іоанна. Онъ задумалъ написать къ нему посланіе, какъ бы къ живому, прося прощенія за свое дерзновеніе и умоляя его, чтобы онъ соизволилъ возвратиться на свой престолъ и утѣшить свое стадо. Онъ написалъ своею рукою слѣдующее:

«Вселенскому учителю и духовному моему отцу, святому Іоанну Златоустому, Ѳеодосій царь: твое честно́е тѣло, честнѣйшій отецъ, признавъ какъ бы бездушнымъ, подобно тѣламъ прочихъ умершихъ, я повелѣлъ немедленно перенести къ намъ, но не получилъ желаемаго по причинѣ моего недостоинства. Нынѣ же къ тебѣ, какъ къ живому, посылаю сію мою собственноручную просьбу и съ вѣрою прошу прощенія мнѣ и людямъ твоимъ. Прости мнѣ дерзновенно предпринятое начинаніе, покрывъ его глубиною твоей мудрости. Ты, учившій всѣхъ покаянію, прости кающагося. Какъ дѣтямъ, любящимъ отца, возврати намъ отца и обрадуй пришествіемъ твоимъ любящихъ тебя. Помимо великой нужды, усердно умоляю тебя придти къ намъ, а не повелѣваю. Не посрами меня вторично, честнѣйшій отецъ! Даруй себя желающимъ тебя видѣть: возвратись съ миромъ къ себѣ, и свои примутъ тебя съ любовію».

Написавъ это посланіе, царь отдалъ его скороходамъ и повелѣлъ, открывъ гробъ святаго, положить его на груди святаго и затѣмъ совершить Всенощное бдѣніе. Когда присланное царемъ въ Команы царское письмо было положено на груди святаго Іоанна и когда, затѣмъ, по совершеніи Всенощнаго бдѣнія, царскіе мужи коснулись честны́хъ мощей, святый тотчасъ отдался имъ: онъ сталъ такъ же естественно легокъ, какъ и былъ. Присланные обрадовались и, взявъ изъ гроба честны́я мощи, положили ихъ въ царскую раку. Тамъ находился одинъ убогій человѣкъ, имѣвшій отъ укушенія змѣи хромую ногу и жившій при церквахъ, прося милостыни. Онъ взялъ небольшой покровъ отъ гроба святаго и отеръ имъ свою ногу. Тотчасъ нога его стала крѣпка,

какъ и другая, и онъ сталъ ходить, прославляя Бога. Весь народъ собрался со свѣчами для поклоненія честнымъ мощамъ святаго и проводилъ ихъ при перенесеніи съ обильными слезами и рыданіями. Царскіе люди отправились въ путь и, прошедши безпрепятственнно большое разстояніе, достигли Халкидонской пристани[1]). Навстрѣчу святымъ мощамъ вышли царь со всѣмъ синклитомъ, Патріархъ съ клиромъ и безчисленное множество народа, сѣвшаго на корабли. Былъ приготовленъ особый царскій корабль для принятія честныхъ мощей Іоанна, въ который и была поставлена рака съ мощами. Когда возвращались въ Константинополь, поднялась внезапно, по Божію попущенію, буря на морѣ. Всѣ корабли были разбросаны туда и сюда; корабль же, на которомъ была рака съ мощами святаго, лишившись руля, носился самъ по себѣ, невидимо управляемый не человѣческою рукою, а Божіею силою. Онъ присталъ къ берегу въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился виноградникъ вдовицы, за который святый Іоаннъ Златоустый претерпѣлъ столько бѣдствій и самое изгнаніе. Такъ онъ и по смерти явилъ ревность по правдѣ и изобличилъ неправедно причиненную обиду. Тотчасъ море затихло, корабли сошлись въ одно мѣсто неповрежденными, и никто не пострадалъ отъ морскаго волненія.

Когда рака съ мощами была перенесена съ корабля на берегъ, поднялся весь городъ и вышелъ со свѣчами, кадилами и пѣснопѣніями. Клирики, взявъ раку, внесли ее первоначально въ церковь святаго Апостола Ѳомы, а затѣмъ въ церковь Ирины, иначе называемую церковью мира Христова. Здѣсь царь и Патріархъ открыли раку и нашли тѣло святаго Іоанна подобнымъ виноградной лозѣ— цвѣтущимъ красотою и нетлѣніемъ и издающимъ великое благоуханіе. Царь, снявъ свою багряницу, простеръ ее надъ мощами, а затѣмъ, припавъ на перси святаго, со слезами говорилъ:

— Прости, отче, прегрѣшеніе, причиненное тебѣ завистью. Не считай меня сообщникомъ грѣха моей матери и не допусти, чтобы я страдалъ отъ оскомины за родительскую невоздержность. Хотя я и сынъ твоей гонительницы, однако, я неповиненъ въ причиненномъ тебѣ бѣдствіи. Прости ей согрѣшеніе, чтобы и я былъ свободенъ отъ упрека, тяготѣющаго на ней. Преклоняю свой санъ къ ногамъ твоимъ и всю мою власть подчиняю твоему моленію. Прости оскорбившую тебя безразсуднымъ насиліемъ, ибо она

---

1) *Халкидонъ* находился противъ Константинополя, на Азіатскомъ берегу Босфора.

раскаялась въ содѣланномъ тебѣ и проситъ прощенія, обращаясь къ тебѣ со смиреніемъ моими устами такъ: помяни, отче, твое учительное слово о непамятозлобіи и самъ забудь мою злобу. Я хочу возстать отъ паденія, но подай мнѣ руку, ты, говорившій: если кто палъ однажды, встань и спасешься. Я не могу перенести твоего недовольства мною; даже гробъ мой сотрясается, сокрушая мои кости. Боюсь я и вѣчной казни и того, чтобы не быть устраненною отъ стоянія одесную на Страшномъ Судѣ Христовомъ. Многихъ спасъ ты своими поученіями; да не буду я одна лишена того же спасенія. Не оставь меня, зовущей тебѣ вослѣдъ, но отомсти за меня врагу моему — діаволу, ибо это онъ научилъ меня оскорбить тебя, какъ нѣкогда научилъ Еву согрѣшить Богу. Не гнѣвайся на меня, незлобивый; непамятозлобствовавшій въ жизни тлѣнной не памятозлобствуй и въ нетлѣнной. Если я, живя временною жизнію, причинила тебѣ зло, то ты, живя вѣчною жизнію, будь полезенъ душѣ моей. Миновала моя слава, и ничто мнѣ не помогло; помоги же мнѣ ты, отче, во славѣ своей, которую ты принялъ отъ Бога, и прежде чѣмъ я буду осуждена на страшномъ судѣ Христовомъ, прости меня безотвѣтную.

Говоря эти слова отъ лица своей матери, царь не переставалъ плакать, но орошалъ слезами тѣло святаго и лобызалъ его со страхомъ. Также и святѣйшій Проклъ, съ любовію лобызая тѣло святаго, взывалъ:

—Радуйся, христолюбивый отче, сладчайшій учитель! Я—твое чадо, воспитавшееся отъ твоего духовнаго млека. Какъ ты былъ прежде меня пастыремъ, такъ и нынѣ ты пастырь: мои овцы суть твои; на твоей пажити доселѣ питается твое стадо и, стремясь къ тебѣ, не желаетъ слѣдовать другимъ пастырямъ. Яви же намъ лице твое и снова заставь услышать голосъ твой.

Весь народъ стремился хотя прикоснуться только къ честно́й ракѣ святаго и не отходилъ отъ нея день и ночь. Наутро мощи святаго были возложены на царскую колесницу и отвезены съ великою честію и славою въ великую соборную церковь святыхъ Апостоловъ. Когда рака была внесена внутрь и поставлена на патріаршемъ престолѣ, весь народъ восклицалъ какъ бы едиными устами:

— Пріими престолъ свой, отче!

Тогда Патріархъ Проклъ, а съ нимъ и многіе достойнѣйшіе мужи увидѣли, что святый Іоаннъ, раздвинувъ свои мертвыя уста, какъ бы живой, произнесъ архіепископское благожеланіе:

— Миръ всѣмъ!

Во время совершенія святой Литургіи много чудесныхъ исцѣленій было подаваемо отъ святыхъ Златоустовыхъ мощей болящимъ, а равно и гробъ царицы Евдоксіи остановился отъ своего долговременнаго сотрясенія. Пресвитеры положили святое тѣло Іоанна въ алтарѣ подъ жертвенникомъ, съ веселіемъ и радостію прославляя Христа Бога, со Отцемъ и Святымъ Духомъ превозносимаго во вѣки. Аминь.

Тропа́рь ст҃а́гѡ, гла́съ и҃:

Ѹ҆́стъ твои́хъ ꙗ҆́коже свѣ́тлость ѻ҆гнѧ̀ возсїѧ́вши бл҃года́ть, вселе́ннꙋю просвѣти̑: не сребролю́бїѧ мі́рови сокрѡ́вища сниска̀, высотꙋ̀ на́мъ смиренномꙋ́дрїѧ показа̀. но твои́ми словесы̀ наказꙋ́ѧ, ѻ҆́тче і҆ѡа́нне златоꙋ́сте, моли̑ сло́ва хр҃та̀ бг҃а, сп҃сти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ, гла́съ а҃:

Возвесели́сѧ та́инственнѡ ч҃тна́ѧ цр҃ковь, возвраще́нїемъ ч҃тны́хъ твои́хъ моще́й, и҆ сїѧ̑ сокры́вши ꙗ҆́кѡ зла́то многоцѣ́нное, пою́щымъ тѧ̀ неѡскꙋ́днѡ подава́етъ мл҃твами твои́ми и҆сцѣле́нїй бл҃года́ть, і҆ѡа́нне златоꙋ́сте.

День двадцать восьмой

ЖИТІЕ

ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ЕФРЕМА СИРИНА[1]

Святый Ефремъ былъ родомъ изъ Месопотаміи изъ города Низибіи[2]). Онъ родился въ царствованіе Константина Великаго[3]) отъ христіанскихъ родителей[4]) и дожилъ до царствованія Ѳеодосія Великаго[5]). Еще въ юныхъ годахъ святый Ефремъ отрекся отъ міра и ушелъ въ пустыню, гдѣ сталъ инокомъ[6]). Онъ получилъ

---

1) *Преподобный Ефремъ* названъ *Сириномъ*, т. е. сирійцемъ, потому, что Месопотамія, въ которой онъ родился, въ древности причислялась къ Сиріи.

2) *Низибія* (или Низибида)—большой и многолюдный городъ въ провинціи Магдоніи въ Месопотаміи,—на границахъ Римской имперіи и Персидскаго царства.

3) *Императоръ Константинъ Великій* царствовалъ съ 306 по 337 г.

4) О родителяхъ своихъ преподобный Ефремъ пишетъ слѣдующее: «Родившіе меня по плоти внушили мнѣ страхъ Господень. Предки мои исповѣдали Христа предъ судіею; я—родственникъ мученикамъ. Дѣды мои, благоденствовавшіе въ жизни, были земледѣльцами. Родители занимались тѣмъ же».

5) *Императоръ Ѳеодосій Великій* царствовалъ съ 379 по 395 г.

6) Лѣта юности не прошли для Ефрема безъ нѣкоторыхъ преткновеній. Отъ природы пламенный, онъ былъ, какъ говоритъ самъ, раздражителенъ: «за маловажныя дѣла вступалъ въ ссоры, поступалъ безразсудно, предавался худымъ замысламъ и блуднымъ мыслямъ... Юность моя едва не увѣрила меня, что совершающееся съ нами въ жизни происходитъ случайно. Но Промыслъ Божій вразумилъ пылкую молодость». Ефрема ложно обвинили въ покражѣ овецъ и бросили въ темницу; вслѣдъ за нимъ посажены были два другихъ, и также невинно, какъ Ефремъ. «Проведя семь дней, въ осьмой вижу я во снѣ,—разсказывалъ послѣ святый Ефремъ,—что кто-то говоритъ мнѣ: будь благочестивъ и уразумѣешь Промыслъ; перебери въ мысляхъ, о чемъ ты думалъ и что дѣлалъ, и по

отъ Бога даръ премудрости; изъ устъ его истекала благодать, подобно сладкой рѣкѣ напоявшая умиленіемъ души всѣхъ, слушавшихъ его поученія. Это было предзнаменовано ему въ самомъ раннемъ возрастѣ. Когда онъ былъ еще ребенкомъ, родители его видѣли о немъ слѣдующій сонъ: виноградная лоза взошла на языкѣ мальчика и, выросши, наполнила вѣтвями и гроздіями всю поднебесную. Птицы небесныя собирались и ѣли ягоды винограда, и сколько онѣ съѣдали, настолько же количество винограда увеличивалось. Когда затѣмъ святый Ефремъ подвизался на одной пустынной горѣ, исполненный великаго умиленія и сердечнаго сокрушенія, одинъ изъ богоносныхъ отцовъ видѣлъ во снѣ свѣтлаго, сіявшаго подобно Ангеламъ, мужа. Онъ держалъ въ рукѣ исписанный свитокъ и спрашивалъ:

— Кто можетъ принять и сохранить этотъ свитокъ?

Голосъ свыше отвѣчалъ ему:

— Никто другой, кромѣ Ефрема, угодника Моего.

Прп҃бный
є҆фре́мъ сѵрі́нъ

Передъ явившимся мужемъ стоялъ Ефремъ. Онъ открылъ свои уста, а мужъ вложилъ ему въ ротъ свитокъ. Преподобный Ефремъ съѣлъ свитокъ, а затѣмъ, вскорѣ послѣ этого, началъ говорить и писать назидательныя рѣчи, приводившія въ умиленіе каждаго, читавшаго ихъ и слушавшаго. Онѣ могли въ каждомъ возбудить страхъ Господень и наставить на путь покаянія, какъ это ясно изъ его Боговдохновенныхъ книгъ. Равнымъ образомъ и другой великій и святый старецъ имѣлъ подобное же видѣніе во снѣ о святомъ Ефремѣ. Онъ видѣлъ сонмы Ангеловъ, сходившихъ

себѣ дознаешь, что эти люди страждутъ не несправедливо, но не избѣгнутъ наказанія и виновные».—Все это и увидѣлъ Ефремъ, какъ разсказываетъ онъ подробно въ одномъ изъ своихъ сочиненій.—Эти событія такъ поразили Ефрема, что онъ скоро оставилъ міръ и удалился въ горы къ отшельникамъ, гдѣ сталъ ученикомъ святаго Іакова, впослѣдствіи великаго святителя Низибійскаго (память его—12-го января).

съ Неба, по повелѣнію Божію, и имѣвшихъ въ рукахъ свитокъ, исписанный внутри и извнѣ. Они говорили другъ другу:

— Кто можетъ этотъ свитокъ принять?

Въ отвѣтъ одни называли одно имя, другіе вспоминали другое, а нѣкоторые говорили:

— Поистинѣ святы и праведны упомянутые мужи, но ни одинъ изъ нихъ не можетъ принять этого свитка, а только Ефремъ, кроткій и смиренный сердцемъ.

Затѣмъ старецъ видѣлъ, какъ Ефрему былъ отданъ этотъ свитокъ. Вставъ наутро, онъ слышалъ, какъ блаженный Ефремъ предлагалъ братіи поучительныя назиданія. Какъ будто источникъ истекалъ изъ устъ! Изъ нихъ исходили рѣчи, преисполненныя великой пользы. Онъ увѣровалъ, что все, исходящее изъ устъ святаго Ефрема, внушается Духомъ Святымъ, и прославилъ Бога, подающаго такую благодать рабамъ Своимъ.

Въ 363 году Низибія подпала подъ власть Персовъ, и многіе изъ христіанъ оставили Низибію. Тогда и преподобный Ефремъ вознамѣрился пойти отсюда въ городъ Эдессу[1]). Онъ обратился къ Богу съ такою молитвою:

— Господи Іисусе Христе! Сподоби меня увидѣть городъ Твой, и когда я буду входить въ него, пошли мнѣ навстрѣчу такого человѣка, который побесѣдовалъ бы со мною отъ Священнаго Писанія съ пользою для меня.

Когда онъ, такъ помолившись, приближался къ городу и входилъ въ ворота, встрѣтила его женщина. Увидѣвъ ее, рабъ Божій опечалился и обратился мысленно къ Богу:

— Господи, Ты презрѣлъ моленіе раба Твоего. Ибо какимъ образомъ можетъ она бесѣдовать со мною о книжной мудрости?

Женщина же стояла и смотрѣла на него. Святый Ефремъ обратился къ ней съ вопросомъ:

— Скажи мнѣ, женщина, зачѣмъ ты стоишь и смотришь на меня?

Женщина отвѣтила:

— Я смотрю на тебя, потому что женщина отъ мужа взята, а ты смотри не на меня, а въ землю, изъ которой ты взятъ.

---

[1]) *Эдесса*—городъ въ Месопотаміи; лежитъ на границѣ между утесистой пустыней и плодоносной землей—южной Месопотаміей. Этотъ городъ,—какъ говоритъ святый Ефремъ,—«благословенъ былъ живыми устами Спасителя чрезъ ученика Его Ѳаддея»; здѣсь находился нерукотворный ликъ Спасителя и святыя мощи апостола Ѳаддея.

Услышавъ это, Ефремъ подивился такому ея отвѣту и прославилъ Бога, давшаго женщинѣ такой умъ. Онъ понялъ, что не презрѣлъ Господь молитвы его. Вошедши въ городъ, онъ жилъ въ немъ много времени[1]).

Случайно близъ того дома, въ которомъ обиталъ святый, жила другая женщина—блудница, бывшая его сосѣдкою. Подстрекаемая бѣсовскимъ лукавствомъ, она хотѣла оскорбить старца. Открывъ оконце, откуда былъ видъ на жилище святаго, она увидѣла, что Ефремъ стоитъ и варитъ себѣ пищу. Женщина громко обратилась къ нему:

— Благослови, господинъ!

Преподобный посмотрѣлъ на оконце и, замѣтивъ, что она наблюдаетъ, сказалъ ей:

— Господь да благословитъ тебя.

Тогда женщина продолжала:

— Чего недостаетъ для твоей пищи?

Святый отвѣтилъ:

— Три камня и немного песку необходимо, чтобы заградить оконце, изъ котораго ты смотришь сюда.

Женщина безстыдно сказала ему на это:

— Я обратилась къ тебѣ съ рѣчью первая, и ты отвѣтилъ мнѣ. Я хочу лечь съ тобою, а ты отказываешься съ перваго слова.

Рабъ Божій отвѣчалъ ей:

— Если ты хочешь лечь со мною, то иди на то мѣсто, какое я тебѣ укажу.

Блудница сказала:

— Укажи мнѣ это мѣсто, и я приду.

---

[1]) Для пропитанія своего въ Эдессѣ преподобный Ефремъ нанялся трудиться у содержателя бани и употреблялъ свободное время для проповѣди Слова Божія язычникамъ; потомъ, по совѣту святаго старца Іуліана, удалился въ пустынную Эдесскую гору для подвиговъ. Вскорѣ видѣніе открыло старцу въ Ефремѣ мужа, которому одному изъ современныхъ соотечественниковъ вручена была книга для вразумленія людей. Ефремъ началъ писать толкованіе на Пятокнижіе. Этотъ первый опытъ толкованія на сирскомъ языкѣ привлекъ къ Ефрему многихъ эдессянъ, и Ефремъ хотѣлъ убѣжать отъ людей. «Ефремъ! Куда бѣжишь ты?»—спросилъ явившійся Ангелъ. «Хочу жить въ безмолвіи и бѣгу отъ молвы и обольщеній свѣта»,—отвѣчалъ Ефремъ. Ангелъ сказалъ: «Убойся, чтобы не исполнилось на тебѣ слово Писанія: Ефремъ подобенъ молодому волу, который хочетъ освободить шею отъ ярма» (Осіи 10, 11). Послѣ того Ефремъ возвратился къ тому служенію, къ которому былъ призванъ. Съ сего времени онъ началъ устно и письменно поучать вѣрѣ и благочестію. Для успѣха въ своемъ благочестивомъ дѣлѣ онъ открылъ училище въ Эдессѣ, изъ котораго впослѣдствіи вышли знаменитые учители Сирійской церкви.

Тогда святый сказалъ:

— Если ты избрала меня, то не можешь возлечь со мною ни на какомъ другомъ мѣстѣ, какъ только среди города.

Блудница изумилась:

— Развѣ не стыдно намъ будетъ людей?

Святый отвѣтилъ:

— Если намъ стыдно людей, то насколько больше должно стыдиться, а вмѣстѣ и бояться Бога, знающаго всѣ тайны человѣческія! Вѣдь Онъ будетъ судить весь міръ и воздастъ каждому по дѣламъ его.

Услышавъ это, блудница умилилась рѣчами святаго Ефрема. Она пришла и припала къ ногамъ его, плача и говоря:

— Рабъ Божій! Наставь меня на путь спасенія, чтобы я могла избавиться отъ многихъ моихъ злыхъ дѣяній.

Преподобный Ефремъ, преподавъ ей много наставленій изъ Священнаго Писанія, утвердилъ ее въ покаяніи и, отдавъ ее въ женскій монастырь, спасъ душу ея отъ беззаконій и грѣха.

Затѣмъ еще одна блудница, подошедши къ преподобному Ефрему, когда онъ куда-то шелъ, соблазняла его на грѣхъ, чтобы, по крайней мѣрѣ, разсердить его, такъ какъ никто и никогда не видѣлъ его гнѣвающимся.

Преподобный сказалъ ей:

— Иди за мною.

Женщина пошла за нимъ. Когда они подошли къ одному многолюдному мѣсту, святый сказалъ ей:

— Здѣсь ляжемъ и совершимъ грѣхъ.

Она же, видя народъ, сказала ему:

— Какъ можно здѣсь остановиться, когда кругомъ столько народу! Развѣ не стыдно?

Преподобный отвѣтилъ ей:

— Если ты стыдишься людей, то насколько больше мы должны стыдиться Бога, знающаго сокровенныя тайны?

Такъ женщина отошла отъ него посрамленная, не будучи въ состояніи ни прельстить святаго ко грѣху, ни возбудить въ немъ гнѣвъ, ибо онъ былъ мужъ поистинѣ незлобивый и кроткій и совершенно неспособный гнѣваться.

О его добросердечіи разсказываютъ слѣдующее. Когда онъ постился въ пустынѣ, ученикъ его въ обычное время приносилъ ему пищу. Однажды, когда онъ несъ пищу, то случайно разбилъ на

пути сосудъ, въ которомъ была пища. Онъ боялся гнѣва старца, но послѣдній, увидѣвъ смущеннаго ученика, сказалъ:

— Не скорби, братъ,—если пища не захотѣла къ намъ придти, то мы пойдемъ къ ней.

Затѣмъ, подошедши, онъ сѣлъ у разбитаго сосуда и, собирая пищу, сталъ ѣсть. Такъ онъ былъ незлобивъ! О немъ разсказывали, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ инокомъ, никогда ни на кого не гнѣвался.

Преподобному Ефрему было однажды откровеніе о святомъ Василіи Великомъ[1]). Онъ видѣлъ въ сонномъ видѣніи огненный столпъ, достигавшій до Неба, и слышалъ Голосъ:

— Ефремъ, Ефремъ! Какимъ ты видишь этотъ огненный столпъ, таковъ и есть Василій.

Тогда Ефремъ пожелалъ видѣть святаго Василія. Взявъ съ собою переводчика,—ибо онъ не умѣлъ говорить по-гречески,—святый Ефремъ пошелъ въ Кесарію Каппадокійскую[2]). Онъ нашелъ святаго Василія въ церкви поучающимъ людей и началъ славить его громкимъ голосомъ, говоря:

— Воистину великъ Василій! Воистину онъ есть столпъ огненный! Воистину Духъ Святый говоритъ его устами!

Тогда нѣкоторые изъ народа стали говорить:

— Кто этотъ странникъ, такъ восхваляющій архіепископа? Не льститъ ли онъ ему, чтобы получить что-либо изъ рукъ его?

Послѣ отпуста церковнаго, когда преподобный Ефремъ вступилъ въ дружескую бесѣду со святымъ Василіемъ, послѣдній спросилъ его:

— Почему ты такъ прославлялъ меня?

Преподобный Ефремъ отвѣтилъ:

— Потому что я видѣлъ бѣлаго голубя, сидѣвшаго на правомъ плечѣ твоемъ и говорившаго тебѣ на ухо то, что ты внушалъ людямъ. Кромѣ того, огненный языкъ вѣщалъ твоими устами.

На это святый Василій сказалъ ему:

— Поистинѣ я вижу нынѣ то, что слышалъ о тебѣ, житель пустыни и любитель безмолвія! Такъ пишется и у Пророка Давида: **ѐфре́мъ крѣ́пость главы̀ моеѧ̀**[3]). Поистинѣ къ тебѣ относятся эти

---

[1]) Память его—1 января. См. о немъ на стр. 15 и дал.

[2]) *Каппадокія*—провинція Римской имперіи, находилась на востокѣ Малой Азіи. *Кесарія*—главный городъ Каппадокіи.

[3]) Псал. 59, ст. 9.

пророческія слова, ибо ты многихъ наставилъ на путь добродѣтели и укрѣпилъ въ ней. Кротость же твоя и незлобіе сердца сіяютъ для всѣхъ, какъ свѣтъ.

Послѣ того Василій Великій сказалъ:

— Почему, честный отче, ты не принимаешь посвященія въ санъ пресвитера, будучи достоинъ его?

— Потому что я грѣшенъ, владыка!—отвѣчалъ ему Ефремъ чрезъ переводчика.

— О, если бы и я имѣлъ грѣхи твои!—сказалъ Василій и прибавилъ: — Сотворимъ земной поклонъ.

Когда же они поверглись на землю, святый Василій возложилъ руку свою на главу преподобнаго Ефрема и произнесъ молитву, положенную при посвященіи во діакона. Преподобный Ефремъ пробылъ послѣ того со святымъ Василіемъ три дня, въ духовной радости. Василій поставилъ его во діакона, а переводчика его въ пресвитера и потомъ съ миромъ отпустилъ ихъ.

Преподобный Ефремъ имѣлъ великую любовь къ преподобному Аврамію затворнику, память котораго празднуется 29 октября. Они часто посѣщали другъ друга и умилялись взаимно назидательными дружескими бесѣдами. А когда блаженная Марія, племянница Аврамія, подверглась обольщенію врага, преподобный Ефремъ своими молитвами много содѣйствовалъ спасенію ея. Онъ много болѣлъ сердцемъ о согрѣшающихъ и много заботился объ исправленіи ихъ.

Преподобный Ефремъ то пребывалъ въ пустынѣ[1]), въ безмолвіи работая Богу, причемъ собралъ тамъ и множество учениковъ,—то, по повелѣнію Божію, жилъ въ городѣ Эдессѣ, приводя многихъ людей къ покаянію и пріобрѣтая для Бога погибшія души своими поученіями. Настолько онъ изобиловалъ душеполезными словами и былъ преисполненъ благодати Божіей, что много разъ у него изнемогала гортань отъ напряженія голоса, а языкъ отъ произнесенія словъ; однако, рѣчи его не становились короче, тѣмъ болѣе, что умъ его былъ преисполненъ глубины премудрости и разума[2]). Кромѣ

[1]) Преподобный былъ, между прочимъ, и въ египетскихъ пустыняхъ; такъ онъ пробылъ нѣкоторое время въ Нитрійской горѣ. Сирскій жизнеописатель говоритъ, что Ефремъ видѣлся здѣсь съ богоизбраннымъ инокомъ Паисіемъ, а Іоаннъ Коловъ, повѣствуя о жизни Паисія, описываетъ и бесѣды Паисія съ «великимъ между сирійскими подвижниками отцемъ». «Былъ у насъ здѣсь человѣкъ Божій Сиріянинъ, старецъ великій между отцами, просвѣщенный умомъ и сердцемъ»,—такъ говоритъ Іоаннъ Коловъ.

[2]) Святый Ефремъ оставилъ послѣ себя весьма много сочиненій. Въ однихъ онъ—толкователь Священнаго Писанія; (святый Ефремъ, по словамъ святаго Григорія, писалъ

того, онъ былъ исполненъ глубокаго смиренія, всячески избѣгая человѣческаго почитанія и временной славы. Одинъ разъ народъ хотѣлъ схватить его и насильно поставить во епископы. Ефремъ,

толкованіе, начиная съ сотворенія міра до послѣдней благодатной книги); въ другихъ—обличитель ересей и пѣснопѣвецъ Церкви, въ иныхъ—учитель христіанской жизни и въ частности проповѣдникъ сокрушенія сердечнаго. Сочиненія послѣдняго рода составляютъ какъ бы печать души преподобнаго Ефрема и вмѣстѣ его славу на всѣ вѣка. Святый Григорій Нисскій говоритъ, что «плакать для Ефрема было то же, что для другихъ дышать воздухомъ,—день и ночь лились у него слезы; но лицо Ефрема цвѣло и сіяло радостію, тогда какъ ручьи слезъ лились изъ глазъ его. Но и тамъ, гдѣ Ефремъ говоритъ о сокрушеніи, онъ возносится мыслью къ благости Божіей, изливаетъ благодареніе и хвалу Всевышнему». Всѣ нравственныя наставленія его благоухаютъ сердечнымъ умиленіемъ. Не одно свое наставленіе такъ начинаетъ Ефремъ: «Сокрушайся, душа моя; сокрушайся о тѣхъ благахъ, которыя ты приняла отъ Бога и погубила. Сокрушайся о дѣлахъ злыхъ, содѣланныхъ тобою. Сокрушайся о всемъ томъ, въ чемъ показалъ Богъ Свое долготерпѣніе къ тебѣ. Пріидите, братія мои, пріидите рабы Христовы, будемъ сокрушаться сердцемъ и рыдать передъ Нимъ день и ночь. Пріидите, будемъ помышлять объ ономъ Страшномъ и Грозномъ Судѣ и слѣдующемъ затѣмъ нашемъ осужденіи». Въ этомъ чувствѣ сокрушенія обыкновенные предметы бесѣдъ святаго Ефрема: *покаяніе, память о смерти и судѣ, страхъ Божій, вниманіе къ самому себѣ, смиреніе, противъ гордости* и проч.—За свои высокія поученія святый Ефремъ былъ названъ соотечественниками *пророкомъ Сирскимъ*. Блаженный Іеронимъ пишетъ: «Ефремъ, діаконъ Эдесскій, достигъ такой славы, что въ нѣкоторыхъ церквахъ сочиненія его читаются публично послѣ св. Писанія». «Прославлять мнѣ надобно того,—говоритъ Григорій Нисскій,—кто въ устахъ всѣхъ христіанъ,—Ефрема Сирина, того Ефрема, котораго жизнь и наставленія сіяютъ въ цѣломъ мірѣ».—Святый Ефремъ оставилъ послѣ себя много и догматическихъ сочиненій. Всѣ они писаны противъ заблужденій того времени. Таковы: *а*) 80 Словъ *противъ дерзкихъ испытателей*, т. е. противъ аэтіанъ и евноміанъ; *б*) 56 поученій *противъ ересей* съ обличеніями и увѣщаніями вардесанитамъ (послѣдователямъ еретика Бардесана), маркіонитамъ и мессаліанамъ; *в*) о *жемчужинѣ*, или о томъ, что въ одномъ лицѣ Іисуса Христа соединены два естества, противъ Маркіона и Манеса; *г*) три слова о *вѣрѣ* и противъ іудеевъ; *д*) о свободѣ противъ защитниковъ слѣпой судьбы; *о покаяніи*, гдѣ противъ новатіанъ говоритъ о власти церкви прощать грѣхи и опровергаетъ тысящелѣтнее царство; *о священствѣ; о раѣ и Судѣ*.—Строгій ревнитель вѣры и благочестія, святый Ефремъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ смутамъ, какія произвели въ Эдессѣ и Месопотаміи секты Вардесана и Арія. Противодѣйствуя еретикамъ, которые свои заблужденія излагали въ поэтической формѣ пѣсни и, привлекая неопытныхъ изяществомъ стихотворнаго размѣра, легко и надолго укореняли еретическое содержаніе ихъ, святый Ефремъ и самъ началъ излагать, на основаніи Св. Писанія, истинное ученіе о Богѣ и Его отношеніяхъ къ намъ въ такой же поэтической формѣ. Народъ съ жадностію внималъ пѣснопѣніямъ святаго отшельника и забывалъ пѣсни еретическія. Еретики такъ были раздражены успѣхами святаго Ефрема, что разъ напали на него съ камнями и оружіемъ и едва не убили его; но это нисколько не ослабило его ревности къ вѣрѣ. Всѣ эти сочиненія писаны святымъ Ефремомъ въ видѣ благоговѣйныхъ размышленій. Они назначались имъ для народнаго употребленія, а частію и для пѣнія въ храмѣ и написаны стихами. Святый Ефремъ оставилъ также много умилительныхъ молитвъ и молитвенныхъ пѣснопѣній. Таковы его пѣснопѣнія на Рождество Христово, отличающіяся особенною торжественностію; ему же принадлежатъ глубоко трогательныя стихиры, поемыя при погребеніи; изъ молитвъ, составленныхъ имъ, особенно извѣстна умилительно-трогательная молитва, читаемая во дни Великаго Поста: «Гдⷭ҇и и҆ влⷣко живота̀ моегѡ̀! дꙋ́хъ пра́здности, ᲂу҆ны́нїѧ, любонача́лїѧ и҆ праздносло́вїѧ не да́ждь мѝ. Дꙋ́хъ же цѣломꙋ́дрїѧ, смиреномꙋ́дрїѧ, терпѣ́нїѧ и҆ любвѐ да́рꙋй мѝ рабꙋ̀ твоемꙋ̀. Є҆́й, гдⷭ҇и цр҃ю, да́рꙋй мѝ зрѣ́ти моѧ̀ прегрѣше́нїѧ, и҆ не ѡ҆сꙋжда́ти бра́та моегѡ̀: ꙗ҆́кѡ бл҃гослове́нъ є҆сѝ во вѣ́ки вѣкѡ́въ. а҆ми́нь.

узнавъ объ этомъ, притворился юродивымъ и началъ бѣгать по площади, влача за собою свою одежду, какъ безумный,—схватывалъ продаваемые хлѣбы и овощи и ѣлъ. Видя это, люди сочли его помѣшаннымъ, а онъ бѣжалъ изъ города и скрывался, пока не былъ поставленъ другой епископъ на то мѣсто, на которое его хотѣли поставить. Въ молитвѣ святый пребывалъ непрестанно—днемъ и ночью. Обладая даромъ умиленія и слезъ, онъ плакалъ всегда, поминая день суда, о которомъ онъ много писалъ и говорилъ. Онъ мало спалъ, мало вкушалъ и пищи,—только бы не изнемочь и не умереть отъ голода и лишенія сна. Онъ былъ совершенно нестяжателенъ и любилъ нищету больше богатства, какъ и самъ говоритъ о себѣ въ своемъ завѣщаніи:

— Ефремъ никогда не имѣлъ ни золота, ни серебра, ни какого-либо хранилища, исполняя волю благаго Учителя Христа, заповѣдовавшаго: ничего на землѣ не пріобрѣтайте[1]).

Въ тѣ годы жилъ еретикъ Аполлинарій[2]), ложно мудрствовавшій о воплощеніи Господнемъ. Онъ находчивъ былъ въ словахъ и искусенъ въ эллинской премудрости, вслѣдствіе чего сильно смущалъ Церковь Божію и многихъ увлекъ въ свою ересь. Этотъ еретикъ весь трудъ свой и все стараніе, отъ самой юности своей и до старости, прилагалъ къ тому, чтобы развращать православныхъ и увлекать ихъ въ свое заблужденіе. Онъ написалъ много книгъ противъ православныхъ, изъ коихъ особенно замѣчательны двѣ, такъ какъ въ нихъ наиболѣе полно выражено все его душевредное ученіе. Ихъ онъ и употреблялъ, какъ оружіе, ведя борьбу съ православными путемъ словесныхъ состязаній. Эти его книги были положены на сохраненіе у одной женщины, сожительницы его. Преподобный Ефремъ, узнавъ объ этихъ книгахъ, изобрѣлъ противъ еретической хитрости свою, еще болѣе изумительную: онъ пришелъ къ той женщинѣ тайно и весьма хвалилъ Аполлинарія, называя себя при этомъ ученикомъ послѣдняго. Какъ бы желая научиться неизвѣстной ему мудрости, онъ просилъ женщину дать ему на малое время аполлинаріевы книги, которыя она хранила, чтобы изъ нихъ списать вкратцѣ наиболѣе замѣчательныя мѣста. Женщина, будучи увѣрена, что это дѣйствительно ученикъ ея друга, дала ему обѣ книги съ условіемъ, чтобы онъ поскорѣе возвратилъ ихъ и никому о нихъ не говорилъ. Святый Ефремъ,

---

1) Ср.: Еванг. отъ Матѳ., гл. 6, ст. 25 и слѣд.

2) См. о немъ на стр. 704, прим. 1.

взявъ книги, отнесъ въ свою обитель и, приготовивъ клей, всѣ листы въ нихъ, отгибая по одному, склеивалъ, пока наконецъ не склеилъ всѣ ихъ такъ, что книги стали какъ бы однимъ кускомъ дерева или камнемъ, причемъ ни одного листа нельзя было отдѣлить отъ другаго. Затѣмъ онъ отнесъ книги женщинѣ. Она же, взявъ ихъ и не посмотрѣвъ внутрь, положила на своемъ мѣстѣ. Случился потомъ споръ православныхъ съ еретикомъ Аполлинаріемъ, состарѣвшимся уже. Не обладая уже прежнею находчивостью въ спорахъ и имѣя слабую память, по причинѣ старости, онъ хотѣлъ достигнуть побѣды надъ православными при помощи тѣхъ своихъ книгъ; но взявъ ихъ, онъ не могъ ихъ раскрыть, такъ какъ листы были крѣпко склеены и окаменѣли. Онъ исполнился великаго стыда и вышелъ съ Собора побѣжденнымъ и посрамленнымъ, а затѣмъ скоро отъ скорби и великаго стыда онъ лишился жизни, съ позоромъ извергнувъ свою окаянную душу.

Преподобный отецъ нашъ Ефремъ, проживъ богоугодно много лѣтъ и приведши многихъ ко спасенію, заблаговременно провидѣлъ свою кончину и написалъ для своихъ учениковъ поучительное завѣщаніе. Проболѣвъ немного, онъ въ глубокой старости отошелъ ко Господу[1]). Честно́е тѣло его было погребено въ его обители, находившейся въ пустынѣ, въ предѣлахъ Эдесскихъ, въ Сиріи, а святая душа его предстоитъ нынѣ престолу Владыки, ходатайствуя о насъ, чтобы мы получили прощеніе грѣховъ нашихъ, по его молитвамъ, благодатію и милосердіемъ Господа нашего Іисуса Христа, Которому слава во вѣки. Аминь.

Тропа́рь прп҃бнагѡ, гла́съ и҃:

Слезъ твои́хъ тече́ньми пꙋсты́ни безпло́дное воздѣ́лалъ є҆сѝ, и҆ и҆̀же и҆з глꙋбины̀ воздыха́ньми во сто̀ трꙋдѡ́въ ᲂу҆плодоноси́лъ є҆сѝ, и҆ бы́лъ є҆сѝ свѣти́льникъ вселе́ннѣй, сїѧ̀ чꙋдесы̀, є҆фре́ме ѻ҆́тче на́шъ. молѝ хр҃та̀ бг҃а спасти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

Конда́къ прп҃бнагѡ, гла́съ в҃:

Гла́съ при́снѡ прови́дѧ сꙋда̀, рыда́лъ є҆сѝ го́рькѡ є҆фре́ме, ꙗ҆́кѡ любобезмо́лвный, дѣ́лателенъ же бы́лъ є҆сѝ въ дѣ́лѣхъ ᲂу҆чи́тель прп҃бне. тѣ́мже ѻ҆́тче всемі́рный, лѣ́нивыѧ воздвиза́еши къ покаѧ́нїю.

---

1) Святый Ефремъ мирно скончался въ городѣ Эдессѣ въ 373 году.

ЖИТІЕ СВЯТАГО

ЕФРЕМА ПЕЧЕРСКАГО,

епископа Переяславскаго

После блаженнаго Варлаама [1]), боярскаго сына, блаженный Ефремъ евнухъ, человѣкъ знатнаго рода и благороднаго происхожденія, весьма любимый княземъ Изяславомъ [2]) и завѣдывавшій у него всѣмъ его хозяйствомъ, пришелъ изъ княжескаго дома къ преподобному отцу нашему Антонію и просилъ его вмѣсто служенія князю пріобщить его къ слугамъ Царя Небеснаго и возложить на него святый ангельскій образъ иноческаго чина. Преподобный Антоній, преподавъ ему наставленіе о спасеніи души, поручилъ блаженному Никону [3]) постричь его. Согласно этому повелѣнію Никонъ постригъ блаженнаго Ефрема и облекъ въ иноческую одежду. Но ненавидящій добро врагъ, діаволъ, навлекъ великую скорбь на преподобныхъ за постриженіе сего блаженнаго Ефрема, равно какъ и за постриженіе блаженнаго Варлаама, о чемъ записано въ житіяхъ преподобныхъ Антонія и Никона. Въ самомъ дѣлѣ, князь тьмы, видя, что онъ побѣждается тѣмъ священнымъ сонмомъ, который собирался въ темной пещерѣ, и понявъ, что съ этого времени мѣсто сіе будетъ прославляться, скорбѣлъ о своей гибели. Онъ началъ своими враждебными кознями разжигать сердце князя Изяслава противъ преподобныхъ, побуждая его разогнать священный сонмъ. Однако, онъ не могъ этого достигнуть, и самъ былъ прогнанъ молитвами преподобныхъ; онъ впалъ въ яму, которую готовилъ. Правда, и постригшій блаженнаго Ефрема преподобный Никонъ былъ приведенъ къ князю и рѣзко обличенъ, и самъ начальникъ братіи, преподобный Антоній съ братіею, вслѣдствіе гнѣва князя былъ изгнанъ изъ пещеры, но затѣмъ скоро, по ходатайству княгини предъ княземъ Изяславомъ, а лучше сказать—

---

[1]) *Варлаамъ*—первый игуменъ Печерскій, непосредственный ученикъ преп. Антонія Печерскаго, первоначальника русскаго иночества; память его—ноября 19-го.

[2]) *Изяславъ Ярославичъ*—Великій князь Кіевскій; княжилъ съ 1054 по 1068 г.

[3]) *Никонъ*—игуменъ Печерскій, первый ученикъ и сотрудникъ преп. Антонія; память его—23-го марта.

по молитвамъ Царицы Небесной, Пресвятой Богородицы, предъ Царемъ славы, Христомъ Богомъ, иноки возвратились въ пещеру свою, какъ храбрые воины съ поля брани, побѣдивъ своего супостата—діавола. Послѣ этого они всегда оставались въ пещерѣ, прославляя и благословляя Бога.

Стый
ЄФРЄМЪ

Послѣ всего бывшаго преподобный отецъ нашъ Ефремъ, видя, какую скорбь причинилъ врагъ всему священному сонму, сильно вооружился противъ него богоугодною жизнію въ пещерѣ, постоянною молитвою, постомъ и всенощнымъ бдѣніемъ. Повинуясь во всемъ совѣтамъ отца и наставника своего—преподобнаго Антонія, онъ обнаруживалъ большое усердіе въ подражаніи всѣмъ его добродѣтелямъ. Потому-то, по примѣру преподобнаго Антонія, который совершалъ путешествія изъ Россіи на Святую Аѳонскую Гору, и сей преподобный отецъ нашъ Ефремъ горѣлъ духомъ, стремясь къ Святымъ мѣстамъ. Онъ желалъ быть самовидцемъ равноангельскаго житія святыхъ аѳонскихъ отцовъ, чтобы вдохновиться любовію къ ихъ добродѣтельнымъ трудамъ. Посему онъ умолялъ преподобнаго Антонія дать ему благословеніе на путешествіе въ греческую страну. Преподобный, не желая лишить его награды за странничество, отпустилъ его съ благословеніемъ и молитвою, подобно тому какъ нѣкогда Ной отпустилъ голубку изъ ковчега, чтобы она принесла масличную вѣтвь. Тогда преподобный отецъ нашъ Ефремъ, принявъ, какъ два голубиныя крыла, благословеніе и молитву, устремился въ предлежавшій ему путь и достигъ до Константинополя. Вездѣ по пути онъ наблюдалъ жизнь святыхъ людей, посѣщалъ жилища отшельниковъ—земныхъ Ангеловъ, насыщаясь въ изобиліи духовною пищею, душеспасительными бесѣдами и наставленіями святыхъ отцовъ. Вслѣдствіе этого онъ нѣсколько замедлилъ въ своемъ путешествіи.

Когда же его повлекла назадъ любовь къ родинѣ, онъ, чтобы не возвращаться въ свой мысленный ковчегъ безъ какой-либо масличной вѣтви, списалъ уставъ святаго Студійскаго монастыря[1]) и принесъ въ Печерскій монастырь, по поводу чего и посылалъ къ нему, въ бытность его въ Греціи, блаженный игуменъ Ѳеодосій отъ имени преподобнаго Антонія. По возвращеніи своемъ изъ Святыхъ мѣстъ онъ пожилъ въ Печерскомъ монастырѣ недолго, но зато послужилъ образцомъ многихъ добродѣтелей къ душевной пользѣ иноковъ, такъ что всѣ благодарили о немъ Бога. Въ это время преставился блаженный епископъ переяславскій Петръ. По благоволенію Божію, по совѣту всѣхъ и по желанію великаго князя Всеволода Ярославича[2]), преподобный отецъ нашъ Ефремъ поставленъ былъ Переяславскимъ епископомъ преосвященнымъ митрополитомъ кіевскимъ Іоанномъ.

Принявъ великій санъ святительства, онъ началъ обнаруживать великую ревность объ устроеніи церквей въ своей епископіи. Онъ считалъ это для себя самымъ почетнымъ и самымъ дорогимъ дѣломъ, имѣя въ виду умножить прославленіе пресвятаго имени Божія. Богъ споспѣшествовалъ ему въ этомъ дѣлѣ: спустя всего нѣсколько лѣтъ, онъ построилъ большую и величественную каменную церковь святаго Архистратига Михаила, которую и сдѣлалъ соборнымъ храмовъ Переяславской епископіи; затѣмъ, на вратахъ этой устроилъ церковь святаго Ѳеодора и, наконецъ, предъ вратами каменной церкви построилъ церковь святаго Андрея Первозваннаго. Онъ украсилъ также городъ Переяславъ различными церковными зданіями, притомъ каменными, чего прежде не было[3]). Все это, спустя немного времени, было уничтожено, когда, по Божію попущенію, въ наказаніе за грѣхи наши сдѣлалъ нашествіе на землю Россійскую злочестивый татарскій князь Батый[4]). Тогда палъ жребій и на славный городъ Переяславъ.

---

[1]) *Студійскій уставъ* былъ составленъ преп. Ѳеодоромъ Студитомъ, игуменомъ Студійскаго монастыря въ Константинополѣ въ началѣ IX вѣка. Въ концѣ XI вѣка онъ былъ введенъ въ руководство Русскою Церковью и держался въ ней до половины XIV в., когда начинаетъ уступать Іерусалимскому, но по мѣстамъ оставался въ силѣ гораздо дольше и въ нѣкоторыхъ монастыряхъ русскихъ дѣйствовалъ даже до послѣдняго времени.

[2]) *Всеволодъ-Андрей Ярославичъ* — князь Переяславскій (Переяслава-Южнаго; Переяславское княжество граничило съ Кіевскимъ),—впослѣдствіи Великій князь Кіевскій (1078—1093 гг.).

[3]) Кромѣ того, въ отдаленномъ, но подвѣдомомъ переяславскому князю, Суздалѣ св. Ефремъ также построилъ двѣ церкви.

[4]) *Татарскій ханъ Батый*—внукъ Чингизъ-Хана. Нашествіе Батыя началось въ 1237 и закончилось въ 1240 г. взятіемъ Кіева и покореніемъ русской земли.

Преподобный Ефремъ во время своего епископства присутствовалъ и на перенесеніи честныхъ мощей преподобнаго отца нашего Ѳеодосія Печерскаго[1]). Поживъ добродѣтельно и богоугодно, онъ почилъ отъ временной жизни, а душою восшелъ къ нерукотворенному Владычнему престолу[2]). Честное же тѣло его было положено съ честію въ созданной имъ церкви, въ которой онъ учредилъ престолъ Переяславской епископіи. Да удостоимся и мы предстать предъ престоломъ Владыки, Небеснаго Царя, подобно овцамъ, собраннымъ гласомъ молитвъ преподобнаго отца нашего Ефрема, чтобы вмѣстѣ съ нимъ прославлять Пастыреначальника Іисуса, а въ Немъ и съ Нимъ Бога Отца и Святаго Духа, въ безконечные вѣки, Аминь.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ЕФРЕМА НОВОТОРЖСКАГО

Во дни благовѣрныхъ великихъ князей, святыхъ страстотерпцевъ Русскихъ Бориса и Глѣба, были въ Руси три единоутробныхъ брата: Ефремъ, память котораго празднуется 28-го января, Георгій и Моисей. Всѣ они происходили изъ Угорской земли[3]) и всѣ они, въ званіи бояръ, служили Великимъ князьямъ Борису и Глѣбу. Когда святый Борисъ былъ убитъ на рѣкѣ Альтѣ[4]), боярину Ефрему не случилось быть тамъ съ княземъ Борисомъ. Поэтому онъ и спасся отъ убіенія, а братъ его Георгій былъ убитъ вмѣстѣ съ святымъ Борисомъ: онъ палъ рядомъ съ господиномъ своимъ, причемъ убійцы отрѣзали у него голову ради того украшенія изъ золота, которое возложилъ на него святый Борисъ. Третій же братъ—Моисей[5]), бывшій при князѣ во время убіенія, спасся бѣгствомъ отъ смерти, а послѣ этого пострадалъ за свое цѣломудріе отъ одной польки больше, чѣмъ нѣкогда

---

1) Перенесеніе мощей преп. Ѳеодосія Печерскаго было въ 1091 году.

2) *Св. Ефремъ Переяславскій* скончался въ 1096 году. Мощи его почиваютъ въ пещерахъ преподобнаго Антонія.

3) Угорская земля, иначе Венгрія, обширная страна по среднему Дунаю при Карпатскихъ горахъ; нынѣ входитъ въ составъ Австро-Венгерской имперіи.

4) Убіеніе св. благовѣрнаго князя Бориса было въ 1015 году.

5) *Преп. Моисей Угринъ*, Печерскій чудотворецъ; память его—28-го августа.

Прп҃бный
ЄФРЕ́МЪ

Іосифъ отъ Пентефріи. Наконецъ, онъ сталъ святымъ инокомъ въ Кіевскомъ Печерскомъ монастырѣ, какъ объ этомъ пишется въ его житіи.—Сей же блаженный Ефремъ, послѣ убіенія благовѣрнаго князя Бориса, прибылъ на то мѣсто, гдѣ было совершено беззаконное убійство, и, плача и рыдая, искалъ тѣло своего брата,—но нашелъ только голову, которую и хранилъ до своей кончины. Оставивъ свой боярскій санъ и домъ, онъ прибылъ въ городъ Торжокъ[1]) и, нашедши одно весьма красивое мѣсто близъ города, на берегу рѣки Тверцы, построилъ тамъ храмъ во имя государей своихъ—Великихъ князей, святыхъ страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, и, собравъ много иноковъ, устроилъ обитель, а самъ сталъ архимандритомъ[2]). Доблестно потрудившись въ постѣ и молитвахъ, онъ благоугодилъ Богу и преставился въ 1053 году. Послѣ преставленія его у гроба его[3]) многія чудеса совершались и подавались исцѣленія болящимъ; подаются они и нынѣ приходящимъ съ вѣрою, во славу Христа Бога нашего, со Отцемъ и Святымъ Духомъ славимаго во вѣки. Аминь.

---

[1]) *Торжокъ*—нынѣ уѣздный городъ Тверской губерніи.

[2]) *Борисоглѣбскій Новоторжскій монастырь* былъ основанъ преподобнымъ въ 1038 г.

[3]) Мощи преподобнаго Ефрема нынѣ почиваютъ въ Новоторжскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ въ богатой серебряной ракѣ—и при нихъ глава брата его Георгія, положенная въ его гробъ согласно его завѣщанію.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

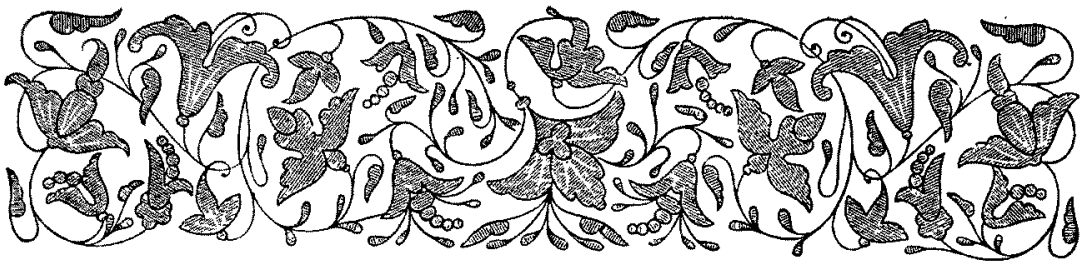
ПАЛЛАДІЯ ПУСТЫННИКА

Преподобный Палладій благоугождалъ Богу затворничествомъ. Построивъ себѣ на одной горѣ небольшую хижину и заключившись въ ней, онъ подвизался въ непрестанномъ бдѣніи, молитвѣ и постѣ. За его подвиги Богъ прославилъ его даромъ чудотвореній. Однажды нѣкій купецъ, носившій при себѣ много золота, былъ убитъ, и тѣло его убійцы ночью бросили предъ дверями хижины преподобнаго. Когда разсвѣло и преступленіе было обнаружено, всѣ стали обвинять преподобнаго въ убійствѣ купца. Тѣснимый народной толпой, святый помолился и молитвою воскресилъ мертваго. Возставъ, онъ назвалъ своихъ убійцъ и доказалъ непричастность святаго къ убійству. И много другихъ чудесъ совершилъ преподобный. Преуспѣвая въ добродѣтеляхъ, преподобный Палладій съ миромъ отошелъ къ Богу, оставивъ Церкви Божіей душеполезныя сочиненія[1]).

Въ тотъ же день память **преподобнаго Θеодосія Тотемскаго.**

---

[1]) Преподобный Палладій пустынникъ подвизался въ Антіохіи Сирійской въ концѣ IV вѣка.



День двадцать девятый

ПЕРЕНЕСЕНІЕ МОЩЕЙ

СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА

ИГНАТІЯ БОГОНОСЦА

После того какъ святый Игнатій Богоносецъ, по повелѣнію царя Траяна, былъ растерзанъ звѣрями въ Римѣ за Христа[1]), какъ объ этомъ повѣствуется въ его житіи, остались послѣ него нѣкоторыя, болѣе крупныя, кости. Бывшіе въ это время въ Римѣ вѣрующіе собрали ихъ и положили благоговѣйно въ томъ же городѣ въ почетномъ мѣстѣ, а затѣмъ, въ царствованіе того же Траяна, перенесли ихъ въ Антіохію—на защиту городу, въ исцѣленіе болящимъ, въ утѣшеніе всему его словесному стаду и во славу Христа Бога, за имя Котораго онъ ревностно пострадалъ[2]). Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ изложены въ его житіи подъ 20-мъ числомъ Декабря.

---

1) Въ 107 году, 20-го декабря.

2) Первое перенесеніе мощей св. Игнатія Богоносца было въ 108 году, второе—изъ предградія въ самую Антіохію—въ 438 году. Впослѣдствіи (въ VII в.) мощи его перенесены были въ Римъ, гдѣ находятся нынѣ въ церкви св. Климента.

ЖИТІЕ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО

ЛАВРЕНТІЯ,

затворника Печерскаго

После искушенія, постигшаго преподобныхъ затворниковъ Печерскихъ Исаакія и Никиту[1]), пріобрѣлъ извѣстность подвизавшійся въ томъ же святомъ Кіево-Печерскомъ монастырѣ блаженный Лаврентій, который также возъимѣлъ дерзновеніе, какъ добрый воинъ Христовъ, однѣми собственными силами вести борьбу съ противоборствующимъ душѣ губителемъ-діаволомъ, врагомъ подвижниковъ. Онъ пожелалъ посвятить себя молитвѣ въ строгомъ затворѣ, утвердившись въ той мысли, что именно о затворническомъ житіи Господь говоритъ въ словахъ: «Когда ты молишься, войди въ домъ свой, затвори за собою дверь и помолись Отцу твоему, Который втайнѣ, и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно»[2]). Но преподобные отцы рѣшительно не совѣтовали ему дѣлать это въ святомъ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, гдѣ діаволъ наиболѣе строилъ козни спасающимся отцамъ. Они вспоминали, какъ здѣсь врагъ одолѣлъ Исаакія и Никиту, боровшихся съ нимъ наединѣ, въ затворѣ; ихъ обоихъ едва лишь послѣ многихъ молитвъ привели въ чувство. Тогда Лаврентій, простившись съ братіей, отошелъ въ монастырь святаго великомученика Димитрія, построенный княземъ Изяславомъ[3]), и тамъ подвизался въ затворѣ. Онъ началъ вести самую строгую жизнь и проявлять величайшую ревность о своемъ спасеніи, предпринимая съ каждымъ днемъ все большіе труды, умерщвляя всѣ страстныя вожделѣнія воздержаніемъ и голодомъ, искореняя ихъ мечомъ духовнымъ, то есть— силою молитвы, и угашая разжженныя стрѣлы врага водою своихъ слезъ. Такъ, по благодати Божіей, онъ не только самъ избѣжалъ

---

1) Память преп. Исаакія, затворника Печерскаго,—14-го февраля; память Никиты затворника, скончавшагося епископомъ Новгородскимъ, 31-го января. Оба они прельщены были видѣніемъ искусителя въ свѣтломъ образѣ.

2) Еваиг. отъ Матѳ., гл. 6, ст. 6.

3) Монастырь св. великомученика Димитрія Солунскаго находился близъ Кіево-Печерскаго монастыря. Въ 1128 году онъ былъ приписанъ къ Кіево-Печерской обители.

бѣсовскихъ стрѣлъ, но и получилъ отъ всещедраго Господа даръ чудесно исцѣлять различныя язвы и недуги людей, а равно изгонять бѣсовъ.

Разъ къ преподобному Лаврентію, среди многихъ другихъ, былъ приведенъ изъ Кіева для исцѣленія одинъ человѣкъ, одержимый бѣсомъ, настолько свирѣпымъ и сильнымъ, что то дерево, которое съ трудомъ могли понести десять человѣкъ, онъ одинъ бралъ легко и отбрасывалъ вдаль. Блаженный затворникъ, желая прославленія благодатію своему духовному отечеству—святому Печерскому монастырю, повелѣлъ отвести этого человѣка туда. Тогда бѣсноватый началъ вопить:

— Къ кому ты посылаешь меня? Я не смѣю даже приблизиться къ пещерѣ, такъ какъ въ ней почиваетъ много святыхъ. Въ самомъ же монастырѣ есть тридцать святыхъ черноризцевъ, которыхъ я боюсь,—а съ прочими я веду борьбу.

Когда бѣсноватый повѣдалъ это о благодати, почивающей на свясвятомъ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, блаженный снова повелѣлъ отвѣсти его туда насильно, чтобы лучше удостовѣриться во всемъ, сказанномъ имъ. Ведшіе бѣсноватаго, зная, что онъ никогда не бывалъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ и никого не знаетъ тамъ, спрашивали его:

— Кто эти подвижники, которыхъ ты боишься?

Въ это время всѣхъ братій въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ было сто восемьнадцать.

Бѣсноватый перечислилъ по именамъ тридцать изъ нихъ и сказалъ:

— Всѣ они однимъ словомъ могутъ изгнать меня.

Тогда ведшіе его сказали ему снова:

— Мы хотимъ заключить тебя въ пещерѣ.

Онъ на это отвѣтилъ имъ:

— Какая мнѣ польза вести борьбу съ мертвыми? Ибо они имѣютъ гораздо большее дерзновеніе молиться Богу о своихъ черноризцахъ и о всѣхъ приходящихъ къ нимъ. Если же вы хотите видѣть мою способность вести борьбу, то ведите меня въ монастырь: кромѣ указанныхъ тридцати мужей, я могу бороться со всѣми остальными.

Затѣмъ онъ началъ показывать свои способности, произнося рѣчи по-еврейски, римски, гречески, словомъ—на всѣхъ языкахъ, которыхъ онъ никогда и не слышалъ. Провожавшіе его устраши-

лись и много дивились измѣненію его рѣчи и способности говорить на разныхъ языкахъ. Послѣ этого, прежде чѣмъ они вошли въ монастырь, нечистый духъ оставилъ бѣсноватаго; исцѣлившійся началъ со смысломъ разсуждать, и бывшіе съ нимъ пришли въ радость. Затѣмъ, всѣ вмѣстѣ, они вошли во святую чудотворную Печерскую церковь воздать хвалу Богу. Узнавъ объ этомъ, игуменъ пришелъ со всею братіею въ церковь. Исцѣленный не зналъ ни игумена, ни кого-либо изъ тѣхъ тридцати мужей, имена которыхъ называлъ во время бѣснованія. Тогда стали спрашивать его:

— Кто исцѣлилъ тебя?

Онъ, взирая на чудотворную икону Пресвятыя Богородицы, отвѣтилъ:

— Съ нею встрѣтили насъ святые мужи, числомъ тридцать, и я исцѣлился.

При этомъ имена всѣхъ ихъ онъ помнилъ, а въ лицо не зналъ ни одного. Тогда они всѣ вмѣстѣ воздали хвалу Богу, Его Пречистой Матери и святымъ угодникамъ Его.

Прпбный
ЛАВРЕНТІЙ

Такъ прославилось святое мѣсто Кіево-Печерской обители по благоустроенію Божію, возвѣщенному блаженнымъ затворникомъ Лаврентіемъ, который по прошествіи нѣкотораго времени оставилъ Кіево-Печерскую обитель и былъ возведенъ на Туровскую каѳедру [1]). По блаженной кончинѣ святаго Лаврентія [2]), тѣло его было перенесено въ Кіево-Печерскій монастырь и съ честію положено въ пещерахъ, въ которыхъ и доселѣ его чудотворныя мощи пребываютъ нетлѣнными, въ честь видящаго втайнѣ, но воздающаго затворникамъ явно, прославляемаго въ Троицѣ Бога, Которому слава во вѣки. Аминь.

---

1) *Туровъ* — городъ въ нынѣшней Минской губерніи. Св. Лаврентій былъ епископомъ Туровскимъ съ 1182 года.

2) Скончался въ концѣ XII вѣка.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

СИЛЬВАНА епископа, ЛУКИ діакона и МОКІЯ чтеца

Въ царствованіе Римскаго императора Нумеріана[1]) было великое гоненіе на христіанъ; къ правителю города Эмезы[2]) поступилъ тогда доносъ на мѣстнаго епископа, святаго Сильвана; святитель вмѣстѣ съ діакономъ Лукою и чтецомъ Мокіемъ, связанные, предстали предъ судьею. Убѣдившись, что они исповѣдываютъ Христа Бога Истиннаго, идоловъ же не почитаютъ и поносятъ, правитель пришелъ въ ярость, не въ силахъ будучи склонить исповѣдниковъ Христовыхъ къ идолопоклонству льстивыми рѣчами, судья подвергъ бичеванію, послѣ чего заключилъ въ темницу; долго томились тамъ святые, пока правитель не потребовалъ ихъ къ себѣ вторично. Онъ приказалъ томить страстотерпцевъ голодомъ и жаждою, послѣ чего приговорилъ отдать ихъ на растерзаніе звѣрямъ. Когда святые мученики приведены были на мѣсто казни и на нихъ выпущены были разные звѣри, воины Христовы помолились, чтобы здѣсь Господь послалъ имъ кончину. Молитва ихъ была услышана, и Господь пріялъ святыя ихъ души; къ честнымъ ихъ останкамъ приблизились звѣри, но не коснулись ихъ; христіане же ночью тайно взяли мощи святыхъ мучениковъ и предали ихъ погребенію, вознося благодареніе Богу.

---

[1]) Нумеріанъ и Карникъ царствовали въ 283 и 284 гг.

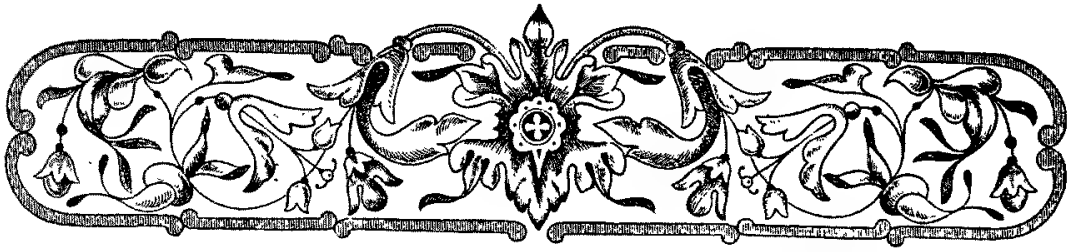
[2]) *Эмеза*—нынѣшній *Гемсъ*, или *Гомсъ*, находилась въ Финикіи, на берегу Оронта, въ приморской части современной Сиріи (Азіатская Турція).

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

РОМАНА, ІАКОВА, ФИЛОѲЕЯ, ИПЕРИХІЯ, АВИВА, ІУЛІАНА и ПАРИГОРІЯ

Всѣ сіи святые мученики, воинствуя во Христѣ, изобличали всенародно языческія заблужденія, за что были подвергнуты жестокимъ мученіямъ: плечи и колѣна ихъ были сокрушены; потомъ ихъ безпощадно строгали, надѣли на шеи ихъ тяжкіе желѣзные оковы и ввергнули въ темницу; потомъ снова вывели изъ темницы, опять строгали ихъ тѣла, повѣсили и пригвоздили главы ихъ ко кресту. Въ такихъ мученіяхъ предали они души свои Богу [1]).

[1]) Пострадали въ 297 году при императорѣ Діоклетіанѣ въ г. Самосатахъ (въ Сиріи, на рѣкѣ Евфратѣ).



День тридцатый

СОБОРЪ

ТРЕХЪ ВЕЛИКИХЪ ВСЕЛЕНСКИХЪ УЧИТЕЛЕЙ

ВАСИЛІЯ ВЕЛИКАГО, ГРИГОРІЯ БОГОСЛОВА И ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО

Въ царствованіе благовѣрнаго и христолюбиваго царя Алексѣя Комнена[1]), который принялъ царскую власть послѣ Никифора Ботаніата[2]), былъ въ Константинополѣ великій споръ объ этихъ трехъ святителяхъ между искуснѣйшими въ краснорѣчіи учителями мудрости. Одни ставили выше прочихъ святителей Василія Великаго, называя его возвышеннѣйшимъ витіею, такъ какъ онъ всѣхъ превосходилъ словомъ и дѣлами, причемъ видѣли въ немъ мужа, мало чѣмъ уступающаго Ангеламъ, твердаго нравомъ, не легко прощающаго согрѣшенія и чуждаго всего земнаго; ниже его ставили божественнаго Іоанна Златоуста какъ имѣвшаго отличныя отъ указанныхъ качества: онъ былъ расположенъ къ помилованію грѣшниковъ и скоро допускалъ ихъ къ покаянію. Другіе, наоборотъ, возвышали божественнаго Златоуста—какъ мужа человѣколюбивѣйшаго, понимающаго слабость человѣческаго естества, и какъ краснорѣчиваго витію, наставлявшаго всѣхъ на покаяніе множествомъ своихъ медоточивыхъ рѣчей; поэтому и почитали они его выше Василія Великаго и Григорія Богослова. Иные, наконецъ, стояли за святаго Григорія Богослова, утверждая, что онъ убѣдительностью рѣчи, искуснымъ истолкованіемъ Священнаго Пи-

---

1) *Византійскій императоръ Алексѣй I Комненъ* царствовалъ съ 1081 по 1108 годъ.

2) *Никифоръ III Ботаніатъ* царствовалъ съ 1078 по 1081 годъ.

санія и изяществомъ построенія рѣчи превзошелъ всѣхъ славнѣйшихъ представителей эллинской мудрости—какъ ранѣе жившихъ, такъ и современныхъ ему. Такъ одни возвышали славу святаго Григорія, а другіе унижали его значеніе. Отъ этого происходилъ между многими раздоръ, причемъ одни назывались Іоаннитами, другіе Василіанами, а иные Григоріанами. Объ этихъ именахъ спорили мужи искуснѣйшіе въ краснорѣчіи и мудрости.

Спустя нѣкоторое время послѣ того, какъ возникли эти споры, явились эти великіе святые, сначала каждый отдѣльно, а затѣмъ всѣ три вмѣстѣ,—притомъ не во снѣ, а наяву,—Іоанну, епископу Евхаитскому, ученѣйшему мужу, весьма свѣдущему въ эллинской мудрости (какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ и его сочиненія), а также прославившемуся своею добродѣтельною жизнію [1]). Они сказали ему едиными устами:

— Мы равны у Бога, какъ ты видишь; нѣтъ у насъ ни раздѣленія, ни какого-либо противодѣйствія другъ другу. Каждый изъ насъ отдѣльно, въ свое время, возбуждаемый Божественнымъ Духомъ, написалъ соотвѣтствующія поученія для спасенія людей. Чему мы научились сокровенно, то передали явно людямъ. Нѣтъ между нами ни перваго, ни втораго. Если ты ссылаешься на одного, то въ томъ же согласны и оба другіе. Поэтому, повели препирающимся по поводу насъ прекратить споры, ибо какъ при жизни, такъ и послѣ кончины мы имѣемъ заботу о томъ, чтобы привести къ миру и единомыслію концы вселенной. Ввиду этого, соедини въ одинъ день память о насъ и, какъ подобаетъ тебѣ, составь намъ праздничную службу, а прочимъ передай, что мы имѣемъ у Бога равное достоинство. Мы же совершающимъ память о насъ будемъ споспѣшниками ко спасенію, такъ какъ мы надѣемся, что имѣемъ нѣкоторую заслугу у Бога.

---

[1]) *Іоаннъ, митрополитъ Евхаитскій,*—одинъ изъ замѣчательныхъ церковныхъ писателей и пѣснописцевъ Восточной Церкви XI вѣка (скончался въ концѣ XI вѣка). Онъ написалъ весьма много сочиненій. Изъ его сочиненій извѣстны: 1) Похвальныя слова, числомъ до 15, между которыми замѣчательны: два Слова на день воспоминанія побѣды надъ Святославомъ, княземъ Русскимъ, три Слова на память святаго великомученика Ѳеодора Тирона, Слова похвальныя тремъ Святителямъ; 2) стихи и церковныя пѣснопѣнія: изъ числа послѣднихъ—полная служба тремъ Святителямъ, каноиъ Ангелу Хранителю, два канона святому Ѳеодору Тирону—доселѣ остаются въ церковныхъ службахъ. Въ службахъ же помѣщены: изъ числа 27 его канонов Спасителю—одинъ канонъ Сладчайшему Іисусу; изъ числа 67 канонов Богородицѣ—шесть; изъ числа 11-ти канонов Предтечѣ—два. Особенно превосходны каноны его Іисусу Сладчайшему и Ангелу Хранителю.

Сказавъ это епископу, они стали подниматься на Небо, сіяя неизреченнымъ свѣтомъ и называя другъ друга по имени. Блаженный епископъ Іоаннъ тотчасъ своими стараніями возстановилъ миръ между враждовавшими, такъ какъ онъ былъ мужъ великій въ добродѣтели и знаменитый въ любомудріи. Онъ установилъ праздникъ трехъ святителей, какъ и повелѣли ему святые, и завѣщалъ церквамъ праздновать его съ подобающимъ торжествомъ [1]). Въ этомъ ясно обнаружилась мудрость сего великаго мужа, такъ какъ онъ усмотрѣлъ, что въ январѣ мѣсяцѣ совершается память всѣхъ трехъ святителей, а именно: въ первый день—Василія Великаго, въ двадцать пятый—божественнаго Григорія, а въ двадцать седьмой—святаго Златоуста,—то онъ соединилъ ихъ въ тридцатый день того же мѣсяца, увѣнчавъ празднованіе ихъ памяти канонами, тропарями и похвалами, какъ это и приличествовало.

Необходимо добавить о нихъ и слѣдующее. Святый Василій Великій превзошелъ въ книжной мудрости не только учителей своего времени, но и древнѣйшихъ: онъ прошелъ не только всю науку краснорѣчія до послѣдняго слова, но и хорошо изучилъ философію, а равно постигъ и ту науку, которая учитъ истинной христіанской дѣятельности. Затѣмъ, проводя добродѣтельную жизнь, исполненную нестяжательности и цѣломудрія, и восходя умомъ къ боговидѣнію, онъ былъ возведенъ на архіерейскій престолъ, имѣя сорокъ лѣтъ отъ рожденія, и въ теченіе восьми съ лишкомъ лѣтъ былъ предстоятелемъ Церкви.

Святый Григорій Богословъ былъ столь великъ, что если бы можно было создать человѣческій образъ и столпъ, составленный по частямъ изъ всѣхъ добродѣтелей, то онъ былъ бы подобенъ великому Григорію. Просіявъ своею святою жизнію, онъ достигъ такой высоты въ области богословія, что всѣхъ побѣждалъ своею мудростью—какъ въ словесныхъ спорахъ, такъ и въ истолкованіи догматовъ вѣры. Поэтому онъ и былъ названъ Богословомъ. Онъ былъ святителемъ въ Константинополѣ двѣнадцать лѣтъ, утверждая Православіе. Поживъ затѣмъ малое время на патріаршемъ престолѣ (какъ объ этомъ пишется въ его житіи), онъ оставилъ престолъ по преклонности возраста и, имѣя шестьдесятъ лѣтъ, отошелъ въ горнія обители.

---

[1]) Праздникъ въ честь трехъ Вселенскихъ учителей и святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго установленъ въ 1084 году.

О божественномъ Златоустѣ по справедливости можно сказать, что онъ превзошелъ всѣхъ эллинскихъ мудрецовъ разумомъ, убѣдительностью слова и изяществомъ рѣчи; Божественное Писаніе онъ изъяснилъ и истолковалъ неподражаемо; равнымъ образомъ въ добродѣтельной жизни и боговидѣніи онъ далеко превзошелъ всѣхъ. Онъ былъ источникомъ милости и любви, былъ исполненъ ревности учительства. Всего онъ прожилъ шестьдесятъ лѣтъ; пастыремъ Христовой Церкви былъ шесть лѣтъ. Молитвами сихъ трехъ святителей Христосъ Богъ нашъ да низложитъ еретическія распри, а насъ да сохранитъ въ мирѣ и единомысліи и да сподобитъ насъ Небеснаго Своего Царствія, ибо благословенъ Онъ во вѣки. Аминь.

Тропа́рь ст҃и́телей, гла́съ д҃:

Ꙗ҆́кѡ а҆по́столѡвъ є҆динонра́внїи, и҆ вселе́нныѧ ᲂу҆чи́телїе, вл҃ку всѣ́хъ моли́те ми́ръ вселе́ннѣй дарова́ти, и҆ ду́шамъ на́шымъ ве́лїю мл҃ть.

Конда́къ, гла́съ в҃:

Ꙗ҆вѧще́нныѧ и҆ бг҃овѣща́нныѧ проповѣ́дники, ве́рхъ ᲂу҆чи́телей гдⷭ҇и, прїѧ́лъ є҆сѝ въ наслажде́нїе блага́хъ твои́хъ и҆ ᲂу҆покое́нїе: тру́ды бо ѻ҆́нѣхъ и҆ сме́рть прїѧ́лъ є҆сѝ па́че всѧ́каго всеплѡ́дїѧ, є҆ди́не прославлѧ́ѧй ст҃ы́ѧ твоѧ́.

ПАМЯТЬ СВЯТАГО МУЧЕНИКА

ΘЕОФИЛА НОВАГО

Святый Θеофилъ родился и воспитывался въ Царыградѣ при императорѣ Константинѣ Порфирородномъ и матери его святой Иринѣ[1]). Во время нашествія арабовъ[2]) онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ греческихъ войскъ; благодаря личной храбрости и военному искусству онъ потопилъ много непріятельскихъ судовъ и не разъ наносилъ пораженія Арабамъ. Божіимъ попущеніимъ однажды его флотъ былъ окруженъ болѣе многочисленными

---

1) Они царствовали вмѣстѣ съ 780 по 797 г.

2) Арабы въ это время составляли сильное государство, въ составъ котораго входили вся Аравія, Сирія, Египетъ и сѣверная Африка.

непріятельскими кораблями, и святый Θеофилъ взятъ былъ въ плѣнъ. Когда его представили арабскому государю, тотъ, пораженный красотою и мужествомъ святаго Θеофила, сталъ убѣждать его отречься отъ христіанской вѣры; но ни обѣщанія всяческихъ почестей, ни угрозы побѣдителей не подѣйствовали на доблестнаго христіанскаго военачальника. Когда онъ увидѣлъ, что воины его перебиты, то сталъ упрекать варваровъ за ихъ жестокость и обличалъ нечестивую ихъ вѣру. Отведенный въ ихъ страну, святый Θеофилъ заключенъ былъ тамъ въ темницу; черезъ четыре года, по случаю совершавшагося Арабами какого-то ихъ религіознаго торжества, святаго страстотерпца вывели изъ тюрьмы и стали принуждать къ участію въ торжествѣ; когда же святый Θеофилъ отказался повиноваться, то ему отсѣкли голову, и такъ воинъ Христовъ воспріялъ мученическій вѣнецъ [1]).

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ИППОЛИТА, КЕНСОРИНА, САВИНА, ХРИСІИ ДѢВИЦЫ

и прочихъ двадцати мучениковъ

Священномученики Ипполитъ, Кенсоринъ, Савинъ и Хрисія жили въ царствованіе Клавдія [2]), въ бытность игемономъ, въ званіи намѣстника, Улпія Римлянина. Кенсоринъ былъ первымъ совѣтникомъ въ Сенатѣ, въ санѣ магистра [3]). Подвергнутый допросу на основаніи доноса, онъ исповѣдалъ Христа и за это былъ ввергнутъ въ темницу. Тамъ онъ совершилъ много чудесъ Христовою силою и даже вопрошалъ мертваго. Случившіеся при этомъ воины, видя чудеса, увѣровали во Христа, и за это имъ, числомъ до двадцати, были отсѣчены головы. Подвергнута была допросу, какъ христіанка, и блаженная дѣвица Хрисія. Воины, повѣсивъ ее, били воловыми жилами и опаляли огнемъ ея ребра, а затѣмъ

---

1) На островѣ Кипрѣ (близъ Малой Азіи) въ 784 году.

2) *Клавдій II*—императоръ Римскій, царствовалъ съ 268 по 270 годъ.

3) *Магистръ*—собственно значитъ: учитель. Но названіе магистра при Византійскомъ императорскомъ дворѣ означало одну изъ высшихъ придворныхъ должностей.

Ст҃іи мч҃нцы
Кенсорі́нъ, Саві́нъ и Хрѵ̀сі́и

ввергли въ темницу. Спустя нѣсколько дней снова вывели ее изъ темницы, раздробили камнемъ ея челюсти и били оловяннымъ молотомъ по плечамъ, а затѣмъ, привязавъ камень на шею, ввергли ее въ глубину морскую. Такъ святая дѣвица окончила свое страданіе за Христа. Блаженный Савинъ также былъ битъ по тѣлу тяжелымъ молотомъ и, повѣшенный на деревѣ, опаляемъ свѣчами. Претерпѣвая такія муки и благодаря Бога, онъ предалъ Ему духъ свой. Узнавъ обо всемъ этомъ, великій Ипполитъ, святитель Римской церкви, пришелъ къ игемону и обличалъ его жестокость и безчеловѣчіе, называя его кровопійцей. При этомъ онъ дерзновенно исповѣдалъ Христа Бога, Творца міра. За это онъ былъ битъ слугами игемона по глазамъ; нечестивые подвергли его и другимъ мукамъ и, наконецъ, связавъ ему руки и ноги, бросили въ море. Претерпѣвъ эти мученія, святый Ипполитъ содѣлался наслѣдникомъ Царствія Божія [1]).

Сщенномчнкъ Іппо́лутъ

---

[1]) Святые мученики Ипполитъ, Кенсоринъ, Савинъ и Хрисія пострадали въ 269 году. Священномученикъ Ипполитъ былъ епископомъ Остійской пристани, близъ Рима, въ которой и былъ потопленъ. Мощи его находятся нынѣ въ Римѣ въ церкви свч. Лаврентія и папы Дамаса.—Ипполитъ былъ ученѣйшимъ изъ христіанскихъ богослововъ и плодовитымъ, разносторонимъ писателемъ. Бо́льшая часть его сочиненій посвящена полемикѣ противъ древнихъ еретиковъ—ноэтіанъ, ѳеодотіанъ, алоговъ, монтанистовъ, маркіонитовъ и др. Изъ сочиненій его нынѣ извѣстны: Канонъ пасхальный, противъ іудеевъ, противъ Платона, противъ ересей, противъ Верона и Гелика, сочиненіе о Христѣ и антихристѣ. Другую группу сочиненій Ипполита составляютъ его многочисленныя толкованія на Священное Писаніе, изъ которыхъ сохранились большею частію лишь отрывки. Такъ онъ писалъ толкованія на книги Бытія, Исходъ, на Притчи, Екклесіастъ, Пѣснь Пѣсней, на Евангелія Матѳея, Луки и Іоанна, на Пророковъ Исаію, Іезекіиля, Даніила, Захарію, на Псалмы и Апокалипсисъ. Замѣчательны и его проповѣди какъ образцы древнецерковнаго учительства; изъ нихъ въ цѣломъ видѣ сохранились лишь Слово на Богоявленіе и о Пророкѣ Даніилѣ.

ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО

ЗИНОНА

Сей блаженный отецъ нашъ Зинонъ происходилъ изъ Понта[1]; оставивъ здѣсь огромное богатство, онъ напоялся источниками ученія святаго Василія Великаго[2], орошавшими Каппадокію, и принесъ плоды, достойные сего ученія. Онъ служилъ при дворѣ императора Валента[3] въ числѣ воиновъ, съ которыми посылались царскія грамоты; по смерти этого государя святый Зинонъ отвергъ богатство и почетное званіе и поселился въ одну гробницу[4], находившуюся въ горѣ, близъ Антіохіи, и здѣсь жилъ въ уединеніи, очищая душу. У святаго отшельника не было никакого имущества, кромѣ ветхаго рубища, въ которое онъ одѣвался; пищу получалъ святый Зинонъ отъ одного изъ знакомыхъ, который доставлялъ ему одинъ небольшой хлѣбецъ на два дня, а воду онъ носилъ себѣ самъ издалека. Являясь примѣромъ глубочайшаго смиренія, преподобный Зинонъ въ исполненіи иноческихъ подвиговъ достигъ высокаго совершенства; сорокъ лѣтъ провелъ онъ въ постничествѣ, приходя каждый воскресный день въ святый храмъ, гдѣ слушалъ Божественное Слово, преклонялъ слухъ свой къ поученіямъ проповѣдниковъ и пріобщался Святыхъ Христовыхъ Таинъ; послѣ того преподобный возвращался въ свое убѣжище, не имѣвшее ни замка, ни сторожа, потому что оно недоступно было для злодѣевъ и совершенно безопасно. Спустя нѣкоторое время по удаленіи своемъ изъ міра преподобный послалъ одного изъ знакомыхъ къ себѣ на родину продать имущество, оставшееся послѣ родителей его, и выдать его брату принадлежавшую ему часть. Исполнивъ это, посланный доставилъ святому его

---

1) *Понтъ*—провинція на сѣверо-востокѣ Малой Азіи, граничившая на востокѣ съ Арменіей и на югѣ съ Каппадокіей.

2) Память его 1 января.

3) *Валентъ* царствовалъ съ 364 по 378 годъ.

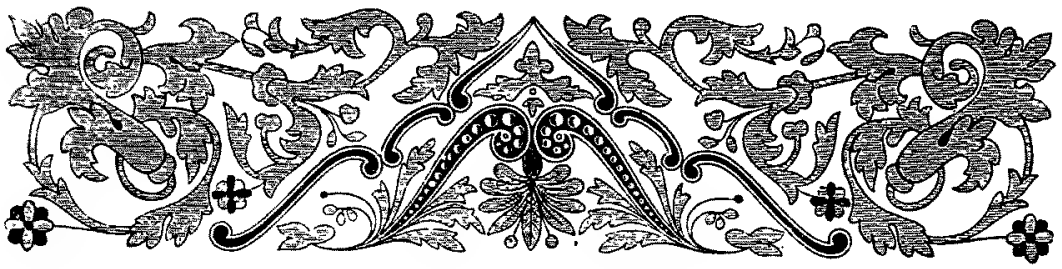
4) *Гробницы* на югѣ въ древности высѣкались въ горахъ и имѣли видъ пещеръ; во время непріятельскихъ нашествій онѣ подвергались расхищенію; могильный покой погребенныхъ нарушали и разбойники, искавшіе въ гробницахъ сокровищъ. Преподобный Зинонъ и поселился въ одной изъ опустошенныхъ гробницъ.

долю; изъ нея преподобный Зинонъ сталъ благотворить неимущимъ; когда же почувствовалъ приближеніе кончины, то пригласилъ къ себѣ антіохійскаго епископа Александра[1]) и сказалъ ему:

—Такъ какъ я призываюсь къ отшествію изъ этой жизни, то завѣщаю тебѣ: что могъ,—я роздалъ самъ, какъ казалось мнѣ лучше; это же остальное не успѣлъ раздать и назначаю распорядителемъ сего тебя, призывая Бога во свидѣтели.

Послѣ того, облобызавъ святителя, блаженный предалъ душу свою Богу.

1) Святительствовалъ въ Антіохіи съ 413 по 420 г.



День тридцать первый

СТРАДАНІЕ
СВЯТЫХЪ ЧУДОТВОРЦЕВЪ и БЕЗСРЕБРЕНИКОВЪ
КИРА и ІОАННА
И СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ
АѲАНАСІИ
и трехъ дщерей ея:
ѲЕОКТИСТЫ, ѲЕОДОТІИ и ЕВДОКСІИ

Святый угодникъ Божій Киръ родился и получилъ воспитаніе въ Египетской странѣ, въ городѣ Александріи, построенномъ Александромъ Македонскимъ. По своимъ познаніямъ онъ былъ знаменитый врачъ и исцѣлялъ тѣлесныя болѣзни совершенно безплатно, а своими боговдохновенными рѣчами и примѣромъ своей добродѣтельной жизни врачевалъ душевные недуги людей. Приходя къ больнымъ, онъ излагалъ имъ не совѣты Галена или Гиппократа[1]), но наставленія святыхъ апостоловъ и пророковъ о томъ, какъ сохранить себя отъ грѣховныхъ недуговъ, которые

---

[1]) *Галенъ*—знаменитый ученый греческій врачъ, родившійся въ 131 г. по Р. Хр. и умершій въ самомъ началѣ III вѣка; онъ былъ придворнымъ врачомъ при современныхъ ему римскихъ императорахъ. Галенъ имѣлъ громадное вліяніе на врачей всего міра, и авторитетъ его былъ непоколебимъ въ глазахъ ихъ вплоть до XVI вѣка.—*Гиппократъ*—другой знаменитый греческій врачъ, жившій много ранѣе Галена (съ 460 по 356 г. до Р. Хр.); отъ него осталось нѣсколько сочиненій, на которыхъ воспитался и Галенъ.

бываютъ причинами тѣлесныхъ болѣзней: болѣзни душевныя—суть болѣе тяжкіе недуги по сравненію со всѣми болѣзнями тѣла; когда душа тяжко страдаетъ грѣхами, то часто случается, что и тѣло подвергается тяжкой болѣзни, попускаемой Богомъ въ наказаніе за грѣхи. Такъ поучая больныхъ, а равно проповѣдуя имъ и Божественное ученіе, святый Киръ многихъ язычниковъ привелъ къ познанію Бога Истиннаго и сдѣлалъ ихъ христіанами, уврачевавъ своимъ замѣчательнымъ искусствомъ ихъ души и тѣла.

Ст҃іи безсре́бреницы
КУ́РЪ и ІѠА́ННЪ

Въ это время царствовалъ нечестивый царь Діоклетіанъ, воздвигшій гоненіе на христіанъ. Святый Киръ, славный александрійскій врачъ, былъ обвиненъ предъ начальникомъ города въ томъ, что онъ—христіанинъ и многихъ наставляетъ въ христіанской вѣрѣ; начальникъ повелѣлъ тотчасъ схватить его. Святый Киръ, узнавъ объ этомъ, бѣжалъ изъ города и изъ страны Египетской и пришелъ въ Аравію. Это онъ сдѣлалъ не изъ страха мукъ или смерти за Христа, но частью—послѣдуя словамъ Христовымъ: «Когда васъ гонятъ въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой»[1]), частью — изъ желанія продолжать свою помощь ближнимъ, а частью — желая лучше приготовить себя къ страданіямъ за Господа своего въ иноческомъ званіи. Ввиду этого онъ, по прибытіи въ Аравію, тотчасъ принялъ иноческій ангельскій образъ. Самое прибытіе его въ Аравію произошло по особому Божію

[1]) Еванг. отъ Матѳ., гл. 10, ст. 23.

промышленію, чтобы онъ и тамъ привелъ многихъ ко Христу, избавилъ отъ грѣховнаго служенія идоламъ и наставилъ ихъ на путь спасенія. Онъ оставилъ тамъ и врачебное свое искусство, ибо получилъ отъ Бога даръ чудотворенія, и уже не лѣченіемъ и травами, а молитвами и словомъ исцѣлялъ всякія болѣзни. Чрезъ эти его чудотворенія прославлялось Имя Христово и многое множество идолопоклонниковъ, оставляя свои заблужденія, обращались ко Христу, Истинному Богу.

Въ это время жилъ въ Едесѣ [1]) святый Іоаннъ, благочестивый христіанинъ, имѣвшій почетное воинское званіе. Когда началось Діоклетіаново гоненіе на христіанъ, онъ оставилъ свое воинское званіе и славу міра сего, свое отечество, домъ и родныхъ, свое богатство,—все это считая суетою, и пришелъ въ Іерусалимъ, гдѣ, по прошествіи нѣкотораго времени, услышалъ о святомъ Кирѣ и о совершаемыхъ имъ чудесахъ, слава которыхъ распространилась повсемѣстно. Онъ возъимѣлъ сильное желаніе видѣть святаго Кира и жить вмѣстѣ съ такимъ великимъ угодникомъ Божіимъ. Для сего Іоаннъ отправился прежде всего въ Александрію, отыскивая Кира, но, не нашедши его тамъ, усердно разспрашивалъ, гдѣ онъ. Затѣмъ, узнавъ, что святый Киръ живетъ въ Аравіи, Іоаннъ поспѣшно отправился туда и, нашедши его, привязался къ нему всею душою и былъ какъ самовидцемъ его чудесъ, такъ и усерднымъ подражателемъ его добродѣтельной жизни.

Въ то же самое время была схвачена, для истязанія за Имя Христа, одна боголюбивая женщина, по имени Аѳанасія, съ своими тремя дочерьми: Ѳеоктистою, Ѳеодотіей и Евдоксіей, и была отведена въ городъ Канопъ [2]), въ которомъ жилъ языческій жрецъ Кассіанъ, а градоправителемъ былъ Сиріанъ. Услышавъ объ этомъ, святые Киръ и Іоаннъ стали опасаться, чтобы юныя отроковицы не отпали отъ Христа—какъ вслѣдствіе страха предъ угрозами мученій, такъ и вслѣдствіе соблазна льстивыми обѣщаніями,—тѣмъ болѣе, что онѣ были очень юны: старшей изъ нихъ Ѳеоктистѣ было пятнадцать лѣтъ, второй—Ѳеодотіи—тринадцать, а младшей—Евдоксіи—одиннадцать лѣтъ. Святый Киръ сомнѣвался и относительно твердости матери ихъ Аѳанасіи, опасаясь, какъ бы она, ради дочерей,—чтобы не подвергнуть ихъ тяжкимъ мученіямъ и не видѣть безпощадно проливаемой ихъ крови,—не скло-

---

1) *Едесъ*—городъ въ Киликіи, юго-восточной области Малой Азіи.

2) *Канопъ*—городъ въ Нижнемъ (Сѣверномъ) Египтѣ.

Ст҃ыѧ мч҃нцы

ѳеокті́ста, а҆ѳана́сїа, є҆ѵдозі́а и҆ ѳеодо́тїа

нилась къ языческому нечестію; ибо извѣстно, какъ матери, повинуясь естественному чувству, болѣютъ сердцемъ о дѣтяхъ своихъ. Поэтому онъ отправился въ тотъ городъ, чтобы утвердить въ исповѣданіи Христовой вѣры отроковицъ и матерь ихъ и подготовить ихъ къ безбоязненному и мужественному перенесенію мученій. За святымъ Киромъ послѣдовалъ и святый Іоаннъ, и оба они отправились въ городъ Канопъ. Явившись къ Аѳанасіи съ дочерьми, находившимся въ заключеніи, они обширными вдохновенными рѣчами утверждали ихъ въ любви къ Господу Іисусу Христу и убѣждали ихъ ревностно предать за Него свои души. Объ этомъ тотчасъ было донесено градоправителю Сиріану. Одинъ изъ язычниковъ пришелъ къ нему и сказалъ:

—Въ нашемъ городѣ явились какіе-то новые и никому не извѣстные люди: одинъ въ иноческой одеждѣ, а другой въ воинской. Они убѣждаютъ взятыхъ нынѣ дѣвъ не поклоняться нашимъ богамъ, но оставаться въ своей нечестивой вѣрѣ, а равно не повиноваться царскимъ повелѣніямъ. Они убѣждаютъ ихъ почитать одного лишь нѣкоего Іисуса и Ему воздавать Божественныя почести, пренебрегая смертію.

Услышавъ объ этомъ, Сиріанъ исполнился ярости и повелѣлъ тотчасъ схватить обоихъ мужей и привести къ себѣ. Святые Киръ и Іоаннъ были немедленно схвачены и представлены нечестивому судьѣ Сиріану на допросъ. Посмотрѣвъ на нихъ, онъ спросилъ:

—Подлинно ли вы, окаянные враги нашихъ боговъ, стараетесь обольстить дѣвицъ и всякими ухищреніями увеличить число христіанъ для уничиженія царя нашего? Если вы доселѣ были безумны, то, по крайней мѣрѣ, теперь оставьте вашу ложную вѣру, исполненную всякаго волхвованія, и постарайтесь умилостивить боговъ молитвами и жертвами, чтобы не только избавиться мукъ, приготовленныхъ для васъ, но и удостоиться отъ насъ почестей. Если же не сдѣлаете этого, то узнаете ярость и неумолимый гнѣвъ не только Сиріана или Діоклетіана, но и самихъ боговъ, которыхъ вы хулите,—узнаете боговъ, хотя бы они были самыми милосердыми карателями своего безчестія.

На это святые Киръ и Іоаннъ отвѣчали:

—Мы не имѣемъ обычая говорить много. Знай твердо, что мы ни пустыхъ вашихъ почестей никогда не захотимъ, ни Христа не отвергнемся, хотя бы намъ пришлось и пострадать за Него.

Тогда Сиріанъ воспламенился еще большею яростію, заскрежеталъ зубами и сказалъ:

—Вамъ, нечестивымъ, слѣдовало бы быть благодарными судьѣ за человѣколюбіе. Если въ васъ есть сколько-нибудь разума, откажитесь отъ своего заблужденія, чтобы избавиться грознаго наказанія. Но такъ какъ я не вижу у васъ ничего другого, кромѣ гордости, непокорства и суетнаго высокоумія, то нечего тратить много словъ; нужно скорѣе взяться за дѣло. Тогда вы получите и желательную вамъ награду, и царскому повелѣнію, хотя бы и противъ воли, покоритесь.

Сказавъ это, онъ велѣлъ привести дѣвицъ съ матерью и началъ различными способами мучить предъ ними святыхъ мучениковъ Кира и Іоанна: билъ ихъ бичами, сокрушалъ кости толстыми палками, опалялъ свѣчами, а обожженные члены поливалъ уксусомъ и посыпалъ солью, послѣ чего обтиралъ ихъ острыми рубцами власяницы,—ноги же обливалъ кипящею смолою. Употребляя на нихъ всѣ, изобрѣтенныя яростью, средства мучительства, онъ не оставилъ ни одного изъ нихъ—частью, чтобы отомстить имъ за смѣлость и сломить ихъ мужество, частью же, чтобы устрашить юныхъ дѣвицъ и мать ихъ, смотрѣвшихъ на лютыя мученія. Но ни въ чемъ не имѣлъ успѣха богомерзкій мучитель: ни мужества святыхъ страстотерпцевъ онъ не поколебалъ, ни дѣвицъ и ихъ матери устрашить не могъ. Тогда онъ повелѣлъ развязать святыхъ и началъ мучить святую Аѳанасію и ея дочерей. Послѣ долгихъ мученій онъ исполнился великаго стыда, такъ какъ немощной женскій полъ въ мужественномъ перенесеніи страданій ничѣмъ не отличался отъ стойкихъ и непреклонныхъ духомъ святыхъ мужей—Кира и Іоанна. Онѣ имѣли ту же вѣру и любовь ко Христу, тѣ же муки перенесли за Него, то же самое мужество, при Божіей помощи, обнаружили. Онѣ страдали какъ бы въ чужомъ тѣлѣ, нисколько не обращая вниманія на муки. Онѣ обращали свои взоры къ возлюбленному Жениху своему, Христу Богу, Который взиралъ съ высоты Своей славы на страданія невѣстъ Своихъ и подавалъ имъ Свою помощь. Мучитель, повелѣвъ отвязать святыхъ мученицъ отъ орудій страданія, осудилъ ихъ на усѣченіе мечомъ. Онѣ шли на смерть съ радостію, какъ бы на бракъ. Всѣмъ имъ: блаженной матери Аѳанасіи и ея тремъ благословеннымъ дочерямъ: Ѳеоктистѣ, Ѳеодотіи и Евдоксіи, были отсѣчены мечомъ ихъ честныя главы.

Послѣ казни святыхъ мученицъ святые Киръ и Іоаннъ снова были подвергнуты допросу. Мучитель обратился къ нимъ съ пространною рѣчью, какъ бы обнаруживая заботу объ ихъ здоровьѣ, показывая дары, обѣщая новыя мученія и, наконецъ, угрожая смертною казнію. Когда онъ увидѣлъ, что напрасно потерялъ трудъ, то произнесъ такое окончательное рѣшеніе:

«Киру, послѣдователю Галилейскаго Учителя, и Іоанну, его единовѣрцу, презрѣвшимъ царское повелѣніе и отказавшимся принести жертвы великимъ богамъ, повелѣваемъ отсѣчь головы по закону царскому».

Воины, взявши мучениковъ, отсѣкли имъ головы на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и святыя дѣвицы съ матерью положили свои души за Господа своего, въ 31-й день января [1]). Тайные христіане, взявъ ихъ святыя тѣла, похоронили ихъ съ почетомъ въ церкви святаго Апостола и Евангелиста Марка въ отдѣльныхъ гробахъ: въ одномъ—святыхъ мучениковъ Кира и Іоанна, а въ другомъ—святую Аѳанасію съ дочерьми. Спустя много лѣтъ, въ царствованіе благочестиваго царя Ѳеодосія Младшаго [2]), святый Кириллъ, Патріархъ Александрійскій [3]), по повелѣнію Божію чрезъ Ангела, перенесъ мощи святыхъ мучениковъ Кира и Іоанна въ селеніе, называемое Мануѳиномъ [4]), для прогнанія оттуда множества бѣсовъ, во славу Христа Бога нашего, со Отцемъ и Святымъ Духомъ славимаго во вѣки, аминь.

Тропа́рь ст҃ы́хъ, гла́съ є҃:

Чудеса̀ ст҃ы́хъ твои́хъ мꙋ́ченикъ, ст҃ѣ́иꙋ неѡбори́мꙋ на́мъ дарова́вый хр҃тѐ бж҃е: тѣ́хъ моли́твами совѣ́ты ꙗ҆зы́кѡвъ разорѝ, ца́рства скипт҃ры ᲂу҆крѣпѝ, ꙗ҆́кѡ є҆ди́нъ бла́гъ и҆ человѣколю́бецъ.

Конда́къ, гла́съ г҃:

Бж҃е́ственныѧ бл҃года́ти да́ръ чꙋде́съ прїе́мше ст҃іи, чꙋдодѣ́йствꙋете непреста́ннѡ всѧ̑ на́шѧ стра̑сти рꙋкодѣ́йствомъ сѣ́кꙋще неви́димымъ, ки́ре бг҃омꙋ́дре со і҆ѡа́нномъ сла́вными: вы́ бо бж҃е́ственнїи вра́чеве є҆сте̑.

---

1) Мученическая кончина свв. Кира и Іоанна послѣдовала въ 311 году.

2) *Императоръ Ѳеодосій II*, или *Младшій*, царствовалъ съ 408 по 450 г.

3) *Святый Кириллъ I* былъ патріархомъ съ 412 по 444 г.

4) *Мануѳинъ*, или *Мануѳъ*, находился недалеко отъ Канопа.—Впослѣдствіи мощи святыхъ Кира и Іоанна были перенесены въ Римъ, а оттуда—въ Мюнхенъ.

ЖИТІЕ СВЯТАГО

НИКИТЫ,

епископа Новгородскаго

Болѣе другихъ заслуживаютъ почтенія тѣ храбрые воины, которые имѣютъ обычай вести борьбу со врагомъ не въ общемъ строѣ, но поодиночкѣ устремляются на врага. Имъ хотя и попускаетъ Господь много разъ пасть временно, чтобы они не превозносились, однако никогда не оставляетъ ихъ до конца безъ благодатной помощи, но возстановляетъ ихъ и дѣлаетъ непобѣдимыми. Одинъ изъ такихъ храбрыхъ воиновъ Христовыхъ, именно блаженный Никита, пріобрѣлъ себѣ особенную извѣстность послѣ преподобнаго Исаакія затворника. О немъ сообщаетъ достохвальный Поликарпъ со словъ святаго Симона слѣдующее.

Въ бытность игуменомъ преподобнаго Никона одинъ братъ святаго Кіево-Печерскаго монастыря, по имени Никита, началъ просить игумена, чтобы онъ благословилъ ему подвизаться въ одиночествѣ и уединиться въ затворѣ.

—Сынъ мой! Не будетъ тебѣ пользы, при твоей юности, сидѣть праздно. Будетъ гораздо лучше, если ты останешься съ братіей и, работая вмѣстѣ, не потеряешь своей награды. Ты самъ видѣлъ, какъ братъ нашъ Исаакій пещерникъ былъ соблазненъ въ затворѣ бѣсами и погибъ бы, если бы его не спасла великая благодать Божія по молитвамъ преподобныхъ отцовъ нашихъ Антонія и Ѳеодосія.

Никита отвѣтилъ на это:

—Никогда, отецъ мой, я не соблазнюсь при какомъ-либо искушеніи. Я имѣю намѣреніе твердо противостоять бѣсовскимъ искушеніямъ и буду молить Человѣколюбца Бога, чтобы Онъ и мнѣ подалъ даръ чудотворенія, какъ нѣкогда Исаакію затворнику, который и доселѣ творитъ многія чудеса.

Тогда игуменъ сказалъ ему болѣе настойчиво:

—Твое желаніе выше твоихъ силъ. Берегись, сынъ мой, чтобы ты не палъ за свое превозношеніе. Я повелѣваю тебѣ слу-

жить лучше братіи, и за послушаніе свое ты будешь увѣнчанъ отъ Бога.

Стый
Никита

Однако Никита не хотѣлъ послушаться наставленій игумена: онъ не могъ побѣдить въ себѣ сильной ревности къ затворнической жизни. Поэтому, къ чему онъ стремился, то и выполнилъ: онъ заключился въ пещеру, крѣпко загородилъ входъ и пребывалъ въ молитвѣ одинъ, никуда не выходя. Тѣмъ не менѣе, спустя всего лишь нѣсколько дней, онъ не избѣжалъ козней діавола: во время молитвеннаго пѣнія онъ услышалъ голосъ, молящійся вмѣстѣ съ нимъ, и ощутилъ несказанное благоуханіе. Соблазнившись этимъ, онъ такъ размышлялъ самъ съ собою: если бы это былъ не Ангелъ, то не молился бы со мною, и не было бы здѣсь благоуханія Святаго Духа.

Онъ началъ еще прилежнѣе молиться, говоря:

— Господи! Явись мнѣ Самъ осязательно, чтобы я видѣлъ Тебя.

На это послѣдовалъ голосъ:

— Не явлюсь я тебѣ, потому что ты юнъ; иначе ты возгордишься и можешь пасть.

Затворникъ продолжалъ слезно просить:

— Никогда, Господи, я не соблазнюсь. Меня научилъ игуменъ не внимать бѣсовскимъ искушеніямъ,—но я исполню все, что Ты повелишь.

Тогда душепагубный змѣй, получивъ власть надъ нимъ, сказалъ:

— Человѣку, облеченному плотію, невозможно видѣть меня. Поэтому я посылаю ангела моего, чтобы онъ пребывалъ съ тобою, а ты твори его волю.

Затѣмъ тотчасъ предсталъ предъ нимъ бѣсъ въ образѣ Ангела. Никита палъ на землю и поклонился ему, какъ Ангелу. Бѣсъ сказалъ ему:

— Съ этого времени ты уже не молись, но читай книги. Этимъ путемъ ты будешь бесѣдовать съ Богомъ и будешь подавать полезныя наставленія приходящимъ къ тебѣ, а я всегда буду молить Творца всѣхъ о твоемъ спасеніи.

Затворникъ повѣрилъ этимъ словамъ и, обольщенный, уже болѣе не молился, но сталъ ревностно читать книги. При семъ онъ видѣлъ бѣса постоянно молящимся о немъ и радовался, думая, что это Ангелъ творитъ за него молитву. Съ приходящими же къ нему онъ много бесѣдовалъ на основаніи Священнаго Писанія о пользѣ души; онъ началъ даже пророчествовать. О немъ повсемѣстно распространилась слава, и всѣ удивлялись исполненію его предсказаній. Однажды онъ послалъ къ князю Изяславу[1]) съ извѣщеніемъ: «Сегодня убитъ князь Глѣбъ Святославичъ[2]); пошли немедленно сына своего Святополка[3]) на княжескій престолъ въ Новгородъ». Какъ онъ сказалъ, такъ и исполнилось. Дѣйствительно, спустя нѣсколько дней пришло извѣстіе объ убіеніи князя Глѣба. Съ этого времени еще больше стали говорить о затворникѣ, что онъ пророкъ, и вполнѣ вѣрили ему и князья, и бояре.—На самомъ дѣлѣ, бѣсъ, конечно, не знаетъ будущаго, но что́ онъ самъ дѣлалъ,—если, напримѣръ, онъ научилъ злыхъ людей убить или украсть, то онъ и возвѣщаетъ. Точно такъ же, когда приходили къ затворнику искавшіе у него слова утѣшенія, то бѣсъ, почитавшійся имъ ангеломъ, сообщалъ ему все, случившееся съ ними. Никита пророчествовалъ, и все предсказанное имъ сбывалось.

При этомъ никто не могъ сравниться съ Никитою въ знаніи книгъ Ветхаго Завѣта; все онъ зналъ наизусть: книгу Бытія, Исходъ, Левитъ, Числъ, Судей, Царствъ, всѣ пророчества по порядку. Вообще, всѣ книги ветхозавѣтныя онъ зналъ очень хорошо, а святыхъ евангельскихъ и апостольскихъ книгъ, данныхъ намъ по благодати Божіей для нашего спасенія и утвержденія въ добрѣ, онъ никогда не хотѣлъ ни видѣть, ни слышать, не только—читать; ни съ кѣмъ онъ не хотѣлъ и бесѣдовать о Новомъ Завѣтѣ. Отсюда и стало ясно для всѣхъ, что онъ соблазненъ діаволомъ. Удрученные этимъ, пришли къ искушенному пре-

---

1) *Изяславъ Ярославичъ*—Великій князь Кіевскій съ 1054 по 1068 г.

2) *Глѣбъ Святославичъ*—князь Новгородскій, старшій сынъ великаго князя Кіевскаго Святослава, былъ убитъ финнами въ 1078 году.

3) *Святополкъ II (Михаилъ) Изяславичъ*, сынъ Великаго князя Кіевскаго Изяслава, съ 1078 года—князь Новгородскій, съ 1093 по 1114 годъ—князь Кіевскій.

подобные отцы: игуменъ Никонъ, Іоаннъ, который былъ послѣ него игуменомъ, Пименъ постникъ, Исаія, бывшій впослѣдствіи епископомъ Ростовскимъ, Матѳей прозорливецъ, Исаакій затворникъ, Агапитъ врачъ, Григорій чудотворецъ, Николай, бывшій епископомъ Тмутараканскимъ, Несторъ лѣтописецъ, Григорій составитель каноновъ, Ѳеоктистъ, бывшій епископомъ Черниговскимъ, Онисифоръ прозорливецъ[1]). Всѣ они, прославленные добродѣтелями, пришедши, вознесли молитвы къ Богу о Никитѣ и отогнали отъ него бѣса, такъ что Никита уже не видѣлъ его. Затѣмъ, выведши его изъ пещеры, они просили, чтобы онъ сказалъ имъ что-либо изъ Ветхаго Завѣта. Онъ же сталъ клясться, что никогда даже не читалъ тѣхъ книгъ, которыя очень недавно зналъ наизусть; притомъ, теперь онъ не зналъ изъ нихъ ни одного слова. Теперь его едва-едва могли научить грамотѣ. Постепенно пришедши въ себя по молитвамъ преподобныхъ отцовъ, онъ исповѣдалъ свой грѣхъ и горько раскаивался въ немъ. Послѣ этого онъ наложилъ на себя особенное воздержаніе и подвиги, началъ вести строгую и смиренную жизнь и превзошелъ другихъ въ добродѣтеляхъ. Человѣколюбивый Господь, видя такіе подвиги блаженнаго Никиты, не отвергая и прежнихъ его добродѣтелей, въ которыхъ онъ упражнялся со дня юности, принялъ его истинное покаяніе, и подобно тому, какъ нѣкогда, принимая покаяніе святаго Петра, трижды отрекшагося отъ Него, сказалъ ему: пасѝ ѻ҆вцы моѧ҇[2]), такъ подобное же знаменіе принятія покаянія далъ и сему блаженному Никитѣ. За премногую любовь его, обнаруженную въ соблюденіи заповѣдей, Господь сотворилъ его пастыремъ Своего словеснаго стада, возведши его на Новгородскій епископскій престолъ[3]). Тамъ Господь, для удостовѣренія пасомыхъ и полнаго убѣжденія ихъ въ прощеніи святому случившагося съ нимъ соблазна, прославилъ его добродѣтельную жизнь даромъ чудотворенія. Такъ, однажды, во время бездождія святый помолился Богу и низвелъ дождь съ неба; въ другой разъ онъ своими молитвами угасилъ пожаръ города;

---

[1]) Память преп. Никона Печерскаго 23-го марта; память преп. Іоанна, такъ называемаго Ветхопещерника,—19-го апрѣля; память преп. Пимена постника—27-го августа; память св. Исаіи, епископа Ростовскаго,—15-го мая; память преп. Матѳея прозорливца—5-го октября; память Исаакія затворника—14-го февраля; память преп. Агапита—1-го іюня; память Григорія чудотворца—8-го января; память преп. Нестора Лѣтописца—27-го октября; память преп. Григорія—8-го августа; память Ѳеоктиста, епископа Черниговскаго—6-го августа; память преп. Онисифора прозорливца—9-го ноября.

[2]) Еванг. отъ Іоан., гл. 21, ст. 16—17.

[3]) Святый Никита былъ посвященъ въ санъ епископа Новгородскаго въ 1096 году.

много и другихъ чудесъ онъ совершилъ. Послѣ добраго управленія своею словесною паствою онъ перешелъ ко Господу въ вѣчную жизнь, въ 1108 году, 30 января. Епископомъ онъ былъ тринадцать лѣтъ. Погребенъ онъ съ почетомъ въ придѣлѣ великой церкви святыхъ богоотецъ Іоакима и Анны. Тѣло блаженнаго Никиты оставалось сокровеннымъ во гробѣ въ продолженіе четырехсотъ пятидесяти лѣтъ, а затѣмъ въ 1558 году, въ царствованіе благочестиваго государя Іоанна Васильевича, самодержца всей Россіи, при митрополитѣ Макаріи и при архіепископѣ Новгородскомъ Ѳеодосіи мощи святителя Никиты были найдены цѣлыми и совершенно невредимыми[1]). До сего дня онѣ источаютъ многія исцѣленія приходящимъ къ нимъ съ вѣрою. Богу нашему слава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

Тропа́рь ст҃а́гѡ, гла́съ д҃:

Насладі́вся бг҃омꙋ́дре воздержа́нїѧ, и҆ желе́нїе пло́ти твоеѧ̀ ѡ҆бꙋзда́въ, на престо́лѣ ст҃и́тельства сѣ́лъ є҆сѝ, и҆ ꙗ҆́кѡ ѕвѣзда̀ многосвѣ́тлаѧ, просвѣща́ѧ вѣ́рныхъ сердца̀ зарѧ́ми чꙋдє́съ твои́хъ, ѻ҆́тче на́шъ ст҃и́телю нїки́то: и҆ ны́нѣ моли̑ хр҃та̀ бг҃а, да сп҃се́тъ дꙋ́шы на́шѧ.

Конда́къ, гла́съ ѕ҃:

Архїере́йства са́номъ почти́вся, и҆ чи́стѣ чистѣ́йшемꙋ предстоѧ̀, прилѣ́жнѡ моле́нїе за лю́ди твоѧ̀ приноси́лъ є҆сѝ, ꙗ҆́кѡ и҆ до́ждь моли́твою сѣ́лъ є҆сѝ, ѻ҆́вогда́ же и҆ гра́да запале́нїѧ ᲂу҆гаси́лъ є҆сѝ. и҆ ны́нѣ ст҃и́телю нїки́то моли̑ хр҃та̀ бг҃а, сп҃сти̑ правосла́вныѧ лю́ди твоѧ̀ молѧ́щыѧся, да всѝ вопїе́мъ ти̑: ра́дꙋйсѧ ст҃и́телю ѻ҆́тче преди́вный.

---

1) Задолго до открытія мощей святаго Никиты, епископа Новгородскаго, его чтили въ ликѣ святыхъ; еще въ первой половинѣ XIII вѣка праздновалась память его. Въ настоящее время нетлѣнныя мощи его открыто почиваютъ въ Софійскомъ Новгородскомъ соборѣ.

ПАМЯТЬ СВЯТЫХЪ МУЧЕНИКОВЪ

ВИКТОРИНА, ВИКТОРА, НИКИФОРА, КЛАВДІЯ, ДІОДОРА, СЕРАПІОНА и ПАПІЯ

Всѣ сіи святые мученики пострадали за вѣру Христову въ царствованіе Декія. Викторинъ, Викторъ и Никифоръ были вложены въ каменную ступу и истолчены каменнымъ пестомъ; Клавдій скончался по отсѣченіи рукъ и ногъ; Діодоръ былъ сожженъ огнемъ; Серапіонъ усѣченъ въ главу; Папій вверженъ въ море[1]).

ПАМЯТЬ СВЯТОЙ МУЧЕНИЦЫ

ТРИФЕНЫ

Святая мученица Трифена происходила изъ города Кизика[2]); она была дочерью христіанъ: Анастасія синклитика[3]) и матери Сократіи. Святая добровольно предалась на страданіе. Всенародно изобличивъ идольское заблужденіе и безумно чтущихъ идоловъ какъ боговъ, она убѣждала отречься отъ суетнаго поклоненія и обратиться къ Истинному Богу. За сіе правитель города Кесарій повелѣлъ ввергнуть ея въ разжженную печь, но святая мученица вышла оттуда невредимой; потомъ она повѣшена была на высокомъ деревѣ и низвержена съ высоты на острые гвозди, послѣ чего предана на снѣденіе звѣрямъ, но они не коснулись ея; наконецъ она была растерзана рогами разсвирѣпѣвшаго вола. Сохранилось извѣстіе, что тамъ, гдѣ истекала ея кровь, истекъ источникъ воды, отъ котораго многіе получали помощь и исцѣленія.

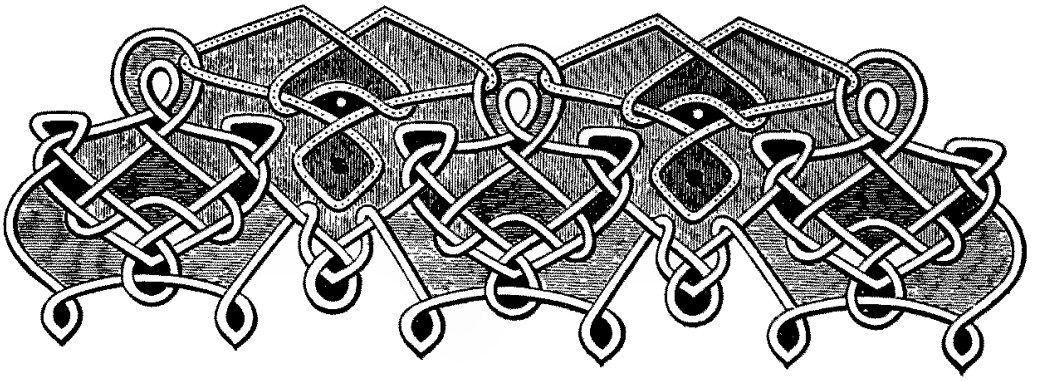
---

1) Святые мученики Викторинъ, Викторъ, Никифоръ, Клавдій, Діодоръ, Серапіонъ и Папій пострадали въ Корнинѣ въ 251 году.

2) *Кизикъ*—городъ Фригіи, на западномъ берегу Малой Азіи, на одномъ изъ полуострововъ Мраморнаго моря.

3) *Синклитикъ*—высшій придворный сановникъ, чинъ государственнаго совѣта.

ПРИЛОЖЕНІЯ



День второй

ВТОРОЕ ОБРЕТЕНИЕ МОЩЕЙ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО

Во все дни своей земной жизни преподобный Серафим был тем духовным огоньком, у которого отогревался православный мир, более века насильственно ведомый по пути расцерковления и обмирщения народной жизни. Он был общенародно прославлен в первые годы века нашего, XX, накануне новых и невиданно тяжких испытаний для страны и Церкви. И теперь, в конце XX века, когда мы вновь входим в скорбные годы (хотя Церковь ныне, казалось бы, и непритесняема, но она не может не скорбеть вместе со своим народом обо всех его бедах), снова нам явлен и, если можно так сказать, зримо приближен преподобный Серафим.

Во втором обретении мощей преподобного Серафима Саровского в это трудное для Отечества время явлена нам милость Божия. Господь посещает нас духовными радостями, дает нам утешение, являет нам молитвенника сильного, который через всю жизнь пронес радость о Воскресшем Господе Спасителе.

В 1903 году состоялось торжественное прославление святого, освидетельствованы святые мощи великого угодника. Но 17 декабря 1920 года большевистские власти в лице членов Темниковского уездного исполкома и Саровской коммунистической ячейки надругались над святыми останками преподобного Серафима. Во тьме своего безбожия, имея неправильное понятие о термине «нетленные мощи», навязывая сему термину понятие, чуждое учению Православной Церкви — то есть будто под термином «нетленные

мощи» разумеется совершенно не предавшееся тлению тело, большевики пытались обвинить представителей Церкви в обмане народа, грубым вскрытием мощей в присутствии сотен любопытствующих оскверняя святыни, дорогие сердцу православного христианина, истинно верующего человека. Тогда у православных верующих была отнята одна из самых почитаемых святынь — мощи преподобного и богоносного отца нашего Серафима Саровского, всея России Чудотворца. Именно с надругательством и глумлением над святыми мощами Серафима Саровского связывало народное православное сознание голод в Поволжье.

С тех пор все семь десятилетий в душах православных верующих непрестанно жила тревожная мысль: какова дальнейшая судьба этой святыни? Беспокойство понятное, если вспомнить, что атеистическая власть была готова и шла на любое преступление, любую жестокость, не останавливалась даже перед самым безсмысленным, варварским актом: взрывала, жгла, распродавала за гроши по миру святые иконы, церковную утварь, святыни — все для того, чтобы уничтожить то, что не в силах была уничтожить. Христианское сознание не могло примириться с мыслью, что мощи великого угодника навсегда утеряны для Церкви. Помнилось и его обещание еще явить себя миру, в непреложность которого верил народ Божий. Плодом этих надежд и веры, даже в самый глухой час коммунистической ночи, были многочисленные легенды о чудесном и тайном спасении святых мощей. Одна из них рассказывала, что они были тайно унесены и бережно сохраняются благочестивыми монахинями, другая — что достойно захоронены. Но все они могли послужить только кратковременным утешением, на смену которому вновь приходили тревога и скорбь.

Оказалось, что Казанский собор в Петербурге (бывший музей атеизма) многие годы являлся тем местом, где под спудом были сохраняемы многие реликвии Православия: мощи подвижников соловецких Зосимы и Савватия, преподобного Гермогена; оттуда же были возвращены в Свято-Троицкий собор Александро-Невской Лавры мощи благоверного Великого князя Александра Невского.

И уже думалось, что из запасников атеистического музея возвращены все запрятанные и хранящиеся в небрежении мощи угодников Божиих, привезенные в город на Неве в те мрачные для земли нашей годы, когда у верующих отнимались и превращались в экспонаты самые драгоценные святыни.

Но не напрасно жили в сердцах православного народа вера и надежда на то, что наступит день и неизреченным милосердием Господним будут вновь открыты миру мощи преподобного и богоносного отца нашего Серафима Саровского. В связи с намеченным переездом из Казанского собора сотрудники

музея атеизма заново проверяли запасники, и в помещении, где хранились гобелены, были обнаружены зашитые в рогожу мощи. Когда их вскрыли, то на варежках прочитали надпись: «Преподобный отче Серафиме, моли Бога о нас!». Чьи это мощи? Кроме надписи на варежках, никакой другой информации не было. И снова запасник музея атеизма оказался тем чревом кита, во мраке которого семь десятилетий утаиваемы были святыни.

Но прежде чем состоялась официальная передача, 25 декабря 1990 года была направлена комиссия Русской Православной Церкви для их освидетельствования. Комиссия имела в своем распоряжении копии архивных материалов: Акт о прославлении святых мощей преподобного Серафима и канонизации в 1903 году и Акт о вскрытии мощей в 1920 году. Архипастыри, из которых состояла комиссия, — епископы Тамбовский и Мичуринский Евгений и Истринский Арсений — провели тщательное обследование мощей. В Акте 1920 года очень подробно были описаны некоторые части: поврежденный позвоночник (он был поврежден грабителями, напавшими на преподобного), отсутствие одного ребра; описывалась вата, в которую заворачивались мощи, белые шелковые варежки и такие же туфли, подушечка зеленого шелка, куколь с круглым отверстием в середине, медный крест с цепочкой и еще целый ряд деталей, которые позволили безошибочно идентифицировать святыню.

Неопровержимыми доказательствами принадлежности честны́х мощей великому Серафиму Саровскому Чудотворцу явились также, во-первых, черный куколь с отверстием в лобной части, в котором находится череп, частицы кожи и волосы седовато-рыжеватого цвета, что полностью соответствует описаниям Акта освидетельствования мощей 1903 года, во-вторых, подушечка зеленого цвета, на которой покоилась честна́я глава преподобного, а также медный иерейский крест с цепочкой. В области груди крестообразно сложены руки в белых шелковых варежках; на правой — золотыми нитками вышита надпись: «Преподобный отче Серафиме», а на левой: «Моли Бога о нас», что также соответствует Акту 1921 года о закрытии мощей. И наконец, кости предплечий полагаются в вате и поручах из золотой парчи с тремя позолоченными пуговицами в каждой. Единственная и необъяснимая утрата —исчезновение костей левой ступни и заключающей их в себе белой туфли.

Освидетельствование честны́х останков происходило в запаснике музея атеизма. Запах благоухания наполнил помещение, едва была снята синяя плотная бумага, под которой были покрытия из ваты и марли. Чувство благодатности исходило от святых мощей. И наконец, после многих десятилетий молчания перед честны́ми мощами великого угодника Божия под благодатными сводами Казанского собора зазвучало: «Ублажаем,

ублажаем тя, преподобный отче наш Серафиме, и чтим святую память твою, наставниче монахов и собеседниче Ангелов».

При чтении Акафиста преподобному Серафиму Саровскому, Чудотворцу, его честны́е мощи святителями и священнослужителями омывались святой водой, помазывались елеем от Гроба Господня, а затем покрывались пеленами от Преподобного аввы Сергия Радонежского и древней земли Тамбовской и полагались в освященную ра́ку. Честна́я глава великого чудотворца была положена в схимонашеский куколь, сшитый в Лавре великого аввы Сергия, и водружена на ту же подушечку. Поверх вновь сшитой епитрахили крестообразно были сложены в тех же варежках руки преподобного, а честну́ю грудь его венчал иерейский крест (по преданию, благословение его матери).

11 января 1991 года состоялась официальная передача Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II святых мощей великого Чудотворца. Свершилось величайшее духовное событие, всколыхнувшее всех православных верующих — произошло второе обретение и прославление мощей преподобного Серафима Саровского. Произошло оно в точности по пророческому глаголу незабвенного старца, как изрек сам прозорливец: «Тогда Дивеев будет диво, когда убогий Серафим ляжет в Сарове, а плоть свою перенесет в Дивеев... Много в Сарове почивает святых, а открытых мощей нет, никогда и не будет, а у меня же, убогого Серафима, в Дивееве будут!» Действительно, по известным пророчествам самого преподобного Серафима, надлежит ему лежать в Дивееве и прийти туда не по земле, а по воздуху, и будет при этом великая радость — среди лета воспоют Пасху. Все именно так и случилось: место подвига преподобного — Саровский монастырь — сегодня часть закрытого города Арзамас-16, храмы которого разрушены, так что вопрос, где почивать вновь обретенным мощам — в Сарове или в недавно возвращенном Церкви Дивееве, фактически и не вставал. Принесли туда святые останки преподобного на своих руках Патриарх с архиереями, духовенством и десятками тысяч верующих. И действительно, радость была такая, что во всех городах и селах, сподобившихся принять Крестный ход со святыней, пели пасхальные песнопения. Среди лета запели Пасху, как о том и предсказал сам Старец. Пасхальные стихиры переполняли радостью предстоящих, — казалось, сама вселенная наполнилась этими возгласами умиления.

Прежде чем навеки упокоиться под сводами Троицкого собора в Дивееве, мощи преподобного Серафима Саровского побывали во многих городах России, повсюду утешая истиной Христовой веры притекающих на поклонение. Со дня второго обретения мощей 11 января 1991 года в Казанском соборе Санкт-Петербурга их лобызали православные в Александро-Невской Лавре, а затем, с 7 февраля по 23 июля того лета, в Богоявленском

соборе Первопрестольной столицы, где радованию москвичей не было конца: так велико среди христиан почитание старца Серафима, положившего душу в молитвенных подвигах за свой народ.

Прощальный Крестный ход по улицам столицы совершался при стечении великого множества церковных чад. Предлежал путь к Дивеевской обители для всенародного прославления Печальника земли Русской, утешителя соотечественников в годы грозных испытаний и разорений земной Церкви. Серафимовские торжества буквально всколыхнули верующих людей, где бы они не жили, омыли их очи слезами просветления, вразумили колеблющихся встать на путь жизни во Христе. Повсюду возносилась молитва угоднику Божиему с надеждой на исцеление от язв повседневной действительности: **«На тя бо упование наше ныне возлагаем, отче благосердый: буди нам воистину путевождь и приведи нас к невечернему свету жизни вечныя Богоприятным предстательством у Престола Пресвятыя Троицы...»**

Столичный Крестный ход от Богоявленского патриаршего собора до храма св. Никиты Мученика, далее отбытие в Богородск (после 1923 года — Ногинск), где Святейший Патриарх совершает молебен, затем без перерыва — Всенощное бдение. Молебны в храме совершались всю ночь. В среду, 24 июля, — отъезд из Богородска в Орехово-Зуево. Здесь, на Московской земле, в 9 часов утра совершаются Божественная Литургия и молебен. В 17.00 цельбоносные мощи Преподобного встречает Владимирская земля. Между городами Крестный ход двигался на колесах. По дороге прихожане близлежащих храмов приветствовали Крестный ход, выходя к шоссе со своими пастырями. Богомольцы чтили святую память угодника умилительным молитвословием. Шел летний дождь, пели Пасхальный канон...

В Богородске, Владимире, Нижнем Новгороде — повсюду тысячи людей стояли у храмов в очереди (порой под дождем), чтобы приложиться к раке чудотворца. Стояли днем и ночью. Многие привыкли думать, что в храм идут одни старушки, но в этой очереди можно было увидеть и молодых людей в джинсах, и интеллигентного вида неофитов, и патриархальных старичков и старушек, модно одетые молодые пары, и матерей с дочками, и отцов с сыновьями. Многие из этой вереницы не знали, не могли объяснить, зачем они пришли сюда и стоят несколько часов ночью под дождем, по-разному мыслили о мире и о святости, вере, Церкви, даже о Боге. Однако все они чувствовали, что должны сегодня прийти сюда, в храм, пусть второй или третий раз за весь год, и, поклонившись, помолиться Преподобному. Всех он привлек на летнюю Пасху, когда «никтоже да плачет прегрешений», когда «последнего приемлют, якоже и первого».

Во Владимире Крестный ход с мощами встретил древний Успенский собор, в течение восьми столетий овеянный благодатию Божией и молитвой верующих многих поколений. Раку с мощами установили на паперти перед колокольней собора. Святейший Патриарх отслужил молебен под открытым небом. Вся соборная площадь, до отказа заполненная молящимися, мерцала в наступивших сумерках огоньками свечей... На ночь мощи внесли в храм, где перед ними духовенство епархии непрестанно совершало молебны с Акафистами. Поклонение святым мощам проходило в течение всего дня и последующей ночи. Утром 26-го июля состоялось отбытие святых мощей из Владимира в Нижний Новгород с остановками в Вязниках и Гороховце. Так под пение молитв преподобный Серафим продолжал обходить православные пределы.

И вот Нижегородские пределы, последние пределы перед Дивеевом — местом вечного упокоения незабвенного батюшки Серафима. На границе области святые мощи встречает митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай. Вспоминаются слова владыки Николая, сказанные им после чудесного обретения мощей святого: «Жизнь и подвиг Серафима Саровского самым тесным образом связаны с Нижегородской землей. Даже долгие годы насильственного уничтожения всякой памяти о нем не смогли повергнуть в забвение этого имени. И сейчас нижегородцы хранят, передавая из поколения в поколение, иконы с изображением преподобного отца нашего Серафима». Нижегородское подразделение милиции сопровождало Крестный ход по области, помогая следить за порядком в условиях скопления тысяч и тысяч людей. Многие солдаты расспрашивали духовенство об основах веры, иные молились за Богослужением; может быть, для кого-то из них этот день станет шагом на пути в Церковь...

28 июля вечером Крестный ход прибыл в Арзамас. Под открытым небом состоялся молебен. Наутро Литургию в Воскресенском соборе совершил Святейший Патриарх в сослужении архиереев, а вечером — Малую Вечерню с Акафистом. Пожилая жительница Арзамасского района Мария Федоровна Савванина подарила Патриарху икону Преподобного Серафима, которую она спасла при закрытии одного из храмов и 41 год хранила у себя дома. Словно о живом, словно о нашем современнике сказала о преподобном Мария Федоровна: «Мы с ним хорошо жили, я ему (то есть святому Серафиму) Акафист каждый день читала, он мне помогал... А этой Пасхой ночью у него лик просиял светом ярким...». Словно о чем-то совсем обыденном поведала пожилая прихожанка... И верно: для глубоко верующего сердца все, от Бога исходящее, все чудеса — понятное, в духовном плане естественное. Святейший Патриарх сказал, что подаренная икона найдет свое место в отреставрированном соборе Дивеевского монастыря.

Прибытие святых мощей в Арзамас было отмечено необычным событием. Пока Крестный ход продвигался по городу в собор, в Дивееве паломники наблюдали чудесное явление на небе. До того спокойное солнце вдруг стало радостно изливаться, как то бывает в Пасхальное утро. Солнце так «радовалось», что даже неверы удивлены были его необычному состоянию. Тогда же многие богомольцы сподобились видеть в Дивееве радугу над крестом Троицкого собора. Монастырская площадь, залитая людьми, вместе с солнцем радовалась прибытию святых мощей в Арзамас, откуда до Дивеева рукой подать. Это уже земля, намоленная самим преподобным Серафимом, земля, ставшая небесной иконой Отечества.

Дивеево — в ожидании святых мощей преподобного Серафима. Украшен Троицкий собор, возле Казанской церкви крестами отмечены могилки первоначальницы обители матушки Александры Мельгуновой, подвижниц времен жития Саровского Чудотворца и «служки Серафимова» — Николая Мотовилова, чьи записи бесед со Старцем обогатили сокровищницу отечественного Богопознания. Паломники повсюду, и повсюду здесь они нашли радушный прием. На взгорках в окрестностях Дивеева выросли палаточные городки.

Этой обители — цели своего движения — Крестный ход достиг в 19.30 час. 30 июля. На встрече у Святых врат Святейший Патриарх подчеркнул: «Перевернута последняя страница дивеевской летописи, пришло время исполнения пророчеств: мощи преподобного Серафима отныне упокоятся по его слову в соборе во имя Рождества Пречистой Матери Божией Дивеевского монастыря».

В день прибытия в соборе был отслужен молебен. 31 июля группе паломников предстоял, пожалуй, самый волнующий эпизод всего паломничества: посещение Сарова. Только 50 человек сподобились этой радости: как известно, провинциальный Саров еще в сороковые годы официально прекратил свое существование — здесь разместили военное производство, и место получило не имя, а безликий номер. До сих пор это – Арзамас-16. Здесь производили орудия смерти: сначала снаряды для «катюш», потом водородные бомбы, крылатые ракеты... Какую же обильную жатву пожинал враг рода человеческого, если там, где преподобный Серафим проповедовал Вечную Жизнь о Воскресшем Господе, воцарилось не просто безбожие, а культ смерти в его современнейшей технократической модификации!

Все храмы были, конечно, закрыты, а главные — разрушены; верующих на секретный объект не пускали как неблагонадежных. Целые поколения паломиков с молитвой взирали на далекую колокольню, превращенную в телевышку — единственный «объект» Арзамаса-16 — Сарова, который

виден из «незапретной» зоны. Считанные души из внешнего мира проникали за ограду из нескольких рядов колючей проволоки на территорию, где стояли ближняя и дальняя пустыньки Преподобного, камень, на котором тысячу дней и ночей молился святой, где была его монастырская келия, привлекавшая жаждущих со всей России...

Святейший Патриарх и паломники посетили ближнюю пустыньку, пропели величание и тропарь Преподобному возле молельного камня. (Сам камень не существует: он был разбит на кусочки и разобран богомольцами. Но на его место положен точно такой же, в который будет вмонтирована частица святыни.) У дальней пустыньки, до которой паломники прошли пешком, Патриарх отслужил молебен с Акафистом и освятил постамент под памятник преподобному Серафиму, который установили в тот же день вечером.

1 августа, в день памяти преподобного Серафима Саровского и всея России Чудотворца, всю ночь в дивеевском соборе совершались Литургии. Позднюю Святейший Патриарх в сослужении архиереев совершил под открытым небом. После молебна и Крестного хода вокруг собора раку с мощами внесли в собор, где у северного столпа она нашла постоянное упокоение под величественной сенью, изготовленной мастерами Свято-Данилова монастыря.

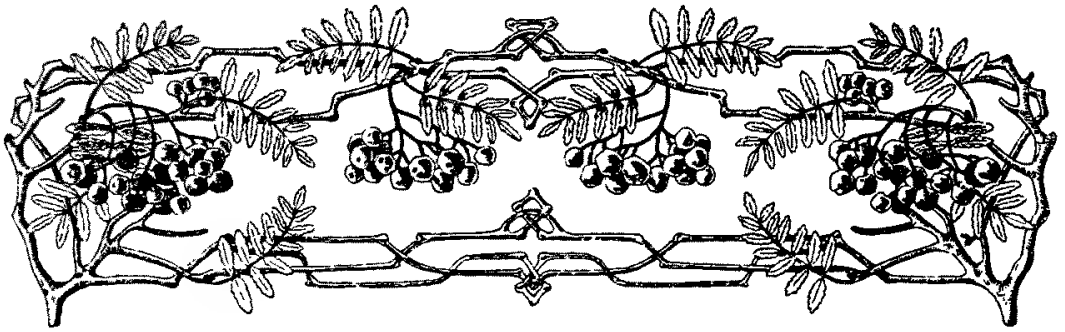
Преподобный Серафим Саровский особенно почитал Божию Матерь, Ей он молился, Ей открывал свое сердце и жизнь свою окончил коленопреклоненным перед образом Царицы Небесной, именуемым «Умиление». И святые мощи преподобного вошли в собор, посвященный Божией Матери, Честно́му и Славному Ее Успению.

Опять радуется солнце, опять, как и 88 лет назад, когда проходили такие же Саровские торжества, радуются православные люди. У многих в глазах стоят слезы умиления. Пасха среди лета. Христос воскресе! Воистину воскресе! Ночью у цельбоносных мощей святого неоднократно происходили чудеса по исцелению бесноватых, так жутко кричавших поначалу и постепенно затихших, приобряща спасительную благодать Духа.

Десять дней продолжался безпримерный в новейшей истории России Крестный ход, сопровождавшийся ежедневными неоднократными Богослужениями. Мощи преподобного Серафима Саровского прошли через всю Россию — из города на Неве, через Москву, Московскую область, Владимирскую землю, Нижегородскую — и прибыли в Троицкий Дивеевский монастырь. Исполнилось пророчество великого Старца. Действительно пасхальной радостью исполнялись сердца людей, и они пели пасхальные песнопения, вспоминая его слова, что среди лета будут петь Пасху.

Преподобный Серафим Саровский для каждого находил слово утешения, ободрения, наставление как жить, как спасать свою безсмертную душу, как отвращаться от греха и обращаться к добродетельной жизни.

И перенесение святых и многоцелебных мощей преподобного Серафима Саровского, будем верить, вселит умиротворение в души людей, и слова его: «Стяжи мирный дух, и тысячи вокруг тебя спасутся» — с новой силой зазвучат и найдут отклик в сердцах людей. Да будет преподобный Серафим Саровский предстателем и молитвенником за всех православных!



День двадцать четвертый

ЖИТИЕ
СВЯТОЙ БЛАЖЕННОЙ
КСЕНИИ ПЕТЕРБУРГСКОЙ

К числу лиц истинно юродивых Христа ради, к числу истинно блаженных, прошедших весь путь нравственного самоусовершенствования и всецело посвятивших себя на служение Господу Богу, безспорно принадлежит и столь всем известная и глубоко чтимая подвижница XVIII века Ксения Григорьевна Петрова, почивающая на Смоленском кладбище в Петербурге.

К великому прискорбию всех почитателей рабы Божией блаженной Ксении память народная не сохранила нам решительно никаких известий о том, кто была Ксения по происхождению, кто были ее родители, где она получила образование и воспитание. Можно лишь с вероятностию предполагать, что по происхождению своему Ксения была рода не простого, ибо была замужем за Андреем Феодоровичем Петровым, состоявшим в ранге полковника и служившим придворным певчим.

Блаженная Ксения родилась между 1719 и 1730 годами. О детстве и юности блаженной ничего не известно, память народная сохранила лишь то, что связано с началом подвига юродства Ксении — внезапная смерть мужа, умершего без христианского приготовления.

Потрясенная этим страшным событием, 26-летняя вдова решила начать труднейший христианский подвиг — казаться безумною, дабы, принеся в

Блаженная Ксения Петербургская причислена к лику святых угодников Освященным Поместным Собором 6—9 июня 1988 года.

жертву Богу самое ценное, что есть у человека, — разум, умолить Создателя о помиловании внезапно скончавшегося супруга Андрея. Посему, чтобы спасти душу своего мужа, Ксения отказалась от всех благ мира, отреклась от звания и богатства и более того — от себя самой: она оставила свое имя и, приняв имя супруга, прошла под его именем весь свой жизненный путь, принеся на алтарь Божий дары всеспасительного подвига любви к ближнему.

Своего желания казаться безумною Ксения достигла в день похорон мужа: когда Андрея Феодоровича собрались везти на кладбище, блаженная надела на себя его одежду — камзол, кафтан, штаны и картуз — и в таком костюме пошла провожать гроб супруга. Родственники мужа и знакомые Ксении весьма сожалели о ней. Они думали, что смерть Андрея Феодоровича внезапным горем помрачила сознание молодой овдовевшей жены. Ксения же, как потерявшая рассудок, утешала их, говоря: «Андрей Феодорович не умер, но воплотился в меня, Ксению, которая давно умерла». «Не зовите меня больше Ксенией, но зовите меня Андреем Феодоровичем». С такими словами Ксения стала скитаться по улицам Петербурга, сообщая всем, знавшим ее, что «Ксеньюшка моя скончалась и мирно почивает на кладбище, аз же грешный весь тут».

После смерти мужа овдовевшей Ксении отошло имущество Андрея Феодоровича — дом, который он имел в приходе церкви Апостола Матфея на Петербургской стороне. Часть этого дома снимала одна благочестивая христианка — Параскева Антонова, хорошо знавшая Ксению и давно бывшая с нею в дружбе. Утешая после похорон «помрачившуюся умом» вдову, Параскева в причитаниях спросила: «Как же ты будешь жить теперь, матушка?» На это начавшая свой подвиг юродства Ксения ответила: «Да что, ведь я похоронил свою Ксеньюшку, и мне теперь больше ничего не нужно. Дом я подарю тебе, только ты бедных даром жить пускай; вещи сегодня же раздам все, а деньги в церковь снесу, пусть молятся об упокоении души рабы Божией Ксении».

Тогда Параскева Антонова стала упрашивать Ксению не делать этого, ибо ей самой нужно будет на что-то жить и кормиться, но Ксения твердо отвечала: «Господь питает птиц небесных, а я не хуже птицы. Пусть воля Его будет».

Услышав о таком решении, Параскева из жалости о «повредившейся умом» вдове обратилась к родственникам ее мужа Андрея Петрова с просьбой поспособствовать ей уберечь Ксению от такого неразумного поступка. Родные мужа подали прошение начальству умершего Андрея Феодоровича, прося не позволять Ксении в безумстве раздавать свое имущество. По причине этого Ксения была вызвана на соответствующее обследование, которое заключило, что она совершенно здорова, и утвердило за ней право распоряжаться своим имуществом как ей угодно.

После этого блаженная Ксения, вольная во всех своих действиях, раздала все принадлежавшее ей имение и в одном только мужнином костюме вышла на улицу на свое подвижническое странствие. Теперь какого-либо определенного места жительства Ксения не имела. Она в своем странном одеянии целыми днями бродила по Петербургской стороне, по преимуществу в районе прихода церкви святого Апостола Матфея. Встречающимся знакомым и обращающимся к ней по имени она с досадой говорила: «Ну, какое вам дело до покойницы Ксении, она вам ничего худого не сделала». И уже никогда потом не откликалась, если ее называли Ксенией Григорьевной, и всегда охотно отзывалась, если ее называли Андреем Феодоровичем.

Блаженная Ксения

Через некоторое время все могли убедиться в безумстве молодой вдовы: ее странный костюм и иносказательные разговоры, ее кротость и незлобие нередко давали повод злым людям, и в особенности шалунам-мальчишкам, глумиться над блаженной. Но перед блаженной всегда был образ великого безвинного Страдальца — Христа, безропотно сносившего и поругания, и оплевания, и заушения, и распятие, и смерть. Вот почему и блаженная так же безропотно сносила всякого рода глумления над собою.

Так блаженная Ксения начала свой подвиг. Целыми днями она скиталась по улицам Петербурга, зимой и летом, в зной и стужу, подвергаясь всяким нападкам и насмешкам. Она, непрестанно молясь, безропотно несла свой спасительный подвиг.

В это время началось строительство новой каменной церкви на Смоленском кладбище. Воздвигаемое строение было уже весьма высоким, так что каменщикам приходилось сначала поднимать кирпич на леса, а потом класть его в кладку. Тогда блаженная Ксения решила тайно по ночам помогать строителям: она целыми ночами поднимала кирпич и

складывала его на лесах. Наутро приходили рабочие и очень удивлялись случившемуся. Наконец они решили узнать, кто же этот незримый помощник строительства. Оказалось, что этот тяжелый труд выполняла известная всей Петербургской стороне «безумная» Ксения.

Мало-помалу к таким странностям блаженной привыкли, многие стали считать, что от помрачившейся умом можно ожидать чего угодно, однако некоторые, наиболее чуткие христиане, стали замечать, что Ксения не какая-то простая глупая побирушка, но в ней есть что-то особенное. Милостыню, которую ей предлагали, она брала не у каждого, но только у людей доброго сердечного расположения. Всегда беря только копейку, она тут же отдавала ее таким же бедным и нищим, как и она сама.

После того, как мужнин камзол и кафтан Ксении истлели, она стала одеваться зимой и летом в жалкие лохмотья, а на босых ногах, распухших от мороза, носила рваные башмаки. Многие христиане предлагали Ксении теплую одежду, обувь, милостыню. Блаженная же ничего не соглашалась взять, но неизменно одевалась либо в красную кофточку и зеленую юбку, либо в зеленую кофту и красную юбку.

Бродя целыми днями по грязным, немощенным улицам Петербурга, Ксения изредка заходила к своим знакомым, обедала у них, беседовала, а затем снова отправлялась странствовать. Где она проводила ночи, долгое время оставалось неизвестным. Этим заинтересовались не только жители Петербургской стороны, но и местная полиция, для которой неизвестность местопребывания блаженной по ночам казалась даже подозрительной. Решено было во что бы то ни стало разузнать, где проводит ночи эта странная женщина и что она тогда делает. И жители Петербургской стороны, и местная полиция сумели удовлетворить свое любопытство и успокоиться. Оказалось, что Ксения, несмотря ни на какое время года, несмотря ни на какую погоду, уходит на ночь в поле, коленопреклоненно становится здесь на молитву и не встает уже с этой молитвы до самого восхода солнца, попеременно делая земные поклоны на все четыре стороны света. В поле, по ее словам, присутствие Божие было “более явственно”.

Блаженная все обиды и печали сносила безропотно, лишь однажды, когда Ксения уже стала почитаться за угодницу Божию, жители Петербургской стороны видели ее в страшном гневе. Уличные мальчишки, завидя юродивую, стали над ней смеяться, дразнить ее. Блаженная, по обычаю, безропотно сносила это. Но злые дети не ограничивались одними издевательствами. Видя безропотность и беззащитность блаженной, они стали бросать в нее грязью и камнями. Тогда, по-видимому, и у блаженной не хватило терпения. Как вихрь, бросилась она за злыми мальчишками,

грозя им своею палкою, которую всегда носила с собой. Жители Петербургской стороны, увидя блаженную в страшном гневе, пришли в ужас от поступка детей и тотчас же приняли все меры к тому, чтобы никто не обижал Ксению.

Окружающие блаженную Ксению стали обращать внимание, что в ее словах и поступках часто кроется какой-то глубокий смысл. Замечали, что если Ксения просила у кого что-либо, то это было знаком грядущей невзгоды или беды для того, у кого спрошено; если же Ксения подавала кому-либо что-то, то получателя в скором времени посещала внезапная радость. Стоило ей только появиться на рынках и улицах города, как всякий, знавший ее, предлагал ей свои услуги. Купцы открывали свои лотки и прилавки со всевозможными съестными и прочими товарами. Все наперебой упрашивали «Андрея Феодоровича» взять что-либо или отведать от предлагаемого товара, ибо они замечали, что если Ксения берет что-нибудь у хозяина, то торговля у угостившего ее купца бывает очень удачной.

Извозчики, завидя блаженную издали, гнали лошадей, прося Ксению проехать с ними хотя бы несколько шагов, ибо это приносило им удачу в работе.

Особый дар блаженной Ксении состоял в устройстве семейного благополучия христиан. Матери детей были убеждены, что если блаженная приласкает или покачает в люльке больного ребенка, тот непременно выздоровеет. Посему они, завидя Ксению, спешили к ней со своими детьми, прося ее благословить или просто погладить их по головке.

Своим великим смирением, подвигом духовной и телесной нищеты, любви к ближним и молитвою стяжала Ксения благодатный дар прозорливости. Этим своим даром многим она помогла в деле жизненного устройства и душевного спасения.

Так, однажды блаженная, зайдя в гости к купчихе Крапивиной, беседовала с хозяйкой и принимала от нее угощения. Жалея молодую купчиху, столь радушно ее принимавшую, и предвидя близкую смерть последней, Ксения пожелала сказать ей о необходимости должного христианского приготовления к смерти. Посему, уходя, она во всеуслышание сказала между прочим: «Вот, зелена крапива, а скоро, скоро завянет». Все слышавшие это гости Крапивиной не придали словам Ксении должного внимания, однако позднее, после внезапной скоропостижной смерти молодой купчихи, вспомнили эти слова и весьма были поражены и потрясены.

Известен случай, когда блаженная Ксения заботилась о благе и спасении еще не родившегося младенца. Приходит она как-то к своей давнишней знакомой Параскеве Антоновой, которой подарила свой дом, и говорит: «Вот, ты тут сидишь да чулки штопаешь, а не знаешь, что тебе Бог сына

послал! Иди скорее на Смоленское кладбище!» Параскева весьма смущенно восприняла эту нелепицу, однако послушалась блаженной и пошла. На одной из улиц Васильевского острова у самого кладбища увидела она толпу народа и, подойдя, узнала, что какой-то извозчик сбил с ног беременную женщину. Здесь же на земле женщина родила мальчика, а сама скончалась. Все пытались узнать, кто эта женщина и где ее родственники, но не преуспели в этом. Увидев во всем случившемся Промысл Божий, Параскева взяла мальчика к себе и, несмотря на усиленные старания найти отца, должна была в конечном счете усыновить младенца. Она взяла его в свой дом, бывший дом блаженной, и воспитала во всей строгости христианской жизни. Этот приемный сын ее до глубокой старости содержал свою мать и весьма почитал ее. Параскева же благодарила Бога и рабу Божию Ксению за ее повеление принять на воспитание сына.

Ксения всегда проявляла заботу об устроении жизни благочестивых христиан. Она часто бывала в семье Голубевых, состоявшей из матери-вдовы и ее семнадцатилетней дочери. Блаженная Ксения очень любила эту девушку за ее кроткий, тихий нрав и доброе сердце. Однажды она неожиданно появилась в дверях их дома как раз в тот момент, когда мать и дочь в столовой готовили кофе.

Обратясь к дочери, Ксения сказала: «Эх, красавица, ты тут кофе варишь, а муж твой жену хоронит на Охте. Беги скорее туда!»

Девушка была весьма смущена услышанным. «Как так?! — возразила она. — У меня не только мужа, но и жениха-то нет. А тут какой-то муж, да еще жену хоронит?» Услышав все эти возражения, Ксения стала сердито настаивать: «Иди!»

На кладбище мать с дочерью увидели похоронную процессию. Хоронили молодую жену одного доктора, скончавшуюся при родах. Молодой вдовец все время безутешно рыдал, а увидев могильный холм над прахом супруги, лишился чувств и свалился на руки едва успевшим подбежать Голубевым. Когда он пришел в себя, мать и дочь как могли старались утешить несчастного. Так состоялось их знакомство. Через некоторое время оно возобновилось, а год спустя молодой человек сделал дочери Голубевой предложение.

Брак их оказался счастливым. Быть может, не без молитвенного заступления блаженной прозорливицы прожили они долгую, тихую и благочестивую жизнь, а умирая, заповедали чтить память ее и следить за ее могилкой.

Еще при жизни своей блаженная Ксения была многим христианам скорой в бедах помощницей. Как-то раз встретила она одну благочестивую женщину, свою знакомую, и, остановив ее, вручила ей

медный пятак с изображением всадника и сказала: «Возьми пятак, тут царь на коне; потухнет». Ничего более не добавив, она пошла дальше. Обезкураженная женщина отправилась домой, недоумевая, что бы могли значить слова Ксении. Едва выйдя на свою улицу, она с ужасом увидела, что в ее доме начался пожар. Но не успела она еще даже добежать до поглощаемого пламенем строения, случилось чудо — по милости Божией огонь удалось остановить, людская помощь подоспела вовремя. Тут только поняла женщина, что означали слова блаженной: «Возьми пятак, потухнет!»

Юродивая Ксения в подвиге юродства подвизалась 45 лет.

В одиночестве совершала она жизненный путь свой. Между тем, путь этот был длинный: целых 45 лет жила она после смерти своего мужа, целых 45 лет вела она неустанную борьбу с врагом рода человеческого — диаволом и с гордостью житейской!

Где, почти необутая и еле одетая, блаженная Ксения во все время своего странствования давала отдых, покой своему телу, — осталось известным одному только Господу Богу. Мы можем лишь удивляться тому, как могла она, старенькая и слабая, выдерживать проливные, пронизывающие до костей, осенние дожди, страшные, трескучие морозы, когда на лету мерзнут птицы и легко застывают хорошо одетые, молодые, здоровые люди! Нужно было обладать или организмом сверхчеловеческим, или носить в себе такой сильный внутренний духовный жар, такую глубокую, несомненную веру, при которой и невозможное становится возможным. Но, припоминая великих угодников Божиих, которые силою своей веры творили дивные, непосильные и непонятные для человеческого ума чудеса, не будем и подвиги блаженной считать невозможными для человека во плоти. Блаженная Ксения действительно имела такую веру, при которой все возможно; живя телом в мире, душой своею всегда витала выше мира и всегда пребывала в живом, непосредственном общении с Богом.

Можно утверждать, что блаженная отошла ко Господу в самом начале девятнадцатого века; есть мнение, что Ксения преставилась около 1803 года. Погребена была святая угодница Божия на Смоленском кладбище Петербурга, где в свое время она помогала строить церковь в честь иконы Божией Матери, именуемой Смоленская. Отпевание добровольной страдалицы совершалось в церкви Апостола Матфея.

Чудеса, творимые блаженной, не прекратились и после ее смерти. Так, в одной семье перед намечавшейся свадьбой невеста и ее мать отслужили панихиду на могиле блаженной Ксении; свадьба сейчас же расстроилась, так как публично обнаружилось, что жених является преступником и убийцей, бежавшим с каторги.

Некто А. А. Романов был смертельно болен; и вот супруге его, сидевшей ночью у постели больного, явилась в видении старая женщина, назвавшаяся Ксенией, которая сказала, что муж ее выздоровеет и что будущий их ребенок будет девочкой, а назвать ее следует Ксенией. Все так впоследствии и произошло.

Случалось, что в моменты панихид или молебствий на могиле блаженной Ксении она являлась молящимся в виде старой женщины с посохом в руке. Если видение случалось виновнику бедствий, то вид этой женщины был грозен и повеления непререкаемы. Например, одному человеку, страдавшему сильной приверженностью к страсти винопития, но за которого молились усердно мать и жена, Ксения явилась в видении и сурово сказала: «Брось пить! Слезы матери и жены твоей затопили могилу мою! Встань!»

...Со дня кончины блаженной Ксении прошло около двух веков, однако творимые по молитвам сей угодницы чудеса не иссякают, и народная память о ней не исчезает.

В первые же годы после ее кончины на могилу блаженной стало стекаться множество людей, которые часто брали после панихиды о ней землю с ее могилы в память о святой. Постепенно весь могильный холм оказался разобран, пришлось насыпать новый, но и этот был разобран. Тогда положили на могилу мраморную плиту; почитателей блаженной и это не остановило — плита разбивалась, и частицы ее разносились во все концы России. Разбирая землю и ломая плиты, почитатели блаженной оставляли на могиле денежные пожертвования, которыми пользовались нищие.

Не прекращались и чудеса от блаженной, которая по-прежнему оставалась помощницей христиан в бедах и болезнях. Благочестивое предание доносит до нас, например, и рассказ о таком случае. В жаркие летние месяцы одна семья, в которой было двое детей, оказалась вдали от родного дома и в весьма тяжелых обстоятельствах. Глава семейства, муж женщины, поведавшей об этом чудесном заступлении блаженной Ксении, опасно заболел. Ему становилось все хуже и хуже, лекарства не помогали, болезнь усугублялась. Через три месяца, когда палящее южное солнце, царившие кругом невыносимая жара и духота совсем подорвали здоровье больного, он уже был не в состоянии даже разжимать губы и принимать пищу. Дни его, казалось, были сочтены. Что произошло дальше, рассказывает его жена.

«Доктор, уходя, как-то странно посмотрел мне в глаза и сказал: я приду завтра утром. Я поняла, что это конец.

Я отвела детей к соседям, жившим через два дома от нас. Мне хотелось тишины и молитвы. Жара стояла нестерпимая, удушающая. Я открыла все двери для движения воздуха. Мысли, самые отчаянные и горестные, одолевали

меня. Помимо скорби от потери верного друга пугала перспектива остаться одной с малыми детьми. Если бы я была сейчас дома, я бы поехала на Смоленское кладбище к блаженной Ксении. Там, припав к ее могиле, выплакала бы свое горе. Шум хлопнувшей калитки прервал мои думы. Кто-то вошел в сад к нам, подумала я. В это время в проеме открытой двери бесшумно появилась странная гостья. Лета ее нельзя было определить, но самым странным был ее наряд. Теплые, мягкие валенки, длинная шуба особого покроя, вся в сборках, а на голове большой белый пуховый платок; концы его были закручены на шее. Так, верно, глухой зимой в старину повязывали платки женщины-простолюдинки. Вся она была необыкновенно привлекательна.

— Голубка, скажи мне, где живут Пироговы, я ищу их, — сказала она.

— Через два дома, — ответила я.

— А что, твой-то плох? — спросила она, указывая на дверь, где лежал больной. Она бесшумно прошла мимо меня к больному. С минуту смотрела она на него.

— Слушай, голубка! — сказала она, подходя ко мне. — Не печалься! Вчера тут приезжал один важный доктор, такой ученый, что страсть. Он говорил, что больного надо кормить каждые полчаса всего лишь понемногу, по две ложечки. Ну, там молока, чаю, кашки, а там уж сама что придумай.

— Да он уж третий день губ не разжимает, — ответила я.

— Ничего, ничего, ты попробуй! Ну, прощай, мне пора.

Она исчезла. На этот раз даже калитка не хлопнула. Я вышла на балкон. Вправо и влево далеко была видна улица, залитая палящим солнцем, но моей зимней гостьи не было видно.

Тут только я поняла всю несообразность ее зимнего наряда при этой нестерпимой жаре.

Я подошла к больному. Муж открыл глаза и чуть слышно попросил пить. Дрожащими руками я поднесла ему чашку чая, еще не решаясь верить, что этот слабый проблеск жизни есть намек на выздоровление.

— Кто подходил ко мне? — спросил больной.

Я не знала, что ответить.

— Одна незнакомая женщина, — говорю ему.

Муж глубоко вздохнул, точно выдохнул какую-то тяжесть.

— Мне легче. Кто подходил ко мне? — снова спросил он, засыпая.

Вернулись дети. Я спросила их, не приходила ли женщина в шубе и валенках, закутанная в платок, к Пироговым.

Дети сказали, что никакой женщины не видели и вообще не видали, чтобы кто-нибудь заходил.

Я прошла к мужу с чашкой молока. Он встретил меня со слабой улыбкой на изможденном, исхудалом до неузнаваемости лице. Он отпил полчашки

молока и опять спросил меня: «Кто приходил ко мне?» Я ему как могла объяснила появление таинственной гостьи и прибавила, что сейчас пойду к Пироговым и узнаю, кто она, так как она искала их.

Я пошла к Пироговым и стала расспрашивать о женщине в валенках и в шубе.

К ним, оказалось, никакая зимняя гостья не приходила, и они начали подшучивать и острить надо мною. В эдакой жаре и появиться в шубе и в валенках! Верно, какая-нибудь «блаженная» или вам привиделось.

Не добившись ничего, я вернулась домой. Муж уже сидел на кровати, опираясь на подушки.

— Ну, что, узнала? — был его первый вопрос.

— Нет, ничего не узнала, ее там не было.

— Так слушай меня, — говорит муж. — Ведь я умирал и я сознавал, что умираю. У меня не было сил ни открыть глаза, ни позвать тебя, и силы оставляли меня. Вдруг я почувствовал, что кто-то подошел ко мне, и на меня вдруг повеяла какая-то живительная прохлада. Это был миг; я силился схватить струю этой прохлады. Теперь я знаю, что поправлюсь. Ты молилась; кого же ты звала на помощь?

— Блаженную Ксению, — сказала я и разрыдалась.

Когда мой муж окончательно поправился, он стал наводить справки, какой доктор был проездом в то время. Оказалось, никакой доктор не проезжал, и зимней гостьи никто не видел.

Я же в душе храню, что блаженная Ксения являлась ко мне на мой зов».

В 1902 году над могилой блаженной Ксении была построена новая часовня с мраморным иконостасом и надгробием.

Могила блаженной Ксении находится посреди часовни; часовня была украшена прекрасной иконой Распятия Спасителя на Кресте, а по стенам установлены иконы, пожертвованные разными лицами по тому или иному случаю, некоторые из них — с венчальными свечами.

Часовня была всегда открыта для совершения панихид; по свидетельству священников, нигде не служилось столько панихид, сколько на могиле блаженной Ксении.

Над входом в часовню с наружной стороны была сделана надпись: «Раба Божия Ксения». На первоначальной же могильной плите было начертано: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. На сем месте погребено тело рабы Божией, Ксении Григорьевны, жены придворного певчего Андрея Феодоровича, в ранге полковника, осталась после мужа 26-ти лет, странствовала 45 лет; всего жития ее было 71 год; называлась «Андрей Феодорович». Кто меня знал, да помянет душу мою для спасения своей души. Аминь».

В начале XX века по благословению митрополита Антония (Вадковского) в память блаженной Ксении на Малом проспекте Васильевского острова был устроен Дом Трудолюбия для бедных одиноких вдовиц и сирот-детей, не имеющих крова и возможности заработать себе на хлеб насущный.

День памяти блаженной Ксении — 24 января по старому стилю.

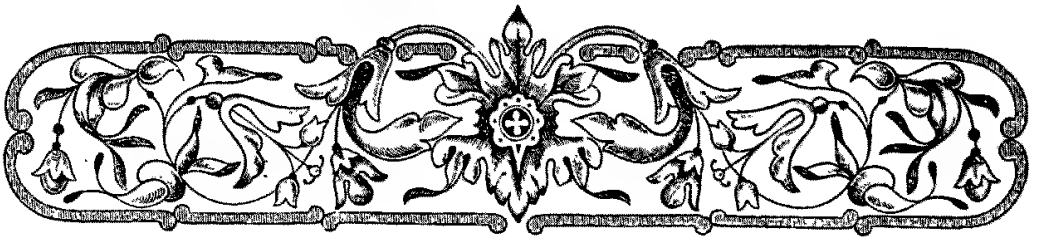
В настоящее время часовня отреставрирована и вновь открыта для доступа и молитвы. И сегодня не уменьшается число верующих, просящих о помощи блаженную Ксению, и сегодня к ее часовне идут и едут отовсюду со слезами скорби и мольбы, но и со слезами любви и благодарности за помощь и молитвенное заступничество. Не прекращается народное почитание блаженной. Ксение, мати наша, моли Бога о нас!

Тропарь, глас з҃:

Нищету Христову возлюбивши, безсмертныя трапезы ныне наслаждаешися, безумием мнимым безумие мира обличивши, смирением крестным силу Божию восприняла еси. Сего ради дар чудодейственныя помощи стяжавшая, Ксение блаженная, моли Христа Бога избавитися нам от всякаго зла покаянием.

Кондак, глас г҃:

Днесь светло ликует град святаго Петра, яко множество скорбящих обретают утешение, на твоя молитвы надеющеся, Ксение всеблаженная, ты бо еси граду сему похвала и утверждение.



День двадцать пятый

ЖИТИЕ
СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА
ВЛАДИМИРА,
митрополита Киевского и Галицкого

Первым священномучеником, пострадавшим за веру Христову в годы гонений, обрушившихся на нашу Церковь в XX веке, стал митрополит Киевский и Галицкий Владимир. В мире этот славный архипастырь назывался Василием Никифоровичем Богоявленским и был сыном священника. Он родился 1-го января 1848 года в селе Малой Морошке, Моршанского уезда, Тамбовской губернии. Первоначальное образование он получил в духовных школах Тамбовской епархии.

Отличительную особенность характера ребенка — будущего митрополита, кроме усердия и прилежания в школьных занятиях, составляла его скромность, доходившая до застенчивости. Свидетельством тому — следующий факт, имевший место в детских годах его жизни.

Отец Васи Богоявленского однажды вместе с ним приехал в дом родителя Александра Васильевича Вадковского, будущего митрополита Антония. Увидев богословов — старших братьев А. В. Вадковского, Вася Богоявленский так испугался столь важных особ, что убежал в сарай и спрятался под телегою, где его с большим трудом смогли разыскать.

Высшее богословское образование В. Н. Богоявленский получил в Киевской Духовной Академии, где закончил учение в 1874 году на церковно-

---

Высокопреосвященный митрополит Владимир причислен к лику святых Архиерейским Собором Русской Православной Церкви, проходившим 31 марта — 4 апреля 1992 года.

практическом отделении. Василий Богоявленский принадлежал к числу лучших воспитанников своего курса. Некоторые профессора церковно-практического отделения предлагали даже оставить его при Академии для подготовления к профессорскому званию.

По окончании академического образования В. Н. Богоявленский поступил в родную Тамбовскую Духовную Семинарию преподавателем гомилетики, литургики и пастырского богословия. Через год он занял кафедру Священного Писания в той же Семинарии. Вместе с тем он преподавал в Семинарии немецкий язык, равно как имел уроки географии в женском епархиальном училище, а позже — в местной женской гимназии.

После семилетней педагогической деятельности В. Н. Богоявленский решил посвятить себя служению Церкви в пастырском звании. В начале 1882 года он занял место священника в соборной церкви г. Козлова, Тамбовской епархии, и вскоре затем сделался приходским священником в том же городе. Кроме исполнения прямых пастырских обязанностей по должности приходского священника и административных обязанностей по должности благочинного местных церквей, отец Василий Богоявленский много времени и труда употреблял на дело проповеди Слова Божия в г. Козлове, будучи в этом отношении не только учителем народа, но также и руководителем местного духовенства.

Служение отца Василия Богоявленского в должности приходского священника было непродолжительно. После трагической смерти жены и единственного ребенка, усмотрев в этом Промысл Божий, он 8-го февраля 1886 года принял монашество с именем Владимира и тогда же в звании архимандрита был назначен настоятелем Троицкого монастыря в г. Козлове.

Новую свою должность архимандрит Владимир исполнял в течение нескольких месяцев. В октябре 1886 года он был переведен настоятелем первоклассного Антониева монастыря в Великом Новгороде. Через два года с небольшим архимандрит Владимир был назначен викарием Новгородской епархии и 3-го июня 1888 года в Санкт-Петербурге — в Александро-Невской Лавре был хиротонисан в сан епископа Старорусского.

Как прежде в Козлове, так и теперь в Великом Новгороде преосвященный Владимир, помимо исполнения прямых своих обязанностей в качестве викария тогдашнего Петроградского и Новгородского митрополита Исидора, очень много и с великою пользою для народа трудился в деле проповеди Слова Божия. Он, прежде всего, сам очень часто и усердно поучал народ. Проповеди Владыки Владимира привлекали к себе внимание и сочувствие слушателей особенно своею простотою, искренностию и задушевностию. С другой стороны, он уже в это время старался организовать повсеместное проповедничество в Великом Новгороде и всей епархии путем привлечения

к нему всего приходского духовенства. В особенности он стремился завести так называемые внебогослужебные беседы священников с народом, которые тогда начали практиковаться у нас и которым преосвященный Владимир придавал особенно важное значение.

В Великом Новгороде о Преосвященном Владимире навсегда осталась добрая память, равно как и сам он до конца жизни хранил самые приятные воспоминания о своей новгородской деятельности.

19 января 1891 года Преосвященный Владимир был назначен Самарским епископом. Весьма непродолжительное (менее двух лет) самарское служение составило особую эпоху в жизни и деятельности Владыки Владимира. Годы архиерейского его служения в Самаре совпали с временем возникновения здесь голода и следовавшей за этим народным бедствием холерной эпидемии. Во время этих тяжких народных бедствий, постигших Самарский край, Преосвященный Владимир проявил исключительную энергию и развил многостороннюю народно-благотворительную деятельность. При посредстве учрежденного им особого епархиального комитета он организовал широкую помощь пострадавшим от голода, содействовал организации приходской взаимопомощи, рекомендовал устройство столовых и чайных для дешевого и даже безплатного питания голодающих. Во всем этом он сам был не только организатором и руководителем духовенства, но и непосредственным деятелем — Владыка Владимир всецело отдался служению больным и голодающим.

Такую же энергию и широкую инициативу проявил Преосвященный Владимир и во время вспыхнувшей при нем в Самаре холерной эпидемии. В устных наставлениях и разных популярных печатных изданиях он старался распространять в народе здравые и правильные понятия о холерной эпидемии и рациональных средствах борьбы с нею. Он устраивал общественные моления об избавлении от страшного бедствия, причем сам участвовал в таких служениях. Наконец, он сам совершал поминовение умерших во время эпидемии на холерных кладбищах и вообще безбоязненно показывался в местах, которые почитались угрожаемыми в отношении холеры.

Все это привлекало общественные симпатии к молодому архипастырю. Поэтому, когда 18 октября 1892 года Преосвященный Владимир был назначен экзархом Грузии с возведением в звание архиепископа Карталинского и Кахетинского, самарское общество с редким единодушием выражало свое сожаление по тому поводу, что Преосвященный Владимир должен был оставить самарскую кафедру. Самое назначение его на такой ответственный церковно-административный пост, как Грузинский экзархат, в свою очередь, стояло в тесной связи с характером самарской архипастырской деятельности Владыки Владимира, заметно выделившей его из среды всего наличного русского епископата.

Грузинским экзархатом архипастырь Владимир управлял в течение пяти лет с небольшим. Особенное внимание он обращал здесь на духовное просвещение разноплеменного православного населения Кавказского края. Средствами для этого он, кроме устройства новых храмов и церковно-приходских школ, признавал усиленное проповедание христианского учения, к чему настойчиво призывал духовенство Грузинского экзархата не только словом, но также и делом. В памяти грузинского православного населения крепко запечатлелась особенная энергия, которую проявлял архиепископ Владимир во время частых и продолжительных поездок по краю, с его неудобными путями сообщения, для посещения приходов в видах ближайшего и непосредственного ознакомления с нуждами грузинского духовенства и населения.

21 февраля 1898 года Высокопреосвященный Владимир был назначен Московским митрополитом и 28 марта вступил в управление Московскою епархиею. Новому митрополиту на первых порах пришлось в Москве преодолеть большие затруднения. Москва привыкла видеть на своей архиерейской кафедре архипастырей, обладавших особенным авторитетом, или научными заслугами, или имевших за собою академический служебный стаж, или же известных какими-либо исключительными заслугами. Новый Московский митрополит Владимир, несмотря на свою почтенную предшествующую деятельность в Самаре и Грузии, не пользовался подобною известностию в широких церковных кругах. К тому же во время назначения на московскую кафедру он был сравнительно молод — ему едва минуло 50 лет.

Несмотря на это, новый митрополит — Владыка Владимир в деле управления столичным духовенством руководился обычными своими принципами. Он был прост в обращении со всеми, но тверд и настойчив в своих требованиях и распоряжениях. В особенности он желал, чтобы все столичное духовенство возможно ближе стояло к народу, чаще совершало Богослужения и проповедовало. В целях усиления и оживления пастырской деятельности московского духовенства митрополит Владимир стал открывать новые вакансии при столичных приходах и назначать новых священников.

Все это в связи с некоторыми другими особенностями характера Владыки на первых порах возбудило против него московское духовенство и даже мирское столичное общество. Но с течением времени, когда московская паства ближе узнала своего митрополита, который на самом деле обладал добрым характером и был исполнен самых высоких и добрых намерений — особенно в отношении к простому народу, Москва стала постепенно примиряться с личностью и деятельностью митрополита Владимира. К сожалению, события 1905 года снова нарушили добрые духовные отношения, установившиеся было к тому времени между архипастырем и паствою

Москвы. Только свойственные Владыке Владимиру стойкость и крепость духа, соединенные с редким терпением, дали ему возможность не только пережить смутные события того революционного времени, но даже и наладить потом снова вполне нормальные отношения со своею паствою. Последние годы своего служения в Москве архипастырь провел настолько сравнительно спокойно, что впоследствии вспоминал о них с душевным удовлетворением — как об одних из лучших в своем архипастырском служении.

В бытность свою митрополитом Московским Высокопреосвященный Владимир обращал особое внимание на усиление церковного учительства, которое он желал сделать, по возможности, вполне соответствующим запросам и требованиям своего времени. В таком его стремлении находят свое объяснение те мероприятия в области церковно-епархиальной жизни, в которых выразилась личная инициатива архипастыря. Он, например, был воодушевлен желанием внести истинное христианское нравственное учение в среду рабочего класса, который другими увлекался в сторону социалистического мировоззрения. Поэтому он сам время от времени являлся в собрания московских рабочих и обращался к ним со словом христианского наставления, разъяснения и руководства по таким вопросам социальной жизни, которые наиболее интересовали и волновали рабочий класс. Для распространения в среде рабочих и вообще среди народа истинно христианского мировоззрения на социальный строй государственной жизни архипастырь сам печатал свои "Слова" и речи, равно как и переводил с иностранных языков лучшие литературные произведения по вопросам, касающимся социализма.

Но, не ограничиваясь этим, Владыка Владимир желал, чтобы православно-христианское учение преподавалось народу, по возможности, непрерывно и постоянно. Для этого, при его непосредственном деятельном участии, был устроен в Москве обширный, так называемый епархиальный дом, которому впоследствии было присвоено имя митрополита Владимира. Дом этот сделался местом и средоточием целого ряда не только епархиально-административного, но и духовно-просветительного характера. В храме его при ежедневном Богослужении постоянно произносились проповеди, в большом зале его велись богословские чтения, а также специальные чтения для фабрично-заводских рабочих, читались лекции, произносились речи научно-богословского и религиозно-философского содержания.

Высокопреосвященный Владимир управлял Московской епархией в течение более 14 лет. Во все это время он, по самому своему положению, принимал деятельное участие в занятиях Св. Синода. С течением времени,

когда начал часто и подолгу болеть первенствующий член Св. Синода — Петроградский митрополит Антоний (Вадковский), митрополит Владимир, как старший член Св. Синода, должен был отдавать больше сил и внимания делу высшего управления Русской Церковью. Когда же 2-го ноября 1912 года упомянутый митрополит Антоний (Вадковский) скончался, то на его место в Петроград был переведен Владыка Владимир с присвоением ему звания и прав первенствующего члена Св. Синода. Это совершилось 23 ноября 1912 года, вскоре после чего митрополит Владимир и вступил в управление Петроградской епархией.

Ровно три года продолжалось служение Владыки Владимира на кафедре Петроградской митрополии. Эти три года составили, без сомнения, труднейший период в его продолжительном — тридцатидвухлетнем — архиерейском служении. Само по себе ответственное и чрезвычайно трудное служение столичного архипастыря для митрополита Владимира было сопряжено с особенными неприятностями, огорчениями и заботами, которые обуславливались исключительно событиями того времени. Помимо всего прочего, архипастырю пришлось перенести в эти годы множество ожесточенных нападок со стороны крайне возбужденного общественного мнения. Не только в публичных собраниях, но и в периодической печати иногда раздавались громкие и сильные обвинения по адресу того, кто, волею Провидения, был поставлен во главе всероссийской иерархии и кто, как казалось одним, слишком много внимания уделял политической стороне своего высокого служения, а по убеждению других, был недостаточно смел и решителен в осуждении тех безпорядков и злоупотреблений, какие совершались тогда в церковно-общественной жизни Русского государства.

Справедливость требует сказать, что значительная доля вины и ответственности за подобные нападки и озлобленную травлю, каким подвергался Владыка Владимир как в это время, так равным образом и прежде — в Грузии и Москве, падает на тех лиц, которые окружали митрополита Владимира и которые иногда беззастенчиво пользовались доверием и добротою своего патрона. В конце пребывания Владыки Владимира на Петроградской кафедре против него ополчилась еще группа лиц, которая приобрела тогда преобладающее влияние на направление церковно-общественной жизни в Русском государстве. Свойственные митрополиту Владимиру прямолинейность и твердость поведения вызывали против него сильное раздражение в церковно-общественных кругах, примыкавших к упомянутой клике, которая стала известна под именем "темных сил". К тому же, на личной аудиенции у Императора Николая II высокопреосвященный изложил свое мнение о пагубном влиянии на судьбы

страны деятельности Григория Распутина[1]). Кончилось тем, что за откровенное неприятие Распутина Владыка Владимир попал в немилость и был удален из Петрограда под видом почетной ссылки в Киев, куда он был назначен митрополитом на место скончавшегося 4-го ноября 1915 года митрополита Флавиана (Городецкого).

Назначение Владыки Владимира в Киев последовало 23 ноября 1915 года, причем за ним было сохранено звание первенствующего члена Св. Синода и соединенные с этим званием права. Накануне праздника Рождества Христова, 22 декабря 1915 года, митрополит Владимир приехал в Киев для официального вступления в управление новою своею епархиею, с которою он был связан давними узами как питомец Киевской Духовной Академии. Киевская паства окружила своего нового первосвятителя искренним сочувствием, видя и ценя в нем опального и гонимого за правду архиерея.

Митрополит Владимир на этот раз оставался в Киеве очень недолго. После праздника Богоявления Господня он поспешил 7 января 1916 года выехать в Петроград для участия в заседаниях Св. Синода. В Петрограде же он проводил большую часть всего последующего своего пребывания на Киевской митрополичьей кафедре. А с открытием Всероссийского Церковного Собора в августе 1917 года Владыка Владимир большею частию жил в Москве. Таким образом, из всего двухлетнего периода управления Киевской епархией митрополит Владимир провел в Киеве едва несколько месяцев.

Частое и продолжительное отсутствие митрополита из своего кафедрального города настолько бросалось в глаза всем и так ощутительно сказывалось на епархиальном управлении, что сама киевская паства начала открыто выражать нетерпенне и желание в том смысле, чтобы митрополит возвратился и оставался в Киеве. В откровенной беседе с близкими людьми архипастырь не скрывал своего тяжелого состояния духа, с каким он отправлялся в ноябре 1917 года из Москвы в Киев. Страдальческая кончина архипастыря показала, что предчувствие его в этом случае, как и в других, не обманывало его...

Киевский период в архиерейском служении митрополита Владимира был самым тяжелым и самым мучительным. Прежде всего, участие в заседаниях Св. Синода было сопряжено для него с массою огорчений и неприятностей. В последний год существования дореформенного Синода в нем происходила непрерывная борьба. Вокруг преемника Владыки Владимира на петроградской кафедре образовалась группа синодалов, находившаяся в

---

[1]) О *Григории Распутине* см.: "Житія Святыхъ", Кн. XI (июль), День четвертый (прил. "О царственных новомучениках — страстотерпцах").

контакте с вышеупомянутою кликою "темных сил" и стремившаяся проводить домогательства этой последней в сфере церковных дел. Митрополиту Владимиру, с его чистыми принципами и непреклонною прямолинейностию, стоило чрезвычайно больших усилий поддерживать законность в решениях высшего церковно-правительственного учреждения.

Со времени государственного переворота в России, совершившегося в феврале — марте 1917 года, положение Митрополита Владимира, как первенствующего члена Св. Синода, сделалось еще более затруднительным. Ему, убежденному стороннику строгой законности и непреклонному хранителю церковных канонов и традиций, суждено было встретиться лицом к лицу с непреодолимым стремлением ввести революционные начала в сферу церковных отношений. К тому же место представителя революционной государственной власти в Св. Синоде после переворота занял человек, совершенно неподготовленный к принятому на себя положению, неопытный и, как потом оказалось, больной. Скоро обострившиеся отношения между Синодом и обер-прокурором закончились грубым актом со стороны последнего, вошедшим в историю под именем "разгона Синода".

Возвратившись после удаления из Синода в апреле 1917 года, митрополит Владимир оставался почти непрерывно в епархии до самого отъезда в Москву на Всероссийский Церковный Собор в августе того года. Но и в Киеве архипастырь не нашел покоя и отдыха. Здесь его ожидали сильные волнения и большие огорчения, бывшие неизбежным следствием переживаемого революционного момента.

Еще до возвращения митрополита Владимира в Киев среди здешнего духовенства и отчасти мирского православного населения Киева произошло прискорбное разделение. Подобное разделение в пастве должно было, без сомнения, доставлять глубокую скорбь архипастырю. Он же как будто предвидел печальные события 1917 года в жизни Киевской епархии, когда в своей речи, произнесенной 22 декабря 1915 года в Киево-Софийском кафедральном соборе при вступлении в управление Киевскою епархиею, говорил, между прочим, следующее: "Волны житейского моря, по Божию изволению, принесли мою ладью к святому граду Киеву. Призванный быть кормчим духовного корабля Киевской Церкви, я невольно сравниваю себя с кормчим вещественного корабля, обуреваемого в бурном и безбрежном море страшными волнами. Я ясно представляю себе ту опасность, какой может подвергнуться этот корабль при наличии страшной бури, подводных скал и морских пиратов... Как осторожен должен быть кормчий, сознающий всю ответственность за участь плывущих на корабле! Как зорко должен следить за своими сотрудниками, помыслы которых должны быть сосредоточены на единой, общей цели!... Разве не случается, *что слуги кормчего и*

даже сами плывущие на корабле вступают в заговор с морскими разбойниками и делаются соучастниками их нападений на корабль?"

Еще в то время, когда митрополит Владимир после упомянутого государственного переворота находился в Петрограде и сдерживал напор революционных волн, которые готовы были хлынуть со всею силою на Церковный Российский корабль, в Киеве возник "Исполнительный комитет духовенства и мирян" и явился комиссар по духовным делам — эти "продукты революционного творчества", как их характеризует одна из нижеупомянутых брошюр. Особенно поразительным для православного Киева, видевшего в своей многовековой и многострадальной истории много всяких чудовищных явлений и перемен, было зрелище приходского православного священника в роли революционного комиссара, которого общественное мнение, по отзыву той же брошюры, признало "орудием сыска и шпионажа" и заклеймило страшным именем "жандарма в рясе", "фискала" и которого православное население Киева с великим изумлением видело "во всякое время дня", а иногда и ночью мчащимся на автомобиле, неизменно с портфелем в руках или под мышкою, вместе с представителями исполнительного общественного комитета то присутствующим при производстве обысков в монастырях с целью открыть там контрреволюционную и погромную литературу, то производящим в консистории выемку секретных дел..." [1])

Если бы даже в приведенном картинном изображении первоначальных проявлений революции в церковной жизни Киевской епархии и было преувеличение, то во всяком случае фигура "жандарма в рясе" должна быть признана никогда, во все времена христианской истории, не виданным и не слыханным явлением в православно-христианском мире... Подобная фигура мыслима только в печальной и ужасной памяти средневековой инквизиции...

Митрополит Владимир, познакомившись после своего приезда 24 марта 1917 года в Киев из Петрограда с подобными явлениями в церковной жизни своей епархии, сразу же отнесся к ним совершенно отрицательно, чего и не скрывал ни от кого. В беседе с двумя представителями упомянутого исполнительного комитета он прямо заявил им, что "Исполнительный комитет духовенства и мирян — учреждение самочинное, стремящееся к

---

[1]) Желающему подробно познакомиться с существом и мотивами разделения, установившегося в 1917 году в Киевской православной пастве, можно рекомендовать прочитать две брошюры, изданные в 1917 году под заглавиями: "Правда о церковномъ совѣтѣ при Кіевскомъ митрополитѣ" и "Истинная правда о церковномъ совѣтѣ при Кіевскомъ митрополитѣ". Из содержания поименованных брошюр, производящих на свежего читателя крайне удручающее впечатление сообщаемыми в них фактами, можно ясно видеть, насколько мучительно тягостным было положение митрополита Владимира, поставленного посредине между двумя ожесточенно враждующими лагерями разделившейся его паствы...

постепенному расширению своей власти и к захвату ему не принадлежащих прерогатив".

Несмотря на такое свое отношение к новым органам церковно-епархиальной жизни, возникшим под влиянием революции, митрополит Владимир не отказывался совершенно от мысли работать в согласии с ними с целью введения церковной жизни в новую колею. Между прочим, он дал свое благословение на то, чтобы "Исполнительный комитет духовенства и мирян г. Киева" созвал в Киеве 12 апреля 1917 года *епархиальный съезд* духовенства и мирян Киевской епархии, который затем каким-то непонятным образом превратился в Украинский киевский епархиальный съезд духовенства и мирян.

Митрополит Владимир отрицательно отнесся как к самому съезду, на котором публично выражались неслыханные в православно-христианском мире оскорбления по адресу епископов, которых клирики называли *паразитами* и т. п. эпитетами, так и к постановлениям его, среди которых было и то постановление, что "в автономной Украине должна быть независимая от Синода Украинская Церковь", равно как и к организованному тем же съездом так называемому епископскому совету при Киевском митрополите.

Как чувствовал себя Владыка Владимир в подобной атмосфере, образовавшейся вокруг него в Киеве, об этом лучше всего свидетельствует его "Архипастырское обращение", которое он опубликовал в начале августа 1917 года, накануне созыва чрезвычайного киевского епархиального съезда. Глубокою и неподдельною грустью дышит это предсмертное обращение маститого семидесятилетнего митрополита к своей киевской пастве, но вместе с тем в нем слышится и редкая для нашего времени стойкость и неустрашимость.

"Великое несчастие нашего времени, — говорил архипастырь в этом своем послании, — более всего в том, что считают высшим достоинством быть либеральными в отношении вопросов веры и нравственности. Многие находят особенную заслугу в том, чтобы вселить в души наших людей такое либеральное отношение к вере и нравственности... Они в свое оправдание приводят как будто бы заслуживающие внимания доводы. Они говорят: всякий человек может судить о религиозных вопросах со своей точки зрения и свободно высказывать свои убеждения, каковы бы они ни были, это дело его совести, дóлжно уважать религиозное убеждение каждого человека.

Против свободы веры и совести никто не возражает. Но не нужно забывать, что христианская вера не есть человеческое

---

[1]) "Истинная правда о церковномъ совѣтѣ при Кіевскомѣ митрополитѣ". 1917. С. 30.

измышление, а Божественные Глаголы, и не может она изменяться сообразно с человеческими понятиями, и если человеческие убеждения стоят в противоречии с Божественными Истинами, то разумно ли придавать какое-либо значение этим убеждениям, считать их правильными и руководствоваться ими в жизни? Мы, конечно, должны терпеть и несогласных с нами и даже явно заблуждающихся, относиться к ним снисходительно, но от заблуждений их должны отвращаться и с заблуждениями бороться и доказывать их несостоятельность. Это должны считать своим долгом и пастыри Христианской Церкви, и истинные последователи Христова учения".

Приведенная выдержка из предсмертного послания митрополита Владимира лучше и выразительнее всего характеризует мировоззрение и настроение к иначедумающим этого архипастыря, которого многие склонны были представлять как непреклонного гонителя свободной мысли и свободного слова, покровителя тьмы и невежества, столпа суровой реакции, не позволяющего духовенству и монашеству заводить новые порядки...

В том же самом своем "Архипастырском обращении" митрополит Владимир предостерегал киевскую православную паству по поводу еще одного настроения, которое ясно обнаружилось тогда в известной части ее на упомянутом епархиальном съезде 12 апреля и которое он, со своей стороны, квалифицировал как бедствие.

"К общему бедствию по всей земле русской, — писал митрополит Владимир в своем "Архипастырском обращении", — присоединяется еще наше местное, увеличивающее немало душевную скорбь. Я говорю о том настроении, которое появилось в Южной России (Украине. — *Ред.*) и грозит нарушением церковного мира и единства. Для нас страшно даже слышать, когда говорят об отделении Южно-Русской Церкви от единой Православной Российской Церкви. После столь продолжительной совместной жизни имеют ли для себя какие-либо разумные основания эти стремления? Откуда они? Не из Киева ли шли проповедники Православия по всей России? Среди угодников Киево-Печерской Лавры разве мы не видим пришедших сюда из различных мест Святой Руси? Разве православные Южной России не трудились по всем местам России как деятели церковные, ученые и на различных других поприщах, и, наоборот, православные Севера России не подвизались ли также на всех поприщах в Южной России? Не совместно ли те и другие созидали единую великую Православную Российскую Церковь? Разве православные Южной России могут упрекнуть православных Северной России, что последние в чем-

либо отступили от веры или исказили учение веры и нравственности? Ни в каком случае. *На основании своего личного опыта свидетельствую, что во всех тех епархиях и митрополиях, в которых Господь сподобил меня служить, везде в чистоте и неизменности сохраняется учение православной веры и нравственности, везде единство в церковном учении, Богослужении и обрядах.* К чему же стремление к отделению? К чему оно приведет? Конечно, только порадует внутренних и внешних врагов. Любовь к своему родному краю не должна в нас заглушать и побеждать любви к единой Православной Русской Церкви".

"Архипастырское обращение" заканчивалось призывом духовенства и мирян "поддерживать всеми мерами единение между собою и со всею Православною Русскою Церковью", а также отнестись к предстоявшему епархиальному съезду "серьезно и с должною подготовкою, основательно обсудить предложенные вопросы, вынести постановления правильные, законные, полезные, заслуживающие немедленного осуществления..."

Так смотрел митрополит Владимир на предстоящий епархиальный съезд и так он, со своей стороны, старался подготовить свою паству к этому съезду, которому он, очевидно, придавал самое серьезное значение. Но съезд, состоявшийся 8-9 августа 1917 года, на самом деле прошел в другом направлении и, помимо всего прочего, доставил Владыке много скорби и сильных, мучительных страданий.

Сам архипастырь, призывавший пастырей и пасомых "относиться к своим великим обязанностям (активного участия в церковном епархиальном управлении) терпеливо, избегая вражды и разделений", потерпел много тяжких обид и огорчений во время августовского съезда. На одном из собраний его (9-го августа) он был так оскорблен и так расстроен, что тяжело заболел и вынужден был внезапно оставить собрание, в котором дерзко и публично истолковали уход митрополита как бегство и выражение невнимания его к собранию. А между тем архипастырь, возвратившись к себе в лаврские покои, почувствовал себя так плохо, что в течение нескольких часов пролежал недвижимым, причем производил на окружающих впечатление умершего или, во всяком случае, близкого к смерти человека.

В августе 1917 года митрополит Владимир выехал из Киева в Москву, где принимал участие в деятельности открывшегося 15 августа Всероссийского Православного Церковного Собора. За время отсутствия архипастыря произошли значительные события в жизни Киевской митрополичьей епархии, стоявшие в тесной связи с переменами общеполитическими.

До половины октября в России управляло общегосударственными делами т. н. Временное правительство, организовавшееся сейчас же после государственного переворота, имевшего место в феврале — марте 1917 года. Правительство Украины находилось в известном контакте с общегосударственным Временным правительством России. В согласии с этим последним украинское правительство подготавливало организацию автономной Украины на основе федерации.

Но в конце октября 1917 года произошел в России новый государственный переворот, сопровождавшийся низвержением Временного правительства. Этот переворот должен был иметь и действительно имел весьма серьезные последствия для молодой Украины, открыв перед нею широкие перспективы не просто автономии, но и полной самостоятельности, независимости.

Все эти события должны были, разумеется, отразиться и в церковно-духовных сферах. Прежде возникшие организации и учреждения, не получившие реализации, главным образом, вследствие противодействия им со стороны митрополита Владимира, теперь приняли новую формацию, хотя личный состав их, за небольшими исключениями, остался прежний.

В середине ноября 1917 года в Киеве организовался на основании постановления бывшего раньше Третьего Войскового съезда особый комитет по созыву Всеукраинского Православного Церковного Собора духовенства и мирян. Во главе комитета стал бывший архиепископ Владимирский Алексий (Дородницын), проживавший на покое в Киево-Печерской Лавре. В состав комитета вошли некоторые представители киевского городского духовенства (о. о. Липковский, Тарнавский, Филиппенко и др.), принимавшие деятельное участие в прежде упоминавшихся организациях, например, Исполнительном комитете, Церковном совете при Киевском митрополите, церковном комитете и др. Организационный комитет выделил из себя особую комиссию.

Как видно, организованный Третьим Войсковым съездом комитет призван был заняться специально делом созвания Всеукраинского Православного Церковного Собора, без сомнения, на основаниях, вполне отвечающих требованиям канонов Святой Православной Церкви. Но комитет, руководимый своим председателем, в первые же дни деятельности значительно расширил свою компетенцию и повел дело, порученное ему, быстрым темпом. Так, в собрании своем, состоявшемся 23 ноября 1917 года, комитет, "обсудив положение Православной Церкви на Украине в настоящее время, как время отделения украинского государства от русского государства, а также имея в виду провозглашение Всероссийского Патриарха, который может распространить свою власть и на Украинскую Церковь", принял целый ряд постановлений, которые, в случае их

осуществления, должны были радикально изменить характер и задачи деятельности комитета.

Вновь образовавшиеся, или точнее — переименовавшиеся организации и их деятели были настроены весьма неприязненно в отношении к митрополиту Владимиру. В одном из заседаний Воскресенского братства открыто велись "речи о том, чтобы не допускать в Киев митрополита Владимира".[1])

Подобная агрессивная деятельность противников митрополита Владимира чрезвычайно встревожила все православное население г. Киева. 24 ноября 1917 года состоялось общее многолюдное собрание Союза приходских православных советов г. Киева. Собрание постановило всеми силами протестовать против самочинной антиканонической попытки создать автокефальную Украинскую Церковь, что может привести ее сначала к унии, а потом и к полному подчинению ее папе Римскому. Вместе с тем то же собрание православных киевлян признало "пребывание Киевского митрополита вне Киева в такое тревожное время *нежелательным* явлением".

Все такие действия и выступления противников митрополита Владимира из среды киевского городского духовенства, по-видимому, являлись с их стороны ответом на непоколебимую стойкость архипастыря, охранявшего порядок церковного устройства и управления, основанного на канонах и на действующем церковном праве. Незадолго перед этим по приходам Киевской епархии стали рассылаться разные распоряжения, в том числе и *распоряжения о церковном поминовении Всеукраинской Церковной Рады*, возглавляемой архиепископом Алексием (Дородницыным), что было расценено Владыкою Владимиром нарушением церковных канонов.

Неприязненные выступления духовных лиц, собравшихся в Церковной Раде, возглавляемой и руководимой вышеупомянутым архиепископом Алексием (Дородницыным), против престарелого и больного митрополита продолжались и далее. Например, вскоре в одну из ночей, между 10 и 12 часами ночи, в лаврскую квартиру Владыки Владимира явился член Церковной Рады священник Фоменко, в сопровождении военного, и с неожиданною ласковостью стал предлагать ему *патриаршество в Украинской Церкви*. Митрополит выразил удивление по поводу такой перемены: то от него требуют в три дня уехать из Киева, то предлагают быть украинским патриархом. Но через несколько минут секрет этой ласковости открылся: ночные посетители *потребовали*, чтобы хозяин выдал из средств митрополичьего дома *сто тысяч рублей*. И когда митрополит заявил, что эти средства принадлежат всей епархии, которая

[1]) Газ. "Кіевлянинъ", 1917, № 255.

одна только и может распоряжаться ими, то поведение гостей радикальио изменилось и сделалось настолько угрожающим в отношении к одинокому архипастырю, что он поспешил пригласить через келейника монастырскую братию, "чтобы удалить непрошенных ночных посетителей, но последние куражились в митрополичьих покоях еще часа полтора".[1])

О душевном состоянии митрополита Владимира в это тяжкое для него время красноречиво говорит следующий рассказ свидетеля-очевидца. Архипастырь 12 декабря 1917 года во время приема обратился к последнему с такими словами: "Я никого и ничего не боюсь. Я во всякое время готов отдать свою жизнь за Церковь Христову и за веру Православную, чтобы только не дать врагам ее посмеяться над нею. Я до конца буду страдать, чтобы сохранилось Православие в Руси там, где оно началось..." Сказав эти слова, архипастырь горько заплакал.

Посреди такой напряженной обстановки митрополит Владимир должен был участвовать в приготовлениях всего необходимого для открытия Украинского Церковного Собора. К этому последнему архипастырь относился, без сомнения, совершенно отрицательно. Вообще Собор по вопросам, касающимся устройства украинских епархий, он считал необходимым. Но затею вышеупомянутой Украинской Церковной Рады созвать Собор по ее плану и программе он признавал преждевременною и безусловно неполезною. Владыка Владимир отнюдь не был противником украинского политического движения н украинской политической независимости, но в то же время готов был всеми силами души отстаивать и, действительно, как видно из предсмертного обращения его к киевской пастве, отстаивал идею церковного единства. С другой стороны, митрополит Владимир решительно не боялся потери для себя Киевской митрополичьей кафедры, хотя в откровенной беседе с окружающими высказывался, что он решительно не может и не считает себя вправе покинуть свой духовный сторожевой пост сам собою в такое страшное и ответственное время, переживаемое тогда. Вот почему он так стремился получить какой-либо *легальный* документ, который давал бы ему право оставить трудную и мучительную службу духовного кормчего Киевской епархиальной Церкви. Можно быть уверенным, что если бы законное правительство Украины предложило ему оставить Киевскую митрополичью кафедру, то он сделал бы это, но требованиям группы людей, собравшихся в Украинской Церковной Раде под главенством архиепископа Алексия (Дородницына), которого он считал величайшим и тяжким церковным преступником и мятежником, он не подчинился бы даже под угрозою лишения

---

[1]) Газ. "Кіевлянинъ", 1917, № 284.

жизни, которою он не дорожил, что и доказал своею мученическою смертию, которой он мог легко избежать, если бы захотел прятаться.

7-го января 1918 года митрополит Владимир после Литургии и молебна на Софийской площади сказал открывавшемуся Украинскому Церковному Собору приветствие, которое закончил импровизациею — молитвою к Богу о ниспослании благословения на труды Собора. На другой день, открывая деяния Собора в зале религиозно-просветительного общества, митрополит Владимир произнес вдохновенную речь, в которой призывал членов Собора к осторожной, серьезной и вдумчивой работе в духе мира, любви и единения со всей Православною Восточною Церковью вообще и в особенности — с Всероссийскою Православною Церковью. Начавшаяся в Киеве гражданская война, ожесточенный обстрел Печерска и Лавры сделали невозможной работу Украинского Церковного Собора.

В последние дни жизни митрополита Владимира ко всем описанным жизненным неприятностям, огорчениям и оскорблениям его присоединилось еще чрезвычайное нервное потрясение, перенесенное им под влиянием происходившей в Киеве вооруженной борьбы украинских и большевистских войск. Гражданская война сопровождалась тяжкими последствиями для Киево-Печерской Лавры и закончилась чрезвычайною мученическою кончиною ее священноархимандрита. Архипастырь мужественно переносил посланное свыше Киеву испытание, ничем наружно не показывал своего действительного душевного состояния, совершал, по обыкновению, церковные службы, и только частые молитвенные восклицания и вздохи его говорили окружающим, что старец-митрополит сильно страдает...

Первые признаки Гражданской войны, начавшейся в Киеве, дали знать о себе в Лавре 15 января. В этот день в Лавру залетел артиллерийский снаряд, к счастию, не причинивший никаких разрушений. 16 января в Лавру стали попадать ружейные пули, видимо, издалека, почему они и не причинили никому вреда.

17 января, в среду, во время непрерывного свиста ружейных пуль, треска пулеметов и гула орудий митрополит Владимир совершал в Великой церкви Лавры, перед Литургией, Акафист Успению Божией Матери в сослужении с епископами — Феодором Прилукским и Пименом Балтским и старшею братиею Лавры. На всех производило впечатление то особенное внешнее спокойствие, с каким держал себя во время Богослужения старец-митрополит. В этот день в Лавру попал один артиллерийский снаряд, произведший сравнительно незначительные повреждения.

18, 19 и 20 января на территорию Лавры залетали по временам пули и артиллерийские снаряды, которые стали причинять более существенные повреждения различным лаврским зданиям.

21 января, в воскресенье, когда в Киеве несколько стихла канонада, митрополит Владимир совершал Божественную Литургию в Великой церкви Лавры в сослужении старшей братии Лавры.

22-го января начался ружейный и орудийный обстрел Киева большевиками со стороны Дарницы. Пули и снаряды стали чаще попадать на территорию Лавры. В ночь на 23 января 1918 года происходила сильная канонада. Большевики стали обстреливать Киев со стороны Дарницы. В начале 9-го часа утра 23 января Лавра оказалась под сильнейшим и ожесточеннейшим обстрелом большевиков со стороны Дарницы и Никольских Слободок. Озлобление большевиков против Лавры вызвано было, как впоследствии оказалось, донесениями большевистских разведчиков о том, будто с Лаврской колокольни производятся наблюдения и стрельба из пулеметов по большевикам. В действительности, разумеется, ничего подобного не было.

В этот день в Лавру попало неисчислимое количество артиллерийских снарядов и пуль — шрапнельных и ружейных, которыми были произведены весьма значительные повреждения в различных зданиях Лавры, причем пострадали существенно даже такие сооружения, которые уцелели во время татарского разорения Киева и Лавры в 1240 году.

Во время ожесточенной канонады 23 января ужасающее впечатление на всех произвело одно из попаданий в Лавру. Над южными дверями, ведущими со двора в Крестовоздвиженскую церковь, на Ближних пещерах, находилась икона Казанской Божией Матери. В эту икону попала шрапнельная пуля, пробила в стекле отверстие и углубилась в икону на том месте, где приходится сердце Богомладенца. Вид этой иконы производил потрясающее впечатление на верующих богомольцев. Даже некоторые большевики в изумлении останавливались впоследствии перед этою иконою...

К вечеру 23-го января большевики овладели Лаврою, и тогда в ней начались такие дикие насилия и проявления варварства, перед которыми меркнут известные из древних летописей сказания о грабежах и насилиях, производившихся дикими монголами во время разорения Киева и Лавры в 1240 году. Вооруженные толпы людей врывались в храмы с шапками на головах и папиросами в зубах, производили крик, шум и безобразия во время Богослужений, произносили невыразимые ругательства и кощунства над святынями, вламывались в жилища монахов днем и ночью, стреляли над головами смертельно перепуганных стариков, производили неописуемые осквернения святынь, избивали стариков, грабили что только попадалось под руку, останавливали монахов среди бела дня на дворе, заставляли их раздеваться и разуваться, обыскивали и грабили, издевались и секли нагайками, хватали случайно оказавшихся в то время в Лавре посторонних,

особенно военных — офицеров и генералов, предавали их жестокой смертной казни... Подобные насилия происходили в течение всего дня 24 января, когда со стороны города доносился сильный орудийный гул. Такими насилиями и открытыми угрозами — всех монахов перебить и перерезать или всех собрать в один корпус и взорвать на воздух — Лавра и все живущие в ней были совершенно терроризированы...

Митрополит Владимир внешне казался спокойным, крепился, мужался. До 23 января он жил в верхнем своем помещении и, оставаясь большею частию один, продолжал вести обычный образ жизни, занимаясь даже литературным трудом. 23 января ему посоветовали перейти в нижнее помещение, куда он пригласил с собою епископа Прилукского Феодора, который до того времени жил в квартире наместника и с которым он затем не разлучался до конца своей жизни. Вместе с ним митрополит Владимир сутки провел в алтаре нижнего храма во имя св. Михаила, первого митрополита Киевского.

24-го января, в среду, перед Литургиею, митрополит Владимир служил в Великой церкви Акафист Успению Божией Матери. Чтение Акафиста митрополитом, по наблюдению сослуживших ему, отличалось особенною проникновенностию и задушевностию.

Ночь на 25 января вся Лавра проводила без сна, в сильнейшей тревоге. Всю ночь братия оставались в храме на молитве, причем непрерывно служились молебны и пелись акафисты. Митрополит Владимир также всю ночь бодрствовал. Особенно поразило всех нападение в эту ночь четырех вооруженных мужчин и одной женщины, в одежде сестры милосердия, на квартиру наместника. Они произвели тщательный обыск, забрали некоторые ценные вещи, ели, пили чай, а глубокой ночью трое из них выходили "на разведку", во время которой ограбили деньги у казначея и благочинного...

С раннего утра 25 января начались новые насилия и грабежи в Лавре Об этом сообщили коменданту, который поместился в одном из корпусов лаврской странноприимницы и который распорядился тогда поставить караул у всех ворот Лавры. Лавра оказалась на полном осадном положении...

25 января около трех часов пополудни три вооруженных солдата осматривали лаврскую квартиру митрополита. Сам митрополит в это время был в нижних комнатах дома. Осмотрев тщательно все комнаты, причем келейник открывал все шкафы и ящики, они нашли ключ от несгораемой кассы. Келейник взял ключ у солдата и передал его через швейцара митрополиту, который, поднявшись наверх, сам открыл солдатам кассу. Осмотрев ее, солдаты забрали золотую медаль и ушли.

Вечером того же дня, в начале 7-го часа, в Экономические ворота Лавры вошли пять вооруженных людей. Один из них, одетый в черную кожаную

тужурку, был командиром других. Войдя в ворота, солдаты направились прямо к часовому, обратившись к которому командир грубо спросил: "Кто тебя здесь поставил?" Затем, обращаясь к монаху, стоявшему невдалеке, командир спросил: "Где митрополит живет? Мы его сегодня заберем". Матрос, обращаясь к монаху, сказал "Больше вы митрополита не увидите".

После шести с половиной часов вечера на парадном ходе митрополичьей квартиры раздались три резких звонка, и в открытую дверь вошли пять вооруженных солдат во главе с матросом. Матрос спросил: "Где Владимир митрополит? Мы желаем с ним переговорить". И, не ожидая ответа, 4 солдата пошли было прямо наверх, а один сел на диване в передней. Швейцар закричал вслед солдатам: "Митрополит не наверху, а внизу, пожалуйте сюда".

Швейцар прошел в нижнее помещение митрополита, куда за ним вошли убийцы. Митрополита здесь не оказалось, так как он был в помещении архимандрита Амвросия. Швейцар и солдаты пошли туда. Митрополит вышел в переднюю и, обращаясь к солдатам, спросил их: "В чем дело?". Его повели в нижнее его помещение. Туда вошли трое солдат, а один остался на карауле у дверей. Нельзя было слышать, о чем солдаты говорили с митрополитом. Но все-таки отдельные звуки долетали до слуха стоявших в передней, причем казалось, будто солдаты говорили с митрополитом о деньгах.

Через 5 минут митрополит с солдатами вышли. Митрополит был возбужден и, проходя мимо епископа Феодора и архимандрита Амвросия, сказал: "Вот, они хотят уже расстрелять меня..."

Швейцар подал митрополиту комнатную легкую рясу, и он пошел с убийцами наверх. Поднявшись на первую площадку лестницы, ведущей на верхний этаж, митрополит остановился и, обращаясь к сопровождавшим его убийцам, сказал: "Ну, господа, если вам угодно расстрелять меня, расстреливайте здесь же на месте, — я дальше не пойду". Матрос на это заметил грубо: "Иди!"

Наверху митрополита и трех сопровождавших его убийц встретил келейник, который открыл дверь в залу и после того подал митрополиту ключ, которым сам митрополит открыл дверь в спальню, куда вошел он и трое убийц, келейника же солдаты войти не пустили. В запертой спальне убийцы оставались с митрополитом около 15—20 минут. Что там происходило, остается неизвестным. Позже, когда убийцы увели митрополита из Лавры, келейники нашли в спальне, на полу, в разных местах комнаты разорванный шелковый шнурочек, ладанку и серебрянную нательную иконку.

После этого митрополит Владимир вышел из своей спальни, окруженный тремя солдатами, в рясе, с панагиею на груди и в белом клобуке. Келейник Филипп хотел подойти к нему под благословение, но матрос грубо оттолкнул

его, заметив: "Довольно кровопийцам кланяться, кланялись, будет..." Но келейник решительно стал подходить к митрополиту, который и сам приблизился к нему, благословил его, поцеловал и, пожав руку, сказал: "Прощай, Филипп!" Келейник после передавал, что митрополит был спокоен — словно шел на обычное служение Литургии.

Один из лаврских монахов видел, как убийцы вели митрополита через двор к Экономическим воротам. Митрополит шел, окруженный солдатами. Впереди всех шел матрос. Подойдя к углу Великой церкви, солдаты закурили папиросы. Митрополит, дойдя до главного входа в Великую церковь, остановился, обратился к храму и стал молиться. Потом, дойдя до Экономических ворот, он снова остановился, обратился к иконе святителя Николая и, перекрестившись, поклонился. Привратник — монах Софроний открыл обе половинки ворот и пропустил митрополита и его убийц, скрывшихся в ночном мраке...

На место расстрела его, видимо, привезли на автомобиле, хотя это место было совсем близко от Лавры. Митрополит попросил время на молитву, воздел руки кверху и сказал: "Господи! Прости мои согрешения — вольные и невольные и приими дух мой с миром". Потом он обеими руками крестообразно благословил своих убийц и сказал: "Господь вас благословляет и прощает". И, когда митрополит еще не успел опустить рук, раздались сначала три частых выстрела, и митрополит упал. Тогда убийцы подошли к митрополиту и в лежащего сделали еще несколько выстрелов. После акт медицинского осмотра тела убиенного митрополита свидетельствовал, что архипастыря-мученика расстреливали разрывными пулями и кололи холодным оружием.

Тело мученически скончавшегося митрополита Владимира оставалось на месте убийства до утра следующего дня. В Лавре узнали о трагической кончине митрополита от тех посторонних мирских людей, которые случайно проходили мимо того места, где совершилась ужасная драма, и затем явились в Лавру. Решено было тотчас же взять тело убиенного митрополита и перенести его в Лавру. Для этого нужно было, прежде всего, получить разрешение от тогдашней власти. Когда это разрешение и пропуск были получены, то лаврский архимандрит Анфим в сопровождении 4-х санитаров с носилками отправился к месту убийства, имея на груди епитрахиль и держа в руках крест и пропуск. Совершив краткую литию на месте кончины и положив тело на носилки, его перенесли в Михайловскую церковь, где убиенный митрополит проводил последние часы своей жизни.

Тело митрополита было по чину облачено в архиерейские одежды и положено посреди этой же церкви. Сейчас же по убиенному митрополиту наместником Лавры архимандритом Климентом вместе со старшею братиею Лавры была

отслужена панихида. В тот же и следующие дни служились заупокойные Литургии и панихиды — как в Лавре, так и в других храмах Киева.

29 января в 8 часов утра тело убиенного митрополита Владимира было положено в гроб и перенесено в Великую церковь Киево-Печерской Лавры. После заупокойной Литургии и совершения чина погребения тело убиенного на руках священнослужителей было обнесено вокруг храма и затем Крестным ходом перенесено на Ближние пещеры Лавры, где в Крестовоздвиженской церкви, в которой погребены бывшие Киевские митрополиты, было опущено в могилу.

На месте убиения митрополита Владимира вскоре после мученической кончины тайными почитателями почившего архипастыря был поставлен деревянный крест. Время от времени на кресте и вообще на месте убиения Владыки появлялись венки и живые цветы, неизвестно кем приносимые, преимущественно по ночам; по просьбе населения целых приходов совершались панихиды. Все это говорило о том, что сама народная совесть, смущаемая чрезвычайным преступлением, требовала такого или иного увековечения мученической кончины святого исповедника веры. Киевское городское духовенство, идя навстречу желанию киевской паствы, постановило устроить на месте мученической кончины митрополита Владимира часовню. Бури Гражданской войны и последовавшие за ней безбожные времена не дали воплотиться этому решению в жизнь.

Так закончилась многострадальная земная жизнь великого угодника Божия священномученика Владимира. Ныне же святый пребывает в безконечной жизни, предстоя Престолу Великого Архиерея, прошедшего Небеса, — Христа Спаса нашего; Ему слава во веки. Аминь.

Тропарь, глас д҃:

Иправом причастникъ, и престоломъ намѣстникъ Апостоломъ бывъ, дѣяніе обрѣлъ еси, Богодухновенне, въ видѣнія восходъ: сего ради Слово Истины исправляя, и вѣры ради пострадалъ еси даже до крове, священномучениче Владиміре. Моли Христа Бога, спастися душамъ нашимъ.

Кондакъ, глас д҃:

Во святителехъ благочестно поживъ, и мученія путь прошедъ, идольскія угасилъ еси жертвы, и поборникъ бывъ твоему стаду, Богомудре. Тѣмже, тя почитающе, тайно вопіемъ ти: отъ бѣдъ избави ны присно твоими мольбами, отче нашъ Владиміре.

АЛФАВИТЪ СВЯТЫХЪ,

коихъ житія и памяти помѣщены въ сей книгѣ

Имена святыхъ	дни	стр.
Авивъ мученикъ	29	911
Агавъ апостолъ	4	163
Агапій мученикъ	24	830
Агаѳангелъ * [1]) мученикъ	23	765
Агнія * мученица	21	725
Адамъ преподобный	14	440
Акила апостолъ	4	169
Акила * мученикъ	21	734
Амплій апостолъ	4	161
Ананія апостолъ	4	156
Ананія мученикъ	26	881
Анастасій Печерскій	22	764
Анастасій * преподобномуч.	22	745
Анастасій мученикъ	8	255
Андроникъ апостолъ	4	161
Антипа Пергамскій	4	175
Антоній * Великій	17	523
Антоній мученикъ	8	255
Апеллій апостолъ	4	162
Аполлинарія * преподобная	5	191
Аполлосъ апостолъ	4	167
Аристархъ апостолъ	4	168
Аристовулъ апостолъ	4	162
Аркадій * преподобный	26	860
Арсеній Керкирскій	19	646
Артема апостолъ	4	169
Архиппъ апостолъ	4	159
Асинкритъ апостолъ	4	163
Ахаикъ апостолъ	4	170
Аѳанасія * мученица	31	922
Аѳанасій * Великій	18	559
Аѳанасій мученикъ	4	181
Вавила мученикъ	24	830
Валеріанъ * мученикъ	21	734
Варнава апостолъ	4	155
Василидъ мученикъ	20	679
Василисса * мученица	8	239
Василій * Анкирскій	1	58
Василій Великій	1	15
Онъ же	30	912
Вассъ мученикъ	20	679
Веніаминъ преподобный	14	451
Викторинъ мученикъ	31	935
Викторъ мученикъ	31	935
Владимиръ * священномученикъ	25 прил.	957
Гавріилъ мученикъ	22	763
Гаій апостолъ	4	164
Гамаліилъ святый	4	172
Геннадій * Костромской	23	801
Георгій мученикъ	22	763
Георгій Хозевитъ	8	264
Гордій * мученикъ	3	141
Григорій * Богословъ	25	833
Онъ же	30	912
Григорій * Нисскій	10	292
Григорій * Печерскій	8	256
Григорій преподобный	5	204
Данактъ мученикъ	16	522
Димитрій святый	4	175
Діодоръ мученикъ	31	935
Діонисій Ареопагитъ	4	170
Дометіанъ * святитель	10	298
Домника * преподобная	8	262
Домнъ преподобный	14	443
Евгеній * мученикъ	21	734
Евдоксія * мученица	31	922
Еводъ апостолъ	4	166
Евсевій мученикъ	20	679
Евсевій преподобный	14	451
Евсевія см. **Ксенія**	24	817
Евстаѳій Сербскій	4	176
Евстратій * преподобный	9	288
Евтихій мученикъ	20	679
Евфрасія * мученица	19	644
Евѳимій * Великій	20	647
Елевсиппъ * мученикъ	16	510
Елладій мученикъ	8	271
Емиліанъ исповѣдникъ	8	272
Епафрасъ * апостолъ	4	159
Епафродитъ апостолъ	4	167

[1]) Звѣздочка, поставленная около имени святаго, означаетъ, что въ книгѣ помѣщено его изображеніе.

Имена святыхъ	дни	стр.
Епенетъ апостолъ	4	161
Ерастъ апостолъ	4	165
Ермилъ* мученикъ	13	385
Ермій апостолъ	4	164
Ермъ апостолъ	4	163
Ефремъ* Новоторжскій	29	903
Ефремъ* Переяславскій	29	900
Ефремъ* Сиринъ	28	890
Закхей мытарь	4	173
Зина апостолъ	4	168
Зинонъ преподобный	30	920
Зосима мученикъ	4	181
Игнатій Богоносецъ	4	174
Онъ же	29	906
Илія преподобный	8	270
Илія преподобный	14	451
Инна мученикъ	20	679
Ипатій преподобный	14	451
Иперихій мученикъ	29	911
Ипполитъ* священномученикъ	30	916
Иринархъ* Ростовскій	13	399
Иродіонъ (Родіонъ) апостолъ	4	162
Исаакъ преподобный	14	451
Исаія преподобный	14	427
Іаковъ апостолъ	4	152
Іаковъ мученикъ	29	911
Іаковъ* Низибійскій	13	392
Іасонъ апостолъ	4	164
Іеремія преподобный	14	439
Іероѳей Аѳинскій	4	174
Іоаннъ* безсребренникъ	31	922
Іоаннъ Златоустъ	27	883
Онъ же	30	912
Іоаннъ* Креститель	7	231
Іоаннъ* Кущникъ	15	491
Іоаннъ мученикъ	22	763
Іоаннъ* преподобный	26	860
Іосифъ Аналитинъ	14	433
Іосифъ Аримаѳейскій	4	172
Іосифъ Солунскій	26	882
Іосія (Іосифъ) апостолъ	4	155
Іуліанъ* мученикъ	8	239
Іуліанъ мученикъ	29	911
Кандидъ* мученикъ	21	734
Карпъ апостолъ	4	167
Картерій священномученикъ	8	269
Кельсій мученикъ	8	247
Кенсоринъ* мученикъ	30	916
Киръ* безсребренникъ	31	922
Клавдій мученикъ	31	935
Клеопа* апостолъ	4	155
Климентъ* Анкирскій	23	765
Климентъ апостолъ	4	166
Крискентъ апостолъ	4	160
Криспъ* апостолъ	4	160
Кодратъ апостолъ	4	168
Корнилій сотникъ	4	173
Ксенія (Евсевія)* преп.	24	817
Ксенія Петербургская* блажен.	24 прил.	946
Ксенофонтъ* преподобный	26	860
Куартъ (Квартъ) апостолъ	4	165
Лаврентій* Печерскій	29	907
Лазарь святый	4	171
Леонилла* мученица	16	510
Леонтій мученикъ	22	763
Леонтъ мученикъ	22	763
Линъ апостолъ	4	164
Лонгинъ сотникъ	4	173
Лука апостолъ	4	152
Лука мученикъ	29	910
Лукій (Лука) апостолъ	4	164
Мавсима преподобный	23	813
Макарій* Александрійскій	19	628
Макарій* Египетскій	19	592
Макарій Печерскій	19	646
Макарій преподобный	14	451
Македоній преподобный	24	831
Максимъ* исповѣдникъ	21	681
Малахія* пророкъ	3	148
Мануилъ мученикъ	22	763
Маркіанъ* преподобный	10	301
Маркъ апостолъ	4	152
Маркъ апостолъ	4	169
Маркъ (Іоаннъ) апостолъ	4	168
Маркъ преподобный	14	451
Марія* преподобная	26	860
Маръ преподобный	25	859
Мелевсиппъ* мученикъ	16	510
Мертій мученикъ	12	384
Мина преподобный	5	207
Михаилъ* Клопскій	11	334
Михей пророкъ	5	202
Моисей преподобный	14	431
Моисей преподобный другой	14	432
Мокій мученикъ	29	910
Наркиссъ апостолъ	4	162
Неофитъ* мученикъ	21	718

Имена святыхъ	дни	стр.
Никаноръ апостолъ	4	157
Никита* Новгородскій	31	930
Никифоръ мученикъ	31	935
Никодимъ святый	4	172
Нина* равноапостольная	14	453
Олимпанъ (Олимпъ)	4	165
Онисимъ апостолъ	4	159
Онисифоръ апостолъ	4	166
Павелъ* Комельскій	10	305
Павелъ* Ѳивейскій	15	484
Павелъ преподобный	14	440
Павлинъ* милостивый	23	795
Палладій преподобный	29	905
Пансофій мученикъ	15	505
Папій мученикъ	31	935
Паригорій мученикъ	29	911
Парменъ апостолъ	4	158
Пародъ мученикъ	22	763
Патровъ апостолъ	4	163
Петръ* Авесаламитъ	12	380
Петръ* апостолъ	18	506
Петръ мученикъ	22	763
Петръ мученикъ	26	881
Петръ Севастійскій	9	291
Пинна мученикъ	20	679
Поликарпъ Смирнскій	4	174
Поліевктъ* мученикъ	9	273
Поплій преподобный	25	858
Проклъ преподобный	14	446
Прохоръ апостолъ	4	157
Пудъ апостолъ	4	169
Римма мученикъ	20	679
Родіонъ см. **Иродіонъ**	4	162
Романъ мученикъ	29	911
Руфъ апостолъ	4	163
Савва* Сербскій	12	343
Савинъ мученикъ	30	916
Саламанъ преподобный	23	814
Самей пророкъ	9	290
Серапіонъ мученикъ		
Серафимъ* Саровскій	2	59
Сергій преподобный	14	440
Сила апостолъ	4	159
Силуанъ апостолъ	4	160
Сильванъ мученикъ	29	910
Сильвестръ Печерскій	2	140
Сильвестръ* п. Римскій	2	121
Симеонъ* апостолъ	4	155
Симеонъ (Нигеръ) апостолъ	4	170
Симеонъ ветхій	26	880
Синклитикія* преподобная	5	189
Сіоній мученикъ	22	763
Сосипатръ апостолъ	4	165
Сосѳенъ апостолъ	4	166
Спевсиппъ* мученикъ	19	510
Стахій апостолъ	4	161
Стефанъ апостолъ	4	156
Стефанъ преподобный	14	483
Стратоникъ* мученикъ	13	385
Татіана* мученица	12	338
Тертій апостолъ	4	165
Тимонъ апостолъ	4	158
Тимоѳей* апостолъ	4	158
Тимоѳей* апостолъ	22	738
Тимоѳей мученикъ	24	830
Титъ апостолъ	4	158
Тихикъ апостолъ	4	167
Трифена мученица	31	935
Трофимъ апостолъ	4	169
Урванъ апостолъ	4	162
Фелицата* мученица	25	856
Филимонъ апостолъ	4	158
Филиппъ апостолъ	4	157
Филиппъ* митрополитъ	9	279
Филологъ апостолъ	4	164
Филоѳей мученикъ	29	911
Флегонтъ апостолъ	4	163
Фортунатъ апостолъ	4	170
Фостирій преподобный	5	205
Хрисія* мученица	30	916
Ѳаддей апостолъ	4	156
Ѳеогенъ священномученикъ	2	139
Ѳеодосій Антіохійскій	11	333
Ѳеодосій* Великій	11	310
Ѳеодосій Тотемскій	29	905
Ѳеодотія* мученица	31	922
Ѳеодулъ преподобный	14	441
Ѳеодулъ преподобн. другой	14	452
Ѳеоктиста* мученица	31	922
Ѳеоктистъ преподобный	4	182
Ѳеона* мученикъ	5	183
Ѳеопемптъ* мученикъ	5	183
Ѳеофилъ мученикъ	8	271
Ѳеофилъ Новый	30	915

ПРАЗДНИКИ и ПАМЯТИ

	дни	стр.
Воспоминаніе Шестаго Вселенскаго Собора	23	815
Первое **избіеніе** * преподобныхъ Отцовъ въ Синаѣ и Раиѳѣ	14	427
Второе **избіеніе** преподобныхъ Отцовъ въ Синаѣ и Раиѳѣ	14	445
Крещеніе Господне *	6	208
Сказаніе о десной рукѣ св. Іоанна Крестителя	7	232
Слово на Богоявленіе (св. Іоанна Златоустаго)	6	213
Слово на Богоявленіе	6	217
Слово на **Обрѣзаніе Христово** *	1	5
Соборъ * св. Іоанна Крестителя	7	231
Соборъ свв. семидесяти апостоловъ	4	151
Соборъ трехъ святителей Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго	30	912
Перенесеніе мощей святаго Іоанна Златоустаго	27	883
Перенесеніе мощей священномученика Игнатія Богоносца	29	906
Второе **обрѣтеніе** мощей преподобнаго Серафима Саровскаго	2 прил.	939
Поклоненіе * честнымъ веригамъ святаго Апостола Петра	16	506